3 1761 08821008 3

LR
M2655B

Mamin, Dmitry Narkisovich

Д. Н. МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Polnoe sobranie sochineny

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА
И КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ П. В. БЫКОВА

163c-1

ТОМЪ ШЕСТОЙ

(V 6)

494381

7.7.49

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ ✻ ПЕТРОГРАДЪ

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1916 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29

ВЕСЕННІЯ ГРОЗЫ.

Романъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

День выдался сѣренькій и дождливый, какіе бываютъ въ началѣ августа когда еще не успѣла установиться настоящая крѣпкая осень. Губернскій городъ Шервожъ совершенно потонулъ въ грязи, особенно его окраины, гдѣ тянулись рядами такіе низенькіе домишки. Самымъ грязнымъ мѣстомъ во всемъ городѣ былъ такъ называемый Черный рынокъ. Отъ Чернаго рынка тянулась самая грязная улица, Веселая, которая заканчивалась городскимъ предмѣстьемъ, Теребиловкой. Недалеко отъ Чернаго рынка на Веселой стоялъ низенькій деревянный домикъ въ три окна, на воротахъ котораго была прибита жестянка съ надписью: „Домъ канцелярскаго служителя Петра Аѳанасьича Клепикова". Въ ненастную погоду этотъ деревянный домикъ какъ-то чернѣлъ, дѣлался ниже и вообще терялъ всякую привлекательность. Маленькія окна потѣли, а въ низенькихъ комнаткахъ водворялся какой-то томительный полусвѣтъ. Именно сегодня былъ такой день, и именно сегодня въ домикѣ Клепикова было особенно уныло.

Въ окнѣ этого домика цѣлое утро мелькало блѣдное личико восьмилѣтней дѣвочки Кати. Бѣлокурая головка то и дѣло льнула къ стекламъ и заглядывала въ тотъ конецъ Веселой улицы, откуда должна была вернуться мать.

— Мама ушла на экзаменъ...—повторяла дѣвочка маленькому трехлѣтнему братишкѣ, цѣплявшемуся за ея ситцевое платье.—Мама скоро придетъ, Пѣтушокъ. И Сережа придетъ вмѣстѣ съ мамой...

Пѣтушокъ изъ этихъ объясненій понималъ только одно, именно, что мама ушла, слѣдовательно онъ имѣетъ полное право капризничать. Его пухлая рожица уже нѣсколько разъ настраивалась самымъ кислымъ образомъ и готова была огласить скромное жилище благимъ матомъ. Восьмилѣтняя Катя всѣми правдами и неправдами старалась предупредить грозившую катастрофу, потому что вернется мама съ экзамена, и ей будетъ непріятно видѣть Пѣтушка съ опухшими отъ слезъ глазами. Сознаніе своей отвѣтственности придавало Катѣ необыкновенно серьезный видъ, и она говорила съ Пѣтушкомъ, поддѣлываясь къ тону матери—полушутливо и полусерьезно.

— Мама скоро придетъ...—въ сотый разъ повторяла дѣвочка, перебѣгая отъ окна къ ребенку.—Папа на службѣ, а мама на экзаменъ ушла.

— Мма-а...—вытягивалъ Пѣтушокъ одну жалобную ноту, какъ готовый закипѣть самоваръ.

Дѣвочка щебетала съ братишкой, какъ птица. Она разсказывала ему сказки, три раза спѣла тоненькимъ голоскомъ пѣсенку про козлика, который жилъ у бабушки „вотъ какъ“, показывала зайчика изъ пальцевъ и т. д. Упрямый Пѣтушокъ хныкалъ, куксился и кончилъ тѣмъ, что наконецъ разревѣлся. Катя въ отчаяніи принялась таскать его на рукахъ по комнатѣ, невольно сгибаясь подъ этой непосильной тяжестью, цѣловала его и наконецъ обратилась къ послѣднему средству, которое изобрѣла сама: посадивъ Пѣтушка на диванъ, она начинала снимать съ него сапожки и чулки, а потомъ снова надѣвала ихъ. Эта невинная продѣлка успокоивала ребенка и даже смѣшила, когда она брала его за голенькія ножки. Такъ было и теперь. Маленькій плакса улыбался, а вмѣстѣ съ нимъ смѣялось и другое дѣтское личико, полное недѣтской тревоги и заботы. Ее красило именно сознаніе своей отвѣтственности и чувство того смутнаго материнства, которое у дѣвочекъ скрыто въ каждой куклѣ.

— Ахъ, какъ долго!..—вырвалось наконецъ у Кати, когда ей надоѣло подбѣгать къ окну,—ей самой хотѣлось заплакать.

Но въ моментъ такого изнеможенія хлопнула калитка, чьи-то ноги быстро вбѣжали на крылечко, а затѣмъ распахнулась дверь, и въ комнату ворвался мальчикъ лѣтъ десяти. Онъ вбѣжалъ прямо въ калошахъ и въ фуражкѣ, повторяя одно слово:

— Поступилъ... поступилъ... поступилъ!..

— Сережка, да ты и то съ ума сошелъ: сними калоши-то!—послышался въ передней ворчливый женскій голосъ.

Въ другой разъ Сережѣ сильно досталось бы за его вольнодумство, но теперь онъ не обращалъ никакого вниманія на слова матери и продолжалъ бѣгать по комнатѣ въ калошахъ. Марѳа Даниловна слишкомъ была счастлива, чтобы учинить немедленную расправу съ вольнодумцемъ. Она прошла прямо къ переднему углу, положила передъ иконой три земныхъ поклона и начала молиться. Дѣти инстинктивно притихли, чувствуя, что совершается что-то необыкновенное. Сережа стоялъ посреди комнаты въ своихъ калошахъ и не зналъ, что̀ ему дѣлать—молиться или снимать калоши. Катя торопливо крестилась, строго глядя на брата. Пѣтушокъ уцѣпился за мать и недоумѣвалъ, слѣдуетъ ему заревѣть или не слѣдуетъ.

— Слава Богу!—вслухъ проговорила Марѳа Даниловна, кончивъ молитву.

Оглянувшись, она увидѣла, что Катя спряталась за диваномъ и горько плакала.

— Ты это о чемъ, дурочка?—ласково спросила Марѳа Даниловна.

— Мама, я такъ... — бормотала дѣвочка, стараясь улыбнуться сквозь слезы.—Мнѣ такъ хорошо...

Катя не умѣла объяснить, что̀ она сейчасъ чувствовала, но это не мѣшало ей понимать всю торжественность происходившаго. Марѳа Даниловна молча обняла дочь и молча поцѣловала ее въ голову, что̀ случалось съ ней очень рѣдко,—она держала дѣтей строго и не любила нѣжностей. Сейчасъ мать и дочь понимали другъ друга, какъ взрослые люди.

— У меня будетъ синій мундиръ съ серебряными пуговицами,—хвастался Сережа, размахивая руками.—И кепка и шинель... да.

Мальчикъ прищелкнулъ языкомъ, а потомъ показалъ его сестрѣ самымъ обиднымъ образомъ.

— Сережка, ты, кажется, послѣдняго ума рѣшился?—окрикнула Марѳа Даниловна и прибавила ласково:—устала я до смерти, Катя... бѣги въ кухню, поставь самоварчикъ.

Поступленіе Сережи въ гимназію для семьи Клепиковыхъ было настоящимъ праздникомъ. Марѳа Даниловна даже позабыла перемѣнить парадное шерстяное платье на ситцевое, какъ это случалось только въ Пасху или Рождество. Маленькой Катѣ именно такъ и казалось, что у нихъ большой праздникъ, нѣтъ, больше—теперь все будетъ другое.

Чай прошелъ самымъ веселымъ образомъ и тоже по-праздничному. Обыкновенно Марѳа Даниловна выпивала свои двѣ чашки урывками, между дѣломъ, а теперь сидѣла и разговаривала. У ней явилась потребность выговориться. Душа была слишкомъ полна. Въ обыкновенное время она рѣдко разговаривала съ Катей, а теперь говорила съ ней, какъ съ большой. Дорогой въ гимназію она начерпала грязи въ калошу—это хорошій знакъ. Сережа струсилъ, а въ пріемной чуть не подрался съ чиновничьимъ сыномъ Печаткинымъ—тоже мать привела на экзаменъ. Ничего, славная такая женщина, разговорчивая. Сейчасъ съ швейцаромъ познакомилась и шепнула потихоньку, что гимназисты зовутъ старика-директора генераломъ „Не-мнѣ“,—все-то она знаетъ, эта Печаткина. Обо всемъ успѣли переговорить, пока дожидались очереди, да еще принесло тутъ жену управляющаго контрольной палатой m-me Гавличъ. Вся въ шелку, такъ и шуршитъ... Сунула швейцару цѣлый рубль, ну, ее не въ очередь и пустили. Богатые-то всегда впереди... А Печаткина, надо полагать, такая же голь перекатная, какъ и мы, грѣшные. Потомъ поповича привели, по фамиліи Кубовъ—попикъ такой бѣдненькій, боязливый, всѣмъ кланяется. А поповичъ бойкій, и все кулаки показывалъ Сережѣ.

— Это все будутъ Сережины товарищи,—любовно замѣтила Марѳа Даниловна, съ нѣкоторой гордостью поглядывая на своего любимца.—Въ гимназію только поступить, а тамъ всѣ равны—и богатые и бѣдные. Нужно только учиться... Ну, Печаткина-то—ее Анной Николаевной звать—первая проскользнула къ директору, а мнѣ пришлось еще подождать. Ужъ такъ это тяжело ждать, Катя!.. Потомъ выходитъ Анна Николаевна, веселая такая, а у самой на глазахъ слезы—и смѣется и плачетъ отъ радости, что опредѣлила своего-то оболтуса. Ну, потомъ ужъ мы съ Сережей пошли... Не помню, какъ и въ кабинетъ вошла. Директоръ сѣдой такой, лицо сердитое и голосъ сердитый, а глаза добрые. Увидалъ Сережу и говоритъ: „Ну, бутузъ, что ты мнѣ принесъ?“ А Сережа...

— Мама, я не струсилъ...—хвастался Сережа, припадая всѣмъ лицомъ къ блюдечку съ горячимъ чаемъ.—Даже нисколько не струсилъ!..

— Не ври...—остановила Марѳа Даниловна.—Еще какъ струсилъ-то, Катя. Ну, да ничего, все сошло благополучно... Директоръ похвалилъ за молитвы.

Маленькая Катя слушала эти разговоры съ раскрытымъ ртомъ, боясь проронить хоть одно слово. Лицо у мамы сегодня такое доброе... Марѳѣ Даниловнѣ было за тридцать. Это была высокая женщина того крѣпкаго, худощаваго склада, который не знаетъ износу. Длинное и неправильное лицо сохраняло еще слѣды недавней свѣжести, но было сдержанно и строго, какъ у всѣхъ людей, видавшихъ и нужду, и заботу, и неустанный трудъ. Темныя брови и гладко зачесанные темные волосы придавали ей немного монашескій видъ, особенно, когда она покрывала голову темной шалью. Отъ волненія и выпитаго чая лицо Марѳы Даниловны разгорѣлось, и она казалась маленькой Катѣ такой красивой.

— И мы, мама, тоже будемъ богатыми?—неожиданно спросила дѣвочка.

— То-есть какъ это: богатые?

— А какъ же? Ты сама сказала, что только поступить въ гимназію, а тамъ всѣ равны...

— Какія ты глупости болтаешь, Катя!..

— Мама, а я сегодня похожу въ этой курточкѣ?—вмѣшался Сережа, занятый своими мыслями.

— Какъ хочешь... Теперь ужъ все равно: надо будетъ заводить форму, а твоя курточка пойдетъ Пѣтушку.

Не допивъ чаю, Сережа безъ шапки бросился прямо на улицу, чтобы сообщить новость своимъ уличнымъ пріятелямъ. Это были сосѣди, дѣти сапожника—Пашка и Колька. Весной они вмѣстѣ играли въ бабки, лѣтомъ бѣгали купаться, осенью спускали змѣйки, а зимой катались на конькахъ. Сережа, торопливо глотая слова, разсказалъ пріятелямъ о своемъ поступленіи въ гимназію и, конечно, не преминулъ похвастаться тѣмъ, что у него будетъ „кепка“ и синій мундиръ съ серебряными пуговицами. Чумазыя и взъерошенныя сапожничьи дѣти отнеслись къ этой новости довольно скептически, потомъ переглянулись и хихикнули самымъ обиднымъ образомъ.

— Съ свѣтлыми пуговицами, говоришь?—ехидно переспросилъ Колька, засовывая озябшія руки подъ рубаху и поскакивая съ ноги на ногу.—И кепка?

— Настоящій курячій исправникъ будешь...—прибавилъ задорный Пашка, первый забіяка и драчунъ.

— Ну, ты не больно...—обидѣлся Сережа.

— Чего не больно-то?.. Ты тоже не задавай...—началъ задорить Пашка, вставая въ первую позицію.—Колачивали мы со свѣтлыми-то пуговицами, только стружки летятъ... На льду всегда драчишки бываютъ, такъ я каждый разъ всю харю съ пуговицами-то раскровяню.

Сережа былъ сегодня слишкомъ счастливъ, и эти капли холодной воды вывели его изъ себя. „Курячій исправникъ“, „не задавай“, „всю харю съ пуговицами раскровяню“—это хоть кого выведетъ изъ себя. Слово за слово, произошла легкая размолвка, а потомъ началась и настоящая драка. Въ азартѣ Сережа не сообразилъ, что онъ одинъ, и потерпѣлъ быстрое и жестокое пораженіе. Онъ не успѣлъ мигнуть, какъ уже лежалъ на землѣ, а сапожничьи дѣти сидѣли на немъ верхомъ и обрабатывали его кулаками съ большой ловкостью. Затѣмъ друзья улизнули, а Сережа вернулся домой въ разорванной курточкѣ и съ подбитымъ глазомъ.

— Теперь ужъ тебѣ нужно бросить эти глупости,—повторяла Мареа Даниловна. — Ну какіе тебѣ товарищи Пашка и Колька? Теперь ты гимназистъ... У тебя будутъ другіе товарищи...

Будущій гимназистъ имѣлъ самый жалкій, растерзанный видъ и горько плакалъ, вытирая глаза кулакомъ. Катѣ часто приходилось терпѣть отъ него разныя непріятности, но въ данномъ случаѣ она отнеслась къ постигшему несчастію очень сочувственно.

— Не плачь, Сережа.

Сережа зло посмотрѣлъ на нее и показалъ кулакъ.

II.

Глупая драка Сережи съ уличными мальчишками взволновала Мареу Даниловну, да и вообще сегодня у нея все какъ-то валилось изъ рукъ. Кухарки Клепиковы не держали, и Мареа Даниловна все дѣлала по дому сама. Сегодня она и печку затопила позже, чѣмъ слѣдовало, и вчерашнія щи пере-

сопила, и старый заслуженный горшокъ разбила. Кухня помѣщалась внизу и выходила двумя маленькими оконцами на дворъ. Въ ней было и низко и темно, но Мареа Даниловна какъ-то раньше этого не замѣчала, а теперь нѣсколько разъ стукнула концомъ ухвата въ шкапикъ съ посудой, уронила лукошко съ мукой и наконецъ разсердилась.

— Никакъ ослѣпла отъ радости...—ворчала она.

Эти маленькія неудачи, какими разрѣшается иногда слишкомъ большое счастіе, были забыты съ приходомъ главы дома, Петра Аѳанасьевича. Онъ приходилъ ровно въ три часа. Это былъ средняго роста некрасивый, плечистый господинъ, съ некрасивымъ лицомъ и добрыми сѣрыми глазами. Форменный вицмундиръ, сооруженный хозяйственнымъ способомъ дома, всегда сидѣлъ на немъ мѣшкомъ, точно съ чужого плеча. На локтяхъ и по швамъ вицмундиръ всегда лоснился, точно его кто облизалъ... Несмотря на свои сорокъ лѣтъ, Петръ Аѳанасьевичъ ходилъ немного сгорбившись и вѣчно потиралъ свои большія холодныя руки, точно ему постоянно было холодно. Изъ дѣтей онъ больше другихъ любилъ Катю, и дѣвочка первая всегда его встрѣчала.

— Поступилъ... папочка, поступилъ!..—кричала Катя, встрѣчая отца по обыкновенію въ передней.—А Сережу сапожничьи дѣти отколотили, папа... Сѣли на него верхомъ и колотятъ. Я пожалѣла Сережу, а онъ мнѣ кулакъ показалъ...

— Такъ, такъ...—ласково повторялъ Петръ Аѳанасьевичъ, бережно устанавливая новыя резиновыя калоши въ угломъ.—Такъ... Отмѣнно. Кто же кого колотилъ—директоръ Сережу или Сережа директора?

— Ахъ, какой ты, папа: это сапожниковы дѣти...

— Директора?

— Да нѣтъ, говорятъ тебѣ...

Катя сердилась и тащила отца за одну руку, а Пѣтушокъ повисъ на другой. Петръ Аѳанасьевичъ улыбался такой хорошей доброй улыбкой. Поправивъ на вѣшалкѣ свое форменное осеннее пальто, онъ спросилъ:

— А гдѣ у насъ мать?

Онъ зналъ, что жена въ кухнѣ, но всегда задавалъ этотъ вопросъ. Сережа спрятался въ свою комнату и вышелъ только къ обѣду.

За обѣдомъ Мареа Даниловна разсказала еще разъ все, что видѣла, слышала и пережила сегодня, припоминая разныя подробности, и по нѣскольку разъ повторяла одно и то же. Катя помогала ей, напоминая порядокъ, въ которомъ слѣдовали событія. Много мѣста было отведено новому знакомству съ Печаткиной.

— Она славная такая, эта Анна Николаевна,—повторяла Мареа Даниловна.—Сама подошла ко мнѣ. Я-то въ простой наколкѣ была, какъ мѣщаночка, а она и въ мантильѣ и въ шляпѣ. Положимъ, шляпка не важная, а все-таки настоящая дама...

— Печаткинъ въ земствѣ служитъ? Да, встрѣчалъ... Такой бойкій. Такъ, такъ... А тебя вздули, Сережка?—обратился онъ къ сыну.

— Они меня, папа, курлячьимъ исправникомъ зовутъ...—слезливо отвѣтилъ Сережа.—Я Пашку самъ вздую... Ихъ было двое, а я одинъ.

— Ну, если двое, такъ Богъ тебя проститъ. Такъ, такъ... Значитъ, курлячій исправникъ? Ахъ, разбойники...

Серьезная Мареа Даниловна тоже не могла удержаться отъ смѣха, хотя и закусывала губы, чтобы не расхохотаться. Катя и Пѣтушокъ заливались до слезъ, потому что смѣялись большіе, и перестали только тогда, когда мать остановила ихъ строгимъ взглядомъ.

— Ну, что же дѣлать: за битаго двухъ небитыхъ даютъ,—шутилъ Петръ Аѳанасьевичъ, гладя Сережу по головѣ.—Вотъ теперь мы тебя въ гимназію опредѣлили, а дастъ Богъ, и Катю отдадимъ учиться. Хочешь, Катя, въ гимназію?

— Только, папа, въ женскую.

— Ага... А я хотѣлъ тебя въ мужскую отдать. Не хочешь?.

Послѣ обѣда Петръ Аѳанасьевичъ прилегъ по обычаю соснуть, а проснувшись, не пошелъ на службу.

— Не пойду, и все тутъ,—спорилъ онъ съ неизвѣстнымъ противникомъ.—Бываетъ и свиньѣ праздникъ... Скажу, что зубы болѣли. За тридцать-то пять цѣлковыхъ жалованья можно и побаловаться одинъ-то разъ.

— Какъ знаешь,—согласилась Мароа Даниловна.

Петръ Аѳанасьевичъ облекся въ пестрый татарскій халатъ и, попыхивая папиросой, расхаживалъ по своимъ комнатамъ. Онъ сегодня съ особеннымъ удовольствіемъ оглядывалъ и маленькую гостиную съ кисейными занавѣсками, и кабинетъ, и комнату, гдѣ жилъ Сережа. Все было не богато, но прилично. Каждая вещь пріобрѣталась здѣсь годами. Сначала задумывали что-нибудь купить, потомъ принѣнивались, потомъ сколачивали по копейкамъ необходимую сумму, и потомъ ужъ въ домѣ появлялась новинка. Так[illegible] пріобрѣтены: пестрый диванъ для гостиной, шкапъ для чайной по[illegible] Ц[illegible] менный столъ и т. д. Тутъ подумаешь, когда приходится съ [illegible]ка[illegible] 35 рублей жалованья. Въ кабинетѣ на стѣнѣ у печки висѣло [illegible] тульское ружье, а рядомъ старенькая гитара. Изъ кабинета мал[illegible] вела въ полутемную каморку, гдѣ хранилась всевозможная рыболовная [illegible]. Все лѣто по ночамъ Петръ Аѳанасьевичъ проводилъ на рыбной [illegible], что доставляло ему нѣкоторый заработокъ, а зимой заготовлялъ крючья, лесы, самоловы, поплавки и сѣти. Онъ все дѣлалъ самъ и любилъ свое „апостольское ремесло“.

Къ вечернему чаю прибрелъ дядя Мароы Даниловны, старикъ Яковъ Семенычъ. Это былъ николаевскій служака, имѣвшій пряжку за безпорочную тридцатипятилѣтнюю службу. Онъ лѣтомъ уѣзжалъ вмѣстѣ съ Петромъ Аѳанасьевичемъ на рыбную ловлю, а по зимамъ приходилъ болтать все о томъ же. Присядетъ къ печкѣ, заложитъ ногу на ногу, закуритъ свою коротенькую трубочку-носогрѣйку и безъ конца ведетъ тихую степенную рѣчь о разныхъ разностяхъ. Старикъ любилъ политику по старой памяти, а Петръ Аѳанасьевичъ приносилъ съ почты газеты. Сейчасъ Мароа Даниловна была, пожалуй, и не рада старику, потому что онъ былъ противъ поступленія Сережи въ гимназію. У Мароы Даниловны даже вышло нѣсколько схватокъ изъ-за образованія дѣтей, хотя Яковъ Семенычъ и не отрицалъ необходимости образованія вообще. Но какъ-то выходило такъ, что, пожалуй, можно и безъ образованія,—не всѣмъ же ученымъ на свѣтѣ жить.

— Хорошо ему такъ-то говорить, когда одной ногой въ гробу стоитъ...—ворчала Мароа Даниловна.—А молодымъ вѣдь жить-то придется... Не прежняя пора, когда и безъ образованія можно было перебиться.

Старикъ пришелъ, снялъ свою заношенную шинель въ передней, прокашлялся и занялъ свое мѣсто за чайнымъ столомъ.

— А мы, дядя, въ гимназію съ Сережкой поступили,—весело объяснялъ Петръ Аѳанасьевичъ, подмигивая.

— Что же, дѣло хорошее...—уклончиво отвѣтилъ старикъ.

— Ужъ, конечно, хорошее...—задорно вмѣшалась Мароа Даниловна.—Нынче безъ образованія человѣку вся цѣна расколотый грошъ. Мы-то свое

прожили, а у дѣтей впереди все... Трудненько, конечно, намъ будетъ первое время, ну, Богъ дастъ, справимся...

— Да, надо въ гимназіи восемь лѣтъ вытянуть... — говорилъ старикъ, посасывая свою трубочку. — Да и съ одной гимназіей далеко не уѣдешь... Дальше, пожалуй, потянетъ. Придется еще накинуть годиковъ пять...

— Мы дальше-то не загадываемъ, дядя, а только вотъ гимназію...— замѣтилъ Петръ Аѳанасьевичъ, чтобы поддержать жену.—За битаго двухъ небитыхъ даютъ, дядя...

— Да вѣдь я ничего не говорю, — оправдывался старикъ. — Что̀ же, выучится Сережка и жалованье будетъ большое получать... Дай Богъ!.. А то, можетъ, военнымъ захочетъ быть—вездѣ скатертью дорога.

— Нѣтъ, онъ въ военные не пойдетъ, — сказала Мароа Даниловна. — Плохое это дѣло быть военнымъ...

— Все отъ человѣка, матушка: хорошій вездѣ хорошъ. Конечно, въ военной службѣ такого жалованья не дадутъ, зато почету больше. Каждый солдатъ честь отдаетъ...

— Богъ съ ней, съ вашей военной честью. Мы люди простые...

Старикъ улыбнулся, набилъ новую трубочку и замолчалъ.

— Пусть будетъ Сережка докторомъ,—заговорилъ Петръ Аѳанасьевичъ.— Доктора, какъ попы, съ живого и съ мертваго берутъ... Самое занятіе подходящее. Вотъ шуринъ, Павелъ Данилычъ, какъ поживаетъ...

При этомъ напоминаніи о братѣ Мароа Даниловна опять поморщилась. Она не любила брата, который забылъ своихъ. Выбился въ люди и никого знать не хочетъ... Конечно, онъ живетъ богато, а все-таки свою родню забывать нехорошо. И сунуло Петра Аѳанасьевича вспоминать его.

— Да, Павелъ Данилычъ...—повторилъ старикъ, попыхивая трубочкой.— Что̀ же, отлично живетъ. Свои лошади, домъ — полная чаша, женился на богатой... А только я такъ думаю, что и бѣднымъ тоже нужно жить. Не всѣмъ быть богатымъ да ученымъ... т.-е. оно не мѣшаетъ... гм... а только надо привычку имѣть ко всему. Какъ же... Павелъ-то Данилычъ побольше трехъ тысячъ въ годъ получитъ, а самъ кругомъ въ долгу. За богатыми тянется...

— Не наше дѣло чужія дѣла разбирать, — уклончиво замѣтила Мароа Даниловна.—У Павла Данилыча свое, у насъ свое... А я Сережу по судейской части пущу. Доктору страшно въ другой разъ, когда рѣзать живого человѣка придется, а судейскій знаетъ свои бумаги... Я знаю одного члена суда: очень хорошо живутъ.

— Хорошо и судейскимъ,—на все соглашался старикъ.—А нѣтъ лучше нашего съ тобой ремесла, Петръ Аѳанасьевичъ: заберемся лѣтомъ въ Курью и знать ничего не хотимъ... Воздухъ одинъ чего стоитъ, а матушка Лача разливается зеркало зеркаломъ. Утромъ встанешь: вода дымится, по заводямъ уточки крякаютъ, рыбка плещется... Богъ дастъ день—дастъ и хлѣбъ. Нѣтъ этого лучше, когда человѣкъ кормится отъ своихъ трудовъ праведныхъ. Прямо сказано: въ потѣ лица снѣси хлѣбъ твой.

— Вотъ ужо крючья будемъ налаживать, дядя, — заговорилъ Петръ Аѳанасьевичъ, возбужденный этимъ воспоминаніемъ о своемъ ремеслѣ. — У насъ съ тобой свое ремесло. Только бы зиму избыть.

— Живы будемъ—избудемъ.

Разговоръ принялъ другое направленіе, точно всѣмъ сразу сдѣлалось легче. Петръ Аѳанасьевичъ досталъ графинчикъ съ водкой, появились домашняго соленья огурцы и рыжики. Яковъ Семенычъ подтянулся, крякнулъ и поздравилъ съ новоиспеченнымъ гимназистомъ.

— Въ старину такъ говорили: вспоить, вскормить, на коня посадить...— говорилъ онъ, выпивая первую рюмку. — А куда Сережа поѣдетъ на своемъ конѣ—дѣло ужъ его. Я-то по-стариковски, жалѣючи васъ, говорю... трудненько будетъ... да. Ну, да ничего, Богъ труды любитъ.

Ужинать старикъ не остался, несмотря на всѣ уговоры, и Мароа Даниловна была рада, что онъ ушелъ. Она любила дядю и во всѣхъ трудныхъ случаяхъ жизни совѣтовалась съ нимъ, но сейчасъ онъ былъ лишнимъ. Петръ Аѳанасьевичъ чувствовалъ это и надулся на жену. Нужно замѣтить, что онъ немного побаивался ея и находился въ извѣстномъ подчиненіи, но сейчасъ чувствовалъ себя обиженнымъ за старика. Ну, что жъ изъ того, что старикъ и поворчитъ,—ихъ же жалѣючи... Старая военная косточка.

— И какіе мужья одинаковые вездѣ... — говорила Мароа Даниловна, когда послѣ ужина они остались въ спальнѣ одни.—Дошло дѣло до гимназіи, матери и повели ребятъ, а отцовъ-то и нѣтъ.

— А служба?

— Одинъ-то день не великъ... Просто струсилъ.

— Я? Нисколько!.. Мнѣ это даже сущіе пустяки, ежели бы не служба...

— Все у вашего брата служба на языкѣ... Чуть что, сейчасъ и за женину спину. Вонъ и Печатницъ такой же...

— Да вѣдь ты этого не знаешь? И Гавличъ, по-твоему, струсилъ?

— Ну, тамъ другое дѣло, а про тебя-то я знаю...

Петръ Аѳанасьевичъ дѣйствительно боялся всякаго начальства, и Мароа Даниловна съ умысломъ кольнула его въ больное мѣсто. Супруги немного повздорили, а потомъ помирились. Въ сущности, у обоихъ было такъ хорошо и полно на душѣ. Происходило что-то такое неиспытанное, новое. Въ маленькой спальнѣ свѣча горѣла далеко за полночь, освѣщала широкую двухспальную кровать, горку, сундуки у внутренней стѣны и разное платье, развѣшенное по угламъ.

— А въ самомъ дѣлѣ, вдругъ Сережка нашъ кончитъ гимназію?—повторялъ Петръ Аѳанасьевичъ нѣсколько разъ съ особеннымъ удовольствіемъ.— Вѣдь птицей будетъ, канальство... Пожалуй, еще накланяешься ему. Хе-хе... Знаешь, Мароуша, мнѣ все кажется, что сегодня точно у насъ воскресенье. Ей-Богу...

Мароа Даниловна не могла раздѣлить этого радостнаго настроенія, потому что всецѣло была поглощена разными хозяйственными соображеніями. Вотъ теперь эта форма да книги засѣли въ голову, какъ два гвоздя, а впереди еще сколько набѣжитъ новыхъ заботъ да хлопотъ! Хорошо воскресенье... Да и какъ еще будетъ Сережа учиться въ гимназіи? Готовили его дома съ грѣхомъ пополамъ, а вѣдь тамъ нужны и катехизисъ, и латинскій языкъ, и геометрія. Мароа Даниловна почему-то особенно боялась именно геометріи, представлявшейся ей вершиной человѣческой мудрости, и заснула съ мыслью о ней.

III.

Шервожъ, губернскій городъ одной изъ сѣверо-восточныхъ губерній, красиво расположился на крутомъ берегу большой судоходной рѣки Лачи, которая разливалась здѣсь громаднымъ плесомъ. Съ рѣки видъ на городъ былъ замѣчательно хорошъ: красовались городскія церкви, зданія разныхъ присутственныхъ мѣстъ, городской садъ и даже большая деревянная ротонда въ греческо-казарменномъ стилѣ. Эта ротонда стояла на Бую, съ котораго откры-

вался великолѣпный видъ на всю рѣку. Подъ горой вся линія берега была занята пароходными пристанями, магазинами, мастерскими и просто рыбачьими лачугами. По ту сторону рѣки, на низкомъ берегу разметала свои деревянные домики Рыбачья слободка,—Лача славилась рыбой.

Какъ большинство русскихъ городовъ, при болѣе близкомъ знакомствѣ Шервожъ утрачивалъ всякую красоту. Улицы тонули въ грязи, тротуары были только въ центрѣ, а обывательская постройка заставляла желать многаго. Во всемъ городѣ была единственная порядочная улица Губернаторская. Она перерѣзывала городъ на двѣ неравныхъ половины и шла отъ Московской заставы къ рѣкѣ, упираясь въ городской садъ. На Губернаторской сгруппировалось все, что было лучшаго въ городѣ: губернаторскій домъ, гостиный дворъ, духовная консисторія, двѣ гимназіи, театръ и цѣлый рядъ магазиновъ. Купеческія хоромины жались главнымъ образомъ около Чернаго рынка. Параллельно съ рѣкой тянулись семь широкихъ улицъ. По теченію рѣки городъ начинался предмѣстьемъ Глушки, а кончался другимъ предмѣстьемъ Теребиловкой, гнѣздомъ нищихъ и жуликовъ. Кромѣ того, къ городу примыкала еще [illegible]ая слободка, залегшая въ трясинѣ сейчасъ за Московской заставой. Словомъ, городъ, какъ слѣдуетъ быть городу, т.-е. искусственно [illegible] административный центръ, влачившій какое-то подозрительное существование. Единственнымъ живымъ мѣстомъ являлась рѣка, да и то [illegible] время навигаціи, а затѣмъ городъ окончательно засыпалъ. Другихъ отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности не полагалось. Тонъ всей жизни задавался чиновничествомъ, ютившимся по всевозможнымъ палатамъ, канцеляріямъ и комитетамъ. Купечество и мѣщанство кое-какъ кормились около этого чиновничьяго клоповника. Нѣкоторое оживленіе на время было внесено земствомъ и новымъ судомъ, но и здѣсь горячій періодъ быстро миновалъ.

Веселая улица связывала Глушки съ Теребиловкой. Лѣтомъ она наполовину зарастала зеленой полянкой. Тротуаровъ здѣсь не полагалось, а проѣхать ее изъ конца въ конецъ можно было только въ сухую погоду. Клепиковы все-таки любили ее, потому что ихъ домишко стоялъ сравнительно недалеко отъ Губернаторской, значитъ, почти въ центрѣ. По крайней мѣрѣ, въ послѣднемъ былъ увѣренъ Петръ Аѳанасьевичъ, гордившійся своей лачужкой гораздо больше, чѣмъ купцы своими трехъэтажными хоромами.

— По грошикамъ, по копеечкамъ деньги-то копилъ на домъ,—любилъ разсказывать Петръ Аѳанасьевичъ.—Пятнадцать лѣтъ копилъ, а потомъ женился и своимъ домишкомъ обзавелся... Нельзя, живому человѣку свое гнѣздо первое дѣло.

Собственно, на свое почтовое жалованье Петру Аѳанасьевичу никогда не скопить бы необходимой суммы, но его выручала Лача. Въ лѣто онъ зарабатывалъ рыбной ловлей среднимъ числомъ около ста рублей и упорно откладывалъ эти деньги на покупку дома. Оставался еще небольшой долгъ, и Петръ Аѳанасьевичъ не успѣлъ его выплатить только потому, что Сережа поспѣлъ въ гимназію, и теперь деньги были нужны на другое. Мало ли новыхъ расходовъ прибавилось...

Между собой Клепиковы жили душа въ душу, какъ живутъ только маленькіе люди въ маленькихъ домикахъ. Матеріальные недостатки и хозяйственныя заботы дѣлали изъ этой супружеской четы одно органическое цѣлое, и они несли бремя съ легкимъ сердцемъ. Усиленный трудъ вносилъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ достаткомъ, то хорошее, бодрое настроеніе, какого не купишь ни на какія деньги. Жили они, правда, очень скромно, на мѣщан-

скую руку, да и то едва успѣвали сводить концы съ концами. Марѳа Даниловна частенько прихватывала какую-нибудь работу въ людяхъ и успѣвала вышить въ мѣсяцъ рубля три-четыре, что составляло въ хозяйственномъ бюджетѣ большую „разставу“. Единственный расходъ, который позволяли себѣ Клепиковы, выходя изъ будничныхъ рамокъ—были именины Петра Аѳанасьевича и Марѳы Даниловны. Они готовы были вытянуть изъ себя послѣднія жилы, только бы не ударить лицомъ въ грязь и не показаться хуже другихъ. Эти дни справлялись самымъ торжественнымъ образомъ, и въ маленькомъ домикѣ набивалось гостей человѣкъ двадцать. Этимъ, впрочемъ, и ограничивалось всякое знакомство: Марѳа Даниловна не любила шататься по гостямъ. Конечно, бывали случаи, когда завернетъ какой-нибудь непрошенный гость изъ своей чиновничьей братіи, но все дѣло ограничивалось чаемъ и только въ крайнемъ случаѣ рюмкой водки. Самъ Петръ Аѳанасьевичъ выпивалъ одну рюмку передъ обѣдомъ, а въ праздники позволялъ себѣ двѣ.

Петръ Аѳанасьевичъ, несмотря на свое маленькое общественное положеніе, былъ очень хорошій и, главное, добрый человѣкъ. Происходилъ онъ изъ чиновничьей семьи, которая рано вся вымерла, и поэтому провелъ раннюю юность въ сиротствѣ. Образованіе ограничивалось уѣзднымъ училищемъ, а дальше началась служба съ трехъ рублей жалованья. Двадцати пяти лѣтъ Петръ Аѳанасьевичъ женился. Невѣсту онъ себѣ выбралъ тоже сироту. Марѳа Даниловна происходила изъ поповскаго званія и выросла сиротой въ домѣ дяди, соборнаго протопопа въ Шервожѣ. Можно было, конечно, жениться и на купеческой дочери, взять приданое, но Петръ Аѳанасьевичъ вѣрилъ въ судьбу—увидѣлъ Марѳу Даниловну въ церкви, и очень пришлась ему по душѣ скромная и серьезная дѣвушка. Значитъ, такъ ужъ на роду написано, чтобы вмѣстѣ вѣкъ вѣковать. И никогда онъ не раскаивался—лучше жены не могло и быть.

Такъ жила семья Клепиковыхъ въ своемъ домикѣ, тихо и счастливо, въ сторонѣ отъ всякаго посторонняго взгляда. Годъ за годомъ проходилъ незамѣтно. Изъ этого замкнутаго состоянія ее вывело только поступленіе Сережи въ гимназію.

Первымъ вопросомъ явилось сооруженіе гимназической аммуниціи. Марѳа Даниловна долго прикидывала и такъ и этакъ, высчитывала, соображала и кончила тѣмъ, что отправилась въ одно прекрасное утро на толкучку, гдѣ и встрѣтилась съ Печаткиной.

— Вы, вѣроятно, насчетъ амуниціи? — заговорила Печаткина откровенно.—И я тоже... Мужъ у меня получаетъ пятьдесятъ рублей жалованья, не много на нихъ разскочишься. Да и жаль шить новое этакимъ пузырямъ, какъ наши дѣтишки...

По рынку Печаткина ходила въ старомъ порыжѣломъ бурнусѣ и шляпѣ; на одной рукѣ у нея болтался кожаный ридикюль. Она, какъ оказалось, несмотря на простоватый видъ, знала рынокъ лучше Марѳы Даниловны и помогла ей купить недорого старый гимназическій „плащъ“ и подержаный мундиръ. Вотъ относительно шитья она смыслила уже совсѣмъ мало и предполагала пріобрѣтенное старье отдать перешить какому-нибудь портному.

— Ахъ, нѣтъ, испортитъ, непремѣнно испортитъ...—горячо вступилась Марѳа Даниловна, въ которой сказалась опытная швея.—Да и еще сдеретъ втридорога... знаю я этихъ дешевыхъ портныхъ. Одну половинку испортитъ, а другую украдетъ. Ужъ повѣрьте мнѣ... Мужу я всегда шью все сама.

— И даже вицмундиръ?..

— И вицмундиръ...

Анна Николаевна пришла въ такой искренній восторгъ отъ искусства Марѳы Даниловны, что послѣдней ничего не оставалось, какъ только предложить свои услуги на предметъ сооруженія амуниціи маленькаго Печаткина. Аннѣ Николаевнѣ, конечно, было совѣстно, и она наговорила цѣлую кучу комплиментовъ своей новой пріятельницѣ. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, онѣ съ рынка прямо и прошли къ Печаткинымъ, благо было по дорогѣ.

— Ужъ я такъ благодарна буду вамъ, такъ благодарна...—повторяла Анна Николаевна всю дорогу.—А то хоть плачь.

Печаткины жили въ Отопковомъ переулкѣ, въ нижнемъ этажѣ полукаменнаго дома. Квартира была неважная, и зимой, навѣрно, въ ней было и сыро и холодно. Пройдя темныя сѣни и очутившись въ передней, Марѳа Даниловна чутьемъ отличной хозяйки почувствовала, что, хотя Анна Николаевна и носитъ шляпки и вообще очень добрая женщина, но хозяйка плохая. Это было въ воздухѣ. Дѣйствительность оправдала такое предположеніе самымъ яркимъ образомъ. Печаткины жили даже неряшливо, и въ квартирѣ у нихъ было все разбросано, точно послѣ пожара. На полу не было половиковъ, потолки давно слѣдовало выбѣлить, обои въ углахъ отстали, занавѣски на окнахъ приколочены криво, обивка на мебели ободралась, по столамъ и на подоконникахъ валялись вещи, которымъ настоящее мѣсто было гдѣ-нибудь въ комодѣ или сундукѣ. Вообще, на пятьдесятъ рублей можно было устроиться много лучше.

— Я вѣдь безъ кухарки управляюсь, такъ ужъ вы извините...—оправдывалась Анна Николаевна, усаживая дорогую гостью на диванъ.—Знаете, съ этими кухарками никакого способа нѣтъ, да еще онѣ же грубятъ вамъ постоянно. Я вѣдь, голубушка, изъ столбовыхъ дворянъ, а вотъ какъ привелъ Богъ жить! Только я-то не ропщу, а къ слову пришлось.

Марѳа Даниловна не любила прохлаждаться и сейчасъ же принялась за дѣло. Покупки были развернуты на столѣ и перевертывались на тысячу ладовъ, пока Марѳа Даниловна не рѣшила, что изъ большого плаща выйдетъ маленькій, да еще можно выкроить штаны. Это опять привело Анну Николаевну въ восторгъ, и она съ какимъ-то благоговѣніемъ слѣдила за рукой гостьи, размѣчавшей мѣлкомъ, какъ и что̀ нужно будетъ выкроить. Около стола, на которомъ происходили эти дипломатическія соображенія, все время вертѣлись двѣ дѣвочки, обѣ такія пухленькія и здоровыя. Старшей было лѣтъ восемь, какъ разъ ровесница Катѣ, а младшая была ровесницей Пѣтушку.

— Какія прелестныя у васъ дѣтки,—похвалила Марѳа Даниловна, любившая всякую дѣтвору.—И здоровенькія такія... Младшая-то совсѣмъ красавица будетъ.

— Я лучше была въ ея годы,—не безъ гордости отвѣтила хозяйка.—А у васъ тоже есть дѣвочка?..

— Есть... Только моя Катя такая худышка.

— Значитъ, взаперти держите, а моя Люба цѣлый день на улицѣ.

— Дѣвочкѣ это не совсѣмъ удобно, Анна Николаевна. Мало ли какихъ глупостей можетъ наслушаться.

— Да, но отъ этого все равно не убережешься...

Старшая дѣвочка Люба все время вертѣлась около стола и очень понравилась Марѳѣ Даниловнѣ. Такая полненькая да румяная дѣвочка, точно яблоко. А большіе темные глаза смотрятъ строго-строго... Дѣвочка съ любопытствомъ разсматривала гостью и улыбалась съ конфузливой наивностью, когда встрѣчалась съ ней глазами. Изъ-за перегородки выглядывала все время

золотистая головка младшей дѣвочки Сони. У нея были такіе прелестные голубые глаза, а кожа какъ молоко.

— Ну, иди сюда, пухляночка...—манила ее Марѳа Даниловна.

— Это баловень моего Григорія Иваныча... Непремѣнно онъ испортитъ ее.

— Значитъ, вашъ мужъ очень добрый.

— Да... Онъ вообще любитъ дѣтей. Ахъ, знаете, что̀ мнѣ пришло въ голову, Марѳа Даниловна: вотъ у васъ два сына и дочь, а у меня двѣ дочери и сынъ—кто знаетъ, можетъ, и породнимся. Ей-Богу, чего на свѣтѣ не бываетъ...

Обѣ женщины только вздохнули и переглянулись. Марѳа Даниловна посмотрѣла какъ-то особенно любовно на запачканное платье Любочки—отчего же и не породниться, если выйдетъ судьба? Маленькая замарашка ей очень нравилась.

Когда Марѳа Даниловна кончила свое дѣло и собралась уходить, вернулся со службы Печаткинъ. Это былъ высокій лысый господинъ съ большими рыжими усами. Какіе-то необыкновенные гороховые штаны придавали ему видъ „иностранца", какъ про себя назвала Марѳа Даниловна новаго знакомаго. Онъ пожалъ руку гостьи и проговорилъ:

— Очень радъ познакомиться... А гдѣ Гришка?

— А кто его знаетъ, гдѣ онъ шатается день-деньской... — въ задорномъ тонѣ отвѣтила Анна Николаевна и сейчасъ же смутилась, когда мужъ взглянулъ на нее и нахмурилъ свои нависшія рыжія брови.

„Частенько, надо полагать, промежъ себя вздорятъ",—резюмировала про себя эту нѣмую сцену Марѳа Даниловна и прибавила, тоже про себя:—„Ну, этотъ иностранецъ, пожалуй, и голову отвернетъ".

— Вы куда же это торопитесь?—вѣжливо удерживалъ Печаткинъ, когда гостья поднялась.

— Мнѣ пора, Григорій Иванычъ. И то замѣшкалась...

— Можетъ-быть, Аня надоѣла вамъ своей болтовней? Ужъ извините, мы слабеньки насчетъ язычка...

— Ты вѣчно, Григорій Иванычъ, скажешь что-нибудь такое,—обидѣлась Анна Николаевна.—Вы, Марѳа Даниловна, не обращайте вниманія на него. Онъ всегда такой.

— Ужъ какой есть,—добродушно замѣтилъ Печаткинъ, поймавъ прятавшуюся отъ него Соню.—Сонька, соскучилась о папкѣ?..

Печаткинъ показался Марѳѣ Даниловнѣ очень умнымъ человѣкомъ и настоящимъ хозяиномъ въ домѣ. Идя домой, она думала, что, пожалуй, онъ и правъ, что держитъ свою столбовую дворянку въ ежовыхъ рукавицахъ. Вспомнивъ, какъ Григорій Иванычъ назвалъ жену „Аней", Марѳа Даниловна даже разсѣялась: у нихъ съ мужемъ при чужихъ такія нѣжности не допускались, да и дѣти подрастаютъ, а тутъ—„Аня"... Первое впечатлѣніе отъ семьи Печаткиныхъ получилось самое неопредѣленное: они и нравились Марѳѣ Даниловнѣ и не нравились въ то же время.

IV.

Несмотря на рѣзкую разницу въ жизни, нравахъ и характерѣ двухъ семей, между ними быстро установилась очень тѣсная дружба. Связующимъ звеномъ явились, конечно, дѣти. До начала настоящихъ занятій въ гимназіи происходила самая усиленная работа по обмундировкѣ новобранцевъ. Печат-

кина раздобыла гдѣ-то ручную швейную машинку, и она значительно ускорила работу. Попеременно работали то у Печаткиныхъ, то у Клепиковыхъ.

— Вотъ выучимъ нашихъ-то болвановъ, тогда и свои машины заведемъ,—мечтала вслухъ Анна Николаевна, бойко дѣлая строчку.—Безъ машины какъ безъ рукъ.

Эта спѣшка доставляла извѣстное удовольствіе обѣимъ женщинамъ, внося въ ихъ жизнь что-то новое, что̀ стояло выше обычнаго ея монотоннаго хода. Онѣ говорили о дѣтяхъ, повѣряли другъ другу свои заботы, страхи и надежды и не чувствовали, какъ за этими разговорами спорится работа. Анна Николаевна, правда, была немножко безтолкова и лѣзла изъ кожи, чтобы поспѣть за Мареой Даниловной, у которой всякое дѣло горѣло въ рукахъ. Крѣпкая и выдержанная Мареа Даниловна какъ-то вдругъ полюбила новую знакомую, добрую той неистощимой добротой, которая привлекаетъ къ себѣ расчетливыхъ, тугихъ на языкъ людей.

Мужья тоже сошлись между собой. Григорій Иванычъ пришелъ какъ-то вечеромъ за женой, и знакомство завязалось. Онъ держалъ себя, какъ хорошій старый знакомый. Женщины доканчивали какую-то работу, и Григорій Иванычъ прошелъ въ мастерскую Петра Аѳанасьевича, гдѣ хозяинъ мастерилъ свои крючья, а старикъ Яковъ Семенычъ искалъ лесы.

— Вотъ это хорошо,—полюбовался Печаткинъ.—Только трудъ дѣлаетъ человѣка истинно-благороднымъ... Ей-Богу, отлично!

Скромный Петръ Аѳанасьевичъ даже сконфузился отъ этихъ похвалъ. Онъ, напротивъ, всегда тщательно скрывалъ свое рыбачье ремесло, считая его унизительнымъ для чиновника. Яковъ Семенычъ отнесся почему-то недовѣрчиво къ новому знакомому и упорно молчалъ. Но Григорій Иванычъ подсѣлъ къ нему и заговорилъ:

— Вы, вѣроятно, въ военной службѣ были?

— Случалось... Блаженныя памяти Николаю I прослужилъ тридцать пять лѣтъ.

— Уважаю такихъ старцевъ, убѣленныхъ благообразной сѣдиной,—добродушно басилъ Григорій Иванычъ, хлопая старика по плечу.—По-моему, кто дожилъ до такой бодрой старости, тотъ не можетъ быть дурнымъ человѣкомъ... Извините, я говорю все прямо. Позвольте покурить изъ вашей трубочки, Яковъ Семенычъ...

Изъ вѣжливости Клепиковъ хотѣлъ закончить свою работу, но Печаткинъ настоялъ, что для него именно этого-то и не нужно дѣлать. Напротивъ, онъ очень заинтересовался. Собственно, работа была несложная. Бралась проволока, оттачивалась съ одного конца острымъ жаломъ, потомъ обрубалась на особой наковаленкѣ, затѣмъ тупой конецъ на той же наковаленкѣ загибался въ петлю, и получался крюкъ. Привычная работа шла быстро, и Печаткинъ полюбовался на нехитрое мастерство. Затѣмъ онъ подробно осмотрѣлъ всѣ рыболовныя снасти: „подолы“ для стерлядей, витили, мережки, сѣти, кибасья, поплавки изъ осокорей и т. д. Все это было развѣшено по стѣнамъ въ самомъ строгомъ порядкѣ.

— А вотъ въ Америкѣ, тамъ уже давно искусственнымъ путемъ разводятъ рыбу,—разсказывалъ Печаткинъ, посасывая трубочку.—По-ученому это называется писцикультурой... Очень выгодная штука. Рыбы получается въ десять разъ больше. Рыбопромышленники арендуютъ озера и рѣки, устраиваютъ садки, питомники и вообще заводятъ правильное хозяйство. У насъ, ужъ извините, рыбу только истребляютъ, а вѣдь она требуетъ такого же правильнаго хозяйства, какъ пчела, шелковичный червь, баранъ,

корова или лошадь. Лиха бѣда, что мы ничего не знаемъ и не умѣемъ взяться..

Онъ подробно разсказалъ, какъ ведется дѣло въ Америкѣ, и старые рыбаки могли только ахать. Вообще, Печаткинъ сразу подавилъ ихъ своей ученостью. Говорилъ онъ степенно, не торопясь, точно самъ вездѣ былъ и все видѣлъ собственными глазами. Но, разговаривая о рыбѣ, Печаткинъ незамѣтно перешелъ къ своимъ шервожскимъ дѣламъ и пошелъ чертить: тотъ—дуракъ, этотъ—шарлатанъ, третій—межеумокъ. Всѣхъ по пальцамъ перебралъ, и всѣмъ досталось на орѣхи. Скромный Петръ Аѳанасьевичъ весь съежился, слушая эти смѣлыя рѣчи, хотя оно, конечно, ежели разсудить правильно... Да нѣтъ, не нашего ума дѣло.

— Гордъ я — вотъ главная причина, — продолжалъ Печаткинъ, закручивая свои рыжіе усы. — Конечно, я маленькій человѣкъ, но свою честь отлично понимаю и никому не позволю наступить себѣ на ногу... Ужъ извините!..

— Не мало съ твоей честью-то напринимались, — отвѣтила изъ другой комнаты Анна Николаевна, любившая вмѣшиваться въ чужіе разговоры. — Честь—это хорошо тому, у кого дѣтей нѣтъ да денегъ много, а бѣдному человѣку честь-то и не по чину въ другой разъ...

— Женщина, умолкни!..—ворчалъ Григорій Иванычъ, улыбаясь добродушной улыбкой.—И у звѣря есть своя честь... Оскорбленный медвѣдь поднимается на заднія лапы и грудью идетъ на врага. А маленькому человѣку вотъ какъ нужно беречь свою честь...

Никто не обратилъ вниманія, какъ въ мастерскую пробралась маленькая Катя и съ жаднымъ вниманіемъ прислушивалась къ разговору. Здѣсь еще въ первый разъ раздавались незнакомыя слова, и ея дѣтское сердце по увѣренному, спокойному тону гостя вѣрило, что именно онъ правъ. Дѣвочка инстинктивно все подходила ближе и ближе къ Григорію Иванычу, пока не очутилась у него на колѣняхъ. Онъ разглаживалъ ея волосы своей большой сильной рукой, принимая, вѣроятно, за Любу, а потомъ съ удивленіемъ проговорилъ:

— Откуда взялась эта птица?..

— Я—Катя...

— Катя? А знаешь, кто была Екатерина великомученица, имя которой ты носишь?

Печаткинъ очень хорошо разсказалъ житіе святой, а Катя все время смотрѣла съ изумленіемъ ему прямо въ ротъ, какъ это дѣлаютъ маленькія дѣти. Григорій Иванычъ такъ хорошо разсказалъ, что у нея навернулись даже слезы на глазахъ.

— Большая будешь—все узнаешь, — закончилъ Печаткинъ, гладя дѣтскую головку.—У меня вотъ двѣ такихъ маленькихъ женщины есть...

— Ну и башка!—проговорилъ Петръ Аѳанасьевичъ, когда Печаткины ушли домой. — Все-то онъ знаетъ... И какъ говоритъ: точно по-печатному. Вотъ это человѣкъ... Въ самомъ дѣлѣ — башка. Маленькій человѣкъ, а все-таки не тронь меня...

— Ты-то молчалъ бы лучше,—ворчала Мароа Даниловна.—Въ гимназію побоялся итти, а туда же...

— Нѣтъ, и мы тоже понимаемъ... да, Григорій-то Иванычъ правду какъ ножомъ рѣжетъ. Спроси хоть у Якова Семеныча...

— Правда-то правда, да только и правда хороша ко времени, а ужъ безъ разума бѣда... Спроси-ка Анну Николаевну, чего они ни напринимались

съ своимъ благовѣрнымъ: и въ Москвѣ жили, и въ Казани, и въ Саратовѣ. Одни переѣзды чего стоятъ съ семьей-то, а все гордость гонитъ... Здѣсь они шестой годъ, а Григорій Иванычъ уже шестое мѣсто занимаетъ.

— Большому кораблю большое и плаваніе... А я, знаешь, согласенъ съ нимъ.

— Ты?!.

— Да, я... А какъ бы ты думала?.. Онъ говоритъ, а я все понимаю. И знаешь что?.. Я вѣдь тоже не дуракъ... Хе-хе! Все могу понимать... Такой маленькій чиновникъ почтовый — и вдругъ все понимаю. Ты-то вотъ только ничего не замѣчала...

Это было до того смѣшно, что Мареа Даниловна только разсмѣялась. Вотъ поднялся-то... Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней.

Пришелъ Григорій Иванычъ за своей Аней и въ слѣдующій разъ. Теперь Петръ Аѳанасьевичъ и Яковъ Семенычъ держали себя уже гораздо смѣлѣе и даже подняли свой вѣчный споръ, чѣмъ лучше быть Сережѣ: докторомъ или адвокатомъ. Печаткинъ слушалъ, улыбаясь и покуривая папиросу.

— Докторомъ лучше всего быть,—сказалъ Петръ Аѳанасьевичъ, загибая деревяннымъ молоткомъ совсѣмъ готовый крючокъ.—Докторъ, какъ поѣхалъ по больнымъ, такъ, глядишь, десятка и шевелится въ карманѣ... Вонъ нашъ Павелъ Данилычъ по четвертному билету привозитъ съ практики. Масленица, а не житье.

— А ежели больной помретъ? — спорилъ Яковъ Семенычъ. — Да меня хоть озолоти, а я въ доктора не пойду. Ты его лѣчишь стараешься, а онъ на зло тебѣ и помретъ... А тутъ еще семья останется—слезы, горе. И деньгамъ не обрадуешься... Адвокату невпримѣръ лучше...

— И адвокатомъ не дурно,—соглашался Петръ Аѳанасьевичъ.—Только у адвокатовъ что-то деньги плохо держатся. Очень ужъ форсятъ адвокаты-то...

— Оттого и плохо держатся, что легко достаются, — вставилъ свое словечко Печаткинъ.— А въ сущности и доктора и адвокаты—дармоѣды...

— А кто же, по-вашему, не дармоѣдъ?

— Да вотъ хоть васъ взять... Вы себѣ въ потѣ лица хлѣбъ зарабатываете. Маленькій кусокъ, да честный. Ну, потомъ учитель тоже горбомъ беретъ, инженеръ, если онъ съ головой. По-моему, тяжело кормиться за счетъ несчастія ближняго, какъ болѣзнь или судебное дѣло. Тутъ должна быть даровая помощь, а у насъ какъ разъ наоборотъ: ты боленъ, не можешь работать, а тутъ плати за визитъ доктору, за лѣкарство. Несправедливо вообще...

— Такъ, такъ...—задумчиво повторялъ Петръ Аѳанасьевичъ.—А вы куда же прочите своего Гришу?

— А это ужъ его дѣло: моя обязанность дать ему среднее образованіе, а тамъ пусть ужъ самъ выбираетъ. Скатертью дорога на всѣ четыре стороны... По-моему, лучше всего быть техникомъ, потому что техникъ открываетъ новые пути для промышленности и даетъ хлѣбъ тысячамъ рабочимъ.

— Ну, ужъ это вы извините, Григорій Иванычъ, — вступилась Мареа Даниловна.—Какъ же это такъ: учи, хлопочи, вытягивайся, а потомъ „куда хочешь“. Мало ли они, по своей глупости, куда захотятъ... Надо и о родителяхъ подумать. Не чужіе, слава Богу...

— Можно, конечно, посовѣтовать, Мареа Даниловна, но не больше... Все равно, своего ума къ чужой кожѣ не пришьете. Нужно все дѣлать по-хорошему, тогда все и будетъ хорошо...

Марѳа Даниловна не любила вмѣшиваться въ чужіе разговоры, а тутъ считала своимъ долгомъ спорить. Она боялась, что вольнодумство Григорія Иваныча будетъ имѣть нехорошее вліяніе на дѣтей, да и Петръ Аѳанасьевичъ что-то началъ храбриться. Происходили жаркія схватки, и каждый разъ Марѳа Даниловна должна была уступать поле сраженія болѣе сильному противнику.

— Развѣ съ вами можно спорить, Григорій Иванычъ?—говорила она въ заключеніе.—Мы люди неотесанные, а вы все знаете... Навѣрно, и геометрію учили. А все-таки я права...

— Что вы правы, съ этимъ я позволю себѣ не согласиться, — мягко возражалъ Печаткинъ.—Да и учился я тоже на мѣдныя деньги, хотя кое-что и знаю. Настоящаго образованія не получилъ, а такъ, своимъ умомъ доходилъ до многаго...

— Вы лучше и не спорьте съ нимъ, — уговаривала Анна Николаевна горячившуюся Марѳу Даниловну.—Его не переспоришь... Онъ всегда правъ.

— Женщина, не ропщи.

Появленіе Печаткина въ маленькомъ домикѣ Клепиковыхъ вносило каждый разъ такое хорошее оживленіе. Не было тѣхъ чиновничьихъ разговоровъ, какъ на именинахъ, а что-то такое совсѣмъ новое, что̀ пугало Марѳу Даниловну, выбивая ее изъ обычной колеи. Даже старый служака Яковъ Семенычъ—и тотъ былъ на сторонѣ Григорія Ивановича.

— Пріятно побесѣдовать съ умнымъ человѣкомъ, — повторялъ старикъ не безъ ехидства.

Катя неизмѣнно присутствовала при всѣхъ этихъ спорахъ и проникалась безграничнымъ уваженіемъ къ лысой головѣ Григорія Иваныча. Вѣдь Григорій Иванычъ все знаетъ, Григорій Иванычъ всѣхъ умнѣй... И такой онъ добрый.

— У нихъ двѣ дѣвочки, мама?—спрашивала Катя мать.

— Да...

— Отчего же онѣ къ намъ не придутъ?..

— Ну, это ужъ лишнее...

Катя умолкла, стараясь представить себѣ, какія дѣвочки у Григорія Иваныча. Навѣрно, славныя дѣвочки.

V.

По случаю какого-то ремонта, занятія въ гимназіи начались позже обыкновеннаго, именно послѣ двадцатаго августа, что̀ совпало съ полученіемъ жалованья. Григорій Иванычъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы устроить настоящее пиршество. Клепиковы были удивлены, съ какою роскошью былъ устроенъ праздникъ. Конечно, Печаткинъ получалъ 50 р. жалованья, но все-таки и ветчина, и балыкъ, и коньякъ, и кондитерскій пирогъ для дѣтей... Это ужъ было слишкомъ, какъ хотите. Были приглашены вся семья Клепиковыхъ и старый дядя Яковъ Семенычъ. Это былъ первый большой праздникъ въ жизни Кати Клепиковой, и онъ запалъ въ ея воспоминаніяхъ со всѣми мельчайшими подробностями.

Въ большой комнатѣ квартиры Печаткиныхъ посрединѣ были поставлены вмѣстѣ два ломберныхъ стола, покрытые бамчатной скатертью, и на нихъ въ картинномъ порядкѣ были разставлены всѣ подробности предстоящаго праздника. Печаткинъ посадилъ предсѣдателемъ Якова Семеныча въ одинъ конецъ стола, а за другимъ размѣстилъ дѣтей.

— Вы, Марфа Даниловна сядете рядомъ со мной, — командовалъ Григорій Иванычъ, — а ты, Аня, съ Петромъ Афанасьевичемъ. Такъ всегда дѣлаютъ въ порядочномъ обществѣ... Жаль, что нѣтъ букетовъ для дамъ.

Дѣти, разодѣтыя по-праздничному, съ любопытствомъ разглядывали другъ друга, а дѣвочки даже ощупали всѣ ленточки, бантики и оборочки. Вымытыя личики улыбались, глаза свѣтились весельемъ въ ожиданіи чего-то необыкновеннаго. На Катѣ было розовое барежевое платьице съ красивой пелеринкой и канареечнаго цвѣта шелковый шарфикъ на шеѣ; бѣлокурые волосы были заплетены въ тугую косу и на затылкѣ перехвачены голубымъ бантомъ. Люба въ своемъ шерстяномъ платьицѣ цвѣта бордо походила на спѣлую вишню; распущенные темные волосы трепались у нея по спинѣ, какъ крыло птицы. Она все время улыбалась, крѣпко держала Катю за руку и постоянно что-нибудь шептала ей на ухо. Пѣтушокъ и маленькая Соня сидѣли около своихъ матерей въ самомъ праздничномъ видѣ и глупо таращили другъ на друга глазенки. На Сонѣ было надѣто очень кокетливое кисейное платьице съ настоящими кружевными прошивками и голубыми бантами на плечахъ, а Пѣтушокъ сидѣлъ въ новой ситцевой рубашкѣ, при каждомъ движеніи шумѣвшей, какъ бумага. Онъ все время старался снять кожаный поясъ и новые сапожки. Только-что испеченные гимназисты, конечно, представились въ своихъ новенькихъ мундирахъ и чувствовали себя крайне неловко, потому что имъ въ первый разъ приходилось служить предметомъ общаго любопытства.

Григорій Иванычъ находился въ самомъ хорошемъ расположеніи духа, улыбался, шутилъ съ дѣтьми и даже сказалъ спичъ.

— Господа, мы сегодня кутимъ напропалую,—говорилъ онъ, поднимая стаканъ съ дешевенькимъ краснымъ виномъ. — Дѣти, не забывайте этого праздника... Мы, старики, празднуемъ ваше вступленіе въ жизнь. Впереди васъ ждутъ упорный трудъ и всевозможныя лишенія, но въ этомъ все богатство бѣдныхъ людей. Бойтесь не нищеты, а богатства. Деньги — великій соблазнъ, и онѣ прежде всего убиваютъ въ маленькомъ человѣкѣ его гордость, сознаніе собственнаго достоинства. Сережа, Гриша... Будьте всегда горды честной гордостью бѣдняковъ, и да сохранитъ Богъ вашу чистую душу отъ золотыхъ соблазновъ. Дѣточки, помните, что у васъ есть младшіе братья и сестры, которымъ, можетъ случиться, не отъ кого будетъ услышать трезваго слова... Милыя мои дѣточки, будьте же умными, честными и добрыми людьми. Поэтъ сказалъ:

Если бѣдна ты,
Такъ будь ты умна...

Григорій Иванычъ хотѣлъ сказать еще что-то, но у него перехватило горло, и онъ только безсильно махнулъ рукой. Со слезами на глазахъ онъ обошелъ всѣхъ дѣтей и крѣпко расцѣловалъ каждаго, а Катю обнялъ крѣпко-крѣпко, потому что дѣвочка смотрѣла на него такими большими, полными слезъ глазами.

Послѣ этого знаменательнаго ужина прошло много длинныхъ и трудныхъ лѣтъ, а Катѣ Клепиковой стоило только закрыть глаза, какъ она сейчасъ же видѣла грубое лицо Григорія Иваныча съ рыжими усами, видѣла его большіе строгіе глаза, полные слезъ, и, кажется, чувствовала, какъ онъ цѣлуетъ ее, маленькую Катю въ барежевомъ платьицѣ, и ей каждый разъ опять дѣлалось и страшно и хорошо. Дѣтская память, какъ фотографическій негативъ, на который палъ солнечный лучъ, сохранила до мельчайшихъ по-

дробностей всю эту сцену, хотя она и перепутывалась самымъ нелѣпымъ образомъ съ распущенными волосами Любочки, съ раскрытымъ ртомъ Пѣтушка, кондитерскимъ пирогомъ, гимназическими пуговицами и надоѣдавшимъ ей шопотомъ Любочки. Но мы забѣгаемъ впередъ...

Весь ужинъ прошелъ очень весело. Григорій Иванычъ былъ душой общества и до слезъ смѣшилъ дѣтей разными фокусами: откупоривалъ языкомъ воображаемую бутылку, наливалъ несуществовавшее вино, кричалъ „ура", какъ будто кричалъ кто-то на улицѣ, представлялъ чухонца и т. д. Кленниковъ разсказывалъ Аннѣ Николаевнѣ о хитростяхъ лачинскихъ стерлядей и судаковъ, а раскраснѣвшійся Яковъ Семенычъ припомнилъ заразъ нѣсколько анекдотовъ о двухъ генералахъ, ѣздившихъ на жидахъ. Марѳа Даниловна молчала, наблюдая начинавшихъ пошаливать ребятишекъ. Гимназисты уже вышли изъ своего парадно-оцѣпенѣлаго состоянія и старались стащить одинъ другого со стула, зацѣпивъ подъ столомъ ногой. Любочка катала изъ хлѣба шарики и бросала ихъ въ Сережу; Катѣ хотѣлось сдѣлать то же самое съ востроносымъ Гришей, но она чувствовала на себѣ строгій взглядъ матери и только болтала подъ стуломъ ногами.

— А вы неладно, Григорій Иванычъ, насчетъ богатства-то, — замѣтила Марѳа Даниловна, когда мужчины успѣли замѣтно оживиться.

— То-есть какъ это неладно?

— А такъ... Для чего же мы дѣтей въ гимназію отдаемъ? Конечно, чтобы потомъ богато жили и насъ поминали за наши труды. Это ужъ всѣ такъ хлопочутъ.

— Такъ, такъ...—повторялъ Григорій Иванычъ, потирая сморщенный лобъ.—Я ужъ это слышалъ... И вы съ своей точки зрѣнія правы, а я съ своей. Вотъ у нашихъ дѣтей будутъ богатые товарищи по гимназіи, разные маменькины сынки, и наши дѣти, по своей дѣтской глупости, можетъ-быть, не разъ позавидуютъ этимъ счастливцамъ въ бархатныхъ курточкахъ, разъѣзжающимъ на рысакахъ. Такъ?

— Зачѣмъ же завидовать, Григорій Иванычъ? Кому ужъ что̀ Богъ послалъ, тотъ тѣмъ и владѣй... Завидовать грѣшно.

— Хорошо. Допустимъ, что наши дѣти кончатъ и гимназію и университетъ и сдѣлаются богатыми людьми. У нихъ будутъ уже богатыя дѣти, которымъ будутъ завидовать вотъ такіе бѣдняки, какъ мы съ вами... Неужели для этого стоитъ жить?.. Нѣтъ, есть другія сокровища, какъ наука, помощь ближнему, своя совѣсть...

— Вѣрно!.. — подтвердилъ старикъ Яковъ Семенычъ и даже стукнулъ кулакомъ по столу. — У насъ былъ полковникъ... Когда умеръ, и похоронить не на что было, а провожалъ его цѣлый городъ, потому что доброй души былъ человѣкъ. Его такъ и звали: „солдатская каша".

— Тогда вамъ слѣдовало бы отдать вашего Гришу, Григорій Иванычъ, не въ гимназію, а къ какому-нибудь сапожнику,—ядовито замѣтила обиженная Марѳа Даниловна.—Ужъ, кажется, какъ трудятся...

— Что̀ же, хорошій сапожникъ лучше богатаго бездѣльника... Вы знаете, Марѳа Даниловна, прекрасный турецкій обычай: тамъ каждый долженъ знать какое-нибудь ремесло, даже самъ султанъ. А въ Китаѣ богдыханъ первый пашетъ землю...

Обѣдъ затянулся и кончился только при огнѣ. Маленькая Соня заснула тутъ же за столомъ, а Пѣтушокъ начиналъ клевать носомъ, запачканнымъ въ вареньи.

Катѣ сдѣлалось ужасно грустно, когда они вышли на улицу, гдѣ было

и темно, и грязно, и холодно. Петръ Аѳанасьевичъ несъ на рукахъ сонпаго Пѣтушка, Сережа бѣжалъ рядомъ съ нимъ, шлепая по лужамъ. Катя шла рядомъ съ дѣдушкой Яковомъ Семенычемъ, который плохо видѣлъ въ темнотѣ. Дѣвочкѣ все время представлялась ярко освѣщенная комната у Печаткиныхъ, парадно накрытый столъ, улыбавшаяся Любочка, непонятные разговоры большихъ, и она сладко жмурила слипавшіеся глаза. Какъ было бы хорошо, если бы вся жизнь состояла изъ такихъ праздниковъ!.. И Катя вѣрила, что теперь будетъ все другое, потому что Сережа поступилъ въ гимназію. А зачѣмъ Григорій Иванычъ бранилъ богатыхъ гимназистовъ и плакалъ, когда цѣловалъ всѣхъ дѣтей?

— Да, это штука! — повторилъ захмелѣвшій на воздухѣ Яковъ Семенычъ, спотыкаясь и причмокивая.—Люблю... Ай да Григорій Иванычъ: молодчина!.. Направо кругомъ маршъ, и больше никакихъ... Ха-ха! Ловко...

VI.

Жизнь Клепиковыхъ вошла въ новую колею.

Занятія въ гимназіи начались, и Сережа каждый день являлся домой съ своими гимназическими новостями. Сѣдого швейцара зовутъ всѣ Сивкой, генералъ „Не-мнѣ“ кричалъ на кого-то въ коридорѣ и топалъ ногами, Гавличу поставилъ учитель ариѳметики колъ и т. д. Марѳа Даниловна теперь знала, какъ зовутъ всѣхъ учителей Сережи: учитель русскаго языка Павелъ Васильевичъ Огневъ, учитель ариѳметики Константинъ Игнатьичъ Головинъ, учитель латинскаго языка Михаилъ Михайловичъ Бржецевичъ, законоучитель о. Евгеній.

— Огнева у насъ всѣ боятся,—разсказывалъ Сережа.—Онъ такъ закричитъ, такъ затопчетъ ногами... Третьяго-дня онъ бросилъ въ одного ученика книгой. А все-таки онъ добрый, и его всѣ любятъ...

— Какой же добрый, если кричитъ и книгами бросаетъ? — удивлялась Катя.

— И сердитый и добрый...—авторитетно объяснялъ Сережа.—А между прочимъ, ты дѣвчонка и ничего не понимаешь.

— Я сама поступлю въ гимназію...

— Куда тебѣ!..

Вообще, поступивъ въ гимназію, Сережа быстро усвоилъ себѣ тотъ задорный школьный тонъ, который развивается въ мальчикахъ товариществомъ. Раньше онъ постоянно игралъ съ Катей, а теперь точно стыдился за ея существованіе, особенно когда къ нему приходилъ кто-нибудь изъ товарищей „первоклашекъ“. Обиженная такимъ явнымъ невниманіемъ, Катя даже плакала и потихоньку жаловалась своимъ кукламъ, глупо таращившимъ на нее свои стеклянные глаза. А Сережа, точно на зло, любилъ разсказывать о своихъ товарищахъ разныя смѣшныя исторіи и вообще изображалъ въ самомъ заманчивомъ свѣтѣ начинавшееся товарищество. Маленькая Катя и завидовала ему, и пряталась, когда приходили эти товарищи, и даже ненавидѣла совсѣмъ неизвѣстныхъ ей мальчиковъ. Да, имъ весело, а у ней только куклы да Любочка, которую она видѣла очень рѣдко. Вотъ Любочка, такъ та совсѣмъ иначе относилась къ новоиспеченнымъ гимназистамъ.

— Разважничались наши „первоклашки“,—смѣялась она самымъ задорнымъ образомъ, такъ что у нея на розовыхъ щекахъ прыгали такія смѣшныя ямочки.—А Огневъ ихъ поросятами называетъ... Ха-ха!.. И боятся они его...

Любочка была смѣлѣе Кати и любила подразнить гимназистовъ. И даже было нѣсколько такихъ случаевъ, когда ей приходилось вступать въ рукопаш-

ную. Она разъ побила какого-то растерявшагося „первоклашку“, а потомъ сама же и расплакалась.

— Ну, это лишнее, Любовь Григорьевна,—замѣтилъ ей отецъ съ своей суровой ласковостью.—Нужно доказывать не руками, а головой...

— Если они глупые, папа, и дразнятъ насъ съ Катей?.. Мы—дѣвочки, съ нами нужно быть вѣжливыми.

— Ого, какая женщина! А сама зачѣмъ дерешься?

— Я только одинъ разъ ударила, папа... Всего одинъ разочекъ! Прямо по головѣ: чикъ... ха-ха!.. У него, папа, уши смѣшныя... А онъ мнѣ говоритъ: „всѣ дѣвчонки глупыя“. Это неправда, во-первыхъ, а во-вторыхъ, я-то вѣдь не виновата, что родилась дѣвочкой... И если бы это отъ меня зависѣло, то я все-таки родилась бы дѣвочкой, на зло имъ всѣмъ. Да, дѣвочка, дѣвочка, дѣвочка... А у этого гимназиста, папа, такія смѣшныя уши!

Григорій Иванычъ смѣялся до слезъ надъ болтовней Любочки. Дѣвочка была развита не по годамъ и говорила такимъ смѣшнымъ языкомъ, перемѣшивая свои дѣтскія слова съ фразами и цѣлыми выраженіями большихъ людей. Печаткину больше всего нравилось въ дочери проявленіе рѣшительности,—сквозь дѣтскую мягкость такъ и пробивался смѣлый, самостоятельный характеръ. Онъ узнавалъ въ дѣвочкѣ самого себя, т.-е. то, что онъ уважалъ въ себѣ.

Гимназистъ съ „смѣшными ушами“, котораго Любочка „треснула“ для перваго знакомства, оказался тѣмъ самымъ поповичемъ Кубовымъ, котораго отецъ привелъ на экзаменъ вмѣстѣ съ Гришей и Сережей. Любочка быстро съ нимъ примирилась и старалась всѣми мѣрами загладить свою мальчишескую выходку. Въ свои восемь лѣтъ она была гораздо умнѣе и находчивѣе десятилѣтнихъ гимназистовъ, особенно, когда дѣло касалось политики.

Товарищи по гимназіи съ первыхъ же дней распались на богатыхъ и бѣдныхъ. Это произошло само собой, какъ сортируется зерно при вѣяніи. Товарищи Гриши и Сережи были такіе же бѣдняки: поповичъ Володя Кубовъ, чиновничьи дѣти Сеня Гребневъ и Миша Заливкинъ и т. д. Аристократію перваго класса составляли: Гавличъ, сынъ пароходчика Болтинъ, полякъ Клочковскій и купчикъ Сиговъ. У богатыхъ были свои интересы, свои знакомства и вообще свой кружокъ. Марѳа Даниловна въ первое время очень огорчилась, что Сережа заводитъ дружбу съ голытьбой, но Петръ Аѳанасьевичъ ее успокоилъ.

— И лучше, что не лѣзетъ, куда не слѣдуетъ, — говорилъ онъ.—У богатыхъ своя линія, а у насъ своя. Неизвѣстно еще, что впереди будетъ... Вотъ этотъ поповичъ Володька, онъ далеко пойдетъ. Да... Онъ и теперь чуть не первымъ. Вотъ тебѣ и голытьба... Еще посмотримъ. Гриша Печаткинъ тоже хорошо учится. Нашъ Сережа изъ мяконькихъ, ни шатко, ни валко, ни на сторону... Что же, и это хорошо. Маленькое, да свое...

Вмѣстѣ съ гимназическими новостями Сережа приносилъ домой жеваную бумагу, которую и бросалъ въ потолокъ съ большой ловкостью. А когда готовилъ по вечерамъ уроки, то все время жевалъ резинку или какую-то „смолу“. Размягченная резинка служила отличной хлопушкой. Однажды съ этой жвачкой Сережа принесъ и свою первую двойку, которую ему „залѣпилъ“ Огневъ. Марѳа Даниловна растерялась и рѣшительно не знала, что ей дѣлать. Сама она не могла помочь, потому что передала Сережѣ уже всѣ свои знанія, а Петръ Аѳанасьевичъ зналъ меньше, чѣмъ она. Съ горя она прибила Сережу и пообѣщала даже высѣчь его, если онъ хоть разъ принесетъ такую двойку. Сережа горько плакалъ и жаловался, что совсѣмъ не понимаетъ русской грамматики.

— Ты у меня будешь понимать! — кричала на него Марѳа Даниловна, подавляя въ себѣ невольное чувство жалости къ неразумному дѣтищу. — Я выколочу изъ тебя лѣность... Бумагу жевать умѣешь, а грамматику не понимаешь? Какъ же другіе-то учатся? Вонъ у Володи Кубова все пятерки по русскому языку. Я сама попрошу директора отодрать тебя.

Петръ Аѳанасьевичъ для проформы тоже покричалъ на Сережу, но толку отъ этого было мало.

— Надо будетъ къ Григорію Иванычу толкнуться... — рѣшилъ дядя Яковъ Семенычъ, бывшій свидѣтелемъ этой сцены.—Онъ все знаетъ и устроитъ какъ-нибудь...

— Ну, ужъ это ни за что!—сказала Марѳа Даниловна.—Печаткины еще загордятся... Мы ужъ лучше сами какъ-нибудь.

Марѳа Даниловна немножко сердилась на Григорія Иваныча послѣ своего разговора о богатствѣ. Выручилъ старый дядя, который самъ вызвался отвезти Сережу и переговорить съ Печаткинымъ.

Сережа плакалъ все время, пока шелъ съ Яковомъ Семенычемъ къ Печаткинымъ. Мальчику было и совѣстно, и, вмѣстѣ, онъ почему-то боялся Григорія Иваныча. Старикъ пожалѣлъ мальца и по-своему утѣшалъ его.

— Ну, чего ты ревешь? Слава Богу, не замужъ выдаемъ. Дѣло житейское. А вотъ отдать бы тебя въ военную службу, такъ тамъ, небось, выучили бы... Перестань хныкать. Говорю: нехорошо.

— Я боюсь, дѣдушка...

— Глупости... Бойся Бога, а людей нечего бояться.

На счастье Григорій Иванычъ оказался дома. Онъ внимательно выслушалъ объясненія Якова Семеныча, по своей привычкѣ хлопнулъ его по плечу и разрѣшилъ все дѣло:

— Пустяки... Вонъ у меня Гришка по ариѳметикѣ хромаетъ. Ничего, выправимъ. Вы его посылайте ко мнѣ... Эхъ, мальцы, мальцы!.. Просто, не умѣетъ за книгу взяться. Это бываетъ... Ну что̀, какъ Петръ Аѳанасьевичъ?

— Да ничего... Служитъ, а по вечерамъ снасти свои готовитъ.

— Такъ, такъ... гм... да. А дѣвочка эта... ну, Катя, учится она?

— Грамотѣ мать учитъ...

— Мало одной грамоты... Надо въ гимназію отдавать, дѣдушка. Человѣкомъ потомъ будетъ...

— Ужъ я и не знаю, право, Григорій Иванычъ, какъ этому дѣлу быть... Оно даже и не подъ силу, пожалуй, будетъ двоихъ-то заразъ поднимать, а тамъ Пѣтушокъ растетъ.

— Богъ дастъ день—дастъ и хлѣбъ... Вздоръ!

— Вѣдь дѣвочка, Григорій Иванычъ... Велико ли дѣвичье ученье!

— Ну нѣтъ, старина: дѣвочкѣ-то и нужно ученье. Не такое время... А я вамъ вотъ что̀ скажу: пусть Марѳа Даниловна посылаетъ ко мнѣ эту Катю... Мнѣ вѣдь все равно готовить же свою Любку, ну, и та по пути выучится. Да и дѣвочка-то серьезная... Послѣ вотъ какое спасибо скажетъ намъ съ вами.

Благодаря Печаткину, вышло какъ-то такъ, что Якову Семенычу самому пришлось уговаривать Клепиковыхъ относительно Кати. Петръ Аѳанасьевичъ впередъ былъ согласенъ, потому что очень любилъ дочь, а Марѳа Даниловна поломалась, прежде чѣмъ согласиться.

— Нехорошо даромъ обязываться тому же Григорію Иванычу...—спорила она, раздумывая.—Онъ-то любитъ дѣтей, это хорошо, а намъ навязываться неудобно.

— А если онъ самъ предложилъ?—спросилъ Яковъ Семенычъ.

— Я ему такую рыбину заловлю въ Лачѣ!—хвастался Петръ Аѳанасьевичъ, потирая руки.—Вотъ и будемъ квиты... Вѣрно, дѣдушка?..

Сережина двойка рѣшила судьбу Кати. Она стала ходить къ Печаткинымъ каждый день послѣ обѣда. Григорій Иванычъ занимался по-своему. Онъ послѣ обѣда укладывался на диванъ съ длинной трубкой, обѣ дѣвочки подсаживались къ нему, и занятія начинались. Онѣ разсказывали свои уроки, Григорій Иванычъ поправлялъ ошибки, объяснялъ и каждый разъ разсказывалъ дѣвочкамъ что-нибудь интересное. Катя была въ восторгѣ отъ этихъ занятій и отлично готовила свои уроки. Любочка иногда полѣнивалась, и Григорій Иванычъ ласково журилъ ее.

— Женщина Любочка, лѣность есть мать всѣхъ пороковъ... Нехорошо. Я буду старый и сѣдой, и мнѣ будетъ стыдно, что у меня лѣнивая дочь.

— А если мнѣ спать хочется, папа?—откровенно сознавалась Любочка.

— А ты поменьше кушай... Вонъ Катя отлично все знаетъ.

Любочка не разъ дулась на Катю, а потомъ забывала свой гнѣвъ и ждала каждый день пріятельницу съ нетерпѣніемъ.

Главное затрудненіе заключалось въ томъ, что зимой темнѣло скоро, и Катѣ неудобно было ходить по глухимъ улицамъ одной. Къ Печаткинымъ она еще кое-какъ пробиралась засвѣтло, а обратно приходилось брать провожатаго. Сначала ее провожалъ Сережа. Но онъ скоро поправилъ свою двойку, и Катя осталась одна. Григорій Иванычъ посылалъ теперь провожать Гришу. Исполненный мальчишескаго задора, „первоклашка“ терпѣть не могъ такихъ проводовъ какой-то дѣвчонки, которая шляется, не зная зачѣмъ... Нѣсколько разъ онъ незамѣтно заводилъ свою даму куда-нибудь въ снѣжный сугробъ или просто убѣгалъ отъ нея, оставивъ ее на произволъ судьбы. Катя все переносила и ни разу не пожаловалась на злого мальчишку. Она не пожаловалась даже и тогда, когда Гриша прибилъ ее и очень больно прибилъ. Дѣвочка нѣсколько времени сидѣла на снѣгу, сдерживая душившія ее рыданія. Домой она вернулась съ помертвѣвшимъ личикомъ, но никому не выдала своей маленькой тайны: она понимала, что, если пожалуется, то ее не будутъ пускать учиться къ Григорію Иванычу, другими словами—она не поступитъ въ гимназію вмѣстѣ съ Любочкой. Однако Петръ Аѳанасьевичъ что-то заподозрѣлъ и спросилъ:

— Что̀ съ тобой, Катя? Какъ будто ты того... нездорова.

— Я замерзла, папа... холодно.

Это ничтожное само по себѣ происшествіе имѣло громадное значеніе для Кати, именно съ этого момента она почувствовала ту невидимую стѣну, которая навсегда отдѣлила ея дѣтство отъ такого же дѣтства мальчиковъ. Зачѣмъ Гриша прибилъ именно ее? Если бы она была мальчикомъ, такъ онъ этого не сдѣлалъ бы безъ всякой причины. Вообще, всѣ мальчишки такіе глупые и злые. Въ маленькой дѣвочкѣ съ мучительной болью просыпалась женщина... „Тебѣ этого нельзя: ты—дѣвочка“,—эта фраза повторялась постоянно Марѳой Даниловной на всевозможные лады, но до сихъ поръ оставалась пустымъ звукомъ, потому что Катя играла съ мальчиками во всякія игры, бѣгала съ ними на рѣчку и не чувствовала отдѣлявшей ее отъ нихъ разницы. Теперь другое дѣло: ее отталкивали, обижали, дразнили.

„Злые... гадкіе!—думала про себя Катя, и давала себѣ слово не связываться съ ними, несмотря ни на какіе соблазны.—Пусть свою резинку жуютъ и получаютъ двойки изъ грамматики и ариѳметики. Такъ имъ и нужно... Скверные!..“

Здѣсь же Катя замѣтила разницу, существовавшую между семьями. Не разъ она думала про себя, что если бы ея матерью была Анна Николаевна, то ей все можно было бы разсказать и Григорію Иванычу тоже. А вотъ мамѣ она не рѣшалась говорить многаго. Папа, конечно, добрый, но онъ все дѣлаетъ, какъ того хочетъ мама. Въ семьѣ Клепиковыхъ недоставало той непринужденной доброты, какая царила у Печаткиныхъ. Катя очень любила мать и вмѣстѣ боялась ея. Это послѣднее чувство являлось роковымъ порогомъ, черезъ который никакъ не могло переползти дѣтское сознаніе. Мысль работала сама по себѣ, въ своемъ маленькомъ уголкѣ, и работала съ неустанной самостоятельностью.

VII.

Такъ складывалась жизнь двухъ семей, закинутыхъ въ далекую провинціальную глушь: маленькіе люди, маленькіе интересы, маленькія радости и большія заботы.

Зима промелькнула незамѣтно. Пошли ростепели, тронулся зимній снѣгъ, по Лачѣ пошли желтыя наледи, точно самый ледъ проржавѣлъ. Къ Пасхѣ прилетѣли скворцы, а сейчасъ послѣ Пасхи прошла и Лача. Для Петра Аѳанасьевича и Якова Семеныча это время было настоящимъ праздникомъ, потому что открывался сезонъ рыбной ловли. Первая „рыбалка“ составляла цѣлое событіе. Рыбаки служили молебенъ и въ ночь выѣзжали въ первый разъ въ свою Курью. У нихъ были свои рыбацкія примѣты: снѣгъ глубокій—рыбы будетъ много, на Благовѣщенье играли весеннія зори—„жоръ“ будетъ хорошій. Сейчасъ послѣ вскрытія рѣки отлично „шла“ щука въ витиль она хватала всякую приманку, вообще, у щуки былъ „жоръ“. Хорошо идетъ также налимъ, котораго ловятъ ночью.

Клепиковъ съ дядей выѣхали во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, пропустивъ понедѣльникъ, какъ тяжелый день. Снасти были готовы, лодка—тоже, однимъ словомъ, все. Яковъ Семенычъ всегда веселѣлъ въ этотъ день, а нынче чувствовалъ себя особенно торжественно, потому что отъ рыбнаго сезона зависѣло благосостояніе цѣлой семьи.

— Какъ-то Господь украситъ наше лѣто рыбкой,—говорилъ старикъ, укладывая снасти въ лодкѣ.—Кабы устроилъ Господь...

По примѣтѣ никто не долженъ былъ провожать рыбаковъ, особенно женщины,—рыба не любитъ бабъ. И вообще отправленіе на рыбалку обставлялось нѣкоторой тайной, чтобы сосѣди, Боже сохрани, не видали. Какъ разъ еще сглазятъ.

— Не видать бы вамъ ни рыбьяго пера ни чешуи,—говорила Марѳа Даниловна на проводинахъ, повторяя заказную фразу, гарантировавшую успѣхъ.

Петръ Аѳанасьевичъ успокоился только тогда, когда лодка отвалила отъ берега. Ничего, все сошло благополучно: сосѣди не видали, и изъ знакомыхъ никто не встрѣтился на дорогѣ. Лача была мутная, кой-гдѣ подхватывалъ сердитый вѣтерокъ. Яковъ Семенычъ сидѣлъ обыкновенно на кормѣ съ рулевымъ веселкомъ, а Петръ Аѳанасьевичъ работалъ распашными веслами. Лодка была небольшая, едва поднимала человѣкъ пять, но въ Курьѣ большая и не годилась—какъ разъ застрянетъ въ камышахъ или гдѣ-нибудь на мели, а эта вездѣ пройдетъ.

Когда лодка выѣхала на середину рѣки, Яковъ Семенычъ отыскалъ глазами Никольскую церковь и началъ широко креститься: Никола угодникъ—рыбачій Богъ. Онъ это дѣлалъ каждый разъ съ особеннымъ усердіемъ. Петръ

Аѳанасьевичъ, прищурившись, любовался красиво раскинувшимся по высокому берегу городомъ. Ничего, городъ отличный, особенно высокій мысъ направо, гдѣ пріютилась женская община: какой боръ сохранился у монашекъ, а изъ-за сѣтки деревьевъ мелькали такія уютныя, бѣленькія, чистенькія монастырскія зданія съ большой Никольской церковью посрединѣ. Общину въ хорошіе дни отлично было видно изъ Курьи. Хорошее, угодливое мѣстечко выбрали сестры. Въ Курью передній путь отъ Шервожа былъ внизъ по рѣкѣ, и лодка летѣла стрѣлой: какой-нибудь часъ,—и дома. Глубокая Лача шла быстро и даже въ тихую погоду не была спокойна, а постоянно взбуривала водяными вихрями. Свѣжій весенній вѣтерокъ такъ и бодрилъ, заставляя молодѣть даже Якова Семеныча. Ахъ, и хороша кормилица Лача...

Курья—небольшой глубокій заливъ, вдававшійся въ лѣвый берегъ—съ Лачи была почти незамѣтна и по внѣшнему виду ничего особеннаго не представляла. Выдававшаяся въ рѣку коса въ половодье заливалась вешней водой, такъ что устроенная на ней рыбачья избушка была укрѣплена сваями и тяжелыми камнями. Бывали годы, когда заливало и самую избушку. Сейчасъ за Курьей начинался смѣшанный лѣсъ и заливные луга. Вообще, мѣстечко было красивое, и Петръ Аѳанасьевичъ ежегодно выплачивалъ за него въ Рыбачью слободку около пятидесяти рублей арендной платы. Подъѣзжая въ первый разъ къ Курьѣ, рыбаки испытывали тревогу за свою избушку: не разорили ли, не сожгли ли. Мало ли по рѣкѣ лихихъ людей и просто озорниковъ. Пустяковая постройка, да время дорого.

— Вонъ она!—крикнулъ Яковъ Семенычъ съ кормы, когда лодка огибала косу.—Цѣлехонька наша голубушка...

Вотъ и причалъ. Слава Богу, все въ порядкѣ. Снасти разложены на берегу, разобраны, еще разъ пересмотрѣны и потомъ уже въ полномъ порядкѣ перенесены въ избушку. Первымъ дѣломъ закурился веселый огонекъ на берегу, а потомъ задымилась и самая избушка.

— Хорошо...—повторялъ въ умиленіи Яковъ Семенычъ, вдыхая свѣжій воздухъ.—Лѣтъ двадцать съ плечъ долой.

Весенній день невеликъ, и засвѣтло едва успѣли управиться. Первыя жерлицы на щукъ ставилъ въ Курьѣ всегда Яковъ Семенычъ: рыба лучше дается старикамъ, какъ и пчела. Работа шла молча, да и некогда было разбалтывать. Первая ночь всегда задавалась тяжелая: и отъ работы за зиму отвыкли и дѣла много. Петръ Аѳанасьевичъ такъ и не сомкнулъ глазъ во всю ночь, а Яковъ Семенычъ прикурнулъ въ избушкѣ чуть-чуть: одинъ глазъ не спитъ, а другой видитъ. Петръ Аѳанасьевичъ успѣлъ въ это время заудить нѣсколько налимовъ—эта рыба только ночью и беретъ. По первому улову у рыбаковъ своя примѣта: хорошо пойдетъ рыбка, такъ и все лѣто будетъ хорошее.

— Вотъ, дѣдка, какой староста попался!—будилъ Петръ Аѳанасьевичъ дядю раннимъ утромъ.—Гляди-ка, какой налимище... Я его Григорію Иванычу предоставлю. Пусть и отъ нашихъ трудовъ отвѣдаетъ...

— Форменно!..

Ночь вышла удачная, и Петръ Аѳанасьевичъ рано утромъ отправился въ городъ съ хорошей добычей: десятка полтора щукъ да столько же налимовъ. Рыбу у него обыкновенно покупали городскія торговки на берегу, гдѣ причаливала лодка. Знаменитый налимъ былъ отправленъ Григорію Иванычу съ Сережей.

— Ого, какое произведеніе природы!—похвалилъ Печаткинъ.—Этакую рыбину, пожалуй, и губернатору не стыдно съѣсть.

Рыболовный сезонъ пошелъ своимъ ходомъ. Клепиковъ день былъ на службѣ, обѣдалъ дома, а вечеромъ отправлялся въ Курью. Ему не приходилось спать первыя ночи напролетъ, пока устанавливались снасти и заводился весь порядокъ. А потомъ уже было легче: спали поочередно.

— Выспимся зимой, дѣдка....

— Успѣемъ.

А какъ были хороши эти весеннія ночи! Рыба въ водѣ играетъ, утки плещутся, по песочку кулики суетятся, въ осокахъ и по камышамъ гнѣздится водяная курочка, гогели и всякая другая болотная птичка. Сколько хлопотъ, шуму, суеты, веселья... Яковъ Семенычъ по цѣлымъ часамъ прислушивался къ этой кипучей жизни и только вздыхалъ отъ умиленія. И днемъ тоже хорошо. По рѣкѣ вереницами плыли барки, нагруженныя лѣсомъ, медленно ползли плоты изъ бревенъ, мелькали косныя лодки; изрѣдка съ шумомъ пробѣгалъ пароходъ. Старикъ не любилъ пароходовъ: они только рыбу пугали.

Работа кипѣла, и время летѣло незамѣтно. Рыбаки, несмотря на тяжелую работу, чувствовали себя прекрасно.

Разъ подъ вечеръ они сидѣли около огонька за походнымъ чайникомъ, какъ послышалось шлепанье веселъ на рѣкѣ, и къ самой избушкѣ причалила лодка.

— Гей, миръ на стану!—крикнулъ сильный мужской голосъ.

— Батюшки, да вѣдь это Григорій Иванычъ...

Удивленію не было конца, когда изъ лодки за Григоріемъ Иванычемъ вышли Любочка и Катя. Дѣвочки кинулись на шею къ Якову Семенычу, котораго давно уже не видали. Въ сущности, это движеніе служило только выраженіемъ переполнявшей ихъ радости.

— Дѣдушка, миленькій, мы на охоту пріѣхали!—объясняла Любочка.— А какъ у васъ здѣсь хорошо... Папа добрый и ходилъ отпрашивать Катю. Марѳа Даниловна долго не соглашалась, а папа ее уговорилъ... Мы гребли веслами, дѣдушка, и нашу лодку такъ качало, когда шелъ мимо пароходъ. Ахъ, какъ хорошо...

— Ну, чудеса, какъ это Марѳа-то Даниловна разступилась!—удивлялся Яковъ Семенычъ, лаская дѣвочекъ.—Ахъ, вы, стрекозы...

Катя была въ Курьѣ въ первый еще разъ и съ особеннымъ вниманіемъ разсматривала все кругомъ, онѣмѣвъ отъ восторга. Боже, какъ здѣсь хорошо... какая избушка малюсенькая... и лѣсъ совсѣмъ близко, и огонекъ такъ весело горитъ, и кругомъ вода, а городъ тамъ далеко, назади и чуть брезжитъ. Зеленая травка едва еще только пробивалась, а березы и прибрежные кусты стояли совсѣмъ голые, но это ничего не значитъ—кругомъ разливалась какая-то неудержимая воля, просторъ и счастье. Петръ Аѳанасьевичъ былъ очень радъ гостямъ и тоже удивлялся, что Марѳа Даниловна отпустила Катю.

— Я словечко такое знаю,—шутилъ Григорій Иванычъ.—Что же въ самомъ дѣлѣ, дѣвочка трудилась цѣлую зиму, можно и отдохнуть одинъ-то денекъ. Я сегодня вальдшнеповъ попугаю на зарѣ, а утромъ какого-нибудь селезня ушибу... Бываетъ и свиньѣ праздникъ, а я теперь вольный казакъ. Съ земствомъ я кончилъ... Дѣло хорошее, да предсѣдатель управы у насъ дрянь, а я гнуться не умѣю.

Клепиковъ и Яковъ Семенычъ только переглянулись: другой бы голову потерялъ съ горя, что мѣсто потерялъ, а этотъ радуется и отдыхать хочетъ. Григорій Иванычъ понялъ ихъ мысль и проговорилъ со своей улыбкой:

— Ничего, свѣтъ не клиномъ сошелся... А я усталъ. Ахъ, вы, чинов-

ники: всего-то вы боитесь!.. Ну, да это дѣло десятое, а вотъ мы выпьемъ для новоселья.

Гость привезъ съ собой охотничью флягу, и рыбаки были рады пропустить „по единой“, благо и закуска своя.

— Дѣвочки, заваривайте уху!—командовалъ Печаткинъ.—Чтобы все было готово, когда я вернусь съ охоты...

— Слушаю-съ!—бойко отвѣтила Любочка, дѣлая по-солдатски подъ козырекъ, а потомъ бросилась къ отцу на шею.—Милый... миленькій... милюсенькій... ахъ, какъ хорошо!.. Катя, а ты что же стоишь? Вѣдь, если бы не папа, сидѣла бы теперь дома... Папа, а ты возьмешь насъ съ Катей на охоту?

— Ну, этого я вамъ не обѣщалъ, дѣточки... Вы посидите здѣсь, а я схожу одинъ.

Яковъ Семенычъ перевезъ Григорія Ивановича на лодкѣ черезъ Курью, и охотникъ скрылся въ лѣсу. Свѣтлаго времени оставался всего какой-нибудь часъ, и Петръ Аѳанасьевичъ повезъ дѣвочекъ осматривать настороженныя снасти. Любочка была въ восторгѣ, а Катя только морщилась, когда въ водѣ трепетала рыба, попавшая на желѣзный крюкъ. Она закрывала глаза, когда отецъ осторожно подхватывалъ отчаянно метавшуюся въ водѣ рыбу особымъ сачкомъ и выбрасывалъ въ лодку.

— Папа, вѣдь ей больно?..

— У рыбы холодная кровь... Она не чувствуетъ

— Отчего же она такъ бьется?..

— Гм... А кто ее знаетъ. Ну-ка, сколько сегодня попалось на ваше счастье...

Катѣ нравилось больше всего хозяйничать на берегу. Она забралась въ избушку и привела здѣсь все въ порядокъ, даже подмела полъ.

— Я бы согласилась всегда жить въ такой славной избушкѣ... всю жизнь!..—фантазировала восторженно настроенная Любочка.—Только непріятно, когда живую рыбу снимаютъ съ крючковъ. Даже кости хрустятъ... Потомъ, у рыбы такіе страшные глаза. И знаешь, отчего? Потому что у рыбы нѣтъ бровей и рѣсницъ. А тебѣ нравится здѣсь?

— Очень...

Катя больше молчала, потому что привыкла сдерживать свои чувства. Ей все казалось, что вотъ-вотъ чѣмъ-нибудь нарушится этотъ блестящій праздникъ. Давеча ей тоже хотѣлось броситься на шею къ Григорію Иванычу, но она удержалась, какъ удерживалась и сейчасъ откровенно выражать свой восторгъ.

— Намъ двоимъ совершенно достаточно такой избушки,—продолжала свою мысль Любочка.

— Въ лѣсу однѣмъ жить страшно, Любочка. А вдругъ разбойники?

— А я возьму у папы ружье—и пафъ!..

Въ этотъ моментъ въ лѣсу прокатилось громкое эхо выстрѣла, и Любочка съ ужасомъ закрыла глаза. Катя вся вздрогнула. Зачѣмъ Григорій Ивановичъ стрѣляетъ? Неужели ему не жаль бѣдную птичку? И кровь у птички горячая... Мысль объ убитой птицѣ на цѣлый вечеръ запала въ голову Кати, и, когда Григорій Иванычъ вернулся, она съ удивленіемъ посмотрѣла на него, точно это былъ другой человѣкъ. Зато Любочка была въ восторгѣ отъ пары убитыхъ вальдшнеповъ и увѣряла, что, когда вырастетъ большая, непремѣнно будетъ ходить сама на охоту.

Все-таки вечеръ прошелъ замѣчательно весело. Яковъ Семенычъ развелъ громадный костеръ, не жалѣя заготовленныхъ дровъ. Это была иллюминація „по случаю дорогихъ гостей“.

— Ну, женщины, все готово?—строго командовалъ Григорій Иванычъ.

Варить уху, да еще прямо на кострѣ—дѣло не легкое, и дѣвочки хозяйничали подъ руководствомъ Якова Семеныча. Вѣроятно, еще никто въ мірѣ не ѣлъ такой вкусной ухи изъ молодыхъ налимовъ... Вальдшнеповъ Григорій Иванычъ приготовилъ самъ и зажарилъ прямо въ горячей золѣ, какъ дѣлаютъ охотники. Этотъ роскошный ужинъ продолжался чуть не до полночи. Ночь была такая теплая, хотя съ рѣки и потягивало рѣзкимъ холодкомъ. Катя проводила первую ночь въ лѣсу и превратилась въ одно вниманіе. Ей казалось, что Шервожъ далеко-далеко и что они никогда не вернутся въ него. А какъ весело горитъ огонь, какіе всѣ хорошіе, и какъ, вообще, хорошо жить на свѣтѣ, когда есть такая хорошая рѣка, какъ Лача, такой хорошій дѣдушка, какъ Яковъ Семенычъ, и папа, Григорій Иванычъ—и всѣ и все хорошее!

— Григорій Иванычъ, зачѣмъ вы птичекъ застрѣлили? — тихо спрашивала Катя, глядя ласковыми глазами на учителя.—Имъ больно...

— Да, это жестокое удовольствіе, дѣточка...—ласково отвѣтилъ Григорій Иванычъ, подсаживая Катю къ себѣ.—Видишь ли, было время, когда люди существовали одной охотой. Это была необходимость... А теперь остался охотничій инстинктъ. Да... Въ каждомъ удовольствіи, дѣточка, скрыта какая-нибудь жестокость.

Дальше для Кати все покрылось какимъ-то сладкимъ туманомъ: она и видѣла и не видала сидѣвшихъ предъ огнемъ людей, слышала ихъ разговоры и собственныя мысли, и кому-то улыбалась и чувствовала, какъ чья-то любящая сильная рука заботливо прикрывала ее теплымъ пальто, а потомъ она точно унеслась. Изъ этой дремоты ее вывелъ страшный звукъ: по рѣкѣ точно ползло какое-то чудовище, отпыхивая и тяжело шлепая громадными лапами.

— Это пароходъ...—объяснилъ какой-то голосъ, указывая на зеленые и красные огни, мелькавшіе въ темнотѣ.—Ночью всѣ звуки усиливаются.

Заснувшихъ дѣвочекъ Григорій Иванычъ на рукахъ перенесъ въ избушку и уложилъ на рыбачьихъ нарахъ. Онъ любилъ дѣтей и теперь долго любовался дѣтскимъ крѣпкимъ сномъ. Какія милыя дѣвчонки и какъ онѣ хорошо спятъ: такъ и распускаются на рукахъ!

— Что-то васъ ждетъ, маленькія милыя женщины?—вслухъ подумалъ Григорій Иванычъ и нахмурился.

Огонь догоралъ, Григорій Иванычъ растянулся на землѣ и наслаждался тѣмъ ощущеніемъ полноты, какое даетъ одна природа. Клешиковъ отправился въ Курью осматривать снасти. Яковъ Семенычъ дремалъ, сидя на обрубкѣ дерева и посасывая свою трубочку.

— А вѣдь мы скверно живемъ, дѣдушка...—заговорилъ Григорій Иванычъ, вздыхая всей грудью.—Очень скверно... То-есть собственно—и не живемъ, а только платимъ за квартиру, въ мелочную лавочку, портному, дровянику, мяснику. У насъ искусственная жизнь, интересы, удовольствія, радости, и за это мы платимъ тяжелымъ разочарованіемъ... Мнѣ вотъ сейчасъ такъ жаль дѣвочекъ: что-то ждетъ ихъ впереди? Сейчасъ онѣ спятъ такъ беззаботно, а тамъ гдѣ-то впереди уже зрѣетъ и горе, и слезы, и непріятности.

— Безъ этого не проживешь, Григорій Иванычъ...

— А мнѣ все-таки жаль! Вотъ сейчасъ я чувствую себя такимъ сильнымъ, гору, кажется, своротилъ бы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, ничего не подѣлаешь: можетъ-быть, онѣ вспомнятъ десять разъ Григорія Иваныча, а его уже нѣтъ. Въ трудную минуту хорошо теплое слово, а его-то и не будетъ... Такъ я къ тому говорю о дѣвочкахъ, что на женщинѣ всего сильнѣе отзывается всякая несправедливость и фальшь. Нужно жить просто, умѣть ограничить себя въ

каждой мелочи, и только тогда человѣкъ дѣлается полнымъ хозяиномъ самого себя, когда онъ ни отъ кого не зависитъ.

— Ужъ это конечно...—соглашался Яковъ Семенычъ.—Прежде-то куда проще жили. Это вы правильно, Григорій Иванычъ...

— Счастье не въ томъ, что у меня будутъ и дорогіе ковры, и мебель, и свои лошади, и много прислуги,—нѣтъ, не въ томъ. Вѣдь я не съѣмъ вчетверо больше, не буду спать вдвое больше... Счастье тамъ, въ глубинѣ собственной совѣсти... въ сознаніи... въ правдѣ...

Эти душевныя, простыя рѣчи слышало чуткое дѣтское ухо, и онѣ глубоко западали въ дѣтскую душу, какъ хорошее, полное зерно, которое сѣятель бросалъ на хорошую землю. Любочка спала мертвымъ дѣтскимъ сномъ, а Катя лежала съ открытыми глазами. Ей хотѣлось и плакать и обнимать Григорія Иваныча, и, вмѣстѣ, она боялась проявить свои дѣтскія чувства.

VIII.

Потерявъ мѣсто въ земствѣ, Печаткинъ не унывалъ, хотя найти новое въ провинціальномъ городѣ и было трудно. Во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ уже знали его неуживчивый, строптивый характеръ, и вездѣ получался вѣжливый отказъ. Григорій Иванычъ мрачно улыбался, крутилъ свои рыжіе усы и, сдѣлавъ нѣсколько дней передышки, писалъ новое прошеніе, чтобы получить новый отказъ.

— Надоѣстъ когда-нибудь отказывать,— шутилъ онъ.

А дома уже начала тѣснить нужда. И то нужно и это нужно, а денегъ не было. Ужасное это слово: нужда... Анна Николаевна крѣпилась, не жаловалась и колотилась, какъ рыба объ ледъ. Все, что можно было заложить, было заложено, кое-что продано, а нужда все росла... Когда приходилось особенно тошно, Анна Николаевна отправлялась къ Клепиковымъ, чтобы отвести душу съ Марѳой Даниловной. Все же на людяхъ какъ будто и легче.

— Не понимаю я вашего Григорія Иваныча,—повторяла Марѳа Даниловна, покачивая головой.—Ужъ, кажется, умный мужчина, а вотъ съ гордостью своей не можетъ поправиться... И все отъ гордости. Вы бы поговорили ему, Анна Николаевна. Ну, пошелъ опять въ земство, извинился, а повинную голову и мечъ не сѣчетъ. Вѣдь надо жить какъ-нибудь, а у васъ трое дѣтей на рукахъ.

— Прямо скажу, Марѳа Даниловна: ѣсть нечего. Вчера за ужиномъ одинъ черный хлѣбъ...

— Вчужѣ страшно... Что же онъ-то?

— Все то же: пишетъ свои прошенія.

Анна Николаевна, несмотря на свою бѣдность, ни разу не пожаловалась на мужа: она вѣрила въ него. Да и не въ первый это разъ... Марѳа Даниловна могла только удивляться ея терпѣнію. Нахлынувшая на Печаткиныхъ бѣда на время охладила отношенія семей между собой. Клепиковы и помогли бы, да самимъ было до себя: едва сводили концы съ концами. А дать пустяки совѣстно... Это была жестокая проза, отъ которой дѣлалось жутко всѣмъ.

А время шло. Наступало лѣто. Григорій Иванычъ ходилъ въ грязныхъ крахмальныхъ сорочкахъ и въ одномъ сюртукѣ. Отъ недавняго довольства не осталось и слѣда, точно оно растаяло. Даже Анна Николаевна приходила въ отчаяніе, главнымъ образомъ за ребятишекъ, которые и голодали, и обносились, и выглядѣли такими жалкими. Только въ срединѣ лѣта Печаткинъ нашелъ какое-то мѣсто въ пароходной компаніи „Ласточка“, но и здѣсь про-

служилъ всего недѣли двѣ. Онъ не могъ выносить канцелярскихъ плутней и вообще хамства. Впереди оставалась одна нищета. Катя теперь рѣже бывала у Печаткиныхъ, но своими глазами видѣла, что̀ такое бѣдность и нищета.

— Мама, у нихъ нѣтъ ни чаю ни сахару...—разсказывала она матери.— Я буду отдавать свой сахаръ маленькой Сонѣ.

— Перестань вздоръ говорить, а впрочемъ, какъ знаешь. Еще обидятся на тебя же... Вѣдь не нищіе, чтобы кусочками принимать. Конечно, бѣда со всякимъ можетъ стрястись, а ихъ тоже нельзя похвалить: онъ—гордецъ, она— не хозяйка.

— Нехорошо осуждать людей въ несчастіи,—строго вступился случившійся дома Петръ Аѳанасьевичъ.—Всѣ подъ Богомъ ходимъ... Сегодня сыты, а завтра неизвѣстно. Чужую бѣду руками разведу, а къ своей ума не приложу...

— Да вѣдь я такъ...—смутилась Марѳа Даниловна.—Къ слову сказала. Не нашего ума дѣло.

— Вотъ такъ-то лучше, мать... А ты, Катя, дѣлай, какъ знаешь.

Петръ Аѳанасьевичъ потихоньку отъ жены не разъ помогалъ Печаткинымъ и деньгами, вырученными за рыбу, и натурой, т.-е. той же рыбой. Самому ему было неловко являться благодѣтелемъ, и онъ посылалъ обыкновенно Якова Семеныча. На старика не могли обидѣться, да онъ и самъ умѣлъ устроить все такъ, что никто не замѣчалъ благодѣянія.

— Мало ли что̀ бываетъ, Анна Николаевна,—уговаривалъ старикъ горевавшую столбовую дворянку.—Нужно терпѣть, дастъ Богъ, и справитесь...

— Охъ, и не говорите, Яковъ Семенычъ! Добрыхъ людей стыдно...

Да, бѣда не только постучалась въ дверь, но вошла въ домъ и заглянула въ каждый уголъ. Маленькій Гриша почти цѣлое лѣто перебивался въ Курьѣ, гдѣ помогалъ рыбакамъ въ ихъ работѣ вмѣстѣ съ Сережей, и такимъ образомъ пропитывалъ себя своей работой. Мальчикамъ ужасно полюбилась эта жизнь въ лѣсу. Они загорѣли, поздоровѣли и замѣтно выросли за одно лѣто. Разъ въ Курью пріѣхалъ Григорій Иванычъ, такой задумчивый и молчаливый. Онъ ужасно похудѣлъ, осунулся и точно сдѣлался еще выше. Старый Яковъ Семенычъ долго вглядывался въ него, хмурился и бормоталъ что-то про себя, а потомъ не выдержалъ и заговорилъ:

— Нехорошее у васъ на умѣ, Григорій Иванычъ...

Печаткинъ даже вздрогнулъ и посмотрѣлъ на старика округлившимися отъ испуга глазами: Яковъ Семенычъ точно подслушалъ его отчаяніе.

— Дѣдушка, тошно мнѣ...—тихо отвѣтилъ Григорій Иванычъ, хватая голову руками.—Ахъ, какъ тошно... И за что?.. Кому я сдѣлалъ зло? Не умѣю быть хамомъ—вотъ вся моя бѣда. Не люблю подслуживаться, говорю правду, не даю другимъ подличать... Да. Что̀ же дѣлать, если я не могу иначе... И семьи жаль, и себя, и тошно мнѣ... Легъ бы—и умеръ.

— Устроится все понемножку. Не кто, какъ Богъ...

Разговорилъ старикъ горевавшаго, успокоилъ, пожурилъ и отправилъ домой самъ. А у Григорія Иваныча, дѣйствительно, было нехорошее на умѣ: хотѣлъ онъ броситься въ воду. Горе сломило и его. Не могъ онъ видѣть голодавшей изъ-за него семьи.

— Ну, спасибо, старина,—благодарилъ Печаткинъ, когда они подплывали къ Шервожу.—Въ нѣкоторое время, можетъ-быть, и пригожусь.

— Богу нужно молиться, Григорій Иванычъ... Оно и полегчаетъ, и еще какъ. Со слезами нужно молиться. Есть несчастнѣе насъ, а вы о дѣтяхъ думайте.

— Да, да. Спасибо...

Простившись со старикомъ, Печаткинъ поднялся на гору, посмотрѣлъ на широко разливавшуюся Лачу и вздохнулъ свободнѣе. И небо точно выше, и пароходъ снизу такъ весело бѣжитъ, и лодочка-скорлупка Якова Семеныча тамъ внизу чуть виднѣется... Печаткину сдѣлалось вдругъ страшно за самого себя. Что̀ онъ могъ надѣлать... Точно туманъ какой въ головѣ стоялъ, въ груди тяжесть, и такая злоба противъ всѣхъ. Даже дѣтей своихъ какъ-то сдѣлалось не жаль: что̀ жалѣть, когда ничѣмъ помочь не можетъ! Да еще хвастался раньше: я—то, я—другое... Нѣтъ, это была минута ужаснаго сумасшествія.

Дѣло было къ вечеру, и Печаткинъ зашелъ въ старинную приходскую церковь, гдѣ шла служба. Богомольцевъ было немного. Все больше старушки да какіе-то сомнительные субъекты. Григорій Иванычъ сталъ въ уголокъ и наблюдалъ. Онъ давно не бывалъ въ церкви. Все какъ-то некогда... Служилъ одинъ священникъ безъ дьякона. На клиросѣ пѣлъ одинъ псаломщикъ. Церковь была небогатая и освѣщена мало. Послѣднее придавало какую-то торжественную таинственность. Сначала Григорій Иванычъ не могъ молиться. Что-то его удерживало. Какой-то таинственный голосъ шепталъ ему: „Тебѣ было хорошо, и ты забылъ церковь, а стало худо—и пришелъ“... А какъ здѣсь все знакомо: и возгласы священника, и церковные мотивы, и молитвы—съ дѣтства знакомо. И вездѣ одно и то же, по всей Россіи, отъ одного океана до другого... Стомилліонный русскій народъ несетъ свое горе и радость вотъ сюда, и будутъ читать тѣ же молитвы, будутъ раздаваться тѣ же церковные мотивы, когда и Григорія Иваныча не будетъ на свѣтѣ. Печаткинъ почувствовалъ вдругъ себя такимъ маленькимъ и такимъ виноватымъ, какъ напроказившій ребенокъ. И тепло какое-то почувствовалось, и надежда, и, главное, спокойствіе.

— Ахъ, я безумецъ, безумецъ!—шепталъ Григорій Иванычъ, чувствуя, какъ начинаетъ оттаивать: вѣроятно, замерзавшій человѣкъ, котораго внесли въ теплую комнату, испытываетъ подобное же чувство.—Господи, прости меня...

Онъ забылся въ горячей молитвѣ и не чувствовалъ слезъ, катившихся по лицу. Когда онъ опомнился, рядомъ съ нимъ очутился какой-то мѣщанинъ въ пиджакѣ. Этотъ богомолецъ стоялъ на колѣняхъ и съ какимъ-то ожесточеніемъ откладывалъ земные поклоны, встряхивая свѣшивавшимися на глаза волосами. Григорій Иванычъ видѣлъ только, что это очень здоровый мужчина, съ такими сильными руками и крѣпкимъ затылкомъ.

„Должно-быть, у него тоже есть горе...“—подумалъ онъ невольно.

Служба кончилась. Григорій Иванычъ вышелъ на паперть и столкнулся съ тѣмъ же мѣщаниномъ, который стоялъ въ раздумьѣ. Они только теперь взглянули другъ на друга и поняли безъ словъ общее настроеніе.

— Что̀, братъ, плохо?—спросилъ Григорій Иванычъ.

— Хуже не бываетъ...—глухо отвѣтилъ мѣщанинъ.

Оба замолчали и пошли вмѣстѣ. Незнакомымъ людямъ, конечно, трудно разговаривать сразу, а Григорія Иваныча такъ и подмывало узнать, въ чемъ дѣло. Они молча дошли до пароходныхъ пристаней. Мѣщанинъ остановился у одной конторки и безцѣльно смотрѣлъ на суетившуюся толпу,—только-что пришелъ снизу пароходъ, и набережная кишѣла народомъ. Григорій Иванычъ закурилъ папироску.

— Вѣдь этакъ-то живого человѣка можно и живота лишить...—заговорилъ вдругъ мѣщанинъ, не обращаясь собственно ни къ кому.—Брать и говоритъ мнѣ: „твоя расписка, тебѣ и отвѣчать“. И я гляжу: моя... А не пи-

салъ, то-есть не я ее писалъ. Ну, теперь на окружный судъ за подлогъ, а моей причины никакой нѣтъ... У меня тоже семья, дѣтишки...

Онъ говорилъ быстро, такимъ тономъ, точно всѣ должны были знать про его мѣщанское горе. Сначала дичился чужого человѣка, а тутъ прорвало: хоть и чужой человѣкъ, а все же какъ будто и легче, когда выговоришься.

— Такъ, такъ...—повторялъ Григорій Иванычъ, вслушиваясь въ безсвязную рѣчь своего собесѣдника.

— Главное: зачѣмъ братъ меня обидѣлъ, господинъ? Ну, вышла такая моя ошибка, ну, бѣда навалилась, а онъ на меня же... Хуже чужого. Вѣдь мнѣ теперь разоръ... Все прахомъ пойдетъ. На подсудимую скамью посадитъ... срамъ... Ну, суди: весь тутъ. Дома ничего не осталось... А вотъ братъ...

— Вотъ что̀ я скажу тебѣ, милый человѣкъ: братъ тутъ ни при чемъ. А ты приходи завтра утромъ ко мнѣ, и мы все это дѣло разберемъ. Я теперь свободенъ и ничего не возьму съ тебя...

Мѣщанинъ отнесся недовѣрчиво къ этому предложенію, заподозрѣвъ въ Печаткинѣ одного изъ тѣхъ мелкихъ ходатаевъ по дѣламъ, которые ловятъ своихъ кліентовъ прямо на улицѣ. Но, подумавъ немного и тряхнувъ головой, онъ согласился.

— Отчего же не прійти—приду. Хуже все равно не будетъ...

— Тамъ увидимъ.

Григорій Иванычъ простился съ нимъ и быстрыми шагами направился домой. Онъ ужасно торопился, точно боялся не донести того хорошаго настроенія, которымъ былъ переполненъ. А если Анны Николаевны нѣтъ дома? Ему хотѣлось видѣть сейчасъ именно жену, чтобы подѣлиться съ ней охватившимъ его чувствомъ.

Къ его счастью, Анна Николаевна была дома. Маленькая Соня уже спала, а Любочка сидѣла за книжкой—дѣвочка очень любила читать.

— Что̀ съ тобой?—испуганно спрашивала Анна Николаевна, оглядывая мужа.—На тебѣ лица нѣтъ.

— Ахъ, Аня, Аня...

Онъ обнялъ ее, крѣпко расцѣловалъ и, усадивъ рядомъ съ собой на диванъ, принялся разсказывать все, что̀ съ нимъ случилось. Онъ ничего не скрылъ, и Анна Николаевна горько разрыдалась, когда узнала, какъ близко было непоправимое несчастіе. А какой хорошій дѣдушка: даже она ничего не замѣтила, а онъ замѣтилъ.

— Теперь все другое будетъ, Аня... Снова заживемъ, и еще какъ заживемъ!

Дальше слѣдовалъ разсказъ о томъ, какъ Григорій Иванычъ зашелъ въ церковь, какъ молился мѣщанинъ, какъ они разговорились съ нимъ на пристани. Анна Николаевна ничего не могла понять. Ей казалось, что мужъ сошелъ съ ума.

— Не понимаешь?—нетерпѣливо спрашивалъ Григорій Иванычъ.

— Нѣтъ... Мало ли дѣлъ у мѣщанъ бываетъ? Намъ-то какая забота...

— Ахъ, Аня, Аня... Да понимаешь ли ты, что говорю я съ мѣщаниномъ, а самъ соображаю, какъ ему помочь. Вѣдь я эти законы знаю... Ну, и вдругъ мнѣ мысль: отчего я не сдѣлаюсь частнымъ повѣреннымъ? Понимаешь? И вѣдь не пришло раньше въ голову... Правду сказать, не люблю я этихъ кляузъ, да вѣдь отъ меня будетъ зависѣть, какія дѣла брать. И полная независимость... Понимаешь? Чорту не братъ... И какъ это раньше мнѣ не пришло въ голову!.. А сколько можно добра сдѣлать... И, главное, вѣдь это мое дѣло. Ахъ, какой я дуракъ былъ! Правду говоритъ пословица: вѣкъ живи, вѣкъ учись, а дуракомъ умрешь.

Анна Николаевна все-таки не поняла мужа и отнеслась къ его радости съ большимъ недовѣріемъ.

Ровно черезъ мѣсяцъ на воротахъ дома, гдѣ квартировали Печаткины, появилась небольшая вывѣска: „Ходатай по дѣламъ Г. И. Печаткинъ“. Первымъ кліентомъ былъ тотъ самый мѣщанинъ, съ которымъ Григорій Ивановичъ встрѣтился въ церкви—его дѣло было выиграно. За нимъ появились другіе, главнымъ образомъ разная бѣднота. Григорій Иванычъ бралъ всякое чистое дѣло, не спрашивая о вознагражденіи. Бѣдный и благородный людъ разнесъ молву по всему городу о новомъ адвокатѣ. Дѣла Печаткиныхъ быстро поправились, такъ быстро, что всѣ знакомые только удивлялись.

— Молодчина, Григорій Иванычъ, — хвалилъ Петръ Аѳанасьевичъ, искренно радуясь успѣху Печаткина. — Давно бы ему въ адвокаты пойти... Вѣдь золотая голова.

Странно, что Мароѣ Даниловнѣ точно было непріятно, что Печаткины такъ быстро поправились. И всю новую мебель завели, и ребятишекъ пріодѣли, и заложенныя вещи выкупили—однимъ словомъ, разжились.

IX.

Катя и Любочка поступили въ гимназію, когда братья перешли уже въ третій классъ. Дѣвочки превратились, въ свою очередь, въ „первоклашекъ“. Ихъ поступленіе уже не было событіемъ, и на него смотрѣли, какъ на дѣло самое обыкновенное: ну, что̀ же тутъ такого особеннаго—поступили и будутъ учиться, пока достатку хватитъ. Это вѣдь совсѣмъ не то, что̀ Сережа и Гриша. Какое дѣвичье ученье... Тоже вотъ и относительно формы небольшая забота: коричневое люстриновое платье, люстриновый черный передникъ и бѣлый парадный—вотъ и все.

— Сколько поучишься, а тамъ увидимъ,—говорила Мароа Даниловна, довольно равнодушно оглядывая дочь въ новой гимназической „формѣ“.— Вотъ только бы Сережу поднять на ноги, а тамъ...

Обыкновенно Мароа Даниловна не договаривала, что̀ будетъ въ этомъ таинственномъ *тамъ*. Теперь обѣ семьи жили надеждами на будущее, и это будущее воплощалось для нихъ въ двухъ гимназистахъ третьяго класса. Собственная жизнь, съ ея мелкими заботами, дрязгами и неустаннымъ трудомъ, какъ-то отходила на задній планъ. Дѣвочки поневолѣ усваивали себѣ этотъ взглядъ и смотрѣли на самихъ себя, какъ на какое-то косвенное дополненіе къ братьямъ.

Начальницей женской гимназіи въ Шервожѣ была очень добрая, немножко сгорбленная старушка Анна Ѳедоровна Чемезова, которая пользовалась большимъ уваженіемъ со стороны своихъ воспитанницъ. Встрѣчаясь съ начальницей въ коридорѣ, Катя дѣлала ей реверансъ съ особеннымъ удовольствіемъ, какъ продѣлывала и вообще всѣ маленькія церемоніи своей новой обстановки, придававшія ей нѣкоторое офиціальное значеніе. „Екатерина Клепикова, завтра ваша очередь быть дежурной въ классѣ“,—говорила ей полная классная дама Поликсена Карловна. И Екатерина Клепикова переживала каждый разъ какое-то особенное волненіе, сознавая громадность возложенной на нее отвѣтственности. Въ слѣдующемъ, второмъ классѣ классной дамой была Евгенія Александровна, совсѣмъ высохшая, какъ щепка. Вообще, всѣ классныя дамы дѣлились на очень полныхъ и очень худенькихъ. Катя и Любочка, конечно, помѣстились на одной партѣ и въ нѣсколько дней до мельчайшихъ подробностей усвоили всѣ порядки своей гимназіи. Дѣвочки, вообще,

жили очень дружно и перенесли свою дѣтскую дружбу въ стѣны гимназіи. Отецъ давалъ Любочкѣ каждый день „священный пятачекъ“ на булку въ большую перемѣну, и Любочка дѣлилась своимъ завтракомъ съ Катей, которой денегъ не полагалось.

Любочка была такая смѣшная въ своей формѣ. Полное круглое лицо такъ и дышало какимъ-то задорнымъ здоровьемъ. Она была неизмѣнно весела и часто платилась за это. Бѣлокурая Катя рядомъ съ ней казалась такой тоненькой и всегда сидѣла такъ прямо, точно восковая куколка. Поликсена Карловна постоянно ставила m-lle Клепикову въ примѣръ m-lle Печаткиной, когда послѣдняя во время класса наваливалась грудью на парту, горбилась или начинала болтать своими толстыми ногами. Наконецъ m-lle Печаткина иногда, заслушавшись, сидѣла съ раскрытымъ ртомъ, что̀ превращало Поликсену Карловну въ телеграфную станцію, потому что ей приходилось, не прерывая урока, обратить на себя вниманіе зазѣвавшейся ученицы разными телеграфными знаками. Разъ Любочка даже заснула самымъ безсовѣстнымъ образомъ, за что ей очень досталось.

— Это все изъ-за тебя'—обвиняла Любочка Катю за всѣ свои злоключенія.—Я не виновата, что ты умѣешь сидѣть, какъ замороженная рыба. Непремѣнно перейду на другую парту...

Первымъ предметомъ для вниманія новичковъ были, конечно, классныя дамы, о которыхъ Марѳа Даниловна и Анна Николаевна получили самыя точныя свѣдѣнія.

— Худенькая сердитѣе,—объясняла Катя.

— Да вы хоть кого сведете съ ума,—ворчала Марѳа Даниловна.—Развѣ это хорошо, что вы, дѣвчонки, называете классныхъ дамъ синявками?

— Это, мама, ужъ всегда такъ было, потому что всѣ классныя дамы ходятъ въ синихъ платьяхъ... Мы не виноваты.

— И все-таки глупо!..

— А если онѣ сердятся—ну, и выходятъ синявки!

— Перестань глупости болтать.

Съ гимназистами у дѣвочекъ шелъ нескончаемый споръ относительно начальницы: гимназисты отстаивали своего генерала „Не-мнѣ“, а дѣвочки Анну Ѳедоровну.

— Она добрая, добрая, добрая!..—выкрикивала Любочка съ азартомъ.—Войдетъ въ классъ всегда тихонько... Ласковая такая, вѣжливая, а вашъ „Не-мнѣ“ кричитъ, какъ индѣйскій пѣтухъ, бранится и даже ногами топаетъ.

— Ну, это пустяки,—спокойно возражалъ Сережа, усвоившій себѣ нѣкоторыя солидныя привычки.—Что̀ изъ того, что старикъ немножко погорячится? Зато онъ никого не выгоняетъ изъ гимназіи и всегда за насъ... Только нужно все говорить ему откровенно.

— И у насъ откровенно!..

— Перестань, Сережа,—останавливалъ Гриша.—Развѣ дѣвчонки могутъ что-нибудь понимать?..

Какъ крайнее средство для доказательства превосходства своего генерала „Не-мнѣ“, гимназисты пускали въ ходъ его звѣзду.

— Ну-ка, гдѣ у вашей Анны Ѳедоровны звѣзды?.. То-то вотъ и есть, а туда же, спорите...

Дѣвочки смущались, не знали, что̀ сказать, и только разъ Любочка нашлась:

— Я видѣла какъ-то разъ вашего „Не-мнѣ“ въ полной формѣ: настоящій иконостасъ.

Между мужской и женской гимназіями существовала органическая связь, начиная съ того, что тамъ и здѣсь встрѣчались одинаковыя фамиліи. Такъ, въ первомъ классѣ женской гимназіи училась Болтина, дочь богатаго пароходчика, и красавица Клочковская, а въ старшихъ классахъ Гавличъ. Только здѣсь богатыя и бѣдныя ученицы стояли еще дальше другъ отъ друга, чѣмъ въ мужской гимназіи. У мальчишекъ слишкомъ много всеуравнивающей драчливости и обще-мальчишескихъ глупостей, что̀ въ школьный періодъ до нѣкоторой степени сглаживаетъ разницу общественнаго положенія. Дѣвочки, наоборотъ, сторонились инстинктивно, благодаря болѣе раннему развитію, чуткости и наблюдательности. Замкнутое комнатное воспитаніе развивало извѣстную мелочность характера, и самыя маленькія „приготовишки“ отлично понимали эту разницу. Каждая пуговка, каждая ленточка, каждая новая тетрадка были на счету. Притомъ дѣвочки изъ богатыхъ семей сторонились отъ „дочерей кухарокъ и прачекъ“, по строгому наказу своихъ maman, гувернантокъ и боннъ—онѣ не должны были смѣшиваться съ этой безличной толпой и въ гимназіи являлись дорогими гостями.

— Женя Болтина съѣдаетъ въ большую перемѣну три бутерброда и цѣлую французскую булку,—откровенно завидовала Любочка, страдавшая прекраснымъ аппетитомъ.—Если бы я была богатая, такъ я уплетала бы по двѣ булки...

Главную зависть въ бѣдныхъ гимназисткахъ возбуждало то, что богатыя пріѣзжали въ гимназію на собственныхъ прекрасныхъ лошадяхъ. Да и какъ было не завидовать, особенно осенью, когда приходилось шлепать по непролазной грязи откуда-нибудь изъ дальнихъ улицъ!

Изъ учителей были тоже старые знакомые, какъ Павелъ Васильичъ Огневъ, извѣстный гимназисткамъ по разсказамъ братьевъ. Онъ въ младшихъ классахъ преподавалъ русскій языкъ, а въ старшихъ словесность. Катя сначала ужасно его боялась, а потомъ убѣдилась, что въ немъ не только не было ничего страшнаго, а напротивъ, это былъ очень добрый человѣкъ по натурѣ. Онъ былъ высокаго роста, съ немного одутловатымъ лицомъ и близорукими, выпуклыми глазами, придававшими ему сердитый видъ; длинные бѣлокурые волосы рѣдко были причесаны гладко, и синій бархатный воротникъ мундира всегда былъ засаленъ. Огневъ душой любилъ свой предметъ, постоянно горячился и терпѣть не могъ плаксъ. Гимназистки потихоньку подсмѣивались надъ засаленнымъ воротникомъ его мундира, надъ его красными руками и произношеніемъ на „о“, но за всѣмъ тѣмъ Огневъ пользовался большимъ авторитетомъ, какъ человѣкъ справедливый, не мирволившій богатымъ ученицамъ, которыхъ онъ называлъ „тепличными растеніями“. Въ обѣихъ гимназіяхъ онъ почему-то былъ извѣстенъ подъ названіемъ „Бѣдной Лизы“; когда и кто далъ это глупое названіе—неизвѣстно, но оно неизмѣнно переходило отъ одного курса къ другому. Незадолго до поступленія нашихъ дѣвочекъ въ гимназію, у Огнева умерла жена, и онъ пользовался особеннымъ вниманіемъ всѣхъ женщинъ, маленькихъ и большихъ. На время были позабыты и его засаленный воротникъ, и нечесанные волосы, и красныя руки, и несчастная буква „о“.

Огневъ славился, какъ хорошій чтецъ. Съ младшихъ классовъ онъ читалъ своимъ ученицамъ стихи любимыхъ авторовъ и производилъ извѣстное впечатлѣніе.

— Есть мысли и чувства, которыя не укладываются въ будничныя фразы,—ораторствовалъ Огневъ въ первомъ классѣ.—Есть явленія природы, которыя поражаютъ насъ, и мы можемъ говорить о нихъ только стихами,

чтобы вполнѣ выразить наше настроеніе. Напримѣръ, вотъ какъ поэтъ описываетъ Волгу:

Какъ слезу любви изъ ока,
Какъ холодный потъ съ чела,
Волгу-матушку глубоко
Въ море Каспій пролила!

Катѣ ужасно нравились всякіе стихи, а эти она относила прямо къ родной Лачѣ, вспоминая свою поѣздку съ Григоріемъ Иванычемъ въ Курью.

Но всѣхъ больше Катѣ нравился батюшка о. Евгеній. Это былъ средняго роста, худенькій священникъ съ рыжей бородкой и печальными голубыми глазами. Онъ приходилъ въ классъ въ такой старенькой рясѣ и долженъ былъ отдохнуть, прежде чѣмъ могъ начать урокъ. Голосъ у него былъ слабый и глухой. Всѣ знали, что у о. Евгенія чахотка, и что онъ скоро умретъ. На его урокахъ стояла мертвая тишина, потому что никто не умѣлъ разсказывать такъ трогательно, какъ о. Евгеній. Любочка часто плакала, да и самъ о. Евгеній говорилъ со слезами на глазахъ. Онъ никогда не сердился и всѣмъ ставилъ хорошіе баллы. Катя съ перваго раза прониклась къ нему какимъ-то чувствомъ благоговѣнія и передъ каждымъ урокомъ терпѣливо ожидала его гдѣ-нибудь въ коридорѣ, чтобы подойти подъ благословеніе. О. Евгеній благословлялъ ее, гладилъ по головкѣ и такъ хорошо смотрѣлъ своими голубыми глазами.

Вообще, поступивъ въ гимназію, Катя раздѣлила всѣхъ людей на двѣ неравныхъ половины: на одной стояли гимназическіе учителя, классныя дамы и Анна Ѳедоровна, какъ что-то особенное, а на другой—всѣ остальные. Это чувство прошло съ ней черезъ всю гимназію, и послѣ гимназіи она долго не могла освободиться отъ него.

X.

Въ жизни всѣ явленія и всѣ люди связаны между собой невидимыми для глаза нитями. Эта внутренняя глубокая связь раскрывается только при исключительныхъ случаяхъ, когда точно обнажается внутренній остовъ этихъ отношеній. Напримѣръ, что̀ проще рождественской елки, а между тѣмъ въ жизни маленькой Кати и такой же маленькой Любочки первая такая елка, устроенная въ гимназіи, являлась цѣлымъ событіемъ. Много было потомъ другихъ елокъ, а первая была одна.

— Мама, мама, у насъ въ гимназіи будетъ елка!..—еще за двѣ недѣли до Рождества объявила Катя матери. — Большая елка... И всѣмъ будутъ подарки. Будетъ музыка, большія гимназистки будутъ танцовать... Ахъ, мама, мама, какъ будетъ весело!..

— Напрасно только балуютъ дѣвчонокъ, — сухо замѣтила Марѳа Даниловна, не любившая пустяковъ.—Елки только для богатыхъ устраиваются...

У Клешиковыхъ никогда не устраивалось елки и у Печаткиныхъ тоже, поэтому двѣ дѣвочки ожидали наступленія рокового вечера съ замираніемъ сердца. Что-то будетъ... ахъ, что̀ будетъ!.. Гимназисты втайнѣ имъ завидовали, но старались показать, что такіе пустяки ихъ совсѣмъ не интересуютъ.

— Это телячьи нѣжности!—угрюмо замѣтилъ Сережа.

— Да вѣдь тамъ всѣ будутъ, Сережа, — задыхаясь отъ радости, объясняла Катя.

— Всѣ вы глупыя, вотъ и радуетесь...

Торжество было устроено на второй день праздника. Въ актовой залѣ стояла громадная елка, украшенная горѣвшими свѣчами, золочеными орѣхами, дешевенькими подарками и разной мишурой. Маленькія дѣвочки въ бѣлыхъ передникахъ были внѣ себя отъ радости. Это какой-то волшебный вечеръ... И всѣ такія добрыя, рѣшительно всѣ. А какъ хороши эти разноцвѣтные фонарики, бонбоньерки, пакетики съ сюрпризами, большія конфеты... Катя и Любочка были точно въ чаду и все время ходили обнявшись. Учитель географіи, чахоточный господинъ, игралъ на роялѣ что-то необыкновенно хорошее, потомъ пѣлъ хоръ гимназистокъ, потомъ сѣла за рояль худенькая Евгенія Александровна и начались танцы. Нѣтъ, все это было ужасно весело, и можно только пожалѣть, что такіе вечера не повторяются.

— Тебѣ весело, крошка?—спрашивала начальница Анна Ѳедоровна, передавая Катѣ зеленую бонбоньерку.

— Ахъ, очень, очень весело, — отвѣтили въ одинъ голосъ Катя и Любочка.

Маленькихъ дѣвочекъ угощали сластями, потомъ былъ чай съ кондитерскимъ печеньемъ, фрукты—однимъ словомъ, происходило нѣчто совсѣмъ волшебное.

— Знаешь, Катя, я ихъ всѣхъ ужасно люблю!—откровенничала Любочка на ухо Катѣ.—Вѣдь, если разобрать, такъ и наша Поликсена Карловна очень добрая... Всѣ добрые!.. И мнѣ хочется всѣхъ расцѣловать, даже швейцара Воронка!..

Катя чувствовала то же самое, хотя больше всѣхъ любила Анну Ѳедоровну. Начальница нѣсколько разъ подходила къ ней, гладила по головѣ и разспрашивала, гдѣ она живетъ, есть ли у нея братья, гдѣ служитъ отецъ. А тамъ въ передней и въ коридорѣ ждали съ шубами въ рукахъ горничныя, какія-то старушки и Петръ Аѳанасьевичъ. Маленькихъ раскраснѣвшихся дѣвочекъ заставляли сначала ходить по коридору, чтобы онѣ немного прохладились, потомъ закутывали въ шубки и теплые платки и развозили по домамъ. Гимназистки старшихъ классовъ оставались дольше: у нихъ только-что начинались настоящіе танцы, для которыхъ были приглашены гимназисты и реалисты тоже изъ старшихъ классовъ. Катѣ и Любочкѣ не хотѣлось уѣзжать въ самый разгаръ праздника, но приходилось повиноваться. Петръ Аѳанасьевичъ самъ одѣлъ обѣихъ дѣвочекъ и повезъ ихъ на извозчикѣ по домамъ, — это, кажется, было въ первый разъ, что онъ ѣхалъ на извозчикѣ. Всю дорогу дѣвочки щебетали, какъ воробьи, и все выпрастывали голыя ручонки, чтобы показать полученные подарки.

— Ну, шабашъ, я больше васъ не повезу на балъ...—добродушно ворчалъ Петръ Аѳанасьевичъ, заразившись этимъ маленькимъ счастьемъ.—Еще носы себѣ отморозите, шалуньи.

Катя до боли хорошо чувствовала, какъ ее любитъ отецъ, и ласково прижималась къ нему всѣмъ своимъ маленькимъ тѣльцемъ, точно пригрѣтый котенокъ.

Разговоровъ о рождественской елкѣ хватило на цѣлый мѣсяцъ, и дѣвочки припоминали все новыя подробности, ускользнувшія въ общемъ вихрѣ впечатлѣній. Благодарная дѣтская память удержала все. Катю огорчало только равнодушіе матери, относившейся скептически къ ея дѣтскимъ восторгамъ. Другое дѣло Григорій Иванычъ — тотъ самъ готовъ былъ прыгать со своими любимицами. Катя просто бредила начальницей гимназіи, и въ ней все ей нравилось, начиная отъ ея темно-синяго платья и кончая тихимъ голосомъ и неслышной старческой походкой. Старушка и улыбалась

такъ хорошо своей сдержанной, немного печальной улыбкой. Катя старалась учиться изо всѣхъ силъ и скоро была въ числѣ первыхъ учениць.

— Учиться хорошо слѣдуетъ, милочка, только не слѣдуетъ увлекаться отмѣтками и наградами,—объясняла ласково Анна Ѳедоровна.—Ты такая худенькая, крошка, а здоровье нужно беречь. Всякій долженъ трудиться по своимъ силамъ.

Любочка полѣнивалась отъ избытка здоровья и обвиняла въ своихъ неудачахъ Катю. Въ самомъ дѣлѣ, не вылѣзти же изъ своей кожи Любочкѣ, когда навяжутся такія зубрилки, какъ m-lle Клепикова. Разсердившись, Любочка всегда повеличивала подругу „mademoiselle“.

Катя быстро подрастала и „выравнивалась“, какъ говорила Анна Николаевна. У нея уже образовался свой дѣтскій мірокъ, въ которомъ она жила своей маленькой жизнью. Самымъ любимымъ удовольствіемъ для нея было ходить въ женскую общину по субботамъ ко всенощной. Въ субботу заканчивалась трудовая гимназическая недѣля. Катя складывала свои книжки и тетрадки въ строгомъ порядкѣ, прибирала комнату, осматривала свое платье и съ нетерпѣніемъ начинала ждать дѣдушку Якова Семеныча, который приходилъ по субботамъ ровно въ пять часовъ. Они пили чай, а потомъ отправлялись.

— Ну, Катя, идемъ Богу молиться, — говорилъ старикъ каждый разъ одну и ту же фразу, натягивая на себя шубу. — Шесть дней дѣлай, а седьмой Господу Богу твоему.

Когда они выходили на улицу, было уже совсѣмъ темно,—зимой рано темнѣетъ. Веселая улица едва освѣщалась рѣдкими фонарями. Катѣ нравилось итти именно въ этой темнотѣ, хотя она и боялась большой и пустынной площади, которая отдѣляла собственно городъ отъ общины. Зато каждый разъ она испытывала такое хорошее, теплое чувство, когда подходила съ дѣдушкой къ святымъ воротамъ. Вотъ и фонарикъ тлѣетъ золотой искоркой, и сестра-вратарь встрѣчаетъ ихъ съ низкимъ поклономъ, а дѣдушка опускаетъ свою стариковскую копеечку въ монастырскую кружку. Изъ святыхъ вратъ, расписанныхъ сплошь дѣяніями угодника и святителя Николая, теплый коридоръ велъ въ маленькую зимнюю церковь-теплушку. Въ главномъ соборѣ служили только лѣтомъ. Какое-то особенное чувство охватывало Катю, когда она попадала подъ эти низкіе каменные своды, въ толпу богомольцевъ. Маленькая церковь была такая чистенькая, монахини ходили неслышными шагами, какъ черныя тѣни, а тамъ, вмѣстѣ съ синеватымъ дымомъ, поднималось такое стройное пѣніе. Яковъ Семенычъ всегда надѣвалъ военный мундиръ и во время службы стоялъ, вытянувшись въ струнку. Катя становилась рядомъ съ нимъ и усердно молилась хорошей дѣтской молитвой. Маленькія послушницы въ островерхихъ бархатныхъ черныхъ шапочкахъ ходили мимо такими же неслышными шагами, какъ большія монахини, и на ходу низко опускали глаза. Катѣ особенно нравилась одна, которая на срединѣ церкви читала шестопсалміе такимъ чистымъ и звонкимъ голосомъ. И лицо у нея было такое красивое, блѣдное-блѣдное, съ удивительными сѣрыми глазами—это былъ какой-то черный ангелъ. Катя заочно полюбила красавицу-послушницу и испытывала пріятное чувство, когда та проходила мимо. На клиросахъ мелькали десятки такихъ же островерхихъ шапочекъ, и Катя про себя жалѣла маленькихъ черничекъ. Она слыхала отъ матери, что эти дѣвочки круглыя сироты, и что имъ очень тяжело, особенно въ Великій постъ, когда служба такая длинная. Служилъ всегда о. Евгеній своимъ глухимъ голосомъ, и Катѣ казалось, что кругомъ нея дѣлается что-то неземное. Жизнь съ ея

заботами и суетой оставалась тамъ, за каменной монастырской стѣной, а здѣсь теплилось что-то особенное, что дѣлаетъ всѣхъ и лучше, и справедливѣе, и добрѣе. Не любила она только монастырскаго дьякона, который портилъ впечатлѣніе и своей громадной неуклюжей фигурой и страшнымъ басомъ. Иногда онъ заходилъ на клиросъ, и дьяконскій басъ перекатывался подъ низкими сводами съ глухимъ рокотомъ. Къ довершенію всего, этотъ ужасный человѣкъ оказался знакомымъ Якова Семеныча. Онъ разъ подошелъ послѣ службы къ старику, хлопнулъ его по плечу и на всю церковь спросилъ:

— Ну, какъ поживаешь, служба?..

— Онъ добрый, этотъ дьяконъ,—объяснялъ Яковъ Семенычъ. — Только вотъ голосъ у него—какъ изъ пушки выстрѣлитъ...

Въ слѣдующій разъ Катя внимательно разсмотрѣла некрасивое дьяконское лицо и убѣдилась, что онъ, дѣйствительно, добрый—глаза добрые и улыбается такъ хорошо. Но все-таки Катя продолжала его не любить: зачѣмъ онъ такой большой и говоритъ такъ громко?

Возвращались домой въ такой же темнотѣ. Дѣдушка иногда бралъ съ собой фонарикъ, но рѣдко доносилъ огонь до дому: одно стекло было съ изъяномъ, и вѣтеръ гасилъ свѣчу. Старикъ четвертый годъ собирался вставить новое стекло, да все какъ-то руки не доходили.

Въ воскресенье Катя ходила съ дѣдушкой въ ту же общину къ обѣднѣ. Днемъ служба не производила на нее такого впечатлѣнія. Разъ, выходя изъ монастырской церкви, Катя неожиданно встрѣтилась съ Анной Ѳедоровной въ коридорѣ. Начальница разговаривала съ какой-то пожилой „манатейной“ монахиней. Катя сдѣлала реверансъ.

— Ахъ, это ты, крошка?—удивилась старушка, раскланиваясь съ Яковомъ Семенычемъ, сдѣлавшимъ ей по-военному подъ козырекъ.—А это твой папа, если не ошибаюсь?..

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство!—отвѣчалъ старикъ тоже по-военному.—Дѣдушкой прихожусь...

— Очень пріятно, очень... Мы выйдемъ вмѣстѣ. До свиданія, Агнеса Александровна... Виновата: сестра Агапита.

Пожилая монахиня чуть-чуть покраснѣла при этомъ мірскомъ имени и печально улыбнулась. Катя замѣтила только, что у Агнесы Александровны лицо точно восковое и такія же руки, а глаза темные-темные и большіе-большіе.

— Такъ это ваша внучка?—спрашивала монахиня, наклоняясь къ Катѣ и какъ-то необыкновенно пристально вглядываясь въ ея лицо своими живыми темными глазами.—Я вижу ее, Анна Ѳедоровна, за каждой всенощной... Она такъ усердно молится.

Катѣ вдругъ сдѣлалось страшно, и она ухватилась обѣими руками за дѣдушкину шубу, а сестра Агапита тяжело вздохнула, и Катѣ показалось, что у нея на лицѣ выступили слезы. Анну Ѳедоровну ждала лошадь, но старушка пошла пѣшкомъ, немного прихрамывая на ходу—ей прописанъ былъ моціонъ. День былъ морозный, но безъ вѣтра. Катя раскраснѣлась на ходу, и Анна Ѳедоровна ласково потрепала ее по розовой щекѣ.

— Это хорошо, что ты любишь молиться,—говорила старушка. — Въ молитвѣ великая сила... Особенно намъ, женщинамъ, нужно умѣть молиться.

Катя почувствовала себя необыкновенно хорошо, точно Анна Ѳедоровна была своя, родная. Ей ужасно хотѣлось разсказать ей и про Сережу, и про маленькаго Пѣтушка, и про Курью, и про Григорія Иваныча, но Анна Ѳедоровна устала и подозвала слѣдовавшія за ней сани.

— Ну, до свиданія, крошка...—говорила старушка, усаживаясь въ экипажъ при помощи Якова Семеныча.—Я отлично прошлась.

— До свиданія, ваше превосходительство!..—еще разъ по-военному отвѣтилъ Яковъ Семенычъ, опять дѣлая подъ козырекъ.

— Дѣдушка, ты зачѣмъ называешь Анну Ѳедоровну ея превосходительствомъ?—смѣялась Катя, когда сани уѣхали.

— А то какъ же? Конечно, генеральша... Вообще, отличная дама. И какая простая... Да ей бы, по ея добротѣ, княгиней слѣдовало быть...

Яковъ Семенычъ былъ въ восторгѣ, что познакомился съ самой начальницей, и, встрѣчая гдѣ-нибудь на улицѣ ея сани, издали раскланивался и каждый разъ повторялъ: „Ну, конечно, генеральша... Сейчасъ видно!..“

Черезъ нѣсколько времени Катя познакомилась и съ монастырскимъ дьякономъ, котораго встрѣтила у Печаткиныхъ. Въ маленькой квартирѣ онъ казался еще больше, а дьяконскій басъ гудѣлъ, какъ мѣдная труба. Любочка хохотала въ сосѣдней комнатѣ до слезъ и нѣсколько разъ выскакивала посмотрѣть на чудовище.

— Мадемуазель, парле ву келькешозъ...—гудѣлъ о. дьяконъ, пугая любопытную гимназистку.—Ле сюкръ монъ рьень розсюреву...

Смѣялся и Григорій Иванычъ надъ этимъ коверканымъ языкомъ. Сначала о. дьяконъ пришелъ по какому-то дѣлу, а потомъ завертывалъ просто такъ, на огонекъ, какъ заходятъ въ гости въ провинціи. Всѣ къ нему какъ-то сразу привыкли, и Любочка прозвала его: отецъ Келькешозъ.

— Силянсъ, мадемуазель,—добродушно басилъ добродушный богатырь.—Сивупле пардонъ...

Григорій Иванычъ какъ-то особенно полюбилъ монастырскаго дьякона и цѣлые вечера проводилъ съ нимъ въ безконечныхъ разговорахъ. Очень ужъ простъ былъ дьяконъ, и сердце у него золотое. Всего забавнѣе были ихъ споры, чисто-русскіе споры—до хрипоты и полнаго изнеможенія. Анна Николаевна почему-то не взлюбила дьякона и никакъ не могла понять, что̀ въ немъ находитъ Григорій Иванычъ. Трудно было себѣ представить два настолько противоположныхъ характера.

— Необразованный онъ человѣкъ,—ворчала Анна Николаевна—И, навѣрно, водку пьетъ...

— Ну, это не наше дѣло, Аня... А я его люблю, просто такъ люблю. Какъ-то веселѣе на душѣ дѣлается, когда онъ въ комнату войдетъ... Бываютъ такіе особенные люди.

XI.

Мы не будемъ описывать жизнь нашихъ героевъ день за днемъ, потому что наступилъ длинный пробѣлъ, въ теченіе котораго ничего особеннаго не случилось. Первыя впечатлѣнія отъ гимназической жизни улеглись, и все пошло своимъ чередомъ, какъ заведенные часы. Петру Аѳанасьевичу вышла прибавка жалованья въ пять рублей, но эта прибавка не покрывала все нараставшихъ расходовъ. У Григорія Иваныча дѣла шли хорошо, но онъ не умѣлъ беречь нажитыя деньги, да, кромѣ того, потихоньку отъ всѣхъ, часто помогалъ неимущимъ кліентамъ. Лучшимъ временемъ для обѣихъ семей было лѣто, когда всѣ отдыхали, и Курья являлась чѣмъ-то въ родѣ дачи. Къ прежней компаніи присоединился теперь монастырскій дьяконъ, просиживавшій съ удочкой гдѣ-нибудь на берегу цѣлые дни.

Марѳа Даниловна и Анна Николаевна по обыкновенію оставались дома

и часто сходились вмѣстѣ, чтобы провести время за безконечными женскими разговорами.

— Когда и время прошло... — удивлялась иногда Анна Николаевна.— Давно ли, кажется, мы съ вами, Марѳа Даниловна, своихъ-то углановъ въ гимназію привели?.. Охъ-хо-хо... А ужъ теперь въ шестомъ классѣ. Оглянуться не успѣешь, какъ совсѣмъ большіе вырастутъ. Хоть однимъ бы глазкомъ посмотрѣть на нихъ, на большихъ-то. Мнѣ все кажется, что я не доживу... Этакъ раздумаюсь-раздумаюсь, и даже точно страшно сдѣлается.

— Перестаньте, Анна Николаевна... Прежде смерти никто не умретъ. Тогда-то и пожить, когда дѣти большія вырастутъ. Должны же они чувствовать нашу заботу... На старости лѣтъ покоить будутъ.

— Охъ, я не знаю, Марѳа Даниловна, какъ это будетъ... Ученые-то будутъ, пожалуй, и не узнаютъ насъ. Вонъ мой-то Григорій Иванычъ что говоритъ: „Аня, всякому до себя, а я ничего не требую отъ дѣтей... Воспитывая ихъ, мы только платимъ долгъ“. Вотъ и поговори съ нимъ. Отецъ долженъ страхъ внушать и почтеніе, а онъ впередъ говоритъ: „ничего не требую“.

Марѳа Даниловна только качала головой.

— Все женихи растутъ,—думала вслухъ Анна Николаевна, перебирая по пальцамъ Гришиныхъ товарищей.—Выучатся, и женить надо... Бьешься-бьешься, а тутъ еще какая жена попадетъ.

— Насъ не спросятъ по нынѣшнему времени, Анна Николаевна... Ну, да о мальчикахъ не забота: не хитрое дѣло невѣсту найти. Вотъ съ дѣвчонками побольше заботы... Съ богатымъ приданымъ сколько невѣстъ-то у окошечка сидитъ, а тутъ еще наши безприданницы. Даже и подумать страшно.

— Прежде проще было, Марѳа Даниловна...

— Куда проще!..

Будущія безприданницы были еще только въ четвертомъ классѣ. Любочка оставалась все такой же пухлой и розовой, а Катя была выше ея ростомъ и казалась такой жиденькой. У дѣвочекъ давно проявилась разница характеровъ, а теперь эта разница иллюстрировалась все сильнѣе разными мелочами. Такъ, въ четвертомъ классѣ Любочка проявила необыкновенную страсть рядиться. Въ гимназіи стѣсняла форма, и Любочка ограничивалась тѣмъ, что съ какимъ-то ожесточеніемъ завивала накаленной шпилькой себѣ волосы на лбу. Ей частенько приходилось платиться за это невинное занятіе, потому что отъ зоркаго глаза Поликсены Карловны ничего не ускользало. Разъ Любочка даже была оставлена безъ обѣда, потому что имѣла неосторожность сжечь на лбу половину волосъ. Впрочемъ, Любочкѣ часто приходилось переносить несправедливость.

— Для кого ты рядишься-то, Любочка?—спрашивала Катя, чтобы подразнить подругу.—Если бы еще большіе гимназисты обращали на тебя вниманіе...

— Гимназисты? Очень нужно... — ворчала Любочка. — А просто, мнѣ нравится, и буду завивать волосы, буду носить бантики... Да, нравится, и только. Никому нѣтъ дѣла... А гимназистовъ я ненавижу. Гимназисты только и знаютъ, что свои уроки, а насъ вездѣ дергаютъ: „Любочка, вымой чайную посуду! Любочка, сходи погулять съ Соней! Любочка, выгладь себѣ воротнички...“ Мы такъ же учимся, а тутъ изволь все дѣлать.

Дѣло доходило до открытаго сопротивленія родительской власти, особенно когда приходилось пришивать какую-нибудь пуговицу къ мундиру Гриши или поправлять отставшую подкладку у гимназической шинели.

— Пусть самъ пришиваетъ,—отказывалась Любочка, надувая губы.—Это какое-то рабство, мама.

— Люба, какъ ты матери-то отвѣчаешь?

— Мамочка, да вѣдь я же не прошу Гришу пришивать мнѣ тесемки да крючки?..

— Ахъ, какая ты непонятная: Гриша—мальчикъ...

— Я сама мальчикъ! Вотъ придумали...

У Кати тоже разыгралось нѣсколько исторій на эту тему, и она даже была посажена на цѣлый вечеръ въ кухню. Дѣвочка не плакала, но затаила въ себѣ тяжелую ненависть по отношенію къ мальчишкамъ, на которыхъ всѣ должны работать. Очень нужно... Впрочемъ, Катя скоро одумалась: вѣдь мамѣ не ослѣпнуть за работой — она одна обшивала всю семью. Скрѣпя сердце, она помирилась со своими сестринскими обязанностями и безъ приглашенія пришивала пуговицы и клала заплатки, причемъ вымещала свое неудовольствіе уже на мундирѣ или шинели, швыряя ихъ куда-нибудь въ уголъ. Смутное сознаніе какихъ-то особенныхъ обязанностей дѣвочки въ семьѣ еще не укладывалось въ полудѣтскомъ пониманіи.

А гимназисты, между тѣмъ, выросли какъ-то незамѣтно. Періодъ бабокъ, бумажныхъ змѣевъ, жеванья резинки, катанья на салазкахъ и драки съ „козлишками“ миновалъ навсегда, уступивъ мѣсто другимъ удовольствіямъ, интересамъ и заботамъ. Сережа вытянулся, сдѣлался такимъ серьезнымъ и по вечерамъ любилъ читать книги, которыя приносилъ изъ гимназіи.

— Что̀ ты читаешь, Сережа?—приставала Катя къ брату, когда тотъ забирался съ книгой куда-нибудь въ уголокъ.

— Отстань... Ты еще мала. Читай вонъ Майнъ-Рида или Купера...

У Гриши на верхней губѣ уже пробивался черный пушокъ, что̀ доставляло Любочкѣ неистощимую тему для разныхъ выходокъ. Она любила ходить по комнатѣ и щипать верхнюю губу, чтобы Гриша это видѣлъ. Впрочемъ, разсердить Гришу было довольно трудно. Изъ задорнаго драчуна-мальчишки онъ превратился въ добродушнаго молодого человѣка и относился къ Любочкѣ съ самой обидной снисходительностью.

— Скажите, пожалуста, какой новый ученый открылся!—язвила иногда Любочка, перебирая книги на столѣ Гриши. — Ученыя книжки только для важности читаютъ... Давно ли резинку жевали и съ сапожничьими дѣтьми дрались, а теперь „Исторія цивилизаціи Европы“ началась.

Въ сущности, Любочка завидовала Гришѣ, особенно когда онъ начиналъ о чемъ-нибудь спорить съ отцомъ. Откуда онъ успѣлъ набраться разныхъ умныхъ словъ? О, она перечитаетъ всѣ умныя книжки и тоже будетъ спорить. Непремѣнно... Только вотъ ужасно спать хочется по вечерамъ, когда Гриша читаетъ. Ну, да ничего, до шестого класса еще далеко.

У гимназистовъ уже сложилось товарищество, переходившее изъ класса въ классъ. На первомъ планѣ стоялъ Володя Кубовъ, не потому, что онъ былъ первымъ ученикомъ, а потому, что отличался большой начитанностью и умѣніемъ спорить. Память у поповича была громадная. Онъ могъ цитировать цѣлыми страницами наизусть. Городскіе гимназисты, какъ Сеня Заливкинъ или Миша Гребневъ, могли только удивляться. Впрочемъ, это превосходство не переходило за границы ученическихъ табелей. Гимназисты теперь часто собирались у Печаткиныхъ, гдѣ чувствовали себя совсѣмъ свободно. У Клепиковыхъ всѣ какъ-то стѣснялись. Эти собранія отличались большимъ шумомъ, потому что вѣчно завязывались горячіе споры.

— А все это поповичъ затѣваетъ,—ворчала Марса Даниловна.—Натащитъ какихъ-то толстыхъ книгъ... Ну, и дерутъ горло.

— Ну, пусть ихъ... — добродушно отстаивалъ Петръ Аѳанасьевичъ. — Молодо-зелено... Перемелется—мука будетъ.

— То-то вотъ какъ на мельницѣ.

Въ этихъ дебатахъ принимали участіе даже дѣдушка Яковъ Семенычъ и монастырскій дьяконъ. Послѣдній отличался трогательнымъ невѣжествомъ. Онъ былъ, напримѣръ, глубоко увѣренъ, что „боберъ“ пьетъ хвостомъ, что стекло дѣлаютъ изъ соломы, и тому подобное. Впрочемъ, онъ ухитрялся иногда подшутить надъ Яковомъ Семенычемъ насчетъ гимназистовъ.

— Они, эти самые гимназеры, и человѣка отъ обезьяны производятъ,— увѣрялъ дьяконъ совершенно серьезно.

Яковъ Семенычъ почему-то каждый разъ ужасно сердился, сердился до того, что краснѣлъ и начиналъ кашлять. Все это выходило очень смѣшно.

— Терпѣть я не могу эту самую обезьяну!—бранился старикъ.—Я ихъ, обезьянъ, насмотрѣлся... тьфу! ты мнѣ лучше и не говори о нихъ, дьяконъ. Мерзость... тьфу! тьфу!..

Монастырскій дьяконъ хохоталъ во все горло, когда Яковъ Семенычъ начиналъ плеваться, а потомъ пробовалъ припомнить что-нибудь изъ семинарскаго курса философіи, но въ его памяти сохранились только обрывки отдѣльныхъ фразъ. Онъ спорилъ громче всѣхъ и каждый разъ закрывалъ глаза, когда хотѣлъ поразить противниковъ какимъ-нибудь философскимъ опредѣленіемъ или семинарской „хріей“.

— Нѣтъ, ты постой... подожди... — повторялъ онъ, напрягая свои умственныя способности.—Постой...

Затѣмъ дьяконъ закрывалъ глаза и какъ-то залпомъ выстрѣливалъ:

— Фихте, замкнувшись въ свое *я*, разорвалъ всякую связь съ дѣйствительностью... Что̀, каково? Ну-ка? А то: поцѣлуй есть уничтоженіе количественной разности между субъективнымъ объектомъ и объективнымъ субъектомъ... тьфу! Совсѣмъ не то... Постой, я тебя по Канту шарахну... Про антимоніи слыхалъ? То-то вотъ и есть...

Въ трудныхъ случаяхъ, когда стороны слишкомъ уже горячились и даже начинали говорить дерзости, обращались за разрѣшеніемъ къ Григорію Иванычу, который долженъ былъ знать все.

— Ну-ка, Григорій Иванычъ, утри носъ молокососамъ!—подстрекалъ дьяконъ, хлопая Печаткина своей десницей по плечу.—Я-то немножко того... ну, забылъ. Отецъ ректоръ прямо сказалъ: „Ты, Семенъ Истолбинъ, древоголовъ въ наукахъ“... У насъ ректоръ былъ ученый...

Григорій Иванычъ, къ общему удивленію, пасовалъ по части философіи и какъ-то даже смущался. Это сердило и Якова Семеныча и монастырскаго дьякона, которые были увѣрены, что онъ просто не хочетъ поддерживать ихъ сторону. Въ сущности Григорій Иванычъ былъ очень радъ, что молодые люди занимаются умными вопросами и читаютъ ученыя книги. Положимъ, понимали они изъ пятаго въ десятое и толковали прочитанное вкривь и вкось, но это еще ничего не значило. Молодое пиво бродило...

Однимъ словомъ, все шло хорошо, по-молодому, пока неожиданно не налетѣла гроза. Поповичъ Кубовъ нагрубилъ въ чемъ-то инспектору, и разыгралась гимназическая исторія. Генералъ „Не-мнѣ“ потребовалъ, чтобы Кубовъ извинился предъ инспекторомъ на глазахъ у всего класса; но поповичъ не захотѣлъ. Старикъ-директоръ топалъ на него ногами, кричалъ—ничего не помогало. Въ этой исторіи приняли участіе всѣ: Григорій Иванычъ, Петръ

Аѳанасьевичъ, Яковъ Семенычъ и даже монастырскій дьяконъ. Всякій уговаривалъ упрямаго поповича по-своему, но тотъ остался при своемъ.

— Главное, въ университетъ не попадешь,—уговаривалъ Печаткинъ.

— Что же дѣлать, не всѣмъ въ университетѣ кончать,—возражалъ Кубовъ.—Я пойду въ народные учителя...

— Быть учителемъ хорошее дѣло,—соглашался Печаткинъ,—да только гордость свою нужно умѣть смирять... Вѣдь все дѣло, Володя, въ гордости. Не хочешь покориться...

— Не хочу...

— За гордость пострадалъ сатана и былъ сверженъ въ бездну,—доказывалъ дьяконъ, размахивая руками.

Такъ Кубовъ и оставилъ гимназію, что огорчило всѣхъ знакомыхъ. Марѳа Даниловна сразу перемѣнила свое обращеніе съ исключеннымъ гимназистомъ. Раньше она всегда ставила Кубова въ примѣръ другимъ, а теперь точно не замѣчала его. Это особенно огорчало Катю. Она отлично помнила, какъ Володя Кубовъ пришелъ къ нимъ въ первый разъ не гимназистомъ, а въ штатскомъ платьѣ. Онъ точно сразу сдѣлался чужимъ, хотя гимназисты всячески и старались показать ему свое вниманіе. И самъ Кубовъ это чувствовалъ, но не унывалъ и старался казаться веселымъ, точно ничего особеннаго не случилось.

Всѣхъ лучше и проще отнесся къ Кубову монастырскій дьяконъ. Онъ потрепалъ его по плечу своей медвѣжьей лапой и съ грубоватой ласковостью сказалъ:

— Вотъ что, Володька... Ты того, надурилъ, послѣ покаешься, а теперь пока переѣзжай ко мнѣ. Отецъ-то не будетъ тебѣ денегъ посылать, а жить надо... Ну, пока что, живи у меня. Моя дьяконица, хоть и сердитая, а кусковъ не будетъ считать. А я тебя, братъ, на гласы выучу пѣть... Въ псаломщики опредѣлишься.

Хотя на гласы пѣть Кубовъ и не сталъ, но поселился пока у дьякона. Они приходились какими-то дальними родственниками.

Любочка и Катя не могли хорошенько понять всей этой исторіи, но почему-то прониклись особымъ уваженіемъ къ Кубову, который въ ихъ глазахъ сдѣлался совсѣмъ большимъ человѣкомъ, не то, что другіе гимназисты, остававшіеся попрежнему просто мальчиками.

XII.

Дѣла у Печаткиныхъ шли „ни шатко, ни валко, ни на сторону“. Григорій Иванычъ зарабатывалъ гораздо больше, чѣмъ когда-нибудь раньше, но явились и лишніе расходы, а, главное, проявилось въ полной формѣ неумѣніе жить. Зарабатывая втрое больше, чѣмъ Клепиковъ, Григорій Иванычъ постоянно жилъ „въ обрѣзъ“ и не разъ перехватывалъ у Петра Аѳанасьевича мелочью. Въ квартирѣ Печаткиныхъ теперь появлялись каждый день новыя лица: какія-то забвенныя старушки, которыхъ обижали дальніе родственники, ссорившіеся наслѣдники, запутавшіеся въ дѣлахъ городскіе мѣщане, мужики изъ окрестныхъ деревень, не понимавшіе ничего въ дѣлахъ вдовы, малолѣтнія сироты и т. п. Печаткинъ не отказывался ни отъ одного чистаго дѣла—это было его принципомъ. Иногда приходилось ему самому вносить и судебныя пошлины и оплачивать гербовыя марки, а погашеніе этихъ расходовъ предполагалось потомъ, когда дѣло будетъ выиграно. Не разъ случалось такъ, что даровой кліентъ, выигравъ процессъ, скромно исчезалъ.

— Вотъ ты всегда такъ, Григорій Иванычъ,—корила Анна Николаевна.— Тебя и кліенты не будутъ уважать, зачѣмъ дешево берешь. Вонъ другіе адвокаты на своихъ лошадяхъ ѣздятъ, дома наживаютъ.

— Что же, всякому свое, Аня. Я не умѣю драть съ живого и мертваго... Такой ужъ характеръ. Ты могла бы упрекать меня, если бы я кого-нибудь обманулъ, а если меня надуваютъ, такъ это еще ничего... Я честно исполняю свой долгъ. Да...

— Толку-то отъ этого мало, Григорій Иванычъ. Другіе-то...

— Женщина, перестань... Пренебреги.

Въ сущности, Анна Николаевна мало знала положеніе дѣлъ мужа, какъ это было и раньше. Григорій Иванычъ не любилъ, чтобы его разспрашивали, и все дѣлалъ по-своему. Онъ всегда былъ доволенъ настоящимъ, а теперь въ особенности. Всего откровеннѣе Печаткинъ былъ съ посторонними, какъ дѣдушка Яковъ Семенычъ или Володя Кубовъ. Послѣдній теперь заходилъ довольно часто и подолгу разговаривалъ съ Григоріемъ Иванычемъ.

— Странная вещь наша жизнь, Володя,—часто говорилъ Печаткинъ въ какомъ-то тяжеломъ раздумьѣ. — Живешь-живешь, а все равно еще и не начиналъ жить. Все чего-то ждешь... Вотъ завтра это настоящее начнется, а сегодня это только такъ, между прочимъ. Тебѣ это странно слышать, Володя, а когда будетъ сорокъ лѣтъ, тогда и поймешь. И съ работой тоже... Я всю жизнь проболтался ни за грошъ и только теперь вышелъ на настоящую дорогу, а прежней-то силы нѣтъ. Самъ чувствую, что то, да не то... Вотъ ты, молодой человѣкъ, готовься на частнаго повѣреннаго.

— Нѣтъ, я сначала учителемъ буду...

— Это не мѣшаетъ. Сначала учителемъ поработаешь, а потомъ адвокатурой займешься. Хорошее дѣло, если къ нему порядочнаго человѣка приставить. И, вообще, нужно по-американски жить: въ одномъ мѣстѣ сорвалось— ищи въ другомъ... И никогда не унывай. Намъ недостаетъ предпріимчивости, а дѣла не передѣлаешь. Повѣрь мнѣ...

Съ Кубовымъ Григорій Иванычъ любилъ вести душевные разговоры больше, чѣмъ съ кѣмъ-нибудь другимъ.

— Усталъ я, Володя. — Что-то вся моя машина испортилась... Читаю другое прошеніе, а самъ ничего не понимаю. Старость, видно, подходитъ... Потомъ, ночью спать не могу. Вообще, нехорошо... Ужо, лѣтомъ отдохнемъ.

Но отдохнуть Григорію Иванычу такъ и не удалось. Онъ серьезно заболѣлъ на четвертой недѣлѣ Великаго поста, хотя домашнимъ ничего и не сказалъ. Болѣла грудь, томилъ по ночамъ кашель, кружилась голова, не было аппетита — однимъ словомъ, скверно. Однажды утромъ у Григорія Иваныча хлынула кровь горломъ. Онъ никому ничего не сказалъ и отправился къ одному молодому доктору.

— Вы ужъ мнѣ всю правду скажите, молодой человѣкъ,—предупредилъ онъ доктора.—Старымъ врачамъ я не вѣрю... Очень ужъ они изоврались.

— Вы семейный человѣкъ? — пытливо спрашивалъ докторъ.

— Да, но отъ этого мнѣ не легче... Смерти я не боюсь, а желаю знать только правду. Объ одномъ прошу: ничего не скрывайте...

Докторъ долго и внимательно его изслѣдовалъ, выстукивалъ, выслушивалъ и наконецъ проговорилъ:

— Вы мнѣ не нравитесь...

— Никакой надежды?..

— То-есть какъ это вамъ сказать... Конечно, бываютъ случаи, когда ткань легкаго рубцуется...

— Попомню. Благодарю васъ... Прощайте. Кстати, сколько я могу протянуть въ счастливомъ случаѣ?

— Какъ вамъ сказать: ну, мѣсяцъ... можетъ-быть, недѣль шесть.

— Еще разъ благодарю. Я изъ неудачниковъ, молодой человѣкъ, и пора кончить свою житейскую ариѳметику. Болѣзни послѣдовательнѣе, чѣмъ наша глупая жизнь...

Дома Печаткинъ никому не сказалъ о своемъ положеніи, хотя Анна Николаевна и замѣтила, что онъ смотритъ на нее какъ-то особенно. Все свое время теперь Печаткинъ проводилъ съ дѣтьми. Большую часть дня онъ лежалъ на диванѣ. Особенно любилъ онъ дѣвочекъ, Любу и Катю.

— Миленькія мои дѣвочки, какъ-то вы жить будете... — грустно повторялъ Печаткинъ, наблюдая своихъ любимицъ.

— А что̀, папа? — спрашивала бойкая Любочка. — Будемъ жить, какъ другіе живутъ. Да еще лучше проживемъ. Вотъ увидишь. Мы хорошія...

— Да, да... А хорошему-то человѣку, голубчикъ, и мудрено жить на свѣтѣ. Катя, ты запомни это...

— Запомню, Григорій Иванычъ...

— Да, запомни, дѣвочка. Будешь большая, будешь умная, еще труднѣе покажется... Но, какъ бы вамъ скверно ни было, помните всегда одно, что найдутся люди, которымъ еще хуже.

Печаткинъ любилъ говорить съ дѣтьми именно въ такой отвлеченной формѣ, и они по-своему понимали его. Катѣ Клепиковой нравился самый тонъ такихъ разговоровъ, потому что одинъ Григорій Иванычъ умѣлъ говорить такъ душевно и вмѣстѣ торжественно.

Изъ постороннихъ ежедневно посѣщали больного Кубовъ и монастырскій дьяконъ. Григорій Иванычъ чувствовалъ себя точно лучше въ ихъ присутствіи и даже могъ шутить. Утромъ дѣти были въ гимназіи, и больной былъ радъ добродушной болтовнѣ дьякона.

— Какъ ты думаешь, скоро я умру? — спросилъ однажды Печаткинъ.—

— Не знаю, дотянешь до Пасхи или нѣтъ...—такъ же просто отвѣтилъ дьяконъ.—Скоро умрешь...

Печаткинъ какъ будто смутился и посмотрѣлъ на Кубова, присутствовавшаго при этой сценѣ, испуганными глазами, а потомъ оправился и даже улыбнулся.

— А какъ жить хочется...—проговорилъ онъ, откидываясь на подушки.— Именно только больные въ полной мѣрѣ оцѣниваютъ жизнь. Дьяконъ, похороните меня въ общинѣ... Тамъ хорошо. Мѣсто высокое, внизу Лача... Монашки будутъ служить... колокольный звонъ... и такъ тихо-тихо все кругомъ... Зачѣмъ бояться смерти? Все равно, нужно же когда-нибудь умирать... Не два вѣка жить.

Никто въ семьѣ не подозрѣвалъ, что Григорій Иванычъ такъ опасенъ, да и самъ онъ въ послѣднее время проникся какой-то увѣренностью, что останется живъ. Только бы до весны дотянуть. Пасха въ этомъ году была поздняя, такъ что ѣздили уже въ лѣтнихъ экипажахъ, что̀ въ Шервожѣ случалось очень рѣдко. Снѣгъ оставался только въ оврагахъ; ледъ на Лачѣ посинѣлъ и вздулся, точно рѣка вспухла. Прилетѣли скворцы. Григорій Иванычъ умеръ на второй день праздника, ночью, когда всѣ спали. Это было настолько неожиданно, что всѣ какъ-то растерялись, особенно Петръ Аѳанасьевичъ и дѣдушка Яковъ Семенычъ, которые готовились къ рыболовному сезону и въ послѣднее время бывали у Печаткиныхъ рѣдко. Анна Николаевна совсѣмъ потеряла голову и все повторяла:

— Что теперь съ Гришей будетъ?.. Ахъ, Боже мой, Боже...

Гриша ходилъ такой блѣдный и все молчалъ. Маленькая Соня плохо понимала, что случилось, и больше всего была занята своимъ чернымъ платьемъ съ плерезами. Сильнѣе всѣхъ плакала Любочка. Она точно разомъ выросла и сдѣлалась такой серьезной. Марѳа Даниловна много помогала своимъ женскимъ трудомъ въ печальные дни, пока покойникъ оставался дома. Она на время взяла въ руки хозяйство и, вообще, распоряжалась всѣмъ. Познакомившись во всѣхъ подробностяхъ съ положеніемъ дѣла, Марѳа Даниловна убѣдилась только въ одномъ, что Печаткины остались нищими. Это ее и возмущало и приводило въ негодованіе. Что съ ними теперь будетъ? Григорія Иваныча она всегда уважала, хотя во многомъ и не могла согласиться съ нимъ.

— Что только и будетъ...—повторяла Марѳа Даниловна, качая головой.

— Богъ не оставитъ сиротъ,—увѣренно повторялъ дѣдушка Яковъ Семенычъ.—Добрая душа былъ Григорій Иванычъ, не сребролюбецъ, ну, Богъ и пошлетъ сиротамъ за его доброту. Деньгами-то всего не купишь...

Хоронили Григорія Иваныча на кладбищѣ монастырской общины. Стоялъ такой хорошій солнечный весенній день. Въ сосновомъ лѣсу такъ задорно чирикали прилетѣвшія весеннія птички. Съ крышъ капала вода. Снѣгу оставалось совсѣмъ мало. Отпѣвалъ о. Евгеній и дьяконъ о. Семенъ. Послѣдній устроилъ такъ, что пѣлъ цѣлый хоръ монашекъ. Катя Кленикова присутствовала еще въ первый разъ на похоронахъ близкаго человѣка. На нее произвела сильное впечатлѣніе вся церемонія, особенно же трогательные мотивы похороннаго пѣнія. Но больше всего ее поразило то, какъ служилъ такъ еще недавно смѣшившій ихъ о. Семенъ. Это былъ совсѣмъ другой человѣкъ... У Кати захолонуло на душѣ, когда густой дьяконовскій басъ дрогнулъ и порвался: „О блаженномъ успеніи“... Дальше Катя плохо помнила, какъ изъ церкви выносили гробъ, какъ опускали его въ могилу, какъ застучала земля о гробовую крышку. Она опомнилась только въ кельѣ сестры Агапиты, которая отпаивала ее водой. Въ первую минуту Катѣ показалось, что она умерла, и что это ее похоронили.

— Милочка, успокойтесь... — ласково уговаривала ее сестра Агапита.— Вамъ сдѣлалось дурно тамъ... на кладбищѣ... Не слѣдовало брать такую нервную дѣвочку на похороны.

Катя горько расплакалась, припомнивъ все случившееся съ самыми яркими подробностями. Ахъ, какой хорошій былъ Григорій Иванычъ... Сестра Агапита что-то говорила ей, гладила по головкѣ и все время не спускала глазъ съ горевавшей дѣвочки.

— Онъ былъ такой славный...—повторяла Катя.—И Анна Николаевна славная, и Любочка... Онѣ бѣдныя теперь. Мама говоритъ, что у нихъ ничего не осталось. А Гриша въ гимназіи учится...

Послушница въ островерхой шапочкѣ подала самоваръ и банку съ вареньемъ. Катя едва могла выпить чашку пустого чаю. Потомъ на нее напала какая-то жажда высказаться. Немного успокоившись, она разсказала сестрѣ Агапитѣ все, что только могла припомнить: какой былъ добрый Григорій Иванычъ, какъ они праздновали поступленіе мальчиковъ въ гимназію, какъ онъ готовилъ ее съ Любочкой къ экзамену, какъ хорошо говорилъ, и т. д. Это была горячая дѣтская исповѣдь, и сестра Агапита нѣсколько разъ принималась цѣловать свою маленькую гостью съ слезами на глазахъ.

— Добрый человѣкъ — самое лучшее, — нѣсколько разъ повторяла она.

— Что же это я такъ болтаю съ вами обо всемъ?—спохватилась Катя, когда уже и разсказывать было не о чемъ. — Вы думаете, что я такая болтушка... Я это только сегодня...

— Ничего, ничего, милочка, я тебя понимаю, — успокоивала сестра Агапита, съ тяжелымъ вздохомъ наблюдая восторженные дѣтскіе глаза. — У меня четверо вотъ такихъ дѣвочекъ...

— А теперь гдѣ онѣ?

— Тамъ... на небѣ...

Сестра Агапита показала Катѣ фотографію своихъ умершихъ дѣтей и еще разъ ее поцѣловала.

— Моя старшая дочь была бы теперь такая же, какъ вы... — повторяла она. — У ней такіе же волосы... Ей было уже семь лѣтъ. И звали ее тоже Катей... Вы мнѣ ее очень напоминаете, моя радость.

Въ свою очередь, Катя могла бы сказать, что, какъ это ни странно, сестра Агапита напоминала ей Григорія Иваныча. Въ чемъ заключалось это сходство — сейчасъ она не могла бы сказать, и только впослѣдствіи узнала, что всѣ хорошіе люди походятъ другъ на друга.

Катѣ очень нравилась келья сестры Агапиты, такая маленькая, уютная и тихая. На окнѣ стояли простенькіе цвѣточки, въ одномъ углу этажерка съ книгами, въ другомъ столикъ, на полу коврикъ своей монастырской работы, за низенькой ширмочкой простая деревянная кровать — ничего страшнаго, что говорило бы объ отшельничествѣ и монастырскомъ обѣтѣ. Катя была бы совершенно счастлива, если бы у нея была именно такая комната.

— Мнѣ очень у васъ нравится... — призналась Катя на прощанье.

Сестра Агапита только тяжело вздохнула.

Смерть Григорія Иваныча въ жизни Любочки и Кати являлась живой гранью, навсегда отдѣлившей беззаботное дѣтство отъ сознательнаго существованія. Дорогой человѣкъ продолжалъ жить и за могилой, напоминая постоянно, насколько велика и отвѣтственна наша жизнь какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ.

XIII.

Семья Печаткиныхъ осталась, какъ мы уже сказали, безъ гроша. Положеніе было безвыходное. Но горе бѣдныхъ людей изнашивается въ мелкихъ ежедневныхъ заботахъ, такъ что не остается даже времени предаваться этому горю. Такъ было и у Печаткиныхъ. Клепиковы приняли живое участіе въ ихъ положеніи, и смерть Григорія Иваныча еще сильнѣе сблизила обѣ семьи. Практическая Марѳа Даниловна теперь рѣшала всѣ хозяйственные вопросы, и Анна Николаевна охотно ей повиновалась.

— Надо первымъ дѣломъ квартиру перемѣнить, — рѣшила она. — Возьмемъ квартиру побольше, и вы будете, Анна Николаевна, квартирантовъ-гимназистовъ держать. Особенной выгоды не получите, а квартира окупится...

— Ужъ какъ вы знаете, Марѳа Даниловна, — соглашалась на все Анна Николаевна.

Марѳа Даниловна цѣлую недѣлю разыскивала подходящую квартиру, дала задатокъ и помогла переѣхать. Подавленная своимъ горемъ, Анна Николаевна относилась ко всему какъ-то безучастно, но зато дѣятельное участіе во всемъ принималъ Гриша. Онъ теперь являлся настоящимъ хозяиномъ, а Марѳа Даниловна про себя любовалась его дѣловитой серьезностью не по годамъ. Особенно много было хлопотъ съ мебелью, потому что нужно было

обставить прилично новую комнату для жильцовъ. И тутъ Мароа Даниловна вывернулась съ большой ловкостью, раздобывъ за безцѣнокъ на какой-то распродажѣ двѣ кровати, столъ, комодъ и нѣсколько стульевъ.

— Одного квартиранта я вамъ ужъ нашла, — говорила Мароа Даниловна, когда все было устроено и былъ произведенъ генеральный осмотръ всей квартиры. — Въ одной комнатѣ будете жить вы сами, Анна Николаевна, съ Любочкой и Соней, въ другой будетъ жить Гриша съ гимназистами, а третья, маленькая остается свободной. Въ нее мы помѣстимъ дѣдушку Якова Семеныча... Ему все равно, гдѣ ни жить, и притомъ у него своя мебель. Старикъ тихій, вѣжливый.

Такъ все и устроилось, какъ говорила Мароа Даниловна. Яковъ Семенычъ переѣхалъ на другой же день, а потомъ явились и собственно квартиранты: Миша Гребневъ и Сеня Заливкинъ. Анна Николаевна больше всего была довольна тѣмъ, что у нея поселился дѣдушка Яковъ Семенычъ — все-таки мужчина въ домѣ, и обо всемъ можно съ нимъ посовѣтоваться. Что̀ изъ того, что въ другой разъ старикъ и поворчитъ... Тоже не молодое дѣло.

Когда все устроилось, новая квартира Печаткиныхъ приняла такой живой и хорошій видъ. У нихъ было гораздо веселѣе, чѣмъ у Клепиковыхъ, и Катя даже завидовала Любочкѣ. А тутъ еще генералъ „Не-мнѣ“ доставилъ Гришѣ хорошій урокъ, такъ что мальчикъ могъ заработать цѣлыхъ тридцать рублей въ мѣсяцъ.

— Ну, и слава Богу, — радовался Яковъ Семенычъ. — На сиротство Господь посылаетъ... Надо же какъ-нибудь жить, Анна Николаевна. Помаленьку да потихоньку...

Съ другой стороны, большое участіе въ положеніи Печаткиныхъ приняла начальница женской гимназіи. Она знала объ ихъ несчастіи черезъ сестру Агапиту и надѣялась выхлопотать Любочкѣ земскую стипендію, тѣмъ болѣе, что покойный Григорій Иванычъ служилъ въ земствѣ. Однимъ словомъ, все помаленьку устраивалось.

Всѣ эти хлопоты, новыя работы и перемѣны сдѣлали прежде всего то, что недавнія дѣти превратились сразу въ большихъ людей. Все это вышло само собой. Первымъ это открытіе сдѣлалъ Сережа Клепиковъ, когда замѣтилъ, что Любочка совсѣмъ большая дѣвочка. Да, совсѣмъ большая и такая хорошенькая. Прежнимъ шуточкамъ и мальчишескому презрѣнію къ дѣвчонкамъ уже не оставалось мѣста, и Сережа говорилъ съ Любочкой, какъ съ большимъ человѣкомъ. Такая же перемѣна произошла и въ отношеніяхъ Гриши и Кати. Сначала Катя очень жалѣла Гришу, а потомъ стала уважать въ немъ проснувшагося мужчину, съ его хорошей заботой о своемъ гнѣздѣ и рѣшительной складкой характера. Гриша любилъ, когда Катя приходила къ нимъ и что-нибудь разсказывала про Григорія Иваныча — никто такъ хорошо не умѣлъ разсказывать о немъ, какъ Катя. Для Анны Николаевны такіе разговоры были настоящимъ наслажденіемъ, хотя она и плакала каждый разъ.

— Какъ это ты, Катя, все замѣтила хорошо, — умилялась Анна Николаевна.

Домъ продолжалъ держаться тѣнью дорогого человѣка, связывавшей невидимыми узами лучшія стороны подраставшаго молодого поколѣнія. Налетѣвшее горе открыло глаза на многое, что̀ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ могло остаться незамѣченнымъ.

Каждый праздникъ дѣвочки отправлялись въ женскую общину къ обѣднѣ, а потомъ шли на могилу Григорія Иваныча. Любящія дѣтскія руки покрывали эту могилу вѣнками изъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ. Любочка быстро

освоилась съ жизнью монастырской общины и перезнакомилась со всѣми монахинями, особенно близко сошлась съ молоденькими послушницами. Она ходила по кельямъ, какъ у себя въ квартирѣ, и даже ухитрялась готовить здѣсь свои уроки. Любочка не переносила только двухъ старыхъ манатейныхъ монахинь — мать-казначею, пѣвшую на клиросѣ басомъ, и мать-келарку. Зачѣмъ онѣ вѣчно ворчатъ на послушницъ?

— Если бы не эти двѣ ворчуньи, я сама поступила бы въ послушницы, — увѣряла Любочка. — Такую же черную шапочку надѣла, черный подрясникъ, вотъ этакъ опустила бы глазки...

Любочка даже показывала, какъ стала бы ходить мелкими шажками и отвѣшивать низкіе монашескіе поклоны. Разъ, расшалившись, она потихоньку отъ старшихъ монахинь переодѣлась въ костюмъ послушницы и въ такомъ видѣ заявилась въ келью сестры Агапиты. Но, взглянувъ на себя въ зеркало, Любочка сама испугалась за неумѣстность своей выходки. Сестра Агапита ласково пожурила ее, а Любочка расплакалась.

Катя вела себя гораздо сдержаннѣе и бывала только въ кельѣ Агапиты, которую очень полюбила. Здѣсь по воскресеньямъ дѣвочки пили чай и угощались разной монастырской стряпней.

— Ахъ, дѣвочки, дѣвочки... — печально говорила сестра Агапита. — Вотъ теперь вы такія молоденькія и свѣженькія, и горе вамъ не въ горе. А будутъ и свои слезы... Все будетъ и ко всему нужно быть готовымъ.

Время летѣло необыкновенно быстро. Нужно было готовиться къ экзаменамъ. Дѣдушка Яковъ Семенычъ уже переселился въ Курью и пріѣзжалъ въ городъ очень рѣдко. Большимъ подспорьемъ въ хозяйствѣ Анны Николаевны служила рыба, которую привозилъ старикъ самъ или посылалъ съ Петромъ Аѳанасьевичемъ.

Послѣ экзаменовъ Яковъ Семенычъ пріѣхалъ въ городъ, забралъ всю дѣтвору и увезъ на лодкѣ въ Курью. Нужно было отпраздновать переходъ въ слѣдующіе классы. У всѣхъ экзамены прошли благополучно. Катя и Любочка перешли въ пятый классъ съ наградами. Вообще, учебный годъ прошелъ хорошо, и только недоставало для полнаго торжества Володи Кубова. Онъ уѣхалъ къ отцу въ деревню. Въ Курью пріѣхала даже Марѳа Даниловна. Это случилось еще въ первый разъ, и поэтому весь пикникъ получилъ особенно торжественный характеръ. Соня и маленькій Пѣтушокъ тоже были налицо, они пріѣхали съ Марѳой Даниловной и всѣмъ ужасно надоѣдали.

— Эхъ, недостаетъ Григорія Иваныча, — жалѣлъ дѣдушка Яковъ Семенычъ. — Вотъ и рѣка та же и наша Курья, а его нѣтъ, голубчика...

Но молодость брала свое. Молодые люди веселились отъ души, отдыхая на свѣжемъ воздухѣ. Мальчики развели громадный костеръ, дѣвочки устроили походную кухню — всѣмъ было по горло самой веселой работы. Даже развеселилась сама Марѳа Даниловна, любуясь на игравшую дѣтвору. Гимназисты удили рыбу, потомъ бѣгали, потомъ пѣли хоромъ и т. д. Катя замѣтила, что гимназисты стѣсняются называть ихъ просто Катей и Любочкой, какъ прежде, а Гриша Печаткинъ одинъ разъ назвалъ ее даже Катериной Петровной. Послѣднее вышло такъ смѣшно, что улыбнулась сама Марѳа Даниловна. Она за чаемъ замѣтила Катѣ:

— Ну-ка, Катерина Петровна, гдѣ у насъ сахаръ?

Это ничтожное обстоятельство и конфузило и радовало гимназистку пятаго класса, а тутъ еще Любочка пристаетъ со своимъ шопотомъ: „Катерина Петровна... ахъ, Катерина Петровна! Скоро ли я буду Любовь Григорьевной? Меня, кажется, все еще считаютъ за дѣвчонку“... Въ сущности, Любочка не

могла пожаловаться на недостатокъ вниманія. Сережа Клепиковъ положительно ухаживалъ за ней и держалъ себя настоящимъ кавалеромъ. Для Кати это веселье кончилось очень печально.

Послѣ ухи и чая все общество разбрелось по берегу, Марѳа Даниловна прилегла въ избушкѣ отдохнуть, Петръ Аѳанасьевичъ занялся маленькими дѣтьми. Катя не могла припомнить хорошенько, какъ очутилась съ глазу на глазъ съ Гришей. Они обошли Курью по берегу и разговаривали все время о Пѣтушкѣ, который лѣнился и вообще не слушался Кати.

— Онъ хитритъ, — объяснялъ Гриша. — Нужно выдержать съ нимъ характеръ...

— Мама все меня обвиняетъ, что я не умѣю съ нимъ заниматься... Потомъ указываетъ на вашу Соню, что она учится лучше Пѣтушка. Я даже плакала нѣсколько разъ...

— Если позволите, я какъ-нибудь займусь Пѣтушкомъ... Теперь лѣто, и времени у меня достаточно.

— Нѣтъ, я ужъ лучше сама.

Все время они проговорили самымъ серьезнымъ образомъ, а потомъ безъ всякой побудительной причины Катю охватило какое-то совсѣмъ дѣтское веселье. Она ударила Гришу по рукѣ, крикнула: „Догоняйте!“, и бросилась бѣжать въ избушку. Марѳа Даниловна была удивлена, когда увидѣла бѣжавшую со всѣхъ ногъ дочь, раскраснѣвшуюся и улыбающуюся. Гриша догналъ ее только у самой избушки.

— Что̀ это съ тобой? — сухо замѣтила Марѳа Даниловна.

— Ахъ, мама... такъ весело... такъ весело! А Гришѣ не догнать...

Затѣмъ Катя нѣсколько разъ принималась хохотать ни надъ чѣмъ. Марѳа Даниловна сдѣлала строгое лицо и сухо спросила:

— Ты это надъ чѣмъ заливаешься, Катерина Петровна?

— Да просто такъ: весело...

Марѳа Даниловна не любила глупаго смѣха и сама такъ рѣдко смѣялась, а поэтому строго сложила губы, замолчала и старалась не смотрѣть на дочь. Катя замѣтила это недовольство, но во̀-время не обратила на него вниманія и продолжала дурачиться. „Странная эта мама, вѣчно найдетъ что-нибудь такое, чтобы поворчать. Вонъ папа и дѣдушка сами смѣются вмѣстѣ съ другими и не допытываются, кто и надъ чѣмъ смѣется. Смѣются — значитъ, весело, а если весело, такъ и слава Богу!“ А лѣтній вечеръ былъ такъ хорошъ, какъ еще, кажется, никогда, — такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Катѣ. Солнце стояло уже надъ самымъ лѣсомъ; вода въ рѣкѣ точно застыла, и въ ней такъ красиво отражались лѣсистые берега Лачи. Нѣсколько рыбачьихъ лодокъ чертили эту водяную гладь, точно мухи, ползавшія по стеклу. Гдѣ-то въ травѣ неумолкаемо стрекотали кузнечики; въ кустахъ чирикали безыменныя птички, а надъ Курьей, какъ молнія, проносились стрижи.

Въ довершеніе всего Любочка такъ смѣшно разссорилась съ Сеней Заливкинымъ и даже назвала его „молью“. Катя опять хохотала до слезъ и никакъ не могла удержаться, несмотря на угрожающія мины матери.

— Конечно, моль! — сердилась Любочка. — Мы играли въ пятнашки, а онъ мнѣ подставилъ ногу... я и растянулась. Вотъ еще локоть ушибла...

— Все-таки моль никакъ не выйдетъ, Любовь Григорьевна, — дразнила Катя.

— Нѣтъ, моль... моль...

Гриша опять очутился около Кати и сказалъ ей что-то смѣшное.

— Ну, пора домой, — рѣшительно заявила Марѳа Даниловна именно

въ тотъ моментъ, когда всѣмъ хотѣлось подольше остаться въ Курьѣ. — Дѣти спать хотятъ.

— Мамочка, нельзя ли остаться еще чуточку?—попросила Катя, но сейчасъ же поняла, что всякія просьбы излишни.

Опять большая лодка плыветъ по Лачѣ, и Катѣ хочется, чтобы она плыла такъ безъ конца. Гдѣ-то далеко дымилъ шедшій снизу пароходъ. Въ Рыбацкой слободкѣ уже мелькали огоньки. А надъ головой поднималось такое бездонное небо, усыпанное миріадами звѣздъ. Катя чувствовала, что Гриша все время наблюдаетъ ее, и ей дѣлалось какъ-то жутко-хорошо. Пусть мама бранитъ дома, а все-таки хорошо... Любочка прижималась къ Катѣ плечомъ и надоѣдливо шептала на ухо:

— А мнѣ такъ жаль Володю Кубова... Вотъ мы всѣ веселимся, смѣемся, а онъ одинъ, бѣдный.

Но это сожалѣніе сейчасъ же соскочило съ Любочки, когда гимназисты затянули „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“... Любочка до страсти любила пѣніе и сама пѣла, закрывъ глаза, какъ это дѣлалъ монастырскій дьяконъ.

Домой вернулись поздно. Пѣтушокъ раскапризничался и не хотѣлъ итти пѣшкомъ. Марѳа Даниловна даже шлепнула своего баловня, и Пѣтушокъ окончательно разревѣлся. Дома Марѳа Даниловна сейчасъ же напала на Катю съ цѣлымъ градомъ непонятныхъ для нея упрековъ.

— Ты это что̀, матушка, выдѣлываешь? — кричала расходившаяся мамаша.—Я тебѣ покажу такую Катерину Петровну, что позабудешь свои ха-ха да хи-хи... Не посмотрю, что гимназистка!..

— Мама, я, право, не понимаю...

— Молчать!.. Тутъ такъ не понимаешь?.. Только мать срамить... Зачѣмъ съ Гришей въ лѣсъ уходила?.. Развѣ это хорошо дѣвушкѣ? Не маленькая, слава Богу, сама могла бы понять!.. Надъ тобой же будутъ потомъ гимназисты смѣяться. Онъ мальчикъ хорошій, я ничего не говорю, а дѣвочка должна понимать свое поведеніе.

Опять началась „дѣвочка“, и Катя молчала. Она даже не могла плакать и какъ-то вся ушла въ себя и чувствовала всѣмъ существомъ, что мать обижаетъ ее совсѣмъ несправедливо.

XIV.

Пѣтушокъ не хотѣлъ учиться. Онъ хитрилъ, обманывалъ, притворялся больнымъ и вообще велъ себя отвратительно. Но у Марѳы Даниловны проявилась какая-то болѣзненная нѣжность къ своему послѣднему чаду, и она съ чисто-материнской логикой обвиняла во всемъ Катю. Конечно, Катя не умѣла заниматься съ братомъ. Отчего же Соня у Печаткиныхъ учится отлично? Вотъ Любочка и смѣется постоянно и учится въ гимназіи хуже, а съ сестрой умѣетъ заниматься. Сначала Катя спорила, потомъ плакала и только подъ конецъ поняла, что есть вещи и положенія, когда ни спорить ни плакать не слѣдуетъ. Откровенная несправедливость матери въ данномъ случаѣ служила яркимъ доказательствомъ. Пѣтушокъ торжествовалъ и даже показывалъ языкъ своей учительницѣ. Единственнымъ человѣкомъ, который понималъ положеніе Кати и входилъ въ него, былъ Гриша Печаткинъ. Онъ уже два года давалъ частные уроки и успѣлъ за это время наметаться въ практикѣ педагогики.

— Ничего, это переходный возрастъ,—успокаивалъ онъ Катю. — А потомъ все пройдетъ... Марѳа Даниловна только повторяетъ ошибки черезчуръ нѣжныхъ матерей.

Петръ Аѳанасьевичъ держалъ сторону Кати, но открыто не смѣлъ вступиться за нее. Катя это чувствовала, и ей дѣлалось какъ-то больно за отцовское малодушіе. Сережа относился къ семейнымъ дрязгамъ свысока.

— Ахъ, отстаньте вы отъ меня съ этими пустяками!—говорилъ онъ, дѣлая отчаянную гримасу.—У меня своего дѣла по горло... Конечно, всегда виноватъ плохой учитель, а не плохой ученикъ. Дѣти, которыя хорошо учатся, не нуждаются въ репетиторахъ.

Дома Сережа вообще держалъ себя большимъ дипломатомъ и очень тактично принималъ сторону матери. Марѳа Даниловна даже краснѣла отъ удовольствія. Затѣмъ фонды Сережи поднялись на неизмѣримую высоту, благодаря его первому уроку. Онъ въ седьмомъ классѣ нашелъ себѣ урокъ у Гавличей и съ торжествомъ принесъ матери первые заработанные собственнымъ трудомъ пятнадцать рублей. Послѣ поступленія въ гимназію это было настоящимъ событіемъ. Марѳа Даниловна даже расплакалась отъ радости.

— Да, это, братъ, того...—въ раздумьѣ проговорилъ Петръ Аѳанасьевичъ, растроганный успѣхомъ Сережи. — Я десять лѣтъ прослужилъ на почтѣ, а потомъ ужъ мнѣ пятнадцать рублей жалованья назначили. Да, это, братъ, того...

— И то ужъ совсѣмъ вытянулись съ ученьемъ-то,—жаловалась Марѳа Даниловна, опасливо пряча деньги въ какой-то дальній уголъ.

— Вотъ у насъ Катя тоже скоро будетъ уроки давать,—ласково проговорилъ Петръ Аѳанасьевичъ, замѣтивъ пристыженное лицо дочери.— Глядишь у насъ будутъ бугры...

— Ну, это еще Андроны ѣдутъ съ Катиными-то деньгами,—не безъ ядовитости отвѣтила Марѳа Даниловна.

— Какіе тутъ Андроны: вотъ выучимся—и будемъ уроки давать.

Катѣ, дѣйствительно, было совѣстно, точно она была виновата, что не могла ничего зарабатывать. Радость матери по случаю первыхъ Сережиныхъ заработковъ показалась ей обидной до слезъ, какъ невольный намекъ на то, что она даромъ ѣстъ чужой хлѣбъ. Дѣвочка знала цѣну деньгамъ и то, какъ трудно приходилось иногда Марѳѣ Даниловнѣ изворачиваться на сорокъ рублей жалованья. Все это было такъ; но вѣдь она-то ничѣмъ не виновата... Въ душу Кати закрадывалось нехорошее чувство, которое проходило только благодаря добротѣ отца. У Петра Аѳанасьевича всегда находилось для нея какое-нибудь ласковое словечко, и онъ, потихоньку отъ жены, былъ особенно внимателенъ къ Катѣ. Вообще, въ семьѣ Клепиковыхъ чувствовалась какая-то скрытая тяжесть, какъ результатъ отчаянной борьбы съ обступавшей со всѣхъ сторонъ нуждой.

Отдыхала душой Катя только у Печаткиныхъ. У нихъ, благодаря какой-то неисчерпаемой добротѣ Анны Николаевны, точно дышалось легче. Да и экономическое положеніе, пожалуй, было лучше. Гриша зарабатывалъ уже около сорока рублей въ мѣсяцъ, потомъ Любочка получала земскую стипендію, и наконецъ кое-что оставалось отъ квартирантовъ. Вообще, дѣла шли недурно, и призракъ голодной нужды на время исчезъ. Катя любила бывать у Клепиковыхъ и даже немножко хитрила, ссылаясь иногда на желаніе провѣдать дѣдушку Якова Семеныча. Она любила приходить къ вечернему чаю, когда вся семья была въ сборѣ и Гриша возвращался со своихъ уроковъ. Анна Николаевна разливала чай, Яковъ Семенычъ попыхивалъ своей трубочкой, а молодежь по обыкновенію о чемъ-нибудь спорила.

— И что̀ вы только дѣлите?—откровенно удивлялась Анна Николаевна.— Точно наслѣдство получили... А то молодые пѣтухи такъ же пѣть учатся.

Анна Николаевна была права: подраставшая молодежь, дѣйствительно, получила громадное духовное наслѣдство, которое черпала полной рукой изъ книгъ и журналовъ. Гимназисты были совсѣмъ большіе и говорили о такихъ серьезныхъ вещахъ, какъ, напримѣръ, выборъ спеціальности. Въ этихъ спорахъ принималъ участіе и Сережа Клениковъ, хотя и относился ко многому свысока, въ ироническомъ тонѣ. Катѣ не нравился именно этотъ тонъ разочарованнаго большого человѣка, особенно, когда Сережа покровительственно разговаривалъ съ Любочкой. Дѣвочки больше молчали, подавленныя пахлынувшей ученостью недавнихъ буяновъ и драчуновъ, и только Катя изрѣдка рѣшалась вставить словечко. Она по ночамъ старалась читать тѣ умныя книги, о которыхъ говорили и спорили. И здѣсь для нея главнымъ совѣтникомъ явился Гриша, относившійся къ ней съ какимъ-то братскимъ участіемъ. Ихъ связывали общія воспоминанія, и часто Гриша, замолчавъ среди шумнаго спора, говорилъ Катѣ:

— Ахъ, жаль, что старикъ такъ рано умеръ... Такихъ людей немного. И чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе мнѣ его жаль.

Въ частности, трудно было сказать, о чемъ спорили и изъ-за чего горячились молодые люди — спорили рѣшительно обо всемъ, начиная отъ отвлеченныхъ вопросовъ и кончая самыми обыденными вещами. Самымъ лучшимъ въ этихъ спорахъ, иногда смѣшныхъ со стороны, была пробуждавшаяся жажда къ знанію, къ самостоятельной работѣ мысли, къ серьезному товариществу. Анна Николаевна узнала, что на свѣтѣ существовали Сократъ и Дарвинъ, Маркъ Аврелій и Шопенгауэръ, крестовые походы и позитивизмъ, вопросы этики и телефоны, утилитаризмъ и война за освобожденіе негровъ въ Америкѣ, и т. д., и т. д., и т. д. Все подвергалось критикѣ, самой строгой и безпощадной, точно въ квартирѣ Анны Николаевны заново перестраивали весь міръ.

— Молодое пиво играетъ,—говорилъ дѣдушка Яковъ Семенычъ.—Только вотъ не люблю я этихъ заграничныхъ словъ... Большой отъ нихъ вредъ можетъ быть. Да... Въ нашемъ военномъ дѣлѣ они годны, нельзя безъ нихъ, а штатскимъ людямъ совершенно не надобны. За эти самыя заграничныя слова и того, по шапкѣ... Тоже отлично понимаемъ.

— Григорій Иванычъ, покойничекъ, постоянно ихъ говорилъ... Любилъ все мудренее. Такъ въ другой разъ скажетъ, что даже страшно сдѣлается. А нынче вонъ и дѣвчонки совсѣмъ безстрашныя растутъ: что̀ гимназисты, то и онѣ. Вонъ моя Люба что̀ мнѣ говоритъ недавно: „мама, нынче женскій вопросъ и равноправность, и я пуговицъ Гришѣ больше не буду пришивать“. А я ей и отвѣтить по-настоящему не умѣю.

— Да, женскій вопросъ, это точно... гм... А я люблю ихъ, дѣвочекъ: все у нихъ такъ быстро да по-молодому, чуть что̀, и вскипѣла... Погодите, Анна Николаевна, дайте срокъ. Чуть выровнятся—онѣ еще и не такія заграничныя слова заговорятъ. Нельзя же имъ не соотвѣтствовать... Славныя дѣвчурки!

Катя и Любочка скоро поняли, что для нихъ женскій вопросъ самое главное, и сосредоточили на немъ все свое вниманіе. Конечно, много хорошихъ теорій, умныхъ словъ и красивыхъ фразъ, а все-таки суть жизни въ немъ, въ этомъ роковомъ женскомъ вопросѣ. Дѣвочки инстинктомъ понимали то, что̀ было совершенно недоступно мальчикамъ. Вопросъ о личномъ счастьѣ незамѣтно выдвигался на первый планъ. Это былъ поворотный пунктъ, на которомъ онѣ расходились, не давая даже себѣ опредѣленнаго и яснаго отчета.

Сидя въ гимназіи, Катя часто съ сожалѣніемъ смотрѣла на богатыхъ товарокъ по классу, которымъ еще такъ недавно завидовала. Да, онѣ, бѣд-

нькія, никогда не испытаютъ того хорошаго, что она переживала сейчасъ. Сказывалась хорошая бѣдная гордость и здоровое чувство. Вотъ, напримѣръ, бѣлокурая толстушка Женя Болтина или красавица Клочковская — что онѣ переживали сейчасъ, о чемъ говорили, чѣмъ интересовались?.. Кругъ ихъ интересовъ суживался той богатой средой, въ которой онѣ вращались, и будущее впередъ было извѣстно: богатый, красивый женихъ и богатое праздное существованіе. Въ выпускномъ классѣ Катѣ нравилась высокая стройная гимназистка съ тонкимъ классическимъ профилемъ, Шура Горохова, а потомъ двѣ сестры Парфеновы, писаныя русскія красавицы. Ей иногда страстно хотѣлось поговорить съ ними по душѣ, подѣлиться тѣмъ, что ее занимало и мучило, и узнать самой, что онѣ думаютъ, но сближенію мѣшала обычная сдержанность Кати, и она только съеживалась.

— Эти богачки умѣютъ только носъ задирать, — ворчала Любочка. — Имъ и отмѣтки учителя лучше ставятъ...

— Перестань, Любочка, врать. Какъ тебѣ не стыдно! Вѣдь ты сама отлично знаешь, что это неправда...

— Нѣтъ, вѣрно!—спорила Любочка, — она тѣмъ сильнѣе спорила, чѣмъ больше была неправа. — Напримѣръ, Клочковская? Ей русскія сочиненія пишетъ гувернантка... Да, да, да!.. Она только перепишетъ съ грѣхомъ пополамъ... Я все знаю.

Какъ всѣ слишкомъ легко увлекающіяся натуры, Любочка въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ постоянно пересаливала и никакъ не могла удержаться на уровнѣ обыкновенной справедливости. Катя никогда не могла понять этихъ постоянныхъ взрывовъ и быстрыхъ переходовъ изъ одного настроенія въ другое. Та же Любочка, черезъ пять минутъ послѣ обличенія богатыхъ гимназистокъ, говорила со вздохомъ:

— Когда буду давать уроки, первымъ дѣломъ куплю себѣ ботинки въ шесть рублей. Мнѣ больше ничего не нужно, но хорошія ботинки... ахъ, это такая прелесть, такая прелесть!

— Любочка, стыдись... Вѣдь ты любишь проповѣдывать совсѣмъ другое и осуждаешь роскошь.

— Да, все, кромѣ хорошихъ ботинокъ... Мнѣ такъ немного нужно. Знаешь, Катя, за Женей Болтиной ухаживаетъ Гавличъ.

— Опять намъ нѣтъ до этого никакого дѣла. Мнѣ не нравится самое слово: ухаживаетъ... Въ немъ что-то такое обидное, грязное. Вообще, ты болтаешь глупости...

— Вѣдь я не претендую на умъ... Я простая кисейная барышня — и знать больше ничего не хочу. Да, кисейная, кисейная, и всѣ кисейныя барышни должны носить хорошія ботинки.

Катя только пожимала плечами, а Любочка повторяла свои глупости съ какимъ-то особеннымъ ожесточеніемъ, такъ что у нея выступали слезы на глазахъ. Вообще, Любочку почему-то раздражало самое присутствіе Кати, чего послѣдняя никакъ не могла понять. Любочка начинала придираться къ старой подругѣ, говорила дерзости и вела себя самымъ несноснымъ образомъ, какъ взбалмошная и глупая дѣвчонка.

Катя сначала не придавала никакого значенія этимъ выходкамъ, но потомъ ей пришлось раскаяться. Любочка кончила тѣмъ, что серьезно разссорилась съ ней и разссорилась изъ пустяковъ. Это происшествіе случилось въ квартирѣ Печаткиныхъ именно за чаемъ, когда всѣ были въ сборѣ. Разговоръ шелъ о реформаціи. Любочкѣ почему-то вздумалось отстаивать католицизмъ.

— Я была у нѣмцевъ въ киркѣ: скучища страшная!—увѣряла она всѣхъ.—А въ костелѣ мнѣ нравится... Органъ играетъ, прекрасное пѣніе... Если бы я не была православной, непремѣнно сдѣлалась бы католичкой. Всѣ католики такъ вкусно молятся...

— Любочка, какая у тебя странная манера говорить не то, что̀ ты думаешь,—замѣтила Катя.—И слова глупыя: вкусно молиться нельзя.

Любочка вся вспыхнула, какъ огонь. Она нѣсколько мгновеній сидѣла съ раскрытымъ ртомъ, а потомъ обрушилась на Катю цѣлымъ потокомъ обвиненій.

— Значитъ, по-твоему, я вру? да?..

— Нѣтъ, я этого не сказала.

— По-твоему, я глупа, какъ чучело гороховое? да?..

— И этого я не говорила...

— Знаю, знаю, я все знаю... Вы всѣ меня считаете дурочкой.

Вступился Гриша и окончательно испортилъ все дѣло. Любочка расплакалась и заговорила уже совсѣмъ непонятныя вещи.

— Вы меня всѣ презираете и ненавидите... да! Пусть Катя говоритъ умныя слова, а я останусь дурочкой... да! А еще проповѣдуете равноправность... Я сама всѣхъ васъ ненавижу и презираю... всѣхъ до одного!..

Гимназисты рѣшительно не понимали, что̀ сдѣлалось съ Любочкой, и потихонькуу ушли въ свою комнату. Любочку пробовали уговаривать Анна Николаевна и Яковъ Семенычъ, но и это ни къ чему не привело. Она теперь сосредоточила всю свою ненависть на Катѣ.

— О, я тебя отлично знаю!—повторяла она, всхлипывая.—Ты постоянно хитришь и притворяешься... Тебѣ нужно, чтобы я была глупой. Да... А я все вижу и все понимаю. Ты еще не успѣла подумать, а ужъ я вижу.

Вообще, разыгралась глупая и обидная сцена. Катя понимала только одно, что было что-то недосказанное и болѣе серьезное, чѣмъ могло показаться постороннему человѣку. Любочка была всегда искренняя и просто не умѣла лгать. Анна Николаевна и Яковъ Семенычъ понимали то же самое, хотя открыто и не высказывали. Во всякомъ случаѣ, многолѣтнія и такія хорошія отношенія порвались какъ-то разомъ, и порвались обидно. Катя уходила изъ квартиры Печаткиныхъ съ самымъ тяжелымъ чувствомъ и всю ночь проплакала. У нея оставалась одна надежда, что Любочка одумается. Но и эта надежда разлетѣлась дымомъ. Когда Катя пришла на другой день въ гимназію—Любочка пересѣла на другую парту и сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ ея.

Катя перестала бывать у Печаткиныхъ. Потянулись скучные, однообразные дни. Нападала тоска. Было еще неудобство, которое ставило Катю въ неловкое положеніе, именно мать могла спросить, почему она не бываетъ у Анны Николаевны. Но Марѳа Даниловна упорно молчала, дѣлая видъ, что такъ должно быть. Катя догадалась, что во время классовъ у нихъ, вѣроятно, была Анна Николаевна, и, конечно, все разсказала. Зато теперь чаще сталъ бывать Гриша Печаткинъ, заходившій къ Сережѣ. Но Катя упорно избѣгала встрѣчъ съ нимъ и упорно отсиживалась въ своей комнатѣ. Ей очень хотѣлось видѣть его, и вмѣстѣ она не могла сдѣлать для этого ни одного шага—это было какое-то двойное чувство, которое и мучило ее и почему-то доставляло почти радость.

XV.

Размолвка съ Любочкой произошла передъ масленицей. Время для Кати потянулось очень медленно, особенно Великій постъ. Катя какъ-то вся ушла

въ себя и цѣлые дни проводила за книгой. Кстати, близились экзамены. Пасха была поздняя, и до экзаменовъ оставалось немного времени. У себя въ классѣ Катя держалась тоже особнякомъ, и ее начинало тяготить однообразіе гимназической жизни, чего раньше не было. Вообще, въ ней происходила какая-то глубокая внутренняя перемѣна, еще не выяснившаяся для нея самой.

— Какая-то безчувственная сдѣлалась,—жаловалась на нее Марѳа Даниловна мужу.—Ты ее какъ-нибудь побрани, можетъ, отойдетъ. Я ей пробовала говорить, а она только молчитъ. Смотритъ прямо въ глаза и молчитъ...

— Ну, ужъ спасибо, матушка... За что же я ее стану бранить?..

— Твоя дочь-то...

— И будетъ моя. Сама отойдетъ...

Для Кати этотъ періодъ смутнаго раздумья закончился неожиданной катастрофой.

Былъ урокъ Закона Божія. Отецъ Евгеній по обыкновенію ходилъ по классу, придерживая расходившіяся полы своей полинявшей рясы. Онъ что-то разсказывалъ изъ дѣяній апостольскихъ. Въ классѣ было тихо. Катя не слушала урока и потихоньку читала подъ партою книгу. Она такъ увлеклась этимъ запретнымъ плодомъ, что не замѣтила, какъ ея новая подруга по партѣ Парадизова толкнула ее локтемъ—это было предупрежденіе. Когда Катя подняла глаза, передъ ней стоялъ о. Евгеній. Онъ молча протянулъ свою исхудавшую руку къ книгѣ, но Катя быстрымъ движеніемъ спрятала ее въ парту. Произошла краснорѣчивая нѣмая сцена. На выручку о. Евгенію подоспѣла Поликсена Карловна.

— М-lle Клепикова, позвольте книгу, которую вы сейчасъ читали,—заявила она, краснѣя отъ волненія.—Вы знаете, что въ классѣ нельзя читать. Позвольте книгу.

Катя упрямо молчала и смотрѣла прямо въ глаза Поликсенѣ Карловнѣ. Это окончательно взорвало послѣднюю.

— Кажется, я съ вами говорю?—громко повторила Поликсена Карловна, взволнованно подвигаясь все ближе.

— Берите сами, если это васъ интересуетъ... — отвѣтила Катя съ самымъ обиднымъ спокойствіемъ.

Поликсена Карловна выхватила изъ парты несчастную книгу, какъ выхватываютъ изъ печи горячій уголь, и съ торжествомъ подала батюшкѣ. О. Евгеній взялъ книгу, развернулъ ее и въ ужасѣ закрылъ свои добрые глаза—это былъ „Донъ-Жуанъ“ Байрона. Поликсена Карловна тоже успѣла прочитать заголовокъ книги и тоже въ ужасѣ отступила отъ m-lle Клепиковой, какъ отъ зачумленной.

— Теперь вы довольны?—спросила Катя и спокойно сѣла на свое мѣсто.

Поликсена Карловна оторопѣла отъ этой двойной дерзости.

— Какъ вы смѣете садиться, когда съ вами говорятъ старшіе?—проговорила она, охваченная ужасомъ.—Какъ вы смѣете?.. Я... я...

— Оставьте меня...—отвѣтила Катя, вызывающе глядя на батюшку и на Поликсену Карловну.—Это моя книга, и я могу ее читать.

Классъ притихъ въ ожиданіи бури, а Поликсена Карловна только взмахнула своими полными руками и, какъ бомба, полетѣла съ книгой къ начальницѣ. Когда она уже была въ дверяхъ, въ классѣ раздалась отчетливо фраза:

— Удивляюсь, что̀ этимъ синявкамъ нужно отъ меня...

Поликсена Карловна оглянулась, посмотрѣла на о. Евгенія, какъ свидѣтеля новой дерзости, и понеслась дальше, держа проклятую книгу двумя пальцами, точно боялась заразиться.

Отецъ Евгеній, пошатываясь, отошелъ къ своему учительскому столику, сѣлъ и закрылъ лицо руками—онъ дѣлалъ это только при сильномъ волненіи. Да, пришелъ врагъ и посѣялъ плевелы... Да, пришелъ врагъ и исхитилъ лучшую овцу изъ стада. Молодая невинная душа погибла, и онъ чувствовалъ себя безсильнымъ. Онъ видѣлъ этотъ ожесточенный взглядъ, застывшее въ прекословіи дѣтское лицо, и чувствовалъ себя виноватымъ: его слова падали на каменистую почву и не дали всхода. Да, пришелъ врагъ и показалъ, что онъ не дѣлатель вертограда и не сѣятель добраго сѣмени.

— Катя, что̀ ты надѣлала?!.—въ ужасѣ шептала Парадизова. — Ты съ ума сошла... Опомнись!

— Оставь меня...—сухо отвѣтила Катя, глядя на дверь.

Лицо у нея было такое блѣдное, и только глаза свѣтились страннымъ вызывающимъ блескомъ, да губы слегка вздрагивали. Въ классѣ царила мертвая тишина. Всѣ взгляды были устремлены на дверь. Ожидали появленія самой начальницы въ сопровожденіи Поликсены Карловны, но вошла худенькая Евгенія Александровна, окинула грознымъ взглядомъ весь классъ и жестомъ пригласила Катю слѣдовать за собой. Катя покорно пошла за ней, какъ-то странно улыбаясь.

Начальница Анна Ѳедоровна куда-то хотѣла ѣхать и стояла посрединѣ [illegible] рабочаго кабинета въ лѣтней накидкѣ съ зонтикомъ въ рукахъ. Поликсена Карловна горячо повторяла ей уже въ третій разъ все, что̀ случилось. Она нѣсколько преувеличила дерзость Кати и непремѣнно желала, чтобы Анна Ѳедоровна въ полной мѣрѣ почувствовала всю громадность происшествія.

— Это деморализуетъ весь классъ! — повторяла она, съ трудомъ переводя духъ.

Евгенія Александровна оставила Катю въ маленькой гостиной, выходившей окнами въ садъ. Одно окно было растворено, и въ него были видны липы и березы, только-что распустившіяся мягкой зеленью. Цѣлая волна ликующаго свѣта заливала гостиную, такъ что больно было смотрѣть. Анна Ѳедоровна жила очень скромно, но Катѣ эта гостиная показалась преддверіемъ какого-то рая. Тутъ были и ковры, и мягкая мебель, обитая шелкомъ, и цвѣты, и маленькіе столики съ бездѣлушками. Дѣвочка еще въ первый разъ видѣла всю эту роскошь и вдругъ почувствовала себя такой маленькой, ничтожной, какъ запятая въ большой книгѣ.

— Пожалуйте, m-lle Клепикова,—съ убивающей торжественностью пригласила Евгенія Александровна маленькую преступницу въ кабинетъ.

Когда Катя вошла, ее поразило больше всего то, что тамъ уже былъ батюшка, о. Евгеній. Онъ долженъ былъ пройти мимо нея—другого хода не было, и она его не замѣтила. Поликсена Карловна въ четвертый разъ начала свой разсказъ, напрасно стараясь сохранить офиціально-холодный тонъ... Анна Ѳедоровна наблюдала виноватую ученицу своими спокойными добрыми глазами и время отъ времени переводила ихъ на о. Евгенія. Батюшка чувствовалъ себя очень смущеннымъ, точно онъ одинъ былъ во всемъ виноватъ.

— Весь классъ слышалъ, какъ m-lle Клепикова назвала всѣхъ классныхъ дамъ синявками!—патетически закончила свою рѣчь Поликсена Карловна и сдѣлала брезгливый жестъ.

— Очень печально, очень печально...—повторяла Анна Ѳедоровна, покачивая головой.—Вотъ именно такой выходки я не ожидала отъ m-lle Клепиковой. Да, я не ожидала именно отъ васъ, m-lle Клепикова... Мнѣ такъ тяжело было слышать все то, что̀ сейчасъ разсказывала Поликсена Карловна.

Но эти слова кротости не произвели на Катю никакого впечатлѣнія, она только плотнѣе сжала губы и посмотрѣла на Анну Ѳедоровну своимъ вызывающимъ взглядомъ. Именно этотъ взглядъ неожиданно смутилъ начальницу, и она забыла приготовленное внушеніе. Пробормотавъ что-то, Анна Ѳедоровна безсильно опустилась въ кресло.

— Вамъ дурно, Анна Ѳедоровна?—засуетились классныя дамы, отыскивая графинъ съ водой.

— Нѣтъ, ничего...—устало отвѣтила начальница, не желая выдать своей слабости.—Да, ничего. Мнѣ нужно поговорить серьезно съ этой дѣвочкой...

Классныя дамы и о. Евгеній вышли изъ кабинета. Катѣ вдругъ стало жутко. Ей невыносима была наступившая тишина, нарушаемая только монотоннымъ постукиваніемъ маятника, точно онъ работалъ у нея на головѣ. Она машинально оглянула кабинетъ, ничего не видя. Гдѣ-то на улицѣ рѣзко трещали катившіеся по мостовой экипажи, и Катѣ хотѣлось ихъ остановить. Ее раздражалъ этотъ безсмысленный трескъ, какъ и наступившая пауза. А начальница продолжала сидѣть въ своемъ креслѣ, опустивъ глаза и что-то обдумывая.

— Катя, подойди сюда... ближе...—тихо проговорила она наконецъ.

Дѣвочка нерѣшительно сдѣлала нѣсколько шаговъ и остановилась у маленькаго столика, придвинутаго къ письменному столу. Она чувствовала, какъ у нея холодѣютъ пальцы и голова начинаетъ тихо кружиться.

— Нѣтъ, еще ближе... вотъ сюда...

Анна Ѳедоровна взяла дѣвочку за руки и притянула совсѣмъ близко къ себѣ. Катя почувствовала запахъ тонкихъ духовъ отъ ея платка, лежавшаго на маленькомъ столикѣ. Потомъ ихъ глаза встрѣтились.

— Катя, вѣдь ты сейчасъ, вотъ минуту назадъ могла сказать и мнѣ дерзость!—прошептала старушка грустнымъ голосомъ.—Да? И сказала бы при всѣхъ... да? Ты нездорова, голубчикъ, у тебя такой дурной видъ... Давно *это* съ тобой?..

Анна Ѳедоровна обняла дѣвочку свободной лѣвой рукой и заговорила своимъ обыкновеннымъ голосомъ:

— Вѣдь ты любишь батюшку? да?.. И Поликсену Карловну? Вѣдь ты понимаешь, какимъ тяжелымъ трудомъ она зарабатываетъ себѣ хлѣбъ?.. И я увѣрена, что ты никогда не желала ихъ оскорблять... Я убѣждена въ этомъ. Когда ты будешь совсѣмъ большой женщиной, то поймешь, почему все такъ случилось, а сейчасъ я не могу тебѣ этого объяснить, — поймешь и то, почему я могу говорить съ тобой совершенно спокойно, а Поликсена Карловна волнуется. Да, въ свое время все будетъ... А сейчасъ мнѣ просто жаль тебя, какъ пожалѣла бы добрая бабушка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я не могу оставить тебя не наказанной: ты оскорбила Поликсену Карловну. Нужно быть справедливымъ прежде всего...

Лицо Кати судорожно вздрогнуло, а изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ посыпались крупныя слезы. Ласковыя слова Анны Ѳедоровны точно схватили ее за сердце: старушка своей любящей душой угадала творившуюся въ этомъ дѣтскомъ сердцѣ великую тайну, ту тайну, о которой не догадывалась и сама Катя. Дѣвочка съ неожиданной смѣлостью обхватила обѣими руками шею Анны Ѳедоровны и молча прильнула своимъ заплаканнымъ лицомъ къ этому сморщенному лицу, улыбавшемуся своей хорошей, печальной улыбкой.

— Милая... родная Анна Ѳедоровна, я сама не знаю, какъ это все вышло... А сейчасъ понимаю только одно, что больше всѣхъ огорчила васъ. Вѣдь я всѣхъ такъ люблю... а всѣхъ больше васъ...

— Хорошо, хорошо... Иди и позови сюда Поликсену Карловну, — спокойно отвѣтила Анна Ѳедоровна, вытирая на своемъ лицѣ чужія слезы.

Катя отправилась въ гостиную, гдѣ Поликсена Карловна ходила одна. Ей хотѣлось здѣсь наединѣ извиниться предварительно, но классная дама взглянула на нее съ такимъ презрѣніемъ, что этотъ порывъ замеръ въ зародышѣ. Когда онѣ вернулись въ кабинетъ, Катя искреннимъ тономъ просила извиненія. Классная дама мелькомъ взглянула на молчаливую Анну Ѳедоровну, потомъ на заплаканное лицо грубіянки и отвѣтила:

— Я слишкомъ уважаю себя, m-lle Клепикова, чтобы сердиться на вашу неприличную выходку... Все зависитъ отъ Анны Ѳедоровны.

— M-lle Клепикова сознаётъ свою вину и извинится передъ вами на глазахъ всего класса,—проговорила Анна Ѳедоровна.—Нужно быть справедливымъ... Теперь, m-lle Клепикова, вы можете итти въ классъ и сдѣлаете все, что̀ вамъ скажетъ ваша собственная совѣсть.

Когда Катя вышла изъ кабинета, Анна Ѳедоровна съ оживленіемъ прибавила:

— Эта Клепикова очень хорошая дѣвочка, но она не совсѣмъ нормальна, Поликсена Карловна... Не мѣшайте ей примириться самой съ собственной совѣстью. Да... У нея золотое сердце, а это дороже всего. Чѣмъ мы строже ее накажемъ, тѣмъ будетъ лучше для нея.

Поликсена Карловна, хотя и была очень добрая особа, но ее нѣсколько обидѣло это исключительное вниманіе къ грубіянкѣ. Помилуйте, „дѣвочка", „золотое сердце", „примириться съ собственной совѣстью" и т. д. Ихъ въ классѣ пятьдесятъ человѣкъ, и каждая будетъ позволять себѣ разныя выходки. Благодарю покорно... Анна Ѳедоровна поняла эти тайныя мысли и тихо прибавила:

— Вы не обижайтесь на меня, Поликсена Карловна... Припомните, какъ вы сами были такой же дѣвочкой, какъ эта Клепикова, и я, право, не вижу причины изъ простой глупости переходнаго возраста дѣлать цѣлую исторію. Надѣюсь, вы меня понимаете...

— О, я исполняю свой долгъ, Анна Ѳедоровна...

Этотъ отвѣтъ не понравился начальницѣ, но она промолчала.

Катя съ такой же искренностью повторила свои извиненія передъ классомъ, такъ что правосудіе получило полное удовлетвореніе.

Когда, послѣ окончанія уроковъ, она собирала свои книжки, къ ней подлетѣла Любочка и безъ всякихъ предисловій бросилась на шею.

— Катя, миленькая, какъ я боялась за тебя...—шептала она со слезами на глазахъ.—Когда тебя вызвали къ начальницѣ, мнѣ чуть не сдѣлалось дурно. Я такъ боялась, такъ боялась, точно сама была виновата во всемъ... Вѣдь, если бы я съ тобой сидѣла на одной партѣ, такъ ничего бы не было.

— Я не знаю, какъ все это вышло, Любочка... А книгу мнѣ все-таки жаль.

— Ну ее совсѣмъ, твою книгу!.. Ахъ, какъ рада, что все кончилось благополучно. Ты не можешь себѣ представить.

Онѣ возвращались опять вмѣстѣ, какъ бывало раньше, и Катя почувствовала, что съ ея плечъ точно свалилась гора. Вѣдь цѣлыхъ три мѣсяца Любочка дулась на нее, не зная за что... На подъѣздѣ встрѣтился о. Евгеній.

— Дѣвица, мы еще побесѣдуемъ,—сказалъ онъ Катѣ.—Какъ-нибудь въ общинѣ встрѣтимся... Сегодня я не совсѣмъ здоровъ, дѣвица. А побесѣдовать необходимо о многомъ...

XVI.

Готовиться къ экзаменамъ Катя и Любочка уходили въ женскую общину. Дома вѣчно мѣшали, а тамъ въ ихъ распоряженіи была келья сестры Агапиты и затѣмъ великолѣпный сосновый боръ, начинавшійся сейчасъ за монастырскимъ кладбищемъ. Каждый разъ дѣвочки заходили на могилу Григорія Иваныча и „приносили жертву", какъ говорила Любочка, т.-е. клали вѣнки и букетики изъ весеннихъ цвѣтовъ. Любочка, такая бойкая и веселая, стихала и старалась скрыть навертывавшіяся слезы. Бѣдный папа, если бъ онъ былъ живъ и могъ видѣть ихъ совсѣмъ большихъ... Да, онѣ теперь совсѣмъ большія и уже носили длинныя платья. Любочка, вообще, ужасно боялась смерти и старалась не думать о ней.

Первое время Катя стѣснялась ходить въ общину. По лицу сестры Агапиты она видѣла, что та знаетъ все объ ея исторіи съ Поликсеной Карловной. Предстояло неловкое объясненіе, и Катя относилась къ сестрѣ Агапитѣ съ большой сдержанностью, что̀ послѣднюю искренне огорчало. Обѣщанная бесѣда съ о. Евгеніемъ произошла въ кельѣ. Добрый священникъ подробно разспросилъ Катю объ ея семейномъ положеніи, занятіяхъ, знакомыхъ и книгахъ, которыя она читала.

— Да, да, нужно читать—книги наши лучшіе друзья,—говорилъ онъ своимъ глухимъ голосомъ.—Только нельзя читать безъ строгаго выбора... Сія книга, послужившая яблокомъ раздора, является примѣромъ. Авторъ великолѣпный, несомнѣнно, но нѣсколько одностороненъ, ибо пачкаетъ воображеніе. „Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже",—сказалъ пророкъ. Скажи мнѣ откровенно, что̀ тебѣ особенно понравилось въ сей книгѣ?

Пугавшее Катю объясненіе перешло въ душевную бесѣду. Дѣвочка нисколько не стѣснялась батюшки и откровенно разсказала ему вынесенное ею впечатлѣніе. Ей нравились стихи, описаніе картинъ природы, отдѣльныя мысли, а остальное возбуждало только любопытство и, въ сущности, осталось непонятымъ.

— Знаю, о чемъ вы говорите, батюшка, но именно это мнѣ совсѣмъ не нравится...

— Похвальныя разсужденія, но зло имѣетъ опасное качество: отталкивая вначалѣ, оно дѣлается привлекательнымъ впослѣдствіи... Самая маленькая неправда не проходитъ намъ даромъ. Мы еще побесѣдуемъ когда-нибудь потомъ...

Бесѣда сошла совсѣмъ благополучно, и Катя успокоилась окончательно.

Во солнечные весенніе дни заниматься въ кельѣ было скучно, точно давили эти монастырскія стѣны. Дѣвочки уходили въ сосновый боръ, гдѣ было такъ чудно-хорошо и гдѣ такъ легко дышалось Какія великолѣпныя сосны росли здѣсь, прямыя, высокія, какъ восковыя свѣчи, и какой-то таинственный шорохъ тамъ, вверху, гдѣ качались мохнатыя вершины. Бродить въ тѣни этого вѣкового бора—что̀ могло быть лучше? Гимназистки до нѣкоторой степени примирялись здѣсь съ безконечными Генрихами и Людовиками, которыхъ приходилось сейчасъ зубрить. Тѣни далекаго прошлаго точно оживали здѣсь, подъ открытымъ небомъ, гдѣ все жило и ликовало. А эти старые пни, угловатые камни и бугорки—какъ они драпировались мохомъ и мягкой зеленой травкой. Любочка вѣчно боялась несуществовавшихъ змѣй и визжала, какъ поросенокъ, когда изъ-подъ ногъ выпархивала какая-нибудь невинная птичка или выползала еще болѣе невинная ящерица.

— Любочка, какъ тебѣ не стыдно!—сердилась Катя, вздрагивая.— Перестань кисейную барышню разыгрывать...

— А если я боюсь?..

У нихъ въ бору былъ любимый уголокъ, съ котораго открывался видъ на всю Лачу и даже можно было въ ясные дни разсмотрѣть Курью. Любочка даже забывала на время свой страхъ и валялась по травѣ самымъ беззаботнымъ образомъ, хотя и должна была заниматься „проклятой алгеброй". Припадки чувствительности и быстрые переходы душевнаго настроенія всегда служили отличительной чертой Любочкинаго характера, а теперь дѣлались иногда просто несносными. Катѣ часто приходилось переносить отъ нея и нѣжности, и попреки, и дерзости.

— Ты какая-то сумасшедшая,—проговорила ей Катя. — Это наконецъ просто глупо. Пойми, что такъ жить нельзя...

— Сама не лучше. Позабыла исторію съ Поликсеной Карловной?

Разъ онѣ опять чуть-чуть не разссорились. Дѣло происходило въ монастырскомъ лѣсу. Катя сидѣла на моховомъ диванчикѣ, а Любочка лежала на травѣ, болтая ногами. Надъ ихъ головами торжественно шумѣли сосны, едва пропуская свѣтъ, а сквозь сѣтку ярко-желтыхъ стволовъ блестѣла зеркальная гладь Лачи. Катя по цѣлымъ часамъ могла прислушиваться къ шуму деревьевъ или наблюдать, какъ таинственно бродили свѣтлыя пятна и полосы. Мечтательное настроеніе было нарушено Любочкой, которая сначала дурачилась, потомъ начала придираться и кончила слезами.

— Этакая отвратительная плакса!—вырвалось у Кати невольно.

А Любочка лежала на травѣ, уткнувъ лицо въ сложенныя руки, и глухо рыдала, такъ что все тѣло вздрагивало.

— Довольно, кисейная куколка... Ну, скажи, ради Бога, что̀ это за фокусы? Вѣдь это наконецъ просто скучно...

Любочка подняла на нее свое заплаканное лицо, хотѣла что-то отвѣтить и только безсильно уронила опять свою голову.

— Никто, никто меня не понимаетъ...

— Очень просто, потому что и понимать нечего. Просто, блажь... Да ты и запоздала немного: время непонятыхъ натуръ прошло. Наконецъ ты взгляни на себя въ зеркало, чтобъ убѣдиться, что къ тебѣ совсѣмъ не идетъ трагическій тонъ. Лицо такое круглое, румяное, и вдругъ: „меня никто не понимаетъ"!

— Ахъ, не то, совсѣмъ не то... Ты злая, вы всѣ злые, а мнѣ такъ тяжело. Если бы ты испытала хоть частичку того, что̀ я переживаю.

— И не желаю. Впрочемъ, ты, можетъ-быть, влюблена...

Послѣднюю фразу Катя говорила ради шутки и была поражена произведеннымъ ей эффектомъ,—по Любочкѣ точно выстрѣлили. Она сѣла, оглядѣлась кругомъ, точно не могла проснуться, и заговорила совершенно другимъ тономъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ это глупое слово: влюблена? Оно опошлено и сдѣлалось вульгарнымъ... Я чувствую, что у меня въ душѣ совершается что-то такое великое и хорошее... Мнѣ даже иногда страшно дѣлается, точно я святая... Все остальное—такое маленькое, жалкое, ничтожное, глупое, и ты, Катя, вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ. Понимаешь, мнѣ тебя жаль, какъ жаль слѣпого человѣка. Вѣдь всѣ слѣпые и всѣ ничего не видятъ... Потомъ на меня нападаетъ какой-то страхъ, сомнѣніе,—даже отчаяніе, какъ у человѣка, который нашелъ величайшее сокровище и боится потерять его каждое мгновеніе. Мнѣ кажется, я хуже всѣхъ, мнѣ кажется... ахъ, нѣтъ такихъ словъ, чтобы объяснить, что̀ это такое: можно только чувствовать...

— Послушай, это какіе-то стихи...

— Перестань, пожалуйста!—шептала Любочка, глядя куда-то неопредѣленно вдаль.—Твое остроуміе не можетъ меня оскорбить, потому что я такъ полно себя чувствую. Да, я бываю хорошая и святая, а вы всѣ гадкіе, нѣтъ—жалкіе... Мнѣ дѣлается иногда такъ тепло, тепло, и я все понимаю, рѣшительно все. Напримѣръ, что̀ такое твоя исторія съ Поликсеной Карловной? Я одна *это* понимаю... Никто не видитъ, а я понимаю, и поэтому я тогда пожалѣла тебя. И это не заслуга съ моей стороны, а простое совпаденіе настроенія...

Катя съ удивленіемъ слушала и не узнавала прежней Любочки, простенькой и добродушной. Теперь говорила совсѣмъ другая дѣвушка, нѣтъ,—*женщина*. Почему-то Катя даже смутилась и старалась не смотрѣть въ глаза Любочкѣ, точно боялась, что та увидитъ въ ней что-то такое, о чемъ она даже наединѣ съ собой не рѣшалась думать. А Любочка смотрѣла на нее и улыбалась. Чтобы выйти изъ неловкаго положенія, Катя хотѣла отшутиться:

— А гдѣ же *онъ*, Любочка? Вѣдь безъ *него* такія слова не говорятъ...

— Есть и *онъ*... Да. Иногда мнѣ кажется, что *онъ* такъ близокъ ко мнѣ, что даже дѣлается страшно, а иногда я чувствую себя такой одинокой, оставленной всѣми, заброшенной. Кругомъ темно, въ головѣ все двоится... Знаешь, бываютъ такіе сны, когда по тоненькой жердочкѣ ходишь надъ пропастью—и страшно и хорошо. Вскрикнешь отъ страха, и сейчасъ же проснешься. Я вѣдь глупенькая, Катя, и болтаю тебѣ все, что̀ думаю. Да, а кто *онъ*, по-твоему?

— Ну, ужъ я этого и не знаю...

— Не знаешь? Ты лжешь... Да, лжешь!.. Знаешь, знаешь, а только притворяешься. Ты хочешь умнѣе всѣхъ быть... Ха-ха!.. А вѣдь я-то все вижу... Помнишь, изъ-за чего тогда я съ тобой разссорилась?.. Не догадываешься, а еще умная...

Катя отрицательно покачала головой, а Любочка поднялась на ноги, подошла къ ней, наклонилась къ самому уху и прошептала:

— *Я тебя ревновала... да.*

— Ты?!..

— Да, я... Пожалуйста, оставь и не притворяйся. Ты думаешь, что *это* незамѣтно, а я все вижу... все!..

— Рѣшительно ничего не понимаю.

— Такъ я тебѣ скажу, если не понимаешь...

Въ голосѣ Любочки послышались рѣшительныя ноты. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ, остановилась и проговорила, отчеканивая каждое слово:

— Ты любишь Гришу, а я... я Сережу... да.

Потомъ Любочка присѣла, закрыла лицо руками и повалилась на траву, какъ подкошенная. Катя не проронила ни одного слова, не выдала себя ни однимъ движеніемъ, а только чувствовала, какъ надъ ней шатаются сосны, точно пьяныя, какъ серебристая Лача ушла изъ глазъ и какъ туманомъ заволокло глаза.

— Ты думала, *это* незамѣтно?—продолжала Любочка, садясь.—Незамѣтно? Ха-ха... Всѣ мы такъ думаемъ и только себя обманываемъ. Даже очень замѣтно... Я, по крайней мѣрѣ, сейчасъ сообразила: если ты выйдешь замужъ за Гришу, мнѣ не видать Сережи, какъ своихъ ушей, и наоборотъ. Теперь-то поняла?.. Я уйду тогда въ монастырь, какъ сестра Агапита...

— Любочка, ты совсѣмъ сошла съ ума...

— Вотъ тебѣ и Любочка! Мы съ тобой соперницы, какъ это бываетъ

въ настоящихъ романахъ. Жаль, что не принято вызывать на дуэль, а то я застрѣлила бы тебя. Я злая... гадкая...

Любочка сидѣла на травѣ, разводила руками и улыбалась, а Катя поднялась и быстро пошла отъ нея.

— Катя, куда ты?

Отвѣта не послѣдовало. На травѣ валялась „проклятая алгебра“ и дѣянія безчисленныхъ Генриховъ и Людовиковъ, побратавшись въ общемъ несчастіи.

Катя плохо помнила, какъ она вернулась домой. Она шла въ какомъ-то туманѣ и боялась оглянуться назадъ, точно за ней по пятамъ гнался какой-то призракъ. Зачѣмъ Любочка все это говорила?.. зачѣмъ? Зачѣмъ солнце такъ ярко свѣтитъ? Зачѣмъ люди ходятъ, ѣздятъ, о чемъ-то хлопочутъ и вообще суетятся? Вѣдь ничего этого не нужно...

Со дня этого рокового объясненія Катя опять перестала бывать у Печаткиныхъ подъ разными предлогами. То голова болитъ, то некогда, и т. д. Большіе, правда, не обратили вниманія на эту перемѣну: мало ли дѣвчонки изъ-за чего ссорятся,—пустое мѣсто дѣлятъ. Любочка завертывала нѣсколько разъ, но и ей, видимо, было не легко. Посидитъ, поговоритъ о какихъ-нибудь пустякахъ—и на той же ногѣ домой.

— Что̀ это съ вами, Катерина Петровна?—спросилъ разъ Гриша Печаткинъ, встрѣтивъ Катю на улицѣ.—Надѣюсь, вы не сердитесь на меня?

— Съ чего вы взяли, что я буду сердиться на васъ?—рѣзко отвѣтила Катя.

— Да я такъ... Вы совсѣмъ насъ забыли.

— Некогда, да и нездоровится. До свиданія...

Странное чувство охватило Катю: ей страстно хотѣлось видѣть Гришу, а когда онъ приходилъ—она не могла сказать ни одного слова и даже отвертывалась отъ него. Ей хотѣлось высказать ему такъ много-много и, вмѣстѣ, она точно ненавидѣла его.

Такъ прошла вся весна и экзамены

— Что̀ это съ Катей сдѣлалось, мать?—спрашивалъ Петръ Аѳанасьевичъ жену.—Какъ будто она того... гм... Сама не своя.

— А заучилась, вотъ и не своя,—сухо отвѣтила Марѳа Даниловна.—Очень умна стала... Все книжки да книжки.

Когда послѣ экзаменовъ устроилась обычная прогулка гимназистовъ въ Курью, Катя наотрѣзъ отказалась принять въ ней участіе, несмотря на самые трогательные уговоры и увѣщанія Любочки.

— Оставьте меня...—повторяла Катя, отвертываясь.—Нездорова, и все тутъ. Желаю вамъ веселиться...

Это рѣшеніе стоило большихъ усилій воли, и, когда Любочка наконецъ ушла, Катя горько расплакалась. Она уже давно не плакала и сама стыдилась своихъ безпричинныхъ слезъ. Дома оставаться было тяжело, и она отправилась въ общину, къ сестрѣ Агапитѣ.

— Миленькая, родная, пойдемте на берегъ,—упрашивала она сестру.—Мнѣ душно, а тамъ такъ свѣжо. Погуляемте вмѣстѣ...

Сестра Агапита была рада пройтись. Онѣ обошли кладбище, прошли сосновый боръ и остановились на высокой кручѣ, съ которой открывался великолѣпный видъ на Лачу. Рѣка разливалась верстъ на пятнадцать однимъ широкимъ плесомъ. Сверху торопливо шелъ большой пароходъ, оставляя за собой двоившійся слѣдъ. Катя пристально всматривалась въ рѣку и наконецъ схватила сестру за руку.

— Вонъ тамъ большая лодка... еще красный флагъ на носу... Это *они* плывутъ въ Курью.

Она зарыдала и спрятала свою бѣлокурую головку на груди у сестры.

XVII.

Однимъ признаніемъ Любочка не ограничилась, а считала своимъ долгомъ мучить Катю все новыми подробностями развивавшагося чувства. Она и плакала, и смѣялась, и раскаивалась, и давала самое честное слово бросить всѣ эти глупости.

— Сережа эгоистъ и совсѣмъ тебя не любитъ,—говорила Катя.—Онъ не въ состояніи кого-нибудь любить...

— И все-таки онъ оказываетъ мнѣ вниманіе... Я по его лицу вижу, что онъ счастливъ, когда встрѣчаетъ меня.

— Просто отъ скуки...

— Ну, ужъ извините, Екатерина Петровна!.. Вы меня за кого принимаете?..

Когда Любочка сердилась, она начинала говорить Катѣ „вы", что̀, по ея мнѣнію, было очень обидно.

— Любовь творитъ чудеса,—мечтательно повторяла Любочка, закрывая глаза...—И я—Любовь... Да, два раза Любовь. Вы это можете понимать, Екатерина Петровна? Потомъ я—кисейная барышня, а всѣ кисейныя барышни должны думать и говорить про любовь. Знаешь, кто это сказалъ?

— Конечно, братецъ Сережа...

— Онъ!

— На него и похоже. И еще такъ покровительственно улыбнулся...

— Было и это. Онъ умный, а я глупенькая...

Сережа Клениковъ, дѣйствительно, немножко ухаживалъ за Любочкой, хотя его мечты были совсѣмъ не въ бѣдной квартирѣ Печаткиныхъ. Это былъ выдержанный молодой человѣкъ, который уже начиналъ тяготиться своимъ семейнымъ положеніемъ. Развѣ это жизнь, когда вѣчныя причитанія о деньгахъ и все сводится, въ концѣ концовъ, на грошовые расчеты. Сережа видѣлъ своими глазами, какъ живутъ настоящіе люди, и презиралъ родное гнѣздо. Да, онъ такъ не будетъ жить, и его дѣти не будутъ нищими... Отъ жизни нужно взять все, что̀ она только въ состояніи дать. Рядомъ съ этими жесткими и сухими мыслями въ немъ уживалось теплое чувство къ Любочкѣ, вызванное ея дѣтской привязанностью. Ему было пріятно, когда эти свѣтлые глаза такъ радостно смотрѣли на его особу, а дѣвичье лицо, еще не проснувшееся отъ недавняго дѣтства, свѣтлѣло и улыбалось въ его присутствіи. Что̀ же, Любочка была очень милая и красивая дѣвушка... Правда, она была немножко наивна и по временамъ мило-глупа, но это даже идетъ къ хорошенькой женщинѣ. У Сережи относительно этого пункта были свои воззрѣнія. Ему не нравились семьи, гдѣ мужчина игралъ второстепенную подчиненную роль, какъ Петръ Аѳанасьевичъ, а отсюда проистекала логическая антипатія къ умнымъ и энергичнымъ женщинамъ. Вотъ взять хоть сестрицу Екатерину Петровну—благодарю покорно, эта завяжетъ мужа узломъ, какъ мутерхенъ Марѳа Даниловна, а Любочка—другое дѣло... Зачѣмъ Любочка безприданница... Бѣдность—страшное слово, а бѣдняки сдѣлали бы отлично, если бы скромно исчезали съ лица земли. Сережа не могъ забыть своихъ заплатокъ, порыжѣвшей шинели, вытертаго мундира съ короткими рукавами и всѣхъ

аксессуаровъ, которыми такъ ярко иллюстрируется наслѣдственная приличная нищета.

Любочка, конечно, и не подозрѣвала этихъ разумныхъ мыслей и вся отдалась уносившему ее теченію. Она даже компрометировала себя нѣсколько разъ, высказывая слишкомъ явное предпочтеніе Сережѣ. Все, что̀ онъ говорилъ и дѣлалъ, ей казалось верхомъ совершенства, и она старалась подражать его манерѣ говорить, повторяла его жесты и переживала какую-то щемящую жажду рабства и неволи.

Дальше подвиги Любочки шли въ такомъ порядкѣ: разъ она очень долго и крѣпко жала руку Сережи, такъ что даже покраснѣла, когда опомнилась; въ другой разъ приревновала его къ Клочковской. Послѣднее случилось совсѣмъ трагически. Сережа въ разговорѣ назвалъ Клочковскую красавицей, и этого было достаточно, чтобы Любочка надулась на него на весь вечеръ и съ удвоеннымъ вниманіемъ ухаживала за Сеней Заливкинымъ и тоже назвала его красавцемъ. Кажется, месть достаточно сильная? Сережа сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, и это окончательно взорвало Любочку. Она наговорила Сережѣ дерзостей... Кажется, ясно? Онъ продолжалъ улыбаться.

— Любовь Григорьевна, вамъ слѣдуетъ выпить стаканъ холодной воды,— замѣтилъ онъ внушительно

А, стаканъ холодной воды... Нѣтъ, цѣлое ведро, цѣлую бочку, цѣлую Лачу выпила бы Любочка и не успокоилась бы: измѣна самая обидная была налицо. Клочковская — кукла, дрянь, тряпичная душонка... да. Вечеромъ, оставшись одна, Любочка имѣла удовольствіе видѣть въ зеркалѣ распухшее отъ слезъ лицо, которое окончательно привело ее въ отчаяніе, такъ что она даже погрозила ему кулакомъ. „Сдобная булка, и больше ничего“,— въ ужасѣ резюмировала Любочка результаты изслѣдованія собственной физіономіи.

Странное душевное состояніе продолжалось цѣлыхъ три дня и разрѣшилось неожиданной выходкой. Любочка написала Сережѣ записку, назначивъ свиданіе въ городскомъ саду... Правда, что тонъ всей записки былъ серьезный—ей нужно поговорить серьезно съ Сергѣемъ Петровичемъ и только, но свиданіе все-таки оставалось свиданіемъ. Эту роковую записку Любочка съ большими предосторожностями сунула въ руку Сережѣ и сейчасъ же убѣжала къ себѣ въ комнату и даже заперлась на ключъ. Здѣсь, оставшись одна, она поняла въ полной мѣрѣ, какую глупость сдѣлала. Глупо, глупо и еще разъ глупо... Такъ могутъ дѣлать только горничныя. Что̀ о ней подумаетъ Сережа? Любочка впередъ краснѣла за свой необдуманный поступокъ и готова была провалиться сквозь землю. Ей начинало казаться, что она даже не любитъ Сережу, больше—ненавидитъ его. Можно себѣ представить, съ какимъ видомъ онъ читалъ ея записку... У, гадкій, отвратительный человѣкъ!

— А на свиданье я не пойду,—рѣшила Любочка,—пусть онъ придетъ одинъ и ждетъ... Ха-ха!.. Выйдетъ простая шутка. Вотъ тебѣ и красавица Клочковская!..

Но всѣ эти разумныя мысли разлетѣлись, какъ спугнутыя мысли, когда наступилъ роковой часъ. Любочкѣ казалось, что она дѣлаетъ ужасное преступленіе, какого еще не видалъ міръ, и что всѣ прохожіе увидятъ на ея лицѣ отпечатокъ ея злодѣйства. И вмѣстѣ съ тѣмъ ее точно подталкивала какая-то невидимая сила. Интересно, какъ будетъ себя держать Сережа, какъ онъ заговоритъ съ ней и вообще чѣмъ все это кончится. Любочка однако не забыла одѣться съ особенной тщательностью и даже прицѣпила по неизвѣстной причинѣ лишній бантикъ: преступленіе, такъ преступленіе...

Сережа Клениковъ пришелъ въ садъ раньше и съ дѣловымъ видомъ разгуливалъ по дальней тѣнистой аллеѣ. Стояла осень, и деревья уже начинали ронять листву. Тамъ и сямъ валялись эти пожелтѣвшіе сухіе листья, напоминавшіе о начинавшейся убыли жизни. День былъ сѣренькій, но мягкій и теплый—такіе ласковые осенніе дни полны какой-то особенной грустной поэзіи. Прибавьте къ этому воздухъ, напоенный горькимъ ароматомъ умирающей лѣтней зелени. Въ такіе дни хочется гулять безъ конца, вынашивая грустныя мысли, мечты о прошломъ и опавшіе листья воспоминаній.

Любочка издали замѣтила вышагивавшаго Сережу и окончательно струсила. А вдругъ ихъ кто-нибудь увидитъ? Положимъ, послѣ обѣда здѣсь никто не гулялъ, но все-таки... Она опустилась на первую скамейку и разсѣянно принялась чертить зонтикомъ на пескѣ кабалистическія фигуры. Вотъ и его шаги... Сердце Любочки забилось учащенно и замерло. Онъ подошелъ и остановился противъ нея, тоже немного смущенный.

— Здравствуйте...

— Здравствуйте...

Пауза. Она не смѣла поднять глазъ, но не изъ робости. Ее начинало сердить то, что она краснѣетъ, какъ морковь. Этого еще недоставало.

— Пройдемтесь...—предложилъ онъ, прислушиваясь къ звукамъ собственнаго голоса и точно пробуя тонъ.

Они пошли рядомъ и долго молчали. Онъ пощипывалъ начинавшійся пухъ будущихъ усовъ и нѣсколько разъ набиралъ воздухъ, чтобы сказать что-нибудь. Вѣдь глупо молчать, а голова была пуста, хоть выжми. Ни одного слова...

— Любовь Григорьевна, мнѣ давно хотѣлось поговорить съ вами серьезно...

Совсѣмъ не то! Проклятый языкъ говорилъ совсѣмъ не тѣ слова, какія были нужны сейчасъ. Что̀ это за приступъ?

— То-есть я, собственно говоря, хочу сказать, что... что съ нѣкотораго времени я замѣчаю въ васъ нѣкоторую перемѣну. Конечно, я не имѣю права, то-есть я хочу сказать, что не подавалъ повода...

Опять не то!.. Однако положеніе... Сережа даже оглянулся, точно боялся, что кто-нибудь могъ подслушать его краснорѣчіе. Любочка тоже сдѣлала нетерпѣливое движеніе плечомъ.

— Однимъ словомъ, вы ставите меня въ неловкое положеніе...

Она остановилась и посмотрѣла на него широко-раскрытыми глазами.

— Я сейчасъ объясню все...—поправился онъ, храбро прищуривъ одинъ глазъ.—Жизнь—серьезная вещь, и нѣкоторыми вещами нельзя шутить. Я знаю васъ съ дѣтства... я привыкъ уважать вашу семью, и... и... однимъ словомъ, вы понимаете, что̀ я хочу сказать.

— Ничего я не понимаю, Сергѣй Петровичъ... Вы говорите, какъ оракулъ.

„Оракулъ“ замолчалъ самымъ глупымъ образомъ, а потомъ, обиженный этимъ замѣчаніемъ, заговорилъ быстро и рѣшительно о томъ, какъ онъ черезъ годъ кончитъ курсъ, какъ потомъ отправится въ университетъ, какъ будетъ юристомъ и только тогда позволитъ себѣ рѣшить самый важный вопросъ жизни. Любовь—слишкомъ серьезное чувство, чтобы имъ шутить. Есть обязанности, не говоря уже о вкусахъ, привычкахъ и разницѣ взглядовъ. Однимъ словомъ получилось что-то въ родѣ проповѣди.

— Да вы это о чемъ?—уже сердито спросила Любочка.

— Гм... Мнѣ кажется, что вы нѣсколько увлекаетесь несбыточными мечтами, то-есть несбыточными въ данный моментъ.

— Я?!..

— Я, конечно, очень признателенъ вамъ за вниманіе и нѣкоторое предпочтеніе и самъ, съ своей стороны, отношусь къ вамъ... симпатизирую...

— Другими словами, вы хотите сказать, что я въ васъ влюблена?.. Жестоко ошибаетесь, Сергѣй Петровичъ... И относительно особеннаго вниманія вы тоже слишкомъ много объ себѣ думаете.

— А ваша записка?..

Любочка посмотрѣла на него строго—развѣ о такихъ вещахъ напоминаютъ?—и, повернувшись, быстро пошла назадъ.

— Любовь Григорьевна... Любочка...

Любочка остановилась и крикнула издали:

— Вы глупы!

Любочка вылетѣла изъ сада, какъ облитая холодной водой. Ей сдѣлалось вдругъ такъ стыдно, какъ еще никогда не бывало. Что̀ это такое было? Вѣдь ей ничего не нужно отъ Сережи. Зачѣмъ онъ говорилъ какія-то глупыя слова? „Симпатизирую“... „а ваша записка“... Это безтактно, глупо, непростительно. Ахъ, какъ стыдно, почти до боли! Въ такомъ настроеніи Любочка не могла итти домой и отправилась къ Катѣ. Послѣдняя съ мельчайшими подробностями узнала весь послѣдовательный ходъ роковыхъ событій. Катя хохотала до слезъ, а Любочка горько плакала, охваченная желаніемъ покаяться.

— Онъ дрянной...—повторяла она, не вытирая слезъ.—И, знаешь, я его возненавидѣла. Если бы ты видѣла, какое у него было глупое лицо!.. И я тоже, должно-быть, была хороша... Ахъ, какъ все это глупо, глупо!.. Я, кажется, умру отъ стыда...

— Ну, умирать не сто̀итъ, а въ слѣдующій разъ дѣлать подобныхъ глупостей не слѣдуетъ.

Катя опять смѣялась и чувствовала, что еще никогда такъ не любила эту милую Любочку, какъ сейчасъ. Какая она славная, вся славная, и рядомъ братецъ Сереженька.

— Мнѣ больше всего нравится заключеніе...—говорила Катя, когда Любочка собралась уходить домой.

На Любочку вдругъ нашло раздумье.

— Знаешь, Катя, а вѣдь нехорошо, что я его обругала... Въ сущности, если разобрать, кругомъ виновата я одна...

— Да будетъ тебѣ каяться. Еще что̀ придумаешь?

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, нехорошо. Онъ могъ обидѣться...

— Я думаю...

Отъ двери Любочка вернулась и прошептала на ухо Катѣ:

— А все-таки я его люблю... какъ никогда еще не любила!..

Катя сначала смѣялась, когда Любочка ушла, а потомъ ей сдѣлалось грустно. Конечно, романъ Любочки разрѣшился очень комично, но подъ нимъ было нѣчто серьезное. Эта Любочка налетитъ на какую-нибудь исторію... Отъ нея можно ожидать всего. Изъ сожалѣнія къ Любочкѣ, на слѣдующій день Катя отправилась къ Печаткинымъ. Любочка еще въ гимназіи умоляла ее объ этомъ, какъ о величайшей милости, а когда Катя пришла, Любочка встрѣтила ее почти сухо. Только съ Любочкой могли происходить такія быстрыя перемѣны.

— Ну, что̀ новаго? — спрашивала Катя.

— А ничего... — отвѣтила Любочка, глядя на нее злыми глазами.

Любочка по логикѣ людей, сдѣлавшихъ какую-нибудь глупость, теперь сердилась на Катю за свою вчерашнюю откровенность.

XVIII.

Послѣдній годъ Сережи и Гриши въ гимназіи прошелъ съ необыкновенной быстротой. Не успѣли оглянуться, какъ зима уже была на исходѣ, а тутъ и весна на носу. Гимназисты усиленно готовились къ выпускнымъ экзаменамъ. Одно и то же волненіе захватило обѣ семьи. Какъ-то Сережа справится, успѣетъ ли Гриша... Катя и Любочка ужасно волновались, гораздо больше, чѣмъ на своихъ собственныхъ экзаменахъ. Вѣдь вопросъ шелъ о судьбѣ Сережи и Гриши... Съ Любочкой сдѣлалось что-то въ родѣ истерики, когда Сережа напуталъ что-то на экзаменѣ изъ алгебры, и она навсегда возненавидѣла эту проклятую науку.

Наконецъ и экзамены кончились, и вчерашніе гимназисты получили аттестаты зрѣлости. Гриша кончилъ съ серебряной медалью, а Сережа просто. Онъ, впрочемъ, всегда относился свысока ко всѣмъ гимназическимъ знакамъ отличія, а теперь въ особенности. По случаю такого торжества у Клепиковыхъ былъ устроенъ настоящій парадный обѣдъ, служившій отвѣтомъ на знаменитый ужинъ Григорія Иваныча. Обѣ семьи еще разъ собрались вмѣстѣ, соединившись въ общей радости. Анна Николаевна никакъ не могла удержаться и все время потихоньку вытирала глаза платкомъ: не было дорогого человѣка, который сумѣлъ бы порадоваться по-настоящему. Катя тоже чувствовала, что эта радость не такъ полна, какъ при поступленіи мальчиковъ въ гимназію. Чего-то недоставало. Всѣ точно заразились однимъ сомнѣніемъ: кто знаетъ, что̀ еще будетъ впереди.

— Осенью-то вѣдь они уѣдутъ, а мы останемся здѣсь однѣ, — шептала Любочка на ухо Катѣ.

— Что̀ же, мы кончимъ свою гимназію и тоже поѣдемъ на курсы...

— Да, какъ же, жди... Еще цѣлыхъ два года осталось.

Дѣдушка Яковъ Семенычъ все поглядывалъ на дѣвочекъ, раздѣляя ихъ настроеніе.

— Что̀ же, хорошо... — бормоталъ онъ, выпивая за здоровье „некрутовъ“. — Дай Богъ... На что лучше!.. Свою домашнюю заботу перемѣнимъ на дальнюю...

Петръ Аѳанасьевичъ немножко подвыпилъ и развеселился. Расхрабрившись, онъ даже хотѣлъ сказать спичъ, какъ дѣлалъ Григорій Иванычъ, но Марѳа Даниловна во̀-время успѣла толкнуть его локтемъ, и счастливый домовладыка только пожевалъ губами. — Что̀ же, хорошо, дай Богъ...

Въ общемъ обѣдъ прошелъ какъ-то торжественно-скучно. Всѣ какъ будто чего-то стѣснялись и не договаривали главнаго. Нѣкоторое оживленіе наступило только тогда, какъ заговорили о Казани — молодые люди поступали въ казанскій университетъ. Изъ присутствовавшихъ въ Казани бывали только дѣдушка Яковъ Семенычъ и Анна Николаевна. Первый былъ проѣздомъ лѣтъ тридцать тому назадъ, а Анна Николаевна жила въ Казани мѣсяца три, но разсказать ничего не умѣла. Она помнила только длинную дамбу, которая вела отъ пароходныхъ пристаней къ городу, и необыкновенно высокіе дома.

— Мы осенью тамъ были съ Григорьемъ Иванычемъ, такъ онъ все яблоки да виноградъ покупалъ... — разсказывала она, стараясь хоть что-нибудь припомнить. — Тамъ фрукты очень дешевы, чуть не даромъ...

— А какъ относительно жизни, Анна Николаевна? — любопытствовала Марѳа Даниловна. — Чай, дорого, приступу ни къ чему нѣтъ...

— Ну, этого уже я и не умѣю сказать... Молода тогда была, глупа, да

и останавливались мы въ проѣзжающихъ номерахъ. Григорій Иванычъ любилъ все самъ покупать, а я не касалась...

— Теперь и въ Казани все другое, — старался вывести гостью изъ затрудненія Петръ Аѳанасьевичъ. — Вотъ и у насъ все дороже, а тамъ и подавно. Съ каждымъ годомъ труднѣе да труднѣе жить... А между прочимъ, вездѣ живые люди живутъ, значитъ, и наши молодцы проживутъ.

Послѣ экзаменовъ окончившими курсъ гимназистами была устроена традиціонная прощальная пирушка. Объ этомъ событіи говорили еще зимой, какъ о чемъ-то необыкновенномъ. Рѣшено тогда же ѣхать въ Курью. Катя и Любочка впередъ почувствовали себя чужими. Да, это было такъ... Онѣ могли радоваться, сочувствовать и болѣть всѣми гимназическими невзгодами, а въ общей радости оказывались лишними. Это было и несправедливо и обидно. Въ роковой день Катя заперлась у себя въ комнатѣ, сдѣлавъ видъ, что ей все равно, а Любочка не утерпѣла и сбѣгала на берегъ Лачи, къ пристанямъ, чтобы посмотрѣть, какъ отправятся гимназисты. Она спряталась въ скверѣ, чтобы ее не замѣтили, и изъ-за зеленой щетки подстриженныхъ акацій наблюдала, какъ отвалила отъ берега большая красная лодка. Да, имъ всѣмъ было весело, а она сидѣла на скамеечкѣ одна и готова была расплакаться самымъ глупымъ образомъ. Собственно, эта поѣздка была пустяки, всѣ гимназисты устраиваютъ такія пирушки, но важно было то, что здѣсь въ первый разъ почувствовался серьезный разладъ и прозвучала та фальшивая нотка, которая портила всю музыку. А лодка плыла внизъ по Лачѣ съ веселыми пѣснями, и сердце Любочки ныло. Съ гимназистами вмѣстѣ отправилось нѣсколько учителей съ Огневымъ во главѣ.

Любочка съ пристани пришла къ Катѣ разогнать тоску, но изъ этого ничего не вышло. Катя лежала у себя на кровати съ книгой въ рукахъ и никакъ не могла понять негодованія пріятельницы.

— Да вѣдь имъ весело, пойми, — объяснила Любочка. — А мы вотъ дурами сидимъ здѣсь...

— Очень весело: напьются пива, будутъ орать, потомъ подерутся... Неужели въ этомъ веселье? Мнѣ, напротивъ, жаль ихъ...

— А я бы такъ съ удовольствіемъ приняла участіе и даже выпила бы стаканъ пива, хотя и не люблю его.

Съ пикника Сережа и Гриша вернулись только утромъ, охрипшіе отъ пѣнія, съ измятыми лицами и красными глазами. Съ Сеней Заливкинымъ въ Курьѣ сдѣлалось дурно. Хорошо веселье, нечего сказать!..

Впрочемъ, послѣдующія событія съ лихвой вознаградили огорченныхъ гимназистокъ. Вѣдь въ ихъ распоряженіи было цѣлое лѣто... Теперь устраивались прогулки чуть не каждый день, и даже Мароа Даниловна смотрѣла на веселившуюся молодежь сквозь пальцы. Что же, пусть повеселятся: не долго оставалось быть вмѣстѣ. Кромѣ того, у Мароы Даниловны и Анны Николаевны было много хлопотъ и новыхъ заботъ по снаряженію „некрутовъ“ въ далекій путь. Легко сказать, приходилось экипировывать на цѣлый годъ разомъ. Дома-то все строилось помаленьку да исподволь, оно и выходило незамѣтно, а тутъ разомъ вынь да положь.

— Снарядимъ, отправимъ, а тамъ ужъ и не знаю, что будетъ, — жалобно повторяла Анна Николаевна. — Какіе еще товарищи попадутъ... Прихворается грѣшнымъ дѣломъ. Мало ли что можетъ быть...

— Другіе учатся, и наши будутъ учиться, — успокаивала Мароа Даниловна. — Конечно, у себя на глазахъ-то спокойнѣе... Да и то сказать, вѣдь мальчики — все равно, не удержишь. Пошли да поѣхали...

— Ужъ это что говорить... Гдѣ удержать. Вонъ и Яковъ Семенычъ то же говоритъ.

— А мой-то Петръ Аѳанасьевичъ?.. Какъ-то даже ссорился со мной... Все изъ-за Сережи.

Положеніе Печаткиныхъ сразу мѣнялось, благодаря близившемся отъѣзду Гриши. Онъ являлся большакомъ въ семьѣ и много помогалъ своими уроками, а съ его отъѣздомъ все рушилось. Анна Николаевна по своему малодушію даже старалась не думать объ этомъ роковомъ днѣ.

Катя и Любочка принимали большое участіе къ этой работѣ и даже на прогулки въ Курью уѣзжали съ какой-нибудь работой. Сейчасъ ихъ не тяготила эта женская работа. Будущіе студенты порядочно имъ мѣшали, стараясь занять и развлечь. Первый неудачный опытъ значительно охладилъ Любочку, и она относилась къ своему „предмету“ почти равнодушно. Сережа это чувствовалъ и былъ съ ней изысканно-вѣжливъ, хотя и не безъ нѣкоторой ироніи. Съ другой стороны, Любочка ему нравилась теперь больше, чѣмъ раньше, чему много способствовала и вся обстановка встрѣчъ и собственное настроеніе. Катя часто наблюдала брата и невольно сравнивала его съ Гришей. Какая громадная разница! Въ характерѣ Гриши уже вполнѣ рельефно выступали отцовскія черты — самоувѣренность, чисто-печаткинская гордость, какая-то особенная доброта, иногда злая насмѣшка, но безъ желанія кого-нибудь обидѣть или унизить. Все это очень нравилось Катѣ, потому что напоминало о дорогомъ человѣкѣ. Въ теченіе зимы она инстинктивно избѣгала Гриши, а теперь произошло невольное сближеніе, благодаря совершенно новому положенію дѣлъ. Гриша былъ весь поглощенъ мыслью о положеніи своей семьи, когда онъ уѣдетъ въ Казань. Эта большая мужская забота нравилась Катѣ, особенно, когда Гриша заводилъ серьезный разговоръ съ ней на эту тему, — вѣдь онъ совѣтовался только съ ней одной.

— Это большой эгоизмъ съ нашей стороны, Екатерина Петровна, — объяснялъ Гриша: — именно мы жертвуемъ слишкомъ много, чтобы получить высшее образованіе. Мнѣ часто кажется, что я даже не имѣю права бросать семью. Могу поступить на службу, давать уроки... Вѣдь отецъ прожилъ же безъ диплома всю жизнь. Затѣмъ, я часто вспоминаю теперь Кубова и думаю, что онъ во многомъ правъ... Вы только подумайте, что цѣлыхъ пять лѣтъ мать и двѣ сестры должны прожить безъ меня. Вѣдь это жертва, которая приносится въ пользу моего университетскаго диплома.

— Вы преувеличиваете.

— Нисколько!.. Посмотрите, въ крестьянской семьѣ парень въ двадцать лѣтъ представляетъ собой живой капиталъ. Онъ — кормилецъ семьи... А мы должны до двадцати пяти лѣтъ состоять какими-то недорослями. Я говорю о себѣ и о своей семьѣ, а не о другихъ... Меня вообще все это ужасно мучитъ, хотя я стараюсь не показывать вида ни мамѣ ни Любѣ. Зачѣмъ еще ихъ напрасно тревожить...

— Помаленьку устроитесь: будете получать какую-нибудь стипендію, потомъ Любочка будетъ давать уроки...

— Даже предположимъ, что, дѣйствительно, все устроится такъ, какъ вы говорите, но меня будетъ все-таки тяготить, что семья изъ трехъ женщинъ остается одна...

Сколько было хорошаго въ этихъ задушевныхъ бесѣдахъ, въ которыхъ Гриша высказывался весь! Въ немъ не было ни одной фальшивой ноты, и Катя любила слушать самый тонъ, какимъ онъ говорилъ. Свидѣтелемъ этихъ бесѣдъ чаще всего бывалъ дѣдушка Яковъ Семенычъ — онъ оставался въ

Курьѣ цѣлые дни одинъ и радъ былъ, что молодежь толчется около него. Петръ Аѳанасьевичъ пріѣзжалъ въ Курью только вечеромъ, по окончаніи своей службы.

— Сурьезный парень... — не разъ говорилъ старикъ, наслушавшись разговоровъ Гриши. — Пожалуй, нашему Сереженькѣ супротивъ него и не устоять. Тоже похаять нельзя, только то — да не то... Пожиже будетъ Сереженька. Ну что же, каждому свое... И птица перо въ перо не уродится.

Была и другая тайная мысль у дѣдушки: вотъ бы взять да и женить Гришу на Катѣ — то-есть въ самый бы разъ, пока еще Гриша-то не набаловался. Вотъ какая бы парочка вышла: отдай все. А то кто знаетъ, какъ бы не уѣла Гришу большая-то грамота. Старикъ вздыхалъ, не смѣя высказать вслухъ своихъ тайныхъ соображеній.

Наступилъ и роковой день отъѣзда „некрутовъ". Это былъ такой же сѣренькій и пасмурный день, какъ во время поступленія Сережи и Гриши въ гимназію. Такъ же накрапывалъ мелкій осенній дождь, такъ же улицы потонули въ грязи, такъ же уныло выглядывали мокрые деревянные домики въ Веселой улицѣ — все то же, а прошло ни больше ни меньше, какъ цѣлыхъ восемь лѣтъ. Марѳа Даниловна даже пришла въ ужасъ отъ этой мысли — вѣдь точно все вчера было. Петръ Аѳанасьевичъ въ виду такого выдающагося событія даже не пошелъ на службу — это случилось съ нимъ въ теченіе двадцатипятилѣтней службы всего во второй разъ.

— Желаю проводить молодцовъ... — повторялъ онъ, напуская на себя храбрость, чтобы скрыть подступавшія невеселыя думы. — Да, желаю, и конецъ тому дѣлу.

Марѳа Даниловна и Анна Николаевна на двухъ извозчикахъ повезли сыновей въ общину, чтобы отслужить напутственный молебенъ, и очень боялись, что недѣля не о. Евгенія. На ихъ счастье служилъ о. Евгеній. Онъ сказалъ приличное случаю напутственное слово и благословилъ юношей въ далекій путь.

— Не увлекайтесь чужой новизной, юноши, и не забывайте родного гнѣзда... Вспомните, какими были вы безпомощными, сколько труда и заботъ положено на васъ, и не гордитесь своей молодой силой. А главное: не забывайте родного гнѣзда. Богъ противится тѣмъ, кто презритъ тяжелую родительскую заботу. Ну, съ Богомъ, юноши!.. Вы — наша гордость и наше будущее.

Сестра Агапита надѣлила путниковъ образками и со слезами на глазахъ проводила ихъ изъ церкви. Всѣ зашли еще на могилку къ Григорію Иванычу, и Гриша не выдержалъ — разрыдался. Очень горько начинать жизнь отъ могилы...

Петръ Аѳанасьевичъ собственноручно уложилъ все въ новенькомъ, только-что купленномъ чемоданѣ Сережи и все повторялъ, споря съ какимъ-то невидимымъ противникомъ:

— Не горевать нужно, а радоваться... да. Я заплакалъ бы тогда, если бы Сережа дома остался... Да...

Передъ отъѣздомъ, по русскому обычаю, вся семья посидѣла въ торжественномъ молчаніи, потомъ помолилась, и началось трогательное прощаніе. У Петра Аѳанасьевича дрогнула рука, когда пришлось благословлять сына. Кто знаетъ, можетъ-быть, видятся въ послѣдній разъ... Изъ всей семьи одинъ Пѣтушокъ ничего не понималъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на всѣхъ.

— Ну, съ Богомъ!—рѣшительно проговорилъ Петръ Аѳанасьевичъ, прерывая церемонію прощанія.—Дальніе проводы—лишнія слезы...

У Кати тоже были слезы на глазахъ. Ей вдругъ сдѣлалось жаль Сережи, и она обвиняла себя, что такъ часто была несправедлива къ нему. Вся эта сцена очень утомила Сережу, и онъ съ облегченнымъ сердцемъ выходилъ изъ подъ родительской кровли. Нужно было еще заѣхать къ Печаткинымъ, какъ уговорились раньше, чтобы всѣмъ вмѣстѣ ѣхать на пароходную пристань. Тамъ было то же самое, и Анна Николаевна и Любочка ходили съ опухшими отъ слезъ глазами.

— Не плакать нужно, а радоваться...—повторялъ Петръ Аѳанасьевичъ, чувствуя, какъ запасъ храбрости совсѣмъ на исходѣ.

На пароходной пристани всѣ, къ удивленію, встрѣтили монастырскаго о. дьякона, Володю Кубова и Огнева. Кубовъ нарочно пріѣхалъ изъ своей деревни, чтобы проводить товарищей. Эта встрѣча сразу придала всѣмъ нѣкоторую бодрость. Одинъ басъ Келькешоза хоть кого ободритъ...

— Какой ты большой, Володя!—удивлялась Мареа Даниловна.—Вонъ и борода выросла...

— На дешевыхъ хлѣбахъ отъѣлся, Мареа Даниловна,—шутилъ Кубовъ.

Онъ, дѣйствительно, сильно возмужалъ, раздался въ плечахъ и походилъ на купеческаго приказчика. Гимназистки давно не видали его и замѣтно дичились.

Другимъ обстоятельствомъ, послужившимъ къ развлеченію собравшейся публики, была неожиданная ссора Пѣтушка съ Соней. Забытые большими, эти баловники схватились чуть не въ рукопашную, и ихъ едва растащили. Сережа старался смотрѣть въ сторону и суетился безъ надобности, чтобы поскорѣе шло время. Гриша разговаривалъ съ Кубовымъ.

— Силянсъ!—гудѣлъ Келькешозъ, наступая кому-то на ногу.

Огневъ былъ „съ мухой“ и держался въ сторонѣ до послѣдней минуты, а потомъ проговорилъ, обращаясь къ уѣзжавшимъ:

— Завидую, господа... Молодость, какъ здоровье, мы цѣнимъ только тогда, когда она прошла. Поклонитесь alma mater... Ахъ, было и наше время. Ну, да что̀ объ этомъ говорить.

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ!..

Вотъ и второй свистокъ. Публика сбилась у самыхъ перилъ пристани живой галдѣвшей стѣной. Гдѣ-то слышался тихій плачъ, кто-то ругался. Пароходъ разводилъ пары. Вся палуба была покрыта пассажирами, прощавшимися съ родными и знакомыми.

— Пишите, братцы!—кричалъ Кубовъ, перевѣшиваясь черезъ перила.—И я буду писать. Интересно, что̀ и какъ у васъ тамъ будетъ...

Третій свистокъ. Сходни убраны. Воздухъ наполнился послѣдними возгласами. Замелькали бѣлые платки. Пароходъ тяжело отвалилъ отъ пристани. Петръ Аѳанасьевичъ проводилъ его прищуренными глазами, чтобы скрыть непрошенную слезу. Катя прижалась въ уголокъ и чувствовала себя такой маленькой-маленькой. На прощанье Гриша горячо пожалъ ей руку и проговорилъ:

— Не забывайте маму и Любочку...

Этого было достаточно. Развѣ нужны слова, чтобы выражать все то, чѣмъ полна душа? Да и нѣтъ такихъ словъ. Катя знала только то, что она не одна, и что другое сердце бьется вмѣстѣ съ ея сердцемъ.

— Ура!..—крикнулъ Келькешозъ, когда пароходъ повернулся кормой.

Осиротѣлыя семьи долго оставались на берегу, пока пароходъ не скрылся совсѣмъ изъ виду. Онъ увозилъ съ собой все будущее этихъ двухъ семей...

Прощайте! Прощайте...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Весенній солнечный день. По сторонамъ трактовой дороги ярко зеленѣла молодая травка. Листъ на березахъ только-что распустился. Въ поляхъ уже звенѣли жаворонки. По тропинкѣ, пробитой пѣшеходами по краю канавы, медленно шли два путника. Одинъ шагалъ въ высокихъ охотничьихъ сапогахъ, а другой въ короткомъ подрясникѣ,—это были наши старые знакомые: учитель русскаго языка Огневъ и монастырскій дьяконъ.

— Я усталъ, дьяконъ...—говорилъ Огневъ, вытирая потъ на лицѣ.—Не могу итти дальше...

— Ничего, это только сначала такъ кажется, Павелъ Васильичъ, а потомъ разомнешься... Смотри, благорастворенiе воздуховъ какое!.. А ты — усталъ.

— Дьяконъ, не могу. Передохнемъ чуточку...

— Ужо, погоди, Павелъ Васильичъ, вотъ свернемъ съ тракту, тогда и передышку сдѣлаемъ. На четырнадцатой верстѣ повертка... И пыли будетъ поменьше, и лѣсъ начнется.

Огневъ уныло жмурился и съ тоской смотрѣлъ на пылившую ленту провинціальнаго тракта, по которой медленно ползли крестьянскія телѣги. И было отъ чего прійти въ отчаяніе. Легко сказать, четырнадцать верстъ, а впереди еще пятьдесятъ. То ли бы дѣло на почтовыхъ махнуть... Черезъ шесть часовъ были бы на мѣстѣ. Уныніе окончательно овладѣло Огневымъ, когда ихъ обогнала почтовая тройка. Огневъ узналъ непремѣннаго члена по крестьянскимъ дѣламъ и угнетенно вздохнулъ. Но дьяконъ былъ упрямъ и не обращалъ никакого вниманія на унывавшаго спутника.

— Вотъ ужъ одиннадцатая верста, а вонъ тамъ, за пригоркомъ, сейчасъ будетъ и повертка... — объяснялъ онъ, приглядывая даль изъ-подъ руки.—А придемъ въ Семишки, сейчасъ закажемъ самоваръ. Тамъ у меня одинъ мужичокъ есть знакомый... Сливокъ сейчасъ подадутъ, хлѣбца пшеничнаго, а потомъ сообразимъ яичницу-скородумку. Ахъ, братецъ ты мой, лимонъ-то мы и забыли... А оно не вредно—съ лимономъ перекувырнуть чайку.

— Это ты правильно, дьяконъ: не вредно съ лимономъ... А тоже хорошо, когда сливки съ пѣнкой.

— Ну, въ Шервожѣ у насъ такихъ сливокъ не достанешь...

Огневъ даже засмѣялся: дьяконъ его утѣшалъ, какъ малаго ребенка. А все-таки съ разговорами куда легче итти. Вотъ и четырнадцатая верста, а отъ нея влѣво змѣйкой уползалъ узкій проселокъ. На „розстани“ уже сидѣли какія-то богомолки.

— Миръ на стану!—крикнулъ весело дьяконъ. — Куда Господь несетъ, милыя?

— А по обѣщанію... — отвѣтила за всѣхъ тощая и сгорбленная старуха.—По обѣщанію, милый, идемъ. Дальніе мы... Къ Симеону праведному.

— Далеконько будетъ...

— И то не близко. Вторую недѣлю бредемъ... Какъ Господь донесетъ. Притомились женскимъ дѣломъ...

— Ничего, отдохнете...

— Извѣстно, отдохнемъ.

Огневу приходилось еще въ первый разъ разговаривать съ богомолками. Раньше онъ видѣлъ ихъ только изъ окна своей городской квартиры. Вообще, какъ городской человѣкъ, онъ не понималъ этого простого деревенскаго люда и могъ только удивляться, что дьяконъ умѣлъ съ ними разговаривать и просто и любовно.

— Взыскующіе града, — объяснилъ Келькешозъ, показывая глазами на богомолокъ.—У насъ свое, у нихъ свое... А между прочимъ, намъ пора, камрадъ. Ѣдемъ per pedes apostolorum... Прощайте, милыя.

Трудно было Огневу подниматься, но дьяконъ не зналъ пощады — приходилось покоряться. До Семишекъ оставалось еще верстъ десять.

— Дорога отличная здѣсь, — утѣшалъ дьяконъ. — Когда я учился въ бурсѣ, такъ всегда ходилъ пѣшкомъ. Уснешь, какъ зарѣзанный... Вотъ увидишь, когда придемъ въ Семишки.

Трудныя были эти десять верстъ, хотя проселокъ шелъ то полями, то лѣсомъ, и не было проклятой трактовой пыли. Огневъ молчалъ, чувствуя, какъ у него подгибаются ноги отъ усталости. Наконецъ Огневъ забунтовалъ.

— Келькешозъ, мы сбились съ дороги! Это чортъ знаетъ что̀ такое... Проклятые Семишки провалились сквозь землю.

— Нѣтъ, ихъ отодвинули дальше... Не ропщи, человѣче.

Въ довершеніе всего дорога пошла въ гору. Огневъ сѣлъ на какой-то пенекъ и рѣшительно заявилъ, что дальше не пойдетъ ни за какія коврижки.

— Я лучше вернусь въ городъ...—повторилъ онъ жалобнымъ голосомъ.

— А чай со сливками?

— Ну тебя и съ чаемъ...

— Какъ знаешь, ступай назадъ, а я пойду впередъ... Прощай.

Дьяконъ зашагалъ дальше. Огневъ посидѣлъ на пнѣ съ минуту и покорно поплелся за нимъ.

Семишки оказались ближе, чѣмъ думалъ изнемогавшій отъ усталости Огневъ — только поднялись въ гору, и съ нея открылся видъ на небольшую деревушку, раскидавшую свои избушки у ея подножія.

— Ну, вотъ и отдыхъ!—громогласно заявилъ дьяконъ.

Огневъ въ это время малодушно мечталъ о томъ, какъ онъ, отдохнувъ въ Семишкахъ, найметъ лошадей и уѣдетъ обратно въ городъ, а дьяконъ пусть себѣ идетъ одинъ.

Въ Семишкахъ они разыскали знакомаго мужика и расположились на отдыхъ. Огневъ былъ настоящій городской человѣкъ и настоящей деревни не видалъ, исключая трактовыхъ селъ и пароходныхъ пристаней. Его удивляло больше всего то, что всего какихъ-нибудь двадцать четыре версты отъ Шервожа и начинался совсѣмъ иной міръ. Да, это была настоящая русская деревня со всѣмъ ея мирнымъ убожествомъ. Здѣсь были свои интересы, заботы, радости и напасти. И лица другія, чѣмъ въ городѣ — такія простыя русскія лица. И такихъ деревень сотни тысячъ, а въ нихъ десятки милліоновъ настоящихъ русскихъ людей.

— Куда наклался, о. дьяконъ?—спросилъ хозяинъ, степенный бородатый мужикъ.

— А въ Березовку... Тамъ племянъ у меня въ учителяхъ.

— Видалъ... Мы въ Березовку ѣздимъ о зимнемъ Николѣ, къ престолу. Ничего, паренекъ хорошій. Хозяйствомъ обзаводится... А этотъ кто съ тобой будетъ?

— А такъ, городской. Изъ купцовъ.

Мужикъ посмотрѣлъ на Огнева и улыбнулся.

— Какъ будто оно не похоже, о. дьяконъ. Не то обличье...

— А кто я по-твоему?—полюбопытствовалъ Огневъ.

— Изъ чиновниковъ, али изъ господъ... А березовскаго-то учителя я даже очень хорошо знаю. Онъ на нашу крестьянскую руку—и пашней обзавелся, и въ кузницѣ робитъ, и всякое протчее обзаведенье.

Огнева томила страшная жажда, но дьяконъ не далъ ему ни воды ни квасу.

— Обожди самовара, а то хуже будетъ, ежели съ жару холоднаго напьешься...

Деревенскіе самовары кипятъ долго, и Огневъ опять началъ роптать и жаловаться, такъ что дьяконъ даже обругалъ его.

— Ну какой ты человѣкъ? Смотрѣть на тебя тошно...

— И не смотри...

— Вотъ брошу тебя и уйду одинъ. То не могу, другое не хочу... тьфу!..

За самоваромъ Огневъ отдохнулъ и повеселѣлъ. Никогда еще онъ не пивалъ чая съ такимъ аппетитомъ.

— Ну, ты ложись спать, — совѣтовалъ дьяконъ.—А я еще по деревнѣ поброжу... У меня тутъ есть знакомые мужички. Надо насчетъ сѣна переговорить...

Огневъ могъ только удивляться выносливости дьякона. Послѣ чая онъ, дѣйствительно, завалился спать съ коварной мыслью завтра вернуться въ городъ на лошадяхъ.

Когда рано утромъ дьяконъ разбудилъ его, Огневъ только могъ удивляться,—неужели ужъ ночь прошла? Онъ даже не просыпался ни разу, да и вообще не спалъ такъ очень давно. Только вотъ ноги точно чужія.

— Дьяконъ, я дальше не пойду...

— Какъ знаешь, Павелъ Васильичъ. Не на веревкѣ мнѣ тебя тащить... Своей охотой пошелъ. Да и до Березовки рукой подать... Тридцати верстъ не будетъ.

— Ого!.. Тридцать верстъ... Ну нѣтъ, братъ, иди одинъ.

— И пойду...

Дьяконъ усвоилъ себѣ деспотическія привычки, и Огневъ, несмотря на ворчанье, въ концѣ концовъ все-таки невольно подчинялся ему. Да и стыдно было возвращаться въ городъ съ пустыми руками. Уговорились вмѣстѣ итти пѣшкомъ въ Березовку, и какъ-то нехорошо сбѣжать съ полдороги.

— Ничего, разомнешься дорогой,—увѣрялъ дьяконъ. — А въ Березовкѣ вотъ какъ отдохнемъ... И еще настойки на березовой почкѣ выпьемъ. Да...

Къ удивленію Огнева, другой день пути не показался такимъ труднымъ, да и мѣста были все такія хорошія. Поля, перелѣски, маленькія рѣчки и цѣлый рядъ деревушекъ. Широкимъ просторомъ разстилалась такая мирная картина. Дѣлалось какъ-то легко на душѣ, глядя кругомъ. А городъ съ его шумомъ и суетой оставался гдѣ-то далеко-далеко.

На половинѣ дороги сдѣлали привалъ. Огневъ не поинтересовался даже, какъ называется деревня. У дьякона и здѣсь былъ знакомый мужикъ, который привозилъ въ городъ дрова. Закусили, напились чаю и побрели дальше.

— Люблю деревню, — объяснилъ дьяконъ, размахивая длинной палкой, которую вырѣзалъ дорогой. — Здѣсь все, братъ, настоящее... Возьми деревенскую лошадь, или корову, или курицу—все настоящее.

— А городскія курицы не настоящія?

— Барыни, а не курицы. Уходу за ними много, дохнутъ постоянно... Тоже вотъ и городская лошадь: пустоплясъ, и больше ничего. А деревенская лошаденка первая работница... Безъ нея мужикъ ничего не стоитъ. Не смотри, что она лохматая да головастая... да. И все такъ... Легкій хлѣбъ въ городѣ заѣлъ всѣхъ, ну, настоящаго-то и нѣтъ ничего. Тоже вотъ и мужикъ, который попадетъ въ городъ на легкій-то хлѣбъ — расколотый грошъ вся ему цѣна. Я-то деревенскій ломоть и все это вотъ какъ отлично понимаю...

Въ Березовку пришли только къ самому вечеру, вмѣстѣ съ деревенскимъ стадомъ. Это было большое село, залегшее сотнями избъ по берегамъ небольшой рѣчки Березовки. На самомъ высокомъ мѣстѣ красовалась бѣлая каменная церковь. Село было богатое, благодаря зимнимъ торжкамъ. Нашимъ путникамъ не трудно было отыскать сельскую школу.

— На главномъ проспектѣ должна быть,—рѣшилъ дьяконъ впередъ. — У церкви... Вотъ и поповскій домикъ, а вонъ и школа. То-то Володька удивится...

Учитель квартировалъ рядомъ со школой, у вдовы дьяконицы. Дома его не оказалось. Босоногая и бѣлоголовая дѣвочка лѣтъ семи объяснила, что онъ въ кузницѣ и скоро придетъ.

— Ну, ты, почта, валяй къ нему и скажи, что городскіе гости пріѣхали,— посылалъ дьяконъ.—Да смотри у меня: живо. Одна нога здѣсь, а другая въ кузницѣ...

Дѣвочка исчезла, и только подъ окнами мелькнула ея бѣлокурая головенка.

Квартира учителя состояла всего изъ одной комнаты. Просиженный ситцевый диванъ замѣнялъ кровать. У окна стоялъ письменный столъ. Въ углу были придѣланы изъ простыхъ досокъ полочки для книгъ и ученическихъ тетрадей. У внутренней стѣны помѣщался верстакъ со столярными инструментами. У двери на столѣ были разложены принадлежности переплетнаго мастерства. Крашеный сундукъ служилъ комодомъ и гардеробомъ. Дьяконъ подробно осмотрѣлъ всю обстановку и нѣкоторыя вещи пощупалъ.

— Дѣльно... — рѣшилъ онъ наконецъ, одобрительно покачивая головой.

Огневъ стоялъ у окна и смотрѣлъ на развалившуюся передъ нимъ картину. Деревенская площадь съ церковью посрединѣ, волостная изба, поповскіе домики, а дальше брезжила всхолмленная полоса полей. Картина, вообще, была незамысловатая, но „настоящая“, какъ выражался дьяконъ и какъ думалъ сейчасъ Огневъ его словами. Онъ даже вздохнулъ, припоминая что-то такое далекое и такое тяжелое. Да, городъ былъ далеко, а тамъ остались и утомленіе, и тоска, и какая-то гнетущая пустота — однимъ словомъ, все не настоящее.

— А, дорогіе гости... Вотъ не ожидалъ-то!—послышался въ дверяхъ веселый голосъ самого хозяина.—Здравствуйте, Павелъ Васильичъ...

Это былъ онъ, Володя Кубовъ, загорѣлый, красный отъ работы и быстрой ходьбы, но такой жизнерадостный и счастливый. Синяя крестьянская рубаха, надѣтая поверхъ ситцевой, была прикрыта кожанымъ фартукомъ, какъ и слѣдовало кузнецу.

— Ну, здорово, акробатъ!—басилъ дьяконъ, облапивъ племяша.—Каково прыгаешь? А мы, братъ, къ тебѣ въ каретѣ пріѣхали... на своихъ на двоихъ.

Я какъ-то говорю Павлу Васильичу: „Махнемъ къ Володькѣ пѣшедраломъ“.— „Махнемъ“, говоритъ. Ну, и махнули. Только дорогой онъ чуть меня не сконфузилъ: хотѣлъ домой бѣжать. Конечно, непривычное дѣло...

— Какой вы здоровякъ, Кубовъ,—удивлялся Огневъ, удерживая жилистую руку своего бывшаго ученика въ своей бѣлой безсильной рукѣ.—Даже какъ-то совѣстно смотрѣть на себя...

— А вотъ погостите у меня лѣто, такъ и не будете завидовать, Павелъ Васильевичъ. И дешево и сердито: квартира стоитъ два рубля, содержаніе въ мѣсяцъ около пяти...

— Володька, соловья баснями не кормятъ,—перебилъ его дьяконъ.— Успѣемъ наговориться, а ты насъ ублаготвори снѣдью и брашномъ, яко и подобаетъ странникамъ.

— Сейчасъ, сейчасъ...

II.

Бѣлоголовая дѣвчонка уже поставила самоваръ, и черезъ полчаса около него размѣстились всѣ трое. Чаеванье устроено было въ огородѣ, на свѣжемъ воздухѣ. Тамъ была пристроена лѣтняя бесѣдка, обсаженная кустами смородины и малины. Солнце уже садилось, и повѣяло прохладой.

— Отмѣнно...—повторялъ дьяконъ послѣ каждаго выпитаго стакана.

— Съ дороги вы устали, Павелъ Васильевичъ,—объяснялъ Кубовъ.— Ложитесь спать—въ деревнѣ рано засыпаютъ. А завтра я вамъ покажу свое маленькое хозяйство.

— Только не хвастай,—предупреждалъ дьяконъ.—Я-то вѣдь самъ деревенскій ломоть, и меня не проведешь. Нѣтъ, братъ, шалишь...

— Зачѣмъ же я буду обманывать? У васъ свои глаза есть...

Огневъ все время молчалъ. За чаемъ его взяла такая усталость, что онъ сидѣлъ только изъ вѣжливости, и очень былъ радъ, когда эта церемонія кончилась. Отъ деревенскаго ужина, по городской привычкѣ, онъ отказался и былъ совершенно счастливъ, когда растянулся на ситцевомъ диванчикѣ. Благодатный сонъ точно уносилъ куда-то въ невѣдомую даль.

Зато дьяконъ поужиналъ за двоихъ, счастливый тѣмъ, что могъ поѣсть привычной деревенской пищи. Тутъ были и щи съ забѣлой, и каша, и душистый пшеничный хлѣбъ—послѣдній приводилъ дьякона въ восторгъ.

— На нашихъ крупчатныхъ мельницахъ только портятъ пшеничку,— негодовалъ онъ, нюхая пшеничный ломоть.—Обдерутъ все... А тутъ самый смакъ.

Ужинали они въ той же бесѣдкѣ при свѣтѣ небольшой жестяной лампочки. Выпивъ двѣ рюмки деревенской настойки и хлопнувъ хозяина по плечу, дьяконъ проговорилъ:

— А вѣдь Павелъ-то Васильичъ того... гм... На чердакѣ у него не въ порядкѣ. Сначала все по женѣ тосковалъ, а потомъ мысли разныя... да. А главное, житьишко наше городское: утромъ въ гимназіи своей корпитъ, а вечеромъ дома тоже корпитъ. Ну, тутъ въ башкѣ всякая дрянь заведется... Я-то поступилъ нынче въ мужскую гимназію учителемъ пѣнія, ну, познакомился съ нимъ поближе, вижу, отличный человѣкъ и совсѣмъ даромъ погибаетъ. Вотъ и уговорилъ сдѣлать променадъ... Пусть подышитъ хоть вашимъ деревенскимъ воздухомъ, а то совсѣмъ закисъ человѣкъ.

— Что же, отличное дѣло.

— Безъ тебя знаю, что отличное. А-то зачѣмъ бы пошелъ за семь верстъ киселя хлѣбать? Тоже и мы не въ уголъ рожей...

Кубовъ былъ очень радъ гостямъ и съ особеннымъ удовольствіемъ наблюдалъ некрасивое, но такое добродушное лицо дьякона. Въ этомъ лицѣ была та внутренняя красота, которая дается только искренностью и добрымъ сердцемъ. Грубоватый тонъ и смѣшныя семинарскія словечки дополняли характеръ всего остального.

— Признаться сказать, мнѣ и самому порядкомъ надоѣло въ городѣ,— говорилъ дьяконъ.—Вѣдь вотъ служу, получаю жалованье, и доходовъ больше чѣмъ получатъ два деревенскихъ попа вмѣстѣ, а все какъ будто чего-то недостаетъ. Точно и деньги не настоящія, и идутъ онѣ прахомъ... Особенно весной жутко дѣлается: такъ и потянетъ, такъ и потянетъ. Чувствуешь, что и самъ не настоящій человѣкъ... Отцы-то сами землю пахали, а мы дармоѣдами живемъ. Дикая эта городская копейка... Какъ-то на молебнѣ закатили я такое многолѣтіе, что одинъ купецъ мнѣ корову прислалъ, а другой лошадь вмѣстѣ съ дрожками. По первоначалу я даже обрадовался, а потомъ стыдно сдѣлалось: вѣдь купцы съ жиру бѣсятся... Такъ и все. Съ дьяконицей тогда разссорился... Она тебѣ, братъ, кланяется. Хотѣла гостинцевъ посылать, да я не взялъ... Ладно и такъ.

Кубова больше всего интересовало, что̀ дѣлается въ городѣ: какъ живутъ Клепиковы, что̀ Анна Николаевна, дѣдушка Яковъ Семенычъ, гдѣ гимназистки, студенты и т. п.

— Я вѣдь цѣлый годъ не былъ въ Шервожѣ и почти ничего не знаю,— говорилъ Кубовъ, закуривая папиросу.—Обѣщали писать, и никто не пишетъ.. Подчасъ тоска забираетъ, потому что чувствуешь себя забытымъ.

— А что̀ у насъ новаго? Все по-старому... Сильно перебивалась зимой Анна Николаевна, а теперь ничего, устроилась помаленьку. Клепиковы тоже по-старому... У нихъ только и разговору, что про своихъ студентовъ: что̀, да какъ, да гдѣ?.. Получатъ письмо и читаютъ его цѣлую недѣлю... Гриша Печаткинъ чаще пишетъ, потому что заботится сильно о матери, а Сережа порѣже. Дѣдушка Яковъ Семенычъ даже ворчитъ на бабъ, зачѣмъ надрываются такъ..

— А гимназистки? Выросли сильно?

— Ничего, какъ слѣдуетъ быть юницамъ. Все съ книжками своими возятся... Тоже студентами своими бредятъ. Только и свѣту въ окнѣ... А тебѣ, Володька, поди, завидно?

— Чему?

— Ну, что ты не студентъ...

— Да... Хотѣлось бы поучиться. Впрочемъ, не всѣмъ же университеты да академіи кончать... Радуюсь, по крайней мѣрѣ, за другихъ.

Дьяконъ задумался, вздохнулъ и замѣтилъ:

— Завидовать грѣшно, а молодыхъ-то гусей по осени считаютъ.. Помнишь, каковъ человѣкъ былъ Григорій Иванычъ, а университета и не понюхалъ. Однако, братъ, я спать хочу... Утро вечера мудренѣе... Пока лякаемъ завтра...

Кубовъ увелъ дьякона на сѣновалъ. Тамъ они улеглись вмѣстѣ, и дьяконъ сейчасъ захрапѣлъ, а Кубовъ долго не могъ заснуть. Имъ овладѣло двойное чувство, въ которомъ онъ не могъ разобраться. Съ одной стороны онъ завидовалъ болѣе счастливымъ товарищамъ, получавшимъ высшее образованіе, а съ другой стороны, ему было дорого и свое деревенское маленькое дѣло, съ которымъ онъ такъ сросся. Наконецъ ему было обидно просто за то, что онъ не достаточно увѣренъ въ себѣ и въ своемъ дѣлѣ и можетъ завидовать кому-нибудь. Вѣдь у всякаго свой удѣлъ, и нужно умѣть имъ воспользоваться.

Несмотря на короткій отдыхъ, Кубовъ поднялся на другой день раньше всѣхъ. Ему нужно было кончить въ кузницѣ какую-то срочную работу. Огневъ и дьяконъ нашли его именно здѣсь, у пылающаго кузнечнаго горна. Работа кипѣла, и искры сыпались изъ-подъ молотовъ огненнымъ дождемъ—сваривали новую шину къ деревенскому колесу. У коновязи ждало нѣсколько лошадей.

— А что̀, скажите, это трудно?—спрашивалъ Огневъ.

— Не труднѣе того, какъ править ученическія тетрадки. Привычка...

— А сколько вы можете заработать въ день?

— Въ хорошій лѣтній день отъ трехъ рублей до пяти. Изъ нихъ нужно заплатить помощнику-молотобойцу шестьдесятъ копеекъ... Ничего, работать можно. Я сейчасъ, только кончу лошадей...

Дьяконъ не утерпѣлъ и попробовалъ работать тяжелымъ молотомъ. Руки были сильныя, но непривычныя, и молотъ попадалъ не въ тактъ и не по тому мѣсту.

— Володька, а сколько бы ты мнѣ далъ поденщины?

— Копеекъ пятнадцать... по знакомству.

Кончивъ свою работу, Кубовъ показалъ послѣдовательно все свое хозяйство. У него было двѣ рабочихъ лошади, корова съ годовой телкой, шесть штукъ овецъ, свинья съ поросятами, козлуха, два десятка курицъ, пара гусей съ выводкомъ. Большинство живности находилось въ полѣ, нагуливаясь на даровыхъ кормахъ. Для Огнева многое было совершенно непонятно, начиная съ хозяйственной терминологіи. Затѣмъ онъ нашелъ, что можно было бы все устроить гораздо красивѣе и прочнѣе.

— Да, но на это нужно было бы затратить большой капиталъ, котораго у меня нѣтъ,—объяснялъ Кубовъ.—Я устраиваю все, какъ у мужика... Вѣдь мужицкое хозяйство складывалось вѣками и разрѣшаетъ величайшую экономическую задачу, именно при минимумѣ средствъ добиться максимума доходности. Возьмите самую обыкновенную крестьянскую курицу, хохлатую, некрасивую, а между тѣмъ она гораздо выгоднѣе всякихъ кохинхинокъ и брамапутръ. Эта курица тысячью поколѣній приспособлена ко всему укладу крестьянскаго хозяйства. Впослѣдствіи, когда поставлю полное крестьянское хозяйство, могу перейти къ интенсивной культурѣ съ искусственными туками, машинами и прочей премудростью. Главное, нужно быть строго-послѣдовательнымъ и итти отъ самаго маленькаго къ сложному и большому, а красота уже въ концѣ концовъ. Пока я занятъ искусственнымъ травосѣяніемъ. Дѣлаю опыты съ клеверомъ и тимоѳеевкой... Затѣмъ перейду къ фосфоритамъ. У меня есть свое маленькое опытное поле...

Въ теченіе двухъ лѣтъ своего учительства Кубовъ довелъ запашку въ трехъ поляхъ до двадцати десятинъ; дальнѣйшее увеличеніе было невыгоднымъ, потому что требовало увеличенія хозяйственнаго инвентаря, лошадей и лишнихъ наемныхъ рабочихъ рукъ. Въ хозяйствѣ все тѣсно связано одно съ другимъ, одно другое поддерживаетъ и одно безъ другого не можетъ существовать.

— Если вы не устали, пройдемтесь въ поле,—предлагалъ Кубовъ.

— Нѣтъ, какъ-нибудь въ другой разъ,—уклонился Огневъ, для котораго все крестьянское хозяйство являлось тарабарской грамотой.—Для начала и этого достаточно... Я вѣдь не понимаю и половины вашихъ объясненій. Вотъ лучше скажите мнѣ, какъ вы успѣваете со школой и съ хозяйствомъ? И то и другое требуетъ массу времени...

— Конечно, городскому учителю немысленно вести такое хозяйство, какъ мое, но въ сельскихъ школахъ занятія кончаются ранней весной и на-

чинается поздней осенью, чтобы не отнимать дѣтей отъ сельскихъ лѣтнихъ работъ. У меня какъ разъ остается свободнымъ самое необходимое для сельской работы лѣтнее время...

— Надѣюсь, что вы своей усиленной работой не преслѣдуете исключительно одной цѣли, именно нажить деньги?

— Не скрою, отчасти есть и такой грѣхъ: деньги въ деревнѣ еще нужнѣе, чѣмъ въ городѣ. Чѣмъ больше денегъ, тѣмъ лучше... Съ другой стороны, я боюсь похвастаться, что желаю основать образцовое хозяйство, какъ живой примѣръ для крестьянъ. Конечно, я кое-чему могу ихъ поучить впослѣдствіи, а пока самъ учусь у нихъ...

Для Огнева недѣля, проведенная въ Березовкѣ, являлась настоящей Америкой. Раскрывался совершенно невѣдомый міръ, такой бодрый и увѣренный, и въ центрѣ этого новаго міра стоялъ простой сельскій учитель. Получалось что-то невѣроятное, т.-е. невѣроятное на городскую мѣрку, гдѣ все мѣрялось жалованьемъ, казеннымъ мѣстомъ и опять жалованьемъ. Припоминая свою молодость, Огневъ зналъ только одно: что въ его время такихъ людей, какъ учитель Кубовъ, не было. Онъ могъ только жалѣть, что ему не двадцать лѣтъ и что онъ не можетъ начать свою жизнь сызнова. Съ другой стороны, въ душу Огнева закралось старческое сомнѣніе, долго ли выдержитъ Кубовъ и не броситъ ли дѣла на полдорогѣ. Какъ хотите, а похоронить себя въ двадцать лѣтъ навсегда въ деревнѣ — это цѣлый уже подвигъ.

Послѣдняя мысль мучила Огнева все время пребыванія въ Березовкѣ, и онъ внимательно вслушивался въ разсказы Кубова, инстинктивно отыскивая въ нихъ какой-нибудь скрытой фальши.

— Я знаю, что̀ вы думаете, Павелъ Васильичъ,—замѣтилъ разъ Кубовъ, поймавъ испытующій взглядъ стараго учителя.—Вы боитесь повѣрить въ меня и въ мое дѣло... да?

— Какъ вамъ сказать... сомнѣваюсь...

— Откровенность за откровенность: я не думаю навсегда остаться сельскимъ учителемъ. Поработаю лѣтъ пять-шесть, поучусь деревенскому уму-разуму, а тамъ увидимъ...

Огневъ отвѣтилъ стихомъ изъ Некрасова:

... Не рыбачій парусъ бѣдный—
Корабли мнѣ снятся!

— Корабли не корабли, Павелъ Васильичъ, а около того... Ну, да объ этомъ рано говорить, и вообще можно говорить только о томъ, что̀ сдѣлано, а хорошими намѣреніями вымощенъ цѣлый адъ.

— Смиреніе паче гордости, — замѣтилъ дьяконъ.

Гости провели въ Березовкѣ цѣлую недѣлю. Огневъ замѣтно повеселѣлъ, сдѣлался разговорчивѣе и все больше входилъ въ интересы деревни. Городская хандра быстро спадала. Канунъ отъѣзда прошелъ, противъ ожиданія, какъ-то особенно грустно. Разговоры не вязались, и каждый думалъ что-то свое. Кубову было тяжело оставаться опять одному, а Огневъ предчувствовалъ приступы городской хандры. Дьяконъ тоже хмурился.

— Вотъ что̀ я скажу тебѣ, Володька, — заговорилъ наконецъ дьяконъ съ такимъ усиліемъ, точно выворачивалъ изъ себя тяжелый камень.—Все это хорошо, ну, кузница тамъ, хлѣбопашество, школа... Хорошо, а ежели разобрать, такъ ничего это твое хорошее не сто̀итъ.

— Вотъ тебѣ разъ?.. — удивился Кубовъ, смутившись.

Огневъ тоже только развелъ руками.

— Не догадываетесь?—медлилъ дьяконъ. И самъ-то ты, Володька, ничего не стоишь, потому какъ не понимаешь настоящаго... Какой ты хозяинъ, когда у тебя хозяйки въ домѣ нѣтъ? Развѣ мужикъ безъ бабы бываетъ... Вотъ ты раскуси это самое дѣло, племянъ.

Гости ушли пѣшкомъ. Кубовъ провожалъ ихъ до своей пашни, которую показывалъ съ особенною любовью, какъ самое дорогое дѣтище.

— Когда будешь въ городѣ-то у насъ, милашъ?—спрашивалъ дьяконъ на прощанье.

— А, право, не знаю... Лѣтомъ-то у насъ въ деревнѣ работа, какъ на пожарѣ. Тамъ пары поднимать, боронить, а тутъ сѣнокосъ подоспѣетъ... Отвели сѣнокосъ—жнитво начинается. Такъ кругомъ и кружитъ... Можетъ-быть, осенью какъ-нибудь удосужусь.

Огневъ простился съ молодымъ другомъ по-отечески и проговорилъ свою любимую фразу:

— Не забывайте, Кубовъ, одного, что мы всѣ должны жить для истины, добра и красоты...

Эта риторическая фраза звучала немного странно на этомъ широкомъ трудовомъ просторѣ русскихъ полей, но Кубовъ отлично ее понималъ и молча пожалъ руку стараго учителя.

III.

Весна въ Шервожѣ имѣла рѣшающее значеніе, потому что вмѣстѣ съ открытіемъ навигаціи по Лачѣ должны были пріѣхать желанные гости—студенты. Это была мечта долгой и трудовой зимы. Да, всѣ поработали въ свою долю, а вмѣстѣ со студентами должны были явиться и отдыхъ, и веселье, и радость. И Любочка и Катя уже имѣли небольшіе уроки и очень гордились своими первыми заработанными деньгами. Дѣла у Анны Николаевны понемножку устроились, хотя сначала ей и приходилось трудненько. Главною помощью являлась назначенная Любочкѣ земская стипендія, затѣмъ Гриша высылалъ рублей по десяти въ мѣсяцъ, наконецъ сама она зарабатывала немного на гимназистахъ-квартирантахъ. Катя, когда бывала у Печаткиныхъ, каждый разъ испытывала какое-то щемящее чувство пустоты. Давно ли вотъ эти комнаты жили такой хорошей и кипучей жизнью, а теперь прошлое напоминала только обстановка да разговоры. Анна Николаевна рада была видѣть Катю, потому что заставляла ее перечитывать письма Гриши до десяти разъ.

— Какъ только Лача вскроется, такъ и наши пріѣдутъ,—повторяла Любочка тысячи разъ.

Ей казалось недостаточно вѣрнымъ считать дни по календарю,—все дѣло въ Лачѣ. Побѣгутъ пароходы и привезутъ дорогихъ людей. Въ мартѣ Любочка нѣсколько разъ таскала дѣдушку Якова Семеныча на пристани посмотрѣть, какъ все ремонтировалось къ открытію навигаціи, точно къ великому празднику. Между собой гимназистки не откровенничали и не повѣряли другъ другу никакихъ тайнъ. У Кати ихъ не было, а Любочка немножко дулась на нее за скрытность. Сама она съ отчаяннымъ нетерпѣніемъ ждала письма отъ Сережи, нѣтъ—одной строчки, одного словечка, и не получила. Это было очень обидно, и Любочка даже плакала. Но къ веснѣ это страшное горе прошло: она все простила коварному Сережѣ, только бы онъ пріѣхалъ на лѣто. Вѣдь ужъ счастье просто взглянуть на него, услышать его голосъ, пожать ему руку.

Матери волновались не меньше дочерей, хотя и по другимъ причинамъ.

Легко сказать, цѣлый годъ не видались, а пріѣдутъ — опять съ ними новыя заботы и новыя хлопоты.

Катя и Любочка вмѣстѣ встрѣтили вскрытіе Лачи, составлявшее настоящее торжество для всего Шервожа, особенно для мѣщанства, кормившагося, главнымъ образомъ, около рѣки. Дѣвочки вмѣстѣ проводили и первый пароходъ, уходившій „на низъ". Это была первая ласточка, дѣлавшая ихъ весну. Теперь онѣ отлично знали всѣ рейсы, всѣ пароходы и особенно часы прибытія пароходовъ. Обѣ боялись одного, именно, что „наши" могли пріѣхать съ утреннимъ пароходомъ, когда онѣ были въ гимназіи. Изъ писемъ трудно было опредѣлить вполнѣ точно день отъѣзда страстно ожидаемыхъ гостей, да и сами студенты еще не могли его опредѣлить. Во всякомъ случаѣ, могло выйти такъ, что они пріѣхали бы, какъ всѣ другіе, безъ всякой встрѣчи, а это уже было бы ужасно обидно.

Наконецъ они пріѣхали... Это было вечеромъ, прекраснымъ весеннимъ вечеромъ, когда вся Лача переливалась радужнымъ золотомъ, точно живой перламутръ. Первой увидала „нашихъ" Любочка и по привычкѣ даже взвизгнула. Сережа услыхалъ этотъ визгъ и надулся. Помилуйте, что̀ за ребячество... На пристани могли быть знакомые. Онъ поздоровался съ Любочкой довольно сухо и отправился домой надутый, съ испорченнымъ настроеніемъ.

— Они совсѣмъ, совсѣмъ большіе...—едва успѣла шепнуть Любочка подругѣ.

Гимназистки торжествовали, проѣзжая по городу съ настоящими студентами. Да, съ настоящими студентами, а не съ какими-нибудь несчастными гимназистами. Имъ казалось, что всѣ на нихъ смотрятъ и всѣ имъ завидуютъ. Сережа всю дорогу сердился и ворчалъ:

— Какая несносная эта Любочка... Развѣ можно себя такъ держать?..

— Что̀ же дѣлать, Сережа, если у ней такой характеръ... Она очень милая.

Сережа, прищурившись, смотрѣлъ на знакомыя улицы и знакомые дома, и все ему казалось такимъ маленькимъ и несчастнымъ. Настоящее воронье гнѣздо... И Катя тоже совсѣмъ еще маленькая, дѣвчонка и одѣта съ обидной скромностью. Сережа успѣлъ замѣтить нѣсколько заплатъ на ея осеннемъ старенькомъ пальто и заштопанныя дыры на коричневомъ люстриновомъ платьѣ. Началась эта милая родная нищета...

Дома ему не понравились слезы и причитанья матери, повиснувшей у него на шеѣ, хотя онъ и любилъ ее. Затѣмъ Пѣтушокъ приставалъ съ разными глупыми вопросами... Все раздражало Сережу, какъ онъ ни старался сохранить хладнокровіе.

— Усталъ съ дороги, вотъ и брюзжитъ, — объясняла про себя Марѳа Даниловна.

Эти первыя минуты появленія Сережи оставили въ душѣ Кати тяжелое впечатлѣніе, потому что совершенно не выкупали затраченной на ожиданіе „нашихъ" энергіи. Вотъ Гриша, такъ тотъ совсѣмъ иначе держалъ себя. Такой онъ милый и простой и такъ любовно ко всѣмъ относится. Въ первый же день устроилъ экзаменъ маленькой Сонѣ, а затѣмъ отправился колоть дрова. Впрочемъ, сварливое настроеніе Сережи скоро улеглось, и онъ примирился со своей участью, хотя и повелъ совершенно изолированный образъ жизни. Запрется у себя въ комнатѣ и по цѣлымъ днямъ читаетъ книги. На обязанность Кати было возложено добывать изъ библіотекъ книжки новыхъ журналовъ, что̀ она исполняла съ охотой.

У гимназистокъ подходили роковые выпускные экзамены, и на время пришлось забыть цѣлый міръ. Рѣшался капитальный вопросъ, кто кончитъ съ золотой медалью. Любочка давно отказалась отъ всякихъ претензій на

такое отличіе, а Катя находилась въ числѣ первыхъ кандидатокъ. Дѣвушки опять цѣлые дни проводили въ женской общинѣ, въ сосновомъ бору, поднимая на ноги весь свой курсъ за семь лѣтъ. На Любочку иногда находило какое-то тупое отчаяніе, и она швыряла книгу въ траву.

— Я все забыла...—повторяла она.—И ничего не понимаю.

Любочку почему-то занималъ больше всего вопросъ о своей собственной генеалогіи, и она выводила родъ Печаткиныхъ отъ перваго русскаго типографа (печатника) Ѳедора. По другой версіи, родъ Печаткиныхъ велъ свое начало изъ господина Великаго Новгорода, гдѣ одинъ изъ предковъ хранилъ какую-то „печать“ необыкновенной государственной важности. Дѣло закончилось тѣмъ, что Любочка оказалась, въ концѣ концовъ, потомкомъ шотландскихъ королей и родственницей чернокнижника Брюса и Лермонтова, такъ какъ гдѣ-то вычитала, что они тоже были потомками королевскаго шотландскаго дома.

— И вдругъ я окажусь принцессой крови и наслѣдницей шотландскаго престола? — мечтала она вслухъ.

— Однимъ словомъ, второй номеръ Маріи Стюартъ,—смѣялась Катя:— съ маленькой поправкой, такъ какъ ты разсчитываешь получить на экзаменѣ самую великолѣпную двойку... Это ужъ никакъ не вяжется съ наслѣдственной королевской гордостью.

— Я бы сказала тогда своимъ подданнымъ: L'état — c'est moi, какъ говорилъ король-солнце, онъ же Луишка Каторзъ. Ха-ха... Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ я не королева, и зачѣмъ у меня нѣтъ благодарныхъ подданныхъ, обязанныхъ меня обожать?..

Какое это роковое слово: послѣдніе экзамены... Трудный семилѣтній искусъ заканчивался, а впереди брезжило что-то такое новое и хорошее, чему трудно было подобрать даже подходящее названіе. Теперь весь міръ для выпускныхъ гимназистокъ сосредоточивался именно въ этихъ экзаменахъ, какъ онъ сосредоточивается иногда въ какомъ-нибудь больномъ зубѣ. Правда, оставался еще педагогическій восьмой классъ, но тамъ получалось уже совсѣмъ другое положеніе. Итакъ, впередъ... О, не уставайте нервы!.. Еще только одно послѣднее усиліе... Любочка клялась, что, когда сдастъ экзамены, то никогда не пройдетъ даже мимо гимназіи: до того она ей надоѣла.

— Еще вспомнишь ее,—успокаивала Катя.—И добромъ помянешь... Да. Будешь нарочно мимо проходить, чтобы хоть въ окошечко посмотрѣть. Дескать, и я была молодая когда-то, а теперь старая... лицо въ морщинахъ... волосы сѣдые...

— Никогда! Я никогда не буду старухой... брр...

— Не согласна?.. А какъ же другія-то старятся?

— И пусть старятся, если это имъ нравится, а я не хочу.

Экзамены приближались съ роковой быстротой. Любочка совсѣмъ упала духомъ и наканунѣ перваго экзамена дала даже какое-то трогательное обѣщаніе религіознаго характера.

Цѣлый мѣсяцъ экзаменовъ прошелъ въ какомъ-то чаду, такъ что, когда закончился послѣдній, Любочка не имѣла силъ для радости, хотя, противъ всякаго ожиданія, получила серебряную медаль. Катя кончила съ золотой.

— Я отъ души завидую тебѣ,—иронически замѣтилъ Сережа, когда Катя прилетѣла домой съ радостнымъ извѣстіемъ.—Отчего не даютъ гимназисткамъ шпоръ и эполетъ? Тогда онѣ задавились бы отъ усердія...

— Ладно, смѣйся, — говорилъ Петръ Аѳанасьевичъ, лаская Катю. — А мы все-таки заполучили золотушку... хе-хе! Единственная золотая вещь въ домѣ...

— Которую можно только заложить въ ссудную кассу — единственное назначеніе всѣхъ этихъ знаковъ отличія.

— Ладно, разговаривай...

Даже Марѳа Даниловна разступилась и расцѣловала дочь, что̀ Катю немного смутило—она не привыкла къ ласкамъ. Мать всегда почему-то была отмѣнно сурова съ ней, или, вѣрнѣе, точно ея не замѣчала. Вотъ Сережа, другое дѣло... Между прочимъ, Сережа усвоилъ себѣ какой-то покровительственный тонъ и называлъ мать родительницей, а отца родителемъ.

Отдохнувши, студенты теперь испытывали порядочную скуку и были очень рады, что гимназистки наконецъ развязались со своими экзаменами. Все-таки веселѣе. Сережа почти никуда не выходилъ изъ дому. Марѳа Даниловна приписывала это его необыкновенной серьезности, а дѣло было гораздо проще—Сережа стѣснялся своихъ костюмовъ. Выходить въ публику какимъ-то санкюлотомъ онъ совсѣмъ не желалъ. Пусть другіе веселятся... Его никакъ не могли затащить даже на самое простое гулянье въ городской садъ, куда съ кончившими гимназистками отправлялся Гриша одинъ.

— Гриша, какіе у тебя ужасные сапоги,—жалѣла Любочка.—И пальто порыжѣло и шляпа измятая... Просто стыдно съ тобой рядомъ итти.

— Наружность обманчива...—отшучивался Гриша добродушно.

Онъ никогда не обращалъ вниманія на свои костюмы, какъ и на костюмы другихъ. Дѣло самое простое: если бы у него было хорошее платье, отчего бы и не облечься въ оное, а если его нѣтъ, то горевать рѣшительно не стоитъ. Если бы у него были деньги, онъ освѣжилъ бы Любочкины костюмы. Да... потому что эти маленькія женщины питаютъ неискоренимую слабость къ этой внѣшности, которую можно надѣть на себя. Вѣроятно, это такъ и слѣдуетъ...

Сережа соглашался ѣздить вмѣстѣ съ компаніей только въ Курью, гдѣ его ничто не стѣсняло, а главное, здѣсь не нужно было городскихъ костюмовъ. Время летѣло съ той веселой быстротой, какъ это бываетъ только въ молодости, когда люди скромно живутъ на капиталъ своихъ двадцати лѣтъ. Даже бѣдность не въ состояніи потушить этого молодого веселья, которое безотчетно разливается въ молодой крови.

— Нѣтъ, какъ-то даже смѣшно теперь смотрѣть на другихъ,—увѣряла Любочка.—Всѣ эти пятиклассницы, шестиклассницы—такая все жалкая мелочь. А тутъ вдругъ ученица восьмого класса шервожской гимназіи Любовь Печаткина разговариваетъ съ ученицей восьмого класса той же гимназіи Екатериной Клепиковой... Чортъ возьми, насъ пора уже вывозить въ свѣтъ... За мной какъ-то цѣлыхъ двѣ улицы бѣжалъ чиновникъ казенной палаты... Ей-Богу. Глупенькій такой, и вдобавокъ лицо все въ веснушкахъ. Я нарочно тише пошла. „Позвольте васъ проводить, мадмуазель“. Знаешь, Катя, я непремѣнно поступлю въ актрисы.

— Вотъ въ исторію ты влетишь—это вѣрно. Развѣ можно такъ себя держать?..

— А я-то чѣмъ виновата?.. Въ довершеніе всего, мнѣ очень нравится одинъ чиновникъ изъ канцеляріи губернатора. Бѣлокуренькій такой, усики щильцемъ, пенснэ—я тоже себѣ заведу пенснэ. Да, надѣну пенснэ и отправлюсь гулять подъ руку съ Гришей и буду говорить всѣмъ: „Это мой братъ, студентъ-медикъ...“ Пусть чувствуютъ, а я еще замурлыкаю:

Проведемте, друзья,
Эту ночь веселѣй...

— Ахъ, Любочка, Любочка, какая еще ты глупая!..

— Нѣтъ, совсѣмъ даже не глупая... Я уже разлюбила Сережу, потому что у него, вмѣсто усовъ, какой-то гусиный пушокъ. Вообще, я замѣтила, что любовь дѣлаетъ человѣка глупѣе...

Привезенная студентами нѣкоторая важность растаяла сама собой, такъ какъ сказалась молодая потребность въ живомъ общеніи, желаніе подѣлиться съ другими своимъ настроеніемъ, мыслями и чувствами. Этими „другими" теперь являлись Любочка и Катя, быстро посвятившіяся въ новый для нихъ кругъ спеціально-университетскихъ разговоровъ. Говорили о профессорахъ, о товарищахъ, о лекціяхъ, лабораторіяхъ, препаратахъ и т. д. Извѣстныхъ профессоровъ панибратски называли просто по именамъ: Сергѣй Васильичъ, Павелъ Лукичъ, и даже просто студенческими кличками—Макся, Захарка. Катя и Любочка просто задыхались отъ этого наплыва новыхъ ощущеній и быстро освоились въ новомъ для нихъ мірѣ ученыхъ знаменитостей, ученыхъ словъ и разныхъ университетскихъ исторій. Своя собственная сѣренькая жизнь отходила на задній планъ, вѣжливо уступая честь и мѣсто всему новому. Вѣдь весь свѣтъ и все настоящее было тамъ, а здѣсь только такъ, пока... Любочка дошла до полнаго самоотреченія и разъ даже взяла въ руки живую лягушку, потому что Гриша называлъ ее „зовомъ медицины".

IV.

Настоящее веселье закипѣло, когда въ Шервожѣ появились Миша Гребневъ и Сеня Заливкинъ. Молодежь сбилась въ одну кучку и совсѣмъ недурно коротала свое маленькое время. Товарищи сходились у Печаткиныхъ или Клепиковыхъ и веселой гурьбой отправлялись въ Курью къ „родителю"—теперь всѣ такъ называли Петра Аѳанасьевича, что̀ послѣднему очень нравилось.

— Ну, вы, пѣтухи, хорошо поете, а только посмотримъ, гдѣ еще сядете,—добродушно ворчалъ онъ.—Изъ одного дерева и лопату и икону дѣлаютъ, а то и просто балалайка выйдетъ.

Дѣдушка Яковъ Семенычъ немного прихварывалъ и по цѣлымъ днямъ отлеживался въ своей избушкѣ, какъ старый котъ. Онъ только жмурился и вздыхалъ, прислушиваясь къ веселому говору, беззаботному смѣху и кипѣвшему ключомъ молодому веселью. Что̀ говорить, конечно, хорошо. Только не все хорошая погода бываетъ, а зарядитъ и ненастье въ другой разъ. Охъ, молодо—зелено... Что̀ же, дай Богъ! Надо молодымъ повеселиться, а старость сама незваная придетъ. Вообще старики совсѣмъ отошли на задній планъ и только старались не мѣшать. Молодые люди въ эгоизмѣ своей молодой силы не обращали на нихъ никакого вниманія, какъ не обращаютъ въ хозяйствѣ на очень подержаныя вещи, которыя берегутся на всякій случай. Марѳа Даниловна больше не стѣсняла Катю никакими нравоученіями, положившись на ея благоразуміе. Дѣвочка хоть куда и ничего лишняго себѣ не позволитъ.

Гриша, отдохнувъ, нашелъ себѣ урокъ и вообще днемъ занимался, а вечеромъ позволялъ себѣ развлеченія. Въ семьѣ молодежи онъ выглядѣлъ не по лѣтамъ серьезнымъ, такъ что его прозвали „дѣдушкой". „Дѣдушка опять нахмурился", „дѣдушка огорченъ, что Америка открыта до него", „дѣдушка развеселился" и т. д. Все это выходило и смѣшно и весело.

— Знаешь, Катя, мнѣ иногда дѣлается просто жаль всѣхъ этихъ нашихъ богатыхъ подругъ по гимназіи, какъ Женя Болтина или Клочковская,—откровенничала Любочка.—Честное слово... Киснутъ онѣ по своимъ хоромамъ, какъ фарфоровыя куклы, и только завидуютъ намъ, бѣдняжки.

— Какъ! Ты имъ завидовала еще такъ недавно?

— Никогда!—отказалась Любочка.

Въ Любочкѣ появились непріятныя „черты“. Она быстро усвоила себѣ какія-то студенческія замашки, нѣкоторыя грубыя слова и вообще забавное ухарство. Все это сказывалось и въ жестахъ, и во взглядѣ, и въ манерѣ говорить.

— Полумужичье какое-то,—ворчала Марѳа Даниловна.—Удивляюсь, чего смотритъ Анна Николаевна... Настоящія-то дѣвушки развѣ такія бываютъ? Воды не замутитъ настоящая-то дѣвушка, а эта никакого прилику не знаетъ: ей слово, а она десять. Тоже и свой женскій стыдъ надо имѣть.

„Женскій стыдъ“ на языкѣ Марѳы Даниловны означалъ въ переводѣ ту женственность, о которой такъ любятъ говорить поэты, моралисты и вообще всякіе проповѣдники. Марѳа Даниловна не замѣчала только одного, что ухарство въ Любочкѣ совершенно напускное и что сама она еще совсѣмъ ребенокъ. Въ этомъ переходномъ дѣвичьемъ возрастѣ, который недаромъ называется неблагодарнымъ, бываютъ рѣзкіе моменты. Гораздо справедливѣе опредѣлялъ ихъ монастырскій Келькешозъ, называвшій эти проявленія еще не упорядочившейся молодой силы „козлякованьемъ“. Семинарское слово было, пожалуй, и некрасиво, но мѣтко. Кстати, монастырскій дьяконъ тоже примкнулъ къ молодой компаніи, когда въ Шервожъ пріѣхалъ на побывку учитель Кубовъ. Да, онъ не вытерпѣлъ и пріѣхалъ посмотрѣть на университетскихъ, какъ-то они поживаютъ. Его появленіе произвело сенсацію, начиная съ того, что Кубовъ пріѣхалъ настоящимъ „пропріетеромъ“, т.-е. на собственныхъ лошадяхъ.

Это появленіе сельскаго учителя Кубова внесло совершенно новую струю въ жизнь студенческаго кружка: кружокъ только еще готовился къ жизни, къ будущему, а учитель Кубовъ уже жилъ настоящей жизнью. До нѣкоторой степени онъ являлся даже чужимъ среди этой университетской молодежи, потому что несъ съ собой свои собственныя мысли, заботы и намѣренія. При первой встрѣчѣ старыхъ гимназическихъ товарищей произошла нѣкоторая неловкость: стороны не знали, какъ себя держать. Всѣхъ больше смущены были восьмиклассницы, смотрѣвшія на Кубова, какъ на чужого человѣка. Даже спокойная и разсудительная Катя не могла въ первое время освободиться отъ этого сознанія отчужденности.

— Да, конечно, быть сельскимъ учителемъ хорошо, это цѣлый подвигъ,—разсуждала она наединѣ съ Любочкой:—но... Какъ это тебѣ сказать? Чего-то какъ будто недостаетъ.

— Очонь просто,—рѣшала Любочка съ обычной быстротой.—Одно—какой-то сельскій учитель, а другое—люди съ университетскимъ образованіемъ.

— А самообразованіе?

— То да не то..,

Однимъ словомъ, учителю Кубову недоставало поэзіи студенческихъ разговоровъ, университетскихъ аудиторій и лабораторій, всѣхъ тѣхъ декорацій, которыми обставила себя „святая наука“. Какъ хотите, а внѣшность великое дѣло, особенно въ томъ возрастѣ, когда суть вещей такъ легко прикрывается хорошими словами, громкими фразами и болѣе или менѣе интересными и заманчивыми аксессуарами.

— Вотъ ужъ никогда не пошла бы замужъ за сельскаго учителя,—рѣшила Любочка, начинавшая съ женской логикой мѣрять людей и явленія собственной особой.—Помилуйте, похоронить себя заживо въ какой-нибудь трущобѣ... Благодарю, не ожидалъ!

Не смущался только самъ учитель Кубовъ, слишкомъ полный своимъ деревенскимъ настроеніемъ. Даже, напротивъ, онъ нѣсколько разочаровался въ университетскихъ товарищахъ, которые какъ-то разомъ выпрыгнули изъ настоящаго и поставили себя въ какое-то привилегированное положеніе. Получалась слишкомъ отвлеченная „хорошесть", существовавшая за счетъ совершенно неизвѣстнаго будущаго. На эту тему у Кубова было нѣсколько серьезныхъ разговоровъ съ Катей, причемъ стороны откровенно не хотѣли понять другъ друга и остались каждая присвоемъ. Дьяконъ Келькешозъ, сидя въ избушкѣ Якова Семеныча, рѣшилъ вопросъ однимъ словомъ:

— Бѣлоручки, дѣдушка...

Въ этомъ опредѣленіи сказывалось неясное раздраженіе дьякона на привилегированную молодежь, которую онъ не могъ не сравнивать съ своимъ чернодѣломъ-племянномъ. Въ сущности, дьяконъ очень любилъ „академиковъ", хотя и чувствовалъ, какъ быстро растетъ что-то такое, что̀ отдаляетъ стороны. Въ его лексиконѣ не находилось подходящаго слова для опредѣленія происходившаго.

Студенты были въ восторгѣ отъ то̀го, какъ устроился Кубовъ у себя въ деревнѣ, и даже рѣшили отправиться къ нему въ гости, когда начнется сѣнокосъ. Но это намѣреніе такъ и осталось въ области фантазіи, потому что и далеко, и непогода, и явилось разногласіе. Кубовъ могъ прожить въ Шервожѣ всего нѣсколько дней и такъ же быстро исчезъ, какъ появился, точно канулъ въ какую-то невѣдомую глубину. Его пріѣздъ все-таки послужилъ какой-то мѣркой общаго настроенія, и Катя съ Любочкой еще больше утвердились въ своихъ университетскихъ симпатіяхъ. Остальной міръ не существовалъ, а такъ было что-то неясное, непонятное и не требовавшее разъясненія, тѣмъ болѣе, что здѣсь все было такъ ясно, просто и хорошо.

Вопросъ о любви оставался открытымъ, потому что было просто хорошо, слишкомъ хорошо и вообще хорошо. Эгоизмъ этого чувства еще не охватилъ настолько, чтобы закрыть весь остальной міръ. Катѣ, съ одной стороны, казалось ребячествомъ ея прошлогоднее настроеніе, а съ другой—она чувствовала Гришу такимъ близкимъ, роднымъ, что какъ-то даже не могла отдѣлить себя отъ него. Развѣ себя любятъ, вѣрнѣе—развѣ можно себя не любить? Молодые люди часто проводили цѣлые дни вмѣстѣ и нерѣдко оставались съ глазу на глазъ, но это не повело ни къ какимъ объясненіямъ. Да и о чемъ было говорить, когда и безъ словъ все такъ просто и ясно! О будущемъ Катя какъ-то даже и не думала... Но вышелъ одинъ случай, который заставилъ ее серьезно призадуматься.

У Печаткиныхъ Катя бывала чуть не каждый день и привыкла чувствовать себя почти дома. Послѣ одного, особенно удачнаго пикника въ Курью, она пришла къ Любочкѣ утромъ, но Любочки не оказалось дома—она отправилась за какими-то покупками на рынокъ. Анна Николаевна была въ кухнѣ и встрѣтила Катю какъ-то сухо. Говоря правду, въ послѣднее время Катя совсѣмъ не интересовалась, въ какомъ настроеніи Анна Николаевна, потому что слишкомъ была занята своимъ собственнымъ настроеніемъ.

— Вы нездоровы, Анна Николаевна,—замѣтила Катя, съ участіемъ глядя на раскраснѣвшееся отъ плиты лицо Печаткиной.

— Нѣтъ, ничего, слава Богу...—такъ же сухо отвѣтила Анна Николаевна и даже отвернулась.

„Можетъ-быть, вышли какія-нибудь непріятности?"—подумала про себя Катя и прибавила совершенно машинально:—А Гриша на урокѣ?

— Григорій Григорьевичъ на урокѣ,—поправила Анна Николаевна и

какъ-то вызывающе посмотрѣла на Катю прищуренными глазками...—Онъ занятъ... да.

Катя смутилась и почувствовала, какъ начинаетъ краснѣть. Въ глаза она всегда называла Гришу полнымъ именемъ и позволяла его назвать Гришей по дѣтской привычкѣ, какъ Любочка называла ея брата Сережей. Что же тутъ обиднаго? А главное, какими глазами на нее смотрѣла Анна Николаевна и какимъ тономъ говорила съ ней? Было и обидно и какъ-то безотчетно-стыдно.

— Григорію Григорьичу нужно заниматься, а не терять напрасно время по гуляньямъ,—продолжала Анна Николаевна въ томъ же тонѣ.—*Намъ* не до гулянья... да. Это богатымъ впору разгуливать-то, а мы бѣднота непокрытая....

Катя сразу поняла, въ чемъ дѣло, и ничего не могла сказать, а только стояла на одномъ мѣстѣ, какъ пришибленная. Она чувствовала, что Анна Николаевна ненавидитъ ее, и смутно догадывалась объ истинныхъ причинахъ этой ненависти. Выступалъ на сцену тотъ материнскій эгоизмъ, который въ каждой молоденькой женщинѣ видитъ тайнаго врага, который вотъ-вотъ схватитъ выращенное дѣтище. Впрочемъ, Анна Николаевна овладѣла собой и постаралась спросить своимъ обычнымъ тономъ, какъ здоровье Мареы Даниловны. Но дѣло было сдѣлано. Точно что расколоось... Прежней Анны Николаевны уже не было, какъ не было и прежней Кати.

Появленіе Любочки вывело обѣихъ женщинъ изъ крайне неловкаго положенія. Къ счастью, Любочка ничего не замѣтила, и Катя выдержала характеръ до конца. Она вошла въ этотъ домъ своимъ человѣкомъ, а уходила чужимъ. Да, произошло что-то очень большое, очень несправедливое и очень обидное. Это было первое облачко, которое черной тѣнью пронеслось по ясному небу... Одна Любочка ничего не понимала, счастливая собственнымъ невѣдѣніемъ.

Однако и Любочкѣ досталось, когда Катя ушла. Расходившейся Аннѣ Николаевнѣ нужно было на комъ-нибудь „сорвать сердце“.

— Ишь, принцесса какая разлетѣлась!—ворчала Анна Николаевна, усаживаясь къ самовару.—Знаемъ мы эти ваши фигли-мигли...

— Ты это про кого, мама?—полюбопытствовала Любочка.

— А такъ, про себя... Сегодня гулянье, завтра гулянье—что же это за порядокъ, въ самомъ-то дѣлѣ! Я ужъ не знаю, чего смотритъ Мареа Даниловна. Кажется, женщина серьезная и мать въ своемъ полномъ правѣ.

— Что же ей смотрѣть?

— А вотъ это самое... Простъ Гриша-то, вотъ что!.. А имъ это и на руку... Ты еще глупая и ничего не понимаешь. Да... А того не подумаешь, что будетъ, ежели Гриша женится? Бѣдность на бѣдности женится, то-то семейная радость... Будетъ! Кажется, досыта нахлебались. А эта твоя Катя хитрая, даромъ что тихоня. Только меня-то не проведешь, голубушка... Все вижу, какъ она подманиваетъ.

— Мама, опомнись, что ты говоришь?

— Какой онъ ей Гриша? Я ее давеча такъ обрѣзала... А еще ученыя барышни. Мужички такъ не сдѣлаютъ...

Произошла очень бурная сцена. Любочка вспылила, защищая подругу, и наговорила матери непріятныхъ и обидныхъ вещей. Анна Николаевна кричала на нее и кончила тѣмъ, что расплакалась.

— Мнѣ стыдно за тебя, мама!—не унималась Любочка, тоже со слезами на глазахъ.—Никто и не думаетъ ничего, кромѣ тебя... Да и Катя такая серьезная дѣвушка. Я просто удивляюсь, какъ тебѣ могло прійти что-нибудь подобное въ голову.

— Э, матушка, дѣло житейское: и ученыя и неученыя дѣвушки одно себѣ высматриваютъ. Не отъ насъ это пошло и не нами кончится. Да... Вотъ, небось, Сережа не женится на тебѣ. Не таковскій человѣкъ, чтобы на безприданницѣ жениться. Тоже тихоня, спроста слова не скажетъ, а посмотри, какую богачку подцѣпитъ... Вотъ помяни мое слово. Разговоры-то эти ваши всѣ позабудетъ... А Гриша простъ, весь въ отца... Слава Богу, достаточно я видѣла людей и знаю, кто чего стоитъ.

— Что же, по-твоему, и Гриша долженъ тоже на богатой жениться?

— Ужъ это—какъ кому судьба... Надо же и богатымъ невѣстамъ за кого-нибудь выходить, и нѣтъ того лучше, когда бѣдный на богатой, а богатый на бѣдной женятся. Какъ разъ пополамъ и выйдетъ...

Любочка была совершенно ошеломлена этой безжалостной прозой, которую не ожидала встрѣтить именно въ родной матери. Живой человѣкъ не имѣлъ цѣны на этомъ рынкѣ, а только положеніе, средства и связи... Все это такъ не вязалось съ тѣмъ, что сама она переживала сейчасъ, и Любочкѣ дѣлалось больно и за себя, и за Катю, и за Гришу. Нѣтъ, это ужасно, это несправедливо, этого не должно быть... Она даже не могла никому сказать объ этомъ. Впрочемъ, что тутъ говорить, когда Катя уже, навѣрно, догадалась по обращенію съ ней матери. Ахъ, мама, мама, что ты надѣлала...

V.

Для Кати началась медленная пытка. Сообразивъ всѣ обстоятельства, она поняла, что прежде всего ничѣмъ не должна выдавать себя. Нужно было сохранять по внѣшности всю прежнюю обстановку. Въ лучшемъ случаѣ она могла сказаться больной, чтобы не участвовать въ какой-нибудь прогулкѣ. Да, другіе могли веселиться съ чистымъ сердцемъ, а она чувствовала себя спокойной только въ своей комнатѣ. Хуже всего были тѣ дни, когда Катѣ приходилось заставлять себя итти къ Печаткинымъ. Это опять служило только одной изъ тѣхъ маленькихъ военныхъ хитростей, изъ какихъ иногда складывается жизнь самымъ глупымъ образомъ. А какая пытка дѣлать веселое лицо и улыбаться, когда на душѣ кошки скребутъ! Затѣмъ, ей казалось, что всѣ начинаютъ смотрѣть на нее глазами Анны Николаевны, и она чувствовала, какъ дѣлается неестественной въ каждомъ движеніи, въ тонѣ голоса, во взглядѣ. Вѣдь есть вещи, которыя можно скрыть только отъ себя, а не отъ другихъ.

— Что съ тобой, Катя?—спросила Любочка съ участіемъ.

— Ничего... такъ...

Любочка тоже мучилась, мучилась до того, что не могла даже облегчить душу обычной откровенностью. Она, въ свою очередь, старалась дѣлать видъ, что ничего особеннаго не замѣчаетъ и удовлетворяется отвѣтомъ: „такъ“. А тутъ еще Гриша каждую минуту могъ замѣтить, и тогда началась бы уже круговая ложь.

На время Катю развлекло новое обстоятельство. Она совершенно случайно познакомилась со своимъ дядей, докторомъ. Это знакомство произошло въ городскомъ саду. Катя сидѣла съ Любочкой на скамейкѣ, машинально наблюдая гулявшую публику. Мимо нихъ два раза прошелъ Огневъ подъ руку съ докторомъ. Катя знала его только издали. Когда Огневъ раскланялся съ гимназистками, докторъ его остановилъ и что-то спросилъ.

— Вѣдь это твой дядя...—шепнула Любочка.—Ай, батюшки, онъ идетъ сюда...

Докторъ, дѣйствительно, оставилъ своего компаньона и немного коло-

блющейся походкой направился къ гимназисткамъ. Это былъ высокаго роста господинъ съ окладистой поповской бородой. Мундиръ военнаго врача сидѣлъ на немъ какъ-то особенно неловко, какъ умѣютъ носить такіе мундиры только семинаристы. Онъ довольно развязно подошелъ прямо къ Любочкѣ и, протягивая руку, проговорилъ:

— Если не ошибаюсь, m-lle Клепикова?

— Нѣтъ, я Печаткина, а вотъ Катя...—отрекомендовала Любочка.

— Ахъ, все равно... Здравствуйте, господа. Очень радъ познакомиться... Только-что слышалъ о вашихъ побѣдахъ. Поздравляю...

Первое впечатлѣніе Кати сложилось изъ такихъ признаковъ: рука у дяди потная и холодная, глаза близорукіе, хороша была добродушная улыбка, если бы отъ дяди не пахло виномъ.

— Я васъ знаю, дядя, только по наслышкѣ, — объяснила Катя, когда онъ сѣлъ на скамью рядомъ съ ней.

— Да, да... Война Алой и Бѣлой розы, Монтекки и Капулетти, Гвельфы и Гибеллины—виноватъ, даже и этого нѣтъ, а просто сапоги всмятку. Мы это дѣло разберемъ, милая племянница, какъ-нибудь на досугѣ... А знаете, почему я рѣшился подойти въ вамъ? Мнѣ этого очень хотѣлось... Я уже нѣсколько разъ слѣдилъ за вами... да. Вы такъ весело проводите свое время... гм... Это въ порядкѣ вещей, когда жизнь представляетъ собой tabula rasa. И, знаете, я позавидовалъ вамъ отъ души, какъ можетъ завидовать только человѣкъ... человѣкъ, ну, моихъ лѣтъ. Вѣдь и я когда-то былъ такимъ же и такъ же хорошо себя чувствовалъ. Ахъ, какъ было хорошо...

Любочка подъ какимъ-то предлогомъ улизнула, предоставивъ милымъ родственникамъ познакомиться съ глазу на глазъ. Катя рѣшительно не знала, что̀ ей говорить съ мудренымъ дядей. Впрочемъ, онъ говорилъ все время одинъ, говорилъ и улыбался своей хорошей улыбкой.

— Какъ вы думаете: хорошій я человѣкъ или дурной? — неожиданно спросилъ онъ, глядя на нее въ упоръ.—Нѣтъ, говорите откровенно...

— Право, я не знаю, дядя... Конечно, хорошій...

— А вотъ и нѣтъ... И вы сказали неправду. Сознайтесь?.. Вы меня тоже считаете нехорошимъ человѣкомъ и совершенно правы...

Немного раскачиваясь и продолжая улыбаться, онъ прибавилъ:

— А въ сущности, ежели разобрать, такъ я... какъ это вамъ сказать? Да вотъ приходите ко мнѣ и сами увидите, что̀ такое вашъ дядя Павелъ Данилычъ Конусовъ. Ей-Богу, приходите...

— Благодарю, но...

— Безъ „но“, а приходите запросто. Я беру съ васъ честное слово... Вѣдь между нами не можетъ быть никакихъ счетовъ. Другое дѣло—сестра... Ахъ, барышня, вотъ вы не знаете самой простой вещи, какъ я люблю сестрицу Марѳу Даниловну и какъ мучаюсь за нее. Это правда... И она знаетъ, что я ее люблю. И папашу Петра Аѳанасьевича тоже... Да что̀ тутъ говорить!.. Итакъ, у насъ сегодня пятница, а въ воскресенье я жду васъ завтракать, милая племянница. Я горжусь, что у меня такая племянница... Вы очень напоминаете сестру, когда она была молодой. Очень...

Докторъ неожиданно вынулъ платокъ, поправилъ золотыя очки и вытеръ слезу. Этого Катя никакъ не ожидала и только смотрѣла на дядю удивленными глазами—это былъ совсѣмъ не тотъ человѣкъ, представленіе о которомъ сложилось у нея еще въ дѣтствѣ по семейнымъ разсказамъ.

— Буду ждать... А теперь прощайте. Нѣтъ, рѣшительно сестра Марѳинька, когда ей было семнадцать лѣтъ... Кланяйтесь ей.

Когда Катя разсказала дома объ этой встрѣчѣ, Марѳа Даниловна очень близко приняла ее къ сердцу и заставила повторить нѣкоторыя подробности.

— Взялъ слово, что придешь?—повторила она, что-то соображая.—Что же, сходи. Твое дѣло сторона...

— Неловко, мама. Я стѣсняюсь...

— Перестань, дурочка. Братъ ни при чемъ... Все дѣло въ женѣ. Ну, да это дѣло семейное, и трудно судить со стороны. Нѣтъ, сходи... Раньше онъ другой былъ, а какъ женился, такъ и не узнали—точно и не онъ.

Въ другое время Катя, вѣроятно, какъ-нибудь развязалась бы съ этимъ визитомъ, но сейчасъ ей было не до того. Да и дядя почему-то интересовалъ ее. Все-таки, отправившись въ воскресенье къ дядѣ, Катя испытывала большое волненіе и готова была вернуться съ полдороги домой. Конусовъ занималъ казенную квартиру при военномъ лазаретѣ,—это было на выѣздѣ. На звонокъ выскочилъ денщикъ.

— Баринъ дома?

Денщикъ-солдатъ какъ-то испуганно скосилъ глазъ и нѣсколько мгновеній не могъ ничего отвѣтить. На выручку къ нему подоспѣла горничная и довольно сухо пригласила гостью „пожаловать въ гостиную“. Обстановка докторскаго жилья тоже была какая-то казенная. Отъ нея вѣяло нежилымъ, какъ въ домахъ, гдѣ „не ладно“. Все было устроено только „для порядку“, потому что такъ принято. Гостиная глядѣла какимъ-то пустыремъ, и отъ нея вѣяло холодомъ. Катя просидѣла здѣсь, по крайней мѣрѣ, четверть часа, прежде чѣмъ показалась хозяйка, низенькая, толстая и подслѣповатая дама, казавшаяся еще толще отъ своего шелковаго платья.

— Очень рада... — проговорила она. — Я такъ много о васъ слышала. Павелъ Данилычъ сейчасъ выйдетъ...

Этимъ разговоръ и кончился. Дальше говорить было не о чемъ, какъ обѣ стороны ни старались занять другъ друга. Домовладыка показался только черезъ четверть часа, сконфуженно-серьезный, съ какими-то испуганными глазами. Это былъ совсѣмъ другой человѣкъ, ничего общаго не имѣвшій съ тѣмъ милымъ дядей, который могъ такъ мило разговаривать, когда надъ нимъ не висѣлъ уничтожавшій его взглядъ жены. Къ Катѣ онъ отнесся съ такимъ видомъ, точно удивлялся, зачѣмъ она явилась сюда. Къ завтраку вышли двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка, тоже какіе-то испуганные, какъ и отецъ. Вообще получалась очень милая обстановка, и Катя вздохнула свободнѣе только тогда, когда очутилась на улицѣ.

— И это жизнь?—вслухъ подумала она, шагая къ себѣ въ маленькій домикъ, казавшійся теперь раемъ по сравненію съ этимъ казеннымъ холодомъ.—Бѣдный дядя... Да, я его понимаю.

Исторія доктора Конусова была очень не сложна. Сейчасъ по выходѣ изъ медицинской академіи онъ имѣлъ несчастіе жениться на „генеральской дочери“. Она считала себя неизмѣримо выше, по общественному положенію, и это отравило всю жизнь доктора. Изъ-за нея онъ разошелся съ родными, изъ-за нея велъ знакомство съ провинціальной аристократіей, которой не могъ выносить, изъ-за нея его домъ превратился въ какой-то склепъ. Вся жизнь сдѣлалась одной фальшивой нотой, и докторъ потихоньку отъ жены напивался гдѣ-нибудь въ гостяхъ. Вообще онъ чувствовалъ себя свободно только за предѣлами своего законнаго семейнаго счастья.

Встрѣтившись опять съ дядей въ саду, Катя сдѣлала видъ, что не замѣтила его. Она боялась поставить его въ неловкое положеніе. Кто знаетъ, можетъ-быть, она компрометтировала его. Но онъ самъ подошелъ къ ней; это

былъ тотъ милый дядя, какимъ она узнала его въ первую встрѣчу. Взявъ ее подъ руку, онъ заговорилъ:

— Голубчикъ, вы теперь все знаете... Я сдѣлалъ большой рискъ, пригласивъ васъ къ себѣ, но не раскаиваюсь. Вы видѣли, какъ люди не должны жить. Это можетъ вамъ пригодиться, какъ лучшій наглядный урокъ. Вѣдь вы понимаете меня?

— О, да...

Это знакомство, дѣйствительно, послужило для Кати открытіемъ, и она много думала о немъ. Вѣдь есть другіе люди, другія отношенія, другая жизнь... И только сейчасъ она вполнѣ оцѣнила собственное чувство къ Гришѣ, простому, хорошему, серьезному Гришѣ, хотя онъ теперь меньше, чѣмъ когда-нибудь, могъ догадываться о немъ. Катя даже и не желала взаимности. Къ чему, когда и безъ того жизнь полна... Однако объясненіе послѣдовало, точно на зло материнской политикѣ Анны Николаевны, даже больше—прямо вызванное ей.

— Что-то случилось, Катерина Петровна, чего я не знаю,—заговорилъ Гриша первымъ, когда они въ Курьѣ остались съ глазу на глазъ.—Я говорю про васъ...

— Ничего особеннаго, Григорій Григорьичъ...

— Нѣтъ, зачѣмъ такъ говорить... Мнѣ не нравится самый тонъ, которымъ вы говорите.

— Тонъ? Вы ошибаетесь... Всякому можетъ быть не по себѣ—и только.

Онъ взялъ ее за руку—это было еще въ первый разъ—и заговорилъ совсѣмъ тихо:

— Я въ большомъ долгу передъ вами... Помните, передъ отъѣздомъ я просилъ васъ не забывать моей семьи? Живя въ Казани, мнѣ было пріятно думать, что вы въ Шервожѣ и можете замѣнить меня въ случаѣ необходимости. Это эгоистично, но мнѣ казалось, что въ Шервожѣ осталась моя лучшая часть, и это успокаивало меня.

— Но вѣдь мнѣ ничего не пришлось сдѣлать для вашей семьи... Весь годъ прошелъ благополучно.

— Да... Надѣюсь, вы понимаете, что̀ я хочу сказать?

Она замолчала и, опустивъ глаза, освободила свою руку. Онъ заговорилъ еще тише...

— Да, да, да... Я дѣлаю глупость, задавая подобный вопросъ. Есть вещи, которыя не нуждаются въ названіяхъ и собственныхъ именахъ... Ахъ, какъ я счастливъ, какъ я счастливъ!.. А вы?..

Она также молча посмотрѣла на него счастливыми глазами и прижалась къ его рукѣ.

Надъ Лачей садилось пылавшее солнце. Гладь рѣки синѣла, какъ воронненная сталь, и въ ней отражался лѣтній закатъ. Гдѣ-то на песчаной отмели перекликались кулички. Нѣсколько лодокъ точно застыли въ необъятной шири заснувшей рѣки. Дѣдушка Яковъ Семенычъ сидѣлъ на порогѣ своей избушки и старческимъ глазомъ издали наблюдалъ за счастливой парочкой.

— Ахъ, молодость, молодость...—шепталъ старикъ, покачивая сѣдой головой.

VI.

Сколько грустной поэзіи въ словѣ: послѣдній годъ. Въ данномъ случаѣ послѣдній годъ въ женской гимназіи. Собственно говоря, Любочка и Катя уже

кончили курсъ и оставались теперь только въ восьмомъ педагогическомъ классѣ, гдѣ главнымъ предметомъ была педагогика, а главнымъ преподавателемъ Павелъ Васильевичъ Огневъ. Не было уже тѣхъ строгостей, не было и отмѣтокъ, а ученицы находились на исключительномъ положеніи педагогическъ. Катя и Любочка уже давали пробные уроки въ приготовительномъ классѣ. Все это поднимало ихъ въ собственныхъ глазахъ и дѣлало большими, а у большихъ людей, какъ извѣстно, должны быть и большіе серьезные разговоры. Даже Любочка больше не выкидывала своихъ веселыхъ маленькихъ глупостей и ходила съ такимъ комично-серьезнымъ лицомъ.

— Ты посмотри на меня, Катя, сбоку, достаточно ли я серьезна,— говорила она съ комической важностью.—По-моему, все дѣло въ профилѣ...

— А ты какъ разъ страдаешь именно недостаткомъ всякаго профиля, какъ лепешка...

— Я лепешка? Ошибаетесь, милостивая государыня... У меня греческій типъ.

Къ педагогичкамъ иначе относились и учителя и классныя дамы. Одинаковой оставалась только старушка-начальница Анна Ѳедоровна.

Самымъ важнымъ преимуществомъ восьмого класса было все-таки то, что педагогичкамъ по преимуществу доставлялись уроки. У Кати уже было три урока, на которыхъ она зарабатывала до двадцати пяти рублей въ мѣсяцъ — сумма громадная. Положимъ, всѣ деньги она отдавала матери, но зато теперь не слышала попрековъ въ томъ, что даромъ ѣстъ хлѣбъ, а затѣмъ у нея были свои деньги на тѣ мелочи, безъ которыхъ такъ трудно обойтись: нужны и перчатки, и чулки, и башмаки, и шляпа, и зонтикъ, и мелочь на извозчика.

— Вотъ какъ мы нынче,—хвастался Петръ Аѳанасьевичъ за Катю.— Ни у кого не будемъ просить, а сами еще дадимъ другимъ...

Мареа Даниловна относилась почти равнодушно къ деньгамъ Кати, точно это такъ и должно быть. Что же тутъ особеннаго? Слава Богу, цѣлыхъ семь лѣтъ учили въ гимназіи, вытягивались изъ послѣднихъ жилъ—нужно и честь знать. Впрочемъ, Катя уже привыкла къ такому отношенію матери и не возмущалась, какъ это бывало раньше.

Для нея эти уроки имѣли другое значеніе, именно они вводили ее въ настоящую жизнь, знакомя съ самыми разнообразными людьми, обстановками и положеніями. Богатыхъ родныхъ и знакомыхъ у Клениковыхъ не было, и съ дѣтства для маленькой Кати большіе каменные дома казались какимъ-то заколдованнымъ царствомъ, въ которомъ живутъ совсѣмъ особенные люди. Да, эти богатые люди должны иначе думать, иначе чувствовать и вообще вести какой-то другой, высшій порядокъ жизни, какъ избранныя существа. И вотъ теперь она вошла въ этотъ заколдованный міръ богатаго купечества и высшаго губернскаго чиновничества. Впослѣдствіи ей дѣлалось смѣшно, когда она припоминала эти первыя впечатлѣнія. Ее поражала и роскошь обстановки, и костюмы, и весь домашній укладъ,—мѣркой, конечно, служилъ свой собственный маленькій домишко и своя, болѣе чѣмъ скромная обстановка. Какъ дѣвочку, ее больше всего прельщала сервировка завтраковъ и обѣдовъ, чайная и столовая посуда, столовое богатое бѣлье, а затѣмъ обстановка дѣтскихъ, и въ особенности—эти домашніе костюмы, сдѣланные съ дорогой простотой. Какъ это все хорошо и какъ все это должно быть дорого: ночныя кофточки, расшитыя полотенца, камчатныя скатерти, наволочки съ прошивками и кружевами,—одинъ восторгъ. Прикидывая въ умѣ, сколько, приблизительно, могло стоить подобное великолѣпіе, Катя приходила просто въ ужасъ.

— Хорошо богатымъ людямъ жить на свѣтѣ,—говорила она Любочкѣ.— Хоть бы нѣсколько дней такъ пожить...

Любочка, противъ ожиданія, относилась совершенно равнодушно къ этому показному великолѣпію. Въ Катѣ сказалась домовитость и чистоплотность Марьи Даниловны, усвоенныя съ ранняго дѣтства. Это смутное тяготѣніе къ комфорту у Кати связалось съ общимъ настроеніемъ, съ желаніемъ быть лучше. Раньше она какъ-то мало обращала вниманіе на свою наружность, а теперь этотъ вопросъ и занималъ и волновалъ ее. Обыкновенно у дѣвочекъ этотъ періодъ совпадаетъ съ возрастомъ между десятью и двѣнадцатью годами, когда онѣ дѣлаются неестественными, начинаютъ наряжаться и вообще занимаются усиленно своей наружностью. Катя наблюдала на маленькихъ гимназисткахъ это превращеніе, а теперь переживала его сама, что̀ ее и смущало и огорчало. Иногда она сама себѣ казалась и красивой и изящной, иногда, наоборотъ, „мовешкой", а ей такъ страстно хотѣлось быть первой. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это такъ несправедливо, что однѣ дѣвушки родятся красивыми, а другія дурнушками. Первымъ открыто все и впередъ обезпечено счастье, а вторыя должны только смотрѣть на это чужое счастье и изнывать отъ зависти. Встрѣчая гдѣ-нибудь на улицѣ красивую дѣвушку, Катя испытывала именно это тяжелое чувство зависти. Какія, въ самомъ дѣлѣ, есть красивыя дѣвушки: высокія, стройныя, съ удивительно правильными и нѣжными лицами, съ такими чудными глазами и этимъ чуднымъ дѣвичьимъ румянцемъ. Катя начинала ненавидѣть свое блѣдное лицо и тонкую фигуру. Сухарь какой-то... Впрочемъ, это было величайшей тайной, о существованіи которой никто не долженъ былъ даже подозрѣвать.

Разъ Катя попалась. Она стояла передъ зеркаломъ и разсматривала въ него свое лицо. Именно на этомъ невинномъ занятіи ее и застала Любочка.

— Катя, ты ли это?

— Я... а что̀?

— Мнѣ стыдно за тебя, мой другъ... Да и на зеркалѣ могутъ образоваться дыры, если часто и такъ усердно смотрѣться въ него, какъ ты. Зачѣмъ же портить хорошую и полезную вещь?

Катя совсѣмъ растерялась, покраснѣла и не нашлась что̀ отвѣчать. Любочка захохотала.

— Знаешь, что̀ я тебѣ скажу?—заговорила Любочка.—Это глупо... да. Пусть смотрятся въ зеркало кисейныя барышни, которыя для этого и созданы. А знаешь, говоря откровенно, я сама этимъ занималась еще въ третьемъ классѣ. Ты не замѣчала?.. Я даже плакала отъ огорченія, что Клочковская красивѣе меня... Ха-ха!.. А теперь мнѣ все равно. И знаешь почему? Для чего всѣ дѣвушки такъ хотятъ быть непремѣнно хорошенькими? Чтобы нравиться мужчинамъ... Это обидно. Неужели я буду жить только для того, чтобы имѣть честь понравиться какому-нибудь Сидору или Карпу? Благодарю покорно... Я просто хочу быть человѣкомъ. Не уродъ, не безобразна— и прекрасно.

У Любочки теперь прорывалось какое-то рѣзкое настроеніе, страннымъ образомъ смѣнявшее ея обычную веселость. Такъ было и теперь.

— А согласись, все-таки пріятно видѣть красивое лицо и красивую фигуру,—говорила Катя.—Это всегда было и всегда такъ будетъ... Для кого пишутся стихи, музыка? Все для нея, для красивой женщины... для нея и цвѣты благоухаютъ, и солнце поднимается, и всѣ радости.

— Вздоръ... Я буду счастлива вотъ такой, какая есть.

— А какъ ты находишь меня: красива я или нѣтъ?

— Такъ себѣ... До красавицы не дошла, а если бы я была мужчиной, я бы женилась на тебѣ. Я люблю такихъ блѣдненькихъ и худенькихъ... Меня

возмущаютъ румяныя лица, какъ мое. Что-то такое вульгарное и совсѣмъ не поэтичное... А въ сущности, говоря откровенно, мнѣ жаль тебя, Катя. Не стоитъ... брось... Ты понимаешь, о чемъ и о комъ я говорю? Вотъ посмотри, какъ мы обѣ останемся при печальномъ интересѣ. Э, свѣтъ не клиномъ сошелся... Я прошлымъ лѣтомъ внимательно присматривалась къ Гришѣ и нашла, что онъ порядочная пьяница.

— Ну, ужъ это ты ошибаешься.

Дѣвушки давно не говорили откровенно на эту тему, нѣсколько лѣтъ, и Катя очень сконфузилась.

Великимъ событіемъ въ ихъ жизни было то, когда онѣ отправились въ первый разъ въ театръ. Раньше о такомъ удовольствіи онѣ не смѣли и подумать, а тутъ сама Поликсена Карловна пригласила ихъ съ собой въ ложу.

— Вы никогда не бывали въ театрѣ?—удивлялась она.—Никогда? О, значитъ, вы ничего не видали... Для этого стоитъ жить на свѣтѣ.

Даже отказаться было неудобно. Марѳа Даниловна ворчала, а Петръ Аѳанасьевичъ одобрялъ.

— Я самъ, когда былъ холостой, два раза ходилъ въ театръ,—разсказывалъ онъ.—Представляли въ первый разъ кардинала Ришелье, а во второй „Дитя въ лѣсу". Отлично было... И еще одна барышня танцовала съ бубномъ.

Теперь давали пьесу Островскаго „Безъ вины виноватые". Катя ужасно волновалась съ самаго утра, и ей все казалось, что или театръ сгоритъ до представленія, или всѣ актеры захворяютъ. Но не случилось ни того ни другого, а она съ Любочкой сидѣли въ ложѣ бенуара и въ первый разъ осматривали театральную залу. Ее все здѣсь поражало и подавляло роскошью, начиная съ грубо размалеваннаго занавѣса. Въ ложѣ, кромѣ Поликсены Карловны, сидѣлъ еще Огневъ, скучающими глазами смотрѣвшій на собиравшуюся въ партерѣ публику. Какъ тутъ можно было скучать? Вонъ Поликсена Карловна и та совсѣмъ другая сегодня, такая веселая и довольная.

Этотъ первый спектакль произвелъ на Катю неизгладимое впечатлѣніе. Она была въ восторгѣ, нѣтъ, больше. Вѣдь на сценѣ говорили много такого, что она сама думала и чувствовала. Какъ ей было жаль этой бѣдной дѣвушки-швеи, которую такъ безсовѣстно обманывалъ этотъ дрянной чиновникъ. Катю возмущало, что Огневъ все время ворчалъ и былъ недоволенъ артистами.

— Эхъ, развѣ такъ играютъ?—возмущался онъ.

— Нужно довольствоваться и этимъ,—спорила съ нимъ Поликсена Карловна.—Развѣ Незнамовъ плохъ? Конечно, провинціальная труппа...

— Обидно за искусство...

Огневъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ строгихъ провинціальныхъ театраловъ, которые всегда недовольны. Онъ каждый антрактъ уходилъ въ буфетъ и возвращался все мрачнѣе.

— Вамъ нравится?—спрашивала Поликсена Карловна, увлекавшаяся актеромъ, игравшимъ Незнамова.—Не правда ли, сколько благородства... чувства...

Женщины плакали въ послѣднемъ актѣ, и Любочка, конечно, тоже. Катя вся замерла, очарованная всѣмъ происходившимъ. Вотъ гдѣ настоящая жизнь и настоящіе люди... Поликсена Карловна была права въ своихъ восторгахъ театромъ. Закончился спектакль глупѣйшимъ водевилемъ „Утка и стаканъ воды", причемъ Любочка хохотала до слезъ, такъ что на нее начали смотрѣть изъ сосѣднихъ ложъ.

— М-ле Печаткина...—шептала Поликсена Карловна, дѣлая привычно-строгое лицо.—На насъ наводятъ бинокли... такъ нельзя...

Но удержать Любочку было не такъ-то легко. Она краснѣла, сдерживая душившій ее смѣхъ, и кончила тѣмъ, что раскашлялась на весь театръ. Теперь публика смѣялась уже ея смѣхомъ, а одинъ актеръ со сцены раскланялся по ея адресу.

Домой Катя вернулась въ туманѣ, охваченная неиспытанными ощущеніями. Да, сцена—все, сцена—жизнь, наслажденіе... Она долго не могла успокоиться и цѣлую ночь видѣла актера Смагу, корчившаго пресмѣшныя гримасы.

Послѣ этого спектакля Поликсена Карловна начала покровительствовать молодымъ дѣвушкамъ и потащила ихъ въ концертъ, дававшійся въ залѣ Благороднаго Собранія. Это окончательно уже возмутило Марѳу Даниловну.

— Что̀ мы милліонеры, что ли?—ворчала она на Катю.—Это богатымъ людямъ театры да концерты, а нашъ братъ сытъ—и слава Богу...

— Мама, вѣдь Поликсена Карловна сама пригласила...—оправдывалась Катя.

— Въ самомъ дѣлѣ, неловко отказываться,—по обыкновенію вступился за дочь Петръ Аѳанасьевичъ.—Такая почтенная классная дама... И всего-то рубль.

— А у тебя много этихъ рублей?—накинулась Марѳа Даниловна на мужа, чтобы сорвать сердце хоть на немъ.—Много?.. Бьемся-бьемся, свѣту Божьяго не видимъ, а Катя будетъ по театрамъ да по концертамъ ухлестывать...

— Да вѣдь она на свои деньги пойдетъ! Наконецъ Сережа вонъ пишетъ, что часто бываетъ въ театрѣ.

— Сережа—другое... Сережа—мужчина, ему въ другой разъ и нельзя, а дѣвушка сидѣла бы лучше дома.

Когда Катя ушла въ концертъ, дома разыгралась настоящая сцена. Марѳа Даниловна расплакалась и наговорила массу непріятныхъ вещей мужу. Петръ Аѳанасьевичъ вспылилъ и тоже наговорилъ лишняго. Въ этой исторіи принялъ участіе даже Пѣтушокъ.

— Ты балуешь Катю!—кричала Марѳа Даниловна.—А потомъ спохватишься, когда она отъ рукъ отобьется, да будетъ поздно.

— Ты вотъ такъ балуешь своего Сережу... А дочь у меня одна. Что̀ хочу, то и дѣлаю съ ней. Она съ золотой медалью кончила курсъ... Чего же тебѣ еще нужно? Она по двадцати пяти рублей въ мѣсяцъ зарабатываетъ. Нужно же ей маленькое развлеченіе получить... Пока молода, и пусть повеселится, а тамъ еще неизвѣстно, что̀ впереди будетъ.

— Ты бы вотъ подумалъ, какъ мы Пѣтушка будемъ воспитывать. Вотъ осенью его въ гимназію отдавать, опять расходы, заботы... Измучилась я съ вами а вы только о своихъ удовольствіяхъ заботитесь.

— Это я-то?..

Бурю усмирилъ дѣдушка, Яковъ Семенычъ, прибревшій какъ разъ во̀время. Онъ внимательно выслушалъ все дѣло и принялъ сторону Марѳы Даниловны. Конечно, всѣ эти гулянья лишнее. Вѣдь можно безъ нихъ обойтись, ну, такъ о чемъ тутъ кричать и горячиться? Петръ Аѳанасьевичъ поссорился сгоряча и со старикомъ.

— Ну, будетъ тебѣ, воевода,—уговаривалъ его Яковъ Семенычъ.—Знаешь поговорку: на сердитыхъ-то воду возятъ...

Вернувшись изъ концерта, Катя застала дѣдушку и, взглянувъ на лица, поняла, что̀ здѣсь происходило. Она отказалась отъ ужина и ушла къ себѣ въ комнату. Какая пропасть отдѣляла ее теперь отъ всего, что̀ ее окружало...

— Вотъ видишь?—замѣтила Марѳа Даниловна мужу, указывая глазами на дверь въ комнату Кати.

VII.

Съ Анной Николаевной въ теченіе года Катя видалась мало, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда приходила навѣстить дѣдушку Якова Семеныча. Между ними установились сдержанно-неловкія отношенія. Исключеніе вышло по случаю болѣзни Любочки, у которой открылся жестокій тифъ. Анна Николаевна растерялась и не знала, что̀ дѣлать.

— Ты ужъ, Катя, того, не оставляй насъ,—просилъ Яковъ Семенычъ.— Я поговорю съ матерью... Она ничего, какъ быть-то, дѣло житейское...

Марѳа Даниловна, противъ всякаго ожиданія, согласилась, и Катя на цѣлыхъ двѣ недѣли перебралась къ Печаткинымъ. Лѣчилъ Любочку гимназическій докторъ, сердитый полякъ-старикъ, котораго гимназистки знали только по имени. Онъ пріѣзжалъ каждое утро къ больной и очень ворчалъ за каждую неисправность. И квартира скверная, и бѣлья мало, и воздухъ нехорошъ, и еще много чего другого. Сначала Катя очень его боялась, а потомъ привыкла и даже подружилась.

— Вы сегодня опять будете ворчать на меня,—предупреждала она впередъ.—Температура у насъ не совсѣмъ хорошая...

— Я такъ и зналъ

Любочкѣ приходилось очень плохо, особенно передъ кризисомъ. Жизнь висѣла на волоскѣ. Катя дежурила у постели больной попеременно съ Анной Николаевной. Любочка не узнавала никого. Казалось, что нить жизни вотъ-вотъ порвется. Особенно тяжела была послѣдняя ночь. Докторъ предупредилъ, что все можетъ разрѣшиться очень быстро въ ту или другую сторону. Катя еще въ первый разъ стояла такъ близко, почти лицомъ къ лицу со смертью. Да, какая-нибудь одна ночь, и человѣка не стало... Для чего же человѣкъ хлопочетъ цѣлую жизнь, разсчитываетъ, къ чему-то стремится, волнуется и все чего-то ждетъ? Сегодня есть Любочка, а завтра можетъ ея и не быть...

Но Любочка пережила кризисъ. Выручилъ молодой организмъ.

— Ваше счастье, что у васъ сердце хорошее,—въ послѣдній разъ проворчалъ докторъ.—А впрочемъ, хорошо то, что̀ хорошо кончается...

Любочка не могла ничего отвѣчать, а только смотрѣла безпомощными округлившимися глазами. Ей даже тяжело было смотрѣть. Теперь Катя могла вернуться домой, чтобы отдохнуть послѣ безсонныхъ ночей. Она только сейчасъ припомнила, что Анна Николаевна все время относилась къ ней холодно и съ какимъ-то недовѣріемъ. Что̀ она ей сдѣлала?..

Катя и не подозрѣвала, какая сцена разыгралась у постели больной незадолго до кризиса. Дежурила Анна Николаевна. Она вздремнула и испугалась, когда Любочка ее слабо позвала.

— Мама, я умру... я это чувствую...

— Перестань, Любочка... Все отъ Бога.

— Нѣтъ, я чувствую... да. Ты будешь плакать, и мнѣ очень тебя жаль... Если я умру, мама... вмѣсто меня останется тебѣ Катя... она хорошая...

Анна Николаевна ничего не отвѣтила и только заплакала. Теперь ей сдѣлалось совершенно ясно, почему Катя съ такимъ самоотверженіемъ ухаживала за больной Любочкой... О, эта тихоня хорошо знаетъ, что̀ нужно дѣлать. Гриша, конечно, узнаетъ все и будетъ ее считать благодѣтельницей. Вообще, что̀ бы ни сдѣлала Катя, она въ глазахъ Анны Николаевны казалась тонкой интриганткой, преслѣдовавшей упорно одну цѣль.

Выздоровленіе Любочки совпало съ наступленіемъ весны. Она долго не могла выходить изъ дому. Чудные волосы были обрѣзаны. Румяное круглое

лицо вытянулось и поблѣднѣло. Вообще это былъ совсѣмъ другой человѣкъ, и даже Катя только удивлялась, наблюдая подругу со стороны. Не было и прежней Любочкиной веселости...

Первый выходъ Любочки изъ дому совпалъ съ пріѣздомъ студентовъ... На этотъ разъ ихъ появленіе уже не произвело того эффекта, какъ въ прошломъ году: они уже потеряли прелесть новизны. И ждали ихъ не съ тѣмъ нетерпѣніемъ. Сережа Клениковъ даже надулся, что̀ вышло очень смѣшно. Онъ всегда заявлялъ себя врагомъ телячьихъ нѣжностей.

— На будущій годъ я не пріѣду,—заявилъ онъ, чтобы чѣмъ-нибудь досадить.—Нужно будетъ серьезно готовиться къ выпускному экзамену. Возьму урокъ гдѣ-нибудь на лѣто... И проживу и что-нибудь еще заработаю.

Это заявленіе очень огорчило Марѳу Даниловну, хотя она и промолчала, скрѣпивъ сердце. Сережа былъ для нея чѣмъ-то въ родѣ домашняго идола, и она все могла ему извинить, кромѣ отсутствія. Петръ Аѳанасьевичъ отнесся къ этому заявленію совершенно равнодушно, чѣмъ Марѳа Даниловна была огорчена окончательно и, по материнской логикѣ, перенесла свое неудовольствіе на него.

— Родной сынъ бѣжитъ изъ дому...—говорила она.—Да и чего ему здѣсь, въ самомъ-то дѣлѣ, болтаться! Другіе отцы не нарадуются, а намъ ни тепло ни холодно...

— Пріѣдетъ,—успокаивалъ Петръ Аѳанасьевичъ.—Такъ поговоритъ... Попугать хочетъ.

Гриша сильно измѣнился за годъ—похудѣлъ, вытянулся и обросъ темной бородой. Послѣдняя доставляла Любочкѣ много удовольствія.

— Теперь у насъ есть настоящій нашъ собственный мужчина,—повторяла она.

Встрѣтившись съ Катей, Гриша молча поблагодарилъ ее. Да и что̀ было тутъ говорить? Онъ нашелъ, что за годъ она окончательно выросла и сдѣлалась настоящей взрослой дѣвушкой. Только гимназическая форма еще придавала нѣкоторый оттѣнокъ дѣтства, который снимется вмѣстѣ съ этой формой.

— Куда думаете по окончаніи гимназіи?—спрашивалъ Печаткинъ.

— Право, еще не знаю... Кажется, что останусь года на два въ Шервожѣ. Буду давать уроки и копить деньги... Мнѣ вѣдь не на что разсчитывать.

— Что̀ же, и это хорошо.

Экзамены въ восьмомъ классѣ были сравнительно очень легкіе. Огневъ держался своей собственной системы и къ экзаменамъ относился какъ къ ненужной формальности. Вѣдь онъ каждую ученицу въ теченіе года могъ узнать лучше, чѣмъ всѣ экзаминаторы, взятые вмѣстѣ, въ тѣ полчаса, пока она стоитъ передъ экзаменаціоннымъ столомъ. Положимъ, этотъ взглядъ шелъ вразрѣзъ съ принятой системой, но на практикѣ многіе педагоги уже давно придерживались его. Любочкѣ пришлось посидѣть, наверстывая пропущенное во время болѣзни время, но и она не особенно трусила.

Прошелъ и послѣдній экзаменъ. Любочка и Катя сидѣли такъ же на одной партѣ, какъ и при поступленіи.

— Неужели все кончилось, все?—спрашивала Любочка, собирая свои тетрадки и книжки.—И форма не нужна, и ходить въ классы не нужно, и готовить уроки не нужно? Мнѣ даже какъ-то страшно дѣлается, точно я сама сдѣлалась никому ненужной...

— Помнишь, сколько я разъ говорила тебѣ, что еще пожалѣешь гимназію?

У Любочки были слезы на глазахъ.

Самый трогательный моментъ произошелъ, когда въ классъ пришла начальница Анна Ѳедоровна, чтобы проститься съ ученицами. Старушка прихварывала и съ трудомъ дошла изъ своей квартиры до экзаменаціонной залы. Она замѣтно волновалась и нѣсколько времени молчала, переводя духъ.

— Вотъ, дѣти, мы и кончили...—тихо заговорила она, обводя своими добрыми глазами толпу молодежи.—Офиціально вы уже большія, а для меня вы попрежнему дѣти... Я слишкомъ привыкла къ вамъ, сжилась, сроднилась, потому что никогда не отдѣляла себя отъ васъ. Да, дѣти, милыя, дорогія дѣти... Не скрою, что мнѣ очень тяжело съ вами разставаться, тѣмъ болѣе, что предъ каждой изъ васъ стоитъ то неизвѣстное, которое называется жизнью. Конечно, молодость счастлива уже потому, что она полна силъ и энергіи, что она вѣритъ въ свое будущее, что она несетъ его сама въ себѣ. Въ послѣдній разъ мнѣ хочется сказать вамъ къ тому, что̀ вы слышали въ этихъ стѣнахъ, очень немного: самое главное въ каждомъ человѣкѣ—доброе сердце... Есть люди и умные, и талантливые, и энергичные, но только доброе сердце даетъ истинное счастье. Запомните это, дѣти... Желаю вамъ отъ души именно этого счастья.

Конечно, сцена прощанья разрѣшилась слезами. Анна Ѳедоровна благословила каждую ученицу и каждой что-нибудь сказала. Поликсена Карловна прижалась въ уголокъ и стояла все время, закрывъ глаза платкомъ. Катѣ показалась она такой жалкой, такой несчастной, что она подошла и бросилась къ ней на шею.

Домой дѣвушки вернулись съ опухшими отъ слезъ глазами. Сережа Клепиковъ посмотрѣлъ на сестру, поднялъ брови и процѣдилъ:

— Офиціальное наводненіе случилось, сестрица?

— Да, наводненіе...

— Какъ хорошо было бы, если бы слезы что-нибудь стоили...

— Для тебя, конечно, онѣ ничего не сто̀ятъ, потому что ты эгоистъ. Вообще мы говоримъ ни о чемъ, и ты не поймешь самой простой вещи, что люди жалѣютъ о томъ хорошемъ, что̀ теряютъ. Да... Я многимъ обязана своей гимназіи и всегда буду вспоминать съ благодарностью.

— Хорошо, что ты напомнила, сестрица. Я какъ-нибудь отправлюсь въ свою добрую старую гимназію, брошусь на шею добраго стараго генерала „Не-мнѣ“ и орошу его грудь благодарной слезой.

— Какъ это остроумно!

Даже Марѳа Даниловна возмутилась безсердечіемъ Сережи. Она живо припомнила тотъ осенній день, когда повела Сережу на экзаменъ. Какъ это давно и, вмѣстѣ, точно случилось вчера. Генералъ „Не-мнѣ“ продолжалъ оставаться директоромъ, наперекоръ своему больше чѣмъ преклонному возрасту, и оставался все такимъ же. Мѣстные остряки говорили, что онъ позабытъ и смертью и своимъ высшимъ начальствомъ.

— Нехорошо, Сережа, забывать старое добро, — выговорила Марѳа Даниловна.—Въ свое время старикъ сдѣлалъ много тебѣ добра, да и не тебѣ одному, а всѣмъ.

— Это его обязанность, мама. Въ директора гимназіи не назначаютъ разбойниковъ...

— Мама, ты не спорь съ нимъ,—вступилась Катя.—Онъ это говоритъ только изъ духа противорѣчія... чтобы позлить меня... А мнѣ рѣшительно все равно, что̀ бы онъ ни говорилъ.

Послѣ окончанія экзаменовъ была устроена восьмымъ классомъ традиціонная прогулка. Петръ Аѳанасьевичъ самъ предложилъ, чтобъ гимназистки ѣхали къ нему въ Курью—лучше мѣста не найти.

— И самоваръ будетъ, и уху такую заваримъ съ Яковомъ Семенычемъ, что одному архіерею только ѣсть...

Это предложеніе, конечно, было принято съ удовольствіемъ, и даже сама Анна Ѳедоровна согласилась принять участіе въ пикникѣ. Она больше всего на свѣтѣ боялась сырости, а тамъ была избушка—значитъ, все могло обойтись благополучно.

Въ назначенный день въ Курьѣ все было готово къ пріему дорогихъ гостей. У дѣдушки Якова Семеныча въ плетеномъ садкѣ уже ходили живыя стерляди. Петръ Аѳанасьевичъ могъ пріѣхать только къ вечеру, а потому старикъ чувствовалъ себя лицомъ отвѣтственнымъ за все. Гимназистки должны были пріѣхать около двухъ часовъ дня, а онъ уже съ двѣнадцати часовъ то и дѣло выходилъ на берегъ Лачи и присматривалъ изъ-подъ руки, не ѣдутъ ли.

— Пусть повеселятся въ послѣдній-то разъ,—бормоталъ старикъ, щуря глаза отъ солнца.—Молодо-зелено, погулять велѣно... Да и какая гулянка: чайку попьютъ, пѣсенокъ попоютъ, ушку съѣдятъ. Извѣстное дѣвичье положеніе...

Нетерпѣніе старика росло по мѣрѣ приближенія рокового момента. Каково же было его удивленіе, когда, вмѣсто ожидаемой большой косной лодки, показалась маленькая однодеревка-душегубка, а въ ней сидѣлъ дьяконъ Келькешозъ.

— Старцу многая лѣта!—прогремѣлъ дьяконскій басъ еще издали.

„Вотъ не вò-время-то принесло!—подумалъ Яковъ Семенычъ.—Ахъ, какъ не вò-время... Всю обѣдню у насъ дьяконъ испортитъ“.

— Ты это что̀ же, старче, какъ будто и не радъ мнѣ?—басилъ дьяконъ, причаливая къ берегу.—А я-то плыву да думаю: вотъ обрадуется старикъ... а?

— Какъ не радъ... Всегда радъ.

Произошла неловкая сцена. Яковъ Семенычъ все мялся и даже отвѣчалъ дьякону невпопадъ. Ахъ, испортитъ дьяконъ все дѣло... Какъ его, чудовище, генеральшѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ показать? Еще какъ разъ испугаетъ.

— Да ты что̀ жмешься-то, старче?—приставалъ дьяконъ.—Можетъ-быть, у тебя животъ болитъ?..

— Нѣтъ, слава Богу, ничего... только, значитъ, того...

— Ну, этого?..

— Маленько не вò-время, значитъ... Ужъ я тебѣ прямо скажу: видишь ли, сюда пріѣдутъ гимназистки справлять свое окончаніе, ну, съ ними и генеральша пріѣдетъ, Анна Ѳедоровна. Значитъ, все женскій полъ...

— А вы-то съ Петромъ Аѳанасьевичемъ какъ

— Наше дѣло сторона...

— Ну, и мое дѣло сторона... Я имъ еще такое закачу многолѣтіе, что весь вѣкъ поминать будутъ. Ничего, старче... Я не спесивый гость: меня хоть на лавку, хоть подъ лавку.

— Ахъ, дьяконъ, дьяконъ, что̀ бы тебѣ въ другое время пріѣхать, право...

— Вотъ такъ пріѣхалъ гость: проходите почаще мимо, безъ васъ веселѣе. Погоди, старче, вѣдь съ ними Огневъ пріѣдетъ, а мы съ нимъ большая родня: вмѣстѣ пѣшкомъ путешествовали.

— Ты бы хоть спрятался въ избушку,—совѣтовалъ Яковъ Семенычъ.—А то еще, какъ разъ, напугаешь генеральшу... Старушка деликатная, а ты вонъ какой уродился.

Большая косная лодка причалила къ Курью съ веселыми пѣснями. Всѣхъ набралось человѣкъ двадцать и всѣ были одѣты по-новому, большин-

ство—въ простенькія ситцевыя платья. Аннѣ Ѳедоровнѣ очень понравилась Курья и Огневу тоже. Присутствіе дьякона Келькешоза всѣхъ сначала немного смутило, а потомъ все обошлось.

— Мадмуазель, силянсъ...

Весь день прошелъ очень весело. Гуляли, катались на лодкѣ, пѣли, затѣвали разныя игры. Дьяконъ нѣкоторое время сдѣлался душой общества, именно, когда подтянулъ своимъ могучимъ басомъ хору вчерашнихъ гимназистокъ, а затѣмъ — когда принялъ самое живое участіе въ „горѣлкахъ". Пріѣхавшій вечеромъ Петръ Аѳанасьевичъ, издали завидѣвъ бѣжавшаго по берегу дьякона, только развелъ руками.

Огневъ подвыпилъ и начиналъ нѣсколько разъ говорить рѣчи „молодому поколѣнію". Анна Ѳедоровна сидѣла около огонька и вела тихую бесѣду съ Яковомъ Семенычемъ.

— Какія у меня славныя дѣтки, Яковъ Семенычъ,—говорила она.

— Да, ваше превосходительство... Вотъ смотрю я на нихъ и точно самъ молодѣю. Пусть погуляютъ, порадуются, а тамъ и опять за работу.

День закончился самой торжественной ухой.

VIII.

Лѣто пролетѣло необыкновенно быстро, хотя и не съ тѣмъ оживленіемъ, какъ въ прошломъ году. Университетскіе разговоры были всѣ тѣ же, повторялись тѣ же имена, и научная терминологія уже потеряла прелесть новизны. Вообще было что-то такое, что̀ не говорилось, но тѣмъ сильнѣе чувствовалась какая-то глухая и скрытая рознь, какое-то недовольство. Чего-то недоставало... Сережа Клепиковъ держалъ себя еще съ большей важностью, чѣмъ въ прошломъ году, а Гриша Печаткинъ усиленно занимался. Не было и прошлогоднихъ веселыхъ прогулокъ, потому что Катя Клепикова часто отказывалась принимать въ нихъ участіе подъ разными предлогами: то какая-то работа, то занятія съ Пѣтушкомъ, котораго осенью нужно было сдавать въ гимназію, то просто какъ-то нездоровится.

— Какая нынче Катя странная сдѣлалась... — говорилъ Гриша Печаткинъ нѣсколько разъ сестрѣ.—Совсѣмъ узнать нельзя.

— Ты находишь?—удивлялась Любочка.—Иногда мы принимаемъ перемѣну въ самихъ себѣ за перемѣну въ другихъ...

— Кажется, я все такой же...

— Ты забываешь только одно, что мы совсѣмъ большія дѣвушки, Гриша, а это разница. Не все же прыгать на одной ножкѣ...

Какъ Катя Клепикова ни избѣгала всякихъ прогулокъ и пикниковъ, но ей все-таки приходилось участвовать въ нихъ. Наконецъ этого требовала сама Мареа Даниловна.

— Что̀ сидѣть-то, въ самомъ дѣлѣ,—говорила она.—Посмотри на себя, какая ты худая да блѣдная... Отчего съ Сережей и не съѣздить покататься. Не одна поѣдешь...

Сережа отправлялся на такія прогулки съ недовольнымъ видомъ, какъ человѣкъ, который дѣлаетъ кому-то очень большое одолженіе. Это тяготило Катю, и она просто совѣстилась за брата. Этакая ломушка—этотъ Сережа... Нѣтъ, чтобы держать себя просто, какъ всѣ, хоть такъ, какъ держалъ себя Гриша.

Катѣ случалось теперь подолгу и серьезно разговаривать съ Гришей. Онъ такъ просто и хорошо разсказывалъ о своихъ занятіяхъ, мечталъ о бу-

дущей дѣятельности врачомъ и вообще повѣрялъ дѣвушкѣ всѣ свои завѣтные планы.

— Мнѣ бы не хотѣлось быть врачомъ въ городѣ,—говорилъ Гриша.— И безъ того сколько въ городахъ врачей... Лучше поступить куда-нибудь въ деревню и тамъ работать. Всѣ ищутъ теплыхъ мѣстъ, большихъ доходовъ и забываютъ свои прямыя обязанности—служить простому народу.

— Да, это хорошая мысль, — соглашалась Катя.—Только вамъ трудно будетъ привыкать къ совершенно неизвѣстной обстановкѣ... Мы все-таки нисколько не знаемъ деревни.

Это „мы“ чаще и чаще проскальзывало въ этихъ разговорахъ, смущая обоихъ. Окончательнаго рѣшающаго слова еще не было сказано, хотя есть вещи и положенія, которыя не нуждаются въ словахъ, потому что подразумѣваются сами собой. Между прочимъ, Катя откровенно призналась въ томъ, что̀ вынесла изъ своихъ уроковъ по богатымъ домамъ и какъ въ ней зародилась зависть къ богатой обстановкѣ, къ удобствамъ и вообще къ комфорту.

— Это, знаете, просто потому, что вамъ не случалось жить въ такой обстановкѣ, а въ сущности, все это скучно и никого не дѣлаетъ ни лучше ни счастливѣе.

— Я это знаю, но мнѣ все-таки нравится богатая обстановка, и я себя упрекаю за это, тѣмъ болѣе, что выросла въ самой трудовой и простой семьѣ. Мнѣ кажется, что у каждаго человѣка это есть въ душѣ, т.-е. будничныя мысли и чувства, и есть праздничное настроеніе. Вы это испытали?

— Нѣтъ, т.-е. да... Однимъ словомъ, я понимаю, что̀ вы хотите сказать, но только, по-моему, нельзя жить одними праздничными чувствами. На первомъ планѣ все-таки должны стоять простые рабочіе будни... Какъ намъ вообще нужно много работать и трудиться, чтобы хоть сколько-нибудь сносно устроить свою жизнь. И какъ просто можно все это устроить...

Окончательное объясненіе произошло совершенно неожиданно для обоихъ. Гриша заговорилъ о томъ, что не разсчитываетъ пріѣхать на будущее лѣто.

— Мнѣ придется поработать и въ клиникѣ и въ лабораторіяхъ, — объяснялъ онъ.—Лѣто незамѣтно пролетитъ, а тамъ всего годъ до окончанія курса...

— Будетъ очень скучно, если вы не пріѣдете...—вырвалось у Кати.— Вѣдь цѣлыхъ два года не увидимся!.. Даже подумать страшно...

Онъ взялъ ее за руку, тихо привлекъ къ себѣ и прошепталъ:

— Это послѣднее испытаніе, Катерина Петровна... А тамъ...

У нея на глазахъ показались слезы. Два года—нѣтъ, это ужасно!.. Для чего существуютъ эти клиники и лабораторіи? Да, это очень тяжелое испытаніе. Его тронули эти слезы.

— Катя, вѣдь вы знаете, что я васъ люблю... О, давно-давно люблю! На всю жизнь, навсегда... Будемъ работать, трудиться вмѣстѣ, и жизнь будетъ легка. Когда мнѣ дѣлалось трудно, я всегда вспоминалъ про такую хорошую, милую Катю, и принимался за дѣло съ новой энергіей. Одна уже мысль о тебѣ была спасеньемъ...

— Милый... хорошій...

Она крѣпко его обняла и долго смотрѣла въ эти серьезные, хорошіе глаза. Да, онъ весь хорошій, душой хорошій.

— А ты, ты меня любишь?—спрашивалъ онъ ласково.—Да? Такъ, немножко?..

— Я? Я не знаю, какъ назвать то, что̀ я испытываю... Мнѣ иногда кажется, что меня нѣтъ и что тебя нѣтъ, а есть что-то одно, такое чудно-

хорошее. У меня нѣтъ ни одной мысли безъ тебя... И это давно. Я не помню, какъ и когда это случилось... Если бы тебя не было, я не могла бы жить. Я часто думаю объ этомъ, и мнѣ дѣлается такъ страшно, такъ страшно... Мало ли что̀ можетъ случиться, Гриша, а я слишкомъ счастлива, несправедливо счастлива...

Эта сцена происходила днемъ, въ городскомъ саду. Въ это время садъ всегда оставался пустымъ, и никто не могъ помѣшать влюбленной парочкѣ. Какъ любовно свѣтило іюльское солнце, какъ красиво пестрѣли на куртинахъ цвѣты, какъ важно стояли старыя почтенныя липы, слышавшія этотъ разговоръ! Если бы деревья могли говорить, если бы цвѣты умѣли улыбаться... Боже мой, какъ хорошо жить, какъ хорошъ весь міръ, каждая травка!.. О чемъ они говорили дальше? Сколько времени прошло, и зачѣмъ время идетъ? Нѣтъ, это былъ чудный сонъ, сотканный изъ цвѣтовъ, солнечныхъ лучей и безумно-хорошихъ словъ.

— Нужно итти домой...—спохватилась первой Катя. — Какъ странно звучитъ слово: домъ. Мой домъ—это ты...

— О, милая... Посидимъ здѣсь еще немного.

— Нѣтъ, мнѣ пора... Ты меня не провожай. Я уйду одна... Мнѣ и то кажется, что всѣ видятъ мои мысли и чувства.

Она нѣсколько разъ поднималась со скамьи, чтобы итти, и опять садилась, уступая умоляющему взгляду. Вѣдь всего одну минуточку... Еще одну минуточку. Свиданіе закончилось появленіемъ няни, которая везла дѣтскую колясочку со спавшимъ въ ней ребенкомъ. Старушка строгими глазами посмотрѣла на молодыхъ людей, поджала губы и нѣсколько разъ оглянулась. Катѣ вдругъ сдѣлалось совѣстно, и она быстро пошла домой.

— Милая... милая...—шепталъ Гриша, провожая глазами стройную, граціозную дѣвушку.—За что я такъ счастливъ?

Ему припомнился отецъ. Какъ бы старикъ былъ радъ... Онъ такъ любилъ маленькую Катю. Тѣнь дорогого человѣка пронеслась надъ этимъ молодымъ счастьемъ, благословляя его. Опьяненный своимъ настроеніемъ, Гриша долго сидѣлъ въ тѣнистой аллеѣ, повторяя въ мысляхъ только-что разыгравшуюся сцену во всѣхъ подробностяхъ. Неужели все это случилось сейчасъ, вотъ здѣсь?

Когда Катя возвращалась домой, ей пришла въ голову одна мысль, которая чуть не заставила ее вернуться въ садъ. Она даже сдѣлала нѣсколько шаговъ, но потомъ раздумала. Какъ это ей раньше не пришло въ голову? Удивительно... Развѣ она можетъ не видѣть Гриши цѣлыхъ два года? А между тѣмъ, сто̀итъ ей только самой отправиться въ Казань — не сейчасъ, а черезъ годъ. Пѣтушокъ поступитъ нынѣшней осенью въ гимназію, она съ нимъ зиму будетъ заниматься, чтобы поставить дѣло, а потомъ можетъ быть свободна. Зимой нужно скопить денегъ—вотъ и только. Отецъ будетъ за нее, это она впередъ знала, а мать будетъ сопротивляться до послѣдней возможности. Но что̀ дѣлать, хотя и непріятно огорчать ее!

— Да, да, именно такъ и нужно сдѣлать!—рѣшила Катя.—Даже лучше ничего не говорить Гришѣ и явиться въ Казань къ нему сюрпризомъ... Какъ онъ будетъ радъ!

Вернувшись въ свою дѣвичью комнату, Катя почувствовала, что точно пришла въ чужой домъ. Да, все это чужое... Ее поразило это сознаніе отчужденности. Вотъ ея кровать, вотъ два стула, столъ, на которомъ она занималась, двѣ полочки съ книгами, старый комодъ, на стѣнѣ какая-то олеографія, въ уголкѣ вѣшалка съ платьями—и все это не нужно. Не нуженъ и этотъ

видъ изъ окна на дворъ, гдѣ бродили курицы и лежалъ теленокъ—ничего не нужно. А папа?.. Какъ тяжело будетъ съ нимъ разставаться... И все-таки нужно разстаться. Когда мама выходила замужъ, она, вѣроятно, испытывала то же самое. И жаль немножко прошлаго и все будущее впереди. Мужчинамъ это чувство незнакомо. Дѣвушка мысленно уже прощалась и съ своей комнаткой, и съ старымъ отцовскимъ домомъ, и со всѣмъ тѣмъ, что̀ окружало здѣсь ея дѣтство и юность. У Мареы Даниловны хранились въ особомъ сундучкѣ даже игрушки, которыми она играла, ея дѣтскія платьица, первые башмачки. А сколько стоило труда мамѣ, чтобы вырастить ее? Катя припомнила длинные зимніе вечера, когда мать сидѣла за шитьемъ, припомнила дѣтскія болѣзни, когда она не отходила отъ нея, всѣ тѣ заботы, которыми она была окружена. Да, Мареа Даниловна была строга, но очень ее любила, можетъ-быть, даже больше, чѣмъ отецъ. И вдругъ все это отошло куда-то назадъ, потемнѣло, забыто и никому не нужно. Процессъ отчужденія отъ своей семьи начался давно, но Катя его не замѣчала и только теперь поняла, что онъ уже совершился безповоротно, и что главной причиной здѣсь явился онъ, Гриша.

Первые дни Катя ходила въ какомъ-то туманѣ, какъ человѣкъ, который сдѣлалъ дорогую находку и не знаетъ, куда ее спрятать. Ей было немножко совѣстно, когда отецъ говорилъ съ ней со своей обычной ласковостью—онъ былъ все такой же, милый папа, а она уже другая. Что̀ всего тяжелѣе, такъ это то, что она ни съ кѣмъ не могла подѣлиться своими мыслями и чувствами, даже съ Любочкой. Ей казалось, что каждое слово, раскрывавшее ея счастье, должно было его уменьшать. Нѣтъ, никто не долженъ знать ничего. Впрочемъ, Мареа Даниловна нѣсколько разъ съ особеннымъ вниманіемъ посмотрѣла на нее, и Катя на мгновеніе опять почувствовала себя такой маленькой—сказывалась привычка къ повиновенію. Бѣдная мама, она и не подозрѣваетъ, что прежней покорной Кати уже нѣтъ, а есть другая дѣвушка, которая уже не свободна. Да, не свободна на всю жизнь, до самой смерти...

Съ Гришей она увидѣлась только дня черезъ два. Ей хотѣлось передать ему свой планъ, но она удержалась. Какой онъ смѣшной, Гриша: ничего-ничего не подозрѣваетъ.

— Знаешь, Катя, я, кажется, не выдержу и пріѣду на будущее лѣто...— говорилъ онъ, держа ея руку въ своей.

— Чтобы потомъ я упрекала себя? Вѣдь ты пріѣдешь для меня, значитъ, для меня пожертвуешь необходимыми занятіями... Нѣтъ, я этого не хочу. Что̀ за нѣжности, а два года совсѣмъ не велики...

Катя хитрила, и ей было очень весело, что Гриша ни о чемъ не догадывается. Какіе странные эти мужчины... Развѣ можетъ она прожить безъ него цѣлыхъ два года? Право, какой онъ смѣшной.

Теперь Катя приходила къ Печаткинымъ совершенно смѣло. Она замѣчала, что Анна Николаевна попрежнему точно сердится на нее, но вѣдь она приходила не къ ней. Какіе они всѣ смѣшные... А между тѣмъ Анна Николаевна первая догадалась, что что-то случилось, и зорко наблюдала за молодыми людьми. Ужъ очень Катя спокойно себя держитъ, точно къ себѣ домой приходитъ. Материнское сердце почуяло въ Катѣ соперницу.

— Тихоня-то опять зачастила къ намъ,—жаловалась Анна Николаевна Любочкѣ.—Не лежитъ у меня къ ней сердце...

— Перестань, мама... Мнѣ, просто, совѣстно тебя слушать. А если бы Гриша и дѣйствительно женился на Катѣ, такъ лучшей жены ему и не найти.

— Хороша дочка Аннушка, только хвалятъ мать да бабушка...

— А тебѣ пріятно будетъ, если Марѳа Даниловна будетъ то же самое думать про меня?.

Анна Николаевна однако не унялась и нарочно отправилась къ Клепиковымъ, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ откровенно обо всемъ переговорить съ самой Марѳой Даниловной. Что же, женщина серьезная, и обиды ни для кого нѣтъ въ серьезномъ разговорѣ. Сама сына растила... Дома она застала только одного Петра Аѳанасьевича, который вдвоемъ собирался къ себѣ въ Курью.

— Какъ поживаете, Анна Николаевна? Давненько васъ что-то не видать...

— А все некогда, Петръ Аѳанасьевичъ. Извѣстное наше дѣло: то то, то другое. Глядишь, день-то и прошелъ... Что у васъ новенькаго?

— Да все по-старому...

— Невѣсту растите...

— Какая еще невѣста: дѣвченка дѣвченкой. Наша Любочка походитъ больше на невѣсту... Дѣвица, можно сказать, въ полной формѣ. Ну, а что Гриша? Лягушекъ своихъ рѣжетъ?..

— Охъ, и не спрашивайте... Забота съ сыновьями, Петръ Аѳанасьевичъ. Растишь, поишь, хлопочешь, а тутъ, здорово живешь, женился, и нѣтъ его. Обидно это матери-то...

— Что же, дѣло житейское: не нами началось, не нами кончится.

Аннѣ Николаевнѣ показалось, что Петръ Аѳанасьевичъ хитритъ и притворяется, что ничего не понимаетъ. Кажется, она ясно ему намекнула? Вѣдь вотъ простымъ кажется, а тутъ какъ ловко разговоръ отводитъ. Вся семейка, видно, на одну линію...

Такъ Анна Николаевна и ушла безъ откровеннаго разговора, оставивъ Петра Аѳанасьевича въ большомъ подозрѣніи. Нѣтъ, покойникъ Григорій Ивановичъ не сталъ бы хитрить, а все дѣло повелъ бы на чистоту. При немъ-то все бы другое было, а его за простоту всѣ въ глаза обманываютъ.

IX.

Когда студенты уѣзжали, Катя была спокойна и весела. Марѳа Даниловна тоже не испытывала обычной тревоги. Прощаясь съ Сережей, она серьезно замѣтила ему:

— Смотри, Сережа, пріѣзжай... Я не могу даже подумать, что проведу безъ тебя цѣлыхъ два года.

— Мама, все будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ,—уклончиво отвѣтилъ Сережа, покручивая свои бѣлокурые усики.

Гриша и Катя простились раньше, причемъ дѣло не обошлось безъ слезъ, взаимныхъ увѣреній и присвоенныхъ ихъ положенію нѣжныхъ словъ. Главное, они будутъ писать другъ другу, много и часто писать. Вышло маленькое недоразумѣніе изъ-за адреса Кати: посылать ей письма прямо домой неудобно, посылать „до востребованія“ — тоже (на почтѣ всѣ ее знали). Устроили маленькую передаточную инстанцію—письма Катѣ адресовались на имя одной подруги, которая выходила замужъ. Катю занимало какое-то дѣтское тщеславное чувство — это были первыя письма, которыя она будетъ получать.

Итакъ, гости уѣхали, и въ Шервожѣ жизнь потянулась своей обычной колеей. Какъ-то всегда случалось такъ, что именно съ отъѣздомъ совпадало начало осенняго ненастья, точно сама природа накладывала печать старче-

ской усталости на лѣтнія радости. Будетъ веселиться. Пора приниматься за работу. Такъ было и теперь. Бывшія гимназистки устраивались по-новому. Онѣ были теперь уже самостоятельными людьми, и это ихъ занимало, начиная съ шитья новыхъ костюмовъ. Вмѣсто гимназіи, теперь явилось хожденіе по урокамъ, а вечерами подготовка къ нимъ. Все было ново, интересно и возбуждало энергію. Катѣ, напримѣръ, въ первый разъ пришлось пользоваться извозчиками, чтобы поспѣвать съ одного урока на другой. Конечно, это были пустяки, но вѣдь вся жизнь складывается изъ такихъ пустяковъ. Любочка имѣла такой дѣловой видъ и серьезно гордилась тѣмъ, что она больше не гимназистка и сама себѣ барыня. Работы было достаточно у обѣихъ, только перемѣнилась форма.

— Мы теперь будемъ ходить въ театръ однѣ,—мечтала Любочка.—Можемъ мы себѣ доставить такое невинное развлеченіе?

— Но вѣдь это стòитъ дорого...—уклончиво отвѣчала Катя, поглощенная мыслью объ осуществленіи своего плана: каждый отложенный рубль приближалъ ее къ любимому человѣку.

— Ты, кажется, хочешь играть въ благоразуміе?—корила ее Любочка.— Брось... Право, сидя въ своей норѣ, заплѣсневѣешь. И педагогика рекомендуетъ разумныя удовольствія...

Долго Катя обдумывала планъ того, какъ ей выдѣлить изъ заработанныхъ денегъ извѣстную часть. Все, чтò она зарабатывала, обыкновенно поступало въ безконтрольное распоряженіе Мареы Даниловны. Какъ было заговорить съ ней на такую щекотливую тему... Но все дѣло разрѣшилось само собой, благодаря практичности Мареы Даниловны. Она сама первая сказала:

— Конечно, ты теперь зарабатываешь больше, чѣмъ стòитъ твое содержаніе. Мы говорили съ отцомъ объ этомъ и рѣшили такъ: изъ твоихъ денегъ мы будемъ брать по пятнадцати рублей въ мѣсяцъ, а остальныя я стану откладывать, какъ твои. Нужно имѣть что-нибудь на черный день...

Катѣ все-таки тяжело было слушать эти расчетливыя рѣчи, точно эта приличная бѣдность вносила въ ихъ отношенія ненужную холодную струйку. Да, эти жалкіе гроши заставляли что-то такое разсчитывать, раздѣлять мое отъ твоего и вообще устраивать что-то непріятное и тяжелое. Катя не знала только одного, что богатые люди гораздо больше разсчитываютъ такіе гроши, и что заработанныя своимъ трудомъ деньги отличаются отъ всѣхъ другихъ.

Первое письмо „отъ него“... Какъ она ждала этого перваго письма, какъ дрожали у ней руки, когда она разрывала конвертъ, какъ она инстинктивно чего-то боялась, хотя впередъ знала содержаніе этихъ двухъ кругомъ исписанныхъ листовъ почтовой бумаги! Любовь читаетъ между строкъ, въ ея алфавитѣ больше буквъ, а лексиконъ словъ совершенно другой, т.-е. слова тѣ же, но у нихъ другое значеніе. Нѣтъ ничего удивительнѣе, какъ читать такія произведенія постороннему человѣку, находящемуся въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Остается пожимать плечами, дѣлать большіе глаза и снисходительно улыбаться, какъ улыбаются милому ребенку. Мы не будемъ передавать содержанія письма Гриши, отчасти изъ скромности, потому что нехорошо читать чужія письма, а отчасти потому, что крайне трудно было бы изложить въ короткихъ словахъ его сущность — ея не было... Отвѣтъ послѣдовалъ въ двойномъ количествѣ листовъ, и мы только удвоимъ нашу скромность. Авторы этихъ рѣдкихъ произведеній были счастливы, чего же больше и лучше желать?.. Для Кати жизнь измѣрялась теперь этими „письмами отъ него“, какъ

мѣряется дорога верстовыми столбами—каждый новый такой столбъ приближалъ къ завѣтной цѣли.

Глубокая осень „вступила въ свои права“, какъ выражалась Любочка, пріобрѣтавшая слабость къ высокому слогу. Шервожъ потонулъ въ грязи. Городскіе дома такъ жалко смотрѣли своими мокрыми окнами, точно это были заплаканные глаза. Обыватели принимали какой-то обиженный видъ и старались не смотрѣть другъ на друга. Даже Любочка пріуныла и увѣряла всѣхъ, что этой грязи не будетъ конца.

— Это, наконецъ, просто невѣжливо! — жаловалась она Катѣ. — Я каждый день черпаю грязь въ калоши, а на подолъ платья стыдно смотрѣть... Природа вообще могла бы быть поделикатнѣе, тѣмъ болѣе, что дѣвица—существо нѣжное, назначенное служить украшеніемъ.

Рыбный сезонъ тоже кончился. Снасти были высушены, приведены въ порядокъ и размѣстились по стѣнамъ мастерской Петра Аѳанасьевича. Яковъ Семенычъ ежедневно по вечерамъ являлся со своей трубочкой къ Клепиковымъ и сидѣлъ до девяти часовъ, ведя безконечную тихую бесѣду о разныхъ разностяхъ. Марѳа Даниловна какая-то скучная. Ей недомогалось. Опредѣленнаго ничего не было, какъ-то вся расклеилась, какъ старая посуда. Кончилось тѣмъ, что въ одно прекрасное утро она серьезно слегла. Петръ Аѳанасьевичъ переполошился, потому что жена почти никогда не хворала.

— Ничего, такъ пройдетъ...—успокаивала его Марѳа Даниловна.—Вотъ какая непогодь стоитъ... Да еще въ погребу простудилась, когда капусту солила. Ничего, передохну денька два...

Прошло и два дня, но лучше не сдѣлалось. Наоборотъ, болѣзнь пошла быстрымъ ходомъ впередъ. Пригласили врача, который опредѣлилъ воспаленіе обоихъ легкихъ. Положеніе выходило очень серьезное. Катя страшно перепугалась. Ей показалось, что она въ чемъ-то очень и очень виновата, потому что все время думала только о себѣ, забывая о другихъ. Мать была уже въ томъ возрастѣ, когда нуженъ и отдыхъ и уходъ. Первое, что̀ слѣдовало бы сдѣлать—это нанять кухарку. Положимъ, что мать всю жизнь прожила безъ прислуги и привыкла вести все хозяйство своими руками, но не мѣшало бы ей отдохнуть.

— Вотъ Сережа кончитъ, тогда и я отдохну, — отвѣчала Марѳа Даниловна, когда Катя приставала къ ней съ прислугой.—Не люблю я этихъ кухарокъ... Хорошей не найти, а плохая только будетъ даромъ жалованье получать.

При расчетливости Марѳы Даниловны нечего было и думать ввести въ домъ кухарку,—ей все не нравилось бы, и кухарка явилась бы наказаніемъ. Такъ дѣло и шло день за днемъ, а теперь Катя упрекала себя, что не настояла на своемъ: будь кухарка, матери не нужно было бы самой лазить въ погребъ—и слѣдовательно не было бы никакой простуды.

— Такъ и пустила бы она кухарку въ погребъ, — успокаивалъ Петръ Аѳанасьевичъ горевавшую дочь. — Не таковскій человѣкъ... И къ печкѣ бы тоже не пустила. Все бы ей казалось, что не такъ и не ладно. Ужъ я-то ее знаю...

Докторъ въ первое время успокаивалъ, и Петръ Аѳанасьевичъ особенно не волновался. Ну что̀ же, всѣ хворают. У него тоже было воспаленіе легкихъ въ молодости. Положеніе дѣлъ сразу измѣнилось, когда температура поднялась за сорокъ и Марѳа Даниловна потеряла сознаніе. Въ бреду она все говорила о Сережѣ, умоляя его пріѣхать. Потомъ начала сама собираться къ нему. Это послѣднее ужасно испугало Петра Аѳанасьевича: самая нехорошая

врачъ, когда больной начинаетъ собираться. Онъ совсѣмъ растерялся, побѣлѣлъ, расплакался, такъ что Катѣ пришлось съ нимъ отваживаться.

— Ахъ, Катя, Катя...—шепталъ онъ, хватаясь за голову.—Что мы надѣлали!!

— Папа, вѣдь мы же ничего не сдѣлали...

— Нѣтъ, не то... Вѣдь она умираетъ, Катя, а мы-то надѣемся, сами не знаемъ на что. Ахъ, Боже мой...

Прошло ужасныхъ три дня. Время теперь мѣрялось уже часами. Докторъ пріѣзжалъ по два раза въ день и былъ очень недоволенъ ходомъ болѣзни, разыгравшейся противъ всѣхъ его расчетовъ съ необычайной быстротой. Это былъ седьмой день, когда онъ какъ-то растерянно отвелъ Петра Аѳанасьевича и что-то сказалъ ему. Несчастный Петръ Аѳанасьевичъ весь задрожалъ и закрылъ лицо руками, сдерживая рыданія.

— Я только предупредилъ васъ на всякій случай...—бормоталъ докторъ.—Нужно воспользоваться моментомъ сознанія...

Докторъ предлагалъ пригласить священника. Дальше событія полетѣли еще съ большей быстротой. У Кати захолонуло на душѣ, когда пріѣхалъ о. Евгеній изъ женской общины.

— Ничего, ничего, Богъ милостивъ,—повторялъ добрый батюшка.—Не слѣдуетъ отчаиваться...

Пріѣхала Анна Николаевна съ Любочкой. По ихъ лицамъ Катя сразу догадалась, что мать безнадежна: онѣ это знали черезъ Якова Семеныча, котораго предупредилъ докторъ. Анна Николаевна заплакала, когда о. Евгеній прошелъ въ комнату больной, на ходу надѣвая епитрахиль. Любочка убѣжала въ комнату Кати. Петръ Аѳанасьевичъ стоялъ въ залѣ у стѣнки и тихо рыдалъ.

— Батюшка, не уходите...—умоляла Катя, когда о. Евгеній вышелъ отъ больной.—Она умретъ.

— Дитя мое, всѣ мы умремъ... Мы—гости въ здѣшнемъ мірѣ.

Онъ благословилъ рыдавшую дѣвушку и пошелъ поговорить съ обезумѣвшимъ отъ горя Петромъ Аѳанасьевичемъ.

— Какъ же это такъ... вдругъ...—повторялъ Петръ Аѳанасьевичъ, глядя на батюшку безнадежнымъ взглядомъ.—Вѣдь всего недѣлю тому назадъ она была здорова... да, совершенно здорова, и вдругъ... Нѣтъ, за что, о. Евгеній?

Ровно въ полночь Мареы Даниловны не стало. Она умерла въ полномъ сознаніи, благословивъ дѣтей. Послѣднимъ ея словомъ было дорогое имя: Сережа.

Что дальше происходило?.. Это знали только Анна Николаевна и дѣдушка Яковъ Семенычъ, принявшіе на себя всѣ хлопоты. Катя помнила только, что изъ общины явилась сестра Агапита, что покойную перенесли въ гостиную, что зажгли свѣчи, о. Евгеній съ монастырскимъ дьякономъ служилъ первую литію...

Ужасныхъ три дня, цѣлыхъ три дня... Мареа Даниловна была уже гостьей въ томъ домѣ, который создавался ея трудомъ, гдѣ все еще было полно ею, гдѣ каждая мелочь говорила о ней, гдѣ все держалось ею и гдѣ на всемъ лежала ея женская забота. Съ женщиной изъ дому уходитъ все... Какая спокойная лежала она въ гробу,—какъ человѣкъ добре потрудившійся. Петръ Аѳанасьевичъ съ трогательной заботливостью убралъ изголовье живыми цвѣтами... Это были послѣдніе цвѣты, послѣднія слезы, послѣдняя ласка любящей руки, послѣдній привѣтъ земли. Онъ больше не плакалъ, точно и самъ умеръ.

Да, все было кончено въ маленькомъ домикѣ, жизнь котораго порвалась такъ неожиданно.

Хоронили Марѳу Даниловну въ общинѣ, рядомъ съ Григоріемъ Иванычемъ. Выросъ свѣжій холмикъ земли и похоронилъ съ собой счастье всей семьи. Петра Аѳанасьевича насильно увели отъ могилы. Онъ былъ жалко-спокоенъ и все повторялъ:

— За что?..

Какъ страшно было возвращаться въ опустѣвшій маленькій домикъ, въ свое разоренное гнѣздо...

— Ты теперь должна быть хозяйкой,—говорила Катѣ сестра Агапита.— Это великая обязанность женщины. У тебя есть отецъ и младшій братъ — о нихъ некому позаботиться, кромѣ тебя.

Катя была совершенно убита неожиданно налетѣвшимъ горемъ. Она только теперь поняла, какъ она страстно любила мать. Боже мой, чего бы она ни отдала, чтобы сказать ей, какъ она ее любитъ... А сколько прошло дней, недѣль, мѣсяцевъ, лѣтъ, когда Марѳа Даниловна была жива, и ни у кого не являлось даже мысли, что эти дни и недѣли уже сочтены. И вотъ ея нѣтъ, а Катѣ все казалось, что мать куда-то ушла ненадолго и, можетъ-быть, вернется каждую минуту. Маленькой дѣвочкой ей часто приходилось такъ ее ждать... Ту же мысль читала она на лицѣ отца, прислушивавшагося къ каждому шороху и вздрагивавшаго, когда хлопала гдѣ-нибудь дверь. Онъ плакалъ каждый день, запершись въ своей мастерской, и единственный человѣкъ, который его могъ утѣшить, былъ дѣдушка Яковъ Семенычъ.

Разразившись надъ семьей Клепиковыхъ, несчастье доказало еще разъ ту истину, что только въ такія трудныя минуты познаются истинные друзья. Такимъ другомъ оказалась Анна Николаевна. Она приходила почти каждый день и входила во всѣ мелочи, но здѣсь было дорого, главнымъ образомъ, уже одно ея присутствіе. Свой человѣкъ, родная душа... Напримѣръ, какой тяжелый моментъ переживался въ маленькомъ домикѣ, когда нанимали первую кухарку, и все это устроила Анна Николаевна. Петръ Аѳанасьевичъ горько заплакалъ, когда эта кухарка подала первый обѣдъ.

Отъ Сережи было получено такое хорошее, теплое письмо. Онъ оказался не такимъ черствымъ, какъ казался Катѣ, и его искреннее горе примирило ее съ нимъ.

X.

Смерть Марѳы Даниловны внесла въ жизнь маленькаго домика томительную пустоту, которую ничѣмъ нельзя было наполнить. Петръ Аѳанасьевичъ страстно тосковалъ. Каждая мелочь домашняго обихода, весь порядокъ дня, хозяйственныя заботы, праздники—все ему напоминало дорогую покойницу, и онъ все старался сдѣлать такъ, какъ любила Марѳа Даниловна. „Такъ любила мама“ — сдѣлалось своего рода закономъ. Всѣ вещи въ домѣ находились на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ были при ней. Петръ Аѳанасьевичъ ужасно сердился, когда Пѣтушокъ что-нибудь передвигалъ.

— Мнѣ кажется, Катя, что Пѣтушокъ совсѣмъ не любилъ матери, — съ грустью повторялъ Петръ Аѳанасьевичъ.

— Папа, онъ еще слишкомъ малъ...

— А будетъ больше, и совсѣмъ позабудетъ.

Пѣтушокъ былъ занятъ, главнымъ образомъ, своей гимназіей, новыми товарищами и своимъ новымъ положеніемъ гимназиста. Онъ какъ-то сразу

отсталъ отъ семьи. О матери вспоминалъ только тогда, когда говорили о ней большіе. Это была не безчувственность, а дѣтское непониманіе того, что̀ случилось. Петра Аѳанасьевича все это огорчало до глубины души. Вѣдь онъ былъ весь въ прошломъ и жилъ только этимъ прошлымъ. Ему было пріятно видѣть людей, которые знали Марѳу Даниловну и которые могли говорить о ней. Вообще у него образовался какой-то культъ для покойницы. Всѣхъ дороже теперь для него была Анна Николаевна, обладавшая способностью по цѣлымъ часамъ говорить о Марѳѣ Даниловнѣ. Общихъ воспоминаній было достаточно. Анна Николаевна сидитъ съ какой-нибудь работой и речитативомъ ведетъ разсказъ, а Петръ Аѳанасьевичъ шагаетъ по комнатѣ и слушаетъ. Это ему доставляло наслажденіе, и онъ сталъ уходить по вечерамъ къ Печаткинымъ, чтобы послушать Анну Николаевну. Раньше онъ у нихъ бывалъ рѣдкимъ гостемъ.

— Мнѣ все кажется, что у насъ все не такъ, — жаловался онъ.—Одна кухарка чего стоитъ... Въ кухню зайти нельзя: грязь, тараканы. И кушанья совсѣмъ не такія, и провизіи больше выходитъ. Однимъ словомъ, совсѣмъ не то, что̀ было при Марѳѣ Даниловнѣ...

— Это только такъ сначала кажется, Петръ Аѳанасьевичъ, а потомъ привыкнете. Износится помаленьку горе-то... Что̀ же, дѣти у васъ уже большія, на своихъ ногахъ, недостатка ни въ чемъ нѣтъ — и слава Богу. Другіе-то въ сиротствѣ останутся, такъ голодомъ и холодомъ насидятся...

Это была единственная логика утѣшенія, и Петръ Аѳанасьевичъ смирялся. Только почему ему тяжело было возвращаться на свое пепелище? А какая тоска охватывала его по вечерамъ, когда все стихало... Это мужское горе было тѣмъ тяжелѣе, что не могло вылиться жалобами и слезами, а оставалось внутри, какъ гнетъ.

Катя жила теперь совершенно новой жизнью, потому что на ней лежалъ весь домъ. Уроки шли между прочимъ, а больше всего времени отнимали домашнія мелкія заботы. Вѣдь все нужно было досмотрѣть самой, вездѣ поспѣть, а тутъ еще хлопоты и съ отцомъ и съ Пѣтушкомъ. За всѣмъ они обращались къ ней. Катя могла только удивляться, какъ мать успѣвала управиться вездѣ одна, безъ всякой посторонней помощи. Передъ ней раскрылась масса тѣхъ мелочей, изъ которыхъ складывается жизнь хозяйки дома. До извѣстной степени ее поддерживало то, что она занимала теперь вполнѣ самостоятельное положеніе, ни отъ кого не зависѣла, и Петръ Аѳанасьевичъ постоянно совѣтовался съ ней, какъ привыкъ совѣтоваться раньше съ женой. Личная жизнь Кати на время отступала на задній планъ. Времени не оставалось, чтобы написать письмо Гришѣ, т.-е. время было, но недоставало настроенія. Онъ ей писалъ попрежнему, такъ хорошо жалѣлъ Марѳу Даниловну и вообще былъ тѣмъ хорошимъ человѣкомъ, котораго Катя такъ беззавѣтно любила. Ее теперь безпокоило больше всего то, что составленный лѣтомъ планъ разлетался дымомъ. Какъ она теперь броситъ отца и Пѣтушка, чтобы уѣхать въ Казань учиться? Это было немыслимо и означало окончательно разорить весь домъ. Приходилось остановиться на томъ, что когда Сережа пріѣдетъ лѣтомъ, то съѣздить въ Казань недѣли на двѣ. Эта комбинація оставалась единственнымъ исходомъ. И вдругъ Сережа не пріѣдетъ?

Время летѣло быстро. Прошла зима, и наступила весна. Это была грустная весна... Петръ Аѳанасьевичъ не оживился даже съ открытіемъ рыбалки и увезъ въ Курью свое домашнее горе. Вотъ и навигація открылась, и первые пароходы отправились внизъ по Лачѣ. Въ маленькомъ домикѣ сдѣлалось еще скучнѣе. Катѣ приходилось сидѣть больше дома. Заглядывала те-

перь къ ней изрѣдка одна Любочка, чтобъ поболтать и разсказать какія-нибудь новости. Она завела себѣ новыя знакомства и восхищалась какими-то чиновничьими вечеринками, гдѣ танцовали до-упаду. Катя слушала Любочку совершенно равнодушно и никакъ не могла раздѣлить ея настроенія: Любочка была такъ далеко отъ нея. Ей даже было ея жаль, точно прежняя Любочка куда-то исчезла.

— Не одобряете, Екатерина Петровна?—спрашивала Любочка.

— Мнѣ все равно... Каждый по-своему думаетъ и чувствуетъ.

— Нужно же повеселиться...

— Я очень рада за тебя.

— А потомъ я выйду замужъ, чтобъ исполнить назначеніе женщины.

— Мнѣ не нравится тонъ, которымъ ты говоришь о такихъ серьезныхъ вещахъ. Вообще у тебя появилось какое-то легкомысліе...

Катя ошиблась, принимая болтовню Любочки за чистую монету. Въ сущности, Любочка была гораздо серьезнѣе и только подъ впечатлѣніемъ минуты, по старой привычкѣ, болтала глупости.

Ударомъ для Кати было письмо Сережи, полученное вскорѣ послѣ открытія навигаціи. Онъ писалъ, что нашелъ себѣ урокъ и не пріѣдетъ домой на лѣто. Этого именно Катя не ожидала отъ брата. Всѣ ея планы рушились въ окончательной формѣ. Петръ Аѳанасьевичъ отнесся къ этому извѣстію съ какой-то тупой покорностью и только замѣтилъ:

— Что же, остались мы съ тобой, Катя, одни... да.

Онъ не могъ даже осудить Сережу, потому что за нимъ стояла тѣнь матери. Значитъ, такъ нужно... У нихъ свое, у Сережи свое. Пусть устраивается, какъ находитъ лучше для себя.

Сережино письмо стоило Катѣ большихъ слезъ: мечта, которой она жила цѣлую зиму, не могла осуществиться, а впереди еще цѣлый годъ самыхъ тяжелыхъ ожиданій. Нѣтъ, это такое несчастіе, отъ котораго у нея опускались руки. Гриша тоже писалъ, что не можетъ пріѣхать. У него была своя работа и какіе-то уроки. Катѣ показалось немного страннымъ, что при отъѣздѣ онъ нѣсколько разъ предлагалъ ей пріѣхать и она сама же отговаривала его, а теперь въ своихъ письмахъ къ ней онъ ни разу не упомянулъ объ этомъ. Неужели онъ могъ такъ скоро забыть? О, нѣтъ, она такъ вѣрила въ него, вѣрнѣе—въ себя, потому что не могла отдѣлить себя отъ него.

Наступило и это грустное лѣто... Катя и Любочка, забравъ Соню и Пѣтушка, изрѣдка ѣздили въ Курью, но это были не тѣ поѣздки, какъ раньше. Недоставало главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Стояла хорошая погода, все зеленѣло кругомъ, солнце такъ ярко свѣтило, а на душѣ было у всѣхъ грустно, и всякій думалъ про себя свою одинокую думу.

— Ужъ скорѣе бы прошло это лѣто, — говорила Любочка, начинавшая скучать.

Она опять почувствовала склонность къ Сережѣ и даже завела съ нимъ переписку. Ей казалось, что она такъ его любитъ, какъ никогда. Серьезность чувства выражалась уже тѣмъ, что Любочка теперь никому не повѣрила своей тайны. Кто выигрывалъ отъ непріѣзда студентовъ, такъ это Анна Николаевна, которая была теперь совершенно спокойна. Она начала лучше относиться и къ Катѣ, но послѣдняя не поддавалась на эту удочку. Спокойствіе Анны Николаевны стоило ей слишкомъ дорого...

Прошло и лѣто, какъ проходятъ дурные сны. Катя была рада, когда начались осенніе дожди, слякоть и вообще всѣ прелести городской осени. Погода совпадала съ ея настроеніемъ: у нея на душѣ тоже стояла осень. Къ

довершенію всѣхъ бѣдъ, письма отъ Гриши стали запаздывать. Онъ ссылался то на свои занятія, то на болѣзнь. Катя почувствовала что-то подозрительное въ самомъ тонѣ этихъ писемъ. Конечно, годъ—большое время, но она-то вѣдь все та же и такъ же любитъ его.

Въ сентябрѣ письма отъ Гриши окончательно прекратились. Онъ не отвѣтилъ уже на два ея письма. Что-то вообще случилось, и Катя съ тревогой встрѣчала каждый день, ожидая какой-то нежданной бѣды. На нее нападали минуты тяжелаго раздумья. Разъ вечеромъ, когда она занималась съ Пѣтушкомъ, приковылялъ дѣдушка Яковъ Семенычъ, ужасно чѣмъ-то встревоженный. Онъ поздоровался съ ней какъ-то особенно ласково, погладилъ Пѣтушка по головѣ и вообще старался что-то такое сказать. Петръ Аѳанасьевичъ постукивалъ въ своей мастерской, выковывая крючья.

— Да отецъ дома?—спрашивалъ старикъ во второй разъ.

— Что-нибудь случилось, дѣдушка?—спросила Катя, встревоженная его поведеніемъ.

— Чему случиться-то, Катенька? Ничего, все по-старому... Сидѣлъ-сидѣлъ дома и пошелъ васъ провѣдать. Ты, Пѣтушокъ, смотри, учись хорошенько. За битаго двухъ небитыхъ даютъ... Да. А послѣ офицеромъ будешь... Хочешь быть офицеромъ?

— Хочу...—равнодушно отвѣтилъ Пѣтушокъ.

Дверь въ мастерскую старикъ отворилъ какъ-то особенно осторожно, точно боялся что-нибудь пролить. Онъ и присѣлъ на стулъ какъ-то бочкомъ и нѣсколько разъ прокашлялся, точно у него засѣло въ горлѣ. Петръ Аѳанасьевичъ постукивалъ своимъ молоткомъ по проволокѣ и ничего не хотѣлъ замѣчать.

— Да... оно тово... — заговорилъ Яковъ Семенычъ, раскуривая дрожащими руками свою трубочку,—дождь идетъ... да.

— Ненастье, — согласился Петръ Аѳанасьевичъ, прислушиваясь, какъ барабанилъ дождь въ окна.—Вотъ ужо морозомъ все дѣло исправится...

— Ужъ это на что лучше, если осенній морозецъ прихватитъ эту самую грязь. Да... тово... Анна Николаевна наказала кланяться. Такъ она убивается такъ плачетъ...

— Что̀ случилось?—встревожился Петръ Аѳанасьевичъ.

— Охъ, и говорить-то тошно... Нарочно и прибѣжалъ, чтобъ предупредить на всякій случай.

Старикъ понизилъ голосъ, притворилъ дверь и прошепталъ:

— Гриша-то вѣдь женился... да. На какой-то оголтѣлой швейкѣ... Ну, и пишетъ матери—значитъ, вполнѣ обрадовалъ. Ну, Анна Николаевна и давай рвать и метать... Ужъ я съ ней бился-бился. Боялся, какъ бы она сюда не набѣжала...

— Жаль бѣдную... Этакій грѣхъ, а? А вѣдь какой парень былъ хорошій...

Яковъ Семенычъ показалъ на дверь и закрылъ глаза. Петръ Аѳанасьевичъ понялъ этотъ жестъ... Неужели Катя любила его?

— Вѣдь онъ жениться хотѣлъ на ней...—объяснялъ Яковъ Семенычъ.— Я-то это самое дѣло смекнулъ, ну, конечно, молчалъ. А только у нихъ большое согласіе вышло... Ахъ, какой грѣхъ!.. Вотъ я и прибѣжалъ предупредить, а то вдругъ-то она узна̀етъ... извѣстно, дѣло молодое—горячее... Какъ-нибудь ужо заведу я съ ней стороной политичный разговоръ.

Но политичнаго разговора Якову Семенычу не пришлось заводить, потому что пріѣхала на извозчикѣ Анна Николаевна. Катя перепугалась, когда

она вошла въ комнату. Лицо опухло отъ слезъ, волосы были не прибраны, осеннее пальто распахнулось. Яковъ Семенычъ выскочилъ изъ мастерской и попробовалъ ее остановить, но было уже поздно. Анна Николаевна ничего не видала, кромѣ Кати.

— Мнѣ съ тобой нужно поговорить, Катенька,—говорила она.—Пойдемъ къ тебѣ въ комнату.

Петръ Аѳанасьевичъ хотѣлъ войти туда, но Яковъ Семенычъ остановилъ его.

— Пусть онѣ разговорятся... — шепнулъ онъ. — Женщины это лучше умѣютъ сдѣлать... Ахъ, какой грѣхъ-то!..

— Успокойтесь, Анна Николаевна, — уговаривала ее Катя, обнимая:— хотите воды?.. Гриша боленъ?.. что̀ случилось? Милая, не нужно такъ волноваться...

— И ты же меня уговариваешь, Катенька? Ахъ, растерзать меня мало... да... Вотъ до чего дожила... Пріѣхала нарочно во всемъ покаяться тебѣ. Давно я стала примѣчать, что Гриша какъ будто припадаетъ къ тебѣ... Ну, я и разсудила такъ, что ему жениться не на тебѣ, а на богатой. Отъ бѣдности своей такъ подумала и даже сердилась на тебя, будто ты нарочно подманивала его дѣвичьимъ дѣломъ: вотъ я какая.

— Зачѣмъ вы это говорите?—взмолилась дѣвушка. — Не нужно... ради Бога, оставьте меня въ покоѣ.

— Нѣтъ, все скажу... Не могу. Ахъ, головушка съ плечъ... да... Такъ я и сердилась на тебя. На богатой невѣстѣ хотѣла женить своего Гришу. Ну, и радовалась, что онъ на нынѣшнее-то лѣто не пріѣхалъ... Вотъ какъ все вѣрно разсчитала! А Богъ-то и наказалъ старую дуру.

— Гриша женился?—тихо спросила Катя.

— Вотъ это самое... На какой-то швеѣ. Охъ, снялъ онъ съ меня голову. Куда онъ теперь со своей швеей... Самъ пишетъ все... долженъ былъ, говоритъ, жениться...

Катя поднялась, выпрямилась и спокойно проговорила:

— Это не можетъ быть...

— А письмо-то, Катенька?

Дѣвушка какъ-то странно улыбнулась и тѣмъ же спокойнымъ тономъ отвѣтила:

— У меня есть десять его писемъ... Вамъ кто-нибудь другой написалъ

XI.

Монастырскій колоколъ уныло и рѣдко звонилъ къ великопостной вечернѣ, сзывая духовное стадо къ покаянной молитвѣ. Ни на одной городской церкви не было такихъ колоколовъ, какъ у монашекъ — звонъ получался пѣвучій, тонкій, голосистый, точно эти колокола женщины. Монашки немало гордились своимъ малиновымъ звономъ, сравнивая его съ горластыми городскими колоколами. Но всего лучше онъ былъ въ Великій постъ, такъ ласково приглашая нагрѣшившихъ за годъ городскихъ обывателей къ примиренію съ собственной совѣстью. Въ воздухѣ уже чувствовалась наступавшая весна. Снѣгъ потерялъ зимнюю бѣлизну; крыши обросли ледяными сталактитами; выдавались такіе теплые весенніе дни, когда живого человѣка охватываетъ какая-то смутная тоска. Говоря правду, ранней весной Шервожъ имѣлъ очень некрасивый видъ, потому что на таявшемъ снѣгу выступалъ весь соръ, накопившійся по улицамъ за зиму. Затѣмъ все это превращалось на немощеныхъ улицахъ въ грязь, а лѣтомъ въ пыль.

Именно былъ такой весенній день, вѣрнѣе — вечеръ. Въ монастырской общинѣ тоже было невесело. И дни такіе, да и наливавшаяся въ воздухѣ весна возбуждала въ монашкахъ неопредѣленное смутное безпокойство. Въ этомъ послѣднемъ ничего не было грѣшнаго, мірского, а такъ, просто, грустно по-женски, когда хочется присѣсть къ окошечку и всплакнуть, не зная о чемъ. Старшія манатейныя монахини отлично знали это весеннее настроеніе и зорко слѣдили за молодыми послушницами, особенно за готовившимися къ постриженію — нехорошо, все-таки мірская тоска. Вотъ сестра Агапита, кажется, уже привыкла къ монастырской жизни, а и та ходитъ какъ въ воду опущенная, единственное утѣшеніе — итти въ церковь. Сестра Агапита была рада, когда раздавался благовѣстъ къ вечернѣ. Служили въ маленькой церкви „Всѣхъ скорбящихъ радости". Она надѣла свою темную ряску, взяла четки и монашескимъ неторопливымъ шагомъ отправилась въ церковь. Она дорогой думала о той дѣвушкѣ, которую тамъ встрѣтитъ. Дѣйствительно, въ уголкѣ, гдѣ шли около стѣны лавочки для старушекъ, стояла Катя. Проходя мимо, Агапита раскланялась съ ней.

„Ахъ, бѣдная, бѣдная..."—думала монахиня, опуская глаза.

Катя теперь часто бывала въ общинѣ именно за вечерней. Свои уроки она кончала къ этому времени и шла въ общину отдохнуть душой. Ей нравилась монастырская служба: такъ красиво читаютъ послушницы, а еще лучше поетъ женскій хоръ. Было что-то особенное въ этомъ пѣніи, такое чистое и поэтическое, уносившее куда-то вверхъ. Немало слезъ выплакала покинутая дѣвушка въ своемъ уголкѣ и только здѣсь находила то спокойствіе, безъ котораго нельзя жить на свѣтѣ. Жить... какое это странное слово! Живутъ другіе, тѣ счастливцы и избранники, которымъ дорога скатертью, а ей приходилось гасить въ себѣ эту жажду жизни и счастья. Нужно умѣть отрѣшиться отъ этой жизни, которая несетъ и обманъ, и горе, и слезы, и тяжелое раскаяніе. Нужно забыть прошлое... Если бы его можно было забыть!.. Оно приходило вмѣстѣ съ Катей даже въ эту святую обитель, и она напрасно боролась сама съ собой, чтобы отдаться другому настроенію и сдѣлаться такой же безстрастно-спокойной, какъ сестра Агапита. Вѣдь никому не нужно ни ея горе ни ея слезы... Одна и навсегда одна, и только горе останется, какъ черная тѣнь. Пусть же этотъ злой и несправедливый міръ останется тамъ, за предѣлами монастырскихъ стѣнъ...

Великопостную службу Катя всегда любила, а теперь она такъ соотвѣтствовала ея настроенію. А какъ хорошо служилъ батюшка о. Евгеній!.. Весной онъ всегда прихварывалъ и дѣлалъ возгласы такимъ тихимъ голосомъ; особенно хорошо онъ читалъ, выходя на амвонъ, молитву Ефрема Сирина. Какая хорошая эта великопостная молитва, которая проситъ о дарѣ не зрѣть прегрѣшенія брата моего... Да, именно нужно умѣть не видѣть эти прегрѣшенія, и это величайшій даръ. Катя открыла въ церковной службѣ много такого, чего раньше не замѣчала. Особенно ей нравилась эта скрытая грусть о человѣческомъ несовершенствѣ—вѣдь оно, это несовершенство, во всѣхъ, и въ ней, можетъ-быть, больше, чѣмъ въ другихъ. Часто ее охватывало такое хорошее и теплое религіозное спокойствіе, и она уносила его домой, какъ святыню. Служба ей казалась даже короткой. Хотѣлось стоять въ своемъ уголкѣ долго-долго, безъ конца, и чувствовать, что есть что-то такое громадное, необъятное, всепоглощающее, передъ чѣмъ отдѣльное существованіе не больше одной изъ пылинокъ, какія кружатся въ солнечномъ лучѣ. Она именно и чувствовала себя такой пылинкой и чувствовала теплоту и свѣтъ этого солнечнаго луча...

Послѣ каждой службы сестра Агапита подходила къ Катѣ и смотрѣла на нее своими ласково-пытливыми глазами. Такъ было и теперь.

— Здравствуйте...

— Здравствуйте, сестра.

Сестра вздыхала. Прежней дѣвушки уже не было, а предъ ней стояла женщина, та женщина, которая сказывалась въ этомъ серьезномъ взглядѣ и въ выраженіи рта.

— Вы сегодня зайдете ко мнѣ?

— Да... Сначала схожу на могилу къ мамѣ.

Послѣ службы Катя почти каждый разъ заходила на могилу къ матери. Это сдѣлалось для нея потребностью. Тутъ же рядомъ и могила Григорія Иваныча. Какіе это хорошіе, чистые люди... Катя смутно вѣрила, что они сочувствуютъ ея одинокому горю, видятъ, какъ она страдаетъ. Да и къ кому она больше пойдетъ? И мѣста другого нѣтъ... Кажется, сама взяла бы да и легла рядомъ съ ними. Тихо, спокойно, безмятежно... А тутъ пѣвучій звонъ монастырскихъ колоколовъ, огоньки въ кельяхъ, монашеское пѣніе. Хорошо. И, главное, ничего не нужно.

На паперти Катю и сестру Агапиту догналъ монастырскій дьяконъ, сильно чѣмъ-то встревоженный.

— Ну, не есть ли онъ болванъ и дурандасъ?—обратился онъ къ сестрѣ Агапитѣ.—Я ему такъ и въ глаза скажу...

— Вы это про кого, отецъ дьяконъ?

— Какъ про кого? Все про него же, про своего племяша... Помните: Володька Кубовъ? Недаромъ изъ гимназіи-то выгнали... Бо-олванъ!..

Сестра Агапита только пожала плечами. Во-первыхъ, она не знала никакого племяша Володьки, а во-вторыхъ, ее пугали мірскія энергичныя слова... Она даже вздрогнула, когда о. дьяконъ началъ браниться.

— Вы забыли, что мы идемъ отъ службы, — тихо замѣтила она, опуская глаза.

— Я-то не забылъ, а онъ все-таки болванище...

— Что̀ онъ сдѣлалъ?—спросила Катя, живо припоминая Володю Кубова.

— Онъ-то? Онъ отлично сдѣлалъ... Бить его некому, болвана.

Дьяконъ протянулъ свою могучую десницу и, откладывая одинъ палецъ за другимъ, изложилъ по пунктамъ всѣ вины племяша.

— Во-первыхъ, человѣкъ имѣетъ мѣсто въ селѣ Березовскомъ и получаетъ жалованье... разъ!.. Во-вторыхъ, человѣкъ обзавелся всѣмъ сельскимъ хозяйствомъ, которое ему приноситъ дохода рублей двѣсти въ годъ... два!.. Въ-третьихъ, онъ зарабатываетъ въ кузницѣ каждое лѣто болѣе ста рублей... три!.. Скажите, ради Бога, какого ему чорта нужно?

— Отецъ дьяконъ...

— Нѣтъ, позвольте... Человѣкъ сытъ, все у него есть, а онъ что̀ мнѣ пишетъ: вотъ кончу экзамены, распущу школу и брошу все. Понимаете? Есть у него въ башкѣ хоть капля здраваго смысла? Да пусть только онъ явится сюда... пусть... Дьяконица первая у меня ему выцарапаетъ его безстыжіе глаза. Просто, безстыдникъ...

— Можетъ-быть, онъ на службу хочетъ поступить...

— На службу? Ха-ха... Кому такихъ-то оболтусовъ нужно... Извините, сестра Агапита, а мой племяшъ — болванъ... Я его просто растерзаю...

Лицо почтеннаго о. дьякона раскраснѣлось отъ волненія, а кулаки сжимались самымъ угрожающимъ образомъ, такъ что сестра Агапита даже попятилась отъ этого живого олицетворенія чисто-мірского гнѣва.

— Нѣтъ, я ему задамъ!..—повторялъ о. дьяконъ, когда сестра Агапита и Катя уже ушли и онъ остался на паперти одинъ.—Нѣтъ, братъ, погоди... Ужо вотъ дьяконица-то тебѣ задастъ, болванищу...

Сходивъ на могилы, сестра Агапита провела Катю къ себѣ въ келью. Дѣвушка теперь часто заходила къ ней и просиживала здѣсь, пока не стемнѣетъ. Сюда же она принесла и свое дѣвичье горе, здѣсь выплакивала его, а сестра Агапита утѣшала ее какими-то необыкновенно ласковыми словами. Собственно, смыслъ этихъ утѣшеній оставался для Кати неизвѣстнымъ, она не понимала словъ, а только чувствовала самый тонъ утѣшавшаго, тихаго и ласковаго голоса. Келья сдѣлалась для нея чѣмъ-то роднымъ, и она каждый разъ входила въ маленькую бѣлую дверь съ этимъ чувствомъ родной близости.

— Ну, что̀ новаго? — спрашивала сестра Агапита, снимая свою шапочку.—У васъ сегодня видъ нехорошій, моя дорогая... Вы, вѣроятно, получили письмо?

— Да... Какъ вы догадались, сестра?..

— Право, не знаю... Есть необъяснимыя вещи. Ну, что̀ онъ пишетъ?

Катя заплакала. Сестра Агапита оставила ее успокоиться, а сама отправилась ставить самоваръ—это была ея единственная слабость, вынесенная изъ мірскихъ прихотей.

— Большое письмо? — спрашивала она изъ коридора.

— Да... Я не понимаю, для чего онъ писалъ его. Вѣдь все кончено, позабыто — зачѣмъ же еще напрасно тревожить меня? Я цѣлую ночь проплакала надъ этимъ письмомъ. Вѣдь онъ хорошій, Гриша... все-таки хорошій.

Самоваръ въ рукахъ сестры Агапиты сдѣлалъ судорожное движеніе, явно выказывая негодованіе къ „все-таки хорошему“ человѣку.

— Это даже не письмо, а цѣлая исповѣдь,—продолжала Катя.—Главное, что̀ меня огорчило въ немъ, такъ это то, сестра, что онъ совсѣмъ не любитъ той дѣвушки, на которой женился, и чувствуетъ себя глубоко-несчастнымъ... Вотъ ужъ я этого не понимаю!.. Пишетъ о томъ, какъ онъ виноватъ предо мной, что постоянно вспоминаетъ обо мнѣ, что... Нѣтъ, вы сами лучше прочитайте, сестра, а я не могу.

Сестра Агапита сдѣлалась повѣренной Кати въ ея горѣ и знала всѣ мельчайшія подробности ея печальной исторіи. Она взяла дрожавшей рукой роковое письмо—большой листъ почтовой бумаги, исписанный кругомъ—и принялась его читать, строго сложивъ свои безкровныя губы. Странно было видѣть это откровенное посланіе любимаго человѣка, все пропитанное еще юношескимъ чувствомъ, острымъ горемъ и раскаяніемъ, именно въ рукахъ у монахини, отрѣшившейся отъ міра. Передъ этими кроткими глазами вставали живьемъ вотъ съ этихъ страницъ и зло, и несправедливость, и обманъ. Да, хуже всего — обманъ...

— Такихъ людей даже не сто̀итъ жалѣть, — резюмировала сестра свои мысли, возвращая письмо.—Самъ виноватъ... Что̀ же можно сказать больше?

— Знаете, сестра, оно мнѣ напомнило моего дядю по матери... Можетъ-быть, вы знаете доктора Конусова? Такъ вотъ у него тоже вышла подобная же исторія, т.-е. приблизительно. Онъ самъ мнѣ разсказывалъ... Какой онъ жалкій сейчасъ. Пьетъ, опустился... Неужели и Гришу ждетъ такая же участь? Вѣдь это страшно, сестра... Вся жизнь испорчена, и нѣтъ выхода, нѣтъ счастья!

— Не будемъ говорить объ этомъ, милая. Не сто̀итъ... Молодые люди слишкомъ много позволяютъ себѣ, а потомъ платятся за это всей своей жизнью

да еще чужую прихватятъ по пути. Зачѣмъ чужой-то вѣкъ заѣдать?.. Это несправедливо. Конечно, мы должны прощать даже своимъ врагамъ, но...

Чисто-мірское волненіе охватило сестру Агапиту, и она съ трудомъ удержалась, чтобы не высказать осужденія человѣку, который продолжалъ тревожить невинную душу даже своимъ раскаяніемъ. Ахъ, какъ тяжело прощать... Катя не плакала, но сидѣла, какъ приговоренная къ смерти.

— Сестра милая, я поступлю къ вамъ въ общину... — шептала она.— Здѣсь такъ хорошо... тихо... и мама будетъ всегда со мной, и Григорій Иванычъ. И никто, никто не посмѣетъ ко мнѣ прикоснуться. Я часто теперь думаю объ этомъ...

— Рано, голубушка... Твоя жизнь еще впереди. Кто знаетъ, что̀ будетъ. Не нужно принимать такихъ рѣшеній, отъ которыхъ потомъ захочется отказаться... Не въ одномъ монастырѣ спасеніе. Ты еще молода, много силъ, и мѣсто имъ найдется... Нѣтъ такого горя, которое бы не износилось. Вотъ смотри на меня и учись...

— А если мнѣ тяжело? Если я не знаю, куда мнѣ дѣваться? Все мнѣ постыло... Сама я себѣ чужая. Вѣдь такъ страшно жить...

— Пройдетъ. Молодость свое возьметъ... Вѣдь не ты одна такъ-то горюешь. И наконецъ отчаяніе—смертный грѣхъ... У каждаго найдется свое горе, а слезы и черезъ золото льются... Въ монастырь-то всегда успѣешь еще поступить.

— Для чего же жить?..

— А отецъ? а маленькій братъ?

Катя любила эти тихіе душевные разговоры съ сестрой Агапитой, отъ которыхъ у нея дѣлалось легче на душѣ. Горе оставалось, а все-таки легче...

Хорошимъ другомъ Кати оказалась также Любочка. Катя даже не ожидала встрѣтить въ подругѣ такого искренняго и энергическаго участія. Впрочемъ, и Любочка совсѣмъ была другая. Она быстро измѣнилась, точно вмѣстѣ съ гимназической формой сняла съ себя дѣтское веселье и милыя маленькія глупости. Совсѣмъ другой человѣкъ. Въ Любочкѣ все сильнѣе начали проявляться отцовскія качества: рѣшительность, прямота и даже нетерпимость. Періодъ увлеченія чиновничьими вечеринками соскочилъ съ нея такъ же быстро, какъ налетѣлъ. Дома она держалась настолько самостоятельно, что Анна Николаевна во всемъ безусловно подчинялась ея волѣ.

„Вся въ отца издалась,—часто думала Анна Николаевна, наблюдая дочь.—И смотритъ такъ же... А Гриша-то, видно, въ меня пошелъ. Лучше бы ужъ ему въ отца-то уродиться...“

Любочка часто теперь приходила къ Клепиковымъ и вносила съ собой такое хорошее энергичное настроеніе. Петръ Аѳанасьевичъ очень ее любилъ, особенно за цвѣтущее здоровье—вотъ это такъ дѣвица вполнѣ. Рядомъ съ ней Катя выглядывала „заморышкомъ“.

— Перестань ты, Катя, хандрить!—постоянно говорила Любочка, дѣлая энергическій жестъ.—Этакая важность... Стòитъ горевать о такой тряпицѣ, какъ мой братецъ Григорій Григорьевичъ. Развѣ это люди? Развѣ такіе настоящіе люди должны быть?

— А какіе?

— Ну, это мы увидимъ... Не стòитъ, вообще, разговора. Хорошъ и твой братецъ Сереженька...

— Однако ты его любила.

— Я? Никогда... И любовь вздоръ. Вѣдь можно безъ нея обойтись— значитъ, пустяки все.

XII.

Петръ Аѳанасьевичъ переживалъ первый трудный годъ безъ жены. Ему все казалось, точно онъ начинаетъ жить снова, а прошлое отошло куда-то далеко назадъ. Въ сорокъ три года трудно начинать жить новой жизнью. Конечно, въ домашнемъ обиходѣ Катя замѣнила до извѣстной степени мать, но только до извѣстной степени. По праздникамъ Клепиковъ аккуратно отправлялся въ общину на могилу къ женѣ и горько рыдалъ, оплакивая свое одиночество. Вѣдь живутъ же другіе, а Мареа Даниловна смѣло могла бы прожить еще лѣтъ пятнадцать, при жизни пристроила бы дѣтей и умерла бы спокойно въ томъ возрастѣ, когда уже все земное совершено. Всего больше безпокоила Петра Аѳанасьевича судьба дѣтей. Все шло какъ-то не такъ, какъ при покойной женѣ: Катя бродитъ, какъ въ воду опущенная, Сережа въ первое же лѣто не пріѣхалъ домой, Пѣтушокъ тоже отбивался отъ родного гнѣзда. Все не такъ, не по-старому...

По логикѣ людей, потерявшихъ любимаго человѣка, Петръ Аѳанасьевичъ перенесъ теперь всю нѣжность на старшаго сына, какъ любимца матери. Раньше онъ всегда отдавалъ преимущество дочери, а теперь сосредоточилъ все свое вниманіе на Сережѣ и жилъ только письмами отъ него. Даже горе Кати какъ-то мало его тронуло. Да и какъ ему, мужчинѣ, вмѣшиваться въ эти дѣла? Конечно, Гриша Печаткинъ хорошій малый и былъ бы отличнымъ зятемъ, но что̀ же подѣлаешь, если не судьба? Суженаго конемъ не объѣдешь...

— Вотъ у насъ скоро Сережа курсъ кончитъ,—все чаще повторялъ Петръ Аѳанасьевичъ кстати и некстати.—То-то покойница Мареа Даниловна была бы рада... Эхъ, не дожила, сердечная!.. А хлопотъ-то сколько, заботъ... Легко это выговорить: юристъ. Не то, что̀ нашъ братъ, почтовый чинарь... Вонъ какъ адвокаты-то поживаютъ...

Выслушивалъ эти размышленія главнымъ образомъ дѣдушка Яковъ Семенычъ. Старикъ замѣтно опускался. Измѣняли и глаза, и ноги, и поясница. Что̀ же, подходилъ роковой предѣлъ, его же не прейдеши.

— Мы хоть посмотримъ на старости лѣтъ, какъ добрые люди живутъ на бѣломъ свѣтѣ,—объяснялъ Петръ Аѳанасьевичъ.—Понимаешь, дѣдушка: юристъ... Можетъ штатскимъ генераломъ быть, ежели на службу поступитъ.

— Ну, до генерала-то, положимъ, далеко, а все-таки оно тово... любопытно. За битаго двухъ небитыхъ даютъ...

— Вотъ только мать-то не дожила до нашей радости... Вмѣстѣ растили, поили и кормили, сколько муки приняли съ одной гимназіей, а теперь Сережа кончитъ, а матери-то и нѣтъ. И то писалъ онъ мнѣ какъ-то про нее... Жалѣетъ.

Съ приближеніемъ весны усилилась и тревога Петра Аѳанасьевича. Онъ по-своему началъ готовиться къ пріѣзду „юриста". Купилъ новыхъ обоевъ и оклеилъ собственноручно всѣ комнаты, тоже самъ обтянулъ мебель новой матеріей. Особенное вниманіе было обращено на ту комнату, въ которой будетъ жить Сережа. Явился и коврикъ, и новое кресло, и даже драпировка на двери. Устраивая все это, Петръ Аѳанасьевичъ все думалъ о женѣ, которая, конечно, одобрила бы его. Вѣдь она такъ любила Сережу... Затѣмъ, по какому-то необъяснимому мотиву, Петръ Аѳанасьевичъ избѣгалъ говорить о своихъ планахъ съ Катей, точно боялся встрѣтить съ ея стороны отпоръ. Въ самомъ дѣлѣ, дѣвичье дѣло: сегодня у отца живетъ, а завтра и поминай какъ звали. А Сережа-то ужъ никуда не уйдетъ... Этого Петръ

Аѳанасьевичъ не разсказывалъ даже Якову Семенычу, потому что и въ немъ подозрѣвалъ встрѣтить какое-нибудь неодобреніе, а это было бы больно переносить.

Открытіе навигаціи совпало съ самымъ разгаромъ этихъ трогательныхъ родительскихъ приготовленій. Сережа писалъ, что экзамены кончатся только къ іюню, и времени оставалось достаточно. Слѣдовало имъ воспользоваться. Петръ Аѳанасьевичъ уступилъ сыну свой письменный столъ и поставилъ на него новенькую чернильницу, которую присмотрѣлъ въ одномъ магазинѣ еще съ осени.

Въ трудныхъ случаяхъ, когда Петръ Аѳанасьевичъ сомнѣвался въ собственной компетентности, онъ отправлялся къ Аннѣ Николаевнѣ и подъ рукой выспрашивалъ ее, какъ лучше сдѣлать. Напримѣръ, занавѣски на окно, покрывало на кровать, гардеробъ,—да мало ли набралось этихъ пустяковъ. Не пошелъ бы въ чужіе люди, если бы Мареа Даниловна была жива.

Анна Николаевна давно уже присматривалась къ Петру Аѳанасьевичу, многаго не понимала въ его поведеніи и рѣшила про себя, что старикъ немного повихнулся съ горя.

— Не то, чтобы совсѣмъ, а похоже... Все какъ будто ладно говоритъ, а потомъ что-нибудь такое несообразное отвѣтитъ. Отъ тоски это бываетъ...

У Анны Николаевны даже явилась совершенно женская мысль, именно, не женить ли Петра Аѳанасьевича? Положимъ, онъ въ годахъ и сильно даже въ годахъ, а все-таки что̀ ему одному-то маячить? Дѣти на возрастѣ, того гляди разлетятся въ разныя стороны, а онъ-то и останется одинъ какъ перстъ. Тоже по человѣчеству нужно судить. Конечно, молодая дѣвушка за него не пойдетъ, а вдова какая или дѣвица въ годахъ даже съ удовольствіемъ, потому что и домъ свой и всякое хозяйство, а умретъ—пенсія вдовѣ останется. Одно время эта мысль настолько заняла Анну Николаевну, что она не утерпѣла и высказала ее Любочкѣ.

— Что̀ же, отличное дѣло,—согласилась та совершенно серьезно.—Хочешь, я тебя посватаю за него?

— Тьфу, безстыдница!.. Тоже и скажетъ... Вѣдь я его же жалѣючи говорю.

— А я тебя жалѣючи...

Открывшаяся рыбалка нынче мало интересовала Петра Аѳанасьевича, да и рыба какъ-то плохо ловилась. Годъ такой, да и Лача сильно обмелѣла, а тутъ еще пароходы пугаютъ—оно ужъ все вмѣстѣ. Дѣдушка Яковъ Семенычъ одинъ огорчался за всѣхъ: прежде все было лучше, даже рыба.

Катя относилась къ наступавшему лѣту какъ-то равнодушно. Брата она очень желала видѣть, но ничего особеннаго отъ этого свиданія не ожидала, зная его характеръ. Сережа пріѣхалъ совершенно неожиданно, не предупредивъ никого. Петръ Аѳанасьевичъ былъ на службѣ, Катя на своихъ урокахъ, Пѣтушокъ пользовался каникулами и тоже куда-то убѣжалъ; дома оставалась одна кухарка, которая видѣла Сережу въ первый разъ.

— Тебѣ кого нужно-то?..—спрашивала она, недовѣрчиво оглядывая гостя.

— А тебя, милая...

Войдя въ пустой домъ, Сережа испытывалъ непріятное чувство: на него такъ и пахнуло чѣмъ-то мертвымъ. Не такъ, какъ было прежде.

— Для начала недурно,—замѣтилъ онъ, снимая дорожное пальто.—Эхъ, жизнь, жизнь...

Въ немъ на минуту проснулось теплое чувство къ матери, тѣнь которой еще витала въ этихъ стѣнахъ, къ раннему дѣтству, даже къ тѣмъ невзго-

дамъ, какія переживались вотъ подъ этой кровлей. Да, все это было, и теперь ничего не осталось... Тяжелое и непріятное чувство.

Встрѣча съ отцомъ и сестрой нѣсколько оживила его.

— Какой ты большой,—удивлялся Петръ Аѳанасьевичъ.—Вотъ и борода выросла... Если бы мать-то жива была... Ахъ, Сережа, Сережа...

Петръ Аѳанасьевичъ какъ-то жалко зарыдалъ и припалъ своей сильно посѣдѣвшей головой къ сыновнему плечу. Катя отвернулась, чтобы скрыть навернувшіяся на глаза слезы, а Петръ Аѳанасьевичъ продолжалъ всхлипывать какъ-то по-дѣтски, и Сережа чувствовалъ только, какъ по его лицу катятся эти отцовскія слезы. Конечно, матери жаль, но все-таки слезы въ такомъ большомъ количествѣ... да...

— Папа, а какъ ты постарѣлъ...—замѣтилъ Сережа, чтобы сказать что-нибудь.—Вотъ и голова совсѣмъ сѣдая...

— Да, да... Вѣдь два года не видались, Сережа, а сколько за это время было пережито. Мать-то все думала: вотъ Сережа курсъ кончитъ... все ждала. Вотъ и кончилъ, а и порадоваться некому по-настоящему.

— Ну, будетъ, родитель... Еще успѣемъ поговорить.

Это замѣчаніе точно испугало Петра Аѳанасьевича. Онъ какъ-то сразу весь съежился и хлопотливо началъ показывать Сережѣ его комнату. Вся эта сцена произвела на Катю самое тяжелое впечатлѣніе. Чувствовалась какая-то фальшь. Катѣ было обидно за мать, за ту безконечную любовь, какую она вложила въ этого самаго Сережу, который теперь же морщится изъ-за отцовскихъ слезъ. Что-то несправедливое и жестокое было во всей этой сценѣ, и сердце Кати сжалось глухой болью. Хорошо еще, что отецъ ничего не замѣчаетъ. Дальше Катя замѣтила, какъ Сережа поморщился, когда отецъ показывалъ ему всю обстановку, созданную съ такимъ трудомъ. И обои мѣщанскіе, дешевенькіе, и обивка на мебели тоже, и столъ, и чернильница, и занавѣски, и гардеробъ—все было прилично по-мѣщански.

— Самъ обои-то наклеивалъ,—объяснялъ Петръ Аѳанасьевичъ.—Какъ же, два дня старался... Вѣдь пригласить мастера, такъ весь рубль-цѣлковый выложь ему, а я ужъ самъ. Да еще испортилъ бы мастеръ-то не одинъ кусокъ... Покойная мать тоже все сама дѣлала, все своими руками.

О чемъ бы ни заговорилъ Петръ Аѳанасьевичъ, въ концѣ концовъ все сводилось на покойную мать, и въ его голосѣ слышались подавленныя слезы, заставлявшія Сережу каждый разъ морщиться.

— Ну, не буду, не буду...—торопливо извинялся Петръ Аѳанасьевичъ, объясняя гримасы Сережи тѣмъ, что память о матери его сильно тревожитъ.— Еще успѣемъ наговориться. Теперь, братъ, больше некуда ѣхать... Шабашъ!..

Когда Сережа распаковалъ свой новенькій чемоданчикъ, Петръ Аѳанасьевичъ ахнулъ отъ изумленія, потому что въ чемоданѣ оказалось столько удивительныхъ вещей, назначеніе которыхъ ему было даже неизвѣстно, какъ разныя щеточки для чистки ногтей. И все, должно-быть, очень дорогое. Да, Сережа аккуратенъ, весь въ мать пошелъ. И какъ все уложено, точно укладывала женщина—одна вещица къ другой—и зеркальце, и мыльце въ футлярѣ, и бритвы съ приборомъ, и головныя щетки. Разспросы отца, для чего всѣ эти вещи, даже обидѣли молодого человѣка, и онъ замѣтилъ недовольнымъ тономъ:

— Какой ты странный, папа... Удивляешься, какъ ребенокъ.

— Нѣтъ, я такъ... Вотъ если бы покойная мать посмотрѣла, такъ она бы всякую штучку разобрала сама, что̀ и къ чему слѣдуетъ. Ну, не буду, не буду...

Какъ на грѣхъ, пришла Любочка и застала конецъ этой сцены во всей красотѣ.

— Вотъ мы какіе, Любовь Григорьевна...—хвастался Петръ Аѳанасьевичъ, подмигивая на Сережу.

— Вижу, Петръ Аѳанасьевичъ... Очень рада за васъ. Я только думала, что всѣ эти туалетныя принадлежности привезены Сергѣемъ Петровичемъ въ подарокъ какой-нибудь дамѣ.

— А вы считаете грязные ногти необходимой принадлежностью каждаго порядочнаго человѣка? — уязвилъ Сережа, дѣлая злые глаза.—Помните, у Пушкина сказано: „И можно быть довольно умнымъ человѣкомъ и думать о красѣ ногтей". Однимъ словомъ, что-то въ этомъ родѣ...

— Да, въ этомъ родѣ.

— А помните, Любовь Григорьевна, какимъ соплякомъ Сережа былъ, когда мы его въ гимназію отдавали?—вспоминалъ Петръ Аѳанасьевичъ.—Какъ теперь помню, только поступилъ въ гимназію и въ тотъ же день подрался съ сапожничьими дѣтьми... Курячьимъ исправникомъ его назвали. Покойница мать... Ну, не буду, не буду!..

Сережа покраснѣлъ и ушелъ къ себѣ въ комнату, чтобы не наговорить отцу чего-нибудь лишняго. Петръ Аѳанасьевичъ окончательно растерялся и только безмолвно разводилъ руками.

— Онъ усталъ съ дороги,—объяснила Любочка, пожалѣвъ родителя.

— Да, да... Конечно, усталъ, а я-то болтаю.

Дѣвушки ушли въ комнату Кати. Онѣ ничего не говорили другъ другу, но это не мѣшало имъ чувствовать одно и то же. Любочка какъ-то смѣшно фыркала, а потомъ расхохоталась и заговорила:

— Нѣтъ, это отлично, какъ родитель соплякомъ этого джентльмена назвалъ... Ха-ха!.. А мнѣ, откровенно говоря, жаль старика... Онъ отличный человѣкъ, простой и скромный, а тутъ... Ну, не стòитъ говорить. Кто бы могъ это ожидать, Катя? Чистоплюй какой-то...

Катя молчала. Вѣдь это было только началомъ: изъ щеточекъ и футляровъ для мыла выростутъ въ свое время привычки настоящаго богатаго человѣка и презрѣніе ко всему, чтò бѣдно. Отъ своего, отъ прежняго ничего не останется... И стоило для этого вытягивать изъ себя всѣ жилы хоть тому же отцу, отказывать себѣ во всемъ, цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ ждать. Нѣтъ, это просто ужасно, какъ могутъ быть ужасны однѣ мелочи, изъ которыхъ главнымъ образомъ складывается вся наша жизнь. Катя кстати припомнила брюзжанье дѣдушки Якова Семеныча на эту тему и въ душѣ не могла не согласиться съ нимъ. Какъ обидно-правы бываютъ иногда такіе брюзжащіе старики...

Подъ недовольствомъ Любочки скрывалось другое чувство, какъ далекое эхо минувшаго дѣтства. Въ самомъ негодованіи на чистоплюйство Сережи сказывалась, хотя и дѣтская любовь, но все-таки любовь. Въ душѣ оставалась, если не надежда вернуть что-то такое хорошее и близкое, то тѣнь такой надежды — есть чувства, которыя не умираютъ, какъ не умираетъ жизнь въ зернѣ, пока оно само не разрушится. Катя отлично понимала, чтò чувствовала сейчасъ Любочка, и молчала. Собственное горе выучило ее читать чужія мысли и чувства, даже когда они въ скрытомъ состояніи. Собственно и женское горе само по себѣ совсѣмъ другого характера, чѣмъ у мужчины: оно въѣдается такими мелочами, которыхъ мужчина никогда не замѣтитъ.

— Вообще поучительно...—резюмировала Любочка свои впечатлѣнія.— И стоило огородъ городить и капусту садить... Кажется, это и называется

жизнью! Ха... Благодарю покорно! Одинъ — тряпица, другой — карьеристъ... Помнишь, Катя, какъ мы ихъ дѣлили и ревновали другъ друга?

— Мнѣ обидно за то, главнымъ образомъ, что самое образованіе какъ-то ни при чемъ... Насмѣшка какая-то получается. Оно, конечно, не виновато, но виноваты мы сами, потому что... потому что... ну, не знаю, почему.

— Потому что мы сами дрянные людишки, которыхъ не спасаетъ даже святая наука. Все дѣло въ характерѣ, въ крови, въ извѣстныхъ традиціяхъ... Помнишь, какъ я одно время увлекалась богатой обстановкой?.. Вѣдь это то же, что у Сережи, только у него это составитъ цѣль жизни, а у меня прошло эпизодомъ.

XIII.

Кончивъ экзамены въ своей школѣ, Кубовъ пріѣзжалъ на нѣсколько дней въ Шервожъ. У него были какіе-то замыслы, которыхъ не зналъ даже дьяконъ. Кубовъ приходилъ къ дьякону только ночевать, а цѣлые дни проводилъ гдѣ-то на пристаняхъ или въ Теребиловкѣ.

— Вчерашній день ищешь?—ядовито спрашивалъ дьяконъ.—Напрасно безпокоишься... Вотъ ты считаешь себя, Володька, умнымъ человѣкомъ, а у насъ своихъ умныхъ людей—какъ у васъ въ Березовкѣ дровъ. Не знаютъ сами, куда дѣваться...

— А вотъ, когда найду вчерашній день, тогда и поговоримъ

Потомъ начали приходить на квартиру къ дьякону какіе-то неизвѣстные люди: кузнецы, слесаря, плотники. Кубовъ подолгу тояковалъ съ ними о какой-то паровой машинѣ, о какихъ-то плотахъ, а больше всего о баржѣ. Между прочимъ, изъ этихъ разсказовъ дьяконъ узналъ, что Кубовъ арендовалъ старую кузницу на берегу Лачи. Что же, это еще походило на дѣло. А все-таки жаль Березовки... Положимъ, Кубовъ сдѣлалъ посѣвъ въ полномъ размѣрѣ, значитъ, проживетъ тамъ до осени, но зачѣмъ же тогда кузница? Добродушное лицо дьякона выражало одно недоумѣніе. Впрочемъ, Кубовъ скоро уѣхалъ къ себѣ въ Березовку, даже не повидавшись ни съ кѣмъ изъ знакомыхъ.

— Ахъ, болванище, болванище! — повторялъ дьяконъ. — Все знаетъ, а того не можетъ понять, что отъ добра добра не ищутъ... Промѣняетъ синицу на ястреба.

Дьяконъ нарочно ѣздилъ въ Курью, чтобы посудачить съ дѣдушкой Яковомъ Семенычемъ. Старикъ внимательно выслушивалъ дьякона и только качалъ головой. Да, мудреный нынче народъ пошелъ, пожалуй, ничего не разберешь. Петръ Аѳанасьевичъ, прислушавшись къ этимъ разговорамъ, замѣтилъ:

— Просто Володѣ завидно, а вы удивляетесь...

— Кому ему завидовать-то?—удивился дьяконъ.

— А какъ же: Сережа юристомъ кончилъ, Гриша черезъ годъ докторомъ выйдетъ. Будутъ жалованье большое получать, а онъ и легъ и всталъ— все тотъ же учитель. Изъ своей кожи не выскочишь. На такую ужъ зарубку попалъ... Въ гимназіи-то вмѣстѣ учились, а теперь вотъ какая разница вышла. Ну, вотъ онъ и мечется, Володя-то...

Дьяконъ и Яковъ Семенычъ только переглянулись. Съ Петромъ Аѳанасьевичемъ не совсѣмъ было ладно: точно на пень наѣхалъ со своимъ юристомъ и вездѣ его суетъ, къ мѣсту и не къ мѣсту.

Кубовъ показался въ Шервожѣ ровно черезъ мѣсяцъ. Это было въ началѣ іюля, когда собирался съѣздъ народныхъ учителей. Руководилъ съѣздомъ

Огневъ. Кубовъ продолжалъ свои таинственныя хлопоты и, между прочимъ, не пропускалъ засѣданій съѣзда. Разъ онъ случайно встрѣтилъ здѣсь Катю.

— Я слышала, что вы здѣсь, Владимиръ Гавриловичъ. Отчего вы къ намъ не зайдете?

Этотъ вопросъ точно смутилъ Кубова.

— Да все какъ-то некогда, Катерина Петровна... А впрочемъ, что̀ же, я могу сказать вамъ правду. Только, пожалуйста, между нами. Свое учительство я бросаю и завожу новое дѣло. Вотъ и не хочется встрѣчаться со старыми знакомыми, потому что будутъ разспрашивать, что̀, да ка̀къ, да почему, а я этого не люблю. Когда все устроится, тогда сами увидятъ.

— Однимъ словомъ, тайна... Ну, Богъ съ вами и съ вашей тайной. Для меня остается непонятнымъ только одно, какъ вы такъ легко разстаетесь со своей школой... Вѣдь у васъ тамъ, кромѣ школы, все хозяйство поставлено и, какъ разсказываютъ, очень большое хозяйство. Однимъ словомъ, образцовый учитель и вдругъ бѣжитъ.

— Можно говорить съ вами откровенно?

— О, конечно.

Этотъ откровенный разговоръ происходилъ въ залѣ земскаго губернскаго собранія, гдѣ собирался учительскій съѣздъ. Катя, по обыкновенію, занимала самый дальній уголокъ и отсюда слушала доклады, сообщенія и происходившіе дебаты. Ей очень нравилось ходить сюда, чтобы многому поучиться самой. Огневъ отлично велъ дѣло, и работы съѣзда шли самымъ оживленнымъ образомъ. Чувствовалось, что собравшіеся здѣсь люди дѣлали большое и серьезное дѣло. У Кати уже было много знакомыхъ, особенно среди учительницъ.

— Такъ вотъ, видите ли, въ чемъ дѣло... — заговорилъ Кубовъ послѣ длинной паузы. — Учительское дѣло, конечно, прекрасная вещь, и я очень радъ, что поработалъ учителемъ цѣлыхъ шесть лѣтъ. Да... Но остаться навсегда учителемъ—этого я лично не могу. У меня другая натура. Меня неудержимо тянетъ къ другой дѣятельности.

— А это не кажется вамъ?..

— Нѣтъ... Я благодаренъ своему учительству, потому что самъ прошелъ извѣстную школу. Но вѣдь есть другая жизнь, другая дѣятельность. Посмотрите на американцевъ — вотъ для насъ живой примѣръ. Сегодня онъ учитель, завтра огородникъ, послѣзавтра кондукторъ и т. д. Уже въ самой перемѣнѣ занятій кроется источникъ энергіи. Можетъ-быть, поэтому только въ Америкѣ мы и видимъ такихъ смѣлыхъ предпринимателей, не отступающихъ ни передъ какими препятствіями. Это въ порядкѣ вещей...

— Все это такъ, но вѣдь у насъ не Америка...

— Правда, но съ нѣкоторыми поправками... Вообще не Америка, а въ частности можетъ быть и Америка. Здѣсь я, напримѣръ, бываю съ нѣкоторой спеціальной цѣлью. Хочется найти подходящаго замѣстителя въ свою школу... Вѣдь жаль дѣла, на которое убито столько времени и силъ. Но, къ сожалѣнію, я его не нахожу... Много хорошихъ людей, но все не то. Главное, обидно то, что все это только учителя, а у меня дѣло поставлено гораздо шире. И вотъ, я не могу найти такого человѣка, который не только взялъ бы школу, но и все мое хозяйство. Вѣдь жаль пашню, надъ которой трудился столько лѣтъ, рабочую скотину, которая раздѣляла твой трудъ, твой огородъ, всѣ мелочи хозяйственнаго инвентаря... Все это пріобрѣталось на гроши, годами...

— Неужели никого нѣтъ?

— Въ принципѣ всѣ, конечно, одобрятъ, но тутъ, кромѣ принциповъ, требуется живой человѣкъ... Да. Есть, пожалуй, и охотники, но я имъ какъ-то не вѣрю. Большею частью увлекающіяся натуры, а этотъ товаръ въ нашемъ дѣлѣ ничего не стоитъ. Всякое увлеченіе остываетъ... Нужны работники, строгіе, серьезные, послѣдовательные...

Кубовъ помолчалъ, перевелъ духъ и неожиданно проговорилъ:

— А что бы вамъ, Катерина Петровна, занять мое мѣсто въ Березовкѣ? Ей-Богу, отличная была бы штука... Вы подумайте серьезно. Я бы вамъ уступилъ половину хозяйства, т.-е. огородъ и разную домашность. Конечно, пашню вамъ не пахать, а все-таки маленькое хозяйство повели бы. А главное, сейчасъ вы работаете только на богатыхъ людей, которые могутъ вамъ платить, а тамъ вы служили бы серьезному дѣлу.

Это неожиданное предложеніе съ перваго раза показалось Катѣ совершенно несбыточнымъ, начиная съ того, что она не могла даже представить себя въ совершенно неизвѣстной обстановкѣ и въ такой отвѣтственной роли, какъ сельская учительница; съ другой стороны, какъ же она могла оставить семью? Все это было невозможно, хотя слова Кубова и запали глубоко. Она много и долго думала о нихъ и постепенно привыкла къ мысли сдѣлаться сельской учительницей. Вѣдь живутъ же другія, и не вѣчно же она будетъ жить при отцѣ, тѣмъ болѣе что Пѣтушокъ уже не нуждается въ ея помощи, а Сережа замѣнитъ ее отцу. Главнымъ подкупающимъ обстоятельствомъ являлась мысль о томъ, чтобы уѣхать изъ Шервожа. Что-то такое впереди мелькало, лучъ слабой надежды на какое-то будущее и избавленіе отъ настоящаго. Вѣдь черезъ годъ въ Шервожъ вернется Гриша врачомъ, — онъ долженъ отслужить здѣсь земскую стипендію. Какой мукой будетъ для нея жить съ нимъ въ одномъ городѣ, можетъ-быть, придется гдѣ-нибудь встрѣтиться. Да и для него не сладко будетъ видѣть ее... Получалось вдвойнѣ неловкое положеніе, которое разрѣшалось бы само собой, если бы она поступила учительницей въ Березовку.

Огорчало Катю то, что ей рѣшительно не съ кѣмъ было посовѣтоваться. Вотъ если бы была жива мать—совсѣмъ бы другое дѣло. Но ея не было, и Катя чувствовала съ какой-то болью свое полное одиночество. Вѣдь шагъ рѣшительный, который измѣнитъ всю жизнь. Разъ она попробовала заговорить стороной съ отцомъ на эту тему, но онъ отнесся съ страннымъ равнодушіемъ къ ней.

— Что же и учительницы хлѣбъ ѣдятъ...—говорилъ онъ.—Только вѣдь скучно въ деревнѣ, особенно молодой дѣвушкѣ.

— Какая же скука, папа?.. Тысячи учительницъ живутъ по деревнямъ...

— И все-таки скучно. То ли дѣло въ городѣ: вышелъ на бульваръ... пошелъ въ театръ... взялъ извозчика... Однимъ словомъ, городъ, а не деревня. Что хочу, то и дѣлаю, только были бы деньги. Вотъ погоди, какъ мы съ Сережей заживемъ... Онъ ужъ фракъ себѣ заказалъ. Понимаешь, ему нельзя безъ фрака... Цилиндръ, говоритъ, куплю. Вотъ какъ мы... хе-хе...

Въ Петрѣ Аѳанасьевичѣ сказался городской чиновникъ, приросшій къ своему городу, какъ улитка къ раковинѣ. Другой жизни онъ не могъ себѣ представить. Раньше Катя этого не замѣчала и была очень огорчена. Въ отцѣ она привыкла видѣть не одного чиновника.

Оставалась въ запасѣ одна Любочка, которая отнеслась къ ея плану съ такимъ увлеченіемъ, что Катя даже испугалась. Вѣдь это начиналась уже та область фантазіи, о которой говорилъ Кубовъ.

— Лучше и не придумать! — повторяла Любочка, расхаживая по комнатѣ.—Да тутъ и думать не о чемъ... Съ Богомъ!.. А когда Гриша пріѣдетъ со своей принцессой, тогда я къ тебѣ въ помощницы поступлю. Честное слово... Э, что̀ намъ городъ? Зиму въ деревнѣ, а лѣтомъ вольныя птицы... Я даже сама думала объ этомъ. Надоѣло этихъ богатыхъ оболтусовъ учить.

— Кубовъ то же самое говоритъ...

— Кубовъ, Кубовъ—и безъ него знаемъ. Только и свѣту въ окнѣ что Кубовъ. Свой умъ, слава Богу, имѣемъ. Не люблю я этихъ бабьихъ пророковъ... Самъ, небось, бѣжитъ изъ деревни.

— У него какое-то дѣло въ городѣ.

— Въ дьякона̀ поступитъ...

У Любочки явилось какое-то необъяснимое предубѣжденіе противъ Кубова. Она готова была спорить до слезъ, стоило только сказать, что такъ думаетъ Кубовъ, или такъ говоритъ Кубовъ. Вообще она относилась къ людямъ съ большимъ пристрастіемъ, особенно къ самостоятельнымъ, точно завидовала чужой энергіи. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, нерасположеніе уже рѣшительно ничѣмъ не объяснялось.

— Ты нападаешь на Кубова, — говорила Катя.—И безъ всякаго основанія...

— Мнѣ все равно, есть ли или нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ твой г. Кубовъ. Много чести, если я буду даже говорить о немъ...

— Напрасно ты такъ думаешь. Онъ хорошій человѣкъ...

— Хорошій, да для себя. Видали мы такихъ-то... Ну, да не сто̀итъ объ этомъ.

Кубовъ вернулся въ Шервожъ только послѣ сѣнокоса и заявилъ дьякону, что покончилъ всѣ дѣла въ Березовкѣ. Дьяконъ даже сѣлъ, точно его ударили палкой. Ну, не сумасшедшій ли человѣкъ, а?..

— Бо-ол-ванъ!..—проговорилъ онъ наконецъ.—Если себя не жаль, такъ хоть бы скотину пожалѣлъ... Вѣдь деньги за нее даваны.

— Я скотину продалъ...

— Ахъ, ты... Нѣтъ, мало тебя бить, акробата.

— У меня теперь другая скотинка завелась.

— Это еще что̀ за мода?.. Таракана чернаго сторговалъ по сходной цѣнѣ?

— Около того... Въ восемь лошадиныхъ силъ паровую машину купилъ. Подержана она, ну, да починимъ какъ-нибудь. Восемьсотъ рублей далъ, т.-е. половину наличными отвалилъ, а другую половину черезъ годъ.

— Вотъ за другую-то половину тебя въ острогъ и посадятъ, гдѣ неоплатные должники сидятъ. Такъ и слѣдуетъ... Эй, дьяконица!..

Дьяконица была скромное и очень невзрачное существо, все поглощенное домашнимъ обиходомъ и своимъ гнѣздомъ. Она вѣчно гдѣ-то возилась, что-то тащила, торопилась и въ опредѣленное время дарила мужу новаго ребенка. Самъ Колькешозъ почему-то любилъ въ трудныхъ случаяхъ ссылаться на нее: ужо, вотъ дьяконица моя задастъ! Такъ было и теперь. Когда она показалась въ дверяхъ, дьяконъ торжественно провозгласилъ:

— Вотъ, полюбуйся: новомодный арестантъ пріѣхалъ. Хорошъ?..

Дьяконица такъ ничего и не сказала, а только повернулась и вышла.

— Видѣлъ? — замѣтилъ дьяконъ съ торжествующимъ видомъ. — Она, братъ, шутить не любитъ... Вонъ какимъ звѣремъ посмотрѣла на тебя: разорвать готова. Да ты чему смѣешься-то, отчаянный?..

— Подожди, дядя, другое заговоришь,—увѣренно замѣтилъ Кубовъ. — А теткѣ я на новое платье куплю...

— Хо-хо... Не оставьте ужъ и меня, нижайшаго!..

Эта комичная сцена навела на Кубова невольную грусть. Вѣдь и другіе такъ же посмотрятъ на него, хотя и не выскажутся съ такой откровенностью.

XIV

Петръ Аѳанасьевичъ изнывалъ отъ потребности высказаться и подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своей радостью. Онъ долго крѣпился, пока не выбралъ своей жертвой Анну Николаевну. Время стояло лѣтнее, рабочее, дохнуть, кажется, некогда, а онъ находилъ минутку, чтобы завернуть къ старой пріятельницѣ. Входилъ Петръ Аѳанасьевичъ съ какимъ-то таинственнымъ видомъ, точно заговорщикъ, оглядывался и только послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ пустяковъ заводилъ рѣчь о настоящемъ. Придвинувъ свой стулъ къ Аннѣ Николаевнѣ, онъ наклонялся къ ней всѣмъ корпусомъ и говорилъ осторожнымъ канцелярскимъ шопотомъ:

— Сережка-то мой... Нечего сказать, изъ молодыхъ да ранній...

— Что опять случилось?—недовольнымъ тономъ спрашивала Анна Николаевна.

— А какъ же... Только получилъ фракъ отъ портного...

— Фракъ-то въ долгъ, поди, заказывалъ?

— Ну, это пустяки, потомъ заплатитъ!.. На всѣхъ судейскихъ одинъ портной шьетъ. Знаете, вывѣска у него на Тихонькой улицѣ? Кривой на лѣвый глазъ... Ну, только сшилъ онъ фракъ, надѣлъ его Сережка и сейчасъ пыхъ! къ предсѣдателю суда съ визитомъ. Понимаете? Вѣдь тотъ заслуженный генералъ... ленту имѣетъ черезъ плечо... Отъ предсѣдателя всѣмъ членамъ суда сдѣлалъ визиты... Тоже генералами будутъ. Вотъ онъ каковъ, Сережка-то... Смѣлъ, нечего сказать. Вѣдь генералъ, такъ я нарочно на другую сторону улицы перехожу, когда встрѣчусь, а онъ къ нему съ визитомъ разлетѣлся... Прямо за руку здоровается... Это съ генераломъ-то! Хе-хе... Совсѣмъ безстрашный!.. Мнѣ такъ вчужѣ жутко.

— Чего бояться-то?.. Такіе же люди, какъ и мы, грѣшные. А у судейскаго генерала двѣ дочери на возрастѣ, ну, вотъ онъ и принимаетъ молодыхъ-то. Ужо женится вашъ Сережа на генеральской дочери...

Петръ Аѳанасьевичъ даже хихикнулъ и подмигнулъ Аннѣ Николаевнѣ: дескать, это еще цвѣточки. Придвинувшись уже совсѣмъ близко, такъ что одной колѣнкой задѣвалъ толстую ногу Анны Николаевны, Петръ Аѳанасьевичъ сообщилъ уже совсѣмъ шопотомъ:

— А вѣдь я, грѣшный человѣкъ, самъ думалъ объ этомъ... ей-Богу!.. И даже весьма думалъ... Хе-хе!.. Ну, генеральскія дочери — это точно, ну, генералъ—и это есть, а Сережка-то не туда совсѣмъ смотритъ. Я ужъ подмѣтилъ... Генералъ-то однимъ своимъ жалованьемъ живетъ, а у дочерей ничего и нѣтъ. Возьми-ка такую голенькую генеральскую дочь да и майся съ ней... Нѣ-ѣтъ, Сережка обмозговалъ это дѣло. Третьяго-дня я завернулъ вечеркомъ къ себѣ за снастью, чтобы въ Курью къ дѣлу свезти, а тутъ пыхъ! коляска!.. Сережи-то, какъ на грѣхъ, дома не случилось. Понимаете, коляска прямо къ моей хибаркѣ подкатила... Вижу, въ коляскѣ Болтины сидятъ—эта самая Женя съ братомъ. Лошади какія, кучеръ — осетеръ-осетромъ. Ну, я сейчасъ къ Катѣ... Самъ-то испугался, не знаю чего. Ей-Богу... Даже ноги трясутся. А Катя мнѣ и отрѣзала: „Это не ко мнѣ, а къ Сережѣ“. Нечего дѣлать, выхожу за ворота—сюртучишко на мнѣ старый-старый, безъ шапки,

въ туфляхъ, ну, дуракъ-дуракомъ. Ну, вышелъ и говорю, что Сережи дома нѣтъ... А болтинская барышня посмотрѣла на меня и ласково такъ спрашиваетъ: „Если не ошибаюсь, вы папаша Сергѣя Петровича?“. Красивая такая, кровь съ молокомъ дѣвица... И до того она меня сконфузила, что я стою дуракомъ, смотрю на нее, а напротивъ нея въ коляскѣ-то другая барышня, еще красивѣе—Клочковская. Помните, съ нашими вмѣстѣ училась? Ну, я и отперся самъ отъ себя... ей-Богу!.. Такъ и сказалъ прямо: „Извините, сударыня, я буду дальній родственникъ Сергѣю Петровичу“... Тоже догадался, чтобы не конфузить Сережку-то... Ловко сдѣлалъ? Хе-хе... И мы тоже не лыкомъ шиты. А Катя-то у окна стояла и все слышала. Стыдно мнѣ потомъ сдѣлалось, потому какъ ничего она не понимаетъ. Сережа-то теперь у Болтиныхъ и Клочковскихъ, почитай, каждый день бываетъ. Извѣстно, богатые люди, ну, веселятся себѣ, а тутъ еще такія дѣвушки невѣсты, что всѣ глаза проглядишь... Молодому-то человѣку, конечно, и любопытно. Вотъ бы покойница Марѳа Даниловна посмотрѣла: то-то порадовалась бы.

Подобные откровенные разговоры для Анны Николаевны были настоящей пыткой, потому что она еще сильнѣе на фонѣ Сережина благополучія чувствовала свое фамильное горе. Своимъ материнскимъ аршиномъ она прикидывала судьбу Гриши и тяжко вздыхала. Вотъ такъ же и Гриша развернулся бы, если бы не женился на какой-то забвенной мѣщаночкѣ... Злѣйшій врагъ не могъ бы придумать для нея большей пытки, какъ эти разговоры о Сережѣ, а Петръ Аѳанасьевичъ, увлеченный успѣхомъ Сережи, рѣшительно ничего не хотѣлъ замѣчать и тянулъ жилы изъ старой пріятельницы. Только очень добрые люди могутъ устраивать такіе пассажи... Анна Николаевна разъ даже расплакалась.

— О чемъ вы, Анна Николаевна?

— Такъ, смѣшное вспомнила...

Петръ Аѳанасьевичъ спохватился.

— Ничего, и у васъ все устроится, Анна Николаевна... Вотъ пріѣдетъ Гриша, тогда и вы заживете.

— Гриша-то пріѣдетъ, да куда мы съ этой его-то мѣщанкой дѣнемся? Вѣдь людямъ въ глаза стыдно показать нашу-то королеву... Ни ступить, ни сѣсть, ни сказать... Охъ, такое горе, что и не выговоришь! А легко мнѣ это, столбовой-то дворянкѣ?

— Иногда и изъ мѣщанскаго званія очень умныя дѣвушки издаются, Анна Николаевна.

— Ужъ лучше не говорите, Петръ Аѳанасьевичъ... Не раздражайте!..

Появленіе Петра Аѳанасьевича вызывало въ Аннѣ Николаевнѣ тяжелое и непріятное чувство. Она даже какъ-то начала его бояться: вотъ придетъ, усядется и заведетъ канитель. Потомъ это чувство перешло въ озлобленіе. Чего онъ, Петръ Аѳанасьевичъ, жилы изъ нея тянетъ? Этакая важность, что Сережа у генерала бываетъ! А захвораетъ генералъ, Гриша будетъ его лѣчить. Ежели съ умомъ, такъ доктору-то вотъ какъ можно жить да поживать... Разъ озлобленная Анна Николаевна не вытерпѣла и замѣтила вскользь:

— Вотъ вы радуетесь, Петръ Аѳанасьевичъ, любуетесь на своего Сережу, а того и не подумаете, что ему и жить-то у васъ не придется...

— Какъ не придется?

— Да ужъ такъ... Вотъ вы отперлись отъ самого себя, когда Болтина съ Клочковской пріѣхали, а какъ-то Сережа адвокатствовать будетъ? Вѣдь ему нужно и квартиру хорошую и обстановку приличную...

— Чего же ему еще лучше? Кажется, все прилично... Ничего не жалѣлъ: обои, мебель, занавѣски—все въ порядкѣ.

— Ахъ, вы, простота-простота... Развѣ такую обстановку нужно настоящему адвокату? Кліенты-то развѣ будутъ разыскивать по всему городу вашу избушку? Кліента нужно ловить богатаго, а богатые не любятъ себя затруднять, да и хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ. Квартиру Сережѣ нужно на главной улицѣ, по крайней мѣрѣ, рублей на шестьсотъ въ годъ, да обстановка будетъ стоить на худой конецъ, ну, рублей тысячу. Да... Вѣдь Сережа-то не ходатай по дѣламъ, какъ покойничекъ Григорій Иванычъ, а форменный адвокатъ.

Эта мысль для Петра Аѳанасьевича была ударомъ грома. Какъ это раньше онъ самъ-то не догадался? Вѣдь все вѣрно говоритъ Анна Николаевна, въ самую точку.

— Ахъ, я, дуракъ, дуракъ! — проговорилъ наконецъ Петръ Аѳанасьевичъ и даже ударилъ себѣ ладонью по лбу.—Вотъ ужъ поистинѣ, вѣкъ живи, вѣкъ учись, а дуракомъ умрешь. Какъ это я самъ-то раньше не могъ догадаться, Анна Николаевна?.. Вотъ покойница Марѳа Даниловна, такъ та сразу бы проникла все. А Сережа-то какой скромный: молчитъ, точно такъ и нужно. Вѣдь видитъ, какъ другіе адвокаты живутъ, а мнѣ ни гугу... Не хочетъ старика тревожить.

Подсказанная Анной Николаевной мысль засѣла въ голову Петра Аѳанасьевича клинъ клиномъ. Онъ вставалъ и ложился съ ней. Потихоньку отъ всѣхъ, онъ ежедневно осматривалъ какую-нибудь квартиру, прицѣнивался, разсчитывалъ и приходилъ въ ужасъ отъ предстоявшаго подвига. Съѣстъ все одна квартира... Дома въ Шервожѣ были ему извѣстны наперечетъ, а скоро онъ изучилъ досконально всѣ свободныя квартиры. Нужно было дѣло сдѣлать скоро, потому что къ осени и совсѣмъ не останется квартиръ. Именно въ разгаръ этихъ хлопотъ Катя разговаривала съ отцомъ о своемъ желаніи взять мѣсто сельской учительницы. Она долго не рѣшалась на это объясненіе изъ страха огорчить отца и была поражена, когда отецъ отнесся къ ея рѣшенію почти безучастно.

— Въ сельскія учительницы хочешь итти?—повторилъ Петръ Аѳанасьевичъ, точно стараясь что-то припомнить.—Да... да... Что̀ же, дѣло хорошее. Отлично... Я къ тебѣ зимой въ гости пріѣду. Да... Вотъ только Сережу устроить... гм... да...

— Мнѣ, папа, тяжело оставлять тебя съ Пѣтушкомъ...—замѣтила Катя, опуская глаза.—Какъ вы тутъ безъ меня будете жить?..

— Мы-то?.. Э, о насъ, пожалуйста, не безпокойся... Все будетъ отлично. Да... Вотъ только...

— Что̀?

— Ну, все пустяки. Однимъ словомъ, отлично... Мы съ дѣдомъ пріѣдемъ.

— Папа, а я хочу пригласить дѣдушку жить вмѣстѣ со мной. Ему будетъ хорошо въ деревнѣ... И мнѣ веселѣе.

— Отлично...—обрадовался Петръ Аѳанасьевичъ.—Старикъ форменный. Онъ въ деревнѣ-то вотъ еще какимъ орломъ себя покажетъ. Одной дѣвушкѣ, точно, оно какъ будто и неудобно. Да...

Катя изъ этого объясненія поняла одно, именно, что она отрѣзанный ломоть въ домѣ, и что отецъ всецѣло поглощенъ Сережей. Ей сдѣлалось ужасно грустно и тяжело,—тяжело до слезъ. Не такъ она думала разстаться съ роднымъ гнѣздомъ... Однѣ могилы не обманутъ... И Катя отправилась въ общину

выплакать свое одиночество на этихъ дорогихъ могилахъ. Можетъ-быть, не то было бы, если бы живы были Григорій Иванычъ и Марѳа Даниловна. Конечно, не то... Сестра Агапита одобрила рѣшеніе Кати и благословила ее образкомъ.

— Лучше этого нельзя и придумать,—говорила она.—Это и есть жизнь... хорошая жизнь. Будешь трудиться, какъ пчела въ ульѣ... И сердце отойдетъ. Я буду молиться за тебя...

Сестра Агапита отнеслась къ рѣшенію Кати съ искреннимъ и горячимъ сочувствіемъ. Дѣвушка теперь смотрѣла на нее, какъ на свою вторую мать, и чувствовала то тепло, котораго недоставало ей дома. Когда Катя жаловалась на отца и на брата, сестра Агапита только качала головой, но не осуждала ни того ни другого.

— Всякій по-своему живетъ, Катя... У нихъ—свое, у тебя—свое. Нехорошо роптать на судьбу...

Уговорившись окончательно съ Кубовымъ, Катя подала прошеніе въ земскую управу. Черезъ нѣсколько дней получился утвердительный отвѣтъ. Другимъ человѣкомъ, выказавшимъ Катѣ горячее сочувствіе, оказался дьяконъ Келькешовъ. Онъ даже прибѣжалъ къ Клепиковымъ.

— Молодецъ, Катерина Петровна, братецъ ты мой... А Володька болванъ! Вотъ пусть смотритъ на васъ и казнится. Подѣломъ вору и мука... Вѣдь былъ сытъ, одѣтъ — нѣтъ, не хочу. Разыгралось комариное-то сало... тьфу! Видѣть даже его не могу... Противно. Такой болванище... Благопотребно, Катерина Петровна. Весьма одобряю...

Катя принялась готовиться къ отъѣзду. Это ее заняло недѣли на двѣ. Нужно было многое предусмотрѣть, обдумать и устроить. Напримѣръ, сестра Агапита подарила ей домашнюю аптечку, составленную ею самой.

— Для чего это?—удивлялась Катя.—Вѣдь я здорова.

— Другіе могутъ заболѣть. Вѣдь тамъ доктора нѣтъ. Прибѣжитъ какая-нибудь деревенская баба, будетъ плакать, а ты и помочь не умѣешь. Нужно все знать... Лѣтомъ по деревнямъ дѣти мрутъ, какъ мухи, а иногда стòитъ дать только касторки да краснаго вина. И большіе тоже пойдутъ за помощью... Да вотъ сама увидишь, какъ сдѣлаешься знахаркой. Къ учителю, пожалуй, бабы и не пойдутъ за лѣкарствомъ, а тебя осадятъ. Учителька, значитъ, должна все знать... И онѣ правы по-своему. Живя въ городѣ, ты этого не видѣла и могла не понимать, а тамъ нельзя.

Сестра Агапита прочла цѣлую лекцію о своихъ лѣкарствахъ и первой помощи, которую можно подать безъ врача. Катя многое записала и была благодарна сестрѣ Агапитѣ. Предъ ней раскрывался совершенно новый, невѣдомый міръ, и она какъ-то впередъ чувствовала себя уже легче, потому что вѣдь она тамъ будетъ *нужна*. Въ ней проснулось смутное сознаніе какой-то обязанности. Нѣтъ, есть еще и жизнь, и свѣтъ, и еще что-то такое хорошее, чтò она не умѣла даже назвать, но чтò уже чувствовала. Именно теперь, точно подхваченная этимъ новымъ чувствомъ, она совершенно иначе отнеслась къ отцу и къ Сережѣ. Вѣдь они по натурѣ не злые люди и совсѣмъ не виноваты, что не могутъ чувствовать того, чтò она чувствовала.

— Здѣсь и твое образованіе не имѣетъ особеннаго значенія,—объясняла сестра Агапита.—Мало ли въ городѣ кончившихъ курсъ гимназистокъ... Перебиваютъ другъ у друга уроки, ищутъ переписки, вообще перебиваются. А въ деревнѣ твое гимназическое образованіе уже цѣлый капиталъ, и громадный капиталъ... Ты сама удивишься собственному богатству.

— Сестра, родная, да вѣдь это... это счастье!..—почти вскрикнула Катя, обнимая святую женщину.

— Ну, до счастья еще далеко... А впрочемъ, тамъ будетъ и своя мѣрка для счастья и несчастья. Не будемъ загадывать впередъ...

Лѣто для Кати промелькнуло въ этихъ приготовленіяхъ какъ-то незамѣтно. Да развѣ нынче было лѣто?

Въ августѣ мѣсяцѣ она отправилась въ свою Березовку вмѣстѣ съ дѣдушкой Яковомъ Семенычемъ, который сильно недомогалъ и выѣхалъ изъ Курьи раньше окончанія сезона. Какая теперь въ немъ польза, когда еле ноги передвигаетъ?

— На подножномъ корму отдышишься, дѣдка, — говорилъ Петръ Аѳанасьевичъ, провожавшій путешественниковъ за городскую заставу. — Ну, съ Богомъ... Ужо, по первопутку, провѣдать пріѣду.

При прощаньи съ отцомъ у Кати явилось грустное настроеніе. Ей вдругъ сдѣлалось его жаль, жаль до слезъ, и въ то же время она не могла высказать ему тѣснившихся въ ея груди чувствъ. Какъ-то неловко нѣжничать... Да и Петръ Аѳанасьевичъ точно былъ радъ, что сбываетъ ее съ рукъ. Это и было такъ, потому что нужно было устраивать Сережу. Любочка простилась раньше. Она пришла къ Клепиковымъ вмѣстѣ съ Кубовымъ, и прощанье вышло довольно холодное, потому что Любочка все время ссорилась со своимъ кавалеромъ.

Когда городъ остался позади, Катя оглянулась и облегченно вздохнула, точно послѣ грозы—впереди было свѣтлое ясное небо, а туча пронеслась.

XV.

Кубовъ ужасно хлопоталъ. Онъ цѣлые дни проводилъ на берегу Лачи, тамъ, гдѣ кончались пароходныя пристани. Тамъ, около вымостокъ, причалена была старая полубаржа, приводившаяся въ новый видъ. Палуба была превращена въ широкій помостъ, на которомъ устанавливалась пріобрѣтенная по случаю паровая машина съ какими-то мудреными приводами. Отъ нихъ прямо въ рѣку шелъ отлогій деревянный спускъ. Снаружи вся эта городьба вызывала только недоумѣніе проѣзжавшихъ по берегу и по рѣкѣ. Никто не могъ догадаться, въ чемъ дѣло.

— Землечерпательная машина,—говорили спеціалисты, видавшіе работы на волжскихъ перекатахъ.

— Нѣтъ, это что-то такое вообще...—замѣчали скептики.—А впрочемъ, чортъ его знаетъ что̀.

Особенно интересовались мѣщане, перебивавшіеся разной работишкой на берегу. Они по цѣлымъ днямъ высиживали на берегу и обсуждали мудреную посудину на всѣ лады.

— Паромъ налаживаютъ. Вонъ и взвозъ...

— Не паромъ, а паровую лебедку. Причалилъ къ большой баржѣ и начнетъ выкидывать оттуда кули... Хлѣбъ только у крючниковъ отобьетъ.

— Не похоже что-то... Коноводку старинную такъ же вымащивали, только тамъ паровой машины не было.

— А можетъ, баня, братцы. Какъ напуститъ въ баржу пару—всего обваритъ. Будетъ ѣздить около бережка да собирать народъ... Сама къ тебѣ баня пріѣдетъ.

Часть этихъ замѣчаній, серьезныхъ и шутливыхъ, доходила до Кубова, но онъ ни на что не обращалъ вниманія, поглощенный своей затѣей. За лѣто онъ загорѣлъ и сильно похудѣлъ. Трудно приходилось... Главное, не хватало денегъ, и приходилось занимать тамъ и сямъ разными правдами и неправдами. Мудрено занимать деньги вообще, а тутъ въ особенности. Дѣло совер-

шенно новое, и денежные люди смотрѣли на Кубова, какъ на тронувшагося человѣка. Большіе скептики эти денежные люди, особенно, когда дѣло хоть чуть-чуть касается ихъ мошны. Кубовъ объяснялъ свое предпріятіе во всѣхъ подробностяхъ, приводилъ цифры, разъяснялъ планъ—и это не помогало. Особенно трудно ему достались послѣдніе триста рублей. Съ другой стороны, шли большія непріятности съ избалованными городскими рабочими. Судовые рабочіе пользовались бойкимъ навигаціоннымъ временемъ, запрашивали дикія цѣны и работали „черезъ пень колоду". Городскіе слесаря были не лучше. Прогульные дни особенно возмущали Кубова, потому что каждый часъ былъ дорогъ. Онъ разсчитывалъ закончить все въ началѣ іюля, а кончилъ въ августѣ. Однимъ словомъ, непріятностей было достаточно.

Наконецъ все сооруженіе было закончено. Любопытная публика, слѣдившая за работой, увидѣла, что̀ все это значитъ—это была самая обыкновенная лѣсопилка, съ той разницей, что она могла подплывать къ плотамъ съ бревнами, сама вытаскивала бревна изъ воды, распиливала въ доски, и рабочимъ оставалось только эти доски складывать въ штабели. На пробѣ лѣсопилка дѣйствовала отлично, хотя и вызывала большое сомнѣніе въ рабочихъ, какъ всякое новое, непривычное дѣло.

— Что̀, хорошо?—спрашивалъ Кубовъ, любуясь своей затѣей.

— Хорошо-то оно хорошо, Владиміръ Гаврилычъ, только того...

— Чего?

— Сумлительно... Прежде плоты съ бревнами къ лѣсопильнямъ плавали, а теперь лѣсопильня къ плотамъ поплыветъ. Оно даже обидно, другимъ-то лѣсопиламъ обидно...

— Ну, въ этомъ я уже не виноватъ.

— Оно конечно, а все-таки того...

Окончивъ работу, Кубовъ пригласилъ своихъ друзей отпраздновать открытіе работы. Изъ званыхъ явились Огневъ, дьяконъ Келькешозъ и Петръ Аѳанасьевичъ. Сережа обѣщалъ, но не пріѣхалъ къ назначенному часу.

— Ему нельзя... — таинственно объяснилъ Петръ Аѳанасьевичъ, улыбаясь.—Дѣлишко одно у него есть. Да.

— Очень жаль... Ну, все равно, потомъ увидитъ.

Дьяконъ Келькешозъ и Огневъ держали себя съ большой солидностью, какъ и слѣдуетъ званымъ почетнымъ гостямъ. У дьякона проявлялись очевидные признаки неисправимаго скептицизма. Когда онъ еще подъѣзжалъ на извозчикѣ съ Огневымъ къ лѣсопилкѣ, то не могъ удержаться отъ смѣха. Очень ужъ забавная городьба... Входя на лѣсопилку, онъ зажималъ ротъ рукой, чтобы не расхохотаться. Дьяконскій скептицизмъ дошелъ до того, что онъ съ какимъ-то недовѣріемъ относился съ каждой доскѣ и къ каждому винту. Одну деревянную стойку онъ чуть не выворотилъ.

— И это называется работа...—замѣтилъ онъ, ухмыляясь.—Курамъ на смѣхъ. А сколько затратилъ денегъ-то, Володька?

— Всѣ, какія были свои, да чужихъ прихватилъ...

— Ну, всего-то сколько?

— Побольше трехъ тысячъ, дядя.

Дьяконъ только посмотрѣлъ на Огнева и развелъ руками: легко это выговорить—три тысячи! Домъ бы себѣ купилъ въ городѣ или мелочную лавочку открылъ. Огневъ осматривалъ постройку съ такимъ видомъ, какъ булочникъ, попавшій куда-нибудь на патронный заводъ. Его все интересовало, и въ то же время онъ рѣшительно ничего не понималъ.

— И все это нужно?—спросилъ онъ Кубова въ заключеніе.

— Да... Ничего лишняго. А вотъ сами видите.

— Вотъ ежели бы живъ былъ Григорій Иванычъ, такъ тотъ бы ужъ разобралъ,—говорилъ Петръ Аѳанасьевичъ дьякону.—Онъ все зналъ...

Когда осмотръ кончился, Кубовъ велѣлъ зацѣпить для пробной рѣзки бревно. Застучали шестерни, завертѣлись колеса, и зацѣпленное бревно покорно поползло изъ воды на помостъ, а отсюда въ станокъ, гдѣ работали пилы. Что-то точно взвизгнуло, когда конецъ бревна попалъ въ станокъ и стальныя пилы врѣзались въ дерево. Баржа вздрагивала отъ работы паровой машины, и казалось, что вздрагиваетъ распиливаемое бревно. Именно такое чувство эта проба подняла въ душѣ эстетика Огнева.

— Отлично!—первымъ похвалилъ Петръ Аѳанасьевичъ, какъ самый практичный изъ гостей.—Не вредно задумано...

Дьяконъ все время молчалъ, наблюдая, какъ станокъ съ пилами точно проглатывалъ бревно; съ другой стороны изъ него вѣеромъ выходили совсѣмъ готовыя доски.

— Ну что̀, дядя, какова работа?—спрашивалъ Кубовъ.

Вмѣсто отвѣта, дьяконъ обнялъ „новомоднаго франта“, облобызалъ и крикнулъ „ура“. Стоявшая на берегу кучка любопытныхъ, слѣдившихъ съ напряженнымъ вниманіемъ за пробой, подхватила этотъ крикъ. Общее одобреніе заставило Кубова даже покраснѣть.

— Какъ это тебѣ въ башку-то пришло?—удивлялся Келькешозъ.—Умственная штука...

— Нужно удивляться, что никто раньше меня не додумался до такой простой штуки,—скромно объяснялъ Кубовъ.—Моего тутъ ничего нѣтъ... И баржи всѣмъ извѣстны и лѣсопилки, только стоило поставить лѣсопилку на баржу.

— Ну, а какъ же ты зимой?

— Въ затонъ поставлю куда-нибудь, а бревна будутъ подвозить обыкновеннымъ способомъ, какъ это дѣлается у другихъ лѣсопилокъ. У меня зато въ выигрышѣ цѣлое лѣто, когда идетъ главная работа. Весь расчетъ во времени...

— А сколько въ годъ думаете заработать?—полюбопытствовалъ Огневъ.

— Тысячи полторы на первый разъ, а тамъ и больше, когда дѣло разовьется. Нужно воспользоваться первыми пятью-шестью годами, а тамъ явятся конкуренты. Это ужъ всегда такъ бываетъ... Сначала смѣются, а потомъ сами за то же примутся.

Пошабашивъ работу и выдавъ рабочимъ могарычъ, Кубовъ отправился вмѣстѣ съ другими въ городъ, чтобъ вспрыснуть новинку. Рѣшено было отпраздновать по-домашнему, въ квартирѣ дьякона. Въ первоначальномъ проектѣ предполагалось учинить празднество въ ресторанѣ, но Келькешозу это было неудобно: не дозволялъ дьяконскій санъ. Уже темнѣло, когда компанія подходила къ городу. Все равно торопиться было некуда.

— Сіе благопотребно!..—повторялъ Келькешозъ.

— Вотъ что̀, господа, не возьмемъ ли мы нѣкотораго извозца?—предлагалъ Огневъ, уставшій раньше другихъ.

— Вотъ что̀, вы поѣзжайте съ Кубовымъ впередъ,—заявилъ Петръ Аѳанасьевичъ, дѣлая таинственный знакъ Келькешозу.—А мы съ дьякономъ догонимъ ужъ потомъ. Дѣльце маленькое есть...

Компанія раздѣлилась. Огневъ и Кубовъ поѣхали прямо къ дьяконской квартирѣ, а Петръ Аѳанасьевичъ свернулъ съ дьякономъ на главную улицу.

— Коньячку купить для всирыска?—догадывался дьяконъ.

— Около того...

Около мужской гимназіи Петръ Аѳанасьевичъ остановилъ извозчика и велѣлъ ему дожидаться, а самъ повелъ дьякона въ одну изъ боковыхъ улицъ. Дѣло совсѣмъ не коньякомъ пахнетъ, какъ догадывался недоумѣвавшій дьяконъ. Было уже совсѣмъ темно. Огни свѣтились только въ двухъ-трехъ домахъ.

— Да ты куда ведешь-то?—спросилъ дьяконъ.

— Тише...—остановилъ его Петръ Аѳанасьевичъ.—Вѣдь вотъ какъ гаркнулъ, точно часовой.

Петръ Аѳанасьевичъ замедлилъ шаги, прислушался и молча указалъ на домъ напротивъ, у котораго второй этажъ былъ ярко освѣщенъ.

— Ну что̀?—удивлялся дьяконъ.—Именины кто-нибудь справляетъ...

— А вотъ и нѣтъ: это мой Сережа свое новоселье празднуетъ. Вчера онъ отъ меня совсѣмъ переѣхалъ...

— Вотъ такъ фунтъ!.. А ты-то какъ же, т.-е. почему ты не на новосельѣ? Вѣдь не чужой человѣкъ, слава Богу...

— Я-то... гм... Вотъ то-то и оно-то, дьяконъ, что мнѣ тамъ не рука. Только буду конфузить напрасно Сережу: ни сѣсть, ни встать, ни сказать. Я ужъ какъ-нибудь въ другое время лучше заверну... Самъ и квартиру я подыскалъ и все устраивалъ тоже самъ, а Сережа на готовое переѣхалъ. У него тамъ свои судейскіе веселятся, куда же я съ ними компанію водить...

— Ну, это ты ужъ напрасно!—возревновалъ возмущенный дьяконъ.—Ты отецъ—и все тутъ. Кто же родного отца стыдится?.. Эхъ, ты, голова!

— Ахъ, какой ты, дьяконъ... Ничего ты не понимаешь...

Петръ Аѳанасьевичъ былъ совершенно счастливъ и съ восторгомъ прислушивался къ веселому говору, доносившемуся въ раскрытыя окна новой квартиры Сережи. Что̀ же, пусть веселятся... Это была послѣдняя жертва отцовскаго самоотверженія.

Въ заключеніе Петръ Аѳанасьевичъ провелъ дьякона по тротуару, подъ самыми окнами Сережиной квартиры, и торжественно указалъ на мѣдную, ярко вычищенную доску, прибитую на дверяхъ подъѣзда. На ней было выгравировано: *„Помощникъ присяжнаго повѣреннаго Сергѣй Петровичъ Клепиковъ“*.

— Каково?—шопотомъ спрашивалъ Петръ Аѳанасьевичъ.—Тутъ почище лѣсопилки-то дѣло выйдетъ...

Дьяконъ только махнулъ въ пространство своимъ широкимъ рукавомъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Медленно и тяжело занимается зимнее утро, точно какое просонье, когда глаза хотятъ и не могутъ проснуться. Кругомъ все бѣло, и свѣтъ бѣлый,—солнца еще не видно, а только чувствуется его присутствіе по бликамъ и свѣжѣющимъ зимнимъ краскамъ. Но вотъ и оно, зимнее солнце безъ лучей, подернутое туманной дымкой, все въ радужныхъ переливахъ...

— Дивны дѣла Твои, Господи!—шепчетъ дѣдушка Яковъ Семенычъ, наблюдая первый солнечный лучъ, заглянувшій въ подернутое инеемъ окно.—

Вся премудростію сотворилъ еси... Ну, публика, пора и за работу. Скоро и учителька выйдетъ...

„Публика“ состояла изъ шести бѣлоголовыхъ ребятишекъ. Они были изъ сосѣдней деревни и оставались въ школѣ ночевать,—всю ночь бушевала мятель, и всѣ дороги были переметены. Въ такую погоду дѣтвора оставалась на ночь въ школѣ.

— Дѣдъ, а дѣдъ, ужо картошка-то пригоритъ, — тихонько замѣтилъ самый меньшій изъ публики, Пронька,—его съ ранняго утра томилъ настоящій деревенскій аппетитъ.

— Не пригоритъ, малецъ....

Печка только-что была истоплена, и на горячихъ угляхъ стояла большая желѣзная сковорода съ жарившимся картофелемъ. Старикъ умѣлъ готовить это незамысловатое кушанье съ особеннымъ вкусомъ: одно — картошка вареная „въ мундирѣ“, а другое — жареная. Городскія кухарки жарятъ вареную картошку, а это совсѣмъ не манеръ. То ли дѣло взять ее да нарѣзать ломтиками сырую; разложить на сковородѣ, посолить круто, по-солдатски, и поджарить на вольномъ огонькѣ — совсѣмъ особый вкусъ. Хорошо тоже и ржаной хлѣбъ поджарить, да вотъ зубы у дѣда немного сконфузились—мало ихъ осталось, да и тѣ—какъ старые пни въ лѣсу.

— Ну, публика, поснѣдаемъ, что̀ Богъ послалъ...

Первое удовольствіе для старика прикармливать эту деревенскую дѣтвору. Любо смотрѣть, какъ работаютъ эти острые молодые зубы, какъ отдуваются пухлыя дѣтскія щеки, какъ блестятъ глаза—копится молодая мужицкая сила. Все это будутъ работники, кормильцы и поильцы. Вотъ хоть Проньку взять—вдовій сынъ, въ сиротствѣ растетъ, а по деревенской поговоркѣ „растетъ сирота — міру работникъ“. Этотъ Пронька особенно близокъ старому сердцу дѣда, и старикъ часто оставляетъ его въ школѣ. Что̀ ему дѣлать дома-то, гдѣ и хлѣбъ не всегда есть, а тутъ и въ теплѣ малецъ и сытъ. Да и самому веселѣе въ длинные зимніе вечера. Сидитъ старикъ на любимомъ своемъ мѣстѣ у печки, плететъ сѣть по заказу Петра Аѳанасьевича, а самъ что-нибудь разсказываетъ, снова переживая все, что̀ было и быльемъ поросло. Пронька слушаетъ съ раскрытымъ ртомъ и часто засыпаетъ, припавъ къ дѣду своей бѣлой головенкой.

— Дѣдъ, ужо скажи про войну... — проситъ онъ въ просоньѣ.

— Что̀ же, можно и про войну, Пронька... Я въ Свеаборгѣ былъ, когда при блаженной памяти государѣ Николаѣ Павлычѣ англичаны на корабляхъ приходили. Какъ же, было дѣло... Да ты ужъ спишь, пострѣлъ?

Всѣ ребятишки любили больше всего слушать, какъ дѣдъ воевалъ съ англичанкой—хлѣбомъ не корми, а только разскажи.

Школа въ Березовкѣ была выстроена всего годъ назадъ. Новыя сосновыя бревна еще пахли смолой, сочившейся тамъ и сямъ золотой слезой. Село было богатое, и школа поставлена образцово. Длинное деревянное зданіе въ одинъ этажъ дѣлилось сѣнями на двѣ неравныхъ половины — большую, въ пять оконъ по улицѣ, занимала собственно школа, при которой дѣдушка Яковъ Семенычъ занималъ должность сторожа, и маленькую, всего въ два окна, гдѣ была устроена квартира для учителя. Собственно школьное помѣщеніе отличалось массой воздуха и свѣта, хотя для шестидесяти школьниковъ было и недостаточно, т.-е. по тѣмъ требованіямъ, какія предъявляетъ школьная гигіена, приходилось отказывать новымъ ученикамъ, именно покоряясь этимъ требованіямъ. Старикъ каждый разъ ужасно сердился.

— Ужъ эта мнѣ гегеенна!—ворчалъ онъ.—Тоже придумаютъ... Какъ не быть мѣсту? Да еще столько же уйдетъ... Нѣтъ, какіе-то кубическіе футы не

выходятъ. А какъ дома-то живутъ ребятишки? Безъ всякихъ футовъ... Все нѣмцы придумываютъ.

По переѣздѣ изъ города въ Березовку дѣдушка прямо заявилъ непремѣнное желаніе занять должность школьнаго сторожа. Это нѣсколько смутило Катю.

— Неудобно будетъ, дѣдушка... — отговаривала она. — Живите такъ... Пенсія у васъ есть, а много ли въ деревнѣ нужно!

— Пенсіи-то мы мѣсто найдемъ, внучка. Тебя смущаетъ самое слово: сторожъ. Что̀ же тутъ худого? Хлѣбъ буду зарабатывать, только и всего. Если не нравится слово, ну, зови меня главнокомандующимъ. Экая работа — подмести полъ, истопить печь, принести воды. Слава Богу, еще можемъ послужить... Солдатскую лямку вытянулъ, въ писаряхъ военныхъ отслужилъ двадцать лѣтъ—ничего, внучка,—вотъ какъ еще послужимъ. А то что̀ безъ дѣла болтаться... Засидѣлся я въ городѣ, надо поразмять старыя кости. Ты вотъ по-городски думаешь: нехорошо, дескать, дѣду сторожемъ служить. А что̀ же тутъ нехорошаго? Воровать нехорошо, а работать нужно...

Такъ дѣло и устроилось. Потомъ Катя должна была согласиться, что старикъ былъ правъ. Теперь она особенно его любила и цѣнила. Такой хорошій старикъ... Съ школой онъ управлялся по-военному и даже замѣнялъ иногда учительку, когда ей случалось прихворнуть: задастъ ребятамъ „уроки“ и командуетъ. Впрочемъ, у старика была своя педагогическая система: главное, чтобы школяры сидѣли смирно. Онъ былъ противъ новой легкой грамоты и новыхъ пріемовъ, потому что отсутствовалъ тотъ страхъ, на которомъ основана была вся старая школа.

— Никакого страха не нужно, дѣдушка,—сказала Катя.—Дѣти должны любить школу, а не бояться.

— Любить-то любить, да и опасаться надо, чтобы, грѣшнымъ дѣломъ, не влетѣло за лѣность и разныя подобныя качества. И родителей любятъ — любятъ и боятся... А между прочимъ, я такъ, потому какъ самъ-то ученъ на мѣдныя деньги, изъ пятаго въ десятое. Много ужъ очень нынче безстрашныхъ людей развелось...

Когда школа безъ страха пошла у него на глазахъ, старикъ всѣ успѣхи приписалъ не системѣ, а внучкѣ Катѣ. Еще бы у такой учительки да плохо стали учиться... Всѣ науки произошла, и теперь отъ книги не оторвешь,—какого же чорта, съ позволенія сказать, нужно? Старикъ много помогъ Катѣ въ первое, самое трудное время, когда она входила въ деревенскую жизнь. Онъ лучше ея зналъ людей вообще, а деревенскихъ людей въ особенности. Были и тутъ свои дипломаты, политики и просто хитрецы, которые могли доставить много непріятностей. Были и свои партіи... Однимъ словомъ, все, какъ и слѣдуетъ тому быть. Главными дѣйствующими лицами являлись батюшка о. Николай, волостной писарь Флегонтъ, старшина Пименъ Савельичъ да еще пять-шесть богатыхъ мужиковъ. Былъ еще псаломщикъ, вдовая попадья-просвирня, кабатчикъ Спирька; послѣднимъ замыкался тѣсный кругъ высшаго березовскаго общества. Новая учительница должна была, волей-неволей, знать всѣхъ, хотя бы, повидимому, какое ей дѣло до того же кабатчика! Но въ деревнѣ жизнь тѣснѣе, и невозможно себя изолировать.

Такъ постепенно складывалась жизнь день за днемъ, недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, пока не прошло цѣлыхъ три года. Просыпаясь утромъ, Катя иногда удивлялась вслухъ именно этой быстротѣ — неужели три года?.. Прошлая жизнь въ Шервожѣ ей казалась чѣмъ-то такимъ далекимъ, точно это была не она, а кто-то совсѣмъ другой.

Итакъ, занималось утро. Малецъ Пронька утолилъ свой деревенскій голодъ. Дѣдушка прибралъ остатки завтрака, подмахнулъ полъ вѣникомъ и посмотрѣлъ на дешевенькіе стѣнные часы. Скоро ужъ набѣгутъ ребятишки... Трудовой школьный день начинался.

— Катерина Петровна чай пьетъ, надо полагать,—замѣтилъ онъ.

Съ часомъ они чередовались: сначала пила Катя, а когда она открывала занятія въ школѣ—шелъ пить дѣдушка. Въ это время онъ по пути кое-что прибиралъ у нея въ комнатѣ, топилъ печь и вообще заводилъ порядокъ. Прислуги Катя не держала и готовила себѣ обѣдъ сама. Старикъ помогалъ ей въ этомъ маленькомъ хозяйствѣ. Такъ было и теперь. Катя выпила ровно въ восемь часовъ.

— Дѣдушка, иди чай пить.

— Хорошо, хорошо... У насъ сегодня бараньи котлеты?..

— Мнѣ все равно...

— Щи-то вчерашнія, ну, а котлеты я живой рукой оберну.

Школа гудѣла, какъ улей. Ребята собирались группами, внося съ собой тотъ молодой гамъ, безъ котораго нѣтъ жизни. Сначала Катю оглушала эта оригинальная музыка, а теперь она ея не замѣчала, какъ не слышитъ мельникъ шума мельничнаго колеса—здѣсь тоже начинало вертѣться свое колесо. Когда начинались каникулы, Катя нѣкоторое время чувствовала, что ей чего-то недостаетъ,—недоставало именно этого трудового шума.

Пришла ея помощница, молодая дѣвушка, сестра священника. Она кончила курсъ въ епархіальномъ женскомъ училищѣ всего годъ назадъ. Звали ее Сусанной Антоновной. Школа дѣлилась на два отдѣленія, и занятія чередовались. Раньше Кубовъ занимался одинъ, и первые два года Катя тоже, но число учениковъ прибывало, и нельзя было обойтись безъ помощницы.

— Вы займитесь съ женскимъ отдѣленіемъ, Сусанна Антоновна, а я провѣрю младшее отдѣленіе.

Кто не знаетъ, какъ идутъ занятія въ школахъ. Въ деревенской школѣ свѣжѣе вниманіе, дѣтскія лица здоровѣе—въ общемъ получается впечатлѣніе чего-то такого полнаго и хорошаго, что̀ можетъ вырасти только подъ открытымъ небомъ, на свѣжемъ воздухѣ, на просторѣ родныхъ полей, среди здоровой трудовой обстановки. Катя часто сравнивала свое маленькое стадо съ тѣми городскими дѣтьми, съ которыми ей приходилось заниматься раньше, и это сравненіе было не въ пользу этихъ послѣднихъ. Да, она полюбила вотъ эту деревенскую дѣтвору, какъ можно полюбить молодую крѣпкую поросль, изъ которой потомъ вырастетъ настоящій лѣсъ.

Первый школьный гамъ быстро смѣнился сдержаннымъ гуломъ, точно жужжала какая-то громадная муха. Старшее отдѣленіе вело занятія тихо, но младшее затрачивало слишкомъ много энергіи, которая и выражалась въ цѣлой струѣ звуковъ. Какъ хороши были эти дѣтскія лица, съ ихъ сосредоточеннымъ выраженіемъ, съ серьезными глазами—дѣти отдавались работѣ всецѣло. Малецъ Пронька сидѣлъ на первой партѣ и съ большимъ усиліемъ преодолѣвалъ четырехсложное слово. Онъ скоро начнетъ читать, и теперь переступалась послѣдняя ступенька. Катя провѣряла его успѣхи и только хотѣла выразить свое одобреніе, какъ Пронька бросилъ мудреное слово, посмотрѣлъ на учительку большими голубыми глазами и тревожно проговорилъ:

— А вѣдь это земскіе...

— Какіе земскіе?

— Ну, кони земскіе...

— Гдѣ они?

— А колокольчикъ...

Чуткое дѣтское ухо поймало далекій звукъ. Все отдѣленіе встрепенулось. Появленіе въ Березовкѣ „земскихъ“ всегда вызывало сенсацію, и это сердило Катю.

— Пусть земскіе ѣдутъ, а ты читай...

— Да нѣтъ, кому ѣхать-то, Катерина Петровна? — серьезно отвѣтилъ Пронька, сдвигая брови.—Акцизный былъ у Спирьки на той недѣлѣ... урядникъ въ Болтевой... Разѣ къ попу кто.

— Насъ это не касается... Дѣти, сидите смирно...

— Можетъ, купецъ какой... — озабоченно отвѣтилъ дѣтскій голосъ съ задней парты.

Нѣтъ, это было невозможно. Мальчуганы знали рѣшительно все, какъ большіе люди. Вѣдь они принимали такое дѣятельное участіе во всѣхъ заботахъ большихъ людей. А „земскіе“ были все ближе, даже Катя могла разслышать замиравшую трель колокольчика.

— Въ гору къ церкви поднимаются,—замѣтилъ Пронька.

— Къ школѣ заворачиваютъ!—крикнулъ тоненькій дѣтскій голосъ.

Дѣйствительно, на улицѣ послышался скрипъ полозьевъ, громко и весело звякнули дорожные колокольчики подъ самыми окнами, слышно было, какъ остановился экипажъ у крыльца. Школа притихла.

— Инспекторъ...—пронесся шопотъ.

Катѣ трудно было не выдать своего волненія. Она поджидала инспектора съ большимъ нетерпѣніемъ, потому что старый инспекторъ недавно умеръ, и теперь долженъ былъ пріѣхать новый. Кого назначили—она не знала. Вотъ тяжелые шаги на ступенькахъ крыльца, вотъ открывается дверь, и въ облакѣ ворвавшагося холоднаго воздуха показывается высокая мужская фигура, закутанная въ городскую енотовую шубу. Катя остается на своемъ мѣстѣ, потомъ дѣлаетъ нерѣшительный шагъ по направленію къ гостю и останавливается.

— Имѣю честь рекомендоваться: новый инспекторъ народныхъ школъ,— весело говоритъ знакомый голосъ изъ енотовой шубы.—Не узнаёте, m-lle Клепикова?

— Павелъ Васильичъ... неужели это вы?..

Это былъ Огневъ. Онъ оставилъ гимназію и получилъ мѣсто инспектора народныхъ школъ. Катя обрадовалась ему, какъ родному человѣку, и бросилась помогать раздѣваться. Послѣднее было не особенно легко сдѣлать, потому что инспекторскія руки скрючились отъ холода, инспекторская борода примерзла къ воротнику шубы, а самъ инспекторъ походилъ на связаннаго— съ непривычки городского человѣка связалъ деревенскій холодъ.

II.

Огневъ произвелъ сейчасъ же полную ревизію школы. Катя предлагала ему чаю, чтобы согрѣться послѣ дороги.

— Успѣемъ и чаю напиться, Катерина Петровна, а дѣло прежде всего. Да... Я самъ увлекаюсь своимъ новымъ дѣломъ. Раньше приходилось заниматься только съ городскими дѣтьми, а теперь получается совсѣмъ другая картина. Березовская школа въ моей практикѣ всего третья...

Катя могла только любоваться умѣніемъ Огнева обходиться съ дѣтьми. Это былъ настоящій старый педагогъ, смотрѣвшій на свое дѣло, какъ на священнодѣйствіе. Дѣти почувствовали сразу любящую мужскую руку и быстро освоились съ новымъ начальствомъ. Наблюдая за своимъ бывшимъ учителемъ,

дѣвушка поняла одну обидную вещь, именно, что дѣти всегда предпочтутъ учителя учительницѣ. Это какое-то темное органическое чувство дѣтской натуры, можетъ-быть, слѣпое преклоненіе предъ мужской силой... Въ самыхъ пріемахъ у того же Огнева больше увѣренности, именно того качества, которое неотразимѣе всего дѣйствуетъ на ребенка. Лучшая и очень опытная учительница все-таки слѣдитъ за собой, провѣряетъ каждый шагъ и этимъ лишаетъ свои занятія необходимой авторитетности. Но, съ другой стороны, учительница всегда лучше пойметъ дѣтскую натуру, настроеніе ребенка, а особенно тѣ загадочныя психическія уклоненія отъ нормы, которыя можетъ разгадать только женское сердце.

Съ своей стороны, Огневъ наблюдалъ свою бывшую ученицу. Какъ она измѣнилась за эти три года—выровнялась, поздоровѣла, вообще сдѣлалась женщиной. Дѣвичья застѣнчивость смѣнилась милой увѣренностью молодой женщины,—это было во взглядѣ, въ тонѣ голоса, въ каждомъ движеніи. Только самостоятельный упорный трудъ даетъ этотъ общій тонъ, формируя настоящаго человѣка. Огневу хотѣлось по-отечески обнять Катю и высказать ей такъ много хорошаго, что онъ пронесъ, какъ святыню, черезъ всю свою жизнь и что везъ теперь съ собой изъ школы въ школу. Березовская школа была поставлена хорошо, хотя были и свои недостатки.

— Вы слишкомъ много помогаете своимъ ученикамъ,—замѣтилъ Огневъ, покончивъ съ младшимъ отдѣленіемъ.

— Кажется, это не недостатокъ, Павелъ Васильичъ.

— Какъ это вамъ объяснить... Ребенокъ начинаетъ учиться ходить. Конечно, его поддерживаютъ, водятъ подъ руки, но наступаетъ такой критическій моментъ, когда его нужно предоставить самому себѣ. Нуженъ собственный опытъ, даже, если хотите, нѣкоторый рискъ, выкупающійся синяками и маленькими крушеніями. Такъ и здѣсь... Важно уловить этотъ критическій моментъ и дать ребенку необходимую самостоятельность. Впрочемъ, мы объ этомъ еще поговоримъ.

Въ двѣнадцать часовъ сдѣлана была передышка. Катя повела дорогого гостя къ себѣ, гдѣ дѣдушка Яковъ Семенычъ успѣлъ уже приготовить деревенскій завтракъ.

— А, старый знакомый...—обрадовался Огневъ.

— Имѣю честь представиться: школьный сторожъ.

— Да? Что же, отличное дѣло...

Огневъ внимательно осмотрѣлъ двѣ комнаты, изъ которыхъ состояла квартира учительницы. Ему очень понравилась простота всей обстановки, безъ всякихъ претензій, кромѣ той чистоты, которую вноситъ одна женская рука. Простенькія бѣлыя занавѣски на окнахъ, деревенскія дорожки на полу, простой деревянный бѣлый столъ съ письменными принадлежностями, двѣ полочки съ книгами, простенькая рыночная мебель, цвѣты на окнахъ—вотъ и все. Въ слѣдующей комнатѣ виднѣлся уголъ желѣзной кровати подъ бѣлымъ чехломъ.

— Закусить, Павелъ Васильичъ,—предлагалъ Яковъ Семенычъ, появляясь изъ кухни съ яичницей.—За вкусъ не ручаюсь, а горячо сдѣлано. У насъ такъ говорили корабельные повара...

Деревенскій завтракъ, состоявшій изъ яичницы, соленыхъ грибовъ, капусты и душистаго пшеничнаго хлѣба, былъ превосходенъ.

— У меня сегодня какой-то безсовѣстный аппетитъ,—шутилъ Огневъ, истребляя деревенскую стряпню.—А знаете, Катерина Петровна, я вѣдь бывалъ въ Березовкѣ... и очень оригинально... мы ходили съ дьякономъ пѣш-

комъ въ гости къ Кубову. Я свои нервы лѣчилъ... Впрочемъ, лѣтомъ Березовка имѣла совсѣмъ другой видъ. Кстати, вы здѣсь не скучаете?

— О, нѣтъ... Первое время было немного жутко, а потомъ привыкла.

— У васъ не является мысль о томъ, чтобы вернуться въ городъ? Можно устроить васъ учительницей при одной изъ городскихъ школъ.

— Нѣтъ, благодарю. Мнѣ здѣсь отлично... Говоря откровенно, ваше предложеніе меня даже обижаетъ... Да...

— Не совсѣмъ понимаю...

— Мнѣ кажется, что именно здѣсь я на своемъ мѣстѣ, Павелъ Васильичъ. Больше,—мнѣ кажется, что здѣсь я нужна.

— А тамъ?

— Нѣтъ, вы сейчасъ не поймете меня, Павелъ Васильичъ... Вотъ когда вы поближе познакомитесь со всѣмъ складомъ деревенской жизни, тогда, можетъ-быть, согласитесь со мной. Знаете, меня совсѣмъ не тянетъ въ городъ... Я бываю тамъ разъ въ годъ, и то на нѣсколько дней, чтобы провѣдать отца. И опять къ себѣ въ Березовку, гдѣ я чувствую себя дома. Это очень большое чувство, особенно для женщины, которая вся въ своемъ углѣ, въ своемъ маленькомъ женскомъ дѣлѣ. Нельзя даже приблизительно сравнить мое положеніе съ положеніемъ учительницы городской школы. Тамъ больше офиціальности въ отношеніяхъ къ ученикамъ, какая-то особенная городская безучастность, а здѣсь я знаю ученика не только по школѣ, но со всей его домашней обстановкой. Я здѣсь могу слѣдить за нимъ и внѣ школы... Во мнѣ дѣти видятъ больше, чѣмъ учительницу. Наши отношенія не прерываются и во время каникулъ. Однимъ словомъ, это совсѣмъ иной міръ.

— Да, да...

— Мое время занято съ утра до ночи и занято не пустой суетой, а настоящимъ дѣломъ, такъ что каждому прожитому дню можно подвести итогъ. Чувствовать полнымъ свой день—вѣдь это уже счастье... Кромѣ школы и своихъ школьныхъ занятій, у меня много другого дѣла. У насъ съ дѣдомъ свое маленькое хозяйство, которое одно почти обезпечиваетъ деревенскую дешевую жизнь. У насъ все свое: молочное хозяйство, овощи, яйца. Покупаемъ только хлѣбъ, чай и еще кое-какія мелочи...

— А говядина?

— Въ деревнѣ какъ-то мало ѣдятъ мяса, а мы живемъ по-деревенски. Не изъ принципа сдѣлаться вегетаріанцами, а просто такъ, какъ складывается жизнь сама собой. Мясо у насъ только по праздникамъ или по сезонамъ, когда бываютъ свои цыплята, своя телятина, своя баранина... Какъ видите, мы оба здѣсь совсѣмъ здоровы.

— А дальше?

— Дальше? Вотъ вы смотрите на деревенскую учительницу городскими глазами, какъ на какую-то подвижницу, которая заживо похоронила себя въ непроходимой глуши... Не правда ли? Вы даже жалѣете ее. Я сама такъ же раньше думала. А между тѣмъ никакого подвига нѣтъ, а просто хорошая, нормальная жизнь. Даже иногда дѣлается совѣстно за свое привилегированное положеніе. Помилуйте, сельская учительница, какъ я, получаетъ 25 рублей жалованья каждый мѣсяцъ, вѣдь это цѣлый капиталъ и громадный капиталъ. Вонъ бабы говорятъ, что у меня райская жизнь, и по-своему онѣ правы... У насъ своя мѣрка, какъ у васъ своя.

Дѣдушка Яковъ Семенычъ слушалъ эти внучкины рѣчи и въ тактъ имъ качалъ своей сѣдой головой. „Такъ, внученька... Такъ, Катерина Петровна!

Вотъ какіе мы нынче разговоры разговариваемъ, Павелъ Васильичъ. Взошло зернышко и въ цвѣтъ пошло".

Бесѣда была прервана появленіемъ какой-то бабы, которая пробралась черезъ кухню.

— Матушка, Катерина Петровна, къ тебѣ я пришла...—причитала баба.—Ребеночку неможется... крикомъ кричитъ второй день...

— Хорошо, я потомъ зайду, Марья.

— Иди, иди... — выпроваживалъ бабу Яковъ Семенычъ.—Дай школѣ окончиться.

— Да вѣдь крикомъ кричитъ...

— Придетъ послѣ школы. Откуда ты будешь?

— А тамъ, голубчикъ, за кабакомъ изба. Катерина Петровна знаетъ... Была у меня по осени, когда Петька разнемогся, а теперь меньшенькаго ухватила болѣсть.

Когда баба ушла, Огневъ проговорилъ:

— Давайте я за васъ займусь въ школѣ, Катерина Петровна, а вы идите къ этой бабѣ. Мы управимся съ помощницей...

— Нѣтъ, я еще успѣю.... Если бы мнѣ бѣгать по всѣмъ больнымъ, то и школу пришлось бы бросить. Бабы смотрятъ на меня, какъ на знахарку... Случается, что и напрасно вызовутъ. Я знаю эту Марью... Вѣроятно, какіе-нибудь пустяки.

Вторую половину школьнаго дня Огневъ провелъ съ помощницей въ женскомъ отдѣленіи. Дѣвушка сильно растерялась, когда пришлось давать отвѣты самому инспектору—ей приходилось еще въ первый разъ имѣть дѣло съ начальствомъ.

— Вы занимайтесь, какъ будто меня совсѣмъ нѣтъ въ классѣ,—ободрялъ ее Огневъ.—У васъ свое дѣло, у меня свое.

Помощница скоро ободрилась, и занятія пошли своимъ порядкомъ, какъ всегда. Въ концѣ пришелъ священникъ, узнавшій о пріѣздѣ новаго инспектора. Это былъ еще молодой человѣкъ, кончившій семинарію всего три года.

— Очень радъ познакомиться,—нѣсколько разъ повторилъ Огневъ, которому понравилось простое, серьезное лицо сельскаго попика.—Вотъ пріѣхалъ познакомиться съ вашей школой... Все хорошо.

Послѣ занятій о. Николай сталъ приглашать его къ себѣ обѣдать. Огневъ сначала отказался, а потомъ, сообразивъ что-то, согласился. Вѣдь онъ теперь въ Березовкѣ не простымъ гостемъ, а начальствомъ, и долженъ былъ держать себя съ большимъ тактомъ. Батюшка могъ обидѣться. Въ деревнѣ еще больше церемоній.

— Хорошо сдѣлалъ,—одобрялъ Яковъ Семенычъ, усаживаясь за свой обѣдъ со внучкой.—Всѣ бы загалдѣли, что вотъ инспекторъ держитъ руку учительницы, а попа пренебрегъ... Да еще прибавили бы...

— Что̀ же могутъ прибавить?—удивилась Катя.

— Мало ли что̀... Въ деревнѣ такіе же люди, какъ и вездѣ. Мы здѣсь все-таки чужіе, что̀ тутъ ни говори... Такъ и смотрятъ на насъ. Помощница-то спитъ и видитъ занять твое мѣсто... А за нее и церковный староста, и псаломщикъ, и, кажется, писарь.

— Перестань, дѣдушка. Все это пустяки...

Сейчасъ послѣ обѣда Катя отправилась къ своему маленькому больному и пробыла тамъ дольше, чѣмъ предполагала. Огневъ заѣхалъ проститься безъ нея. Земскихъ лошадей подали ему на квартиру священника.

— Какъ же быть?..—думалъ Огневъ, стоя въ шубѣ.

— Малость обождите, Павелъ Васильичъ,—уговаривалъ Яковъ Семенычъ.—Ужъ такъ будетъ жалѣть внучка, такъ жалѣть. Сію минуту воротится... Куда-нибудь въ другую избу затащили: бабы такъ ее и рвутъ. Да снимите шубу-то...

Огневъ раздѣлся и присѣлъ отдохнуть. Послѣ обѣда онъ чувствовалъ нѣкоторую усталость, а тутъ нужно было ѣхать дальше. Да и деревенскія наливки располагаютъ къ отдыху.

— Да, дѣдушка... — проговорилъ Огневъ, вслухъ продолжая какую-то мысль. — Однимъ словомъ, сила. Вы только сосчитайте: въ Шервожѣ въ женской гимназіи учится шестьсотъ ученицъ, нынче параллельные классы открыли, потомъ въ епархіальномъ женскомъ училищѣ около трехсотъ, а тамъ еще цѣлыхъ десять уѣздныхъ городовъ, въ которыхъ двѣ гимназіи да женскихъ прогимназіи. Въ годъ-то всѣ и выпустятъ около трехсотъ ученицъ, а въ десять лѣтъ это составитъ цѣлыхъ три тысячи... Понимаете, настоящая армія.

— Ужъ это что̀ говорить... Сумма, Павелъ Васильичъ.

— Нѣтъ, вѣдь это дѣло надо обмозговить, Яковъ Семенычъ. Три тысячи въ одной губерніи. И все это будущія жены, матери... Около каждой такой дѣвушки этакій огонекъ священный затеплится. Сколько свѣта внесутъ онѣ въ жизнь,—того свѣта, который останется у себя дома, у своего очага, который загорится въ дѣтяхъ. Да...

...Жита по зернышку
Горы наношены.

— Ахъ, Павелъ Васильичъ: правильно. Вотъ я на старости лѣтъ сызнова точно начинаю жить... Что̀ прежде-то было: темнота, звѣрство. Да... А ужъ дѣвушка, это точно: она вся у себя дома. Все домой принесетъ. Въ деревнѣ-то это еще позамѣтнѣе будетъ, чѣмъ въ городѣ, Павелъ Васильичъ.

— Да, въ деревнѣ... Хорошо у васъ, дѣдушка. Тепло...

— Мы въ городъ-то даже очень не любимъ выѣзжать. Такъ, пріѣдемъ, повернемся—и назадъ на той же ногѣ... Скучно намъ въ городѣ-то. Хе-хе... Особенное дѣло-съ...

— Да... Кстати, Катерина Петровна и не спроситъ ничего о городѣ, а у насъ тамъ много общихъ знакомыхъ. Недавно я встрѣтилъ этого молодца Кубова... Онъ уже бросилъ свою лѣсопилку и теперь какими-то подрядами занимается. Что-то я не совсѣмъ его понимаю.

— У всякаго своя линія, Павелъ Васильичъ...

— Американецъ какой-то. Очень обрадовался, что я ѣду въ Березовку, и поклоны посылаетъ. Даже, кажется, самъ собирался въ гости къ вамъ... Потомъ встрѣтилъ братца Катерины Петровны. Ну, этотъ изъ другой оперы... На парахъ разъѣзжаетъ. Чуть меня не задавилъ. Говорятъ, женится на какой-то богатой... Тоже своя линія.

Дѣдушка только пожевалъ губами и ничего не сказалъ. Онъ недолюбливалъ шустраго адвоката, уродившагося ни въ мать ни въ отца. Въ ожиданіи внучки онъ многое разсказалъ Огневу о своемъ житьѣ въ Березовкѣ. Огневъ слушалъ и въ тактъ качалъ головой. Да, хорошо...

III.

Кубовъ, дѣйствительно, пріѣхалъ въ Березовку передъ самымъ Рождествомъ. Онъ въ три года совсѣмъ измѣнился—заросъ бородой, окрѣпъ еще больше и походилъ на купца, особенно по своему костюму.

— Давненько мы съ вами не видались, Катерина Петровна,—весело говорилъ онъ, пожимая ей руку.—Вотъ и школу новую выстроили... да. Давненько...

— Гдѣ же васъ увидишь... Вы вѣдь вѣчно заняты. Да и сюда, навѣрно, тоже по какому-нибудь дѣлу пріѣхали...

— Волка ноги кормятъ... А дѣло есть, это точно. Нужно съ березовскими мужиками потолковать относительно разныхъ разностей. Знаете, у меня теперь кирпичный заводъ орудуетъ... А здѣсь есть поблизости бѣлая глина. Вотъ и хочу попробовать огнеупорный кирпичъ дѣлать: прочнѣе онъ въ десять разъ, а дороже будетъ на пустяки. Кстати, я васъ увезу въ городъ, Катерина Петровна... Что̀ вамъ здѣсь дѣлать на Святкахъ, а въ городѣ все-таки есть кой-какія развлеченія.

— Право, я не знаю...

— А я отлично знаю.

Катя улыбнулась, поддаваясь этому рѣшительному мужскому тону.

Кубовъ въ подробностяхъ осмотрѣлъ школу, ученическія тетрадки, квартиру учительницы, все хозяйство, даже спустился въ погребъ.

— Ничего, не вредно, дѣдушка,—похвалилъ онъ.—Только вотъ картошка у васъ сгніетъ, ежели не переберете заново...

— А вотъ и не сгніетъ...

— Сгніетъ, говорю... На прошлогодній песокъ свалили, а она этого не уважаетъ. Понимаешь? Рѣпа у васъ уродилась хорошая... Телочку растите правильную. А пѣтуха приколите... Хорошій хозяинъ пѣтуха больше трехъ лѣтъ не держитъ... Понимаешь?..

Кубову до всего было дѣло, и онъ зналъ, кажется, все на свѣтѣ.

— Увертливъ больно,—ворчалъ старикъ, обиженный пѣтухомъ.—Тоже, поди, жаль... Вонъ какая птица: генералъ.

— Я тебѣ говорю—заколите... А что̀ касается жалости, такъ это пустяки. Президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и то мѣняютъ черезъ каждые четыре года, а тебѣ пѣтуха жаль...

Весь день Кубовъ провелъ въ деревнѣ, въ переговорахъ съ мужиками, потомъ ѣздилъ смотрѣть свою бѣлую глину и вернулся въ школу только вечеромъ, когда уже стемнѣло,—вернулся усталый и недовольный.

— Вы устали, Владимиръ Гаврилычъ?—спрашивала Катя, угощая его чаемъ.

— Языкъ усталъ... Портится мужикъ въ Березовкѣ. Меня, Кубова, хотѣли надуть... Нѣ-ѣтъ, шалишь!.. Вѣдь время глухое, зимнее, работъ своихъ нѣтъ, а я имъ даю дѣло, небольшое, правда, а все-таки изъ-за хлѣба на квасъ добудутъ. Такъ нѣтъ, поднимаютъ городскую цѣну...

— Они свои интересы отстаиваютъ.

— Если бы такъ, то еще ничего, а въ сущности, просто хотятъ ободрать. Только не на того напали... Ну, поломаются и образумятся.

Спать Кубовъ улегся въ школѣ, вмѣстѣ съ дѣдушкой Яковомъ Семенычемъ. Раздѣвшись, онъ добылъ объемистый бумажникъ и, раскрывъ его, показалъ нѣсколько пачекъ ассигнацій.

— Во̀ сколько денегъ-то, старина...

— Володька, спрячь ты деньги!—всполошился старикъ.—Еще, не ровенъ часъ, кто-нибудь въ окно увидитъ...

— Ничего, пусть посмотрятъ...

— Чужія, поди, деньги-то, Володя?

— А вотъ и нѣтъ: всѣ свои. Самъ заработалъ...

— Ну?

— Вѣрно говорю... Тутъ всего около двухъ тысячъ, да дома осталось два столько.

Дѣдушка Яковъ Семенычъ даже руками всплеснулъ. Онъ такихъ большихъ денегъ даже и не видалъ. Старикъ долго ворочался на своей постели, а потомъ, потушивъ огонь, проговорилъ:

— Спряталъ бы ты, Володя, деньги-то... Ну, въ банкъ бы положилъ. Процентъ будешь получать.

— Въ банкѣ мнѣ дадутъ четыре процента, а я на нихъ наживу, по крайней мѣрѣ, двадцать—нашъ купецкій процентъ.

Молчаніе. Яковъ Семенычъ лежитъ и вздыхаетъ. Его мучитъ какая-то неотвязная старческая мысль. А Кубовъ уже начинаетъ засыпать. Слышно, какъ дышитъ его богатырская грудь.

— Володя... ты спишь?

— Ну?..

— Нехорошо, вотъ что!

— Что нехорошо-то, старина?

— А вотъ это самое... Денегъ у тебя много, а человѣкъ ты молодой. Умокъ у тебя все-таки легонькій, да и характеръ-то того... увертливъ... Съ деньгами-то пустяки въ голову полѣзутъ. Баловать начнешь... Это отъ денегъ, братъ, бываетъ.

— Ну?..

— А тутъ и друзья и пріятели найдутся. Одинъ лучше другого... Вотъ тебѣ и баловство: сегодня въ театръ, завтра въ гости... тамъ домой пришелъ поздно. Говорю, увертливъ... Надо тебя съ твоимъ характеромъ-то прямо на цѣпь приковать.

— Это ты правильно, дѣдъ...

— Не зря говорю. Не долго замотаться-то по молодому дѣлу...

Опять молчаніе, и опять старикъ тяжело вздыхаетъ, а Кубовъ начинаетъ опять засыпать.

— Погоди, Володя, спать-то... Послушай, что тебѣ старикъ скажетъ.

— Ну?..

— Жениться тебѣ надо, Володя...

— Жениться?.. Правильно...

— Только тебѣ жену нужно бойкую, чтобы тебя вотъ какъ держала. Въ ежовыхъ рукавицахъ... А смирной-то дѣвушкѣ, пожалуй, и не управиться съ тобой. Надо такую жену, чтобы первымъ дѣломъ друзей-то-пріятелей разобрала хорошенько... Ужъ она, братъ, устроитъ все.

— Есть у меня, дѣдъ, нѣкоторая дѣвица на примѣтѣ...

— Есть? Ахъ, ты, плутъ... Когда это ты успѣлъ запримѣтить-то? Строгая дѣвица?

— Ужъ такая строгая, дѣдъ, что и не выговоришь. Цѣлый годъ около нея хожу, а сказать не смѣю...

— Ну, вотъ тебѣ, значитъ, въ самый разъ. Правильная самая...

— Хороша дѣвица... Похаживаю, поглядываю, а сказать не смѣю.

— Совѣстно?

— Нѣтъ, боюсь, что пропишетъ мнѣ отставку. Ахъ, хороша дѣвица, дѣдушка... Отдай все—и мало. Мнѣ бы въ самый разъ.

— А ты не бойся, Володя. Отъ судьбы не уйдешь...

На другое утро Катя заявила, что не поѣдетъ въ городъ. На нее напало какое-то непонятное упрямство.

— Я ужъ сказалъ, что поѣдете, — увѣренно повторялъ Кубовъ. — Дѣло въ томъ, что нужно будетъ посмотрѣть вамъ хорошенько на Петра Аѳанасьевича... Я какъ-то заходилъ къ старику. Не нравится мнѣ... Особеннаго ничего, а такой скучный. Вообще, сами посмотрите хорошенько. Нехорошо одного старика оставлять...

— А Сережа?..

— Сережа... гм... Сережѣ некогда. Онъ пошелъ въ гору...

Ничего не оставалось, какъ ѣхать въ городъ, хотя Катѣ и не хотѣлось попасть туда именно къ празднику. Старая гроза улеглась, но все-таки тяжело. Кубовъ отлично понималъ настроеніе дѣвушки и ни слова не говорилъ о Печаткиныхъ, о томъ, какъ живетъ Гриша. Только дѣду Якову Семенычу сказалъ передъ отъѣздомъ:

— Не красно живется Григорію Григорьичу...

— А что?

— Да такъ... вообще... Самъ-то онъ ничего... Впрочемъ, не наше это дѣло.

Всю дорогу Катя молчала. До города всего было двѣ станціи, и онѣ промелькнули незамѣтно. Погода стояла крѣпкая, зимняя. Дорога — скатерть скатертью. Кубовъ тоже молчалъ, наблюдая молчаливую спутницу. На морозѣ Катя вся раскраснѣлась, и только глаза попрежнему смотрѣли грустно.

— О чемъ вы думаете, Катерина Петровна?

— Я?.. А такъ... Хорошо думается дорогой. Мысли точно плывутъ... одна за другой... О чемъ я сейчасъ думала? Да вотъ о чемъ: объ отцѣ... Тяжело старику. А между тѣмъ каждый такъ же долженъ кончить, т.-е. старостью. Вѣдь это страшно, Владиміръ Гаврилычъ... Ничто не спасетъ отъ этой старости, т.-е. отъ разрушенія, и каждый изъ насъ кончитъ жизнь банкротомъ. Сегодня глаза отказались, завтра ноги, а тамъ и весь человѣкъ никуда не годится...

— Какія у васъ грустныя мысли, Катерина Петровна.

Катя ничего не отвѣтила, а только отвернулась.

Отецъ встрѣтилъ ее съ какимъ-то страннымъ равнодушіемъ, точно она была чужая.

— Ты здоровъ, папа?

— Ничего, кажется...

За эти три года Петръ Аѳанасьевичъ сильно состарился. Какъ-то весь осунулся, посѣдѣлъ, сгорбился. Теперь онъ мало обращалъ вниманія на все, что дѣлалось кругомъ него и даже въ собственномъ домѣ. На Катю такъ и пахнуло этимъ разрушеніемъ.

— А гдѣ Пѣтушокъ, папа?

— Ушелъ куда-то... скучно ему со мной. Кажется, къ Печаткинымъ ушелъ.

Пѣтушокъ перешелъ уже въ пятый классъ, вытянулся и выглядѣлъ большимъ гимназистомъ. Къ Катѣ онъ относился покровительственно, усвоивъ тонъ брата Сережи.

Катя цѣлый день провела въ томъ, чтобы привести въ порядокъ весь домъ. Все выглядѣло какъ-то неуютно. Кухарка жила новая и не знала заведенныхъ порядковъ. Комнаты оставались неметеными, вездѣ валялись неприбранныя вещи, вообще, царилъ самый обидный безпорядокъ. Катя все время наблюдала отца, и ее поразило больше всего то, что онъ и къ Сережѣ относился съ тѣмъ же непонятнымъ равнодушіемъ.

— Ты у него давно былъ? — спрашивала Катя, наблюдая отца. — Ну, что онъ?

— Сережа-то? А ничего... Живетъ.

— Хорошо живетъ?

— А кто его знаетъ...

Петръ Аѳанасьевичъ грустно улыбнулся, посмотрѣлъ на дочь какими-то грустными глазами и прибавилъ:

— Того, Катя... какъ это тебѣ сказать... ну, не понимаю я.

— Что не понимаешь?

— А такъ... Помнишь, какъ Сережа-то поступалъ въ гимназію? Сколько было хлопотъ, работы... да... Ждали все Сережу. Мать такъ и не дождалась. Все я ее жалѣлъ, что не дождалась она. А теперь... Ну, да это я такъ.

— Нѣтъ, говори, папа...

— Да ты бы сама посмотрѣла на Сережу, Катя. Точно вы чужіе... Даже обидно. А впрочемъ, какъ знаете, сами не маленькіе... Да, что я тебѣ хотѣлъ сказать?.. Ахъ, да... Мать-то я все жалѣлъ, а теперь... Устроился нашъ Сережа хорошо, какъ всѣ адвокаты, все у него есть... своихъ лошадей держитъ. Посылаю къ нему какъ-то вдову-сосѣдку... Помнишь, сапожникъ рядомъ жилъ? Ну, такъ онъ умеръ... пилъ сильно... Послѣ него осталось какое-то имущество, избенка, а дѣти-то мать и выгнали. Пришла, плачетъ. Послалъ я ее къ Сережѣ, чтобы онъ помогъ ей.

Петръ Аѳанасьевичъ сдѣлалъ передышку, точно ему трудно было выговорить роковое слово.

— Не принялъ...—тихо проговорилъ онъ наконецъ.—Некогда, говоритъ. Ежели я всякіе пустяки буду разбирать, говоритъ, такъ поѣсть некогда. Вотъ какъ онъ разговариваетъ, нашъ Сережа-то... Забылъ, какъ самъ росъ въ бѣдности да въ нуждѣ. Чужая-то бѣда не трогаетъ... Обидно это мнѣ стало, Катя, ну, я и сказалъ: „А помнишь, Сережа, какъ покойный Григорій Иванычъ всякую бѣдноту призрѣвалъ? Никому отказа не было...“ Онъ, Сережа-то, только этакъ усмѣхнулся и говоритъ: „Ну, папа, перестань разводить сентиментальности“. Вотъ я тогда и вспомнилъ про мать-то. Развѣ для этого мы растили Сережу? Ну, женится онъ на богатой, еще пару лошадей заведетъ, купитъ себѣ домъ—все, какъ у богатыхъ. Только все это въ свою кожу, для собственнаго удовольствія... Горько мнѣ стало, Катя. Грѣшный человѣкъ, подумалъ, что, пожалуй, и хорошо сдѣлала мать-то, что во-время умерла...

Катя стала защищать Сережу, чтобы разогнать тяжелое настроеніе старика, но Петръ Аѳанасьевичъ не поддался на это.

— Ахъ, не то, Катя... и сама ты не то думаешь. Помнишь, когда Сережа поступилъ въ гимназію, такъ Григорій Иванычъ устроилъ цѣлый балъ. И рѣчь сказалъ. О богатыхъ онъ тогда правильно выразилъ все. Ну, вотъ я и вспомнилъ...

Въ умѣ Кати пронеслась далекая картина ранняго дѣтства. Да, Григорій Иванычъ былъ правъ, какъ сейчасъ правъ отецъ. Въ маленькомъ домикѣ незримо прошла тѣнь честнаго труженика, предостерегавшаго дѣтей отъ увлеченія богатствомъ.

IV.

Присмотрѣвшись къ отцу въ теченіе нѣсколькихъ дней, Катя убѣдилась въ томъ, что у него, дѣйствительно, встрѣчаются ненормальные моменты. Иногда Петръ Аѳанасьевичъ горячился и выходилъ изъ себя по какому-нибудь ничтожному поводу, иногда не хотѣлъ ничего замѣчать, иногда упорно молчалъ—вообще, было что-то ненормальное, но что такое—опредѣлить было

трудно. Одинъ случай неожиданно поразилъ Катю. Это какъ разъ происходило наканунѣ Рождества, въ сочельникъ. Въ прежнее время этотъ день справлялся у Клепиковыхъ съ нѣкоторой торжественностью. Вся семья была въ сборѣ, и всѣ готовились къ встрѣчѣ праздника постомъ—до вечерней звѣзды. Марѳа Даниловна никому не давала ни крошки, даже маленькимъ дѣтямъ. Такъ это шло изъ года въ годъ, какъ нѣкоторая семейная традиція. Именно все это и напомнило Петру Аѳанасьевичу и Катѣ наступившій нынѣшній сочельникъ, хотя прямо они ничего и не говорили другъ другу. Пѣтушокъ крѣпился до обѣда, а потомъ потихоньку отправился къ брату Сергѣю и тамъ закусилъ. Это ничтожное обстоятельство очень огорчило Петра Аѳанасьевича. Онъ даже разсердился на Сережу.

— Ну что же, самъ пусть живетъ, какъ знаетъ, а зачѣмъ Пѣтушка портитъ?—жаловался онъ Катѣ.—У нѣмцевъ сочельникъ даже празднуютъ, веселятся, а у насъ, православныхъ, наоборотъ—постятся. Можетъ-быть, это и глупо, но такой обычай. И отцы, и дѣды, и прадѣды соблюдали сочельникъ, а мы вотъ не можемъ потерпѣть пустяковъ. Мальчику нужна выдержка, а то не будетъ ничего знать—ни Бога ни чорта.

Катя молчала. Она привыкла въ деревнѣ соблюдать посты по необходимости, потому что всѣ стали бы указывать на нее пальцами. Посты въ Березовкѣ соблюдались съ особенной настойчивостью, и въ концѣ концовъ она пришла къ заключенію, что въ нихъ нѣтъ ничего страшнаго, а даже извѣстная польза—получалась извѣстная выдержка, а затѣмъ даже въ физическомъ отношеніи это было полезно.

— А главное, скверно то, что Пѣтушокъ обманываетъ,—продолжалъ Петръ Аѳанасьевичъ.—Пошелъ и потихоньку наѣлся. Нѣтъ, нехорошо.

Вообще выдался грустный день. Катя провела все время въ хлопотахъ по хозяйству, какъ это дѣлалось при матери. Заставила кухарку вымыть полы, окна и двери, перемѣнила занавѣски на окнахъ, постлала новые половики, затеплила лампадки предъ образами, однимъ словомъ, дѣлала то же самое, что всегда дѣлалось при Марѳѣ Даниловнѣ.

— Вотъ это хорошо...—похвалилъ ее Петръ Аѳанасьевичъ, принимавшій дѣятельное участіе въ этихъ хлопотахъ.—Праздникъ такъ праздникъ. Утромъ я пойду къ заутренѣ въ общину.

Катя устала и хотѣла просто выспаться. Она уже была два раза въ общинѣ у сестры Агапиты. Спать легли рано. Петръ Аѳанасьевичъ весь вечеръ чувствовалъ себя какъ-то особенно оживленно и походилъ на прежняго Петра Аѳанасьевича, домовитаго, дѣятельнаго, старательнаго. Неожиданно ночью онъ разбудилъ Катю.

— Что тебѣ, папа?—удивилась Катя.

Было два часа ночи. Онъ стоялъ передъ ней въ своемъ халатѣ, блѣдный, испуганный, съ округлившимися отъ страха глазами.

— Что случилось, папа? Ты боленъ?

— Нѣтъ, я такъ... Мнѣ страшно, Катя. Сталъ засыпать, даже, кажется, заснулъ, и вдругъ напалъ на меня страхъ. Такой страхъ, такой страхъ. Самъ не знаю, чего боюсь. Лежу и не смѣю пошевелиться.

— Можетъ-быть, видѣлъ дурной сонъ?

— Не помню...

Онъ поставилъ свѣчу на столъ, присѣлъ на стулъ и горько заплакалъ.

— Папа, ты просто боленъ... У тебя нервы расходились.

— Ничего не знаю...

Катя быстро одѣлась и дала отцу выпить холодной воды. Онъ немного

успокоился, но продолжалъ смотрѣть на Катю такими глазами, точно боялся, что она его выгонитъ изъ комнаты.

— Ты этого не поймешь, Катя,—объяснялъ онъ, подбирая слова.—Надо это самому испытать... Такъ нехорошо, такъ нехорошо. Знаешь, какой со мной недавно случай вышелъ: принялъ заказное письмо и позабылъ записать въ книгу. Понимаешь: *позабылъ*. Въ теченіе тридцати пяти лѣтъ моей службы это былъ первый случай... Мнѣ тогда тоже страшно сдѣлалось, и было это среди бѣлаго дня... Сидѣлъ у себя въ конторѣ, кругомъ все знакомые чиновники, а я сижу и дрожу.

— Тебѣ нужно просто отдохнуть, папа. Ты вѣдь никогда даже отпуска не имѣлъ...

— Нѣтъ, не случалось, кромѣ двухъ дней, когда женился. Вѣдь другіе такъ же служатъ, совѣстно отдыхать-то... Пока еще въ силахъ, могу работать.

— И все-таки необходимо дать себѣ отдыхъ. Вотъ поѣдемъ со мнѣ въ Березовку. У меня отлично...

Петръ Аѳанасьевичъ отрицательно покачалъ головой. Онъ даже обидѣлся. Отъ чего отдыхать-то?.. Слава Богу, еще въ силахъ, здоровъ. Конечно, почтовая служба каторжная, да вѣдь другіе-то тянутъ ту же лямку, а на людяхъ и смерть красна.

Затѣмъ Петръ Аѳанасьевичъ сдѣлалъ неожиданный переходъ къ Сережѣ и проговорилъ сдержаннымъ шопотомъ:

— Вѣдь я *о немъ* думалъ, Катя... И знаешь, пришелъ къ убѣжденію, что Сережа дрянь. Да... Больно это думать, а ничего не подѣлаешь. Карьеристъ онъ, себялюбецъ, въ богатые люди выйдетъ... И горько и обидно. Да... А какъ я радовался, когда онъ кончалъ свой университетъ, какъ его устраивалъ, даже стыдился показать себя его отцомъ. И ничего этого не нужно... совсѣмъ не нужно. Стыдно мнѣ, сѣдому человѣку, честно проработавшему всю жизнь, не видѣть того, куда онъ идетъ... Ахъ, нехорошо, Катя!..

Петръ Аѳанасьевичъ опять расплакался, а потомъ принялся громко бранить Сережу. Что же, онъ пойдетъ къ Сережѣ и скажетъ ему все въ глаза. Рѣшительно все... Передъ чужими людьми стыдно, что дармоѣда вырастилъ. Петръ Аѳанасьевичъ говорилъ съ ожесточеніемъ, сжимая кулаки. Лицо поблѣднѣло, глаза блуждали.

— Мы объ этомъ потолкуемъ завтра, папа,—пыталась остановить отца встревоженная Катя.—А теперь иди спать...

— И все-таки дрянь нашъ Сережа!.. Дрянь!.. Мнѣ по улицѣ стыдно ходить, точно всѣ видятъ мои мысли...

Такъ до утра Катя и провозилась съ отцомъ, стараясь отвлечь его мысли отъ больного пункта. Для нея было ясно одно, что онъ боленъ и боленъ серьезно, и что эта сцена являлась только началомъ чего-то. Нужно будетъ посовѣтоваться съ опытнымъ докторомъ. Но вопросъ—съ кѣмъ? Лѣчившій мать старичокъ-докторъ умеръ; докторъ, который состоялъ при ихъ гимназіи, перевелся въ другой городъ. Конечно, дядя не откажетъ въ совѣтѣ, но Катѣ не хотѣлось къ нему итти. У нея неожиданно мелькнула мысль о Гришѣ...

Утромъ въ первый день Рождества Катя отправилась къ Сережѣ, у котораго не бывала больше года. Онъ теперь занималъ большую квартиру на главной улицѣ. Дверь ей отворилъ лакей—новое лицо въ хозяйствѣ холостого молодого человѣка.

— Баринъ дома?

— Точно такъ-съ... Какъ прикажете доложить?

Сережа вышелъ въ модномъ шлафрокѣ изъ какой-то восточной матеріи,

расшитомъ пестрыми шелками. Онъ пополнѣлъ, обросъ бородой и принялъ видъ молодого человѣка, „подающаго блестящія надежды“.

— Я къ тебѣ по дѣлу, Сережа, и не задержу,—предупредила Катя.

— Ахъ, пожалуйста, безъ церемоній, Катерина Петровна. Мы не чужіе люди, и ты можешь считать себя здѣсь дома... У меня очень развита родственная шишка. Ну, какъ ты поживаешь?

— Ничего, попрежнему... Я пришла поговорить съ тобой объ отцѣ. Мнѣ не съ кѣмъ посовѣтоваться...

Лицо Сережи приняло прилично-кислое выраженіе, точно онъ говорилъ съ безнадежной клієнткой. Катя присѣла на какое-то вычурное кресло и въ короткихъ словахъ передала сегодняшнюю ночную сцену.

— Упрямый старикъ,—замѣтилъ Сережа, барабаня пальцами по ручкѣ кресла.—Вѣдь я сколько разъ предлагалъ ему переѣхать ко мнѣ... Не желаетъ. Что же я подѣлаю? Конечно, я не могу доставить всѣхъ тѣхъ удобствъ, какія желалъ бы имѣть, но что у меня есть...

— Я нахожу положеніе отца серьезнымъ, Сережа, гораздо серьезнѣе, чѣмъ ты предполагаешь. Единственное, что я желала бы, это уговорить его переѣхать ко мнѣ въ Березовку... Старикъ отдохнетъ и поправится. Ты, можетъ-быть, уговоришь его лучше меня...

Сережа только развелъ руками.

— Онъ какой-то странный, Катя... да. Мнѣ даже кажется, что онъ намѣренно избѣгаетъ меня. Я это замѣтилъ... да. Хотя, съ своей стороны, рѣшительно не подавалъ никакого повода... Если хочешь—попробую, но за успѣхъ не ручаюсь.

— Нужно же что-нибудь сдѣлать?..

Послѣ нѣкотораго размышленія Сережа просвѣтлѣлъ.

— Знаешь что, Катя?.. Я какъ-нибудь завезу къ нему Гришу. Будто мы случайно встрѣтились и завернули навѣстить старика. А Гриша его посмотритъ и рѣшитъ вопросъ...

— Мнѣ кажется, что это будетъ не совсѣмъ удобно...

— Ахъ, да... гм... Катя?.. да вѣдь все *это* пустяки, нужно же когда-нибудь серьезно смотрѣть на вещи и перестать ребячиться. Ты понимаешь, что я хочу сказать... Есть свои дѣтскія болѣзни...

Катя поднялась и проговорила:

— Мы оставимъ этотъ разговоръ, т.-е. дѣтскія болѣзни. Каждый ошибается по-своему...

— Хорошо, хорошо. Вѣдь я же такъ сболтнулъ, къ слову пришлось. А Гриша знаетъ дѣло...

Вернувшись домой, Катя серьезно обдумала предложеніе брата и написала ему письмо, что согласна. Она назначила день и часъ, когда Сережа долженъ былъ привести доктора, а сама ушла на это время въ общину къ сестрѣ Агапитѣ.

Петръ Аѳанасьевичъ отнесся къ молодымъ людямъ довольно подозрительно, и Гришѣ большого труда стоило разговориться съ нимъ. Старикъ отвѣчалъ уклончиво и какъ-то по-ребячьи заинтересовался больше всего военнымъ мундиромъ Гриши.

— Вотъ и офицеръ...—повторилъ онъ.—Давненько я не видалъ тебя, т.-е. васъ, Григорій Григорьевичъ...

— Зовите меня попрежнему Гришей,—говорилъ Печаткинъ, наблюдая старика.

Тяжело было Гришѣ ѣхать въ старый клепиковскій домъ, въ которомъ

все говорило о прошломъ и невозвратимомъ. Да, тѣ же маленькія комнатки, та же обстановка, та же приличная бѣдность. А сколько хорошаго и добраго было похоронено вотъ въ этихъ стѣнахъ... О присутствіи Кати онъ догадался по дорожнымъ вещамъ, лежавшимъ на отдѣльномъ столикѣ. У Гриши явилось мучительное желаніе увидѣть эту хорошую дѣвушку хотя издали, сказать ей... Позвольте, что̀ онъ скажетъ ей? Да, вотъ что̀—онъ все тотъ же, нѣтъ—больше, чѣмъ „тотъ". Ему хотѣлось остаться вотъ въ этихъ маленькихъ комнаткахъ, гдѣ такъ все просто, уютно и понятно, гдѣ онъ могъ бы видѣть ее, говорить съ ней, просто чувствовать ея присутствіе и отдохнуть душой. Много-много хорошаго онъ сказалъ бы этой дѣвушкѣ и еще разъ покаялся бы во всемъ, чтобы снять давившую сердце тяжесть. Гдѣ она? Что̀ она дѣлаетъ? Какъ живетъ? Гриша даже не рѣшался спросить. А старые отцовскіе глаза смотрѣли на него такъ пытливо и такъ просто...

— Вы насъ совсѣмъ позабыли,—говорилъ Гриша на прощанье.—Нехорошо, Петръ Аѳанасьевичъ. Мама на васъ сердится... Теперь вѣдь она живетъ у меня вмѣстѣ съ Любочкой. У меня большая казенная квартира, и я ихъ перевезъ къ себѣ...

— Что̀ же, доброе дѣло...—согласился Петръ Аѳанасьевичъ и неожиданно прибавилъ, продолжая какую-то свою тайную мысль:—Ахъ, Гриша, Гриша... Вся бѣда въ томъ, что хорошій ты человѣкъ.

— Какая бѣда?..

— Развѣ я сказалъ? Ну, дѣло твое... Ужо какъ-нибудь забреду къ вамъ. Давно собираюсь и все не могу собраться.

Выходя на улицу, Гриша покачалъ головой.

— Ну, какъ ты нашелъ старика? — спросилъ Сережа, усаживаясь въ свои щегольскія сани.—Кажется, особеннаго ничего...

— Нѣтъ, я этого не скажу. Меня безпокоитъ его разсѣянность. Какъ-нибудь заверну еще разъ, чтобы провѣрить...

Этотъ отвѣтъ очень встревожилъ Катю, и она рѣшилась переговорить съ Гришей лично, а не черезъ брата. Тутъ было не до своего личнаго настроенія. У Печаткиныхъ она была въ послѣдній разъ лѣтомъ, когда Анна Николаевна и Любочка жили еще на отдѣльной квартирѣ. Теперь было просто неловко не зайти къ нимъ, и то Любочка уже сердится, да и Анна Николаевна тоже. Есть такіе ничтожные факты, совершеніе которыхъ требуетъ большого мужества, даже героизма, какъ въ данномъ случаѣ. Видѣть Гришу удобнѣе всего было у него же въ квартирѣ, на глазахъ у всѣхъ, чтобы не подать повода къ ненужнымъ разговорамъ, на которые такъ щедра добродушная провинція. Неудачный романъ Кати уже не былъ тайной...

V.

Утро въ квартирѣ военнаго врача Печаткина приблизительно начиналось одинаково. Квартира была большая, цѣлыхъ восемь комнатъ. Обставить ее по-настоящему до сихъ поръ еще не удалось: тамъ не хватало мебели, тутъ нужно перемѣнить обои и т. д. Большія холодныя комнаты походили на казарму. Анна Николаевна поднималась утромъ раньше всѣхъ и будила кухарку, кухарка будила солдата-денщика, и утро открывалось. Гриша пилъ чай у себя въ кабинетѣ и въ восемь часовъ уѣзжалъ на службу, въ свой военный госпиталь. Затѣмъ выходила Любочка и пила чай въ столовой, не отрываясь отъ книги. Послѣднее всегда злило Анну Николаевну.

— Чтой-то за напасть такая: и легла и встала съ книгой,—ворчала она, съ перевальцемъ десять разъ обходя столъ.—Брось, Люба... и чай простынетъ.

Любочка ничего не отвѣчала. Она вообще не любила говорить и жила своей собственной жизнью. Суровыя черты въ характерѣ переходили въ непріятную рѣзкость, такъ что Анна Николаевна побаивалась дочери, какъ раньше боялась мужа. Кто ее знаетъ, какой ногой она встала... Уткнетъ носъ въ книжку и сидитъ, а потомъ убѣжитъ на уроки. И такъ изо дня въ день, какъ часы. Знакомыхъ у Любочки было мало, двѣ-три подруги, да и тѣ по недѣлямъ не заглядывали. Пробовали появляться молодые люди, но и изъ этого ничего не вышло. Любочка или запрется у себя въ комнатѣ, или книжку свою читаетъ, или что-нибудь нагрубитъ.

— Ужъ и характеръ!—удивлялась Анна Николаевна.—Вотъ помяните мое слово, Любовь Григорьевна, что засидитесь вы въ дѣвкахъ... Тоже не сладко вѣковушей-то остаться. А все отъ характера... Другія-то подруги замужъ повыскакали, а ты вотъ сиди да посиди.

— Одна добрая мать, оставь одну добрую дочь,—отвѣчала Любочка.

— Вотъ помяни мое слово... Какое у тебя обращеніе съ кавалерами? Непремѣнно что-нибудь обидное скажетъ. Ну, кавалеръ и въ подворотню... Взять хоть этого, ну, еще у губернатора въ канцеляріи служитъ... Ты ему нравилась. И онъ ничего, аккуратный такой, вѣжливый...

Отъ подобныхъ разговоровъ Любочка уходила къ себѣ въ комнату.

Нынѣшнее утро было похоже на всѣ другія, съ той разницей, что по случаю праздниковъ Любочка оставалась дома и не вышла изъ своей комнаты. Въ столовой пила чай жена Гриши, молодая бѣлокурая женщина съ какимъ-то безцвѣтнымъ лицомъ. Она имѣла дурную привычку постоянно курить папиросы, что̀ возмущало Анну Николаевну. Сегодня Анна Николаевна была не въ духѣ и не вытерпѣла.

— Вы бы, Людмила Григорьевна, бросили свою папироску, а то какъ солдатъ надымили въ столовой...

Людмила Григорьевна посмотрѣла на милую тещу своими безцвѣтными глазами и сдѣлала отчаянную затяжку.

— Развѣ настоящая дама будетъ табакъ курить? — не унималась Анна Николаевна.—Противно смотрѣть... А туда же: „я казанская, я въ Панаевскомъ саду гуляла, я по театрамъ да маскарадамъ ходила“... Тьфу!..

— Вы слишкомъ много себѣ позволяете, сударыня, — отвѣтила лѣниво Людмила Григорьевна. — И при этомъ мнѣ рѣшительно все равно, что̀ вы будете говорить. Вашу необразованность я достаточно видѣла...

— Ты образованная... Я-то столбовая дворянка, а ты изъ петербургской подворотни выскочила. Много васъ такихъ-то тамъ, въ Казани. Ну, и обманываете, кто попроще попадетъ. Вертите хвостомъ, глазами закатываете, лясы точите, а молодой человѣкъ и попался. Развѣ у насъ не стало своихъ дѣвушекъ? Получше васъ будутъ, а вотъ сидятъ въ дѣвушкахъ... Серьезныя дѣвицы есть вполнѣ.

— Еще что̀ можете прибавить?.. А впрочемъ, я удивляюсь тому, что вы начинаете ругаться у меня въ домѣ...

— И не у тебя, а въ квартирѣ у собственнаго сына!

— А чей сынъ-то теперь? Вотъ захочу, и завтра же васъ не будетъ...

— А мы и сами уйдемъ!.. Сдуру согласилась переѣхать-то сюда. Очень ужъ Гриша просилъ...

— Онъ это изъ вѣжливости сдѣлалъ, а вы и обрадовались...

— Значитъ, вы меня гоните изъ дому, невѣстушка?!..

— Что̀ мнѣ васъ гнать: сами уберетесь...

— Это матери-то вы такъ отвѣчаете?..

Лица у обѣихъ раскраснѣлись, въ голосахъ послышались рѣзкія ноты. Людмила Григорьевна даже поднялась со своего мѣста и приняла угрожающую позу. Анна Николаевна тоже приготовилась сдѣлать какой-то воинственный жестъ. Въ самый критическій моментъ въ дверяхъ столовой показалась Любочка.

— Люба, она насъ гонитъ!—кричала Анна Николаевна.—Она говоритъ, что Гриша пригласилъ насъ жить къ себѣ на квартиру изъ вѣжливости, а мы сдуру согласились... Она...

— Я не говорила: сдуру. Вы вѣчно выдумаете что-нибудь...

— Значитъ, я, по-твоему, лгунья!..

— Мутерхенъ, пренебреги,—замѣтила Любочка, повернулась и вышла.

Это безучастіе дочери окончательно дорѣзало Анну Николаевну. Она расплакалась и сейчасъ же начала собирать свои вещи.

— Ни одной секунды не останусь здѣсь... Да!—повторяла она, отбирая свою чайную посуду.—Вы скоро бить меня будете... да.

— Не уѣдете,—поддразнивала Людмила Григорьевна.—Такъ, моду свою показываете, чтобы поломаться...

— Что-о? Развѣ я актриса, чтобы ломаться?..

Произошла одна изъ тѣхъ жалкихъ семейныхъ сценъ, когда стороны начинаютъ осыпать другъ друга самыми нелѣпыми упреками, оскорбленіями и жестокими словами. Въ самый разгаръ этой сцены въ гостиной кто-то такъ громко крякнулъ, что Анна Николаевна вскрикнула и даже присѣла. Черезъ секунду двери столовой были заслонены мощной фигурой дьякона Келькешоза.

— Многоуважаемой Аннѣ Николаевнѣ многая лѣта!—забасилъ дьяконъ.— А я тамъ ждалъ-ждалъ въ гостиной, никто не выходитъ, ну, я и крякнулъ...

— Охъ, испугалъ, отецъ!..—смѣялась Анна Николаевна сквозь слезы.— Точно вотъ пароходъ рявкнулъ...

Людмила Григорьевна воспользовалась удобнымъ моментомъ и торжественно вышла изъ столовой, шелестя шелковой юбкой. На поклонъ отца дьякона она не отвѣтила даже кивкомъ, а только сдѣлала гримасу.

— Видѣлъ нашу-то принцессу?—спрашивала Анна Николаевна. — Сейчасъ выгнала меня изъ дому... Вотъ собираюсь. И родная дочь тоже хороша: хоть зарѣжь мать, а она будетъ книжку читать. Охъ, согрѣшила я, отецъ...

Анна Николаевна опустилась на стулъ и разлилась рѣкой, такъ что о. дьяконъ принужденъ былъ крякнуть вторично.

— А я къ вамъ, многоуважаемая матрона, по нѣкоторому очень важному казусу...

Вытеревъ слезы, Анна Николаевна могла убѣдиться въ серьезныхъ намѣреніяхъ о. дьякона и по выраженію лица, а главное, по его костюму — новенькій люстриновый подрясникъ и новенькая суконная ряска.

— На именины куда-нибудь собрался?

— Около того... гм... да... Вообще же мнѣ нужно видѣть Любовь Григорьевну.

— Она дома... Мальчика какого-нибудь учить?

— Около этого... Есть такой мерзавецъ, котораго нужно поучить. Могу я видѣть оную дѣвицу?..

— Отчего же, можно. Ужо я схожу къ ней...

Пока Анна Николаевна ходила къ дочери, о. дьяконъ прогуливался по гостиной. Между прочимъ, онъ подошелъ къ окну и показалъ кому-то кулакъ. Любочка вышла съ вопросительнымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Очень рада васъ видѣть, отецъ дьяконъ... Садитесь. Чѣмъ могу служить?

О. дьяконъ сѣлъ, не торопясь. Потомъ расправилъ полы рясы, оглядѣлся и заговорилъ.

— По пути зашелъ, Любовь Григорьевна... т.-е. даже и не по пути, а нарочно къ вамъ. Да... Думаю, еще помѣшаю... Нынче вѣдь все занятой народъ, всѣмъ некогда, всѣ куда-то торопятся. Вообще суета существій...

— Мама говоритъ, что вы предлагаете урокъ?

— Урокъ? Ахъ, да... Видите ли, Любовь Григорьевна, какъ это вамъ сказать... только вы, пожалуйста, не сердитесь... Онъ ничего не знаетъ, а я самъ... Ей-Богу, самъ! Мы уже давно съ дьяконицей все дѣло обмозговали, ну, она и послала меня къ вамъ... Какой я человѣкъ, ежели бы не дьяконица? Совсѣмъ бы пропалъ...

— Извините, я рѣшительно ничего не понимаю...

— Вотъ то-то и есть, Любовь Григорьевна... И дьяконица моя тоже самое говоритъ: „ничего, говоритъ, Любовь Григорьевна не понимаетъ“.

— Благодарю...

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ. Сурьезно... Дѣвушкѣ, говоритъ дьяконица, и понимать этого не слѣдуетъ. Да...

Любочка сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Пожалуйста, не сердитесь... Я сейчасъ все скажу. Есть нѣкоторый человѣкъ, который весьма подверженъ вамъ и вмѣстѣ съ симъ робѣетъ. Хорошій человѣкъ, ежели особенно къ рукамъ. Ну, вотъ я пришелъ...

— Кажется, вы сватаете меня за кого-то?..

— Вотъ это и есть... Именно сватаю... Весьма хорошій человѣкъ.

— Надѣюсь, у него есть даже собственное имя?

— Все есть... Мой племяшъ, Владиміръ Гаврилычъ Кубовъ.

Послѣднюю фразу о. дьяконъ произнесъ съ большой натугой, какъ человѣкъ, исполняющій какую-то отвѣтственную роль. Затѣмъ, когда роковое слово было сказано, онъ вытеръ лицо шелковымъ платкомъ и торжествующе посмотрѣлъ на свою собесѣдницу.

— Скажите, пожалуйста, онъ знаетъ о вашемъ походѣ?

— Какъ вамъ сказать... Нѣтъ, не знаетъ, хотя сейчасъ долженъ зайти. Мы уговорились встрѣтиться здѣсь... Онъ самъ-то того, не рѣшается. Все откладываетъ...

Любочка, несмотря на свой рѣшительный характеръ, вдругъ какъ-то растерялась. Дьяконская непосредственность ее обезоружила. Она вдругъ почувствовала себя барышней и даже покраснѣла.

— Что же, Любовь Григорьевна?

Любочка поднялась, посмотрѣла на о. дьякона улыбающимися глазами и проговорила:

— О. дьяконъ, спросите мою маменьку, а сама я ничего не знаю..

Въ слѣдующій моментъ Любочка вдругъ покраснѣла и убѣжала къ себѣ въ комнату.

Знаменитое сватовство закончилось появленіемъ Кубова. Любочка долго не хотѣла ни за что выйти изъ своей комнаты.

— Вамъ не стыдно устраивать такія комедіи? — заявила она довольно сурово.

— Любовь Григорьевна, я тутъ не виноватъ... Былъ простой разговоръ... О. дьяконъ настойчиво совѣтовалъ мнѣ сдѣлать вамъ предложеніе, а я отшучивался и говорилъ, что пошлю его сватомъ. Вотъ и все. Дѣйствительно, вышло очень... очень какъ-то некрасиво, т.-е. для меня... Я, право, не знаю...

Въ этотъ моментъ ворвалась въ комнату Анна Николаевна и со слезами бросилась на шею къ Любочкѣ.

— Мама, что съ тобой? Ты опять ссорилась съ кѣмъ-нибудь?..

— Нѣтъ... Ахъ, Люба, отчего ты мнѣ сама-то ничего не сказала... Дьяконъ такъ меня напугалъ. Вѣдь все вдругъ...

Когда вечеромъ этого дня Катя пришла къ Печаткинымъ, Анна Николаевна встрѣтила ее извѣстіемъ, что „Любочкѣ наконецъ Господь послалъ судьбу".

— Ну, это еще старуха на-двое сказала,—объяснила сама Любочка.

— Да вѣдь ты же сама дала согласіе?—наступала Анна Николаевна.

— Да, дала, чтобы отвязаться отъ васъ... Будетъ. Надоѣли съ пустяками. Я и сама еще хорошенько не знаю...

Встрѣча съ Гришей вышла довольно офиціальная. Онъ видимо смущался, подбиралъ слова и вообще не зналъ, какъ ему быть. Свидѣтельницей этой сцены была и Людмила Григорьевна. Она въ первый разъ видѣла Катю, о которой слышала, какъ о своей соперницѣ.

„Ну, это не опасная конкурентка",—презрительно думала она, оглядывая скромный костюмъ Кати.

VI.

Катя прожила всѣ Святки въ Шервожѣ и теперь довольно часто была у Печаткиныхъ, главнымъ образомъ по утрамъ, когда Гриша уходилъ на службу. Она ближе познакомилась съ Людмилой Григорьевной, которая сначала сторонилась ея, а потомъ привыкла.

— Я слышала о васъ и думала, что вы совсѣмъ не такая,—откровенно признавалась эта довольно странная женщина.

— Какая же я, по-вашему, должна быть?

— Какъ вамъ сказать... ну, гордячка. Вообще непріятная, и я заранѣе ненавидѣла васъ.

— За что?

— А такъ, просто...

У Людмилы Григорьевны былъ какой-то странный характеръ. Она то сердилась на всѣхъ, то пускалась въ откровенные разговоры. Катя понимала ея положеніе и относилась къ ней съ сочувствіемъ. Она ставила себя на ея мѣсто и невольно жалѣла. Въ другой семьѣ и съ другимъ мужемъ Людмила Григорьевна была бы счастлива по-своему, а теперь сама чувствовала свое неловкое положеніе и плакала.

— Они меня всѣ ненавидятъ, — жаловалась она Катѣ: — Анна Николаевна поѣдомъ съѣла... Ну, да и я тоже живая въ руки не дамся. А сестрица Любочка гордячка... да.

— Все-таки не слѣдуетъ ссориться,—уговаривала ее Катя. — Вѣдь вы знаете, что онѣ обѣ очень добрыя женщины...

— Да, добрыя для другихъ, а не для меня.. Нѣтъ, ужъ вы это оставьте, Катерина Петровна. Посадить бы васъ въ мою кожу, такъ вы не то заговорили бы... Просто, иногда жизни своей не рада.

Между свекровью и снохой время отъ времени разыгрывались очень бурныя сцены, и Катя являлась примирительницей. Обѣ плакали, обѣ жаловались и обѣ были правы и неправы. Разъ послѣ одной такой сцены, когда Катя устраивала примиреніе, Людмила Григорьевна сквозь слезы проговорила:

— Смотрю я на васъ, Катерина Петровна, и удивляюсь...

— Именно?

— Не совсѣмъ вы умомъ, ежели разобрать... Вы не обижайтесь, я правду говорю. Доведись до меня, да я бы растерзала свою разлучницу, а вы меня же жалѣете. Вѣдь это я чувствую, что вы одна меня жалѣете.

— Вѣдь дурного въ этомъ ничего нѣтъ, почему же я не совсѣмъ умомъ?

— Да такъ, какъ-то не по-людски все выходитъ... Вѣдь и я васъ должна бы ненавидѣть, и не могу. Въ другой разъ стараюсь разсердиться, и ничего не выходитъ... Вѣдь я-то вижу, что Гриша любитъ васъ. Да, да, любитъ... Я это чувствую, когда онъ о васъ думаетъ, и такъ бы, кажется, растерзала его. А въ другой разъ думаю: брошу все, уйду, куда глаза глядятъ, не буду чужой вѣкъ заѣдать... Вы выйдете замужъ за Гришу и будете счастливы. Опять мнѣ иногда кажется, что я умерла, лежу въ гробу, а Гриша радъ, что развязался... Вѣдь онъ будетъ радъ... Да, да! Не спорьте, я знаю все... Вотъ вы всѣ ученыя и образованныя, а вѣдь я тоже понимаю, хотя и малограмотная... Все понимаю, до ниточки... И все-таки я не виновата, что меня не учили, а Гриша видѣлъ, кого бралъ замужъ. Вы думаете, у меня своихъ жениховъ не было? Сколько угодно... Меня отличный портной сваталъ въ Казани. Конечно, дура, польстилась быть благородной—вотъ теперь и казнюсь.

— Ничего, все устроится понемногу...

— Нѣтъ, не устроится, Катерина Петровна. Не такое дѣло... Сердце не повернешь. Если бы еще у насъ были дѣти, ну, тогда другое дѣло...

Людмила Григорьевна вздыхала и задумывалась. Катя теперь ужъ знала всю ея несложную біографію. Она осталась послѣ отца, портного, сиротой и десяти лѣтъ была отдана въ ученье въ модную мастерскую. Много пришлось перенести здѣсь бѣдной дѣвочкѣ и побоевъ, и голода, и непосильной работы. Катя съ ужасомъ слушала, чего стоятъ эти пышные дамскіе наряды, особенно передъ праздниками, когда идетъ „спѣшка". Швеи иногда работаютъ цѣлыя ночи напролетъ, не разгибая спины, работаютъ до обморока. Это настоящая каторга... Потомъ маленькая Людмила перешла уже въ разрядъ платныхъ швей, и ея положеніе значительно улучшилось, хотя приходилось голодать попрежнему, потому что нужно было сберегать крохи на костюмы.

— Въ магазинѣ чумичкой-то не будешь сидѣть,—объясняла Людмила Григорьевна,—а жалованья шесть рублей въ мѣсяцъ... Каждую пуговку высчитаешь, каждую ленточку. Не дай Богъ никому... А тутъ кругомъ соблазнъ. Тоже, по молодому дѣлу, и погулять хочется, отдохнуть отъ работы, а куда ни повернулся—вездѣ подавай деньги. Какъ я завидовала богатымъ, Катерина Петровна, до слезъ завидовала. Вотъ, думаю, живутъ да радуются, а ты тутъ сохни надъ работой. Все мечтала за богатаго замужъ выйти, чтобы на меня другія дѣвушки работали. Конечно, молода была, глупа... Ну, вотъ и вышла, все у меня есть, а я себя не знаю, куда дѣвать. Такъ тошно дѣлается въ другой разъ... Опять бы пошла въ свой магазинъ. Вѣдь я ужъ была закройщицей подъ конецъ и пятнадцать рублей жалованья получала. Потомъ ушла изъ магазина и дома стала работать, ну, а потомъ познакомилась съ Григоріемъ Григорьичемъ... Ахъ, зачѣмъ онъ тогда откровенно ничего не сказалъ! Ну, погоревала бы я, поплакала, а потомъ, можетъ-быть, и свою настоящую судьбу нашла...

Это слово „настоящая судьба" отзывалось въ душѣ Кати рѣжущей болью. Ей дѣлалось какъ-то обидно и за себя, и за Гришу, и за Людмилу Григорьевну. Всѣмъ было тяжело, и всѣ, отдѣльно взятые, были люди недурные. Была какая-то обидная несправедливость въ этой „настоящей судьбѣ"... Если обвинить во всемъ одного Гришу, то опять будетъ невѣрно, потому что какая же роль достается на ихъ долю — все зависѣло только отъ одного Гриши, а

сами по себѣ онѣ ничего не значили... Нѣтъ, такъ просто не задалось счастье...

Анна Николаевна никакъ не могла понять, почему Катя „дружитъ“ съ Людмилой Григорьевной, и только качала головой.

— Мудреная ты какая-то, Катенька, съ младенчества, — говорила старушка, покачивая головой. — Ни къ чему тебя не примѣнишь.

— Ничего нѣтъ мудренаго, Анна Николаевна: такая же, какъ и всѣ другіе люди.

— Такая же да не такая... То-то, поди, Людмила Григорьевна золотитъ меня? а? Она и то тигрой меня какъ-то назвала...

— Нѣтъ, она ничего не говоритъ... Она хорошая, Анна Николаевна.

— Людмилка хорошая? Значитъ, я кругомъ виновата, по-твоему? Значитъ, я напрасно ее браню?

— Я ничего не сказала про васъ, Анна Николаевна. Отдѣльно и вы хорошая и Людмила Григорьевна тоже, а вмѣстѣ вамъ трудно... Знаете, мой совѣтъ вамъ разойтись. Лучше будетъ...

— Ну, такъ я и знала: это Людмилка тебя научила.

— Честное слово, она ничего не говорила. Это я говорю...

— Пожалуйста, не заговаривай зубовъ, немного пораньше тебя родилась, да и яйца курицу не учатъ... Людмилка хороша, да и ты, пожалуй, не лучше была бы: тоже въ шею погнала бы богоданную матушку. Тихоня, а свое не упустила бы...

Анна Николаевна умѣла какъ-то смѣшно сердиться и говорила въ такія минуты удивительныя вещи, такъ что Катя могла только улыбаться.

— Тоже вотъ дочку Богъ послалъ, — не унималась Анна Николаевна, входя въ азартъ: — я про Любовь Григорьевну свою... Родная дочь, а скажу. Тоже невѣста называется... Володя-то къ ней и такъ и этакъ, а она уткнетъ носъ въ книгу или запрется у себя въ комнатѣ. Чему это только въ гимназіи учили?.. Никакого обращенія. А Володя хорошій, все меня маменькой навеличиваетъ.... Къ нему и жить переѣду, на службу въ тещи поступлю. Тогда меня и рукой не достанешь...

Любочка, дѣйствительно, порядочно дичила и все никакъ не могла освоиться со своей ролью невѣсты. Послѣднее ей казалось чѣмъ-то такимъ нелѣпымъ и даже обиднымъ. Что̀ такое невѣста?.. Такой же человѣкъ, какъ и всѣ другіе, а тутъ чуть пальцами не указываютъ: невѣста, невѣста, невѣста... Вѣдь никому и дѣла нѣтъ, а смотрятъ. Разъ пять Любочка наотрѣзъ отказала жениху, и сватовство начиналось съ первыхъ шаговъ. Выручалъ дьяконъ Келькешозъ, который являлся въ качествѣ парламентера для необходимыхъ переговоровъ.

— Такъ нельзя, достоуважаемая Любовь Григорьевна... Неблагопотребно.

— А вамъ какая печаль?—грубила Любочка. — Вообще отвяжитесь...

— Ахъ, мадмуазель, рессюреву келькешозъ...

Любочка сдавалась только тогда, когда дьяконъ заставлялъ ее улыбнуться. Кубовъ ужасно волновался каждый разъ и принималъ выходки Любочки за чистую монету. Онъ вообще терялъ всякій апломбъ и выглядѣлъ такимъ смѣшнымъ, — роль жениха тоже тяготила его. День свадьбы назначался нѣсколько разъ и откладывался изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ. Въ минуты огорченія онъ отправлялся къ Аннѣ Николаевнѣ и открывалъ ей свою душу.

— Да ты построже съ ней, — учила Анна Николаевна. — А еще мужчина называется... Слыхалъ, какъ въ церкви дьяконъ читаетъ: жена да боится своего мужа. Вотъ и ты испугай чѣмъ-нибудь Любу... Что̀ она ло-

мается, въ самомъ-то дѣлѣ! Другая бы была рада-радешенька... Да что тутъ говорить, если бы мнѣ двадцать пять лѣтъ убавить, такъ сама бы съ радостью пошла за тебя. Какого еще мужа нужно?

Катѣ очень нравился Кубовъ въ этомъ настроеніи. Онъ благоговѣлъ передъ своей избранницей и восхищался ею издали. Тотъ Кубовъ, который являлся такимъ рѣшительнымъ и энергичнымъ во всѣхъ остальныхъ дѣлахъ, точно исчезалъ подъ обаяніемъ молодого чувства. Бѣдняга былъ до того счастливъ, что даже стыдился показать это, точно его счастье могло обидѣть всѣхъ остальныхъ. Съ Катей Кубовъ ничего не говорилъ, тоже изъ деликатности, чтобы своимъ примѣромъ не напоминать ея одиночества. Эта деликатность не ускользнула отъ вниманія Кати, и она оцѣнила ее по достоинству.

— Вѣдь вамъ хочется поговорить о Любѣ? — спрашивала его Катя.—Да?..

— Ахъ, Катерина Петровна, это такая дѣвушка, такая... Словъ даже нѣтъ выразить все.

— Одна такая въ цѣломъ мірѣ, и никогда еще такой не было?.. Мнѣ какъ-то Анна Николаевна жаловалась на васъ, что вы даже не поцѣловали невѣсту ни разу...

— Т.-е. видите ли... гм... Любочка не выноситъ нѣжностей вообще, а поцѣлуй еще ничего не значитъ. Да...

Всего смѣшнѣе было то, что Кубовъ ревновалъ Любочку къ Сережѣ. Прямо онъ этого не высказывалъ, но не умѣлъ и скрывать предательскаго чувства. Когда Любочка хотѣла разсказать ему про свою дѣтскую любовь, Кубовъ даже побѣлѣлъ отъ волненія и умоляюще проговорилъ:

— Ради Бога, ничего не говорите... Я не желаю ничего знать. Я... я убью его... да.

— Да вѣдь ничего серьезнаго и не было.

— Все равно, убью...

На Любочку эта энергія произвела особенное впечатлѣніе, и она посмотрѣла на жениха удивленными глазами. Какой онъ страшный, этотъ Володя... Вѣдь въ самомъ дѣлѣ можетъ убить. Она подозвала его ближе къ себѣ, усадила рядомъ и, глядя въ глаза, тихо спросила:

— Вѣдь этакъ ты и меня убьешь?..

— Нѣтъ, зачѣмъ же...

— А ты меня любишь, Володя? очень?

— Я-то люблю, а вотъ вы...

— Я не знаю... я не понимаю ничего въ этихъ дѣлахъ... Однимъ словомъ, пустяки, о которыхъ не стоитъ говорить. Ахъ, какой ты смѣшной...

Анна Николаевна случайно подслушала эту сцену и только покачала головой. Очень ужъ кротокъ Володя-то, пожалуй, этакъ ничего и не выйдетъ. Да и Любочка совсѣмъ на невѣсту не походитъ... Вонъ какія слова выражаетъ, только слушай. Тоже это нехорошо, когда курица пѣтухомъ запоетъ. Анна Николаевна вообще приняла сторону будущаго зятя и откровенно высказывала это Любочкѣ.

— Очень ужъ скорыя на слова нынѣшнія дѣвицы... Тоже надо и свою дѣвичью скромность. Да и дѣло не шуточное: вѣкъ вѣковать съ мужемъ-то будешь. Теперь-то онъ смирнѣе теленка, а тоже и свою прыть вотъ какъ можетъ показать...

— Добрая мать, ты меня пугаешь.

— Вотъ и ты разговариваешь со мной, точно Людмила. Всѣ вы на одну колодку... Охъ, замаялась я съ вами!..

Это ворчанье у Анны Николаевны иногда смѣнялось безпричинной жа-

лостью къ дочери. Вѣдь легко это сказать: невѣста... Прежде-то дѣвушки-невѣсты рѣка рѣкой разливались, да и самое замужество „судомъ Божіимъ“ называлось, а нынче все равно, что̀ стаканъ воды выпить. Дальше Анна Николаевна начинала думать о покойномъ мужѣ. Дѣти-то подросли и почти не вспомнятъ отца. Развѣ когда такъ, къ слову придется. Конечно, молодое дѣло, самимъ до себя. Раздумавшись, Анна Николаевна про себя начинала напѣвать старинныя свадебныя пѣсни, особенно тѣ, которыя сложены были про невѣсту-сироту. Ужъ и хороши пѣсни, столько-то жалобныя, столько-то умильныя, такъ что Анна Николаевна потихоньку отъ всѣхъ плакала отъ нихъ. И тоже молодые-то ничего слышать не хотятъ: трень-брень на фортепьянахъ модный романсъ по нотамъ — и все туть. А настоящаго-то свадебнаго ни-ни...

VII.

Присмотрѣвшись ко всему, что̀ дѣлалось въ Шервожѣ, Катя съ особеннымъ удовольствіемъ начинала думать о своей Березовкѣ. Она положительно тосковала о деревнѣ, о своихъ двухъ комнаткахъ, о деревенской дѣтворѣ, о дѣдушкѣ Яковѣ Семенычѣ. Тамъ была настоящая жизнь, настоящая работа, настоящія радости и огорченія. Оставалась въ городѣ Катя до конца Святокъ потому, что свадьба Любочки должна была состояться сейчасъ послѣ Крещенья. Съ другой стороны, ей хотѣлось окончательно выяснить вопросъ о здоровьѣ отца. Петръ Аѳанасьевичъ съ ея пріѣздомъ замѣтно почувствовалъ себя лучше, т.-е. сдѣлался бодрѣе, разговорчивѣе, вообще оживился. Это успокоило Катю, и она занялась Пѣтушкомъ, который учился уже въ шестомъ классѣ гимназіи. Глядя на него, Катя часто удивлялась, когда это время успѣло пройти... Давно ли, кажется, Сережа поступалъ въ гимназію, давно ли сама она съ Любочкой ходила въ гимназической формѣ, а вотъ уже и Пѣтушокъ совсѣмъ большой. Мальчикъ выросъ какъ-то такъ, между прочимъ, безъ особенныхъ хлопотъ, и раньше Сережи сдѣлался самостоятельнымъ. Катю забавлялъ покровительственный тонъ, которымъ онъ говорилъ съ ней. Точно такъ же выросла незамѣтно у Печаткиныхъ рыженькая Зиночка, вытянулась, выровнялась и тоже почти большая. Она училась уже въ четвертомъ классѣ и рѣзко отличалась въ семьѣ своими рыжими волосами. Пѣтушокъ и Зиночка представляли уже второе поколѣніе, у нихъ были свои интересы, заботы и отношенія. Да, нарастало новое, а старое должно было уступать свое мѣсто. Умеръ и добрякъ-генералъ „Не-мнѣ“, а начальница Анна Ѳедоровна отказалась отъ своего мѣста и жила въ Шервожѣ на покоѣ.

Съ Гришей Катя почти не встрѣчалась, или встрѣчалась мелькомъ, при другихъ. Она не избѣгала его и не искала встрѣчъ. Теперь у нея явилось какое-то особенное спокойствіе, и дѣвушка даже спрашивала сама себя, было ли то, что̀ пронеслось грозой. Бываютъ такіе страшные сны, которыхъ никакъ нельзя припомнить. Ужели все это было ошибкой, и она никогда не любила его? Катѣ иногда начинало казаться, что именно такъ.

Разъ на Святкахъ Сережа привезъ Катѣ билетъ въ концертъ, который давали мѣстные любители въ помѣщеніи Благороднаго Собранія. Это было съ его стороны большой любезностью, такъ что Катя даже немного сконфузилась: она не привыкла къ такимъ знакамъ вниманія.

— Ты не подумай, что я тебѣ завезъ свой билетъ, потому что самъ раздумалъ ѣхать, — объяснилъ Сережа. — Нѣтъ, я буду добрымъ братомъ до конца и провожу тебя въ концертъ и даже изъ концерта.

По привычкѣ Сережа скрылъ, что билетъ былъ приготовленъ одной дамѣ, за которой онъ ухаживалъ и которая не поѣхала почему-то. Юный адвокатъ

съ особеннымъ вниманіемъ отнесся къ простенькому костюму сестры, сдѣлалъ нѣсколько указаній и вообще держалъ себя большимъ спеціалистомъ по части дамскихъ костюмовъ.

— Откуда ты все это знаешь? — наивно удивлялась Катя.

— Я? А приходится имѣть дѣло и съ вашими костюмами, какъ... съ вещественными доказательствами. Понимаешь, на судѣ, когда разбираются дѣла объ убійствѣ или грабежѣ. Гм... Приходится все знать.

Самъ Сережа одѣтъ былъ съ иголочки, и Пѣтушокъ каждый разъ смотрѣлъ на него завистливыми глазами. Катя поймала такой взглядъ и покраснѣла, припомнивъ, какъ одно время завидовала богатымъ. Впрочемъ, это пустяки и въ свое время пройдетъ. Между прочимъ, Сережѣ хотѣлось похвастать новой лошадью, которую онъ только-что купилъ. Онъ вообще быстро шелъ въ гору и имѣлъ успѣхъ. Катя даже не замѣтила новой лошади и дорогой завела разговоръ о свадьбѣ Любочки.

— Ахъ, да, я что-то такое слышалъ... — неохотно отвѣтилъ Сережа, кутаясь въ шинель съ дорогимъ бобромъ. — Что же, я желаю имъ всего лучшаго. Кажется, такъ принято...

— А тебя не мучитъ совѣсть?

Сережа засмѣялся.

— Меня всегда удивляетъ, какъ это женщины умѣютъ дѣлать изъ мухи слона. Вообще сентиментальности... Если считать всѣхъ женщинъ, въ которыхъ я былъ влюбленъ, то составится цѣлый монастырь.

— Ты всегда отшучиваешься, Сережа.

— Да вѣдь и Любочка давно забыла о моемъ существованіи. Однимъ словомъ, все въ порядкѣ вещей...

— А я думаю, что ты былъ бы гораздо счастливѣе съ Любочкой, чѣмъ съ той миѳической богатой невѣстой, о которой говорятъ.

— Можетъ-быть... — равнодушно согласился Сережа. — А вотъ въ концертъ мы съ тобой запоздали.

— Важныя лица всегда запаздываютъ...

Концертъ мало интересовалъ Катю, а также и провинціальная публика, за исключеніемъ нѣкоторыхъ подругъ по гимназіи и бывшихъ ученицъ, которыхъ она надѣялась встрѣтить здѣсь.

Первое отдѣленіе, дѣйствительно, уже началось, и Клепиковы должны были остановиться въ проходѣ, чтобы здѣсь подождать антракта. Что-то такое пѣли и играли, но Катя была занята только публикой. Она обрадовалась, когда въ первыхъ рядахъ стульевъ увидѣла сѣдую голову Огнева. Онъ очень любилъ музыку и не пропускалъ ни одного концерта. Потомъ въ толпѣ мелькнула фигура дяди Павла Данилыча Конусова. Онъ за эти два года, въ теченіе которыхъ Катя его не видала, ужасно измѣнился—сгорбился, посѣдѣлъ, обрюзгъ. Павелъ Данилычъ шелъ въ толпѣ съ такимъ видомъ, точно ему было рѣшительно все равно, гдѣ ни итти, только бы убить вечеръ такъ или иначе. Въ клубѣ онъ былъ старшиной, и, кажется, это званіе доставляло ему больше всего удовольствія.

— А вонъ и Гриша, — предупредилъ Сережа. — Третій рядъ креселъ, налѣво.

Катя даже вздрогнула. Она совсѣмъ не думала о Гришѣ, который рѣдко куда-нибудь показывался. Ей вдругъ сдѣлалось страшно, безотчетно страшно, какъ это бывало въ раннемъ дѣтствѣ. Явилось даже малодушное желаніе убѣжать и скрыться. Вѣроятно, она такъ бы и сдѣлала, если бы не Сережа. Въ антрактѣ ее выручилъ Огневъ, который подошелъ къ ней.

— Будьте моимъ кавалеромъ, Павелъ Васильичъ,—просила его Катя.— Я такъ отвыкла отъ всякой толпы, что даже боюсь одна...

— Прикажете сдѣлать руку кренделенъ?—весело отвѣтилъ Огневъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, безъ кренделя... Пройдемтесь по заламъ такъ, просто.

Сережа, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, скромно улизнулъ, и Катя замѣтила его уже около Клочковской, которая являлась царицей вечера. Огневъ что-то говорилъ и самъ же смѣялся. Катя тоже смѣялась, не зная чему—она плохо понимала, что̀ дѣлается кругомъ. Въ залѣ, гдѣ устраивались танцы, ихъ догналъ Конусовъ.

— Павелъ Васильичъ, Павелъ Васильичъ...

— Что прикажете, ваше преподобіе?

Конусовъ только хотѣлъ предложить Огневу прослѣдовать въ буфетъ „къ источнику", но узналъ Катю и замѣтно смутился.

— Милая племянница...

— Милый дядюшка, вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь: я освобождаю Павла Васильича ровно на пять минутъ.

— Вы, кажется, на что-то намекаете, государыня моя?—шутилъ Огневъ.— Можетъ-быть, вы хотите сказать, что мы отправимся пить коньякъ?..

„Молодые люди" быстро исчезли въ толпѣ, а Катя осталась у двери, прислонившись въ уголокъ. Въ этотъ моментъ мимо нея проходилъ Печаткинъ. Онъ шелъ съ разсѣяннымъ видомъ человѣка, у котораго мысли бѣжали другой дорогой. Замѣтивъ Катю, онъ остановился въ нерѣшительности, а потомъ быстро подошелъ и крѣпко пожалъ руку. Видъ у него былъ такой серьезный и грустный.

— Я никакъ не ожидала встрѣтить здѣсь именно васъ...—заговорила Катя, чувствуя, что ей вдругъ сдѣлалось легко. — И потомъ у васъ такое лицо...

— Да? Я самъ не знаю, зачѣмъ пришелъ... Нужно же куда-нибудь дѣваться.

Онъ провелъ рукой по волосамъ и внимательно посмотрѣлъ на ея лицо, точно стараясь что-то припомнить. Да, это было то же дорогое милое лицо, которое онъ такъ любилъ и которое ему отвѣчало когда-то такой привѣтливой, любящей улыбкой. Теперь оно окончательно сформировалось и получило неуловимо-тонкій отпечатокъ той мягкости, какой бываетъ у хорошихъ русскихъ женщинъ. Дѣвичья угловатость уступила мѣсто спокойному выраженію.

Не сказавъ ни слова, они пошли за двигавшейся толпой, а потомъ очутились въ уютной маленькой гостиной, отдѣлявшей игорную залу отъ общихъ комнатъ. Катя опомнилась только тогда, когда они уже сидѣли на маленькомъ диванчикѣ. Публики здѣсь совсѣмъ не было, за исключеніемъ доктора Конусова, который торопливо прошелъ мимо, кого-то разыскивая. Онъ уже успѣлъ замѣтно нагрузиться и держался не совсѣмъ твердо на ногахъ.

— Знаете, Катерина Петровна, я боюсь вашего дядюшки,—заговорилъ Гриша, прерывая затянувшуюся паузу.—Да, боюсь... Вѣдь мы съ нимъ вмѣстѣ служимъ и часто встрѣчаемся. И каждый разъ мнѣ больно его видѣть, потому что въ немъ я вижу себя... У насъ много общаго... Скажите откровенно, вы вѣдь то же подумали, когда онъ сейчасъ проходилъ мимо?

— Да, т.-е. нѣтъ... я не знаю...

Она отвѣтила какъ-то по-дѣтски, какъ отвѣчаютъ ученицы учителю. Не слѣдовало оставаться здѣсь, но она не имѣла силъ подняться. Между прочимъ, она только сейчасъ замѣтила, что Гриша въ новомъ военномъ мундирѣ,

и что этотъ мундиръ очень шелъ къ нему, что у него красивая окладистая борода, что онъ смотритъ на нее такими добрыми и такими грустными глазами.

— Да, буду уходить вотъ такъ же каждый вечеръ въ клубъ...—думалъ онъ вслухъ. — Много такихъ потерянныхъ субъектовъ, Сережа называетъ ихъ клубными животными. День за работой, а вечеромъ бѣжать, куда глаза глядятъ...

Онъ неожиданно придвинулся къ ней совсѣмъ близко и взялъ за руку.

— Григорій Григорьичъ, что̀ вы дѣлаете...—шептала она со слезами въ голосѣ.—Опомнитесь...

— Э, все равно... О, я такъ измучился, изстрадался... Я такъ давно ждалъ вотъ этой минуты, чтобы сказать вамъ что-то такое хорошее... Да, очень хорошее...

Онъ тяжело дышалъ. Она молчала, не смѣя шевельнуться. Зашуршавшее въ сосѣдней комнатѣ платье заставило его отодвинуться.

— Вы меня презираете, Катерина Петровна?

— Нѣтъ...

— Хуже: жалѣете. А хуже всего то, что я самъ напрашивался вотъ сейчасъ на такое сожалѣніе. Мужчина, потерявшій свою мужскую гордость, самое послѣднее дѣло... Если бы вы только знали, какъ я презираю самъ себя. И это чувство растетъ... У меня бываютъ цѣлые дни какого-то тупого отчаянія.

— Къ чему вы все это говорите, Григорій Григорьичъ? Какое наконецъ мнѣ дѣло до васъ вообще и въ частности?. Я рада, что мы сегодня встрѣтились, и что я могу сказать это вамъ прямо въ глаза... Прежней Кати нѣтъ, она умерла, а мертвыя не воскресаютъ. У насъ разныя дороги... Про себя могу прибавить только то, что я совершенно счастлива. Да... счастлива до того, что даже не могу сочувствовать чужому несчастію—вѣдь всѣ счастливые люди эгоисты.

Это была отчаянная самозащита. Катя сама вѣрила тому, что̀ сейчасъ говорила. Но онъ былъ другого мнѣнія, потому что терпѣливо выслушалъ ее до конца и улыбнулся

— Вы чему смѣетесь, Григорій Григорьичъ?..

Она сдѣлала попытку встать, но онъ ее опять взялъ за руку и удержалъ.

— Еще одно слово... послѣднее...

— Пожалуйста, только поскорѣе, не задерживайте меня. Сейчасъ уже началось второе отдѣленіе...

— Да да, именно второе отдѣленіе, Катерина Петровна...

Ей показалось, что онъ посмотрѣлъ на нее злыми глазами. Она еще не видала такого выраженія на его лицѣ. Черезъ амфиладу комнатъ до нихъ донесся гулъ дружныхъ аплодисментовъ.

— Я вамъ не вѣрю, Катерина Петровна,—спокойно и отчетливо проговорилъ онъ.—Да, не вѣрю... Вѣдь отъ себя не убѣжать. На время, пожалуй, можно обмануть, сдѣлать наконецъ видъ, но это все не то... Я вамъ не вѣрю!.. И себѣ не вѣрю и вамъ не вѣрю...

Она что-то хотѣла ему отвѣтить, хотѣла подняться, но только закрыла лицо руками. Только тонущіе люди испытываютъ это ощущеніе мертваго безсилія, когда нельзя пошевелить ни рукой ни ногой а холодная бездна неудержимо тянетъ внизъ А онъ продолжалъ улыбаться какъ-то странно... Его рука уже протягивалась къ ней, но въ этотъ моментъ въ дверяхъ показался Огневъ. Онъ молча посмотрѣлъ своими близорукими глазами на молодыхъ

людей, молча подошелъ, молча подалъ руку Катѣ и молча увелъ ее. А Гриша смотрѣлъ вслѣдъ имъ и продолжалъ улыбаться нехорошей, злой улыбкой.

— Не вѣрю... Никому не вѣрю!—шепталъ онъ.

VIII.

Огневъ провелъ свою даму прямо въ переднюю, помогъ надѣть шубу, опять подалъ руку и вывелъ на подъѣздъ. Усадивъ ее на извозчика, онъ помѣстился рядомъ и проговорилъ всего одно слово:

— Нехорошо...

Ночь была морозная, свѣтлая. Снѣгъ скрипѣлъ подъ полозьями. Продрогшая извозчичья кляча летѣла стрѣлой. Катя сидѣла и не чувствовала бившаго въ лицо морознаго воздуха, катившихся по лицу слезъ—ничего.

— Да, нехорошо...—повторилъ Огневъ.—Завтра же увезу васъ, барышня, въ деревню, домой. Такъ нельзя...

Катя разрыдалась и въ порывѣ отчаянія разсказала ему всю исторію своей неудачной любви. Она испытывала непреодолимую потребность высказаться, исповѣдаться.

— Такъ, такъ...—повторялъ Огневъ въ тактъ разсказа.

— Вѣдь онъ хорошій, Павелъ Васильевичъ... Я ему сказала все, что думала и чувствовала. Да, все... Я считала себя уже застрахованной отъ всякой вспышки... Ахъ, пустите меня! Я вернусь туда... я не могу...

— Ну, ужъ этого не будетъ, государыня моя! Извините... Хорошіе люди еще лучше, если смотрѣть на нихъ издали. Есть такая психическая перспектива.

Катя опять плакала и опять умоляла его отпустить ее туда, въ клубъ, чтобы еще разъ взглянуть на него.

— Я только издали посмотрю, Павелъ Васильичъ, и конецъ, всему конецъ...

— Не могу, государыня моя. Да вотъ мы и дома... Я что-то немножко замерзъ и съ удовольствіемъ напьюсь чайку. Петра Аѳанасьевича разбудимъ...

Катя какъ-то инстинктивно повиновалась во всемъ своему провожатому. На нее дѣйствовалъ увѣренный тонъ его голоса и еще сохранившееся гимназическое уваженіе къ бывшему учителю. Разбуженный Петръ Аѳанасьевичъ очень встревожился, когда увидалъ Огнева, а потомъ успокоился.

— А я по пути изъ концерта проводилъ барышню, — объяснялъ Огневъ.—Сережа тамъ ухаживаетъ за дамами, ну, я и проводилъ... Самоваръ будетъ?..

— Сейчасъ, сейчасъ... — бормоталъ Петръ Аѳанасьевичъ, торопливо и безцѣльно шмыгая изъ комнаты въ комнату.—Развѣ водочки съ холоду, Павелъ Васильичъ?

— Можно и водочки, стомаха ради и частыхъ недугъ...

Катя прошла къ себѣ въ комнату, умылась, выпила воды и немного прилегла отдохнуть. Черезъ дверь она слышала разговоръ въ гостиной. Говорилъ больше Огневъ, а Петръ Аѳанасьевичъ только отвѣчалъ.

— Давненько я васъ не видалъ, Петръ Аѳанасьевичъ..

— Да гдѣ видѣть-то, Павелъ Васильичъ. Всю жизнь просидѣлъ въ своей почтовой конторѣ.. Можно сказать, и свѣту Божьяго не видалъ.

— Да, да... А Курья?

— Прежде оно, точно, въ Курьѣ рыбачилъ, а вотъ нынче, пожалуй, не подъ силу будетъ. Состарился, Павелъ Васильичъ... Тоже вотъ дѣдушка Яковъ Семенычъ измѣнился, а безъ старика все какъ-то не клеится. То, да не то...

— Конечно, привычка... вторая натура. Вездѣ скучно, Петръ Аѳанасьевичъ. Вотъ мы были съ Катериной Петровной въ концертѣ: играютъ, поютъ. Все бы, кажется, хорошо, а какъ будто чего-то и недостаетъ. Да...

— Кому что требуется. Вотъ и у рыбы свой ходъ, у каждой: сегодня стерлядь пошла, завтра язь, потомъ судакъ, тамъ щука...

— Вотъ именно. У всякой рыбы свой ходъ...

Скоро появился самоваръ на столѣ, домашняя закуска и графинчикъ водки. Петръ Аѳанасьевичъ давно уже не являлся въ роли хозяина и развеселился. Его интересовала самая обстановка.

— Надоѣло мнѣ, Павелъ Васильичъ,—говорилъ старикъ.—Лямка своя почтовая надоѣла... И ни къ чему, вотъ главная причина. Дѣти совсѣмъ большія, а младшему, Пѣтушку, много ли нужно...

— Конечно... Вамъ и отдохнуть пора, Петръ Аѳанасьевичъ.

— Нѣтъ, не то, Павелъ Васильичъ. А такъ, вообще...

Старикъ чего-то не договаривалъ. Огневъ выпилъ рюмку и долго ходилъ по комнатѣ. Катя слышала его тяжелые шаги.

— Эхъ, Петръ Аѳанасьевичъ... Не то!..

— Что не то-то, Павелъ Васильичъ?..

— Да такъ... У каждой рыбы свой ходъ. Много ли нужно человѣку, чтобы быть счастливымъ?.. Сытъ, одѣтъ, и довольно. А намъ все мало... Въ чужомъ ртѣ кусокъ великъ. Такъ и во всемъ...

— А я, признаться, ничего не понимаю въ этихъ дѣлахъ, Павелъ Васильичъ. Прожилъ вѣкъ, и слава Богу. Кажется, никого не обидѣлъ, никому не досадилъ... А посмотришь на нынѣшнихъ... Ну, да это не нашего ума дѣла. Мы по-своему, они по-своему... Главное въ человѣкѣ—совѣсть. Нѣтъ совѣсти—ничего нѣтъ... Главное это дѣло, чтобы совѣсть сохранить.

Катя долго слушала эти стариковскіе умные разговоры и потомъ вышла въ гостиную. Петръ Аѳанасьевичъ обрадовался, что она ничего, здорова.

— А мы тутъ стариковскимъ дѣломъ тары да бары,—точно оправдывался онъ. — А время идетъ... Близко полночи сейчасъ, Павелъ Васильичъ?

— Да, безъ десяти минутъ. Концертъ сейчасъ долженъ кончиться... Какъ вы себя чувствуете, Катерина Петровна?

— Ничего... лучше.

Это участіе и радовало и смущало Катю. Все-таки чужой человѣкъ... Нѣтъ, теперь не чужой, потому что онъ знаетъ все.

Огневъ посидѣлъ еще съ полчаса, а потомъ распростился и уѣхалъ.

— Папа, я завтра ѣду къ себѣ домой, — заявила Катя, отправляясь спать.

— Что же, твое дѣло. Спасибо, что пріѣхала...

Катя почти не спала всю ночь. Ей и плакать хотѣлось, и что-то такое было жаль, и что-то такое хорошее грезилось. Вѣдь есть же и жизнь, и люди, и живое дѣло... Она еще разъ по ниточкѣ разобрала всю свою жизнь и пришла къ тому заключенію, что Огневъ правъ—ничего не остается, какъ ѣхать въ Березовку. Вотъ ея дѣло, ея призваніе, ея маленькая миссія. Достаточно, если каждый будетъ дѣлать свое маленькое дѣло. Лучшимъ доказательствомъ для нея служила пустая жизнь провинціальнаго городка. Здѣсь даже удовольствія не имѣли никакой цѣны... Она видѣла скучающія лица, видѣла несчастныхъ людей (каждый по-своему), видѣла цѣлый рядъ нелѣпостей, изъ которыхъ складывается то, что называется жизнью. И для этого стоитъ жить?.. Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ... Она чувствовала теперь себя чужой въ отцовскомъ домѣ уже совсѣмъ по другимъ причинамъ, чѣмъ это было раньше.

Предъ ея глазами стояла другая жизнь, захватывавшая ее глубиной своихъ интересовъ и тѣмъ, что это настоящая жизнь, настоящіе интересы. Съ этой мыслью Катя и уснула. Она даже улыбалась во снѣ... Да, она еще нужна тамъ, въ деревнѣ, гдѣ у нея и своя семья, и трудъ по душѣ, и то, что можетъ назваться счастьемъ. Счастье—сколько умныхъ головъ, сколько геніальныхъ умовъ бьется надъ разрѣшеніемъ этого вопроса, а онъ такъ прость, если смотрѣть на него просто.

Утромъ она проснулась рано, потихоньку одѣлась и незамѣтно вышла. Она знала, что Гриша отправляется на службу въ свой военный госпиталь къ девяти часамъ, и дождалась его на улицѣ. Онъ былъ и удивленъ и смущенъ, когда встрѣтилъ ее.

— Я на васъ не сержусь, Григорій Григорьичъ,—заговорила она просто, точно ничего особеннаго вчера не случилось.—Сегодня я уѣзжаю къ себѣ въ деревню, и мнѣ хотѣлось серьезно поговорить съ вами.

— Я слушаю...

— Вчера вы не рисовались своимъ отчаяніемъ?

— Нѣтъ, къ сожалѣнію...

— Хорошо... Дѣло въ томъ, что все это пустяки. Понимаете? У насъ [illegible]изанности... да. Вѣдь черезъ годъ ваша обязательная служба кончается? [illegible]гъ и отлично... Поступайте врачомъ въ деревню...

— Т.-е. что это значитъ?...

— А то, что вы будете жить въ деревнѣ, приносить пользу тысячамъ [illegible] и будете счастливы уже однимъ сознаніемъ, что не даромъ живете на [illegible] свѣтѣ. Дипломъ еще ничего не даетъ... Нужно умѣть приложить свои [illegible]. Попробуйте, и тогда, по крайней мѣрѣ, избавитесь отъ своей хандры, [illegible] что увидите настоящее горе, настоящую нужду, настоящую жизнь. [illegible] всѣ наши культурныя горести круглый нуль, если сравнить ихъ съ [illegible] чѣмъ живетъ деревенская Россія. Мнѣ даже некогда слушать ваши возражения—я сейчасъ ѣду. Если хотите подѣлиться мыслями—пишите, а пока до свиданія.

Онъ стоялъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее. Это была совсѣмъ другая женщина, а не прежняя гимназистка Катя. За ней стояло какое-то громадное дѣло, которое придавало ей и рѣшимость и силы.

— Отъ души завидую вашимъ знаніямъ,—говорила Катя на прощанье.— Да, они нужны тамъ, гдѣ не имѣютъ возможности платить жалованья и опредѣленной платы за визиты. Въ матеріальномъ отношеніи вы, можетъ-быть, и потеряете, но зато въ тысячу разъ выиграете въ нравственномъ... Прощайте.

— И только?—едва могъ проговорить Гриша.

— Да...

Она крѣпко пожала его руку и быстро исчезла. Онъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, провожая ее глазами, и припоминалъ свое далекое дѣтство. Да, если бъ отецъ былъ живъ, онъ сказалъ бы то же самое... Воспоминанія дѣтства для Гриши неразрывно были связаны съ маленькой Катей и отцомъ. Онъ не понималъ только одного, что могло случиться съ Катей за такой сравнительно короткій срокъ,—еще вчера она была другой.

Онъ понялъ бы все, если бы могъ видѣть, какъ черезъ часъ изъ Шервожа выѣзжала земская кибитка, увозившая Катю и Огнева въ деревенскую глушь. Катя была весела, какъ никогда. Ей дѣлалось даже совѣстно за свое настроеніе, тѣмъ болѣе, что отецъ на прощанье какъ-то особенно грустно сказалъ:

— Можетъ-быть, Катя, и я къ тебѣ скоро пріѣду... Кланяйся дѣдушкѣ

я скажи, что тяжело мнѣ оставаться одному. Ну, да ничего, какъ-нибудь проживемъ...

Катѣ какъ-то особенно сдѣлалось жаль отца, и вмѣстѣ съ тѣмъ она не могла остаться въ Шервожѣ. У нея были свои обязанности.

— Вотъ и отлично, государыня моя, — проговорилъ Огневъ, когда кибитка миновала заставу. — Обидно, но географія имѣетъ громадное значеніе въ нашей судьбѣ...

— Вы такъ думаете?

— Приходится такъ думать... Вѣдь я говорю съ вами, какъ закоренѣлый городской человѣкъ, который только на старости лѣтъ открылъ, что главное-то заключается въ деревенской Россіи. Мнѣ даже совѣстно въ этомъ сознаться, но это такъ... Что подѣлаешь, русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ. Помните, какъ вы учили еще изъ всеобщей исторіи о знаменитыхъ римлянахъ, уходившихъ въ деревню? Цинцинатъ, напримѣръ... Однимъ словомъ, вы понимаете, что я хочу сказать.

— Да...

Кибитка летѣла по занесенному снѣгомъ тракту, ныряя изъ ухаба въ ухабъ и наваливаясь то на одинъ бокъ, то на другой. Падалъ мягкій снѣжокъ, слѣпившій глаза. Сквозь его мутную сѣтку неожиданно вырастали силуэты обозныхъ подводъ, занесенныхъ снѣгомъ ямщиковъ, остовы голыхъ придорожныхъ березъ, утонувшія въ снѣгу деревушки... Да, это была та настоящая Русь, о которой такъ мало знаютъ въ городахъ, и Катя съ удовольствіемъ думала, что она именно здѣсь не чужой, а свой, нужный человѣкъ, что будутъ рады ея пріѣзду, что ея работа оставитъ свой слѣдъ—маленькій, незамѣтный слѣдъ, но все-таки слѣдъ. Было для чего жить и трудиться.

А какъ хорошо думается въ такую дальнюю дорогу. Мысли въ головѣ кружатся, какъ снѣжинки, одна за другой, цѣлая живая сѣтка, и сквозь нее смутно обрисовывается та далекая цѣль, къ которой нужно итти. Чѣмъ дальше подвигалась кибитка, тѣмъ легче дѣлалось на душѣ у Кати.

— Послушайте, Павелъ Васильичъ, а я вѣдь даже не простилась хорошенько съ Любочкой, — заявила Катя, когда они подъѣзжали уже къ Березовкѣ.

— Развѣ?—удивился Огневъ. — Да, это нехорошо... А впрочемъ, вашей Любочкѣ не до насъ.

Катя съ удивленіемъ посмотрѣла на своего спутника,—что это значитъ: *не до насъ*?

IX.

Настроеніе Гриши въ концѣ зимы удивляло и родныхъ и знакомыхъ. Онъ точно переродился. Людмила Григорьевна не знала, какъ объяснить себѣ это. И съ ней онъ былъ другимъ. Одно только безпокоило ее—это безконечные разговоры о какой-то деревнѣ.

— Въ деревняхъ мужики живутъ,—отвѣчала она. — Намъ-то какое до нихъ дѣло...

— А если я тоже переѣду въ деревню?

— Ну, ужъ это дудки!.. Извините, Григорій Григорьичъ, а мужичкой я не желаю быть. Если бы вы мнѣ сказали это тогда, такъ я бы ни въ жисть не пошла за васъ замужъ.

— Отчего же сестра Люба можетъ жить съ мужемъ въ деревнѣ, а ты не можешь?

— Они молодые. Имъ и въ деревнѣ весело... У Владимира Гаврилыча

какой-то тамъ подрядъ—вотъ и живутъ, а окончится подрядъ—выѣдутъ опять въ Шервожъ.

— А Катя Клепикова?

— Катерина Петровна особь статья... Ее къ другимъ и ровнять нельзя. Удивляюсь я мужчинамъ... Взять хоть тебя. Ну гдѣ у тебя глаза были?.. Вѣдь такой дѣвушки и съ огнемъ не сыщешь, а она-то тебя вотъ какъ любила. Нѣтъ, женился на мнѣ... Теперь бы я была женой портного и жила бы въ Казани въ полное свое удовольствіе, а ты вотъ хочешь меня еще въ деревню свезти. Нѣ-ѣтъ, голубчикъ...

Раньше подобные разговоры приводили Гришу въ отчаяніе, а теперь онъ только улыбался: по-своему, жена была совершенно права.

Немало удивляло всѣхъ и то, что Гриша какъ-то особенно сблизился съ дьякономъ Келькешозомъ. Вечеромъ частенько онъ прямо изъ своего госпиталя проѣзжалъ къ дьякону и тамъ просиживалъ до полуночи. Это сближеніе произошло еще на свадьбѣ сестры, въ которой дьяконъ принималъ такое дѣятельное участіе.

— Володька, конечно, дуракъ, и безъ меня онъ давно бы пропалъ, какъ червь!—съ гордостью повторялъ дьяконъ.—И Любовь Григорьевны ему бы не видать, какъ своихъ ушей, ежели бы не я...

Квартира дьякона была недалеко отъ военнаго госпиталя, и Гриша любилъ даже подъѣзжать къ ней. Такой уютный деревянный домикъ въ три небольшихъ комнаты. Въ немъ всегда было жарко, а вентиляціи не полагалось: дьяконъ не признавалъ форточекъ. Въ самомъ дѣлѣ, придумали какую-то гигіену, вентиляторы, дезинфекцію, карболку... Гриша необыкновенно хорошо чувствовалъ себя именно въ этихъ невентилированныхъ комнатахъ съ застоявшимся тяжелымъ воздухомъ. Весело горитъ небольшая лампочка, на столѣ кипитъ самоваръ, дьяконъ грузно шагаетъ изъ угла въ уголъ.

— Ну, что̀, Гриша, новаго въ газетѣ пишутъ? Все проклятый Бисмаркъ мутитъ?.. Если бы я не былъ дьякономъ, непремѣнно пошелъ бы на войну. Тогда бы не попадайся мнѣ, чортова кукла...

— Да вѣдь нѣмцы такіе же люди, какъ и мы съ вами?

— Такіе да не такіе... у насъ все-таки совѣсть есть. Живетъ-живетъ человѣкъ, и сдѣлается ему совѣстно: нельзя такъ жить, надо по-другому. Вотъ возьми меня: ну, какого мнѣ чорта нужно? Да на мое мѣсто самъ губернаторъ съ удовольствіемъ пойдетъ, а мнѣ претитъ. Будетъ, пожилъ, надо и честь знать... Я, братецъ ты мой, тоже вотъ какъ свое дѣло обмозговалъ. Кончено. Значитъ, шабашъ...

— Что̀ кончено-то?

— А въ Березовку ѣду...

— Въ гости?

— Какое въ гости—совсѣмъ. Заберу дьяконицу съ ребятишками и але маширъ. Деревенскимъ попомъ буду... Мнѣ ужъ владыка обѣщалъ. А Березовскій попъ сюда просится, къ намъ въ общину, на мѣсто попа Евгенья. Старикъ-то сильно ослабѣлъ... чахотка у него.

— Вѣдь это вамъ будетъ невыгодно: городской дьяконъ вдвое больше получитъ, чѣмъ деревенскій попъ.

— И я такъ же раньше-то думалъ... Конечно, глупость была. А теперь кончено. Шабашъ... Я вѣдь самъ-то въ деревнѣ выросъ, на ржаномъ хлѣбѣ. Да... Оно покрѣпче бѣлаго-то городского хлѣба. Вѣрно... Тоже вотъ ребята растутъ, объ нихъ надо подумать. Что̀ они въ городѣ-то увидятъ? Мы какъ-то съ Огневымъ въ Березовку ходили — отлично. Сколько послѣ-то онъ благо-

дарилъ меня. Я его вылѣчилъ сразу, а то совсѣмъ-было подохъ. Ну, тоже надо сказать и то—школа тамъ въ Березовкѣ, буду законоучителемъ Катерина Петровна учительницей состоитъ, ну, вмѣстѣ и будемъ это самое дѣло мозговать. У меня братецъ ты мой, все до самой тонкости обдумано... Шалишь, братъ. Кончено Шабашъ... Пашню буду пахать, хлѣбъ сѣять, сѣно свое... Вонъ Володька-то жилъ: панъ паномъ. Конечно, онъ глупъ и бросилъ все. Ну, зато я-то не дуракъ... Хе-хе! Меня, братъ, не надуешь... Вотъ пріѣзжай ко мнѣ въ гости: всѣмъ своимъ угощу.

Гриша выросъ въ городѣ и совсѣмъ не зналъ деревни, а поэтому слушалъ разговоры дьякона съ особеннымъ удовольствіемъ. Онъ уже впередъ чувствовалъ какое-то облегченіе, а главное, все было такъ просто, ясно и какъ-то попросту хорошо. Мысль о деревнѣ теперь для него являлась чѣмъ-то въ родѣ лѣкарства. Да, тамъ будетъ все другое, новое, здоровое, хорошее. И о Катѣ онъ такъ хорошо думалъ, какъ думаютъ о любимыхъ сестрахъ. Да, именно сестра. Послѣдняя вспышка стараго чувства смѣнилась другимъ настроеніемъ. Нѣтъ, онъ не будетъ клубнымъ животнымъ и пьяницей, какъ collega Конусовъ. Его спасетъ новая работа. Только бы скорѣе отслужить свой срокъ военнымъ врачомъ.

Разъ на улицѣ Гриша встрѣтилъ Сережу. Юный адвокатъ катилъ на собственномъ рысакѣ. Онъ остановился и пошелъ пѣшкомъ. Въ послѣднее время старые товарищи встрѣчались все рѣже и рѣже, и Гришу удивило это неожиданное вниманіе.

— У меня дѣло къ тебѣ есть, — заговорилъ Сережа. — Да... Надѣюсь, что не откажешься исполнить маленькую просьбу.

— Въ чемъ дѣло?

— А видишь ли... ну, какъ это тебѣ сказать... гм... Однимъ словомъ, я, братъ, женюсь и хочу, чтобы ты былъ моимъ шаферомъ. Понимаешь, какъ-то пріятнѣе, если старый товарищъ...

— А невѣста кто? Надѣюсь, что это не секретъ.

— О, совсѣмъ не секретъ, голубчикъ... Видишь ли, я еще самъ не знаю, на которой изъ трехъ остановиться: Клочковская—красавица, но у нея ничего нѣтъ; Женя Болтина очень толста, но зато у нея радуга въ карманѣ; есть еще одна, та ужъ совсѣмъ богатая, только горбатая. Ну, да для меня это рѣшительно все равно. Я вѣдь не знаю вашихъ сентиментальностей.

— И тебѣ не стыдно, Сережа?—въ упоръ спросилъ Гриша.

Сережа громко расхохотался.

— Послушай, голубчикъ, это наконецъ смѣшно... Ты знаешь, что я всегда былъ врагомъ всякихъ сентиментальностей. Вѣдь теперь даже дѣвицы и тѣ смотрятъ на вещи здраво. Взять хоть Клочковскую... У меня съ ними разговоры откровенные, все на чистоту. Вамъ нужно мужа съ общественнымъ положеніемъ, приличнаго человѣка, а мнѣ нужно... Послушай, ты, вѣроятно, смотришь на меня, какъ на сумасшедшаго? Э, все равно... Всякій дуракъ по-своему съ ума сходитъ. Однако я съ тобой заболтался. Прощай...

Рысакъ унесъ довольнаго и счастливаго Сережу, а Гриша стоялъ на тротуарѣ и повторялъ про себя его слова. Да, и это Сережа Клениковъ... Что-то такое маленькое, дрянненькое, неспособное даже на крупную ошибку. Такіе именно люди и устраиваются хорошо, наживаютъ состояніе и, главное, проходятъ жизнь съ спокойной совѣстью, вѣроятно, потому, что этой совѣсти у нихъ нѣтъ, или она ужъ очень растяжима. Конечно, Сережа въ этой сценѣ рисовался по своему обыкновенію и хотѣлъ выставить себя испорченнѣе, чѣмъ былъ въ дѣйствительности. Это Гриша понималъ и не придалъ особеннаго

значенія сегодняшнему разговору. Но все-таки онъ рѣшилъ про себя, что шаферомъ у Сережи не будетъ, и съ этой мыслью ушелъ домой. Ровно черезъ недѣлю онъ получилъ отъ гимназическаго приятеля уже офиціальное приглашеніе. Отказываться было неловко, да наконецъ Гришу интересовала вся эта ложь.

Въ назначенный день и часъ онъ былъ у Сережи, который жилъ уже на новой квартирѣ, приспособленной спеціально на этотъ казусъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ много совершенно незнакомыхъ людей и первое время чувствовалъ себя очень неловко.

— Представь себѣ, какой сюрпризъ преподнесенъ мнѣ родителемъ,— говорилъ Сережа, отводя стараго друга въ сторону:—онъ наотрѣзъ отказался быть у меня на свадьбѣ... Даже изъ приличія не сослался на какую-нибудь болѣзнь. Вообще, чудакъ...

— Что же, я вполнѣ понимаю Петра Аѳанасьевича: я, на его мѣстѣ, вѣроятно, поступилъ бы такъ же...

— Ну, ну, пошелъ огородъ городить! Сентиментальность... Я сейчасъ тебя представлю своей невѣстѣ. Пожалуйста, не смотри на нее удивленными глазами... Она очень милая дѣвушка и тоже безъ сентиментальности.

Невѣста оказалась та третья, о которой Сережа говорилъ раньше. Это была довольно развязная дѣвушка съ едва замѣтнымъ горбомъ. Она удостоилась счастія сдѣлаться m-me Клепиковой благодаря наслѣдству, полученному послѣ какой-то тетки.

— Очень рада съ вами познакомиться,— повторила она стереотипную фразу дѣланнымъ тономъ.—Надѣюсь, что мы съ вами будемъ друзьями, потому что друзья Сергѣя — мои друзья.

— Очень радъ...—пробормоталъ Гриша, не зная, что ему отвѣчать.—Я уже слышалъ о васъ отъ Сережи. Онъ...

— Не правда ли, какъ онъ меня любитъ?..

На красивомъ и молодомъ лицѣ мелькнула саркастическая улыбка. Немного суженные зеленоватые глаза только не говорили, что: „эхъ, братецъ, какой же ты наивный теленокъ!“. Да, въ такихъ бракахъ обѣ стороны совершенно застрахованы отъ ошибокъ, и Гриша съ невольной горечью подумалъ, что, можетъ-быть, они-то и будутъ счастливы, потому что нѣтъ никакихъ иллюзій, которыя могли бы разрушиться. Но все-таки онъ почувствовалъ себя легче, когда наконецъ могъ отойти отъ счастливой невѣсты.

Тутъ же толкался докторъ Конусовъ, противъ обыкновенія, трезвый. Онъ поймалъ Гришу и все время не отпускалъ его.

— Какъ же, племянника женю,—повторилъ онъ нѣсколько разъ.—Да... До нѣкоторой степени семейная радость, вѣрнѣе — фамильная. Мы процвѣтаемъ... А вы какъ полагаете, collega? У него — общественное положеніе, свѣтъ науки, вообще будущность, а у нея природные родительскіе капиталы. Комбинація невредная...

— Вѣдь нужно же и богатымъ дѣвушкамъ выходить за кого-нибудь замужъ, Павелъ Данилычъ.

— Да, да... Законъ природы, а деньги составляютъ рафинированную часть природы.

Конусовъ былъ въ ударѣ и не безъ остроумія охарактеризовалъ собравшееся у Сережи смѣшанное общество,—вѣдь онъ зналъ подноготную всѣхъ и каждаго. Вонъ судейскіе сбились въ одну кучу, точно гнѣздо пауковъ, около нихъ разбитое стадо губернскаго чиновничества — тоже хороши милашки, въ отдѣльной комнатѣ представители именитой коммерціи — частью кліенты Сережи, а частью родственники невѣсты.

— Отца у нея нѣтъ, а вонъ дядя, который ее воспитывалъ... Очень миленькій субъектецъ. Онъ служитъ старостой въ каѳедральномъ соборѣ. Интересно, какие счета онъ представитъ Сереженькѣ послѣ свадьбы—невѣста-то подъ его опекой состояла. Можетъ произойти казусъ... Дамъ что-то совсѣмъ мало, да и тѣ неизвѣстныя. Оплошалъ племянничекъ по этой части... Кстати, collega, вы слышали новость?

— Какую?..

— Сережа приглашалъ на свадьбу сестру...

Въ этотъ моментъ кто-то увлекъ Конусова, и Гриша не узналъ, что̀ за новость онъ хотѣлъ ему сообщить. Черезъ полчаса Конусовъ опять появился, но уже былъ въ такомъ видѣ, что можно было только удивляться, когда онъ успѣлъ опьянѣть. Старикъ быстро опускался и ослабѣвалъ съ двухъ рюмокъ, причемъ имъ овладѣвало какое-то особенное мрачное настроеніе. Знакомые старались избѣгать его въ такія минуты.

— Знаешь, collega, что̀ мнѣ хочется сдѣлать? — говорилъ онъ теперь, подхвативъ Гришу подъ руку: — вотъ встать посреди комнаты и крикнуть: „почетная публика, мерзавцы вы всѣ, да и я тоже!“ Произвелъ бы эффектъ... А знаешь, почему мерзавцы? Потому, collega, что изъ брака, въ немъ же есть великая тайна, сдѣлали позорное торжище, и мы присутствуемъ на одномъ торжищѣ — и eo ipso поощряемъ его.

— А что̀ отвѣтила Катерина Петровна на приглашеніе Сережи?

— Да вотъ это самое... Хе-хе!.. Племянница у меня изъ другой матеріи сшита. Да-съ... Сережа обидѣлся, но скрылъ сіе, а я-то его знаю.

— Въ этомъ и вся новость?

— Ахъ, да... сейчасъ...

Конусовъ сдѣлалъ серьезное лицо, даже повертѣлъ около лба пальцемъ и наконецъ сознался:

— Забылъ, collega... Что-то такое было, очень интересное—и забылъ.

X.

Кубовы жили въ селѣ Прилукѣ. Отъ Шервожа по Лачѣ до него было верстъ сто съ небольшимъ. У Кубова были лѣсные подряды, которые должны были быть выполнены къ веснѣ, когда вскроется рѣка. Онъ заготовлялъ шпалы для строившейся желѣзной дороги, какіе-то брусья, тысячи бревенъ—однимъ словомъ, цѣлый лѣсной караванъ. Послѣ свадьбы молодые ни разу не могли съѣздить въ Шервожъ, а поэтому была выписана въ Прилуку Анна Николаевна. Она долго не рѣшалась ѣхать одна, потому что вообще ей одной куда-нибудь не случалось ѣздить. Но тутъ она получила отъ Любы такое письмо, что нельзя было не ѣхать. Первымъ дѣломъ старушка полетѣла за совѣтомъ къ Петру Аѳанасьевичу—все-таки мужчина и можетъ посовѣтовать, какъ и что̀.

Петръ Аѳанасьевичъ былъ дома и работалъ въ своей мастерской.

— На̀-ка вотъ, отецъ, прочитай письмо отъ Любы...—говорила она, тяжело дыша. — Небось, вспомнила и мать. Вотъ пишетъ... Боялась я одна-то до смерти итти къ тебѣ, ну, Зину съ собой захватила. Она тамъ съ Пѣтушкомъ какіе-то разговоры разговариваетъ... Охъ, ужъ и не знаю, что̀ мнѣ и дѣлать, отецъ! И обрадовалась я, и испугалась, и точно сама не своя...

— Все дѣло сейчасъ разберемъ,—не безъ важности отвѣтилъ Петръ Аѳанасьевичъ, вооружая носъ очками.—Конечно, твое женское дѣло, Анна Николаевна. Всего боишься...

— Охъ, всего боюсь, отецъ!.. Такъ вотъ сердце и упадетъ... А чего

испугалась, и сама не знаю. Слабое наше женское дѣло... И худого боишься и хорошаго боишься.

Письмо Любы было предварительно осмотрѣно Петромъ Аѳанасьевичемъ со всѣхъ сторонъ, потомъ отставлено на извѣстное разстояніе и прочитано съ чувствомъ, толкомъ, разстановкой. Потомъ Петръ Аѳанасьевичъ бережно сложилъ его, еще разъ осмотрѣлъ, взвѣсилъ на рукѣ и, передавая обратно, проговорилъ:

— Нужно Богу молиться, мать... да. Счастье Господь посылаетъ... Вотъ и ты порадуешься на старости лѣтъ. Дай Богъ всякому...

Анна Николаевна только сейчасъ поняла, что поступила безтактно. Ея радость только растравляла глубокую рану, которую Петръ Аѳанасьевичъ затаилъ въ своей доброй душѣ. Ахъ, глупая, глупая... Надо было посовѣтоваться насчетъ дороги, а она ему все письмо показала.

— Да, хорошо...—повторялъ Петръ Аѳанасьевичъ, опуская свою сѣдую голову.

Чтобы поправиться, Анна Николаевна понесла какую-то околесную и кончила тѣмъ, что неожиданно расплакалась.

— Да ты о чемъ это, мать?—удивился Петръ Аѳанасьевичъ...

— А и сама не знаю, отецъ... Вотъ ѣхать надо этакую даль: легко сказать—сто верстъ. Еще разбойники на дорогѣ-то зарѣжутъ...

— Какіе тамъ разбойники... Тоже придумала. Поѣзжай съ Богомъ. Приду проводить... А лошадей я тебѣ достану отъ своихъ ямщиковъ, до са- [illegible] Прилуки довезутъ. Да... Ежели дорожной шубы нѣтъ, такъ возьми у [illegible]. Осталась одна такая отъ покойной матери.

— Нѣтъ, у меня своя есть. Да и дѣло весеннее—днемъ-то вотъ какъ [illegible]паетъ пригрѣвать. А я такъ...

Пока шли эти переговоры, въ гостиной происходила другая сцена. Пѣтушокъ сидѣлъ у стола и готовилъ уроки. Появленіе нежданныхъ гостей заста- [illegible] его нахмуриться, особенно, когда появилась Зиночка. Вотъ помѣшаютъ [illegible]заниматься... Его недовольство возросло еще больше, когда Анна Нико- [illegible]вна ушла въ мастерскую, а Зиночка осталась въ гостиной. Пѣтушокъ сначала углубился въ свои книги, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ гостьи. Зиночка конфузливо присѣла на диванъ и внимательно разсматривала обои. Она вся разгорѣлась съ мороза и отъ охватившаго ее чувства неловкости. Важничаетъ гимназистъ... Такъ прошло минутъ десять. Зиночкѣ наконецъ надоѣло сидѣть молча, и она заговорила первая:

— Вы, кажется, сердитесь на меня...

— Я? на васъ? За что же я буду сердиться на васъ?..

— Я не знаю, но мнѣ такъ показалось... Какъ мама долго. А я тутъ торчу, какъ кукла...

— Что же, прикажете заниматъ васъ?

Зиночкѣ вдругъ сдѣлалось смѣшно. Она подсѣла къ столу и безъ церемоніи принялась разсматривать учебники суроваго гимназиста. Пѣтушокъ сначала смотрѣлъ на это непріятельское вторженіе съ затаенной ненавистью, сдвинувъ брови, а потомъ замѣтилъ, что у непріятеля при огнѣ волосы совсѣмъ золотые, глаза прелестнаго голубого цвѣта, какъ двѣ большихъ бирюзы, кожа удивительной бѣлизны. Зиночка чувствовала на себѣ этотъ взглядъ, но сдѣлала видъ, что ничего не замѣчала, и кончила неожиданной выходкой—схватила всѣ книги и тетради и перемѣшала въ одну кучу, такъ что латинская грамматика очутилась въ сосѣдствѣ съ физикой, Вергилій съ всеобщей исторіей, extemporalia съ какой-то истрепанной книгой.

— Вотъ вамъ!—коротко объяснила Зиночка, занимая свое мѣсто на диванѣ, и опять засмѣялась.—Ну, что вы теперь будете дѣлать?..

Пѣтушокъ былъ изумленъ и могъ проговорить только одну фразу:

— Это нечестно... да.

— А если мнѣ скучно? И пусть будетъ нечестно... Я не виновата, что должна торчать, какъ кукла.

Разговоръ Анны Николаевны затянулся, потому что она завела рѣчь о женитьбѣ Сережи. Какъ-то молодые поживаютъ? Петръ Аѳанасьевичъ отвѣтилъ, что ничего не знаетъ. Были у него послѣ свадьбы съ визитомъ, потомъ онъ былъ у нихъ одинъ разъ—только и всего. Ничего, кажется, живутъ хорошо.

— Она-то съ поготкомъ бабочка,—сообщила Анна Николаевна, понижая голосъ.—Забрала, сказываютъ, его въ руки...

— Ничего не знаю, Анна Николаевна.

— Что же, худого тутъ нѣтъ: ежели молодая не заберетъ, такъ подъ старость и подавно. Не нами заведено, не нами и кончено. Вонъ у меня зятекъ: тише воды, ниже травы. Такъ и смотритъ въ глаза Любѣ... А вѣдь тоже не изъ смирныхъ. Однако я заболталась съ тобой, отецъ. Пора домой... Собираться вотъ надо въ дорогу.

— Провожать приду...

Когда Анна Николаевна вышла въ гостиную, отъ нея не ускользнуло движеніе, которое сдѣлала Зиночка—она разсматривала какую-то книгу вмѣстѣ съ Пѣтушкомъ и быстро отодвинулась, когда въ дверяхъ показалась мать. Пѣтушокъ покраснѣлъ. Анна Николаевна строго подобрала губы и только вздохнула.

— Ну, а какъ у васъ дома-то?—спрашивалъ Петръ Аѳанасьевичъ, провожая гостей въ переднюю.

— Да ничего я не разберу, отецъ... Какъ будто ладнѣе теперь живутъ. Гриша-то веселый такой... Не знаю ужъ, чему онъ такъ радуется. Ихнее дѣло имъ хорошо, а мнѣ и того лучше. Людмила и со мной какъ будто стихала. Не грубитъ...

Дорогой Анна Николаевна ничего не говорила, а только продолжала вздыхать. Вотъ и эта выросла, скоро совсѣмъ большая дѣвица будетъ. Маленькія дѣтки растутъ—матери спать не даютъ, а вырастутъ большіе—мать и сама не уснетъ,—такъ говорили старинные люди.

Сборы въ дорогу составляли для Анны Николаевны цѣлое событіе. Не одинъ разъ у нея опускались руки отъ отчаянія; все какъ-то не клеилось. Она даже всплакнула не разъ. А тутъ опять письмо. Пишетъ ужъ самъ любезный зятекъ, что самъ пріѣдетъ за милой маменькой... Вотъ давно бы такъ-то. Кубовъ пріѣхалъ въ Шервожъ глубокой ночью, а утромъ они уже выѣзжали. Онъ не успѣлъ побывать даже у дьякона.

— Ужъ здорова ли Люба?—тревожилась Анна Николаевна.

— Не совсѣмъ, какъ и всѣ женщины въ ея положеніи, а особеннаго пока ничего нѣтъ. Объ васъ очень соскучилась, маменька... Не могла дождаться и меня послала.

— То-то, вотъ вы всѣ такіе: понадобилась, видно, и мать.

— И даже весьма... Мы васъ не отпустимъ теперь.

Кубовъ имѣлъ необыкновенно озабоченный видъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствовалъ себя счастливымъ. Да безсовѣстно счастливымъ.

Дорога мелькнула незамѣтно. Вечеромъ уже подъѣзжали къ Прилукѣ, небольшому селу, засѣвшему въ излучинѣ праваго берега Лачи. Кое-гдѣ въ

избахъ уже мелькали огоньки. Можно представить себѣ удивленіе Анны Николаевны, когда ее встрѣтила первой Катя.

— Катенька, да ты-то какъ сюда попала?

— А такъ, Анна Николаевна... Любочка написала мнѣ, я и пріѣхала. Отъ Березовки до Прилуки проселкомъ всего верстъ семьдесятъ, значитъ, семь часовъ ѣзды. Завтра уѣзжаю домой. Я это плачу за то, что уѣхала тогда отъ свадьбы...

Встрѣча съ Любочкой вышла самая трогательная. Обнимая мать, Любочка даже расплакалась. Анна Николаевна молча ее крестила и говорила съ какимъ-то необыкновеннымъ для нея спокойствіемъ:

— Ничего, дѣточки... Господь милостивъ.

— Я тебя, мама, не отпущу ни за что на свѣтѣ...

Какой чудный вечеръ они провели вчетверомъ. Никогда еще Анна Николаевна не чувствовала себя такой счастливой. Любочка сидѣла съ ней рядомъ на диванѣ и все время держала ее за руку.

— Ахъ, дѣтки, дѣтки, давно ли, кажется, вы маленькія были, а вотъ теперь... Петръ Аѳанасьевичъ тебѣ кланяется, Любочка, и тебѣ, Володя. Старикъ даже прослезился, когда узналъ о вашей радости. И меня два раза назвалъ бабушкой...

Они долго сидѣли за самоваромъ, вспоминая прошлое. Анна Николаевна всплакнула не разъ, когда заходила рѣчь о покойномъ Григорьѣ Иванычѣ. Вотъ бы радъ былъ старикъ—онъ такъ любилъ дѣтей. Вспоминали время ученія въ гимназіи, говорили о товарищахъ и о подругахъ, Анна Николаевна разсказала о свадьбѣ Сережи еще разъ съ такими подробностями, точно сама была тамъ.

— Онъ и меня приглашалъ, ей-Богу. Такой печатный билетъ прислалъ... Ну, да я-то не поѣхала. Куда ужъ... Потомъ пріѣзжалъ съ визитомъ къ Гринѣ, такъ я видѣла молодайку. Ничего бабочка...

Катя нѣсколько разъ дѣлала знаки Аннѣ Николаевнѣ, и та спохватилась уже только въ концѣ. Эхъ, опять невпопадъ развязала языкъ, какъ тогда съ Петромъ Аѳанасьевичемъ. Прямо выжила изъ ума... Любочка не дождалась ужина и ушла спать. Она чувствовала больную усталость.

Обѣ гостьи улеглись спать въ одной комнатѣ и продолжали разговаривать вполголоса. На Анну Николаевну напалъ болтливый стихъ.

— Охъ, ужъ, Катенька, когда же это мы тебя-то замужъ выдадимъ?—со вздохомъ повторяла Анна Николаевна.—Тоже не маленькіе твои годки...

— Какая вы смѣшная, Анна Николаевна... Мало вамъ своей заботы...

— Безъ заботы вѣкъ не проживешь, милая. Да и какъ не заботиться-то... Была я у Петра Аѳанасьевича передъ отъѣздомъ, заходила посовѣтоваться. Ну, сижу у него въ кузницѣ, а Зина въ гостиной. Поговорила это я съ старикомъ, выхожу, а моя Зиночка съ Пѣтушкомъ рядкомъ посиживаетъ... Увидала меня и въ сторону.

— Опять судьба?..

— Не нашего ума дѣло, Катенька, а все оно думается. Больніе ужъ и эти скоро будутъ, а у большихъ и свои мысли.

Анна Николаевна чувствовала себя необыкновенно счастливой, какъ никогда. Во всемъ сказывалось приближеніе новой жизни, и домъ переживалъ радостную тревогу. Быть бабушкой для Анны Николаевны теперь сдѣлалось завѣтной мечтой.

— Люба-то моя вѣдь совсѣмъ другая сдѣлалась...—говорила Анна Николаевна.—Прежде-то, случалось, и нагрубить. Ну, семейнымъ дѣломъ мало ли что бываетъ... Не каждое лыко въ строку.

— Вотъ вы напрасно про свадьбу Сережи начали разсказывать, Анна Николаевна. Любу-то это все-таки встревожило...

— Охъ, сболтнула, мать моя! Стара стала...

Съ дороги Анну Николаевну такъ и клонило ко сну, и она говорила уже сонпымъ голосомъ.

— Анна Николаевна, вы спите?—спрашивала Катя.

— А?.. что?..

— Я вамъ новость скажу: послѣ Пасхи я тоже замужъ выхожу.

— Ну, не смѣйся надъ старухой... Пораньше тебя родилась. Да и не ладно шутить такимъ-то дѣломъ...

— Нѣтъ, я говорю совершенно серьезно.

Анна Николаевна даже сѣла на своей постели и протерла глаза.

— Серьезно? А женихъ-то кто?

— Угадайте...

— Катенька, скажи? Ахъ, ты, тихоня...

— А вотъ и не скажу... Это еще секретъ.

XI.

Бывая въ Березовкѣ, Огневъ останавливался теперь у новаго березовскаго священника о. Семена, т.-е. у бывшаго монастырскаго дьякона Келькешоза. Огневу приходилось бывать довольно часто, и онъ не безъ комизма оправдывался дѣлами службы. Отецъ Семенъ только мычалъ и ухмылялся, благосклонно выслушивая эти оправданія. Знаемъ мы, какія это дѣла службы... Бывшая дьяконица, а теперь березовская попадья принимала немалое участіе въ этой политикѣ, хотя, по обыкновенію, и отмалчивалась. Эта тихая и скромная женщина была теперь поглощена новыми заботами, потому что деревенское хозяйство требовало усиленной энергіи. Легко сказать, поставить все хозяйство, а тутъ еще куча своихъ ребятишекъ. Было о чемъ подумать деревенской попадьѣ. Переводъ въ Березовку состоялся весной, какъ разъ къ самой горячей лѣтней работѣ. Отцу Семену было тоже работы по горло—приходъ большой, однѣхъ требъ не оберешься, а тутъ еще надо каждый день въ школу поспѣть. Свидѣтелемъ этихъ поповскихъ хлопотъ былъ Огневъ, видѣвшій, какъ у него на глазахъ немного чудившій городской дьяконъ превращался совсѣмъ въ другого человѣка, точно онъ вмѣстѣ съ дьяконской рясой снялъ съ себя и городского человѣка.

— Въ городѣ-то я былъ какъ подкованная лошадь,—съ грубоватой откровенностью объяснялъ самъ о. Семенъ.—А теперь расковался, и знать больше ничего не хочу. Кончено...

Нужно было видѣть, съ какой энергіей о. Семенъ ушелъ въ новую деревенскую жизнь. Онъ вездѣ поспѣвалъ самъ и любилъ все дѣлать своими руками: пахалъ, косилъ, рубилъ дрова, ходилъ за скотиной. Деревенскій день казался короткимъ, особенно лѣтомъ. Могучая натура о. Семена давно требовала именно такой работы. Всего интереснѣе было наблюдать его отношенія къ своей попадьѣ.

— Она у меня въ городѣ-то на дамскомъ положеніи была, — любовно говорилъ о. Семенъ. — Только своихъ ребятъ и знала, а теперь вездѣ надо поспѣвать. Только успѣвай повертываться... Ну, и то сказать, другой такой попадьи съ огнемъ поискать.

Огневу ужасно нравилась эта оригинальная чета. Первое время попадья сильно смущалась въ его присутствіи и не раскрывала рта. Сидитъ и все время молчитъ. Потомъ Огневъ замѣтилъ, что она зорко за нимъ наблю-

даетъ и, видимо, имѣетъ какія-то собственныя свои мысли. Катя разсказывала про нее Огневу, что это очень веселая и говорливая женщина, съ которой интересно поговорить, но попытки въ этомъ направленіи со стороны Огнева не увѣнчались успѣхомъ: попадья отвѣчала „да“ или „нѣтъ“ и молчала самымъ краснорѣчивымъ образомъ.

Только разъ попадья вышла изъ своей роли. Это за вечернимъ чаемъ. Огневу показалось, что она сегодня какъ-то особенно пристально смотритъ на него, и смотритъ съ такимъ видомъ, точно хочетъ что-то сказать и не рѣшается.

— Что̀ вы на меня такъ смотрите, матушка? — спросилъ наконецъ Огневъ.

— Да такъ...—отвѣтила попадья безъ всякаго смущенія. — Смотрю вотъ и думаю, когда-то свадьба будетъ у васъ.

— Какая свадьба?—удивился Огневъ.

— Хорошенько его пробери, мать,—поощрялъ жену о. Семенъ, расхаживая по комнатѣ.—Валяй напрямикъ...

— Вы съ Катериной-то Петровной все переговорили, Павелъ Васильичъ?—продолжала попадья и, получивъ отрицательный отвѣтъ, укоризненно покачала головой.—Нѣтъ, не хорошо, Павелъ Васильичъ... Дѣвушка серьезная, а этакими дѣлами не шутятъ.

Теперь уже смутился Огневъ, откладывавшій роковое объясненіе съ Катей со дня на день. Все какъ-то не выходило случая. Его поразило главнымъ образомъ то, что его личное дѣло такого интимнаго характера сдѣлалось чуть не общимъ достояніемъ. Какая-то попадья считаетъ своею обязанностью читать ему наставленія... Въ концѣ концовъ это было просто обидно.

— Они тутъ съ дѣдомъ Яковомъ Семенычемъ давно ворожатъ, — объяснилъ о. Семенъ.—И такъ и этакъ раскидываютъ умомъ, а толку все никакого. Вотъ имъ и обидно.

— Послушайте, господа, это наконецъ... наконецъ... Что̀ можетъ подумать Катерина Петровна?—взмолился Огневъ.

— Она ужъ подумала,—отвѣтила попадья.—Прямо-то дѣвичьимъ дѣломъ, конечно, не говоритъ, а мысли есть... Настоящія мысли. Пошли бы къ ней, Павелъ Васильичъ, и переговорились бы до конца.

— А если она...—замялся Огневъ. — Теперь у меня есть хоть надежда впереди, а тогда и этого не останется.

— Богъ не безъ милости, казакъ не безъ счастья... Надо же кончить, Павелъ Васильичъ.

Это постороннее вмѣшательство сдѣлало то, чего недоставало Огневу. Оставалось только итти впередъ. Ему казалось, что Катя относится къ нему хорошо, но этого было еще мало, вопросъ шелъ о всей жизни. Съ другой стороны, обстоятельства складывались такъ, что нельзя было дѣлать новыхъ отсрочекъ. Послѣ короткаго раздумья, Огневъ отправился въ школу, благо былъ уже вечеръ и Катя была свободна. Выходя изъ воротъ поповскаго дома, Огневъ оглянулся и увидѣлъ, какъ въ окнѣ стояла попадья и торопливо крестила его.

Катя была дома, когда пришелъ Огневъ. Дорогой добрая половина рѣшимости оставила его, смѣнившись самой преступной слабостью. Даже явилось скромное желаніе вернуться домой и отложить объясненіе до слѣдующаго раза. Но и это было неисполнимо, потому что Катя уже видѣла его и вышла навстрѣчу.

— У васъ сегодня такой разстроенный видъ, — замѣтила она, здороваясь.—Вы здоровы?

— Да, ничего...

Въ этомъ вопросѣ не было ничего особеннаго, но Огнева ободрилъ самый тонъ, какимъ онъ былъ сказанъ. Такъ умѣла говорить только одна Катя, съ такимъ необманнымъ участіемъ. Это простое, серьезное лицо точно свѣтлѣло какой-то внутренней теплотой. Огневъ сѣлъ на свой стулъ къ письменному столу, гдѣ обыкновенно сидѣлъ, и нѣсколько времени молчалъ, потирая одной рукой колѣно. Потомъ онъ обвелъ глазами комнату, вздохнулъ, тряхнулъ головой и неожиданно для самого себя проговорилъ:

— Мнѣ необходимо поговорить съ вами серьезно, Катерина Петровна...

— Да? Я слушаю...

Она присѣла на диванчикъ и приготовилась слушать.

— Я напомню вамъ тотъ вечеръ, Катерина Петровна, когда, помните, мы возвращались изъ клуба...

Ея голова наклонилась, а эти хорошіе глаза посмотрѣли съ умоляющей тревогой.

— Да, вы тогда удостоили меня полной откровенностью, Катерина Петровна, и я, съ своей стороны, тоже хотѣлъ бы сказать... Да, сказать...

Онъ перевелъ духъ и безнадежно посмотрѣлъ на полочку съ книгами. Откровенность, вообще, дорого стоитъ... Она ждала продолженія съ опущенными глазами. На щекахъ у нея выступилъ неровный румянецъ.

— Помните вы, Катерина Петровна, когда я читалъ въ гимназіи словесность, романъ стараго Мазепы съ Матрепой Кочубей?.. Что старики могутъ увлекаться молодыми дѣвушками—это я понимаю, но тамъ полюбила старика совсѣмъ молодая дѣвушка. Можетъ-быть, я несовсѣмъ удачно выбралъ примѣръ, но фактъ остается фактомъ... Я могъ бы привести изъ исторіи цѣлый рядъ такихъ фактовъ. Да, цѣлый рядъ... Мнѣ интересно знать, какъ вы думаете объ этомъ?..

— Я? Я знаю только то, что можно любить только хорошаго человѣка... человѣка, котораго уважаешь. Особенно, если есть общее дѣло, которое можетъ наполнить всю жизнь... Мнѣ кажется, что большинство даже хорошихъ людей смотритъ на жизнь слишкомъ легко, потому что думаетъ только о себѣ. Этотъ эгоизмъ потомъ выкупается тяжелымъ разочарованіемъ... Такъ нельзя, т.-е. нельзя быть счастливымъ безотчетно, счастливымъ одному, счастливымъ безъ цѣли, серьезнаго дѣла и того сознанія, которое говоритъ, что каждый прожитый день прожитъ не даромъ. Можетъ-быть, я высказываю избитыя истины, можетъ-быть, это скучно, но я этому вѣрю и только въ томъ вижу счастье. Вы видите, Павелъ Васильичъ, что я ужъ совсѣмъ не такъ молода, какъ вы думаете...

Учитель словесности понялъ, что его примѣръ вышелъ крайне неудачнымъ. Наступила неловкая пауза. Смущеніе Огнева достигло высшаго предѣла, когда въ дверяхъ показалась сѣдая голова Якова Семеныча и мгновенно скрылась.

— Дѣло вотъ въ чемъ, Катерина Петровна, — торопливо заговорилъ Огневъ, точно хотѣлъ что-то догнать.—Вы меня знаете... давно... да... Однимъ словомъ, что̀ вы сказали бы мнѣ, если бы я... я не требую отвѣта сейчасъ... обдумайте... провѣрьте себя, и если...

Катя посмотрѣла ему прямо въ глаза, улыбнулась немного грустною улыбкой и тихо проговорила:

— Я объ *этомъ* много думала, Павелъ Васильичъ...

— И...

— Пришла къ тому убѣжденію, что...

Отвѣтъ былъ написанъ на ея лицѣ, въ выраженіи глазъ, въ счастливой улыбкѣ.

— Вы—хорошій...—уже прошептала она и быстро ушла въ свою спальню.

Огневъ стоялъ посреди комнаты и чувствовалъ, какъ все ходитъ у него передъ глазами: и стѣны, и мебель, и полъ. А на душѣ закипало такое хорошее, свѣтлое чувство...

Онъ опомнился только тогда, когда кто-то подкрался къ нему сзади, обнялъ и прошепталъ:

— Павелъ Васильичъ, голубчикъ... ахъ, Павелъ Васильичъ!..

Это былъ дѣдъ Яковъ Семенычъ. У старика по сморщенному лицу катились слезы. Огневъ молча обнялъ его и молча поцѣловалъ.

— Ахъ, Павелъ Васильичъ... Устрой, Господи, все на пользу... А я тамъ сижу въ коморкѣ и не смѣю дохнуть: что-то *она* вамъ отвѣтитъ? И молитвы читаю, и слезы у меня...

Черезъ минуту Катя вышла, подошла къ Огневу и, подавая руку, проговорила спокойно:

— Я согласна, Павелъ Васильичъ...

Огневъ съ галантностью настоящаго кавалера поцѣловалъ у нея руку, хотѣлъ что-то сказать, но только махнулъ рукой. Ему нужно было нѣсколько минутъ, чтобы успокоиться, и только потомъ онъ заговорилъ:

— Недостоинъ, Катерина Петровна, такого счастья... Да, недостоинъ, но постараюсь заслужить. Да, всю жизнь посвящу вамъ.

— Ну, слава Богу!—проговорилъ за всѣхъ Яковъ Семенычъ.

Эта чувствительная сцена была прервана появленіемъ въ окнѣ головы о. Семена. Онъ безмолвно посмотрѣлъ на всѣхъ, отошелъ отъ окна и, махнувъ рукой, крикнулъ:

— Иди скорѣе сюда, попадья...

О. Семенъ вошелъ въ комнату съ особенной торжественностью, помолился на образъ въ переднемъ углу и проговорилъ:

— Нехорошо жить человѣку одному, сказано еще Адаму. И Богъ сотворилъ ему подружію... Такъ-то, Павелъ Васильичъ. Не нашего это ума дѣло, а только блюди и не преступай великой заповѣди, данной еще Адаму. Катерина Петровна, голубушка, поздравляю... Позвольте облобызать.

Ворвавшаяся попадья наполнила скромную квартиру учительницы какими-то причитаньями, аханьемъ и тоже прослезилась, какъ Яковъ Семенычъ.

— Кабы не она,—указывалъ на нее о. Семенъ,—ничего бы не было... Такъ и ходили бы кругомъ да около. Ужъ это вѣрно говорю... Вотъ смотри, Павелъ Васильичъ, и учись.

Катя была спокойно-счастлива и смотрѣла на всѣхъ улыбающимися глазами. За чаемъ она сидѣла рядомъ съ Огневымъ и вполголоса прочла ему стихи Надсона:

Гроза промчалась вдаль, минувшее забыто,
И чей-то голосъ мнѣ твердитъ порой:
Да ужъ не сонъ ли все, что̀ было пережито
И передумано тобой?

XII.

Какъ разъ въ это время въ Шервожѣ разыгралась грустная семейная драма, одна изъ тѣхъ драмъ, которыя налетаютъ вдругъ, какъ порывъ вѣтра. Мѣстомъ дѣйствія являлась квартира доктора Печаткина. Кстати, срокъ военной службы кончился, и Печаткинъ серьезно былъ занятъ вопросомъ о томъ, какъ онъ устроится деревенскимъ врачомъ. Много было разговоровъ на эту тему, и, къ удивленію Печаткина, Людмила Григорьевна, не хотѣвшая сначала слы-

шать о деревнѣ, теперь съ нетерпѣніемъ ждала перемѣны. Ей почему-то казалось, что съ отъѣздомъ изъ Шервожа измѣнится и ея жизнь къ лучшему.

— Что я здѣсь дурой-то сижу—одурь въ другой разъ возьметъ,—говорила она съ раздраженіемъ.—А тамъ заведу свое хозяйство, буду ходить въ простыхъ сарафанахъ, какъ деревенская баба... Я коровъ очень люблю.

Анна Николаевна была противъ такого переѣзда и нѣсколько разъ предсказывала Гришѣ чуть не погибель. Тоже нашли сладость: деревня... Здѣсь-то одна казенная квартира чего стоила, а тамъ придется жить въ какой-нибудь избѣ. Вообще она отказывалась понять намѣренія сына и успокаивала себя только тѣмъ, что покойный Григорій Иванычъ былъ такой же „непосѣда", ну, значитъ, и сынокъ пошелъ по отцовской дорожкѣ.

— Ничего, мама, устроимся отлично,—уговаривалъ ее Гриша.—А ты къ намъ будешь въ гости ѣздить...

— Ну, ужъ извини: не поѣду.

— Къ Любѣ ѣздила же?

— То другое дѣло...

— И у насъ другое будетъ тоже.

— Пустяки ты говоришь... Это тебя Людмилка мутитъ.

Въ женѣ Печаткинъ вообще замѣчалъ какую-то внутреннюю перемѣну, начиная съ того, что она во всемъ теперь уступала матери. Не было уже прежнихъ баталій, и это много мирило его съ женой. Съ другой стороны, онъ самъ уже привыкъ къ ней, сжился и вошелъ въ колею. Перемѣну къ лучшему въ женѣ онъ приписывалъ вліянію Кати, о которой Людмила Григорьевна часто говорила.

— Вотъ я умру, такъ ты женись на ней, — говорила она совершенно серьезно.—Такъ и знай... А я скоро умру.

— Какія ты глупости говоришь, Людмила. Въ свое время, конечно, всѣ умремъ...

— Нѣтъ, я скоро.

Печаткина какъ-то смущали подобные разговоры, и онъ чувствовалъ себя виновнымъ. Ему дѣлалось жаль присмирѣвшей жены. Было нѣсколько такихъ хорошихъ дней, когда Гриша начиналъ чувствовать, что любитъ жену, т.-е. почти любитъ ее. И странно, она именно въ эти дни смотрѣла на него такими грустными глазами.

— О чемъ ты думаешь, Людмила?—спрашивалъ Печаткинъ.

— Мнѣ жаль тебя, Гриша... Вѣдь я тебя любила по-хорошему, а ты со мной только мучился. Такъ, не судьба...

Это настроеніе разрѣшилось совершенно неожиданно. Гриша уже покончилъ свою военную службу, и начались сборы для переѣзда съ казенной квартиры. Всѣ вещи были сдвинуты со своихъ мѣстъ, появились какіе-то узлы, свертки, чемоданы—однимъ словомъ, полная картина разрушенія. Людмила Григорьевна занялась этой передрягой съ какимъ-то лихорадочнымъ нетерпѣніемъ и чувствовала себя хорошо, какъ никогда. Но дня за два до переѣзда она почувствовала себя нехорошо и слегла. Переѣздъ былъ отложенъ, а потомъ опредѣлилось, что у нея тифъ.

— И захворала-то я не во-время,—жаловалась Людмила Григорьевна.—Ну, да скоро никому не буду мѣшать. Богъ меня пожалѣлъ...

Лѣчиться она упорно не желала и только согласилась принять одного доктора Конусова, котораго почему-то считала простымъ.

Какъ немного времени, какихъ-нибудь двѣ недѣли, а какъ много можетъ въ нихъ случиться! Болѣзнь быстро прогрессировала, и уже черезъ недѣлю

больная находилась въ опасномъ положеніи. Анна Николаевна жила у Кубовыхъ и была вся поглощена родившимся недавно внукомъ. Она была поражена, когда Гриша пріѣхалъ къ ней сказать, что жена опасна и что она желаетъ ее видѣть. Анна Николаевна какъ-то безсильно опустилась на стулъ и горько заплакала. Это удивило Гришу. Только однѣ женщины могутъ быть настолько непослѣдовательными.

— Что̀ же ты за мной раньше-то не послалъ? — выговаривала она.—Я слышала мелькомъ, что Людмила прихварываетъ, а настоящаго ничего не знала. Да я бы сейчасъ же прибѣжала...

— Мама, я просто не рѣшался безпокоить тебя, потому что думалъ, что это тебѣ будетъ непріятно... Вы постоянно ссорились съ Людмилой.

— Ахъ, какой ты, Гриша! Мало ли что̀ бываетъ семейнымъ дѣломъ; не всякое лыко въ строку.

Любочка тоже отнеслась съ большимъ участіемъ къ больной и поѣхала навѣстить ее вмѣстѣ съ матерью.

— Какъ я рада, что вы пріѣхали...—встрѣтила ихъ больная.—Любочка, вы насъ оставьте. Мнѣ нужно поговорить съ мамой серьезно...

Это было еще въ первый разъ, что Людмила Григорьевна назвала свекровь мамой. Анна Николаевна глотала слезы. Съ перваго взгляда она рѣшила про себя, что сноха—не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ. Когда Любочка вышла, больная тихо проговорила:

— Мама, благословите меня... мнѣ такъ тяжело... у меня никого нѣтъ...

Анна Николаевна со слезами долго крестила это горѣвшее лицо съ воспаленными глазами, а потомъ начала, по русскому обычаю, просить прощенія.

— И меня простите, мама...—спокойно отвѣтила больная.—Я не сержусь... никто не виноватъ... Помогите мнѣ сѣсть...

Сѣсть она не могла, а только прислонилась спиной къ подушкѣ. Это усиліе ее утомило настолько, что она нѣсколько времени должна была отдохнуть.

— Мама, мнѣ теперь лучше... легче... да... Мама, дайте мнѣ одну клятву... вѣдь умирающимъ не отказываютъ...

— Что̀ тебѣ нужно, касаточка?..

Больная долго лежала съ открытыми глазами, собираясь съ мыслями, точно она шла по какой-то трудной дорогѣ и все сбивалась съ пути.

— Мама, я умру... да, я это знаю... и когда я, мама, умру... вѣдь я любила Гришу... да... очень... онъ хорошій... когда я умру, пусть онъ непремѣнно женится на Катеринѣ Петровнѣ. Вы сами ее высватаете... вы мнѣ дадите клятву, мама...

Съ Анной Николаевной сдѣлалось дурно отъ волненія, и Гришѣ пришлось съ ней отваживаться.

— Что̀ съ вами, мама?

— Ахъ, убила она меня... сняла мою головушку!.. — причитала Анна Николаевна, разливаясь рѣкой.—Да если бы я знала...

Страшную картину представляла сцена самой смерти. Около умирающей собрались всѣ: Гриша, Любочка, Анна Николаевна, Кубовъ и Конусовъ. Были сочтены уже не дни, а часы. Всѣ смутно чувствовали себя виноватыми вотъ передъ этой быстро потухавшей молодой жизнью. Гриша стоялъ въ нѣмомъ отчаяніи, какъ главный виновникъ. Да, они всѣ убили ее... Онъ старался даже не смотрѣть на мать, подавляя въ себѣ невольно враждебное чувство къ ней. Подвыпившій, по обыкновенію, Конусовъ смотрѣлъ мутными глазами на всѣхъ и удивлялся. О чемъ они плачутъ?.. Да онъ самъ съ превеликимъ бы

удовольствіемъ умеръ хоть сейчасъ — самое лучшее, что можетъ сдѣлать порядочный человѣкъ.

Агонія кончилась поздней ночью. Всѣ стояли и молчали, точно ожидая какого-то осуждающаго приговора. Да, здѣсь, предъ лицомъ смерти, не лгутъ, здѣсь послѣдній итогъ тѣмъ мелкимъ неправдамъ, изъ которыхъ ткется жизнь, здѣсь послѣдняя правда... Маленькіе и большіе люди, молодые и старые, умные и глупые—всѣ равны.

— Мама, это моя вина... — сказалъ тихо Гриша, когда его увели въ другую комнату.—Мнѣ страшно за свое прошлое...

Похороны были самыя простыя, и провожали покойницу только самые близкіе люди. Хоронили въ общинѣ. Около могилъ Григорія Иваныча и Марѳы Даниловны выросла свѣжая насыпь, скрывшая подъ собой много напраснаго горя. Гриша долго стоялъ надъ этой могилой, которая смотрѣла на него нѣмымъ укоромъ. Около него стояла сестра Агапита и тихо плакала. Незадолго до своей болѣзни Людмила Григорьевна пріѣзжала въ общину и долго разговаривала съ ней, разсказывая про свою неудавшуюся жизнь.

„Ей *тамъ* будетъ лучше...“ — думала монахиня, съ грустью наблюдая горевавшаго послѣ времени мужа.

Анна Николаевна нѣсколько дней ходила какъ помѣшанная. Эта нежиданная смерть нелюбимой невѣстки произвела на нее самое потрясающее впечатлѣніе, какъ заслуженная кара Божія.

— Избывала я ее, голубушку... — повторяла старушка, ломая руки. — А вотъ она взяла да и ушла. Ахъ, горюшко...

Печаткинъ ничего не говорилъ, но сидѣлъ дома и никуда не хотѣлъ выходить. Это молчаливое горе было хуже бурныхъ проявленій отчаянія Анны Николаевны. Теперь онъ чувствовалъ, что любитъ *ее*, любитъ тогда, когда ея уже нѣтъ... Онъ по цѣлымъ днямъ ходилъ изъ угла въ уголъ и не хотѣлъ никого видѣть.

— Поѣдемъ хоть въ Березовку, — предлагала Анна Николаевна, помня свою клятву.—Все-таки легче...

— Да? А *ей* тоже будетъ легче, если я туда поѣду? Нѣтъ, мама, я именно въ Березовку и не поѣду... И ты не говори мнѣ объ этомъ, если не хочешь меня оскорблять.

— Ну, какъ знаешь. Я не неволю, а такъ, къ слову сказала...

Данная клятва не давала Аннѣ Николаевнѣ покоя. Она даже во снѣ видѣла Людмилу Григорьевну и просыпалась отъ страха. Выждавъ девятый день и отслуживъ панихиду на могилкѣ новопреставленной рабы Божіей Людмилы, она отправилась въ Березовку одна. Дѣлалось это потихоньку даже отъ Любы: клятву нужно было исполнить свято.

Въ Березовкѣ Анна Николаевна проѣхала прямо къ Катѣ, которая была очень удивлена этимъ неожиданнымъ визитомъ, тѣмъ болѣе, что Анна Николаевна имѣла такой торжественный видъ.

— Охъ, и не думала живая доѣхать, Катенька! — стонала старушка.— Да ужъ такой случай вышелъ...

— Да что такое случилось, Анна Николаевна?..

Анна Николаевна присѣла на стулъ и долго рыдала, прежде чѣмъ могла разсказать по порядку все свое горе Катя еще ничего не слыхала о смерти Людмилы Григорьевны и тоже была поражена. Да, это была несправедливая смерть. Главное Анна Николаевна оставила къ концу,—именно клятву.

— Клятву она съ меня взяла, Катенька...

Послѣдовалъ разсказъ о томъ, какъ Людмила Григорьевна просила ее

относительно Гриши. На этомъ пунктѣ послѣдовало нѣсколько запинокъ, паузъ и растянутыхъ словъ. Катя слушала, чувствуя, какъ ея холодѣетъ.

— Ну, вотъ я и пріѣхала...—растерянно заключила свой разсказъ Анна Николаевна.—Да, пріѣхала... Ночью снится мнѣ Людмила-то Григорьевна и все клятвы требуетъ.

— А Григорій Григорьичъ знаетъ объ этомъ?—тихо спросила Катя.

— Нѣтъ, куда знать!.. Къ нему теперь и подступиться страшно. Закинула-было я словечко, чтобы вмѣстѣ ѣхать въ Березовку, такъ онъ мнѣ что̀ сказалъ... какъ это онъ выразилъ-то?.. Да, да: „вотъ въ Березовку-то, говоритъ, мама, я и не поѣду“.

Катя успокоилась.

— Я узнаю прежняго Гришу, Анна Николаевна,—замѣтила она.

— Извѣстно, убивается... А погорюетъ и перестанетъ. На молодомъ тѣлѣ и не это изнашивается...

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, Анна Николаевна. Да и я... Позвольте, я сейчасъ.

Она ушла въ свою спальню и вынесла оттуда портретъ Огнева.

— Вотъ мой женихъ, Анна Николаевна. Я ужъ помолвлена...

У Анны Николаевны руки опустились.

— Ахъ, горюшко...—стонала она.—Вѣдь немного бы тебѣ подождать-то, Катенька!.. Самую малость...

Катя улыбнулась и проговорила спокойно:

— Это все равно, Анна Николаевна... У насъ съ Гришей все кончено. Мнѣ его очень жаль, но я его больше не люблю... Можно обмануть другихъ, а себя не обманешь.

— А *этого* любишь?

— Да.

ЭПИЛОГЪ.

Наступила осень. Земля была уже скована первымъ морозомъ и гудѣла подъ колесами, какъ сплавленный кусокъ металла. На деревьяхъ листья давно поблекли, осыпались и только кое-гдѣ оставались, какъ жалкія лохмотья еще недавно пышнаго наряда. Земля была усыпана этими листьями, и вѣтеръ съ какой-то жалобой перебиралъ ихъ, точно старыя письма дорогого человѣка, по которымъ еще разъ хотѣлъ пережить свою недавнюю молодость. Въ грязь и трактъ и проселки невозможны, и только первый морозъ дѣлаетъ ихъ проѣзжими.

Именно въ такое крѣпкое осеннее утро изъ Шервожа по тракту выѣзжали три экипажа. Въ первомъ, запряженномъ парой своихъ лошадей, сидѣли Анна Николаевна и Любочка съ ребенкомъ, а кучеромъ былъ Кубовъ. За ними на одной лошади ѣхали Петръ Аѳанасьевичъ и Пѣтушокъ,—правилъ лошадью гимназистъ, вообще сильно важничавшій. Послѣднимъ ѣхалъ щегольскій дорожный экипажъ съ фордекомъ, заложенный тройкой въ наборной сбруѣ,—въ немъ ѣхалъ Сережа съ женой и Зиночкой. Эта поѣздка очень не нравилась Сережѣ, но захотѣла жена, и пришлось повиноваться. Впрочемъ, онъ утѣшался своимъ собственнымъ экипажемъ и своей собственной тройкой.

— Удивляюсь, что̀ за странная фантазія у отца трястись на какой-то таратайкѣ, когда можно было взять почтовыхъ лошадей,—ворчалъ онъ, кутаясь въ теплое осеннее пальто.

— А если это ему нравится?—сказала жена.—И я съ нимъ совершенно согласна и съ большимъ удовольствіемъ проѣхалась бы въ его таратайкѣ. Это наконецъ оригинально... Не правда ли, Зиночка?

Зиночка была не совсѣмъ согласна, потому что „ужасно“ была счастлива, какъ бываютъ счастливы дѣвушки въ шестнадцать лѣтъ. Она такъ мило раскраснѣлась отъ холода, глаза блестѣли, улыбка сама просилась на этотъ еще по-дѣтски пухлый ротъ. Притомъ Зиночка еще въ первый разъ ѣхала на свадьбу. Да, на настоящую свадьбу, и потихоньку чувствовала себя большой. Это сознаніе и радовало ее и смущало, потому что въ шестнадцать лѣтъ она могла сама выйти замужъ. А тутъ впереди предстояла такая трогательная обязанность, какъ проводы невѣсты къ вѣнцу. Въ особой картонкѣ лежало только-что сшитое первое бѣлое платье и цвѣты. Она впередъ себя видѣла въ этомъ нарядѣ и мысленно восхищалась. А тутъ Сергѣй Петровичъ ворчитъ и нервничаетъ, точно классная дама. Это было очень смѣшно, въ сущности, и яркій румянецъ безъ всякой причины заливалъ личико Зиночки.

„Этакая красавица,—думала жена Сережи, про себя восхищаясь Зиночкой.—А какіе волосы...“

Ей непремѣнно хотѣлось, чтобы и мужъ тоже восхищался Зиночкой, но Сережа нахохлился и молчалъ. Онъ нѣсколько разъ очень пристально всматривался въ дѣвушку, точно стараясь что-то припомнить. Это смутило Зиночку, и она съ дѣтской откровенностью спросила:

— Что̀ вы на меня смотрите, Сергѣй Петровичъ?

— Я? Ахъ, да... Видите ли, я почему-то раздумался о своемъ дѣтствѣ и припоминаю васъ еще ребенкомъ, но тогда васъ звали не Зиночкой, а какъ-то иначе...

Зиночка засмѣялась и объяснила:

— Папа меня звалъ „Соней“, потому что я любила долго спать. А потомъ всѣ начали звать Соней, до самой гимназіи, такъ что я даже сама забывала свое настоящее имя.

Такъ они проѣхали десять верстъ по тракту и свернули на проселокъ. Кучеру приходилось постоянно сдерживать рвавшуюся тройку, и Зиночку это забавляло. Какія чудныя лошади у Клепикова, какой экипажъ, и какой чудакъ самъ Клепиковъ—дуется, какъ мышь на крупу. Зиночка вдругъ возненавидѣла его и нѣсколько разъ посмотрѣла сердитыми глазами, да, совсѣмъ сердитыми.

А Сережѣ было отчего дуться. Ни отецъ ни сестра къ нему на свадьбу не хотѣли пріѣхать, а вотъ онъ ѣдетъ. Положимъ, это была фантазія его жены, но это еще непріятнѣе. Сережа чувствовалъ, что поддается ея вліянію и дѣлаетъ многое совсѣмъ не такъ, какъ бы желалъ. Она, видимо, понимала его настроеніе и смотрѣла на него улыбающимися глазами.

— Какой ты дрянной, Сережа...—проговорила она наконецъ.—Настоящая городская дрянь.

— Что̀ же, переѣдемъ въ деревню, какъ мой другъ, Григорій Григорьичъ. Это нынче въ модѣ...

— Я въ деревнѣ не бывала, но думаю, что и тамъ можно жить. Вѣдь живутъ же другіе...

На полдорогѣ случилось происшествіе. Передній экипажъ остановился и остановилъ другіе. Можно было подумать, что сломалась ось или колесо. Оказалось другое. Разссорились Анна Николаевна и Любочка изъ-за ребенка. Бабушка непремѣнно хотѣла взять ребенка къ себѣ на руки, а молодая мамаша не желала его отдавать.

— Ты его простудишь, Люба... Вѣдь ты ничего не понимаешь, а

достаточно поѣздила по дорогамъ съ маленькими ребятами. Тебя провезла изъ Казани зимой, когда тебѣ было всего пять мѣсяцевъ...

— И все-таки я не дамъ Бориса...—сказала Любочка.

— Значитъ, ты мнѣ не довѣряешь?—обидѣлась Анна Николаевна.—Тогда я лучше пересяду къ Петру Аѳанасьевичу. Поѣзжай одна... Да.

На этомъ пунктѣ экипажъ и принужденъ былъ остановиться, а Кубовъ превратился въ царя Соломона.

— Мамаша... Любочка... Ну, кто умнѣе, тотъ и уступитъ.

Эта размолвка была прекращена только появленіемъ жены Сережи и Зиночки, которыя приняли самое энергичное участіе и кое-какъ уговорили Любочку уступить

— Ну, будь умной...—уговаривала Зиночка.—Какая ты смѣшная, мама! А то дайте намъ Бориску, и обѣ будете правы.

Дальше дорога прошла безъ всякихъ приключеній, и свадебный поѣздъ не безъ торжества прибылъ въ Березовку прямо къ обѣду. Гостей встрѣтилъ дѣдъ Яковъ Семенычъ, поджидавшій ихъ съ утра у воротъ поповскаго дома.

— Сюда, милости просимъ!—хлопоталъ старикъ:—вотъ спасибо-то... Ахъ, хорошо! Сергѣй Петровичъ! Вотъ дорогой гость!..

Торжество было назначено въ поповскомъ домѣ, потому что квартира Кати была мала. Появился о. Семенъ, принарядившійся въ новенькій подрясникъ, и самъ Павелъ Васильевичъ Огневъ, замѣтно смущавшійся своей роли жениха.

— Вотъ это хорошо!—гремѣлъ басъ о. Семена.—Одобряю весьма... Что̀ еже есть добро и красно—живите, братіе, вкупѣ.

Дамы сейчасъ же отправились къ невѣстѣ. Некогда было терять дорогое время. Пѣтушокъ, въ качествѣ шафера отъ невѣсты, тоже послѣдовалъ за ними. У него былъ необыкновенно важный видъ, точно онъ дѣлалъ величайшее одолженіе. Эта гимназическая важность ужасно смѣшила Зиночку, такъ что ей просто хотѣлось толкнуть кулакомъ Пѣтушка въ бокъ, и она сдѣлала бы это, если бы не боялась мамаши. Попадья была уже тамъ. Ей сегодня особенно досталось, потому что нужно было хлопотать и у себя дома и у невѣсты.

Оставшись одни, мужчины нѣсколько времени совершенно не знали, о чемъ имъ говорить. Всѣми овладѣло какое-то неловкое чувство. Женихъ молча шагалъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ и нервно пощипывалъ бороду. О. Семенъ занималъ Сережу и Кубова.

— Да, вотъ всѣ собрались,—разглагольствовалъ о. Семенъ.—Недостаетъ только Гриши. Жаль...

— Совсѣмъ другой человѣкъ сталъ, — вставилъ свое словечко Петръ Аѳанасьевичъ.—И не узнаете... Куда что̀ дѣвалось.

— Да, горе-то одного рака краситъ...

— Куда-то уѣзжаетъ, говорятъ.

Скоро о. Семенъ и Яковъ Семенычъ отправились въ церковь, чтобы приготовить все къ обряду вѣнчанія. За ними отправились женихъ въ сопровожденіи своего шафера Кубова, а Сережа и Петръ Аѳанасьевичъ пошли къ невѣстѣ.

Обрядъ вѣнчанія кончился очень скоро, и молодые засвѣтло еще вернулись въ поповскій домъ, гдѣ были торжественно встрѣчены Петромъ Аѳанасьевичемъ и Анной Николаевной, — послѣдняя исправляла должность посаженой матери. Трогательный обрядъ благословенія образами прошелъ особенно торжественно. Петръ Аѳанасьевичъ расплакался, про себя вспоминая покойную жену,—вслухъ онъ не рѣшался заговорить о ней именно въ эту минуту, чтобы

не нарушить общаго настроенія. Катя была спокойна и крѣпко расцѣловала добрѣйшую Анну Николаевну, съ которой неразрывно была связана вся ея юность.

Свадебный столъ попадья устроила по-старинному, со множествомъ блюдъ и разными церемоніями. Подъ окнами собралась цѣлая толпа любопытныхъ.

— Эхъ, Петръ Аѳанасьевичъ, что бы тебѣ захватить было гитару? — укоризненно говорилъ о. Семенъ.—Настоящій бы балъ устроили...

Жена Сережи была въ деревнѣ въ первый разъ, и ее все занимало. Она до мельчайшихъ подробностей осмотрѣла все поповское хозяйство и всему удивлялась.

— Если бы мы жили въ деревнѣ, Сережа, и ты былъ бы гораздо лучше, — шепнула она мужу. — Да, да... У тебя много недостатковъ именно городского человѣка.

Много говорили о новыхъ затѣяхъ Кубова, который устраивалъ какой-то цементный заводъ. Зиночка находила, что это совсѣмъ не интересно. Она сидѣла рядомъ съ „молодой“ и смотрѣла на нее такими глазами, точно Катя должна была переродиться въ теченіе этихъ двухъ часовъ. Огневъ чувствовалъ себя утомленнымъ и продолжалъ пощипывать бородку. Въ общемъ какъ будто чего-то недоставало... Петръ Аѳанасьевичъ сидѣлъ рядомъ съ Анной Николаевной и шепнулъ ей:

— Если бы была жива Марѳа Даниловна...

Анна Николаевна думала о мужѣ и сынѣ и тяжело вздыхала, напрасно стараясь показаться веселой. Да, жизнь требуетъ жертвъ и не отдаетъ ихъ назадъ, а дорогіе люди не встаютъ изъ своихъ могилъ. Катя наблюдала стариковъ и про себя жалѣла ихъ. Да, самое хорошее прошлое не вернется, но счастливы тѣ, у кого оно было.

Въ качествѣ присяжнаго оратора Сережа предложилъ первый тостъ за молодыхъ, и это послужило началомъ дальнѣйшихъ рѣчей.

— Позвольте, господа, и мнѣ сказать нѣсколько словъ, — заговорилъ Огневъ:—хотя въ моемъ положеніи, кажется, это и не принято... Именно, мнѣ хотѣлось бы предложить тостъ за русскую женщину вообще, за ту женщину, которая вышла на работу, какъ говоритъ притча, въ девятомъ часу. Одинъ очень вѣжливый французъ сказалъ, что все будущее цивилизаціи виситъ на губахъ славянской женщины. Эта красивая фраза несетъ въ себѣ долю правды, и мы можемъ гордиться нашей русской женщиной въ особенности, какъ высшимъ выраженіемъ славянской расы. Новая русская женщина, окрыленная знаніемъ, несетъ въ себѣ это будущее, и сейчасъ трудно даже приблизительно подсчитать тѣ неисчислимыя послѣдствія, которыя она внесетъ въ жизнь. Я имѣю особенное право это сказать, потому что она родилась на моихъ глазахъ, она воспитывалась отчасти подъ моимъ руководствомъ, она созрѣла, окрѣпла и сложилась въ настоящаго большого человѣка. Зерно брошено въ землю и въ свое время принесетъ плодъ... Но одно знаніе еще не дѣлаетъ всего человѣка — нужны отзывчивое сердце, нравственные устои, строгая выдержка характера, готовность къ самопожертвованію. Вотъ именно эти послѣднія качества особенно мнѣ дороги въ новой русской женщинѣ, въ нихъ залогъ свѣтлаго будущаго, и за нихъ я поднимаю свой бокалъ... Въ русской женщинѣ есть высокій женскій героизмъ.

1893.

БЕЗЪ НАЗВАНІЯ.

Романъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

— Вотъ она раскинулась, наша матушка Бѣлокаменная! — какъ-то слащаво проговорилъ небольшого роста господинъ, изъ-подъ руки присматривая раскинувшійся подъ ногами великолѣпный видъ на Москву. — Историческое сердце святой Руси...

— Да, сердце,—согласился его сосѣдъ по ресторанному столику, худенькій, болѣзненнаго вида брюнетъ.—Лучшаго мѣста нельзя было и придумать...

— Знаете, Василій Тимоѳеичъ, когда я пріѣзжаю въ Москву, такъ каждый разъ скажу: ну, слава Богу, дома... Вѣдь родился-то Богъ знаетъ гдѣ, тамъ, въ Сибири, а домъ въ Москвѣ. Да и всѣ такъ... Вы вѣдь москвичъ?

— Да, коренной москвичъ... И дѣды и прадѣды здѣсь жили.

Брюнетъ тяжело перевелъ духъ и раскашлялся. На лбу и на шеѣ у него напружились жилы. Мягкая пуховая шляпа сбилась на затылокъ. Онъ напрасно старался удержаться: кашель такъ и душилъ. Впрочемъ, онъ ждалъ этого пароксизма, потому что руки у него похолодѣли и сдѣлались влажными, когда они еще ѣхали на Воробьевы горы. Ему было обидно за собственную слабость, когда надъ головой стоялъ такой прекрасный весенній день, внизу разстилалась панорама родной Москвы, и рядомъ сидѣлъ такой безсовѣстно здоровый собесѣдникъ. Отовсюду вѣяло силой, а онъ чувствовалъ себя такимъ немощнымъ и слабымъ, какъ цыпленокъ.

— Простудились?—съ невольнымъ сожалѣніемъ замѣтилъ купчикъ.

— Нѣтъ, это такъ... У меня сердце не въ порядкѣ, Маркъ Евсеичъ. Наслѣдственный порокъ...

— Нужно лѣчиться, Василій Тимоѳеичъ...

— Лѣкарствъ нѣтъ. Такъ пройдетъ... Зажился въ городѣ, вотъ и кашляю, какъ овца.

Василій Тимоѳеичъ улыбнулся какой-то больной улыбкой и принялся сосать леденецъ, вынутый изъ жилетнаго кармана. Онъ долго и внимательно смотрѣлъ на Москву, прищуривъ лѣвый глазъ. Ахъ, какой видъ — единственный, чудный, до боли родной! Вонъ какой величественный изгибъ дѣлаетъ рѣка Москва, а за ней зеленые шахматы полей и огородовъ въ Лужникахъ, какая-то деревянная церковь, приткнувшаяся на этой зелени, дальше бѣлѣютъ стѣны Новодѣвичьяго монастыря, еще дальше—браной скатертью раскинулась сама Москва, замыкавшаяся въ глубинѣ золотымъ гребнемъ Кремля. Даль

тонула въ какомъ-то радужномъ ликующемъ туманѣ, точно это было море, настоящее море изъ безконечныхъ улицъ, уличекъ и переулковъ. Правый гористый берегъ былъ задрапированъ старымъ Мамоновскимъ садомъ, — для коренного москвича это былъ именно Мамоновскій садъ, а не Нескучный — подъ нимъ прятались бѣлѣвшія зданія Андреевской богадѣльни, а тамъ, налѣво, тотъ же правый берегъ совершенно уходилъ изъ глазъ едва брезжившимъ Ходынскимъ полемъ. По Москвѣ-рѣкѣ бойко разбѣгались два маленькихъ пароходика, — издали они казались дѣтскими игрушками.

— Да, хорошо, — какъ бы про себя замѣтилъ брюнетъ, снимая шляпу.

— Лучше не бываетъ, Василій Тимоѳеичъ... Вѣдь вы весь свѣтъ изъѣздили, такъ есть съ чѣмъ посравнить.

— Да...

Безъ шляпы лицо брюнета было совсѣмъ другое. Его измѣнялъ открытый лобъ съ развитыми выпуклостями. И свѣтло-каріе глаза казались строже, и ротъ складывался иначе. „Малъ звѣрь, да лапистъ...“ — подумалъ Маркъ Евсеичъ, раскуривая папиросу. Въ выраженіи лица Василія Тимоѳеича было что-то жесткое, а такія лица хороши только тогда, когда улыбаются,—именно оно и свѣтлѣло отъ улыбки, получая дѣтское выраженіе. Только улыбался Василій Тимоѳеичъ рѣдко.

— Удивляюсь я вамъ, — заговорилъ Маркъ Евсеичъ послѣ длинной паузы: — и что̀ вамъ за интересъ наши промыслы... И далеко, и дѣло рискованное. Самое невѣрное...

— Да вѣдь я такъ, отъ скуки... Засидѣлся въ Москвѣ и хочу прогуляться куда-нибудь. На югѣ былъ, на Кавказѣ былъ, въ Средней Азіи былъ— остался Уралъ. Хочется побывать, присмотрѣться къ дѣлу... Я хорошо знаю золотое дѣло въ Калифорніи.

— Можетъ, и сами занимались?

— Нѣтъ, но знаю... Я нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Америкѣ.

— Такъ-съ... Оно, конечно, любопытно, Василій Тимоѳеичъ. Самое слово любопытно: золото. А больше-то и нѣтъ ничего... Я ужъ давненько не бывалъ на своихъ промыслахъ, потому какъ утвердилась вся семья въ Москвѣ, а тамъ довѣренные да управляющіе руководствуютъ. Конечно, это не порядокъ, да ужъ какъ-то такъ далеко очень... Лѣтомъ, по навигаціи, недѣлю слишкомъ ѣхать, а зимой и въ двѣ другой разъ не доѣдешь. Однимъ словомъ, размякли мы въ Москвѣ...

— Вѣдь у васъ дѣло старинное, кондовое?

— Какъ же-съ, отъ дѣдовъ досталось... Еще дѣдушка орудовалъ, а потомъ родитель покойный. Ну, при родителѣ-то покойномъ намъ плохо пришлось... Совсѣмъ-было разорились. До того дѣло доходило, что краснаго билета въ дому нѣтъ... Особенное дѣло, однимъ словомъ. Когда ужъ братъ Яковъ вступилъ, ну, тогда все пошло какъ по маслу. Онъ Трехсвятительскую жилу открылъ...

— Васъ вѣдь много, братьевъ?

— Я-то самый меньшой, а постарше меня еще пятеро: Прокопій, Андрей, Гаврило, Семенъ и Яковъ. Двѣ сестры были, ну, тѣ замужъ выскочили и сейчасъ свое положеніе женское имѣютъ.

— А братъ Яковъ давно умеръ?.

Этотъ простой вопросъ заставилъ Марка Евсеича съежиться. Онъ посмотрѣлъ на Василія Тимоѳеича прищуренными глазами и отвѣтилъ уклончиво:

— Да ужъ не упомню хорошенько, а только не близко тому времени. Я еще совсѣмъ мальчикомъ былъ...

— А другіе братья всѣ живы? Впрочемъ, я это такъ спрашиваю... Мнѣ помнится, я кого-то встрѣчалъ изъ вашихъ братьевъ.

— Гаврилу, вѣроятно, встрѣчали. Онъ въ Москвѣ у насъ путался... Года ужъ съ три, какъ померъ.

Передъ ними на столикѣ по-московски стоялъ приборъ съ чаемъ и полбутылка коньяку. Маркъ Евсеичъ выпилъ уже двѣ рюмки и лѣниво жевалъ ломтикъ лимона. Онъ все присматривался къ своему собесѣднику и точно старался что-то припомнить.

— А вѣдь я васъ гдѣ-то встрѣчалъ! — проговорилъ онъ наконецъ. — Мнѣ ваша личность знакома...

— Вѣроятно, гдѣ-нибудь въ банкѣ или на биржѣ, — равнодушно отвѣтилъ Василій Тимоѳеичъ, прихлебывая холодный чай изъ стакана. — Я тамъ каждый день бываю...

— Знаемъ, слыхали. Можно сказать, кто васъ не знаетъ...

На террасѣ ресторана за отдѣльными столиками сидѣло еще нѣсколько группъ. Кучка долговязыхъ англичанъ, одѣтыхъ попугаями, разсматривала Москву въ морскіе бинокли, сквозь зубы выпуская свои удивительныя англійскія слова; у самаго барьера стояло нѣсколько дамъ, очевидно, пріѣхавшихъ изъ провинціи; въ уголкѣ пріютилась хмельная купеческая компанія. Въ послѣдней выдавались два брата — русоволосые, крупичатые, рослые, однимъ словомъ — кровь съ молокомъ. Такихъ молодцовъ выкармливаетъ только Москва. Василій Тимоѳеичъ нѣсколько разъ поглядывалъ въ ихъ сторону и вчужѣ любовался этими племенными выкормками. Типичный народъ, а къ московскому купечеству онъ питалъ „влеченье, родъ недуга". Другое дѣло, его собесѣдникъ—сейчасъ видно сибирскую жилу. Говоритъ, точно торгуется, да и вѣрить ни одному слову нельзя. Этакій народецъ проклятый... Да еще притворяется, что того не знаетъ, другого не помнитъ, а третье и совсѣмъ забылъ. Вонъ москвичи — тѣ всѣ на виду.

— А скоро вы думаете уѣзжать отсюда?—освѣдомился Маркъ Евсеичъ, какъ-то крадучись выпивая третью рюмку коньяку.

— Пока еще и самъ не знаю. У меня много постороннихъ дѣлъ...

— Слыхали...

— Для здоровья нужно встряхнуться. Много московской пыли насѣло...

— Ужъ это что̀ говорить... Это вы правильно.

Подумавъ немного, Маркъ Евсеичъ прибавилъ съ улыбкой:

— Извините, а я такъ думаю, Василій Тимоѳеичъ, что не даромъ вы потащитесь такую даль?

— Я даромъ ничего не дѣлаю. Хочу попытать счастья...

— Не совѣтую-съ... И дѣло вамъ незнакомое-съ, да и рискъ при этомъ...

— Рискъ? А вы знаете, что никто больше не рискуетъ, какъ простой мужикъ, когда пашетъ и сѣетъ... Самое рискованное дѣло это хлѣбопашество. А наше дѣло другое: въ одномъ мѣстѣ проживемъ, въ другомъ наживемъ. Мнѣ нравится золотопромышленность... У васъ все по старинкѣ, а я новыми способами поставлю обработку. Американскія машины выпишу... Когда я былъ въ Австраліи, такъ кое-чему успѣлъ поучиться.

— Зачѣмъ же вы въ Австралію ѣздили?

— А такъ, изъ любопытства... Жалѣю, что не вернулся обратно черезъ Сибирь. Не позволила болѣзнь...

Эта бесѣда была прервана появленіемъ третьяго лица. На террасу вошелъ высокій и рослый господинъ съ рыжей окладистой бородой. Онъ былъ одѣтъ въ пеструю лѣтнюю пару. Шелковый цилиндръ сидѣлъ на большой

головѣ немного бокомъ. Близорукіе большіе голубые глаза и великолѣпные бѣлые зубы придавали ему видъ англичанина. Вошедшій, видимо, никого не видалъ и какъ-то рухнулъ всѣмъ тѣломъ къ ближайшему столику. Цилиндръ покатился на полъ.

— Бутылку шампанскаго... — хрипло проговорилъ новый гость лакею, подававшему цилиндръ.—Да похолоднѣе сдѣлайте.

— Слушаю-съ...

Василій Тимоѳеичъ молча наблюдалъ страннаго гостя, который попрежнему ни на кого не обращалъ вниманія. Онъ снялъ свой цилиндръ, подперъ голову руками и смотрѣлъ безцѣльно куда-то вдаль.

— Баринъ-то того...—хихикнулъ Маркъ Евсеичъ, закрывая ротъ рукой.— Свѣту бѣлаго не видитъ. Чертитъ, должно полагать, вторую недѣлю... Я ихъ третьяго-дня за городомъ видѣлъ, въ Яру-съ.

Лакей подалъ бутылку шампанскаго въ серебряномъ ведрѣ. Рыжій господинъ залпомъ выпилъ два стакана, тряхнулъ головой и полѣзъ въ жилетный карманъ. Тамъ ничего не оказалось, какъ и въ боковыхъ карманахъ и въ бумажникѣ. Это открытіе сразу его отрезвило, и онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ кругомъ своими близорукими глазами, точно спрашивалъ всѣхъ, какъ онъ сюда попалъ и чѣмъ онъ расплатится за шампанское. Василій Тимоѳеичъ подозвалъ къ себѣ лакея, показалъ на рыжаго господина глазами и расплатился.

— Ну, мы съ вами еще увидимся и поговоримъ подробнѣе,—замѣтилъ онъ, прощаясь съ Маркомъ Евсеичемъ.

— Съ наслажденіемъ, Василій Тимоѳеичъ... Гдѣ прикажете?

— Я вамъ напишу.

Василій Тимоѳеичъ поднялся, подошелъ къ рыжему господину и положилъ руку ему на плечо. Тотъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на него своими сѣрыми удивленными глазами и улыбнулся какой-то дѣтской улыбкой.

— Ахъ, Сережа, Сережа...

— Ты... ты какимъ образомъ попалъ сюда?—удивлялся Сережа, обнимая Василія Тимоѳеича.—Вотъ, братъ, не ожидалъ... да... Удивилъ ты меня, Вася. А я, братъ, того... Впрочемъ, чортъ знаетъ, что̀ со мной дѣлается, и рѣшительно не знаю, какъ я сюда попалъ. Хотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ... Кстати, со мной гнусная исторія случилась: спросилъ шампанскаго, а заплатить нечѣмъ.

— Я уже заплатилъ. Не безпокойся... А сейчасъ ѣдемъ домой.

— Домой? Позволь, что̀ значитъ: домой?.. Ахъ, да, ты повезешь меня къ себѣ и предашь покаянію...

— Ну, тамъ увидимъ...

— Дай кончить бутылку, а тамъ весь къ твоимъ услугамъ. Вообще, я очень радъ тебя видѣть... Всегда радъ... да.

Василій Тимоѳеичъ присѣлъ къ столику и терпѣливо подождалъ, когда Сережа наконецъ кончитъ свое пойло.

— Эхъ, выпилъ бы и ты одинъ стаканчикъ?—предложилъ Сережа, когда въ бутылкѣ почти ничего не оставалось.

— Благодарю. Вѣдь ты знаешь, что я ничего не пью...

Василія Тимоѳеича больше всего возмущало теперь неистощимое добродушіе Сережи.

— Послушай, а какъ мы поѣдемъ, Вася? Я своего извозчика, кажется, отпустилъ... А итти отсюда въ Москву пѣшкомъ я не могу.

— Вздоръ. Я тебя заставлю прогуляться именно пѣшкомъ, чтобы ты хотя этимъ путемъ почувствовалъ собственное безобразіе.

— Я не пойду,—протестовалъ Сережа.—Наконецъ я просто спать хочу... Ты только представь себѣ, что я сряду три ночи не спалъ. Да я вотъ здѣсь у столика и засну...

II.

Когда они вышли изъ ресторана, къ подъѣзду подалъ съ московскимъ шикомъ лихачъ.

— Вотъ какъ ты...—укоризненно замѣтилъ Сережа, съ трудомъ усаживаясь въ пролетку.—Дда... Вавилонская роскошь, государь мой. Хе-хе... Мы другимъ людямъ мораль читаемъ, а сами на рысакахъ катаемся.

— Ты знаешь, что лошади—моя единственная слабость,—точно оправдывался Василій Тимоѳеичъ, любуясь воронымъ рысакомъ, осторожно спускавшимъ экипажъ съ горы.—Кучеръ, осторожнѣе...

Лошадь была заглядѣнье. Какъ она граціозно ступала своими могучими ногами, какъ выгибала атласную шею, какъ косила горячимъ глазомъ и грызла сдерживавшія ее удила. Это было само олицетвореніе живой силы. Сережа какъ сѣлъ, такъ сейчасъ и задремалъ, мѣрно покачиваясь изъ стороны въ сторону. Онъ даже попробовалъ захрапѣть, но Василій Тимоѳеичъ его разбудилъ.

— А... что̀?—мычалъ Сережа, просыпаясь.—Ахъ, да...

Онъ нѣсколько разъ тряхнулъ своей головой и проговорилъ съ добродушнѣйшей улыбкой:

— А я знаю, что̀ ты сейчасъ думаешь, Вася. Давай пари на полдюжины шампанскаго? Какъ честный человѣкъ... Ты думаешь: какой свинья Сережка! Вѣрно?

— Ты угадалъ... И въ свое оправданіе можешь сказать только одно, именно, что люди, которые ѣдутъ рядомъ съ такой свиньей, тоже немножко свиньи...

Сережа залился неудержимымъ хохотомъ, такъ что даже кучеръ оглянулся.

— Ахъ, уморилъ, Вася... Вотъ уморилъ-то!.. Немножко свинья — это вѣжливѣе называется ветчиной. Ха-ха...

Экипажъ уже летѣлъ стрѣлой по Замоскворѣчью, гдѣ разсажались плотно другъ къ другу купеческія хоромины. Проѣзжая здѣсь, Василій Тимоѳеичъ каждый разъ любовался этой купеческой тугой стройкой. Для себя строились люди, а не для квартирантовъ. Все было пригнано туго, крѣпко, на цѣлыхъ сто лѣтъ, и каждый домъ выглядѣлъ такъ сыто, какъ выспавшійся хорошо человѣкъ.

Замоскворѣчье мелькнуло быстро. На Каменномъ мосту пришлось сдерживать разгорячившуюся лошадь. Затѣмъ слѣдовала узкая московская уличка, поворотъ налѣво къ храму Спасителя и еще поворотъ направо, мимо Пречистенскаго бульвара. Послѣ свѣжаго воздуха на Воробьевыхъ горахъ, здѣсь пахнуло застоявшейся вонью московской улицы. Василій Тимоѳеичъ только морщился. Какъ онъ ни любилъ Москву, но никакъ не могъ помириться съ этой убійственной атмосферой.

Москва, Москва, родимая столица...—

мурлыкалъ Сережа, опять начиная дремать.

Съ Пречистенскаго бульвара пролетка съ эластическимъ трескомъ резиновыхъ шинъ повернула налѣво и стрѣлой понеслась по Сивцеву Вражку, а затѣмъ кучеръ разомъ осадилъ расходившагося рысака у подъѣзда маленькаго деревяннаго домика съ палисадникомъ и мезониномъ. Такіе дома встрѣ-

чаются только по московскимъ окраинамъ, да кое-гдѣ въ глухихъ уличкахъ Пречистенской части.

— Готово!—крикнулъ Сережа, выскакивая изъ экипажа.

На звонокъ подъѣздъ отворила низенькая сѣденькая старушка въ очкахъ. Въ лѣвой рукѣ у нея болтался мѣшокъ съ какимъ-то безконечнымъ вязаньемъ, какъ умѣютъ вязать только милыя московскія старушки.

— Какъ ты рано вернулся, Вася,—проговорила она, глядя на сына съ затаенной тревогой.

Увидѣвъ медленно входившаго Сережу, старушка сразу успокоилась: она поняла, почему Вася вернулся раньше назначеннаго срока. Когда Сережа входилъ въ этотъ маленькій подъѣздъ, онъ казался еще больше, чѣмъ на улицѣ.

— Мамаша, bonjour...—хрипло здоровался Сережа, напрасно стараясь поймать худенькую руку старушки.

— Какая я тебѣ мамаша, безстыдникъ?—ворчала старуха, пристально разсматривая припухшее лицо названнаго сынка.—Ну-ка, повернись къ свѣту... вотъ такъ... Ахъ, Сережа, Сережа! Гдѣ это ты пропадалъ?

— Мама, хорошенько проберите его, — говорилъ Василій Тимоѳеичъ, быстро проходя въ маленькую темную переднюю.

— Больше не буду, Мароа Семеновна... — какъ-то по-дѣтски увѣрялъ Сережа, нагибаясь въ дверяхъ передней.—Честное слово!..

— Ахъ, Сережа, Сережа... ахъ, безстыдникъ!..

Въ гостиной гостя ожидало новое испытаніе. Тамъ ходила, заложивъ руки за спину, бѣлокурая женщина лѣтъ тридцати. Простой черный костюмъ придавалъ ей видъ монахини, отпущенной въ гости къ роднымъ. Строгое, немного болѣзненное лицо было еще недавно красиво, а теперь подернулось тѣнью преждевременной старости. Увидѣвъ рыжаго гостя, она презрительно подняла плечи и брови, сдѣлала сердитое лицо и съ гордостью вышла въ сосѣднюю комнату и даже захлопнула за собой дверь.

— Что̀, видѣлъ, какъ отъ тебя княжна убѣжала? — корила старушка своего массивнаго гостя.

— А позвольте спросить, Мароа Семеновна, что̀ я этой самой княжнѣ сдѣлалъ дурного, кромѣ того, что люблю ее? Вотъ и васъ люблю и всѣхъ вообще...

Въ пріотворенную дверь показалось лицо княжны и послышался ея нервный голосъ:

— А я васъ уже ненавижу, ненавижу, ненавижу... Я съ удовольствіемъ бы уже застрѣлила васъ! Да, взяла бы револьверъ...

— Господа, это наконецъ несправедливо! —взмолился Сережа. — Что̀ можетъ подѣлать одинъ скромный мужчина съ двумя разсвирѣпѣвшими женщинами?

Княжна быстро вошла въ гостиную, взяла ненавистнаго человѣка за руку, подвела къ зеркалу и проговорила такимъ тономъ, точно дѣлала увѣщаніе осужденному на казнь:

— Взгляните на себя, Сергѣй Ипполитычъ... Ваше лицо обвиняетъ васъ. Куда вы уже тратите свою молодость, здоровье, умъ?.. Несчастный, я даже презирать не могу васъ...

Маленькая женская рука сдѣлала такое движеніе, точно сталкивала Сережу въ бездонную пропасть, а въ голосѣ уже слышались слезы, тѣ искреннія женскія слезы, которыхъ такъ не выносятъ всегда и во всемъ правые мужчины.

— Вы—гадкій, отвратительный, несносный, — повторяла княжна, притоптывая ногой, точно кого-то желала раздавить.—Мнѣ наконецъ уже стыдно за васъ... да.

Сережа нѣсколько разъ тряхнулъ своей головой, а потомъ быстро опустился на одно колѣно, схватилъ руку княжны и началъ ее цѣловать.

— Милая, святая женщина, клянусь, что это въ послѣдній разъ.

— Я уже не люблю васъ...—съ грустью отвѣтила княжна.

— Что же мнѣ прикажете сдѣлать, Варвара Петровна? — взмолился Сережа, поднимаясь.—Повѣситься?..

Эта сцена была прервана появившимся въ дверяхъ Василіемъ Тимоѳеевичемъ. Онъ жестомъ пригласилъ княжну къ себѣ въ кабинетъ. Сережа облегченно вздохнулъ. Старушка Мароа Семеновна сидѣла въ старинномъ кожаномъ креслѣ у окна и усердно вязала. Сережа прошелся по комнатѣ, заглянулъ въ кабинетъ, еще разъ прошелся и проговорилъ:

— Мароа Семеновна, а вы не знаете, для чего меня Вася привезъ сюда?

— Нѣтъ, не знаю... Должно-быть, нужно, если привезъ.

Потухавшіе старческіе глаза посмотрѣли на гостя съ затаенной грустью. Сережа почувствовалъ это какъ-то всѣмъ своимъ могучимъ тѣломъ. Хмель прошелъ, и его начиналъ сосать „червь раскаянія". Это случалось каждый разъ послѣ большихъ приключеній, и какъ-то выходило такъ, что именно такія покаянныя минуты непремѣнно связывались именно съ этими маленькими комнатами, съ этой сидѣвшей всегда у окна старушкой, съ тѣмъ особеннымъ воздухомъ, который утвердился здѣсь съ незапамятныхъ временъ. Сережа вздохнулъ нѣсколько разъ, взялъ маленькую скамеечку, поставилъ ее у самыхъ ногъ старушки и присѣлъ на нее.

— Вы меня презираете, Мароа Семеновна... да...—заговорилъ онъ глухой нотой.—Я это знаю... да. Я и самъ презираю себя, больше всѣхъ презираю... Даже вотъ за то презираю, что сейчасъ испытываю жгучую надобность раскаяться вслухъ. Это наша національная особенность... Натворитъ человѣкъ не знаю что, а потомъ выйдетъ на высокое мѣсто лобное, раскланяется на всѣ четыре стороны... „Прости, народъ православный"... Эхъ, скверно! Этакое гнусное бореніе духа... Вы меня слушаете, Мароа Семеновна?

— Слушаю, слушаю... Сколько времени кутилъ-то, Сережа?..

— А какое сегодня у насъ число?

— Сегодня вторникъ, ну, значитъ, третье іюня...

— Вторникъ... да... День былъ безъ числа. А когда я отъ васъ уѣхалъ?

— Да какъ тебѣ сказать... Вскорѣ это было послѣ Николина дня.

— Ну, вотъ и считайте...—обрадовался Сережа. — Почти мѣсяцъ... да. Ахъ, что только было...

— Изъ трактира не выходилъ все время?

— Тогда-то я у васъ былъ съ деньгами, Мароа Семеновна... Много было денегъ. А я скрылъ отъ васъ, чтобы вы не отняли у меня...

— Я ужъ послѣ-то догадалась да опоздала: тебя и слѣдъ простылъ. Ахъ, Сережа, Сережа!..

Старушка отложила свое вязанье въ сторону, поправила очки и заговорила:

— Ты и фамилію-то свою позабылъ, Сережа... А фамилія хорошая...

— Чего же тутъ хорошаго: Лапшинъ-Извольскій?.. Точно плохой актеръ. Вообще ничего особеннаго.

— Нѣтъ, фамилія хорошая... Лапшины-то старинный боярскій родъ, при Грозномъ воевали Литву, ну, Извольскіе пожиже, изъ выходцевъ, а вмѣстѣ-то

старый родъ выходитъ. А тутъ пріѣхалъ ты въ трактиръ, тебя всякій холуй знаетъ: Лапшинъ-Извольскій. По какимъ мѣстамъ фамилію-то свою таскаешь?.. Себя не жаль, такъ хоть фамилію пожалѣй... Бояре-то Лапшины при Петрѣ пострадали, въ стрѣлецкомъ бунтѣ были замѣшаны, а Извольскіе при матушкѣ Екатеринѣ, вмѣстѣ съ нами, съ Окосмовыми. Мы вѣдь въ свойствѣ съ Извольскими... да. Ну, а теперь ты одинъ въ своемъ роду остался: помрешь грѣшнымъ дѣломъ, и фамилія вся переведется.

— Позвольте, неужели я даже умереть не имѣю права?..

— Постой, дай кончить... Умереть-то всѣ мы умремъ, а вотъ ты сперва женись. Что̀ на меня смотришь? Да, женись... И все тутъ.

Сережа захохоталъ, до того получилось неожиданное заключеніе. А старушка разсердилась.

— Плакать нужно, а не смѣяться!—ворчала она, опять принимаясь за свое вязанье.—Да, плакать... Ты только подумай, сколько хорошихъ дѣвушекъ пропадаетъ по дворянскимъ усадьбамъ. Сидитъ такая дѣвушка и ждетъ суженаго-ряженаго, а суженый-ряженый по трактирамъ ухлестываетъ, разнымъ цыганкамъ деньги швыряетъ, свѣту Божьяго не видитъ. Такъ дѣвушка-то и останется кукушкой, ни себѣ ни людямъ, да и суженому-ряженому не велика радость—проживетъ все и начнетъ добрыхъ людей обманывать, а потомъ его подъ судъ отдадутъ... Хорошо это?.. А тутъ жилъ бы, поживалъ съ молодой женой, нажилъ бы малыхъ дѣтушекъ—другое бы на умѣ все было. Главное, законъ исполнить всякій человѣкъ долженъ, Сережа... Вѣдь это только кажется, что хорошо холостому, какъ вѣтру въ полѣ, въ концѣ-то концовъ одно похмелье останется...

— Все это хорошо, Марѳа Семеновна, вы правы, но я готовъ заплатить деньги только за то, чтобы хоть издали посмотрѣть на ту милую особу, которая пошла бы замужъ за такого, какъ вашъ покорнѣйшій слуга. Ее нужно прямо въ сумасшедшій домъ отправить...

— Нѣтъ, ничего, пойдетъ, и хорошая дѣвушка пойдетъ... Первое дѣло, гдѣ васъ, жениховъ-то, взять нынче—по трактирамъ надо искать, а второе—ежели тебя къ рукамъ прибрать, такъ, можетъ, еще что-нибудь и выйдетъ. Конечно, не первый сортъ, съ большимъ изъяномъ, ну, да тутъ было бы изъ чего выбирать... Да недалеко ходить, хочешь, вотъ княжну посватаю?..

— Варвару Петровну? — изумился Сережа, поднимаясь со своей скамеечки.—Варвару Петровну?.. А вы слышали, что̀ она сейчасъ говорила?

— Э, голубчикъ, мало ли что̀ говорится подъ сердитую руку... Женщины любятъ прощать. Конечно, княжна не первой молодости, а зато она настоящей царской крови, хотя и татарской. Прямо отъ Батыя родъ-то идетъ... Если бы было Казанское царство, такъ она претендентка на престолъ. Тоже одна въ роду-то осталась...

— Нѣтъ, это дѣло нужно оставить,—уже серьезно заговорилъ Сережа.—Видите ли, я дѣлаю много дурного, но только для себя, а не для другихъ... Зачѣмъ же губить напрасно послѣднюю казанскую царевну? А со мной ничего хорошаго она не найдетъ... Понимаете?

— Ахъ, Сережа, Сережа... Напрасно. Потомъ самъ пожалѣешь. А главное, ты и самъ-то не знаешь, что̀ ты такое... Не стала бы я съ тобой слова напрасно терять, если бы не твоя доброта. Съ добрымъ человѣкомъ все можно сдѣлать...

Старушка походила теперь на одну изъ тѣхъ старинныхъ книгъ, къ которымъ относятся съ невольнымъ почтеніемъ. Это была живая лѣтопись вымиравшихъ дворянскихъ родовъ. Сейчасъ она своими слабыми старческими

руками хотѣла связать двѣ нити — родъ Лапшиныхъ-Извольскихъ съ родомъ татарскихъ князьковъ Садыкъ-Ханъ-Салтановыхъ.

III.

Старый окоемовскій домикъ внизу дѣлился на пять маленькихъ комнатъ, изъ которыхъ самой большой была гостиная, выходившая на улицу тремя окнами. Рядомъ съ ней помѣщался кабинетъ, узкая и неудобная комната, всего съ однимъ окномъ. Изъ передней полутемный коридоръ велъ въ столовую и спальню, гдѣ сейчасъ спала старушка Марѳа Семеновна. Пятая комната съ окнами на дворъ никакого опредѣленнаго названія не имѣла и служила для Василія Тимоѳеича мастерской. Въ ней собранъ былъ всевозможный „хламъ", какъ говорила старушка: токарный станокъ, походная лабораторія, какіе-то мудреные приборы для разныхъ опытовъ, шкапъ съ ретортами, колбами и стеклянной лабораторной посудой, особаго устройства печь съ желѣзнымъ зонтомъ для отвода вредныхъ газовъ. Въ мезонинѣ, состоявшемъ изъ двухъ комнатъ, помѣщалась большая библіотека. Обстановка всѣхъ комнатъ была самая скромная. Вездѣ стояла старинная мебель краснаго дерева, очень неудобная и громоздкая. На стѣнахъ висѣли старинные портреты и гравюры какихъ-то неизвѣстныхъ никому городовъ. Самой неудобной комнатой въ домѣ былъ кабинетъ. Но Василій Тимоѳеичъ не промѣнялъ бы его ни на какія палаты. Въ кабинетѣ у окна стоялъ старинный письменный столъ, у внутренней стѣны низкій турецкій диванъ, напротивъ него старинное, очень вычурное и очень неудобное бюро, въ углу несгораемый шкапъ, въ другомъ этажерка съ книгами — и только. Комната самой Марѳы Семеновны представляла собой маленькій музей, гдѣ были собраны удивительныя вещи, начиная съ вышитыхъ бисеромъ и шелками картинъ и кончая громаднымъ палашомъ, которымъ дѣдушка Окоемовъ въ качествѣ партизана выгонялъ въ двѣнадцатомъ году француза изъ Россіи.

— Для чего вамъ сабля, Марѳа Семеновна? — нѣсколько разъ спрашивалъ знакомый о. дьяконъ, каждое воскресенье приходившій пить чай.— Подарите ее мнѣ...

— Ну, тебѣ-то она ужъ совсѣмъ не подходитъ,—говорила старушка.— Тебѣ даже грѣшно имѣть въ домѣ саблю... Можетъ-быть, ей сколько французовъ зарублено, а на тебѣ священный санъ. Пусть ужъ виситъ у меня.

Двѣ старинныхъ горки были наполнены величайшими рѣдкостями. Тутъ были и портреты на слоновой кости, и какіе-то мудреные сувениры, назначеніе которыхъ сейчасъ трудно было опредѣлить даже приблизительно, и дареныя табакерки, и дѣтскія игрушки, которыми игралъ маленькій Вася, и таинственные ящики, и старинный фарфоръ, и цѣлый рядъ всевозможныхъ бездѣлушекъ. Всѣ эти пустяки для Марѳы Семеновны служили наглядной иллюстраціей измѣнчивой фортуны всего окоемовскаго рода. Съ каждой бездѣлушкой было связано какое-нибудь воспоминаніе, фамильное преданіе, легенда. Передъ каждымъ праздникомъ старушка вынимала всѣ эти рѣдкости, обтирала пыль и любовалась, точно повторяя всю исторію своего рода. Въ уголкѣ стояла старинная кровать съ балдахиномъ, но Марѳа Семеновна никогда на ней не спала, предпочитая теплую изразцовую лежанку. Къ обстановкѣ этой комнаты нужно прибавить еще двѣ клѣтки съ канарейками и старинные цвѣты на окнахъ, какихъ вы сейчасъ не найдете ни въ одной оранжереѣ. Василій Тимоѳеичъ, когда бывалъ въ этой комнатѣ, испытывалъ странное ощущеніе, точно онъ переносился къ началу нынѣшняго столѣтія или концу прошлаго,—его кабинетъ отдѣлялся отъ комнаты матери цѣлымъ

столѣтіемъ. И, странно, ему нравились всѣ эти никому ненужныя вещи, какъ нравились воскресные разговоры съ отцомъ дьякономъ, который, вмѣстѣ съ заздравной просфорой, приносилъ сюда какой-нибудь разсказъ о новомъ чудѣ, о проявившемся Божьемъ человѣкѣ, о видѣніяхъ и пророческихъ снахъ.

Сейчасъ дѣйствіе происходило въ кабинетѣ Василія Тимоѳеича. Самъ хозяинъ лежалъ на диванѣ, а передъ нимъ ходила княжна. Она была очень взволнована.

— Вы меня извините, что я лежу...—говорилъ хозяинъ, оглядываясь на дверь.—У меня опять припадокъ...

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь... Да, такъ у меня большія непріятности, Василій Тимоѳеичъ. Помните этого молодого человѣка, о которомъ я васъ тогда просила? Ну, вы еще мѣсто ему въ банкѣ доставили... Такъ вотъ изъ-за него-то и непріятности. Онъ прослужилъ два мѣсяца, а потомъ захватилъ какія-то деньги, то-есть попросту растратилъ ихъ. Прихожу къ директору, а онъ мнѣ и наговорилъ непріятностей. Я-то къ нему пришла похлопотать о другомъ молодомъ человѣкѣ... Нѣтъ, я положительно разочаровываюсь въ людяхъ. Для нихъ же стараешься, а они чужія деньги растрачиваютъ...

— Это исключительный случай, Варвара Петровна, и не можетъ итти за общее правило. Кстати, сколько вы человѣкъ пристроите по разнымъ мѣстамъ въ теченіе года?

— А я не считаю. Не одинаково. Вѣдь есть какіе несчастные, Василій Тимоѳеичъ... Ни квартиры, ни платья, ни обѣда. Вообще, ужасно.

— И все больше письменныхъ занятій, конечно, ищутъ?

— Да... Что же имъ больше дѣлать, если они больше ничего не умѣютъ?

— Вотъ въ томъ-то и бѣда...

— Никакой бѣды нѣтъ, потому что всякій дѣлаетъ то, что умѣетъ. Вотъ у меня сейчасъ есть двое молодыхъ людей. Одинъ не кончилъ классическую гимназію, а другой не кончилъ реальное училище... Куда же имъ дѣться, спрашивается? Если бы имъ хоть какія-нибудь занятія, Василій Тимоѳеичъ... Что вамъ стоитъ порекомендовать ихъ куда-нибудь.

— Рублей на пятнадцать жалованья?

— И пятнадцать рублей деньги...

Василій Тимоѳеичъ сѣлъ на диванъ, перевелъ духъ и заговорилъ съ раздраженіемъ:

— Знаете, мнѣ каждый разъ, когда я слышу о подобныхъ молодыхъ людяхъ, просто обидно и за нихъ и за себя. Вы только представьте себѣ, что стоило государству ихъ воспитаніе, хотя они и не кончили курса нигдѣ... А теперь они безъ куска хлѣба. И это очень обидно... Возьмите крестьянина, мѣщанина, купца—тамъ молодой человѣкъ въ шестнадцать лѣтъ уже цѣлый капиталъ. Онъ работникъ, имъ дорожатъ, и онъ никогда не останется безъ мѣста, а наша интеллигенція совершенно безпомощна...

— Купцы всѣхъ обманываютъ, вотъ имъ уже и хорошо жить...

Послѣдняя фраза была сказана съ такой наивной увѣренностью, что Василій Тимоѳеичъ громко расхохотался.

— Конечно, обманываютъ, — продолжала княжна. — Я это отлично уже знаю... Оттого у нихъ и деньги. А интеллигентный человѣкъ не способенъ обманывать... Поэтому я и хлопочу за нихъ. Вы вотъ смѣетесь надо мной и называете меня „дѣвицей по чужимъ дѣламъ“, а я все-таки буду хлопотать.

— А вы знаете, Варвара Петровна, что вотъ эти молодые интеллигентные люди безъ опредѣленныхъ занятій представляютъ собой громадный капи-

талъ, которымъ только нужно умѣть воспользоваться. Я давно думалъ объ этомъ и хочу воспользоваться такимъ капиталомъ...

— Какъ же это будетъ?

— А ужъ такъ... Пока это мой секретъ. Вы мнѣ будете помогать, Варвара Петровна..

— Съ удовольствіемъ.

— Только я буду купцомъ. Вы такъ и знайте. Иначе невозможно...

Онъ хотѣлъ сказать еще что-то, но весь поблѣднѣлъ, схватился за сердце и глухо застонадъ. Княжна хотѣла броситься въ другую комнату, но онъ ее удержалъ.

— Не тревожьте маму... Все пройдетъ. Вонъ тамъ пузырекъ съ солью, дайте его мнѣ...

Онъ опустился въ большое кресло и долго нюхалъ изъ пузырька, закрывъ глаза. Княжна наблюдала его и не знала, что̀ ей слѣдовало предпринять. Она знала, что у Василія Тимоѳеича наслѣдственный порокъ сердца, и что лѣкарства отъ него нѣтъ.

— Вотъ мнѣ и лучше...—слабо проговорилъ онъ, дѣлая надъ собой усиліе

Въ этотъ моментъ въ дверяхъ показался Сережа, т.-е. его рыжая голова

— Послушай, Вася, а скоро мнѣ будетъ отпускъ?

— Подожди, ты мнѣ нуженъ и даже очень нуженъ, Сережа...

— Я?

— Да, ты... Тебя это удивляетъ? Помоги мнѣ перейти на диванъ. Вотъ такъ, поддержи съ этой стороны.

Перебраться съ кресла на диванъ во время припадка было уже цѣлымъ подвигомъ, и Сережѣ сдѣлалось совѣстно за собственное здоровье.

— Вотъ теперь хорошо...—шепталъ Василій Тимоѳеичъ, стараясь принять удобное положеніе.—Да... Сережа, ты мнѣ очень нуженъ, и вы, Варвара Петровна, тоже. Да, очень...

Княжна и Сережа старались не смотрѣть другъ на друга.

— Ну-съ, такъ въ чемъ дѣло?—спросилъ Сережа, дѣлая нетерпѣливое движеніе.—Я жду...

— Дѣлать тебѣ рѣшительно нечего. Сережа, денегъ у тебя нѣтъ,—однимъ словомъ, твое положеніе вполнѣ безвыходное. Остается ждать, когда умретъ какая-нибудь изъ твоихъ безчисленныхъ тетокъ... Получишь наслѣдство, прокутишь—и опять ничего не будетъ.

— Кажется, это къ дѣлу не относится...—замѣтилъ Сережа.

— Нѣтъ, именно относится, потому что я тебя хочу спасти отъ твоего безвыходнаго положенія. Хочешь поступить ко мнѣ на службу?.. Я тебѣ дамъ отличное мѣсто.

— Что̀ же, я не прочь...

— Ты будешь главнымъ управляющимъ золотыхъ промысловъ...

— Я?

— Да, ты... Это совсѣмъ не трудно, а мѣсто почетное, во всякомъ случаѣ.

— Но вѣдь нужно ѣхать въ тайгу?

— Нѣтъ, мои промыслы ближе, на Уралѣ...

— Я вамъ не совѣтую, Василій Тимоѳеичъ, — вступилась княжна, не имѣя силъ больше терпѣть.—Я уже знаю Сергѣя Ипполитыча. Онъ совсѣмъ не годится быть управляющимъ. Человѣкъ, который не умѣетъ управлять самимъ собой...

— Ничего, понемножку какъ-нибудь устроимся,—успокаивалъ ее Василій Тимоѳеичъ.—И вашимъ молодымъ людямъ мѣсто найдемъ.

— А я все-таки не понимаю, что̀ тебѣ за нелѣпая фантазія пришла,— удивлялся Сережа.—Вдругъ сдѣлаться золотопромышленникомъ...

— Что̀ подѣлаешь, если ужъ такъ случилось. Во всякомъ случаѣ, страннаго въ этомъ ничего нѣтъ. Дѣло самое вѣрное... Я уже дѣлалъ смѣты и все подсчиталъ. Одно уже то хорошо, что можно будетъ дать работу тысячамъ людей...

— Я васъ понимаю,—проговорила княжна.—И если бы я не была женщиной, то сдѣлала бы то же самое...

— Ничего изъ этого не выйдетъ,—авторитетно замѣтилъ Сережа.—Да, ничего... Самое несбыточное дѣло, начиная съ того, что ты его совсѣмъ не знаешь. У тебя все Америка въ головѣ сидитъ... А что̀ хорошо въ Америкѣ, то у насъ покуда не годится. Впрочемъ, дѣло твое, а мнѣ рѣшительно все равно. Въ Сибирь, такъ въ Сибирь...

— Какъ жаль, что я сейчасъ не могу говорить...—жалѣлъ хозяинъ, закрывая глаза отъ усталости. — Ну, какъ-нибудь потомъ поговоримъ, и я все объясню.

— Другими словами, намъ пора уходить?—догадался Сережа.

— Я не гоню, но только не могу говорить долго...

Сережа и княжна вышли изъ кабинета вмѣстѣ.

— Мнѣ ты нуженъ будешь сегодня вечеромъ, Сережа! — крикнулъ Василій Тимоѳеичъ.

— Хорошо.

Княжна вернулась и, схвативъ Василія Тимоѳеича за руку, проговорила восторженно:

— О, я васъ понимаю... Все понимаю.

А онъ лежалъ безсильный и слабый и могъ только смотрѣть на все своими страдающими глазами.

IV.

Оставшись одинъ, Окоемовъ долго лежалъ съ закрытыми глазами. Сердце билось неровно, и онъ чувствовалъ, какъ медленно умираетъ. Да, это была смерть, потому что жизнь только въ работѣ сердца. Это ощущеніе умиранія онъ испытывалъ во время каждаго припадка. И какъ немного нужно, чтобы нить жизни порвалась, и какъ, слѣдовательно, нужно дорожить каждымъ днемъ. Вѣдь такихъ дней отпущено на долю каждаго немного, и только наше неисправимое легкомысліе не хочетъ видѣть того, что всѣ мы идемъ по краю бездонной пропасти. Однѣ болѣзни заставляютъ насъ серьезно задумываться надъ смысломъ жизни, и въ нихъ есть своя философія.

Да, Окоемовъ чувствовалъ, что онъ умираетъ, и, лежа съ закрытыми глазами, передумывалъ свою богатую приключеніями жизнь, точно подводилъ итогъ по длинному счету приходовъ и расходовъ. Вотъ онъ видитъ себя ребенкомъ въ разоренномъ помѣщичьемъ гнѣздѣ, гдѣ никто не умѣлъ работать и всѣ хотѣли жить на чей-то неизвѣстный счетъ. И въ немъ, ребенкѣ, сказалась та же черта,—онъ ставилъ себя въ привилегированное положеніе, выдѣляя изъ всѣхъ остальныхъ. Потомъ онъ видѣлъ себя кадетомъ одной изъ военныхъ гимназій, потомъ юнкеромъ, и вездѣ повторялось то же самое—онъ ставилъ себя въ привилегированное положеніе. Дальше онъ очутился прямо на улицѣ, безъ средствъ, безъ поддержки, безъ личной иниціативы, а главное, безъ того, что̀ называется трудоспособностью. Прошли два ужасныхъ года въ поискахъ такого мѣста, гдѣ привилегированный человѣкъ могъ бы существовать, ничего не дѣлая, какъ жили тысячи другихъ привилегированныхъ

людей. Но въ этомъ случаѣ конкуренція была слишкомъ велика, и молодой Окоемовъ получалъ только отказы и въ лучшемъ случаѣ „завтраки“, — „приходите на-дняхъ“, „навѣдайтесь“, „можетъ-быть, что-нибудь найдется“ и т. д. Нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ такая конкуренція людей, рѣшительно никому ненужныхъ, и Окоемовъ прошелъ тяжелую школу того внутренняго униженія, которое не высказывается словами. Да, онъ прошелъ черезъ эти униженія, обвиняя всѣхъ другихъ, кому жилось легко, въ несправедливости къ нему, которому тоже хотѣлось жить легко, пока онъ не пришелъ къ убѣжденію, что во всемъ виноватъ только онъ одинъ, какъ никому ненужный человѣкъ. Это былъ ужасный моментъ... Былъ такой день, когда Окоемовъ чуть-чуть не кончилъ самоубійствомъ. Вѣдь ненужные люди такъ часто этимъ кончаютъ. Но тутъ явилась спасительная мысль о томъ, что прежде, чѣмъ умирать, нужно испробовать еще новые пути. Это было очень смѣлымъ шагомъ, но ничего не оставалось больше. Двадцати двухъ лѣтъ Окоемовъ поступилъ простымъ матросомъ на одно изъ судовъ, уходившихъ изъ Ревеля въ Америку.

Кипучая работа морской гавани, полная тревогъ жизнь купеческаго судна, наконецъ могучая водная стихія подѣйствовали на молодого мечтателя самымъ отрезвляющимъ образомъ. Предъ нимъ развертывалась другая жизнь, выступали другіе люди, а главное, на каждомъ шагу проявлялась такая неустанная кипучая работа, что ему дѣлалось все больше и больше горько и совѣстно и за себя и за другихъ ненужныхъ русскихъ людей. Напримѣръ, онъ считалъ подвигомъ, чуть не геройствомъ, что поступилъ простымъ матросомъ, а между тѣмъ чѣмъ же онъ лучше вотъ этихъ тружениковъ моря? Ихъ милліоны, сильныхъ, энергичныхъ, счастливыхъ своимъ трудомъ, а онъ — жалкая и ничтожная единица въ этой средѣ. Это былъ, впрочемъ, хорошій и здоровый стыдъ, какъ стыдъ человѣка, который слишкомъ поздно проснулся...

Первое и самое главное, что̀ охватило Окоемова въ новой обстановкѣ, было то, что здѣсь не существовало ненужныхъ людей. Объ этомъ не могло быть даже и рѣчи. Временно могли оставаться безъ работы, временно переносили невзгоды и лишенія, но никто не считалъ себя лишнимъ и ненужнымъ.

Первые шаги въ Америкѣ еще рельефнѣе подтвердили эту основную мысль. Нужно сказать, что, выйдя на берегъ Новаго Свѣта, Окоемовъ долго не могъ освободиться отъ смутнаго чувства какой-то отчужденности, какую испытываетъ бѣдный человѣкъ, попавшій въ богатый домъ дальняго богатаго родственника. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь некогда было предаваться отвлеченнымъ размышленіямъ: каждый день былъ полонъ своей работой. Правда, что сами американцы въ первое время произвели на Окоемова не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе, какъ величайшіе эгоисты, всѣ стремленія которыхъ сосредоточивались только на личномъ благосостояніи. Это придавало извѣстную холодность и жесткость всѣмъ отношеніямъ. Всякій хлопоталъ только объ одномъ себѣ и относился совершенно безучастно къ другимъ. Здѣсь уже не могло быть и рѣчи о какомъ-нибудь привилегированномъ положеніи, а слѣдовательно не могло быть и лишнихъ, ненужныхъ людей. Общій бодрый тонъ всего склада жизни захватывалъ невольно, и русскій ненужный человѣкъ Окоемовъ начиналъ себя чувствовать такимъ же человѣкомъ, какъ всѣ другіе люди.

Въ теченіе пяти лѣтъ Окоемовъ перепробовалъ всевозможныя профессіи: былъ посыльнымъ, кондукторомъ, пастухомъ, телеграфистомъ, служащимъ въ нѣсколькихъ конторахъ, фотографомъ, комиссіонеромъ, корреспондентомъ и т. д. Съ англійскимъ языкомъ онъ освоился очень быстро, потому что съ дѣтства хорошо зналъ французскій и нѣмецкій — это было единственное наслѣдство, которое онъ вынесъ изъ родного дворянскаго гнѣзда и которое здѣсь ему не-

обыкновенно много помогло. Это былъ вѣрный кусокъ хлѣба. Вообще, этотъ боевой періодъ въ жизни Окоемова остался свѣтлой полосой. Онъ точно переродился и съ удивленіемъ смотрѣлъ на того ненужнаго человѣка, который остался тамъ, въ Россіи.

Благодаря разнообразнымъ профессіямъ, Окоемову пришлось побывать во всѣхъ концахъ Америки, пока онъ не очутился на дальнемъ западѣ, въ Калифорніи. Сюда онъ явился уже до извѣстной степени обезпеченнымъ человѣкомъ, почти своимъ. Теперь его спеціальностью сдѣлались разныя торговыя комиссіи. Дѣло было очень выгодное и безъ всякаго риска. Требовалось только полное довѣріе крупныхъ торговыхъ фирмъ. Но, когда Окоемовъ совсѣмъ устроился, его въ первый разъ охватила тоска по далекой родинѣ—это была дань прошлому, своей національности. И что ни дѣлалъ Окоемовъ, эта тоска не унималась, а росла все больше и больше. Его потянуло туда, на просторъ бѣдной русской равнины, подъ сѣренькое русское небо, къ своимъ ненужнымъ русскимъ людямъ. Мысль объ этихъ послѣднихъ не оставляла его все время скитальчества по чужой странѣ. Тоска имѣла до извѣстной степени подкладкой и ненормальное физическое состояніе: наслѣдственный порокъ сердца сказывался съ годами.

Такъ прошло еще три года, когда Окоемовъ окончательно устроилъ свои дѣла. Теперь онъ завелъ широкія сношенія съ русскими торговыми фирмами. У него уже былъ собственный капиталъ, который онъ пускалъ въ оборотъ, какъ компаньонъ, что дѣлало его положеніе вполнѣ солиднымъ и независимымъ. А тоска по родинѣ все сосала и сосала, какъ вода подмываетъ крутой берегъ. Въ одно прекрасное утро Окоемовъ навсегда распростился съ Америкой и отправился домой, какъ человѣкъ, кончившій курсъ въ очень строгомъ и отвѣтственномъ учебномъ заведеніи.

Быстрота возвращенія на родину объяснялась еще и тѣмъ, что Марѳа Семеновна начала прихварывать разными старческими недугами. Окоемовъ очень любилъ свою старушку и ужасно о ней соскучился. Домикъ въ Сивцевомъ Вражкѣ оставался послѣднимъ воспоминаніемъ помѣщичьяго прошлаго. И онъ ушелъ бы за долги, если бы въ свое время Окоемовъ не выкупилъ его на американскіе доллары. А сейчасъ уже одна мысль объ этомъ домикѣ дѣлала его точно здоровѣе. Сказывалась кровная привязанность къ своему маленькому углу, который дороже чудныхъ раззолоченныхъ палатъ.

Вотъ и родной берегъ... Здѣсь все оставалось по-старому. И первое, что бросилось Окоемову въ глаза, это опять ненужные русскіе люди, которыхъ онъ встрѣтилъ на первой русской пристани, которые ѣхали вмѣстѣ съ нимъ по желѣзной дорогѣ, которые толклись неизвѣстно зачѣмъ на желѣзнодорожныхъ вокзалахъ. У него защемила знакомая тоска, точно онъ самъ опять могъ превратиться въ такого человѣка. Впрочемъ, родная Москва ему понравилась, и онъ теперь могъ оцѣнить ее съ другой точки зрѣнія. Да, здѣсь жизнь кипѣла ключомъ и шла громадная работа. Исключеніе представляли только насиженныя дворянскія улицы на Арбатѣ и Пречистенкѣ. Здѣсь доживали свой вѣкъ старое барство и вырождавшіяся дворянскія семьи.

Въ маленькомъ домикѣ на Сивцевомъ Вражкѣ Окоемову не пришлось заживаться долго. Онъ только-только успѣлъ отдохнуть, какъ уже нужно было ѣхать на югъ Россіи, потомъ на Кавказъ и въ Среднюю Азію. У него были большія полномочія отъ разныхъ американскихъ фирмъ, очень интересовавшихся русскимъ сырьемъ и русскими богатствами вообще. Это невольное путешествіе по Россіи для Окоемова было наглядной иллюстраціей того, какъ мы далеко отстали во всемъ отъ нашихъ европейскихъ сосѣдей, а тѣмъ больше

отъ Америки. Впереди было такъ много работы, а русскій человѣкъ такъ плохо умѣетъ работать... Получалось фатально-безвыходное положеніе,—Окоемовъ смотрѣлъ на все со своей американской точки зрѣнія. Правда, работа уже начиналась, но вся взятая вмѣстѣ она представляла собой только пробную попытку, а о настоящей работѣ еще не было даже представленія. Страна была слишкомъ богата, и похороненныя въ ней сокровища слишкомъ мало эксплоатировались. И въ то же время на каждомъ шагу встрѣчались эти русскіе ненужные люди, которые для Окоемова сдѣлались какимъ-то кошмаромъ.

Вернувшись въ Москву, Окоемовъ занялся своимъ комиссіоннымъ дѣломъ и быстро вошелъ въ курсъ московскихъ торговыхъ операцій. Съ одной стороны, онъ являлся представителемъ американскихъ фирмъ, а съ другой — московскихъ для Америки, и въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ составилъ себѣ совершенно исключительное положеніе. Онъ являлся на этомъ рынкѣ уже солидной силой. Его имя пользовалось довѣріемъ, а въ торговомъ мірѣ это одно уже составляетъ капиталъ.

Но всѣ эти успѣхи не доставляли Окоемову настоящаго удовлетворенія, потому что онъ не могъ превратиться въ сытаго американскаго янки. Его тянуло въ другую сторону, а въ головѣ созрѣвалъ грандіозный планъ. Осуществленіе его ждало только подходящей минуты. И такая минута наступила... Окоемовъ слишкомъ много слышалъ о несмѣтныхъ сокровищахъ Урала—вѣдь на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ другого такого мѣста, которое на сравнительно небольшомъ пространствѣ сосредоточивало бы такое неистощимое разнообразіе всевозможныхъ богатствъ. Здѣсь же являлось одно важное преимущество: всякое предпріятіе можно было начать съ сравнительно ограниченными средствами. Именно здѣсь, по расчетамъ Окоемова, съ наибольшей производительностью можно было примѣнить тотъ громадный капиталъ, который пропадалъ въ формѣ непутныхъ людей, не знавшихъ, куда дѣваться. Задача была громадная, и о ней стоило подумать. Остановился Окоемовъ на золотопромышленности по одному спеціальному случаю, о которомъ скажемъ дальше.

Въ Москвѣ одного изъ первыхъ старыхъ знакомыхъ Окоемовъ встрѣтилъ Сережу Лапшина, товарища по военной гимназіи. Это былъ совершенно особенный человѣкъ, полная противоположность Окоемову. Жилъ Сережа отъ одного наслѣдства до другого, а остальное время дѣлалъ долги. И эта невозможная жизнь проходила на почвѣ самаго широкаго русскаго добродушія, какой-то дѣтской безобидности и наивности. Друзья дѣтства снова подружились, какъ дополняющія другъ друга натуры, и Окоемовъ начиналъ скучать, когда очень долго не видѣлъ своего легкомысленнаго Сережу. Мысль взять его съ собой на промыслы на Уралъ явилась у Окоемова въ моментъ встрѣчи на Воробьевыхъ горахъ. Все равно, въ Москвѣ Сережѣ теперь нечего было дѣлать, а тамъ, въ промысловой глуши, онъ явится незамѣнимымъ. Для Окоемова была еще одна очень важная сторона въ этой дружбѣ—Сережа служилъ живымъ показателемъ того, что не слѣдовало дѣлать. Поэтому иногда въ минуту нерѣшимости Окоемовъ считалъ долгомъ посовѣтоваться именно съ Сережей, чтобы поступить какъ разъ наоборотъ. Какъ милъ былъ Сережа въ такіе моменты и какой авторитетностью онъ проникался. Вѣдь онъ зналъ рѣшительно все на свѣтѣ и готовъ былъ подѣлиться своей мудростью съ каждымъ... Этотъ большой ребенокъ дѣйствовалъ на Окоемова уже однимъ своимъ присутствіемъ самымъ успокаивающимъ образомъ. Другой противоположностью Сережи являлась татарская княжна со своей неистощимой добротой, вѣчной заботой о другихъ и вѣчными непріятностями за свои хлопоты. Она одолѣвала всѣхъ знакомыхъ своими просьбами о другихъ, а сама перебива-

лась, какъ перелетная птица, занимая какую-то жалкую комнатку въ одно окно и питаясь по цѣлымъ недѣлямъ одной колбасой.

И рядомъ съ этими людьми уживалась Марѳа Семеновна, строго соблюдавшая свои кастовыя традиціи и не желавшая понять новыхъ людей. Меньше всѣхъ, какъ это ни странно, она понимала сына Василія, котораго страстно любила.

V.

Сережа явился вечеромъ къ назначенному часу. Онъ былъ противъ обыкновенія мраченъ, что̀ къ нему совсѣмъ не шло, какъ къ другимъ нейдетъ веселое настроеніе.

— Ну, что̀ ты, какъ себя чувствуешь? — мрачно спрашивалъ онъ Окоемова.

— Да ничего... кажется, лучше. У меня это быстро приходитъ и такъ же быстро проходитъ. Умираю и оживаю...

Марѳа Семеновна встревожилась, догадавшись по блѣдному лицу сына, что онъ опять нездоровъ.

— Ты куда это, Вася, собрался? Охъ, ужъ эти мнѣ твои дѣла... Здоровье только свое тратишь. Поѣхалъ бы куда-нибудь въ театръ или на гулянье, какъ другіе молодые люди дѣлаютъ. Нельзя же безъ развлеченія...

— Мы въ Яръ отправляемся,—пошутилъ Сережа.

Когда они вышли на подъѣздъ, спускались уже сумерки. Отдохнувшій рысакъ „подалъ“ особенно красиво и остановился у подъѣзда картинкой.

— Къ Рогожскому...—отдалъ приказъ Окоемовъ.

Кучеръ только тряхнулъ головой, что̀ въ переводѣ значило: давеча на Воробьевы горы ѣздили, а сейчасъ къ Рогожскому—это Москву-то крестъ-накрестъ взять.

— Вотъ тебѣ и Яръ...—ворчалъ Сережа, усаживаясь.

Когда они ѣхали мимо Кремля, Окоемовъ спросилъ:

— Вѣдь ты, кажется, играешь на бильярдѣ, Сережа?

— Да, и очень недурно играю...

— Видишь, въ чемъ дѣло: я тебя завезу въ одинъ дрянной трактирчикъ, и ты тамъ найдешь въ бильярдной одного очень подозрительнаго господина. Онъ пьетъ запоемъ... На видъ ему лѣтъ подъ тридцать. Особыя примѣты: одѣтъ прилично, коситъ на лѣвый глазъ, лицо попорчено оспой... Узнаешь? Хорошо. Ты заходишь въ бильярдную, присаживаешься къ столику, спрашиваешь бутылку пива и знакомишься съ этимъ субъектомъ. Всего лучше, если за бильярдомъ... Да. Его фамилія Барышниковъ, а зовутъ Григоріемъ Яковлевичемъ.

— Постой... Для чего вся эта комедія?

— А ты слушай... Познакомившись, ты заводишь душевный разговоръ, какой умѣютъ вести трактирные завсегдатаи, и, между прочимъ, говоришь: „А мнѣ ваша личность знакома... Гдѣ-то я васъ встрѣчалъ. Позвольте, ваша фамилія Барышниковъ, а зовутъ такъ-то“. Можешь сослаться на Яръ, гдѣ онъ бывалъ въ свои лучшіе дни. Онъ, конечно, обрадуется старому знакомому, будетъ жаловаться на свою судьбу, можетъ-быть, попроситъ взаймы—ты можешь ему дать отъ трехъ до десяти рублей. Хорошо. А главное прибереги къ концу... Когда онъ размякнетъ, ты, между прочимъ, спроси его самымъ равнодушнымъ образомъ: „Позвольте, у васъ, кажется, была сестра, насколько я помню? Гдѣ она сейчасъ?“ Нужно сдѣлать вопросъ быстро, чтобъ онъ далъ отвѣтъ по инерціи тоже быстро...

— Послушай, вѣдь это свинство, Вася. Говоря откровенно, ты дѣлаешь меня сыщикомъ...

— Хорошо, успокойся: дѣло идетъ о спасеніи вотъ этой самой дѣвушки. Понимаешь? А ты всегда былъ рыцаремъ... Ее куда-то спрятали, и мнѣ необходимо ее разыскать.

— Романъ?

— Почти...

— Съ этого слѣдовало начать, а не тянуть канитель. Мы сами всякаго научимъ... Кстати, отъ тебя-то я ужъ не ожидалъ ничего подобнаго. Любите только другихъ обличать, а сами дѣлаете то же самое. Впрочемъ, я человѣкъ скромный и не люблю совать своего носа въ чужія дѣла...

Искомый трактиръ „Голубокъ" находился гдѣ-то на Таганкѣ, въ одномъ изъ глухихъ переулковъ.

— Я за тобой заѣду черезъ часъ, — говорилъ Окоемовъ, высаживая Сережу на углу улицы.—А вотъ тебѣ на расходы...

Сережа молча исчезъ на поворотѣ, а пролетка полетѣла дальше, къ Рогожскому кладбищу. Не доѣзжая до него, она остановилась у какого-то деревяннаго забора. Въ глубинѣ пустыря виднѣлась почернѣвшая деревянная постройка, что-то въ родѣ сарая. Было уже совсѣмъ темно, и Окоемовъ на память пошелъ пустыремъ къ таинственному зданію. Гдѣ-то глухо взлаяла цѣпная собака. Потомъ послышался тягучій церковный напѣвъ. Въ сараѣ мелькнулъ желтый огонекъ. Окоемовъ осторожно постучалъ въ деревянную дверь ветхаго крылечка.

— Кто крещеный? — послышался за дверью сердитый старческій голосъ.

— Баринъ съ Пречистенки...

Дверь медленно растворилась, и Окоемовъ очутился въ полутемныхъ сѣняхъ. Онъ бывалъ здѣсь нѣсколько разъ и самъ отыскалъ въ темнотѣ слѣдующую дверь, которая вела въ старинную раскольничью моленную. Большая длинная комната была освѣщена очень слабо, такъ что иконостасъ съ образами терялся въ темнотѣ, изъ которой выдѣлялось только нѣсколько ликовъ. Молодой начетчикъ въ черномъ полукафтанѣ нараспѣвъ читалъ шестопсалміе. Молящихся было немного, особенно на правой, мужской половинѣ—здѣсь еще сохранялось строгое дѣленіе на двѣ половины, мужскую и женскую. Какіе-то старички стояли около стѣны да молодой купчикъ посрединѣ, а на женской половинѣ цѣлый уголъ былъ занятъ старушками-богомолками, а между ними мелькали и молодыя женскія лица. Окоемовъ сталъ у задней стѣны, недалеко отъ старостинскаго прилавка со свѣчами. Онъ зналъ, что молиться вмѣстѣ съ другими ему нельзя, и стоялъ неподвижно. Изъ всѣхъ присутствующихъ на него посмотрѣлъ одинъ староста и слегка поклонился, какъ знакомому человѣку. Окоемову всегда нравились маленькія московскія церковки, и въ нихъ онъ выстаивалъ самую длинную службу. Его охватывало здѣсь ни съ чѣмъ несравнимое чувство и то особенное спокойствіе, которое жило только здѣсь, все наполняло и все охватывало. Необходимо время отъ времени остаться наединѣ съ собственной совѣстью, чтобы провѣрить самого себя вдали отъ шума и суеты обычнаго дня. Именно здѣсь Окоемовъ чувствовалъ себя живой частью того громаднаго цѣлаго, которое называется русскимъ народомъ.

Сегодня онъ однако не могъ настроить себя на молитвенный ладъ, потому что явился сюда съ другой цѣлью. Постоявъ неподвижно съ четверть часа, онъ посмотрѣлъ на лѣвую сторону, гдѣ у окна еще недавно стояла *она* въ простенькомъ синемъ косоклинномъ сарафанѣ и въ платкѣ, глубоко надвинутомъ на глаза. Она всегда стояла на одномъ мѣстѣ, а теперь это мѣсто

было свободно. Да, она исчезла, какъ видѣніе, и Окоемовъ почувствовалъ гнетущую пустоту въ душѣ, какъ человѣкъ, потерявшій самое дорогое. Дождавшись окончанія службы, онъ подошелъ поздороваться со старостой.

— А вы насъ не забываете, сударь,—говорилъ староста.—Что же, доброе дѣло... Своихъ-то богомольцевъ немного осталось, такъ мы и чужимъ рады.

— У Бога всѣ равны, Савва Маркелычъ. Это мы дѣлимъ на своихъ и чужихъ.

Разговаривая съ почтеннымъ старикомъ, Окоемовъ еще разъ испыталъ совѣстливое чувство за тѣ мірскія мысли, съ какими явился сюда. Ему казалось, что старикъ догадывается и смотритъ на него съ укоризной.

Сережа уже поджидалъ на углу, когда подъѣхалъ Окоемовъ.

— Ну что?—коротко спросилъ Окоемовъ.

— Да ничего... Твоя дѣвица увезена изъ Москвы куда-то въ Сибирь, то-есть, вѣрнѣе, на Уралъ. Этотъ Барышниковъ всего не договариваетъ, хотя и пьянъ.

— Не проврался ли ты въ чемъ-нибудь?

— Я-то? Ну, это, братъ, дудки... Комаръ носу не подточитъ. Онъ больше о себѣ распространяется... Какой-то дядя его обобралъ, и что онъ будетъ съ нимъ судиться, а сестра его интересуетъ столько же, какъ прошлогодній снѣгъ. Для меня ясно одно, что они кого-то боятся и что-то скрываютъ...

— Такъ, такъ... Я тебѣ скажу, въ чемъ дѣло. Барышниковыхъ нѣсколько братьевъ, и у нихъ общее дѣло тамъ, въ Западной Сибири, то-есть было дѣло раньше, а теперь оно прекратилось. Основателемъ торговой фирмы былъ отецъ вотъ этого Барышникова, съ которымъ ты сейчасъ игралъ на бильярдѣ. Но онъ умеръ уже лѣтъ десять назадъ, а дѣти остались ни при чемъ. Все захватили дяди. Имущество осталось громадное, и поэтому они боятся всякаго посторонняго вмѣшательства. Молодого Барышникова систематически спаивали и довели его до настоящаго невмѣняемаго состоянія, а его сестру прятали по разнымъ укромнымъ угламъ, гдѣ выдавали ее за сироту, проживающую изъ милости. Она и сама этому вѣритъ до сихъ поръ.

— Положимъ, что все это такъ. Тебѣ-то какое до нихъ всѣхъ дѣло?

— Дай досказать... Я встрѣтилъ эту дѣвушку въ раскольничьей моленной, и она произвела на меня неотразимое впечатлѣніе. Конечно, я постарался узнать, кто она, гдѣ живетъ и т. д. Подъ какимъ-то предлогомъ пріѣзжаю я въ этотъ домъ, гдѣ она проживала подъ видомъ бѣдной родственницы, и вдругъ со мной дѣлается одинъ изъ самыхъ сильныхъ припадковъ, такъ что я даже потерялъ сознаніе. И представь себѣ, открываю глаза, и первое лицо, которое я увидѣлъ, была она. Ахъ, какое это удивительное лицо, Сережа!.. такое чистое, хорошее, какое-то ясное... Помню, что я лежалъ на диванѣ, а она стояла передо мной на колѣняхъ и мочила мою голову какимъ-то спиртомъ. Какое было выраженіе лица у нея въ этотъ моментъ...

— Однимъ словомъ, ты влюбленъ? Понимаю и одобряю... Я этимъ занимаюсь давно.

— А вотъ я такъ не понимаю, какъ можно шутить подобными вещами, не говоря уже о самой простой неделикатности... Ты знаешь, что я вообще слишкомъ серьезно смотрю на жизнь, и если позволяю себѣ говорить объ этой дѣвушкѣ, то только потому, что именно благодаря ей пережилъ неиспытанное еще чувство.

— Значитъ, вы объяснились?

— Нѣтъ... Она сейчасъ же ушла, какъ только я открылъ глаза. А затѣмъ я раза два издали видѣлъ ее въ моленной... Но развѣ нужно говорить?

Да и гдѣ тѣ слова, которыми можно было бы высказать величайшее изъ чувствъ? Наконецъ я ничего и не могъ бы ей сказать, а просто смотрѣлъ бы на нее и молча любовался...

— Ну, батенька, это романтизмъ!

— Не смѣй говорить со мной этимъ тономъ... Людей, думающихъ, какъ ты, сколько угодно, и они позорятъ самое слово „любовь", какъ нечистыя животныя. Ты знаешь, что у меня нѣтъ и мысли о томъ, чтобы когда-нибудь жениться на ней... Мое несчастіе—моя болѣзнь, и я не хочу ее передавать моимъ дѣтямъ. Да... Но вѣдь я человѣкъ, живой человѣкъ, и мнѣ доставляетъ величайшее наслажденіе одна мысль о другомъ чужомъ человѣкѣ, который съ такой искренней простотой отнесся ко мнѣ въ такую горькую для меня минуту. Я считаю себя въ долгу передъ ней...

— Мнѣ не позволяется представить нѣсколько соображеній совершенно независимаго характера?

— Нѣтъ, будетъ лучше, если ты удержишься... А скажи вотъ что почему я, проживши до тридцати лѣтъ, никогда не испытывалъ ничего подобнаго? Мало ли я видѣлъ дѣвушекъ въ своемъ дворянскомъ кругу, въ Америкѣ наконецъ, а тутъ какая-то раскольница въ платочкѣ...

— Романт...

— Нѣтъ, я съ тобой не могу разговаривать! — сердито перебилъ Окоемовъ, какъ-то весь съеживаясь.—Ты просто невозможенъ...

VI.

Татарская княжна была очень заинтересована дѣломъ, о которомъ съ ней говорилъ Окоемовъ. Съ одной стороны, ее мучило спеціально-женское любопытство, а съ другой—вскользь высказанное Окоемовымъ желаніе пристроить куда-то всѣхъ искавшихъ работы интеллигентныхъ людей. Про себя княжна такъ и говорила: *всѣхъ*... Она вѣрила слѣпо въ геній Окоемова и даже не старалась себѣ представить, какъ все это можетъ выйти.

— Уже онъ сказалъ,—повторяла она про себя, точно спорила съ какимъ-то недовѣрчивымъ человѣкомъ.

Жила она на Арбатѣ, занимала крошечную меблированную комнату. Въ имущественномъ отношеніи она являлась Божіей птицей, потому что не знала, что будетъ ѣсть завтра. Происходило это не отъ того, что княжна не умѣла работать или могла оставаться безъ работы—нѣтъ, она могла бы устроиться совсѣмъ хорошо, если бы думала только о себѣ. Но вѣдь столько конкурентовъ на переводы и уроки, и княжна великодушно уступала свой рабочій кусокъ хлѣба другимъ. А сколько было этихъ другихъ... И какъ, бѣдные, всѣ они нуждались, особенно люди семейные. И кого-кого тутъ не было: потерявшій мѣсто корректоръ, начинающій художникъ, неудачникъ актеръ, учительница музыки, массажистка, домашній секретарь, чтица, цѣлый рядъ молодыхъ людей, не кончившихъ гдѣ-нибудь курса, и т. д. У княжны сохранились кой-какія связи съ міромъ богатыхъ людей, къ которому она принадлежала по рожденію, и ея монашеское черное платье можно было встрѣтить въ самыхъ богатыхъ московскихъ палатахъ. Она являлась туда съ такой хорошей тревогой во взглядѣ и послѣ короткаго предисловія говорила стереотипную фразу:

— Уже представьте себѣ, какой случай со мной: сижу вчера, и приходитъ ко мнѣ одинъ молодой человѣкъ... Онъ женатый человѣкъ... Недавно родился первый ребенокъ... Жена у него служила раньше наборщицей, а сейчасъ потеряла мѣсто... Нельзя же ей бросить ребенка одного? Вы меня уже понимаете?

Дѣло заканчивалось стереотипной просьбой о мѣстѣ или маленькой подпискѣ. Въ этихъ случаяхъ княжна проявляла удивительную настойчивость и добивалась своего. Знакомые пожимали плечами, дѣлали безнадежно-удивленныя лица, даже иногда старались скрыться бѣгствомъ, но въ концѣ концовъ мѣсто все-таки находилось. Княжна знала, что надоѣдаетъ своими вѣчными просьбами, но что же дѣлать, если на свѣтѣ столько бѣдныхъ людей... Попеременно она являлась то съ картинкой начинающаго художника, то съ тетрадкой стиховъ неудавшагося поэта, то съ абажуромъ изъ сухихъ цвѣтовъ, то съ бисернымъ кошелькомъ, и непремѣнно все это продавала. Ея кліенты сплошь и рядомъ платили ей самой черной неблагодарностью, и княжнѣ приходилось выслушивать нерѣдко очень непріятныя вещи отъ вліятельныхъ меценатовъ и меценатокъ.

— Какъ же вы рекомендуете, Варвара Петровна, совершенно неизвѣстныхъ вамъ людей? Нельзя же такъ...

— А если онъ (или она) уже бѣдный и уже ребенокъ родился? Вы лучше сердитесь на меня...

Каждая такая неудача ужасно волновала княжну и волновала не за себя лично, а за то, что бѣдные люди могутъ обманывать и поступать дурно. Княжна даже плакала и успокаивалась только тѣмъ, что не всѣ же такіе, тѣмъ болѣе, что у нея всегда былъ налицо большой выборъ новыхъ бѣдныхъ людей. Въ общемъ все время княжны было занято этими вѣчными хлопотами, такъ что собственно для себя оставалось всего нѣсколько часовъ. Княжну спасали ея скромныя потребности и трогательное умѣнье отказаться даже отъ самого необходимаго. Въ результатѣ получалось то, что она голодала иногда по нѣскольку дней, питаясь однимъ чаемъ.

И вдругъ всѣхъ этихъ бѣдныхъ людей Окоемовъ обѣщаетъ пристроить... Это было что-то до того необыкновенное, что княжна нѣсколько разъ сомнѣвалась, не ослышалась ли она.

Прошло цѣлыхъ три дня, прежде чѣмъ княжна могла отправиться къ Окоемову для окончательныхъ объясненій. Ахъ, какіе длинные и мучительные дни... Онъ все время пролежалъ больной въ постели и не могъ никого принимать, кромѣ Сережи. Итти безъ приглашенія княжна стѣснялась, и тѣмъ мучительнѣе было ожиданіе. Она знала, что Окоемовъ не забылъ своего разговора съ ней — онъ ничего не забывалъ — и, когда нужно, пошлетъ приглашеніе.

Наконецъ пришло и это желанное приглашеніе. У княжны усиленно забилось сердце, когда она распечатала городскую телеграмму. „Жду васъ сегодня вечеромъ. Окоемовъ“. Если бы онъ зналъ, какъ трудно дожидаться такого вечера... Княжна даже измѣнила порядокъ своего трудового дня, потому что отъ волненія у нея разболѣлась голова.

Съ какой тревогой княжна отправилась въ семь часовъ вечера въ Сивцевъ Вражекъ. Она даже вынуждена была останавливаться нѣсколько разъ, чтобы перевести духъ. У княжны сердце тоже было не въ порядкѣ, хотя она и не любила лѣчиться. У окоемовскаго домика еще разъ пришлось остановиться и сдѣлать передышку. Сердце княжны билось неровно, какъ пойманная птица.

Ее встрѣтила сама Марѳа Семеновна. Княжна даже покраснѣла, какъ виноватая.

— Что Василій Тимоѳеичъ? — спросила она, стараясь не смотрѣть въ глаза хозяйкѣ.

— А ничего... Теперь лучше. Лежитъ у себя въ кабинетѣ.

— Можно къ вамъ пройти, Марѳа Семеновна?

Княжна чувствовала, что ей необходимо предварительно успокоиться.

— Отчего же, пойдемте, голубушка. У меня какъ разъ и самоваръ на столѣ..

Къ особенностямъ Марѳы Семеновны относилось, между прочимъ, и то, что у нея не сходилъ самоваръ со стола. Чай былъ ея слабостью... Княжна выпила двѣ чашки и все время держала себя самымъ страннымъ образомъ, какъ пойманный на мѣстѣ преступленія воръ. Марѳа Семеновна нѣсколько разъ посматривала на нее прищуренными глазами, но ничего не сказала. Старуха любила княжну и теперь подумала, что у нея есть какая-нибудь новая непріятность съ ея голытьбой. Ужъ не спроста эта княжна постоянно въ лицѣ мѣняется...

Отдохнувъ у Марѳы Семеновны, княжна отправилась въ кабинетъ Окоемова. Хозяинъ лежалъ на своей оттоманкѣ и извинился, что не можетъ встать, благодаря компрессу.

— Ничего, ничего, лежите, Василій Тимоѳеичъ.

Онъ лежалъ съ раскрытой старинной книгой раскольничьяго письма.

— Что это у васъ, Василій Тимоѳеичъ?

— А вотъ просматриваю чинъ раскольничьей службы...

— Для чего это вамъ?

— Да просто интересуетъ, Варвара Петровна... Знаете, это очень, очень интересно, потому что въ обрядовой сторонѣ выливается народный духъ. Мою телеграмму вы получили?

— Да...

Окоемовъ бережно отложилъ старинную книгу въ кожаномъ переплетѣ, облокотился на подушку и заговорилъ:

— Мнѣ нужно серьезно переговорить съ вами, Варвара Петровна... Дѣло въ томъ, что я уѣзжаю изъ Москвы, туда, на востокъ. У меня затѣвается большое промышленное предпріятіе, нужны будутъ люди, особенно интеллигентные, и я хотѣлъ обратиться къ вамъ за помощью. Вѣдь у васъ цѣлый складъ разныхъ ищущихъ работы...

— Есть одинъ фельдшеръ, потомъ переписчикъ нотъ... дама, выжигающая по дереву... неокончившій реалистъ... граверъ...

— Ну, вотъ и отлично. Фельдшеръ мнѣ нуженъ... я его возьму. А сначала позволю себѣ объяснить, что и кто мнѣ нужны. Мнѣ немножко трудно говорить...

— Я уже слушаю...

— Дѣло въ томъ, что я беру золотые промыслы... да. Дѣло большое, и нужны люди. Руководить всѣмъ буду я, поэтому спеціалисты не требуются... Вы понимаете? Мнѣ хотѣлось бы поставить все сразу на большую ногу... поэтому мнѣ нужны двѣ конторщицы, экономка, хорошая кухарка... Есть у васъ такія?

Этотъ вопросъ поставилъ княжну въ затрудненіе, потому что переписчица нотъ, очевидно, не могла быть экономкой, а выжигательница по дереву— конторщицей, тѣмъ болѣе кухаркой. Окоемовъ понялъ паузу княжны и заговорилъ:

— Вотъ видите, Варвара Петровна, какъ трудно найти у насъ людей, дѣйствительно полезныхъ на что-нибудь... Но мои замыслы шире: кромѣ упомянутыхъ выше спеціалистокъ, мнѣ нужны еще женщины или дѣвушки—это все равно, которыя могли бы заняться приготовленіемъ консервовъ, варенья, пастилы, молочныхъ скоповъ. Есть у васъ кто-нибудь подходящій на примѣтѣ?..

— Уже сейчасъ никого нѣтъ...—уныло отвѣтила княжна.

— Да вѣдь это же все просто... Если кто и не умѣетъ, такъ можетъ научиться... Важно желаніе трудиться и отсутствіе предразсудка, что трудъ можетъ быть только по душѣ. Какъ могутъ судить о послѣднемъ люди, которые собственно и не видали настоящаго производительнаго труда, а занимаются выжиганіемъ по дереву и переписываютъ ноты. Я думаю, что намъ лучше всего обратиться къ газетнымъ объявленіямъ, и я попросилъ бы васъ на первый разъ сдѣлать по газетамъ за недѣлю выборку такихъ объявленій, затѣмъ написать всѣмъ письма и пригласить ихъ сюда для объясненій. Замѣтьте, я говорю преимущественно объ интеллигентныхъ женщинахъ, потому что простая баба, если она хорошая работница, не останется безъ дѣла...

— Это уже очень трудно, Василій Тимоѳеичъ, — откровенно созналась княжна. — У меня есть еще двѣ перчаточницы, одна кружевница, выводчица пятенъ...

Окоемовъ нахмурился и закрылъ глаза.

— Не буду уже, не буду...—спохватилась княжна.—А какъ же относительно мужчинъ?..

Больной съ трудомъ открылъ глаза, посмотрѣлъ на княжну и отвѣтилъ:

— Фельдшера пошлите, а остальные едва ли куда-нибудь годятся... Я говорю съ вами откровенно, княжна. Мнѣ нужны самые простые люди, но способные къ труду... Вѣдь перечисленныя мною спеціальности такъ просты, только не нужно бояться труда. Вы понимаете, что̀ я хочу сказать?..

— Да, да... Какъ уже въ Америкѣ...

— Да, въ Америкѣ... Впрочемъ, все это мы увидимъ на практикѣ, кто чего сто̀итъ. Къ сожалѣнію, я не могу много говорить и поэтому попрошу вести переговоры васъ, Варвара Петровна... у меня же... здѣсь. А я отсюда буду все слушать. Это васъ не затруднитъ?

— О, нисколько... Съ величайшимъ удовольствіемъ.

— По старинной русской терминологіи это называлось: „кликнуть кличъ". Посмотримъ, кто отзовется... Между прочимъ, Сережа будетъ вамъ помогать. Онъ мастеръ болтать...

На этотъ разъ уже поморщилась княжна. Такой помощникъ для нея портилъ все дѣло.

— Да вы не бойтесь, Варвара Петровна,—успокаивалъ ее Окоемовъ.— Сережа отличный человѣкъ, только для другихъ, а не для себя. Положитесь въ этомъ случаѣ на мою опытность, тѣмъ болѣе, что это безусловно порядочный человѣкъ... Достаточно сказать, что я его назначаю главнымъ управляющимъ... Его личные недостатки насъ не касаются.

— Я уже съ вами не согласна, Василій Тимоѳеичъ, — протестовала княжна.—Я уже говорила вамъ раньше... Я уже скажу ему это въ глаза.

Когда княжна начинала волноваться, то въ каждую фразу вставляла свое „уже".

— Мы на этомъ кончимъ пока...—устало говорилъ Окоемовъ.—Вы напишете письма и назначите время пріема.

VII.

День испытаній наступилъ.

Окоемовъ попрежнему лежалъ у себя въ кабинетѣ. Болѣзнь, противъ ожиданія, затянулась, и онъ не могъ выйти въ гостиную, гдѣ Сережа принималъ посѣтителей. Лежа на диванѣ, Окоемовъ могъ только слушать, что̀ происходило въ сосѣдней комнатѣ. Сейчасъ онъ чувствовалъ себя скверно глав-

нымъ образомъ отъ безсонныхъ ночей. Даже живое начало дѣла не радовало его, а являлось, наоборотъ, какое-то смутное недовѣріе къ самому себѣ. Да не ошибается ли онъ? Вѣдь предпріятіе слишкомъ рискованно...

Сережа явился рано утромъ и вошелъ въ кабинетъ съ портфелемъ въ рукахъ.

— Это еще для чего?—спросилъ Окоемовъ, указывая глазами на портфель.—Ахъ, Сережа, Сережа, никакъ ты не можешь обойтись безъ декораціи...

— А какъ же иначе?.. Тамъ у меня еще нѣсколько книгъ есть.

— Какихъ книгъ?

— Нельзя же безъ книгъ, — обидчиво возражалъ Сережа: — необходимо установить самый строгій порядокъ...

Сережа своей собственной особой олицетворялъ этотъ будущій порядокъ—онъ имѣлъ сегодня необыкновенно строгій видъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Окоемовъ имѣлъ удовольствіе видѣть цѣлый десятокъ объемистыхъ конторскихъ гроссбуховъ, въ самыхъ изящныхъ переплетахъ и даже съ вытисненной золотомъ надписью: „Главная контора золотыхъ промысловъ В. Т. Окоемова“.

— По-моему, сейчасъ совершенно достаточно одной записной книжки,— объяснилъ Окоемовъ, качая головой. — Ты у меня заводишь какой-то департаментъ...

— Я и вывѣску заказалъ.

— Это еще что̀ такое?

— Да какъ же иначе? У всѣхъ должны быть вывѣски... По черному фону золотомъ. *Главная контора В. Т. Окоемова.* Да...

— Послушай, это ужъ... это шутовство!.. Извини меня, но я, къ сожалѣнію, правъ. Мы ведемъ дѣловой разговоръ, и поэтому ты не имѣешь права обижаться.

Сережа все-таки обидѣлся.

— Я не подозрѣвалъ, что ты такой ужасный формалистъ,—ворчалъ онъ, собирая свои гроссбухи.—Да... ты просто придираешься ко мнѣ.

Это замѣчаніе разсмѣшило Окоемова до слезъ Какъ былъ милъ этотъ Сережа, сразу превратившійся въ чиновника отъ золотопромышленности. Впрочемъ, вѣдь здѣсь не Америка, и невинныя „дѣловыя“ декораціи, можетъ-быть, даже необходимы. А Сережа даже построилъ себѣ дѣловой костюмъ и, вмѣсто легкомысленной обычной визитки, облекся въ какой-то длиннополый сюртукъ, несмотря на стоявшій жаръ. Онъ игралъ въ англійскаго джентльмена.

— Сколько разослано приглашеній?—спрашивалъ Окоемовъ.

— Больше ста...

— Меня больше всего интересуетъ, кто явится первымъ. Вѣдь жизнь игра, и первый номеръ самый главный въ этой игрѣ. Я принялъ бы этого перваго изъ принципа, какъ счастливаго человѣка... Ты не смѣйся, пожалуйста. Это даже не предразсудокъ, а житейская мудрость.

Пріемъ былъ назначенъ отъ десяти часовъ утра до трехъ. Сережа ужасно волновался и постоянно смотрѣлъ на часы.

— Кто-то первый придетъ?—повторялъ онъ про себя, заглядывая въ окно.

Ровно въ десять раздался нерѣшительный звонокъ. Сережа бросился къ столу, на которомъ въ дѣловомъ безпорядкѣ были разложены гроссбухи, и принялъ озабоченно-меланхолическій видъ.

„Скверно то, что должна отворять двери горничная, — мелькнуло у него въ головѣ. — Необходимо было нанять какого-нибудь человѣка. Лучше всего артельщика... Сапоги бутылками, русская рубашка, серебряная цѣпочка и даже бѣлый фартукъ — ну, однимъ словомъ, настоящій артельщикъ. Ахъ, какую я

глупость сдѣлалъ, что не подумалъ объ этомъ раньше. А Вася рѣшительно ничего не понимаетъ въ этихъ дѣлахъ...“

Позвонившій субъектъ что-то такое спрашивалъ у горничной, потомъ прокашлялся и наконецъ вошелъ въ пріемную. Это былъ средняго роста мужчина, немного сутулый, съ кривыми ногами и съ какимъ-то обиженно-хмурымъ лицомъ. Потертый пиджакъ, лоснившіеся штаны и не первой молодости крахмальная рубашка говорили сами за себя. Лицо было тоже потертое и точно запошенное,—русая бородка, сѣрые глаза, мягкій носъ, рѣдѣвшіе на макушкѣ волосы.

— Я къ вамъ отъ Варвары Петровны...—проговорилъ субъектъ, подавая письмо.

Это было полнымъ разочарованіемъ. Какъ его считать: первымъ или не первымъ? По времени онъ былъ, дѣйствительно, первымъ, но первымъ не изъ тѣхъ, кого приглашалъ Сережа.

— Вы фельдшеръ Потаповъ?—холодно спрашивалъ Сережа, пробѣжавъ письмо княжны.

— Такъ точно-съ...

Этимъ отвѣтомъ выдавалъ себя военный человѣкъ, и Сережа еще разъ поморщился.

Окоемовъ, лежа на своемъ диванѣ, слышалъ такой діалогъ:

— Варвара Петровна не предупреждала васъ относительно того, какіе люди намъ нужны?

— Никакъ нѣтъ-съ, г. Окоемовъ.

— Гм... Я не Окоемовъ, а главный управляющій золотыми промыслами г. Окоемова. Но это все равно...

Дальше слѣдовало дѣловое объясненіе того, что̀ потребуется отъ лицъ, изъявившихъ готовность поступить на службу къ г. Окоемову. Сережа говорилъ тономъ спеціалиста, точно настоящій главный управляющій, всю жизнь проживший на пріискахъ. Окоемовъ невольно улыбнулся быстрымъ успѣхамъ своего друга. Когда Сережа дѣлалъ паузу, фельдшеръ какъ-то виновато-почтительно повторялъ: „Да, это точно-съ...“. У него и голосъ былъ запошенный.

— Кстати, одинъ грустный, но необходимый вопросъ, г. Потаповъ: вы пьете, конечно?..

— Т.-е. какъ пью-съ?

— Ну, водку пьете?.. Я не говорю о томъ, что вы будете выпивать по рюмкѣ водки передъ обѣдомъ, нѣтъ, а о томъ, что не пьете ли вы запоемъ?..

— Помилуйте, какъ можно-съ...

— Почему же вы мѣста лишились?

— По болѣзни-съ...

„Охъ, пьетъ горькую, каналья!“—думалъ Сережа, глядя прищуренными глазами на своего кліента.

Въ гостиной набралось уже человѣкъ тридцать, причемъ большинство составляла интеллигентная столичная голытьба. Эта толпа рѣзко распадалась на два типа: съ одной стороны, коренные неисправимые москвичи, которые не могли даже подумать, что можно еще гдѣ-нибудь жить, кромѣ родной Москвы, съ другой—провинціалы, пріѣхавшіе въ столицу искать хлѣба. Были нѣсколько человѣкъ того склада, который характеризуется фразой: „перекати-поле“. Они нигдѣ не уживутся долго и будутъ всю жизнь странствовать по Россіи изъ конца въ конецъ. Добродушный и наивный Сережа про себя наименовалъ эти рубрики и по нимъ распредѣлилъ своихъ кліентовъ. Особой кучкой выдѣлялись подозрительные субъекты, которыми кишмя кишитъ добродушная

матушка Москва. Они держали себя съ особенной развязностью и смотрѣли на другихъ свысока.

— Я не понимаю вашей цѣли, — говорилъ одинъ такой подозрительный субъектъ, особенно надоѣдавшій Сережѣ. — Предпріятіе рискованное, во всякомъ случаѣ...

— Это ужъ наше дѣло,—отвѣчалъ Сережа сухо.

— Наконецъ разстояніе... Завезете незнамо куда, оттуда потомъ и не выберешься.

— Самое лучшее, если вы не будете забираться въ такую даль...

— Конечно, если контрактомъ будетъ выговорена неустойка и двойные прогоны...

— Контрактовъ не будетъ и прогоновъ тоже...

— Въ такомъ случаѣ, до свиданія.

— Всего хорошаго...

Сережѣ хотѣлось сказать просто: „вонъ!“, и онъ чувствовалъ, что начинаетъ краснѣть отъ сдержаннаго напряженія.

Сережа хотѣлъ предложить еще какой-то вопросъ, какъ въ передней раздался нерѣшительный звонокъ. Черезъ минуту въ комнату вошелъ блѣдный молодой человѣкъ въ очкахъ.

— Я печаталъ объявленіе въ газетахъ... Моя фамилія: Крестниковъ.

— Садитесь, пожалуйста. Если не ошибаюсь, вы бывшій студентъ?

— Да... изъ Петровско-Разумовской академіи.

— Да, да, понимаю. Не кончили курса? Да, понимаю... маленькая непріятная исторія... да, да.

Студентъ искоса взглянулъ на фельдшера и какъ-то весь съежился, почуявъ конкурента.

— Ищете уроковъ? Вообще мѣста?..

Окоемову понравился самый тонъ голоса, какимъ говорилъ студентъ. Такой хорошій молодой голосъ... Онъ уже впередъ его принималъ. Да и спеціальность подходящая: сельское хозяйство необходимо. И фельдшеръ тоже подходящій человѣкъ, хотя и замухрыжка. Что же, изъ такихъ замухрыжекъ выдаются хорошіе работники.

Дальше звонки послѣдовали одинъ за другимъ, такъ что скоро вся пріемная наполнилась народомъ. Сережа уже охрипъ, повторяя одни и тѣ же вопросы и давая одни и тѣ же объясненія. Скоро онъ показался въ кабинетѣ, красный, съ каплями пота на лбу и отчаяніемъ во взглядѣ.

— Что я съ ними буду дѣлать? — взмолился онъ, дѣлая театральный жестъ.—Цѣлая орда невѣрная... И кого-кого только тутъ нѣтъ! Жаль, что ты не можешь посмотрѣть на нихъ, Вася.

— Есть интеллигентные?

— Всякаго жита по лопатѣ... Собственно говоря, я не особенно довѣряю этимъ интеллигентамъ: не выдержатъ и сбѣгутъ.

Послѣднюю группу составляли люди, которыхъ рѣшительно нельзя было отнести ни къ одной изъ вышеприведенныхъ категорій. Всего вѣрнѣе было назвать ихъ поврежденными.

— Вы чѣмъ занимались до сихъ поръ?

— Я вообще... Видите ли, я изобрѣлъ подводную лодку...

Поврежденный субъектъ торопливо доставалъ изъ кармана объемистый свертокъ засаленныхъ бумагъ съ очевиднымъ намѣреніемъ посвятить Сережу въ свою тайну, но Сережа благоразумно уклонялся отъ подробностей, предпочитая вѣрить на слово.

Въ числѣ этихъ поврежденныхъ оказалось два воздухоплавателя, изобрѣтатель какихъ-то насосовъ, работавшихъ мятымъ паромъ, неизбѣжное perpetuum mobile, электротехникъ, мечтавшій упразднить всѣ паровыя машины, и т. д. Окоемовъ впередъ предупредилъ Сережу, чтобъ онъ оставилъ всю эту группу для личныхъ объясненій, — онъ питалъ большую слабость ко всякимъ изобрѣтателямъ, въ чемъ сказывалась американская жилка.

Познакомившись съ общимъ составомъ своихъ кліентовъ, Сережа выпроводилъ подъ разными предлогами сначала всѣхъ сомнительныхъ субъектовъ, а затѣмъ москвичей.

— Вѣдь вы не разстанетесь съ Москвой ни за какія коврижки?—откровенно говорилъ онъ.

Москвичи смотрѣли другъ на друга, замиались и въ концѣ концовъ должны были соглашаться, что, дѣйствительно, не могутъ. Нѣтъ, ужъ лучше голодать, да только у себя въ Москвѣ. „Перекати-поле“ доставили Сережѣ много хлопотъ, потому что имъ особенно понравилась перспектива отправиться въ Сибирь.

— Да вѣдь вы не уживетесь на одномъ мѣстѣ, — увѣрялъ Сережа хриплымъ голосомъ.—А намъ нужны люди, которые ѣдутъ не на одинъ и не на два дня... Впрочемъ, зайдите денька черезъ три для окончательныхъ переговоровъ съ моимъ довѣрителемъ. Я здѣсь только представитель...

Оставались двѣ группы — провинціалы и поврежденные люди. Всѣхъ набралось для перваго раза человѣкъ двѣнадцать, и Сережа назначилъ каждому особый день и часъ для переговоровъ съ будущимъ хозяиномъ.

Пока происходила эта каша, Марѳа Семеновна сидѣла у себя въ комнатѣ и горько плакала. Что же это такое? Старое окоемовское дворянское гнѣздо превратилось въ какой-то трактиръ... Чего только ни придумаетъ Вася!

— Ты сейчасъ же вымой полъ, — приказывала старушка горничной. — Я не знаю, чего они тамъ ни натащили... А потомъ прокури хорошенько амброй. Я не выношу этого воздуха... Мнѣ уже дурно...

VIII.

Этотъ „рекрутскій наборъ“, какъ назвала Марѳа Семеновна вербовку интеллигентной голи, повторился еще разъ подъ руководствомъ княжны. Окоемовъ уже могъ выходить. Онъ просто ужаснулся, когда увидѣлъ, что вся гостиная была занята желающими получить работу. Сколько было тутъ нужды, горя, молчаливаго отчаянія... Достаточно было взглянуть на эту грустную толпу, чтобы понять, какая пропасть бездонной столичной нужды раскрывалась. И о большинствѣ этихъ несчастныхъ женщинъ можно было впередъ сказать, что онѣ негодны, потому что были привязаны къ своимъ семьямъ и только искали побочнаго заработка. Свободныхъ женщинъ, которыя могли бы уѣхать изъ Москвы, было сравнительно очень немного.

— Варвара Петровна, вы, кажется, сдѣлали большую ошибку,—замѣтилъ Окоемовъ.—Въ своихъ приглашеніяхъ вы не упомянули, что нужны женщины совершенно свободныя, т.-е. такія, которыя могутъ свободно уѣхать.

— А онѣ уже не пишутъ въ своихъ объявленіяхъ, что не могутъ уѣхать...

— Онѣ ищутъ работы въ Москвѣ, поэтому и не пишутъ. Мнѣ жаль, что онѣ потеряютъ даромъ день и одну лишнюю надежду... Впрочемъ, я самъ виноватъ, что не предупредилъ васъ. Не до того было...

Княжна очень смутилась этимъ замѣчаніемъ, такъ что Окоемову пришлось ее же успокаивать.

— Лучше всего будетъ, если я самъ переговорю съ ними,—предложилъ онъ, жалѣя свою помощницу.—Вы идите къ мамѣ, а я тутъ все устрою. А главное, не волнуйтесь...

Сконфуженная княжна ушла въ комнату Мароы Семеновны и тамъ горько расплакалась, хотя и не встрѣтила особеннаго сочувствія со стороны хозяйки.

— По дѣломъ вору и мука,—ворчала Мароа Семеновна.—Вмѣстѣ съ Васей выдумки выдумываете. Вотъ и вышла кругомъ виновата... Охъ, что только и будетъ! Согрѣшила я съ вами... Сережа вонъ тоже хорошъ: назвалъ всякую рвань.

— Вы добрая, Мароа Семеновна, но уже ничего не понимаете...—оправдывалась княжна, вытирая слезы.

— Какъ же я не понимаю: вѣдь Вася-то мой сынъ, полагаю? Нѣтъ, милая, это только отъ гордости дѣтки хотятъ умнѣе родной матери быть... Да. А Господь-то и смиритъ за гордость.

— Совсѣмъ вы уже не то говорите, Мароа Семеновна... Я васъ очень люблю, но вы все-таки не понимаете. Я вѣрю въ Василія Тимоѳеича... Онъ задумалъ большое дѣло, и ему нужно помогать.

— Зачѣмъ же тогда плачешь?..

— Сдѣлала ошибку.... обидно... По своей неосторожности заставила напрасно прійти человѣкъ сорокъ бѣдныхъ женщинъ.

— Ну, бѣднымъ-то нечего дѣлать... Все равно, даромъ бы дома сидѣли.

— Зачѣмъ вы уже такъ говорите? Вы это нарочно, чтобы позлить меня... Вѣдь вы добрая и говорите это такъ, а надъ бѣдными нехорошо шутить.

— Хорошо, хорошо. Надоѣло... Опять весь домъ нужно мыть завтра да прокуривать, а то я не выношу этого воздуха... Голова у меня болитъ до смерти и безъ васъ.

Окоемовъ очень быстро покончилъ съ толпой ожидавшихъ рѣшенія своей участи женщинъ. Онъ въ короткихъ словахъ разъяснилъ недоразумѣніе и попросилъ остаться только тѣхъ, которыя могли свободно располагать собой. Такихъ оказалось очень немного, всего человѣкъ десять, да и тѣ довольно сомнительнаго характера въ смыслѣ пригодности. Это были или старыя дѣвы, или бездѣтныя вдовы. Изъ этихъ оставшихся едва набралось всего три женщины, которыя хотя сколько-нибудь подходили къ требованіямъ.

Аудіенція кончилась скоро, и Окоемовъ пришелъ къ матери такой усталый, разстроенный, разбитый.

— Напрасно ты себя убиваешь, Вася,—говорила Мароа Семеновна.—Такъ нельзя... Мало ли бѣдныхъ людей на бѣломъ свѣтѣ: всѣхъ не обогрѣешь, не одѣнешь и не накормишь.

— Это такъ, мама, а все-таки обидно за этихъ несчастныхъ... Нужно было ихъ видѣть. Ахъ, сколько несправедливости на свѣтѣ, сколько несчастія, и мы можемъ жить спокойно. И главное, то обидно, что большинство неспособно къ настоящему, серьезному труду, вѣрнѣе сказать—не подготовлено. Такъ глупо воспитываютъ дѣвочекъ... А вѣдь не каждая выходитъ замужъ, да и замужемъ не всѣ бываютъ настолько обезпечены, чтобы не нуждаться въ заработкѣ на свою долю. Мужъ остался безъ мѣста, мужъ боленъ—мало ли что бываетъ, а тутъ еще дѣти. Какъ мнѣ тяжело было имъ отказывать, а тутъ еще сознаніе собственнаго безсилія. Ну что я могу сдѣлать для нихъ, если онѣ никуда негодны? Вотъ мы сидимъ съ тобой, мама, въ собственномъ домѣ, одѣты, сыты, а онѣ пошли домой такія же голодныя,

какъ и пришли. А дома ихъ ждутъ голодные дѣтскіе рты, безпомощные и больные старики... Нѣтъ, ужасно, ужасно!..

Окоемовъ заходилъ по комнатѣ, ломая руки. Глаза у него свѣтились лихорадочнымъ блескомъ, лицо покрылось красными пятнами. Княжна потихоньку любовалась имъ, какъ выраженіемъ дѣятельной мужской силы. Ахъ, какой хорошій, добрый, чудный человѣкъ, и какъ много онъ могъ бы сдѣлать, если бы не болѣзнь. Вѣдь живутъ же на свѣтѣ тысячи негодяевъ, пьяницъ, вообще дурныхъ людей, а хорошій человѣкъ долженъ умереть, потому что слишкомъ много работалъ. Окоемовъ понялъ эту тайную мысль княжны, подошелъ къ ней, взялъ за руку и проговорилъ:

— Вы меня жалѣете, Варвара Петровна? Спасибо... Ничего, поправимся. Кстати, въ моемъ спискѣ вы стоите первымъ номеромъ.

— Въ какомъ спискѣ?—удивилась княжна.

— А какъ же, вѣдь вы тоже ѣдете со мной на Уралъ?

— Я?.. Вы шутите, Василій Тимоѳеичъ. Вѣдь я рѣшительно ничего не умѣю дѣлать: ни готовить кушанье ни шить, не знаю вообще никакого хозяйства. Вотъ переводы или уроки...

— А если вы мнѣ нужны, дорогая?.. Повѣрьте мнѣ, что не пожалѣете... Бѣдныхъ мы вездѣ найдемъ и будемъ имъ помогать

— Я уже не знаю, Василій Тимоѳеичъ...

— Конечно, вамъ тяжело будетъ разстаться съ Москвой, но [illegible] уѣзжаемъ не навѣчно. Я вамъ буду давать каждый годъ небольшой [illegible]

Марѳа Семеновна слушала сына и съ своей стороны вполнѣ [illegible] соглашалась, хотя и съ другой точки зрѣнія: все же свой человѣкъ, въ случаѣ Вася захвораетъ, такъ она и не отойдетъ. Каждый думалъ по-своему и руководился собственными соображеніями. Сдѣлавъ свое предложеніе княжнѣ, Окоемовъ точно забылъ о присутствующихъ и началъ опять ходить по комнатѣ.

— Иногда мнѣ начинаетъ казаться, что я схожу съ ума,—заговорилъ Окоемовъ послѣ длинной паузы такимъ тономъ, точно думалъ вслухъ.—Да, да... Нападаетъ какое-то глухое отчаяніе, сомнѣніе, и я теряю вѣру въ самого себя. Вотъ именно было такъ давеча, когда эти женщины выходили изъ комнаты... Мнѣ казалось, что онѣ презираютъ меня, и что вмѣстѣ съ ними уходило что-то такое мучительно-хорошее, какъ течетъ кровь изъ открытой жилы. Да, да... Мнѣ хотѣлось крикнуть имъ: „вернитесь!“, хотѣлось приласкать ихъ, утѣшить! Нѣтъ, я не умѣю этого выразить.

— Почему же вы не вѣрите въ себя, Василій Тимоѳеичъ?—тихо спросила княжна, точно боялась его разбудить своимъ вопросомъ.

— Почему? Ахъ, да... Да потому, что для меня мои планы такъ понятны, ясны и просты, и до сихъ поръ всѣ смотрятъ на нихъ, какъ на бредъ сумасшедшаго. Если даже всѣ мои планы рушатся, то останется, по крайней мѣрѣ, попытка хотя что-нибудь сдѣлать. Все зависитъ отъ того, что я вѣрю въ людей, вѣрю въ возможность дѣятельной борьбы со зломъ, а тутъ кругомъ полная апатія и круговое недовѣріе. Какъ же жить при такихъ условіяхъ?..

Этотъ монологъ былъ прерванъ появленіемъ горничной, заявившей, что „пришли Сергѣй Ипполитычъ“.

— А, уже онъ пришелъ!—съ оживленіемъ заговорила княжна.—Какъ же вы приглашаете меня, Василій Тимоѳеичъ, ѣхать съ вами въ Сибирь, когда и онъ поѣдетъ тоже? Я уже не могу.

— Вотъ у насъ всегда такъ...—отвѣтилъ Окоемовъ съ больной улыбкой.—На первомъ планѣ свои личные маленькіе счеты, изъ-за которыхъ мы готовы пожертвовать рѣшительно всѣмъ. Впрочемъ, я это такъ...

Сережа шагалъ по гостиной съ озабоченнымъ видомъ, заложивъ руки за спину. Онъ былъ взволнованъ.

— Послушай, Вася, что̀ же это такое?—безъ всякихъ предисловій накинулся онъ на Окоемова.

— Что̀ такое случилось?

— Вчера съ однимъ знакомымъ я заѣхалъ въ „Яръ", т.-е., вѣрнѣе, онъ меня завезъ туда,—виновато поправился Сережа.—Ну, заняли столикъ, сидимъ... А за сосѣднимъ столикомъ сидитъ какая-то купеческая компанія. Ты знаешь, какъ я ненавижу это сословіе! У меня это въ родѣ какой-то болѣзни... Не выношу. А тутъ сидитъ въ компаніи какой-то купчикъ, и этотъ пренахально уставился на меня глазами. Чортъ знаетъ что̀ такое... Смотритъ да еще улыбается. А потомъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ: „Мнѣ ваша личность очень знакома..."—„Что̀ вамъ угодно?"—„Да ничего-съ... А вотъ на бильярдѣ, это точно-съ, вы орудуете въ лучшемъ видѣ! Хорошая музыка... А промежду прочимъ, скажите Василію Тимоѳеичу, что, хотя они и весьма умственный человѣкъ, а только напрасно въ чужой лѣсъ зашли, да и дерево не по себѣ выбрали. Да-съ..." Я тутъ только сообразилъ, куда гнетъ этотъ нахалъ: это онъ насчетъ Таганки, гдѣ я игралъ на бильярдѣ съ Барышниковымъ. Онъ даже назвалъ себя, только я забылъ его имя.

— Маркъ Евсеичъ Барышниковъ,—увѣренно отвѣтилъ Окоемовъ.

— Вотъ, вотъ... Но все-таки согласись, что мое положеніе было не изъ красивыхъ?

— А зачѣмъ шатаешься въ „Яръ"? Впрочемъ, все это пустяки и касается только меня одного... Однимъ словомъ, не стоитъ волноваться, мой другъ.

Слова Окоемова всегда производили на Сережу самое успокаивающее дѣйствіе, какъ капли холодной воды. Онъ и сейчасъ сразу повеселѣлъ и даже весело подмигнулъ Окоемову.

— Знаешь, Вася, сначала я отнесся къ твоимъ планамъ довольно критически,—заговорилъ онъ, закуривая папиросу.—Да... Говоря откровенно, я и сейчасъ не вѣрю въ нихъ. Но это твое дѣло, а я въ чужія дѣла не вмѣшиваюсь. Да... И, вмѣстѣ съ тѣмъ, у меня явился свой планъ. Ты, пожалуйста, не смѣйся надо мной...

— Интересно познакомиться...

— Нѣтъ, я совершенно серьезно... Я тутъ познакомился съ однимъ часовыхъ дѣлъ мастеромъ, который пропилъ свой магазинъ. Ну что̀ же, это его дѣло, а я въ семейныя дѣла не мѣшаюсь... Онъ тогда приходилъ вмѣстѣ съ другими наниматься и, между прочимъ, далъ мнѣ блестящую мысль, именно, открыть производство часовъ въ Россіи... Не правда ли, недурно? И всего лучше это устроить тамъ, на Уралѣ, гдѣ и мѣдь своя, и сталь, и серебро, и золото—однимъ словомъ, весь матеріалъ.

— Мысль недурная, но, къ сожалѣнію, совершенно неосуществимая. Не выдержать конкуренціи съ заграничными часами, да и дѣло требуетъ сразу громаднаго капитала... Матеріалъ въ часовомъ производствѣ самое дешевое, а цѣнится только работа.

— Значитъ, мой проектъ не годится?

— Рѣшительно не годится никуда.

— А я сегодня цѣлую ночь не спалъ изъ-за него и даже планъ будущей фабрики составилъ, т.-е. пока квартиры основателя фирмы, т.-е. меня. Этакъ въ русскомъ стилѣ, а на крышѣ пѣтухъ держитъ въ клювѣ часы... Жаль, что неосуществимо. Да.

— Я тебѣ вотъ что̀ скажу, Сережа,—заговорилъ Окоемовъ совершенно серьезно.—Я тебя очень люблю и цѣню, но долженъ тебя предупредить объ одной маленькой вещи... Ты вотъ сейчасъ заговорилъ о деньгахъ, а до сихъ поръ умѣлъ только ихъ тратить. У меня для всѣхъ служащихъ будетъ одно общее правило, не исключая и тебя: каждый, поступившій ко мнѣ на службу, обязывается въ теченіе года накопить сто рублей, вкладываетъ эти деньги въ дѣло и такимъ образомъ дѣлается пайщикомъ. Деньги ничтожныя, особенно при окладѣ главнаго управляющаго, но все-таки нужно умѣть ихъ накопить. Въ этомъ все... не выдержавшій этого экзамена долженъ будетъ уйти.

— Послушай, я не понимаю тебя, Вася... Я... я по счетамъ ресторановъ уплачивалъ больше. Неужели изъ-за такихъ пустяковъ ты можешь отказать даже мнѣ?..

— И даже тебѣ... Въ дѣлѣ всѣ равны, голубчикъ, а коммерческія предпріятія не могутъ выносить сентиментальности. Я буду поступать, какъ самый скверный купецъ... Исключеній ни для кого не будетъ. Если бы ты зналъ, какъ мнѣ, при нашей русской распущенности, было трудно скопить мои первые сто долларовъ! Но это необходимая школа... Только деньги даютъ самостоятельность.

IX.

Извѣстіе, принесенное Сережей, очень встревожило Окоемова, хотя [illegible] и не выдалъ себя ни однимъ движеніемъ. Необходимо было торопиться [illegible] ѣздомъ на Уралъ.

Дня черезъ два онъ былъ совершенно здоровъ и могъ принимать своихъ будущихъ помощниковъ для подробныхъ переговоровъ относительно будущаго.

Первымъ номеромъ здѣсь опять явился замухрыжка-фельдшеръ, который очень понравился Окоемову, какъ человѣкъ, вымуштрованный для упорнаго труда. Относительно ста рублей фельдшеръ охотно согласился.

— Что̀ же-съ, это правильно-съ, Василій Тимоѳеичъ...

— Ну, и отлично. Готовьтесь къ отъѣзду...

Больше возни было со студентомъ Крестниковымъ, двумя не кончившими техниками и вообще интеллигентами. Они никакъ не могли понять, для чего нужно было скопить въ теченіе года непремѣнно сто рублей. Ихъ это условіе даже какъ будто конфузило, какъ что-то неприличное.

— Чтобы не было недоразумѣній, я впередъ долженъ предупредить васъ, господа,—говорилъ Окоемовъ:—именно, что вы будете имѣть дѣло съ купцомъ... Да, съ самымъ простымъ купцомъ-промышленникомъ, который будетъ разсчитывать каждую копейку, каждый грошъ. Васъ это немного шокируетъ, начиная съ самаго слова: купецъ. А между тѣмъ въ этой терминологіи ничего нѣтъ страшнаго... Купецъ—это человѣкъ, который ведетъ какое-нибудь торгово-промышленное дѣло, а подобныя дѣла требуютъ самой строгой точности. Здѣсь изъ грошей и копеекъ вырастаютъ милліоны рублей. Затѣмъ, у насъ, въ Россіи, никто такъ не работаетъ, какъ только купецъ, и никто такъ не знаетъ своего дѣла, какъ купецъ. Наконецъ у насъ никто такъ не рискуетъ, какъ купецъ... Интеллигентные люди обыкновенно видятъ только дурныя стороны въ жизни купечества, но вѣдь никто не мѣшаетъ обратить вниманіе на хорошее и воспользоваться именно этимъ хорошимъ. Вотъ именно съ этой послѣдней точки зрѣнія я и хочу быть купцомъ.

— Однимъ словомъ, вы хотите нажить капиталъ,—сумрачно спорилъ студентъ Крестниковъ.—Стоитъ ли объ этомъ такъ хлопотать?.. По-моему, это

зависитъ отъ личнаго вкуса и совсѣмъ не нуждается въ хорошихъ словахъ... Вы возводите наживу въ какой-то подвигъ.

— Вотъ именно съ этой точки и начинается наша разница съ настоящимъ, такъ сказать, общепринятымъ купцомъ. Тотъ нажилъ капиталъ, и въ этомъ его цѣль, а для насъ капиталъ будетъ только средствомъ, какъ всякая другая сила. Общепринятый купецъ будетъ жить въ свое удовольствіе, добиваться почетныхъ должностей и медалей, въ худшемъ случаѣ будетъ своими капиталами давить бѣдныхъ, или кончитъ какимъ-нибудь безобразіемъ. Но вѣдь все это не обязательно и въ большинствѣ случаевъ зависитъ только отъ недостатка образованія. Въ послѣднемъ случаѣ я могу привести примѣръ купца англійскаго, французскаго, американскаго... Но важно для насъ то, что капиталъ—сила и страшная сила, слѣдовательно весь вопросъ только въ томъ, куда направить эту силу, которая сама по себѣ ни дурна ни хороша, какъ всякая сила. Я, можетъ-быть, потеряю въ вашихъ глазахъ, господа, но говорю откровенно, что люблю деньги, какъ равнодѣйствующую всякихъ силъ. Вы только представьте себѣ, что у васъ, вмѣсто двухъ вашихъ собственныхъ рукъ—тысячи такихъ рукъ, слѣдовательно вы въ тысячи разъ сильнѣе, чѣмъ полагается самой природой.

— Позвольте, Василій Тимоѳеичъ,—вступился одинъ изъ техниковъ, очень мрачный молодой человѣкъ.—Что̀ вы говорили о капиталѣ вообще, съ этимъ еще можно согласиться съ нѣкоторыми поправками, но вы смѣшиваете деньги и капиталъ, а это не совсѣмъ одно и то же...

— Да, вы правы, молодой человѣкъ... Вся разница въ томъ, что слово „капиталъ“ гораздо шире, какъ понятіе. Но дѣло не въ томъ... Есть болѣе важный вопросъ, который у васъ на языкѣ. Вы будете моими компаньонами, у насъ будетъ общій капиталъ, но вы спросите: для чего? Не правда ли? Вы имѣете на это право... Здѣсь, господа, мое самое слабое мѣсто, и, не входя въ подробныя объясненія, на которыя я сейчасъ даже не могу претендовать, отвѣчу вамъ словами одного великаго поэта. Извините, если отвѣтъ будетъ немного длиненъ—хорошія вещи нужно повторять тысячи разъ.

Окоемовъ отправился къ своему книжному шкапу и досталъ маленькій компактный томикъ. Перелистовавъ его, онъ нашелъ необходимое мѣсто, перечиталъ его про себя и заговорилъ:

— Это „Фаустъ“ Гёте... да. Величайшее произведеніе геніальнѣйшаго поэта... да. Вы, конечно, читали его и знаете содержаніе этой поэмы. Въ ней есть одно, можетъ-быть, самое неэффектное мѣсто, на которое вы, вѣроятно, не обратили вниманія... да... Но именно здѣсь „гвоздь“ всего, какъ говорятъ французы. Вы помните уговоръ между Фаустомъ и Мефистофелемъ? Окончательно Фаустъ отдаетъ себя во власть Мефистофелю, когда наконецъ найдетъ полное удовлетвореніе и скажетъ: „мгновенье, остановись!“. И Фаустъ это говоритъ. Но когда? Я позволю себѣ прочитать это мѣсто цѣликомъ, въ переводѣ Фета:

Болото тянется къ горамъ
И заражаетъ все, что̀ мы добыли;
Спустить бы грязь гнилую только намъ—
Вотъ этимъ бы мы подвигъ завершили.
Мы бъ дали мѣсто многимъ милліонамъ
Зажить трудомъ, хоть плохо огражденнымъ!
Стадамъ и людямъ по зеленымъ нивамъ
На цѣлинѣ придется жить счастливымъ,
Сейчасъ пойдутъ селиться по холмамъ,
Что̀ трудовой народъ насыплетъ самъ.

Среди страны здѣсь будетъ свѣтлый рай,
А тамъ волна бушуй хоть въ самый край,
И гдѣ буруны только входъ преграждутъ,
Тамъ сообща сейчасъ изъянъ заложатъ.
Да, этотъ смыслъ мной подлинно усвоенъ,
Вся мудрость въ томъ, чтобы познать,
Что тотъ свободы съ жизнью лишь достоинъ,
Кто ежедневно долженъ ихъ стяжать.
Такъ проживетъ здѣсь, побѣждая страхъ,
Ребенокъ, мужъ и старецъ вѣкъ въ трудахъ.
При видѣ этой суеты
Сбылись бы всѣ мои мечты.
Тогда бъ я могъ сказать мгновенью:
Остановись! Прекрасно ты!
И не исчезнутъ безъ значенья
Земные здѣсь мои слѣды.
Въ предчувствіи такого счастья я
Достигъ теперь вершины бытія...

Окоемовъ сложилъ книгу и поставилъ ее на прежнее мѣсто въ шкапу. Въ комнатѣ царило нѣсколько времени молчаніе. Окоемовъ нахмурился. Неужели нужно было цитировать Гёте, какъ авторитетъ, чтобы доказать такую простую и, кажется, для всякаго понятную мысль? Цѣль такъ ясна, и только нужна работа, чтобы она была достигнута. Благодарная хорошая работа, потому что она окрылена сознаніемъ общаго дѣла, сознаніемъ того, что тысячи десятки тысячъ работниковъ идутъ дружно къ ней, а между тѣмъ они, можетъ-быть, никогда и не увидятъ другъ друга.

— Извините, господа, я усталъ...—проговорилъ Окоемовъ, дѣлая вдыханіе.—Только одно и послѣднее слово: среди васъ я такой же работникъ, какъ и вы. Можетъ-быть, я сдѣлалъ ошибку, что слишкомъ много говорилъ съ вами—это не совсѣмъ коммерческій пріемъ, такъ какъ время — деньги. Наконецъ просто выходитъ въ родѣ того, какъ будто я въ чемъ-то оправдываюсь.

Всѣ эти переговоры и объясненія волновали Окоемова, нагоняя какую-то смутную неувѣренность и въ себѣ и въ другихъ. Онъ инстинктивно искалъ чьей-то неизвѣстной поддержки, и каждый разъ такое настроеніе связывалось съ мыслью о ней, о той дѣвушкѣ, которая стояла живой предъ его глазами. Гдѣ-то она теперь? Вспомнила ли про него хоть разъ? Могла ли бы она понять все то, что̀ его такъ волновало, заботило и дѣлало больнымъ? Когда онъ задумывался на эту тему, ему начинало казаться, что онъ чувствуетъ на себѣ пристально-ласковый взглядъ большихъ дѣвичьихъ глазъ, невысказанную мольбу...

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно!..—говорилъ Окоемовъ самому себѣ. — Нѣтъ, теперь не до этого... Будемъ думать о дѣлѣ.

Большое удовольствіе Окоемову доставилъ изъ всѣхъ новыхъ знакомыхъ, съ которыми приходилось вести переговоры, одинъ изобрѣтатель насосовъ. Кто бы могъ подумать, что̀ въ такой прозаической спеціальности скрывалось геніальное открытіе. Да, именно геніальное... Когда Окоемовъ выслушалъ въ первый разъ объясненіе этого изобрѣтателя, то пришелъ въ такое изумленіе, что даже не вѣрилъ собственнымъ ушамъ. Самая наружность изобрѣтателя точно измѣнилась на его глазахъ. Это былъ уже пожилой господинъ съ неулыбающимся лицомъ и грустными глазами. Во всей фигурѣ, въ выраженіи лица и особенно въ глазахъ чувствовалась какая-то особенная натруженность. Звали его Иваномъ Гаврилычемъ Потемкинымъ. Одѣтъ онъ былъ прилично и, по всѣмъ признакамъ, видалъ лучшіе дни.

— Вы гдѣ-нибудь служили раньше, Иванъ Гаврилычъ?

— Да, въ частномъ банкѣ. Тамъ въ провинціи... Былъ даже бухгалтеромъ, но все бросилъ. Не могъ перенести... измучила мысль о насосахъ, т.-е. собственно не о насосахъ, а общая идея примѣненія атмосфернаго давленія, какъ общаго двигателя.

— Вы не можете сказать, какъ эта идея пришла вамъ въ голову?

— Какъ пришла? Мнѣ кажется, что я родился вмѣстѣ съ ней... Еще въ дѣтствѣ-съ, когда запускалъ змѣя.

Когда заходила рѣчь объ „идеѣ", Потемкинъ сразу измѣнялся, точно весь свѣтлѣлъ.

— Вы только представьте себѣ, Василій Тимоѳеичъ, всю грандіозность моего проекта,—говорилъ онъ, нескладно размахивая длинными костлявыми руками.—Надъ каждой точкой земного шара давленіе атмосферы равняется тридцати двумъ дюймамъ ртутнаго столба или водопаду въ двадцать саженъ высоты. И вдругъ воспользоваться этой страшной силой, какъ двигателемъ! Конечно, не я одинъ думалъ объ этомъ, но мнѣ пришла маленькая счастливая мысль, которая на практикѣ можетъ доказать возможность пользованія этой силой. Да, можно покорить эту воздушную оболочку нашей земли и заставить ее работать... До сихъ поръ человѣчество пользовалось только вѣтромъ, т.-е. силой отъ движенія воздуха, а я хочу сдѣлать рабочей силой самое давленіе этой атмосферы. И какъ все просто, Василій Тимоѳеичъ... Когда мнѣ пришла мысль о насосахъ, я думалъ, что сойду съ ума. Вѣдь это будетъ грандіознѣйшимъ открытіемъ за все столѣтіе, нѣтъ, больше—за все существованіе человѣчества.

— Не сильно ли сказано, Иванъ Гаврилычъ? — съ улыбкой замѣчалъ Окоемовъ, любуясь загоравшимися фанатическимъ огонькомъ глазами великаго изобрѣтателя.

— Нѣтъ, это уже вѣрно-съ, — тихо спорилъ Потемкинъ. — Вы только представьте себѣ, что я даю человѣчеству страшную силу, передъ которой и паръ и электричество покажутся дѣтскими игрушками. И только благодаря этой силѣ пустыни будутъ орошены и превратятся въ цвѣтущія страны; страшныя болота, заражающія воздухъ, осушены; тамъ, гдѣ сейчасъ умираетъ съ голоду семья какого-нибудь номада, будутъ благоденствовать тысячи... Мало того,—мое открытіе устраняетъ само собой всѣ соціальныя недоразумѣнія, нищету, порокъ, самое рабство, потому что сдѣлаетъ каждаго человѣка сильнѣе въ десять разъ и тѣмъ самымъ возвыситъ его производительность. Особенно характерно это по отношенію къ рабству: рабъ—только двигающая сила, и больше ничего. Это зло устранили не моралисты, а изобрѣтатели новыхъ двигателей, и оно было бы немыслимо при моемъ двигателѣ, какъ будетъ невозможна даже война. Трудно даже приблизительно предвидѣть всѣ послѣдствія моего маленькаго открытія. Мнѣ даже дѣлается страшно, когда я начинаю думать на эту тему...

— У васъ были опыты съ вашими насосами?

— О, да... Въ теченіе десяти лѣтъ работаю.

— И удачно?

— Да... Конечно, была масса ошибокъ, просто неудачъ, какъ при всякомъ новомъ изобрѣтеніи, но вѣдь это неизбѣжно...

Окоемовъ слушалъ этого безумца и чувствовалъ, какъ самъ заражается его геніальнымъ бредомъ. А что, если все это осуществимо?

— Да, мы сдѣлаемъ опытъ съ вашимъ насосомъ тамъ, на промыслахъ,— говорилъ онъ, пожимая руку изобрѣтателя.—И увидимъ... Французская ака-

демія наукъ не признала дифференціальнаго исчисленія, Наполеонъ считалъ Фультона сумасшедшимъ, Тьеръ смѣялся надъ первой желѣзной дорогой, какъ надъ глупостью—да, бываетъ, Иванъ Гаврилычъ.

X.

Отъѣздъ Окоемова на Уралъ замедлился благодаря тому, что нужно было устроить до осени комиссіонныя дѣла съ Америкой. Осенью онъ надѣялся побывать въ Москвѣ, чтобы провѣрить заказы и порученія. Самымъ труднымъ являлось устроить передовѣрія—Окоемовъ плохо вѣрилъ въ русскую аккуратность.

Въ самый разгаръ этихъ хлопотъ онъ получилъ анонимное письмо, писанное на простой сѣрой бумагѣ измѣненнымъ почеркомъ.

„Милостивый государь! Вы поступаете довольно безсовѣстно, потому что суете свой носъ въ чужія дѣла. Но это даже безполезно, потому что найдутся люди поумнѣе васъ въ десять разъ. Во всякомъ случаѣ, будьте покойны, что и мы дремать тоже не будемъ. Лучше будетъ, если вы хорошенько позаботитесь о самомъ себѣ. И еще вамъ скажу, что своимъ поведеніемъ вы подвергаете себя большой опасности, потому что будете имѣть дѣло съ людьми очень сосредоточенными. Оставьте свои нелѣпыя затѣи и знайте свои дѣла. А впрочемъ, какъ вамъ будетъ угодно“.

Письмо было безъ всякой подписи, съ городскимъ штемпелемъ. Окоемовъ далъ его прочитать княжнѣ.

— Я уже ничего не понимаю,—замѣтила та, перечитывая письмо.

Окоемовъ подробно объяснилъ ей, въ чемъ дѣло и кто авторъ письма.

— Страшнаго въ этихъ угрозахъ ничего нѣтъ, но все-таки осторожность не лишняя,—замѣтилъ онъ.—Эту дѣвушку спрятали гдѣ-то тамъ, въ Сибири, и мы должны ее разыскать во что бы то ни стало. Съ этой цѣлью я и пригласилъ васъ, Варвара Петровна, потому что только вы одна можете это устроить...

— Я?

— Да, вы... Подробности потомъ, но помните одно, именно, что дѣло идетъ о спасеніи беззащитной дѣвушки.

Княжна задумалась на одно мгновеніе, а потомъ съ рѣшительнымъ видомъ заявила:

— Что̀ же, я уже согласна, Василій Тимоѳеичъ.

Сережа тоже дѣятельно готовился къ отъѣзду. Во-первыхъ, онъ купилъ непромокаемые охотничьи сапоги, потомъ цѣлую тысячу гаванскихъ сигаръ, потомъ щегольской дорожный баулъ, наборъ всевозможныхъ консервовъ, англійскую шляпу съ двумя козырями и кисеей, два револьвера, походную библіотеку—кажется, все было предусмотрѣно вполнѣ основательно. Для пробы онъ одѣлъ свои сапоги, шляпу, повѣсилъ черезъ плечо пароходный бинокль, накинулъ на плечи кавказскую бурку и въ такомъ видѣ предсталъ предъ Мареой Семеновной.

— Охъ, батюшка, напугалъ ты меня до-смерти! — всполошилась старушка.—Я сама въ книжкѣ читала, что былъ такой отчаянный разбойникъ Ринальдо Ринальдини... Я-то давно читала, а ты тутъ какъ снѣгъ на голову.

— Нельзя, Марѳа Семеновна: дѣло серьезное,—объяснялъ Сережа, любуясь своимъ фантастическимъ костюмомъ. — Я еще кинжалъ себѣ куплю...

— Ну ужъ, батюшка, съ кинжаломъ-то ко мнѣ ты, пожалуйста, и на глаза не показывайся... Мало ли что̀ тебѣ въ башку взбредетъ, а я еще пожить хочу. Да сними ты котелъ-то свой—смотрѣть противно...

Марѳа Семеновна очень безпокоилась приготовленіями своего ненаглядного Васи къ отъѣзду, долго думала о томъ, что̀ его гонитъ изъ Москвы въ такую даль, волновалась и наконецъ пришла къ удивительному заключенію, къ какому только могло прійти любящее материнское сердце, именно, она во всемъ обвиняла Сережу... Конечно, это его дѣло! Шалберничалъ-шалберничалъ въ Москвѣ, прокутился до зла-горя, а потомъ и придумалъ. Ему-то все равно, гдѣ ни пропадать. Вонъ и ножъ собирается покупать... Какъ есть отчаянная голова! Вся надежда у старушки оставалась на княжну. Положимъ, она женщина не совсѣмъ правильная и иногда даже совсѣмъ заговаривается, а все-таки женщина и, въ случаѣ чего, отсовѣтуетъ, по крайней мѣрѣ. Именно съ этой точки зрѣнія старушка и смотрѣла теперь на Сережу, любовавшагося на себя въ зеркало. Наконецъ старушка не выдержала и проговорила:

— Не ожидала я отъ тебя, Сережа...

Голосъ у нея дрогнулъ, и на глазахъ показались слезы.

— Чего не ожидали, Марѳа Семеновна?

— А вотъ этого самаго... Кто всю смуту-то поднялъ? Жилъ бы себѣ Вася въ Москвѣ, у своего дѣла, кабы не твои выдумки... Ты думаешь, выжила старуха изъ ума, а я-то все вижу. И еще какъ вижу... Грѣшно тебѣ, Сережа.

— А вы о чемъ, Марѳа Семеновна?..

— Не притворяйся, пожалуйста, по крайней мѣрѣ... Безъ этого тошно. Приходитъ вонъ какъ-то Вася ко мнѣ какого-то неизвѣстнаго человѣка, назвалъ его Иваномъ Гаврилычемъ и говоритъ: „Мамаша, рекомендую — геніальный человѣкъ"... Такъ, приказный какой-то и, навѣрно, горькую пьетъ, а Вася-то простъ. Развѣ такіе геніальные-то люди бываютъ? Шекспиръ, Рашель, Наполеонъ, а это какой-то Иванъ Гаврилычъ... Ну, я укрѣпилась, сдѣлала видъ, что вѣрю, а потомъ этакъ къ слову и спрашиваю: „А позвольте узнать, чѣмъ вы занимаетесь?" Ну, тутъ ужъ ему и нельзя было скрыться. Понесъ такую ахинею, что святыхъ вонъ понеси... Какіе-то насосы приготовляетъ. Такъ вѣдь это по пожарной части — я тоже могу понимать, что̀ и къ чему относится. И подвелъ этого геніальнаго Ивана Гаврилыча опять-таки ты, Сережа... Ты, ты, ты! Лучше и не спорь, не обманывай въ глаза... Все я вижу и понимаю. Ты еще не подумалъ соврать, а я уже вижу.

Это признаніе заставило Сережу хохотать до слезъ, такъ что Марѳа Семеновна обидѣлась и кончила слезами.

— Смѣйся, безпутный, а Богъ тебя все-таки накажетъ...

— Ахъ, Марѳа Семеновна, Марѳа Семеновна... ха-ха! Вотъ уморили-то!.. Вы знаете, какъ я васъ люблю... Нѣтъ, это, наконецъ, невозможно! Ха-ха-ха... Милая Марѳа Семеновна... О, sancta simplicitas!..

Именно въ такомъ положеніи засталъ стороны Окоемовъ, когда зашелъ въ комнату къ матери. Сначала онъ рѣшительно ничего не могъ понять, а потомъ улыбнулся и проговорилъ:

— Да, это все онъ, мама... Ты угадала. И, навѣрно, Богъ его накажетъ...

— А что̀ же я-то говорю, Вася? — обрадовалась старушка. — Посмотри на него, какимъ онъ разбойникомъ разодѣлся... Еще зарѣжетъ кого-нибудь подъ пьяную руку.

— Навѣрно, зарѣжетъ, мама... Я въ этомъ убѣжденъ. Кого бы ему зарѣзать, въ самомъ дѣлѣ? Ахъ, да—княжну...

Окоемовъ шутилъ, но у самого было тяжело на душѣ. Предстоящая разлука съ матерью очень безпокоила его. Онъ такъ любилъ свою милую старушку, съ ея дворянскими предразсудками, снами, предчувствіями, примѣ-

тами и дѣтской наивностью. Въ его глазахъ она являлась старой Москвой, которая еще сохранялась на Арбатѣ и Пречистенкѣ. Милая старушка, милая старая Москва... Почему-то сейчасъ Окоемову было особенно тяжело разставаться съ роднымъ гнѣздомъ,—сказывались и возрастъ и надломленныя силы.

Изъ навербованныхъ интеллигентныхъ людей двое получили авансы и исчезли, двое другихъ наканунѣ отъѣзда раздумали и отказались—оставалось налицо всего пятеро: фельдшеръ Потаповъ, Иванъ Гаврилычъ, студентъ Крестниковъ и двое студентовъ-техниковъ.

„Много званыхъ, но мало избранныхъ, — съ невольной грустью подумалъ Окоемовъ.—Что̀ же, пока будемъ довольствоваться и этимъ, а впослѣдствіи можно будетъ сдѣлать вторичный наборъ. Впрочемъ, и на мѣстѣ, навѣрно, найдется достаточное количество взыскующихъ града...“

Больше всего Окоемовъ былъ радъ тому, что познакомился съ Потемкинымъ. Это былъ настоящій кладъ... Съ каждымъ днемъ въ этомъ странномъ человѣкѣ онъ открывалъ новыя достоинства и чувствовалъ, что изобрѣтатель насосовъ дѣлается ему роднымъ, другомъ, товарищемъ, а главное — тѣмъ вѣрнымъ человѣкомъ, на котораго можно было положиться. Впрочемъ, ему нравился и фельдшеръ Потаповъ и всѣ студенты, особенно Крестниковъ. Такіе милые молодые люди, еще не остывшіе душой...

Намаявшись за день со своими дѣлами, Окоемовъ возвращался домой усталый и разбитый. Лучшимъ отдыхомъ для него было то, чтобы въ его кабинетѣ сидѣлъ Иванъ Гаврилычъ и разсказывалъ что-нибудь. Собственно, изобрѣтатель, кажется, совсѣмъ не умѣлъ сидѣть, а вѣчно бродилъ по комнатѣ, какъ тѣнь, курилъ какую-то необыкновенную глиняную трубочку и говорилъ на-ходу, точно гонялся за отдѣльными фразами. За два дня до отъѣзда Иванъ Гаврилычъ совершенно неожиданно заявилъ:

— А какъ же я буду съ дѣвочкой, Василій Тимоѳеичъ?

— Съ какой дѣвочкой?—могъ только удивиться Окоемовъ.

— А дочь..

— Ваша дочь?

— Да...

— Гдѣ же она? Сколько ей, наконецъ, лѣтъ?

— Позвольте... пять лѣтъ, нѣтъ — четыре. Да, именно четыре... Очень милая дѣвчурка... Мать умерла уже два года назадъ, а дѣвчурка живетъ со мной. Она у меня ведетъ все хозяйство.

— Гм... да... Какъ же быть? Не лучше ли оставить дѣвочку здѣсь, какъ вы думаете? Я могу поговорить съ мамой, наконецъ...

Иванъ Гаврилычъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, поправилъ галстукъ, который его почему-то началъ давить, развелъ руками и заявилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ:

— Нѣтъ, Василій Тимоѳеичъ, я со своей дѣвочкой не разстанусь ни за что... да. Вѣдь я только для нея и живу.

Окоемовъ подумалъ, пожевалъ губами и рѣшилъ:

— Хорошо, мы возьмемъ дѣвочку съ собой...

Иванъ Гаврилычъ даже не поблагодарилъ за эту уступку, а только покраснѣлъ и отвернулся къ окну. Онъ цѣлыхъ двѣ недѣли все готовился переговорить съ Окоемовымъ о своей дѣвочкѣ, составлялъ цѣлыя рѣчи и никакъ не могъ рѣшиться.

Марѳа Семеновна уже за день до отъѣзда ходила съ опухшими отъ слезъ глазами и потребовала отъ сына только одной уступки, чтобы онъ вмѣстѣ съ ней съѣздилъ къ Иверской.

— Что же, я ничего противъ этого не имѣю,—охотно согласился Окоемовъ.—И даже съ большимъ удовольствіемъ, мама... Тебѣ извѣстно, что я человѣкъ религіозный.

Въ одинъ изъ послѣднихъ іюньскихъ дней на Нижегородскомъ вокзалѣ съѣхались всѣ дѣйствующія лица. Когда Окоемовъ пріѣхалъ съ матерью, всѣ уже были въ сборѣ. Студенты забрались раньше всѣхъ и держались отдѣльной кучкой. За ними пріѣхалъ Иванъ Гаврилычъ со своей маленькой дочуркой, блѣдной городской дѣвочкой съ такимъ умненькимъ личикомъ. Пріѣхали двѣ интеллигентныхъ женщины,—это были особы лѣтъ подъ тридцать, которымъ некого было оставлять въ Москвѣ. Онѣ, видимо, стѣснялись незнакомаго общества и держались въ сторонѣ. Княжна явилась въ сопровожденіи Сережи.

— Я уже не подозрѣвала, Сергѣй Ипполитычъ, что вы такой вѣжливый человѣкъ...—откровенно удивлялась она.—Вы поступили, какъ настоящій джентльменъ.

— Кажется, я всегда былъ джентльменомъ?

Несмотря на жару, Сережа ни за что не хотѣлъ разставаться со своей [illegible] и обращалъ на себя вниманіе всей публики. Между прочимъ, онъ [illegible] ужасную суету съ багажомъ и ужасно возмутился, когда дошелъ до [illegible]жа Ив[illegible]на Гаврилыча, состоявшаго изъ какихъ-то чугунныхъ трубъ и [illegible] моделей.

— Это чортъ знаетъ что такое...—ворчалъ Сережа, подозрительно оглядывая изобрѣтательскій багажъ.—Точно странствующій циркъ ѣдетъ.

Когда поѣздъ тронулся, Марѳа Семеновна, не вытирая катившихся по лицу слезъ, долго благословляла быстро исчезавшіе изъ глазъ вагоны. Это было послѣднее напутствіе старой Москвы...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Путешествія сближаютъ людей. Такъ было и съ компаніей, ѣхавшей на Уралъ. Мужчины вообще сближаются легче, и еще на вокзалѣ въ Москвѣ студентъ Крестниковъ и фельдшеръ Потаповъ почувствовали взаимное расположеніе.

— Не желаете ли папироску-съ?—предлагалъ фельдшеръ, дѣлая первый шагъ къ знакомству.

— Съ удовольствіемъ!..—согласился студентъ и, раскуривая папиросу, уже тономъ знакомаго человѣка прибавилъ:—Интересно, что выйдетъ изъ нашей экспедиціи.

— Да-съ, вообще... А между прочимъ, Василій Тимоѳеичъ весьма практикованный человѣкъ. Я стороной навелъ о нихъ справки... Весьма одобряютъ.

Когда поѣздъ тронулся, фельдшеръ снялъ свою шляпу-котелокъ, перекрестился и съ какой-то жадностью смотрѣлъ на быстро убѣгавшую Москву. Потомъ онъ тряхнулъ головой и, обращаясь къ Крестникову, резюмировалъ свои впечатлѣнія:

— Скучно-съ...

Окоемовъ и Сережа остались на площадкѣ и долго провожали глазами родную Москву. У Сережи было такое серьезное и грустное выраженіе лица.

Окоемовъ тоже чувствовалъ себя немного не по себѣ. И жаль чего-то, и какъ будто щемитъ на душѣ, и какое-то раздумье нападаетъ.

— Ну, и отлично!..—бормоталъ Сережа, принимая дѣловой видъ.—Мнѣ давно слѣдовало освѣжиться, а то я совсѣмъ закисъ въ этой Москвѣ. Да, необходимо встряхнуться...

— Для тебя, мой другъ, Москва являлась только большимъ трактиромъ, и ты смотришь на нее именно съ этой похмельной точки зрѣнія. А есть другая Москва, дѣловая, бойкая, работающая... Я не сказалъ бы, что Москва—сердце Россіи, это было бы немножко много, но ее вѣрнѣе назвать паровымъ котломъ, въ которомъ заряжается вся русская промышленность и вся русская торговля. Да, здѣсь вершится громадная работа, и сейчасъ трудно даже въ приблизительной формѣ предвидѣть ея результаты... Понимаешь: сила! А я поклонникъ силы... Москва далеко бьетъ, отъ одного океана до другого, и эта сила все растетъ, какъ комъ снѣгу.

— Кажется, это изъ области московскаго патріотизма, Вася?

— Это ужъ какъ тебѣ нравится, такъ и называй. Фактъ... Пріятно сознавать, что составляешь частичку этой силы.

Сидѣвшія въ вагонѣ дамы замѣтно взгрустнули, хотя и старались не выдавать своего настроенія. Княжна смотрѣла въ окно на пеструю ленту быстро летѣвшей мимо дорожной панорамы. Ее тоже брало раздумье: хорошо ли, что она согласилась ѣхать Богъ знаетъ куда? Она даже не знала хорошенько, куда и зачѣмъ ѣдетъ, какъ не знали и другія дамы. Онѣ отнеслись другъ къ другу съ большой строгостью, начиная съ костюмовъ. Про себя княжна опредѣлила одну симпатичной, а другую такъ себѣ. Эта симпатичная дама была сильная брюнетка съ характернымъ, почти сердитымъ лицомъ. Темное дорожное платье и черная шляпа придавали ей еще болѣе рѣшительный видъ. Княжнѣ не понравилось въ ней только одно, а именно то, что симпатичная дама курила. Звали ее Анной Ѳедоровной. Другая, среднихъ лѣтъ блондинка съ неопредѣленнымъ лицомъ, имѣла какой-то пришибленный видъ. Видимо, она вся была въ прошломъ, тамъ, гдѣ прошла ея молодость. Когда Москва скрылась изъ виду, она потихоньку перекрестилась и вытерла набѣжавшую на глаза слезу.

— У васъ остались тамъ родные?—спросила княжна, дѣлая головой движеніе въ сторону Москвы.

— Да, т.-е. нѣтъ... У меня никого не осталось въ Москвѣ.

Княжнѣ понравился голосъ этой пришибленной блондинки,—она говорила съ такими мягкими нотами.

— А васъ какъ зовутъ?—полюбопытствовала княжна.

— Калерія Михайловна...

— У меня была сестра Калерія.

— Да? Это очень рѣдкое имя...

На этомъ разговоръ и кончился. Дамы потихоньку оглядывали другъ друга, и каждая про себя составляла особое мнѣніе про двухъ другихъ. Здѣсь каждое лыко шло въ строку, и наблюдательный женскій глазъ по мелочамъ составлялъ самую строгую характеристику. Блондинка рѣшила про себя, что княжна очень добрая, а брюнетка сердито подумала всего однимъ словомъ: неряха. Женщины заняли двѣ лавочки, а мужчины двѣ другихъ, напротивъ. Разговоръ какъ-то не вязался, потому что надъ всѣми тяготѣла разлука съ Москвой. Сближеніе послѣдовало благодаря дочери изобрѣтателя Потемкина. Дѣвочка сидѣла съ отцомъ и очень скучала. Она успѣла разсмотрѣть всѣхъ мужчинъ и не нашла въ нихъ ничего интереснаго. Потомъ она сдѣ-

лала попытку поиграть со студентомъ и потянула его за рукавъ. Но студентъ только улыбнулся,—онъ не умѣлъ отвѣтить на это краснорѣчивое предложеніе. Дѣвочкѣ сдѣлалось скучно до тошноты. Зѣвнувъ раза два, она взобралась на скамейку и принялась разсматривать дамъ.

— Какая маленькая дѣвочка...—замѣтила Калерія Михайловна и поманила къ себѣ шалунью.—Ну, иди сюда, коза. Я тебѣ покажу одну очень интересную вещицу...

Дѣвочка не заставила себя просить и мигомъ очутилась въ дамскомъ обществѣ.

— А васъ какъ зовутъ?—спрашивала она поочередно всѣхъ.—А меня Татьяной Ивановной... да. Мы съ папой далеко-далеко ѣдемъ, туда, гдѣ золото... А вы куда?

— И мы туда же... Всѣ вмѣстѣ ѣдемъ.

— А гдѣ же вашъ папа?

— Нашъ папа дома остался...

— Значитъ, вы его не любите?.

Черезъ пять минутъ Татьяна Ивановна уже взобралась на колѣни къ Калеріи Михайловнѣ и припала своей головенкой къ ея груди. Этотъ дѣтскій лепетъ точно расплавилъ какую-то кору, покрывавшую всѣхъ, и всѣ сразу почувствовали себя легче. Ребенокъ явился живымъ связующимъ звеномъ. Отъ Калеріи Михайловны онъ перешелъ къ княжнѣ, которая „уже" полюбила его и приняла подъ свое крылышко. Оставалась въ сторонѣ одна Анна Ѳедоровна, которая даже, повидимому, старалась не смотрѣть на ребенка.

— Развѣ вы уже не любите дѣтей?—полюбопытствовала княжна.

— А развѣ можно ихъ не любить?—вопросомъ отвѣтила суровая дама и посмотрѣла на Татьяну Ивановну такими грустными глазами.—Я боюсь ихъ любить... потому что... потому что...

— Ахъ, да, я понимаю: вы потеряли, вѣроятно, своего ребенка?

— Да... И я сейчасъ боюсь ласкать чужихъ дѣтей: вѣдь несчастье заразительно. Можетъ-быть, это нелѣпо, но есть такіе предразсудки, отъ которыхъ трудно отдѣлаться...

Таня смотрѣла на строгую тетю большими глазами и прошептала на ухо княжнѣ:

— Я боюсь этой... черной...

— Какія глупости, дурочка,—тоже шопотомъ отвѣтила княжна и прибавила:—Уже нужно всѣхъ любить... всѣхъ, всѣхъ!..

Дѣвочка расшалилась, какъ котенокъ, и тутъ же, какъ котенокъ, заснула, свернувшись клубочкомъ. Потемкинъ все время наблюдалъ благодарными глазами происходившую сцену и тоже почувствовалъ себя какъ-то по-домашнему: эти три женщины уже не были чужими... Онъ теперь думалъ о томъ, какая страшная сила заключается въ этой святой женской любви къ дѣтямъ,—нельзя даже представить гадательную мѣрку этого страшнаго двигателя, самаго тончайшаго и неуловимаго изъ всѣхъ остальныхъ двигателей.

Эта мирная семейная сцена была нарушена трагикомическимъ эпизодомъ, который заставилъ маленькую Таню проснуться. Появился Сережа и заявилъ княжнѣ:

— Варвара Петровна, ваши документы у васъ?

— Какъ уже у меня?.. Я уже передала ихъ вамъ еще тамъ, когда вы заѣхали за мной на квартиру...

— Гм... Какъ же это такъ?—удивился Сережа и обвелъ всѣхъ присут-

ствующихъ такимъ взглядомъ, точно приглашалъ всѣхъ тоже удивиться.— Чортъ знаетъ что̀ такое...

Онъ нѣсколько разъ произвелъ обыскъ своихъ кармановъ, дорожной сумки и саквояжа, но документовъ не оказалось. Княжна слѣдила за нимъ гнѣвными глазами.

— Уже нѣтъ документовъ?—спросила она.

— Должны же они быть гдѣ-нибудь, чортъ возьми... Не съѣлъ же я ихъ, въ самомъ дѣлѣ!

— И какъ я уже могла вамъ повѣрить!—огорченно повторяла княжна.— Насъ теперь по этапу вышлютъ изъ Нижняго, какъ безпаспортныхъ...

— Непремѣнно вышлютъ,—подтвердилъ Окоемовъ, съ улыбкой слѣдившій за всей сценой.—Что̀ же дѣлать, придется испытать маленькую превратность судьбы... Вообще, для начала недурно, Сережа.

— А, чортъ возьми!..—ругался сконфуженный Сережа.—Теперь помню... Я заѣхалъ за Варварой Петровной, а она суетъ мнѣ свои документы...

— Почему уже: суетъ?—обидѣлась княжна.—Вы сами предложили положить ихъ вмѣстѣ со своими документами... У меня уже было предчувствіе, что этого не слѣдовало дѣлать, но я повѣрила вамъ...

Окоемову стоило большого труда успокоить огорченную княжну. Онъ обѣщалъ телеграфировать изъ Нижняго своему повѣренному.

— Это уже невозможный человѣкъ!—жаловалась княжна на Сережу какъ-то совсѣмъ по-дѣтски.—Я уже никогда ему не повѣрю... никогда! Посмотрите, какъ онъ одѣлся: развѣ такому человѣку можно вѣрить?

Окоемовъ смѣялся до слезъ. Онъ очутился теперь въ роли предводителя и долженъ былъ готовиться впередъ къ тому, чтобы разбирать всѣ недоразумѣнія своего маленькаго товарищества.

А поѣздъ летѣлъ и летѣлъ, пуская клубы чернаго дыма, точно гигантскій сказочный змѣй, гремѣвшій желѣзными членами. Мимо него летѣла унылая русская равнина, только кое-гдѣ тронутая тощимъ лѣсомъ или перерѣзанная свѣтлыми нитями безыменныхъ рѣчекъ. Этотъ русскій ландшафтъ наводилъ тоску своимъ однообразіемъ. Попадавшіяся деревушки тоже не веселили глаза. Все было такъ бѣдно, убого и жалко. Оживляли картину только бѣлыя церкви, стоявшія среди этой равнины, какъ маяки, да нѣсколько фабрикъ. Поѣздъ мчался въ фабричной области, по московскому суглинку. И ѣхавшая въ вагонѣ публика была такая же сѣрая и убогая, какъ ландшафтъ—фабричные, кустари, разные „услужающіе“. Тяжелая московская лапа чувствовалась здѣсь на каждомъ шагу.

— Удивительная эта наша матушка Русь,—говорилъ Окоемовъ, стараясь развлечь княжну.—Въ другихъ странахъ большіе центры сопровождаются фобургами, фабриками, пригородами, такъ что переходъ къ маленькимъ городамъ идетъ послѣдовательно, а у насъ точно ножемъ обрѣжетъ: сейчасъ каменная Москва, красивѣйшій городъ, можетъ-быть, въ цѣломъ свѣтѣ, а отъѣхали пять верстъ—настоящая деревянная убогая Россія. Никакихъ переходовъ и никакой послѣдовательности... Тощее поле, тощая лошаденка, тощій мужикъ—однимъ словомъ, та же Русь, какая существовала еще при московскихъ царяхъ, если исключить ситцы, самовары и акцизъ. И вмѣстѣ вы чувствуете страшную силу вотъ именно въ этомъ убожествѣ. Помните, какъ сказалъ Некрасовъ.

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Матушка Русь!..

На полустанкахъ и станціяхъ толпилась та же сѣрая публика, какъ и въ вагонахъ. Исключеніе составляли бойкіе фабричные пункты. Окоемовъ съ грустью смотрѣлъ на испитыя лица подмосковныхъ фабричныхъ, щеголявшихъ по-московски въ сибиркахъ,—это заготовлялся нашъ собственный русскій пролетаріатъ.

II.

Въ Нижнемъ экспедиція была задержана на нѣсколько дней. У Окоемова были здѣсь свои дѣла, а затѣмъ пришлось подождать присылки документовъ княжны и Сережи изъ Москвы. Самъ городъ имѣлъ довольно унылый видъ, какъ всегда, и нѣкоторое оживленіе чувствовалось только въ ярмарочной части, гдѣ уже шли приготовленія къ всероссійскому торжищу.

Всѣхъ внимательнѣе къ этому знаменитому торговому пункту отнесся Потемкинъ. Онъ исходилъ съ Таней всю „стрѣлку", которая образована Волгой и Окой. Результатомъ этихъ изслѣдованій явился самый блестящій планъ. Потемкинъ не спалъ цѣлыхъ двѣ ночи, вырабатывалъ подробности. На третій день онъ заявилъ Окоемову:

— Вы меня извините, Василій Тимоѳеичъ, но я долженъ остаться въ Нижнемъ...

— Въ чемъ дѣло?—спокойно спросилъ Окоемовъ.

— А видите ли, у меня явилась блестящая мысль... да. Волга мелѣетъ, Ока тоже. Мысъ, на которомъ стоятъ ярмарочныя зданія, слишкомъ низокъ, мѣста мало и постройки скучены. Прибавьте къ этому страшную опасность отъ пожара и дурныя гигіеническія условія, неизбѣжныя при такой скученности. А между тѣмъ все это можно устроить самымъ простымъ способомъ... Необходимо отвести фарватеръ Волги—только и всего. Добытую землечерпательными машинами землю я перенесу на мысъ и этимъ увеличу его площадь вдвое, затѣмъ всѣ суда будутъ имѣть возможность приставать къ самому берегу, и наконецъ въ центрѣ устрою внутренній бассейнъ для разгрузки судовъ. Конечно, работа громадная, но она окупится съ лихвой въ какія-нибудь десять лѣтъ. Я все высчиталъ самымъ подробнымъ образомъ и составилъ приблизительную смѣту, которую и представилъ ярмарочному комитету и городскому управленію.

— А насосы?

Изобрѣтатель немного смутился.

— Вотъ что̀ я вамъ скажу, Иванъ Гаврилычъ, — заговорилъ Окоемовъ рѣшительнымъ тономъ.—Вашъ проектъ, безъ сомнѣнія, очень хорошъ и осуществимъ, но необходимо подождать, когда закончимъ дѣло съ насосами. Нельзя гнаться за двумя зайцами... Вѣдь землечерпательныя машины у васъ проектированы по вашей теоріи? да?..

— Именно въ этомъ и вся штука!—оживился изобрѣтатель.—Я опускаю желѣзную трубу прямо на дно рѣки, образую безвоздушное пространство и прямо выкачиваю на берегъ илъ и песокъ, какъ теперь выкачиваютъ воду. Девяносто три процента утилизаціи сравнительно съ нынѣшними землечерпательными машинами, которыя добываютъ землю ковшами.

— Все это отлично, но я все-таки совѣтую обратиться къ насосамъ. Вы, кажется, совсѣмъ думаете остаться здѣсь?

— Да... Я и квартиру нанялъ, т.-е. двѣ комнатки—намъ вдвоемъ съ Таней совершенно достаточно.

Окоемовъ положилъ руку на плечо пылкаго изобрѣтателя и заявилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ:

— Вы забыли только одно маленькое условіе, Иванъ Гаврилычъ, именно, что вы сейчасъ принадлежите мнѣ, т.-е. нашему общему дѣлу. Писанаго контракта у меня нѣтъ, но мы ведемъ дѣло на товарищескихъ началахъ, слѣдовательно отказа не можетъ быть.

— Послушайте, вѣдь это рабство...

— Гораздо хуже... Однимъ словомъ, въ шесть часовъ вы будете на пароходной пристани „Колчинъ и К°". Извините, мнѣ сейчасъ некогда...

Окоемовъ повернулся, чтобы итти, но что-то сообразилъ и проговорилъ уже совсѣмъ другимъ тономъ:

— Кстати, есть другой пунктъ, который болѣе Нижняго имѣетъ правъ на будущее и который въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ настоящей столицей всего Поволжья. Вы бывали въ Казани? Нѣтъ? Это вторая Москва... Мы поговоримъ объ этомъ на пароходѣ подробно. Во всякомъ случаѣ, идея грандіозная... А Нижній—это только историческая ошибка. Казань—ключъ къ двумъ такимъ бассейнамъ, какъ Волга и Кама. Теперешнюю роль Нижняго можно сравнить съ тѣмъ, если бы вы захотѣли ѣздить на одной пристяжной...

Потемкинъ совершенно успокоился и въ назначенный срокъ былъ уже на пароходѣ. На него всего сильнѣе дѣйствовалъ увѣренный тонъ, какимъ говорилъ съ нимъ Окоемовъ. Да и будущая вторая Москва его заинтересовала... Необходимо серьезно разработать эту идею.

Окоемовъ явился на пароходъ послѣ второго свистка, усталый, больной. Княжна встревожилась.

— Уже вы больны?—спрашивала она.—Нужно доктора...

— У меня есть свое лѣкарство, милая Варвара Петровна, — отвѣтилъ Окоемовъ и, указывая на Волгу, прибавилъ:—вотъ оно... Ахъ, какая чудная рѣка! Я не могу смотрѣть на нее безъ восторга. Я уже сейчасъ начинаю чувствовать себя здоровымъ.

Громадный пароходъ отвалилъ отъ пристани съ какимъ-то радостнымъ гуломъ, точно онъ радовался, что освободился отъ сдерживавшихъ его причаловъ и могъ на свободѣ развернуть свою силу. За пароходомъ на длинномъ канатѣ потянулась баржа съ арестантами, походившая на громадную клѣтку. Публика перваго и второго класса высыпала на трапъ, чтобы отсюда полюбоваться на великолѣпную панораму Нижняго. Издали, какъ большинство приволжскихъ городовъ, Нижній былъ гораздо красивѣе, чѣмъ вблизи. Крутой берегъ Волги вѣнчался наверху старымъ кремлемъ и цѣлой линіей громадныхъ домовъ новѣйшаго типа. Подъ горой лѣпились торговыя постройки, склады, лавки, пристани. Даже ярмарочный мысъ казался красивымъ.

— А все-таки жаль... — задумчиво повторялъ Потемкинъ, пристально разглядывая ярмарочный молъ. — И всего-то нужно какихъ-нибудь двадцать милліоновъ—сумма ничтожная по результатамъ.

Трудно представить себѣ что-нибудь красивѣе Волги, которая безъ конца льется въ зеленыхъ берегахъ, точно проголосная русская пѣсня — эта пѣсня родилась именно здѣсь и такъ же разлилась по необъятной Руси изъ края въ край. Что-то могучее, бодрое и хорошее, казалось, висѣло въ самомъ воздухѣ. Являлось смутное ощущеніе нетронутой воли, шири, удали, точно и небо здѣсь раздавалось выше, и синѣвшая даль манила къ себѣ путника. Торжественный покой волжскихъ береговъ, золотистыя отмели, могучее движеніе массы воды — все это производило неотразимое впечатлѣніе. Еще можно и стоитъ жить на свѣтѣ, когда васъ охватываетъ такая сила и такая же сила несетъ васъ впередъ.

— А чортъ ее возьми, дѣйствительно, хорошая рѣка! — любовался Сережа, щуря свои близорукіе глаза. — Даже хочется сдѣлаться разбойникомъ...

— Зачѣмъ же уже чортъ и зачѣмъ уже разбойникомъ. — возмущалась княжна, въ первый разъ видѣвшая Волгу.

Она боялась воды, какъ курица, и относилась къ пароходу подозрительно. А вдругъ его взорветъ? а вдругъ подъ водой „уже" громадный камень? И потомъ какъ страшно гремитъ эта машина,—вотъ-вотъ все разлетится въ дребезги. Мало ли что̀ можетъ случиться.

А машина дѣлала свое дѣло, громадныя колеса разгребали воду, точно лапы громаднаго чудовища, и мимо величаво плыла безъ конца развертывавшаяся панорама волжскихъ береговъ. Нехорошо было только одно, именно то, что берега были совершенно пустынны. Изрѣдка выглянетъ небольшая деревушка съ яблоновыми садами, и опять безъ конца зеленый просторъ. Тысячелѣтняя русская исторія еще не осилила могучей рѣки, — Волга вся еще въ будущемъ, когда ея живописные берега покроются цѣлой лентой городовъ, заводовъ, фабрикъ и богатыхъ селъ. Эта мечта невольно навѣвается самой рѣкой, которая каждой волной говоритъ о жизни, о движеніи, о работѣ. Можетъ-быть, уже недалеко то время, когда все это совершится, и нѣтъ основанія сомнѣваться въ осуществленіи такой мечты.

Настоящее Поволжье выражалось очень скромными формами, какъ старинные городки, поставленные съ военными цѣлями на боевыхъ пунктахъ поступательно развивавшейся линіи Московскаго государства. Всѣ эти Васильсурски и Козмодемьянски служили только историческими памятниками. Жизнь едва теплилась въ приволжскихъ селахъ и деревняхъ, которыя все-таки ушли отъ убожества подмосковной селитьбы. Здѣсь уже чувствовался захватывающій просторъ необъятной Руси, для которой пока Волга являлась только громадной живой дорогой, уводившей русскую исторію туда, на далекій Востокъ, гдѣ крылись несмѣтныя сокровища.

Въ девять часовъ было еще свѣтло, т.-е. свѣтло по-волжски, — стояли какія-то молочныя сумерки. Это чудный моментъ короткаго сѣвернаго лѣта, когда небо переливается какими-то шелковыми тонами, а на землѣ идетъ долгая борьба между свѣтомъ и тьмой. Въ сѣверныхъ ночахъ чудно-хорошъ именно этотъ переходный моментъ, когда природа точно не можетъ успокоиться послѣ трудового лѣтняго дня. Южная ночь падаетъ быстро, а здѣсь стоятъ долгія сумерки и такъ медленно загораются звѣзды, точно фонари невидимыхъ судовъ, плывущихъ въ воздухѣ. Именно въ такой моментъ Окоемовъ поднялся на трапъ, гдѣ нашелъ только одного Потемкина — остальная публика засѣла по каютамъ.

— Что̀ вы тутъ дѣлаете, Иванъ Гаврилычъ?

— Мечтаю...

— И я тоже хочу мечтать...

Потомъ Окоемовъ протянулъ руку изобрѣтателю и проговорилъ.

— Оба мы съ вами мечтатели, Иванъ Гаврилычъ, а горбатаго только могила исправитъ. Иначе, впрочемъ, не сто̀итъ и жить... Не правда ли?..

— О, да... Знаете, у меня новый планъ. Вы не смѣйтесь... Нижній — это пустяки... Я съ вами совершенно согласенъ... А какъ вы полагаете относительно слѣдующаго: если бы углубить Волгу, т.-е. устранить десятка два перекатовъ?.. Вѣдь это...

— Проектъ недуренъ, Иванъ Гаврилычъ...—задумчиво отвѣтилъ Окоемовъ и, поднявъ палецъ, проговорилъ тихо—вы слышите?..

— Что̀ такое? Ахъ, да, это поютъ переселенцы... Я видѣлъ ихъ давеча на палубѣ. Масса мужиковъ, бабъ, дѣтей...

— И что̀ же, васъ это не тронуло?.. Вы не подумали о томъ, что вотъ сейчасъ подъ нашей палубой совершается историческая драма? Развѣ легко оставлять насиженное отцами и дѣдами пепелище?.. Нѣтъ, вы только подумайте...

Потемкинъ сдѣлалъ нерѣшительное движеніе: онъ вѣчно былъ занятъ только неодушевленными силами. Болѣе противоположныхъ людей, какъ сидѣвшіе теперь на трапѣ, трудно было бы себѣ представить. Ихъ соединяло только одно, именно, что оба были мечтателями, хотя и въ разныхъ сферахъ. У Окоемова всегда на первомъ планѣ стоялъ живой человѣкъ.

— Давеча я ужасно усталъ,—объяснялъ онъ своему собесѣднику, придвигаясь къ нему ближе. — Очень усталъ... Даже чувствовалъ приближеніе обычнаго припадка. Но вхожу на пароходъ и натыкаюсь на цѣлую толпу переселенцевъ... И мнѣ вдругъ сдѣлалось совѣстно и за свою болѣзнь и за свое болѣзненное настроеніе. Есть такіе моменты, когда человѣкъ дѣлается даже сильнѣе своей болѣзни. Вы только подумайте, какая страшная драма плыветъ вмѣстѣ съ нами на одномъ пароходѣ. Пахарь, вышибленный изъ своего гнѣзда... Значитъ, велика та нужда, которая гонитъ его куда-то на востокъ. И такихъ переселенцевъ пройдетъ каждый годъ десятки тысячъ... Я видѣлъ грустныя лица женщинъ, видѣлъ оборванныхъ, отощавшихъ дѣтей, и мнѣ сдѣлалось страшно и совѣстно, точно и я виноватъ, что они мучаются. Конечно, виноватъ, какъ виноваты и всѣ другіе. Я получилъ образованіе, я считаю себя умнымъ человѣкомъ, и моя прямая задача—дать знанія этой темной массѣ, научить ее, какъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, указать новые пути... Да, это наша общая задача, нашъ долгъ народу. И какая страшная отвѣтственность... Я виноватъ даже въ томъ, что они не знаютъ сами, куда идутъ и что̀ найдутъ въ какой-нибудь Томской губерніи, на Алтаѣ, на Амурѣ.

Сумерки уже смѣнились ночью, блѣдной сѣверной ночью съ лихорадочно горѣвшими серебряными звѣздами, молочной мглой и мягкими прозрачными тѣнями. Волга пестрѣла красными огоньками,—это горѣли сигнальные фонари на судовыхъ мачтахъ. Навстрѣчу медленно двигалось нѣсколько буксирныхъ пароходовъ, глядѣвшихъ разноцвѣтными глазами. Окоемовъ перевелъ духъ и проговорилъ совсѣмъ тихо:

— Иванъ Гаврилычъ, а вы подумали о тѣхъ несчастныхъ, которые томятся на арестантской баржѣ?.. Вѣдь это страшный минусъ нашей русской жизни и нѣмой укоръ опять-таки намъ, которые должны работать прежде всего на пользу ближняго, на пользу меньшаго брата, чтобы онъ не кралъ, не грабилъ, не убивалъ, не терялъ совѣсти...

III.

Маленькая Таня помѣщалась въ общей дамской каютѣ второго класса и чувствовала себя какъ дома, хотя ее и смущало вниманіе ѣхавшихъ съ ней женщинъ, — дѣвочка выросла съ отцомъ и не испытала женской ласки. Дамы даже немного ревновали другъ друга по отношенію къ ней.

— Мы ее уже избалуемъ,—говорила княжна, косвенно упрекая другихъ.

— Она еще мала...—спорила Калерія Михайловна.

Анна Ѳедоровна попрежнему держалась въ сторонѣ. Даже больше, она точно избѣгала дѣвочки и только вечеромъ, когда Таня укладывалась спать, садилась около нея и долго любовалась спавшимъ ребенкомъ. Ночью, чуть

Таня повернется, Анна Ѳедоровна уже тутъ, — у нея былъ чуткій материнскій слухъ.

Прошлое этихъ двухъ женщинъ было несложное. Калерія Михайловна Ощепкова родилась гдѣ-то въ Рязанской губерніи и молоденькой дѣвушкой вышла замужъ за служащаго въ одномъ изъ московскихъ банковъ. Съ мужемъ она прожила лѣтъ пять, а потомъ стряслась бѣда — мужъ произвелъ растрату и потерялъ мѣсто. Дальше послѣдовали тяжелые дни. Мужъ уже не могъ найти работу, и ей пришлось самой заботиться о своемъ существованіи. Вмѣстѣ съ бѣдностью наступили семейные раздоры, несогласія и ссоры, и все это кончилось тѣмъ, что мужъ скрылся неизвѣстно куда. Анна Ѳедоровна Галушка, по рожденію хохлушка, попала въ Москву уже послѣ смерти мужа и единственнаго своего ребенка. Она хотѣла перемѣной мѣста и самостоятельной работой избыть свое горе. Обѣ женщины остались такимъ образомъ внѣ семьи, подвергаясь всѣмъ случайностямъ „своего хлѣба". Трудно добывать этотъ свой хлѣбъ, особенно, когда нѣтъ вліятельныхъ знакомствъ и протекцій. Княжна, конечно, сейчасъ же приняла подъ свое покровительство обѣихъ женщинъ и готова была сдѣлать для нихъ все, даже бѣгать за горячей водой для чая.

— Что̀ мы будемъ дѣлать *тамъ?*—спрашивали ее обѣ женщины.

— А я уже и сама не знаю...—откровенно признавалась княжна.—Василій Тимоѳеичъ сказалъ, что нужно ѣхать, и я уже поѣхала. Мнѣ, въ сущности, все равно, гдѣ ни жить...

— Ну, это совсѣмъ не все равно,—довольно мрачно замѣтила Анна Ѳедоровна, испытывавшая приступы глухой тоски по своей Малороссіи: съ каждымъ шагомъ впередъ, родина все дальше и дальше уходила отъ нея.— У насъ въ Малороссіи лучше...

Княжна наконецъ и сама заинтересовалась своей собственной судьбой. Въ самомъ дѣлѣ, куда она ѣдетъ и зачѣмъ? Объясненія Окоемова ее не удовлетворяли. На второй день пароходнаго путешествія княжна, встрѣтивъ Окоемова на трапѣ, приступила къ нему съ явнымъ намѣреніемъ добиться окончательнаго выясненія цѣли поѣздки.

— Вы уже говорили о какой-то дѣвушкѣ, Василій Тимоѳеичъ, но я плохо поняла тогда...

— Какая дѣвушка? Ахъ, да... Видите ли, Варвара Петровна, это маленькій миѳъ, и я самъ хорошенько еще не знаю и плохо вѣрю въ то, что̀ слышалъ изъ третьихъ рукъ. Вѣрно одно, что я ее полюбилъ и непремѣнно разыщу... Вообще какая-то темная исторія. Кажется, достаточно?

— А я-то при чемъ?'

— Вотъ увидите, когда пріѣдемъ на мѣсто. По крайней мѣрѣ, прокатитесь по Волгѣ—это очень полезно для васъ.

Пароходъ какъ-разъ подходилъ къ Казани. Съ Волги видъ на Казань замѣчательно хорошъ, и можно подумать, что это очень бойкій, промышленный и торговый городъ. Издали красиво пестрѣли церкви, дома, сады, а въ центрѣ поднимался татарскій кремль. Окоемовъ долго смотрѣлъ прищуренными глазами на бывшую татарскую столицу и задумчиво проговорилъ:

— Да, мѣсто было выбрано недурно, пожалуй, лучше, чѣмъ для Москвы... Ваши предки, Варвара Петровна, татарскіе ханы, были люди неглупые. Кстати, мы плывемъ сейчасъ въ предѣлахъ вашего царства, княжна Садыкъ-Ханъ-Салтыкова.

— Я не люблю, когда надо мной шутятъ... А впрочемъ, я это уже такъ.

Княжна не умѣла сердиться и сейчасъ же начинала улыбаться. Эта

дѣтская незлобивость придавала ей особенную прелесть, и Окоемовъ каждый разъ любовался ею, какъ удивительно сердечнымъ и непосредственнымъ человѣкомъ.

— Вы на меня не сердитесь?—говорилъ онъ.

— Уже не могу... Я себя уже ненавижу за это, потому что нужно умѣть сердиться. Да... Такъ много дурныхъ людей, и уже имъ слѣдуетъ показать, что они дурные. Имъ будетъ стыдно, и они уже не будутъ дѣлать ничего дурного... А я уже не умѣю сердиться. Мнѣ уже жаль... Я недавно бранила Сережу, и мнѣ совѣстно. Онъ, вѣроятно, обидѣлся...

— Всего вѣрнѣе, что онъ забылъ, Варвара Петровна.

Окоемовъ опасался одного, какъ бы Потемкинъ не остался на берегу, потому что пароходъ стоялъ всего четыре часа. Въ виду такой возможности, маленькая Таня не была съ нимъ отпущена и осталась на пароходѣ заложницей.

— Да я же вернусь,—увѣрялъ Потемкинъ. — Мнѣ только посмотрѣть...

— Смотрите, не опоздайте, Иванъ Гаврилычъ...

На повѣрку оказалось совсѣмъ другое. Пароходъ далъ первый свистокъ, а Потемкина не было. Окоемовъ съ трапа наблюдалъ пристань, кишѣвшую народомъ, и напрасно отыскивалъ въ толпѣ своего изобрѣтателя. Второй свистокъ... Потемкина нѣтъ. Въ этотъ критическій моментъ къ Окоемову подошелъ какой-то молодой священникъ въ полинялой ризѣ и, улыбаясь, спросилъ:

— Если не ошибаюсь, вы—господинъ Окоемовъ?

— Къ вашимъ услугамъ...

— Дѣло въ слѣдующемъ: я случайно познакомился съ господиномъ Потемкинымъ, и онъ просилъ меня передать вамъ, чтобы вы не безпокоились

— Гдѣ вы его видѣли?

— А тамъ, у дамбы... Онъ дѣлалъ какія-то измѣренія у насыпи. Увидѣлъ меня, остановилъ и попросилъ вамъ передать, что будетъ только къ третьему свистку.

— Я такъ и зналъ!.. — встревоженно проговорилъ Окоемовъ.—Сейчасъ третій свистокъ, а его нѣтъ...

— Дѣло въ слѣдующемъ, господинъ Окоемовъ: господинъ Потемкинъ сейчасъ будутъ...

Но Окоемовъ уже не слушалъ этого посла, а отправился къ капитану попросить маленькой отсрочки. Капитанъ пожалъ плечами и проговорилъ:

— Согласитесь, что если я буду ждать каждаго пассажира, то никогда не доѣду до Перми...

— Вы совершенно правы, капитанъ, но у этого пассажира остается здѣсь дѣвочка...

— Пять минутъ!—лаконически отвѣтилъ капитанъ.

Вся экспедиція взволновалась. Сережа разъ десять сбѣгалъ на пристань, разыскивая пропавшаго изобрѣтателя, и вернулся съ парой казанскихъ туфель и кускомъ казанскаго мыла.

— Это уже нелѣпо!—волновалась княжна.

Третій свистокъ, и пароходъ грузно отвалилъ отъ пристани.

— Ничего, онъ насъ догонитъ въ Перми,—успокаивалъ Окоемовъ волновавшихся членовъ экспедиціи.—Денегъ у него хватитъ...

— Дѣло въ слѣдующемъ, — прибавилъ, въ свою очередь, священникъ, раздѣлявшій общее вниманіе:—господинъ Потемкинъ измѣрялъ дамбу и могъ не слышать первыхъ двухъ свистковъ...

— А, чортъ... — ругался Сережа. — Это наконецъ просто невѣжливо. Такъ невозможно...

Всѣ боялись за Таню, какъ она отнесется къ отсутствію своего увлекающагося папаши.

— Онъ пріѣдетъ,—совершенно спокойно объяснила дѣвочка.—Въ Москвѣ онъ часто уходилъ... Уйдетъ, а потомъ опять придетъ. Я оставалась одна иногда дня два...

Дамы удвоили свое вниманіе къ маленькой компаньонкѣ, стараясь ее развлечь всѣми средствами. Въ этомъ принялъ участіе и священникъ, постоянно улыбавшійся. Окоемову сразу понравилось его необыкновенно типичное русское лицо—немного скуластое, съ мягкимъ носомъ, широкимъ ртомъ и какими-то дѣтскими голубыми глазами. Длинные волосы вылѣзали изъ-подъ разношенной широкополой шляпы некрасивыми прядями мочальнаго цвѣта, нижняя часть лица заросла густой бородой такого же цвѣта. Это некрасивое лицо, въ сущности, было очень красиво своимъ выраженіемъ. Въ глазахъ свѣтился природный умъ.

— Вы московскій будете?—довольно фамильярно спросилъ онъ Окоемова.

— Да. А вы почему такъ думаете, батюшка?

— Дѣло въ слѣдующемъ: произношеніе московское.

— А вы изъ Сибири?

— Изъ Зауралья.

— Ага, это очень интересно. Мы тоже ѣдемъ на Уралъ, на промысла.

— Такъ-съ... Мимо поѣдете озера Челканъ, такъ спросите попа Аркадія—тамъ всѣ знаютъ.

— Спасибо.

— Дѣло въ слѣдующемъ: у насъ кругомъ золотые промысла. Мимо не проѣдете...

Зауральскій попъ интересовалъ Окоемова все больше и больше. Какъ-то у него все выходило необыкновенно просто, и говорилъ онъ такимъ тономъ, точно хорошій старый знакомый. Окоемовъ нѣсколько разъ внимательно вглядывался въ него, точно стараясь припомнить, гдѣ онъ раньше встрѣчалъ этого любопытнаго попика.

— Я-то въ третьемъ классѣ ѣду,—объяснялъ о. Аркадій.—Даже весьма удобно... И воздухъ постоянно свѣжій. Не хотите ли со мной чайку напиться? У меня есть баночка съ медомъ... Мягчитъ грудь. Свой медъ-то, оно и пріятно.

— Что же, я съ большимъ удовольствіемъ, отецъ Аркадій.

— И вобла есть: оно хорошо передъ чаемъ пожевать солененькаго...

Въ третьемъ классѣ было очень удобно. У о. Аркадія мѣсто было устроено на внутренней скамейкѣ. Бѣлый войлокъ, подушка и овчиная шуба составляли всѣ дорожныя вещи. Провизія и покупки лежали подъ лавочкой въ двухъ узлахъ.

— Вѣдь всего два рубля отъ Казани до Перми плачу,—объяснилъ о. Аркадій.—Весьма удобно... И притомъ тепло.

Пароходный „человѣкъ“ подалъ бѣлый стаканъ и бѣлый чайникъ съ горячей водой.

— У насъ свой сибирскій чай,—объяснялъ о. Аркадій, дѣлая заварку.—И медокъ тоже свой... Особенный медъ, господинъ Окоемовъ.

— Скажите, пожалуйста, отецъ Аркадій, на восточномъ склонѣ Урала пчеловодства нѣтъ?

— Нѣтъ... Доказываютъ даже, что оно и не можетъ у насъ существовать благодаря климатическимъ условіямъ, а, между прочимъ, это медъ собственный, именно изъ Зауралья. Дѣло въ слѣдующемъ: живу я на озерѣ Челканъ, церковь у насъ старинная, каменная... хорошо. Только разъ прихс-

дитъ трапезникъ и говоритъ: „Батюшка, а у насъ въ церкви завелась Божья тваринка“.—„Какая тваринка?“—„А вотъ эта самая пчела... Такъ и гудетъ въ куполѣ. Значитъ, рой сѣлъ“. И что бы вы думали, дѣйствительно, иду въ церковь, смотрю, а тамъ: у-у-у... Дѣйствительно, пчелка гудетъ. Ну, мы ее, конечно, не тронули: пусть себѣ летаетъ на здоровье. Даже очень любопытно выходитъ... Годъ живетъ наша пчелка, другой живетъ, прилѣпила къ карнизу сотъ—однимъ словомъ, все какъ слѣдуетъ. Все больше и больше сотъ, а мы и меду не умѣемъ взять, потому какъ дѣло необычное. Пришлось привезти пчельника изъ-за двѣсти верстъ. Поднялся онъ, осмотрѣлъ, подивился Божескому произволенію и снялъ намъ цѣлыхъ два пуда меду. Вотъ пожалуйте, попробуйте: тотъ самый...

— И сейчасъ пчела живетъ?

— И сейчасъ... Я такъ полагаю, что это насъ Богъ, дураковъ, учитъ. Мы-то думаемъ: нельзя, а Онъ намъ показываетъ: можно. Вся премудростію сотворилъ еси...

Окоемову очень понравился этотъ разсказъ о „богоданной пчелкѣ“ и толкованіе о. Аркадія. Пчеловодство—исконный русскій промыселъ, упавшій за послѣднее время по неизвѣстнымъ причинамъ. Въ общей системѣ народнаго хозяйства онъ могъ бы служить большимъ подспорьемъ. Въ отвѣтъ на разсказъ о. Аркадія Окоемовъ сообщилъ нѣкоторыя данныя о положеніи пчеловодства въ Америкѣ.

— А вы были въ Америкѣ?—удивился о. Аркадій.

— Да... Я тамъ прожилъ довольно долго.

О. Аркадій недовѣрчиво посмотрѣлъ на своего собесѣдника, а потомъ улыбнулся своей добродушной улыбкой и, протягивая руку, проговорилъ:

— Очень радъ познакомиться съ господиномъ американцемъ... Да... весьма поучительно-съ.

IV.

Послѣ разговора съ Окоемовымъ о. Аркадій долго ходилъ по палубѣ, улыбался и покачивалъ головой. У него неотступно вертѣлось на языкѣ одно слово: американецъ.

— Да, американецъ...—повторялъ про себя батюшка, и его некрасивое лицо озарялось самой добродушной улыбкой. — Нѣтъ, нужно его допросить основательно, а такъ нельзя. Другого американца не скоро поймаешь...

Какъ на зло, Окоемовъ не выходилъ изъ своей каюты, и о. Аркадій терпѣливо шагалъ по палубѣ.

Они встрѣтились только подъ вечеръ, когда пароходъ подходилъ къ устью Камы. Вся публика высыпала на палубу. Громадное плесо, на которомъ сходятся двѣ могучихъ рѣки, походило на морской заливъ, а въ весеннее половодье здѣсь не видно береговъ. На разстояніи нѣсколькихъ верстъ желтая камская вода рѣзко отдѣляется отъ бѣлесоватой волжской, точно каждая хочетъ отстоять свою самостоятельность. Окоемовъ стоялъ у парапета и долго любовался этой стихійно-дикой, могучей картиной. Да, это былъ боевой пунктъ, на которомъ происходила неравная борьба двухъ богатырей. Кромѣ историческаго и экономическаго значенія, эти двѣ громадныя рѣки несли съ собой цѣлое народное міросозерцаніе, сложившееся на ихъ берегахъ—оно вылилось въ пѣснѣ, въ обрядовой сторонѣ, въ характерѣ и во всемъ укладѣ народной жизни. Въ народномъ представленіи рѣка—живое существо и такимъ остается до нашихъ дней, несмотря на пароходы, телеграфы и желѣзныя дороги. На этихъ струяхъ развернулась во всю ширь народная удаль, у которой тоже

берега уходили изъ глазъ. Да и вообще въ душѣ каждаго русскаго человѣка много общаго съ характеромъ этихъ рѣкъ: тѣ же весенніе разливы, тѣ же мели и перекаты и та же неисчерпаемая сила, которая, какъ сказочный богатырь, дремлетъ до поры до времени. И зимній крѣпкій сонъ, и весенній разгулъ, и бури, и лѣнивое затишье... Окоемову припомнились стихи поэта:

...Какъ слезу любви изъ ока,
Какъ холодный потъ съ чела,
Волгу-матушку глубоко
Въ море Каспій пролила...

— А вѣдь Волга-то неправильно Волгой названа, — проговорилъ за спиной Окоемова знакомый голосъ.

Это былъ о. Аркадій, тоже любовавшійся разливомъ.

— Какъ такъ неправильно?—удивился Окоемовъ.

— Да такъ... Посмотрите: Кама повернула Волгу при встрѣчѣ, а не Волга Каму—значитъ, дальше рѣка должна называться Камой.

— Это вы изъ патріотизма говорите, батюшка...

— Что̀ же, и патріотизмъ дѣло не вредное. Да и рѣки разныя: Волга по-бѣдному течетъ, а Кама по-богатому—и воды больше и теченіе быстрѣе. И народъ другой... Тошно смотрѣть на вашу волжскую бѣдноту. Народъ какой-то пришибленный.

— У васъ лучше?

— И у насъ не одинаково, а все-таки сравнить нельзя, особенно у насъ, въ Зауральѣ. И земля не та и люди не тѣ...

— Вы коренной уралецъ?

— Кондовый сибирякъ: прапрадѣды еще пришли на Уралъ. Какъ-то [illegible]нно дѣлается, когда пріѣдешь въ Расею, точно другое государство... [illegible]селенцы-то ѣдутъ: сердце болитъ смотрѣть на нихъ.

— По переселенцамъ еще нельзя судить о всей Расеѣ... Ѣдутъ тѣ, кому плохо жилось на родинѣ или совсѣмъ не у чего было жить. Расея велика.

— Все-таки не то, господинъ Окоемовъ. Совсѣмъ другая музыка, чѣмъ у насъ. Слава Богу, у насъ еще можно жить, и даже очень можно. Дѣло въ слѣдующемъ: много приволья.

Потомъ, понизивъ голосъ, о. Аркадій прибавилъ:

— А мнѣ весьма любопытно, господинъ Окоемовъ, знать относительно Америки...

— Именно, что̀ знать?

— Да вообще...

— Идемте къ намъ въ каюту, тамъ поговоримъ...

О. Аркадій пошелъ за Окоемовымъ, но еще разъ остановился, чтобы полюбоваться красавицей Камой, по которой теперь выгребалъ пароходъ.

— Кормилица наша, господинъ Окоемовъ... Красота, силища, благодать льется на тысячи верстъ.

— Да, хорошая лошадка, которая какой угодно возъ свезетъ.

Экспедиція въ полномъ составѣ помѣщалась въ каютѣ второго класса. Публики набралось много, и всѣ успѣли перезнакомиться между собой, за исключеніемъ одного Сережи, который питалъ органическую ненависть къ „купцу“ и держался въ гордомъ одиночествѣ. Къ нему пробовали приставать: „куда изволите ѣхать?“, „чѣмъ изволите заниматься?“, но изъ этого получались очень курьезныя сцены.

Впрочемъ, презрѣніе Сережи къ купцу подвергалось большому искушенію.

ѣхавшіе купцы совсѣмъ не походили на московскихъ купцовъ, начиная съ костюмовъ, привычекъ и манеры себя держать. Это былъ новый типъ, неизвѣстный Сережѣ. Въ сущности, это были купцы-промышленники, напоминавшіе свой прототипъ—новгородскихъ гостей, ходившихъ за Камень промышлять пушнину. Даже сохранилось въ выговорѣ новгородское горластое „о", обошедшее всю Сибирь. Но все-таки Сережа смотрѣлъ на сибирскихъ „гостей" недовѣрчиво и думалъ про себя: „Нѣтъ, шалишь, купчишки, не надуете... Я васъ знаю, голубчиковъ!"

Появленіе въ каютѣ сибирскаго попа, котораго привелъ Окоемовъ, возмутило Сережу окончательно. Это ужъ чортъ знаетъ что̀ такое... Да и попъ держитъ себя съ обиднымъ спокойствіемъ. Онъ спокойно осмотрѣлъ всѣхъ, сдѣлалъ общій поклонъ и даже улыбнулся. Эта улыбка взорвала Сережу, и онъ возненавидѣлъ попа всѣми силами души. Этого еще недоставало... А тутъ еще Окоемовъ рекомендуетъ.

— Очень радъ...—процѣдилъ сквозь зубы Сережа, сдерживая накипѣвшее бѣшенство.

О. Аркадій помѣстился къ общему столу, посмотрѣлъ на Сережу улыбающимися глазами и проговорилъ:

— А позвольте узнать, куда изволите ѣхать?

— Въ Балаганскъ, получать наслѣдство послѣ глухонѣмого дяди, который недавно повѣсился...

— Такъ-съ.... А чѣмъ изволите заниматься?

— Кухаркинъ сынъ и служу учителемъ отъ заиканія въ обществѣ покровительства животнымъ, а также прививаю оспу и срѣзаю мозоли.

Однимъ словомъ, Сережа былъ великолѣпенъ, и Окоемовъ только покачалъ головой. Сибирскіе гости переглянулись между собой, а лежавшій на своемъ диванчикѣ фельдшеръ Потаповъ неожиданно фыркнулъ и, сконфузившись, спряталъ лицо въ подушкѣ. Сережа вскочилъ, нахлобучилъ на себя свой потертый шлемъ и выбѣжалъ изъ каюты.

— Это чортъ знаетъ что̀ такое!—ругался онъ, гремя ногами по лѣсенкѣ, выводившей въ рубку.

— Какой сердитый господинъ...—замѣтилъ о. Аркадій, поглядывая вопросительно на дверь.

Сибирскіе „гости" тоже косились на попа, потому что наполовину были раскольники. Это отношеніе къ простому деревенскому пастырю возмутило Окоемова. Какъ смѣли эти грабители относиться такъ къ неизвѣстному имъ священнику? О. Аркадій нравился Окоемову своей непосредственностью и простотой.

— Вы хотѣли слышать объ Америкѣ?—заговорилъ онъ съ особенной любезностью.—Я тамъ прожилъ довольно долго и могу разсказать кое-что. Объ Америкѣ у насъ самое невѣрное представленіе, благодаря разнымъ путешественникамъ, видѣвшимъ громадную страну изъ пятаго въ десятое. Мы можемъ поучаться у американцевъ очень многому, не заимствуя ихъ недостатковъ. Люди, конечно, всѣ люди... То, что̀ у насъ считается богатствомъ, тамъ кажется смѣшнымъ или приличной бѣдностью. А главное отличіе въ томъ, что мы не умѣемъ работать и не разсчитываемъ на трудъ. Наши промышленники и купцы ищутъ только легкой наживы, и отъ нихъ идетъ поговорка: не обманешь—не продашь. Расчетъ самый невѣрный, потому что сегодня обманулъ, а завтра и не продашь. Наши купцы себя обманываютъ, и поэтому нигдѣ нѣтъ столько банкротствъ и краховъ, какъ у насъ. Ведите свое дѣло честно, работайте, и все пойдетъ хорошо...

— Это, господинъ, хорошо такъ-то вотъ здѣсь въ каютѣ разсуждать,— обиженно вступился благообразный сѣдой купецъ.—Вы нашего дѣла не знаете, а говорите...

— А можетъ-быть, немножко знаю: вы, напримѣръ, кожевенный заводчикъ.

— Почему вы такъ полагаете?

— По рукамъ... Служили раньше приказчикомъ у хозяина и рѣзали кожи.

„Гости“ переглянулись, удивляясь проницательности догадливаго барина. Не велика птичка, а ноготокъ востеръ...

— Я вамъ скажу больше: вы не товаръ дѣлаете, а портите сырье... Сравните кожу варшавской выдѣлки или американской — мягкая, прочная, ноская, а ваша гнилая. Все зависитъ отъ того, что вы выдѣлываете по-старинному и не хотите знать новыхъ способовъ выдѣлки. Отъ того же сибирскіе мѣха не выдѣлываются въ Сибири, а идутъ въ Западный край или за границу и только оттуда возвращаются готовыми совсѣмъ. Вы не умѣете дѣлать хорошее мыло, везете желѣзо изъ Нижняго въ Иркутскъ, выписываете экипажи изъ Москвы, да и все остальное: сукна, ситцы, стекло, бумагу, сахаръ. А все это могли бы приготовлять у себя дома, если бы не гнались за легкой наживой на золотѣ, водкѣ и мелкомъ торгашествѣ. Вотъ что̀ я знаю...

Окоемовъ взволновался и наговорилъ сибирскимъ „гостямъ“ очень непріятныхъ вещей, хотя и въ третьемъ лицѣ.

— Ловко ихъ Василій Тимоѳеичъ раздѣлалъ,—шепталъ фельдшеръ Потаповъ студенту Крестникову.—Это по-нашему называется: носи, не потеряй. Скушали и ложку облизали... А сибирскій попикъ славный. Вонъ какъ умильно поглядываетъ.

Отца Аркадія больше всего интересовало то, какъ поставлено въ Америкѣ сельское хозяйство. Окоемовъ подробно разсказалъ о разныхъ способахъ интенсивной культуры, смотря по мѣстности, о фермерскомъ хозяйствѣ, объ американской предпріимчивости вообще. О. Аркадій слушалъ его съ восторгомъ и въ тактъ разсказа только качалъ головой. Да, хорошо работаютъ господа американцы..

— Я жилъ въ Калифорніи и видѣлъ настоящее чудо, — разсказывалъ Окоемовъ. — Калифорнія была пустыней, какъ наша Сибирь. Потомъ открылось золото, и сюда хлынула настоящая волна разныхъ предпринимателей. Золото, дѣйствительно, полилось рѣкой... Когда истощились запасы золотой руды, Калифорнія перешла къ земледѣльческому труду и сейчасъ покрыта пашнями, лугами, садами, огородами, пастбищами. Получилась цвѣтущая страна, текущая млекомъ и медомъ... Какіе тамъ города, школы, фермы, фабрики! А у насъ золотопромышленникъ оставляетъ послѣ себя пустыню, развращенное водкой населеніе, жажду легкой наживы и полную неспособность къ нормальному здоровому труду. Мы просто не привыкли къ деньгамъ и не умѣемъ ими пользоваться. Куда ушли добытые въ Сибири милліоны? Что̀ они оставили въ странѣ и кому принесли пользу, кромѣ ничтожной кучки счастливцевъ?..

— Такъ, такъ... — повторялъ фельдшеръ, поглядывая на „гостей“. — Ну-ка, вы, что̀ вы скажете, ваше степенство?..

— Весьма поучительно, — соглашался о. Аркадій. — У насъ тоже начинаютъ кое-гдѣ заводить машины: вѣялки, молотилки, плуга. Конечно, темный народъ и поучиться негдѣ...

— Однѣ метеорологическія станціи чего сто̀ятъ, — разсказывалъ Окоемовъ. — Американскій фермеръ за три дня знаетъ, какая будетъ погода, и

не сгноитъ напрасно сѣна... Показалась дождевая туча, и объ ней даютъ знать по телеграфу во всѣ концы, и такъ ее проводятъ по всей Америкѣ метеорологическими бюллетенями. Нашъ русскій хлѣбъ мокнетъ, прорастаетъ и гніетъ въ дождливую осень въ снопахъ на полѣ, а американецъ сниметъ его и сейчасъ же высушитъ на зерносушилкѣ. И все такъ... А какой тамъ молочный скотъ: одна корова была продана за тридцать тысячъ рублей.

— Ну, ужъ это извините! — возмутился сѣдой купецъ. — Это даже неприлично-съ... Помилуйте, корова и вдругъ тридцать тысячъ рублей.

— А вы слыхали про лошадей, за которыхъ платятъ по полтораста тысячъ?

— Лошадь — это другое...

— А корова тоже другое. Она себя окупитъ племенемъ...

Когда Сережа вернулся, онъ въ изумленіи остановился въ дверяхъ: вся каюта страшно волновалась. Кипѣлъ самый ожесточенный споръ, и только оставался спокойнымъ одинъ о. Аркадій.

— Я такъ полагаю, — выкрикивалъ сѣдой купецъ, обращаясь къ Окосмову: — такъ полагаю, что вы прямо изъ жидовъ... Не иначе.

V.

Сережа успокоился, только познакомившись съ двумя нѣмцами и англичаниномъ, ѣхавшими въ первомъ классѣ. Одинъ нѣмецъ занимался поставкой какихъ-то машинъ въ Сибирь, другой имѣлъ пріиски, а англичанинъ оказался крупнымъ владѣльцемъ какихъ-то рыбныхъ промысловъ на Оби. Въ общемъ, это были вполнѣ люди порядочные и раздѣляли презрѣніе Сережи къ русскому купцу, прибавляя къ этому еще презрѣніе вообще ко всему русскому, кромѣ русскихъ денегъ. Они жили чужими въ Россіи, наживали капиталы и мечтали только объ одномъ, чтобы вернуться въ свое отечество богатыми людьми. Это были цивилизованные международные хищники.

— Господа, не сыграть ли намъ въ винтъ? Время-то незамѣтно пройдетъ...

Сережа былъ совершенно счастливъ и съ величайшей радостью углубился въ пріятное занятіе. Конечно, лучше было бы устроить штосъ въ каютѣ, но аккуратные нѣмцы предпочитали коммерческія игры. Къ сожалѣнію, Сережѣ упорно не везло. Дѣло не въ проигрышѣ, а въ томъ, что Сережа игралъ лучше нѣмцевъ и проигрывалъ. Онъ началъ горячиться, покраснѣлъ. Что̀ за чортъ, въ самомъ дѣлѣ, — лучшія карты точно сговорились, чтобы итти къ нѣмцамъ, а не къ Сережѣ. Это, во всякомъ случаѣ, было возмутительно... Сережа нѣсколько разъ оглядывался кругомъ, точно стараясь отыскать гдѣ-то на сторонѣ истинную причину своей неудачи. Наконецъ онъ увидѣлъ — въ окнѣ рубки виднѣлось улыбавшееся лицо о. Аркадія. Ахъ, проклятый попъ... Тьфу!.. Мало того, попъ дѣлалъ какіе-то таинственные знаки Сережѣ.

— Что̀ вамъ угодно, милостивый государь? — довольно сурово спрашивалъ Сережа, выскочивъ изъ рубки.

— Дѣло въ слѣдующемъ... да... — торопливо заговорилъ о. Аркадій. — Вы играете въ карты, значитъ, у васъ есть лишнія деньги... Вотъ я и рѣшился побезпокоить васъ... Тамъ на палубѣ лежитъ больная переселенка... у нея трое дѣтей... имъ нечего ѣсть. Да и всѣ переселенцы такіе бѣдные...

Гнѣвъ Сережи моментально упалъ. Онъ пошелъ съ о. Аркадіемъ въ третій классъ и убѣдился въ грустной истинѣ. Около больной стояла на колѣняхъ княжна и прикладывала компрессы. Тутъ же стоялъ понуро мужъ больной, а кругомъ него пугливо жались трое ребятишекъ.

— Вы уже въ карты играете... — съ укоризной проговорила княжна: — а вотъ дѣти, которыя не ѣли со вчерашняго дня. Будьте любезны, накормите

ихъ — это будетъ уже лучше, чѣмъ бросать деньги на карты. Мы съ о. Аркадіемъ выбились изъ силъ... Дежуримъ попеременно.

Сережа хотѣлъ отправиться въ буфетъ, чтобы заказать обѣдъ дѣтямъ, но былъ остановленъ.

— Пришлите кстати сюда вашу бурку... Она совершенно безполезна для васъ, а дѣтямъ ночью холодно. Уже поскорѣе...

Княжна познакомилась съ о. Аркадіемъ у больной, за которой онъ ухаживалъ. Она, въ сущности, не особенно любила духовныхъ особъ, но тутъ была тронута его участіемъ. Княжнѣ даже сдѣлалось совѣстно, что она просидѣла цѣлыхъ два дня въ каютѣ и не обращала вниманія на переселенцевъ. Ее впервые охватила эта тяжелая народная нужда, предъ которой сразу блѣднѣетъ всякая интеллигентная нужда. До сихъ поръ она знала народъ только по книгамъ или въ лицѣ московскихъ дворниковъ, водовозовъ и кухонныхъ мужиковъ. А тутъ было совсѣмъ другое... Особенно тронули ее эти милыя деревенскія дѣти, которыя должны были выносить всѣ тягости и злоключенія далекаго путешествія. У большинства переселенцевъ средствъ едва хватало на то, чтобы доѣхать до Перми.

— А какъ же вы дальше поѣдете? — изумленно спрашивала княжна.

— А Богъ-то, барышня? — отвѣчали вопросомъ солидные мужики

— Ничего, помаленьку доѣдутъ, — успокаивалъ о. Аркадій. — Конечно, трудно, очень трудно, но свѣтъ не безъ добрыхъ людей.

Окоемовъ видѣлъ хлопотавшую около больной княжну, но не подходилъ къ ней, чтобы не мѣшать напрасно, а только прислалъ своего фельдшера. Маленькая экспедиція уже могла быть полезной, и это его радовало. Княжна посовѣтовалась съ фельдшеромъ и отпустила его, потому что оказались еще больные, главнымъ образомъ дѣти. Да и что̀ могъ подѣлать фельдшеръ у больной женщины, которая слегла отъ непосильной работы, заботъ и плохого питанія. Ее нужно было кормить, а не лѣчить. Вѣрнѣе сказать—пріучать къ пищѣ...

А пароходъ все выгребалъ вверхъ по Камѣ. Не было уже бѣлыхъ волжскихъ отмелей, не было орѣшниковъ, которыми запушенъ нагорный берегъ Волги, а яблочные сады и дубовыя рощи смѣнились сосной и елью. Чѣмъ-то торжественно-суровымъ вѣяло отъ этихъ красныхъ глинистыхъ береговъ, едва тронутыхъ жильемъ. Даже небо почему-то казалось здѣсь ниже, и солнце не свѣтило съ такой радостью, какъ тамъ, на Волгѣ. Однимъ словомъ, начинался суровый сѣверъ. Это чувствовалось въ похолодѣвшемъ воздухѣ.

— Съ Камня напахнуло холодкомъ, — объяснилъ штурманъ, ходившій по палубѣ въ валенкахъ.

Народъ до сихъ поръ называетъ Уральскія горы просто Камнемъ, какъ это было въ глубокой древности. Еще древнѣе, у грековъ, Уралъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Рифейскихъ горъ, причемъ сложился цѣлый рядъ легендъ объ его обитателяхъ, включительно до грифоновъ, стерегшихъ несмѣтныя сокровища. Эта молва перешла черезъ тысячелѣтія, и русскій человѣкъ въ теченіе всей своей исторіи неудержимо тянулся на востокъ, чтобы забрать сказочныя богатства. Первыми явились сюда смѣлые новгородскіе ушкуйники. Прямой путь по Волгѣ и Камѣ былъ загороженъ сначала Булгарскимъ царствомъ, а впослѣдствіи Казанью, поэтому новгородцы избрали обходное движеніе, сѣверомъ, черезъ Великій Устюгъ. Главное богатство тогда составляли мѣха, и новгородцы вымѣнивали ихъ на свои товары въ верховьяхъ Камы. Полное завоеваніе Урала послѣдовало только при московскихъ царяхъ, когда пала Казань и благодаря этому открылся широкій путь на Уралъ и всю Сибирь. Исторія похода Ермака извѣстна всѣмъ.

Именно объ этомъ и думалъ Окоемовъ, сидя на палубѣ и любуясь развертывавшейся граціозной панорамой сѣверной могучей руки. Сколько было затрачено неустанной энергіи русскимъ народомъ, чтобы свершить этотъ путь, сколько пролито крови, потеряно жизней — это было стихійное движеніе славянскаго племени на далекій востокъ, какъ стихійно движется вода въ громадныхъ сѣверныхъ рѣкахъ. И каждый періодъ этого движенія оставлялъ свой отпечатокъ. Новгородцы ограничились мѣновой торговлей, а промышленность выразилась только открытіемъ прикамскихъ соляныхъ промысловъ; Москва собирала ясакъ и не шла дальше этого. Уральскія сокровища остались нетронутыми и въ первый разъ показались на свѣтъ Божій только благодаря волѣ гиганта-работника, царя Петра. Онъ первый понялъ громадное значеніе этого громаднаго края и приступилъ къ разработкѣ его сокровищъ. Съ этого момента выдвинулся цѣлый рядъ энергичныхъ дѣятелей, выполнявшихъ планъ геніальнаго русскаго царя. На первомъ планѣ здѣсь выступила фамилія простого тульскаго кузнеца Демидова, а за нимъ рядъ другихъ предпринимателей, поработавшихъ въ свою долю.

Восемнадцатый вѣкъ является въ исторіи Урала боевымъ періодомъ, когда главнымъ образомъ происходила его колонизація и развертывалась промышленная дѣятельность съ невиданной еще быстротой. Затѣмъ волна этого движенія отхлынула въ далекую Сибирь, и девятнадцатый вѣкъ для Урала является періодомъ упадка, если сравнить его съ предшествовавшимъ вѣкомъ—новаго почти ничего не было сдѣлано, и промышленность двигалась по проторенной дорогѣ черепашьимъ шагомъ. По этой послѣдней причинѣ прикамскіе города имѣютъ такой унылый видъ, точно недоумѣваютъ, зачѣмъ они тутъ стоятъ. Чувствуется что-то недосказанное, не проявившее себя въ полной мѣрѣ... Чистополь, Елабуга, Сарапулъ—что̀ они такое? Ни добывающей ни обрабатывающей промышленности, а только одна хлѣбная торговля, да и та съ грѣхомъ пополамъ.

Окоемовъ невольно сравнивалъ эти города съ американскими, и у него сжималось невольно сердце. Нѣтъ, рѣшительно мы не умѣемъ жить и будемъ умирать съ голода среди всевозможныхъ богатствъ. И обидно и больно сознавать все это, но тѣмъ не менѣе это такъ. Еще живя въ Америкѣ, Окоемовъ мечталъ объ Уралѣ, и вотъ теперь плыветъ по уральской водѣ, затаивъ какую-то неясную обиду. Дѣйствительность не оправдывала самыхъ скромныхъ надеждъ, и уральскія несмѣтныя сокровища рѣшительно не желали ничѣмъ проявить себя.

— По ту сторону Урала совсѣмъ другое будетъ, — говорилъ капитанъ парохода, глядя прищуренными глазами вверхъ по Камѣ. — Тамъ настоящее богатство, а здѣсь только и ремесла, что хлѣбъ, соль да лѣсъ... Вотъ переѣдете горы, такъ сами увидите.

— Все-таки грустно, — говорилъ Окоемовъ. — Я, признаться сказать, ожидалъ лучшаго...

Окоемову понравилась партія казанскихъ татаръ, ѣхавшихъ въ третьемъ классѣ. Это были мелкіе торгаши, пробиравшіеся куда-то въ Сибирь. Они выглядѣли необыкновенно бодро и весело о чемъ-то галдѣли между собой. Собственно, по типу эти татары мало напоминали установившееся исторически представленіе о „зломъ татаринѣ“ — правильныя лица, большіе глаза и даже совсѣмъ прямые носы. Дѣло въ томъ, что казанскіе татары являются прямыми потомками древнихъ волжскихъ булгаръ, отъ которыхъ унаслѣдовали, вѣроятно, и страсть къ торговлѣ — казанскаго торгующаго татарина можно встрѣтить по всей Россіи, и нѣтъ такого глухого угла, куда бы онъ не пробрался со своимъ коробомъ.

Эти шустр казанцы особенно развеселились, когда пароходъ привалилъ къ Оханску.

— Вотъ такъ городъ... Хороша городъ: три курицы, одинъ пѣтухъ!

— Котъ плакалъ, а не городъ...

Оханскъ, дѣйствительно, немного опереточный городъ: въ немъ всего около пятисотъ жителей. Любая сибирская деревня больше, не говоря уже о семиверстныхъ сибирскихъ селахъ.

Путешествіе на пароходѣ продолжалось около четырехъ сутокъ, и всѣ начинали испытывать дорожное утомленіе. Особенно волновалась маленькая Таня, пристававшая ко всѣмъ съ разспросами, когда же они наконецъ пріѣдутъ „къ папѣ". Дѣвочка почему-то была увѣрена, что ѣдетъ именно къ папѣ, и ее не старались разувѣрять. Она держала себя все время солидно, какъ большая, и только вечеромъ, когда укладывались спать, превращалась въ ребенка. Это былъ трогательный моментъ дѣтскаго дня, и дамы наперерывъ старались воспользоваться имъ, отбивая другъ у друга очередь укладывать Таню.

Конечный пунктъ путешествія — Пермь показалась только на пятыя сутки. Пароходъ запоздалъ. Всѣ были рады выйти на берегъ. Издали городъ казался очень красивымъ, благодаря своему расположенію на крутомъ лѣвомъ берегу. Собственно, была красива одна Кама, разливавшаяся здѣсь на десять верстъ однимъ широкимъ плесомъ. Городъ начинался мастерскими, на которыхъ строились пароходы, а дальше потянулись безконечные склады, амбары, пристани. Картина вообще получалась очень оживленная и замыкалась громаднымъ казеннымъ заводомъ Мотовилихой.

Самымъ бойкимъ мѣстомъ на берегу были пароходныя пристани, расположившіяся сейчасъ у желѣзнодорожнаго вокзала. Пароходъ далъ свистокъ. На одной изъ пристаней виднѣлась шевелившаяся масса публики.

— Насъ никто уже не ждетъ, — замѣтила княжна, стоявшая на трапѣ рядомъ съ Окоемовымъ. — Уже мнѣ грустно...

Вышло нѣчто неожиданное: экспедицію встрѣтилъ самымъ торжественнымъ образомъ изобрѣтатель Потемкинъ. Онъ отправился изъ Казани на легкомъ почтовомъ пароходѣ и пришелъ въ Пермь на цѣлыя полсутки раньше.

— Я говорила, что папа насъ ждетъ, — увѣренно проговорила Таня, здороваясь съ отцомъ. — А они мнѣ не вѣрили.

Этотъ маленькій сюрпризъ избавилъ изобрѣтателя отъ нѣкоторыхъ непріятныхъ объясненій. Всѣ были рады своему человѣку.

— Пожалуйста, не дѣлайте такъ въ слѣдующій разъ, — говорилъ Окоемовъ. — Это не совсѣмъ удобно...

— Да я-то при чемъ тутъ? — искренно удивлялся изобрѣтатель. — У капитана невѣрно ходятъ часы... Очень просто.

Публика такъ и хлынула съ парохода, точно каждый боялся куда-то опоздать. Сережей овладѣла эта общая суматоха, и онъ хлопоталъ, какъ на пожарѣ. Окоемовъ стоялъ съ о. Аркадіемъ и смотрѣлъ, какъ тянулись на берегъ переселенцы со своими мѣшками. Больная переселенка, которую лѣчила княжна, настолько поправилась, что ушла съ парохода на своихъ ногахъ.

— Сколько поденщинъ пропадаетъ напрасно, — замѣтилъ о. Аркадій, указывая глазами на эту толпу.

Это было вѣрное резюме происходившей на глазахъ живой картины...

— Да... — согласился Окоемовъ. — Къ этимъ поденщинамъ нужно прибавить еще тѣхъ, которыя пропадаютъ тамъ, на арестантской баржѣ.

— Считайте, что ежегодно пройдетъ по этому пути пятнадцать тысячъ арестантовъ, да переселенцевъ вдвое побольше... Вѣдь это цѣлая армія!.. Дѣло въ слѣдующемъ, г. Окоемовъ: поѣдете мимо озера Челпанъ, не забудьте попа Аркадія...

— Хорошо, хорошо.

Въ этотъ моментъ на трапъ ворвался Сережа.

— А я тебя ищу, съ ногъ сбился! — накинулся онъ на Окоемова. — Я ужъ думалъ, что ты свалился въ воду...

— Напрасно безпокоился, Сережа.

Замѣтивъ о. Аркадія, Сережа сдѣлалъ офиціальный поклонъ и проговорилъ сквозь зубы:

— До свиданія, милостивый государь...

VI.

Пароходъ пришелъ утромъ, а поѣздъ Уральской желѣзной дороги отходилъ вечеромъ, такъ что въ распоряженіи экспедиціи оставался цѣлый день. Впрочемъ, интереснаго въ Перми рѣшительно ничего не было, какъ и въ большинствѣ русскихъ губернскихъ городовъ. Даже Потемкинъ не могъ найти темы для какого-нибудь новаго проекта. Результатомъ цѣлой дневки явился флаконъ одеколона, купленный Сережей.

— Ну, городъ...—повторялъ фельдшеръ Потаповъ, качая головой.

Экспедиція страшно скучала, сбившись на вокзалѣ одной кучкой. Всѣхъ довольнѣе была маленькая Таня, обрадовавшаяся твердой землѣ. Дѣвочка бѣгала по залѣ и съ любопытствомъ разсматривала публику.

— Вѣдь это ужъ Сибирь, папа?—приставала она къ отцу.

— Почти Сибирь...—объяснялъ Иванъ Гаврилычъ. — Вотъ поднимемся на горы, а за горами уже начнется настоящая Сибирь.

— А тамъ страшно, папа?

— Ничего страшнаго нѣтъ... Такіе же люди живутъ, какъ и въ Москвѣ.

— Ну, ужъ извините, Иванъ Гаврилычъ,—вступилась княжна, испытывавшая приступы глухой тоски по родинѣ.—Посмотрите на эти лица...

Относительно лицъ княжна была права. Дѣйствительно, начали попадаться типичныя сибирскія физіономіи—скуластыя, широконосыя, узкоглазыя. Окоемовъ про себя любовался этими квадратными лицами, окладистыми бородами, недовѣрчиво-упрямыми взглядами—все говорило о сибирскомъ упрямствѣ и промысловой хитрости. Это были отдаленные потомки новгородскихъ землепроходцевъ. Сказывалась страшная боевая закваска, унаслѣдованная, можетъ-быть, еще отъ разбойничьихъ шаекъ новгородской вольницы. Впрочемъ, Пермь являлась на великомъ восточномъ пути только передаточнымъ пунктомъ, и настоящіе сибиряки здѣсь являлись въ качествѣ проѣзжающихъ.

Всѣ вздохнули свободнѣе, какъ поѣздъ отошелъ. Сережа даже принялъ воинственный видъ, какъ человѣкъ, который приготовился къ рѣшительному шагу. Его поразило въ публикѣ, собравшейся на вокзалѣ, почти полное отсутствіе военныхъ и, въ частности, дворянства. Начиналось какое-то мужицкое царство.

— Да, тутъ нужно держать ухо востро,—цѣдилъ Сережа сквозь зубы.— Какія-то разбойничьи физіономіи...

Сережу еще съ Казани охватило какое-то недовѣрчивое чувство, и онъ подозрительно осматривалъ даже скамейку, на которой сидѣлъ. Вся экспедиція ѣхала въ третьемъ классѣ. Вагонъ былъ просторный, свѣтлый, и публики ѣхало сравнительно немного.

Послѣ мертвой Перми пріятное впечатлѣніе произвели на всѣхъ два бойкихъ пункта—казенный пушечный Мотовилихинскій заводъ и пристань Левшина. Послѣдняя красиво занимала уголъ, образованный рѣкой Чусовой при ея впаденіи въ Каму. Здѣсь чувствовалась жизнь, движеніе и бойкая работа.

Княжна имѣла самый жалкій видъ и молча сидѣла въ уголкѣ, какъ наказанный ребенокъ. Окоемову сдѣлалось ея жаль.

— Надѣюсь, вы здоровы, Варвара Петровна?—заговорилъ Окоемовъ, подсаживаясь къ ней.—У васъ такой несчастный видъ...

— Чему же радоваться?.. Уже завезли меня на край свѣта. Все чужое... Чужія лица... Мнѣ даже страшно дѣлается.

— Ничего, привыкнете помаленьку. Вы только посмотрите, какая здѣсь природа. Какъ легко дышится... Когда я уѣзжаю изъ Москвы, у меня является такое чувство, точно я снимаю съ себя какую-то тяжесть...

Окоемовъ дѣйствительно чувствовалъ себя прекрасно, какъ никогда. На его блѣдномъ лицѣ даже выступилъ блѣдный румянецъ. Онъ, чтобы развлечь пріунывшую княжну, разсказывалъ ей исторію колонизаціи Сибири, причемъ Уралъ являлся роковымъ порогомъ, задерживавшимъ исконную тягу русскаго племени на востокъ. Въ короткихъ словахъ Окоемовъ разсказалъ нѣсколько біографій знаменитыхъ сибирскихъ землепроходцевъ, проявившихъ изумительную энергію, хотя и направленную иногда не по надлежащему руслу. Вообще Сибирь стоила русскому племени страшной затраты силъ, а результаты еще въ будущемъ.

— Вся Сибирь въ будущемъ,—говорилъ Окоемовъ, воодушевляясь.—И даже страшно подумать объ этомъ будущемъ, настолько оно грандіозно, начиная съ неисчерпаемыхъ сибирскихъ сокровищъ. Гдѣ теперь живутъ 5—6 милліоновъ населенія съ грѣхомъ пополамъ, будутъ жить сотни милліоновъ. Повѣрьте, что я не преувеличиваю... И мы съ вами являемся въ своемъ родѣ піонерами, хотя и съ очень скромной задачей. Грандіозныя дѣла и не дѣлаются вдругъ... Посмотрите, какой особенный здѣсь народъ, сравнительно съ коренной Россіей. Вообще хорошо... По крайней мѣрѣ я себя такъ чувствую.

— А я уже не понимаю...—грустно отвѣтила княжна.—Напротивъ, мнѣ кажется, что я такая уже маленькая и никому ненужная.

— Ничего, скоро привыкнете...

Сережа вслушивался въ эту бесѣду и недовѣрчиво улыбался. Ему казалось, что и мелькавшія по сторонамъ дороги ели и пихты не настоящія, а что-то въ родѣ замаскированныхъ сибирскихъ разбойниковъ. Эхъ, что-то теперь дѣлается тамъ, въ Москвѣ?.. Сережа даже закрывалъ глаза, стараясь вызвать дорогія картины бойкой столичной жизни. У него являлось даже малодушное желаніе просто бѣжать... И зачѣмъ онъ ѣдетъ, въ самомъ дѣлѣ, и какой онъ главный управляющій золотыхъ промысловъ? Нѣтъ, положительно, было бы недурно улизнуть изъ этого прекраснаго далека... Окоемову хорошо: онъ привыкъ шататься по бѣлу свѣту.

Спускались быстрыя лѣтнія сумерки. Поѣздъ летѣлъ по слегка всхолмленной равнинѣ, ничего не говорившей о близости могучаго горнаго кряжа. Окоемовъ часто выходилъ на площадку вагона и любовался открывавшейся далью, хвойнымъ лѣсомъ, рѣдкими деревушками,—чѣмъ-то спокойно-строгимъ вѣяло отъ этой картины уральскаго предгорья. Чувствовалась какая-то сила, о которой можно было догадываться.

— Хорошо...—шепталъ Окоемовъ, вдыхая чудный воздухъ.

Собственно горы начались только со станціи Чусовой, гдѣ желѣзная

дорога легкимъ мостомъ перекинулась черезъ рѣку того же названія. Это было уже ночью. Окоемовъ видѣлъ рѣку, подернутую туманомъ, правый гористый берегъ, какой-то заводъ, дымившій десятками трубъ сейчасъ за мостомъ,—вотъ начиналось то новое, о чемъ онъ мечталъ столько лѣтъ. Это былъ еще первый настоящій уральскій видъ, полный своеобразной дикой поэзіи.

Уральская желѣзная дорога дѣлала отъ Чусовой очень крутой подъемъ, взбираясь по гребню одного изъ отроговъ. Съ каждымъ шагомъ впередъ горная панорама дѣлалась все суровѣе. По сторонамъ высились каменныя громады, чередуясь съ глубокими падями. Дорога извивалась лентой по горнымъ откосамъ, врѣзывалась въ толщи камней и забиралась смѣло все выше и выше. Смѣшанный лѣсъ остался далеко позади, около Чусовой, а теперь неслись мимо стройные ряды елей. Высота подъема чувствовалась даже на деревьяхъ—густо-зеленая, мохнатая ель смѣнилась тонкой, вытянутой, обросшей бородатыми лишайниками. Растительную жизнь здѣсь точно глушила какая-то невидимая рука. Исключеніе представляли только сибирскіе кедры—это могучее дерево стояло такое зеленое, пышное, красивое неувядающей красотой. И какая чудная, нетронутая глушь... Поѣздъ несся по горной пустынѣ, оглашая вѣковой покой радостнымъ гуломъ, точно летѣлъ сказочный Змѣй Горыничъ. Окоемовъ стоялъ, смотрѣлъ и не могъ оторвать глазъ. Очень ужъ хорошо... Кажется, еще никогда онъ не чувствовалъ себя такъ хорошо. Его возмущало, что его спутники спали самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Развѣ можно спать въ такую ночь, среди такихъ картинъ вѣчно-юной природы...

Одиночество Окоемова было нарушено какимъ-то старикомъ въ полушубкѣ и зимней шапкѣ. Онъ сѣлъ гдѣ-то на промежуточной станціи и тоже вышелъ на площадку.

— Хороши Камешки, — проговорилъ старикъ съ мягкимъ уральскимъ акцентомъ.—Благодать...

— Почему ты въ шубѣ, дѣдка? Боленъ?

— Я-то? И то боленъ... На восьмой десятокъ давно перевалило, такъ своя-то кровь не грѣетъ.

Они разговорились. Старикъ оказался старымъ пріисковымъ волкомъ и сейчасъ возвращался „съ сѣвера“, съ какихъ-то развѣдокъ на одномъ изъ притоковъ рѣки Вишеры.

— Лѣтъ съ пятьдесятъ около этого самаго дѣла околачиваюсь,—объяснялъ онъ, улыбаясь.—Еще при казнѣ заразился, да такъ и пошелъ...

— Что же, жить можно?

— Съ умомъ отчего не жить... Дѣло самое правильное.

— А Барышниковыхъ знаешь?

— Еще старика Барышникова помню... Какъ же!.. А послѣ него остались Яковъ Евсеичъ, онъ уже померъ, потомъ Прокопій Евсеичъ, Андрей Евсеичъ, Гаврила Евсеичъ—тоже померъ. Богатые люди были, т.-е. Яковъ-то Евсеичъ нажилъ, ну, а братья около него.

— А теперь какъ у нихъ дѣла?

— Кто ихъ знаетъ... Сказываютъ, на Москвѣ живутъ. У нихъ сейчасъ Маркъ Евсеичъ руководствуетъ всѣмъ... А денегъ не должно быть. Такъ, на прожитокъ развѣ что осталось.

— Говорятъ, у Якова дѣти остались?

— Какъ же, есть: парень Григорій да дѣвушка Настасья... Какъ же помню. Такъ, семья распалась, капиталъ раздѣлился, и все на нѣтъ съѣхало.

— А здѣшніе промыслы какъ?

— Да въ ренду сдаютъ... Такъ, изъ-за хлѣба на квасъ. Хорошаго мало...

Выработались промыслы-то еще при Яковѣ Евсеичѣ, а теперь крохи подбираютъ.

Какъ и подозрѣвалъ Окоемовъ, барышниковскіе капиталы оказывались легендой. Онъ даже былъ радъ этому и съ какой-то тоской подумалъ о чудной дѣвушкѣ-раскольницѣ, которая сейчасъ была для него вдвое дороже. Ему нравилось думать о ней среди этого дикаго горнаго приволья, гдѣ все дышало еще нетронутой силой.

— У насъ завсегда такъ,—продолжалъ старикъ, передвигая шапку на головѣ.—Рѣдко богатство удержится... Родители наживутъ, а дѣтки все спустятъ. Богатство, какъ вода, переливается съ рукъ на руки.

По своей золотопромышленной части старикъ оказался очень свѣдущимъ, и Окоемовъ долго его разспрашивалъ, удивляясь разумнымъ отвѣтамъ. Чувствовался промысловый сибирскій человѣкъ, далеко опередившій своего брата, разудалаго расейскаго мужика.

— Вотъ теперь, мы какъ перевалимъ черезъ Камень, все другое пойдетъ, баринъ,—объяснялъ старикъ.—Точно въ другое царство пріѣдемъ... Тамъ бѣднота останется, къ Пермѣ, а здѣсь богатство разсыпалось. Что̀ заводовъ, что̀ промысловъ, рудниковъ, всякаго угодья—не сосчитаешь, пожалуй. И все новое открывается... И народъ другой. Насмотрѣлся я по промысламъ всячины. А вы-то дальній будете?

— Почему ты такъ думаешь?

— А слова не наши, разговоръ другой. Нашибаетъ на московскаго купца...

— Около того.

— То-то я смотрю на васъ, что не здѣшній будете.

Окоемовъ простоялъ на площадкѣ до утренней зари, когда востокъ заалѣлся и горы покрылись предразсвѣтной молочной мглой.

Онъ заснулъ хорошимъ, молодымъ, здоровымъ сномъ, какъ уже давно не спалъ. Его разбудилъ какой-то шумъ.

— Станція Кушва!—кричалъ голосъ подъ окномъ.—Поѣздъ стоитъ семнадцать минутъ... Станція Кушва...

На платформѣ происходила настоящая давка. Не проснувшійся хорошенько Окоемовъ не вдругъ могъ сообразить, гдѣ онъ и что̀ такое происходитъ.

— Здѣсь народъ какъ вода въ котлѣ кипитъ,—объяснилъ ему проходившій мимо съ мѣшкомъ вчерашній старикъ.—До свиданья, баринъ..

Въ Кушвѣ въ первый разъ пахнуло тѣмъ промысловымъ духомъ, который былъ такъ дорогъ Окоемову. Какое движеніе, какія оригинальныя лица! Дѣйствительно, начиналось другое царство. Знаменитая гора Благодать, заключающая въ себѣ нѣсколько милліардовъ пудовъ лучшей въ свѣтѣ желѣзной руды, виднѣлась только своей верхушкой. Сравнительно, это была даже не гора, а маленькая горка, но это не мѣшало ей быть рельефнымъ доказательствомъ несмѣтныхъ уральскихъ сокровищъ.

За Кушвой начались уже другія красоты. Суровый горный пейзажъ смѣнился болѣе мирными видами,—красивымъ бордюромъ выступалъ смѣшанный лѣсъ, зеленѣли покосы, попадались изрѣдка пашни. Природа здѣсь точно сразу отмякла.

— Да, недурно,—замѣтила княжна, любуясь горною цѣпью, продавленной линіей замыкавшею горизонтъ справа.

VII.

— Станція Тагилъ... Поѣздъ стоитъ тридцать минутъ!

Тагилъ, или Нижне-Тагильскій заводъ, съ вокзала кажется по крайней мѣрѣ вдвое больше Перми. Видимо, громадное селенье растянулось по теченію

какой-то рѣки или заводскаго пруда. Это самый большой заводъ на Уралѣ и по количеству жителей самый населенный пунктъ. Вмѣстѣ съ Выйскимъ заводомъ въ немъ насчитывается до сорока тысячъ жителей. Красиво вытянулись широкія улицы, бѣлѣютъ каменные дома, а на самыхъ высокихъ пунктахъ красуются церкви. Вообще видъ совсѣмъ не заводскій, а городской.

— Гдѣ же Высокая гора?—спрашивалъ Окоемовъ жандарма.- Это вонъ та, съ башенкой?

— Никакъ нѣтъ-съ, это Лисья, а Высокая подальше... Вонъ желтѣютъ отвалы, а наверху лѣсъ.

Высокая гора еще знаменитѣе Благодати, потому что въ ней, по приблизительнымъ вычисленіямъ, содержится до 35 милліардовъ пудовъ прекраснаго магнитнаго желѣзняка. Окоемовъ такъ и впился глазами въ эту знаменитую гору, хотя издали она ничего особеннаго и не представляла и казалась совсѣмъ маленькой по сравненію съ тѣми горами, которыя за ней тѣснились такими грузными синими валами.

— Да, это заводъ...—согласился даже Сережа, не довѣрявшій уральской природѣ вообще.—Внушительный видъ.

На вокзалѣ самымъ интереснымъ была толпа рабочихъ. Это былъ совершенно особенный типъ заводскаго мастерового. Народъ все такой рослый и здоровый—настоящая рабочая гвардія. Рядомъ съ такими богатырями какой-нибудь московскій фабричный покажется несчастной мелюзгой. Окоемовъ все время любовался этой живой рабочей силой, сформировавшейся здѣсь цѣлымъ рядомъ поколѣній. Да и что̀ могли дѣлать на тяжелой „огненной работѣ“ слабосильные и малорослые?

— Молодцы! — вслухъ похвалилъ Окоемовъ, когда всѣ садились въ вагоны.

Слѣдующимъ интереснымъ пунктомъ былъ Невьянскъ, самый старѣйшій заводъ на Уралѣ и колыбель всего заводскаго дѣла. Здѣсь жили первые Демидовы, прославившіеся какой-то неукротимой энергіей. Ихъ работа являлась далекимъ эхомъ могучей царской работы. Сейчасъ Невьянскъ, какъ желѣзный заводъ, не имѣетъ никакого значенія, и главная его дѣятельность сосредоточивается на добываніи золота. Еще когда поѣздъ подходилъ къ станціи, по сторонамъ дороги начали попадаться пробныя ямы, заброшенные шурфы, канавы, свалки; тамъ и сямъ виднѣлись пестрыя кучки рабочихъ, копавшихъ землю, отвозившихъ ее на двухколесныхъ тачкахъ къ вашгердамъ, гдѣ шла промывка золотоносныхъ песковъ ручнымъ способомъ.

— Мы теперь ѣдемъ по золоту,—объявилъ Окоемовъ.

— Какъ по золоту?—изумился Сережа.

— А вотъ золото моютъ рабочіе...

— Такъ это и есть пріискъ?..

— Да, въ маленькихъ размѣрахъ. Собственно то, что̀ вы видите, такъ называемые отрядные рабочіе, или кустари, если хотите. Имъ отводятся заводоуправленіемъ небольшія дѣлянки, они намываютъ золото и сдаютъ его за извѣстную плату.

— Гдѣ же золото?—спрашивала княжна.

— Золото? Пріискъ считается очень богатымъ, если на сто пудовъ песку очистится 50—60 долей золота...

— Только-то? Да это не сто̀итъ того, чтобы перерыть столько земли...

Сидѣвшій недалеко господинъ купеческой складки засмѣялся надъ этимъ наивнымъ восклицаніемъ ничего не понимавшей барыни и проговорилъ:

— Ежели бы, сударыня, Господь послалъ намъ съ вами такую нестоящую

благодать, такъ мы не поѣхали бы въ третьемъ классѣ... да-съ. Совсѣмъ особенное-съ дѣло. Теперь мы по этому самому золоту вплоть до Екатеринбурга покатимъ, значитъ, цѣлыхъ сто верстъ. А здѣсь самый развалъ... Вездѣ золото. Въ Невьянскѣ въ огородахъ его добываютъ, улицы роютъ, со дна рѣчного ищутъ... Тутъ дальше будетъ заводъ Шурала, такъ тамъ даже заводскій прудъ спустили и какъ есть все дно перерыли. Большія тысячи народу тутъ бьются надъ золотомъ и всѣ сыты, а вы изволили сказать: нестоящее дѣло-съ. Не изъ здѣшнихъ мѣстовъ?

— Да, я изъ Москвы...

— Такъ-съ... Бывали, какъ же. Всѣмъ городамъ городъ... А вы, смѣю спросить, по какой части?

На выручку смутившейся княжнѣ подоспѣлъ Сережа. Онъ посмотрѣлъ на купца злыми глазами и заявилъ:

— Она отъ монастыря на послушаніе послана... Должна собирать деньги.

— Такъ-съ,—согласился купецъ.—Что же, дѣло невредное-съ...

Весь вагонъ теперь наполняло одно слово: золото. О немъ говорили и громко и тихо, и прямо шептались, передавая какіе-то секреты. Ѣхали все пріисковые люди, интересы которыхъ сосредоточивались на своемъ пріисковомъ дѣлѣ. Окоемовъ не предполагалъ, что золото захватываетъ такую массу людей, и прислушивался съ большимъ интересомъ къ общему разговору. Да, это было другое царство и другіе люди, сравнивая даже не съ коренной Россіей, а просто съ Пріуральемъ. Тамъ медленно катилась мирная жизнь, а здѣсь все кипѣло ключомъ. Его захватывала висѣвшая въ воздухѣ золотая лихорадка.

— Какое нынче золото, — громко жаловался здоровенный мужчина съ окладистой рыжей бородой.—И по губамъ не помажетъ!.. Такъ, одно названіе осталось... Хорошія-то мѣста захвачены всѣ, а новыя еще поищи съ огнемъ. Только и свѣту въ окнѣ, что казенныя дачи. Вотъ платина—это другое дѣло. Харчъ, ежели кто съ умомъ...

— Я помню, какъ платину-то по десяти копеекъ продавали золотникъ,— вмѣшался сѣденькій благообразный старецъ неопредѣленнаго типа. — Продавали, и никто не покупалъ...

— Это значитъ по четыреста рублей за пудъ? Х-ха... То-то дураки. Вы ужъ извините меня: прямо дураки. Помилуйте, сейчасъ платина стоитъ семь тысячъ рубликовъ пудъ... Вотъ вамъ бы тогда запасти пудиковъ десять на всякій случай, ну, а сейчасъ и получили бы за свои четыре тысячи всѣ семьдесятъ. Процентъ хорошій.

— А кто же его зналъ...—уныло отвѣтилъ старикъ и сокрушенно вздохнулъ.

— Что же, и сейчасъ можно покупать платину и выжидать цѣну, — вмѣшался въ разговоръ Окоемовъ.—Сейчасъ платина стоитъ, какъ вы говорите, семь тысячъ, золото—около двадцати, а будетъ такъ, что платина будетъ дороже золота, и тогда съ десяти пудовъ можно будетъ нажить около полуторыхъ сотъ тысячъ рублей.

Это заявленіе заставило всѣхъ оглянуться. Послышался недовѣрчивый шопотъ.

— А почему вы изволили такъ полагать, господинъ, извините, не знаю, какъ васъ назвать?

— По двумъ причинамъ: разъ, мѣсторожденіе платины во всемъ свѣтѣ только одно, именно на Уралѣ, а второе—спросъ на нее будетъ подниматься съ каждымъ годомъ, потому что она вездѣ нужна. Эдиссонъ, знаменитый американскій изобрѣтатель, уже обращался въ Россію съ запросомъ относительно мѣсторожденій платины...

— Да-съ, это точно... Оно умственно, — согласился рыжебородый купецъ.—Это вы правильно, господинъ, а все-таки, кто его знаетъ. А вдругъ господа ученые изобрѣтутъ другой металлъ—вотъ и сядешь со своей-то платиной.

Эти разговоры сблизили публику. Завязался оживленный разговоръ, причемъ Потемкинъ изложилъ новый планъ добыванія золота и платины.

— Вмѣсто того, чтобы пески промывать и терять мелкое золото, снесенное водой,—говорилъ онъ убѣжденно, — вмѣсто этого нужно сначала просушивать эти пески и вѣять, какъ зерно. Золото и платина отвѣются чище и лучше, чѣмъ при промывкѣ. Затраты самыя небольшія: башню, вышиной сажени въ три, можно деревянную, затѣмъ сверху будетъ падать струя песку, а ее будетъ разбивать струя воздуха. Все золото и падетъ у самой башни, а песокъ отнесется дальше...

— Не годится эта музыка, баринъ, — сказалъ какой-то пріисковый человѣкъ въ суконномъ картузѣ.—Крупное золото, это точно, можетъ упасть у башни, а мелкое дальше песку воздухомъ унесетъ, потому оно какъ пыль или въ родѣ листочковъ. Мелкое-то золото водяной пѣной иногда сноситъ... Нѣтъ, не годится. Да и сушить песокъ дорого обойдется, да еще его надо истолочь въ пыль...

Окоемовъ опять любовался уральскимъ бойкимъ людомъ. Какія все смышленыя лица, какая смѣтка и какой наконецъ свободный разговоръ съ совершенно незнакомыми людьми. Только привольный богатый край могъ создать такое населеніе. Простой рабочій выглядѣлъ здѣсь завтрашнимъ богачомъ, и это придавало ему совершенно особенную складку. Затѣмъ, всѣ эти штейгера, нарядчики, десятники и вообще причастный къ пріисковому дѣлу людъ не походили ни на купца, ни на барина, ни на мужика, а представляли собой совсѣмъ особенный классъ людей, жившихъ дѣйствительно своими средствами. Именно эта сфера выдвигала изъ себя смѣлыхъ предпринимателей, наживавшихъ изъ ничего милліоны и предупредившихъ задолго калифорнское золото. Съ такимъ народомъ можно будетъ работать. Вообще, чѣмъ дальше, тѣмъ больше нравился Окоемову этотъ благословенный уральскій край, и онъ чувствовалъ себя такъ легко и свободно, какъ въ дни далекой юности.

Остальные члены экспедиціи переживали какъ разъ обратное настроеніе, съ каждымъ шагомъ впередъ чувствуя себя все больше и больше чужими. Сережа совсѣмъ пріунылъ и безучастно смотрѣлъ по сторонамъ, гдѣ мелькали новыя работы, какая-то непонятная пріисковая городьба, горы промытаго песку и залитыя водой ямы. Что̀ тутъ хорошаго находитъ Окоемомъ? Просто мерзость... Изроютъ землю—и только, а потомъ все бросятъ. Даже съ точки зрѣнія политической экономіи отъ такой работы государству одинъ убытокъ: казна получитъ за испорченную навсегда десятину земли всего одинъ рубль казенной пошлины. Хорошо, что земли много — вотъ и портятъ ее безъ зазрѣнія совѣсти. По этому поводу Сережа припомнилъ гдѣ-то прочитанную имъ газетную замѣтку, именно, что въ Китаѣ воспрещено закономъ извлекать руды изъ земныхъ нѣдръ, и мысленно согласился съ этимъ. Въ немъ смутно сказался бывшій помѣщикъ, главное богатство котораго составляла земля, какъ производительница хлѣба. Сережа все это высказалъ бы открыто, если бы не стѣснялся Окоемова, подавлявшаго его своимъ фанатизмомъ.

— А пусть попробуетъ...—ворчалъ онъ, хмуря брови.

Дамы испытывали страшную усталость послѣ цѣлой недѣли путешествія. Ихъ нетерпѣніе возрастало еще отъ ожиданія близившагося конца,—въ Ека-

теринбургѣ предполагалась другая стоянка. Столичные нервы давали себя чувствовать... Съ другой стороны, онѣ рѣшительно ничего не понимали въ происходившемъ около нихъ разговорѣ и начинали себя чувствовать совершенно чужими. Про себя, кажется, дамы начинали раскаиваться въ этой рискованной поѣздкѣ и только стѣснялись откровенно высказать тяготившія ихъ сомнѣнія.

— Ахъ, какъ хорошо, какъ хорошо! — восхищался Окоемовъ, любуясь все новыми и новыми работами, особенно обставленными на широкую ногу, гдѣ дымились паровыя машины и промывка шла въ чанахъ Комарницкаго.

Какой неистощимо-богатый край! Это была сказка, сонъ наяву... Поѣздъ продолжалъ мчаться по золотоносной почвѣ, и даже балластъ желѣзнодорожнаго полотна былъ устроенъ изъ золотоносныхъ песковъ. Вообще что-то невѣроятное, какъ сонъ. Это и не здѣсь только, а по всему восточному склону Урала, который въ буквальномъ смыслѣ насыщенъ золотомъ, этимъ величайшимъ изъ всѣхъ двигателей, какъ на него смотрѣлъ Окоемовъ со своей точки зрѣнія. И это на разстояніи цѣлой тысячи верстъ... Остается къ этому прибавить другія сокровища, какъ желѣзо, лѣса, двигательную силу въ формѣ горныхъ рѣкъ, благодатную башкирскую степь, рыбныя озера и т. д., и т. д. Да, именно здѣсь можно было лучше всего приложить свои силы и добиться извѣстныхъ результатовъ. Природа все давала съ безумной щедростью, и оставалось только пользоваться ея дарами. Наконецъ-то его завѣтные планы осуществятся и послужатъ живымъ примѣромъ для другихъ. Да, для этого стоило жить, работать, волноваться и еще разъ жить...

— Верхъ-Нейвинскъ... поѣздъ стоитъ десять минутъ!..

И тутъ промысла и работа и движеніе.

— Какая тутъ работа,—точно отвѣтилъ на его мысль рыжебородый купецъ.—Мы все время ѣдемъ по заводской землѣ: Демидовская, Яковлевская, Верхъ-Исетская. Заводчики лучшія розсыпи сами обрабатываютъ, а другимъ только отдаютъ крохи. А вы посмотрите на казенныя дачи—тамъ настоящая работа будетъ, а особенно въ степи, гдѣ казачьи земли. Что̀ тамъ дѣлается...

Купецъ безнадежно только махнулъ рукой.

„Неужели и здѣсь есть лишніе люди? — думалъ Окоемовъ. — Вѣдь вотъ всѣ, которые ѣдутъ въ одномъ вагонѣ со мной—всѣ они на своихъ мѣстахъ, у всякаго какое-нибудь свое дѣло, и никто не чувствуетъ себя лишнимъ...“

Прибавьте къ этому еще то, что большинство этихъ предпріимчивыхъ и энергичныхъ людей полуграмотны и не могутъ воспользоваться въ интересахъ своего дѣла никакими указаніями, почерпнутыми въ спеціальныхъ книгахъ. Между прочимъ, рыжебородый купецъ сообщилъ Окоемову интересный фактъ:

— На что намъ образованныхъ, когда мы и безъ нихъ управимся. Конечно, есть горные инженеры, которые понимающіе, а все-таки никто изъ нихъ своего дѣла еще не завелъ. Легче вѣдь готовое жалованье получать двадцатаго числа, а наше дѣло черное... Инженеръ-то въ бѣлыхъ перчаткахъ пріѣдетъ на пріискъ, выкуритъ папиросу и сейчасъ домой чай пить. Вотъ и орудуемъ своимъ умомъ... Мы свое-то жалованье изъ своего же кармана получаемъ.

VIII.

Оставалось немного времени до послѣдней станціи. Вся экспедиція была нѣсколько взволнована. Что-то будетъ... Вотъ прогремѣлъ желѣзный мостъ черезъ рѣку Исеть. Лѣсъ порѣдѣлъ. Тамъ и сямъ показались полевыя дорожки. Все говорило о близости большого жилого центра. Вотъ и послѣдній сосновый

боръ, и поѣздъ съ побѣднымъ грохотомъ вылетѣлъ на открытую равнину, — вдали забрезжился громадный городъ съ бѣлыми шахматами каменныхъ построекъ, съ расплывавшимися зелеными пятнами садовъ и десятками красныхъ церквей.

— Вотъ это такъ городъ! Москвы уголокъ!—резюмировалъ общее впечатлѣніе неизвѣстный голосъ.—Наша уральская столица...

— Да, городъ...

Даже зараженный скептицизмомъ Сережа утвердительно кивнулъ головой и пожевалъ губами, предвкушая нѣкоторыя удобства спеціально-городского существованія. Онъ чувствовалъ непреодолимое тяготѣніе къ большимъ центрамъ, и почему-то первая мысль Сережи была о бильярдѣ: есть или нѣтъ бильярдъ въ Екатеринбургѣ? Можетъ-быть, даже и сардинки найдутся и даже сигары...

— Станція Екатеринбургъ!..

Окоемовъ въ окно видѣлъ только то, что на платформѣ слишкомъ много народа для уѣзднаго города. Затѣмъ ему показалось, что въ этой толпѣ мелькнуло знакомое женское лицо... Онъ даже протеръ глаза, точно хотѣлъ проснуться отъ какого-то сна наяву.

— Уже пріѣхали?—спрашивала княжна, потерявшая всякую вѣру, что когда-нибудь и куда-нибудь они пріѣдутъ.

— Да, Варвара Петровна, пріѣхали...

У Сережи опять произошелъ взрывъ энергіи, когда дѣло коснулось полученія багажа. Онъ бѣгалъ, суетился, разспрашивалъ и вообще проявилъ большія боевыя качества. Когда ему объявили, что придется подождать, Сережа даже упалъ духомъ и трагически заявилъ Окоемову:

— Что же мы будемъ дѣлать, Вася?

— Что дѣлать? А будемъ чай пить, голубчикъ... Торопиться некуда.

Этотъ простой отвѣтъ разсмѣшилъ Сережу, и онъ проговорилъ съ добродушнѣйшей улыбкой:

— А знаешь, Вася, я открылъ въ себѣ талантъ, настоящій талантъ... Изъ меня вышелъ бы прекрасный денщикъ.

Экспедиція размѣстилась за однимъ столомъ, куда былъ поданъ чай, сервированный по-московски. Пахнуло чѣмъ-то роднымъ... Дамы отнеслись къ этой подробности почти равнодушно и съ какой-то заботой смотрѣли на суетившуюся толпу, инстинктивно отыскивая знакомыя лица. Всѣхъ кто-нибудь ждалъ, всѣхъ кто-нибудь встрѣчалъ, и только до нихъ никому дѣла нѣтъ. А между тѣмъ въ этой толпѣ, можетъ-быть, уже есть и будущіе враги и будущіе друзья... И публика какая-то особенная: не то интеллигенты, не то купцы. Не было только военныхъ, чиновниковъ и дворянскихъ красныхъ околышей. Однимъ словомъ, своя публика, жившая своими интересами и имѣвшая такъ мало общаго съ далекой коренной Россіей. Изъ дамъ только одна Таня чувствовала себя прекрасно и съ аппетитомъ ѣла пирожное.

Окоемовъ пилъ чай, исподлобья поглядывая на быстро убывавшую толпу. Его вывелъ изъ этого настроенія Сережа, таинственно толкнувъ локтемъ.

— На два слова, Вася...

— Что такое случилось?..

Сережа питалъ нѣкоторую слабость къ таинственному, и поэтому Окоемовъ не обратилъ особеннаго вниманія на его „два слова“.

— Видишь ли, въ чемъ дѣло...—вполголоса заговорилъ Сережа, отводя Окоемова въ сторону и оглядываясь на буфетъ. — Я сейчасъ подходилъ къ буфету выпить рюмку водки... Только взялъ рюмку, а около меня какой-то

купецъ прицѣлился вилкой въ селедку... Смотрю, что-то знакомое, т.-е. этакое знакомое въ рожѣ. Ба! да я его гдѣ-то видалъ... Вглядываюсь, ба! да это тотъ самый купецъ, который съ тобой тогда сидѣлъ въ ресторанѣ на Воробьевыхъ горахъ.

— Не можетъ быть!..

— Да вонъ онъ у буфета стоитъ и жуетъ бутербродъ...

Окоемовъ отправился прямо къ буфету. Купецъ стоялъ спиной, продолжая жевать такъ, что шевелились уши. Это былъ онъ, Маркъ Евсеичъ Барышниковъ.

— Позвольте мнѣ рюмку фипь-шампань,—проговорилъ Окоемовъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ купца.

Тотъ оглянулся, сузилъ глаза и слащаво проговорилъ:

— Кого я вижу!.. Василій Тимоѳеичъ, голубчикъ! Вотъ неожиданность... Не даромъ говорится, что только гора съ горой не сходится.

— Ахъ, это вы, Маркъ Евсеичъ...

Они пожали другъ другу руки, какъ старые пріятели.

— А я ужъ здѣсь недѣли полторы болтаюсь,—сообщалъ Барышниковъ.— Человѣкъ, рюмку англійской горькой. Да, полторы... Думаю на-дняхъ въ Москву удирать. Такъ, напрасно пріѣзжалъ... А вы своего намѣренія не оставили?

— Да, думаю сдѣлать попытку.

— Что̀ же, дѣло невредное-съ... Все отъ счастья, Василій Тимоѳеичъ. А вы гдѣ думаете остановиться?..

— Право, не знаю... Да это рѣшительно все равно. Я не одинъ, а насъ цѣлая компанія пріѣхала.

— Такъ-съ... Знаете, я вамъ посовѣтую остановиться въ Американской гостиницѣ. Самая приличная... Я тамъ же остановился. Вѣдь я тоже не одинъ здѣсь... Кстати, вы, кажется, знакомы съ моей племянницей, Настасьей Яковлевной?

— Да...

— Она здѣсь...

— Гдѣ здѣсь?

— Да вонъ у столика сидитъ и чай пьетъ...

Барышниковъ пристально наблюдалъ, какое впечатлѣніе произведетъ на Окоемова эта неожиданная новость, и, кажется, разочаровался. Лицо Окоемова осталось такимъ же, и онъ даже не взглянулъ въ ту сторону, куда ему указывалъ Барышниковъ. Это было своего рода испытаніе.

— Да что̀ мы тутъ стоимъ?—торопливо заговорилъ Барышниковъ, вытирая губы рукой.—Вѣроятно, ждете багажа? Пока что̀ присядемте къ нашему столику, а то племянница уже соскучилась... Знакомыхъ нѣту, ну и сидитъ одна... Идемте...

Столикъ, за которымъ сидѣла Настасья Яковлевна, былъ по другую сторону залы, такъ что Окоемовъ не могъ его видѣть со своего мѣста. Дѣвушка, дѣйствительно, сидѣла одна. Передъ ней стыла чашка чая. Одѣта она была въ простенькую лѣтнюю накидку и въ самое простое шерстяное платье. Широкая лѣтняя соломенная шляпа покрывала тѣнью верхнюю часть лица. Да, это было то самое лицо, которое давеча мелькнуло на платформѣ. Дѣвушка оглянулась на шумъ шаговъ и остановила на Окоемовѣ испуганно-вопросительный взглядъ.

— Вотъ, Настенька, нашъ родной москвичъ, — рекомендовалъ Барышниковъ, выдвигая впередъ Окоемова и зорко наблюдая за племянницей.—Онъ у насъ бывалъ въ домѣ... Еще, помнишь, когда имъ сдѣлалось дурно.

— Да, да, помню...—отвѣтила дѣвушка и съ улыбкой протянула свою худенькую руку.

Окоемовъ только теперь понялъ, что Барышниковъ дѣлаетъ имъ очную ставку, и что дѣвушка выдержала этотъ экзаменъ съ полнымъ хладнокровіемъ. Онъ чувствовалъ, какъ у него захолонуло на душѣ, какъ пошли передъ глазами красные круги, и присѣлъ на ближайшій стулъ, стараясь принять равнодушный видъ. Настасья Яковлевна спокойно смотрѣла на него своими темными большими глазами, слегка раскачивая лѣвой рукой зонтикъ.

— Да, такъ вотъ-съ, я совѣтую, Настенька, совѣтую Василію Тимоѳеичу остановиться въ „Американской". У насъ тамъ я видѣлъ и свободный номеръ... Гостиница чистенькая. Не правда ли, Настенька?

— Да, хорошая...—согласилась дѣвушка, опуская глаза.

— Мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, три номера или два большихъ,—проговорилъ Окоемовъ, собираясь съ силами.

— Большая семейка, значитъ... хе-хе!—засмѣялся Барышниковъ по неизвѣстной причинѣ. — Что̀ же, найдется и три, ежели будетъ нужно. Не выпьемъ ли мы чего-нибудь для встрѣчи?

— Нѣтъ, благодарю васъ, я не могу пить... Усталъ съ дороги.

— Здѣсь поправитесь, Василій Тимоѳеичъ,—засмѣялся Барышниковъ.— Главная причина — воздухъ здѣсь чистый и всякое прочее... Настенька, что̀ же ты молчишь? Занимай гостя, потому какъ ты должна отвѣчать за даму.

— Нѣтъ, пожалуйста, не безпокойтесь, Настасья Яковлевна. Я сейчасъ ухожу. Меня ждутъ мои компаньоны...

Протянувъ руку, Окоемовъ прибавилъ:

— Надѣюсь, мы съ вами еще встрѣтимся, Настасья Яковлевна?

Дѣвушка что-то хотѣла отвѣтить, но Барышниковъ ее перебилъ:

— Какъ же не встрѣтитесь, конечно, встрѣтитесь. Можетъ-быть, на одномъ коридорѣ и жить придется... Заверните какъ-нибудь, Василій Тимоѳеичъ, чайку попить на сибирскій манеръ.

— Благодарю...

Дѣвушка проводила Окоемова своимъ спокойнымъ взглядомъ и принялась за остывшій чай.

— Я ихъ весьма уважаю, господина Окоемова, — бормоталъ Барышниковъ. — А что̀ касается ихняго предпріятія, такъ это даже совсѣмъ пустое дѣло. Денегъ много, вотъ и тѣшатъ охотку...

Окоемовъ вернулся къ своимъ въ какомъ-то туманѣ. Княжна даже испугалась, увидѣвъ его поблѣднѣвшее лицо.

— Вамъ уже дурно?

— Нѣтъ, такъ... ничего...

Сережа уже не радъ былъ, что свелъ Окоемова съ москвичомъ: все было готово, багажъ полученъ, извозчики наняты, и онъ горѣлъ нетерпѣніемъ поскорѣе уѣхать съ вокзала, точно отъ этого зависѣло все. Окоемовъ, пошатываясь, вышелъ на подъѣздъ и молча помѣстился на одномъ извозчикѣ съ княжной.

— Нѣтъ, вы больны, Василій Тимоѳеичъ...—продолжала она тревожиться, заглядывая въ лицо Окоемову.

Когда экипажъ покатился, Окоемовъ точно проснулся, посмотрѣлъ назадъ и проговорилъ:

— Вы видѣли, Варвара Петровна, дѣвушку, съ которой я сейчасъ разговаривалъ, въ соломенной шляпѣ?..

— Да, издали видѣла... Какіе-то ваши знакомые?

— Это та самая дѣвушка, про которую я вамъ говорилъ въ Москвѣ... Какая странная встрѣча, т.-е. собственно ничего нѣтъ страннаго, потому что я зналъ, что она уѣхала на Уралъ.

— Неужели?—всполошилась княжна.—Вернемтесь... я уже хочу ее посмотрѣть.

— Вы ее увидите тамъ, въ гостиницѣ.

Предъ Окоемовымъ съ новой силой воскресало это чудное дѣвичье лицо, полное такой чарующей прелести. Да, онъ видѣлъ ее и еще чувствовалъ пожатіе маленькой тонкой руки. Какъ все въ ней просто и спокойно, какъ это бываетъ только у людей съ большимъ характеромъ. Что̀ она думала? Была ли рада этой встрѣчѣ? Кстати, встрѣча, вѣроятно, была заранѣе подготовлена Барышниковымъ съ какой-нибудь цѣлью. Этотъ дурашливый купеческій выродокъ достаточно хитеръ, чтобы дѣлать что-нибудь даромъ.

— Послушайте, Василій Тимоѳеичъ, я уже боюсь...—жаловалась княжна, ухватившись одной рукой за поясъ извозчика. — Намъ попался какой-то совсѣмъ сумасшедшій извозчикъ... Тише ты, извозчикъ!

Княжна боялась лошадей и даже поблѣднѣла отъ волненія.

— Помилуйте, сударыня... — обидѣлся извозчикъ.

— Ничего, успокойтесь, — уговаривалъ Окоемовъ.—Посмотрите, вонъ и другіе такъ же скоро ѣдутъ.

Въ этотъ моментъ ихъ обогналъ Сережа. Онъ былъ счастливъ, что попался хорошій извозчикъ, и весело размахивалъ своимъ шлемомъ.

— Онъ уже разобьется!—искренно пожалѣла княжна и даже крикнула:— Сергѣй Ипполитычъ, у васъ тоже сумасшедшій извозчикъ...

— Здѣсь всѣ извозчики сумасшедшіе,—шутилъ Окоемовъ.—Вы не бойтесь: сейчасъ пріѣдемъ...

Быстрая сибирская ѣзда очень нравилась Окоемову, а въ настоящій моментъ какъ нельзя больше соотвѣтствовала его настроенію, — ему хотѣлось летѣть впередъ и впередъ.

Они проѣхали предмѣстье и начали подниматься въ гору, вершину которой занималъ настоящій дворецъ съ громаднымъ садомъ.

— Это что̀ такое? — освѣдомился Окоемовъ

— Какъ что̀? Харитоновскій домъ... Золотопромышленники Харитоновы были, ну, значитъ, ихній домъ.

Это палаццо оставалось памятникомъ бурной эпохи сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, когда въ Екатеринбургъ хлынула волна сибирскаго таёжнаго золота.

IX.

Видъ города на всѣхъ произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе. Это былъ такой бойкій торгово-промышленный пунктъ уже сибирскаго склада. Широкія улицы, много хорошихъ домовъ, магазины, общій видъ довольства— все это бросалось въ глаза съ перваго раза. Сережу обрадовало больше всего то, что вездѣ было много извозчиковъ, а если есть извозчики, значитъ, есть и жизнь, — у него была на все своя мѣрка

„Американская гостиница“ уже по наружному виду внушала извѣстное довѣріе, которое вполнѣ оправдалось при болѣе близкомъ знакомствѣ. Чистые номера, вѣжливая прислуга, общій тонъ порядочности. Сережа понюхалъ воздухъ и тономъ знатока рѣшилъ:

— Ничего, можно жить... Даже есть бильярдъ.

Экспедиція размѣстилась въ трехъ номерахъ: одинъ номеръ занялъ

Окоемовъ съ Сережей, другой—женщины, а въ третьемъ—остальные мужчины. На такое дѣленіе заявила протестъ одна Таня, непремѣнно желавшая остаться вмѣстѣ съ отцомъ.

— Я не хочу съ бабами... — капризно повторяла она.

— Потерпи, дѣточка, — уговаривалъ Потемкинъ. — Потомъ мы вмѣстѣ будемъ жить...

— А если мнѣ надоѣло съ ними?..

Дѣвочка привыкла къ извѣстной самостоятельности, и ее стѣсняла невольная опека трехъ женщинъ.

— Мы здѣсь останемся дней пять, а можетъ-быть, и цѣлую недѣлю,— объявилъ Окоемовъ. — Каждый можетъ дѣлать, что̀ хочетъ. А тамъ я скажу, какъ и что̀ будетъ...

У всѣхъ сразу появилось нѣсколько плановъ. Сережа въ тотъ же вечеръ попалъ на какое-то загородное гулянье и вернулся только къ утру, Калерія Михайловна отправилась въ женскій монастырь, студентъ Крестниковъ осматривалъ музей Уральскаго Общества любителей естествознанія, фельдшеръ Потаповъ занялся составленіемъ походной аптечки, Анна Ѳедоровна принялась за реставрированіе гардероба Тани. а Потемкинъ, по обыкновенію, исчезъ неизвѣстно куда. Безъ дѣла оставалась одна княжна и страшно скучала. Ее ничто не интересовало.

„Уже совсѣмъ напрасно я сюда пріѣхала...“ — съ грустью думала княжна, наблюдая, какъ умѣло и быстро работаетъ хохлушка.

Окоемовъ, какъ пріѣхалъ, такъ и пропалъ по своимъ дѣламъ, и княжна еще больше почувствовала свое одиночество. Она съ тоской прислушивалась къ отдаленному щелканью бильярдныхъ шаровъ, къ шуму шаговъ въ коридорѣ, смотрѣла въ окно на улицу и рѣшительно не знала, что̀ ей дѣлать, за что приняться, куда себя пристроить, — она походила на рыбу, выброшенную на сухой берегъ. Кончилось тѣмъ, что княжна легла на кровать и расплакалась, какъ ребенокъ.

— Вы это о чемъ, Варвара Петровна? — удивилась хохлушка.

— А такъ... скучно... Однимъ словомъ, нервы. Уже не обращайте на меня вниманія... Это со мной бываетъ.

Хохлушка оставила свою работу и присѣла на кровать. Она взяла руку княжны и долго гладила ее своими большими руками, какъ дѣлаютъ съ больными дѣтьми. Это молчаливое участіе тронуло княжну. Какая добрая хохлушка и какая невозмутимая. Впрочемъ, при такомъ завидномъ здоровьѣ можно быть уравновѣшенной. А хохлушка сидѣла и говорила:

— Ничего, помаленьку устроимся... Если будетъ у насъ свой огородъ, свои коровы, куры, овечки, свиньи, лошади, — чего же больше? Вы любите свиное сало?..

Этотъ наивный вопросъ разсмѣшилъ княжну. Какое сало? Развѣ можно любить или ненавидѣть свиное сало?

— Ну, тогда, можетъ-быть, вы любите сухое варенье? — спокойно продолжала хохлушка. — Я умѣю его дѣлать... Очень вкусно. И сохраняется отлично. О чемъ же горевать?—не понимаю... Сытъ, одѣтъ, и слава Богу. Сколько есть людей голодныхъ... Ахъ, сколько! А я не могу видѣть голоднаго человѣка. Кажется, взяла бы да всѣхъ и накормила: всѣ ѣшьте и всѣ будьте сыты.

— Какая вы милая, Анна Ѳедоровна,—невольно вырвалось у княжны.— И какая я кислятина рядомъ съ вами. Я уже себя ненавижу...

— Зачѣмъ ненавидѣть, т.-е. вообще напрасно безпокоить себя...

Маленькая Таня тоже взобралась на кровать и, какъ котенокъ, при-

курнула въ уголочкѣ. Княжна гладила ея шелковистые волосы и начинала чувствовать, что у нихъ образуется одна семья, и что она начинаетъ всѣхъ любить, и что все это очень хорошо. Ей сдѣлалось стыдно за свои слезы, и она улыбалась виноватой улыбкой, какъ напроказившій ребенокъ.

— Вотъ вы считаете себя лишней и ненужной,—продолжала хохлушка своимъ ровнымъ, мягкимъ голосомъ, производившимъ необыкновенно успокоительное дѣйствіе на княжну уже одними интонаціями: — а безъ бабы тоже нельзя... Какъ ни хитри, какъ ни выворачивайся, а безъ нашей сестры тоже не обойдешься. Конечно, мужчины умнѣе насъ, потому что они получаютъ лучшее образованіе, они энергичнѣе, потому что это зависитъ отъ природы, но, несмотря ни на свой умъ, ни на образованіе, ни на энергію—они находятся въ полной зависимости отъ насъ, женщинъ. Достаточно уже того, что они принадлежатъ такъ или иначе намъ же... Тутъ и дѣлить нечего, а только каждый дѣлалъ бы свое дѣло. Да, безъ бабы невозможно, и Василій Тимоѳеичъ это отлично понимаетъ...

— А если онъ ошибается, т.-е. можетъ быть неудачный выборъ — я говорю только о себѣ.

— Пустяки... Куда онъ безъ насъ дѣнется?.. Наконецъ просто у насъ вотъ есть эта дѣвчонка, которую нужно воспитывать.

Эта увѣренность хохлушки и ея философія окончательно успокоили княжну, такъ что, когда вечеромъ вернулся Окоемовъ, она встрѣтила его съ улыбавшимся лицомъ. Окоемовъ тоже былъ въ хорошемъ расположеніи духа.

— Вотъ это отлично, что вы улыбаетесь, — говорилъ онъ, крѣпко пожимая руку княжны. — Я читалъ какой-то англійскій дѣтскій разсказъ... Въ немъ дѣти рѣшаютъ вопросъ, что̀ такое папа. Одинъ говоритъ, что папа это игрушка, другой—сласти, а одна дѣвочка сказала, что папа—это когда мама смѣется... Не правда ли, какъ это хорошо? Вообще хорошо, когда женщины улыбаются... Мои, т.-е. наши дѣла обстоятъ отлично. Сейчасъ только отъ своего агента... Онъ устроилъ все, что̀ было нужно. Да... А время больше, чѣмъ деньги.

— Значитъ, мы скоро уѣдемъ отсюда? — спросила княжна.

— О, да... По возможности скорѣе. Нужно работать... Ахъ, какой край, Варвара Петровна, какой чудный край! Я его сейчасъ объѣздилъ... по картѣ, конечно. Нѣтъ, нужно быть безнадежно-безсовѣстнымъ человѣкомъ, чтобы при такихъ условіяхъ не сдѣлаться милліонеромъ.

— У васъ уже всегда милліоны на умѣ, а я это уже не люблю...

— Да вѣдь я люблю не деньги, а заключающуюся въ нихъ страшную силу. Зачѣмъ не называть вещи своими именами?.. Русскіе хорошіе люди оттого и безсильны, что не умѣютъ обращаться съ деньгами. Ну, да это вы увидите потомъ, что̀ такое деньги... А гдѣ Сережа?..

Княжна только махнула рукой. Развѣ Сережа можетъ просидѣть дома хоть одинъ день?..

Окоемовъ былъ въ слишкомъ хорошемъ настроеніи, чтобы оставаться одному. А Сережа, какъ на грѣхъ, „закатился“ неизвѣстно куда. Было уже часовъ девять вечера, и на улицахъ сдѣлалось темно. Что̀ дѣлать? Окоемовъ зашелъ въ номеръ своихъ компаньоновъ. Фельдшеръ Потаповъ приводилъ въ порядокъ пріобрѣтенные медикаменты, студентъ Крестниковъ лежалъ на кровати съ книгой въ рукахъ.

— Ну, что̀ новаго, господа? — спрашивалъ Окоемовъ, подсаживаясь къ студенту.

— А я былъ въ музеѣ... Очень интересно, — сообщилъ Крестниковъ.— Я никакъ не ожидалъ встрѣтить въ провинціи что-нибудь подобное.

— Вотъ то-то и есть.

— Много интереснаго, такъ что я для перваго раза сдѣлалъ только бѣглый обзоръ. Есть прекрасная библіотека... Вообще работаютъ.

— Вотъ и вы учитесь. Будетъ свободное время, тогда будемъ заниматься ботаникой, минералогіей, геологіей, зоологіей... Нужно будетъ пристроиться къ этому Обществу. Мнѣ оно очень нравится. Да, будемъ знакомиться, учиться, работать.

Поговоривъ со студентомъ, Окоемовъ вышелъ въ коридоръ и долго шагалъ изъ одного конца на другой. Въ передней онъ видѣлъ доску съ фамиліями проѣзжающихъ и замѣтилъ, что Барышниковъ занималъ пятый номеръ, который былъ въ томъ же коридорѣ, въ который выходили и ихъ номера. Значитъ, она была здѣсь, совсѣмъ близко... Эта мысль тревожила и волновала Окоемова. Навѣрно, она сейчасъ дома. Что-то она дѣлаетъ, о чемъ думаетъ?.. Окоемовъ опять почувствовалъ, что у него начинаетъ кружиться голова и давитъ грудь, такъ что нечѣмъ было дышать. Онъ спустился во второй этажъ, гдѣ помѣщалась общая зала, буфетъ и бильярдная. Вездѣ было пусто, и только въ залѣ ужиналъ какой-то заѣзжій инженеръ.

- Отчего это у васъ такъ пусто?—спросилъ Окоемовъ старика-маркера, дремавшаго въ бильярдной.

— А у насъ всегда такъ, баринъ... Не Петербургъ. Здѣшняя публика не уважаетъ, чтобы зайти, напримѣръ, въ трактиръ и попросту напиться чайку. Такъ, проѣзжающіе больше, да иногда пьяные или на бильярдѣ играютъ по праздникамъ.

— А вы давно здѣсь служите?

— Да ужъ лѣтъ съ десять...

— Всѣхъ, вѣроятно, знаете?.. Золотопромышленниковъ много останавливается?

— Бываютъ... Только какіе нынче золотопромышленники поѣдутъ въ гостиницу? Одно названіе, что золотопромышленники...

— А Барышниковъ?

— Маркъ-то Евсеичъ? Угорѣли немножко Барышниковы... Было да сплыло, а теперь только одна слава осталась. Маркъ-то Евсеичъ окончательно порѣшилъ свои промысла... Сказываютъ, за безцѣнокъ продалъ. Конечно, они ему не къ рукамъ: самъ проживаетъ въ Москвѣ, ну, какіе тамъ промысла.

Вернувшись въ номеръ, Окоемовъ чувствовалъ, что чего-то недостаетъ. Его тяготило собственное одиночество, и онъ мысленно обругалъ Сережу. Вотъ человѣкъ, который, кажется, ни о чемъ не въ состояніи позаботиться...

Укладываясь спать, Окоемовъ мысленно пожелалъ покойной ночи Настасьѣ Яковлевнѣ. Она тоже, вѣроятно, въ постели и, можетъ-быть, вспомнила о сегодняшней встрѣчѣ. Милая дѣвушка, спи покойно, и дай тебѣ Богъ всего хорошаго. Въ головѣ у Окоемова вертѣлись обрывки сценъ далекаго путешествія, сегодняшній разсказъ маркера и т. д. Онъ долго не могъ заснуть, и мысль упорно сосредоточивалась на *ней*. Нужно было воспользоваться случаемъ и окончательно выяснить дѣло. Все равно, какъ-нибудь да разрѣшить вопросъ. Вотъ если бы княжна догадалась сама познакомиться съ ней. Давеча у Окоемова вертѣлось на языкѣ предложить это княжнѣ, но онъ не рѣшался. Кто знаетъ, можетъ-быть, обстоятельства сложатся сами собой, какъ сегодняшняя встрѣча на вокзалѣ. Все можетъ быть. Счастье было такъ велико, что Окоемовъ въ этомъ случаѣ начиналъ думать о самомъ себѣ, какъ о посто-

роппемъ человѣкѣ. Онъ зналъ только одно, что другой такой дѣвушки еще никогда не было, нѣтъ и не будетъ.

Онъ такъ и уснулъ съ мыслью о *ней*, счастливый тѣмъ, что она тутъ, совсѣмъ близко. Его разбудилъ на разсвѣтѣ Сережа, вернувшійся замѣтно навеселѣ.

— Я, кажется, тебя разбудилъ?..—шепелявилъ онъ прилипавшимъ языкомъ, дѣлая невѣрные шаги.

— Немножко...

Сережа остановился посрединѣ комнаты, улыбнулся блаженной улыбкой, а потомъ сѣлъ прямо на полъ.

— Вотъ поди жъ ты, а?—удивлялся онъ, продолжая улыбаться.—Штука, братъ... т.-е. совсѣмъ не штука, а съ какимъ я инженеромъ познакомился. Мы съ нимъ выпили на „ты". Только вотъ фамилію его я забылъ дорогой... Вообще, отличный человѣкъ. И все мнѣ разсказалъ. Потомъ двѣ какихъ-то барыни... одна ничего... гм... Потомъ докторъ... членъ окружнаго суда... Знаешь, Вася, положительно здѣсь можно жить.

— И бильярдъ есть и сардинки?

— Нѣтъ, не то... да, не то. А я дальше не поѣду, вотъ и все... Нѣтъ, какой инженеръ... полицеймейстеръ... А какъ зовутъ эту дамочку?

— Да гдѣ же ты былъ, безпутный человѣкъ?

— Гдѣ я былъ? Э, братъ, я былъ гдѣ-то за городомъ... Извозчикъ знаетъ. А инженеръ рубаха-парень... Если бы такихъ людей побольше... хе-хе!..

— Вотъ что̀, Сережа, самое лучшее, что̀ ты сейчасъ можешь сдѣлать— это лечь спать.

— А я здѣсь останусь... да!—сказалъ Сережа, начиная раздѣваться, сидя на полу. — Отлично, чортъ возьми... А дамочка... Музыка играла, публика... Никакъ не ожидалъ!

Сережа раздѣлся, легъ и сейчасъ же заснулъ, какъ убитый, а Окоемовъ продолжалъ лежать съ открытыми глазами и чувствовалъ, что больше не уснетъ. Было раннее лѣтнее утро. Въ окно изъ-за шторы пробивался первый солнечный лучъ. Гдѣ-то тихо и протяжно ворковали голуби, задорно чиликали воробьи и слышался гулъ чьихъ-то шаговъ по каменному тротуару. Окоемовъ сѣлъ на постели и проговорилъ вслухъ:

— Что̀ же это такое?.. Нужно дѣйствовать энергичнѣе... Нѣтъ, подождите, Маркъ Евсеичъ, мы еще посмотримъ, чья возьметъ!.. Ни одному вашему слову не вѣрю... Да, не вѣрю.

При дневномъ свѣтѣ для него все было такъ ясно и просто. Ему даже хотѣлось крикнуть:

— Я здѣсь... Милая, ничего не бойся!.. Я тебя люблю...

X.

Агентъ Окоемова на весеннихъ торгахъ, которые производятся ежегодно уральскимъ горнымъ правленіемъ, купилъ нѣсколько пріисковъ въ разныхъ дачахъ. Это одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ аукціоновъ въ Россіи. Золотопромышленники дѣлаютъ массу заявокъ, которыя остаются не у дѣлъ и поступаютъ обратно въ казну, а казна пускаетъ ихъ съ вольныхъ торговъ, какъ выморочное имущество. Окоемовъ очутился сразу владѣльцемъ шести пріисковъ, которые въ общей сложности стоили около двухъ тысячъ рублей. Нужно замѣтить, что всѣ эти пріиски находились только въ казенныхъ дачахъ, отведенныхъ для эксплоатаціи частныхъ золотопромышленниковъ, а владѣльческія дачи сюда не входили.

Агентъ Окоемова представлялъ собой типичнаго уральскаго промышленнаго человѣка, жившаго „своими средствами“. Это былъ среднихъ лѣтъ господинъ, приличный, умный, энергичный, но зараженный до мозга костей разными проектами, неизмѣнно клонившимися къ его обогащенію. По его словамъ, онъ уже до десяти разъ былъ совсѣмъ близко у цѣли, но мѣшала какая-нибудь ничтожная подробность. Богатство было вотъ тутъ, совсѣмъ близко, и ускользало изъ рукъ, какъ шапка-невидимка. По своей сущности это былъ неизлѣчимо поврежденный человѣкъ, какъ изобрѣтатель Потемкинъ, хотя сфера дѣятельности была совсѣмъ другая. Окоемову нравилась въ немъ его энергія и вѣра въ свою звѣзду. И фамилія у него была чисто-сибирская: Утлыхъ, Илья Ѳедорычъ. Проживалъ онъ въ собственномъ маленькомъ домикѣ, имѣлъ семью и бился, какъ рыба о ледъ.

— Разъ у меня какой случай былъ,—разсказывалъ Утлыхъ, шагая по комнатѣ; онъ не могъ говорить сидя: — да, случай... Былъ пріискъ, и все я его собирался развѣдать... А тутъ подвернулись другія дѣла, я пропустилъ срокъ, и онъ ушелъ въ казну. Я уѣхалъ по дѣламъ, не поспѣлъ къ торгамъ, и пріискъ ушелъ за 120 рублей. И представьте себѣ: за одно лѣто на немъ было намыто три пуда золота. Это, по 20 тысячъ за пудъ, получается всѣ 60 тысячъ, т.-е. чистыхъ любая половина. Да... Въ другой разъ меня подвелъ компаньонъ. Въ третій... И все изъ-за пустяковъ, Василій Тимоѳеичъ. Конечно, я человѣкъ небогатый, и для меня сто рублей большія деньги. Вотъ изъ-за этого и погибаю.

Кромѣ золота, Утлыхъ занимался и другими „предметами“: имѣлъ желѣзный рудникъ, нѣсколько заявокъ на азбестъ, скупалъ драгоцѣнные камни, искалъ залежи киновари и оловянной руды и т. д. Каждый слѣдующій день могъ его обогатить навсегда, а только „сегодня“ давило и не давало хода. Однимъ словомъ, это былъ въ своемъ родѣ фанатикъ легкой наживы по спеціально-сибирской логикѣ, и Окоемовъ находилъ въ немъ родственныя черты.

— Я уже нѣсколько лѣтъ разыскивалъ киноварь,—объяснялъ онъ:—вѣдь это почище золота... Она попадается въ розсыпяхъ отдѣльными зернами. Дѣлалъ развѣдки, ѣздилъ, и вдругъ на югѣ Россіи открываютъ громадное мѣсторожденіе, въ Екатеринославской губерніи. Ртути больше не нужно, и мои труды пропали. Теперь ищу олово... Мѣдь стоитъ около 8 рублей пудъ, а олово 22 рубля. Представьте себѣ, что найду коренное мѣсторожденіе: вѣдь это милліоны. Да... Азбестъ, литографскій камень, марганецъ—вездѣ богатство. Нѣтъ, съ марганцемъ мы опоздали: онъ открытъ уже на Кавказѣ. Наконецъ фосфориты—вѣдь это послѣднее слово агрономіи, а гдѣ же быть фосфоритамъ, какъ не на Уралѣ? У меня есть одна горка на примѣтѣ... Да что тутъ говорить, поживете—сами увидите.

— И недостаетъ какихъ-нибудь пустяковъ, Илья Ѳедорычъ?

— Даже смѣшно сказать... Ефимовы отъ кого пошли жить? Вѣдь я же имъ купилъ Надежный пріискъ съ торговъ, какъ вотъ вамъ. А Глазковы? Ивановы? Всѣ они теперь богачи, а я вотъ для другихъ долженъ хлопотать...

— Но вѣдь это все временно?

— Конечно, только пока... Говоря между нами, у меня есть на примѣтѣ такихъ два мѣсторожденія каменнаго угля, что отцу родному не уступлю. Только вотъ не хватаетъ средствъ для начала дѣла. А каменный уголь сейчасъ все... Есть даже нефть, т.-е. знаки. Я еще самъ сильно сомнѣваюсь, хотя она и должна быть на Уралѣ.

— Почему вы такъ думаете?

— Помилуйте, да какъ же иначе? У насъ рѣшительно есть все, кромѣ киновари, олова и нефти... И я ихъ разыщу.

Въ спеціально-пріисковомъ дѣлѣ Утлыхъ, что̀ называется, собаку съѣлъ и наперечетъ зналъ всѣхъ золотопромышленниковъ и всѣ пріиски, со всѣми мельчайшими подробностями.

— Вы за свои двѣ тысячи купили богатство,—объяснялъ онъ Окоемову, дѣлая увѣренный жестъ.—Помилуйте, за эти деньги вы пріобрѣли площадь земли въ три тысячи десятинъ... Имѣете право ее разрыть вдоль и поперекъ, уплачивая за каждую десятину всего по одному рублю казенной подати въ годъ. Я вамъ нарочно купилъ два пріиска на сѣверѣ, два въ среднемъ Уралѣ и два на югѣ—выбирайте изъ любыхъ. Вотъ съѣздимъ, посмотримъ и тогда рѣшимъ, съ чего начать.

— А по вашему мнѣнію, что̀ лучше?

— По моему? Я взялъ бы разработку южныхъ промысловъ. Дѣло самое вѣрное...

Изъ этихъ бесѣдъ Окоемовъ вывелъ заключеніе, что Утлыхъ страдалъ одной слабостью, которая присуща провинціальнымъ прожектерамъ—онъ искалъ богатства какъ можно дальше отъ своего Екатеринбурга, точно золоту не все равно было лежать, гдѣ угодно. Это напоминало больныхъ, которые ѣдутъ за здоровьемъ въ чужіе края. Въ общемъ этотъ уральскій американецъ очень нравился Окоемову, хотя онъ и смотрѣлъ на него, какъ на неисправимаго мечтателя. Они уговорились вмѣстѣ осмотрѣть цѣлый рядъ промысловъ и свои купленные пріиски.

Провинція вездѣ останется провинціей, и вѣсть объ Окоемовѣ, какъ новомъ золотопромышленникѣ, разошлась съ поразительной быстротой... Въ „Американскую гостиницу“ начали являться разные подозрительные субъекты и даже деревенскіе мужики съ самыми заманчивыми предложеніями. У каждаго было на примѣтѣ по нѣскольку самыхъ надежныхъ и вѣрныхъ мѣстъ. Приносили даже пробы песку и кварца. Все это были люди того же типа, какъ и Утлыхъ, хотя въ меньшемъ масштабѣ.

— Васъ спрашиваетъ какой-то мужикъ...—докладывалъ каждое утро Окоемову коридорный.

— Какой мужикъ?..

— А онъ съ ранняго утра ждетъ... Еще вчера приходилъ.

— Позови...

Входилъ мужикъ, настоящій мужикъ. Крестился на образъ, кланялся, откашливался съ таинственнымъ видомъ и заводилъ стереотипный разговоръ:

— Наслышаны мы, что вы, значитъ, касаемы къ золоту, такъ оно тово... Есть вѣрные знаки. Ужъ такое мѣсто, такое мѣсто—вотъ какое спасибо послѣ скажете. Богачество...

Всѣ эти разговоры обыкновенно заканчивались просьбой относительно задатка. Сначала Окоемовъ имѣлъ неосторожность давать деньги, а потомъ бросилъ—это ни къ чему не вело. Окоемова интересовалъ самый типъ этого уральскаго промысловаго человѣка, зараженнаго несбыточными мечтами. Мысли о легкой наживѣ, казалось, витали въ самомъ воздухѣ.

Кромѣ „золотыхъ мужиковъ“, одолѣвали еще продавцы каменныхъ издѣлій и драгоцѣнныхъ камней. Это были мелкіе скупщики, торговавшіе кустарными произведеніями. Екатеринбургъ давно служитъ центромъ производства и торговли драгоцѣнными камнями. Окоемовъ пріобрѣлъ нѣсколько типичныхъ образцовъ мѣстныхъ породъ и очень удивился, что найти порядочную коллекцію уральскихъ камней въ Екатеринбургѣ такъ же трудно, какъ гдѣ-нибудь

въ Сахарѣ кусокъ льда. Онъ нашелъ нѣсколько дрянныхъ коллекцій въ магазинахъ, но за нихъ запрашивали такія цѣны, что было даже неловко за продавцовъ. Ознакомившись съ цѣнами на каменное сырье, Окоемовъ замѣтилъ студенту Крестникову:

— Вотъ вамъ нашъ интеллигентный грѣхъ... Въ центрѣ камней вы не найдете порядочной коллекціи, а между тѣмъ здѣсь, навѣрно, есть много молодыхъ интеллигентныхъ людей, которые за 15 рублей жалованья готовы корпѣть надъ перепиской съ утра до ночи. Это наконецъ возмутительно... Я подсчитывалъ и нахожу, что можно этимъ дѣломъ заняться серьезно и пустить въ оборотъ тысячи такихъ коллекцій по цѣнамъ въ сто разъ дешевле, чѣмъ онѣ сейчасъ продаются. Вы только сочтите, сколько у насъ среднихъ учебныхъ заведеній, сколько народныхъ школъ—спросъ громадный. И онъ будетъ все возрастать... Для народной школы, напримѣръ, можно приготовлять коллекціи изъ пятидесяти типичныхъ экземпляровъ рубля за два. Вотъ вамъ прекрасная и крайне полезная работа, которая для своего начала не требуетъ большого капитала, а только нѣкоторыхъ спеціальныхъ знаній... Съ другой стороны, это предпріятіе дастъ возможность парализовать всѣхъ этихъ скупщиковъ-кулаковъ, которые держатъ сотни кустарей въ ежовыхъ рукавицахъ. И все у насъ такъ: будемъ у хлѣба сидѣть голодомъ...

Съ первыхъ же шаговъ для Окоемова все рѣзче и рѣзче начала выступать эта роковая русская черта неумѣнья пользоваться окружающими богатствами. Кажется, все дано людямъ, чтобы жили и благоденствовали, а они упорно не желаютъ. Получались вопіющія несообразности, возмущавшія Окоемова на каждомъ шагу до глубины души. Разъ онъ, отправившись вечеромъ пройтись съ княжной, зашелъ въ магазинъ купить варенья.

— Нѣтъ ли у васъ какого-нибудь здѣшняго варенья?—спрашивалъ Окоемовъ разбитного приказчика.

— Здѣшняго-съ? Никакъ-нѣтъ-съ... У насъ есть лучшіе сорта: Абрикосова-съ. Шестьдесятъ копеекъ фунтъ...

— Изъ Москвы?

— Точно такъ-съ... У насъ все варенье изъ Москвы-съ. Лучшіе сорта...

Окоемовъ только пожалъ плечами.

— Это просто какое-то звѣрство!—ворчалъ онъ, возвращаясь съ покупкой домой.—Я иначе не умѣю назвать... Сѣверъ—страна всевозможныхъ ягодъ по преимуществу. И какихъ ягодъ... Мнѣ разсказывали, что въ Башкиріи продаютъ чудную степную клубнику прямо возами. Ведро стоитъ часто 10—15 копеекъ. Что же будетъ стоить варенье? Даже смѣшно сказать: пятнадцать копеекъ фунтъ, а мы заплатили шестьдесятъ. Мнѣ даже хочется просто побить кого-нибудь...

— Вы уже волнуетесь, Василій Тимоѳеичъ.

— Какъ же не волноваться, когда все такъ возмутительно... Ахъ, какъ все глупо!.. Вѣдь это же кусокъ хлѣба спеціально для женщинъ. На сто рублей можно заработать триста... Чего же вамъ больше?

— У васъ всѣ разговоры только на деньги сводятся...

— А какъ же иначе? Я уже говорилъ вамъ, что я купецъ, самый настоящій купецъ, и не могу видѣть, когда другіе не понимаютъ собственной пользы. Опять имѣю въ виду только интеллигентныхъ людей, въ частности—интеллигентныхъ женщинъ, которыхъ и здѣсь, навѣрно, непочатый уголъ. Ищутъ работы, голодаютъ, а вѣрный кусокъ хлѣба лежитъ подъ носомъ...

— Но вѣдь нужны сто рублей, вы же сами говорите? А гдѣ бѣдная интеллигентная женщина ихъ найдетъ?..

— Ага, вотъ въ этомъ и вся суть, т.-е. въ деньгахъ. Вы, напримѣръ, въ теченіе года службы у меня должны накопить вотъ эти самые сто рублей, и всѣ другіе служащіе тоже... Моя задача—заставить васъ это сдѣлать. А разъ будутъ сто рублей, у человѣка уже почва подъ ногами. Сколько требуется вездѣ рабочихъ рукъ, труда, а мы только смотримъ, какъ лѣнивые рабы. Вотъ я съ вами толкую о варенья и теряю время. Да... Я это чувствую. Помилуйте, такое прозаическое занятіе... „Чѣмъ вы занимаетесь?“ Вѣдь стыдно сказать: „я варю варенье“. Ахъ, какъ все это глупо и нелѣпо...

— Отчего вы сами этимъ не займетесь, если это вамъ нравится?

— Но очень простой причинѣ: не хочу отбивать женскій хлѣбъ. Показать, какъ это дѣлается—это могу, но заниматься самому не стоитъ. Знаете, что бы я здѣсь сдѣлалъ: открылъ бы сахарный заводъ. Да... Земли здѣсь сколько угодно, топлива тоже, рабочихъ рукъ тоже, да еще въ выигрышѣ провозъ. Сахаръ—товаръ, который всегда въ модѣ и не имѣетъ обрѣзковъ. Да, если бы я хотѣлъ исключительно только наживать деньги, я такъ бы и сдѣлалъ.

Изъ-за варенья они чуть не поссорились. Княжна серьезно обидѣлась.

— Вы уже мнѣ не нравитесь, Василій Тимоѳеичъ... Только и слышишь: деньги, деньги!.. А если мнѣ уже ихъ не нужно, этихъ вашихъ денегъ? Вотъ не нужно, и все тутъ. И другимъ женщинамъ тоже... Всякій дѣлаетъ свое маленькое дѣло, и хорошо, что не думаетъ о деньгахъ. Это вы въ своей Америкѣ заразились деньгами...

— Вы меня считаете ненормальнымъ человѣкомъ?

— Да... У васъ есть пунктикъ, какъ говорятъ доктора.

— А мужики говорятъ про такихъ людей, что у нихъ заяцъ въ головѣ прыгаетъ? Что же, вы правы, Варвара Петровна... Есть заяцъ. Больше не буду говорить о деньгахъ...

Княжнѣ вдругъ сдѣлалось его жаль, и она посмотрѣла на него такими заискивающими глазами. Вѣдь она его такъ любила и такъ вѣрила въ него, если бы всего не отравляли эти проклятыя деньги...

— Ну, помиримтесь, милая Варвара Петровна,—добродушно просилъ Окоемовъ.

— И я уже не буду васъ бранить.

XI.

Знакомство княжны съ Настасьей Яковлевной состоялось само собой, благодаря маленькому приключенію съ Таней. Дѣвочкѣ наскучило сидѣть въ номерѣ, и она получила позволеніе гулять въ коридорѣ.

Воспользовавшись этой относительной свободой, Таня пробралась сначала въ бильярдную и познакомилась со старикомъ-маркеромъ, потомъ ее нашли уже въ кухнѣ, гдѣ жила тоже маленькая дѣвочка. Однимъ словомъ, Таня оріентировалась въ гостиницѣ и чувствовала себя какъ дома, что очень огорчало княжну. Разъ дѣвочка засидѣлась въ кухнѣ дольше обыкновеннаго и, чувствуя за собой вину—ей было запрещено ходить туда—хотѣла наверстать время быстротой возвращенія и пустилась по коридору во всю прыть. Но тутъ и случилось происшествіе. Таня запнулась и полетѣла на полъ съ разбѣга. Когда княжна выскочила на крикъ въ коридоръ, она увидѣла, что Таню подымаетъ съ полу какая-то незнакомая дѣвушка.

— Ничего, мы немного разбились...—говорила незнакомка, вытирая окровавленное личико Тани носовымъ платкомъ.

Княжна поблагодарила незнакомку и хотѣла увести Таню къ себѣ въ

номеръ, но дѣвочка закапризничала и, ухватившись ручонками за платье незнакомки, не желала съ ней разставаться.

— Вы меня будете бранить...—повторяла она.—А тетя добрая...

— Ты уже опять была въ кухнѣ, негодная дѣвчонка?

Таня упорно молчала, крѣпко ухватившись за платье своей защитницы. Незнакомка сдѣлала княжнѣ знакъ глазами и пригласила ее къ себѣ въ номеръ. Княжна только теперь вглядѣлась въ нее и узнала въ ней ту самую дѣвушку, о которой ей столько разъ говорилъ Окоемовъ. Это открытіе ее заинтересовало, и она молча пошла за ней.

— Посидите у меня, пока дѣвочка успокоится,—проговорила незнакомка, когда онѣ вошли въ большой номеръ.—Кстати, я совершенно одна...

— Если не ошибаюсь, я видѣла васъ на вокзалѣ, когда мы пріѣхали? Мнѣ говорилъ о васъ Василій Тимоѳеичъ...

— Г. Окоемовъ? Да, я его встрѣчала нѣсколько разъ въ Москвѣ... Я сейчасъ, только умою эту стрекозу.

Она увела дѣвочку къ умывальнику и помогла ей умыться, а затѣмъ сама вытерла мокрое дѣтское личико полотенцемъ.

— Какая милая дѣвочка... Это ваша дочь?

— Нѣтъ, я не замужемъ... У нея нѣтъ матери. А васъ какъ зовутъ?

— Настасья Яковлевна... Мы скоро уѣзжаемъ съ дядей въ Москву.

— Я вамъ могу только позавидовать.. Я тоже московская и очень скучаю по Москвѣ.

Онѣ разговорились. Княжнѣ очень понравилась эта оригинальная дѣвушка. У нея было совсѣмъ особенное лицо, одно изъ тѣхъ типичныхъ женскихъ русскихъ лицъ, которыя не забываются. Особенно шла къ ней гладкая прическа, открывавшая умный большой лобъ. Княжна чувствовала, что точно давно-давно знакома съ этой дѣвушкой.

— А я здѣсь пробуду до осени,—сообщила она.—Съ одной стороны жалѣю, что пріѣхала сюда, а съ другой... Какъ жаль, что вы совсѣмъ не знаете Василія Тимоѳеича. Это совсѣмъ особенный человѣкъ...

Въ краткихъ словахъ княжна разсказала о цѣли своей экспедиціи и объ ея личномъ составѣ. Настасья Яковлевна внимательно ее выслушала и отвѣтила одной фразой:

— Да, я слышала... Мнѣ говорилъ дядя о г. Окоемовѣ.

Княжнѣ показалось, что дѣвушка говоритъ о г. Окоемовѣ слишкомъ равнодушно, и про себя немного обидѣлась. Развѣ есть другой г. Окоемовъ? Очевидно, дѣвушка ничего не знала или слышала что-нибудь не въ его пользу. Затѣмъ, какъ показалось княжнѣ, дѣвушка относилась къ ней съ нѣкоторымъ недовѣріемъ.

— Вы опять въ Москву?—спрашивала княжна, поднимаясь.

— Да...

Съ этого началось случайное знакомство, о которомъ княжна почему-то не сказала Окоемову ни одного слова.

Въ слѣдующій разъ она встрѣтила Настасью Яковлевну въ коридорѣ и не узнала ея: дѣвушка шла въ шелковомъ сарафанѣ и въ шелковомъ платочкѣ на головѣ, что̀ къ ней очень шло.

— Я уже не узнала васъ, Настасья Яковлевна. Какой странный костюмъ...

— Сегодня воскресенье, и я только-что вернулась изъ моленной. Мы вѣдь по старой вѣрѣ... старовѣры....

— А, вотъ что̀... Этотъ сарафанъ очень идетъ къ вамъ, какъ и всѣмъ

женщинамъ вообще. Замѣчательно хорошій костюмъ, который идетъ ко всѣмъ возрастамъ и даже къ некрасивымъ женщинамъ. Наши платья ничего не стоятъ по сравненію... А вы просто красавица въ своемъ сарафанѣ.

Этотъ комплиментъ заставилъ Настасью Яковлевну раскраснѣться, а княжна стояла и любовалась красавицей. Да, у Окоемова недурной вкусъ... И какое чудное лицо, такое молодое и такое серьезное. Княжна кончила тѣмъ, что обняла и расцѣловала раскольницу.

— Я не знаю уже, за что я васъ полюбила... Какъ жаль, что вы скоро уѣзжаете!..

Настасья Яковлевна ничего не отвѣтила, а только тоже опустила глаза.

— Кстати, пойдемте къ намъ чай пить,—предложила княжна.—Въ нашемъ номерѣ однѣ женщины.

Дѣвушка на одно мгновеніе поколебалась, а потомъ молча пошла за княжной. Ея появленіе въ номерѣ произвело нѣкоторую сенсацію. Таня смотрѣла на нее съ раскрытымъ ртомъ,—это не была просто добрая тетя, а что-то особенное, высшее, чего она еще никогда не видала. Настасья Яковлевна сняла свой платокъ, и Таня пришла въ окончательный восторгъ отъ ея туго заплетенной косы.

— И мнѣ такое же платье...—проговорила она, ощупывая сарафанъ гостьи, сдѣланный изъ старинной тяжелой шелковой матеріи.

Хохлушка отнеслась къ этому праздничному наряду москалихи довольно презрительно, зато Калерія Михайловна ахнула отъ восторга.

— Вотъ это отлично: наше родное, русское...—повторяла она въ какомъ-то дѣтскомъ воодушевленіи.—Да, отлично...

— Еще бабушкинъ сарафанъ,—объяснила Настасья Яковлевна.—Видите, старинный позументъ съ висюльками... Такого уже нынче не дѣлаютъ. И пуговицы тоже старинныя...

Это торжество женскаго сѣвера задѣло хохлушку за живое, и она сдѣлала презрительную гримасу. То ли дѣло хохлацкія запаски и плахты,—что̀ можетъ быть лучше? И чему обрадовались эти кацапки!.. Вотъ невидаль, что обшитъ сарафанъ разными цацами!.. То ли дѣло, когда дѣвушка надѣнетъ на голову живые цвѣты... Кончилось тѣмъ, что хохлушка придралась по какому-то поводу къ Калеріи Михайловнѣ, и чуть не вспыхнула первая ссора за все время ихъ путешествія. Но въ этотъ критическій моментъ въ дверяхъ показался Окоемовъ. Онъ на мгновеніе остановился въ дверяхъ, посмотрѣлъ на Настасью Яковлевну прищуренными глазами, какъ дѣлаютъ при неожиданно-яркомъ свѣтѣ, и только потомъ подошелъ поздороваться.

— Я васъ не узналъ, Настасья Яковлевна...

— А я васъ сразу узнала...—спокойно и просто проговорила дѣвушка.—Отчего вы къ намъ никогда не зайдете? Дядя васъ приглашалъ...

— Говоря откровенно, мнѣ очень хотѣлось быть у васъ,—въ томъ же тонѣ отвѣтилъ Окоемовъ,—но я просто не рѣшался... Нѣсколько разъ собирался и не могъ. Самъ не знаю, что̀ меня удерживало. Боялся вамъ помѣшать, потомъ куча своихъ дѣлъ... Вы, кажется, скоро уѣзжаете?

— Да, на-дняхъ.

— Опять въ Москву?

— Да...

Дѣвушка наскоро выпила свою чашку и начала прощаться. Протягивая руку Окоемову, она проговорила:

— А вы все-таки заходите къ намъ...

— Благодарю. Постараюсь быть.

Она вышла. Въ номерѣ водворилось неловкое молчаніе. Всѣ три женщины инстинктивно ревновали эту Настасью Яковлевну къ своему патрону. На ихъ глазахъ промелькнуло молодое счастье, напомнивъ о быломъ.

— Да, я пришелъ объявить вамъ, господа, что уѣзжаю на нѣсколько дней,—спохватился Окоемовъ.—Всего на нѣсколько дней... Мы ѣдемъ вмѣстѣ съ Утлыхъ посмотрѣть промыселъ.

— А если вы не вернетесь?—спросила княжна.

— Вернусь, вернусь...—успокоилъ Окоемовъ.—Тащить всѣхъ за собой неудобно, а мнѣ необходимо объѣхать до десятка промысловъ и осмотрѣть свои, чтобы сдѣлать окончательный выборъ.

И это не понравилось всѣмъ женщинамъ, которыя начинали смотрѣть на Окоемова съ чувствомъ собственности.

— Съ вами останутся Потаповъ, Крестниковъ и Потемкинъ,—объяснялъ Окоемовъ.

Вечеромъ этого же дня Окоемовъ неожиданно встрѣтилъ Настасью Яковлевну на улицѣ. Она была въ своемъ обыкновенномъ шерстяномъ платьѣ и въ соломенной шляпѣ.

— Здравствуйте, Настасья Яковлевна.

— Здравствуйте... А я сейчасъ изъ магазина,—точно оправдывалась дѣвушка, показывая небольшой свертокъ.—Скоро уѣзжаемъ, такъ нужно было кое-что купить...

— Въ Москву?—проговорилъ Окоемовъ, идя рядомъ.—Знаете, Настасья Яковлевна, я вамъ не вѣрю...

Дѣвушка съ удивленіемъ посмотрѣла на него своими темными глазами.

— Да, не вѣрю...—продолжалъ Окоемовъ еще болѣе рѣшительно.—Вы говорите то, что̀ вамъ велятъ. Я васъ не обвиняю и понимаю, почему вы такъ дѣлаете... Не правда ли, я угадалъ.

Она ничего не отвѣтила, а только прибавила шагу, точно хотѣла убѣжать отъ какой-то удручавшей ее мысли...

— Я много думалъ о васъ...—говорилъ Окоемовъ, стараясь итти въ ногу.—Да, думалъ... И вы тоже думали, такъ, немножко. И знаете, что̀ васъ смущало: вы думали, что я васъ считаю за богатую наслѣдницу, тогда какъ у васъ ничего нѣтъ. Да, сначала я такъ думалъ, а потомъ узналъ, что ошибаюсь и поэтому... поэтому рѣшился предложить вамъ слѣдующее: гдѣ бы вы ни были и что̀ бы съ вами ни было, вы помните одно, что у васъ есть вѣрный другъ, который для васъ готовъ все сдѣлать. Да, все на свѣтѣ... Я знаю, что вы останетесь здѣсь, на Уралѣ, и, вѣроятно, васъ запрячутъ куда-нибудь подальше, а поэтому, если я вамъ понадоблюсь, напишите мнѣ только свой адресъ, и я явлюсь. Мой адресъ: почтамтъ, до востребованія. А вотъ вамъ на всякій случай моя карточка...

Дѣвушка ничего не отвѣтила, а только молча пожала руку Окоемова, взяла его карточку и сдѣлала глазами знакъ, чтобы онъ больше не провожалъ.

Онъ остался на тротуарѣ, а она быстро шла къ „Американской гостиницѣ", до которой оставалось всего нѣсколько шаговъ. У него мелькнула совершенно дѣтская мысль: если *она* оглянется—да, не оглянется—нѣтъ... Настасья Яковлевна остановилась на подъѣздѣ, оглянулась и кивнула головой. О, милая, милая дѣвушка... Какъ онъ сейчасъ любилъ ее, именно любилъ, потому что даже не думалъ о самомъ себѣ и о своемъ счастьѣ, а только о ней. Милая дѣвушка, будь же счастлива, всегда, всегда счастлива... Да, съ ней уходилъ цѣлый міръ, все счастье, все будущее, а Окоемовъ стоялъ на

тротуарѣ, какъ очарованный, и не смѣлъ шевельнуться. Его растерянный видъ обратилъ вниманіе какого-то прохожаго, который съ участіемъ проговорилъ:

— Не обронили ли вы чего, господинъ?

— Нѣтъ, я нашелъ...—весело отвѣтилъ Окоемовъ и засмѣялся.—Много нашелъ: цѣлое богатство.

Прохожій посмотрѣлъ на него и только пожалъ плечами, принявъ его за рехнувшагося человѣка. Долго ли повихнуться человѣку...

Окоемовъ нѣсколько времени не могъ прійти въ себя и машинально пошелъ совсѣмъ не въ ту сторону, куда было нужно. Потомъ онъ вспомнилъ, что обѣщалъ быть у Утлыхъ и даже опоздалъ на цѣлыхъ полчаса, чего съ нимъ никогда не случалось, потому что аккуратность въ дѣлахъ онъ ставилъ одной изъ величайшихъ добродѣтелей.

Утлыхъ былъ немало удивленъ, увидѣвъ Окоемова: онъ принялъ его за пьянаго. Окоемовъ старался быть внимательнымъ, слушалъ и отвѣчалъ совершенно невпопадъ.

— Да что̀ съ вами случилось, Василій Тимоѳеичъ?

— Со мной? Рѣшительно ничего... А впрочемъ, все пустяки!

— Вы это про что? Какія пустяки?

— Развѣ я это сказалъ?.. Виноватъ, я говорю совсѣмъ не то...

Окоемовъ вдругъ засмѣялся и даже обнялъ Утлыхъ. Уральскій американецъ могъ только удивляться.

— Вы, можетъ-быть, забыли, что завтра мы выѣзжаемъ?—заговорилъ онъ.

— Куда? Ахъ, да... Все это пустяки и вздоръ!

— Какой же вздоръ? Помилуйте, Василій Тимоѳеичъ... Наконецъ я васъ не понимаю. Такъ нельзя относиться къ дѣлу...

— Хорошо... Ѣдемъ, Илья Ѳедорычъ. Я что-то хотѣлъ сказать вамъ... Ахъ, все равно. Однимъ словомъ, ѣдемъ...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Окоемовъ отправился сдѣлать предварительный обзоръ купленныхъ промысловъ вмѣстѣ съ Утлыхъ. Они отправились въ собственномъ сибирскомъ тарантасѣ, что̀ Окоемову особенно нравилось, напоминая доброе, старое дожелѣзнодорожное время. Тарантасъ представлялъ собою походный домъ, и въ него, кромѣ пассажировъ, можно было помѣстить разнаго багажа пудовъ пятнадцать. На путешествіе Окоемовъ ассигновалъ двѣ недѣли времени.

— Успѣемъ все посмотрѣть,—говорилъ Утлыхъ.

— Какъ хорошо...—восхищался Окоемовъ.—Я такъ давно не ѣздилъ на лошадяхъ. Какой просторъ... Совершенно особенное ощущеніе, точно вырвался откуда-то на волю.

Утлыхъ могъ только удивляться этимъ восторгамъ бойкаго московскаго барина. Какъ же иначе ѣздить? Когда тарантасъ съ тракта свернулъ на проселокъ, Окоемовъ пришелъ еще въ большій восторгъ. Какія славныя деревни попадались на пути, не чета расейскимъ—избы стояли, какъ зуба. Лѣса было еще достаточно, и уральскій мужикъ жилъ крѣпко, какъ, вѣроятно, жили мужики при Аскольдѣ и Дирѣ. И земли много, и воды, и всякаго угодья. Вообще, никакого сравненія съ жалкими расейскими деревушками.

— Въ Сибири еще лучше пойдетъ,—увѣрялъ Утлыхъ.—Всѣмъ еще мѣста хватитъ, да и отъ насъ еще останется...

— Да, Сибирь еще вся въ будущемъ,—задумчиво отвѣчалъ Окоемовъ.

Они сначала отправились на югъ отъ Екатеринбурга, по челябинскому тракту. Дорогой Окоемовъ припомнилъ, что здѣсь гдѣ-то живетъ сибирскій попъ Аркадій. Посмотрѣвъ свою записную книжку, онъ спросилъ своего спутника:

— Озеро Челканъ вы знаете, Илья Ѳедорычъ?

— Даже весьма превосходно знаю... Это въ сторону отъ тракта верстъ двадцать.

— Можетъ-быть, вы и о. Аркадія знаете?

— Еще бы... Мы съ нимъ большіе дружки. Онъ изъ Казани недавно проѣзжалъ, такъ завертывалъ ко мнѣ. Ловкій попикъ, работящій... У меня-то желѣзный рудникъ недалеко отъ озера Челканъ былъ, такъ я всегда у попа Аркадія останавливался. Можетъ-быть, вы къ нему хотите? Намъ рукой подать... Пріискъ-то нашъ будетъ отъ Челкана верстахъ въ пятнадцати...

— Вотъ и отлично. Мнѣ интересно было бы побывать у него...

— Хорошо, что во-время сказали. Повернемъ со слѣдующей станціи на Челканъ. Привольныя тамъ мѣста...

Главный массивъ Уральскаго хребта точно уходилъ все больше и больше вправо, а впереди все ровнѣе и ровнѣе разстилалась начинавшаяся сибирская равнина. Собственно, это было уже начало благословенной Башкиріи. Окоемовъ удивился тучному чернозему, хорошимъ всходамъ, рослой травѣ,—земля еще не потеряла силы и удобрялась кое-какъ.

— Какое здѣсь удобреніе,—возмущался Утлыхъ.—Такъ, кое-какъ разбросаютъ навозъ. А больше и такъ земля остается... Я знаю двѣ деревни, которыя должны были переселяться отъ навоза: двѣсти лѣтъ валили навозъ около деревни, завалили рѣчонку, наконецъ самимъ тошно стало, и переѣхали на другое мѣсто. Оно и легче, чѣмъ свозить накопленный навозъ. Лучшее удобреніе даромъ пропадаетъ. Глупъ народъ, своей пользы не понимаетъ...

Озеро Челканъ разлеглось въ плоскихъ берегахъ, заросшихъ кругомъ камышами. Только въ одномъ мѣстѣ берегъ приподнимался, и на этой возвышенности раскинулось громадное село Челканъ. Издали еще забѣлѣлась каменная большая церковь.

— Дворовъ съ триста будетъ,—объяснилъ Утлыхъ.—У попа Аркадія богатый приходъ. Только все дѣло ему портятъ раскольники да башкиры... Умирать бы попу не надо было, кабы все православные. Башкиры одолѣваютъ—конокрадъ на конокрадѣ. Всѣхъ лошадей подъ замкомъ держатъ. Какъ-то попъ Аркадій лихого жеребца выкормилъ. Рублей двухсотъ стоилъ... Ну, башкиры все и подбирались къ нему, а попъ-то крѣпко живетъ. Что бы вы думали, украли-таки лошадь... Черезъ ворота не могли попасть, такъ черезъ крышу, собаки, спустились, замокъ сломали, лошадь связали да черезъ крышу ее и вытащили. То удивительно, что никто даже не проснулся въ домѣ. А собаки дворовыя прямо себя дурами оказали... Очень не любитъ попъ Аркадій, ежели ему про этого самаго жеребца помянуть. Хоть до кого доведись: обидно.

Тарантасъ съ трескомъ въѣхалъ въ село, такъ что поддужные колокольчики замерли, точно у нихъ духъ захватило отъ лихой ѣзды. Поповскій домъ стоялъ въ центрѣ села, на крутомъ берегу, прямо противъ церкви. Попъ Аркадій былъ дома, и самъ вышелъ навстрѣчу гостямъ. Онъ былъ въ татарскомъ азямѣ и мягкихъ татарскихъ сапогахъ безъ каблуковъ. Самъ и ворота отворилъ.

— Милости просимъ, дорогіе гости...—приглашалъ онъ.

Поповскій пятистѣнный домъ былъ недавно еще поставленъ, и его тесовая крыша еще желтѣла, какъ верхняя корка только-что испеченнаго пирога. Громадный дворъ обставленъ былъ кругомъ хозяйственными пристройками. Крѣпко и хозяйственно жилъ сибирскій попъ, такъ что Окоемовъ невольно залюбовался хозяйственнымъ угодьемъ.

Отецъ Аркадій очень былъ радъ гостямъ и даже расцѣловался съ Окоемовымъ по русскому обычаю.

— Ну, идите въ избу, гости будете,—говорилъ о. Аркадій, похлопывая Окоемова по плечу.—Ахъ, американецъ, американецъ... Спасибо, что не забыли деревенскаго попа. Можетъ-быть, и попъ въ нѣкоторое время пригодится.

— И даже весьма пригодитесь, о. Аркадій,—подтвердилъ Утлыхъ.—Мы тутъ недалеко дѣльце заводимъ...

— Охъ, слышалъ, отцы, и скорбѣлъ...

— Что̀, обидно показалось?

— Землю будете портить, вотъ почему и обидно. Изроете все, исковеркаете, а сами уйдете. Мы-то вотъ останемся и будемъ любоваться на вашу порчу.

— Ничего, земли на всѣхъ хватитъ, о. Аркадій.

Внутри поповскій домъ состоялъ изъ четырехъ комнатъ. Обстановка была самая скромная, хотя вездѣ и царила идеальная чистота. Видно, что попадья была хорошей хозяйкой. Самая большая комната носила громкое названіе гостиной, потому что въ ней стоялъ диванъ и „десертный“ столъ. На полу отъ двери къ двери шли дорожки своей домашней работы, на окнахъ стояли старинные цвѣты—фуксіи, герани, гортензіи. Окоемовъ слышалъ, что гдѣ-то топчутся маленькія ноги, и заключилъ о существованіи большой семьи.

— Вотъ намъ и квартира, Василій Тимоѳеичъ,—говорилъ Утлыхъ, снимая съ себя дорожную сумку.—Отцу-то Аркадію скучно въ деревнѣ, ну, а съ нами веселѣе будетъ. Можетъ, и домашняя наливка у попадьи найдется...

— Все найдется, дорогіе гости...

— По-деревенски живете, съ запасомъ,—объяснилъ Утлыхъ.—А хорошо, Василій Тимоѳеичъ, по-деревенски-то: все свое, всего вдоволь, и все дешево. Пріѣдешь вотъ къ нимъ, такъ душой отдохнешь.

— Мы сейчасъ будемъ обѣдать,—говорилъ о. Аркадій.—По-деревенски обѣдъ ранній у насъ, въ родѣ вашего городского завтрака. Я сейчасъ скажу женѣ...

Дѣйствительно, было всего еще только двѣнадцать часовъ. О. Аркадій отправился дѣлать распоряженія по хозяйству. Окоемовъ стѣснялся, что ихъ пріѣздъ доставитъ хозяйкѣ лишнія хлопоты, но въ деревнѣ ресторановъ и кухмистерскихъ не полагалось.

— Знаете что̀, Василій Тимоѳеичъ,—заговорилъ Утлыхъ:—у насъ здѣсь будетъ главная квартира. Не правда ли? О. Аркадій будетъ радъ... Онъ даже можетъ войти въ вашу компанію.

Деревенскій обѣдъ отличался большой скромностью и состоялъ только изъ ухи и пшенной каши. Зато удивительно былъ вкусенъ пшеничный хлѣбъ, сдѣланный изъ своей муки. Отъ домашней наливки Окоемовъ отказался наотрѣзъ.

— Я тоже ничего не пью,—замѣтилъ вскользь о. Аркадій.—Изъ принципа не пью, чтобы не имѣть лишнихъ привычекъ...

— Нѣтъ, съ устатку оно хорошо пропустить рюмочку, — сказалъ

Утлыхъ.—И въ Писаніи сказано: невинно вино, а укоризненно піанство. Впрочемъ, какъ кому нравится...

Послѣ обѣда о. Аркадій показывалъ свое хозяйство, которое очень заинтересовало Окоемова. Хозяйство было небольшое, но серьезно поставленное, причемъ хозяинъ, видимо, не желалъ отступать отъ средней крестьянской формы. Здѣсь были свои традиціи, выработанныя тысячелѣтнимъ опытомъ. Особенныхъ новшествъ не вводилось съ намѣреніемъ. Домашній скотъ былъ мѣстнаго типа, какъ башкирская лошадь и тонконогія высокія овцы.

— Я всего десять лѣтъ какъ занимаюсь хозяйствомъ, — объяснялъ о. Аркадій,—и придерживаюсь старинки... Напримѣръ, наша лошадь-башкирка некрасива, но она отличается громадной выносливостью и не требовательна относительно ухода. Вотъ бѣда, что у насъ нѣтъ хорошихъ коровъ, а холмогорская порода сильно выродилась...

— По нашему уходу настоящая племенная корова и жить не будетъ,— замѣтилъ Утлыхъ.

Весь хозяйственный инвентарь отличался самымъ примитивнымъ характеромъ, такъ что Окоемовъ могъ только удивляться, разсматривая допотопные сабаны, бороны и другія сельскохозяйственныя орудія. Дѣло велось такъ, какъ оно шло, можетъ-быть, триста лѣтъ назадъ. О. Аркадій даже смутился, поймавъ улыбающійся взглядъ Окоемова.

— Вамъ это, конечно, смѣшно, Василій Тимоѳеичъ,—заговорилъ онъ, точно оправдываясь въ чемъ:—но вѣдь намъ негдѣ и поучиться... За каждой мелочью нужно ѣхать, по меньшей мѣрѣ, до Казани, а испортится какая-нибудь машина—починить ее никто не сумѣетъ. Такъ и ведемъ все дѣло, по старинкѣ...

Помѣщеніе для скота тоже было самаго допотопнаго характера и не отличалось удобствомъ.

— Въ Америкѣ не такъ?—уныло спрашивалъ о. Аркадій.

— Да, немного иначе...—съ улыбкой отвѣтилъ Окоемовъ.—Важно то, что ваше хозяйство и въ настоящей его формѣ даетъ вамъ извѣстный дивидендъ, а этимъ оно уже имѣетъ право на существованіе.

— Да, конечно, даетъ доходъ и очень порядочный, хотя бы можно было получать вдвое при раціональныхъ способахъ культуры. Негдѣ поучиться, вотъ главная причина... Даже обидно въ другой разъ. Только и свѣту въ окнѣ, что какую-нибудь книжку почитаешь, а вѣдь нельзя же все только по книжкѣ. Если бы у насъ были опытныя фермы, сельскохозяйственные музеи, а то все самому приходится дѣлать опыты и примѣненія. Это дорогое удовольствіе, да и времени на него не хватаетъ. Такъ и живемъ, какъ дѣды жили.

— Васъ спасаетъ, о. Аркадій, только многоземелье и этотъ чудный степной черноземъ. Я всю дорогу любовался имъ...

— А знаете, какая здѣсь арендная плата на землю? — вступился Утлыхъ.—У башкиръ рубль десятина, а въ казачьихъ земляхъ цѣна доходитъ до двадцати копеекъ. Честное слово...

— Но вѣдь это возмутительно!—негодовалъ Окоемовъ.—Конечно, при такихъ условіяхъ не до интенсивной культуры и разныхъ заморскихъ хитростей. Земля еще не имѣетъ цѣны...

Со двора они прошли въ огородъ, гдѣ тоже отъ всего такъ и вѣяло стариной чуть не московскихъ царей, исключая, можетъ-быть, картофеля. Тоже капуста, горохъ, рѣпа, морковь, лукъ, рѣдька, бобы и свекла, которыми питались наши отдаленные неприхотливые предки. Огородъ спускался къ самому озеру, которое разстилалось верстъ на десять.

— Отличное озеро,—любовался Окоемовъ.—И, вѣроятно, очень рыбное?

— Рыбное-то рыбное, только въ Челканѣ вы рыбы не найдете,—объяснялъ Утлыхъ:—у хлѣба безъ хлѣба сидятъ... Рыбу изъ города сюда везутъ.

— Какъ такъ?

— Да очень просто: общество сдаетъ озеро въ аренду одному рыбнику, а тотъ не позволяетъ даже удить. Одинъ грѣхъ у нихъ съ этимъ озеромъ...

— Для чего же они сдаютъ его?

— А ужъ такъ ведется изстари... Получатъ деньги и платятъ изъ нихъ недоимки, а рыбу увозятъ въ городъ. У башкиръ то же же самое... Лучшія озера принадлежатъ башкирамъ... И какой доходъ они даютъ, эти озера, купцамъ! Милліоны... Бывали тони въ десять тысячъ пудовъ, а плохонькая тоня даетъ тысячи двѣ. Рыбы здѣсь неисчерпаемое множество, потому что кормится она особымъ рачкомъ—называется мармышъ. Благодаря ему рыба въ зауральскихъ озерахъ растетъ въ пять разъ быстрѣе, чѣмъ въ Волгѣ. Однимъ словомъ, чудеса наяву.

— Учиться намъ нужно, Василій Тимоѳеичъ,—повторялъ о. Аркадій, точно увидѣвшій только сейчасъ недочеты своего примитивнаго хозяйства.— И еще какъ учиться...

— Была бы охота, о. Аркадій... Мы еще только начинаемъ жить, и въ наукѣ все наше спасеніе.

Въ заключеніе этого обзора о. Аркадій повелъ гостей въ церковь и показалъ гудѣвшій въ куполѣ улей.

— Сама пчелка прилетѣла въ домъ Божій,—говорилъ о. Аркадій.— Насъ учитъ... Въ прежнія-то времена башкирскіе меды славились, а нынче все позабыли. Надо начинать снова...

Мнѣ вообще кажется, что русскіе съ дешевой землей прихватили здѣсь и башкирской лѣни,—замѣтилъ, улыбаясь, Окоемовъ.—Необходимо встряхнуться...

— Бить надо насъ,—отвѣтилъ Утлыхъ.—Кругомъ богатство, а мы еще ухитряемся голодать... Стыдно разсказывать.

II.

На пріискъ въ этотъ день не поѣхали, потому что Окоемовъ чувствовалъ себя усталымъ, и, кромѣ того, нужно было докончить обозрѣніе поповскаго хозяйства. Оно интересовало Окоемова, какъ типичный образчикъ именно этой полосы, сложившійся цѣлыми столѣтіями.

— Сдѣлаемъ у попа дневку, а утречкомъ завтра и закатимъ на пріискъ,—говорилъ Утлыхъ.—Каждое дѣло надо съ утра начинать, Василій Тимоѳеичъ.

— Почему съ утра?

— Да ужъ такъ изстари ведется... Не нами заведено, не нами и кончится.

Когда жаръ спалъ, отправились въ поле. Церковная земля находилась верстахъ въ пяти и занимала порядочную площадь, такъ что на долю о. Аркадія приходилось десятинъ семьдесятъ. Окоемовъ опять любовался чуднымъ сибирскимъ черноземомъ и удивлялся примитивнымъ способамъ обработки. Подъ пашней у о. Аркадія было десятинъ тридцать, обрабатывавшихся по старинкѣ въ три поля. Осмотрѣли отдыхавшую землю, яровыя, приготовленныя съ весны озими. На первомъ планѣ стояла здѣсь пшеница, затѣмъ овесъ, а рожь занимала послѣднее мѣсто.

— Мы вѣдь ѣдимъ только одну пшеницу,—объяснялъ о. Аркадій.— Даже мужики не ѣдятъ ржаного хлѣба...

— Не даромъ вашихъ мужиковъ называютъ пшеничниками,—замѣтилъ Утлыхъ.—Набаловался народъ... Мнѣ еще отецъ разсказывалъ, какъ въ пятидесятыхъ годахъ пшеница стоила семь копеекъ пудъ. Да и сейчасъ провертываются года, когда можно купить по полтинѣ пудъ. Какой случай вышелъ однажды, Василій Тимоѳеичъ... Есть тутъ недалеко отъ Тюмени заводъ Успенскій. Ну, тамъ до воли была каторга и казенный винокуренный каторжный заводъ. Хорошо. Только однажды по веснѣ и прорви плотину, значитъ, въ половодье. Что̀ бы, вы думали, они сдѣлали, т.-е. начальство?.. Земля-то еще не успѣла оттаять, такъ что чинить прорывъ долго, а вода изъ заводскаго пруда уйдетъ. Подумало-подумало каторжное начальство, прикинуло въ умѣ и велѣло забутить провалъ пшеницею изъ своихъ складовъ. Фактъ.... Оно вышло дешевле и скорѣе, чѣмъ мерзлую землю добывать. Вотъ какое время бывало... Разсказывать, такъ не повѣрятъ.

— Нынче-то здѣсь не то...—со вздохомъ замѣтилъ о. Аркадій,—Сильно бѣднѣетъ народъ.

— Отчего же бѣдность?—спросилъ Окоемовъ.

— Много причинъ, Василій Тимоѳеичъ... И кабакъ, и ситцы, и самовары, и прихоти всякія, и матушка-лѣнь — всего найдется, а главное — темнота насъ давитъ. Земли повыпахались, нужно удобрять, а мы не умѣемъ, да и лѣнь. Вонъ тамъ на пригоркѣ у меня покосъ... Мѣстечко на вѣтру, черноземъ вешней водой сноситъ, однимъ словомъ, хорошаго ничего нѣтъ. Случалось, что и косить нечего. Ну, я подумалъ-подумалъ, да разъ съ весны и началъ его удобрять. Челканскіе мои мужики только въ бороды себѣ смѣются... Дескать, уѣла попа грамота. Я, конечно, молчу, будто ничего не вижу и не слышу. А какъ осенью я взялъ съ покоса впятеро больше, чѣмъ въ самый лучшій урожай, тогда ужъ они въ затылкахъ начали чесать.

Окоемова больше всего интересовали спеціально сибирскіе сорта пшеницы. Зерно было меньше, чѣмъ у кубанки или бѣлотурки, но зато тяжелое и почти прозрачное. Конечно, эти сорта являлись переродомъ расейскихъ сортовъ, приспособившихся къ мѣстной почвѣ и мѣстному климату. Необходимо было ихъ освѣжать новыми разновидностями, хотя этого никто и не дѣлалъ.

По-деревенски спать легли рано, въ десятомъ часу вечера. Окоемовъ почувствовалъ еще въ первый разъ, что онъ усталъ, и былъ радъ хорошему деревенскому обычаю ложиться рано.

Тихо въ поповскомъ домикѣ. Гдѣ-то въ деревнѣ сонно лаютъ собаки. На деревенской улицѣ нѣтъ ни торопливаго топота запоздавшихъ пѣшеходовъ, ни раздражающаго дребезга столичной ѣзды. Тихо. Окоемовъ думалъ, что сейчасъ же заснетъ, какъ ляжетъ на жесткій диванчикъ въ гостиной, гдѣ ему была приготовлена постель. Но, какъ иногда случается послѣ сильной усталости, сонъ отлетѣлъ. Не спится—и кончено. Окоемовъ могъ только завидовать своему спутнику, который устроилъ себѣ походную постель на полу и сейчасъ же заснулъ мертвымъ сномъ, какъ зарѣзанный. Да, это спалъ здоровый сибирскій человѣкъ, не знавшій, что̀ такое нервы.

Тихо. Окна закрыты ставнями. Кругомъ какая-то досадная темь. Слышно только, какъ храпитъ Утлыхъ. Да, онъ можетъ спать, потому что здоровъ, какъ рыба. Окоемовъ чувствовалъ, что теперь не заснетъ до утра, и его охватило обидное чувство, какое испытываютъ больные по ночамъ: всѣ спятъ, а они должны мучиться неизвѣстно для чего.

„Какая я дрянь...—съ тоской думалъ Окоемовъ, ворочаясь съ боку на бокъ.—Настоящая столичная дрянь... Такимъ людямъ и жить-то не слѣ-

дуетъ, потому что они являются только излишнимъ балластомъ... Ну, куда такой дрянной человѣкъ будетъ годенъ завтра, когда вся деревня поднимется бодрая, отдохнувшая, способная къ работѣ, а ты будешь бродить, какъ отравленная муха".

Однимъ словомъ, на Окоемова напалъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, которые переживаются людьми съ разстроенными нервами. Это было какое-то глухое отчаяніе... И что̀ всего обиднѣе, такъ это то, что онъ зналъ впередъ весь ходъ своего припадка: завтра онъ проснется съ тяжелой головой и промучится цѣлый день. Можетъ-быть, будетъ и слѣдующая ночь такая же... А потомъ все пройдетъ... Да, онъ зналъ все это и все-таки переживалъ гнетущее состояніе человѣка, котораго придавила какая-то громадная тяжесть и который не въ состояніи освободиться отъ нея. Какъ жаль, что около него не было милой, добрѣйшей княжны, одно присутствіе которой уже успокаивало его. Она умѣла что-то такое говорить, постоянно двигалась и смотрѣла такими добрыми глазами. Доброта у нея была въ крови, а не головная,— она была добра, потому что не могла быть другой.

„Нужно было ее взять съ собой,—думалъ Окоемовъ.—Что̀ ей теперь дѣлать въ чужомъ городѣ? Бѣдняжка скучаетъ и думаетъ о своей Москвѣ".

Отъ княжны былъ естественный переходъ къ остальнымъ членамъ экспедиціи. Окоемовъ теперь смотрѣлъ на нихъ уже съ новой точки зрѣнія, въ комбинаціи тѣхъ новыхъ условій, которыя были вотъ здѣсь сейчасъ, за этой стѣной поповскаго домика. Мысленно онъ видѣлъ этихъ столичныхъ людей въ степной глуши, въ новой обстановкѣ, и какъ-то усомнился и въ своемъ дѣлѣ и даже въ самомъ себѣ. Правда, что это было еще въ первый разъ, и притомъ было связано съ его теперешнимъ нервнымъ состояніемъ, но важно уже то, что такая сомнѣвающаяся мысль могла явиться. За послѣднее время Окоемовъ слишкомъ былъ поглощенъ дорожными впечатлѣніями и не имѣлъ просто времени, чтобы сдѣлать провѣрку самому себѣ, какъ это дѣлалъ постоянно. Просто голова была занята другимъ, тѣми внѣшними пустяками, съ которыми неразрывно связываются далекія путешествія. А что̀, если вотъ эти будущіе компаньоны окажутся совсѣмъ не тѣми, чѣмъ онъ ихъ себѣ представляетъ? Вѣдь въ концѣ концовъ никакая энергія, никакая личная предпріимчивость не избавляетъ отъ извѣстной зависимости и именно отъ окружающихъ близкихъ людей.

И съ каждымъ шагомъ впередъ его личная отвѣтственность будетъ расти все больше и больше. Всякая неудача будетъ ронять его авторитетъ, а это особенно важно вначалѣ. Вотъ и о. Аркадій присматривается къ нему, и Утлыхъ, и тѣ, кто остались въ Екатеринбургѣ. Всѣ будутъ смотрѣть не на дѣло, а на него. И обиднѣе всего то, что это дѣло можетъ кончиться вмѣстѣ съ нимъ, если онъ во̀-время не приготовитъ себѣ настоящихъ серьезныхъ сотрудниковъ и преемниковъ. Вотъ именно сейчасъ Окоемовъ и почувствовалъ свое одиночество, то полное русское одиночество, которое не испытывается тамъ, на далекомъ Западѣ, гдѣ больше и общихъ идей, и общихъ интересовъ, и общихъ стремленій. Лучшіе русскіе люди всегда работали какъ-то врассыпную.

А тутъ ярко выступала новая жизнь, новые люди, новые интересы, не имѣвшіе ничего общаго даже съ тѣмъ, что̀ оставалось тамъ, въ Москвѣ. Весь укладъ сибирской жизни былъ другой, и деревня другая, и мужикъ другой, и по-другому всѣ думали. Взять хоть тѣхъ же сибирскихъ людей, какъ о. Аркадій или Утлыхъ,—за ними стоялъ цѣлый историческій періодъ, придававшій свою окраску. И такихъ людей милліоны... Новый край съ его

несмѣтными сокровищами просто пугалъ Окоемова, — слишкомъ ужъ много было самыхъ благопріятныхъ условій для дѣятельности. Просто глаза разбѣгались, за что взяться, съ чего начать, на что обратить вниманіе.

„Э, ничего, все понемногу устроится...—мысленно повторялъ про себя Окоемовъ, точно съ кѣмъ-то спорилъ.—Всѣ мои сомнѣнія—просто результатъ развинтившихся нервовъ. Нужно забрать самого себя въ руки, и только. Главное, идея... Разъ идея вѣрна въ своихъ основаніяхъ, все остальное устроится само собой".

Такъ цѣлую ночь Окоемовъ и промучился, вплоть до бѣлаго утра, когда по улицѣ съ глухимъ шумомъ повело стадо. Окоемовъ одѣлся и вышелъ во дворъ. Было еще свѣжо, и въ воздухѣ точно налита дѣловая бодрость.

— А, вы уже встали!—окликнулъ гостя о. Аркадій.

— Да, что-то плохо спалось...

О. Аркадій былъ въ своемъ татарскомъ азямѣ и выглядѣлъ такимъ бодрымъ и свѣжимъ, какъ это лѣтнее утро. Онъ только-что задалъ корму лошадямъ и проводилъ остальную скотину въ поле. Окоемову хотѣлось просто обнять его и разсказать все, чѣмъ онъ такъ мучился. Вѣдь о. Аркадій пойметъ его, какъ никто другой...

— А мы вотъ чайку напьемся на бережку,—говорилъ о. Аркадій.— Тамъ у меня есть и скамеечки и столикъ... Отлично это лѣтомъ...

Озеро еще дымилось утреннимъ туманомъ, а трава была покрыта росой. Солнце поднималось изъ-за озера громаднымъ шаромъ, но не давало еще тепла. Скоро работница подала кипѣвшій самоваръ—это была именно „работница", а не городская горничная или кухарка. Сама хозяйка почему-то не показывалась, и вчера Окоемовъ видѣлъ ее только мелькомъ. Это его немного смущало, потому что онъ боялся стѣснить этихъ хорошихъ людей своимъ присутствіемъ. Деревенскій трудовой день нарушался въ самомъ основаніи. Подкупало только неистощимое добродушіе о. Аркадія, который такъ хорошо улыбался.

— А я думалъ о васъ, Василій Тимоѳеичъ,—говорилъ онъ, съ аппетитомъ допивая свой стаканъ.—Да, думалъ... Бываютъ такія особенныя встрѣчи: увидишь человѣка и точно вѣкъ его зналъ. Дѣло въ слѣдующемъ... гм... какъ это сказать? Однимъ словомъ, я какъ-то сразу полюбилъ васъ, какъ родного.

— Представьте себѣ, о. Аркадій, что я думалъ сейчасъ то же самое...

— Да, да, случается...

— А признайтесь, вы не понимаете меня?

— Да, не совсѣмъ... Вѣрнѣе сказать, смутно догадываюсь.

Окоемова охватила жажда разсказать о. Аркадію рѣшительно все, чѣмъ онъ такъ мучился цѣлую ночь. И онъ разсказалъ, не утаивъ ничего. Отецъ Аркадій такъ хорошо слушалъ, покачивая головой въ тактъ разсказа. Увлекшись, Окоемовъ закончилъ разсказъ фразой:

— А я знаю, что вы сейчасъ думаете, о. Аркадій.

— Можетъ-быть...

— Вы думаете, что все это, можетъ-быть, и хорошо, а чего-то какъ будто и недостаетъ. И вы знаете, чего недостаетъ, и я знаю... Одинокому человѣку скучно въ деревнѣ. Не правда ли?

— Да, безъ женщины оно того, Василій Тимоѳеичъ... Природа человѣческая такъ устроена, а въ деревнѣ женщина является и другомъ и помощницей мужу въ полную мѣру. Собственно, она строитъ домъ... Да вы это сами увидите...

Вышло какъ-то само собой, что Окоемовъ разсказалъ о. Аркадію о своемъ знакомствѣ съ раскольничьей дѣвушкой и еще болѣе странной встрѣчѣ съ ней въ Екатеринбургѣ.

— Вамъ она нравится? — спросилъ о. Аркадій. — Вѣдь самое главное, чтобы смотрѣть на женщину чисто, любить въ ней ея женскую чистоту... Барышниковыхъ я знаю по слухамъ. Были богатые, а сейчасъ ничего не имѣютъ. Въ этомъ мірѣ случается, т.-е. у золотопромышленниковъ. А какъ эта дѣвица къ вамъ относится? Можетъ-быть, это нескромный вопросъ съ моей стороны...

— Мнѣ кажется, что она чему-то не довѣряетъ. А впрочемъ, чужая душа—потемки... Знаю только одно, что она хорошая дѣвушка. Именно чистая... Вѣдь мы съ ней слишкомъ различные люди, чтобы сойтись скоро. У нея свой міръ, у меня свой. Но мнѣ доставляетъ величайшее наслажденіе думать о ней.

— Вотъ, вотъ, именно... Что̀ же вы думаете дѣлать, Василій Тимоѳеичъ?

— Говоря откровенно, не знаю... Буду ждать письма отъ нея.

— Гм... Такъ-то оно такъ, а какъ будто и не совсѣмъ такъ. Дѣвица, говорите, скромная, слѣдовательно какъ же она можетъ рѣшиться на такой шагъ?.. Дѣло въ слѣдующемъ: ежели бы какъ-нибудь удосужилась моя покадья, такъ она живой рукой обернула бы все. Бабы на такія дѣла мастерицы и между собой живо бы сговорились.

— Нѣтъ, это неудобно, о. Аркадій.

Этотъ интимный разговоръ былъ прекращенъ появленіемъ Утлыхъ. Онъ подошелъ съ дѣловито-сердитымъ видомъ и заговорилъ:

— Господа, что̀ же вы прохлаждаетесь?.. Вонъ ужъ гдѣ солнышко-то... Намъ пора ѣхать, Василій Тимоѳеичъ.

— Да чаю-то напейтесь, Илья Ѳедорычъ,—уговаривалъ о. Аркадій.— Далеко ли вамъ ѣхать-то: до Краснаго-Куста рукой подать.

Утлыхъ принялся за чай съ какимъ-то ожесточеніемъ. Какъ сибирякъ, онъ очень любилъ побаловаться китайской травкой и выпивалъ стакановъ шесть, а на свѣжемъ воздухѣ это скромное занятіе было куда пріятнѣе.

III.

Отъ озера до Краснаго-Куста было верстъ пятнадцать. Успокоенный бесѣдой съ о. Аркадіемъ, Окоемовъ чувствовалъ себя покойно и хорошо, хотя его и клонило ко сну. Укачивала ѣзда въ коробкѣ, взятомъ у о. Аркадія. Проселочная дорога пыльной лентой вилась среди полей. Однообразная картина нарушалась рѣдкими гривками сохранившагося какимъ-то чудомъ березняка. Начиная отъ озера, мѣстность приняла холмистый характеръ, точно почва дѣлала складки. Утлыхъ молчалъ, сохраняя свой дѣловито-сердитый видъ. На облучкѣ сидѣлъ добродушный деревенскій парень, постоянно передергивавшій плечами. Пара поповскихъ лошадей неслась ровной рысью, благо еще воздухъ былъ свѣжъ и только еще начиналъ чувствоваться наливавшійся зной горячаго лѣтняго дня.

— Эхъ, вы, голуби сизокрылые, помѣшивай!.. Шевели бородой...

Красный-Кустъ, небольшая деревушка, залегла въ лощинѣ. Издали видны были только горбившіяся крыши. По лощинѣ медленно катилась степная рѣчонка Кулижка. Мѣстность въ общемъ не отличалась особенной живописностью, — ее портило больше всего полное отсутствіе лѣса. Кругомъ ни прутика.

— Заворачивай прямо къ старостѣ,—скомандовалъ Утлыхъ.— Мы тутъ

чуть-чуть отъемся, Василій Тимоѳеичъ, пока народъ соберемъ... Сегодня же начнемъ шурфовку. А знаете, я ужасно боялся, какъ бы попъ-то не увязался за нами.

— Чѣмъ онъ вамъ помѣшалъ?

— А примѣта нехорошая... Можетъ-быть, это и глупо и смѣшно, да дѣло-то наше особенное. Потомъ милости просимъ, о. Аркадій, а сейчасъ это не модель.

Это суевѣріе разсмѣшило Окоемова.

— Какъ вамъ не стыдно, Илья Ѳедорычъ, вѣрить такимъ глупостямъ...

— Ну, ужъ вы тамъ какъ хотите, а я не согласенъ съ попа начинать. Не такое дѣло-съ...

Появленіе нежданыхъ гостей подняло на ноги всю деревню. Народъ былъ дома. У Ильи Ѳедорыча сразу нашлось нѣсколько знакомыхъ,—у него знакомые были вездѣ. Староста, кривой старикъ, узналъ его сразу.

— Дожидали мы тебя давненько, Илья Ѳедорычъ, когда ты орудовать будешь у насъ.

— Ждали долго, а увидѣлись скоро. Давай-ка, дѣдка, собери партію человѣкъ десять и отправь на нашу заявку... А мы проѣдемъ прямо туда. Кучеръ, трогай...

Они проѣхали всю деревенскую улицу, а за околицей взяли уже прямо по старымъ парамъ. Нужно было спуститься внизъ по теченію Кулижки верстъ пять. Дорогъ здѣсь не полагалось. Рѣчная долина то суживалась, то расширялась. Общій видъ мѣстности ничѣмъ не напоминалъ о близости золота. Наконецъ Утлыхъ велѣлъ остановиться.

— Вотъ мы и дома,—проговорилъ онъ, снимая шапку и крестясь.—Въ добрый часъ пріѣхать, Василій Тимоѳеичъ.

Правый берегъ рѣчной долины поднимался уваломъ, а сама Кулижка совершенно спряталась въ болотѣ.

— Вотъ о. Аркадій говорилъ, что мы мѣсто будемъ портить,—говорилъ Утлыхъ, указывая на болото: — а какое тутъ мѣсто: однѣ лягушки скачутъ. Кочки да кусты, — скотина сюда только отъ оводовъ приходитъ. А вонъ и заявочный столбъ...

Будущій пріискъ занималъ довольно большую площадь, длиной по теченію рѣки въ четыре версты и шириной до двухсотъ саженъ. Утлыхъ и Окоемовъ обошли его кругомъ и выбрали центральный пунктъ, на которомъ имѣла сосредоточиться будущая работа. Утлыхъ опытнымъ глазомъ сразу опредѣлилъ, гдѣ нужно будетъ поставить контору, гдѣ амбары, кузницу, казарму для рабочихъ, конюшни и т. д. Онъ точно боялся потерять хоть одну минуту напрасно.

— Что̀ это рабочіе нейдутъ?—кипятился Утлыхъ.—Съ этимъ народомъ бѣда... Когда еще пошевелятся. Вотъ я задамъ старостѣ... Кривой чортъ!..

— Да вонъ они идутъ,—успокаивалъ его Окоемовъ.

Дѣйствительно, показалась партія мужиковъ, сопровождаемая толпой ребятишекъ. Они шли съ лопатами, кайлами и ломами.

— Ну, эти хлѣбомъ не накормятъ, увальни,—впередъ ругался Утлыхъ.— Деревенскіе не любятъ шевелиться... То ли дѣло настоящая пріисковая косточка или какой-нибудь заводскій мастерко̀: такъ горошкомъ и катится. Ну, да мы выучимъ, сдѣлай милость.

Увлекшись собственной энергіей, Утлыхъ для перваго раза обругалъ старосту, такъ что Окоемовъ долженъ былъ его остановить.

— Сами будете хуже меня, Василій Тимоѳеичъ. Вѣдь мы ихъ тутъ

ждемъ больше часу, лежебоковъ. Эй, вы, чиновники, шевелитесь... Да смотрите, чтобы у меня все было живо. Староста, вотъ ты вставай съ двумя рабочими вотъ сюда...

Утлыхъ самъ схватилъ лопату и отчертилъ на дернѣ удлиненный четырехугольникъ пробной ямы, такъ называемаго шурфа. Черезъ пятьдесятъ саженъ помѣченъ былъ второй шурфъ и т. д. Сначала нужно было произвести пробу праваго борта розсыпи.

— Середку-то не скоро возьмемъ, — объяснялъ Утлыхъ. — Надо будетъ водоотводныя канавы рыть... Ну, съ Богомъ, братцы!..

Работа началась въ четырехъ пунктахъ. До золотоноснаго пласта нужно было углубиться аршина три, что̀ потребовало времени около двухъ часовъ. Непривычные къ землянымъ работамъ крестьяне возбуждали въ Утлыхъ справедливое негодованіе, и онъ нѣсколько разъ самъ брался за лопату и показывалъ, какъ нужно работать. Но его энергія, кажется, никого не заразила, и работа шла вяло попрежнему.

Окоемовъ внимательно слѣдилъ за работой и переходилъ отъ одного шурфа къ другому. Пока интереснаго еще ничего не было. А солнце уже начинало припекать. Откуда-то появились комары и съ жалобнымъ пискомъ, какъ нищіе, лѣзли прямо въ глаза. Кучеръ развелъ огонь и нагрѣвалъ воду въ походномъ мѣдномъ чайникѣ.

— Слава Богу, синяя глина пошла!—радостно объявилъ Утлыхъ, показывая Окоемову смятый кусокъ сырой темно-сѣрой глины.—Значитъ, и золото будетъ... Это ужъ вѣрная примѣта, Василій Тимоѳеичъ. Эй, молодчики, постарайтесь...

Первые пески показались въ третьемъ шурфѣ, и Утлыхъ съ особенной торжественностью принялся дѣлать пробу. На этотъ случай имъ былъ захваченъ изъ города такъ называемый азіатскій желѣзный ковшъ, въ который уходило чуть не пудъ песку. Набравъ пробу, Утлыхъ присѣлъ съ ковшомъ къ рѣчкѣ и началъ „доводить", т.-е. перемѣшивалъ пески съ водой, отбрасывалъ камешки, сливалъ мутную воду, пока на днѣ ковша не остался тонкій слой чернаго блестящаго песочка—такъ называемые „шлихи".

— Есть...—проговорилъ онъ, поднимаясь на ноги,—Вотъ смотрите, Василій Тимоѳеичъ: вонъ въ шлихахъ поблескиваютъ двѣ золотинки.

— Да, вижу... Хорошая проба?

— Такъ себѣ... Только мы вѣдь взяли борта розсыпи, гдѣ богатаго содержанія не бываетъ. Все-таки ничего, работать можно.

Произведенная доводка въ другихъ шурфахъ дала тоже удовлетворительные результаты. Утлыхъ остался доволенъ и перевелъ работы на лѣвый бортъ, гдѣ не оказалось никакихъ „знаковъ". Это обстоятельство замѣтно его смутило, хотя онъ и не выдавалъ себя.

— Пожалуй, гнѣздовое золото пойдетъ,—замѣтилъ онъ.—Оно не того... гм... Лучше бы, ежели ровное. Ну, да все это пустяки... Если крупное золото, такъ оно и совсѣмъ въ ковшъ не попадетъ.

Эта маленькая неудача совсѣмъ разстроила Утлыхъ, такъ что Окоемову пришлось его утѣшать.

— Вѣдь сейчасъ еще ничего нельзя сказать, Илья Ѳедорычъ. Я лично убѣжденъ, что все пойдетъ прекрасно...

Окоемовъ видѣлъ только одно: что его довѣренный нервничаетъ, какъ женщина. У сибиряковъ оказались свои нервы... Впрочемъ, промысловая дѣятельность развиваетъ спеціальную промысловую нервность, и удивляться тутъ было нечему.

Конецъ дня былъ посвященъ распланировкѣ будущаго пріисковаго жилья. Это скромное занятіе отвлекло грустныя мысли Утлыхъ, и онъ замѣтно оживился. Окоемову показалось, что онъ чего-то не досказываетъ.

— А гдѣ мы будемъ ночевать? — спрашивалъ Утлыхъ, поглядывая на садившееся багровое солнце.

— Конечно, здѣсь, Илья Ѳедорычъ... Ѣхать къ о. Аркадію далеко, а въ деревнѣ неудобно. Отлично заночуемъ въ полѣ... Ночи теперь теплыя.

— Что же, отлично... Завтра вставать надо съ зарей.

Они провели прекрасный вечеръ около огонька. Утлыхъ съ опытностью коренного промысловаго человѣка приготовилъ великолѣпный ужинъ изъ курицы, купленной въ Красномъ-Кустѣ. Было уже темно. Надъ головой шатромъ раскинулось голубое небо, точно расшитое серебряными звѣздами. Гдѣ-то въ болотѣ скрипѣлъ неугомонный коростель. Окоемовъ чувствовалъ, какъ утихаютъ нервы и какъ онъ весь дѣлается нормальнымъ человѣкомъ. Страхи и волненія вчерашней ночи теперь казались ему ребячествомъ. Да, кругомъ такъ было хорошо,—о чемъ же безпокоиться? Они долго лежали на травѣ и говорили о будущемъ, которое должно было проявиться вотъ здѣсь, на берегу Кулижки.

— Да, отлично...—повторялъ Утлыхъ, и Окоемовъ чувствовалъ по тону его голоса, что онъ чего-то не договариваетъ.

Такъ они улеглись и спать около походнаго огонька. Окоемовъ слышалъ, какъ тяжело вздыхаетъ его компаньонъ, и улыбался про себя,—ему такъ было легко и хорошо.

— Вы чѣмъ-то недовольны?—спросилъ наконецъ Окоемовъ.

Утлыхъ сѣлъ и нѣсколько времени молчалъ.

— Нѣтъ, я доволенъ, Василій Тимоѳеичъ, только... Да, я думаю, что вы будете дѣлать со своими компаньонами? Вы меня извините, а только народъ набранъ съ бору да съ сосенки... И для чего вы ихъ везли сюда?.. Развѣ здѣсь не стало своего народа? Да сколько угодно, сдѣлайте милость... Я перезнакомился съ ними со всѣми и говорю откровенно. Можетъ-быть, всѣ они очень хорошіе люди, но вѣдь здѣсь нужно самыхъ простыхъ рабочихъ людей, которые не боялись бы никакой работы...

— Они и будутъ работать, Илья Ѳедорычъ. Вѣдь я для нихъ и дѣло затѣваю, но... не для своихъ компаньоновъ, а вообще для безпріютныхъ интеллигентныхъ человѣковъ. Нужно произвести опытъ, можетъ-быть, что-нибудь и выйдетъ. По крайней мѣрѣ, я нисколько не сомнѣваюсь въ успѣхѣ своего предпріятія, хотя и сознаю его рискованность.

— Такъ-то оно такъ, а все-таки...

Окоемовъ тоже сѣлъ и заговорилъ уже съ увѣренностью. Сомнѣнія сибирскаго промысловаго человѣка подняли въ немъ всегдашнюю увѣренность.

— Посмотрите на любого мужика, — вѣдь онъ богачъ сравнительно съ этими людьми,—говорилъ онъ убѣжденно.—У него есть земля, у него потребности сведены до минимума, онъ не знаетъ этого вѣчнаго гнетущаго страха за завтрашній день... И такихъ людей тысячи. Имъ нужно дать кусокъ хлѣба, и для этого стоитъ поработать.

— Да, мужикъ... Взять нашего сибиряка, конечно, опять можно. Знаете, сколько у него рабочихъ дней въ году? Я какъ-то подсчитывалъ, и вышло не больше шестидесяти... Какое же сравненіе съ заводскимъ мастеровымъ, съ пріисковымъ рабочимъ, съ городскимъ мѣщаниномъ—тѣ, дѣйствительно, работаютъ, да еще какъ работаютъ. Я вѣдь тоже изъ мѣщанъ и отлично понимаю все это дѣло... Вы только посмотрите на все крестьянское хозяйство, — все кое-какъ, все черезъ пень колоду. Не знаю, какъ тамъ у васъ, въ Расеѣ, а

сибирскаго мужика я знаю. Онъ лошадь хорошенько не умѣетъ заложить... А какъ у него содержится телѣга, упряжь, помѣщеніе для скотины—смотрѣть тошно. А вѣдь какъ могли бы жить, ежели бы съ умомъ...

— Отчего же, вы думаете, все это происходитъ?

— А вотъ ужъ этого не знаю, Василій Тимоѳеичъ. Самъ на мѣдные гроши учился, черезъ пятое въ десятое.

— Отъ необразованія, голубчикъ. Негдѣ поучиться мужику... А будетъ время, когда все будетъ иначе. Прежде всего, важенъ примѣръ, а остальное само собой придетъ... Тутъ не лѣнь и не недостатки спеціально-русскаго мужика, а просто недостатокъ культуры. Въ свое время все будетъ... Какъ мужикъ на насъ съ вами смотритъ? Какъ на дармоѣдовъ... И онъ правъ по-своему, потому что видитъ въ насъ людей, съ большей или меньшей ловкостью пристроившихся къ легкому хлѣбу. Возьмите примѣръ, какъ живутъ раскольники...

— Ну, тѣ другое дѣло. Крѣпкій народъ и, главное, другъ за друга стоятъ.

— Мы требуемъ отъ мужика, а сами не умѣемъ жить. Посмотрите, куда уходятъ наши деньги, добытыя всѣми правдами и неправдами... Мы просто не умѣемъ распорядиться своими средствами, какъ мужикъ не умѣетъ распорядиться своимъ трудомъ и своимъ временемъ. Если посравнить, такъ выйдетъ заключеніе, пожалуй, не въ нашу пользу.

— Ужъ это что̀ говорить, Василій Тимоѳеичъ...

Окоемовъ заснулъ съ мыслью о будущихъ предпріятіяхъ. Пріискъ былъ только началомъ, и его роль заключалась только въ томъ, чтобы дать средства. Да, онъ вѣрилъ въ свое дѣло и въ тѣхъ людей, которые придутъ къ нему.

IV.

Увлекшись своей работой на пріискахъ, Окоемовъ пробылъ въ Красномъ-Кусту лишнихъ два дня. Необходимо было закончить развѣдку, съ одной стороны, а съ другой—устроить заготовку разныхъ матеріаловъ для будущихъ построекъ. Терять времени не приходилось. По совѣту Утлыхъ, двѣ артели плотниковъ были наняты еще до отъѣзда изъ Екатеринбурга. Однимъ словомъ, работа кипѣла, и время неслось стрѣлой.

— Ужо̀ надо какъ-нибудь къ о. Аркадію съѣздить,—говорилъ Утлыхъ.— Потерялъ онъ насъ совсѣмъ...

— Я сдѣлалъ громадную ошибку, что оставилъ своихъ компаньоновъ въ Екатеринбургѣ... Имъ здѣсь было бы веселѣе.

Утлыхъ отмалчивался. Онъ не вѣрилъ въ компаньоновъ Окоемова и былъ радъ, что они, по крайней мѣрѣ, не мѣшаютъ серьезному дѣлу. Про себя онъ считалъ ихъ величайшимъ тормозомъ для всего предпріятія.

Окоемовъ однимъ раннимъ лѣтнимъ утромъ только-что собрался отправиться въ Челкашъ, какъ неожиданно появился самъ о. Аркадій, пріѣхавшій спѣшно. По его лицу Окоемовъ догадался, что что-то случилось.

— А я за вами, Василій Тимоѳеичъ,—торопливо говорилъ о. Аркадій.— Дѣло въ слѣдующемъ... Пріѣхали изъ города двѣ дамы. Да...

— Какія дамы?

— Одна изъ вашей компаніи, Варвара Петровна, а другая неизвѣстная... Совсѣмъ еще юница.

Окоемову пришлось только пожать плечами: никакой юницы онъ не зналъ. Затѣмъ, только отчаянная рѣшимость могла заставить княжну предпринять

такое опасное путешествіе, какъ поѣздка на лошадяхъ. Вообще, что-то такое случилось и, какъ онъ предчувствовалъ, случилось что-нибудь скверное. Онъ писалъ уже два письма княжнѣ и не получалъ отвѣта, а тутъ она вдругъ свалилась, какъ снѣгъ на голову.

— Значитъ, мы вмѣстѣ и отправимся,—говорилъ Окоемовъ.— А Илья Оедорычъ останется здѣсь...

У о. Аркадія было скромное желаніе посмотрѣть работы, но Утлыхъ воспротивился этому съ угрюмой рѣшительностью. Челканскій попъ все дѣло могъ испортить...

— Какой суевѣрный человѣкъ,— говорилъ про него о. Аркадій, когда они съ Окоемовымъ пошли на озеро.— А еще благопріятель считается... Чего же ждать отъ другихъ? Вотъ вамъ положеніе русскаго священника, которому приходится бороться съ самыми невѣроятными предразсудками.

— Да... Что̀ дѣлать, о. Аркадій,—машинально отвѣчалъ Окоемовъ; онъ думалъ совсѣмъ о другомъ, хотя и не рѣшался откровенно спросить о. Аркадія, какая таинственная „юница“ пріѣхала съ княжной.

Смутно Окоемовъ догадывался, кто это могъ быть, но это было такъ невѣроятно, что онъ не рѣшался разспрашивать о подробностяхъ. Очень могло быть, что княжна нашла какую-нибудь смѣлую компаньонку и явилась съ ней.

Когда поповскій коробокъ бойко подкатилъ къ поповскому домику, первое, что̀ увидѣлъ Окоемовъ, была сама княжна. Она сидѣла на скамеечкѣ у воротъ, накрывшись какимъ-то темнымъ платочкомъ.

— Что̀ случилось, Варвара Петровна?..

— Что̀ случилось? Я уже пріѣхала къ вамъ проститься... Я уже больше не могу. Какъ вы хотите, Василій Тимоѳеичъ, а я уже не могу...

— Да въ чемъ дѣло-то?

— Въ чемъ уже дѣло? Вы знаете, какъ я васъ люблю, но всему есть границы... Сергѣй Ипполитычъ такъ ведетъ себя, что компрометируетъ всѣхъ. На насъ скоро будутъ указывать пальцами... Достаточно уже сказать одно то, что онъ совсѣмъ не выходитъ изъ клуба и выигралъ много денегъ, а вы знаете, что̀ это за человѣкъ, когда у него много денегъ.

— Только въ этомъ и дѣло, милѣйшая Варвара Петровна?

— Кажется, уже достаточно? Я не могу уже видѣть этого ужаснаго человѣка...

— Хорошо, хорошо, мы все это устроимъ... Прежде всего, успокойтесь. А Сережу мы выучимъ...

Это спокойствіе возмутило княжну. Послѣдняя энергія ее оставила, и она расплакалась, какъ школьница, получившая дурной баллъ.

— Вы лучше разскажите мнѣ, какъ могли рѣшиться однѣ на такое путешествіе?—спрашивалъ Окоемовъ, чтобы отвлечь мысли княжны отъ ужаснаго человѣка.

— Что̀ же мнѣ оставалось уже дѣлать? Наконецъ...

Она сдѣлала жестъ, указывая на окно поповскаго дома.

— Съ кѣмъ вы пріѣхали, Варвара Петровна?

— Вы уже знаете съ кѣмъ... *Она* въ ужасномъ положеніи и обратилась ко мнѣ. Это чудная дѣвушка... Она такъ одинока и такъ плакала...

— Настасья Яковлевна?

— Да, Настасья Яковлевна... Она сама лучше все вамъ разскажетъ. Сейчасъ только не тревожьте ее... Неудобно одно, что она убѣжала отъ своего дяди.

— Позвольте, вѣдь она, если я не ошибаюсь, совершеннолѣтняя и можетъ вполнѣ располагать собой? Просто ушла и отлично сдѣлала... Да что мы тутъ за воротами разговариваемъ—идемте въ комнаты.

Княжна повиновалась. Она какъ-то сразу успокоилась и даже посмотрѣла такими мило-виноватыми глазами, какъ напроказившій ребенокъ.

— Юница у моей попадьи прячется...—предупредилъ о. Аркадій.— Не тревожьте ее сразу.

Въ гостиной уже былъ готовъ самоваръ, и княжна заняла мѣсто хозяйки, что отвлекло ея мысли отъ главной темы. Она даже улыбнулась, замѣтивъ волненіе Окоемова. Бѣдняжка, какъ онъ мучился, и какъ мучится она...

Окоемовъ, дѣйствительно, вздрагивалъ отъ каждаго шороха и все оглядывался на затворенную дверь на половину попадьи. Съ другой стороны, ему не хотѣлось выдавать своего волненія.

— Ну, какъ тамъ у насъ?..—говорилъ онъ, подбирая слова.—Я больше всего боюсь, какъ бы всѣ не перессорились.

— Нѣтъ, пока ничего. Представьте себѣ, Василій Тимоѳеичъ, въ Екатеринбургѣ я познакомилась со своими лишними людьми. Все равно, какъ у насъ въ Москвѣ... И какіе все славные. Они откуда-то уже узнали о нашей компаніи и приходили, чтобы переговорить съ вами. Два реалиста, некончившій студентъ, три учительницы, оставшіяся безъ мѣстъ... Да, такія хорошія лица, и я такъ жалѣла, что вы не ѣдете.

— Вѣроятно, вы имъ наобѣщали больше, чѣмъ я могу сдѣлать?

— Положительно я уже ничего не обѣщала, а такъ... вообще... Куда же имъ дѣваться, въ самомъ дѣлѣ?

— Хорошо, хорошо. Увидимъ... Мы здѣсь работали съ Утлыхъ за четверыхъ. Кажется, дѣло пойдетъ, т.-е. есть основаніе такъ думать, хотя поручиться впередъ и нельзя. Во всякомъ случаѣ, я васъ не отпущу больше въ городъ, Варвара Петровна, потому что вы мнѣ нужны здѣсь и очень нужны...

— А если я уже собралась уѣзжать въ Москву и даже всѣ свои вещи запаковала?

— Что касается запакованныхъ вещей, то это очень удобно для перевозки ихъ сюда. Вообще, вы это отлично сдѣлали... да. А съ Сережей я разсчитаюсь по-своему. Онъ, дѣйствительно, держалъ себя самымъ возмутительнымъ образомъ... да. Вы знаете, какой онъ безхарактерный человѣкъ...

— Пожалуйста, ничего мнѣ не говорите объ этомъ... этомъ монстрѣ. Нужно было все мое хладнокровіе, чтобы не сдѣлать ему исторію. Я уже дѣлала такой видъ, что ничего не вижу и не слышу...

Этотъ разговоръ былъ прерванъ легкимъ скрипомъ двери,—въ ней появилась голова попадьи, дѣлавшая таинственные знаки княжнѣ.

— Идите туда, на берегъ озера...—торопливо заговорила княжна Окоемову.—Она уже тамъ и желаетъ переговорить съ вами.

Дѣйствительно, Настасья Яковлевна сидѣла на берегу, на скамеечкѣ, и ждала Окоемова. Издали она показалась ему такой маленькой, почти дѣвочкой,—тоненькая, изящная, стройная, съ маленькимъ блѣднымъ личикомъ. Быстрые шаги Окоемова заставили ее оглянуться. Она сдѣлала такое движеніе, точно хотѣла убѣжать. Окоемовъ остановился, не рѣшаясь даже протянуть руку.

— Вы желали меня видѣть, Настасья Яковлевна...

— Да...

Она первая протянула ему свою маленькую руку и проговорила, глядя прямо въ глаза:

— Вы на меня не разсердились, Василій Тимоѳеичъ?

— Я? Что̀ вы, Настасья Яковлевна... я такъ радъ видѣть васъ... всегда радъ...

— Какъ видите, я воспользовалась вашимъ предложеніемъ... Я писала вамъ письмо, котораго вы, очевидно, не получили. А тутъ случайно встрѣтила Варвару Петровну... Она такая добрая... да...

— Я думаю, Настасья Яковлевна, намъ лучше поговорить серьезно потомъ, когда вы немного успокоитесь...

— Развѣ вамъ говорила что-нибудь Варвара Петровна?

— Нѣтъ, но я позволяю себѣ догадываться...

— Вы ошибаетесь: я могу переговорить совершенно свободно... Можетъ-быть, вамъ некогда, и я отнимаю у васъ время?

— Нѣтъ, нѣтъ, что̀ вы... Вотъ сядемте здѣсь и переговоримте. Со мной вы можете быть вполнѣ откровенны, какъ сестра съ братомъ, т.-е. я не напрашиваюсь на откровенность, а если только вы хотите что-нибудь сказать...

Они сѣли на скамью рядомъ. Дѣвушка отодвинулась на самый край и молчала, собираясь съ силами. Окоемову сдѣлалось ея жаль, какъ родную сестру. Бѣдный ребенокъ такъ мучился, а онъ не имѣлъ права даже утѣшить ее, потому что былъ въ ея глазахъ все-таки чужимъ человѣкомъ.

— Я васъ отлично знаю теперь, Василій Тимоѳеичъ,—заговорила она, опуская глаза.—Да, знаю... Варвара Петровна мнѣ такъ много разсказывала о васъ.

— Виноватъ, я перебью васъ: Варвара Петровна очень хорошая, безконечно добрая и чудная женщина, но она часто ошибается въ людяхъ. Міръ для нея дѣлится на два разряда людей: съ одной стороны—безусловно хорошіе люди, съ другой—безусловно дурные... Я пока состою въ первомъ разрядѣ, и поэтому Варвара Петровна, вѣроятно, не поскупилась на похвалы, и мнѣ впередъ неловко, потому что вы можете очень заблуждаться.

— О, нѣтъ, нѣтъ!.. Знаете, есть такія вещи, въ которыхъ женщины не ошибаются, какъ и я въ данномъ случаѣ, хоть меня и васъ раздѣляетъ цѣлая пропасть...

Сдѣлавъ паузу, она проговорила съ милой улыбкой:

— Васъ, вѣроятно, удивляетъ самый языкъ, которымъ я говорю съ вами? Мнѣ это замѣтила Варвара Петровна... Вы ожидали встрѣтить совсѣмъ необразованную дѣвушку, выросшую въ глухой раскольничьей средѣ. Да? Нѣтъ, я кое-чему училась, хотя и не была въ гимназіи или институтѣ... У меня была одна тетка, кончившая гимназію. Я жила у ней, и она занималась со мной, читала и рекомендовала книги для самостоятельнаго чтенія. Теперь даже въ нашей раскольничьей средѣ вы встрѣтите немало женщинъ съ среднимъ образованіемъ, которыя вносятъ въ свои семьи и свѣтъ, и знанія, и другіе взгляды на жизнь.

— Я встрѣчалъ такихъ женщинъ, Настасья Яковлевна.

— Да, моя тетка была такимъ именно человѣкомъ, и съ ея смертью я потеряла все. Если бы она была жива, мы не сидѣли бы здѣсь и не разговаривали. Въ жизни вообще много роковыхъ случайностей. Помните, какъ мы съ вами встрѣтились въ первый разъ? Могла ли я предполагать, что мнѣ придется обратиться къ вамъ за помощью. вѣрнѣе, за совѣтомъ...

— Мнѣ остается только поблагодарить васъ за это довѣріе.

— Зачѣмъ вы говорите такими книжными фразами? Я простая дѣвушка и отлично понимаю, какое разстояніе насъ раздѣляетъ. Притомъ я навязываюсь къ вамъ съ своей особой въ самое неудобное время... Но мнѣ хотѣлось одного, именно, чтобы вы знали, съ кѣмъ имѣете дѣло.

Она просто и сжато разсказала свою несложную біографію. Родилась она на степныхъ промыслахъ въ очень богатой семьѣ золотопромышленниковъ и помнитъ только отца,—отъ матери она осталась ребенкомъ. Потомъ отецъ умираетъ, и ее увозятъ въ Москву къ теткѣ, у которой она прожила до тринадцати лѣтъ. Это было самымъ счастливымъ временемъ въ ея жизни. Но тетка умираетъ, и она попадаетъ къ дядѣ, попадаетъ въ самый неудобный моментъ, когда промысловыя дѣла пришли въ полный упадокъ и разореніе пошло впередъ быстрыми шагами. Какъ въ большинствѣ раскольничьихъ семей, имущество было общее, братья не дѣлились между собой, и поэтому и разореніе сдѣлалось общимъ. Оставалось только громкое имя въ своей промышленной средѣ. Дядя Маркъ Евсеичъ человѣкъ не хуже, не лучше другихъ.

— Вы его считаете дурнымъ человѣкомъ...—предупредила дѣвушка нѣмой вопросъ Окоемова.—Онъ просто несчастный человѣкъ, подавленный мыслью, что это онъ разорилъ всѣхъ, а главнымъ образомъ разорилъ меня, какъ сироту. Вѣроятно, объ этомъ ходятъ слухи, и они доходятъ до дяди и отравляютъ ему жизнь. У него развилась подозрительность, недовѣріе, скрытность. Напримѣръ, наше случайное знакомство доставило ему массу непріятностей, хотя прямо онъ ничего и не говоритъ. Онъ заподозрѣлъ въ васъ одного изъ тѣхъ жениховъ, которые ловятъ богатыхъ невѣстъ и которому онъ долженъ будетъ дать полный отчетъ въ моей долѣ наслѣдства. Мои воображаемые женихи вообще доставляютъ массу непріятностей, и въ первое время я на васъ тоже сердилась именно за это...

Дѣвушка разсмѣялась, а потомъ заговорила съ печальной серьезностью.

— Зачѣмъ вы тогда въ Москвѣ такъ упорно желали встрѣтиться со мной, Василій Тимоѳеичъ?.. Потомъ, вы наводили справки, разузнавали, и я ненавидѣла васъ, потому что все это ухудшало мое положеніе въ чужой семьѣ. Я знаю, что васъ ввели въ заблужденіе нелѣпые слухи о моемъ невольномъ затворничествѣ, о похищенныхъ у меня несмѣтныхъ сокровищахъ, и мнѣ было обидно, что вы...

— Сейчасъ, Настасья Яковлевна, я не могу объяснить вамъ, почему я все это дѣлалъ... Мы еще слишкомъ мало знакомы. Могу только пожалѣть, что причинилъ вамъ столько непріятностей совсѣмъ невольно...

— Я скажу больше: благодаря вамъ, дядя потащилъ меня на Уралъ, чтобы здѣсь выдать поскорѣе замужъ за кого-нибудь изъ своихъ раскольниковъ. Съ моимъ замужествомъ у него свалилась бы гора съ плечъ. Однимъ словомъ, я должна была на время исчезнуть, чтобъ избавиться отъ этого удовольствія. Вы теперь знаете всѣ подробности, почему я рѣшилась пріѣхать сюда, Василій Тимоѳеичъ...

— Лучшаго вы ничего не могли и придумать, Настасья Яковлевна, тѣмъ болѣе, что я, дѣйствительно, начинаю чувствовать себя до извѣстной степени виноватымъ. Впрочемъ, знаете что: вы можете вступить въ число членовъ нашей компаніи, и тогда ваше пребываніе здѣсь не покажется никому страннымъ...

Дѣвушка посмотрѣла на него и проговорила одну фразу:

— Зачѣмъ обманывать?..

V.

Дальнѣйшія событія понеслись съ особенной быстротой, такъ что пребываніе Настасьи Яковлевны въ Челканѣ никому не бросалось въ глаза. Экспедиція распалась на два лагеря: женщины пока оставались въ Челканѣ, а мужчины поселились въ Красномъ-Кусту. У послѣднихъ сразу появилось необходимое дѣло, и никто не оставался безъ работы. Потемкинъ завѣдывалъ постройками въ качествѣ главнаго инженера, студентъ Крестниковъ служилъ штейгеромъ, наблюдавшимъ за пріисковой работой, Сережа открылъ „главную контору“ и возился цѣлые дни со своими гроссбухами. Кстати, появленіе Сережи на пріискѣ было обставлено очень печальными обстоятельствами: онъ проигрался въ пухъ и прахъ, такъ что не на что было пріѣхать на пріискъ.

— Для начала недурно,—язвилъ его Окоемовъ.

— А я не виноватъ, что не хватило двадцати пяти рублей,—оправдывался Сережа совершенно серьезно.—Если бы были эти несчастныя деньги, я не только отыгрался бы, но и всѣхъ другихъ обыгралъ... Одинъ адвокатъ меня подвелъ.

— Очень жаль, что онъ этого не сдѣлалъ раньше... Сережа, когда же мы наконецъ исправимся? Кстати, какъ у тебя дѣла съ княжной?

Послѣдній вопросъ каждый разъ приводилъ Сережу въ смущеніе, и онъ дѣлалъ малодушный видъ, что ничего не слышитъ. Вообще же онъ скромно прятался отъ княжны или отсиживался у себя въ Красномъ-Кусту. Кромѣ княжны, въ Челканѣ Сережу возмущалъ самъ г. попъ, какъ онъ называлъ о. Аркадія. Однимъ словомъ, непріятностей было достаточно, и Сережа предпочиталъ отсиживаться со своими гроссбухами. Теперь онъ свелъ знакомство съ Потемкинымъ, и вдвоемъ они просиживали цѣлые вечера у себя въ конторѣ или гдѣ-нибудь у огонька на берегу Кулижки. Изобрѣтатель всецѣло былъ поглощенъ новымъ открытіемъ, которое должно было перевернуть въ основѣ всѣ понятія о цѣнности.

— Вы только представьте себѣ, Сергѣй Ипполитычъ, — говорилъ Потемкинъ, дѣлая неуклюжій жестъ: — вы представьте себѣ, что золото вздоръ, а съ нимъ вмѣстѣ и наши общепринятыя понятія о богатствѣ... Да. И это заблужденіе прошло черезъ тысячелѣтія... Одни алхимики чего стоили, отыскивая секретъ приготовленія золота искусственнымъ путемъ. Впрочемъ, они съ своей точки зрѣнія были правы, и новѣйшая наука неудержимо идетъ къ ихъ міровоззрѣнію... Вѣдь всѣ силы уже сведены къ одному движенію, и только вопросъ времени, когда такъ называемыя въ химіи простыя тѣла тоже сведутся къ одному общему знаменателю. Съ нѣкоторой гадательностью и сейчасъ можно представить себѣ это „прототѣло“, т.-е. его химическіе признаки, физическія свойства и общую формулу. Я давно думалъ объ этомъ и пришелъ къ заключенію, что искусственное приготовленіе золота вполнѣ достижимо, но едва ли когда-нибудь будетъ выгоднымъ. Да... Такое искусственное золото будетъ дороже добытаго обыкновеннымъ способомъ въ готовомъ видѣ изъ земныхъ нѣдръ. А вотъ другое дѣло, если мы добьемся до того, когда будемъ добывать золото не изъ розсыпей и жилъ, а прямо изъ первоисточника, т.-е. изъ первозданныхъ породъ, какъ граниты, и, главнымъ образомъ, изъ воды.

— Изъ воды? — удивлялся Сережа, дѣлая большіе глаза. — Чортъ возьми, это интересно... Ну-съ, продолжайте.

— Въ природѣ мы встрѣчаемъ золото въ двухъ видахъ, именно: въ формѣ коренныхъ мѣсторожденій, когда оно залегаетъ въ кварцевыхъ пропласткахъ — это жилы, или во вторичной формѣ, происшедшей благодаря раз-

рушенію первой — это золотоносныя розсыпи, какъ продуктъ разрушенія кварцевыхъ жилъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, какъ теперь уже доказано, главнымъ дѣятелемъ является вода, которая выноситъ изъ земныхъ нѣдръ тончайшіе растворы золота и осаждаетъ ихъ въ формѣ жильнаго золота, и эта же вода потомъ разрушаетъ такія жилы въ песокъ. Весь вопросъ въ томъ, что мы принимаемъ этотъ процессъ образованія жилъ и розсыпей какъ завершившійся фактъ, а между тѣмъ это грубая ошибка — и сейчасъ вода производитъ ту же работу, какъ и тысячу лѣтъ тому назадъ. Мы имѣемъ дѣло съ омертвѣвшими формами, а нужно обратиться прямо въ лабораторію, гдѣ происходятъ эти образованія. Вѣдь вся видимая природа—это одна грандіозная лабораторія, которою только нужно умѣть воспользоваться. До сихъ поръ, напримѣръ, мы сумѣли отчасти только воспользоваться работой теплоты, а скоро будемъ пользоваться работой холода. Конечно, холодъ—понятіе расхожее, а въ существѣ дѣла есть только одна теплота, и въ ея минимальныхъ дозахъ мы еще не умѣемъ ею пользоваться. Все это связано съ неистощимой работой воды при разныхъ температурахъ, подъ разными давленіями и при разныхъ химическихъ комбинаціяхъ.

— По вашему мнѣнію, значитъ, запасы золота въ природѣ неистощимы?

— Да... Настолько неистощимы, что, если мнѣ удастся осуществить свои опыты, золото упадетъ въ цѣнѣ процентовъ на восемьдесятъ... Я уже подсчиталъ возможныя комбинаціи. И вы представьте себѣ положеніе торговли, промышленности и всего нашего экономическаго уклада, когда золото будетъ обезцѣнено и станетъ на ряду съ другими металлами. Трудно даже приблизительно подсчитать все, что̀ можетъ произойти... Я иногда просыпаюсь даже по ночамъ и все думаю.

Эти сны наяву не нравились только Окоемову, потому что Потемкинъ не воспользовался своимъ пребываніемъ въ Екатеринбургѣ и очень мало сдѣлалъ для своихъ насосовъ. Пока онъ оставлялъ его въ покоѣ, выжидая, когда бредъ пройдетъ самъ собой. Жаль было, конечно, напрасно потеряннаго времени, но Потемкинъ успѣлъ занять совершенно особенное мѣсто и жилъ на своемъ особомъ основаніи „придворнымъ изобрѣтателемъ“, какъ окрестилъ его Сережа

— Ну что̀, какъ наши насосы? — спрашивалъ иногда Окоемовъ.

— Ничего, все будетъ готово, Василій Тимоѳеичъ, — невозмутимо отвѣчалъ Потемкинъ: — вотъ только немножко провѣрить одну камеру, гдѣ должно образоваться безвоздушное пространство.

— Да, да, пожалуйста, не очень увлекайтесь своимъ золотомъ...

Работа на пріискѣ кипѣла по всѣмъ пунктамъ. Пріисковыя постройки росли по днямъ, и Окоемовъ часто любовался дружной работой двухъ вятскихъ артелей. Хорошо работали, хоть американцамъ впору, да еще съ пѣснями, какъ ужъ нигдѣ въ свѣтѣ не работаютъ. По вечерамъ пріискъ представлялъ самую оживленную картину, точно громадный цыганскій таборъ. Весело горѣли огни, слышался говоръ, пѣсни, пиликанье гармоники. Недавно пустынное мѣсто сдѣлалось неузнаваемымъ. Первой строилась пріисковая контора и склады для провіанта и разной пріисковой снасти. Вчернѣ эти зданія должны были быть готовы уже въ іюлѣ. Развѣдка на пріискѣ приходила тоже къ концу. Вся площадь была разбита на нѣсколько участковъ, которые по приблизительной смѣтѣ могли выработаться лѣтъ въ десять. Быстрой выработки всей розсыпи Окоемовъ не домогался, въ чемъ серьезно расходился съ Утлыхъ.

— Вотъ тоже ошибка, Василій Тимоѳеичъ, что вы такія зданія строите, — говорилъ сибирякъ: — не вѣкъ вѣковать на Кулижкѣ...

— Ничего, и зданія пригодятся, Илья Ѳедорычъ.

Окоемовъ самъ разработалъ подробный планъ выработки розсыпи, разсмотрѣвъ который, Утлыхъ только качалъ головой. Получалось совсѣмъ не то, что̀ онъ привыкъ видѣть на уральскихъ промыслахъ.

— Видите ли, дѣло въ чемъ, — объяснялъ Окоемовъ: — нельзя изрыть землю да такъ ее и бросить... А мы сдѣлаемъ вотъ что̀: изъ турфовъ устроимъ громадную плотину, а когда розсыпь выработается — на ея мѣстѣ будетъ прекрасный прудъ. Здѣсь вообще воды недостаетъ.

— Для чего же намъ прудъ, Василій Тимоѳеичъ?

— А мельницу поставимъ... Если сами не воспользуемся, то красноустскіе мужики скажутъ намъ спасибо.

Окоемовъ не договаривалъ главнаго, именно, что выработанный пріискъ обратитъ въ опытную сельскохозяйственную станцію, причемъ землю будетъ арендовать у башкиръ. Странно, что эти планы какимъ-то чутьемъ понималъ одинъ фельдшеръ Потаповъ. Онъ теперь былъ поглощенъ пчеловодствомъ и собралъ цѣлую коллекцію медоносныхъ степныхъ растеній.

— Будетъ пчелка вестись, Василій Тимоѳеичъ, — убѣжденно говорилъ фельдшеръ.—И какой медъ будемъ собирать, не чета нашему липовому расейскому. Степной цвѣточный медъ, душистый... Сказывали мнѣ, что въ горахъ у башкиръ еще лучше — тамъ съ горныхъ травъ еще пріятнѣе медъ. Дѣльце не маленькое, ежели его обмозговать...

Женщины оставались пока въ Челканѣ и помаленьку приспособлялись къ новымъ условіямъ. Хохлушка Анна Ѳедоровна училась у попадьи разной сибирской стряпнѣ и приходила въ восторгъ отъ деревенскаго пшеничнаго хлѣба, который выпекался изъ свѣже-смолотой на простой раструсочной мельницѣ пшеницы. Это было что-то необыкновенное. Хлѣбъ получался пышный, душистый, хотя и не имѣлъ бѣлизны настоящей крупчатки. Вообще, хозяйки-сибирячки хорошо умѣли готовить всевозможное „сибирское тѣсто“. Потомъ хохлушка занялась пробной варкой варенья изъ поспѣвшей степной клубники и земляники. Ягодъ было много до безсовѣстности. На башкирскихъ пустовавшихъ земляхъ можно было собирать ихъ дѣйствительно прямо возами.

— Да тутъ можно открыть цѣлую фабрику варенья! — ахала хохлушка, когда осматривала степные ягодники. — И пастилы, и сухое кіевское варенье, и консервы всякіе... Нѣтъ, это что-то невѣроятное, и все это пропадаетъ зря.

Калерія Михайловна занялась огородомъ и скотнымъ дворомъ. Она любила только свое домашнее хозяйство, какъ настоящая великорусская женщина. Какихъ телятъ можно было здѣсь выращивать, сколько домашней птицы развести, и все это подъ рукой, дешево и удобно. Сѣно, напримѣръ, стоило баснословно дешево, а также и всякій другой кормъ. Да, тутъ уже начиналось настоящее сибирское приволье, которому недоставало только рукъ. Въ урожайные года сѣно продавалось иногда по 80 копеекъ возъ, а овесъ по 20 копеекъ пудъ. Калерія Михайловна видала хозяйство въ помѣщичьихъ имѣньяхъ средней Россіи и могла оцѣнить по достоинству новую обстановку.

— Тамъ вы воза соломы у мужика не купите ни за какую цѣну, — разсказывала она о. Аркадію, — потому что соломой, главнымъ образомъ, кормятъ скотъ... Мужики покупаютъ сами эту солому у помѣщиковъ и богатыхъ арендаторовъ. Скотина пасется по межамъ... Сѣно является какой-то драгоцѣнностью. Ахъ, какъ можно здѣсь жить, о. Аркадій... Одно молочное хозяйство чего стоитъ.

Вообще въ Калеріи Михайловнѣ проснулась домовитая русская хозяйка, которая почувствовала подъ ногами твердую почву. Она теперь бодро смот-

рѣла на свое будущее и знала отлично, что заработаетъ свой хлѣбъ. Сколько будетъ на пріискѣ однихъ служащихъ, а вѣдь ихъ надо прокормить. Затѣмъ, можно устроить дешевую столовую для рабочихъ, имѣть запасы, даже устраивать заготовки для вольной продажи. Въ хозяйствѣ ничего не пропадаетъ и каждое лыко идетъ въ строку. А главное, такой хорошій, здоровый трудъ, который вполнѣ обезпечиваетъ и отгоняетъ прочь щемящую мысль о кускѣ хлѣба: будетъ день — будетъ хлѣбъ.

— У васъ здѣсь совсѣмъ неизвѣстно огородное хозяйство, — разсказывала она попадьѣ съ увлеченіемъ. — Вѣдь одного картофеля до четырехсотъ сортовъ, а капуста, огурцы — да мало ли что найдется. Главное, чтобы все было свое, не покупное... Иногда оно бываетъ даже дороже купленнаго и все-таки выгоднѣе, потому что затраты дѣлаются постепенно и незамѣтно. Наконецъ здѣсь совсѣмъ не умѣютъ дѣлать сыра домашнимъ способомъ, коптить рыбу, дѣлать колбасы, свиное сало.

Однимъ словомъ, всѣ быстро входили въ курсъ дѣла, осваиваясь съ новой обстановкой, и приготовлялись къ будущей дѣятельности. Каждый начиналъ чувствовать себя *дома* — это великое чувство, которое даетъ смыслъ жизни. Исключеніе представляла только одна княжна, которая не умѣла приспособляться ни къ чему: хозяйства она не любила, домашней работы не понимала, а главное — совсѣмъ не интересовалась будничнымъ вопросомъ ежедневнаго обихода. Не все ли равно, что ѣсть или какъ одѣться? Ея единственный интересъ всегда составляли люди съ ихъ горемъ, заботой и нуждой, а въ деревнѣ она рѣшительно терялась, какъ и куда пристроить свой капиталъ. Здѣсь всѣ жили слишкомъ по-своему, и эта жизнь меньше всего напоминала столичную или, вообще, городскую жизнь. Мужиковъ и бабъ въ первое время она просто боялась, какъ боялась лошадей, коровъ, свиней, пауковъ и мышей. Если что ее интересовало, такъ Настасья Яковлевна, которая съ такимъ вниманіемъ присматривалась къ новымъ для нея людямъ. Да, это былъ совершенно неизвѣстный міръ и такой далекій отъ той обстановки, среди которой она выросла. Просыпаясь утромъ, она каждый разъ протирала глаза и съ удивленіемъ осматривалась кругомъ, точно больной, очнувшійся отъ какого-то тяжелаго забытья. Княжнѣ нравился больше всего сдержанный и ровный характеръ этой милой раскольницы. Все у нея выходило какъ-то съ вѣсомъ и по-своему.

— Вамъ скучно здѣсь? — спрашивала княжна.

— Какъ это скучно? Я не умѣю скучать...

Княжна слѣдила за отношеніемъ къ ней Окоемова и ничего не могла замѣтить. Онъ часто пріѣзжалъ въ Челканъ и держалъ себя съ Настасьей Яковлевной, какъ и со всѣми другими. Между ними установились какія-то товарищескія отношенія.

„Нѣтъ, онъ ее не любитъ, — рѣшала княжна про себя. — И она тоже... А въ сущности, я уже ничего не понимаю. Если мужчина полюбитъ, онъ уже потеряетъ голову“...

Княжну искренно огорчало то, что исчезла всякая романическая обстановка въ отношеніяхъ Окоемова къ Настасьѣ Яковлевнѣ. А какая же любовь можетъ быть безъ этого? Нужны ожиданія, страхъ, слезы, страданія, препятствія и такъ далѣе, какъ это происходитъ, напримѣръ, въ операхъ или въ настоящихъ хорошихъ романахъ. Однимъ словомъ, никакой обѣщающей обстановки. Разъ княжна не вытерпѣла и въ упоръ спросила дѣвушку:

— Скажите откровенно, Настасья Яковлевна, вамъ нравится Окоемовъ?

Дѣвушка сначала не поняла вопроса: какъ нравится? Что̀ онъ сдѣлалъ, чтобы не нравиться? А потомъ отвѣтила совершенно спокойно:

— Да...

Княжна теперь знала, что раскольница не любитъ, — любящія дѣвушки такъ спокойно не отвѣчаютъ.

VI.

Вчерѣ пріисковыя постройки были кончены къ началу августа, настолько кончены, что можно было переѣхать и жить по-походному. Какъ по сказочному велѣнью, выросъ цѣлый городокъ. На первомъ планѣ вытянулось длинное деревянное зданіе пріисковой конторы. Одна часть была отведена собственно подъ контору, а другая была разбита на отдѣльныя комнаты, соединенныя общимъ коридоромъ. У каждаго была своя комната и, кромѣ того, общая зала, столовая и запасная комната для пріѣзжихъ. Собственно, Окоемовъ предпочиталъ отдѣльные флигельки, что̀ было удобнѣе во многихъ отношеніяхъ, начиная съ опасности отъ пожара, но пока пришлось ограничиться общей казармой, потому что время было дорого. Рядомъ шла кухня, помѣщеніе для прислуги, баня, амбары, конюшни, навѣсы, сѣновалы—однимъ словомъ, цѣлый деревянный городокъ. Казарма для рабочихъ заканчивала эти постройки. Недавняя полянка превратилась въ громадный дворъ. Переѣздъ на новоселье составлялъ настоящее торжество. Особенно рады были женщины, что наконецъ могли имѣть свой уголъ, чувствовать себя дома и никого не стѣснять. Изъ постороннихъ на этомъ торжествѣ присутствовалъ одинъ о. Аркадій. За своимъ собственнымъ первымъ обѣдомъ всѣ чувствовали себя необыкновенно хорошо, а Сережа сказалъ приличный случаю сказъ.

— Господа, мы собрались здѣсь своей маленькой семьей и празднуемъ начало новой жизни, а всякое начало велико уже само по себѣ. Пройдетъ много лѣтъ, мы будемъ постепенно умирать, уступая мѣсто новому поколѣнію, но послѣдній, оставшійся въ живыхъ, не забудетъ этого знаменательнаго дня и подниметъ бокалъ за всѣхъ насъ... Умираютъ отдѣльныя личности, а хорошее дѣло никогда.

— Сережа, не вдавайся въ большое краснорѣчіе...—шепнулъ оратору Окоемовъ.—Гусей по осени считаютъ.

О. Аркадій попросилъ слова и заявилъ съ своей стороны:

— Дѣло въ слѣдующемъ, господа... Есть евангельская притча о работникахъ, вышедшихъ на работу въ разные часы дня. Притча заканчивается поучительными словами, что рабочіе, вышедшіе и въ „девятомъ часу“, получили ту же плату. Вы и пришли въ этомъ девятомъ часу, и я отъ души желаю, чтобы на вашемъ примѣрѣ еще лишній разъ оправдалось заключеніе евангельской притчи.

— Не дурно...—ворчалъ Сережа.—Именно, въ девятомъ...

Другіе стѣснялись говорить, и Окоемову пришлось объяснить то, что̀ занимало всѣхъ.

— Господа, я уже достаточно подробно объяснилъ вамъ раньше весь планъ нашего предпріятія, такъ что считалъ излишнимъ его повторять. Я поклонникъ силы, личной энергіи, предпріимчивости, неустаннаго труда... Все это прекрасно, и безъ этого ничего не можетъ быть. Открывать новые пути промышленности, давать работу и хлѣбъ тысячамъ рабочихъ рукъ, наконецъ чувствовать себя не лишнимъ человѣкомъ—все это хорошо, но отецъ Аркадій указалъ на то, что вышедшіе на работу въ девятомъ часу вышли не за одной только заработной платой. Я раньше намѣренно ничего не говорилъ объ этомъ,

потому что въ нашей средѣ слишкомъ легко циркулируютъ хорошія слова и, какъ мнѣ кажется, большинство совершенно удовлетворяется только этими хорошими словами... Я стою за живое дѣло, за работу, которая одухотворена опредѣленными идеями, а иначе не стòитъ жить. Впрочемъ, я плохой ораторъ, и каждое дѣло должно показать само, чего оно стòитъ...

Утлыхъ не умѣлъ говорить и только про себя ухмылялся. Онъ выпилъ пять рюмокъ водки и замѣтно размякъ. Изъ всей компаніи онъ уважалъ только одного Окоемова, а всѣхъ остальныхъ не ставилъ ни въ грошъ, особенно женщинъ. Бабье дѣло у себя дома, а тутъ наѣхали какія-то „фри" и только будутъ мѣшать. Хитрый сибирякъ только щурилъ глаза. Посмотримъ, дескать, чтò изо всей этой музыки выйдетъ...

Темнымъ пятномъ всего праздника было то, что пришлось „выставить" ведро водки рабочимъ, какъ ни сопротивлялся этому Окоемовъ. Онъ предлагалъ вмѣсто водки выдать деньги, но никто объ этомъ и слышать ничего не хотѣлъ.

— Ужъ такой порядокъ, Василій Тимоѳеичъ, — настаивалъ Утлыхъ, встряхивая головой.—Чтò имъ деньги...

— Да вѣдь это же безобразіе, Илья Ѳедорычъ, и меня огорчаетъ, что именно вы настаиваете на водкѣ...

— Какой же праздникъ безъ водки?—удивлялся Утлыхъ, въ свою очередь.

Скрѣпя сердце, Окоемову пришлось согласиться. Начало получалось грустное. Сейчасъ рабочіе дѣлились на три разряда: плотники и каменщики, потомъ спеціально промысловые рабочіе и наконецъ вспомогательные рабочіе, подвозившіе бревна, камень, песокъ, глину, известь. Вспомогательныя работы велись главнымъ образомъ краснокустскими мужиками, плотники и каменщики были изъ Вятской губерніи, а промысловый народъ набрался съ бору да съ сосенки. Этотъ послѣдній разрядъ былъ особенно интересенъ. Окоемову эти промысловые напомнили бурлаковъ. Все это былъ народъ, отбившійся отъ своего дома и погибавшій въ скитаніяхъ по промысламъ,—настоящій бродячій пролетаріатъ. Впрочемъ, это явленіе повторяется вездѣ—и въ Калифорніи, и въ Южной Африкѣ, и въ Австраліи. Уральскій промысловый рабочій былъ не хуже и не лучше другихъ. Вотъ свое дѣло они знали отлично, и Окоемовъ часто любовался ихъ умѣлой дружной работой. Къ этимъ разновидностямъ прибавилась еще четвертая группа, самая странная изъ всѣхъ—пріѣхали человѣкъ десять башкиръ и приняли въ праздникѣ самое дѣятельное участіе, точно они Богъ вѣсть какую работу сдѣлали.

— За что же мы ихъ будемъ угощать?—возразилъ Окоемовъ.—Вѣдь ни одного башкирца на работѣ не было...

— Ничего, пусть ихъ поѣдятъ, — успокаивалъ Утлыхъ. — Вонъ тотъ кривой башкиръ за пятьдесятъ верстъ пріѣхалъ, чтобы пообѣдать... Знаете русскую поговорку: брось хлѣбъ назадъ, а онъ впереди окажется. Придется и съ ними дѣло имѣть.

— Я не желаю прикармливать ихъ, чтобы потомъ обмануть чѣмъ-нибудь... Если чтò будетъ нужно, я заплачу деньги, какъ всѣмъ другимъ.

— Деньги деньгами, Василій Тимоѳеичъ, а честь честью... Вонъ у насъ десять лошадей, украдутъ живо, и къ нимъ же придется итти выкупать. Да мало ли чтò случиться можетъ. Эти башкирники тѣмъ и живутъ, что ждутъ, гдѣ бы поѣсть на даровщинку.

Окоемову ничего не оставалось, какъ только пожать плечами. Хорошо, что башкиры, по крайней мѣрѣ, водки не пили. Съ другой стороны, было

скверно то, что они будутъ пріѣзжать потомъ и высматривать даровые куски. Всего удивительнѣе было то, что въ числѣ этихъ непрошенныхъ гостей оказался одинъ вліятельный башкирскій старшина, слывшій на сто верстъ кругомъ за перваго богача. Это дитя природы сначала угощалось съ рабочими, а потомъ заявилось въ контору.

— Здырастуй...—коротко рекомендовался онъ, протягивая руку Окоемову.—Хорошо живешь?..

— Спасибо...

На Окоемова произвело непріятное впечатлѣніе это степное нахальство, и онъ не зналъ, что̀ ему говорить. Выручилъ Утлыхъ, который могъ объясняться по-башкирски.

— Онъ предлагаетъ землю въ аренду,—объяснилъ Утлыхъ.—Только съ этими господами нужно быть очень осторожными... Они обыкновенно сдаютъ одну и ту же землю за-разъ нѣсколькимъ арендаторамъ.

Старикъ обидѣлся. Зачѣмъ онъ будетъ обманывать, когда у него все есть? Одной земли больше ста десятинъ, табунъ лошадей, три работника и т. д. Этотъ богачъ однако кончилъ тѣмъ, что при прощаньи отвелъ Окоемова въ сторону и проговорилъ шопотомъ:

— Прощай... Дай мнѣ чаю на заварку. Бульна у тебя чай хорошъ...

Эта наивность разсмѣшила Окоемова до слезъ. Старшина смотрѣлъ на него и тоже смѣялся какимъ-то дѣтскимъ смѣхомъ. Возмущена была одна Калерія Михайловна, которая уже вступила въ управленіе хозяйствомъ и высчитывала каждую копейку.

— Это какое-то вымогательство, Василій Тимоѳеичъ...

— Пожалуйста, дайте ему фунтъ...

— Ни за что!..

Калерія Михайловна завернула сама въ бумажку чай и молча подала вымогателю. Башкиръ только улыбнулся и спряталъ подачку въ глубинѣ своей пазухи.

На праздникѣ присутствовала Настасья Яковлевна и все время оставалась молчаливой наблюдательницей. Она не отходила отъ княжны и, кажется, заразилась отъ нея глухой ненавистью къ Сережѣ. По крайней мѣрѣ, Сережа это чувствовалъ и старался не встрѣчаться съ этими суровыми дѣвицами. Когда праздникъ закончился, Окоемовъ подсѣлъ къ Настасьѣ Яковлевнѣ и заговорилъ:

— Мнѣ интересно знать, Настасья Яковлевна, какое впечатлѣніе вы вынесли изъ всего, что̀ видѣли?

— Я не умѣю хорошенько объяснить вамъ всего, Василій Тимоѳеичъ, потому что многаго не понимаю... Мнѣ кажется, что все, что̀ дѣлается кругомъ меня, какой-то сонъ.

— И мнѣ уже то же кажется,—отвѣтила княжна, присутствовавшая при этомъ разговорѣ.—Я тоже не понимаю...

— Вы просто соскучились о своей Москвѣ, Варвара Петровна...

Княжна вдругъ заплакала. Окоемовъ угадалъ... Она, дѣйствительно, ужасно скучала, и ей даже казалось, что она непремѣнно умретъ въ этой проклятой степи. Самый праздникъ говорилъ ей то, что она здѣсь лишняя и никому ненужная. У всѣхъ есть какое-нибудь дѣло, а она должна ѣсть чужой хлѣбъ даромъ, какъ вотъ этотъ башкиръ, который выпросилъ сейчасъ заварку чаю.

— Я уже ненавижу сама себя,—повторяла княжна, всхлипывая по-дѣтски.

— Пустяки, дорогая Варвара Петровна... Именно вы-то и нужны здѣсь, нужны, можетъ-быть, больше другихъ. Вонъ послушайте, что̀ разсказываетъ отецъ Аркадій про башкиръ, какъ они вымираютъ цѣлыми деревнями. Дѣти до четырнадцати лѣтъ даже зимой ходятъ голыми, какъ дѣвочки, такъ и мальчики, мужчины уѣзжаютъ и уходятъ, куда глаза глядятъ, а дома остаются только дряхлые старики, старухи, женщины и дѣти. Вѣдь это ужасно, когда на глазахъ вымираетъ цѣлое племя... Наконецъ, по крови вы не чужая имъ, Варвара Петровна.

— Что̀ же я могу сдѣлать для нихъ? — безпомощно спрашивала княжна.

— Сдѣлать можно многое, было бы только желаніе... Вотъ займитесь этимъ и, право, сто̀итъ похлопотать. Кстати, и Настасья Яковлевна вамъ можетъ помочь...

— А если я ихъ боюсь, вотъ этихъ башкиръ?—заявляла княжна.—Они такіе страшные. Потомъ... Потомъ мы собрались съ Настасьей Яковлевной ѣхать въ Москву.

— Вотъ тебѣ разъ!—изумился Окоемовъ.—Этого еще недоставало... Это какой-то бунтъ. Потомъ, какой вы примѣръ покажете другимъ?..

— Это я виновата,—объяснила Настасья Яковлевна.—Мнѣ, дѣйствительно, нужно уѣхать въ Москву... Дѣло въ томъ, что я теперь одумалась и нахожу неудобнымъ продолжать свое укрывательство. Я бѣжала отъ дяди сгоряча, въ минуту отчаянія... А нужно увидѣть родныхъ и объяснить все начистоту. Дурного я ничего не сдѣлала и могу располагать собой по усмотрѣнію...

— Васъ я, конечно, не могу удерживать, — согласился Окоемовъ.—И, по-моему, вы совершенно правы...

— А какъ же я отпущу ее одну?—вступилась княжна.—Богъ знаетъ, что̀ можетъ быть съ ней... Она такъ неопытна, а всѣ родные просто ужасные люди. Нѣтъ, я не могу ее отпустить одну... Ее схватятъ и увезутъ куда-нибудь въ скиты. Я уже не согласна... Она такая славная.

Эта наивная похвала заставила Настасью Яковлевну даже покраснѣть, и она молча поцѣловала княжну.

— Когда же вы думаете ѣхать?—спрашивалъ Окоемовъ.

Этотъ вопросъ не былъ еще рѣшенъ, и дѣвушки вопросительно посмотрѣли другъ на друга.

— Дѣло вотъ въ чемъ...—заговорилъ Окоемовъ.—Раньше августа я вамъ не совѣтую уѣзжать,—я могу только совѣтовать. Устраивая все, я совершенно упустилъ изъ виду очень важную вещь... Догадайтесь, какую?

Княжна не знала, а Настасья Яковлевна отвѣтила за нее:

— Нѣтъ больницы...

— Вотъ именно!.. И какъ это случилось, самъ не понимаю, тѣмъ болѣе, что и по закону я обязанъ имѣть небольшую больничку, хотя этотъ законъ въ большинствѣ случаевъ и не исполняется... Такъ вотъ вы, Варвара Петровна, мнѣ и нужны для устройства больницы. Это будетъ входить въ кругъ вашихъ обязанностей, какъ главнаго инспектора по медицинской части. И потомъ, это совсѣмъ не страшное занятіе...

— А фельдшеръ?

— Фельдшеръ будетъ помогать вамъ. Вы должны съѣздить къ земскому доктору и посовѣтоваться предварительно съ нимъ. У нихъ есть спеціальные планы и смѣты такихъ больничекъ...

VII.

Окоемовъ переживалъ двойное чувство. Съ одной стороны, онъ относился къ Настасьѣ Яковлевнѣ, какъ къ сестрѣ, а съ другой—видѣлъ въ ней любимую дѣвушку. Послѣднее чувство какъ-то странно расхолаживалось именно ея близостью. Ежедневныя встрѣчи и разговоры производили обратное дѣйствіе, и та дѣвушка, о которой онъ такъ долго мечталъ, точно уходила вдаль, покрываясь туманомъ. На этой почвѣ вырастало новое чувство, которое вѣрнѣе всего было назвать дружбой. Окоемову все нравилось въ Настасьѣ Яковлевнѣ: голосъ, задумчивый взглядъ немного исподлобья, улыбка и даже походка, легкая, неторопливая, изящная. Вообще, въ ея присутствіи онъ чувствовалъ себя какъ-то особенно хорошо и спокойно, точно тревожныя мысли бѣжали отъ этого чистаго дѣвичьяго образа. Предстоящій отъѣздъ Настасьи Яковлевны въ Москву поднялъ снова все то, что̀ было пережито, улеглось и казалось позабытымъ. Онъ даже не могъ сказать, какъ она относится къ нему—хорошо, и только. Просыпаясь рано утромъ, чтобы итти на пріискъ, Окоемовъ теперь думалъ о томъ, какъ вернется къ чаю домой и увидитъ ее, свѣжую, милую, спокойную. Онъ любилъ, чтобы она наливала ему чай или просто сидѣла за столомъ вмѣстѣ съ другими. Мысль о томъ, что скоро ея не будетъ, впередъ образовала какую-то мучительную пустоту, и Окоемовъ старался объ этомъ не думать, какъ отгоняютъ мысль о смерти.

Работы на пріискѣ пока носили подготовительный характеръ. Устраивали плотину, машину для промывки песковъ, проводили канавы и т. д. Самая добыча золота ограничивалась случайными промывками, которыя въ общей сложности дали около полфунта. Сережа съ особенной торжественностью занесъ въ одинъ изъ своихъ гроссбуховъ этотъ первый „призъ“.

— Эти полфунта стоятъ больше восьми тысячъ,—объяснилъ Окоемовъ.

— Что̀ же, потомъ все окупится... — увѣренно отвѣчалъ Сережа, самъ начинавшій вѣрить въ свою миссію главнаго управляющаго.

— Только вотъ что̀, Сережа, пожалуйста, поменьше этой канцелярской работы. Ты уже сейчасъ всѣхъ одолѣлъ: и фельдшеръ, и студентъ, и Потемкинъ, и княжна—всѣ тебѣ помогаютъ. А что̀ будетъ дальше? Просто страшно за человѣка дѣлается... Ты разведешь здѣсь настоящій департаментъ.

— Иначе я не могу... Это ужъ какъ вамъ будетъ угодно. Я вообще люблю порядокъ въ дѣлахъ...

Въ Сережѣ, при видимой безпорядочности и легкомысліи, жилъ какой-то чиновникъ, щепетильный до придирчивости. Для него не было выше оскорбленія, какъ неразборчиво написанное письмо, вообще дурной почеркъ. Если ужъ дѣлать, такъ хорошо... Особенно доставалось отъ него студенту Крестникову, который имѣлъ невозможный почеркъ.

— Всякій порядочный человѣкъ долженъ писать красиво и разборчиво,—авторитетно говорилъ Сережа, съ ненавистью глядя на кривыя строки и невозможные іероглифы своего помощника.—Я убѣжденъ, что половина несчастій и непріятностей въ жизни происходитъ именно благодаря дурному почерку...

Студентъ былъ иного мнѣнія, и разъ дѣло дошло до крупной размолвки, потребовавшей вмѣшательства Окоемова.

— Я еще допускаю, что женщина имѣетъ нѣкоторое право писать скверно, — доказывалъ Сережа. — Ей и писать рѣдко приходится, и притомъ пишетъ она только въ возбужденномъ состояніи...

— Это ваша барская замашка вышучивать женщинъ, — сказалъ Крест-

никовъ.—Вы забываете только одно, что она такой же человѣкъ, какъ и мы съ вами. Виноватъ, гораздо лучше насъ съ вами...

Говоря о почеркѣ, Сережа косвенно мстилъ княжнѣ, которая тоже писала неразборчиво. Онъ доводилъ ее этими разговорами до слезъ.

— Я уже благословляю впередъ тотъ день, когда не буду видѣть васъ,— увѣряла княжна съ азартомъ.—Кромѣ всѣхъ своихъ пороковъ, вы еще ворчунъ и придира...

Эти маленькія размолвки оживляли существованіе маленькой колоніи, потому что заканчивались какимъ-нибудь комическимъ эпизодомъ. Глухая распря Сережи съ княжной всѣхъ забавляла. Даже маленькая Таня, и та принимала нѣкоторое участіе въ этихъ недоразумѣніяхъ и отлично понимала, что тетя Варя не любитъ дядю Сережу. Дѣвочка въ новой обстановкѣ, кажется, чувствовала себя лучше всѣхъ и въ теченіе какого-нибудь мѣсяца загорѣла, какъ галчонокъ. У нея достаточно было своихъ маленькихъ хлопотъ. Вѣдь нужно десять разъ сбѣгать на пріискъ, побывать у лошадей, заглянуть двадцать разъ въ кухню, ко всѣмъ приставать съ разспросами и всѣмъ мѣшать. Сережа буквально страдалъ отъ этого неугомоннаго человѣчка, интересовавшагося даже его гроссбухами. На дверяхъ его конторы даже появилось объявленіе: „Входъ въ контору дѣвицѣ Татьянѣ строго воспрещенъ". Этотъ драконовскій законъ былъ обойденъ тѣмъ, что Таня начала влѣзать въ контору черезъ окно и дразнила Сережу неистощимой пытливостью своего духа.

Калерія Михайловна рѣдко показывалась. Она вся была поглощена своей кухней, огородомъ и вообще хозяйствомъ. Верхомъ ея торжества была покупка первой коровы. Она ее даже мыла черезъ день, потѣшая деревенскихъ мужиковъ и бабъ.

— Не корова, а барыня, — галдѣли мужики. — Этакъ, пожалуй, шарфъ на корову надѣвать придется и калоши...

— Вы вотъ сами-то почаще мойтесь,—совѣтовала Калерія Михайловна.

Подъ ея руководствомъ былъ распланированъ громадный огородъ, строились тепличка и парники, маленькая овчарня, коровникъ, маленькій птичій дворъ—однимъ словомъ, полное хозяйство. Хохлушка Анна Ѳедоровна была занята другой стороной этого хозяйства—ея спеціальность были разные консервы. Сохранять молоко, приготовлять домашніе сыры, домашнія колбасы, консервировать мясо въ прокъ, покупать зимой рыбу и солить ее, устроить огненную сушку овощей, запасать грибы и ягоды во всевозможныхъ видахъ. Все это было нужно, потому что приходилось заботиться о прокормленіи трехсотъ человѣкъ. Окоемовъ опасался, чтобы не вышли какія-нибудь недоразумѣнія хозяйственнаго характера, но обѣ женщины совершенно были поглощены каждая своей собственной работой. Просматривая счета и смѣты, Окоемовъ убѣждался въ одномъ, что эта бабья работа дастъ чистой прибыли около шестидесяти процентовъ, сравнительно съ тѣмъ, если бы всѣ эти хозяйственные продукты покупать со стороны. Въ виду этого онъ назначалъ хозяйкамъ пять процентовъ награды изъ чистой прибыли.

— Вотъ только какъ быть со свиньями...—говорила хохлушка.—Калерія Михайловна противъ того, чтобы заводить свиней, а безъ свиней какое же хозяйство.

Калерія Михайловна боялась, что эти будущія свиньи будутъ портить ея огородъ, будутъ ѣсть цыплятъ и вообще безчинствовать, хотя въ принципѣ и признавала ихъ, какъ выгодную хозяйственную статью. Въ сущности, ей претила свинячья нечистоплотность и прожорливость, да и мѣстныя породы свиней были плохи, а выписывать далеко и дорого. Свиной вопросъ пока былъ

отложенъ, хотя это и не помѣшало вскорѣ появиться цѣлымъ двумъ поросятамъ.

Окоемовъ былъ чрезвычайно доволенъ своими хозяйками, — это былъ первый успѣхъ, первая оправдавшаяся надежда. И, главное, надежда, оправданная женскимъ трудомъ, нашедшимъ свое приложеніе. Это было не выжиганіе по дереву и не расписываніе фарфоровыхъ тарелочекъ, а настоящій, полезный, здоровый и производительный трудъ. Въ результатѣ получались здоровая пища для рабочихъ, полная независимость отъ рынка и половинная стоимость содержанія. Конечно, съ перваго раза не могли быть осуществлены всѣ статьи этого хозяйства, но, при ближайшемъ знакомствѣ съ мѣстными условіями, въ ихъ осуществленіи не могло быть сомнѣнія. Да и примѣръ о. Аркадія былъ налицо, такъ что всегда было можно провѣрить всякое предположеніе на живомъ дѣлѣ.

У Окоемова рядомъ съ этимъ успѣхомъ получилось маленькое недоразумѣніе съ Утлыхъ. Этотъ сибирякъ сейчасъ уже являлся лишнимъ и не хотѣлъ этого замѣчать. Отказать ему прямо Окоемовъ стѣснялся и своей нерѣшительностью только затягивалъ дѣло. Вступить въ компанію равноправнымъ членомъ онъ не изъявлялъ желанія, а дѣлать ему на пріискѣ было нечего. Онъ попрежнему относился ко всѣмъ, кромѣ Окоемова, подозрительно и сомнѣвался даже въ самыхъ очевидныхъ вещахъ. Это была какая-то органическая сибирская подозрительность, воспитанная тяжелымъ опытомъ невольныхъ сношеній съ ссыльными, бродягами и вообще съ подозрительными людьми, которыхъ Европейская Россія такъ охотно отдаетъ Сибири въ теченіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ.

— Мы съѣздимте въ Башкирію, Илья Ѳедорычъ,—предлагалъ Окоемовъ, чтобы воспользоваться его опытностью.—Мнѣ необходимо осмотрѣть земли для аренды, потомъ озера...

— Что̀ же, можно и съѣздить, — охотно согласился Утлыхъ. — Всего-то податься верстъ на пятьдесятъ — вотъ вамъ и Башкирія.

Онъ остался недоволенъ только тѣмъ, что вмѣстѣ съ ними отправился студентъ Крестниковъ. Окоемовъ сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, а студенту рѣшительно было все равно. Окоемову хотѣлось немного встряхнуться, да и погода стояла такая чудная. Просто было грѣшно сидѣть у себя дома. Поѣздки для Окоемова являлись лучшимъ отдыхомъ и въ то же время лѣкарствомъ.

Башкирія — цвѣтущая страна, которая свободно могла бы прокормить нѣсколько милліоновъ населенія, а сейчасъ въ ней быстро вымирали послѣдніе остатки когда-то громаднаго и сильнаго племени. Нѣтъ ничего печальнѣе вида башкирской деревни: избы безъ крышъ, окна безъ стеколъ, около избы въ рѣдкомъ случаѣ ворота. Поля пустовали, сѣнокосныя угодья оставались некошенными, и т. д. и т. д. Утлыхъ смотрѣлъ съ своей точки зрѣнія на башкиръ, какъ на существа низшія, и нисколько не сочувствовалъ этой башкирской нуждѣ.

— Что̀ же ихъ жалѣть, когда они сами кругомъ виноваты,—повторялъ онъ.—Было бы кого жалѣть. Не хотятъ работать, и конецъ тому дѣлу.

Для Окоемова эти несчастные башкиры не являлись чужими. Въ нихъ только ярче, чѣмъ въ русскихъ, выразились полное невѣжество и заматорѣлая лѣнь. До извѣстной степени въ каждомъ русскомъ человѣкѣ сидитъ такой башкиръ,—то же неумѣнье взяться за какое-нибудь дѣло, отсутствіе энергіи, косность и какой-то безсмысленный фанатизмъ. Сколько такихъ людей пропадаетъ по городамъ, а особенно въ столицахъ. Обидно то, что всѣ они могли бы жить припѣваючи, если бы только стряхнули съ себя башкирскія качества

Между прочимъ, они заѣхали къ тому старшинѣ, который выпросилъ заварку чая. Старикъ былъ дома и принялъ гостей очень радушно. Обстановка дома говорила о нѣкоторой зажиточности, а по-башкирски—о цѣломъ богатствѣ.

— Гостя Богъ посылаетъ...—повторялъ привѣтливо хозяинъ.

Большая деревянная изба внутри дѣлилась ситцевой занавѣской на двѣ половины. Въ первой около стѣнъ шли широкія деревянныя нары, прикрытыя дешевыми коврами и ситцевыми одѣялами. Хозяинъ ходилъ въ однихъ чулкахъ, оставляя туфли у порога. И всѣ другіе башкиры дѣлали то же, а поэтому въ избѣ было чисто. Гости напились чаю и за чаемъ вели дѣловые разговоры относительно аренды земли.

— Много земли, ой-ой, много!—закрывая глаза, говорилъ башкиръ.— Плати деньги, получай земля...

Арендная плата составляла смѣшную цифру, именно рубль за десятину. Окоемову сдѣлалось даже совѣстно за такую нищенскую сумму, а башкиръ хитро щурилъ глаза—онъ заломилъ неслыханную цѣну, потому что сосѣдніе крестьяне арендовали по полтиннику, и Утлыхъ хотѣлъ торговаться неистово. Окоемовъ только пожалъ плечами.

— Ты намъ покажи свою землю,—закончилъ Окоемовъ эти переговоры.

Лѣтомъ башкирскія деревни пустѣютъ, потому что всѣ разбродятся по окрестностямъ, а богатые живутъ въ кошахъ—родъ степной кибитки. Дома остаются только самые бѣдные, которымъ некуда уѣхать. Окоемовъ былъ радъ, когда они наконецъ выѣхали въ поле и когда предъ ними ровнемъ-гладнемъ развернулась степная равнина. Лучшія мѣста были захвачены сосѣдними крестьянами, но оставалось еще много „пустой“ земли. Окоемовъ съ какой-то тоской посмотрѣлъ на эту благодатную землю, которая напрасно ждала рабочихъ рукъ. Вдали блестѣло озеро.

— Вотъ, Иванъ Николаичъ, грустный примѣръ,—говорилъ Окоемовъ Крестникову,—вдвойнѣ грустный... Башкиры исторически лѣнивы и не хотятъ работать, и земля не находитъ настоящихъ рукъ. Вѣдь это громадное богатство пропадаетъ совершенно даромъ... Развѣ такое явленіе мыслимо гдѣ-нибудь въ Америкѣ? Ахъ, какъ мы всѣ виноваты и кругомъ виноваты...

Они осмотрѣли площадь въ нѣсколько верстъ, и Окоемовъ выбралъ участокъ въ триста десятинъ. Ему было нѣсколько совѣстно, что за эти три квадратныхъ версты великолѣпнаго степного чернозема онъ будетъ платить всего какихъ-то триста рублей въ годъ. Все дѣло заключалось только въ томъ, чтобы заключить долгосрочную аренду, именно на двѣнадцать лѣтъ. Башкиръ былъ радъ этой сдѣлкѣ, какъ празднику. Главное, задатокъ можно получить подъ эту „пустую“ землю...

Вечеромъ въ волости собрались башкиры, и дѣло было рѣшено, и опять Окоемову было совѣстно, точно онъ сознательно грабилъ ихъ. А между тѣмъ не могъ же онъ назначить имъ тройную цѣну,—вообще получалась нелѣпость.

— У насъ теперь будетъ свое сѣно, свой овесъ и свой хлѣбъ,—говорилъ Крестниковъ.

VIII.

Ночь они провели на берегу большого степного озера, разливавшагося въ низкихъ, округленныхъ берегахъ. Привалъ былъ выбранъ въ двухъ шагахъ отъ стараго башкирскаго кладбища, осѣненнаго столѣтними березами. Это была чудная лѣтняя ночь съ чутко дремавшимъ воздухомъ. Время отъ времени со стороны степи доносился какой-то неясный шопотъ и сейчасъ же

затихалъ, точно кто-то хотѣлъ сказать какую-то великую тайну, начиналъ и останавливался на полсловѣ. Озеро покрылось туманомъ; окаймлявшіе берега камыши походили на зеленую бархатную оправу, въ которой глухо замиралъ степной шопотъ, точно онъ прятался въ этой живой зеленой стѣнѣ. Какъ-то особенно привѣтливо горѣлъ разложенный на берегу костеръ, а черезъ озеро краснымъ глазомъ смотрѣлъ другой огонекъ,—вѣроятно, стоянка какихъ-нибудь запоздавшихъ рыбаковъ. Хотѣлось безъ конца сидѣть около костра и мечтать съ открытыми глазами. Это была та мать-природа, которая баюкала съ ласковымъ шопотомъ.

— А все-таки скверно...—думалъ вслухъ Окоемовъ.

Утлыхъ понималъ, къ чему относится эта фраза, и только встряхивалъ головой.

— Что̀ скверно-то, Василій Тимоѳеичъ? И безъ того лишнихъ сто рублей заплатили аренды... Вѣдь имъ сколько ни дай, все равно толку никакого не будетъ. Другіе-то вдвое меньше платятъ...

— Если другіе безсовѣстно эксплоатируютъ башкиръ, это еще не значитъ, что и мы должны дѣлать то же самое. Вообще нехорошо...

— Нехорошо не это, а вотъ то, что нельзя у нихъ снять въ аренду озера. Вотъ это настоящій харчъ, а не то, что какая-нибудь земля. Тони-то зимой вотъ на этомъ самомъ озерѣ бываютъ тысячи по три пудовъ. А какой за ней уходъ, за рыбой? Посадилъ трехъ сторожей, и все тутъ. Снасть, конечно, не дешева, такъ она не на одинъ годъ заводится... Ну, да еще озера отъ насъ не уйдутъ. А вѣдь тутъ дѣльце милліономъ пахнетъ.

Озерами больше всего интересовался студентъ Крестниковъ, но сейчасъ отмалчивался: ему не нравился самый тонъ, которымъ говорилъ Утлыхъ. Да, каждый трудъ долженъ оплачиваться, но до наживы еще далеко, а у сибиряка только и мыслей, что о наживѣ. Наконецъ это просто обидно, потому что ставило на одну доску съ кулаками, обиравшими башкиръ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. А между тѣмъ какое прекрасное дѣло эти рыбныя ловли на озерахъ. Если купцы-арендаторы, умѣвшіе только стеречь озера, могутъ наживать милліоны, то писцикультура, устроенная на основаніи научныхъ данныхъ и уже установившейся практики, должна давать еще больше. Вообще, получалась какая-то невѣроятная картина всевозможныхъ богатствъ, и Крестниковъ невольно сравнивалъ этотъ благодатный край съ той бѣдной Россіей, которая оставалась тамъ, за горами. Да, нужны только руки, энергія и знаніе... Всѣ эти мысли отравлялись только проклятымъ словомъ: нажива. Неужели можно оставаться честнымъ только при условіи евангельской бѣдности, а деньги уже сами въ себѣ несутъ извѣстное рабство, желаніе закабалить и неистощимую жажду все новыхъ и новыхъ пріобрѣтеній? На Крестникова все чаще и чаще находили сомнѣнія, и онъ часто не понималъ, что̀ за человѣкъ Окоемовъ: или ужъ очень хорошій человѣкъ, или рафинированный эксплоататоръ, который такъ ловко пользуется разными хорошими словами для своихъ цѣлей. Неужели и у него одна цѣль: нажива? Чуткая молодая совѣсть требовала отвѣта, а его приходилось ждать. Крестниковъ сидѣлъ у огня и въ тысячу первый разъ передумывалъ одно и то же.

— Вы о чемъ задумались, Иванъ Николаичъ? — спросилъ Окоемовъ, когда Утлыхъ ушелъ спать въ тарантасъ.

— Да о многомъ, Василій Тимоѳеичъ...

— Васъ коробитъ слово: нажива?

Крестниковъ только посмотрѣлъ на Окоемова широко раскрытыми глазами, точно онъ подслушалъ его мысли. Окоемовъ сидѣлъ у огня, скорчи-

вшись, и казался такимъ маленькимъ и худенькимъ. Его типичное худощавое лицо ярко освѣщалось всполохами пламени. Не дожидаясь отвѣта, Окоемовъ заговорилъ:

— Вы и ко мнѣ все время присматриваетесь... Оно такъ и должно быть. Мы еще слишкомъ мало знаемъ другъ друга... да. Взять хотя сегодняшній случай... Я купилъ за триста рублей аренду, которая мнѣ дастъ при правильномъ хозяйствѣ больше трехъ тысячъ. Это несправедливо... Что̀ бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

— Я? Я назначилъ бы башкирамъ пятьдесятъ процентовъ изъ чистой прибыли...

— Но вѣдь это гадательная цифра, особенно если принять во вниманіе такія условія, какъ затраты на постановку дѣла, а затѣмъ возможность засухъ. Будутъ, несомнѣнно, года, когда башкиры получили бы за свою землю нуль...

— Посѣвы можно застраховать, а что̀ касается обзаведенія, то его можно разверстать по числу лѣтъ аренды.

— Совершенно вѣрно, но вы забываете одно: я сейчасъ назначилъ башкирамъ двойную цѣну, и если прогорю, то имъ отъ этого не будетъ пользы. Слѣдовательно сначала необходимо поставить дѣло на твердую почву, а потомъ уже говорить о другомъ.

— Я знаю, Василій Тимоѳеичъ, ваше слабое мѣсто: вы боитесь благотворительности.

— Да, да, боюсь... Что̀ даромъ получено, то даромъ и уйдетъ. Необходимо, чтобы человѣкъ заработалъ свое благосостояніе. Возьмите данный случай: я могъ сегодня дать башкирамъ, вмѣсто трехсотъ—три тысячи. Это меня не разорило бы... Но къ чему бы это повело? Во-первыхъ, я провелъ бы имъ мысль о легкой наживѣ, которая гарантировала бы ихъ отъ всякой необходимой работы; во-вторыхъ, въ своемъ лицѣ я создалъ бы опаснаго конкурента тѣмъ крестьянамъ, которые сейчасъ арендуютъ у башкиръ землю. Что̀ для меня, при интенсивной культурѣ и обезпеченныхъ средствахъ, выгодно, то же самое ихъ разорить. Экономическія явленія слишкомъ неразрывно связаны между собой, и нельзя ихъ изолировать.

— Но вѣдь то же самое могутъ сказать и другіе, которые руководствуются одной наживой. Путь въ достаточной мѣрѣ скользкій... А главное, онъ создаетъ для каждаго свою собственную мораль, другими словами—полнѣйшій произволъ. Все будетъ зависѣть отъ того, какой человѣкъ...

— На совѣсть, какъ говорятъ мужики?

— А такъ какъ большинство людей обладаетъ очень маленькой совѣстью, то результатъ получится самый плачевный...

— Но вѣдь совѣсть поднимается, т.-е. уровень совѣсти. Живой примѣръ—ваши собственныя слова: вы уже не можете успокоиться на одной наживѣ, какъ Илья Ѳедорычъ. Вотъ я и вѣрю въ этотъ подъемъ общественной совѣсти, вѣрю въ то, что такихъ совѣстливыхъ людей сотни тысячъ и что ихъ будетъ все больше и больше. Золотой вѣкъ, конечно, мечта, но это не мѣшаетъ намъ итти къ нему...

Они проговорили до самой зари, хорошо и откровенно, какъ еще никогда не случалось. Окоемову очень нравился сдержанный и серьезный юноша, и онъ возлагалъ на него большія надежды.

— Представьте себѣ такой случай,—заговорилъ Окоемовъ послѣ длинной паузы:—и я и вы умираемъ... Наше дѣло пошло, оно поставлено, а мы возьмемъ да и умремъ. Если бы мы не надѣялись, что на наше мѣсто сей-

часъ же явятся сотни и тысячи другихъ людей, которые поведутъ это дѣло, тогда не стоило бы ни о чемъ хлопотать.

Башкирская деревня, около которой была арендована земля, называлась Салга. Отъ нея до Краснаго-Куста считали пятьдесятъ верстъ, а зимой разстояніе сокращалось почти на половину, потому что не нужно было дѣлать объѣздъ озеръ. Окоемовъ былъ очень доволенъ этой арендой и только думалъ о томъ, откуда и какъ брать рабочихъ для сельской работы.

— Да башкиры же и будутъ работать,—объяснялъ Утлыхъ.—Они всегда такъ дѣлаютъ: сдадутъ землю въ аренду, а потомъ сами же и нанимаются ее обрабатывать. Своя земля пустуетъ, а чужую обрабатываютъ. Самый несообразный народъ...

— Значитъ, они могутъ работать?

— Въ лучшемъ видѣ... Здоровый народъ на работу. Только вотъ на себя не хотятъ ничего дѣлать. Смѣшно на нихъ смотрѣть. Все лѣто лежитъ на боку, а разъ ѣду осенью, только-что первый снѣжокъ палъ, а они траву косятъ... Сушить, говорятъ, не нужно.

Крестниковъ остался въ Салгѣ. Страда уже наступала, и нужно было заготовлять сѣно, а потомъ распланировать будущія пашни. Знанія, вынесенныя изъ академіи, теперь находили свое приложеніе. Пріисковая работа Крестникову не нравилась, и онъ былъ совершенно счастливъ, что останется при настоящемъ дѣлѣ, для котораго стòитъ потрудиться. Затѣмъ молодого человѣка много интересовала выпадавшая на его долю отвѣтственная самостоятельность. Онъ начиналъ себя чувствовать вполнѣ большимъ человѣкомъ.

— Я вамъ оставлю деньги, и вы сами уже распоряжайтесь сѣнокосомъ,— говорилъ Окоемовъ при отъѣздѣ.—Помните, что будете имѣть дѣло съ новыми людьми, которыхъ совсѣмъ не знаете...

Крестниковъ поселился у башкирскаго старосты, который заломилъ съ него цѣну, какъ въ дорогомъ ресторанѣ. Кое-какъ сговорились. Время стояло горячее, такъ что некогда было даже поставить полевую избушку. Но все это было пустяки по сравненію съ открывавшейся широкой дѣятельностью, о какой Крестниковъ не смѣлъ мечтать. Онъ чувствовалъ, что Окоемовъ вполнѣ довѣряетъ ему, и сознавалъ, что это возлагаетъ на него двойную отвѣтственность.

Башкиры и русскіе крестьяне отнеслись къ молодому хозяину съ большимъ недовѣріемъ, какъ къ барину-бѣлоручкѣ, ничего не смыслившему въ ихъ крестьянскихъ дѣлахъ. Это сказывалось во всемъ, а особенно при первыхъ наймахъ рабочихъ. Сибирскій мужикъ оказывался большимъ хитрецомъ и не желалъ продавать свой трудъ дешево. Башкиры готовы были работать за безцѣнокъ, но одолѣвали вымогательствомъ задатковъ. Они просили себѣ все, что̀ только видѣли, и не огорчались отказомъ. Для разъѣзда по сѣнокосамъ Крестниковъ купилъ себѣ крѣпкую башкирскую лошадку и ѣздилъ на ней верхомъ. Можно себѣ представить его огорченіе, когда черезъ три дня эта лошадь была украдена.

— Ахъ, какой сверный народъ, какой скверный народъ,—жалѣлъ хитрый старшина.—Дрянной народъ...

Это былъ первый печальный опытъ, огорчившій Крестникова до глубины души. Онъ успокоился только тогда, когда изъ Краснаго-Куста пріѣхалъ фельдшеръ Потаповъ и разсказалъ, что на пріискѣ украли цѣлыхъ пять лошадей. Оказалось, что воровали лошадей башкиры, угощавшіеся на праздникѣ.

— Проклятая сторонка,—ворчалъ фельдшеръ.—Этакъ, пожалуй, не услышишь, какъ самому башку отвернутъ.

Потаповъ былъ командированъ на розыски пчеловодовъ изъ башкиръ. Когда-то башкирскіе меды были въ большой славѣ, но сейчасъ это дѣло совершенно упало, и только оставалось нѣсколько стариковъ, помнившихъ изъ пятаго въ десятое, какъ водить степную пчелу. Пчеловодство еще сохранилось только въ южномъ Уралѣ, и Потаповъ думалъ пробраться туда.

— Ну, какъ у насъ дѣла тамъ, въ Красномъ-Кусту? — спрашивалъ Крестниковъ.

— Ничего, все идетъ помаленьку... Василій Тимоѳеичъ какой-то скучный ходитъ. Нездоровится, должно-быть... Потемкинъ насосы свои ставитъ, да едва ли толкъ какой выйдетъ.

— А барышня что̀ подѣлываетъ?

— Которая? Ахъ, да, Настасья Яковлевна... Не видать ея что-то. Все больше дома сидитъ... Мы съ княжной больничку строимъ. Теперь срубъ ставятъ, ну, я освободился малость и укатилъ... А барышня скоро уѣзжаетъ въ Москву.

— Знаю...

Потаповъ замѣтилъ, что Крестниковъ, разспрашивая про Настасью Яковлевну, какъ будто немного смутился... Что̀ же, дѣло молодое — все можетъ быть.

— А какихъ я двухъ поповенъ видѣлъ, Иванъ Николаичъ,—заговорилъ онъ, свертывая крученую папиросу. — Не дѣвицы, а макъ на грядѣ... Рукой подать отъ вашей Салги. Онѣ меня и про васъ спрашивали... Андреевку знаете?

— Ѣздилъ какъ-то нанимать рабочихъ.

— Ну, тамъ, въ Андреевкѣ, живетъ попъ отецъ Маркъ, а у него двѣ дочери Марковны. На лѣто пріѣхали гостить. Кончаютъ курсъ въ гимназіи. Отмѣнныя дѣвицы. Что̀ вамъ тутъ одному-то сидѣть? Взяли какъ-нибудь праздничнымъ дѣломъ да къ попу и завернули. Онъ будетъ радъ. Потомъ у земскаго доктора видѣлъ своячиницу... Тоже вполнѣ правильная дѣвица и можетъ себя оправдать.

— Хочется вамъ говорить глупости...

— Не глупости, сударь, а настоящее дѣло говорю. Хе-хе... Кабы мои годы не ушли, такъ я бы и самъ того... гм... Только вотъ угорѣлъ немного, и сѣдой волосъ въ головѣ пробивается. А въ ваши-то года, Иванъ Николаичъ, ухъ! какой бѣдовый былъ... Ей-Богу!.. Была одна кастелянша, а у кастелянши была дочь... Ну, да что̀ объ этомъ говорить. Было да сплыло и быльемъ поросло...

Фельдшеръ только вздохнулъ и махнулъ рукой. Это вѣдь богатые люди могутъ влюбляться и прочее такое, а бѣдному человѣку не до того...

IX.

Лѣто въ работѣ промелькнуло незамѣтно. Въ началѣ августа былъ первый утренникъ, побившій лѣтніе цвѣты, разведенные Анной Ѳедоровной въ новомъ садикѣ. Это ничтожное обстоятельство всѣхъ огорчило, напомнивъ о суровомъ климатѣ. Короткое сѣверное лѣто уже кончалось.

— Это чортъ знаетъ, что̀ такое,—ворчалъ Сережа.—Такъ жить нельзя, точно въ какомъ-нибудь погребѣ...

Но еще хуже было осеннее ненастье, которое наводило на всѣхъ озлобленную тоску. Хохлушка даже плакала втихомолку, припоминая свою благословенную Малороссію, гдѣ осень такъ хороша. Княжна и Настасья Яковлевна давно ужъ были готовы къ отъѣзду, но откладывали день за днемъ,— имъ точно было совѣстно покинуть товарищей.

Большое оживленіе внесло въ жизнь колоніи знакомство съ земскимъ врачомъ Поповымъ, который теперь часто завертывалъ въ Красный-Кустъ. Это былъ плотный, толстый, всегда улыбавшійся господинъ лѣтъ тридцати. Онъ всегда чувствовалъ себя прекрасно и любилъ побалагурить. Особенно были рады его пріѣзду пріисковыя дамы, потому что у каждой находилась къ этому времени какая-нибудь серьезная болѣзнь, требовавшая немедленной помощи.

— Дайте мнѣ самому-то умереть спокойно,—упрашивалъ докторъ съ комической серьезностью.—Я увѣренъ, что именно я развожу болѣзни... Безъ меня здоровы, а стòитъ мнѣ пріѣхать, и пошла писать губернія. Помилосердуйте, господа хорошіе, пожалѣйте живого человѣка.

Иногда съ докторомъ пріѣзжала его своячиница, молодая дѣвушка изъ „бестужевокъ". Сережа какъ-то сразу не взлюбилъ ученую дѣвицу, которая знала всѣ ученыя слова. По наружности это была типичная сибирячка съ приподнятыми скулами, мягкимъ татарскимъ носомъ и чуть замѣтно поставленными косо глазами. Дѣвица была рѣшительная, какъ всѣ сибирячки, и сама правила тройкой, какъ хорошій ямщикъ. Звали ее Прасковьей Антоновной. Къ числу ея достоинствъ, между прочимъ, принадлежало то, что она недурно пѣла малороссійскія пѣсни, чѣмъ сразу купила хохлушку Анну Ѳедоровну, слушавшую ее со слезами на глазахъ. Докторъ занимался немножко археологіей, и эта страстишка служила источникомъ вышучиванія. Вообще, эти новые люди какъ-то сразу сдѣлались своими и чувствовали себя въ пріискѣ дома.

— Егоръ Егорычъ, поступайте въ нашу компанію членомъ,—предлагалъ доктору Окоемовъ.—Не пожалѣете...

— А позвольте узнать, чтò я буду у васъ дѣлать?

— Лѣчить...

— Я это и такъ обязанъ дѣлать... А впрочемъ, отчего же и не быть членомъ. Я могу сдѣлать взносъ...

— У насъ взносы зарабатываются, и вы должны заработать свои сто рублей практикой на пріискѣ.

— Вотъ это мило... Чтò же, я нарочно долженъ создавать разныя болѣзни? А впрочемъ, какъ знаете..

Докторъ соглашался обыкновенно на все и даже спрашивалъ своихъ паціентокъ, какое имъ лѣкарство прописать. Вотъ своячиница, та другое дѣло. На предложеніе Окоемова поступить въ члены компаніи она отрицательно покачала головой.

— Сначала нужно посмотрѣть, чтò у васъ выйдетъ,—объяснила она.— Адъ вымощенъ добрыми намѣреніями... Мнѣ кажется, что въ вашемъ предпріятіи больше поэзіи, чѣмъ дѣйствительности, а мы, сибиряки, страдаемъ недовѣрчивостью.

— А вы боитесь поэзіи?—иронически спрашивалъ Сережа.

— А вы изъ запоздалыхъ эстетиковъ?..

— Это не отвѣтъ... Впрочемъ, у всякаго барона своя фантазія.

Эти маленькія пикировки оживляли все общество, и всѣ были рады, когда на пріискѣ появлялась бойкая сибирячка.

Скоро завязалось и другое знакомство. Окоемовъ ѣздилъ въ Салгу провѣдать Крестникова и на дорогѣ познакомился съ о. Маркомъ и его дочерьми. Гимназистки, видимо, много наслышались о Красномъ-Кустѣ и засыпали вопросами.

— Если васъ интересуетъ, пріѣзжайте и посмотрите,—пригласилъ Окоемовъ.

Любопытныя молодыя особы были очень рады и пріѣхали черезъ нѣсколько дней въ сопровожденіи брата, сельскаго учителя. Еще раньше онѣ познакомились съ Крестниковымъ и разсказывали про него какія-то смѣшныя исторіи. Онъ теперь спалъ не иначе, какъ привязавъ къ ногѣ арканъ отъ своей лошади, потомъ башкиры украли у него шляпу и онъ долженъ былъ ходить съ непокрытой головой, и т. д. Одну поповну звали Капочкой, другую Лидочкой. Онѣ не блестѣли красотой, но были такія веселыя, свѣженькія, говорливыя.

— Пожалуйста, ты ихъ займи,—просилъ Окоемовъ Сережу.

— Этого еще недоставало: filles de pope...

— Это предразсудокъ. Дѣвушки очень хорошенькія и умненькія...

Отъ скуки Сережа былъ радъ заняться и поповнами и ломался совершенно по необъяснимой причинѣ.

Потомъ явился еще знакомый, сельскій учитель изъ Челкана. Онъ пріѣхалъ съ о. Аркадіемъ по дѣлу. Именно, на пріискѣ устраивалась кузница, а хорошихъ кузнецовъ не было. О. Аркадій когда-то самъ работалъ въ кузницѣ, когда былъ сельскимъ учителемъ, а потомъ передалъ все своему преемнику. Нанятые на пріискъ кузнецы заковали сразу двухъ лошадей, и Окоемовъ обратился за совѣтомъ къ о. Аркадію, который и явился вмѣстѣ съ учителемъ. Онъ снялъ свою ряску, надѣлъ татарскій азямъ, спряталъ волосы за воротникъ и тамъ принялся за работу. Хромавшія лошади были поставлены въ станокъ и раскованы.

— Эхъ, вы, кузнецы...—пенялъ о. Аркадій неумѣлымъ кузнецамъ.— Вамъ безногихъ щенковъ ковать, а не лошадей. Ну-ка, Ваня, поворачивайся...

Учитель „Ваня“ именно не умѣлъ поворачиваться. Это былъ довольно мрачный субъектъ и совсѣмъ не охотникъ до разговоровъ. Вотъ кузнечная работа—другое дѣло. У Вани летѣли изъ-подъ молота искры дождемъ, и онъ точно разговаривалъ своимъ молотомъ. Лѣтомъ онъ обыкновенно работалъ въ кузницѣ и порядочно зналъ свое дѣло, а кузнецъ въ деревнѣ—лицо большое. „Ваня“ давно интересовался, что̀ дѣлается въ Красномъ-Кусту, но не рѣшался пріѣхать посмотрѣть. А тутъ все вышло какъ-то само собой, и знакомство завязалось. Серьезный и молчаливый „Ваня“ какъ-то сразу приросъ, какъ вырастаетъ новый зубъ, и его всѣ полюбили. Казалось даже страннымъ, что Вани не было, точно онъ куда-то уѣзжалъ и только-что вернулся изъ поѣздки. Всѣ такъ и звали его Ваней, даже княжна, отличавшаяся нѣкоторой щепетильностью. А Ваня молчалъ и только улыбался.

Всѣ эти новые люди вносили съ собой что-то новое, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, Окоемовъ не могъ не чувствовать, что всѣ они въ большей или меньшей мѣрѣ не довѣряютъ ему, т.-е. его предпріятіямъ. Можетъ-быть, сказывалась сибирская недовѣрчивость, а можетъ-быть, и присущая каждому русскому человѣку косность. Окоемова радовало одно уже то, что всѣ они интересовались его дѣломъ и внимательно къ нему присматривались. Во всякомъ случаѣ, завязывались живыя сношенія съ мѣстными людьми, что̀ Окоемовъ особенно цѣнилъ. Вѣдь придется все-таки жить съ ними. Дѣло требовало все новыхъ и новыхъ людей.

Было еще одно обстоятельство, которое говорило за эти новыя знакомства. Раньше Окоемова очень смущалъ отъѣздъ княжны и Настасьи Яковлевны, тѣмъ болѣе, что впереди предстояла тяжелая сибирская осень,—онъ уже впередъ переживалъ томящее ощущеніе пустоты. Сейчалъ это чувство смѣнилось спокойнымъ сознаніемъ, что эта пустота замѣстится другими элементами. Да, эти другіе люди придутъ, они должны прійти.

Княжна замѣтно пріуныла и сама откладывала отъѣздъ день за днемъ. Положимъ, она ѣхала не навсегда, но все-таки ей уже впередъ дѣлалось жаль оставлять Красный-Кустъ. Настасья Яковлевна молчала, ничѣмъ не выдавая своего настроенія.

— Вы, конечно, сюда больше не вернетесь?—спрашивалъ ее Окоемовъ накапунѣ отъѣзда.

— Зачѣмъ?..

Она сдѣлала вопросъ такъ просто, что Окоемову сдѣлалось совѣстно за свою безтактность. Конечно, она не пріѣдетъ—смѣшно объ этомъ спрашивать.

— Мнѣ сейчасъ какъ-то даже странно возвращаться къ роднымъ въ Москву,—заговорила Настасья Яковлевна, прерывая паузу.—Я пріѣду туда почти чужой...

— Что̀ же вамъ мѣшаетъ оставаться здѣсь, т.-е. вернуться? Всѣ мы будемъ этому рады.

— Я сказала не къ этому, Василій Тимоѳеичъ... И безъ того я считаю себя слишкомъ много обязанной вамъ... Я встрѣтила такой сердечный, братскій пріемъ.

— Объ этомъ даже не сто̀итъ говорить, Настасья Яковлевна. Развѣ вы сами могли бы поступить иначе?.. Всѣ къ вамъ такъ привыкли, полюбили...

Этимъ разговоръ и кончился. Окоемовъ волновался и старался всѣми силами не выдать себя. Что̀ же тутъ можно было говорить? Оставалась одна надежда на княжну, которая въ Москвѣ будетъ видѣться съ Настасьей Яковлевной.

— Мнѣ уже не хочется уѣзжать,—говорила она со слезами на глазахъ.—Я уже не знаю сама, что̀ дѣлаю...

— Ничего, ничего, поѣзжайте, а по первому пути я самъ пріѣду за вами,—успокаивалъ ее Окоемовъ.—Мама такъ будетъ рада васъ видѣть, вы ей все разскажете... У меня тоже есть кой-какія дѣла въ Москвѣ.

Утромъ въ день отъѣзда Окоемовъ отправился на пріискъ посмотрѣть на работы. На дорогѣ онъ встрѣтилъ Настасью Яковлевну. Ему показалось, что она ждала его.

— Вамъ что-нибудь нужно сказать мнѣ, Настасья Яковлевна?

— Нѣтъ, ничего...

— У васъ такое блѣдное лицо... Вы плохо спали?

Она ничего не отвѣтила, а только опустила голову. Они пошли рядомъ,

— Вы получили какое-нибудь непріятное извѣстіе?—спрашивалъ Окоемовъ съ участіемъ.

— Нѣтъ...

Она остановилась и посмотрѣла на него умоляющими глазами. Окоемовъ почувствовалъ, что у него не стало воздуха въ груди и голова начинаетъ кружиться.

— Послушайте, Настасья Яковлевна...

Это было совсѣмъ не то, что̀ онъ хотѣлъ сказать. Продолженіемъ этой фразы было то, что онъ взялъ ее за руку.

— Настасья Яковлевна, можетъ-быть, я ошибаюсь....

И это было не то, и вдобавокъ глупо. Она шла рядомъ съ нимъ, не поднимая головы, а Окоемовъ чувствовалъ, какъ бьется у него сердце въ груди.

— Вы вернетесь... вы должны вернуться,—заговорилъ онъ сдавленнымъ голосомъ.—Ахъ, совсѣмъ не то... Я самъ пріѣду въ Москву... да... Скажите мнѣ одно: могу я васъ видѣть тамъ?

Отвѣтомъ былъ взглядъ, полный укора. Опять безтактно... Они сдѣлали нѣсколько шаговъ молча.

— Я не знаю, что̀ со мной дѣлается...—прошептала она.—Но мнѣ такъ хорошо... хорошо и грустно... и хочется смѣяться и плакать... Я не знаю даже, зачѣмъ я ѣду въ Москву...

Онъ посмотрѣлъ ей въ лицо и прошепталъ:

— Милая, милая...

Она взяла свою руку и замедлила шаги, точно хотѣла что-то остановить, удержать. Онъ испугался собственной смѣлости и чувствовалъ только, какъ кровь стучитъ въ головѣ.

— Можетъ-быть, мнѣ показалось...—заговорилъ онъ, съ трудомъ набирая воздуху.—Я могу ошибаться...

Она сама взяла его руку и молча ее пожала.

Путешественницы уѣхали сейчасъ послѣ завтрака. Всѣ вышли „на улицу“ провожать ихъ. Накрапывалъ назойливый мелкій дождь. Княжна нѣсколько разъ оборачивалась и махала бѣлымъ платкомъ. Окоемовъ стоялъ безъ шляпы и чувствовалъ непреодолимую потребность догнать быстро катившійся экипажъ, что-то сказать, пожать руку въ послѣдній разъ.

— О, милая, милая...—шептали его губы безъ звука.

X.

Стояла глубокая осень. Періодъ осеннихъ дождей смѣнился первыми заморозками, сковавшими землю. Первый снѣгъ выпалъ еще въ началѣ сентября. Въ теченіе двухъ осеннихъ мѣсяцевъ Окоемову пришлось на практикѣ познакомиться съ величайшимъ зломъ, которое преслѣдуетъ русскаго человѣка съ первыхъ дней его исторіи—это скверныя дороги. Въ осеннюю распутицу Красный-Кустъ буквально дѣлался недоступнымъ, и только Потемкинъ могъ ухитриться, чтобы именно къ этому времени подогнать доставку изъ Екатеринбурга тяжелой клади для его насосовъ. Эта кладь такъ и застряла на одной изъ станцій челябинскаго тракта въ ожиданіи перваго санного пути.

Окоемовъ какъ-то всегда любилъ эту русскую осень съ ея слезами и глухой печалью. Выцвѣтшія краски, солнечный свѣтъ безъ тепла, голодныя завыванья вѣтра, мокрая темь длинныхъ вечеровъ—все это гнало въ свой уголъ, къ своему огоньку и къ своимъ итогамъ. Именно осенью такъ хорошо и уютно работалось. Теперь Окоемовъ по цѣлымъ днямъ работалъ въ конторѣ, подводя итоги сдѣланному. Получались крупныя цифры расходовъ и маленькія до смѣшного цифры доходовъ. Главное оставалось еще въ будущемъ, т.-е. реализація сдѣланныхъ затратъ. Въ теченіе лѣта золота было добыто всего нѣсколько фунтовъ, что̀ давало въ результатѣ сотни рублей. Сережа былъ недоволенъ. Онъ ожидалъ быстраго обогащенія, а тутъ приходилось ждать. Ему надоѣло даже собственное званіе главнаго управляющаго, потому что оно здѣсь, въ глуши, имѣло такое же значеніе, какъ званіе швейцарскаго адмирала.

— Этакъ мы можемъ и разориться,—ворчалъ Сережа, „заштоживъ“ свои гроссбухи.—Мнѣ надоѣло записывать одни расходы...

— Тебѣ, кажется, не опасно разориться?—шутилъ Окоемовъ.

— Я говорю не о себѣ, а о дѣлахъ.

Сережа въ послѣднее время началъ проявлять признаки скупости, настоящей скупости, и оттягивалъ платежи, какъ опытный скряга. Когда вопросъ заходилъ о деньгахъ, предпочитали обращаться прямо къ Окоемову.

— Вы меня разоряете,—сердился Сережа, когда отъ него требовали денегъ.—Пусть Окоемовъ дѣлаетъ, что̀ ему угодно, а я не согласенъ. Да, не согласенъ... У меня не монетный дворъ.

Въ видѣ развлеченія Сережа въ свободное время занимался подсчитываніемъ денегъ, какія онъ прокутилъ въ разное время. Получались такіе итоги, что онъ только вздыхалъ. Неужели онъ могъ быть такимъ дуракомъ? Можно себѣ представить удивленіе Окоемова, когда Сережа первымъ внесъ свой сторублевый пай. Онъ скопилъ изъ своего четырехмѣсячнаго жалованья.

— Ты меня пугаешь, Сережа,—замѣтилъ Окоемовъ.—А впрочемъ, превосходно... Прекрасный примѣръ всѣмъ остальнымъ.

Въ проектѣ было сто паевъ по сто рублей каждый. Сейчасъ было уже занято около пятнадцати, Новыми пайщиками вступили о. Аркадій, учитель „Ваня“ изъ Андреевки, земскій докторъ — однимъ словомъ, дѣло понемногу двигалось впередъ. Изъ первоначальной смѣты предпріятіе давно вышло, но это не пугало Окоемова, потому что сейчасъ были только одни расходы. Всякое новое предпріятіе неизбѣжно связано при началѣ съ такими перерасходами, пока не установится и не войдетъ въ норму. Въ общемъ, особенныхъ финансовыхъ затрудненій пока не предвидѣлось.

Подготовительныя работы на пріискѣ были кончены наполовину, а другая половина была оставлена на зиму. По смѣтѣ вся розсыпь могла быть выработана въ теченіе пяти-шести лѣтъ и должна была дать, по приблизительнымъ расчетамъ, около шести пудовъ золота. Главный недостатокъ произведенныхъ работъ заключался въ ихъ несвоевременности, именно, что въ лѣтнюю дорогую рабочую пору было сдѣлано то, что̀ слѣдовало сдѣлать зимнимъ дешевымъ трудомъ. Но ждать не приходилось, чтобы не оставить безъ дѣла компаньоновъ. Для зимы былъ поставленъ зимній корпусъ, въ которомъ предполагалось производить промывку. Конечно, зимнія работы не могли дать много.

Общій видъ пріиска получался довольно оживленный,—настоящій деревянный городокъ. Послѣднимъ зданіемъ была пріисковая больничка, въ которой сейчасъ поселился фельдшеръ Потаповъ. Больныхъ было мало, и онъ все свободное время отдавалъ пчеловодству, подготовляя къ веснѣ ульи разныхъ системъ. Вмѣстѣ съ партіей медикаментовъ, присланныхъ княжною изъ Москвы, получены были сѣмена разныхъ медоносныхъ растеній. Весной предполагался ихъ первый посѣвъ. Всѣми этими приготовленіями особенно интересовался о. Аркадій, хотѣвшій завести пчельникъ у себя въ Челканѣ. Онъ пріѣзжалъ на пріискъ несмотря ни на какую погоду и разъ пріѣхалъ даже верхомъ, какъ иногда ѣздилъ съ требой по своему приходу. На пріискѣ онъ всегда былъ желаннымъ гостемъ, а въ глухую осеннюю пору въ особенности. Даже Сережа, возненавидѣвшій его ни съ того ни съ сего, теперь примирился съ его присутствіемъ и въ знакъ свой дружбы посвятилъ въ тайны шахматной игры.

— Не подобаетъ моему сану игра,—отказывался о. Аркадій.

— Да вѣдь это не игра въ собственномъ смыслѣ слова, а только рѣшеніе извѣстной математической задачи...—увѣрялъ Сережа. — Вѣдь математика вамъ не возбранена?..

— Возбранено всякое суетное времяпрепровожденіе, Сергѣй Николаевичъ.

— Ну, всего одну партію...

Разъ о. Аркадій пріѣхалъ съ какимъ-то озабоченнымъ видомъ и заявилъ желаніе побесѣдовать съ Окоемовымъ келейно.

— Чѣмъ могу служить вамъ, о. Аркадій?

— Дѣло въ слѣдующемъ... Въ проектѣ вашей компаніи, Василій Тимо-

ѳеичъ, не предусмотрѣнъ нѣкоторый особенный случай... да. Отъ господина студента не имѣете свѣдѣній?

— Онъ въ Салгѣ... Собственно, онъ долженъ вернуться сюда уже недѣли двѣ назадъ, но почему-то не ѣдетъ.

— Такъ-съ...

— Послѣднее письмо отъ него какое-то странное... Пишетъ, что не рѣшается оставить Салгу до перваго саннаго пути, когда отправитъ сюда заготовленное лѣтомъ сѣно.

— Правильно.

— Но вѣдь сѣно могли сторожить караульные — это не его дѣло. Потомъ пишетъ, что его задерживаетъ еще какое-то дѣло, и что ему необходимо объяснить мнѣ что-то очень серьезное.

— Весьма серьезное, должно-быть... Дѣло въ слѣдующемъ, Василій Тимоѳеичъ: господинъ студентъ женился... да. Женился на дѣвицѣ духовнаго званія... Кажется, она къ вамъ пріѣзжала лѣтомъ съ сестрой—о. Марка дочь, Капитолина Марковна. Образованная дѣвица, хотя и свѣтскаго образованія.

— Гм... да... это, дѣйствительно, нашимъ уставомъ не предусмотрѣно. А впрочемъ, что̀ же, дѣло хорошее, о. Аркадій.

— Именно... Въ городѣ еще можно жить одному, а въ деревнѣ это весьма трудно. Господинъ студентъ поступилъ правильно, т.-е. по моему мнѣнію.

Женитьба Крестникова произвела сенсацію. Это событіе послужило безконечной темой для вечернихъ разговоровъ, причемъ дамы выступали въ качествѣ спеціалистовъ. Мужчины не одобряли торопливость Крестникова и нѣкоторое легкомысліе, потому что нужно было серьезно позаботиться о будущемъ будущей семьи.

— Это вѣчная отговорка,—азартно спорила хохлушка.—Всѣ мужчины такъ разсуждаютъ и женятся сорока лѣтъ, когда пройдутъ огонь и воду.

— Но вѣдь нужно чѣмъ-нибудь жить?

— И будутъ жить, не безпокойтесь... По-вашему, жениться могутъ только богатые люди, а вотъ они будутъ жить и безъ денегъ. Для чего деньги, когда оба могутъ работать? У него свое дѣло, у нея свое... И еще лучше проживутъ безъ денегъ-то.

— А дѣти пойдутъ?

— Много ли дѣтямъ нужно...

Первое появленіе „молодыхъ“ на пріискѣ явилось цѣлымъ событіемъ. Имъ приготовили торжественную встрѣчу, что̀ смутило Крестникова до послѣдней степени. Онъ вообще чувствовалъ себя виноватымъ по неизвѣстной причинѣ и только краснѣлъ. Молодая держала себя храбрѣе и сразу забрала надъ мужемъ ту власть, которую женщинамъ даетъ молодость и любовь.

Окоемовъ встрѣтилъ „молодыхъ“ съ особенной нѣжностью, совсѣмъ породственному. Этотъ бракъ вносилъ съ собой что-то новое и такое хорошее, чему сейчасъ трудно было подобрать даже названіе. Молодая чета являлась вѣстникомъ того семейнаго начала, безъ котораго нѣтъ жизни. Калерія Михайловна и Анна Ѳедоровна ухаживали за молодыми съ трогательной материнской заботливостью, точно на нихъ пахнуло тепломъ домашняго очага и своего угла. Время сейчасъ было свободное, и само собой устроилось домашнее веселье, особенно когда пріѣхалъ случайно балагуръ-докторъ.

— Да, хозяйство заводите основательно,—шутилъ онъ по обыкновенію.— А впрочемъ, одобряю...

Былъ даже устроенъ настоящій фестиваль домашними средствами, благо пріисковыя хозяйки могли щегольнуть всѣмъ своимъ, начиная отъ домашнихъ

наливокъ и кончая вареньемъ. Калерія Михайловна жалѣла только объ одномъ, что не могла представить индѣйки—эта статья еще отсутствовала. Меню было составлено подъ руководствомъ Сережи, который оказался великимъ знатокомъ по части гастрономіи. За ужиномъ онъ же сказалъ приличную случаю рѣчь, построилъ ее на положеніи, что самая экономная хозяйка—природа, и что вся жизнь заключается именно въ разумной экономіи своихъ способностей, средствъ и вообще силъ, а бракъ является величайшимъ выраженіемъ именно такой экономіи. За нимъ говорилъ докторъ въ своемъ обычно-шутливомъ тонѣ:

— Я могу пожалѣть только объ одномъ, что природа изъ экономіи не сдѣлала меня ораторомъ... Я покоряюсь своей судьбѣ и скажу молодымъ просто: здравствуйте!..

Окоемовъ все время молчалъ. Онъ тоже не былъ ораторомъ, а спеціально въ этомъ случаѣ въ особенности. Ему какъ-то вдругъ сдѣлалось тяжело и грустно, и онъ только изъ вѣжливости, не желая нарушать общаго настроенія, не ушелъ въ свою комнату. Что-то такое обидное и несправедливое проснулось въ душѣ, и Окоемовъ еще никогда не чувствовалъ собственнаго одиночества такъ ярко, какъ въ данный моментъ. Да, скверная вещь одиночество...

Затихъ дневной шумъ, затихъ шумъ импровизированнаго праздника, и всѣ разошлись по своимъ комнатамъ. Окоемовъ впередъ зналъ, что не уснетъ цѣлую ночь, и приготовился къ этому. Онъ слышалъ, какъ окончательно заснулъ весь пріисковый городокъ, — даже собаки не лаяли. Только неустанно работалъ одинъ мозгъ, вызывая сцены, лица, предположенія. Отчего Настасья Яковлевна ничего не напишетъ изъ Москвы? Дѣвушка казалась ему теперь такой далекой-далекой, точно она и не жила никогда подъ этой кровлей. Да, жила, уѣхала, и ничего не осталось. Окоемовъ сомнѣвался даже въ реальности утренней сцены въ день отъѣзда. Неужели она пожала ему руку въ отвѣтъ на его нѣмой вопросъ? Вѣдь это было краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Мы опять въ окоемовскомъ домѣ въ Сивцевомъ-Вражкѣ. Въ пяти маленькихъ комнаткахъ оставалось все попрежнему, какъ было и десять лѣтъ назадъ. Та же старушка Марѳа Семеновна неслышными шагами переходила изъ комнаты въ комнату, точно тѣнь, оберегавшая свое родовое гнѣздо. Старушка осталась такой же, точно въ теченіе этого времени не успѣла ни разу снять даже очковъ, и такъ же повторяла свою безконечную старушечью работу. Гдѣ-то тамъ происходили міровыя событія, гдѣ-то люди волновались, дѣлали великія открытія, убивали другъ друга, а здѣсь жизнь катилась тихимъ ручейкомъ. По вечерамъ въ комнаткѣ старушки происходило одно и то же: приходилъ старый жирный котъ и укладывался на свою подушку, потомъ приходила сѣдая старуха-нянька и подсаживалась къ столу на низенькую скамейку. Эта няня была изъ крѣпостныхъ, и Марѳа Семеновна вотъ уже тридцать лѣтъ какъ собиралась ей отказать и отказывала не одинъ разъ.

— Куда же я пойду?—удивлялась няня.—Да и не вы меня нанимали, а покойный баринъ... да. И правовъ у васъ нѣтъ, чтобъ отказывать мнѣ. Да и какъ я васъ оставлю при вашихъ лѣтахъ?

— Пожалуйста, оставь мои лѣта. Тебя это не касается, Агаша... Сама не молоденькая...

— А мнѣ это даже все равно, вѣдь я не барыня...

— Молчи, пожалуйста...

— Барыни свои-то года считаютъ, а нашему брату, простому человѣку, это даже все равно...

Эти легкія пререканія смѣнялись сейчасъ же тихой бесѣдой на безконечную тему о невозвратномъ быломъ, точно обѣ старушки уходили въ свое прошлое и дѣлались опять молодыми. Маленькая комната наполнялась этими воспоминаніями. Выступали изъ мрака забвенія знакомыя лица и еще разъ оживали въ этихъ тихихъ старушечьихъ разговорахъ. Да, они давно лежали уже въ могилахъ, о нихъ давно уже всѣ забыли, молодыя поколѣнія были поглощены своими молодыми дѣлами, и только двѣ старушки поднимали эти старыя тѣни.

— Куда лучше было прежде-то, барыня,—увѣряла няня.—И народъ совсѣмъ другой былъ... Взять хоть нашего Василія Тимоѳеича, съ какими людьми онъ знакомство ведетъ: купцы, писаря, строкулисты... Покойникъ-тятенька въ переднюю бы не пустилъ ихъ, а Василій Тимоѳеичъ еще разговоры разговариваетъ.

— Дѣла у него, няня...

— Съ благородными дѣла-то и велъ бы...

— Какое ужъ нынче благородство. Вася-то уродился особенный, не какъ другіе... Такъ и живетъ.

— Я такъ полагаю, барыня, что испортили его въ этой самой Америкѣ. Другимъ человѣкомъ оттуда пріѣхалъ... Разѣ онъ такой раньше-то былъ?

Разъ, въ глухой осенній ноябрьскій вечеръ, когда падалъ мягкій снѣжокъ, старушки были встревожены торопливымъ звонкомъ.

— Кому бы это быть?—удивились онѣ разомъ.

— Телеграмма...

— Навѣрно, телеграмма...

Кухарка отворила дверь и впустила двухъ женщинъ, одѣтыхъ по-дорожному. Няня подняла кверху свѣчу, чтобы разсмотрѣть получше нежданныхъ гостей, и радостно вскрикнула:

— Княжна, матушка ты наша...

— Я уже пріѣхала, няня,—объясняла княжна.—Марѳа Семеновна дома?

— Куда ей дѣваться?.. У себя въ комнатѣ пасьянсъ раскладываетъ.

Поцѣловавъ ручку у княжны, няня все свое вниманіе сосредоточила на другой гостьѣ, которая смотрѣла на нее такими спокойными темными глазами.

— Раздѣвайтесь, Настасья Яковлевна,—предлагала княжна. — Мы уже дома... Няня, самоваръ поскорѣе.

— Живой рукой, княжна... Побѣгу барынѣ сказать. То-то обрадуется... Охъ, стара она стала, пожалуй, и не признаетъ сразу.

Настасья Яковлевна ни за что не хотѣла ѣхать въ незнакомый домъ, и княжна привезла ее насильно. Сейчасъ дѣвушка очень конфузилась и стояла въ нерѣшительности, раздѣваться ей или нѣтъ.

— Я поѣду домой, Варвара Петровна...

— Пустяки... Мы попьемъ сначала чаю, а тамъ увидимъ.

Нерѣшительный моментъ закончился появленіемъ самой Марѳы Семеновны, которая со слезами бросилась на шею княжнѣ и по пути расцѣловала Настасью Яковлевну.

— Вотъ радость-то...—повторяла она.—То-то мнѣ сегодня выпадали все

двѣ дамы, бубновая и трефовая, а потомъ неожиданный интересъ... Да раздѣвайтесь вы скорѣе!

Послѣднее было не легко исполнить, потому что пришлось вынимать путешественницъ изъ дорожныхъ шубъ, снимать съ нихъ теплые платки, сибирскія валенки, какъ развертываютъ посылки, укупоренныя въ дальнюю дорогу.

— Позвольте вамъ представить мою хорошую знакомую, — догадалась княжна отрекомендовать Настасью Яковлевну. — Вы ее уже полюбите... Это уже удивительная дѣвушка. Она жила тамъ вмѣстѣ съ нами и пріѣхала сюда повидаться съ родными...

— Очень, очень рада...—говорила Марѳа Семеновна и еще разъ расцѣловала удивительную дѣвушку.—Ну, а что̀ Вася?

— Онъ тоже скоро пріѣдетъ...

— Здоровъ?

— Отлично себя чувствуетъ... Припадковъ почти нѣтъ. Ему тамъ очень нравится... А я соскучилась о Москвѣ. Даже плакала не одинъ разъ.

— О чемъ же плакала, если тамъ хорошо?

— Да такъ... Вспомню про Москву и поплачу. Тамъ хорошо, а въ Москвѣ лучше... Какъ давеча поѣздъ подошелъ, такъ я уже и не знаю, что̀ и дѣлать. Готова была расцѣловать каждаго посыльнаго... Вѣдь все свои, москвичи...

Настасьѣ Яковлевнѣ сразу понравились и эти маленькія комнаты, и скромная обстановка, и сама хозяйка, такая милая и добрая старушка, точно она дѣйствительно пріѣхала домой. Ей приходилось молчать въ теченіе цѣлаго часа, пока у Марѳы Семеновны и княжны шелъ перекрестный допросъ. Многаго она не понимала и боялась, что ея присутствіе мѣшаетъ. Марѳа Семеновна, дѣйствительно, забывала о незнакомой гостьѣ, потомъ спохватывалась и принималась ее цѣловать.

— Я васъ не знаю, хорошая, но такъ рада васъ видѣть, — говорила старушка со слезами на глазахъ.—Вы изъ Сибири?

— Нѣтъ, но родилась въ Сибири...

— Очень, очень рада... Я васъ не отпущу домой. Переночуйте... А завтра какъ знаете.

Княжна довольно сбивчиво передала исторію своего путешествія, очертила въ короткихъ словахъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ и постоянно возвращалась назадъ, перепутывая ходъ событій. Марѳа Семеновна слушала ее съ серьезнымъ, почти строгимъ лицомъ и интересовалась только тѣмъ, что̀ касалось Васи,—остальное ея точно не касалось. Это былъ понятный эгоизмъ матери. Особенно много въ разсказѣ княжны удѣлено было сибирскому попу о. Аркадію, и она даже обидѣлась, что Марѳа Семеновна отнеслась къ этому необыкновенному человѣку почти равнодушно. Старушку немало затрудняли незнакомыя собственныя имена, техническія слова и тѣ подробности, когда княжна говорила о неизвѣстномъ ей, какъ объ извѣстномъ. Красный-Кустъ, озеро Челканъ, башкирская деревня Салга, докторъ Егоръ Егорычъ, учитель Ваня, попов ны Марковны, сибирскій человѣкъ Утлыхъ—все это было такое чужое въ этой дворянской комнатѣ, точно откуда-то дунуло сквознякомъ. И эта незнакомая дѣвушка тоже немного смущала Марѳу Семеновну,—мало ли кого можетъ затащить эта княжна?..

— Она у насъ раскольница,—объясняла княжна, поймавъ нѣмой вопросъ старушки.—Но такая хорошая... Ее всѣ любятъ уже.

Марѳа Семеновна только строго сложила губы, — она недолюбливала раскольниковъ, какъ нѣчто вульгарное, что̀ свойственно только простому народу. Настасья Яковлевна поняла эту невысказанную мысль и почувствовала

себя чужой въ этой уютной комнаткѣ. Да, ихъ раздѣляла цѣлая пропасть... Зачѣмъ княжна завезла ее въ это дворянское гнѣздо?..

Бесѣда затянулась за полночь, пока княжна не охрипла.

Гостьи были помѣщены въ залѣ, гдѣ няня устроила постель по походному.

— Отчего вы такая грустная?—спрашивала княжна, забираясь подъ одѣяло.

— Не знаю... Мнѣ кажется, что я сдѣлала ошибку, послушавшись васъ.

— О, нѣтъ... Марѳа Семеновна отличная старушка.

— А вы замѣтили, какое непріятное впечатлѣніе произвела на нее ваша рекомендація?

— Это раскольницей-то? Пустяки... У старушки есть свои дворянскія причуды, но это такъ. Вы ее полюбите...

Настасья Яковлевна сидѣла на своей постели въ ночной кофточкѣ, съ распущенными волосами, и княжна невольно любовалась этой своеобразной дѣвичьей красотой. Ничего похожаго на другихъ дѣвушекъ... Про себя княжна думала о томъ недалекомъ времени, когда вотъ эта раскольница войдетъ сюда молодой хозяйкой, думала и улыбалась. Комбинація была, право, недурная, и старое дворянское дерево оживилось бы приливомъ здоровой народной крови. Настасья Яковлевна, въ свою очередь, тоже думала объ Окоемовѣ и, разсматривая окружавшую обстановку, въ тысячу первый разъ старалась угадать, что̀ это за человѣкъ. Онъ здѣсь выросъ, здѣсь жилъ, здѣсь задумывалъ свои планы,—каждая мелочь говорила о его привычкахъ. А этихъ мелочей было такъ мало... Есть люди, которые нуждаются въ извѣстной обстановкѣ, которая ихъ характеризуетъ, и есть другіе люди, которые не нуждаются въ ней. Княжна долго смотрѣла на Настасью Яковлевну, угадала ея мысли, соскочила со своей постели и быстро поцѣловала ее.

— Вы не знаете, какъ хороша бываетъ дѣвушка, когда она думаетъ о любимомъ человѣкѣ...—шептала княжна, обнимая раскольницу.—О, я все понимаю!.. Вы думали о немъ? Да? А я думала о васъ обоихъ и впередъ радовалась за ваше будущее счастіе.

— Варвара Петровна...—умоляла вспыхнувшая раскольница.

— Развѣ это неправда?.. Милая, я васъ понимаю...

Раскольница отрицательно покачала головой. У каждаго своя судьба, а ее со дня рожденія преслѣдовали неудачи. Она припомнила сцену своего отъѣзда и успокоилась, хотя все это казалось такимъ далекимъ и несбыточнымъ. Потомъ ее сердила откровенность доброй княжны. Зачѣмъ говорить о томъ, что̀ никогда не осуществится?

На другой день княжна поднялась рано, разбудила Настасью Яковлевну, даже помогла ей одѣться, какъ гувернантка, и дала нѣсколько хорошихъ совѣтовъ, какъ держать себя съ Марѳой Семеновной.

— Хотите, я сама съѣзжу къ вашему дядѣ?—предлагала она въ порывѣ великодушія.—Я уже все устрою и скажу ему, какая вы хорошая...

— Нѣтъ, нѣтъ, я сама... Вы ихъ совсѣмъ не знаете. Это свой особенный міръ, гдѣ и думаютъ, и говорятъ, и дѣлаютъ по-своему.

Марѳа Семеновна отпустила раскольницу изъ дому только подъ тѣмъ условіемъ, что она непремѣнно вернется. Настасья Яковлевна поняла, что княжна успѣла наговорить старушкѣ о ней чего-нибудь необыкновеннаго, но это почему-то ее больше не смущало.

Княжна отправилась на цѣлый день въ походъ, какъ выражалась няня,

и вернулась только вечеромъ. Ея первый вопросъ былъ о Настасьѣ Яковлевнѣ,—раскольница исчезла. Княжна была въ дурномъ настроеніи, какъ замѣтила Мароа Семеновна.

— Ужъ ты здорова ли?—заботливо спрашивала старушка.

— Ничего...

Потомъ княжна неожиданно расплакалась.

— Я несчастный человѣкъ...—говорила она сквозь слезы.—Рвалась въ Москву, мечтала объ этой поѣздкѣ, а пріѣхала сюда, побывала у знакомыхъ и почувствовала себя уже чужой... Мнѣ вдругъ уже сдѣлалось скучно.

— О чемъ скучать-то?

— А какъ же... Вѣдь всѣ наши тамъ остались. Я такъ привыкла къ нимъ... Нѣтъ, я не могу, я уже несчастная

II.

— Барыня, Мароа Семеновна, что̀ я вамъ скажу...—говорила, таинственно оглядываясь во всѣ стороны, старая няня дня черезъ два послѣ пріѣзда сибирскихъ гостей.

— Говори...

— А вы не обидитесь, барыня?

— Да говори же, глупая. Что̀ за глупая привычка жилы тянуть изъ человѣка... Что̀ такое случилось?

Няня еще разъ оглянулась, прикрыла ротъ рукой и хихикнула. Это уже окончательно взбѣсило Мароу Семеновну, и она даже топнула ногой. Непремѣнно нужно будетъ отказать этой нахалкѣ...

Няня еще разъ оглянулась и проговорила:

— А княжна не спроста... Ужъ я и такъ и этакъ думала — нѣтъ, не спроста.

— Да что̀ не спроста-то?

— Да все не спроста... Зачѣмъ она привезла эту купчиху къ намъ? Дѣвушка она хорошая, нечего сказать, а только къ чему она намъ?.. Вотъ и выходитъ—не спроста. Думала я, думала, а сегодня утромъ проснулась и опять думаю. А потомъ меня точно освѣтило... Все сразу поняла... Да... Вѣдь она, княжна, въ невѣсты Василію Тимоѳеичу прочитъ вотъ эту самую купчиху.

Мароа Семеновна даже вскочила, такъ было неожиданно это послѣднее заключеніе. Какъ въ невѣсты? Почему въ невѣсты? Вася на коренной дворянкѣ женится, на столбовой

— Да это ты съ чего взяла-то?—всполошилась старушка.

— Своимъ умомъ дошла... А потомъ въ карты раскинула, и то же самое выходитъ. Трефовая-то дама, помните, барыня, у васъ въ пасьянсахъ все на глаза лѣзла?.. Вотъ она и есть самая.

Встревоженная этой догадкой до глубины души, Мароа Семеновна едва дождалась, когда вернется изъ своего похода княжна. Старушка даже поплакала раза два, потому что ужъ очень обидно... Развѣ не стало своихъ дворянскихъ невѣстъ? Любая съ радостью пойдетъ за Васю, а тутъ какая-то раскольница. Она еще потомъ отравитъ мужа...

Когда явилась княжна, усталая отъ ходьбы и разныхъ хлопотъ, Мароа Семеновна встрѣтила ее въ передней.

— Иди-ка, иди, жаръ-птица... Ты это что̀ придумала-то?

Княжна могла сдѣлать только большіе глаза и не понимала, въ чемъ дѣло.

Старушка провела ее къ себѣ въ комнату, притворила дверь и принялась исповѣдывать.

— Ты не финти и не заметай слѣдовъ, — строго начала Марѳа Семеновна и даже погрозила пальцемъ.— Я вѣдь не посмотрю, что ты княжескаго рода... Да. И меня не проведешь...

— Марѳа Семеновна, что̀ случилось?—взмолилась княжна.

— Что̀ случилось? Посмотри-ка мнѣ прямо въ глаза... Нѣтъ, что̀ это ты придумала? А я-то радуюсь... Поглупѣла на старости лѣтъ. Для чего ты привезла ко мнѣ вотъ эту самую раскольницу?

— А куда же ей дѣваться, Марѳа Семеновна? Она уже совсѣмъ круглая сирота... Боится домой и глаза показать.

— Значитъ, хороша птица, что дома своего боится... Настоящія-то хорошія дѣвушки такъ никогда не дѣлаютъ... Да, не дѣлаютъ, а ты въ невѣсты Васѣ прочишь. Ему самому-то не догадаться, такъ другіе за него позаботятся. Какъ это, по-твоему, хорошо, а? И не отпирайся и не отвиливай—все, все знаю!..

Натискъ былъ сдѣланъ слишкомъ быстро, такъ что княжна серьезно смѣшалась и не знала, что̀ ей говорить. Она стояла передъ Марѳой Семеновной, какъ виноватая школьница, и виновата улыбалась. Потомъ княжна совершенно неожиданно для самой себя проговорила:

— А что̀ же тутъ худого, Марѳа Семеновна, если бы и такъ?

— Какъ ты сказала?

— Я говорю уже, что Настасья Яковлевна прекрасная дѣвушка, и Василій Тимоѳеичъ былъ бы съ ней счастливъ. А что̀ касается нашего дворянства, то это уже предразсудокъ... Наконецъ она очень нравится Василію Тимоѳеичу. Да, нравится. И онъ сейчасъ бы женился на ней, если бы она изъявила свое согласіе. Это чудная дѣвушка вообще, и лучшаго выбора Василій Тимоѳеичъ не могъ сдѣлать...

Марѳа Семеновна только замахала руками и безсильно опустилась на стулъ. Княжнѣ сдѣлалось жаль старушки, и она опять растерялась.

— Гдѣ я?—шептала Марѳа Семеновна, съ удивленіемъ оглядывая собственную комнату.—Что̀ я слышу? До чего дожила?

Княжна присѣла на скамеечку у ея ногъ, взяла ее за руку и принялась успокаивать.

— Вѣдь еще ничего нѣтъ, Марѳа Семеновна. Это уже мое предположеніе... Можетъ-быть, ничего и не будетъ. Я даже не имѣла права высказывать вамъ всего этого... Успокойтесь, ради Бога. Въ васъ говоритъ тотъ материнскій эгоизмъ, который выдѣляетъ своихъ дѣтей изъ всѣхъ остальныхъ. Какая мать найдетъ для своего сына вполнѣ достойную дѣвушку? Всѣ матери только мирятся съ этимъ, какъ съ печальной необходимостью. Эта материнская ревность, можетъ-быть, тяжелѣе всѣхъ остальныхъ ревностей... Необходимо взять себя въ руки.

— Да вѣдь другого Васи нѣтъ, что̀ ты ни говори... Другіе пусть женятся, на комъ хотятъ, а Вася одинъ.

Конечно, вся эта сцена закончилась слезами, причемъ за компанію поплакала и княжна. Это послѣднее оказалось лучшимъ средствомъ успокоенія. Въ довершеніе всего пріѣхала какъ разъ сама Настасья Яковлевна.

— Я не могу ее видѣть...—заявляла Марѳа Семеновна.

— Такъ нельзя... Это уже нехорошо. Она такая хорошая и ничего не подозрѣваетъ. Наконецъ, вы ее сами полюбите, когда узнаете поближе.

— Ну, ужъ это оставь, матушка...

Дѣвушка исчезала на два дня и вернулась очень разстроенная, хотя и съ спокойнымъ лицомъ. Княжна это почувствовала инстинктомъ, какъ только взглянула на нее.

— Все кончено?—тихо спросила она, обнимая Настасью Яковлевну.

— Да...

— И отлично... Уже когда-нибудь нужно было кончать.

— Все-таки тяжело... ахъ, какъ тяжело! Что они говорили мнѣ!.. Вѣдь родятся же такія несчастныя, какъ я! У меня никого больше не осталось, Варвара Петровна... Сегодня же переѣзжаю въ меблированныя комнаты и буду искать работы.

— Съ работой еще успѣемъ, дорогая, а сначала необходимо успокоиться.

Княжну больше всего мучило то, что Марѳа Семеновна, кажется, рѣшилась не выходить изъ своей комнаты. Настасья Яковлевна, конечно, это замѣтитъ, и выйдетъ ужасно неловко. Бѣдная дѣвушка и безъ того убита, а тутъ еще новая непріятность. Для двухъ дней это слишкомъ много. Княжна боялась, что Настасья Яковлевна сама первая догадается относительно своего положенія въ этомъ домѣ.

Марѳа Семеновна сказалась больной, и Настасья Яковлевна поняла, что это значило. Она только взглянула на княжну и горько улыбнулась. Что же, одно къ одному... Бываютъ такія обидныя положенія въ жизни, изъ которыхъ нѣтъ выхода. Что же она могла сдѣлать? Итти оправдываться въ несуществовавшей винѣ—нѣтъ, это уже слишкомъ много. Княжна чувствовала себя тоже виноватой, потому что высказала больше того, на что имѣла право.

— Мы все устроимъ...—повторяла княжна растерянно.—Да, устроимъ... Только не нужно волноваться и падать духомъ.

Раскольнина оставила окоемовскій домъ въ этотъ же день. Марѳа Семеновна приняла ее, лежа въ постели. Княжна была свидѣтельницей, какъ встрѣтились эти женщины двухъ разныхъ міровъ. Обѣ старались быть спокойными и обѣ добросовѣстно продѣлали послѣднюю комедію.

— Я не понимаю, почему вы бѣжите изъ моего дома?—удивлялась Марѳа Семеновна.

— Марѳа Семеновна, я очень вамъ благодарна, но мнѣ будетъ удобнѣе въ меблированныхъ комнатахъ. Привычка быть самостоятельной и никого не стѣснять...

Невѣста изъ меблированныхъ комнатъ—прекрасно. И какъ говоритъ спокойно, точно дѣлаетъ одолженіе. Прощаніе вышло вообще довольно сухо.

Настасья Яковлевна вздохнула свободно, когда очутилась на подъѣздѣ стараго дворянскаго гнѣзда. Да, дальше отсюда, туда, гдѣ нѣтъ никакихъ предразсудковъ. Спускался уже темный зимній вечеръ. Недавняя ростепель смѣнилась крѣпчавшимъ холодкомъ. Въ такую погоду невольно чувствуешь себя бодрымъ и свѣжимъ. Княжна отправилась провожать Настасью Яковлевну,—она чувствовала за собой обязанность не оставлять ее въ такую минуту одну. Онѣ молча сѣли въ сани и отправились на Никитскую, гдѣ Настасья Яковлевна уже наняла себѣ комнату. Княжна молчала всю дорогу,—она была недовольна собой. Настасья Яковлевна, напротивъ, почувствовала себя необыкновенно хорошо, какъ птица, вырвавшаяся изъ клѣтки. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно сердиться на старуху, которая уже не въ состояніи освободиться отъ своихъ предразсудковъ. Въ каждой средѣ свои предразсудки, и такъ трудно съ ними разставаться.

— Какъ хорошо...—прошептала Настасья Яковлена, набирая воздухъ полной грудью.—Варвара Петровна, вѣдь я еще никогда не жила независимой женщиной... Вѣчная зависимость отъ кого-нибудь, а теперь я свободна, свободна, свободна!

Эта наивная радость сразу ободрила княжну. Что же, въ самомъ дѣлѣ, унывать, когда онѣ ничего дурного не сдѣлали?..

Меблированныя комнаты помѣщались въ четвертомъ этажѣ стараго барскаго дома, выстроеннаго очень неудобно. Настасья Яковлевна заняла самую дешевую комнату, за которую должна была платить всего двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ. Комната была крошечная и упиралась своимъ единственнымъ окномъ куда-то въ стѣну. Мебель состояла изъ желѣзной кровати, стола, двухъ стульевъ и комода. Но что значило это убожество по сравненію съ тѣмъ, что это была *моя* комната, и что никто на свѣтѣ не имѣлъ права вторгаться въ нее. Это было цѣлое царство, и Настасья Яковлевна чувствовала себя королевой. Боже мой, развѣ можетъ быть счастье больше, какъ имѣть свой уголъ?

— Вы уже рады, крошка? — спрашивала княжна, улыбаясь.

— О, еще бы... Эта комната — мое воскресеніе. Я сейчасъ всѣхъ прощаю и всѣхъ люблю...

Устройство въ новомъ помѣщеніи заняло всего какихъ-нибудь полчаса времени. Потомъ на сцену появился самоваръ — первый „самостоятельный" самоваръ, какъ охарактеризовала его Настасья Яковлевна про себя. Нужно признаться, что это былъ въ достаточной мѣрѣ скверный самоваръ, нуждавшійся въ самомъ серьезномъ вниманіи толченаго кирпича, но зато какъ онъ добродушно шипѣлъ и ворчалъ, точно старичокъ, которому обидна чужая молодая радость. За чаемъ Настасья Яковлевна подробно передала княжнѣ свои похожденія за два этихъ роковыхъ дня. Сколько ей нужно было выдержки, чтобы навсегда разорвать всѣ связи съ роднымъ гнѣздомъ. Съ одной стороны, родные, вѣроятно, были рады избавиться отъ нея, тѣмъ болѣе, что она подписала офиціальное отреченіе отъ всякихъ правъ на свое миѳическое наслѣдство, и старались удержать ее только изъ вѣжливости. Впрочемъ, дядя Маркъ Евсеичъ чувствовалъ себя смущеннымъ и обѣщалъ помогать. Но это все пустяки.

— Поздравьте меня, дорогая Варвара Петровна... Я такъ счастлива, какъ можетъ быть счастливъ только человѣкъ, выздоравливающій послѣ тяжелой и опасной болѣзни.

— Милая, одинъ нескромный вопросъ: у васъ ничего нѣтъ, т.-е. денегъ?

— О, напротивъ, даже очень много...

Дѣвушка достала свой портмонэ и съ торжествомъ показала двѣ двадцатипятирублевыхъ ассигнаціи. Это было цѣлое богатство, съ чѣмъ княжна не могла не согласиться, какъ практическій человѣкъ, знавшій цѣну деньгамъ.

— Ничего, устроимся, — говорила княжна. — Я помогу вамъ найти мѣсто...

Рѣшено было на этомъ первомъ совѣтѣ, что Настасья Яковлевна поступитъ куда-нибудь кассиршей или конторщицей. Конечно, придется подождать, но нельзя же все вдругъ, разомъ. Если бы обратиться къ Василію Тимоѳеичу, то ему стоило бы сказать только одно слово...

— Нѣтъ, нѣтъ, я этого не хочу, — рѣшительно заявила Настасья Яковлевна. — Самостоятельность, такъ самостоятельность. Я не хочу быть обязанной именно ему.

— Какъ знаете...

Наступила пауза. Княжна долго прислушивалась къ протяжнымъ нотамъ, которыя пускалъ холодѣвшій самоваръ, и со вздохомъ проговорила:

— А все-таки жаль...

— Васъ тянетъ туда, на Уралъ?

— Да... Мнѣ кажется, что и Москва другая, и самой чего-то недостаетъ. Что они тамъ дѣлаютъ сейчасъ? Я каждый день думаю о нихъ... Зимой, конечно, тамъ скучно, а наступитъ весна, и работа закипитъ.

Настасья Яковлевна ничего не отвѣтила и заговорила о чемъ-то постороннемъ.

III.

Канунъ Рождества. Ударила гнилая ростепель, испортившая впередъ праздникъ. На улицахъ снѣгъ превратился въ какое-то грязное мѣсиво, а лошадиныя копыта непріятно лязгали прямо по камню. Настасья Яковлевна поступила на мѣсто еще въ концѣ ноября, конечно, благодаря хлопотамъ княжны, устроившей ее кассиршей въ одинъ большой магазинъ. Мѣсяцъ былъ самый бойкій, и дѣвушка чувствовала себя утомленной, особенно въ послѣдніе дни, когда работа горѣла. Зато впереди цѣлыхъ три дня свободы, — это былъ еще первый заработанный праздникъ.

Домой вернулась Настасья Яковлевна только къ двѣнадцати часамъ ночи, усталая и разбитая. Она такъ ждала этого момента, впередъ ему радовалась, а теперь вдругъ ее охватило грустное и тяжелое чувство одиночества. Поднялись съ неожиданной силой дѣтскія воспоминанія и сознаніе своей полной оторванности отъ родной среды. Этотъ день она привыкла съ дѣтства встрѣчать въ своей раскольничьей молельнѣ, гдѣ шла такая длинная праздничная служба. А теперь она не могла уже туда прійти, чтобы не встрѣчаться съ родными. Вообще дѣвушкѣ сдѣлалось грустно, какъ еще не бывало за все это время — грустно до слезъ. Она, не раздѣваясь, бросилась въ кровать и лежала съ закрытыми глазами, прислушиваясь къ добродушному ворчанью кипѣвшаго самовара. Ей даже не хотѣлось чаю. Въ этотъ именно моментъ послышался осторожный стукъ въ двери.

— Войдите... — отвѣтила Настасья Яковлевна, продолжая лежать: она была увѣрена, что это была княжна.

Дверь отворилась, и въ комнату вошелъ Окоемовъ. Дѣвушка быстро вскочила и тихо вскрикнула отъ изумленія.

— Извините, что я ворвался къ вамъ въ такую пору, Настасья Яковлевна, — заговорилъ онъ, крѣпко пожимая ея руку. — Я только сегодня пріѣхалъ съ Урала, и мнѣ такъ хотѣлось васъ видѣть... Впрочемъ, я могу и уйти.

— О, нѣтъ, зачѣмъ же... Я такъ рада васъ видѣть.

Онъ подсѣлъ къ самовару, подперъ голову руками и внимательно слѣдилъ, какъ она торопливо готовила чай. Она сильно измѣнилась за эти нѣсколько мѣсяцевъ и измѣнилась къ лучшему. Во всемъ складѣ лица уже чувствовалась женщина, и прямое неопредѣленное выраженіе смѣнилось увѣреннымъ спокойствіемъ большого человѣка. Только костюмъ оставался все тотъ же, темный, безъ всякихъ прибавокъ въ родѣ отдѣлки, напоминая монашескую строгую простоту.

— Мнѣ остается объяснить вамъ, почему я именно сегодня пріѣхалъ къ вамъ и въ такой поздній часъ, — говорилъ Окоемовъ, принимая налитый стаканъ чая. — Я зналъ, что вамъ именно сегодня вечеромъ будетъ грустно... Не правда ли?.. Мнѣ тоже грустно...

— Вы надолго пріѣхали?—остановила его Настасья Яковлевна.

— Недѣли двѣ проживу... Собственно, я не разсчитывалъ ѣхать именно теперь, но меня экстренно вызвали по дѣламъ. Новостей у насъ въ Красномъ-Кусту никакихъ нѣтъ... Все занесено снѣгомъ, работы ведутся въ самыхъ маленькихъ размѣрахъ, однимъ словомъ, настоящая зима. По вечерамъ

всѣ собираются въ общей комнатѣ и ссорятся — это Сережа придумалъ для развлеченія. Остроумнѣе всѣхъ по части такихъ ссоръ оказались Калерія Михайловна и маленькая Таня... Онѣ умѣютъ разозлить даже Сережу. Иногда заѣзжаетъ докторъ, иногда о. Аркадій... Въ общемъ все хорошо, и только недостаетъ для полноты репертуара княжны.

— Она очень скучаетъ здѣсь... Какая она милая, эта княжна, и чѣмъ больше ее узнаешь, тѣмъ сильнѣе любишь.

Окоемовъ не сразу приступалъ къ разспросамъ относительно того, какъ Настасья Яковлевна устроилась сейчасъ, какая у нея служба и какъ, вообще, она чувствуетъ себя въ новомъ положеніи. По выраженію его глазъ дѣвушка замѣтила, что онъ ее одобряетъ, и это смутило ее больше всего, какъ смущаетъ первый экзаменъ неопытную ученицу. Затѣмъ ей сдѣлалось немного обидно, точно она все дѣлала только для того, чтобы заслужить его одобреніе.

— Послушайте, право, не стòитъ даже говорить о всемъ этомъ, т.-е. обо мнѣ, — замѣтила она съ милой строгостью. — Все это такія мелочи и пустяки...

— Изъ мелочей складывается жизнь...

— Лучше разскажите о своихъ дѣлахъ, Василій Тимоѳеичъ... У васъ, вѣроятно, есть новые планы?

— Сначала необходимо осуществить старое... Кстати, меня сильно смущаетъ мой изобрѣтатель Потемкинъ — мысль великолѣпная, а исполнитель, кажется, никуда не годится. Впрочемъ, всѣ великолѣпные изобрѣтатели должны быть немного легкомысленны, чтобы не итти избитыми дорогами и стряхнуть съ себя рутину.

— А что̀ ваше золото?

— Золото идетъ... По-моему, это самый вѣрный промыселъ, если не зарываться. Гораздо вѣрнѣе, по крайней мѣрѣ, чѣмъ хлѣбопашество... Боюсь, что насъ постигнетъ крупная неудача въ Салгѣ: мы сдѣлали крупную запашку, а мѣсто степное, открытое, и весь снѣгъ сдуло. Земля весной недостаточно пропитается влагой, и мы можемъ потерпѣть неудачу. Собственно, убытки будутъ очень невелики и не стòитъ о нихъ говорить, но важно то, что мы можемъ сразу потерять всякій престижъ въ глазахъ окрестнаго населенія.

— Но вѣдь засуха будетъ не у васъ однихъ?

— Да, но въ этомъ случаѣ всѣ будутъ смотрѣть именно на насъ, какъ мы справимся съ ней.

Настасьѣ Яковлевнѣ всегда нравилось, когда Окоемовъ начиналъ говорить серьезно. У него лицо точно свѣтлѣло, глаза оживлялись, и весь онъ измѣнялся. А сейчасъ это лицо было такое завѣтрѣлое, потемнѣвшее и все-таки было красиво по-мужски. Дѣвушка наблюдала его мелькомъ и ловила сама себя, что это завѣтрѣлое лицо ей нравилось больше, чѣмъ раньше, а эти темные горячіе глаза говорили ей, что она не одна.

Окоемовъ посидѣлъ съ часъ, выпилъ два стакана чая и, уходя, проговорилъ:

— Да, кстати... Мнѣ, кажется, приходится объясняться съ вами, Настасья Яковлевна, за маму. Я не знаю, что̀ у васъ вышло, но по нѣкоторымъ намекамъ мамы — женщины нетерпѣливы — я догадываюсь, что... что... Однимъ словомъ, старушка поняла васъ иначе, чѣмъ слѣдовало.

— Не стòитъ говорить объ этомъ, Василій Тимоѳеичъ... Или, лучше, поговоримте объ этомъ въ другой разъ. Когда я васъ увижу?

— Это будетъ зависѣть отъ васъ, т.-е. когда вы будете свободны.

— Хорошо. Я васъ извѣщу...

Онъ молча крѣпко пожалъ ея руку и вышелъ быстрыми шагами, точно уносилъ торопливо что-то недосказанное, что̀ все время вертѣлось на языкѣ и осталось невысказаннымъ.

„Какой онъ хорошій, — думала Настасья Яковлевна, стоя въ раздумьѣ посреди комнаты. — Да, хорошій, хорошій...“

Гдѣ-то въ коридорѣ часы пробили часъ. Нужно было ложиться спать, и дѣвушка заснула съ улыбкой на лицѣ.

Первые дни праздника прошли довольно скучно. Окоемовъ заходилъ раза два, но Настасья Яковлевна не приняла его. Она не могла бы сама объяснить, почему такъ сдѣлала, тѣмъ болѣе, что сама желала его видѣть. Ее что-то удерживало, смутное сознаніе, что она именно такъ должна сдѣлать. Затѣмъ явилась парламентеромъ княжна.

— Вы уже сердитесь? — прямо приступила она къ дѣлу.

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ же вы огорчаете человѣка, который все готовъ сдѣлать для васъ?

— Не знаю...

— Я васъ уже не понимаю... Можетъ-быть, вы сердитесь на Марѳу Семеновну? Такъ если хотите знать, тутъ я виновата... Да, я. Сердитесь уже лучше на меня, потому что я тогда растерялась и сказала лишнее. Мнѣ этого не слѣдовало дѣлать...

— Что̀ же вы ей сказали?

— Видите ли, всю исторію подняла выжившая изъ ума нянька. Марѳа Семеновна ужасно встревожилась, ну, а тутъ я подвернулась. Она уже на меня, а я уже говорю прямо, что Василій Тимоѳеичъ васъ любитъ и будетъ счастливъ, если вы согласитесь выйти за него замужъ. Вотъ уже и все... Старушка не виновата.

— А я тутъ при чемъ?

— И вы не виноваты... А если разобрать, то и я уже не виновата.

Наивность княжны разсмѣшила Настасью Яковлевну. Дѣйствительно, никто не виноватъ... Вообще нелѣпость. Потомъ Настасья Яковлевна безъ всякой видимой причины развеселилась, обняла княжну и, цѣлуя ее, проговорила:

— О, я прощаю васъ, дорогая, милая, хорошая... Это такъ легко сдѣлать, когда приходится прощать человѣка, который даже не можетъ сдѣлать зла.

Дорогой, когда княжна шла домой, она раздумалась о Настасьѣ Яковлевнѣ, и ей показалось, что она какая-то странная. Совсѣмъ не такая, какой была раньше. А впрочемъ, съ дѣвушками такія перемѣны иногда бываютъ.

Черезъ недѣлю княжна завернула къ Настасьѣ Яковлевнѣ и удивилась, встрѣтивъ тамъ Окоемова. Было уже часовъ десять вечера. На столѣ кипѣлъ самоваръ. Окоемовъ имѣлъ встревоженный видъ и по своей привычкѣ ходилъ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки за спину.

— Вы уже сердитесь? — спросила княжна.

— Какъ же не сердиться, Варвара Петровна! — заговорилъ Окоемовъ, ероша волосы. — Это невозможно... Стоило мнѣ отвернуться, какъ уже массу напутали безъ меня. Никому нельзя на грошъ повѣрить... И самое обидное, когда имѣешь дѣло съ русскимъ человѣкомъ, что это именно хорошій человѣкъ, смышленый и старательный, а въ результатѣ получается дрянь.

— Это съ вашимъ комиссіонерствомъ вышли недоразумѣнія?

— Да... Заказы не исполнены, сроки платежей пропущены, корреспон-

денція въ невозможномъ видѣ, а для меня малѣйшая неаккуратность хуже смерти. Самое скверное то, что всѣ правы и сваливаютъ вину другъ на друга...

— Большіе убытки?

— Убытки—это пустяки, а важно то, что моя фирма можетъ потерять довѣріе своихъ клієнтовъ. Просто обидно... Вѣдь при мнѣ тѣ же самые люди работали аккуратно и хорошо, а безъ меня все пошло вверхъ дномъ. Возмутительно!..

— А вы уже успокойтесь, Василій Тимоѳеичъ,—совѣтовала княжна съ наивной улыбкой. — Уже всѣ такіе.

Это наивное замѣчаніе развеселило всѣхъ, и Окоемовъ самъ удивился, на что онъ такъ негодовалъ. Всѣ такіе, и конецъ дѣлу. Значитъ, на людяхъ и смерть красна.

— Знаете что̀, княжна?—заговорилъ Окоемовъ.—Я съ вами согласенъ, совершенно согласенъ... Вѣдь это цѣлая философія: *всѣ такіе же*. Да... Кстати, я вчера получилъ письмо изъ Краснаго-Куста, и Сережа конфиденціально сообщаетъ, что наши дамы начинаютъ понемногу ссориться. Это, кажется, тоже въ порядкѣ вещей...

— А еще что̀ пишетъ этотъ... господинъ?—съ усиліемъ проговорила княжна.

— Остальное все хорошо, особенно золото... Начинается богатая часть розсыпи, и это всѣхъ ободряетъ. Да, все хорошо, хотя золото составляетъ для насъ только переходную ступень. О. Аркадій помогъ намъ арендовать цѣлое горное озеро у башкиръ, и сейчасъ у насъ на главномъ планѣ писцикультура. Я уже выписалъ приборъ для искусственнаго разведенія рыбы... Затѣмъ мнѣ хотѣлось бы въ формѣ икры перевезти на Уралъ форелей и лососей,—я убѣжденъ, что онѣ тамъ культивировались бы прекрасно. Это самый цѣнный сортъ рыбы... Знаете, можно довести годовой доходъ почти въ тысячу пудовъ такой рыбы при самыхъ ничтожныхъ расходахъ, ничтожныхъ до смѣшного: нѣсколько сторожей, приборъ для искусственнаго вывода рыбы, садки для молоди, и только. Затѣмъ мы будемъ консервировать эту рыбу и отправлять во всѣ концы Россіи, а главное—за границу. Мы доведемъ стоимость консервовъ до 10—15 копеекъ фунтъ и создадимъ громадный рынокъ. Я не преувеличу, если скажу, что одно такое дѣло дастъ намъ милліоны, а главное, дастъ хорошій и здоровый заработокъ тысячамъ рабочихъ. Это моя главная цѣль...

— Онъ какіе-то соусы варитъ дома,—объяснила княжна, обращаясь къ Настасьѣ Яковлевнѣ.—Уже смѣшно смотрѣть...

— И нисколько не смѣшно... Я взялъ повара изъ Англійскаго клуба и учусь у него дѣлать разные соусы для рыбныхъ консервовъ. Необходимо самому пройти эту школу, чтобы быть потомъ въ курсѣ дѣла. Я уже умѣю дѣлать красный соусъ изъ томатовъ, испанскаго луку и капорцевъ. Очень вкусная вещь. Рыба отлично сохраняется... А потомъ у меня явилась громадная идеища, именно приготовлять рыбную колбасу, только это пока величайшій секретъ.

Когда они уходили и княжна отвернулась, надѣвая мѣховую шапочку, Окоемовъ быстро поцѣловалъ руку Настасьи Яковлевны. Это не ускользнуло отъ вниманія княжны, хотя она и сдѣлала видъ, что ничего не замѣтила. Съ Настасьей Яковлевной она простилась какъ-то сухо и посмотрѣла на нее испытующимъ взглядомъ.

— Что̀ вы такъ строго смотрите на меня, Варвара Петровна?

— Такъ... ничего...

Когда они вышли на подъѣздъ, княжна спросила Окоемова:

— Вы женитесь на ней?

— Не знаю...— весело отвѣтилъ Окоемовъ.

— По крайней мѣрѣ, сдѣлали предложеніе?

— Нѣтъ...

Княжна пожала плечами, нахмурилась и проговорила съ суровымъ видомъ:

— Я уже ничего не понимаю...

IV.

Окоемовъ, дѣйствительно, сидѣлъ въ своей лабораторіи и по цѣлымъ часамъ варилъ разные соусы для консервовъ, а затѣмъ отправлялся за совѣтомъ къ повару. Изъ всѣхъ дѣлъ какія онъ велъ въ Москвѣ, это его интересовало больше всего, точно въ своихъ кастрюлькахъ онъ варилъ будущіе милліоны.

— Ты это, Вася, никакъ въ повара хочешь поступить?—шутила Марѳа Семеновна.—Только не дворянское это дѣло...

— Ничего, мама... Скоро будетъ считаться шикомъ, когда богатые люди будутъ сами себѣ готовить обѣдъ. Дворяне любили покушать, а свое всегда пріятнѣе ѣсть...

Вообще Окоемовъ чувствовалъ себя въ Москвѣ прекрасно, и Марѳа Семеновна даже начала опасаться за него, потому что ужъ очень онъ началъ что-то бодриться. Старушка озабоченно посматривала на него и напрасно старалась угадать, что̀ у Васи на умѣ. Нѣсколько разъ она слышала, какъ онъ даже что-то мурлыкалъ себѣ подъ носъ, что̀ ужъ совсѣмъ рѣдко случалось. Старушка только качала головой и вздыхала. Она обращалась за разъясненіемъ къ княжнѣ, но та тоже ничего не знала.

— Не вѣрю я тебѣ, вотъ что̀,— сердилась старушка.— Всѣ вы меня обманываете... Гдѣ та-то, раскольница твоя?

— Она на службѣ, Марѳа Семеновна...

— Ну, такъ и есть... Развѣ хорошая дѣвушка будетъ служить? Видно, дома-то угарно, вотъ и служитъ... Охъ, не ладно что-то Василька веселится!.. Какъ будто не къ чему...

Эти предчувствія не обманули старушку. Вскорѣ послѣ Крещенія Василій Тимоѳеичъ пришелъ къ ней и заявилъ, что завтра уѣзжаетъ на Уралъ.

— Какъ же это такъ, Вася, вдругъ? Ужъ лучше бы ты варилъ свои соусы...

— Я уже сварилъ все, что̀ нужно, мама. А тамъ у меня Сережа бунтъ поднялъ—разссорился съ моимъ комиссіонеромъ-сибирякомъ. Необходимо ѣхать немедленно.

— Какъ знаешь, Вася. Твое дѣло.

Старушка сообразила, что это даже хорошо будетъ: Вася уѣдетъ на промысла, а раскольница здѣсь останется. Охъ, время много значитъ въ такихъ дѣлахъ: съ глазъ долой — изъ сердца вонъ.

— А княжна какъ?

— Она тоже поѣдетъ со мной, мама...

— И то поѣдетъ. Соскучилась, говоритъ, въ Москвѣ... Однимъ словомъ, птица перелетная.

Окоемовъ, дѣйствительно, заразъ получилъ два заказныхъ письма, помѣченныхъ многообѣщающей фразой: „очень нужное“. Писалъ Сережа и писалъ Утлыхъ. Они взаимно обвиняли другъ друга, и Окоемовъ рѣшительно ничего не могъ понять, кромѣ того, что Сережа вызывалъ Утлыхъ на дуэль, а Утлыхъ хотѣлъ жаловаться на него въ духовную консисторію, потому что

Сережа сгоряча пригласилъ въ секунданты о. Аркадія. Вообще получалась одна изъ тѣхъ житейскихъ путаницъ, которыхъ никто не разберетъ и съ которыми все-таки приходится считаться.

Сборы были несложные. Княжна была рада убраться изъ Москвы и торопилась до того, что даже забыла проститься съ Настасьей Яковлевной, о чемъ вспомнила только дорогой на Нижегородскій вокзалъ. Погода была холодная, и Марѳа Семеновна не поѣхала провожать.

— Какъ же я уже буду?—безпомощно спрашивала княжна Окоемова.— Я вернусь...

— Нельзя, опоздаемъ на поѣздъ...

Недоумѣніе княжны разрѣшилось тѣмъ, что на вокзалѣ ихъ встрѣтила Настасья Яковлевна. Сгоряча княжна даже не замѣтила, что дѣвушка одѣта по-дорожному, и только когда увидѣла дорожныя вещи Настасьи Яковлевны, догадалась, въ чемъ дѣло.

— Уже вы съ нами, крошка?

— Да, до Нижняго, а тамъ не знаю...

Княжна не рѣшилась спросить, куда ѣдетъ раскольница, и была рада, что она такая веселая и спокойная. Только въ Нижнемъ выяснилось окончательно, что раскольница ѣдетъ вмѣстѣ на Уралъ.

„Навѣрно, Окоемовъ сдѣлалъ ей предложеніе",—рѣшила про себя княжна и успокоилась.

Имъ пришлось сдѣлать зимой тотъ же путь, какой былъ сдѣланъ лѣтомъ, съ той разницей, что отъ Нижняго до Перми пришлось ѣхать цѣлую тысячу верстъ на лошадяхъ. Погода стояла холодная, и княжна рѣшила, что она замерзнетъ дорогой, и была очень удивлена, что пріѣхала въ Пермь цѣла и невредима. Настасья Яковлевна тоже чувствовала себя прекрасно, и княжна еще разъ рѣшила, что Окоемовъ сдѣлалъ ей предложеніе.

Въ Перми они сдѣлали „дневку" и отправились дальше. Въ Екатеринбургѣ пришлось прожить уже цѣлыхъ три дня, потому что Окоемову пришлось вступить въ длинные переговоры съ Утлыхъ. Къ удивленію Окоемова вышло такъ, что Утлыхъ даже не особенно сердится на Сережу, а недоволенъ больше всего имъ, Окоемовымъ.

— Я-то при чемъ же тутъ?—удивлялся Окоемовъ.

— Вы-то? А вотъ при чемъ, Василій Тимоѳеичъ: дѣло вели мы по душамъ, поставили все, а теперь выходитъ такъ, что я у васъ ни къ шубѣ рукавъ, какъ говорятъ у насъ. Положимъ, капиталъ былъ вашъ, это вѣрно, а съ другой стороны, вѣдь я лѣзъ изъ кожи и не изъ-за своего только жалованья...

— Послушайте, Илья Ѳедорычъ, это дѣлаетъ только вамъ честь, что вы исполнили свои обязанности добросовѣстно. А больше того, что̀ у насъ выговорено было въ условіи, я вамъ ничего не обѣщалъ... Какъ дѣловой человѣкъ, вы поймете, что иначе и быть не могло.

Эти претензіи Утлыхъ „по душамъ" показали Окоемову только то, какъ слѣдовало быть осторожнымъ съ мѣстными дѣловыми элементами. Очевидно, Утлыхъ желалъ, въ видѣ преміи, получить нѣсколько паевъ въ предпріятіи, и до этой исторіи Окоемовъ, можетъ-быть, и согласился бы на это, а сейчасъ не могъ итти на такую уступку, потому что она послужила бы источникомъ безконечныхъ недоразумѣній. Въ Утлыхъ билась жилка исконнаго сибирскаго сутяжничества, и онъ постоянно поднималъ бы разныя недоразумѣнія. Окоемову было жаль съ нимъ разставаться, но другого исхода не было. Затѣмъ, онъ предвидѣлъ, что Утлыхъ не помирится со своей отставкой и будетъ вре-

дить по всѣмъ пунктамъ, какъ человѣкъ, болѣе знакомый съ мѣстными условіями. По внѣшнему виду онъ выдержалъ характеръ и распрощался съ Окоемовымъ почти дружески.

— Что же, у васъ своя дорога, Василій Тимоѳеичъ, а у меня своя, — говорилъ онъ.—Можетъ-быть, и вспомните Илью Ѳедорыча добрымъ словомъ... Помощники-то у васъ съ бору да съ сосенки набраны. А между прочимъ, что же, дай Богъ всякому...

Это была еще одна неудача въ общемъ репертуарѣ преслѣдовавшихъ Утлыхъ всю жизнь неудачъ. Одной бѣдой больше, одной меньше—расчетъ не великъ... Окоемовъ понималъ эту философію, и ему было жаль бойкаго сибирскаго человѣка и обидно на себя, что впередъ не выговорилъ всѣхъ подробностей.

Въ Красный-Кустъ пріѣхали зимней ночью, когда всѣ спали. Княжна испытывала чувство человѣка, который возвращается домой. Были уже свои пріисковыя собаки, которыя встрѣтили сибирскую фуру дружнымъ лаемъ. Вотъ мелькнулъ красный огонекъ въ одномъ окнѣ, перешелъ въ другое, стукнула дверь... Начиналось свое, родное, близкое, почти кровное. Былъ уже второй часъ ночи, но пріѣздъ далекихъ московскихъ гостей поднялъ всѣхъ на ноги. Посыпались перекрестные вопросы, восклицанія, смѣхъ—всѣ были рады, какъ одна семья. Даже маленькая Таня поднялась и сейчасъ же потребовала отъ княжны какой-то обѣщанной игрушки. Пришлось распаковывать нарочно чемоданъ, чтобы удовлетворить это всесокрушающее дѣтское любопытство. Къ счастію, княжна не забыла захватить съ собой игрушекъ, и Таня получила большую куклу, которая говорила „папа“ и „мама“. Дѣвочка забрала съ собой отвоеванную добычу и заснула, обнимая говорящую куклу.

— Какъ у васъ здѣсь хорошо!—восхищалась княжна.—Ахъ, какъ хорошо...

Калерія Михайловна и Анна Ѳедоровна все-таки смотрѣли на княжну съ завистью, какъ на счастливицу, которая могла прожить въ Москвѣ цѣлыхъ три мѣсяца. Ихъ порученія были исполнены. Мраченъ былъ одинъ Сережа, предчувствовавшій непріятное объясненіе. Въ неопредѣленной роли оставалась также Настасья Яковлевна, которая молча присѣла въ уголокъ и наблюдала другихъ. Она слишкомъ мало была знакома со всѣми, чтобы принять участіе въ общей радости.

— Вы устали?—спросилъ ее Окоемовъ и прибавилъ съ улыбкой:—Вотъ мы и дома... Не правда ли, какъ хорошо здѣсь?

— Да, хорошо...

Остальное договорили ея глаза.

„Нѣтъ, онъ, кажется, еще только хочетъ сдѣлать предложеніе... —думала княжна, наблюдая эту сцену.

Изъ всей компаніи не было только одного Крестникова, который жилъ въ Салгѣ.

Хозяйки быстро принялись за ужинъ изъ всего „своего“ и были огорчены, что усталые гости отнеслись къ нему съ обиднымъ равнодушіемъ. Всѣмъ хотѣлось отдохнуть послѣ дороги. Комната Настасьи Яковлевны оказалась занятой, и на первую ночь Окоемовъ уступилъ ей свою, что всѣми женщинами было, конечно, замѣчено сейчасъ же. Фельдшеръ Потаповъ улучилъ минуту и отрапортовалъ Окоемову, по-военному, что все обстоитъ благополучно.

— Отлично, отлично... — отвѣтилъ Окоемовъ. — А кстати, что ваши пчелы?

— Весна скажетъ, Василій Тимоѳеичъ. Сто ульевъ стоятъ въ особомъ помѣщеніи.

Меньше всего было разговоровъ о золотѣ и пріискѣ, что̀ радовало Окоемова, такъ какъ центръ тяжести былъ совсѣмъ не здѣсь. Когда всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, Окоемовъ остался съ глазу на глазъ съ Сережей и проговорилъ безъ всякихъ предисловій:

— Такъ дуэль, Сережа?

— Онъ—подлый трусъ!—отвѣтилъ Сережа съ азартомъ.

— Зачѣмъ трусъ? Гораздо проще: благоразумный человѣкъ. Представь себѣ картину, что ты убилъ бы его? Такъ нельзя, мой милый...

— А если онъ мерзавецъ?

— Ну, это дѣло конченное, и мы поговоримъ о немъ когда-нибудь потомъ. Достаточно тебѣ, что Утлыхъ больше не служитъ у меня.

Пріѣздъ москвичей составилъ событіе нѣсколькихъ дней. До извѣстной степени они явились героями дня. Первымъ пріѣхалъ о. Аркадій, потомъ докторъ Егоръ Егорычъ, потомъ Крестниковъ. Всѣ были рады. Но мужчины знали только внѣшнія отношенія, такъ сказать, оболочку событій, а пріисковыя дамы не ограничивались этимъ. Всѣхъ особенно интересовала Настасья Яковлевна, которая вернулась изъ Москвы неизвѣстно зачѣмъ. Княжна въ этомъ случаѣ тоже ничего не могла объяснить.

— Они, навѣрно, тамъ поженились...—сдѣлала первая предположеніе Каллерія Михайловна

— Почему вы такъ думаете?

— Да по всему замѣтно... Неужели вы не замѣчаете?

— Какая же цѣль скрываться?

— Это ужъ ихъ дѣло.

Ясно было пока одно, именно, что Настасья Яковлевна была совершенно спокойна, весела и точно не замѣчала другихъ. Такое отношеніе нѣсколько обижало княжну, имѣвшую основаніе считать себя близкимъ человѣкомъ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ она пріѣхала? Этотъ послѣдній вопросъ выяснился только черезъ недѣлю, когда Окоемовъ составилъ планъ пріисковой школы. Всѣ догадались, что учительницей будетъ Настасья Яковлевна. Въ проектѣ школа имѣла въ виду не столько дѣтей, какъ взрослыхъ, именно воскресные классы. Это открытіе нѣсколько успокоило пріисковыхъ дамъ. Что̀ же, дѣло хорошее безусловно, тѣмъ болѣе, что среди пріисковыхъ рабочихъ шестьдесятъ процентовъ были безграмотные, а праздники являлись чистымъ наказаніемъ. Въ Красномъ-Кусту не было своего кабака, но это не мѣшало доставать водку изъ Челкана,—охотники до выпивки ходили пѣшкомъ, чтобы принести какую-нибудь одну бутылку водки. Зло было страшное, и бороться съ нимъ можно было только отвлекающими средствами

Княжна тоже нашла себѣ дѣло, т.-е. даже не нашла, а оно само пришло къ ней. Лѣтомъ не такъ были замѣтны всѣ стороны крестьянскаго быта, и только зимой онѣ выступили съ надлежащей полнотой. Конечно, сибирскія деревни богаты сравнительно съ россійской бѣдностью, но и здѣсь достаточно было голодающихъ дѣтей, изработавшихся стариковъ, круглыхъ сиротъ и вообще нуждающихся въ помощи. Вѣдь только въ городахъ есть богадѣльни, пріюты, благотворительные комитеты и разныя другія благотворительныя учрежденія въ широкомъ смыслѣ этого слова, а деревня ничего подобнаго не имѣетъ, кромѣ самаго печальнаго нищенства, которое уже само по себѣ является развращающимъ началомъ. Все для города и ничего для деревни... Вопросъ сводился на самый простой кусокъ хлѣба, на маленькую поддержку,

которая могла спасти сотни и тысячи. Великое дѣло просто накормить голоднаго человѣка... Когда княжна обошла бѣдныя избы и познакомилась съ настоящей деревенской голью, ей такъ сдѣлалось совѣстно за все, чѣмъ она раньше жила. Какіе это были все пустяки, начиная съ интеллигентной тоски и неопредѣленныхъ порывовъ къ какому-то неопредѣленному дѣлу, когда оно было тутъ, сейчасъ подъ руками.

— О, я уже знаю, что мнѣ дѣлать,—говорила княжна.

V.

Наступала весна. Это былъ знаменательный моментъ, наступленія котораго всѣ ожидали съ особеннымъ нетерпѣніемъ, какъ торжественнаго праздника. Но зауральская зима держалась крѣпко, и первые теплые дни смѣнялись „отзимьемъ", т.-е. новымъ снѣгомъ. Послѣднее приводило всѣхъ въ молчаливое отчаяніе, и Сережа увѣрялъ, что весна отложена до будущаго года. Но вся картина быстро измѣнилась, когда „тронулась" вешняя вода и сугробы сибирскаго снѣга растаяли съ поразительной быстротой.

Первая работа началась на пріискѣ, гдѣ за зиму были закончены всѣ подготовительныя работы, т.-е. золотоносный пластъ былъ вскрытъ на протяженіи полуверсты. Оставалось только промывать пески на бутерѣ. Появилась масса новыхъ рабочихъ, которые оживаютъ вмѣстѣ съ весной, точно мухи. Пріискъ сразу закипѣлъ какъ муравейникъ, окупая затраченныя на него деньги. Окоемовъ самъ смотрѣлъ за работами и по приблизительнымъ вычисленіямъ убѣдился, что дѣло вѣрное и дастъ хорошій дивидендъ, что было особенно важно въ виду большихъ затратъ на другія предпріятія. Золотая розсыпь должна была служить основнымъ фондомъ, изъ котораго покрывались бы другіе расходы. Эта мысль осуществлялась у всѣхъ на глазахъ.

Первое весеннее солнышко разбудило и первую пчелку, спавшую въ ульяхъ. Потаповъ съ замирающимъ сердцемъ прислушивался къ таинственному шуму, который разрастался въ глубинѣ этихъ ульевъ—это былъ отвѣтъ на призывные лучи весенняго солнца. Товарищемъ и помощникомъ фельдшера былъ о. Аркадій, который, несмотря ни на какую весеннюю распутицу, пріѣзжалъ на пріискъ верхомъ и цѣлые дни проводилъ на пчельникѣ, наблюдая каждый шагъ. Ульи съ пчелами были куплены еще съ осени по ту сторону Урала у башкиръ и съ величайшей осторожностью были перевезены въ Красный-Кустъ. Теперь предстоялъ капитальный вопросъ о томъ, насколько благополучно перезимовала пчелка. Изъ ста ульевъ только шесть не отвѣтили весеннему солнцу ни однимъ звукомъ; они были мертвы.

— Эхъ, если бы не захватили насъ майскіе морозы!—часто повторялъ о. Аркадій, покачивая головой.—У насъ вѣдь выпадаетъ иногда снѣгъ на Николинъ день, даже на Троицу...

Вездѣ показались проталинки, а на нихъ высыпала первая весенняя травка. Сережа уже два раза ѣздилъ на тягу верстъ за двадцать и привезъ нѣсколько вальдшнеповъ. Весенній перелетъ птицы начался довольно рано, какъ только показались на озерахъ первыя полыньи. Цѣлые караваны вольной птицы тянулись къ далекому милому сѣверу, но, такъ сказать, офиціально открылъ на мѣстѣ настоящую весну жаворонокъ, пѣсня котораго повисла въ воздухѣ радостной дрожью, точно звенѣла туго натянутая струна.

Вообще хорошо, чудно хорошо...

Пріисковыя хозяйки всецѣло были поглощены своимъ огородомъ. Въ ожиданіи, когда растаетъ земля, работа шла въ парникахъ и особыхъ разсадникахъ, гдѣ выводилась всевозможная разсада—капуста, огурцы, редиска.

Выгонялся картофель-скороспѣлка, салатъ и даже сморчки, — хохлушка не признавала грибовъ, и этимъ послѣднимъ завѣдывала Калерія Михайловна. Первый свой салатъ являлся уже цѣлымъ торжествомъ, а тамъ послѣдовала первая редиска, первый огурецъ и т. д. Еще бо́льшимъ торжествомъ явилось то, когда явился первый выводокъ цыплятъ, нѣсколько ягнятъ и двѣ телочки. Хозяйственное колесо разомъ повернулось...

Окоемовъ видѣлъ только одно, что недостаетъ рабочихъ рукъ, а новыхъ людей не прибываетъ. На пріискѣ еще можно было обойтись наличнымъ составомъ, а всѣхъ тяжелѣе доставалось Крестникову, которому приходилось вездѣ поспѣвать одному. Правда, на подмогу къ нему были посланы два некончившихъ реалиста, съ которыми княжна познакомилась въ Екатеринбургѣ, но этихъ помощниковъ приходилось еще учить. Кромѣ этихъ неудобствъ, главное затрудненіе было въ томъ, что Крестниковъ занималъ самый отвѣтственный и самый рискованный постъ. Сравнительно даже пріисковое дѣло являлось вѣрнымъ въ смыслѣ неожиданныхъ сюрпризовъ. Окоемовъ нѣсколько разъ самъ ѣздилъ въ Салгу, чтобы помочь Крестникову. Студентъ оказался очень серьезнымъ и дѣловымъ человѣкомъ и дѣлалъ гораздо больше, чѣмъ можно было требовать отъ одного человѣка.

— Ничего, какъ-нибудь управлюсь,—успокаивалъ онъ Окоемова.—Вотъ въ страду другое дѣло... Тогда пошлете мнѣ Потапова.

Хорошей помощницей Крестникову являлась его „молодайка“, которая выросла въ деревнѣ и знала практически сельское хозяйство. Вообще это была очень милая молодая чета, уже органически приросшая къ мѣсту. Въ степи выросъ настоящій хуторокъ, и Крестниковъ мечталъ о скотоводствѣ въ большихъ размѣрахъ. Лошади были нужны и для хозяйства, и на пріискъ, и въ разгонъ, а затѣмъ нужны степные быки и степные бараны на мясо для пріисковыхъ рабочихъ. Все это можно постепенно завести на хуторѣ.

— Знаете, недавно здѣсь былъ Утлыхъ,—разсказывалъ Крестниковъ.— Онъ пріѣзжалъ спеціально въ Салгу и, какъ мнѣ кажется, разстраиваетъ башкиръ. Могутъ быть непріятности...

— Вы думаете?

— Я въ этомъ убѣжденъ...

Окоемовъ только улыбнулся и проговорилъ:

— Есть турецкая поговорка, которая говоритъ: одинъ врагъ сдѣлаетъ больше вреда, чѣмъ сто друзей пользы. Посмотримъ..

Между прочимъ, Крестниковъ сообщилъ Окоемову, что въ члены „сторублевой компаніи“ желаютъ поступить его тесть о. Маркъ, два учителя и нѣсколько учительницъ. Приростъ членовъ шелъ медленно, но Окоемовъ не жалѣлъ объ этомъ, потому что приходилось поступать при выборѣ новыхъ членовъ съ большой осмотрительностью, какъ показывалъ случай съ Утлыхъ. Кстати, члены компаніи уже получили характерныя клички, сложившіяся сами собой: мужчинъ называли „сторублевиками“. а женщинъ—„сторублевками“. Послѣднее выходило даже остроумно.

Настасья Яковлевна еще въ Великій постъ открыла свои воскресные классы. Окоемовъ предлагалъ выстроить для нихъ особое помѣщеніе на пріискѣ, но она отказалась, потому что дѣло шло еще въ видѣ опытовъ и могло не оправдать затратъ. Въ Красномъ-Кусту была нанята простая деревенская изба, и занятія шли въ ней для перваго раза очень порядочно. Сибирскій мужикъ смышленый и не чурается грамоты, хотя и относится къ учителямъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Впрочемъ, эта сибирская недовѣрчивость распространялась почти на все, такъ что частные случаи недовѣрія не имѣли осо-

беннаго значенія. А Красный-Кустъ могъ бы вѣрить компаніи, потому что его благосостояніе поднялось въ теченіе какого-нибудь года—и работа была подъ бокомъ, и являлись тысячи путей для зашибанія копейки, какъ извозъ, содержаніе квартиръ, харчевое довольство, сбытъ своихъ сельскихъ продуктовъ и т. д.

Кромѣ классовъ, Настасьѣ Яковлевнѣ приходилось много помогать княжнѣ, дежурившей въ больницѣ и разъѣзжавшей по деревнямъ для помощи больнымъ. Докторъ прочиталъ имъ цѣлый курсъ о первоначальной помощи и лѣченіи домашними средствами. Однимъ словомъ, дѣла было достаточно, и Настасья Яковлевна не чувствовала себя лишней,—она тоже была „сторублевкой". Ея отношенія къ Окоемову безпокоили сейчасъ только одного Сережу. Съ наступленіемъ весны главный управляющій золотыми промыслами почувствовалъ приливы какой-то странной тоски и началъ хандрить. Между прочимъ, онъ оказывалъ Настасьѣ Яковлевнѣ знаки своего особеннаго вниманія, какъ послѣдняя ни старалась избѣжать ихъ. Встрѣчались они обыкновенно за чаемъ или обѣдомъ, рѣже вечеромъ, въ общей комнатѣ, и Сережа преслѣдовалъ дѣвушку своимъ упорнымъ взглядомъ. Она вставала, краснѣла и уходила къ себѣ въ комнату. Это больше всего возмущало княжну.

— Сергѣй Ипполитычъ, это уже невозможно... Бѣдная дѣвушка не знаетъ, куда дѣваться.

— Я тутъ ни при чемъ, Варвара Петровна. Мнѣ просто скучно...

— Если вамъ скучно, такъ смотрите на меня,—пошутила княжна, готовая всегда пожертвовать собой.

Сережа только прищурилъ глаза и въ сущности въ первый разъ посмотрѣлъ на княжну, какъ на женщину. Къ своему удивленію, онъ нашелъ, что она положительно недурна, а преждевременная вялость придавала ей даже нѣкоторую пикантность, потому что глаза смотрѣли совсѣмъ по-молодому и странно не гармонировали со строгимъ выраженіемъ рта. Сережа даже ночью думалъ о княжнѣ и тяжело ворочался на своемъ ложѣ. Проведенная въ работѣ зима измѣнила даже его внѣшній видъ. Сейчасъ это былъ совсѣмъ солидный мужчина, смахивавшій на англійскаго джентльмена. Привезенный изъ Москвы костюмъ, поражавшій всѣхъ своей необычностью, былъ отложенъ, и Сережа одѣвался, какъ всѣ другіе.

Разъ утромъ, когда Окоемовъ зашелъ въ контору, Сережа сидѣлъ за своими гроссбухами и мечтательно смотрѣлъ въ пространство.

— Что̀ съ тобой?—удивился Окоемовъ.

— Со мной? Ахъ, да... — точно проснулся Сережа и, махнувъ рукой, прибавилъ:—голубчикъ, Вася, я влюбленъ.

— Можно узнать, въ кого?

— Дѣло, видишь ли, въ томъ, что пока это еще и для меня не ясно, то-есть я еще не рѣшилъ. Сначала мнѣ казалось, что я влюбленъ въ Настасью Яковлевну, а потомъ... Знаешь, мнѣ начинаетъ нравиться княжна.

— Да, положеніе затруднительное, особенно въ твоемъ возрастѣ и при твоей неопытности.

— Нѣтъ, ты не смѣйся надо мной. Я самъ не знаю, что̀ со мной дѣлается. Ты когда-нибудь любилъ? Нѣтъ? О, несчастный... Это такое святое чувство... Женщина—все, женщина—это жизнь, женщина—это будущее, а реализація этого чувства—дѣло иногда простой случайности.

— Послушай, тебѣ нужно обратиться къ доктору, Сережа...

Сережа обиженно замолчалъ, какъ человѣкъ, котораго намѣренно не желаютъ понимать. Оставалась одна надежда, именно, что его пойметъ и оцѣ-

нить только женщина, о чемъ даже была сдѣлана замѣтка въ одномъ гроссбухѣ. Что-то говорилось о лунѣ, цвѣтахъ, соловьѣ и т. д.

Настроеніе Сережи обезпокоило Окоемова, потому что онъ былъ такой человѣкъ, за завтрашній день котораго нельзя было поручиться. Да и Настасья Яковлевна чувствовала себя точно виноватой, хотя съ своей стороны и не подавала никакого повода для нѣжныхъ чувствъ Сережи.

Вскорѣ послѣ Пасхи Окоемовъ предложилъ дѣвушкѣ съѣздить вмѣстѣ съ нимъ на заарендованное озеро, до котораго отъ пріиска было верстъ восемьдесятъ. Водополье спадало, и теперь можно было ѣхать. Настасья Яковлевна согласилась съ особенной охотой. Эта поѣздка опять подняла въ средѣ пріисковыхъ дамъ притихшія подозрѣнія, точно Окоемовъ являлся какой-то общей собственностью и всѣ имѣли право его ревновать. Въ послѣднее время дѣвушка чувствовала себя нездоровой и часто запиралась въ своей комнатѣ. Она была такъ рада этой поѣздкѣ.

Когда пара своихъ пріисковыхъ лошадей вынесла легкій дорожный коробокъ за околицу Краснаго-Куста, дѣвушка прилегла головой къ плечу Окоемова и прошептала:

— Милый, я больше не могу...

Окоемовъ тихо ее обнялъ и поцѣловалъ въ лобъ. Онъ догадывался, въ чемъ дѣло, и чувствовалъ, что еще никогда такъ не любилъ, какъ сейчасъ.

— Милая, я догадываюсь...—шопотомъ отвѣтилъ онъ.

Она спрятала свою головку у него на груди и заплакала счастливыми слезами. А коробокъ летѣлъ впередъ по мягкому проселку, унося счастливую чету, для которой начиналась новая жизнь и еще неиспытанныя радости.

VI.

Настасья Яковлевна ничего не имѣла относительно того, что Окоемовъ до сихъ поръ скрывалъ свою женитьбу,—онъ не хотѣлъ тревожить старухумать, которую огорчило бы извѣстіе о такомъ „неравномъ бракѣ". Но сейчасъ это инкогнито начинало ее тяготить, потому что создавало фальшивое положеніе у себя въ Красномъ-Кусту, а потомъ она готовилась быть матерью, и скрываться дальше дѣлалось невозможнымъ. Прямо она ничего не говорила мужу, но послѣдній уже самъ догадывался по ея настроенію, что она чѣмъ-то озабочена и недовольна. Поѣздка на озеро, какъ она догадывалась, была только шагомъ къ чему-то новому.

— Мы проѣдемъ съ озера прямо въ Екатеринбургъ, — говорилъ Окоемовъ дорогой.—Можетъ-быть, тамъ придется остаться.

Женѣ онъ говорилъ „вы" и даже съ глазу на глазъ называлъ полнымъ именемъ.

„Точно онъ меня и за жену сейчасъ не считаетъ",—думала Настасья Яковлевна.

У нея теперь являлись все чаще тяжелыя минуты и какія-то неопредѣленныя сомнѣнія. Да, она любила мужа, но отчего же онъ не хочетъ, чтобы всѣ знали, что онъ принадлежитъ ей и только одной ей?

Объясненіе, дѣйствительно, произошло, хотя и не въ той формѣ, какъ предполагала Настасья Яковлевна. До озера было верстъ семьдесятъ, т.-е. цѣлыхъ три станціи. Окоемовъ находился въ особенно хорошемъ настроеніи и всю дорогу толковалъ о своей писцикультурѣ. Кстати, онъ захватилъ съ собой нѣсколько жестянокъ, чтобы сдѣлать опытъ консервированія чудной горной форели, которая по-мѣстному называлась „харюзомъ".

— Это до того нѣжная рыба, что ее невозможно перевезти какихъ-ни-

будь двадцать верстъ,—объяснялъ онъ съ одушевленіемъ.—Ее ѣдятъ прямо на мѣстѣ лова, и въ продажѣ она совсѣмъ неизвѣстна. Этотъ сортъ форели встрѣчается еще только въ Финляндіи, въ бойкихъ горныхъ рѣчкахъ. Вотъ мы и сдѣлаемъ первый опытъ.

Мѣстность быстро мѣнялась, и со второй станціи на горизонтѣ уже засинѣли недалекія горы. Здѣсь Уралъ былъ значительно выше, чѣмъ въ мѣстѣ пересѣченія его Уральской желѣзной дорогой.

— Не правда ли, какъ хорошо?—повторялъ Окоемовъ.—На восточномъ склонѣ Уралъ почти на всемъ протяженіи образуетъ крутой обрывъ, чѣмъ и объясняется его особенная рудоносность именно на этомъ склонѣ. Замѣчательно, что сейчасъ же отъ обрыва начинается равнина, страшная по величинѣ Сибирская равнина, которая тянется вплоть до Великаго океана. Уралъ служитъ точно порогомъ, отдѣляющимъ собственно Россію отъ Сибири.

Первое горное озеро привело Окоемова въ окончательный восторгъ: ничего лучшаго нельзя было придумать для его цѣлей. Настоящій живорыбный садокъ. Озеро было небольшое, но глубокое и постоянно питавшееся свѣжей водой, приносимой бойкими горными рѣчонками. Затѣмъ оно соединялось протоками съ цѣлой сѣтью другихъ горныхъ озеръ.

На свое собственное озеро они пріѣхали только къ вечеру, когда воздухъ сильно засвѣжѣлъ,—сказывалась горная область. Они остановились прямо „на саймѣ“, какъ назывались здѣсь рыбачьи стоянки. Озеро имѣло неправильную форму, какъ всѣ горныя озера, и, въ общей сложности, занимало площадь около квадратной версты. Степныя озера, какъ Челканъ, имѣли овальную форму, а здѣсь тамъ и сямъ высились скалы, а хвойный дремучій лѣсъ подходилъ зеленой стѣной къ самой водѣ. На „саймѣ“ ихъ встрѣтилъ старикъ-рыбакъ, служившій отъ компаніи сторожемъ.

— Ты и будешь баринъ?—спрашивалъ онъ Окоемова.—Заждались мы тебя... А это кто будетъ?—прибавилъ онъ, указывая на Настасью Яковлевну.

— А ты какъ думаешь?—спросилъ Окоемовъ.

Старикъ посмотрѣлъ на нихъ пристально и проговорилъ съ увѣренностью:

— Кому быть, извѣстно, барыня, значитъ, по-нашему жена...

Настасья Яковлевна даже покраснѣла отъ охватившаго ее волненія,—это еще въ первый разъ посторонній человѣкъ назвалъ ее „женой“.

— Ну, пусть будетъ по-твоему, старина,—пошутилъ Окоемовъ, хлопая старика по плечу.—Вотъ ты намъ завари уху... Есть рыба?

— Какъ рыбѣ не быть, баринъ... Я вамъ карасиковъ добуду. У меня они въ садкѣ сидятъ на всякій случай... Дожидалъ васъ.

— А мы, пока ты варишь уху, прокатимся по озеру на лодкѣ.

— Покатайтесь, коли глянется... Вонъ тамъ за мысомъ хорошія мѣста пойдутъ. Камень—стѣна-стѣной...

Лодка была старая и тяжелая, но Настасья Яковлевна никогда еще не каталась съ такимъ удовольствіемъ. Кругомъ тихо, ни звука, и они одни на этомъ просторѣ. Она чувствовала себя такой маленькой-маленькой и такой безсовѣстно-счастливой. Остального міра больше не существовало, точно они остались вдвоемъ на всемъ земномъ шарѣ. И прошлаго не существовало, а было только настоящее—вотъ это закатывавшееся солнце, нѣмыя скалы, тихо шептавшійся лѣсъ на берегу, водяная гладь, въ которой такъ ласково отражалось вечернее небо.

— Звѣздочка...—тихо вскрикнула Настасья Яковлевна, глядя на воду.

Да, это была первая вечерняя звѣздочка, свѣтившая въ водѣ любопытнымъ глазомъ, точно она смотрѣла на счастливую парочку. Одна тайна отра-

жала другую. Потомъ звѣздочка попала въ расходившіеся отъ веселъ круги, заколебалась и точно потонула.

— А вѣдь Сережа сдѣлалъ мнѣ предложеніе...—неожиданно заговорила Настасья Яковлевна, продолжая какую-то тайную мысль.—Я ничего вамъ не сказала... Это было недѣли двѣ назадъ. Я просто не знала, что говорить, и убѣжала къ себѣ въ комнату, какъ глупая маленькая дѣвчонка.

— Сережа человѣкъ серьезный и шутить не любитъ

— Да, вамъ смѣшно, а каково было мнѣ? Потомъ, всѣ меня ревнуютъ къ вамъ... ловятъ каждый взглядъ... Даже милѣйшая княжна, которую я люблю, какъ сестру, и та доводила меня не одинъ разъ до слезъ своими наводящими разспросами. Они всѣ считаютъ васъ своей собственностью.

Настасья Яковлевна засмѣялась и посмотрѣла на Окоемова счастливыми глазами, въ которыхъ свѣтилась одна мысль: „Ты—мой, и я никому, никому не отдамъ тебя“...

— Да, я принадлежу имъ, принадлежу дѣлу,—серьезно заговорилъ Окоемовъ, бросая весла.—И мнѣ было совѣстно нарушить эту иллюзію своей женитьбой... Вѣдь любовь—слишкомъ эгоистичное чувство, это роскошь, которую нужно заработать. Мнѣ казалось, что я чему-то измѣняю, отдаваясь слишкомъ личнымъ чувствамъ. Какъ хотите, а свое счастье отдѣляетъ отъ другихъ, и человѣкъ начинаетъ слишкомъ много думать только о самомъ себѣ. Мнѣ и сейчасъ совѣстно: я такъ счастливъ, милая....

Она не понимала его словъ и смотрѣла на звѣздочку, которая опять показалась въ водѣ. Вода успокоилась и стояла, какъ зеркало.

— Вы меня не понимаете?—замѣтилъ Окоемовъ.

— Нѣтъ, то-есть да... Я знаю только одно, что дальше такъ не можетъ быть, если вы не хотите оставлять меня въ фальшивомъ положеніи... Можетъ-быть, я несправедлива, можетъ-быть, я эгоистка, можетъ-быть, я сдѣлала непоправимую ошибку...

— Ни то, ни другое, ни третье, моя хорошая... А только я боюсь слишкомъ увлечься своимъ личнымъ чувствомъ.

— Какой хорошій старикъ этотъ рыбакъ...—вслухъ думала Настасья Яковлевна, теряя нить разговора: ей хотѣлось и плакать и смѣяться.

А хорошій старикъ развелъ на берегу цѣлый костеръ, подвѣсилъ надъ огнемъ котелокъ съ водой и ждалъ, когда вернутся господа. Что-то ужъ очень долго плаваютъ... Вонъ и солнышко сѣло, и холодкомъ потянуло отъ заснувшей воды, и молодой мѣсяцъ показался на небѣ. Гдѣ-то въ осокѣ скрипѣлъ неугомонный коростель, гдѣ-то вопросительно крякали утки, выплывавшія въ заводи кормиться, гдѣ-то пронеслось печальное журавлиное курлыканье. Распряженныя и стреноженныя лошади съ наслажденіемъ ѣли свѣжую, сочную траву, а пріисковый кучеръ Аѳонька сидѣлъ около огонька, курилъ трубочку и сердито сплевывалъ на огонь.

— Какъ-то тутъ наѣзжалъ Утлыхъ...—говорилъ старикъ-рыбакъ, встряхивая сѣдыми волосами.

— Ну?

— Ну, значитъ, ничего... Пожалуй, какъ бы промашки не вышло. Все онъ съ башкирами шепчется... Какъ-то наѣзжали Аблай съ Уракайкой. Незнамо зачѣмъ наѣзжали и съ тѣмъ же уѣхали..

Тихій всплескъ веселъ прекратилъ эту краснорѣчивую бесѣду. Изъ-за ближайшихъ камышей выплыла лодка, казавшаяся теперь больше, чѣмъ при дневномъ освѣщеніи. Щипавшія траву лошади насторожились и фыркнули, сердито тяфкнула лежавшая у огня маленькая собачонка.

— Ну, а какъ ты, Аѳонька, насчетъ господъ понимаешь?—спрашивалъ старикъ, поднимаясь съ кряхтѣньемъ.

— А кто ихъ разберетъ... У барина денегъ не въ проворотъ, вотъ и мудритъ. Работалъ бы на пріискѣ, какъ другіе, а то и землю рендуетъ, и озеро, и не вѣсть еще что.

— Много денегъ-то?

— Цѣлый банкъ, сказываютъ. А изъ себя глядѣть не на что... Такъ, заморышъ, то-есть супротивъ другихъ прочихъ золотопромышленниковъ.

— Та-акъ...

Лодка причалила къ берегу, и Аѳонька отошелъ къ экипажу, такъ какъ считалъ невѣжливымъ оставаться у огня.

Уха изъ живыхъ карасей была великолѣпна, а потомъ Аѳонька приготовилъ въ походномъ мѣдномъ чайникѣ чай. Дѣлалось холодно, и Настасья Яковлевна куталась въ теплую шаль. Она опять казалась Окоемову маленькой дѣвочкой, и онъ опять чувствовалъ себя счастливымъ, добрымъ и хорошимъ.

Настасья Яковлевна легла спать въ экипажѣ, — въ избушкѣ она боялась таракановъ. Окоемовъ улегся подъ открытымъ небомъ, у огонька, и долго не могъ заснуть. Ночь была чудная, и ему слышались какіе-то неясные звуки, точно кто-то шопотомъ предупреждалъ кого-то о неизвѣстной опасности.

Онъ проснулся рано, благодаря утреннему холоду. Озеро было закрыто туманомъ, а трава—сверкавшей росой. Солнце поднималось изъ-за горъ безъ лучей и казалось такимъ громаднымъ. Огонь потухъ. Окоемовъ сходилъ умыться чистой озерной водой и велѣлъ старику собираться.

— Нужно половить мармышей, дѣдка...

Старикъ захватилъ ведерко, сачокъ и съ кряхтѣньемъ взялся за шестикъ,—онъ правилъ лодкой, стоя на ногахъ. Отваливъ отъ берега, онъ нѣсколько разъ тряхнулъ головой и проговорилъ:

— Баринъ, а вѣль дѣло-то неладно!

— Что такое случилось?

— А наѣзжалъ Утлыхъ... да... Онъ башкиръ сомущаетъ насчетъ озера. Говоритъ: неладно контрактъ заключенъ. Аблай да Уракайка ужъ наѣзжали... Извѣстно, они-то рады вторую ренду получить. Вотъ какое дѣло...

— Ничего, какъ-нибудь устроимся, дѣдка, а Утлыхъ напрасно хлопочетъ. У насъ правильный контрактъ...

— Да вѣдь народъ-то несообразный, баринъ. Однимъ словомъ, нехристь...

Настасья Яковлевна была разбужена Окоемовымъ. У него было какое-то встревоженное лицо.

— Настасья Яковлевна, смотрите...

Онъ развернулъ бумажку, въ которой лежали какіе-то блѣдно-желтые тараканы. Настасья Яковлевна даже вскрикнула.

— Вотъ наше богатство... Въ этомъ рачкѣ-мармышѣ скрыты милліоны,— объяснялъ Окоемовъ.

— А для чего они намъ?

— О, мѣсто имъ найдется...

VII.

На озерѣ Окоемовы прожили дня три. Старикъ-рыбакъ указалъ мѣсто, гдѣ ловятся харюзы, и наловить ихъ было дѣломъ нѣсколькихъ часовъ, но затрудненіе замѣчалось въ приготовленіи соусовъ. Ихъ нужно было приготовить раньше, но это, конечно, позабылось, и пришлось потратить на ихъ приготовленіе дня два. Нужно было видѣть терпѣніе, съ какимъ Окоемовъ вы-

полнилъ эту скучную и хлопотливую операцію. Любая кухарка позавидовала бы ему. Настасья Яковлевна по пути училась у него и высказала нѣсколько случаевъ такой милой, чисто-женской находчивости, устранявшей, казалось, непреодолимыя препятствія. Дѣло въ томъ, что одна и та же операція на кухонной плитѣ шла иначе, чѣмъ на открытомъ воздухѣ. Наконецъ соусы были готовы, и по озеру отправилась въ горы настоящая экспедиція, состоявшая изъ Окоемовыхъ и стараго рыбака. Лодка причалила къ устью безыменной горной рѣчки, и дальше экспедиція отправилась уже пѣшкомъ, нагруженная всѣми приспособленіями для перваго опыта. Впрочемъ, итти пришлось не больше версты, пока старикъ не остановился у одного омута, въ которомъ бродило цѣлое руно харюзовъ. Прежде чѣмъ приступить къ ловлѣ, разведенъ былъ костеръ и все приготовлено. Ловили небольшимъ бреднемъ, причемъ шли не вверхъ по рѣкѣ, какъ это дѣлается обыкновенно, а внизъ. „Въ забродъ“ пошли старикъ и Окоемовъ, и первый же выходъ далъ штукъ двадцать великолѣпныхъ харюзовъ, вѣсившихъ чуть не полпуда. Этого было слишкомъ достаточно. Пойманную рыбу сейчасъ же очистили, сварили, уложили въ коробки, залили разными соусами, прованскимъ масломъ, а потомъ Окоемовъ запаялъ жестянки съ искусствомъ настоящаго мастера.

— Для чего это вамъ, баринъ?—удивлялся старикъ, наблюдая всю операцію въ качествѣ благосклонной публики.

— А вотъ для чего: рыба не испортится цѣлый годъ, и вези ее, куда хочешь.

— Но-о? Вотъ такъ штука... Ловкимъ ты бариномъ себя оказываешь.

Въ заключеніе была сварена отличная уха, какой Окоемовъ еще никогда не ѣдалъ. Настасья Яковлевна была въ восторгѣ и начинала вѣрить въ затѣи увлекавшагося мужа.

— Ты только представь себѣ, что въ разныхъ частяхъ Урала можно добыть этой рыбы до пятисотъ пудовъ въ одно лѣто совершенно свободно,— объяснялъ онъ, довольный первымъ успѣхомъ.—А консервированную ее можно продать minimum по десяти рублей пудъ, считая по двадцати пяти копеекъ за фунтъ—дешевизна невѣроятная. Въ общемъ составится валовой доходъ въ пять тысячъ рублей. Накладные расходы и отправка въ столицу отнимутъ половину, останется чистаго дохода еще около двухъ съ половиной тысячъ. Право, стоитъ похлопотать, тѣмъ болѣе, что здѣсь больше чѣмъ на половину войдетъ дешевый женскій трудъ. Къ этому прибавь еще то, что можно арендовать сотни вотъ такихъ горныхъ рѣчонокъ и увеличить ихъ производительность въ десять разъ. Тебѣ скучно слушать мои расчеты, но вѣдь изъ нихъ получится хлѣбъ для сотенъ людей, если дѣло обставить какъ слѣдуетъ. Я часто жалѣю, что у меня только двѣ руки, а не сто, именно, чтобы показать своимъ примѣромъ, какъ нужно работать. У насъ всѣ боятся маленькаго дѣла и предпочитаютъ умирать съ голода въ ожиданіи какого-то миѳическаго большого дѣла, а оно само собой не приходитъ, какъ и все большое.

Производя свой опытъ, Окоемовъ все время обдумывалъ планъ своихъ дѣйствій по отношенію къ Утлыхъ. Своихъ опасеній онъ не выдалъ ни старому рыбаку ни женѣ, но про себя не сомнѣвался, что придется серьезно считаться съ этимъ сибирскимъ кляузникомъ. Его страшила главнымъ образомъ разная судебная волокита, которая отниметъ массу времени и средствъ. Выгоднѣе, пожалуй, было бы совсѣмъ попуститься этимъ озеромъ и арендовать другое, но онъ этого не могъ сдѣлать, чтобы не потерять извѣстнаго престижа въ глазахъ мѣстныхъ людей. Его злило то, что придется на время отложить опыты писцикультуры, которая его занимала въ данное время больше всего.

Съ этой непріятной заботой Окоемовъ уѣхалъ прямо въ Екатеринбургъ, чтобы тамъ на мѣстѣ окончательно разузнать настоящее положеніе дѣла. Тамъ онъ нанялъ маленькую квартирку въ три комнаты для Настасьи Яковлевны и обставилъ ее со всѣми удобствами, а самъ попрежнему оставался въ „Американской гостиницѣ". Настасья Яковлевна очень обрадовалась своему углу и ничего лучшаго не желала. Здѣсь не нужно было скрываться ни предъ кѣмъ, не нужно было носить маску и вообще не быть самой собой.

Дѣло съ озеромъ выяснилось само собой, потому что въ Екатеринбургѣ башкиры уже ждали Окоемова. Оказалось, что условіе было сдѣлано съ одной только волостью, а озеро было спорное—на владѣніе имъ претендовали еще двѣ сосѣднихъ волости. Въ первую минуту Окоемовъ готовъ былъ обвинить о. Аркадія въ неосмотрительности, но, вникнувъ въ дѣло подробнѣе, убѣдился только въ томъ, что вообще башкирское владѣніе съ юридической точки зрѣнія вещь довольно сомнительная и въ будущемъ будетъ служить неизсякаемымъ источникомъ для всякихъ недоразумѣній. Послѣднее выходило уже совсѣмъ скверно, такъ какъ не могло быть увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, если не подкупать башкиръ подачками и не „озадачивать" ихъ задатками, какъ это дѣлали другіе крупные рыбопромышленники.

Сами по себѣ башкиры представляли жалкій сбродъ, желавшій сорвать съ него отступного. Это была цѣлая система: только поддайся одинъ разъ, а за нимъ послѣдуетъ цѣлый рядъ другихъ. Приходилось поневолѣ выдерживать характеръ.

— Мы судъ тащимъ... — повторяли башкиры съ наивной хитростью. — Ты насъ обманулъ, мы тебя острогъ тащимъ.

Изъ этихъ переговоровъ ясно было одно, именно, что за башкирами стоялъ такой опытный человѣкъ, какъ Утлыхъ. А онъ, въ свою очередь, являлся представителемъ кучки рыбопромышленниковъ, видѣвшихъ въ Окоемовѣ опаснаго конкурента, чего въ дѣйствительности не могло быть ни въ какомъ случаѣ ни по цѣлямъ ни по средствамъ.

Случайно или намѣренно, но Утлыхъ встрѣтился съ Окоемовымъ въ общей залѣ гостиницы и первый подошелъ къ нему.

— Здравствуйте, Василій Тимоѳеичъ...

— Здравствуйте.

— А вы напрасно думаете про меня, Василій Тимоѳеичъ, что будто я подучаю противъ васъ башкиръ. Даже совершенно напрасно... Извѣстно, какой народъ: не любитъ, гдѣ плохо лежитъ.

— Послушайте, намъ лучше не говорить объ этомъ.

— Какъ вамъ угодно-съ... Я только такъ, къ слову. Погода стоитъ отличная, Василій Тимоѳеичъ...

— Да, прекрасная.

Такъ они и разстались. На другой день башкиры подали прошеніе въ судъ,—писалъ его Утлыхъ

Одна непріятность не приходитъ. Потемкинъ прислалъ подробный счетъ новыхъ расходовъ на его насосы. Окоемовъ просмотрѣлъ этотъ счетъ съ особеннымъ вниманіемъ и пришелъ къ печальному заключенію, что за этимъ „послѣднимъ" счетомъ послѣдуетъ цѣлый рядъ дополнительныхъ, и все-таки ничего изъ этого не выйдетъ. Насколько раньше Окоемовъ вѣрилъ въ своего изобрѣтателя, настолько сейчасъ не довѣрялъ ему, т.-е. не вѣрилъ въ осуществимость его теоріи при настоящихъ средствахъ. Въ общей сложности насосы уже стоили около трехъ тысячъ рублей, да по новой смѣтѣ приходилось уплатить около полуторыхъ. Это было „немножко много" для опыта, хотя

Окоемовъ и тратилъ на это дѣло свои личныя средства. Приходилось на время отложить дорогую игрушку и утилизировать способности Потемкина въ другомъ направленіи, хотя и трудно было пристроить его къ какому-нибудь практическому и производительному дѣлу.

Отдыхалъ Окоемовъ только въ уютной квартирѣ Настасьи Яковлевны, гдѣ проводилъ все свое свободное время. Но и здѣсь было не безъ недоразумѣній. Настасья Яковлевна непремѣнно хотѣла знать всѣ дѣла мужа и обижалась, когда онъ что-нибудь скрывалъ отъ нея.

— Я не понимаю вашего недовѣрія,—говорила она.—Вы все еще считаете меня чужой...

— Ахъ, совсѣмъ не то, милая... Я слишкомъ привыкъ къ самостоятельности, а главное—не люблю повѣрять другимъ свои неудачи. Вѣдь это просто скучно, какъ безконечные разсказы о своихъ болѣзняхъ, которыя интересны только для одного разсказчика. Затѣмъ, вы такъ мало понимаете въ этихъ прозаическихъ дѣлахъ, да и понимать ихъ скучно...

Эти объясненія нисколько не убѣждали Настасью Яковлевну, и она оставалась при своемъ.

— Я не отдѣляю себя отъ васъ,—повторяла она съ непонятнымъ для него упрямствомъ.—А вы отдѣляете...

— Просто дурная привычка, Настасья Яковлевна... Вѣдь я жилъ такъ долго одинъ и такъ привыкъ поступать по личному своему усмотрѣнію, ни съ кѣмъ не совѣтуясь. У меня свой мірокъ, и, право, нѣтъ ничего обиднаго, если мнѣ хочется время отъ времени остаться одному. Вѣдь у каждаго есть такой мірокъ...

Какъ и что̀ ни говорилъ Окоемовъ, но его мірокъ былъ разрушенъ. Одиночество было невозможно. Раньше, задумывая жениться, онъ какъ-то не подумалъ объ этомъ. Впрочемъ, эти маленькія недоразумѣнія выкупались цѣлой полосой счастья. Они вдвоемъ читали, вдвоемъ мечтали о будущемъ и жили какой-то удвоенной жизнью. Настасья Яковлевна, требуя полной откровенности отъ мужа, сама скрывала одно опасеніе, которое ее преслѣдовало все больше и больше. А что̀, если будущій ребенокъ унаслѣдуетъ отцовскій порокъ сердца? А если родится уродецъ?.. Она даже закрывала глаза отъ страха и употребляла всѣ силы, чтобы отогнать мрачныя мысли. Разъ Окоемовъ поймалъ ея озабоченный взглядъ и замѣтилъ:

— Вы дѣлаете то же самое, въ чемъ упрекаете меня. Не слѣдуетъ, милая, впередъ себя запугивать. Я знаю, о чемъ вы сейчасъ думаете, и совѣтовался еще въ Москвѣ съ однимъ спеціалистомъ-докторомъ. Онъ нашелъ, что мои физическіе недостатки умрутъ вмѣстѣ со мной... Иначе я не рѣшился бы жениться. Могу дать честное слово, что это такъ...

Другое обстоятельство тоже безпокоило Настасью Яковлевну, именно — ей казалось, что мужъ живетъ сейчасъ въ Екатеринбургѣ только изъ-за нея, хотя онъ и ссылался на какія-то неотложныя дѣла, которыя удерживали его именно здѣсь. Эти сомнѣнія разрѣшились съ пріѣздомъ Сережи, который привезъ сдавать первое золото. Онъ успокоилъ, что въ Красномъ-Кусту и на Салгѣ все обстоитъ благополучно. У Сережи былъ такой озабоченно-дѣловой видъ. Онъ окончательно вошелъ въ свою роль главнаго управляющаго и даже надоѣдалъ разными дѣловыми разговорами. По своей мужской ненаблюдательности онъ не замѣтилъ особеннаго положенія Настасьи Яковлевны и былъ очень удивленъ, когда Окоемовъ пригласилъ его въ крестные отцы.

— Что̀ это значитъ?—спрашивалъ Сережа, дѣлая большіе глаза.

— Очень просто: мы ожидаемъ потомства...

— А...

Сережа отнесся къ этой новости настолько безучастно, что Настасья Яковлевна даже обидѣлась. Главный управляющій былъ занятъ больше какими-то двадцатью фунтами золотого песку, курсомъ на золото, ассигновками на него въ банкѣ, а будущій человѣкъ его интересовалъ столько же, какъ прошлогодній снѣгъ. Точно такъ же равнодушно отнесся онъ и къ тайной женитьбѣ Окоемова. Настасья Яковлевна не понимала, что въ послѣднемъ случаѣ въ Сережѣ сказывалось не равнодушіе, а особенный видъ ревности—ревность холостого товарища. Ему даже казалось, что Настасья Яковлевна сейчасъ недостаточно интересна, и что Окоемовъ могъ бы сдѣлать болѣе удачную партію. Ну, женился бы на американкѣ, что ли. Окоемовъ понималъ его настроеніе и не придавалъ ему серьезнаго значенія.

Сдача перваго золота составляла торжество всей компаніи, и Сережа волновался все время. Только когда оно было превращено въ лабораторіи въ слитки, онъ успокоился, точно свалилъ съ себя какую-то тяжесть, а затѣмъ пропалъ на цѣлыхъ два дня. Вернулся онъ измятый, сонный, мрачный.

— Ахъ, Сережа, Сережа...—упрекнулъ его Окоемовъ.

— Пожалуйста, ничего не говори мнѣ. Презираю себя... Попалъ въ клубъ, встрѣтилъ знакомыхъ, ну и того... Моя бѣда, что я вездѣ встрѣчаю отличныхъ людей.

— Не забудь одно, что скоро наступитъ срокъ взноса твоего сторублеваго пая. Ты знаешь, что я прямолинеенъ въ такихъ дѣлахъ до идіотства... да. Вѣдь эти сто рублей должны быть заработаны. Понимаешь? Ты можешь гдѣ-нибудь занять, но я такого пая не приму.

— Пожалуйста, нельзя ли безъ нравоученій?

— Я только предупреждаю впередъ.

VIII.

Красный-Кустъ сдѣлался неузнаваемъ. Годъ назадъ было болото, а сейчасъ выросъ цѣлый городокъ. На пріискѣ работало около ста человѣкъ да еще около „конторы“ больше десятка. Всѣхъ нужно было накормить—одной такой заботы достаточно. Съ наступленіемъ весны работа закипѣла по всѣмъ пунктамъ, точно новый пріисковый городокъ наверстывалъ зимнюю спячку. Оживленнѣе всего, конечно, былъ пріискъ, гдѣ сейчасъ командовалъ Потемкинъ. Дѣло было поставлено, и требовались только аккуратность и добросовѣстность. Послѣднимъ качествомъ изобрѣтатель обладалъ вполнѣ, а первое частенько страдало. Впрочемъ, дѣло велось подъ зоркимъ глазомъ двухъ опытныхъ штейгеровъ, которые видѣли на два аршина подъ землей.

Вѣсть о дѣлѣ съ башкирами опередила Сережу. На пріискѣ рабочіе уже толковали, что у барина вышла „неустойка“ и его посадятъ въ тюрьму, если уже не посадили. Долетѣла эта вѣсть и на озеро Челканъ, перетревоживъ о. Аркадія. Онъ сейчасъ же пріѣхалъ на пріискъ, чтобы навести справки, но и здѣсь никто и ничего не зналъ.

— Дѣло въ слѣдующемъ...—бормоталъ о. Аркадій.—Я увѣренъ, что всѣ эти слухи распускаетъ Утлыхъ. Да. Онъ оказываетъ себя вреднымъ человѣкомъ. А въ сущности, все это пустяки...

Пріисковыя дамы были рады появленію о. Аркадія и нѣсколько успокоились. Въ самомъ дѣлѣ, мало ли что̀ можетъ быть,—вѣдь садятъ же другихъ людей въ тюрьму? О законахъ и разныхъ правахъ милыя дамы имѣли самыя фантастическія представленія, какъ о чемъ-то фатально-страшномъ.

Сережа пріѣхалъ при о. Аркадіи и сразу разрѣшилъ всѣ сомнѣнія.

— Все пустяки болтаютъ... Окоемовъ чувствуетъ себя молодцомъ. Конечно, непріятно, но пока еще ничего особеннаго нѣтъ. Въ крайнемъ случаѣ, мы понесемъ денежный убытокъ на арендѣ озера, и только.

Потомъ Сережа улучилъ минуту и наединѣ сообщилъ княжнѣ подъ величайшимъ секретомъ извѣстіе о женитьбѣ Окоемова. Княжна только сдѣлала большіе глаза.

— И уже женился?—спрашивала она.

— Да... гм... Онъ просилъ меня передать вамъ приглашеніе быть крестной.

— Позвольте, какъ же это такъ... Только женился—кого же крестить?

— Видите ли, женился-то онъ, оказывается, еще въ Москвѣ...

— Вотъ уже какъ... И все скрыть отъ меня? Нѣтъ, это несправедливо. Я уже догадывалась давно, что онъ сдѣлалъ предложеніе, но отъ меня-то скрывать зачѣмъ?.. Не понимаю!

— Онъ вообще поступилъ не по-товарищески.

— А какая уже скрытная Настасья Яковлевна...—огорчалась княжна.— Да... А я уже какъ ее любила...

Эта тайна скоро облетѣла весь Красный-Кустъ, благодаря кучеру Аѳонькѣ, который привезъ Сережу изъ города. Всѣ были почему-то недовольны и приняли извѣстіе, какъ обиду. За Окоемова былъ одинъ о. Аркадій.

— Что же, въ добрый часъ...—говорилъ онъ.—Нехорошо жить человѣку одному, такъ сказано въ Писаніи. Очень и весьма радъ... Весьма хорошо.

Сережа, между прочимъ, обратился къ о. Аркадію за разъясненіемъ одного каноническаго вопроса.

— По нашимъ законамъ, о. Аркадій, кумъ не можетъ жениться на кумѣ?

— Нѣтъ... т.-е. вы подозрѣваете воспріемниковъ одного младенца?

— Именно... Очень жаль.

— Духовное родство, нельзя.

Даже Потемкинъ и фельдшеръ Потаповъ приняли живое участіе въ обсужденіи вопроса, имѣлъ ли право жениться Окоемовъ и, кстати, что онъ за человѣкъ вообще. Разговоръ происходилъ въ комнатѣ фельдшера, устроенной при больничкѣ.

— Я, признаться сказать, лучше о немъ думалъ,—задумчиво проговорилъ Потемкинъ, покуривая дешевую папиросу.—Помилуйте, тутъ дѣло огнемъ горитъ, а онъ жениться... Нужно и о другихъ подумать. Вотъ тебѣ и компанія... вдвоемъ.

— Да, вообще... — глубокомысленно соглашался фельдшеръ. — А впрочемъ дѣло ихнее и насъ не касается.

— Какъ не касается? Вотъ тебѣ фунтъ... Теперь конецъ и всей нашей компаніи. Я уже знаю: какъ заведется баба, и пиши пропало. Совсѣмъ другая музыка... А Настасья Яковлевна дѣвица съ ноготкомъ и свои порядки будетъ заводить. Ужъ началось... да.

— Началось, говоришь?

— Посылаю ему смѣту, а онъ мнѣ присылаетъ отказъ. Всего-то осталось сдѣлать расходъ въ какія-нибудь полторы тысячи. На самомъ концѣ все дѣло испортилъ. Со мной всегда такъ было, всю жизнь. Вѣдь кончилъ бы, если бы Окоемову не пришла блажь жениться.

— Да, вообще... Этакъ онъ и моихъ пчелъ похеритъ.

— Погоди, всего будетъ.

Всѣхъ больше, въ концѣ концовъ, былъ огорченъ Сережа, какъ самое близкое и заинтересованное лицо. Онъ возвращался изъ Екатеринбурга вообще

въ дурномъ настроеніи и причины его перенесъ на Окоемова. Раздумавшись на эту тему, онъ пришелъ къ заключенію, что именно этого-то Окоемовъ и не долженъ былъ дѣлать. Эта мысль все разрасталась и достигла своего апогея послѣ разговора съ княжной.

— Да, такъ вы вотъ какъ, Василій Тимоѳеичъ?.. Хорошо. Да, очень хорошо.

Сережа долго не могъ заснуть. Пробовалъ читать только-что полученный новый французскій романъ, считалъ въ умѣ до тысячи—ничего не выходитъ. Наконецъ его осѣнилъ великолѣпный планъ. Сережа даже вскочилъ съ постели и погрозилъ кулакомъ въ пространство.

— Погоди, дружище, я тебѣ удружу... Ха-ха! Интересно будетъ посмотрѣть, какую ты рожу скорчишь. Хха... Вдругъ ты возвращаешься въ Красный-Кустъ съ молодой женой, а я тебѣ рекомендую: Варвара Петровна—моя жена. Каково? Ловко... Или лучше я женюсь на бойкой докторской своячиницѣ, наконецъ, чортъ меня возьми, на поповнѣ Марковнѣ. Погоди, дружище...

Эта блестящая мысль сразу успокоила Сережу, онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ и всю ночь видѣлъ, какъ онъ хочетъ жениться не на княжнѣ, не на поповнѣ и не на докторской своячиницѣ, а на фельдшерѣ Потаповѣ. Утромъ ему было даже совѣстно за это безобразіе.

Калерія Михайловна и Анна Ѳедоровна частенько враждовали между собой, вѣрнѣе сказать — ревновали другъ друга по части первенства. Самъ собой являлся вопросъ: кто же настоящая хозяйка? Иногда случалось, что какое-нибудь приказаніе Калеріи Михайловны вдругъ отмѣнялось Анной Ѳедоровной и наоборотъ, или—въ область Анны Ѳедоровны вдругъ вторгалась Калерія Михайловна и наоборотъ, т.-е. дамамъ это казалось. Говоря правду, устраивала такія вторженія по большей части упрямая хохлушка, а Калеріи Михайловнѣ оставалось дѣлать такой видъ, что она ничего не замѣчаетъ или что терпитъ по необходимости, чтобы не поднимать домашнихъ дрязгъ и ссоръ. Такъ вопросъ о томъ, кто главная хозяйка, и оставался до сихъ поръ открытымъ.

И вдругъ оказалось, что главной хозяйкой является раскольница. Она точно съ неба свалилась... Извѣстіе о женитьбѣ Окоемова навело на обѣихъ женщинъ страшное уныніе. У нихъ, какъ говорится, руки опустились. Калерія Михайловна даже всплакнула потихоньку. На другой день по пріѣздѣ Сережи обѣ встали недовольныя и молчаливыя. Дѣло не шло на умъ. Калерія Михайловна отправилась посмотрѣть свой огородъ, и ей сдѣлалось еще тошнѣе—огородъ показался сиротой. Къ чему теперь огородъ?

— Вы это что̀ смотрите?—окликнула ее хохлушка.

— А такъ... Устраивала, хлопотала, старалась... Да, старалась...

— И я тоже старалась...

— Обѣ старались...

— А на готовое-то пріѣдетъ новая хозяйка и насъ по шеямъ. Вамъ это нравится?

— Даже очень...

Калеріи Михайловнѣ сдѣлалось жаль хохлушки, а хохлушка пожалѣла Калерію Михайловну. Каждая думала про себя: „А какая она славная... Право, жаль!“. Кажется, ужъ онѣ ли не жили душа въ душу, а тутъ Богъ новую хозяйку послалъ, а новая хозяйка новые порядки будетъ заводить: и то не такъ, и это не такъ. Однимъ словомъ, раскольница... Откуда пріисковыя дамы взяли эту мысль о новыхъ порядкахъ новой хозяйки—трудно сказать, но онѣ были убѣждены въ ней и говорили, какъ о вещи извѣстной.

— Вотъ тебѣ и школа...—ядовито замѣтила хохлушка.—Да и *тотъ* хорошъ: вывезъ изъ Москвы хорошій консервъ.

— А я такъ думаю, что все это устроила наша княжна. Она вѣдь только прикидывается простой... Вмѣстѣ ѣздила съ раскольницей, ну и сговорились.

— То-то она помалчивала все время...

Общее несчастіе соединило обѣихъ женщинъ, чего не было съ первой встрѣчи. Онѣ даже присѣли на одно бревно, неизвѣстно зачѣмъ валявшееся въ огородѣ, и предались горькимъ размышленіямъ.

— Скоро вотъ ягоды поспѣютъ,—вслухъ думала хохлушка.—Да... Пусть теперь новая хозяйка и пастилы, и варенья, и маринады дѣлаетъ, какъ знаетъ. А я-то, глупая, радовалась: вотъ лѣто наступитъ, вотъ ягоды поспѣютъ... Десять пудовъ одного сахарнаго песку заготовила... банки...

Хохлушка махнула въ отчаяніи рукой.

— Все пошло прахомъ...

— Она еще покажетъ себя,—увѣряла Калерія Михайловна.—Вотъ попомните мое слово... Тихонькая да молчаливая такая, а это хуже всего: не узнаешь, что у нея на умѣ.

— Мы теперь въ родѣ кухарокъ... Нѣтъ, ужъ извините, Настасья Яковлевна, а этому не бывать. Если бы я знала, да ни за что бы не поѣхала сюда.

— И я тоже...

Со стороны эти мысли и разсужденія могли показаться смѣшными, но въ нихъ была извѣстная доля правды. Весь рабочій городокъ волновался, какъ пчелиный улей, въ который влетѣла чужая пчела-матка. Тутъ было о чемъ подумать, и каждый раздумывалъ по-своему.

Все это выяснилось съ особенной яркостью, когда неожиданно пріѣхалъ Окоемовъ, вырвавшійся изъ Екатеринбурга всего на нѣсколько дней. Ему было необходимо произвести маленькую ревизію и сдѣлать нѣкоторыя распоряженія. Съ перваго своего появленія въ Красномъ-Кусту онъ почувствовалъ себя чужимъ, точно прежняя рабочая семья распалась разомъ. Открыто ничего не было высказано, но тѣмъ сильнѣе это чувствовалось. Всѣ были какъ-то особенно молчаливы и торжественно-покорны, какъ незаслуженно обиженные люди, подчинявшіеся силѣ. Окоемовъ догадался, что въ Красномъ-Кусту все извѣстно и произошло именно то, чего онъ ожидалъ. Даже княжна, и та отворачивалась отъ него.

— Вы не одобряете мое поведеніе, Варвара Петровна? — спросилъ ее Окоемовъ, когда они остались въ столовой одни.

— Въ такихъ вещахъ никого уже не спрашиваютъ, Василій Тимоѳеичъ...

— Чѣмъ же вы недовольны?

— Я? Съ чего вы это уже взяли?..

— Да и всѣ, кажется, недовольны?

— Это вамъ такъ уже кажется. Живемъ, какъ и раньше жили. У насъ все уже по-старому.

Особенно возмутило Окоемова поведеніе Сережи, на которомъ точно чортъ поѣхалъ верхомъ. Огорченный Окоемовъ не сталъ даже разговаривать съ нимъ и уѣхалъ въ Челканъ къ о. Аркадію. Онъ отъ души любилъ этого деревенскаго попика, всегда такого ровнаго, спокойнаго и какого-то жизнерадостнаго. О. Аркадій сразу замѣтилъ настроеніе гостя и заговорилъ:

— Дѣло въ слѣдующемъ, Василій Тимоѳеичъ... Вы, конечно, правы, но поставьте себя на ихъ мѣсто.

— Да вѣдь я-то такой же остался, о. Аркадій.

— А въ Писаніи про это дѣло такъ сказано: „неженившися печется о Господѣ, а женившійся о женѣ своей“. Впрочемъ, все перемелется и мука будетъ... Не слѣдуетъ волноваться, вообще.

— А если мнѣ обидно?

— Ничего, укрѣпитесь духомъ... Люди все хорошіе, и все помаленьку пойдетъ. Мало ли что̀ бываетъ... Вотъ съ озеромъ-то какъ вы?

— А ну его... Арендую два новыхъ. Свѣтъ не клиномъ сошелся...

Собственно, о. Аркадій не сказалъ ничего новаго и особеннаго, но Окоемовъ сразу почувствовалъ облегченіе, и все, что̀ его волновало, показалось теперь ему такимъ мелкимъ и ничтожнымъ.

IX.

Передъ отъѣздомъ Окоемова обратно въ Екатеринбургъ у о. Аркадія былъ съ нимъ серьезный разговоръ на тему о новыхъ членахъ сторублевой компаніи.

— Маловато народу, Василій Тимоѳеичъ, а новыхъ что-то не прибываетъ, т.-е. такихъ членовъ, которые вошли бы въ дѣло живьемъ.

— Наберутся помаленьку, особенно, когда дѣло станетъ прочно на ноги. Даже лучше, если начнемъ съ маленькаго. Съ большимъ можно и запутаться—не съ дѣломъ, а съ людьми.

— Такъ-то оно такъ, а все-таки большая недохватка въ народѣ. Трудненько управляться.

— Будемъ нанимать, какъ другіе.

— Гм, оно конечно, а только все-таки... Мы съ Сережей ужъ безъ васъ тутъ дѣлали нѣсколько опытовъ, но все какъ-то неудачно. Попадался народъ или пьяница, или лѣнтяй... Едва потомъ развязались. Охъ, не любитъ работать русскій человѣкъ, вотъ какъ не любитъ. Даже обижается, когда увидитъ настоящую работу. Эти-то, которымъ мы отказали, разносятъ насъ на всѣ корки. Даже въ мѣстную газету попали.

— А изъ какихъ же?

— Да такъ, съ бору да съ сосенки: одинъ актеромъ оказался—это самый безпокойный, потомъ одинъ чиновничекъ маленькій, одинъ учитель изъ духовнаго училища... Мы ихъ принимали такъ, пока присмотрятся къ дѣлу. Ну, ничего и не вышло.

— А женщины?

— Женщины лучше, да пока дѣвать-то намъ ихъ некуда. Вотъ въ контору надо бы двухъ, да Сережа не хочетъ. У меня, говоритъ, иногда такое слово въ сердцахъ сорвется, что и жизни будешь не радъ. Они вообще не признаютъ женщинъ въ этакихъ дѣлахъ... Барская замашка.

— Это, значитъ, для его же пользы, если женщины будутъ въ конторѣ. Нужно же когда-нибудь учиться приличіямъ... Вотъ что̀, о. Аркадій, вы съѣздили бы въ Салгу провѣдать Крестникова. Мы его что-то совсѣмъ забыли. Серьезный онъ человѣкъ, да молодъ...

— Ужо съѣзжу. И то онъ какъ-то точно отпалъ отъ насъ.

О. Аркадій не разсказалъ Окоемову только одного, именно тѣхъ сужденій и разговоровъ, какіе ему приходилось слышать о компаніи отъ мѣстныхъ людей. Въ большинствѣ, какъ это ни странно, сужденія были не въ пользу компаніи, даже больше—почти враждебныя. Сказывалась какая-то мѣстная ревность: что̀, развѣ мы хуже ихъ? Дай-ка намъ денегъ, такъ мы устроили бы сотни такихъ компаній. А скептики смотрѣли въ корень вещей

и говорили, что гусей считаютъ по осени. Разговоры шли, конечно, въ средѣ мѣстной интеллигенціи, относившейся ко всему чужому свысока. О. Аркадій не высказалъ этихъ мнѣній сейчасъ, чтобы не безпокоить Окоемова,—у него своихъ заботъ достаточно, а это успѣется. Для непріятностей всегда время найдется.

Исполняя порученіе Окоемова, о. Аркадій сейчасъ же отправился въ Салгу. Онъ тамъ давненько не бывалъ, и его интересовало, что̀ тамъ и какъ. Всю дорогу о. Аркадій раздумывалъ о томъ, что жатва готова, а дѣлателей мало. Ему было обидно за самое дѣло. Вѣдь сколько народу ищетъ куска хлѣба, а предложи его—не желаютъ. Всѣ бѣлоручки какіе-то. Хорошо, что Окоемовъ не изъ такихъ, которые опускаютъ руки отъ первой неудачи, и пойдетъ напроломъ до конца. Однимъ словомъ, американецъ...

Въ Салгѣ поставленная на первый разъ изба разрослась разными хозяйственными пристройками и надстройками, хотя все это имѣло очень скромный видъ. Строились по-дешевому, на крестьянскую руку, выгадывая каждое дерево. А собственно хозяйственныя пристройки были огорожены плетнемъ и крыты соломой. Первая изба была расширена пристройкой задней половины, отдѣлявшейся отъ передней большими сѣнями. Отдѣльно стоялъ небольшой флигелекъ для рабочихъ. О. Аркадій окинулъ всѣ постройки опытнымъ хозяйскимъ взглядомъ и мысленно одобрилъ Крестникова. Такъ-то лучше безъ затѣй.

Всѣ были дома—самъ Крестниковъ съ женой, гимназистка Марковна, пріѣхавшая погостить, и двое реалистовъ, сильно измѣнившихся и возмужавшихъ за годъ.

— Какими судьбами, о. Аркадій?—спрашивалъ Крестниковъ.—Мы поджидали Василія Тимоѳеича... Онъ что-то забылъ про насъ.

— Онъ меня просилъ съѣздить, а самому-то некогда. Въ городъ торопился очень. У него тамъ дѣла...

— Значитъ, вы къ намъ ревизоромъ?

— Какой я ревизоръ... Такъ, просто посмотрѣть пріѣхалъ. Можетъ-быть, на что-нибудь и пригожусь.

— Посмотрите, посмотрите...

Изба была небольшая, но для двоихъ мѣста было достаточно. Окоемовъ предлагалъ занять эту избу подъ людскую, а себѣ выстроить отдѣльный домикъ, но пока Крестниковъ отказался. Безъ того расходовъ было достаточно, а приходъ заключался только въ прошлогоднемъ сѣнѣ. Жена Крестникова за годъ пополнѣла и изъ гимназистки превратилась въ настоящую женщину.

Не откладывая дѣла въ дальній ящикъ, Крестниковъ сейчасъ же повелъ о. Аркадія по своему хозяйству. Осмотрѣнъ былъ скотный дворъ, птичникъ и разныя домашнія постройки. Особенное вниманіе Крестниковъ обратилъ на свинарню и овчарню.

— Это будетъ наша главная доходная статья,—объяснилъ онъ.—Относительно хлѣба я сильно сомнѣваюсь, чтобы было выгодно... Рабочихъ нѣтъ, да и концы съ концами, пожалуй, не сведешь, особенно въ урожай.

— Да, оно пожалуй, что такъ...

— Потомъ на пшеницѣ у насъ появилась кобылка... Тоже не много веселаго. Не знаю, что̀ скажетъ осень...

— Вотъ видите, г. студентъ, вы и разсуждаете неправильно, ибо нельзя высчитывать доходность хозяйства по годовому обороту. А раскиньте-ка лѣтъ на пять—другой разговоръ получится. Въ одномъ мѣстѣ ямка, а въ другомъ бугорокъ—все и сравняется.

Въ концѣ осмотра Крестниковъ не безъ гордости показалъ свое маленькое опытное поле, занимавшее всего одну десятину. Здѣсь обработка земли велась усовершенствованными плужками. Полдесятины пшеницы и полдесятины овса говорили о явномъ преимуществѣ этихъ плужковъ предъ исторической сохой и сибирскимъ сабаномъ.

— Подождите, я еще фосфоритовъ выпишу, — мечталъ Крестниковъ, счастливый молчаливымъ одобреніемъ о. Аркадія.—Конечно, не вдругъ все, а помаленьку.

— Не вдругъ и Москва строилась.

— А безъ машинъ ничего не выйдетъ, о. Аркадій. Наше счастье пока въ томъ, что рынокъ у насъ у себя дома. Значитъ, мы не теряемъ ни на доставкѣ своихъ продуктовъ, ни на разницѣ рыночныхъ цѣнъ. Потомъ есть своя выгода на разныхъ хозяйственныхъ отбросахъ, идущихъ въ кормъ скоту, начиная съ курицы и кончая свиньей.

Хлѣба уже наливались, и о. Аркадій еще разъ подумалъ: жатва готова, а дѣлателей нѣтъ.

Вечеромъ вся компанія отправилась пить чай на берегъ озера Салги, разлившагося въ своихъ круглыхъ берегахъ, точно на блюдѣ. Озеро считалось сейчасъ безрыбнымъ, потому что послѣдній арендаторъ истребилъ всю рыбу до тла. Здѣсь еще сохранился березовый лѣсъ на мѣстѣ заброшеннаго башкирскаго кладбища. Издали онъ казался зеленой шапкой. Обѣ Марковны выбивались изъ силъ, чтобы угостить о. Аркадія на славу. Реалисты развели костеръ. Однимъ словомъ, устроился почти пиръ. Но онъ былъ нарушенъ появившимся верховымъ, — это былъ старшій сынъ о. Марка, служившій гдѣ-то въ контрольной палатѣ и пріѣхавшій на лѣто погостить къ отцу.

— Ужъ я искалъ васъ, искалъ...—устало проговорилъ онъ, слѣзая съ лошади.—Сначала на хуторъ пріѣхалъ, а оттуда отправился не по той дорогѣ и попалъ въ башкирскую деревню.

Крестниковъ отрекомендовалъ гостя о. Аркадію, но тотъ едва удостоилъ простенькаго сельскаго попа взглядомъ.

— Кажется, что-то такое слыхалъ объ васъ отъ отца,—лѣниво протянулъ онъ, разваливаясь на травѣ.—Кстати, старикъ тоже собирался сюда, но его утащили куда-то съ требой.

Гость не понравился о. Аркадію манерой держать себя. Что-то такое самодовольное и высокомѣрное чувствовалось въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ звукѣ и въ каждомъ движеніи, точно этотъ контролеръ дѣлалъ постоянно всѣмъ громадное одолженіе уже тѣмъ, что дышалъ. О. Аркадій слышалъ раньше, что онъ кончилъ университетъ и хорошо идетъ по службѣ. Сейчасъ ему можно было дать подъ сорокъ.

— Ну, какъ вы здѣсь?—проговорилъ гость, не обращаясь ни къ кому въ частности.—Стремитесь облагодѣтельствовать человѣчество?

— Пока еще не виноваты въ этомъ,—отвѣтилъ Крестниковъ.

— А вы не сердитесь. Вѣдь я такъ, шутя... да. Хотя, если разобрать, такъ всѣ ваши предпріятія выѣденнаго яйца не стоятъ. Да...

— Позвольте узнать, почему?—вмѣшался о. Аркадій, задѣтый за живое самымъ тономъ, какимъ все говорилось.

— Почему? — переспросилъ гость и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на о. Аркадія. — А вы слыхали, что̀ такое капитализмъ и капиталистическое производство?..

— Если не употреблять научной терминологіи, то это всякій пойметъ,— замѣтилъ Крестниковъ.

— Да, такъ вотъ я и говорю...—тянулъ гость:—говорю, что все это вздоръ. Не будь у г. Окоемова дикихъ денегъ, которыя онъ, конечно, воленъ бросать, какъ ему угодно, ничего бы и не было, включительно до настоящаго момента, когда мы вотъ сидимъ и пьемъ чай. Все основано на деньгахъ; слѣдовательно, уберите ихъ—и ничего не останется...

— Если бы каждый тратилъ свои средства на осуществленіе опредѣленной хорошей идеи, то въ этомъ ничего нѣтъ, кромѣ хорошаго,—отвѣтилъ Крестниковъ.

— Да-съ, деньги великая сила и, можно сказать, даже единственная, а ваши предпріятія, кромѣ того, что основаны на деньгахъ, въ конечномъ результатѣ имѣютъ тоже только деньги. Чтобы быть послѣдовательнымъ—мы заговорили объ идеяхъ—чтобы быть послѣдовательнымъ, нужно было начинать какъ разъ наоборотъ. Въ переводѣ на языкъ простыхъ копеекъ это значитъ вотъ что: существуетъ на свѣтѣ г. Окоемовъ—будутъ существовать и ваши предпріятія, а не стало его въ одно прекрасное утро—и все лопнетъ, какъ мыльный пузырь.

Сущность этой рѣчи о. Аркадій уловилъ и сильно заволновался. Какъ это у насъ легко, въ самомъ дѣлѣ, раскритиковать и опошлить все хорошее и оставаться въ то же время совершенно безучастнымъ ко всему дурному.

— Дѣло въ слѣдующемъ, г. контролеръ,—заговорилъ о. Аркадій, запахивая полы своего поповскаго подрясника.—Вотъ вы заговорили о г. Окоемовѣ. А мнѣ извѣстно, что его прямая цѣль поставить дѣло именно такъ, чтобы оно могло итти безъ него. Въ этомъ вся суть... И я убѣжденъ, что такъ и будетъ. Дѣйствительно, первый опытъ основанъ на деньгахъ, вы правы, но какіе же опыты не требуютъ предварительныхъ затратъ, пока добьются до настоящаго? Наконецъ, по-вашему, конечная цѣль всѣхъ предпріятій—нажива въ той или другой формѣ... Со стороны оно и должно такъ казаться, но вы забыли одно, что здѣсь требуется прежде всего трудъ, упорный и послѣдовательный. Такой трудъ уже самъ по себѣ составляетъ извѣстное нравственное начало... да. Только трудящійся человѣкъ пойметъ настоящую бѣдность и настоящее чужое горе, къ которымъ богатые тунеядцы глухи и слѣпы. Да, да... И еще скажу: цѣль всѣхъ предпріятій г. Окоемова совсѣмъ не нажива, какъ вы ее понимаете, а именно дать трудовой честный хлѣбъ тѣмъ, кто его сейчасъ не имѣетъ. Наконецъ вы разсуждаете, г. контролеръ, какъ человѣкъ, который заручился извѣстной вывѣской, т.-е. дипломомъ, получаетъ двадцатаго числа опредѣленное жалованье и больше ничего знать не желаетъ. Пусть другіе живутъ, какъ хотятъ, мнѣ бы только было хорошо...

Г. контролеръ посмотрѣлъ на разгорячившагося попа прищуренными глазами, улыбнулся и сдѣлалъ такое движеніе головой, которое въ переводѣ значало: развѣ можно спорить съ сумасшедшими? Но о. Аркадій разгорячился окончательно и не могъ не закончить.

— Дѣло въ слѣдующемъ: вы, г. контролеръ, у воды безъ хлѣба не нживали... да. А что касается ученыхъ разговоровъ и ученыхъ словъ, такъ г. Окоемовъ знаетъ получше даже васъ. Да...

Бываютъ какіе-то тяжелые люди, одно присутствіе которыхъ уже портитъ общее настроеніе. Такимъ именно былъ „г. контролеръ“, каждый визитъ котораго въ Салгу сопровождался какой-нибудь непріятностью, хотя онъ былъ неглупый человѣкъ и по натурѣ не злой. Такъ и сейчасъ: стоило ему появиться, какъ весь пикникъ разстроился. Послѣ взрыва негодованія о. Аркадій испытывалъ унылое чувство: онъ рѣдко горячился, въ два-три года разъ, и потомъ страдалъ, какъ было и сейчасъ, когда онъ поостылъ.

X.

Приближались роковые дни: первый годъ компаніи кончался. Въ Красномъ-Кусту назначенъ былъ общій съѣздъ „сторублевиковъ“ и „сторублевокъ“.

Всѣ начали готовиться къ этому съѣзду задолго, и у каждаго нашлось достаточно работы, чтобы „заитожить“ цѣлый годъ. Каждый сводилъ свои счеты въ отдѣльности, а потомъ они поступили къ Сережѣ для общаго итога. Работы было по горло, такъ что Сережа принужденъ былъ смириться и взялъ помощницей гимназистку Марковну. Онъ, вообще, принялъ съ нѣкоторыхъ поръ торжественно-строгій видъ, и гимназистка Марковна даже боялась его, когда дѣлала какую-нибудь ошибку. Дѣло пошло еще быстрѣе, когда явилась на помощь бойкая докторская своячиница, сама напросившаяся въ контору.

— Предупреждаю, я строгъ, — увѣрялъ Сережа.

— И я тоже строга, — отвѣчала своячиница. — Какъ женщина, вообще, не терплю безпорядка, мелочна, придирчива и неумолима, особенно въ пустякахъ. Потомъ не люблю, когда при мнѣ возвышаютъ голосъ и дѣлаютъ сердитое лицо — это не по-джентльменски. Да... Кажется, мы отлично понимаемъ другъ друга, и недоразумѣній не можетъ быть.

— Будемъ посмотрѣть... А я все-таки строгъ.

Съ особеннымъ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда Окоемова съ семьей. Дамы волновались впередъ, и каждая про себя составила отдѣльный планъ, какъ держаться съ новой хозяйкой. Вѣдь это будетъ не просто Настасья Яковлевна, на которую никто не обращалъ раньше особеннаго вниманія, а жена Окоемова. Теперь многое будетъ зависѣть прямо отъ нея.

Окоемовы пріѣхали ночью, такъ что ихъ встрѣтила одна княжна, которой не спалось. Она приготовила цѣлый репертуаръ обидныхъ словъ, которыми хотѣла встрѣтить коварную раскольницу, но одинъ видъ спавшаго ребенка разогналъ эту грозовую тучу.

— Мнѣ кажется, что *онъ* не совсѣмъ здоровъ, — шопотомъ проговорила княжна, заглядывая съ удивленіемъ и страхомъ на спавшаго трехмѣсячнаго ребенка. — Такая ужасная дорога...

— Нѣтъ, ничего... Онъ отлично перенесъ все, — шопотомъ же отвѣчала его счастливая мать.

Да, это была совсѣмъ другая женщина, и княжна со слезами принялась ее цѣловать. Она успѣла забыть все и все простила.

— Новый нашъ компаньонъ... — замѣтилъ Окоемовъ, указывая глазами на ребенка. — Я уже внесъ пай.

Княжна была огорчена, что родился мальчикъ, а не дѣвочка, и даже пожурила молодую мать. Конечно, дѣвочка лучше, начиная съ того, что не будетъ такъ шалить, какъ мальчишка.

„Молодые“ заняли двѣ комнаты, изъ которыхъ одна превратилась въ дѣтскую. Именно эта комната сдѣлалась сразу центромъ всего дома, и всѣ ходили мимо нея на цыпочкахъ, хотя ребенокъ большую часть времени спалъ и не слыхалъ никакого шума. Калерія Михайловна и Анна Ѳедоровна, какъ замужнія женщины, имѣвшія когда-то своихъ дѣтей, засыпали молодую мать разными совѣтами по части ухода за ребенкомъ. Даже маленькая Таня и та принимала самое живое участіе въ этихъ женскихъ хлопотахъ и лѣзла въ дѣтскую при всякомъ удобномъ случаѣ, такъ что старушка-няня даже возненавидѣла ее.

Съѣздъ состоялся самымъ торжественнымъ образомъ. Пріѣхалъ докторъ Поповъ, Крестниковъ съ женой, о. Аркадій и даже о. Маркъ, здоровенный

мужчина съ семипушечнымъ басомъ. Всѣ размѣстились, кто гдѣ могъ. Собственно контора оказалась теперь за дамами, мужчины разбрелись по флигелямъ, а главную квартиру устроили въ больницѣ, благо больныхъ не было. Негодовалъ одинъ Сережа, потому что его пріисковая контора превратилась въ какую-то дамскую уборную. Валялись шпильки, пуговицы отъ ботинокъ, а разъ онъ нашелъ между гроссбухами даже корсетъ. У бѣднаго главнаго управляющаго просто опускались руки отъ этого непріятельскаго нашествія.

— Что̀ же это такое будетъ? — взмолился онъ наконецъ, обращаясь къ Окоемову. — Ложись и умирай...

— Ничего, Сережа, какъ-нибудь потерпи.

— Да вѣдь это безпорядокъ, и всякому терпѣнію бываютъ границы.

Настасья Яковлевна сумѣла остаться незамѣтной, какой была раньше, и этимъ впередъ потушила всякую возможность чьего-нибудь протеста. Она почти все время проводила въ дѣтской и была совершенно счастлива. Изъ всѣхъ окружающихъ ее интересовало больше всего поведеніе Сережи, который по нѣскольку разъ въ день заглядывалъ на ребенка и только пожималъ плечами.

— Вы, кажется, чему-то удивляетесь, Сергѣй Ипполитычъ? — спросила его наконецъ Настасья Яковлевна.

— Неужели *это* будетъ человѣкъ?

— Со временемъ...

— Знаете, это скучно.

— Какъ кому. А знаете, изъ васъ выйдетъ, вѣроятно, прекрасный отецъ... Въ васъ есть что-то такое, что̀ даже трудно назвать опредѣленнымъ словомъ, но что̀ просто чувствуется.

— Покорно васъ благодарю, Настасья Яковлевна. Это въ нѣкоторомъ родѣ Америка, которой недостаетъ только своего Колумба — вѣрнѣе, Колумбы.

Собравшіеся члены компаніи проводили первую половину дня въ осмотрѣ пріиска и всего пріисковаго хозяйства и знакомились съ дѣломъ въ его настоящемъ видѣ. Большинство не было знакомо въ подробностяхъ даже съ добываніемъ золота, хотя оно и происходило у всѣхъ на глазахъ. По пріиску водилъ всѣхъ Потемкинъ и заканчивалъ отдѣльнымъ сарайчикомъ, гдѣ лежали модели его насоса.

— Пустяковъ недостаетъ, — шопотомъ предупреждалъ онъ. — Василій Тимоѳеичъ не желаетъ... Что̀ дѣлать!

Онъ, очевидно, разсчитывалъ на сочувствіе другихъ членовъ компаніи, но они рѣшительно ничего не понимали и только покачивали головами.

Фельдшеръ Потаповъ демонстрировалъ свою пасѣку и даже угощалъ свѣжимъ медомъ, что̀ злило хозяекъ, у которыхъ овощи еще не поспѣли, и онѣ не могли щегольнуть трудомъ рукъ своихъ.

Наконецъ всѣ предварительныя занятія были кончены, и Окоемовъ назначилъ день общаго засѣданія. Сережа постарался придать всему офиціальный характеръ и устроилъ свою контору прилично такому важному случаю. Во-первыхъ, былъ поставленъ столъ для членовъ-учредителей, а потомъ мѣста для публики. Получалось что-то въ родѣ засѣданія ученаго общества. Но публика была недовольна, и первымъ забунтовалъ Окоемовъ, ни за что не хотѣвшій занять мѣста предсѣдателя.

— Ты устроилъ весь парадъ, ты и предсѣдательствуй, — говорилъ онъ.

— А у насъ колокольчика нѣтъ... — спохватился Сережа. — Все дѣло испортимъ безъ колокольчика. Послушай, Вася, вѣдь мнѣ придется читать годовой отчетъ, такъ какъ же я буду предсѣдательствовать?

— Попросимъ прочитать кого-нибудь другого. О. Аркадія, напримѣръ.

— Ну, нѣтъ, дудки... Я ужъ лучше самъ.

Составъ засѣданія былъ самый разношерстный: два попа, докторъ, фельдшеръ, неокончившій студентъ, изобрѣтатель, реалисты, два народныхъ учителя и т. д. Были тутъ люди испытанные, опредѣлившіеся вполнѣ, и новички, члены компаніи и просто компаньоны. Женщины сбились въ одну кучку. Калерія Михайловна зажала свои сто рублей въ кулакѣ и все боялась пропустить срокъ взноса.

— Милостивыя государыни и милостивые государи... — началъ Сережа, откашлявшись и принявъ осанку товарища министра. — Имѣю честь представить первому общему собранію нашей компаніи первый годовой отчетъ.

Дальше послѣдовалъ настоящій водопадъ цифръ, такъ что у дамъ зарябило въ глазахъ, точно въ комнату налетѣли комары. Для перваго года расходы выходили страшные, въ общей сложности больше тридцати тысячъ, а приходъ не достигъ десяти процентовъ. Членскіе взносы занимали тоже очень скромное мѣсто, всего около пяти процентовъ. Но въ числѣ расходовъ былъ показанъ имущественный капиталъ—какъ постройки, машины, посѣвы, скотъ и разный хозяйственный инвентарь. Публика, очевидно, была мало знакома съ краснорѣчіемъ цифръ, и на лицахъ появилось испуганное выраженіе. Если первый годъ обошелся во столько, то чего же будутъ стоить слѣдующіе года? Калерія Михайловна со страха даже закрыла глаза, какъ утопающій человѣкъ. Ей казалось, что все погибло.

— Господа, я кончилъ...—заявилъ, наконецъ, Сережа съ адвокатскимъ жестомъ. — Не имѣетъ ли кто заявить что-нибудь?

— Я имѣю... — откликнулся докторъ.—Благодарить главнаго управляющаго золотыми промыслами.

Наступила пауза. Всѣ молчали. Тогда поднялся Окоемовъ и заговорилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Господа, лично я врагъ всякой помпы и торжества, но сегодня считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ. Сегодняшній день для меня имѣетъ особенное значеніе, какъ трудовой праздникъ. Да, мы всѣ, собравшіеся здѣсь, трудились по мѣрѣ нашихъ силъ и средствъ и являемся участниками одного общаго дѣла. Изъ прочитаннаго отчета ярче всего выступаетъ цифра расходовъ, которая омрачаетъ нашъ праздникъ. Вотъ объ этомъ обстоятельствѣ я и считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ... Затѣвая дѣло, я зналъ изъ присутствующихъ только двухъ лицъ, а остальные жили въ разныхъ концахъ Россіи, не подозрѣвая даже о существованіи другъ друга. Упоминаю о послѣднемъ съ той цѣлью, чтобы показать, что дѣло возникло по личной иниціативѣ. Это была моя завѣтная цѣль, для которой я попустился остальными своими дѣлами. Да, дѣло задумано однимъ мной, и, повидимому, въ этомъ его слабое мѣсто... Но это только такъ кажется, потому что оно задумано не для себя и не въ цѣляхъ личнаго обогащенія. Я вложилъ въ него около тридцати тысячъ, которыя въ свое время и получу, а дѣло будетъ расти, развиваться и крѣпнуть своими силами и средствами — я въ этомъ убѣжденъ, какъ въ томъ, что вижу сейчасъ всѣхъ. Я знаю, что говорятъ: у Окоемова лишнія деньги, и онъ можетъ ихъ бросать. Лишнихъ денегъ, вообще, нѣтъ, по крайней мѣрѣ, я такихъ не видалъ... А бросать деньги на вѣтеръ тоже охотниковъ найдется немного... Я коммерческій человѣкъ, вѣрнѣе сказать — промышленный, и для меня деньги имѣютъ только значеніе силы, которую можно утилизировать на всѣ лады. Мнѣ нравится вотъ такая комбинація, и я не жалѣю, что сдѣлалъ первыя затраты. Скажу больше: я горжусь этимъ

именно, что имѣлъ возможность сдѣлать первый шагъ. Конечно, м
другой путь — начать съ маленькаго... Но пришлось бы дольше ждат
готовъ, а жизнь коротка, и никто не поручится за свое завтра. Мнѣ
при своей жизни осуществить нѣкоторые планы и разрѣшить н
задачи.

Окоемовъ сдѣлалъ паузу. Его лицо поблѣднѣло, а руки сдѣлались влажными.

— До сихъ поръ я говорилъ, какъ купецъ, — продолжалъ онъ, улыбнувшись своей больной улыбкой. — Да... И, вѣроятно, нѣкоторые изъ васъ ставили мнѣ это въ вину. Но есть нравственная сторона, разрѣшить которую такъ или иначе уже ваше дѣло. Вотъ вы сейчасъ выслушали подробный отчетъ нашего управляющаго, въ которомъ фигурировали однѣ мертвыя цифры, но подъ ними, этими цифрами, бьется жизнь, кровные интересы, будущее тысячъ людей... Самымъ обиднымъ для меня лично было мнѣніе, что я хочу кого-нибудь облагодѣтельствовать: это уже область благотворительности, а не живого дѣла. Живое дѣло потуда имѣетъ значеніе, пока оно не нуждается въ посторонней помощи. Затраты на первоначальную постановку въ счетъ не могутъ итти... Еще одно маленькое замѣчаніе: всякая серьезная работа со стороны можетъ показаться скучной, да работа и скучна, если работникъ не одушевленъ высшими стремленіями. Поэтому очень ошибутся тѣ, кто у насъ будетъ искать развлеченія. Они найдутъ только ту скучную работу, которая на русскомъ языкѣ образовалась изъ слова „рабство". Я понимаю только работу, которая имѣетъ впереди какую-нибудь высшую цѣль... Въ томъ вся суть.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Прошло пять лѣтъ.

Много воды утекло за это время, много явилось новыхъ людей, а Красный-Бустъ сдѣлался неузнаваемымъ. Отъ прежняго пріиска почти не осталось и слѣда, за исключеніемъ большого пруда на мѣстѣ выработанной розсыпи и большихъ свалокъ, тянувшихся внизъ по логу. Спеціально-пріисковыя постройки тоже были давно снесены, а частью передѣланы подъ новыя помѣщенія — амбары, рыбныя сушильни, кладовыя и мастерскія. Паровая машина мыла попрежнему, но теперь она вертѣла не бутару и не откачивала воду, а заставляла работать разные станки, валы и молота. Новенькій кирпичный корпусъ былъ занятъ громадной мастерской, гдѣ ковали, плющили, тянули и рѣзали горячее желѣзо, дѣлали гвозди, подковы и все необходимое для хозяйства. Особое отдѣленіе было отведено подъ постройку усовершенствованныхъ сельскохозяйственныхъ машинъ. Рабочихъ въ одной механической было до ста человѣкъ. Дѣло было вѣрное и давало хорошій дивидендъ. Рабочіе, кромѣ своей заработной платы, получали извѣстный процентъ съ чистаго дохода. Эти мастерскія представляли собой самый живой и бойкій пунктъ, работавшій почти круглый годъ, за исключеніемъ полуторыхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда больше половины рабочихъ расходилось по домамъ на страду. Работы было много, она разрасталась, и не хватало рабочихъ рукъ. Раньше каждый гвоздь приходилось везти изъ Нижняго, а теперь все готовилось у себя дома. Особенно хорошо пошли сельскохозяйственныя машины. Сначала, конечно, онѣ,

какъ всякое новое дѣло, были встрѣчены глухимъ недовѣріемъ, какъ дурашливая барская затѣя, но сибирскій народъ смѣтливый, особенно, когда всѣ эти усовершенствованные плуги и плужки, сѣялки, вѣялки и молотилки стали опраздывать себя на дѣлѣ. Въ Красномъ-Кусту было отведено особое опытное поле, гдѣ, на глазахъ у покупателей, производились пробы всѣхъ машинъ. Покупателями явились: сельское духовенство, писаря, народные учителя, богатые мужики и цѣлыя артели. Возникъ даже цѣлый промыселъ: двое-трое устраивали складчину, покупали машины и ѣздили съ ними съ одного мѣста на другое, работая гдѣ исполу, гдѣ изъ трети. Не шли только сложныя жатвенныя машины, недоступныя по цѣнѣ и быстро портившіяся въ неумѣлыхъ рукахъ. Однимъ словомъ, работа въ мастерскихъ кипѣла, и чугунныя отливки приходилось заказывать на ближайшихъ заводахъ. Окоемовъ задумывалъ поставить собственную печь-вагранку, но не было топлива, а каменный уголь добывался еще только въ видѣ опыта и стоилъ дорого. Впрочемъ, это было дѣломъ недалекаго будущаго, въ чемъ никто не сомнѣвался, начиная съ Сережи и кончая послѣднимъ рабочимъ.

Впрочемъ, былъ и недовольный, именно самъ управляющій мастерскими, онъ же изобрѣтатель, Потемкинъ. Онъ относился съ презрѣніемъ къ этому маленькому дѣлу, когда одни его насосы могли безъ малаго перевернуть весь міръ. Окоемовъ взялъ съ него слово, что *пока* онъ забудетъ о своихъ насосахъ — великое это слово *пока*, родной братъ *авосю*.

— У васъ есть свободные мѣсяцы лѣтомъ, тогда и занимайтесь своими изобрѣтеніями,—совѣтовалъ Окоемовъ.

Потемкину ничего не оставалось, какъ только соглашаться. Онъ оставилъ за собой право ходить по мастерскимъ съ обиженнымъ видомъ непризнаннаго генія и смотрѣть на происходившую работу свысока, какъ большіе люди смотрятъ на игры дѣтей. Зато онъ отводилъ душу лѣтомъ, когда всѣ деньги, сколоченныя зимой, затрачивалъ на реализацію своихъ идей. Такъ, онъ два лѣта подъ-рядъ устраивалъ подводную лодку и даже производилъ съ ней опыты на пруду. Лодка, конечно, не пошла—недоставало какихъ-то пустяковъ, и Потемкинъ перешелъ къ самодвижущемуся экипажу, чѣмъ навсегда упразднялась живая движущая сила въ лицѣ лошадей, воловъ и ословъ. Въ концѣ концовъ послѣднее выходило даже гуманно. Когда на Потемкина находили минуты раздумья, онъ приходилъ къ печальному заключенію, что вся предшествующая работа была одной сплошной ошибкой, но что это-то именно и гарантировало его на будущее время отъ возможности новыхъ ошибокъ въ этомъ родѣ. Бѣдняга забывалъ, что новыхъ ошибокъ нѣтъ, а только повторяются старыя, уже кѣмъ-то продѣланныя раньше и хорошо позабытыя.

— Нѣтъ, теперь, братъ, меня не надуешь,—по секрету сообщалъ Потемкинъ о. Аркадію, съ которымъ сошелся очень близко.—Шалишь, братъ... Я началъ прямо съ большого, тогда какъ слѣдовало начинать какъ разъ наоборотъ, именно съ маленькаго.

— Конечно, съ маленькаго лучше,—соглашался о. Аркадій.—Только я одного не понимаю... Машина, конечно, дѣло хорошее и полезное, т.-е. выгодное. Только вѣдь каждое новое изобрѣтеніе пускаетъ по міру тысячи людей. Взять хоть эти сельскохозяйственныя машины—хорошо, нѣтъ слова. И рабочихъ при нихъ нужно втрое меньше. А куда пойдутъ вотъ эти двѣ трети? Возьмемъ хоть ту же жатвенную машину—если ее пустить, что же бабы будутъ дѣлать? Выйди и смотри, какъ она тебя упраздняетъ.

— Бабамъ другую работу можно найти...

— А для другой бабьей работы опять новая машина, и опять сиди да

поглядывай. Я часто объ этомъ думаю и никакъ не могу въ толкъ взять... Очень ужъ много машинъ развелось, а простому рабочему человѣку все труднѣе да труднѣе жить. А ты тутъ еще лошадей хочешь устранить совсѣмъ... Ну, лошади-то куда дѣнутся? Онѣ чѣмъ провинились?

— Это называется борьбой за существованіе,—объяснялъ авторитетно Потемкинъ.—Ужъ тутъ, братъ, кто кого слопаетъ...

— Слыхалъ, слыхалъ... А тоже и другое сказано: блаженъ, иже и скоты милуетъ. Это какъ, по-твоему?

Потемкинъ только разводилъ руками. Куда, въ самомъ дѣлѣ, дѣнутся бѣдные скоты, когда онъ изобрѣтетъ свой самокатъ? Сдѣлаются лошадки и ослики достояніемъ музеевъ да зоологическихъ садовъ—вотъ и все. О. Аркадій про себя надѣялся только на одно: авось Потемкинъ не изобрѣтетъ своего проклятаго самоката и все останется попрежнему.

Маленькая Таня за эти пять лѣтъ выросла почти большая. Ее учила сама Настасья Яковлевна. Дѣвочка была способная и оказывала быстрые успѣхи. Потемкинъ смотрѣлъ на ея занятія равнодушно и серьезно предлагалъ Настасьѣ Яковлевнѣ бросить эти пустяки.

— Что̀ же она будетъ дѣлать у васъ?

— Какъ что̀? А я ее слесарному дѣлу обучу... Отличный слесарь будетъ. Сами же вы толкуете про равноправность и прочее, ну, я и хочу ее слесаремъ сдѣлать. Привыкнетъ и будетъ работать въ механической вмѣстѣ съ другими...

Это было бы смѣшно, если бы Потемкинъ не дѣлалъ опытовъ надъ дочерью въ этомъ именно направленіи. Разъ, когда Настасья Яковлевна уѣхала по дѣламъ въ Екатеринбургъ на двѣ недѣли, онъ серьезно началъ учить Таню слесарному дѣлу и заставлялъ точить какіе-то болты для своего самоката. Только энергичное вмѣшательство хохлушки и Калеріи Михайловны, насильно утащившихъ Таню изъ мастерской, прекратило этотъ интересный опытъ. Дѣло ограничилось пока исцарапанными о желѣзо до крови руками и замазанной сажей физіономіей. Калерія Михайловна сама вымыла Таню, переодѣла въ новое платье и сказала:

— Твой отецъ сумасшедшій... Развѣ это женское дѣло, глупенькая?

По этому экстренному случаю даже былъ собранъ военный совѣтъ изъ княжны, Сережи и фельдшера Потапова. Совѣтъ обсудилъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и пришелъ къ неожиданному для всѣхъ заключенію, что Потемкинъ тронувшійся человѣкъ, который не сегодня—завтра окончательно свихнется, За нимъ устроили негласный надзоръ и убѣдились, что въ этомъ заключеніи было много правды. У Потемкина въ послѣднее время, дѣйствительно, частенько проявлялись ненормальные поступки. Вернувшійся изъ Екатеринбурга Окоемовъ едва разубѣдилъ членовъ совѣта.

— Тронутый-то онъ тронутый, какъ и мы всѣ,—объяснялъ онъ,—только не настолько, чтобы нуждался въ опекѣ. Есть такъ называемые маніаки—вотъ и онъ изъ такихъ... Кромѣ своего пунктика, во всемъ остальномъ нормальные люди. Все дѣло въ томъ, до какой степени разовьется эта манія...

Съ этими доводами не согласился одинъ фельдшеръ Потаповъ и остался при особомъ мнѣніи. Какъ оказалось впослѣдствіи, онъ былъ правъ—у Потемкина начали быстро развиваться другіе „пунктики", такъ что на время его пришлось отставить отъ мастерскихъ.

— Что̀ же, пусть его отдохнетъ...—рѣшилъ Окоемовъ.—Лучше всего, если мы его отправимъ въ Салгу къ Крестникову. Онъ тамъ придетъ въ себя...

Такъ и сдѣлали, отправивъ Потемкина въ Салгу съ какимъ-то чрезвы-

чайшимъ порученіемъ. Бѣдняга ничего не подозрѣвалъ и отправился на новое мѣсто съ большой охотой. Онъ даже забылъ, что оставляетъ свою любимицу Таню въ Красномъ-Кусту.

Больше всѣхъ этимъ событіемъ былъ огорченъ фельдшеръ Потаповъ, жившій съ Потемкинымъ душа въ душу. Они почти всѣ вечера проводили вмѣстѣ въ оригинальныхъ разговорахъ: каждый говорилъ про свое и не слушалъ другого.

— Только бы мнѣ уловить разницу въ треніи заднихъ и переднихъ колесъ,—говорилъ Потемкинъ.—Вся сила именно въ переднихъ...

— А у меня появились воры-пчелы... Только бы мнѣ отучить ихъ, проклятыхъ,—отвѣчалъ фельдшеръ.—И ульи переставлялъ и подкуривалъ воровокъ...

— Въ прошлый разъ у меня совсѣмъ-было пошла самокатка, а тутъ какъ лопнетъ кривошипъ...

— У попа Аркадія хорошо перезимовали пчелы и роятся хорошо. А все отчего: рука у него на пчелу легкая... Потомъ, у него на пчельникъ бабы ни ногой. А у насъ развѣ убережешься...

— Видишь ли, если сдѣлать заднее колесо вдвое выше передняго и переднюю ось короче задней, по крайней мѣрѣ, на одну тридцать второй, тогда...

— У меня, братъ, въ двухъ ульяхъ матки пропали... И съ чего бы, подумаешь?..

И т. д., и т. д., и т. д.

Пчельникъ фельдшера работалъ хорошо, и черезъ пять лѣтъ у него было уже больше трехсотъ ульевъ. Это было яркое опроверженіе установившагося мнѣнія, будто бы пчелы на западномъ склонѣ Урала не могутъ вестись. Фельдшеръ торжествовалъ, хотя дѣло и не обходилось безъ неудачъ. Зиму переносили пчелы прекрасно, но ихъ губила обманчивая зауральская весна, холода въ концѣ мая и въ началѣ іюня. Въ одинъ изъ такихъ холодовъ замерзло до ста ульевъ. Впрочемъ, эти неудачи не доказывали невозможности дѣла,—оно развивалось и приносило возраставшій доходъ. Пчелиный промыселъ былъ не просто промыселъ, какъ всякій другой, а дѣло Божье, къ которому нельзя было подходить съ нечистой совѣстью. Божья тварь пчелка не терпѣла нечистыхъ рукъ, какъ былъ увѣренъ фельдшеръ Потаповъ, и, ухаживая за своими пчелками, онъ принималъ торжественный видъ, точно служилъ обѣдню.

— Вѣдь это не рѣпа: посадилъ на гряду и выросла,—объяснялъ онъ съ гордостью.—Совсѣмъ особенная статья... Ну-ка, не вымой рукъ да подойди къ пчелѣ—она такъ и загудитъ. Только вотъ не скажетъ, что ты-де сбѣсился, милъ человѣкъ. Не знаешь порядку... Вотъ это какое дѣло.

Когда осенью „ломали медъ“—это было цѣлое торжество. Добыча теперь достигла уже почтенной цифры въ десять пудовъ. Для перваго опыта этого было достаточно.

II

Когда лѣтнимъ утромъ Окоемовъ выходилъ на террасу (позднѣйшая придѣлка къ главному дому) и осматривалъ съ этой высоты владѣнія сторублевой компаніи, онъ испытывалъ особенное чувство, которое можно было назвать счастьемъ. Онъ любовался мастерскими, огородами, громаднымъ скотнымъ дворомъ, сыроварней, цѣлымъ рядомъ хозяйственныхъ пристроекъ—все это было живой иллюстраціей затраченнаго интеллигентнаго труда и тѣхъ

знаній, которыхъ недоставало простому мужику, жившему съ запасомъ тѣхъ же хозяйственныхъ знаній, съ какими онъ жилъ, вѣроятно, еще въ XVII столѣтіи. Съ какимъ трудомъ въ этой области прививалась каждая новая мысль—Окоемовъ видѣлъ на собственномъ опытѣ. Сколько глухого недовѣрія и затаеннаго недоброжелательства пришлось вынести прежде, чѣмъ цѣль была достигнута. Именно это послѣднее давало сейчасъ тонъ всей жизни новой колоніи, увѣренность въ себѣ и ту полноту, которая не оставляла мѣста страху за завтрашній день.

Первый годъ былъ сравнительно легкимъ, потому что цѣликомъ ушелъ на первые шаги по постановкѣ разныхъ дѣлъ. А затѣмъ наступило точно раздумье. Хозяйственныя операціи требовали большихъ затратъ, а результаты получались черезъ годъ и больше. Приходилось ждать, и каждая малѣйшая неудача здѣсь отзывалась на общемъ настроеніи. Окоемовъ хорошо запомнилъ это время и теперь думалъ о немъ даже съ удовольствіемъ, какъ мы иногда думаемъ объ опасностяхъ, которыхъ избавились болѣе или менѣе счастливо. Такая неудача была, напримѣръ, съ постановкой сыроварни. Дѣло было новое и какъ-то сразу не пошло. Затраченныя на него деньги являлись въ общей смѣтѣ большимъ дефицитомъ. Цѣлыхъ два года тянулась эта исторія съ сыроварней, пока все наладилось. До сихъ поръ сыръ везли на Уралъ и въ Сибирь изъ Москвы, а теперь онъ былъ свой и составлялъ важную статью дохода. Между прочимъ, практика показала, что самый выгодный молочный скотъ—не дорогія заграничныя коровы, а свои тощія „крестьянки"—коровенки, обладавшія замѣчательной скромностью потребностей и еще болѣе замѣчательной выносливостью, дешевизной, въ общемъ давали на тридцать процентовъ барыша больше, чѣмъ какой-нибудь дорогой альгаускій скотъ. То же самое повторилось съ курицей: самая выгодная оказалась опять-таки курица-крестьянка, она же русская. Замѣчательно, что все самое скверное по наружному виду носило названіе: русскій. Но наружность обманчива, и Окоемовъ убѣдился на опытѣ, что и эта русская коровенка, и русская курчонка, и русская лошаденка—все это разрѣшало самую большую сельскохозяйственную задачу, именно при минимумѣ затраченныхъ средствъ давало максимумъ результатовъ, что̀ и требовалось доказать. Окоемовъ даже полюбилъ это слово: *русскій*, которое служило гарантіей успѣха. Ошибки здѣсь могли происходить въ очень небольшихъ размѣрахъ. По вечерамъ, когда съ поля возвращалось стадо мелкихъ русскихъ коровъ, Окоемовъ невольно ими любовался, какъ любовался каждой хохлаткой-курчонкой, представлявшей собой вполнѣ опредѣленную экономическую величину.

У Окоемова часто происходили серьезныя препирательства и недоразумѣнія по этому поводу съ компанейскими хозяйками, непремѣнно желавшими развести дорогой племенной скотъ и выставочную дорогую птицу.

— Вѣдь это невыгодно,—доказывалъ Окоемовъ.—И вы сами отлично это понимаете. Дорогая корова требуетъ дорогого ухода, потомъ она будетъ хворать, потому что подвержена больше заболѣваніямъ, наконецъ, въ случаѣ эпидеміи, мы теряемъ въ ней цѣлый капиталъ.

Хозяйки не могли съ этимъ не согласиться и все-таки оставались при своемъ. Это было какое-то непобѣдимое упрямство, которое злило и раздражало Окоемова.

— Какъ же можно сравнить, Василій Тимоѳеичъ,—говорила Калерія Михайловна:—конечно, русская корова выгоднѣе... А все-таки, когда идетъ стадо, такъ любо посмотрѣть на настоящую-то большую корову. Она и идетъ иначе.

Это уже была область сельскохозяйственной эстетики, и Окоемовъ только разводилъ руками.

— Послушайте, Калерія Михайловна, вѣдь у насъ простой скотный дворъ, а не картинная галлерея...

Своихъ хозяекъ Окоемовъ очень любилъ, потому что онѣ прекрасно поставили свое дѣло. Всѣ компанейскіе питались сейчасъ своими овощами, своимъ молокомъ, масломъ, яйцами, цыплятами, бараниной, телятиной и т. д. Это было громаднымъ подспорьемъ. Кромѣ того, заготовлялась масса консервовъ въ формѣ всевозможныхъ соленій, маринадовъ, сушеній и заготовокъ „въ прокъ". Варенье приготовлялось десятками пудовъ и уже шло на продажу. Громадный успѣхъ имѣла „уральская ягодная пастила". Дальше слѣдовали домашнія наливки, настойки и ликеры,—по этой части великимъ спеціалистомъ оказался Сережа, изобрѣвшій новый уральскій ликеръ изъ зеленыхъ ягодъ черной смородины. Каждый новый человѣкъ, пріѣзжавшій въ Красный-Кустъ, подвергался настоящей инквизиторской пыткѣ. Сережа терпѣливо выжидалъ конца обѣда, а потомъ принималъ торжественный видъ великаго инквизитора, добывалъ изъ завѣтнаго шкапика бутылку своего ликера и, повертывая ее подъ носомъ гостя, торжественно говорилъ:

— Вы, можетъ-быть, думаете, батенька, что это бенедиктинъ или желтый шартрезъ? Хе-хе... Да вы посмотрите хорошенько къ свѣту, какъ онъ переливаетъ золотомъ.

Гость таращилъ глаза и изъ вѣжливости что-нибудь мычалъ. Дальше Сережа наливалъ драгоцѣнную жидкость въ рюмку и еще разъ заставлялъ просматривать ее къ свѣту, потомъ нюхать, еще разъ смотрѣть къ свѣту и потомъ уже пить. Угнетенный этими церемоніями гость выпивалъ наконецъ знаменитый ликеръ и въ благодарность долженъ былъ льстить самымъ безсовѣстнымъ образомъ,—Сережа смотрѣлъ на него такими глазами, что не льстить было невозможно.

— Мнѣ секретъ этого ликера сообщилъ попъ Аркадій,—сообщалъ Сережа въ заключеніе пытки, точно благодѣтельствовалъ гостя на всю остальную жизнь.—Стòитъ онъ буквально грошъ, т.-е. сколько стòитъ спиртъ и сахаръ. И никакой фальсификаціи, батенька...

— Да... дѣйствительно...—изумлялся гость.—Оно, вообще, конечно... да.

Благодаря этому ликеру Сережа окончательно примирился съ „господиномъ попомъ" и даже скучалъ, когда долго его не видѣлъ. За эти пять лѣтъ Сережа сильно пополнѣлъ и замѣтно началъ лысѣть. Онъ, вообще, остепенился окончательно и искренно удивлялся тому Сережѣ, который остался тамъ, въ Москвѣ. Въ теченіе шести лѣтъ онъ только одинъ разъ съѣздилъ въ Москву, выбравъ самое вредное время, именно зимой, когда былъ разгаръ столичнаго зимняго сезона. По пути ему приходилось получать какое-то наслѣдство — это было главнымъ предлогомъ для поѣздки. Окоемовъ сильно опасался за своего друга, но, противъ ожиданія, все сошло болѣе чѣмъ благополучно, и Сережа вернулся на Уралъ раньше назначеннаго срока. Онъ ѣздилъ вмѣстѣ съ княжной, и Окоемовъ приписалъ благочестіе Сережи ея вліянію.

— Нѣтъ, братъ Вася, время ушло...—объяснилъ Сережа съ грустью.—Вездѣ побывалъ, всѣ кабаки объѣздилъ. Пробовалъ даже напиваться со старыми благопріятелями—нѣтъ, ничего не выходитъ. Однимъ словомъ, скучно... Кончено!.. И сюда тянетъ. Дѣла по конторѣ запусти только разъ...

На память о Москвѣ Сережа вывезъ обезьяну „уистити", но она не перенесла зимней поѣздки и околѣла дорòгой. И тутъ не повезло...

Княжна попрежнему считала себя лишней и работала за десятерыхъ. Она главнымъ образомъ занималась медициной и ѣздила по деревнямъ съ разными домашними средствами. Деревенскія бабы молились на „княжиху", которая пользовала ихъ безконечныя бабьи и дѣтскія болѣсти. А сколько было этой крестьянской бѣдности, сиротъ, престарѣлыхъ, просто несчастныхъ—о всѣхъ нужно было позаботиться, пригрѣть, иногда просто утѣшить. Кромѣ того, княжна помогала Настасьѣ Яковлевнѣ заниматься въ школѣ, а въ послѣдній годъ совершенно была поглощена маленькимъ Васей Окоемовымъ—это былъ второй ребенокъ у Окоемовыхъ, родившійся уже въ Красномъ-Кусту и принадлежавшій, такъ сказать, компаніи. Къ старшей дѣвочкѣ княжна относилась съ какой-то странной ревностью, точно этотъ первый ребенокъ что-то отнялъ у нея. Зато ко второму она привязалась съ перваго дня его появленія на свѣтъ всей душой и, въ качествѣ крестной матери, заявила на него свои права.

— У васъ уже есть дѣвочка,—объясняла она довольно строго Настасьѣ Яковлевнѣ.—Я уже ничего не говорю... Любуйтесь ею. А этотъ мой... да.

Она дошла до того, что даже не пустила разъ Настасью Яковлевну въ дѣтскую. Окоемову пришлось мирить родную мать и мать крестную.

— Она, кажется, съ ума сошла... — обижалась Настасья Яковлевна.— Вѣдь ребенокъ мой... Конечно, княжна безумно его любитъ, но все-таки...

— Выходъ одинъ: выдать княжну замужъ, — пошутилъ Окоемовъ. — Она родилась быть матерью... У нихъ, кажется, что-то такое есть съ Сережей. Впрочемъ, я это такъ...

— Вы говорите глупости, Василій Тимоѳеичъ... Ничего нѣтъ и ничего не можетъ быть. Княжна—дѣвушка серьезная...

— Да, но почему же серьезнымъ дѣвушкамъ не выходить замужъ? Ей сейчасъ за тридцать, Сережѣ за сорокъ — комбинація самая подходящая. Впрочемъ, я это такъ, къ слову.

Матримоніальный вопросъ, такъ сказать, висѣлъ въ воздухѣ. Поднимала его чаще другихъ сама княжна, конечно, не о себѣ, а относительно другихъ. Для нея было высшимъ наслажденіемъ устраивать крестьянскія свадьбы, и княжна радовалась, какъ ребенокъ, когда ее приглашали въ посажёныя матери. Эти свадьбы обходились ей дорого, но приходилось мириться съ этими расходами.

— Уже только у насъ никто не женится,—роптала иногда княжна.

— Какъ никто: Крестниковъ женился, Окоемовъ женился, — спорилъ Сережа.—Какихъ еще вамъ свадебъ нужно?

— Ничего вы не понимаете, Сергѣй Ипполитычъ...

— Ну, ужъ я-то не понимаю, Варвара Петровна? Въ чемъ другомъ, а въ этомъ—извините...

— А какъ по-вашему, если вы понимаете все, наши хозяйки совсѣмъ не у дѣла?

— Хохлушка и Калерія Михайловна?

Сережѣ какъ-то совсѣмъ не приходило даже въ голову, что онѣ тоже женщины—просто хохлушка и просто Калерія Михайловна. Очень хорошія женщины, и только.

— Чего онѣ горюшами живутъ... Женщины еще не старыя и могли бы имѣть семьи. Я часто о нихъ думаю. Вотъ, напримѣръ, нашъ фельдшеръ... Человѣкъ онъ совсѣмъ одинокій, степенный—какого же еще жениха нужно?

— Въ самомъ дѣлѣ, Варвара Петровна, это идея... Какую бы мы свадьбу справили!.. Конечно, женить фельдшера на хохлушкѣ...

— Ну, ужъ извините... Никогда! Ему самая подходящая пара—Калерія Михайловна.

Этотъ вопросъ вызвалъ даже ссору, пока княжна не объяснила, въ чемъ дѣло.

— Фельдшеръ человѣкъ тихій, спокойный, и Калерія Михайловна тоже, ну, имъ и вѣкъ вѣковать. Какъ на заказъ выйдетъ парочка...

— Да, пожалуй... А какъ же тогда съ хохлушкой быть?

— А уже Потемкинъ есть... Ему такую и нужно жену, чтобы была строгая и держала его въ рукахъ. Хохлушки умѣютъ это дѣлать...

— Позвольте, да вѣдь Потемкинъ того... У него въ башкѣ заяцъ.

— Пустяки!.. Женится, вотъ вамъ и зайца никакого не будетъ. Оттого и заяцъ, что уже одинъ...

Сережа то соглашался на эту комбинацію, то начиналъ спорить, что нужно сдѣлать „совершенно наоборотъ". Княжна горячилась, спорила и сердилась въ свою очередь.

III.

Дѣятельность сторублевой компаніи шла бы тихо и мирно, развиваясь естественнымъ путемъ, и скоро достигла бы своей цѣли, если бы въ жизни приходилось имѣть дѣло только съ теоріями и цифрами, а не съ живыми людьми. Сравнительно первый „наборъ" компаньоновъ былъ произведенъ удачно и сохранялся въ своемъ первоначальномъ составѣ. Къ сожалѣнію, нельзя было сказать того же о членахъ, вступившихъ позже. Большею частью они явились изъ „мѣстныхъ элементовъ", какъ говорилъ о. Аркадій. Некончившіе гимназисты и реалисты, бывшіе студенты, учителя народныхъ училищъ и просто интеллигенты шли въ колонію со всѣхъ сторонъ. Они занимали извѣстныя мѣста, предварительно согласившись на всѣ условія, а потомъ уходили. Цѣлый рядъ такихъ фактовъ заставилъ Окоемова задуматься серьезно. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ ихъ заставляло бросать работу въ компаніи? Окоемовъ провѣрялъ себя и всю свою дѣятельность и рѣшительно не могъ найти никакого подходящаго объясненія, кромѣ того, что компанія, какъ всякое новое дѣло, еще не заручилась достаточнымъ довѣріемъ.

— Это бываетъ, Василій Тимоѳеичъ,—старался успокоить о. Аркадій.— Много званыхъ да мало избранныхъ... Тоже вотъ на рынкѣ случается: какую первую цѣну дали, по той и отдавай. Больше не дадутъ. Всѣ торговцы это знаютъ... Такъ и тутъ: первый наборъ удался, а другихъ надо подождать.

— Обидно то, отецъ Аркадій, что вѣдь я не о себѣ хлопочу. Мнѣ дорого самое дѣло, принципъ... Какъ этого не понять? Будутъ работать на кулака, а живому дѣлу не хотятъ служить.

— Ничего, перемелется—мука будетъ.

Всѣ эти утѣшенія ни на волосъ не объясняли дѣла. Оно такъ и оставалось загадочнымъ. Приходилось прибѣгать къ наемнымъ людямъ, что̀, въ сущности, было гораздо легче.

Только впослѣдствіи Окоемовъ узналъ, что лично противъ него существуетъ цѣлая партія. Чѣмъ были недовольны эти недовольные, онъ не зналъ, а только могъ смутно догадываться. Очевидно, дѣло сводилось на личности, что̀ было менѣе всего желательно.

Потомъ выяснилось, что во главѣ недовольныхъ стоитъ студентъ Крестниковъ, а около него уже группируются остальные. Это открытіе еще сильнѣе озадачило Окоемова. Перебирая свои отношенія къ Крестникову, онъ не могъ найти рѣшительно ничего такого, что̀ могло бы служить поводомъ къ недора-

зумѣнію. Напротивъ, онъ такъ цѣнилъ и уважалъ его, какъ полезнаго члена компаніи и серьезнаго труженика. Просто было обидно, что именно такой человѣкъ производитъ смуту и расколъ. Дальше сдѣлалось извѣстнымъ, что въ Салгѣ часто бываетъ Утлыхъ—это опять усложняло дѣло. Самъ Крестниковъ никому и ничего не говорилъ, бывая въ Красномъ-Кусту. Правда, онъ каждый разъ пріѣзжалъ съ какими-нибудь отчетами и почти все время проводилъ въ конторѣ и, кончивъ работу, сейчасъ же уѣзжалъ домой. Нужно сказать, что Салга составляла больное мѣсто въ жизни компаніи. Хозяйство расширялось и крѣпло, но смыслъ его оставался до сихъ поръ неяснымъ, какъ экономической статьи. Два первыхъ года дали крупный убытокъ, потомъ былъ урожайный годъ, потомъ вышло ни то ни се. Въ урожай хлѣбъ былъ дешевъ и работа не окупалась, а въ недороды хлѣба было мало. Въ общемъ, всѣ начинали приходить къ тому заключенію, что это хозяйство лучше всего бросить, несмотря на сдѣланныя крупныя затраты. Для Крестникова послѣднее было всего обиднѣе.

Во всякомъ случаѣ, это дѣло нужно было разрѣшить такъ или иначе. Окоемовъ отправился въ Салгу самъ. Онъ раньше по какому-то инстинкту не [illegible]ъ туда и сейчасъ былъ этимъ доволенъ. Могли подумать, что онъ не [illegible]ряетъ Крестникову и ревизуетъ его, а молодые люди въ такихъ случаяхъ [illegible]нему-то обижаются. Вообще, Окоемовъ всѣми силами старался устранить [illegible]ого себя, свое личное вліяніе, и старался выдвинуть на первый планъ дѣятельность совѣта компаніи. Онъ являлся только пайщикомъ, не больше, и, когда компанія покроетъ произведенныя затраты, онъ рѣшилъ про себя выйти изъ нея, т.-е. на годъ или на два уѣхать опять въ Москву. Его роль кончалась, и для себя лично онъ оставлялъ только излюбленное имъ рыбное дѣло.

Подъѣзжая къ Салгѣ, Окоемовъ узналъ на станціи, что Утлыхъ проѣхалъ туда же. Что же, тѣмъ лучше.

За пять лѣтъ хуторъ на Салгѣ мало измѣнилъ свою наружность, кромѣ прибавленныхъ двухъ-трехъ хозяйственныхъ пристроекъ да большой дачи. Чѣмъ-то недосказаннымъ вѣяло отъ всего, особенно по сравненію съ процвѣтавшимъ Краснымъ-Кустомъ. Отсюда, можетъ-быть, происходила затаенная ревность и глухое недовольство. Мало ли чего ни бываетъ на свѣтѣ...

Крестниковъ былъ дома. За пять лѣтъ онъ сдѣлался неузнаваемъ даже по наружности. Изъ зеленаго, жиденькаго молодого человѣка сформировался плотный и коренастый мужчина съ окладистой русой бородкой. Вообще, онъ выглядѣлъ настоящимъ русскимъ молодцомъ.

Онъ встрѣтилъ Окоемова довольно сдержанно и прибавилъ:

— Вамъ, можетъ-быть, непріятно будетъ встрѣтиться съ Утлыхъ? Онъ здѣсь...

— Отчего же... Даже наоборотъ, я радъ его видѣть. Вѣдь у насъ съ нимъ всѣ счеты кончены давно...

Однако Окоемовъ чувствовалъ себя все-таки непріятно, здороваясь со старой сибирской лисой. Жена Крестникова отнеслась къ гостю тоже сдержанно, очевидно, подражая мужу. На хуторѣ было нѣсколько новыхъ людей, которыхъ Окоемовъ видѣлъ въ первый разъ: какихъ-то двое молодыхъ людей, высокая дѣвушка съ сердитымъ лицомъ, бритый сѣдой старикъ. Они переглянулись, услышавъ фамилію Окоемова. Очевидно, о немъ шли здѣсь свои разговоры, и онъ являлся извѣстной величиной. Можетъ-быть, его даже ненавидѣли, не видавъ ни разу въ глаза. Всѣ эти мысли промелькнули въ головѣ Окоемова, оставивъ непріятный осадокъ. Тяжело быть въ домѣ, гдѣ на васъ почему-нибудь косятся, особенно, если косятся совершенно несправедливо.

— Мы посмотримъ сначала поля...—предложилъ Крестниковъ.

— Съ удовольствіемъ,—согласился Окоемовъ. — Только я въ данномъ случаѣ буду простымъ любопытнымъ, и даже не членомъ нашей компаніи.

— Почему такъ?

— Потому что я не имѣю на это полномочій, разъ, а второе — я пріѣхалъ по личному дѣлу...

Утлыхъ тоже отправился въ поле и нѣсколько разъ замѣчалъ точно про себя:

— Ну, какая тутъ земля... Такъ, одна видимость. А вотъ въ Барабинской степи, тамъ такъ дѣйствительно... Тамъ черноземъ-то, что перина, а пшеница—во... Сравненія никакого нѣтъ.

Это маленькое замѣчаніе для Окоемова сдѣлало яснымъ все. Наступилъ критическій моментъ, когда компанія должна была раздѣлиться. Это неизбѣжный процессъ. То же самое, что происходитъ въ ульяхъ, когда вылетаетъ новый рой. Вся разница заключалась только въ томъ, что старая компанія еще не устоялась вполнѣ, и желаніе отдѣлиться выросло и сформировалось подъ вліяніемъ Утлыхъ, дѣйствовавшаго изъ своихъ личныхъ расчетовъ. Все это было очень печально, потому что сложное, дорогое и неопредѣлившееся дѣло въ Салгѣ хотѣли бросить на полдорогѣ.

Вернувшись на хуторъ, Окоемовъ безъ предисловій приступилъ къ дѣлу.

— Мнѣ хочется серьезно объясниться съ вами, Крестниковъ, — заговорилъ онъ, прислушиваясь къ собственному голосу. — Я очень радъ, что при нашемъ объясненіи будутъ присутствовать люди совершенно посторонніе... (Послѣднее слово Окоемовъ подчеркнулъ). Дѣло въ томъ, что до меня уже давно доходили слухи о какихъ-то недовольныхъ людяхъ, и я не могъ добиться, чѣмъ они недовольны. Я не обращалъ на эти слухи никакого вниманія, пока мнѣ прямо не указали на васъ. Я не люблю никакой игры и поэтому рѣшился объясниться съ вами начистоту. Между нами не должно быть недоразумѣній... Еще одно слово: имѣете ли вы что-нибудь лично противъ меня или противъ самого дѣла?

— И противъ васъ и противъ дѣла... — откровенно заявилъ Крестниковъ.—Вы являетесь во главѣ компаніи, отъ васъ все зависитъ, какая же это компанія?

— Вы забываете только одно, именно, что компанія основана по моей личной иниціативѣ, и что у компаньоновъ рѣшительно не было никакихъ средствъ, когда дѣло начиналось. Очень естественно, что мнѣ пришлось стать во главѣ дѣла... Думаю, что это ни для кого не обидно, тѣмъ болѣе, что я имѣлъ въ виду, когда компанія устоится, сдѣлаться простымъ ея членомъ, какъ всѣ другіе. Однимъ словомъ, все это не страшно, и я понимаю васъ...

— Что касается компаніи, то вся ея дѣятельность сводится пока на одну наживу, Василій Тимоѳеичъ... Для этого, право, не стоило огородъ городить. Это самое простое купеческое дѣло, только подъ вашей фирмой...

— Объ этомъ я предупреждалъ васъ при самомъ началѣ. Да, я смотрю на дѣло, какъ купецъ, вѣрнѣе—какъ промышленникъ. Вѣдь нельзя же выходить съ пустыми руками. Хорошихъ мыслей и чувствъ у насъ, русскихъ, достаточно, а настоящія дѣла дѣлаютъ какіе-то неизвѣстные, безъ всякихъ мыслей и чувствъ. Моя цѣль была очень скромная: создать такое дѣло, которое дало бы работу, здоровую и хорошую, интеллигентнымъ людямъ.

— А потомъ?

— Потомъ, когда будетъ работа и хлѣбъ, дѣло уже ваше, какъ вы распорядитесь со своимъ временемъ и средствами. Я не хотѣлъ впередъ намѣ-

чать слишкомъ широкую программу,—вѣдь это такъ легко сдѣлать!—чтобы не вышло неустойки, какъ говорятъ мужики. Вы сами видите, какъ трудно выполнять даже маленькую, сравнительно, задачу, несмотря даже на самыя лучшія намѣренія.

— И потомъ, самое главное и самое дорогое... — заговорилъ Окоемовъ, прерывая паузу. — Вѣдь наша сторублевая компанія не разрѣшеніе какого соціальнаго вопроса въ широкомъ смыслѣ этого слова, а только маленькій опытъ кучки людей, пожелавшихъ устроиться не по общему шаблону. Для меня лично самымъ дорогимъ было бы то, если бы наша компанія послужила примѣромъ для образованія другихъ. Программа можетъ быть иная, болѣе цѣлесообразная—все зависитъ отъ людей, изъ какихъ сложатся эти компаніи. Я вѣрю въ нихъ... да. И мнѣ тѣмъ печальнѣе, что въ нашей собственной компаніи начинается расколъ. Я не скрываю ничего... И скажу больше: главный виновникъ этого раскола Илья Ѳедотычъ. Онъ вамъ сулитъ золотыя горы гдѣ-то тамъ, въ Барабинской степи, а дѣло сводится въ сущности только на то, чтобы разстроить наше дѣло въ самый критическій моментъ.

— Что̀ же я-то? Мое дѣло сторона...—возражалъ Утлыхъ, дѣлая равнодушное лицо.—А всегда скажу только, что изъ вашего дѣла ровно ничего не выйдетъ... да-съ. Кто въ лѣсъ, кто по дрова...

— А въ Барабинской степи всѣ въ лѣсъ пойдутъ?

— Тамъ другое, тамъ особь статья...

— А я вамъ скажу, что все это пустяки... т.-е. оно можетъ быть когда-нибудь впослѣдствіи, но не сейчасъ. Удивительная эта черта русскаго человѣка: все разрушать и вездѣ заводить самыя безсмысленныя недоразумѣнія. Напримѣръ, что̀ вамъ нужно, Илья Ѳедотычъ? Въ васъ говоритъ только одно личное раздраженіе и желаніе устроить мнѣ какую-нибудь пакость. Я очень радъ, что могу высказать все это вамъ прямо въ глаза.

— Что̀ же я-то? Мое дѣло сторона...

Это объясненіе стоило Окоемову жестокаго сердечнаго припадка. Въ такой формѣ у него уже давно ничего не было. Дѣло дошло до обморока. Когда Окоемовъ очнулся, онъ нѣсколько времени не могъ сообразить, что̀ съ нимъ и гдѣ онъ.

— Гдѣ Настасья Яковлевна? — тихо спросилъ онъ.

— Она дома... Не волнуйтесь.

Надъ больнымъ сидѣлъ Крестниковъ и смотрѣлъ на него такими добрыми, хорошими глазами, въ которыхъ точно свѣтилась дѣтская фраза: „я, Василій Тимоѳеичъ, больше не буду“... Окоемовъ невольно улыбнулся и молча пожалъ ему руку.

IV.

Изъ Салги Окоемовъ вернулся въ Красный-Кустъ совсѣмъ больной, такъ что Настасья Яковлевна сильно встревожилась. Съ нимъ давно уже не было ничего подобнаго. Обидно было то, что медицина не могла ничѣмъ помочь въ данномъ случаѣ. Нуженъ былъ покой, моціонъ и свѣжій воздухъ. Настасья Яковлевна, чтобы не тревожить напрасно мужа, даже не спросила его, что̀ было въ Салгѣ. Это умѣнье понимать между строкъ Окоемовъ особенно цѣнилъ въ женѣ,—она никогда не была безтактна.

— Мы поѣдемъ на озеро,—рѣшила Настасья Яковлевна.—Вы тамъ отдохнете... Возьмемъ съ собой дѣвочку.

— Отлично... Я, кстати, тамъ давненько не бывалъ.

Мысль объ этой поѣздкѣ сразу оживила Окоемова. Онъ такъ любилъ

ѣздить на лошадяхъ, а съ озеромъ были неразрывно связаны самыя интимныя воспоминанія. Эти поѣздки были послѣднимъ средствомъ, которое Настасья Яковлевна пускала въ ходъ, когда хотѣла развлечь мужа.

Дѣло со спорнымъ озеромъ тянулось года три, пока разрѣшилось въ пользу Окоемова. Эта исторія стоила большихъ расходовъ, а главное, отняла много времени. Писцикультура, такимъ образомъ, была отложена на неопредѣленное время, и Окоемовъ этимъ мучился. Зато сейчасъ онъ могъ отдаться любимому дѣлу вполнѣ, особенно выяснивъ свои отношенія къ Салгѣ.

Вотъ они опять на озерѣ. На берегу, гдѣ стояла заброшенная рыбачья избушка, теперь выросъ чистенькій бревенчатый домикъ въ двѣ комнаты; около него былъ дворикъ и разныя хозяйственныя пристройки. Пустынный берегъ сразу измѣнилъ свой характеръ, и Окоемовъ уже видѣлъ въ воображеніи, какъ онъ покроется цѣлымъ рядомъ такихъ домиковъ, съ рыбной фабрикой въ центрѣ. Сейчасъ шли только опыты по искусственному размноженію разныхъ породъ рыбъ.

На озерѣ сейчасъ всѣми дѣлами завѣдывалъ молодой человѣкъ, Иванъ Степановичъ. Онъ былъ изъ городскихъ мѣщанъ, образованіе получилъ въ уѣздномъ училищѣ, но поразилъ Окоемова сразу своей необыкновенной смѣтливостью и тѣмъ простымъ здравымъ смысломъ, какой не дается никакимъ образованіемъ. Иванъ Степанычъ попалъ сначала въ Красный-Кустъ, на пріискъ, и Окоемовъ замѣтилъ его еще тамъ, а потомъ, когда спеціально-пріисковая работа кончилась, опредѣлилъ его къ рыбному дѣлу. Странно было только одно — Иванъ Степанычъ ни за что не хотѣлъ поступать въ члены компаніи. Онъ не вѣрилъ въ нее. Сказывался сибирскій индивидуалистъ, привыкшій всякое дѣло вести въ свою голову. Несмотря на это, Окоемовъ очень любилъ упрямаго мѣщанина и вполнѣ довѣрялъ ему.

— Ну, что̀ новенькаго, Иванъ Степанычъ?

— А вотъ извольте взглянуть-съ, Василій Тимоѳеичъ... На аппаратѣ лососки начинаютъ выводиться.

— А форель?

— Форель тоже выходитъ—выйдетъ и подохнетъ-съ. У ней своя комплекція...

Иванъ Степанычъ, какъ всѣ самоучки, страдалъ маленькой слабостью къ мудренымъ заграничнымъ словамъ, которыя употреблялъ иногда не совсѣмъ къ мѣсту.

Настасья Яковлевна ничего не понимала во всѣхъ этихъ „аппаратахъ“, занимавшихъ цѣлую комнату, и только изъ женской вѣжливости выслушивала подробныя объясненія мужа, какъ на деревянныхъ шлюзахъ, по которымъ сбѣгала постоянно вода, изъ икры выводились маленькія рыбки. Процессъ совершался на глазахъ, и можно было шагъ за шагомъ прослѣдить его послѣдовательныя стадіи — какъ чистыя и прозрачныя икринки мутнѣли, какъ въ нихъ появлялось зародышевое пятно, какъ оно превращалось въ крошечную рыбку, какъ эта рыбка наконецъ сбрасывала съ себя эту скорлупу.

Отдѣленіе консервовъ было немножко заброшено. Иванъ Степанычъ производилъ теперь опыты съ приготовленіемъ рыбной колбасы. Онъ даже ввелъ усовершенствованіе, именно, для оболочки такой колбасы взялъ такъ называемый рыбій пузырь, что̀ выходило и прочнѣе и лучше бараньихъ кишекъ, употребляемыхъ на приготовленіе обыкновенной колбасы. Это нововведеніе очень интересовало Окоемова, и онъ былъ особенно радъ, что до него додумался именно Иванъ Степанычъ.

— Вотъ попробуйте прошлогоднюю выдержанную колбасу, — предлагалъ

Иванъ Степанычъ.—Она немного подкопчена, и это дастъ ей привкусъ... Будемъ дѣлать на чистомъ рыбьемъ жирѣ — онъ консервируетъ лучше всякаго прованскаго масла. У меня есть рыбная колбаса и съ прованскимъ масломъ... Оно, конечно, хорошо, только дорого и невыгодно.

— Золото, а не человѣкъ, — хвалилъ женѣ Окоемовъ своего изобрѣтательнаго мѣщанина.—Только я какъ-то не вѣрю этимъ талантливымъ сибирякамъ: съ ними всегда нужно имѣть камень за пазухой.

Дѣвочка устала съ дороги и уснула на рукахъ у отца. Окоемовъ ужасно любилъ свою „первенцу“ и такъ смѣшно-неумѣло, по-мужски, ухаживалъ за ней. Настасья Яковлевна никогда такъ не любила мужа, какъ именно въ эти моменты—онъ былъ и смѣшонъ, и неловокъ, и чудно-хорошъ. Сейчасъ дѣвочка спала въ лабораторіи, среди ретортъ и склянокъ, какъ маленькій препаратъ.

Иванъ Степанычъ велѣлъ сторожу разложить костеръ на берегу и приготовить тамъ уху. Онъ зналъ привычки Окоемова, хотя и не подлаживался къ нимъ. Спускался быстрый горный вечеръ, когда яркое пламя освѣтило берегъ. Иванъ Степанычъ понималъ, что онъ лишній въ данную минуту, и стушевался подъ какимъ-то благовиднымъ предлогомъ.

— Какой онъ умный...—еще разъ похвалилъ Окоемовъ, усаживаясь къ огоньку.—Знаете, Настасья Яковлевна, когда я вотъ такъ сижу на открытомъ воздухѣ у костра, мнѣ начинаетъ казаться, что я человѣкъ каменнаго вѣка, что я ничего не знаю, кромѣ рыбной ловли и охоты, что мои потребности ограничиваются ѣдой, грубой одеждой и какой-нибудь пещерой. Я чувствую себя именно пещернымъ человѣкомъ...

— Я не согласна быть пещерной женщиной...

Окоемовъ тихо засмѣялся и любовно посмотрѣлъ на жену.

— А вѣдь та, пещерная женщина, такъ же ухаживала за больнымъ мужемъ, такъ же любила своихъ дѣтей, такъ же улыбалась, когда была счастлива, и такъ же плакала, когда ее обижали—вѣроятно, она чаще плакала, потому что мужчины отнимали ее другъ у друга, какъ вещь, заставляли насильно любить себя, заставляли черезъ силу работать, а потомъ, когда она старилась и не могла ни любить ни работать, выгоняли изъ пещеры, какъ негодную вещь, и она должна была опять плакать, умирая съ голоду. Какъ странно думать, что отъ этой работы, короткаго счастья и слишкомъ длиннаго горя осталось на память человѣчеству всего нѣсколько скребковъ, каменныхъ топоровъ и разной другой первобытной дряни. Еще страннѣе думать, что черезъ три-четыре тысячи лѣтъ мы сдѣлаемся тоже достояніемъ исторіи, и, можетъ-быть, насъ такъ же будутъ жалѣть, какъ мы сейчасъ жалѣемъ ветхаго пещернаго человѣка. Одни будутъ увѣрять, что мы жили въ золотомъ вѣкѣ, другіе—что мы были глубоко несчастны... Куда же дѣнутся и наша любовь, и нашъ трудъ, и работы, и горе? Отъ громадной литературы останутся жалкіе клочья, отъ нашихъ сооруженій, составляющихъ нашу гордость, нѣсколько тесаныхъ камней, многія изобрѣтенія и открытія будутъ позабыты, и человѣчество снова будетъ ихъ придумывать, и останется только человѣкъ, такой же человѣкъ, какъ мы съ тобой, какимъ былъ пещерный человѣкъ. Онъ будетъ такъ же работать, улыбаться, плакать, и смѣхъ и слезы хоронить въ пѣснѣ, и такъ же останется вѣчно неудовлетвореннымъ. Вѣдь счастье только процессъ достиженія какой-нибудь цѣли, а самаго счастья, какъ субстанціи, не существуетъ...

— Милый, у тебя сегодня разстроены нервы, и поэтому ты такъ мрачно настроенъ. Вѣдь въ этихъ будущихъ людяхъ мы же будемъ жить, какъ въ

насъ живутъ наши пещерные предки... Жизнь неуничтожаема и уже поэтому хороша.

Она обняла его и тихо-тихо поцѣловала въ голову, которая такъ много и такъ хорошо думала. Въ послѣднее время на нее чаще и чаще нападали минуты какого-то тяжелаго раздумья и безотчетной тоски. Да, она была счастлива и боялась за свое счастье... Впрочемъ, она старалась не выдавать этого настроенія, чтобы не тревожить своего счастья. Окоемовъ, конечно, замѣчалъ эти темныя полосы и объяснялъ ихъ по-своему. Теперь, послѣ длинной паузы, онъ неожиданно проговорилъ:

— Милая, мнѣ кажется, что ты иногда скучаешь... да. Скучаешь о своихъ. У тебя родные въ Москвѣ, тебѣ хочется ихъ видѣть, поговорить, подѣлиться съ ними своимъ счастьемъ, показать дѣтей... Да?

— О, да... Очень хочется. Я на нихъ даже не могу сердиться за старыя непріятности, потому что все это дѣлалось такъ, по глупости, а не изъ желанія сдѣлать зло мнѣ.

— Потомъ тебѣ хочется видѣть мою мать и заставить ее полюбить тебя? Старушка будетъ такъ рада видѣть внучатъ и въ нихъ полюбить ихъ мать. Это вѣрно...

— Ахъ, какъ я желала бы, чтобы все вышло именно такъ... Именно этого недостаетъ намъ для полнаго счастья. Я часто объ этомъ думаю... Меня такъ и тянетъ туда, къ роднымъ.

— Я тоже думалъ объ этомъ, моя хорошая, но все какъ-то не было времени привести этотъ планъ въ исполненіе. Если ѣхать, такъ ѣхать на всю зиму, отъ одной навигаціи до другой. Дѣти не перенесутъ такого далекаго зимняго пути... Уѣхать на лѣто невозможно, потому что лѣтомъ здѣсь главная работа. Впрочемъ, мы еще поговоримъ объ этомъ.

— Да, милый... Вѣдь я не настаиваю особенно.

Уха была съѣдена, Иванъ Степанычъ ушелъ спать, костеръ на берегу догоралъ. Лѣтняя свѣтлая ночь обняла все—и горы, и лѣсъ, и озеро. Какъ хорошо было кругомъ... Тихо-тихо. Вода въ озерѣ блестѣла, какъ отполированный камень. Въ лѣсу безъ шума бродили тѣни. Мертвая тишина нарушалась только какимъ-то шорохомъ, точно кто-то шептался. Хорошо!.. Окоемову не хотѣлось уходить въ комнату, а такъ бы лежать у огонька на травѣ безъ конца, прислушиваясь къ тѣмъ неяснымъ мыслямъ, которыя проносятся въ головѣ, какъ туманныя облака.

— Пора спать...—нерѣшительно проговорила Настасья Яковлевна.— Становится сыро. Тебѣ вредно...

— Нѣтъ, подожди.

У Окоемова явилась страстная потребность разсказать женѣ все, что онъ пережилъ въ Салгѣ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Настасья Яковлевна понимала только одно, что онъ опять волнуется, и что это ему вредно.

— Вѣдь теперь все устроилось, такъ зачѣмъ же волноваться?—уговаривала она, разглаживая волосы на его головѣ.—Нужно спокойно смотрѣть на вещи, милый...

— Какъ же не волноваться? Почему непремѣнно люди хотятъ видѣть что-то дурное, а хорошаго упорно не хотятъ замѣчать? Вѣдь есть такія мелочныя недоразумѣнія, черезъ которыя не перелѣзешь... Ты думаешь, мнѣ было легко оправдываться—именно оправдываться передъ Крестниковымъ, что я ничего дурного не сдѣлалъ? Я же для нихъ хлопочу, работаю, вылѣзаю изъ собственной кожи—и я же долженъ просить извиненія, что не эксплоатирую никого и всѣмъ желаю добра. Вѣдь до нелѣпости глупое положеніе,

глупое и обидное... Самая проклятая черта русскаго характера заводить такія дрязги. Я понимаю имѣть дѣло съ чѣмъ-нибудь серьезнымъ, а тутъ буквально въ руки взять нечего. Скверно то, что рѣшительно ничѣмъ нельзя предотвратить въ будущемъ возможность подобныхъ глупостей и нужно всегда ихъ ждать. Меня это бѣситъ...

— Если ты знаешь, что это будетъ повторяться еще не разъ, зачѣмъ же волноваться впередъ? Будемъ говорить о чемъ-нибудь другомъ...

— Хорошо... Возьмемъ хоть мою мать. Ты знаешь, какъ я ее люблю, а она не можетъ поступиться какими-то сословными бреднями. Вѣдь она тоже любитъ меня и все-таки отравляетъ жизнь и мнѣ и себѣ. Развѣ это не обидно? Къ чему люди портятъ жизнь, когда можно было бы прожить такъ хорошо и просто? Нѣтъ, нужно что-то такое придумать... Черезъ дѣтей, конечно, я могъ бы примирить съ тобой мать, но вѣдь это будетъ взятка. Взять твоихъ родныхъ...

— Довольно, довольно. Спать!.. Къ числу добродѣтелей, которыхъ недостаетъ для полнаго счастья, принадлежитъ также и умѣнье слушаться...

Она сейчасъ обращалась съ нимъ, какъ съ ребенкомъ, и онъ повиновался ей, какъ ребенокъ.

V.

Трудовое лѣто приходило къ концу.

Дѣла компаніи шли отлично, за исключеніемъ писцикультуры, до которой у Окоемова все какъ-то „руки не доходили“. Впрочемъ, онъ выдѣлилъ эту статью изъ общаго хозяйства на свой личный счетъ и не особенно безпокоился неудачами и медленностью. Въ свое время все будетъ... Сейчасъ онъ, даже и при желаніи, не могъ бы отдаться этому дѣлу, потому что его здоровье за послѣднее время сильно пошатнулось. Онъ это чувствовалъ, хотя по наружному виду и трудно было что-нибудь замѣтить. Да, тамъ, гдѣ-то въ таинственныхъ глубинахъ организма, происходила разрушительная работа. Пошаливало сердце, а нервы находились въ тревожномъ состояніи, какъ туго натянутыя струны. Окоемовъ волновался отъ всякихъ пустяковъ, напрасно стараясь сдержаться,—выходило еще хуже. Ему начинало казаться, что всѣ относятся къ нему подозрительно, не довѣряютъ ему, видятъ въ немъ человѣка, который хочетъ загребать жаръ чужими руками, — и эти мысли неотступно преслѣдовали его. Аппетитъ былъ плохой, сонъ—тоже. А сколько передумывалъ онъ въ такія ночи... Кругомъ все тихо; всѣ спятъ, и только онъ одинъ думаетъ, думаетъ—думаетъ безъ конца. Что̀ ждетъ компанію, когда его не будетъ на свѣтѣ?.. А вѣдь это возможно и неизбѣжно—все равно, вопросъ времени. Кто же замѣнитъ его и станетъ во главѣ дѣла,—безъ этого пока нельзя, потому что иначе всѣ разбредутся, куда глаза глядятъ. Основательнѣе всѣхъ Крестниковъ, но и на него надежда плохая въ виду послѣднихъ инцидентовъ. Потомъ, другіе не будутъ его слушать. Сережа не обладаетъ достаточной твердостью характера... Однимъ словомъ, какъ Окоемовъ ни думалъ—выходило одинаково скверно,—и его охватывала томящая тоска.

Окоемовъ понималъ, что необходимо бросить на время всякую работу и серьезно отдохнуть. Европейскій человѣкъ какъ-то умѣетъ экономить свои силы и до глубокой старости сохраняетъ трудоспособность, а русскій человѣкъ, особенно хорошій, непремѣнно израбатывается до тла, а потомъ отправляется лѣчиться, когда уже и лѣчить нечего. Именно такимъ русскимъ человѣкомъ былъ самъ Окоемовъ,—онъ никогда не берегъ себя, и теперь наступалъ моментъ расплаты. Да, онъ чувствовалъ изнемогающее безсиліе и начиналъ пре-

зирать себя, какъ ни на что негоднаго человѣка. Всѣ эти безсонныя ночи, дурное настроеніе духа, вялость—все это только послѣдствія всего прошлаго.

— Я себя чувствую нехорошо,—говорилъ Окоемовъ женѣ.—Мы на зиму уѣдемъ въ Москву. Мнѣ необходимо отдохнуть серьезно... Можетъ-быть, доктора пошлютъ куда-нибудь за границу. Мнѣ впередъ больно объ этомъ думать, потому что какъ-то не время... Нужно бы еще поработать здѣсь и тогда уже уѣхать со спокойной совѣстью.

— Здѣшней работы не переработать, — заявляла Настасья Яковлевна, обрадованная мыслью о поѣздкѣ въ Москву.—Тебѣ серьезно нужно отдохнуть...

— А какъ здѣсь все останется?

— Ничего, какъ-нибудь проживутъ и безъ тебя... Вѣдь это въ тебѣ говоритъ извѣстное самолюбіе, что безъ тебя ужъ все рушится. Такъ каждый думаетъ о своемъ дѣлѣ, а не стало человѣка, смотришь, дѣло идетъ само собой...

— Ты отчасти права, хотя и обидно объ этомъ думать.

— Сергѣй Ипполитычъ тебя замѣнитъ на время... Онъ нынче совсѣмъ дѣловой человѣкъ...

— Гм... да, конечно...

Странно, что Настасья Яковлевна точно привыкла къ усилившемуся недомоганію мужа и не придавала ему особеннаго значенія. Что̀ же, онъ и раньше иногда прихварывалъ. Ей только дѣлалось жутко, когда онъ смотрѣлъ на дѣтей такимъ долгимъ-долгимъ взглядомъ, точно хотѣлъ прочитать на этихъ дѣтскихъ личикахъ ихъ будущее. А онъ мучился именно мыслью о дѣтяхъ, которая затемняла даже заботы о дальнѣйшей судьбѣ компаніи. Какъ хотите, а человѣкъ всегда останется человѣкомъ и больше всего будетъ заботиться именно о своихъ дѣтяхъ, выплачивая этимъ путемъ тотъ долгъ любви, который былъ когда-то сдѣланъ на его собственное дѣтство. И Окоемовъ мучился, любуясь дѣтьми... Что̀ ихъ ожидаетъ, когда его не будетъ? Какіе люди будутъ ихъ окружать? Что̀ они будутъ видѣть и слышать? Какая рука будетъ направлять ихъ первые шаги? Господи, сколько хорошаго онъ хотѣлъ бы имъ сказать, но они сейчасъ еще не могли его понимать и платили за любовь только своими дѣтскими улыбками. Если бы они продолжали его дѣло, его работу, его мысли, тѣ лучшія мысли, для которыхъ сто̀итъ жить на свѣтѣ... Они вырастутъ большія, и онъ не увидитъ ихъ большими — развѣ это не обидно?.. У нихъ будутъ свои радости, и онъ не порадуется вмѣстѣ съ ними, у нихъ будетъ свое горе, и онъ не раздѣлитъ его. Никогда еще ему не хотѣлось такъ жить, какъ именно сейчасъ; и никогда его жизнь не была такъ нужна, какъ именно сейчасъ,—жизнь для дѣтей, въ которыхъ все будущее.

Въ Красномъ-Кусту и въ Салгѣ какъ-то разузнали объ отъѣздѣ Окоемова, хотя самъ онъ и не говорилъ объ этомъ никому. Это открытіе скрытыми путями волновало теперь всю сторублевую компанію, и всѣ имѣли такой озабоченный видъ, приготовляясь впередъ къ чему-то важному. Уже давно возникло какое-то нелѣпое соперничество между Краснымъ-Кустомъ и Салгой, и теперь оно выплыло наружу съ особенной рельефностью. Внѣ партій стояли одна княжна и, отчасти, Сережа. Раздували дѣло главнымъ образомъ краснокустскія хозяйки, давно косившіяся на Крестникова по совершенно неизвѣстнымъ причинамъ. Кто-то что-то и кому-то говорилъ, и т. д.

Передъ отъѣздомъ Окоемовъ устроилъ общее засѣданіе членовъ компаніи, чтобы провѣрить отчеты по разнымъ статьямъ хозяйства. Цѣль собранія была самая скромная, но оно получило самый бурный характеръ, благодаря разрѣшившимся страстямъ. Началось съ того, что Калерія Михайловна обидѣлась,

когда Крестниковъ попросилъ ее объяснить какую-то цифру въ отчетѣ по ея скотному двору. Она вся вспыхнула и отвѣтила незаслуженной рѣзкостью:

— Вы давно уже подыскиваете удобный случай, чтобы придраться ко мнѣ...

— Помилуйте, никогда и ничего подобнаго не имѣлъ въ виду,—оправдывался Крестниковъ.—И даже готовъ извиниться за свой нескромный вопросъ...

— Почему нескромный? Вотъ видите, господа...

Окоемовъ попробовалъ-было потушить это недоразумѣніе въ самомъ началѣ, но только еще больше подлилъ масла въ огонь. Какъ-то заговорили всѣ разомъ, и никто не хотѣлъ слушать. Такого азарта еще не бывало на общихъ собраніяхъ.

— Мы не желаемъ, чтобы оставался Сергѣй Ипполитычъ!—слышались голоса салгунцевъ.—Не желаемъ...

— Господа, говорите кто-нибудь одинъ,—предлагалъ Окоемовъ, но его не слушали.

Бунтовали, конечно, главнымъ образомъ мужчины, а женщины угнетенно молчали, напуганныя всѣмъ случившимся.

Послѣ бурныхъ преній едва выяснилось, что кто-то пустилъ слухъ объ отъѣздѣ Окоемова навсегда, и что онъ бросаетъ компанію на произволъ судьбы, т.-е. съ Сережей во главѣ. Бывшій главный управляющій очень сконфузился такимъ оборотомъ дѣла и счелъ за лучшее оставить засѣданіе.

— Что̀ вы имѣете сказать противъ Сергѣя Ипполитыча?—поставилъ вопросъ Окоемовъ.

— Да онъ ничего, Василій Тимоѳеичъ, когда вы тутъ,—отвѣтилъ Крестниковъ за всѣхъ.—Но положиться на него окончательно мы не можемъ...

— Дѣло ваше... Выбирайте, кого хотите. Каждый имѣетъ право голоса, какъ мужчины, такъ и женщины... Будемъ голосовать вопросъ.

На баллотировку были поставлены два кандидата — Сережа и Крестниковъ. Результатъ оказался совершенно неожиданный: большинство голосовъ получилъ Сережа, а въ меньшинствѣ оказался Крестниковъ. Въ переводѣ это означало, что перевѣсило общественное мнѣніе Краснаго-Куста, главнымъ образомъ за него были женщины.

— Полагаю, что дѣло теперь ясно,—резюмировалъ Окоемовъ.—Это не мой личный выборъ, а всей компаніи. Я могу только радоваться, что мое мнѣніе совпало съ желаніемъ большинства...

Обиженный всей этой исторіей Сережа началъ отказываться отъ выборнаго поста, ссылаясь на то, что и ему тоже необходимо ѣхать въ Москву. Онъ по-джентльменски указалъ собранію на Крестникова, какъ на самое подходящее лицо.

— Я уже тоже не останусь,—заявила княжна.—Если Сергѣй Ипполитычъ уѣдетъ, и я тоже уже уѣду...

Поднялся снова шумъ и споры. Всѣ принялись уговаривать Сережу, но онъ твердо стоялъ на своемъ.

— Я лучше переѣду въ Салгу,—предложилъ онъ компромиссъ.

На этомъ и покончили.

Больше всѣхъ была возмущена княжна, которая никакъ не могла примириться съ допущенной несправедливостью. Окоемовъ не ожидалъ встрѣтить въ ней такую энергію и могъ только удивляться.

— Вѣдь вы же его не любите, Варвара Петровна?—говорилъ ей Окоемовъ.

— Это уже дѣло мое, а все-таки несправедливо.

Вступился даже самъ Сережа, чтобы успокоить княжну.

— Послушайте, Варвара Петровна, это даже хорошо,—доказывалъ онъ, размахивая руками.—Нельзя, чтобы въ компаніи завѣдывало дѣлами одно лицо... Я послужилъ довольно, теперь пусть другіе послужатъ.

— Можно было это же сдѣлать, только иначе... У васъ нѣтъ самолюбія, Сергѣй Ипполитычъ.

Наканунѣ самаго отъѣзда Окоемова, Сережа пришелъ къ нему въ кабинетъ и долго ходилъ изъ угла въ уголъ.

— Откровенно говоря, тебѣ не хочется переѣзжать въ Салгу? — спросилъ Окоемовъ, наблюдая друга.

— Нѣтъ, не то...

Сережа еще усиленнѣе зашагалъ, теребя свою рыжую бородку. Потомъ онъ неожиданно остановился передъ самымъ носомъ Окоемова и проговорилъ:

— Видишь ли, въ чемъ дѣло, Вася... Ѣхать одному въ деревню, дѣйствительно, того... Однимъ словомъ, я хочу жениться.

— Въ добрый часъ. А невѣста не секретъ?

— Видишь ли въ чемъ дѣло... да... Поговори ты съ Настасьей Яковлевной, т.-е. попроси ее, чтобы она переговорила съ княжной.

— А ты самъ не умѣешь?

Сережа только пожалъ широкими плечами, улыбнулся и проговорилъ:

— А если она откажетъ? Мнѣ она нравится, и, можетъ-быть, я былъ бы недурнымъ мужемъ...

— Ахъ, ты, недоросль...—смѣялся Окоемовъ.

Настасья Яковлевна взялась за эту миссію съ особеннымъ удовольствіемъ и отправилась къ княжнѣ для переговоровъ въ тотъ же вечеръ. Княжна только-что хотѣла ложиться спать. Въ виду отъѣзда Окоемовыхъ, она чувствовала себя очень скверно. Ей не хотѣлось разставаться со своимъ любимцемъ Васей.

— Я къ вамъ по очень серьезному дѣлу, Варвара Петровна...—торжественно заявила Настасья Яковлевна.

Княжна почувствовала опасность и даже запахнула свою ночную кофточку. Послѣ необходимаго приступа Настасья Яковлевна передала предложеніе Сережи. Княжна смотрѣла на нее большими глазами и отрицательно качала головой.

— Вы, вѣроятно, ошиблись... — проговорила она наконецъ. — Можетъ-быть, это уже шутка...

— Что̀ вы, развѣ такими вещами шутятъ!.. Онъ дѣлаетъ вамъ серьезное предложеніе... Вѣдь вы его немножко любите. Я давно это замѣтила. Вотъ взять хоть въ послѣдній разъ—какъ вы его защищали...

Княжна закрыла лицо и заплакала.

— У него нѣтъ характера даже сдѣлать самому предложеніе... — шептала она, улыбаясь сквозь слезы.

— И все-таки онъ хорошій. Вы его окончательно исправите...

— Дайте мнѣ подумать, Настасья Яковлевна.

— Вы будете жить вмѣстѣ въ Салгѣ... Однимъ словомъ, все будетъ отлично.

— Я уже подумаю...

Когда на другой день Окоемовы уѣзжали, княжна горько плакала, провожая своего любимца, а потомъ нагнулась къ самому уху Настасьи Яковлевны и прошептала:

— Я уже согласна...

Окоемовъ уѣзжалъ изъ Краснаго-Куста въ самомъ хорошемъ настроеніи, не предчувствуя, что уѣзжаетъ навсегда.

VI.

Въ Москвѣ все было по-старому: тотъ же Сивцевъ-Вражекъ, тотъ же окоемовскій домикъ, та же Марѳа Семеновна съ ея дворянскимъ музеемъ. Пріѣздъ Окоемова съ женой сразу оживилъ это старинное дворянское гнѣздо, и Марѳа Семеновна примирилась съ Настасьей Яковлевной, благодаря дѣтямъ. Особенно старушка полюбила старшую дѣвочку. Повторилась исторія съ княжной, ревновавшей Васю къ матери. Теперь бабушка захватила себѣ дѣвочку, которую устроила въ своей комнатѣ. Дѣвочка уже говорила и понимала, такъ что Марѳа Семеновна потихоньку посвящала ее въ свои дворянскія преданія.

— Это дѣдушка съ туркой воевалъ...—объясняла старушка, показывая на старинный громадный палашъ.

— А вѣдь туркѣ было больно, когда дѣдушка его воевалъ? — наивно спрашивала дѣвочка.

— Турка невѣрный...

Дѣвочка плохо понимала эти объясненія и пока вѣрила бабушкѣ на слово. Какой такой „невѣрный турка“? Почему дѣдушка долженъ былъ его воевать? Вообще, много было для нея непонятнаго, какъ и бабушка не понимала жизни въ Красномъ-Кусту.

— У насъ тамъ было хорошо... — разсказывала дѣвочка, припоминая далекій пріискъ.—Дядя Сережа смѣшно кричалъ поросенкомъ: сдѣлаетъ вотъ такъ губы и завизжитъ. Онъ смѣшной...

— У васъ тамъ всѣ были смѣшные,—ядовито замѣчала бабушка, ревнуя внучку къ ея прошлымъ привязанностямъ.—Вотъ ты какъ смѣшно говоришь, точно мужичка... „Говорю“, „пошла“.

— А ты, бабушка, тоже смѣшно говоришь: „писокъ“, „помахываитъ“, „хачу“...

— Въ Москвѣ всѣ такъ говорятъ, глупенькая... Лучше московскаго говора нѣтъ.

Старушку огорчало больше всего то, что дѣвочка не получила рѣшительно никакого воспитанія. Доходило до смѣшного — она не могла даже понять такой простой вещи, что баринъ и мужикъ совершенно два различныхъ существа. „Какой баринъ? — съ удивленіемъ спрашивала дѣвочка. — Почему баринъ? И мужикъ тоже баринъ?“ Марѳа Семеновна объясняла по-своему, какая разница между бариномъ и мужикомъ, но дѣло подвигалось туго впередъ. Дѣвочка отрицательно качала головкой и говорила: „У насъ въ Сибири нѣтъ бариновъ, бабушка“... Слѣдующимъ поводомъ къ огорченію служили костюмы. Да, раскольница не умѣла одѣвать дѣтей, и Марѳа Семеновна жестоко раскритиковала всѣ дѣтскіе костюмчики, особенно костюмы дѣвочки. Она рѣдко выѣзжала изъ дому, но на этотъ разъ самолично отправилась на Кузнецкій-Мостъ и вернулась съ цѣлымъ дѣтскимъ приданымъ. Маленькая сибирячка была переодѣта на англійскій манеръ и сначала очень конфузилась слишкомъ коротенькихъ юбочекъ и голыхъ колѣнокъ.

— Ты—барышня, а не мужичка,—объясняла Марѳа Семеновна.

Этотъ маленькій маскарадъ сначала забавлялъ Окоемова, а потомъ привелъ къ серьезному столкновенію.

— Мама, вы дѣлаете изъ моей дочери какую-то французскую куклу,— замѣтилъ онъ не безъ раздраженія.—Кому это нужно?

— Ну, ужъ это не твое дѣло, батюшка,—горячо вступилась Марѳа Семеновна.—Вы тамъ сами живите, какъ знаете, а дѣвочку я вамъ не дамъ

губить... да. Вотъ умру, тогда ужъ мудрите надъ ней. Моя внучка дворянка... А вы хотите изъ нея сдѣлать кухоннаго мужика. Я не позволю... Понимаешь: не поз-во-лю!.. Вотъ и весь разговоръ...

— Мама, ты забываешь, что у твоей внучки есть мать?

— Я забываю? Если бы я могла забыть... Ну, да что̀ говорить объ этомъ. Вонъ Сережа-то, небойсь, не ошибся:, на княжнѣ женился... да.

— Что̀ же, я радъ за него. Онъ хорошій человѣкъ... А потомъ, мама, если бы всѣ захотѣли жениться на княжнахъ, то не хватило бы и невѣстъ.

Раскольничье происхожденіе невѣстки часто безпокоило Мароу Семеновну, какъ она ни старалась переломить свое предубѣжденіе. Часто, по вечерамъ, вглядываясь въ дѣтское личико внучки, старушка вся вздрагивала: ей казалось, что въ этомъ личикѣ не останется окоемовскаго, а вырастетъ маленькая раскольница. Было и обидно и больно за собственное чувство... Впрочемъ, эти сомнѣнія приходили все рѣже, покрываясь спеціально-бабушкиной любовью. Моя внучка, родная, милая — и все тутъ... Никому не отдамъ. Да.

Прямыхъ столкновеній у Настасьи Яковлевны со свекровью не было, хотя она и старалась держаться въ сторонѣ. Все зависѣло отъ времени, и нужно было ждать. Бывшая лабораторія превратилась въ дѣтскую, и Настасья Яковлевна проводила бо̀льшую часть дня въ этой комнатѣ съ маленькимъ Васей. Но эта изолированность не спасала ее отъ встрѣчъ съ Мароой Семеновной за обѣдами и чаями. Происходила маленькая пытка двухъ женщинъ, мучившихся каждая по-своему. Нерѣдко случалось такъ, что Мароа Семеновна не выдерживала характера и ввертывала что-нибудь про „черную кость“ вообще и про раскольниковъ въ частности. Разъ Окоемовъ не выдержалъ и замѣтилъ матери:

— Если ты хочешь знать, мама, такъ у насъ единственно кровная аристократія русскаго происхожденія—раскольники... Князья Хованскіе, Мышецкіе, Пронскіе—были раскольники. Древніе боярскіе роды, какъ Морозовы — тоже. Настоящая русская аристократія сложилась изъ нѣмецкихъ выходцевъ и прижившихся татарскихъ мурзъ.

— А по-твоему, Окоемовы откуда взялись?

— И Окоемовы не чистой русской крови... Нашъ родъ тоже идетъ о̀тъ какихъ-то татарскихъ наѣздниковъ. Честь не особенно большая... За расколомъ трехсотлѣтняя давность, а это чего-нибудь сто̀итъ.

— Послушай, Вася, мама можетъ подумать, что я тебя обращаю въ расколъ,—замѣтила Настасья Яковлевна.—Я этого не желаю...

Мароа Семеновна поднялась, гордо смѣрила невѣстку съ ногъ до головы и только улыбнулась. Она, эта раскольничья начетчица, можетъ обратить ея Васю въ расколъ?.. Нѣтъ, это уже слишкомъ! Окоемовы всегда останутся Окоемовыми.

Окоемовъ вернулся въ Москву въ хорошемъ настроеніи,—доро̀га на него всегда дѣйствовала ободряющимъ образомъ. Но это бодрое настроеніе продолжалось очень недолго. Не прошло недѣли, какъ появились признаки угрожающаго характера. Сердце работало тревожно и тяжело, съ глухими перебоями и остановками. Все это бывало и раньше, но сейчасъ выражалось рельефнѣе и настойчивѣе, какъ проявляютъ себя только неизлѣчимыя хроническія болѣзни. А главное, нехорошо было на душѣ. Каждое утро Окоемовъ просыпался съ такой тяжестью на душѣ. Не хотѣлось ни о чемъ думать, раздражали всякіе пустяки, а тамъ, гдѣ-то въ неизвѣстной глубинѣ, разрасталась больная тяжесть. По обыкновенію всѣхъ больныхъ, Окоемовъ стара-

тельно скрывалъ свое душевное состояніе и былъ недоволенъ, когда его кто-нибудь спрашивалъ о здоровьѣ.

— О, я себя прекрасно чувствую,—отвѣчалъ онъ одинаково всѣмъ.

— А отчего у тебя такое лицо? — спрашивала Настасья Яковлевна.

— Какое лицо? Самое обыкновенное...

Когда ему дѣлалось особенно дурно, онъ уходилъ изъ дому, — недоставало воздуху въ комнатахъ, а на улицѣ дѣлалось легче. Любимымъ мѣстомъ для прогулокъ былъ Пречистенскій бульваръ, особенно утромъ, когда онъ оставался пустымъ. Теперь составляло большой трудъ дойти до бульвара. Окоемову приходилось часто останавливаться, чтобы перевести духъ. Онъ иногда чувствовалъ на себѣ сочувствующіе взгляды встрѣчавшихся пѣшеходовъ,—должно-быть, хорошъ, если чужіе люди начинаютъ жалѣть. Къ себѣ и къ своему положенію Окоемовъ относился почти индифферентно. Да, боленъ, серьезно боленъ, — что̀ же изъ этого? Мало ли больныхъ людей на свѣтѣ. Поболѣютъ, а потомъ и помрутъ. Все въ порядкѣ вещей. Мысль о смерти больше не пугала его. Что̀ же, умирать, такъ умирать. Всѣ боятся смерти по малодушію, а въ сущности это все равно, т.-е. умереть десятью годами раньше или позже. Окоемовъ сидѣлъ по цѣлымъ часамъ на садовой скамейкѣ и передумывалъ по десяти разъ одно и то же. Его удивляло и раздражало, что другіе куда-то торопятся, чего-то домогаются и на что-то надѣются. Его раздражалъ трескъ экипажей, дѣловая суета, выраженіе озабоченныхъ лицъ. Къ чему все это?..

Разъ, когда Окоемовъ сидѣлъ на своей скамейкѣ, его окликнулъ знакомый голосъ. Онъ поднялъ голову. Передъ нимъ стоялъ Маркъ Евсеичъ Барышниковъ.

— Вотъ неожиданная встрѣча, Василій Тимоѳеичъ,—суетливо повторялъ Барышниковъ, испытующе глядя на Окоемова.—Иду, смотрю на васъ и глазамъ не вѣрю...

— Что̀ же тутъ особеннаго? Я нисколько не удивляюсь, что встрѣтилъ васъ...

— Оно, конечно, такъ-съ... Гора съ горой не сходится. Да-съ... А я къ тому, что вѣдь мы не чужіе, Василій Тимоѳеичъ. Ежели вы не желаете знать родственниковъ, такъ Настя могла бы провѣдать...

— Это ея дѣло. Она, кажется, собиралась къ вамъ...

Барышниковъ присѣлъ на скамью рядомъ и суетливо полѣзъ въ боковой карманъ, откуда и вытащилъ туго набитый бумажникъ. Порывшись въ бумагахъ, онъ досталъ тщательно сложенный номеръ газеты и подалъ его Окоемову.

— Вотъ-съ, прочтите, Василій Тимоѳеичъ... Мы, хоть и учены на мѣдныя деньги, а газеты почитываемъ.

Газета была старая и заношеная. Очевидно, Барышниковъ носилъ ее въ бумажникѣ не одинъ мѣсяцъ. Окоемовъ развернулъ ее и отыскалъ отмѣченное краснымъ карандашомъ мѣсто,—это была корреспонденція съ Урала, въ которой говорилось о „консервированной компаніи“. У Окоемова запрыгали строчки передъ глазами отъ охватившаго его волненія. Корреспондентъ вышучивалъ ихъ сторублевую компанію и особенно его, какъ основателя, причемъ дѣлались совсѣмъ не прозрачные намеки на его эксплоататорскія наклонности и капиталистическій характеръ всего дѣла. Барышниковъ слѣдилъ за выраженіемъ лица Окоемова и улыбался. Да-съ, Василій Тимоѳеичъ, получите вполнѣ... Не одинъ вы на свѣтѣ умный человѣкъ, найдутся и другіе грамотеи. Вотъ какъ даже ловко отхватали васъ...

— Вы мнѣ подарите этотъ номеръ,—проговорилъ Окоемовъ спокойно.

— Съ большимъ удовольствіемъ...

— Кстати, я даже знаю, кто ее и писалъ: нашъ общій другъ Илья Оедорычъ Утлыхъ. Можетъ-быть, даже и вы руку приложили?

— Гдѣ намъ, дуракамъ, чай пить, Василій Тимоѳеичъ. А только написано, дѣйствительно, хлестко... Что подѣлаете: гласность нынче распространилась.

— Что же, я ничего не имѣю противъ... Я газетъ мало читаю и очень вамъ благодаренъ за вниманіе.

— Такъ-съ, случайно на глаза попалась газетина... Удивляюсь я, какъ это начальство пропускаетъ тому подобныя статьи.

— Отчего же ихъ не пропускать? Дѣло открытое, и бояться нечего... Если хотите, я даже радъ, что дѣла нашей компаніи переданы на судъ публики, хотя и не могу согласиться съ корреспондентомъ во всемъ. Во всякомъ случаѣ, я радъ...

Барышниковъ былъ недоволенъ получившимся эффектомъ. Онъ ожидалъ встрѣтить другое.

— Свои здѣшнія дѣла вы совсѣмъ забросили, Василій Тимоѳеичъ,—заговорилъ онъ, переводя разговоръ.—Совершенно напрасно-съ...

— Я не совсѣмъ здоровъ, Маркъ Евсеичъ... Нужно лѣчиться. Будетъ, поработалъ въ свою долю...

— Оно конечно, а все-таки жаль-съ... Большія дѣла изволили дѣлать-съ.

— Ну, это не совсѣмъ вѣрно. Большое-то дѣло осталось тамъ, на Уралѣ...

— Оно конечно... А промежду прочимъ, до свиданія, Василій Тимоѳеичъ. Тороплюсь...

— Завертывайте какъ-нибудь къ намъ. Настасья Яковлевна будетъ рада...

— Подумывалъ, Василій Тимоѳеичъ, да все какъ-то смѣлости не хватаетъ. Неученые мы люди, по образованному-то ступить не умѣемъ...

— Перестаньте, пожалуйста... Заходите просто. Вы знаете, что я тоже простой человѣкъ...

Милый родственникъ удалился, а Окоемовъ улыбался, провожая его глазами.

VII.

Когда Окоемовъ вернулся домой, Настасья Яковлевна сразу замѣтила, что что-то случилось. У него было такое странное лицо.

— Вася, ты здоровъ?

— Какъ всегда...

Потомъ онъ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ и позвалъ жену.

— Вотъ что, Настенька,—началъ онъ, съ трудомъ выговаривая слова.—Сейчасъ я встрѣтилъ Марка Евсеича... да. Отчего ты не хочешь съѣздить къ роднымъ? Это неудобно... Выходитъ такъ, точно я этого не хочу.

— Я все собираюсь, но какъ-то некогда,—смутилась Настасья Яковлевна.

— А я знаю, что тебѣ очень хочется видѣть своихъ и ты только стѣсняешься. Да, стѣсняешься, что они захотятъ отплатить визитъ и пріѣдутъ сюда посмотрѣть, какъ ты живешь. Вѣдь это же ихъ родственное право...

— А мама?

— Что же дѣлать, ей придется себя преодолѣть, то-есть свою дворянскую гордость, даже не гордость, а чванство. И въ вашемъ кругу, Настенька, есть тоже свое чванство... Во всякомъ случаѣ, ты мнѣ сдѣлаешь большое удовольствіе, если возстановишь добрыя отношенія съ родственниками. Старые счеты можно и позабыть... Я самъ потому съѣзжу къ нимъ.

— Дядя ничего особеннаго не говорилъ тебѣ?—спросила Настасья Яковлевна, смутно догадываясь, что мужъ чего-то не договариваетъ.

— Нѣтъ, ничего... Впрочемъ, виноватъ: онъ преподнесъ мнѣ небольшой подарокъ отъ чистаго сердца.

Окоемовъ досталъ изъ кармана номеръ газеты и передалъ его женѣ.

— Вотъ тутъ цѣлая корреспонденція о насъ...

Пока жена читала, Окоемовъ наблюдалъ выраженіе ея лица. Какое это было чистое, хорошее женское лицо. Корреспонденція, конечно, не могла ей понравиться, но она выдержала характеръ и не выдала непріятнаго чувства ни однимъ движеніемъ.

— Меня всегда удивляетъ одно, Вася,—замѣтила она, подавая газету обратно:—именно, что̀ заставляетъ людей говорить и дѣлать несправедливое... Вѣдь тотъ, кто писалъ эту корреспонденцію, зналъ, что пишетъ неправду и что дѣлаетъ это только для того, чтобы устроить тебѣ непріятность.

— Садись сюда, на диванъ... Поговоримъ серьезно. Первое впечатлѣніе у меня было такое же, а потомъ я раздумался и пришелъ къ заключенію, что авторъ корреспонденціи былъ, по-своему, правъ, правъ безсознательно. И написано совсѣмъ не глупо. Исходныя точки двѣ: моя личность, какъ предполагаемый эксплоататоръ, и потомъ кажущаяся мелочность самого дѣла. По первому пункту я раздѣляю общую судьбу всѣхъ иниціаторовъ—это вполнѣ понятно. Дѣло настолько установилось, что я могу даже оставить его на время. Второй пунктъ гораздо сложнѣе... Психологически вѣрно одно, именно, что люди, которые неспособны сдѣлать ничего, всегда задаются громадными задачами и относятся презрительно къ тѣмъ маленькимъ дѣламъ, изъ какихъ складывается жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое сдѣлала наша компанія особенное? По этой логикѣ нереализовавшихъ себя великихъ людей ровно ничего... Даже смѣшно: какіе-то дурацкіе консервы, какое-то хозяйство—просто не стоило огородъ городить. Гораздо проще и вѣрнѣе: взять да разомъ и осчастливить все человѣчество... Вотъ это задача, а остальное пустяки. Такъ какъ осчастливить разомъ всѣхъ довольно трудно, то великіе люди остаются не у дѣлъ и критикуютъ маленькія дѣла другихъ. Эта черта особенно въѣлась въ нашъ русскій характеръ,—она наше несчастіе...

Онъ перевелъ духъ и продолжалъ:

— Да, я видѣлъ, какъ дѣлаютъ настоящія большія дѣла, и убѣдился только въ одномъ, что они подготовляются задолго мелкой и кропотливой работой, которая никого не дѣлаетъ героями. Въ свое время будутъ и герои, а пока нужно дѣлать свое маленькое дѣло. Я самъ былъ ненужнымъ русскимъ человѣкомъ и прошелъ тяжелую школу. Сколько разъ я былъ на краю гибели—кажется, ничего не оставалось, кромѣ самоубійства, что̀ и дѣлаютъ ежегодно сотни ненужныхъ русскихъ людей. Счастливый случай въ минуту отчаянія толкнулъ меня въ Америку, и я увидѣлъ совсѣмъ другой міръ. Простой примѣръ: тамъ невозможна такая корреспонденція, потому что тамъ уважаютъ чужой трудъ и чужія убѣжденія. Да, маленькое дѣло, съ маленькими задачами, но изъ него вырастетъ громадное — я въ этомъ глубоко убѣжденъ. Интеллигентный пролетаріатъ у насъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, и въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ дѣло сводится на простое неумѣнье добыть себѣ честный кусокъ хлѣба. Кажется, ясно и, кажется, убѣдительно... Авторъ корреспонденціи ставитъ мнѣ въ упрекъ капиталистическій характеръ нашей компаніи, забывая объ одномъ, что интеллигентные бродяги не имѣютъ земельнаго надѣла, и что общинный мужицкій строй создавался вѣками. Я убѣжденъ, что интеллигентныя компаніи моего типа пойдутъ рука

объ руку вотъ съ этимъ общиннымъ хозяйствомъ, пополняя его и давая просторъ личной иниціативѣ. Одно другому ни въ какомъ случаѣ не должно и не можетъ мѣшать... Потомъ, внутренній строй будущихъ интеллигентныхъ компаній всецѣло зависитъ отъ практики, и первый опытъ не можетъ ставить какую-нибудь одну схему. Какъ мнѣ думается, у насъ въ Россіи каждая область выработаетъ свой особый типъ: на сѣверѣ будетъ преобладать артельное начало, на югѣ—индивидуализмъ. Отчего не сложиться компаніи на опредѣленный срокъ для выполненія какого-нибудь одного дѣла? Да, да, это будетъ...

Окоемовъ долго говорилъ на эту тему, волнуясь все больше. Настасья Яковлевна давно знала все, что̀ онъ говорилъ, и тоже была убѣждена въ справедливости этихъ словъ, и молча волновалась только за настроеніе мужа. Обыкновенно блѣдное лицо покрылось красными пятнами, глаза лихорадочно горѣли, дыханіе было порывистое—однимъ словомъ, ему слѣдовало успокоиться.

— Вася, ты напрасно такъ волнуешься,—замѣтила она наконецъ, обнимая его.—Нѣтъ такого хорошаго дѣла, которое не вызывало бы осужденія вкривь и вкось. Ты себѣ только напрасно нервы разстраиваешь.

— Ахъ, какая ты... Ну что̀ я значу, какъ и всякій человѣкъ, взятый отдѣльно? Важно дѣло, важно общее, а не частности... Сегодня я живъ, завтра меня не будетъ, а дѣло останется. Еще одно маленькое замѣчаніе, и я успокоюсь: всякая положительная дѣятельность очень трудна и въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ крикливыхъ, импонирующихъ формъ. Въ тысячу разъ легче находить чужіе недостатки и вообще отрицательныя формы, какъ и самому проявлять ихъ. Вотъ въ этомъ вся наша бѣда... Только богатые люди знаютъ, какимъ упорнымъ трудомъ создаются тысячи, а люди бѣдные все приписываютъ одному счастью и считаютъ себя всю жизнь обиженными, что это дикое счастье обошло почему-то вотъ именно ихъ, бѣдныхъ людей.

При всемъ желаніи Окоемовъ не могъ успокоиться. Онъ еще за вечернимъ чаемъ предчувствовалъ безсонную ночь. О, это была не первая такая ночь... Онъ спалъ у себя въ кабинетѣ, на старинномъ дѣдовскомъ диванѣ, и никто не подозрѣвалъ, какъ онъ иногда мучился въ своемъ одиночествѣ. Эти больныя ночи безконечны, а тревожить другихъ Окоемовъ не желалъ. Такъ было и теперь. Онъ отказался отъ ужина,—Марѳа Семеновна ужинала, какъ это велось въ старинныхъ барскихъ домахъ,—и ушелъ спать раньше обыкновеннаго. Ему даже показалось, что голова какъ будто свѣжѣе и сердце бьется спокойнѣе. До двѣнадцати часовъ онъ успѣлъ написать нѣсколько дѣловыхъ писемъ и съ книгой въ рукахъ улегся спать на свой диванъ,—онъ всегда читалъ передъ сномъ. Потомъ онъ погасилъ свѣчу, укутался въ одѣяло и закрылъ глаза. Кажется, что онъ спалъ. Во всякомъ случаѣ, прошло очень немного времени, какъ онъ открылъ глаза, чувствуя какую-то странную дрожь. Ему вдругъ сдѣлалось страшно, страшно безъ всякой причины... Онъ зажегъ свѣчу и быстро одѣлся. Сердце такъ и замерло, точно самыя стѣны готовы были рухнуть. Окоемовъ понималъ, что этотъ страхъ—только результатъ нервнаго состоянія и пройдетъ, но умъ говорилъ одно, а сердце говорило другое. Въ комнатѣ было тихо, и эта тишина теперь давила. Хоть бы одинъ звукъ...

— Неужели я умираю?—мелькнуло въ головѣ Окоемова, и онъ чувствовалъ, какъ у него стучатъ зубы.—Неужели все кончено... все, все?..

Онъ съ щемящей тоской осмотрѣлъ всю комнату: вотъ шкапъ съ любимыми книгами, вотъ письменный столъ... И все это уже больше никому не нужно, и самъ онъ является въ своей комнатѣ какой-то тѣнью.

Ему вдругъ захотѣлось куда-нибудь убѣжать, скрыться, туда, гдѣ есть живые люди, живой шумъ и говоръ. Да, уйти, уйти скорѣе, сейчасъ... Онъ

чувствовалъ, какъ его ноги подкашиваются отъ страха, когда онъ около стѣнки выходилъ изъ кабинета, какъ лунатикъ. Въ гостиной было темно, и онъ остановился. Надо итти направо, гдѣ дверь въ переднюю... Скорѣе, скорѣе. Онъ опомнился только тогда, когда въ передней появился свѣтъ, и его окликнулъ знакомый голосъ:

— Вася, ты куда?..

Это была Настасья Яковлевна, какимъ-то чутьемъ угадавшая, что дѣлается что-то неладное.

— Я... я... мнѣ страшно...—шепталъ Окоемовъ, прислоняясь къ стѣнѣ.— Ахъ, какъ страшно, Настенька...

Она сняла съ него шубу, взяла шапку и молча увела въ кабинетъ. Онъ повиновался, какъ ребенокъ, и только крѣпко сжималъ ея руку; на лбу у него выступилъ холодный потъ.

— Я сейчасъ приготовлю на спиртовкѣ горячаго чаю, — говорила Настасья Яковлевна, щупая холодный лобъ мужа.

— Ради Бога, не уходи... страшно одному...

Онъ крѣпко ухватилъ ее за руку и притянулъ къ себѣ.

— Настенька, родная, я сейчасъ умиралъ... Какъ это страшно!..

— Это просто твои нервы расходились... Давеча взволновался съ этой дурацкой корреспонденціей. Я ужъ предчувствовала, что случится что-нибудь.

— Нѣтъ, не то... Я дѣйствительно умиралъ, Настенька. Это была первая повѣстка... такъ, вдругъ... Кругомъ темно, мертвая тишина, и я чувствовалъ, какъ жизнь уходила изъ меня.

На нее смотрѣли такіе испуганные глаза, полные нѣмого отчаянія. Потомъ онъ провелъ рукой по своему лицу, какъ человѣкъ, который не можетъ проснуться, и заговорилъ:

— Я тебѣ не кажусь сумасшедшимъ? Вѣдь это тоже смерть...

— Перестань, пожалуйста... Хочешь еще воды?

— Нѣтъ... Знаешь, ложась спать, я думалъ о томъ, что̀ дѣлается тамъ, на Уралѣ. Отчего такъ давно нѣтъ писемъ отъ Сережи? И княжна тоже молчитъ... И мнѣ вдругъ представилось, что я ошибался... Да, что изъ нашей компаніи ничего не выйдетъ въ настоящемъ ея видѣ, что нужно еще многомного работать, а я уже обезсилѣлъ. Жалкій, ничтожный человѣкъ... Сегодня онъ полонъ смѣлыхъ замысловъ, полонъ сознанія своихъ силъ и съ дерзостью смотритъ впередъ, а завтра... Посмотри на меня: развѣ это я, Окоемовъ? И я, который долженъ былъ такъ заботиться о своемъ здоровьѣ, меньше всего думалъ именно объ этомъ... Какъ останутся дѣти-сироты?.. Боже, дай мнѣ силы, чтобы поднять ихъ на ноги, сдѣлать изъ нихъ сильныхъ, честныхъ людей.

— Ты только разстраиваешь себя, Вася,—заговорила Настасья Яковлевна спокойнымъ голосомъ.—Къ смерти нужно быть всегда готовымъ... И страшно умирать только тому, у кого нечистая совѣсть. Вѣдь рано или поздно всѣ мы умремъ—чего же бояться? Именно о смерти и не слѣдуетъ думать, потому что это малодушіе... Ты видалъ, какъ спокойно умираетъ простой народъ.

— Да, да, правда...

— Вотъ я выросла въ той средѣ, гдѣ не боятся смерти... Милый, нужно быть мужественнымъ.

Окоемовъ съ удивленіемъ слушалъ эти простыя слова, и ужасная тяжесть спадала у него съ души. Да, онъ—выродившійся представитель стараго дворянскаго рода, а съ нимъ говорила женщина простого и великаго въ своей простотѣ народа. Какъ она была хороша сейчасъ именно этой строгой про-

стотой, какъ хороши всѣ русскія женщины, въ которыхъ и покой, и любовь, и вѣра, и великая твердость характера. Именно такой была Настасья Яковлевна, и Окоемовъ почувствовалъ, что ему легко именно потому, что она сидитъ рядомъ съ нимъ. Ему сдѣлалось даже совѣстно за собственное малодушіе...

— Настенька, я больше не буду,—какъ-то по-дѣтски оправдывался онъ, чувствуя себя виноватымъ.—Да, не буду... Ты должна меня презирать...

Вмѣсто отвѣта, она крѣпко его обняла и поцѣловала. Нѣжности были не въ ея характерѣ, и въ этомъ движеніи было все. О, она одна знала, какъ онъ серьезно боленъ, и впередъ приготовлялась къ роковой мысли, что любимаго человѣка не станетъ—не станетъ для другихъ, а онъ всегда будетъ жить въ ея сердцѣ.

VIII.

Окоемовъ, дѣйствительно, успокоился, хотя и чувствовалъ все увеличивавшуюся съ каждымъ днемъ слабость. Онъ покорился своей участи... Тѣ немногіе часы, когда онъ могъ работать, были посвящены приведенію своихъ дѣлъ въ порядокъ,—это было все, что̀ оставалось для него въ будущемъ. Всѣ деньги почти цѣликомъ находились въ разныхъ предпріятіяхъ, а налицо оставался довольно небольшой капиталъ, которымъ все-таки можно было обезпечить семью скромнымъ образомъ. Ни для себя ни для дѣтей Окоемовъ и не желалъ роскоши или показного богатства. Все-таки бѣдность всегда остается лучшимъ учителемъ...

Такъ время подвигалось къ Рождеству. Въ сильные холода онъ не выходилъ уже изъ дому, и всѣ сношенія съ внѣшнимъ міромъ ограничивались визитомъ молодого доктора, которому Окоемовъ сказалъ:

— Я понимаю свое безнадежное положеніе, но вы все-таки навѣщайте меня—это успокаиваетъ маму...

Докторъ былъ такой милый человѣкъ, вѣровавшій въ свою науку съ трогательной довѣрчивостью. Окоемовъ любилъ слушать его торопливыя, горячія рѣчи, когда дѣло заходило о какомъ-нибудь интересномъ случаѣ медицинской практики.

— Мнѣ остается только извиниться передъ вашей медициной,—шутилъ Окоемовъ,—я даже для нея сейчасъ не представляю никакого интереса... Самый обыкновенный случай, когда сердце подаетъ въ отставку.

Москва уже была засыпана снѣгомъ. Стояли морозы. Слышно было, какъ на улицѣ визжали полозья и хрустѣлъ снѣгъ подъ ногами пѣшеходовъ. Короткіе дни смѣнялись такими длинными вечерами. Въ окоемовскомъ домѣ вся семья по вечерамъ собиралась въ гостиной. Марѳа Семеновна сидѣла съ какимъ-то безконечнымъ вязаньемъ, Настасья Яковлевна занималась съ маленькимъ Васей, а Окоемовъ обыкновенно лежалъ на диванѣ, прикрывшись пледомъ. Было и тепло, и уютно, и хорошо, какъ въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ всѣ собираются по вечерамъ вмѣстѣ. Разъ, незадолго до Рождества, именно въ такой вечеръ, раздался неожиданный звонокъ.

— Это, вѣроятно докторъ...—спокойно замѣтила Настасья Яковлевна, тревожно взглянувъ на мужа.

Въ передней послышался осторожный мужской голосъ, а затѣмъ въ гостиную вошелъ Сережа. Это было такъ неожиданно, что никто ничего не могъ сказать, и не смутилась только одна Настасья Яковлевна—она вызвала Сережу съ Урала телеграммой. Сережа молча расцѣловался со всѣми и сдѣлалъ видъ, что больной не произвелъ на него никакого впечатлѣнія.

— Какъ это ты, Сереженька, все вдругъ дѣлаешь,—журила обрадованная Марѳа Семеновна.—Точно съ печи упадешь...

— Да ужъ такъ вышло, бабушка... Я теперь человѣкъ семейный, а жена и потащила въ Москву.

— Гдѣ же она, княжна?

— А осталась у себя въ номерѣ... Съ дороги чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровой, и потомъ... гм... вообще...

Появленіе Сережи сразу оживило Окоемова. Да и Сережа привезъ такія радостныя вѣсти. Въ Красномъ-Кусту все шло отлично и въ Салгѣ тоже. По примѣру ихъ маленькой колоніи образовалась въ сосѣдней Тобольской губерніи другая, потомъ говорили о третьей въ Уфимской губерніи—однимъ словомъ, дѣло понемногу развивалось. Сережа разсказывалъ свои новости такимъ тономъ, точно все это были вещи самыя обыкновенныя.

— И ты не съѣздилъ туда?—удивлялся Окоемовъ.

— Мнѣ-то было некогда, а Крестниковъ ѣздилъ... Въ Тобольской колоніи разница съ нашей въ томъ, что тамъ нѣтъ наемныхъ рабочихъ, а всѣ члены работаютъ сами. Нѣтъ членовъ-пайщиковъ. Компанія арендовала землю у татаръ и работаетъ.

— Что̀ же, отлично,—радовался Окоемовъ.—Такъ и должно быть...

— Потомъ я слышалъ, что такія же колоніи устраиваются въ Самарской губерніи и на Кавказѣ. Присылали къ намъ за годовымъ отчетомъ... Кстати, я написалъ коротенькую исторію нашей компаніи и думаю ее здѣсь, въ Москвѣ, напечатать. Кто поинтересуется, можетъ получить печатный оттискъ... Вообще, у насъ миръ и покой, а въ Салгѣ и совсѣмъ хорошо. Кстати, жена захватила съ собой Таню. Нужно дѣвочку учить, и она думаетъ устроить дѣвочку гдѣ-нибудь въ Москвѣ. Самъ Потемкинъ въ прежнемъ положеніи и временемъ дичитъ...

Марѳа Семеновна слушала разсказы Сережи, смотрѣла на него и только качала головой. Вѣдь вотъ совсѣмъ другой человѣкъ сдѣлался, а какое чудо-то было... Недаромъ старые люди сказали: женится—перемѣнится.

Таня была привезена въ Москву по желанію Настасьи Яковлевны, которая рѣшила, что все равно, воспитывать двоихъ дѣтей или троихъ. Сказалась раскольничья черта: по раскольничьимъ домамъ всегда воспитываются сироты. Да и Таня такая была умненькая. Еще въ Красномъ-Кусту Настасья Яковлевна привязалась къ ней и выучила ее бойко читать по-славянски. Таня будетъ хорошей подругой старшей дѣвочкѣ.

— Ты это что̀, Сереженька, глазами-то шмыгаешь?—спрашивала Марѳа Семеновна.—Не успѣлъ пріѣхать и торопишься...

— Да я ничего, бабушка...

— Не отпирайся: по глазамъ вижу. Небось, о женѣ соскучился?

— Нѣтъ, я ничего, а такъ... Осталась она одна и ждетъ меня. Просила поскорѣе возвращаться.

— Ничего, не помретъ...

Сережа-мужъ былъ, дѣйствительно, какъ-то угловато-милъ. Его не стали задерживать. Въ передней Настасья Яковлевна взглядомъ спросила его, какъ онъ нашелъ больного, и Сережа только покачалъ головой.

— Я ко всему приготовилась...—шепнула Настасья Яковлевна, глотая слезы: она такъ привыкла скрывать свое горе, а тутъ не выдержала.—До весны, можетъ-быть, дотянетъ...

— Богъ милостивъ, Настасья Яковлевна... Можетъ-быть, докторъ ошибается.

— Присылайте завтра княжну. Мы всѣ объ ней соскучились... Я понимаю, почему она сегодня не пріѣхала съ вами.

Сережа только молча поцѣловалъ у нея руку.

Пріѣзду гостей Окоемовъ ужасно былъ радъ, особенно, когда на другой день пріѣхала княжна съ Таней. Онъ давно не чувствовалъ себя такъ хорошо. И княжна была такая милая,—замужество ее помолодило, какъ всѣхъ счастливыхъ женщинъ. Даже въ движеніяхъ появилась какая-то особенная мягкость. Всего смѣшнѣе было то, что княжна находила своего здоровяка-мужа больнымъ и даже хотѣла везти къ какому-то знакомому доктору, чтобы посовѣтоваться. Окоемовъ хохоталъ надъ ней до слезъ, такъ что княжна даже обидѣлась.

— Вы уже считаете меня совсѣмъ глупой, Василій Тимоѳеичъ...—роптала она, не имѣя силъ удержать счастливую улыбку.—Сергѣй Ипполитычъ, дѣйствительно, боленъ...

— Милая княжна, вы сконфузите только вашего доктора, когда приведете къ нему такого здоровяка.

— Нѣтъ, я уже замѣтила, что онъ нездоровъ, особенно, если ляжетъ спать не во-время или не дѣлаетъ моціона... Этимъ уже шутить нельзя.

— Ты его запугаешь, мать, въ конецъ...—замѣтила Марѳа Семеновна съ авторитетомъ опытной женщины.—А оно, пожалуй, и лучше, когда построже.

У княжны были свои разсказы про колонію. Сережа передавалъ только внѣшнія дѣла, а княжна привезла цѣлый ворохъ новостей изъ міра внутреннихъ отношеній. Ея планы относительно женитьбы Потемкина рушились окончательно—онъ былъ сильно ненадеженъ, а вотъ фельдшеръ Потаповъ, пожалуй, женится на хохлушкѣ, если та пойдетъ. У нихъ разыгрывается сейчасъ свой маленькій романъ, и къ веснѣ, дастъ Богъ, все кончится къ общему благополучію.

Здоровые люди увлекались своими здоровыми дѣлами и на время забывали о больномъ. Окоемовъ слушалъ ихъ и чувствовалъ себя гостемъ, который вотъ-вотъ уйдетъ. Обидное и тяжелое чувство, но онъ былъ даже радъ, что хоть на короткое время не стѣсняетъ другихъ своимъ присутствіемъ. Вотъ и теперь говорятъ о людяхъ, которые готовятся жить, думаютъ о будущемъ и счастливы уже этой возможностью. Вообще, большіе хитрили съ нимъ, отчасти обманывали себя, и вполнѣ искренней была только одна маленькая Таня. Дѣвочка долго и внимательно смотрѣла на больного, а потомъ откровенно спросила:

— Дядя Вася, а ты скоро умрешь?

Вопросъ былъ сдѣланъ открыто, при всѣхъ, и всѣ ужасно смутились. Не смутился одинъ Окоемовъ. Онъ подозвалъ дѣвочку къ себѣ, обнялъ и проговорилъ отчетливо и спокойно:

— Нѣтъ, милочка, я совсѣмъ не умру... Я буду всегда съ вами. Возьми книгу—развѣ человѣкъ, который написалъ ее, умеръ? Онъ говоритъ съ тобой, онъ заставляетъ тебя плакать и смѣяться—значитъ, онъ живъ... Я очень много работалъ и очень много любилъ, и тоже не умру. Любовь не умираетъ... Будетъ только перемѣна именъ: вмѣсто Василія Тимоѳеича Окоемова будетъ работать и любить Василій Васильичъ Окоемовъ. Онъ сейчасъ еще малъ и ничего не понимаетъ, а вырастетъ большой—и все пойметъ.

Маленькая Таня сдѣлалась какъ-то особенно близкой Окоемову, и онъ съ удовольствіемъ проводилъ съ ней цѣлые часы въ откровенныхъ дѣтскихъ разговорахъ. У нихъ теперь было много общаго, а главное—полная искрен-

ность. Окоемовъ внутренно подсчитывалъ себя и находилъ, что много совершенно лишней тяжести носилъ на себѣ, отъ которой такъ хорошо освободиться.

Разъ княжна засидѣлась въ кабинетѣ у Окоемова,—ей тяжело было его оставить, хотя назначенный мужу часъ возвращенія и былъ просроченъ. По выраженію глазъ больного она чувствовала, что онъ желаетъ, чтобы она оставалась съ нимъ.

— Княжна, мнѣ хочется поговорить съ вами...—началъ онъ, съ трудомъ перемѣняя положеніе на подушкахъ.—Дѣло въ томъ, что я давно собираюсь поговорить съ женой откровенно и никакъ не могу. Она слишкомъ близка мнѣ... Будетъ больно и ей и мнѣ. Да... А мнѣ нужно сказать много, очень много.

Онъ съ трудомъ перевелъ духъ и посмотрѣлъ на княжну такими любящими глазами. Она умѣла слушать.

— Да, очень много, княжна... Зачѣмъ всѣ вы думаете о моей смерти? Я не умру, я буду жить съ вами въ тѣхъ стремленіяхъ и цѣляхъ, которыя соединяютъ людей въ одно цѣлое. Вотъ вы готовитесь быть матерью, а вашъ сынъ или дочь уже будутъ составлять частицу всѣхъ насъ, потому что прилѣпятся къ нашему общему дѣлу. Слушая дѣтскую болтовню Тапи, я часто думаю о томъ, какъ она будетъ большой дѣвушкой, потомъ замужней женщиной, матерью и пойдетъ по нашей дорогѣ... Вотъ въ чемъ жизнь и смыслъ жизни, и вотъ почему отдѣльный человѣкъ не умираетъ, если онъ одушевленъ общей идеей и служитъ общей цѣли. Да и что̀ значитъ каждый человѣкъ въ отдѣльности? Сегодня онъ есть, а завтра его не стало... Раньше я тосковалъ, что не увижу своихъ дѣтей большими и не буду имѣть возможности передать имъ то лучшее, для чего самъ жилъ. Да, обидно и грустно... Но сейчасъ думаю: передастъ имъ мать, передадите вы, передастъ маленькая Тапя. Видите, я спокоенъ... Скажите и это моимъ дѣтямъ, когда они будутъ большими людьми.

Княжна не удержалась и расплакалась. Окоемовъ обнялъ ее и поцѣловалъ въ лобъ.

— Милая вы, милая русская женщина... О, какъ я васъ всѣхъ люблю, и какое свѣтлое будущее вамъ предстоитъ... Не плачьте. Для слезъ будетъ свое время...

— Я уже не буду...—по-дѣтски всхлипывала княжна, напрасно стараясь улыбнуться сквозь слезы.—Я уже такъ васъ люблю...

— Если любите, то не плачьте... И когда меня не будетъ, тоже не плачьте... а вспоминайте съ веселымъ лицомъ. Да...

Потомъ Окоемовъ закрылъ глаза и проговорилъ:

— А теперь я усталъ, милая княжна...

Княжна убѣжала въ дѣтскую и долго рыдала, уткнувшись головой въ подушки.

— За что, за что?—шептала она.—Вѣдь уже другіе живутъ... пьяницы, негодяи, несправедливые люди... Зачѣмъ?

IX.

Свѣтлое настроеніе не оставляло Окоемова. Посѣщавшій его докторъ могъ только удивляться. Такъ прошелъ декабрь и январь. У родныхъ и знакомыхъ явилась даже слабая надежда, что больной проживетъ зиму, а потомъ его можно будетъ увезти куда-нибудь на благословенный югъ. Чего ни бываетъ на свѣтѣ... Даже Настасья Яковлевна начинала вѣрить возможности выздоровленія, какъ и другіе, страстно желавшіе выздоровленія Окоемова.

Сережа съ женой оставались въ Москвѣ, не рѣшаясь ѣхать на Уралъ. Имъ было больно оставить Окоемова въ его настоящемъ положеніи. Сережа часто оставался ночевать въ окоемовскомъ домѣ и возился съ больнымъ, какъ сидѣлка. Сколько въ немъ было терпѣнія и какой-то женской ласковости. Одно его присутствіе дѣйствовало на больного успокоительно,—вѣдь Сережа былъ такой здоровякъ и точно приносилъ вмѣстѣ съ собой струю здоровья. Потомъ въ немъ не было этой женской нервности, которая волновала Окоемова. Старые друзья говорили больше о серьезныхъ дѣлахъ, и Окоемовъ высказывалъ свои послѣдніе планы.

„Какой онъ хорошій...“—думалъ больной каждый разъ, когда Сережа уходилъ отъ него.

Когда Окоемову дѣлалось тяжело, онъ обыкновенно посылалъ за Таней и просилъ дѣвочку почитать Библію. Ему нравилось, какъ дѣтскій голосъ, чистый, какъ серебро, отчетливо и ясно читалъ великія слова, нравилось наблюдать серьезное выраженіе этого чистаго дѣтскаго личика,—величайшая книга переливала свою святую любовь, святыя страданія и святыя надежды въ эту маленькую дѣтскую головку и наполняла невинное дѣтское сердце святыми предчувствіями. Окоемовъ чувствовалъ, какъ онъ самъ дѣлается тоже маленькимъ и его больное сердце крѣпнетъ и наполняется „мірови миромъ“. Да, нужно сдѣлаться ребенкомъ, чтобы подняться до высоты этой книги книгъ... И онъ шелъ по свѣтлой дорогѣ въ невѣдомую даль, оставляя земныя заботы, желанія и надежды.

— Таня, ты понимаешь, что̀ читаешь?—спросилъ разъ Окоемовъ, любуясь своей маленькой чтицей.

— Все понимаю, дядя Вася...

По цѣлымъ часамъ Окоемовъ лежалъ съ закрытыми глазами, и всѣ ходили на цыпочкахъ, думая, что онъ спитъ.

Но онъ не спалъ,—вѣрнѣе сказать, не могъ даже сказать, спитъ онъ, или нѣтъ. Это были грёзы наяву... И въ этихъ грёзахъ онъ никогда не былъ больнымъ, а, напротивъ, такимъ цвѣтущимъ, молодымъ, сильнымъ. Онъ еще разъ путешествовалъ, только теперь путешествовалъ по своей родинѣ. Вѣдь онъ чувствовалъ холодъ сѣверной зимы, изнывалъ въ песчаныхъ пустыняхъ средней Азіи, карабкался на кручи Кавказа, плылъ по великой русской рѣкѣ Волгѣ, и опять работалъ, счастливый, сильный, любящій. Главное, любящій... Пробуждаясь отъ своего забытья, онъ долго не могъ очнуться и перейти къ грустному настоящему. Ему казалось даже страннымъ, что онъ боленъ, что съ трудомъ едва можетъ перейти съ дивана на кресло, и что ему даже тяжело думать о чемъ-нибудь, а тѣмъ больше разсказать кому-нибудь свои грёзы. Невидимая рука точно отдѣляла его отъ міра живыхъ людей, и онъ смотрѣлъ на себя, какъ на чужого. Да и пора отдохнуть... Покой—все. Только утихла бы ноющая, глухая боль въ сердцѣ и можно было бы дышать свободно. Довольно мукъ, довольно...

Мартовское утро. Въ комнату заглядываютъ съ какой-то дѣтской радостью лучи ласковаго весенняго солнышка. Съ крышъ каплетъ вода, образуя ледяные бордюры изъ сталактитовъ. Въ воздухѣ несется желаніе жить... И Окоемовъ почувствовалъ облегченіе и сообщилъ это женѣ. Никто не смѣлъ даже радоваться, хотя всѣ страстно мучились желаніемъ вѣрить.

— Мнѣ лучше... да... лучше... — повторялъ Окоемовъ, глядя на жену округлившимися отъ болѣзни глазами.

— Только, пожалуйста, не волнуйся...—уговаривала она.—Если бы ты теперь выспался хорошенько.

— О, я буду скоро здоровъ... Мы опять поѣдемъ туда, на милый сѣверъ... Сколько времени потеряно съ этой глупой болѣзнью.

— Да, да... Ѣдемъ, только поправляйся.

Всѣ боялись вѣрить и вѣрили. Это была первая ночь, что всѣ заснули спокойно. Марѳа Семеновна, не допускавшая мысли, что ея Вася можетъ умереть, за послѣднее время замѣтно пріободрилась и даже заплакала отъ радости, что ея Васѣ наконецъ лучше.

Но Окоемовъ не заснулъ. Ему мѣшало какое-то странное головокруженіе и шумъ въ ушахъ. Онъ терпѣливо дождался утра, когда всѣ проснулись, и попросилъ сейчасъ же послать за Таней.

— Я соскучился...—серьезно объяснилъ онъ.

Настасья Яковлевна удивилась его спокойствію и послала за дѣвочкой. Таня сейчасъ же пріѣхала. Окоемовъ попросилъ посадить себя на диванѣ въ подушкахъ, усадилъ дѣвочку рядомъ и попросилъ ее читать.

— А что̀ мы сегодня будемъ читать?—спросила дѣвочка.

— Разверни книгу и читай, что̀ раскроется.

Таня развернула библію на той страницѣ, гдѣ разсказывалась исторія Самсона. Дѣтскій голосъ зазвенѣлъ... Окоемовъ слушалъ, закрывъ глаза.

— „...и пришелъ Самсонъ въ станъ филистимскій...“

— Таня, дай мнѣ свою руку...

Дѣвочка сама взяла исхудавшую руку Окоемова и продолжала читать исторію Самсона. Когда она кончила, Окоемовъ былъ уже мертвъ.

1894.

ВСТРѢЧИ.

ПРАВИЛЬНЫЯ СЛОВА.

Изъ путевыхъ эскизовъ.

I.

Мы ѣхали въ первый разъ на студенческую лѣтнюю „побывку". Вернуться домой студентомъ—это уже говорило достаточно само за себя. Еще въ Петербургѣ составилась цѣлая компанія, и мы весело катили на далекую родину, минуя чужіе города, чужихъ людей и вообще чужую сторону. Домой—сколько хорошаго, молодого, здороваго и теплаго въ одномъ этомъ словѣ!..

Москва, Нижній, Казань мелькнули какъ-то особенно быстро, и мы съ нетерпѣніемъ ждали родной Камы съ ея крутыми, глинистыми берегами, траурнымъ лѣсомъ и роднымъ холодкомъ. Пароходъ „Купецъ" шелъ очень медленно, и въ помѣщеніи третьяго класса въ майскія ночи было порядочно-таки холодно, особенно принимая во вниманіе наши лѣтнія „сакъ-пальто" съ Апраксина. Когда пароходъ вошелъ въ Каму, наше положеніе оказалось почти критическимъ—потянуло „сиверкомъ", воздухъ настолько засвѣжѣлъ, что благоразумные люди понадѣвали шубы. Днемъ мы кое-какъ перебивались еще около машины, но страшна была близившаяся холодная ночь.

Спасеніе явилось совершенно неожиданно въ лицѣ сплавщика съ рѣки Бѣлой, у котораго оказалось съ собой цѣлыхъ два бараньихъ тулупа, не считая надѣтаго на немъ полушубка изъ домашней овчины.

— Всѣхъ угрѣю,—радушно приглашалъ старикъ, снисходя къ нашей господской безпомощности.—Одинъ тулупъ постелемъ на полъ, а другимъ сверху покроемся. Тутъ насъ изъ пушки не прошибешь..

Какъ теперь вижу этого сплавщика... Высокій, плечистый, съ большой косматой головой, онъ выдѣлялся изъ остальной толпы пассажировъ, какъ настоящій богатырь. Такіе типы попадаются еще въ захолустьяхъ, какъ Уфимская губернія. Замѣчательнѣе всего у нашего богатыря было лицо—широкое, съ окладистой бородой и славянскими сѣрыми глазами; на этомъ лицѣ лежала печать удивительной доброты, а глаза смотрѣли совсѣмъ по-дѣтски. Онъ и говорилъ совсѣмъ особенно, тѣмъ языкомъ, отъ котораго вѣяло нетронутымъ домашнимъ тепломъ. Помимо его тулуповъ, сплавщикъ приводилъ нашу компанію въ восторгъ, какъ рѣдкій представитель настоящаго „народа", и притомъ нашъ мужикъ, вспоенный уральской водой. Сказался извѣстный областной патріотизмъ, да и старикъ оказался такимъ разговорчивымъ, интереснымъ. Его рѣчь такъ и пересыпалась поговорками, прибаутками и тѣмъ краснымъ словцомъ, по которому узнаешь умнаго человѣка сразу.

— Вы изъ школьниковъ будете? — разспрашивалъ онъ насъ. — На побывку домой потянули...

— Не школьники, а студенты,—поправлялъ кто-то, обиженный названіемъ школьника.

— Ну скубенты такъ скубенты: все одно—угрѣю... Кто ни попъ, тотъ и батька, а у меня домашняго тепла на весь пароходъ хватитъ. Будемъ другъ о дружку грѣться...

Кама была въ полномъ разливѣ, и нужно было видѣть, какъ любовался могучей рѣкой старикъ. Онъ зналъ каждую отмель, каждый островокъ и могъ „пробѣжать" на пароходѣ съ закрытыми глазами. Эта любовь къ своей рѣкѣ, къ своимъ мѣстамъ и къ своему вообще отвѣчала какъ нельзя лучше нашему общему настроенію, и старикъ въ нашихъ глазахъ въ теченіе однѣхъ сутокъ выросъ въ какого-то сказочнаго богатыря. О рѣкѣ онъ говорилъ какъ о живомъ существѣ и говорилъ такъ любовно, тепло, что мы и сами начинали переживать такое же любовное настроеніе. Являлась даже мысль, что какъ хорошо быть сплавщикомъ, а все остальное пустяки...

Помню чудную майскую ночь, когда мы, обезпеченные шубами сплавщика, дольше обыкновеннаго засидѣлись на верхней палубѣ. Кама въ разливъ—безбрежное море, и эта иллюзія нарушалась только вершинами выставляющихся изъ воды деревьевъ. Въ такомъ просторѣ есть что-то такое бодрое и зовущее, точно самая мысль окрыляется. Гдѣ-то распѣвали *наши* камскіе соловьи, притаившіеся въ ивнякѣ затонувшихъ островов. За Уралъ соловьи не перелетаютъ, да и здѣсь они поютъ такъ несмѣло, точно все только пробуютъ разные мотивы и не могутъ никакъ попасть въ настоящій тонъ. Это совсѣмъ не то, что настоящіе южные соловьи, отъ поцѣлуевъ которыхъ стонутъ южныя ночи—это именно поцѣлуй, а не щелканье, какъ называютъ призывную соловьиную трель. Траурная хвойная растительность тоже говорила о своемъ родномъ сѣверѣ съ его строгими готическими линіями. Не было и бѣлыхъ волжскихъ отмелей,—ихъ смѣнила камская красная глина. Но все-таки эти камскія ночи хороши и навѣваютъ такое бодрое, хорошее настроеніе.

— Вонъ какъ она, наша матушка, разлилась, — любовно повторилъ старикъ, присматривая изъ-подъ руки серебрившуюся отъ мѣсячнаго свѣта водяную гладь.—Весна нонѣ выпала дружная... Вода и занялась; сила силой. И куда только это вода уходитъ?

— Въ море, какъ изъ всѣхъ другихъ рѣкъ.

— А изъ моря куда?

— Въ океанъ.

— А изъ окіянъ-моря?

Когда дѣло дошло до испаренія воды изъ океана, нашъ сплавщикъ уперся и не захотѣлъ понимать ни за что такой простой вещи, какую знаетъ каждый гимназистъ второго класса. Какъ мы ему ни толковали, какъ ни объясняли, богатырь не могъ согласиться, что изъ паровъ могутъ образоваться облака и т. д.

— Вода назадъ идетъ подъ землю,—утверждалъ онъ.—А потомъ изъ земли ключами и выбивается... Гдѣ ни копни, всегда до воды докопаешься. На что камень—и изъ того вода бѣжитъ, а откуда ей въ камнѣ взяться? По-вашему, все это просто: тутъ тебѣ вода, тутъ земля, тутъ паръ... А оно надумаешься. Земля одно любитъ, вода—другое.

Оказалось, что мы заговорили на двухъ различныхъ языкахъ и перестали понимать другъ друга. Это огорчило обѣ стороны, и умный старикъ

съ удивленіемъ смотрѣлъ на насъ, какъ это мы не можемъ понять такихъ простыхъ и всѣмъ понятныхъ вещей.

— Вотъ теперь я сплавщикъ,—старался онъ объяснить намъ какую-то затаенную мужицкую мысль.—Такъ я говорю? Сгоню одну бѣляну—вотъ тебѣ сотельный билетъ, клади въ карманъ. Сгоню другую—другой билетъ... А въ лѣто-то я ихъ штукъ пять сотельныхъ-то и залобую. Правильно я говорю? Хорошо... Теперь взять опять такъ: въ деревнѣ у меня родитель, древній старичокъ, и я его долженъ воспитывать. Такъ? Ему ужъ на девятый десятокъ перевалило... Вотъ я прибѣгу домой на пароходѣ и прямо старичку: на, тятенька, получай. Такъ? Старичку уваженіе... Въ деревнѣ пять-то сотельныхъ билетовъ богачество, не прожить... Хорошо. Кажется, лежи бы ты на печи да ѣшь калачи, потому сплавщики мы изъ роду въ родъ, родовичи. Живемъ справно, ничѣмъ не обижены отъ Господа Бога... Хорошо... Такъ получу я свои сотельные билеты, принесу ихъ своему старичку, а старичокъ приметъ ихъ и замѣсто благодарности кажный разъ скажетъ: „Никита, землю помни... Деньги какъ скворцы: сегодня прилетѣли, покружились, а завтра улетѣли—только ихъ и видѣлъ. Помни землю—вотъ тебѣ мой родительскій наказъ. Это отъ дѣдовъ всѣмъ намъ хрестьянамъ заказано, а какъ нарушишь дѣдовщину—то тутъ тебѣ и погинуть“. Вотъ какъ со мной старичокъ-то поговариваетъ, а у меня у самого внучата по лавкамъ бѣгаютъ... Правильный это разговоръ, господа вы мои скубенты? Вѣдь я за одинъ сотельный билетъ двоихъ такихъ работниковъ, какъ самъ, найму, а тутъ долженъ своими руками да за соху—деньги у старичка, а я въ полѣ обихаживаю, потому въ силѣ человѣкъ и долженъ все правильно. Главная причина: родительское благословеніе... У насъ вся семья правильная, и нѣтъ этого заведенья, чтобы противъ родителевъ.

Въ этихъ объясненіяхъ было много понятнаго, но все хорошее, весь смыслъ вычеркивался „родительскимъ благословеніемъ“. Этотъ крестьянскій трудъ вершился по какой-то мертвой формулѣ, не освѣщаясь сознаніемъ. Тотъ же сплавщикъ Никита не бросалъ землю и тяжелый крестьянскій трудъ только изъ рабскаго повиновенія родительской волѣ,—онъ являлся слѣпой силой, а не разумнымъ труженикомъ. Чувствовалось вообще что-то темное и стихійное, въ которомъ, какъ ребенокъ въ пеленкахъ, была завернута основная мысль нашего богатыря. Вся эта сцена происходила въ началѣ семидесятыхъ годовъ, когда еще не вошли въ ежедневный обиходъ такія всеобъясняющія слова, какъ „власть земли“; представленіе о народѣ являлось слишкомъ отвлеченнымъ, неяснымъ и расплывавшимся. Однимъ словомъ, намъ пришлось долго биться съ этимъ „сыномъ народа“, пока уяснился истинный смыслъ его міросозерцанія. Вмѣсто того, чтобы спать подъ его тулупами, мы проспорили за полночь, а утромъ продолжали тотъ же разговоръ. Нужно было видѣть взаимную радость, когда начало устанавливаться взаимное пониманіе сторонъ. Около насъ образовалась даже толпа слушателей.

— Ты—баринъ, у тебя жалованье,—выкрикивалъ сплавщикъ, съ азартомъ размахивая руками,—а я хрестьянинъ, у меня земля. Меня родители землей благословили, тебя жалованьемъ...

— А которое лучше?—спрашивалъ кто-то въ толпѣ.

— Земля лучше, потому она, первое, никуды не уйдетъ сама да и тебя не пуститъ, ежели ты правильный человѣкъ. А кто изъ хрестьянъ свернулся и пошелъ искать легкаго житья, тотъ ужъ пропадетъ, какъ онъ ни вертись, какъ себя ни утѣшай: и сапоги со скрипомъ заведетъ, и гармонію, и по трактирамъ, однимъ словомъ, мѣста человѣкъ не находитъ.

Общественное мнѣніе публики третьяго класса было на сторонѣ сплавщика. Подогрѣтый общимъ вниманіемъ и сочувствіемъ, старикъ разошелся окончательно. Оказалось, что родительское благословеніе, какъ алгебраическая формула, служило только выраженіемъ цѣлаго порядка мыслей, концентрировавшихся здѣсь, какъ въ своего рода фокусѣ, и что здѣсь больше цѣльности, логической связи и живыхъ понятій, чѣмъ въ пестромъ репертуарѣ нашихъ, вычитанныхъ изъ книжекъ мыслей.

II.

Мы были въ восторгѣ отъ нашего сплавщика, хотя и понимали его только въ половину, настолько, насколько въ его словахъ сказывалась органическая связь вотъ съ этой сѣренькой природой, землей и могучей рѣкой. Получалось цѣльное впечатлѣніе, оставлявшее за собой въ душѣ одинъ изъ тѣхъ незримыхъ слѣдовъ, изъ какихъ складывается цѣльное и живое міросозерцаніе

Въ числѣ публики, слушавшей наши разговоры, былъ одинъ худенькій старичокъ изъ „расейскихъ",—это послѣднее сейчасъ было замѣтно по его шляпѣ-гречневику, бѣлой холщевой рубахѣ съ красными ластовицами и особенно по лаптямъ. Уралъ и Сибирь не знаютъ лаптей, что̀ объясняютъ богатствомъ населенія, а вѣрнѣе объяснить недостаткомъ липы. Этотъ старичокъ все время держался особнякомъ и больше слушалъ. Только разъ онъ измѣнилъ себѣ и вызвалъ сплавщика Никиту на разговоръ.

— Уфимскіе будете?—спрашивалъ онъ сплавщика, поглаживая свою бородку клинышкомъ.

— Уфимскіе, значитъ, съ Бѣлой...

— Та-акъ...

Худенькій старичокъ какъ-то сразу оживился и ближе придвинулся къ Никитѣ. Его каріе, узенькіе глаза усиленно заморгали, а гречневикъ съѣхалъ на затылокъ.

— А какъ у васъ насчетъ земли?..—почти шопотомъ спрашивалъ онъ, потирая закорузлыя руки съ корявыми пальцами, походившими на сучья.

— Насчетъ земли? А сколько угодно... — хвастливо отвѣчалъ Никита, глядя на тщедушнаго старика сверху.—Своей не хватило—бери у башкиръ... Ренда у насъ двугривенный съ десятины, это, значитъ, башкирамъ платимъ. Лѣсу неочерпаемое множество—тоже получай... А ты, дѣдушка, изъ расейскихъ, видно, приходишься?

— Около того, милый человѣкъ... Тамбовской губерніи мы пишемся.

— Куды же ты бѣжишь съ нами на пароходѣ?

— А такъ, по своему дѣлу...

— Въ Сибирь?.. Можетъ, къ сродственникамъ какимъ?.. Со всѣхъ сторонъ гонятъ туда народъ.

— Это ты насчетъ рестантовъ? Нѣтъ, пока Господь миловалъ: никого у насъ въ роду не случалось, чтобы въ рестанты... проноситъ Господь батюшка... Нѣтъ, не случалось

— Что̀ же, дѣдушка, всѣ подъ Богомъ ходимъ: отъ тюрьмы да отъ сумы не отказывайся... Ужъ это кому какіе счастки.

— Нѣтъ, Господь миловалъ, а я по своему дѣлу...

Тамбовскій мужикъ оказался ходокомъ, однимъ изъ тѣхъ безвѣстныхъ піонеровъ, которые въ началѣ семидесятыхъ годовъ „обыскивали" Сибирь, прокладывая широкій путь послѣдующему переселенческому движенію. Богатырь Никита обрадовался своему брату-мужику, чтобы поговорить и съ нимъ

на свои излюбленныя темы о землѣ, о крестьянской работѣ, о всѣхъ распорядкахъ и свычкахъ далекой крѣпостной Расеи. Но старичокъ видимо уклонялся отъ настоящаго душевнаго разговора и только такъ-то весь ежился.

— Вотъ вы всѣ расейскіе такіе: точно васъ ушибло,—шутилъ надъ нимъ Никита.—Отъ тѣсноты это у васъ...

— Есть тѣсноты—это точно...—бормоталъ старичокъ, передвигая свой гречневикъ съ одного уха на другое. — Господскіе мы были, такъ какъ тѣснотѣ не быть... обыкновенно... За бариномъ жили, неколи было расширяться-то.

— Такъ ты насчетъ земли хочешь промыслить?—допрашивалъ Никита.— Правильно...

— Такъ, по своему дѣлу,—уклончиво бормоталъ ходокъ, точно стыдился, что слишкомъ ужъ разболтался передъ чужимъ человѣкомъ.

Лично меня этотъ тамбовскій старикъ заинтересовалъ своей особенной мужицкой выдержкой. Вглядываясь въ него, каждый чувствовалъ присутствіе чего-то особеннаго, что̀ онъ несъ съ собой такъ бережно, какъ святыню. Эти расейскіе лапти, домашняго холста бѣлая рубаха и гречневикъ прикрывали именно то, чего недоставало выростковымъ сапогамъ, ситцевой рубахѣ и бараньимъ шубамъ нашего сплавщика Никиты. Ходокъ не стыдился своей мужицкой бѣдноты и не щеголялъ ею, а къ тугому богатству Никиты относился совершенно равнодушно. Замѣчательно было то, что, когда этотъ тщедушный старичокъ подходилъ къ намъ, богатырь Никита какъ будто заминался въ своихъ рѣчахъ. Простая публика третьяго класса тоже поглядывала на него, точно ожидая какого-то мудренаго слова, но старикъ упорно молчалъ и только угнетенно вздыхалъ.

— Правильно я говорю, дѣдушка, по-нашему, по-хрестьянскому? — не одинъ разъ спрашивалъ Никита, видимо встревоженный молчаливымъ присутствіемъ ходока.

— Извѣстно, правильно, — равнодушно соглашался дѣдушка и опять улыбался.—Все правильно, милый человѣкъ... какъ слѣдоваетъ...

Между этими двумя мужиками народилась и вырастала какая-то невидимая рознь, которая чувствовалась, а не поддавалась словесному опредѣленію... Получалось что-то неладное, скрытое и недосказанное, что̀ замѣтно раздражало Никиту. Кажется, чѣмъ могъ помѣшать ему безобидный тамбовскій мужичонка, а между тѣмъ Никиту такъ и коробило, когда тотъ улыбался въ свою бородку клинышкомъ.

Въ Пьяномъ-Бору, гдѣ высаживались пассажиры, ѣхавшіе на Уфу, мы распростились съ нашимъ сплавщикомъ. Онъ взвалилъ на свои могучія плечи два громадныхъ мѣшка, захватилъ шубы и превратился въ цѣлую копну.

— Ну, не поминайте лихомъ, господа вы мои скубенты,—прощался онъ, выставляя голову изъ своихъ шубъ.—Можетъ, что̀ и лишнее сказалъ, такъ не обезсудьте на нашей простотѣ...

Пароходъ причаливалъ къ маленькой пристани. Публика столпилась у праваго борта, а въ томъ числѣ и тамбовскій ходокъ. Когда пароходъ остановился и публика хлынула къ сходнямъ, сплавщикъ Никита протянулъ руку ходоку и проговорилъ:

— Ну, дѣдушка, счастливой дороги...

— Спасибо, милый человѣкъ.

Никита постоялъ, тряхнулъ своими мѣшками и шубами и проговорилъ:

— А вѣдь я правильно говорилъ... а?.. Насчетъ хрестьянства то-есть.

— Правильно-то правильно, да только оно тово...—замялся старичокъ и

неожиданно прибавилъ:—глупый ты человѣкъ, Никита, хоша ты и въ сапогахъ и три шубы у тебя...

Произошла нѣмая сцена. Сплавщикъ замѣтно смутился, а мы положительно были обижены за него.

— Пустой человѣкъ и больше ничего,—задумчиво повторилъ старикъ, не обращаясь собственно ни къ кому.—И правильныя слова говорилъ все время, а все-таки пустой...

— Да почему пустой?—приставалъ къ нему кто-то изъ студентовъ.—Это не доказательство: пустой, пустой... Про всякаго такъ можно сказать.

— А какъ, по-вашему, хорошо это правильныя-то слова зря разговаривать?—заговорилъ ходокъ уже съ азартомъ.—У меня вотъ за пазухой, можетъ, тыщи рублей, такъ я и пойду на пароходѣ показывать ихъ всякому: на, молъ, смотри, сколько у меня денегъ... Деньги-то останутся деньгами, а меня каждый дуракомъ назоветъ. Такъ и у сплавщика: какъ бы настоящій онъ человѣкъ былъ, такъ не сталъ бы зря правильныя свои слова болтать... Тоже слово-то къ мѣсту говорится.

Помню, какое оглушающее впечатлѣніе эти простыя слова произвели на всѣхъ окружающихъ, а нашъ сплавщикъ вдругъ сдѣлался точно меньше. Теперь вся публика была уже на сторонѣ тамбовскаго лапотника,—это была простая, сѣрая публика, не привыкшая къ праздной болтовнѣ. Здѣсь еще жила вѣра въ слово, въ живое и могучее слово, которое нельзя бросать на вѣтеръ, потому что оно кровно срослось со своимъ внутреннимъ содержаніемъ. Сколько разъ впослѣдствіи мнѣ приходилось вспоминать эту сцену: такъ много на Руси говорится хорошихъ и правильныхъ словъ совершенно праздно и не къ мѣсту...

1889.

НА БОЛЬШОЙ ДОРОГѢ.

Очеркъ.

I.

Когда изъ окна я смотрю на Невскій, мною овладѣваетъ странное чувство: мнѣ начинаетъ казаться что все, что находится въ полѣ зрѣнія, какъ будто не настоящее. И эти пятиэтажные дома, и торцовая мостовая, и электрическіе фонари, и мчащіеся щегольскіе экипажи, и спеціальная публика Невскаго проспекта—все это какъ будто сдѣлано изъ папье-маше или, по крайней мѣрѣ, нарисовано. То же самое чувство недовѣрія преслѣдуетъ меня, когда приходится ѣхать по желѣзной дорогѣ или на пароходѣ, съ прибавкой того, что я и самъ вступаю въ бутафорскія принадлежности этого ненастоящаго и притомъ какъ будто пользуюсь чѣмъ-то чужимъ, какой-то незаслуженной привилегіей и занимаю чье-то чужое мѣсто. Это больное чувство положительно преслѣдуетъ меня и каждый разъ вызываетъ противоположный рядъ картинъ. Вѣдь настоящая деревянная Русь сейчасъ тонетъ въ непролазной исторической грязи, настоящій русскій человѣкъ дѣлаетъ свою исторію по жалкимъ лачугамъ, а для передвиженія пользуется самыми первобытными средствами. Показное щегольство и казенная роскошь столицъ, желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ рѣшительно ничѣмъ не связаны вотъ съ этой настоящей деревянной Россіей, настоящей сѣренькой, бѣдной и скучной русской жизнью и ея захудалыми ветхими способами и самодѣльными средствами передвиженія. Кажется, что, если что-то такое убрать, выпуть какія-то невидимыя подпорки—и блестящія декораціи падутъ сами собой, какъ въ балаганной фееріи, гдѣ за картонными стѣнами роскошныхъ дворцовъ балаганныя принцессы колѣютъ отъ холода и напрасно мечтаютъ о самомъ простомъ кусочкѣ хлѣба.

Я уже оговорился, что все это—область личнаго больного чувства, а его продолженіемъ является то, что самимъ собой я себя чувствую только на убогомъ русскомъ просторѣ, среди простого русскаго народа и особенно въ дорогѣ, гдѣ-нибудь на глухомъ трактѣ или на проселкѣ. Въ вагонѣ желѣзной дороги и въ пароходной каютѣ чувствуешь себя частью какого-то живого багажа, до извѣстной степени казенной вещью, за поврежденіе и порчу которыхъ кто-то и гдѣ-то долженъ отвѣчать. Эта относительная и тоже показная безопасность выкупается тѣмъ гнетомъ, который вы несете и въ формѣ билета, и въ лицѣ контролера, и даже въ этихъ пугающихъ съ непривычки свисткахъ, звонкахъ и другихъ понудительныхъ средствахъ, напоминающихъ вамъ о вашей казенной неволѣ. Меня каждый разъ охватываетъ какое-то молчаливое озлобленіе, и я съ тоской начинаю думать о безконечныхъ путе-

шествіяхъ по проселкамъ и трактамъ, гдѣ чувствуешь себя прежде всего свободнымъ человѣкомъ и самимъ собой. Хочу—ѣду, хочу—нѣтъ. А какъ хорошо думается, когда сидишь въ дорожномъ экипажѣ и грезишь подъ перезвонъ дорожнаго колокольчика, убаюканный мѣрнымъ покачиваніемъ! Я не могу, вообще, видѣть равнодушно дорожнаго экипажа, съ которымъ связано лично для меня столько спеціально-дорожной поэзіи и разныхъ воспоминаній. Сколько дорожныхъ встрѣчъ, разговоровъ, интересныхъ лицъ!

Живя на Уралѣ, я особенно любилъ поѣздки на югъ отъ Екатеринбурга, по такъ называемому челябинскому тракту. Отъѣдешь какихъ-нибудь сто верстъ, а картина уже совсѣмъ другая. Небо точно дѣлается выше, горизонтъ раздвигается, и начинаешь чувствовать близость благословенной Башкиріи, этой поистинѣ текущей млекомъ и медомъ страны, по безпощадной исторической русской логикѣ схоронившей въ себѣ вопіющую башкирскую нищету. Справа громоздятся синими контурами лѣсныя горы, слѣва стелется распаханная степь; кой-гдѣ мелькаютъ степныя озера, точно громадныя окна. Здѣсь уже другіе контуры, чѣмъ на сѣверѣ, линіи мягче, и самое солнце свѣтитъ и грѣетъ какъ-то по-другому, любовно и мягко, такъ что начинаешь чувствовать себя и лучше, и добрѣе, и покойнѣе. Легче дышится, легче думается и хочется ѣхать безъ конца, чтобы не потерять этого хорошаго настроенія. Но одна изъ моихъ послѣднихъ поѣздокъ по этому тракту была совершенно отравлена благодаря случайному спутнику, ѣхавшему на кумысъ. Это былъ молодой инженеръ, аккуратный, выдержанный и корректный до послѣдней степени. Какъ мнѣ казалось, онъ былъ боленъ не чахоткой, а просто мучился отъ мнительности. Звали его Василіемъ Иванычемъ. Худенькій, нервный, ядовитый, онъ производилъ впечатлѣніе столичнаго заморыша, убивавшаго себя неуклоннымъ стремленіемъ къ большой карьерѣ. А тутъ нервы не выдержали, съ сердцемъ что-то такое дѣлается, безсонница—вообще, вся машинка испортилась. Меня лично этотъ Василій Иванычъ возмущалъ именно своей корректностью: все у него было размѣрено, взвѣшено и предусмотрѣно до мельчайшихъ подробностей, начиная съ приспособленнаго для дороги лѣтняго костюмчика и кончая какими-то таинственными рецептами, которые онъ прочитывалъ время отъ времени и что-то такое отмѣчалъ въ своей записной книжкѣ.

Но больше всего Василій Иванычъ возмущалъ меня разговорами о питаніи собственной особы. Это было что-то уже рѣшительно невозможное. О чемъ бы рѣчь ни шла, въ концѣ концовъ она все-таки сводилась на питаніе Василія Иваныча.

— А я сегодня, знаете, утромъ два яйца въ смятку съѣлъ,—сообщалъ онъ такимъ тономъ, точно это было величайшимъ секретомъ.—Да... А потомъ цѣлыхъ двѣ унціи мясного порошка, три стакана молока и цѣлую галету, приготовленную по способу одного вѣнскаго профессора. Не правда ли, достаточно?

— О, совершенно...

— А какъ вы думаете, когда мы пріѣдемъ на станцію, могу я съѣсть еще два яйца, унцію порошка и три стакана молока?

— Право, не знаю. Все зависитъ, конечно, отъ аппетита...

— Да? А вечеромъ я опять два яйца, унцію порошка и три стакана молока... Вѣдь это составятъ въ теченіе дня цѣлыхъ десять унцій мясного порошка, десятокъ яицъ и четыре бутылки молока. Какъ вы думаете, это достаточно? Я началъ съ трехъ унцій мясного порошка и трехъ яицъ, а теперь довелъ себя до десяти. Если буду ежедневно прибавлять по одному золотнику, вѣдь это въ мѣсяцъ составятъ уже тридцать золотниковъ, да еще тридцать

яицъ, да тридцать стакановъ молока, а слѣдовательно должно получиться соотвѣтствующее увеличеніе вѣса.

— Несомнѣнно...

— Послушайте, вы говорите такимъ тономъ, точно соижаетесь и соглашаетесь со мной только изъ вѣжливости. Я понимаю, что надоѣдаю своими разговорами о питаніи, но вѣдь нормальное питаніе—все... Возьмите обратную картину, т.-е. начните убавлять систематически количество порошка, яицъ и молока—что̀ будетъ?

— Человѣкъ умретъ.

— Нѣтъ, я не довожу до такой крайности, а только хочу сказать, что онъ неизбѣжно долженъ потерять въ вѣсѣ. Знаете, нынѣшняя медицина вся построена на питаніи, а провѣрить его можно только вѣсомъ съѣденнаго и параллельнымъ вѣсомъ тѣла. Результаты поразительные... Вы, конечно, взвѣшиваетесь систематически?

— Не случалось...

Василій Иванычъ приходилъ въ священный ужасъ отъ такого невѣжества, а потомъ дѣлалъ заключеніе, что я просто хитрю.

— Да, я недавно читалъ въ газетахъ извѣстіе, что одинъ итальянскій врачъ изобрѣлъ какія-то питательныя ванны, но русскіе врачи ничего не знаютъ объ этомъ, къ кому я ни обращался. Самая возмутительная косность... У насъ всегда такъ, все заднимъ числомъ. За границей изобрѣтутъ что-нибудь новое, а мы только еще откроемъ питательныя ванны... Вы ничего не читали по этому вопросу?

— Нѣтъ...

— Послушайте, вы просто шутите и мистифицируете меня... А я всякое такое извѣстіе вырѣзываю изъ газеты и наклеиваю въ особую книжку, а къ концу года дѣлаю сводку. Приходится поневолѣ слѣдить за всѣмъ самому. Кажется, что̀ проще, какъ пить молоко, а между тѣмъ оказывается то, да не то. Если вы выпьете залпомъ стаканъ молока—результатъ одинъ, а если будете пить маленькими глоточками и заѣдать каждый глотокъ маленькимъ кусочкомъ бѣлаго сухого хлѣба — совсѣмъ другое. Или какъ ѣсть яйцо—въ смятку или крутое, объ этомъ существуетъ цѣлая литература.

И такъ безъ конца, до изнеможенія. Питательный разговоръ заканчивался только въ виду станціи, когда Василій Иванычъ умолкалъ, охваченный страхомъ за исходъ предстоящаго опыта питанія. Онъ мучился молча и старался дышать носомъ, что̀ имѣло тоже какое-то отношеніе къ питанію.

Въ концѣ концовъ я чувствовалъ, что начинаю ненавидѣть этого бѣлокураго молодого человѣка, ненавидѣть какъ-то органически и совершенно несправедливо. Нравится, ну и пусть питается,—чего проще, а между тѣмъ я возненавидѣлъ даже самое слово „питаніе“. Право, лучше ужъ умереть, чѣмъ влачить такое жалкое существованіе.

На станціи Василій Иванычъ приходилъ въ возбужденное состояніе по другому поводу. Онъ страшно боялся всякой заразы, и въ его воображеніи носились цѣлыя тучи бактерій, бациллъ, кокковъ, микрококковъ и холерныхъ запятыхъ. Онъ сначала не рѣшался войти на станцію, потомъ входилъ съ такимъ видомъ, какъ приговоренный къ смерти идетъ на эшафотъ, затѣмъ слѣдовало обнюхиваніе воздуха, насыщеннаго бактеріями, мытье стола, чайнаго стакана, горшка съ молокомъ. Было жаль смотрѣть на этого мученика питанія и гигіены. Я потихоньку злорадствовалъ, наслаждаясь этими муками моего мучителя, и даже разсказывалъ разные удивительные случаи зараженія сибирской язвой, какъ неизбѣжной принадлежностью вотъ такихъ сибирскихъ

трактовъ. Бѣдняга блѣднѣлъ отъ страха и смотрѣлъ на меня умоляющими глазами.

Къ концу этого несчастнаго дорожнаго дня мои страданія достигли апогея, и я самымъ невѣжливымъ образомъ не отвѣчалъ на вопросы, притворяясь разсѣяннымъ. А потомъ у меня явилась надежда на близившійся ночлегъ. Вѣдь Василій Иванычъ когда-нибудь уснетъ же...

Спускались уже лѣтнія сумерки. Въ воздухѣ стояла какая-то удушливая мгла. Небо было совсѣмъ чисто, и хотя одно бы облачко обѣщало прохладу. А какъ хорошо, когда быстрый лѣтній дождь спрыснетъ все кругомъ, и оплодотворенная степь точно закурится ароматомъ своихъ цвѣтовъ, травъ и маленькихъ кустиковъ степной березы, тальниковъ и вербы. Намъ предстояло ночевать въ Куяшѣ, большомъ селѣ, разсыпавшемъ свои домики по берегу красиваго степного озера. Вотъ уже вдали привѣтливо глянули первые огоньки, а неугомонныя деревенскія собаки подняли предупреждающій лай. Мысль о кипящемъ самоварѣ и деревенской яичницѣ-чиковкѣ заслоняла все. Хорошо отдохнуть съ дороги... Но Василій Иванычъ въ виду ночлега принялъ особенно озабоченный видъ и отнесся къ почтовой станціи съ особенной строгостью. Говоря проще, онъ закапризничалъ.

— Что̀ же мы будемъ дѣлать?—спрашивалъ онъ чуть не со слезами.

— Право, не знаю. Какъ хотите...

— Что̀ же я могу хотѣть? Я не желаю задохнуться въ этомъ клоповникѣ.

— Какъ хотите, Василій Иванычъ. Можно ѣхать на постоялый дворъ... Это былъ все-таки выходъ.

— Кучеръ, ты, пожалуйста, свези насъ на самый лучшій постоялый дворъ,—умолялъ Василій Иванычъ.—Я тебѣ дамъ на водку...

— Отчего же не свезти, баринъ?.. Вотъ тутъ у Ивана Митрича вотъ какъ хорошо. Домъ совсѣмъ новый... мужикъ вообще обстоятельный, т.-е. Иванъ Митричъ совсѣмъ трезвый мужикъ.

Постоялый дворъ Ивана Митрича до нѣкоторой степени оправдалъ эту лестную рекомендацію, особенно снаружи. Новая пятистѣнная изба точно сама приглашала войти. Василій Иванычъ повеселѣлъ, особенно, когда мы очутились на чистой половинѣ, гдѣ полъ былъ устланъ домашней работы половиками и все было новенькое. Огорчали, конечно, мухи, но съ этимъ неизбѣжнымъ зломъ приходилось мириться. Самъ Иванъ Митричъ, тощій черноватый мужикъ съ длиннымъ носомъ, смахивалъ на городского мѣщанина и щеголялъ въ жилетѣ, поверхъ котораго была распущена серебряная цѣпочка.

— Отлично, отлично... — бормоталъ Василій Иванычъ, подозрительно осматривая стѣны.—А клопы у васъ есть?

— Ужъ будьте спокойны, господинъ... Проѣзжающіе господа весьма одобряютъ.

— А блохи?

— Будьте спокойны... Вотъ въ этой самой комнатѣ проѣзжающая генеральша останавливалась и тоже одобряла. Въ другой разъ, гритъ, нарочно пріѣду.

Самоваръ имѣлъ очень солидный видъ, яйца и молоко свѣжіе, однимъ словомъ, все отлично. Василій Иванычъ методически съѣлъ все, что̀ ему полагалось,—это была въ собственномъ смыслѣ не ѣда, а скорѣе зарядъ какого-то мудренаго орудія. Въ избѣ сдѣлалось жарко, и Василій Иванычъ даже позволилъ себѣ раздѣться, причемъ получилъ самый жалкій видъ. Здоровенная деревенская баба, подававшая ведерный самоваръ, посмотрѣла на него съ сожалѣніемъ, какъ на котенка.

— Знаете, что?—шопотомъ сообщилъ мнѣ Василій Иванычъ.—Я вѣдь цѣлыхъ полъ-унціи лишнихъ мясного порошка съѣлъ... Будто невзначай!

Онъ какъ-то по-дѣтски хихикнулъ отъ радости, что обманулъ себя, и даже сдѣлалъ какое-то антраша тоненькими ножками-лутошками.

II.

Я предпочелъ ночевать на свѣжемъ воздухѣ, въ экипажѣ. Не могу не сказать нѣсколько благодарныхъ словъ объ этомъ удивительномъ сооруженіи, которое называется сибирскимъ тарантасомъ, тѣмъ болѣе, что оно, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ отойдетъ въ область преданія. Представьте себѣ экипажъ, въ которомъ вы можете вытянуться во весь ростъ, какъ на собственной кровати, экипажъ, который защищаетъ ваши бока отъ самыхъ отчаянныхъ толчковъ, экипажъ, въ которомъ помѣщается до двадцати пудовъ клади,—однимъ словомъ, цѣлый домъ на четырехъ колесахъ, приспособленный къ тысячеверстнымъ путешествіямъ по грунтовымъ трактамъ. Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, конечно, тарантасъ мало-по-малу совсѣмъ исчезнетъ изъ обихода, и мнѣ впередъ дѣлается его жаль, какъ жаль, когда разорятъ родное гнѣздо.

Лѣтняя ночь выдалась теплая, что̀ такъ рѣдко бываетъ на Уралѣ. Гдѣ-то сонно лаяли деревенскія собаки, пронесся испуганный топотъ овечьихъ ногъ, и опять тихо-тихо, какъ это бываетъ только ночью въ деревнѣ. Я быстро заснулъ, какъ спится только въ дорогѣ. Но это блаженное состояніе было неожиданно нарушено. Я проснулся отъ страшнаго шума и въ первое мгновеніе рѣшительно не могъ сообразить, гдѣ я и что̀ такое дѣлается кругомъ.

— Эй, братаны, откатывай барина!..

Какія-то невидимыя руки подхватили мой тарантасъ и подкатили его къ амбару. Весь громадный дворъ былъ запруженъ возами, лошадиными головами, суетившейся обозной ямщиной, а въ раскрытыя ворота одинъ за другимъ грузно вкатывались новые воза, которымъ не было конца. Я насчиталъ до тридцати и бросилъ. Это былъ обозъ, настоящій сибирскій обозъ, сохранившійся въ полной неприкосновенности добраго стараго времени. Кричали ямщики, ржали лошади, скрипѣли колеса,—однимъ словомъ, что-то въ родѣ великаго переселенія народовъ. Голосъ Ивана Митрича попеременно раздавался во всѣхъ концахъ двора, подъ громаднымъ навѣсомъ, и наконецъ исчезъ гдѣ-то на сѣновалѣ, откуда уже летѣли охапки сѣна. У меня первая мысль была о Василіи Иванычѣ, который, навѣрно, страшно перепугается этого нашествія,—онъ, вообще, боялся всего большого, всякаго проявленія грубой силы, а тутъ ввалится въ избу настоящая орда.

— Милостивый государь, нельзя ли воспользоваться спичкой?—послышался изъ темноты голосъ, видимо, обращенный ко мнѣ.

— Съ удовольствіемъ...

Оказалось, что въ передкѣ обозной телѣги, подхваченной къ самому тарантасу, помѣщался неизвѣстный пассажиръ, не принимавшій никакого участія въ общей ямщичьей суматохѣ. Загорѣвшаяся спичка освѣтила сначала широкополую поповскую шляпу, потомъ бородку мочальнаго цвѣта, скуластое лицо, мягкій русскій носъ и застѣнчиво улыбавшіеся маленькіе сѣрые глазки. Раскуривъ папиросу, неизвѣстный улыбнулся по моему адресу и, держа догоравшую спичку на-отлетъ, проговорилъ:

— Отличная погода.

— Да. А вы такъ и путешествуете на облучкѣ

— Помилуйте, да это одна прелесть... Вы только обратите вниманіе на тюменскую нашу телѣгу: не телѣга, а угодница. Она вся точно живая...

— Ну, знаете, эта угодница тоже на охотника.

— О, нѣтъ, совершенно напрасно! Даже весьма удобно... Вонъ, посмотрите, какъ я отлично устроился: вотъ подушка, подъ себя сѣнца положилъ и сплю.

— А ноги болтаются наружу.

— Привычка-съ... Я даже могу спать, какъ и другіе ямщики. Чего же еще нужно?

Наступила пауза. Кругомъ насъ происходила такая суматоха, точно на пожарѣ. Устанавливали возы, распрягали лошадей, ругались и просто орали. Фонарь Ивана Митрича уже былъ въ амбарѣ, гдѣ шла выдача мѣрокъ овса. Гдѣ-то подрались лошади. Мой неизвѣстный сосѣдъ продолжалъ сидѣть на своемъ облучкѣ, попыхивая папиросой и болтая ногами.

— А вѣдь, ежели серьезно разобрать, такъ вотъ такая тюменская телѣга идеальное произведеніе,—заговорилъ онъ, продолжая прежній разговоръ.—Если бы собрать всѣхъ инженеровъ, какіе только существуютъ на бѣломъ свѣтѣ, то ничего лучшаго и не придумать.

— Это вы, можетъ-быть, изъ патріотизма?

— Совсѣмъ нѣтъ... Во-первыхъ, она легка на ходу. Обратите вниманіе, какъ поставлены колеса: заднее съ переднимъ почти совсѣмъ сходятся, а въ этомъ большой секретъ. Чѣмъ дальше колеса, тѣмъ тяжелѣе ходъ. Затѣмъ, кузовъ поставленъ такъ, что кладь всей тяжестью упираетъ въ передокъ,—тоже своего рода законъ, по которому бревно по рѣкѣ плыветъ комлемъ впередъ. А какъ она легко поворачивается на своемъ деревянномъ ходу,—вѣдь все деревянное, кромѣ курка да шинъ. Во-вторыхъ, такая телѣга баснословно дешева—всего девять-десять рублей. Въ-третьихъ, она сдѣлана такъ, что ее, въ случаѣ поломки, можетъ починить каждый ямщикъ, а это главное. Наконецъ, она такъ приспособлена ко всѣмъ условіямъ грунтового тракта, что даетъ самое большое количество работы,—вотъ хоть моя, дойдетъ она и до Иркутска и обратно вернется. Знаете, здѣсь удуманъ каждый клинышекъ, каждая спица, это произведеніе цѣлаго народа, какъ пѣсня... Она соотвѣтствуетъ всему складу нашей бѣдной жизни, и ничѣмъ другимъ ее не замѣните, даже когда пройдетъ черезъ всю Сибирь чугунка. Желѣзная дорога все-таки намъ чужая, а какъ все чужое—дорога.

По этимъ разсужденіямъ я имѣлъ полное основаніе догадаться, что имѣю дѣло съ провинціальнымъ интеллигентомъ.

— Вы учитель?—спросилъ я.

— Нѣтъ... Впрочемъ, это все равно: моя жена учительница. А я служилъ... Господи, гдѣ только я ни служилъ! Былъ писцомъ въ окружномъ судѣ, потомъ въ земствѣ, потомъ на золотыхъ промыслахъ, потомъ у одного кулака-мучника, потомъ на пароходѣ, потомъ въ библіотекѣ.

— Извините нескромный вопросъ: что заставляло васъ такъ часто мѣнять профессію?

— Какъ вамъ сказать... Характеръ у меня покладистый, работать я привыкъ, а все дѣло въ томъ, что трудъ имѣетъ смыслъ вѣдь только тогда, когда онъ по душѣ.

Завязавшійся по этому поводу разговоръ былъ прерванъ съ крыльца:

— Лександра Василичъ, голубь сизокрылый, гдѣ ты?

— А здѣсь, Мосей Павлычъ...

— Подь сюды... Мужики ужинать садятся, такъ и ты заодно.

— Нѣтъ, спасибо Я сытъ...

— Да перестань кочевряжиться, милашъ... Брюхо не зеркало, а тутъ горяченькаго похлебаешь, ученый ты человѣкъ.

— Я ужъ поѣлъ, Мосей Павлычъ...

— Ахъ, ты, Лександра Василичъ... Сказано тебѣ: мужики садятся. На міру и ты поѣшь... Да иди же, милъ человѣкъ! Мірское дѣло.

Аргентскій обратился уже ко мнѣ:

— Пойдемте, въ самомъ дѣлѣ. Вы посмотрите, какъ ямщикъ ѣстъ. Если не видали, такъ даже очень интересно

Мнѣ пришлось только согласиться, потому что меня заботила судьба Василія Ивановича. Что-то съ нимъ теперь дѣлается?

— Иде-емъ!—крикнулъ Аргентскій, вылѣзая изъ передка.

— Давно бы такъ-то!.

На крыльцѣ стоялъ ямщичій староста, рыжебородый толстый мужикъ съ лукавыми рысьими глазками. Онъ былъ въ одной красной кумачной рубахѣ и вытиралъ потное лицо рукавомъ. Онъ фамильярно потрепалъ Аргентскаго по плечу и проговорилъ, подмигнувъ:

— Ахъ, анделъ ты мой, можетъ, мы скляночку водочки раздавимъ? Робята ужъ полуштофъ рòсчали...

— Не пью, Мосей Павлычъ, вы знаете.

Мой новый знакомый былъ небольшого роста, но широкій въ кости. Спина была сутулая, а руки несоразмѣрно длинны, точно онѣ были взяты на подержаніе отъ кого-то другого. Мнѣ нравилась та простота, съ которой онъ держался.

Въ передней избѣ, гдѣ стояла громадная русская печь, за двумя столами размѣстилось человѣкъ двадцать ямщиковъ. Воздухъ уже былъ пропитанъ запахомъ дегтя, капусты и какой-то рыбы, чтò составляло своеобразный букетъ.

— Ну, за который столъ сядешь, Лександра Василичъ?—спрашивалъ староста, подмигивая безъ всякой видимой причины.

— А ни за который, Мосей Павлычъ...

— Ахъ, ты, тараканъ тебя уѣшь... Погордишься натощакъ-то, а потомъ жалѣть будешь. Ну, пойдемъ не то самоваръ пить...

— Это можно,—согласился Аргентскій.

На чистой половинѣ уже стоялъ ведерный самоваръ, ужасно походившій на ямщичьяго старосту,—такой же красный и такъ же отдававшій горячимъ паромъ. Василій Иванычъ не спалъ. Онъ угрюмо забился куда-то въ уголъ и злыми глазами наблюдалъ всѣ ужасы, происходившіе на его глазахъ. Мое появленіе такъ его обрадовало, что бѣдняга чуть не бросился ко мнѣ на шею, какъ къ спасителю.

— Знаете, здѣсь творится что-то невозможное... — сказалъ онъ мнѣ, дѣлая трагическій жестъ.—Это какой-то пещерный періодъ...

— Именно?

— Вы видѣли, какъ они ѣдятъ, эти ямщики?

— Да... А чтò?

— Нѣтъ, это что-то невозможное. А этотъ рыжій староста,—вѣдь это какой-то гиппопотамъ... Знаете, сколько онъ выпиваетъ чаю? Двадцать стакановъ. И кромѣ того пьетъ водку и чѣмъ-то заѣдаетъ ее. Да вы посмотрите на всю эту зоологію...

Староста усадилъ Аргентскаго къ самовару, выпилъ стаканчикъ водки и укоризненно покачалъ головой:

— Ахъ, Лександра Василичъ, развѣ это порядокъ, голубь сизокрылый?

— У меня порядокъ...

Дѣло въ томъ, что Аргентскій принесъ съ собой узелокъ, въ которомъ оказались черствые крендели и черный ржаной хлѣбъ. Онъ разложилъ свою закуску на столѣ и, не торопясь, принялся за чай.

— Это ты теперь третьи сутки въ сухомятку жуешь?—корилъ староста, разглаживая рыжую бороду.—Какой же ты человѣкъ будешь, ежели у тебя провіантъ однѣ корочки?.. Лошадь не кормить, и та станетъ.

— Ничего, проживемъ,—съ улыбкой отвѣчалъ Аргентскій.—Въ случай и поработать можемъ...

— Изъ гордости ты, Лександра Василичъ, не хочешь нашей пищи принимать,—корилъ староста.

— Не изъ гордости, а потому, что даромъ вашу пищу я не хочу принимать, а платить пятіалтынный накладно. Прохарчишься какъ разъ. Да и деньги нужны. Перебьюсь какъ-нибудь...

— Небось, деньги-то женѣ везешь?

— Есть и такой грѣхъ... Вы на работѣ и можете ѣсть, а я безъ мѣста, ну, значитъ, и попощусь малымъ дѣломъ.

Я только теперь обратилъ вниманіе на выраженіе лица своего новаго знакомаго. По всему было замѣтно, что онъ постился уже не мало, обманывая аппетитъ своими корочками. Это было замѣтно по выраженію глазъ, а особенно чувствовалось въ складѣ широкаго рта. Да, постился хорошо, выдержанно, не поддаваясь на соблазны даже ямщичьей ѣды. Чѣмъ больше я смотрѣлъ на это простое лицо, тѣмъ оно больше мнѣ нравилось.

— Не предложить ли намъ ему чего-нибудь?—шопотомъ спрашивалъ меня Василій Иванычъ.—У меня есть англійскіе консервы изъ дичи... потомъ есть телятина.

— Ничего изъ этого не выйдетъ, Василій Иванычъ. Видите, онъ уже отказался разъ... Вонъ предложите старостѣ своего мясного порошку.

Василій Иванычъ даже разсердился на меня и замолчалъ. Онъ, вообще, находился въ возбужденномъ состояніи и нѣсколько разъ подходилъ къ двери, приотворялъ ее и долго наблюдалъ, какъ ямщики ужинали.

— Сначала съѣли пирогъ съ рыбой,—сообщалъ онъ мнѣ, отгибая пальцы.—Потомъ была подана уха изъ карасей... потомъ подали кашу, такую крутую, что ложка стоитъ, а кашу залили зеленымъ конопляннымъ масломъ.. Это ужасно! Нормальный человѣкъ просто можетъ умереть отъ одного такого ужина.

III.

День былъ постный, и разбитная хозяйка, подавая новое кушанье, приговаривала съ заказной ласковостью:

— Ужъ не обезсудьте, миленькіе... Кабы не постный день, такъ и штецъ бы подала, и баранинки, и молочка.

Я вошелъ въ избу, когда „миленькіе“ ѣли уже четвертую перемѣну,—передъ ними на деревянныхъ тарелкахъ лежала какая-то жареная рыба. Вилокъ не полагалось, и ѣли прямо руками, вытирая замаслившіеся пальцы прямо о волосы. Кое-гдѣ начинали слышаться тяжелые вздохи и самая откровенная икота. Деревянный жбанъ съ кислымъ деревенскимъ квасомъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Василій Иванычъ насмѣлился и вышелъ вмѣстѣ со мной.

— Неужели они и это все съѣдятъ?—съ какимъ-то ужасомъ спрашивалъ онъ меня.—Вѣдь это какой-то пиръ богатырей...

Бѣдный столичный заморышъ съ какимъ-то ужасомъ смотрѣлъ на потныя красныя лица ямщиковъ, на ихъ закрывавшіеся глаза отъ жвачнаго переутомленія, и даже вздрагивалъ, когда раздавался чей-нибудь широкій вздохъ, точно по пути могли съѣсть его, Василія Иваныча. Но на пятую перемѣну поданъ былъ еще пирогъ, на этотъ разъ съ солеными грибами. Пирогъ сдѣланъ былъ изъ пшеничнаго тѣста, какъ и все остальное: ржаной хлѣбъ въ Зауральѣ очень рѣдко употребляется, развѣ только самыми бѣдными семьями, откуда и называютъ зауральскихъ мужиковъ пшеничниками. Послѣ пирога послѣдовала жареная картошка. Василій Иванычъ послѣ каждой перемѣны таинственно исчезалъ въ свою комнату и возвращался каждый разъ веселѣе и веселѣе.

— Знаете, такое зрѣлище возбуждаетъ аппетитъ,—сознался онъ наконецъ.—Я послѣ каждой перемѣны съѣдаю по ложечкѣ мясного порошка... Итого, теперь пять ложечекъ, а это составляетъ полъ-унціи.

Василій Иванычъ даже толкнулъ меня локтемъ въ бокъ,—дескать, каково я желудокъ-то свой надуваю.

А ямщики все продолжали ѣсть. Я уже потерялъ счетъ перемѣнамъ, пока дѣло не закончилось какимъ-то пирогомъ съ изюмомъ. По счету ложечекъ у Василія Иваныча выходило девять перемѣнъ. Много приходилось мнѣ видать, какъ хорошо ѣдятъ, но такой ѣды наблюдать не случалось. Это было уже что-то, дѣйствительно, гомерическое. Ямщики не переставали ѣсть, а въ буквальномъ смыслѣ отваливались отъ ѣды. Въ дверяхъ стоялъ Аргентскій и улыбавшимися глазами наблюдалъ вспотѣвшую, раскраснѣвшуюся и неистово икавшую ямщину. Издали этихъ плотно поужинавшихъ людей можно было принять за пьяныхъ.

— Ну что̀, видѣли, какъ наши ямщички питаются? — спрашивалъ Аргентскій.

— Да, вообще...—бормоталъ Василій Иванычъ, похлопывая ручками.— Знаете, господа, не съѣдимъ ли и мы чего-нибудь, а? Право... У меня, кажется, есть аппетитъ. Да... Хозяюшка, поставьте намъ самоварчикъ...

— А для-че и не поставить, — отвѣтила здоровенная стряпуха, вся красная отъ натуги.—Вотъ только Мосей-то Павлычъ кончитъ...

Староста еще продолжалъ „чаевать“. Онъ не могъ уже ѣсть простую мужицкую пищу и наливалъ себя чаемъ. Воротъ рубахи былъ разстегнутъ, волосы на лбу прилипли, по лицу потъ катился ручьями—однимъ словомъ, человѣкъ наслаждался вполнѣ.

— Полюбопытничали, господа, насчетъ нашей, ямщичьей ѣды?—спрашивалъ онъ насъ, стараясь быть любезнымъ.—Эхъ, Лександра Василичъ, право, напрасно ты брезгуешь міромъ... На артели-то что̀ стоитъ одного прокормить. Самое это пустое дѣло.

— Ничего, не помру...

— А вѣдь вы хотите ѣсть? да?—присталъ къ Аргентскому развеселившійся Василій Иванычъ.—Съ нами, надѣюсь, не откажетесь?..

— Стаканчикъ чайку выпью...—уклончиво отвѣтилъ Аргентскій.

— Ну вотъ — одинъ разговоръ, — вступился староста. — Этого самого Лександру Василича, господинъ—не умѣю, какъ васъ назвать—никакъ не уложить, какъ кривое полѣно въ полѣнницу. А все отъ гордости...

— Что̀ же, гордость вещь хорошая, ежели къ мѣсту,—согласился Аргентскій.—А я вотъ смотрѣлъ на ямщиковъ, какъ они ѣдятъ, и пожалѣлъ...

— Н-но-о?!

— Да... Не долго уже такъ ѣсть придется. Вотъ проведутъ желѣзную дорогу, и конецъ ямщичьей ѣдѣ...

— Охъ, и не поминай ты, Лександра Василичъ, про эту чугунку... Для чиновниковъ да для купцовъ ее налаживаютъ, а простымъ народамъ прямое разоренье. Всѣмъ животы подведетъ, когда тракты отойдутъ... Ровно и не придумать, что̀ только и будетъ. Ну, теперь хоть на послѣдяхъ ямщички поѣдятъ, а потомъ поминать будутъ да дѣткамъ разсказывать. Много поѣзжено, сладко пито-ѣдено...

— А ты давно въ извозѣ?—спросилъ Василій Иванычъ.

— Я-то? А мы природные ямщики... Скоро, пожалуй, и всѣ полсотни годовъ будетъ, какъ мы-то по трактамъ ѣзды ѣздимъ. Ужъ зараза такая: такъ и тянетъ въ дорогу.

Когда нашъ самоваръ поспѣлъ и Василій Иванычъ досталъ свои консервы, Аргентскій, дѣйствительно, отказался отъ ужина.

— Послушайте, это уже упрямство!—сердился Василій Иванычъ.—Помилуйте, я сегодня цѣлыхъ девять ложечекъ мясного порошка съѣлъ, а теперь вотъ еще яйца въ смятку... У меня икра бѣлужья есть. Вѣдь вы любите бѣлужью икру? Доктора нашли, что икра—самая питательная вещь... Къ сожалѣнію, я забылъ процентный составъ бѣлковыхъ и азотистыхъ веществъ. Совѣтую попробовать... Впрочемъ, виноватъ, вы, можетъ-быть, вегетаріанецъ?

— Нѣтъ... Хотя, съ другой стороны, и изъ принципа...

— Позвольте узнать, изъ какого принципа?

— Изъ самаго простого: нужно умѣть себѣ отказать. Вѣдь это цѣлое богатство, если ограничить себя до минимума... Вѣдь я могу прожить на сухаряхъ одну недѣлю, слѣдовательно и нужно прожить.

— Кому же это нужно?

— Прежде всего мнѣ самому нужно... Да. Чѣмъ меньше у меня лишнихъ потребностей, тѣмъ я независимѣе. И такъ во всемъ... Вѣдь жизнь складывается изъ мелочей, и самое трудное выдержать себя именно въ мелочахъ...

— Да, да... Это уже цѣлая философія воздержанія, но, къ сожалѣнію, ее исповѣдывать могутъ только люди вполнѣ здоровые физически.

— А вы не думаете, что еще больше должны ее исповѣдывать больные? Вѣдь и болѣзни-то въ большинствѣ случаевъ отъ нашей невоздержанности...

— Ну, медицина говоритъ другое... Можетъ-быть, вы и медицины не признаёте?

— Отчего не признавать медицины, но это еще не значитъ, что нужно во всемъ слѣпо ей повиноваться...

Василій Ивановичъ обидѣлся и замолчалъ. Произошла довольно комичная нѣмая сцена. Аргентскій никакъ не могъ понять, въ чемъ дѣло, и нѣсколько разъ выразительно смотрѣлъ на меня. Василій Иванычъ молча заварилъ чай, вымылъ предварительно въ теплой водѣ яйца и съ какими-то особенными церемоніями спустилъ ихъ въ салфеткѣ въ самоваръ. Вѣдь приготовить яйца въ смятку по всѣмъ правиламъ искусства дѣло не легкое, и онъ гордился своимъ умѣньемъ. Когда все было готово, Василій Иванычъ съ торжественнымъ видомъ разбилъ два яйца, выпустилъ ихъ въ стаканъ, прибавилъ мелкаго сахара, тщательно все размѣшалъ, прибавилъ нѣсколько капель финьшампань и еще разъ размѣшалъ. Оставалось только съѣсть, но, когда Василій Иванычъ взялъ сухарекъ, приготовленный по особому рецепту, и зачерпнулъ ложечкой изъ стакана сдѣланную смѣсь, на его лицѣ изобразилось отчаяніе, и онъ отодвинулъ стаканъ.

— Нѣтъ, не могу...—прошепталъ онъ, вскакивая.

Аргентскій съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на этого страннаго господина,

нервно бѣгавшаго по комнатѣ маленькими шажками, а потомъ, точно сознавая какую-то вину за собой, проговорилъ:

— А вы бы посолили, Василій Иванычъ... Оно аппетитнѣе какъ будто...

— Посолить? — спрашивалъ Василій Иванычъ, дѣлая страдальческое лицо.—Вы мнѣ совѣтуете посолить?! Боже мой, Боже мой... Это, просто, какая-то насмѣшка! Да, да, да...

Василій Иванычъ подступилъ къ самому носу Аргентскаго и какимъ-то дребезжащимъ голосомъ вызывающе допрашивалъ:

— Вѣдь у меня былъ аппетитъ? Да?..

— Право, не знаю...

— Нѣтъ, вы знали... Вы видѣли... Я даже мечталъ, что съѣмъ цѣлыхъ два яйца. Понимаете: *два яйца*...

— Что же изъ этого? Я, право, не понимаю...

— Вы не понимаете? Вѣдь вы хотите ѣсть и только изъ упрямства отказываетесь... Потомъ вы заговорили о воздержаніи, какъ о какой-то панацеѣ... Вѣдь вы говорили? Ну, у меня и пропалъ аппетитъ, благодаря вамъ... Ахъ, Боже мой, Боже мой!.. А я еще сколько любовался давеча, какъ ѣли ямщики... Вѣдь это что-то былинное, богатырское... Мертвый захочетъ ѣсть, глядя на нихъ. А вы съ воздержаніемъ... Вотъ аппетита и не стало. Да...

— Знаете, что я вамъ скажу,—заговорилъ Аргентскій, понявъ наконецъ, въ чемъ дѣло.—Развѣ такъ ѣдятъ, какъ эти ямщики?

Василій Иванычъ даже сѣлъ, умоляюще посмотрѣлъ на Аргентскаго и спросилъ его притихшимъ голосомъ:

— Извините, теперь уже я васъ не понимаю... Какъ же еще можно ѣсть?

— Я хочу сказать про настоящую ѣду... Дѣло въ томъ, что ямщики ѣдятъ совершенно зря, какъ ѣстъ худая скотина. Хорошая лошадь или хорошая корова никогда много не ѣдятъ, потому что у хорошей скотины хорошо приспособленный организмъ, перерабатывающій и усваивающій хорошо принятую пищу.

— А плохая скотина—я пользуюсь вашимъ выраженіемъ?

— Плохая скотина ѣстъ много и совершенно зря. Это бываетъ большею частью отъ того, что она предварительно долго голодала. А какъ попала на хорошій кормъ, ну, и набросится. Такъ и ямщики. Дома, вѣроятно, ѣдятъ такъ себѣ, а тутъ въ обозѣ пища вольная,—вотъ онъ и наваливается. Количество пищи совсѣмъ не соотвѣтствуетъ работѣ...

— Да, да... Это вы правильно. Пожалуйста, говорите дальше, т.-е. о настоящей ѣдѣ. Очень, очень интересно...

— Лучшими ѣдоками въ народѣ считаются пильщики, потому что и работа у нихъ самая тяжелая... Вы только представьте себѣ, что такой пильщикъ съ ранняго утра и до поздняго вечера работаетъ, не разгибая спины, а лѣтній день выбѣжитъ у него въ пятнадцать рабочихъ часовъ. Всякая другая работа ведется съ прохладцей и съ паузами, а тутъ даже остановокъ нѣтъ. Просто удивительно, какъ только могутъ выносить такую страшную работу...

— Да, да, ужасно. Но вы ничего не сказали, что ѣдятъ пильщики?

— Ѣдятъ они главнымъ образомъ, конечно, хлѣбъ, а дома предпочитаютъ всему кашу.

— А мясо?

— Ну, мясо попадаетъ рѣдко и то солонина, какъ прибавка къ щамъ,— вѣдь русскія настоящія щи варятся безъ мяса и въ лучшемъ случаѣ только

съ „забѣлой“ изъ сметаны. А каша варится такъ, чтобы зерно не совсѣмъ разварилось—сытнѣе и крѣпче, когда оно „дойдетъ“ уже въ желудкѣ. Ѣдой пильщиковъ, дѣйствительно, можно полюбоваться... Отрѣзаетъ толстый ломоть ржаного хлѣба во всю коврыгу, круто посолитъ крупной солью и начинаетъ ѣсть съ такимъ аппетитомъ, что, дѣйствительно, завидно дѣлается.

— Вы говорите: крупной солью? Развѣ это питательнѣе?

— Вкуснѣе, потому что мелкая соль слишкомъ быстро таетъ во рту.

Василій Иванычъ сразу повеселѣлъ и даже пожалъ руку Аргентскому.

— Благодарю васъ, вы мнѣ подали счастливую мысль... Эй, хозяюшка!..

Вошла краснощекая стряпка, тоже, вѣроятно, изъ былиннаго періода.

— Есть у васъ соль? Понимаете: крупная...

— Какъ не быть, баринъ...

— Пожалуйста, принесите.

Стряпка пошла и принесла общую деревянную солонку, страшно захватанную и покрытую грязью разныхъ историческихъ эпохъ. Можно было подумать, что ею пользовался еще честенъ мужъ Гостомыслъ. Василій Иванычъ сморщился и съ какимъ-то страхомъ заглянулъ внутрь солонки, точно тамъ соль была насыщена бактеріями, кокками и микрококками. Стряпка смотрѣла на барина-заморыша съ сожалѣніемъ и улыбалась.

— Да вы не сумлѣвайтесь, баринъ... Червей въ соли не бываетъ.

— Хорошо, хорошо, пожалуйста, не разсуждай, матушка.

— Что же я: соль какъ соль.

Василій Иванычъ съ большою осторожностью отгребъ чайною ложечкой верхній слой соли, сохранившій отпечатки ямщичьихъ пальцевъ, и съ самаго дна досталъ щепотку.

— Такая соль?—обратился онъ къ Аргентскому, какъ къ спеціалисту.

— Да... Обыкновенная соль.

Василій Иванычъ приготовилъ два другихъ яйца уже съ солью и съѣлъ ихъ. Это было цѣлое событіе. Онъ торжествующимъ взглядомъ посмотрѣлъ на насъ и замѣтилъ:

— А вѣдь, дѣйствительно, оно лучше... Съ научной точки зрѣнія сахаръ, конечно, питательнѣе, но я совершенно упустилъ изъ виду самое простое обстоятельство, именно, что мои предки, вѣроятно, употребляли очень много соли, а отсюда унаслѣдованная привычка... Я, знаете, куплю у хозяйки всю эту солонку. Да... А потомъ разыщу пильщиковъ... Нужно посмотрѣть, какъ они ѣдятъ.

Было уже около двѣнадцати часовъ, когда я снова очутился у себя въ тарантасѣ. Сонъ былъ „переломленъ“, какъ говорятъ деревенскіе люди, и я долго лежалъ съ открытыми глазами. Ночная тишина нарушалась обозными лошадьми, пущенными къ корму. Слышно было, какъ работали лошадиныя челюсти, точно десятки жернововъ. Поужинавшіе ямщики разлеглись гдѣ попало, большею частью прямо подъ телѣгами на голой землѣ. Аргентскій помѣстился въ передкѣ своей телѣги и жегъ одну папиросу за другой. Ему тоже, видимо, не спалось.

— Какой странный господинъ,—подумалъ онъ вслухъ. — Вы спите?

— Нѣтъ...

— И я тоже. Какъ-то даже совѣстно спать въ такую ночь... Вѣдь мы цѣлую треть жизни проводимъ въ постели. Это просто обидно... Да, странный.

— Это вы про Василія Иваныча?

— Да... Знаете, мнѣ его жаль.

— Онъ боленъ, то-есть считаетъ себя больнымъ.

— Жаль... Въ болѣзняхъ есть своя философія. Совсѣмъ иначе мысли идутъ... У меня какъ-то было воспаленіе легкихъ. Вѣдь какое ничтожество каждый человѣкъ, если разобрать. Достаточно хорошаго насморка, чтобъ и мысли явились другія, то-есть настроеніе. А вѣдь туда же мечтаемъ, что гору повернемъ... И ничтожество и вмѣстѣ сила. Да, жаль, когда у человѣка всѣ мысли сосредоточиваются на какой-нибудь несчастной ѣдѣ, какъ у Василія Иваныча. Это даже и не человѣкъ, а какая-то физіологія... А между тѣмъ каждый изъ насъ можетъ быть такимъ же. У него нервы не въ порядкѣ, какъ у насъ говорятъ проще—не всѣ дома.

— Около того. Пройдетъ на кумысѣ...

Аргентскій широко зѣвнулъ, швырнулъ окурокъ и сейчасъ же заснулъ, точно утонулъ. Мнѣ очень понравилась его здоровая жалость,—самъ голодаетъ и въ то же время жалѣетъ человѣка, помѣшавшагося на питаніи. Я продолжалъ лежать. Сверху глядѣли съ дѣтскимъ любопытствомъ миріады звѣздъ. Мы слишкомъ привыкли къ небу и поэтому мало обращаемъ вниманія на это вѣчно сверкающее чудо, на этотъ безбрежный океанъ невѣдомыхъ міровъ, на эту тайну всяческихъ тайнъ. Что̀ тамъ, за тѣми туманными границами, которыя способенъ различать нашъ глазъ? Вѣдь въ наше поле зрѣнія едва входитъ какое-нибудь ничтожное туманное пятно, а такихъ пятенъ миріады, а за этими миріадами новыя миріады, и наше бѣдное воображеніе отказывается отъ дальнѣйшаго путешествія въ эти зазвѣздныя сферы. И тутъ же рядомъ съ этой неизмѣримой и безграничной огромностью стоитъ внутренній міръ человѣка, бездну призывающій и бездну отражающій. И въ этихъ душевныхъ глубинахъ тоже нѣтъ ни границъ ни конца-краю, и человѣкъ не сознаётъ, что вынашиваетъ въ душѣ тоже бездну, которая невидимыми нитями связуется съ миріадами другихъ безднъ въ прошедшемъ, въ настоящемъ и будущемъ. Вотъ хоть взять того же Аргентскаго,—еще нѣсколько часовъ назадъ онъ не существовалъ для [illegible], и мнѣ было рѣшительно все равно, существуетъ онъ или нѣтъ, а теперь я [illegible] думаю о немъ. Мнѣ дѣлается жаль его принципіальную голодовку, я думаю [illegible] его женѣ-учительницѣ, которая, вѣроятно, его ждетъ, думаю о томъ, как[illegible] будетъ хлопотать о какомъ-нибудь мѣстѣ, тревожиться, волноваться. А [illegible] дѣти, которыя ждутъ отца-кормильца, и ему будетъ совѣстно, что онъ не приноситъ корма для своихъ птенцовъ, будетъ совѣстно, что жена работаетъ, а онъ только ждетъ работы. И такихъ голодныхъ интеллигентовъ на Руси большія тысячи, и всѣхъ ихъ давитъ вопросъ о кускѣ насущнаго хлѣба, и всѣ они стараются до минимума свести свои потребности, чтобы, хотя въ этомъ отношеніи, чувствовать себя независимыми. Да, и тутъ же ликуетъ сытый негодяй, который умѣетъ приспособляться ко всякимъ обстоятельствамъ...

Чего ни продумаешь въ такую ночь! Самые простые вопросы принимаютъ совершенно новую окраску и вызываютъ необыкновенныя комбинаціи. Кажется, чего проще вопроса о хлѣбѣ насущномъ, въ прямомъ смыслѣ этого слова, а между тѣмъ какъ онъ расчленяется, нисходя до простой ѣды, какъ во вчерашнемъ случаѣ, когда столкнулся столичный заморышъ Василій Иванычъ съ его питаніемъ, возведеннымъ въ культъ, обозная ямщина, ѣвшая во-всю, и этотъ принципіально голодавшій интеллигентъ. Подъ этимъ простымъ по своему существу фактомъ скрывались совершенно разнородныя явленія, точно сошлись люди съ разныхъ планетъ. Мнѣ дѣлалось какъ-то и тяжело и совѣстно, а передъ глазами все стояло улыбавшееся своей застѣнчивой улыбкой лицо Аргентскаго. Мы говорили на одномъ языкѣ, одними словами, но смыслъ получался разный. Въ этомъ добровольномъ голоданіи было проявленіе специфическаго интеллигентнаго подвижничества, такого простого и естественнаго на

первый взглядъ, но вотъ эти обозные ямщики и тотъ же староста, Мосей Павлычъ, больше понимали Аргентскаго и ближе стояли къ нему, къ его душевному строю, чѣмъ мы съ Василіемъ Иванычемъ. Я ловилъ самого себя на какой-то роковой близости именно къ этому послѣднему. Да, онъ помѣшанъ на своемъ питаніи, но я понимаю его больше, потому что, въ случаѣ серьезнаго недомоганія, вѣроятно, и самъ превратился бы въ такого же психопата. Получались самыя обидныя сопоставленія и затаенная чисто-русская совѣстливость за что-то выше силъ.

Утромъ рано меня разбудилъ Василій Иванычъ. Онъ былъ, видимо, въ прекрасномъ расположеніи духа и сообщилъ мнѣ по секрету:

— Они опять ѣдятъ...

— Кто?

— Ахъ, Боже мой!.. Ямщики ѣдятъ. Идите, посмотрите...

Аргентскій спалъ въ передкѣ своей телѣги, свѣсивъ ноги черезъ грядку. Положеніе было самое неудобное, но онъ спалъ мертвымъ сномъ вполнѣ здороваго человѣка. Мы прошли мимо десятка возовъ, около которыхъ дремали наѣвшіяся лошади. Василій Иванычъ почтительно обходилъ ихъ, точно смущаясь собственной физической ничтожностью.

— А я познакомился со старостой,—объяснялъ онъ на ходу.—Мужикъ-воръ, но умная башка. Знаете, сколько они платятъ за свою ѣду? Что-то около пятиалтыннаго съ персоны... Просто невѣроятно, но расчетъ хозяина идетъ на кругъ, т.-е. присоединяя къ этому то, что Иванъ Митричъ наживетъ на сѣнѣ и овсѣ, на дегтѣ и разныхъ другихъ мелочахъ. Потомъ сюда входитъ необычайная дешевизна здѣшняго содержанія. Рыба, напримѣръ, стоитъ что-то около 2 копеекъ фунтъ, хлѣбъ свой и т. д.

— И все-таки за 15 копеекъ не накормить два раза.

— Ну, это ужъ ихъ дѣло.

Ямщики, дѣйствительно, опять сидѣли за столомъ и завтракали. Были и пироги, и какая-то лапша, и неизбѣжная каша, и жареная рыба. Положимъ, что ѣда шла безъ вчерашняго аппетита, но все-таки ѣли по-настоящему. Староста Мосей Павлычъ наливалъ себя чаемъ на чистой половинѣ и имѣлъ сегодня мрачно-дѣловой видъ. Отъ вчерашняго балагурства и шуточекъ не осталось и слѣда. Видимо, что его мучило похмелье, а опохмелиться было совѣстно.

Василій Иванычъ уже освоился въ кухнѣ и смѣло заглядывалъ не только въ чашки, а даже въ печь, точно и тамъ скрывался какой-то удивительный секретъ самаго раціональнаго питанія.

— А ты садись съ нами, баринъ,—предложилъ старикъ-ямщикъ, наблюдавшій Василія Иваныча.—Отвѣдай нашей мужицкой ѣды...

— Куда ему!—отвѣтила за Василія Иваныча стряпка.—Не баринъ хлѣбъ ѣстъ, а хлѣбъ барина ѣстъ...

Раздался сдержанный смѣхъ, и Василій Иванычъ поспѣшно ретировался на чистую половину.

— Этакая дерзкая тварь!—ругался онъ.—Я съ удовольствіемъ ударилъ бы ее палкой.

— Ужъ и палкой, Василій Иванычъ... Пожалуй, еще убьете живого человѣка.

— Я? О, вы меня еще не знаете... Знаете, въ каждомъ русскомъ человѣкѣ скрытъ Иванъ Грозный. Да, да... Развѣ вы не испытывали приступовъ совершенно безпричинной жестокости?..

— Вотъ что, Василій Иванычъ, не пора ли намъ отправляться?

— Подождите, голубчикъ... Меня ужасно интересуетъ, чѣмъ все это кончится.

— Запрягутъ лошадей и уѣдутъ.

— А можетъ-быть, еще будутъ ѣсть? Наконецъ мы еще чаю не пили... Да и тотъ вегетаріанецъ тоже.

— Какой вегетаріанецъ?

— Ну, Аргентскій... Онъ меня серьезно смутилъ вчера, а ужъ я потомъ догадался, въ чемъ дѣло. Конечно, вегетаріанецъ, хотя и скрываетъ это. А вы какъ бы думали? Хе-хе... У меня знакомый одинъ инженеръ чуть не умеръ отъ вегетаріанства и тоже все скрывался.

Староста продолжалъ наливаться чаемъ и очень подозрительно посматривалъ на насъ. Потомъ онъ не выдержалъ и спросилъ:

— Господа, а вы по какой же части будете?

— Мы? А мы, значитъ, по своимъ дѣламъ,—въ тонъ отвѣтилъ Василій Иванычъ, чувствовавшій необыкновенный приливъ храбрости.—Значитъ, своими средствами.

— Такъ... И тарантасъ вашъ собственный?

— И тарантасъ нашъ.

— Очень превосходно...

Староста, видимо, не вѣрилъ. Когда вошелъ хозяинъ Иванъ Митричъ, онъ началъ что-то шептать ему, причемъ Иванъ Митричъ, въ качествѣ практикованнаго человѣка, отрицательно моталъ головой.

— Вотъ этакъ-то своими средствами... да... А тутъ старушку-богомолку и нашли убитую на трахту... очень даже просто...

— Перестань ты, Мосей Павлычъ...

— А то вотъ этакъ-то двое провозили краденое золото съ промысловъ... очень даже просто...

— Это, кажется, по нашему адресу?—спрашивалъ Василій Иванычъ, понижая голосъ.

— Да, кажется...

А староста не унимался.

— Напримѣръ, зачѣмъ я буду чужие куски считать? Али по горшкамъ лазить?.. Другая бы стряпка такъ изуважила...

Разговоръ принималъ непріятный оборотъ, но къ намъ на выручку явился Аргентскій. Онъ сразу осадилъ разговорившуюся подозрительность Мосея Павлыча.

— Перестань ты молоть, толстая борода! Намъ-то какое дѣло до другихъ? Мы сами по себѣ, они сами по себѣ...

Аргентскій, повидимому, чувствовалъ себя какъ-то особенно хорошо. Когда стряпка подала намъ самоваръ, онъ подсѣлъ къ нашему столу уже безъ приглашенія и проговорилъ:

— А хорошо выпить утромъ стаканчикъ чайку...

— Вы опять со своими сухарями?

— Опять съ сухарями... Ну, да это все пустяки.

Онъ что-то не договорилъ и въ то же время желалъ высказать. Ямщики отправились закладывать лошадей; ушелъ съ ними и подозрительный староста.

— А знаете, мнѣ всего двое сутокъ ѣхать до дому,—весело проговорилъ наконецъ Аргентскій.—То-есть, вѣрнѣе, переночевать еще одну ночь, а завтра вечеромъ я дома...

— Вы соскучились по своей семьѣ?

— Еще бы... Катя вотъ пишетъ...

Онъ досталъ изъ кармана истрепанный бумажникъ, набитый разными бумагами.

— Постойте, гдѣ у меня послѣднее письмо отъ нея? У меня славная баба... Ахъ, да, вотъ...

Онъ развернулъ какое-то письмо и безъ церемоніи началъ его читать.

— Да... славная... „Милый Саша, ты опять потерялъ мѣсто“... Удивляется, а, кажется, могла бы уже привыкнуть. Да... „Я, конечно, понимаю, что ты не могъ тамъ оставаться... и я не понимаю, почему Товіевъ сердится. Твое спокойное и бодрое настроеніе меня радуетъ... Будемъ работать и бороться, Саша. Только вотъ безпокоитъ меня Аня, у которой сразу рѣжутся два зуба... Докторъ говоритъ, что ее нужно везти въ Крымъ“... Ну, это уже вздоръ! Не правда ли, какая у меня отличная жена?

Черезъ полчаса обозъ выступалъ въ походъ. Изъ воротъ медленно и тяжело выкатывались воза одинъ за другимъ. Василій Иванычъ стоялъ у открытаго окна и считалъ. На дворѣ уже позванивали дорожные колокольчики. Это закладывали нашъ тарантасъ.

— Шестьдесятъ девять... семьдесятъ... семьдесятъ одинъ...

На одномъ изъ послѣднихъ возовъ выѣхалъ Аргентскій. Онъ въ послѣдній разъ улыбнулся намъ, приподнявъ свою поповскую шляпу. Солнце уже поднялось. Пахнуло дорожной пылью. Гдѣ-то вдали тускло блестѣло подернутое утренней дымкой озеро.

— А вѣдь онъ счастливый человѣкъ... — задумчиво проговорилъ Василій Иванычъ, продолжая какую-то тайную мысль.—И эта жена Катя тоже славная... „Будемъ работать и бороться“... Право, милая.

1895.

НА ЗАИМКѢ.

Разсказъ.

I.

Солнце быстро спускалось надъ лѣсомъ, а іюльскія ночи въ горахъ безъ сумерокъ—какъ солнце сядетъ, такъ и сдѣлается темно, точно какая-то невѣдомая рука задернетъ занавѣску. Съ озера, которое обступили высокой рамой синеватыя горы, потянуло холодной сыростью. Въ лѣтніе дни солнце садится быстро, и я ускорилъ шаги, чтобы засвѣтло добраться до заимки „брата Ипполита". Издали за мной слѣдилъ мой вѣрный песъ Орликъ, не смѣвшій подойти ближе—онъ держался на почтительномъ разстояніи, потому что съѣлъ молоденькаго зайченка и ожидалъ соотвѣтствующаго наказанія. Песъ былъ, вообще, дрянной и лукавый, но что подѣлаешь, когда нѣтъ лучше. Въ моемъ ягдташѣ болтался одинъ несчастный чирокъ—добыча цѣлаго охотничьяго дня. Впрочемъ, надвигавшаяся темнота скроетъ всѣ недочеты по части охотничьихъ трофеевъ.

На заимкѣ „брата Ипполита" я бывалъ нѣсколько разъ; вотъ только спуститься подъ горку, взять по рѣчкѣ налѣво, и у самаго устья будетъ заимка, но сейчасъ ее точно кто отодвинулъ. Когда торопишься, всегда дорога кажется длиннѣе. Да и тропинка точно другая—какіе-то камни, коренья, ямы, точно кто-нибудь нарочно ихъ подкладывалъ, чтобы затруднить доступъ къ заимкѣ. Мнѣ было не до красоты чуднаго лѣтняго вечера, когда такъ хорошо пахнетъ свѣжей травой и оживляетъ спасительная прохлада. Томила къ тому же страшная жажда, и всѣ мечты сосредоточивались на томъ, чтобы напиться чаю на заимкѣ у „брата Ипполита". Онъ жилъ бобылемъ, и разсчитывать на молоко или квасъ было нельзя. Нѣтъ бабы, такъ ужъ какое тутъ молоко.

Когда мы подходили къ заимкѣ, было уже совсѣмъ темно, точно какая-то невѣдомая рука погасила послѣдній свѣтъ. Передъ заимкой на мысу, впрочемъ, ярко горѣлъ костеръ, придавая картинѣ какой-то особенно уютный видъ. Огонь нигдѣ не производитъ такого впечатлѣнія, какъ именно въ лѣсу, особенно ночью. Что-то такое уютное, жилое, говорящее о живомъ человѣкѣ и его трудѣ. Я вполнѣ понимаю, почему ветхій человѣкъ поклонялся огню, какъ божеству; если огонь и не божество, то въ немъ все-таки невольно чувствуется стихійная, именно божественная, благодѣтельная сила. Безъ огня человѣкъ оставался бы до сихъ поръ несчастнымъ и жалкимъ дикаремъ. Отнимите въ одно прекрасное утро у людей огонь, и отъ всей нашей цивилизаціи останутся однѣ развалины.

Мои мысли были вспугнуты, какъ птицы, какимъ-то крикомъ у огня. Ругались два голоса. Потомъ въ освѣщенномъ костромъ кругу запрыгали двѣ человѣческія тѣни и послышался неистовый крикъ:

— Батюшки!.. карраулъ!.. Ой, батюшки!..

Человѣческій крикъ въ лѣсу, особенно ночью, производитъ впечатлѣніе чего-то особенно страшнаго и беззащитнаго. Я побѣжалъ и почему-то на бѣгу уже замѣтилъ, что сейчасъ за костромъ стоитъ лошадь, понуро опустивъ голову и вяло отмахиваясь короткимъ, точно обгрызаннымъ хвостомъ отъ комаровъ. Навстрѣчу мнѣ выбѣжала кудластая собака Найда и безъ лая привѣтливо завиляла хвостомъ. Мой Орликъ широкими прыжками прилетѣлъ къ дравшимся и залился отчаяннымъ лаемъ.

— А вотъ тебѣ угощенье!..—слышался чей-то хриплый голосъ.—Будешь меня помнить... А вотъ тебѣ еще на прибавку!..

— Батюшки, убили... Ой, смертынька!!!

Когда я подбѣжалъ къ самому мѣсту дѣйствія, представилась такая картина: на землѣ что-то корчилось и вопило благимъ матомъ, а на это что-то навалился „братъ Ипполитъ“ всѣмъ своимъ громаднымъ тѣломъ и неистово билъ кулакомъ.

— Что̀ ты дѣлаешь?!..—крикнулъ я, хватая „брата Ипполита“ за плечо.

[illegible] удивленно повернулъ ко мнѣ свое бородатое широкое лицо съ ка[illegible]гскими сѣрыми глазами и не вдругъ отвѣтилъ:

— [illegible] вотъ за угощеньемъ человѣкъ пришелъ, ну, такъ я его и тово...

— [illegible] хорошо драться, Ипполитъ. Оставь...

— [illegible], одинъ бы разокъ еще ударить... Можно?

— Нѣтъ, довольно.

Пока „братъ Ипполитъ“ размышлялъ, можно или нельзя ударить еще одинъ разокъ, вопившее подъ нимъ что-то воспользовалось этимъ раздумьемъ и [illegible] то вывернулось. Оказалось, что это былъ солдатъ, извѣстный подъ [illegible] Вилка̀. Онъ поднялся, встряхнулся, ощупалъ себя, сомнѣваясь въ [illegible] цѣлости, оправилъ сбившіеся штаны и рубаху и проговорилъ до[illegible]ъ тономъ, который совсѣмъ ужъ не соотвѣтствовалъ недавнимъ от[illegible]воплямъ:

— [illegible]у и чортушка... ахъ, ты, братецъ ты мой?.. Думалъ, и не дыхану больше: чисто какъ жерновъ навалился. Ну и идолъ...

Удостовѣрившись, что руки, ноги, ребра и скулы цѣлы, Вило̀къ уже совсѣмъ добродушно прибавилъ:

— Вѣдь этакъ-то живого человѣка можно и убить... Вотъ такъ получилъ угощенье. Въ полной формѣ...

„Братъ Ипполитъ“ продолжалъ сидѣть на землѣ, почесывалъ въ затылкѣ и смотрѣлъ на солдата улыбавшимися добрыми глазами.

— Живъ?—спросилъ онъ солдата.

— Маленько живъ... Вотъ зачѣмъ подъ ребра бьешь, деревянный идолъ? Тоже въ самое душевредное мѣсто норовитъ...

— А ты не плутуй...

— И не думалъ! Взбрело тебѣ въ башку незнамо что̀, вотъ и накинулся на человѣка медвѣдь медвѣдемъ...

— А люди-то что̀ говорятъ? Даве на базарѣ вотъ какъ на смѣхъ меня подняли... Я ѣду на твоей лошади, а мнѣ кричатъ: „Братъ Аполитъ, погляди-ка, у твоей новокупки хвостъ телята отжевали“. Я поглядѣлъ — дѣйствительно, хвостъ тово... Потомъ опять кричатъ: „Братъ Аполитъ, гляди, лошадь-то кривая, однимъ глазомъ совсѣмъ не видитъ“. Подбѣжали это къ лошади, машутъ передъ самымъ глазомъ рукой, а она хоть бы тебѣ моргонула. Опять кричатъ: „Это солдатъ Вило̀къ изъ страженья лошадь привелъ отставную. Тебѣ на нее пенсію будутъ выдавать“. Это какъ по-твоему?

„Братъ Ипполитъ“, подогрѣтый этими воспоминаніями, сдѣлалъ попытку опять поймать вороватаго солдата за шиворотъ, но тотъ ожидалъ это движеніе Ипполитова духа и не безъ ловкости увернулся. Потомъ Вилòкъ подскочилъ къ лошади, пнулъ ее ногой въ животъ и заговорилъ азартнымъ тономъ завзятаго барышника:

— Это тебѣ не лошадь, Аполитъ? Не лошадь... а? Такъ какія же лошади по-твоему бываютъ... а? Хвостъ? Хвостъ отрастетъ... Чтò касается глаза, такъ она однимъ-то глазомъ лучше тебя все увидитъ. Экая важность: одинъ глазъ не видитъ. Да другая съ двумя-то глазами копыта ея не стòитъ. Ты бы какъ должòнъ меня благодарить за нее, идолъ... Другой бы въ ногахъ валялся.

Въ доказательство необыкновенныхъ достоинствъ лошади, Вилòкъ вскочилъ на нее верхомъ, сдѣлалъ кругъ около костра и даже заставилъ стать на дыбы.

— Это не лошадь?! — кричалъ онъ. — Драконъ, вотъ какъ надо сказать по-настоящему.

„Драконъ“ опять стоялъ подъ прикрытіемъ ѣдкой струи дыма, отгонявшей комаровъ, подогнувъ натруженныя ноги и развѣсивъ уши по-свинячьи. Лошадь никуда не годилась по всѣмъ статьямъ.

— Ежели бы лошадь была съ изъяномъ, такъ разѣ бы я смѣлъ къ тебѣ на глаза показаться?—не унимался солдатъ, начиная увлекаться собственной ложью. — Да вѣдь я бы тебя за версту обошелъ... Такъ? А тутъ иду прямо въ гости. Думаю, Аполитъ вотъ какъ поблагодаритъ... Неблагодарный ты человѣкъ и больше ничего. Вонъ рубаху на самомъ плечѣ растерзалъ...

Эта нелѣпая сцена, отъ начала до конца, будетъ понятна только тогда, когда читатель узнàетъ, что „братъ Ипполитъ“ слылъ за „тронутаго человѣка“, у котораго „не всѣ дома“. Очевидно, Вилòкъ этимъ воспользовался, сбывая свою кривую лошадь. Глядя на здоровенную фигуру „брата Ипполита“, какъ-то трудно было повѣрить, что это психически больной человѣкъ и даже не больной, а такъ, чего-то недоставало. Его всѣ обманывали, пользуясь его простотой. Жилъ онъ на своей заимкѣ на глухомъ берегу озера совершенно одинъ. Заимками въ Сибири называютъ именно такіе участки земли, которые не входятъ въ черту селенья, а стоятъ отдѣльно. Въ частности заимкой называется уже самое строенье. Большинство такихъ заимокъ имѣетъ промысловое значеніе—салотопенныя, мыловаренныя, кожевенныя заимки, въ другихъ случаяхъ заимка является пчельникомъ, рыбачьей стоянкой, фермой наконецъ. Заимка „брата Ипполита“ имѣла именно это послѣднее значеніе, когда былъ еще живъ старикъ-отецъ и когда всѣмъ „руководствовалъ“ младшій братъ Иванъ Павлычъ, въ противоположность Ипполиту худой и чахоточный, мрачный, съ тяжелымъ взглядомъ темныхъ, глубоко посаженныхъ глазъ. Послѣ смерти отца Иванъ Павлычъ ушелъ съ заимки, предоставивъ ее брату Ипполиту, а самъ промышлялъ гдѣ-то на сторонѣ какими-то темными дѣлами. Время отъ времени онъ неожиданно появлялся на заимкѣ и такъ же неожиданно исчезалъ. Иванъ Павлычъ какъ-то особенно любилъ своего тронутаго брата и снабжалъ его всѣмъ необходимымъ. Эта семья въ окрестностяхъ пользовалась плохой славой, особенно покойный старикъ, который, по словамъ старожиловъ, промышлялъ въ свое время разбоями по сибирскому тракту, а подъ старость устроился на заимкѣ. Младшій сынъ Иванъ Павлычъ пошелъ въ отца, и только Ипполитъ выросъ самъ по себѣ и жилъ самъ по себѣ. Ипполита знали только какъ брата Ивана Павлыча и поэтому называли „братъ Ипполитъ“, или попросту—Аполитъ.

II.

Чтобы отвлечь вниманіе „брата Ипполита“, я съ особенной настойчивостью потребовалъ отъ него самоваръ.

— А я сейчасъ...—точно обрадовался онъ, направляясь къ избѣ.

Заимка состояла изъ одной большой избы, вросшей въ землю. За ней горбились крыши амбаровъ и сарая. Внутренній дворъ былъ темный, наглухо крытый тесомъ, какъ строятся на Уралѣ раскольники. Въ сущности, это была настоящая деревянная крѣпость, въ которую попасть можно было только черезъ крѣпкія шатровыя ворота. Старикъ строился крѣпко, на сто лѣтъ. Рядомъ съ избой шелъ огородъ, но грядки были запущены, — „братъ Ипполитъ“ не любилъ, видимо, заниматься этимъ дѣломъ.

Съ полдороги въ избу „братъ Ипполитъ“ вернулся и тревожно спросилъ меня:

— А Найда лаяла на васъ, баринъ?

— Кажется, нѣтъ. Хорошенько не помню...

— Это ихній песикъ лаялъ,—вмѣшался Вилòкъ.—Твоя Найда, извѣстно, нѣмая... Значитъ, лишенная лая.

„Братъ Ипполитъ“ сердито посмотрѣлъ на солдата, плюнулъ и, повернувшись, зашагалъ къ избѣ.

— Не любитъ... ха-ха!..—заливался Вилòкъ.—Это ему хуже всего, т.-е. эта самая Найда.

— Почему хуже?

— А не лаетъ... Онъ ее щенкомъ взялъ, выкормилъ, вотъ какъ ухаживалъ, а она и не лаетъ. Ко всѣмъ ласкается, хвостомъ вертитъ, а своего настоящаго собачьяго дѣла не понимаетъ нисколько. Какой песъ, ежели онъ не лаетъ...

Перемѣнивъ тонъ, Вилòкъ проговорилъ жалобнымъ тономъ:

— А вѣдь онъ меня, дьяволъ, ловко обломалъ... Крыльцами не могу шевельнуть. Баринъ, нѣтъ ли у васъ водочки... значитъ, натереться...

Когда я налилъ изъ фляжки походный стаканчикъ, солдатъ посмотрѣлъ его къ свѣту, покачалъ головой и, вмѣсто того, чтобы натереться — выпилъ.

— Оно вѣрнѣе будетъ, — рѣшилъ онъ, вытирая шершавые усы прямо рукой.—Значитъ, изъ нутра лучше достигнетъ...

По наружности Вилòкъ былъ то, что̀ называется мусорнымъ мужичонкой. Онъ былъ весь какой-то нескладный — спина горбилась, лопатки выступали, шея гусиная, вся физіономія имѣла захватанный видъ. Даже военная служба ничего не могла подѣлать. Впрочемъ, Вилòкъ за малоспособностью къ строю „отмаячилъ“ свою солдатчину въ денщикахъ, причемъ ругательски ругалъ офицеровъ изъ нѣмцевъ. Сейчасъ онъ былъ не у дѣлъ, а шатался съ мѣста на мѣсто—то на заводской фабрикѣ пристроится, то на золотыхъ промыслахъ, то въ городѣ шляется. Онъ не могъ долго усидѣть на одномъ мѣстѣ и въ концѣ концовъ возвращался къ себѣ домой—онъ былъ изъ одного завода съ „братомъ Ипполитомъ“.

— Порченый я человѣкъ, вотъ главная причина, — объяснялъ Вилòкъ свое поведеніе.—Болони у меня повреждены, когда тащилъ орудію. Пушка-то мѣдная, ну и надорвался.

— У тебя жена есть, Вилòкъ?

— А то какъ же? Обыкновенно... Только она со мной не живетъ. Въ городу куфаркой служитъ. Въ гости къ ней ѣзжу... Такъ она, значитъ, не-

способная жена. „Какой, говоритъ, ты мужъ, коли у тебя ни кола ни двора?“ Сколько разовъ я ее принимался бить: ничего не понимаетъ. Вотъ все равно, какъ Найда... Тоже солдатъ солдату рознь. Другой въ солдатахъ-то только и дѣлалъ, что капусту караулилъ на солдатскихъ огородахъ, а я подъ хивинца ходилъ. Какъ же, Хиву эту самую замиряли.

— Да вѣдь ты въ денщикахъ былъ и въ сраженіяхъ не участвовалъ?

— Это все одно... Хивинецъ-то во всѣхъ одинаково палилъ, еще въ обозѣ-то похуже случалось. А что̀ мы безъ воды мýки приняли въ пескахъ — пить-то одинаково хочетъ и строевой солдатъ и денщикъ.

„Братъ Ипполитъ“ вынесъ самоваръ и принялся его „наставлять“ съ какимъ-то особеннымъ вниманіемъ. Горячіе уголья онъ бралъ изъ костра прямо рукой, а потомъ наклонялся надъ самоваромъ и раздувалъ его до того, что лицо наливалось кровью и дѣлалось краснымъ, какъ сафьянъ.

— Ишь, старается, — смѣялся Вило̀къ, раскуривая коротенькую трубочку.—А понятія-то и нѣтъ, какъ ставить самоваръ по-настоящему. Аполитъ, ты сверху-то, сколько угодно дуй, все равно, ничего не выйдетъ... Ты его дунь снизу, несообразный человѣкъ.

„Братъ Ипполитъ“ не обращалъ на эти замѣчанія никакого вниманія и продолжалъ свое дѣло съ прежнимъ усердіемъ.

Было уже совсѣмъ темно. Въ лѣсу стояла мертвая тишина, нарушаемая только изрѣдка тѣми ночными звуками, происхожденіе которыхъ трудно объяснить: можетъ-быть, всполохнулась ночная птица, можетъ-быть, треснулъ сухой сучокъ подъ ногой осторожнаго звѣря. Близость озера чувствовалась по теплому влажному воздуху, который тянулъ отъ воды, да по мѣрному плеску сонной озерной волны, сосавшей илистый берегъ и заставлявшей шелестѣть береговую поросль изъ ситниковъ. Казалось, что дышитъ что-то такое большое-большое, какъ чудовище изъ дѣтской сказки, и что отвѣтно шепчутся прибрежные тальники и зеленая осока. Хорошо въ такую темную ночь сидѣть около огня и мечтать. Мысли тянутся въ головѣ какъ-то особенно легко, безъ всякаго принужденія, и чувствуешь, что отдыхаешь. Въ такія минуты мнѣ всегда дѣлается жаль людей, которымъ приходится проводить лѣто въ городѣ, среди городской пыли и духоты. Вѣдь сколько наслажденія вотъ такъ просто посидѣть въ лѣсу ночью у огонька. Какъ-то и люди здѣсь кажутся другими— и проще, и добрѣе, и естественнѣе. Мнѣ, напримѣръ, нравился и молчаливый „братъ Ипполитъ“ и безшабашный солдатъ Вило̀къ. Вѣдь они такіе же люди, какъ и всѣ.

— Аполитъ, а вѣдь Найда у тебя не будетъ лаять, — началъ опять Вило̀къ, когда „братъ Ипполитъ“ поставилъ около насъ кипѣвшій самоваръ.

— Ну тебя...—сумрачно отвѣтилъ „братъ Ипполитъ“.

— Нѣтъ, серьезно...—не унимался Вило̀къ. — Давай три цалковыхъ — я живо выучу. Вотъ какъ будетъ заливаться...

— Оставь ты его,—уговаривалъ я солдата.—Видишь, что человѣку непріятно, и пристаешь...

— Разѣ онъ что̀ понимаетъ?

— Все, конечно, понимаетъ...

— А ежели онъ лишенный ума? Т.-е. какъ есть ничего не понимаетъ. Отецъ-то оставилъ какую имъ заимку: три лошади, двѣ коровы, штукъ десять овецъ, свиньи, куры, гуси—полная чаша. А гдѣ теперь все добро? Было да сплыло... А все Аполитъ разорилъ. Кабы не Иванъ Павлычъ, такъ ходилъ бы по базару съ ручкой, даромъ что изъ себя вонъ какое дерево стоеросовое.

— А пчелы?

— Ну, пчелы—особь статья. Дѣйствительно, Аполитъ ведетъ ихъ отмѣнно. А опять есть своя причина: табаку онъ не куритъ, водки не пьетъ, бабъ терпѣть ненавидитъ—вотъ пчела сама и ведется. Она ужъ чувствуетъ, Божья тваринка... Подойди-ка къ ней человѣкъ, который не въ аккуратѣ—только ее и видѣлъ.

Разговоръ принялъ странную форму. „Братъ Ипполитъ“ пилъ чай вмѣстѣ съ нами, а Вилòкъ говорилъ о немъ, какъ объ отсутствовавшемъ. Мнѣ дѣлалось даже немного неловко, особенно, когда „братъ Ипполитъ“ смотрѣлъ на насъ своими добрыми, дѣтскими, непонимающими глазами — съ нами сидѣло только тѣло, а умъ виталъ въ неизвѣстной области. Иногда „братъ Ипполитъ“ начиналъ что-то бормотать, — люди, которые живутъ въ одиночествѣ, усваиваютъ привычку думать вслухъ.

— Ишь, бормочетъ, точно тетеревъ,—возмущался Вилòкъ.—А поди, разбери его, чтò онъ бормочетъ... И удивительное это дѣло, отчего у него никакая скотина не ведется. Вѣдь какъ онъ ухаживаетъ за ней... Моетъ, чиститъ, кормитъ изъ рукъ, а скотина не держится. Аполитъ, пѣтухъ-то у тебя живъ?

— Въ избѣ...—сумрачно отвѣтилъ „братъ Ипполитъ“.

— Вотъ видите... Ужъ и грѣха только было съ этимъ пѣтухомъ! У Аполита оставалась послѣ отца послѣдняя коровенка, а у насъ на заводѣ вдова живетъ, значитъ, Савишна. Ну, такъ, однимъ словомъ, вдова, непокрытое мѣсто, все одно, какъ огородъ безъ изгороди: кто пойдетъ мимо—тотъ и отщипнетъ. При мужѣ-то справно жила, а тутъ все хозяйство нарушила. Остался у Савишны одинъ пѣтушокъ... И чтò бы, вы думали, придумала она? Взяла этого пѣтушка да къ Аполиту: „Давай, слышь, мѣняться на корову. Къ чему тебѣ, мужику, корову, а пѣтухъ тебѣ часы будетъ пѣть...“ Ха-ха! То-то дошлая бабешка... Аполитъ-то возьми и промѣняй. Ей-Богу, не вру... Вотъ спросите самого. Третій годъ пѣтухъ съ нимъ вмѣстѣ въ избѣ живетъ. И чтò только онъ съ нимъ дѣлаетъ, Аполитъ—мыломъ его даже мылъ. А пѣтухъ-то возьми да и захворай: съ глазомъ у него что-то попритчилось. Такъ Аполитъ его на заводъ къ дохтору носилъ. Всѣ померли со смѣху, какъ онъ его на рукахъ тащилъ, точно баба съ младенцемъ.

„Братъ Ипполитъ“ продолжалъ молчать, точно Вилòкъ разсказывалъ о комъ-то постороннемъ.

— Ну чтò у тебя пѣтухъ-то?—приставалъ Вилòкъ

— Отстань...—мрачно отвѣчалъ „братъ Ипполитъ“, глядя на огонь.

Я съ Вилкòмъ остался ночевать у костра. Въ избѣ у „брата Ипполита“ былъ разведенъ настоящій клоповникъ. А спать на открытомъ воздухѣ своего рода удовольствіе, хотя съ озера и тянуло сыростью и холодкомъ, заставлявшими кутаться. Подъ утро, когда на небѣ появились предразсвѣтныя отбѣли, Орликъ предупредительно заворчалъ. Вилòкъ уже проснулся и шепнулъ:

— Баринъ, глядите, чтò Аполитъ выдѣлываетъ...

Дѣйствительно, „братъ Ипполитъ“ вылѣзалъ изъ окна своей избы, свѣсивъ громадныя босыя ноги. Спустившись, онъ осторожно подкрался къ воротамъ и постучалъ. Въ отвѣтъ послышался радостный визгъ Найды.

— Это онъ пса сердитъ...—шепталъ Вилòкъ.—Да не потѣха ли!..

Когда этотъ опытъ не удался, „братъ Ипполитъ“ обошелъ заимку огородомъ и скрылся. Гдѣ-то на задворкахъ послышался собачій лай.

— Это онъ самъ лаетъ...—объяснилъ Вилòкъ, задыхаясь отъ смѣха.—Ахъ, Аполитъ, Аполитъ!.. Да не Аполитъ ли...

Найда такъ и не залаяла, несмотря даже на камень, которымъ Вилòкъ запустилъ въ ворота. „Братъ Ипполитъ“ залѣзъ въ избу черезъ окно, а Вилòкъ хохоталъ, спрятавъ лицо въ травѣ.

III.

Рано утромъ я съ „братомъ Ипполитомъ“ направились на охоту за утками. Вилокъ спалъ у костра мертвымъ сномъ. Провожала насъ одна Найда.

— Ты у меня смотри,—повторилъ ей нѣсколько разъ „братъ Ипполитъ“.

Найда виновато вертѣла хвостомъ и жалобно взвизгивала. Остававшійся на берегу Орликъ неистово лаялъ и дѣлалъ попытку броситься за нашей лодкой вплавь. Я не охотникъ до водяного спорта и рѣшаюсь ѣхать въ лодкѣ только въ такихъ крайнихъ случаяхъ, какъ охота. Дѣло въ томъ, что въ разные сроки мнѣ приходилось три раза тонуть, и на этомъ основаніи я питаю органическое недовѣріе къ коварной водяной стихіи. Впрочемъ, сейчасъ озеро было совершенно спокойно, еще не поднялся ночной туманъ. Маленькая душегубка, которая едва поднимала насъ обоихъ, летѣла около камышей щукой. Тамъ и сямъ срывались утки и благополучно исчезали, несмотря на мои выстрѣлы.

— Улетѣли...—добродушно повторялъ „братъ Ипполитъ“ послѣ каждаго неудачнаго выстрѣла.—Ишь, тварь, тоже чувствуетъ.

Мнѣ не въ первый разъ приходилось ѣздить съ нимъ на охоту, и „братъ Ипполитъ“ зналъ все, что нужно. Водяная птица кормится главнымъ образомъ ночью, а днемъ прячется въ „лавдахъ“, какъ называютъ здѣсь плавучіе островки изъ ситника и осоки. Между ними образуются узкіе проходы, въ которыхъ неопытный человѣкъ можетъ заблудиться. Разсказываютъ, что въ такихъ проходахъ погибъ не одинъ охотникъ, понадѣявшійся на русское авось. Впрочемъ, „братъ Ипполитъ“ былъ въ лавдахъ, какъ у себя дома, и наша утлая лодчонка смѣло пробиралась въ самой гущѣ высокихъ зеленыхъ зарослей.

Мы часа два плавали по зеленымъ живымъ коридорамъ, гдѣ ситникъ поднимался почти въ сажень. Стоя въ лодкѣ на ногахъ, трудно было разсмотрѣть что-нибудь.

— Смотри, чтобы на озерѣ не поднялась волна,—предупреждалъ я.

— Зачѣмъ ей подниматься?—спокойно отвѣчалъ „братъ Ипполитъ“, поглядывая на совершенно чистое лѣтнее небо.

Утро было великолѣпное. Опасность могла показаться только изъ-за синѣвшей на западѣ гряды лѣсистыхъ горъ, откуда дождевыя облака точно скатывались на благословенныя равнины Зауралья. Вода въ озерѣ была совершенно прозрачна, такъ что на глубинѣ трехъ саженъ можно было отчетливо разсмотрѣть каждый камешекъ и выстилавшія дно красивыя водоросли. Тамъ и сямъ видно было, какъ рыба ходила прямо руномъ.

— Ты много ловишь рыбы, Ипполитъ?

— Нѣтъ, мало...

— Почему?

— А дерутся...

— Кто?

— Арендатели... Когда покойный батюшка снималъ заимку, такъ не выговорилъ себѣ рыбы. Озеро-то, значитъ, было ничье: кто хотѣлъ, тотъ и ловилъ. Ну, а послѣ того оказалось, что оно башкирское... Ну, башкиры и сдаютъ арендателямъ, а арендатели сторожей наставили. Вотъ я выйду ловить рыбу, заброшу мережку, а сторожа на меня. Ну, сейчасъ драка: они меня бьютъ, я ихъ бью. Сколько мережекъ у меня разорвали сторожа... Главное, сижу у самой рыбы, хоть ложкой ее черпай, а нельзя. Къ мировому сколько разъ меня таскали... И чего, подумаешь, жалѣютъ: не стало имъ рыбы въ

озерѣ. Не бойсь, на всѣхъ хватитъ, и отъ насъ еще останется. Вонъ зимнія тони бываютъ тыщи по три пудовъ.

Зауральскія озера славятся баснословными рыбными богатствами, что объясняется присутствіемъ въ этихъ озерахъ маленькаго рачка „мармыша". Эта маленькая креветка — не больше обыкновеннаго таракана-прусака. Благодаря мармышу, рыба въ зауральскихъ озерахъ растетъ въ пять разъ быстрѣе, чѣмъ въ Волгѣ. Конечно, тоню въ три тысячи пудовъ немыслимо вытащить на ледъ, никакой неводъ не выдержитъ. Ловля рыбы производится проще: неводомъ рыбу только окружаютъ, а потомъ вычерпываютъ ее изъ прорубей. По словамъ извѣстнаго ихтіолога г. Сабанѣева, бывали тони по десяти тысячъ пудовъ, причемъ не рѣдкость ерши-фунтовики. По его словамъ, въ озерѣ Увельдахъ въ семидесятыхъ годахъ былъ пойманъ окунь въ тридцать фунтовъ и щука въ три пуда.

Солнце уже поднялось довольно высоко, когда я обратилъ вниманіе, что вода въ лавдахъ начинаетъ слегка волноваться, но „братъ Ипполитъ" соблазнилъ заѣхать къ одному озерному „окну", гдѣ, по его словамъ, держались гуси. Но гусей мы не нашли, а къ намъ навстрѣчу дружной стайкой выплылъ цѣлый утиный выводокъ—впереди плыла мать, точно классная дама, а за ней косякомъ растянулись утята. Инстинктивно я схватился за ружье, но „братъ Ипполитъ" предупредилъ меня, хлопнувъ въ ладоши—весь выводокъ точно брызнулъ въ ситники. Оставалась одна мать. Она держалась на выстрѣлъ жертвуя собой, чтобы спасти дѣтей.

— Ишь, тварь, ничего не боится,—удивлялся „братъ Ипполитъ", любуясь материнскимъ героизмомъ утки.

— Ну, теперь пора намъ и домой, Ипполитъ...

— И то пора. А какъ ловко утята попрятались: ни въ жисть не найти.

Желаніе полакомиться гусятиной стоило намъ большой непріятности. Когда мы выбрались изъ лавдъ, по озеру уже ходили „бѣляки", и нашу душегубку начало качать, какъ грѣшную душу. Изъ-за горъ незамѣтно выплыла тучка и гнала вѣтеръ. Возвращаться тѣмъ же путемъ, около лавдъ, было немыслимо—въ случаѣ, если бы опрокинуло лодку, о спасеніи нечего было бы и думать. Ничего не оставалось, какъ плыть прямо по озеру, выгадывая, чтобы волна била въ корму. „Братъ Ипполитъ" не выказывалъ и тѣни безпокойства, а я трусилъ и, прежде чѣмъ пуститься въ этотъ опасный переѣздъ по разгулявшемуся озеру, раздѣлся—все-таки можно было въ счастливомъ случаѣ спастись, ухватившись за лодку. Нашъ переѣздъ продолжался не больше часа, но такія вещи не забываются. Говоря откровенно, я страшно трусилъ, когда набѣгалъ страшный девятый валъ и лодка зарывалась въ волнахъ. Такъ сердце и замретъ... Запасу у лодки было всего вершка два, и насъ могло погубить каждое неловкое движеніе. Но „братъ Ипполитъ" мастерски правилъ своимъ двухперымъ весломъ, и мы благополучно причалили къ устью, на которомъ стояла заимка. Я далъ себѣ слово никогда больше не ѣздить на такихъ проклятыхъ душегубкахъ и даже не могъ прикоснуться къ убитымъ уткамъ, изъ которыхъ „братъ Ипполитъ" приготовилъ похлебку.

Солдата на заимкѣ ужъ не было. Оставались однѣ собаки, да бродилъ въ одиночествѣ кривой пѣтухъ, обреченный на монашество. Въ наше отсутствіе солдатъ успѣлъ напиться чаю, съѣлъ весь хлѣбъ и какъ ни въ чемъ не бывало ушелъ. Послѣ него осталась только яичная скорлупа да корочка черстваго хлѣба.

— Выкралъ яйца у меня... — спокойно объяснилъ „братъ Ипполитъ", разсматривая „кухонные остатки" послѣ Вилка.—Этакій вороватый солдатъ...

Мнѣ нравилось на заимкѣ „брата Ипполита", и я остался до вечера, чтобы еще разъ сходить на охоту. Да въ жаръ и итти было трудно, а ночью я плохо спалъ и всталъ рано. Выбравъ завѣсистую березу, я расположился подъ ней. Днемъ спать въ тѣни какъ-то особенно хорошо, а тутъ еще съ озера дулъ освѣжавшій вѣтерокъ. Съ занятаго мной пункта было видно все, что дѣлалось на заимкѣ. „Братъ Ипполитъ", вообще, отличался естественностью и былъ всегда одинаковъ. При людяхъ онъ дѣлалъ то же, что дѣлалъ бы, вѣроятно, и одинъ. Сейчасъ онъ вывелъ свою новокупку, которая была заботливо поставлена на время жара въ конюшню, нѣсколько разъ обошелъ ее кругомъ и разсматривалъ ее съ такимъ вниманіемъ, съ какимъ, вѣроятно, ювелиръ не разсматриваетъ рѣдкой воды брильянтъ. Безмолвными свидѣтелями этого осмотра были Найда и кривой пѣтухъ. Они ходили за хозяиномъ и тоже осматривали новокупку, какъ новаго члена своей оригинальной семьи. Да, это была настоящая семья, таинственно связанная между собой невидимыми нитями. Я долго наблюдалъ эту живую картину, и мнѣ казалось, что всѣ они отлично понимаютъ другъ друга. Даже убогая новокупка точно хотѣла что-то сказать и шевелила губами. Можетъ-быть, она оправдывалась въ собственной убогости или просила извиненія. „Братъ Ипполитъ" все ходилъ кругомъ и думалъ вслухъ:

— Ишь ты, какой одёръ... Тебя бы башкирамъ на маханъ *) продать. Да.

Нѣсколько разъ счастливый покупатель бралъ хвостъ новокупки въ руки и разсматривалъ его съ особеннымъ вниманіемъ... Очевидно, этотъ куцый хвостъ смущалъ его больше, чѣмъ всѣ остальные недочеты по части лошадиной красоты.

— Ну и хвостъ...—удивлялся „братъ Ипполитъ", обращаясь уже къ пѣтуху и Найдѣ.—Развѣ такіе хвосты бываютъ? Вонъ у иноходца какой былъ хвостъ—по землѣ тащился...

Пѣтухъ заглядывалъ сбоку своимъ единственнымъ окомъ на предъявленный хозяиномъ хвостъ новокупки и, повидимому, былъ согласенъ съ его мнѣніемъ. Найда, наоборотъ, оставалась довольной и нѣсколько разъ дѣлала попытку лизнуть новокупку прямо въ губы.

Въ заключеніе этого экзамена „братъ Ипполитъ" сѣлъ на новокупку верхомъ, отчаянно заболталъ босыми ногами и погналъ по тропинкѣ въ лѣсъ. Лошадь бѣжала скверной тряской рысью, и громадное тѣло „брата Ипполита" подпрыгивало на ея костлявой спинѣ—вмѣстѣ всадникъ и лошадь изображали что-то въ родѣ громадной летучей мыши, когда „братъ Ипполитъ" разставлялъ широко локти и вѣтеръ надувалъ его рубаху.

Страстная любовь къ животнымъ „брата Ипполита" служила самой трогательной иллюстраціей его общей тронутости. Если въ обществѣ другихъ нормальныхъ людей онъ казался чужимъ, то среди своихъ любимыхъ животныхъ являлся своимъ. Вѣдь между психологіей человѣка и животнаго есть своя таинственная связь.

IV

Меня разбудилъ громкій споръ. Солнце такъ и палило, такъ что больно было смотрѣть. На самомъ припекѣ сидѣли „братъ Ипполитъ" и солдатъ Вилокъ и ругались. Солдатъ былъ навеселѣ и размахивалъ бутылкою водки.

— Нѣтъ, за что ты меня вчера хотѣлъ убить?—повторялъ Вилокъ съ навязчивостью пьянаго человѣка.

---

*) Маханъ—вареное лошадиное мясо.

— И надо было убить,—спокойно отвѣчалъ „братъ Ипполитъ“.—Впередъ не плутуй... Обманулъ ты меня кругомъ...

— А у тебя-то свои глаза въ сосѣдяхъ были? Дураковъ учать и плакать не велятъ... Не иголку покупалъ. Ежели бы не баринъ, такъ задушилъ бы ты меня, Аполитъ...

— И задушилъ бы,—спокойно соглашался „братъ Ипполитъ“.

Солдата больше всего возмущалъ именно этотъ спокойный тонъ, и онъ начиналъ все сильнѣе придираться.

— Нѣтъ, ежели ты правильный человѣкъ, такъ ты должонъ просить у меня прощенья... да... Да еще за безчестье полштофъ выставить: „На, солдатъ, выпей“... Вотъ какъ должонъ поступать правильный человѣкъ. Я не могу вонъ крыльцами*) шевельнуть. Ежели бы я на тебя, напримѣрно, навалился и учалъ тебя, напримѣрно, душить—ну, что бы ты мнѣ сказалъ? Обормотъ ты, вотъ что. Вонъ онъ, баринъ-отъ, онъ все видѣлъ. Да... Будь я жиденькій да хворый—тутъ бы мнѣ и конецъ.

— Что ты присталъ-то, какъ осенняя муха?—началъ злиться „братъ Ипполитъ“

— А ты что? Да ты не толкайся... Я вѣдь и самъ сдачи дамъ... Простоватъ я на это...

Завязалась бы, вѣроятно, опять самая отчаянная драка. Какъ всѣ тронутые люди, „братъ Ипполитъ“ терпѣлъ долго, а потомъ вдругъ приходилъ въ бѣшенство. Онъ уже схватилъ солдата своей могучей рукой за шиворотъ и свалилъ его на траву, когда я вмѣшался.

— Оставь его, Ипполитъ. Не стоитъ связываться съ пьянымъ человѣкомъ...

Блѣдный отъ бѣшенства „братъ Ипполитъ“ смотрѣлъ на меня непонимавшими ничего глазами, продолжая держать отчаянно барахтавшагося солдата.

— Ой, батюшки, убили!—вопилъ солдатъ.—Ой, смертынька...

Мнѣ съ большимъ трудомъ удалось отцѣпить „брата Ипполита“ отъ его жертвы. Онъ тяжело дышалъ и дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— А тебѣ какъ не стыдно приставать?—замѣтилъ я Вилку, вскочившему на ноги.—Самъ виноватъ...

— Я же и виноватъ?!—обозлился Вилокъ уже на меня.—Да я... Ахъ, Боже мой, и что бы я только, кажется, съ нимъ сдѣлалъ, ежели бы вы не помѣшали! Разорвалъ бы на три части... Простоватъ я на этотъ счетъ. Вотъ бы какъ изуважилъ...

— Ну, хорошо, хорошо. Будетъ...

— Слава Богу, вполнѣ можемъ соотвѣтствовать.

„Братъ Ипполитъ“ на этотъ разъ долго не могъ успокоиться и все порывался схватить солдата.

— Вотъ вы меня пьянымъ обозвали,—приставалъ Вилокъ уже ко мнѣ, пошатываясь на ногахъ.—Да... А я, можетъ, потрезвѣе всѣхъ буду.

— Оно и замѣтно.

— Это у меня въ натурѣ ошибка, баринъ. Ежели бы васъ отдать въ военную службу да заставить по пескамъ тащить орудію... А что онъ понимаетъ, Аполитъ? Такъ, бормочетъ только себѣ подъ носъ, какъ глухарь, а настоящаго-то понятія и нѣтъ въ немъ...

— Однако вотъ понялъ, что ты его обманулъ.

---

*) Крыльца—лопатки.

— Я? Обманулъ? Да вотъ сейчасъ провалиться... съ мѣста не сойти... А вы: обманулъ. Деньги были нужны, а то бы этакую лошадь ни въ жисть бы не продалъ. Вотъ и вся причина. Угодница, а не лошадь.

— Чего тутъ не понимать-то?—заговорилъ „братъ Ипполитъ", успокоившись. — Даже очень хорошо понимаю... Вотъ у меня былъ иноходецъ, вотъ это лошадь. Какъ пойдетъ чесать—земля бѣжитъ изъ-подъ ногъ. За мной, какъ собака, ходилъ по лѣсу. Бывало, уѣду на заводъ, сниму узду и только скажу: „На заимку!". Онъ ужъ знаетъ... Всѣ только дивятся, какъ я безъ узды на немъ гоню.

— Знаю, видалъ,—согласился солдатъ.—Только было да сплыло. Гдѣ онъ твой иноходецъ?

— А подохъ. Мышки его задушили въ жаръ. Я и коновала приводилъ, кровь ему отворяли—такъ и подохъ.

— Вотъ то-то. Куда тебѣ хорошей лошадью владать... Скотина тоже къ рукамъ. Да и не ты его покупалъ, иноходца.

— Братецъ, Иванъ Павлычъ, въ степѣ его купилъ

— Иванъ-то Павлычъ ужъ купитъ, безъ денегъ купитъ... И опять вотъ ты сказалъ: въ степѣ. Это опять особь статья. Разѣ степную лошадь можно примѣнить къ нашей?

— Такая же.

— Такая да не совсѣмъ. Вотъ и выходитъ, что понятія въ тебѣ нѣтъ, настоящаго понятія. Глядѣть оно, пожалуй, и все одно, а на дѣлѣ-то и разница вотъ какая.

— Ну-ка, скажи, какая разница?

— И скажу! Думаешь: не скажу? Изволь, сколько угодно. У степной лошади бабки высоки—вотъ тебѣ разъ, ребро круглое—два, плечо прямое—три, маслы—хоть шапки вѣшай.

Вилокъ отпилъ водки прямо изъ горлышка, крякнулъ и продолжалъ:

— Случай былъ, когда мы хивинца замиряли. Извѣстно, степь, песокъ. Жарынь такая, что кожа лопалась на лицѣ. Ну, начальникъ отряда у насъ былъ нѣмецъ... какъ его фамилія... Нѣмецкая фамилія: Гниль... Гиль... А чортъ его знаетъ: языкъ переломится выговорить. Солдаты такъ его и называли: „Гниль да въ шубѣ". Ей-Богу, такая фамилія...

— Гильденштубе?..—попробовалъ я догадаться.

— Вотъ-вотъ, около этого самаго. Вотъ этотъ самый Гниль-да-въ-шубѣ и повелъ насъ на пересѣчку, значитъ, соединиться съ генераломъ Кауфманомъ. Ну и завелъ насъ нѣмецъ въ такіе пески, что ложись и помирай. Верблюды попадали, а мы на рукахъ должны полевую орудію тащить. Песокъ, бурханы—этакіе пригорки, топи изъ песку, моченьки нашей не стало, а Гниль-да-въ-шубѣ насъ все впередъ погоняетъ. Главное, что вода у насъ вся вышла, а жажда вотъ такъ и томитъ. Кажется, за бутылку воды кожу бы съ себя снялъ. Хорошо. Такимъ манеромъ, значитъ, мы промаялись цѣлыхъ два дни... Которые были русскіе офицера—тоже начали сумлѣваться. Одинъ солдатикъ, Кирюхинъ, въ пѣсельникахъ онъ былъ, говорилъ, что мы очень влѣво забрали, а надо совершенно, значитъ, наоборотъ. Ну, извѣстно, простой солдатикъ, нѣмецъ-то ему же погрозилъ, зачѣмъ, молъ, народъ сомущаешь. А тутъ ослабѣвшіе явились: идетъ-идетъ солдатикъ и свалится. И его тоже, значитъ, тащи, потому не бросать же въ степѣ. А Гниль-да-въ-шубѣ все насъ ведетъ налѣво и довелъ онъ до того, что всѣмъ у смерти конецъ. Извѣстно, нѣмецъ. И что же, братецъ ты мой, думаешь, кажется, еще бы версты съ двѣ по пескамъ пройти, всѣ бы сдохли. Ей-Богу... Никакого тер-

пѣнія не стало. Только этотъ-то солдатикъ Кирюхинъ какъ крикнетъ: „Братцы, лошадь“... Гдѣ лошадь? Какъ она въ такіе пески забралась одна? Офицерія въ трубку посмотрѣли — дѣйствительно, лошадь, да еще на трехъ ногахъ. Лѣвую переднюю ножку ей пулей прошибло, ну, значитъ, хивинецъ ее и бросилъ въ степѣ, и она себѣ одна и ковыляетъ. Смотримъ, лошадь-то направо идетъ, какъ и говорилъ Кирюхинъ. Пойдетъ-пойдетъ и остановится передохнуть. А куда ей въ степѣ-то итти, значитъ, къ водѣ маячитъ, потому коли лошадь степная и чуетъ воду. И, дѣйствительно, какъ сказалъ Кирюхинъ, такъ и вышло: вывела насъ лошадка прямо къ колодцу. Тутъ мы и ожили. На твоего шоходна лошадка-то походила: такъ, гнѣденькая, грива на лѣвую сторону. Весь отрядъ спасла... Вотъ она какая бываетъ эта самая степная лошадь! Послѣ, солдатики разсказывали, государь очень благодарилъ нашего Гниль-да-въ-шубѣ и орденъ ему далъ: „Я, гритъ, на тебя надѣюсь вполнѣ, Гниль-да-въ-шубѣ“. А все и дѣло-то въ лошадкѣ было... Извѣстно, гдѣ государю все знать. Нѣмецъ-то, конечно, промолчалъ о лошади...

Закончивъ разсказъ, Вилòкъ съ какимъ-то ожесточеніемъ допилъ остававшуюся въ бутылкѣ водку.

„Братъ Ипполитъ“ былъ растроганъ этимъ разсказомъ до глубины души и, свѣсивъ голову какъ-то на бокъ, повторялъ съ блаженной улыбкой:

— Лошадь-то, а? Вотъ такъ лошадка... Тоже, скажешь, ничего не понимаетъ?

— Ну, вотъ опять вышелъ глупый человѣкъ! — разсердился Вилòкъ. — Какъ же лошадь стала бы жить, ежели бы она не понимала по своей части?

Черезъ два года я былъ на заимкѣ. Изба стояла заколоченная, и вся заимка представляла грустную картину разрушенія. Меня сопровождалъ на охоту Вилòкъ, бывшій по обыкновенію навеселѣ.

— Шабашъ!..—проговорилъ онъ, поглядывая на пустовавшую заимку.

— А гдѣ теперь „братъ Ипполитъ“?

— А такъ, гдѣ день—гдѣ ночь. Какъ, значитъ, Ивана Павлыча убили въ третьемъ годѣ, гдѣ-то въ степѣ, ну, и ему со всѣхъ сторонъ, значитъ, вышла крышка. А тутъ еще арендатели стали тѣснить... Ну, и окончательно выжили. Рехнулся Аполитъ-то совсѣмъ... Ходитъ по базару со своимъ кривымъ пѣтухомъ—можетъ, помните?—показываетъ всѣмъ и говоритъ, что это часы. Слышь, и ночью ходятъ...

Съ этимъ грустнымъ разсказомъ какъ-то совсѣмъ не вязалось ликующее лѣтнее утро. Кругомъ было такъ хорошо. Все зелено, все жило, а съ устья доносился веселый гулъ вѣчно волновавшаго горнаго озера.

1898.

КЛАДЪ КУЧУМА.

Изъ степныхъ встрѣчъ.

I.

Жаркій іюньскій день. Воздухъ накаленъ до того, что дрожитъ и переливается, какъ вода, а даль чуть брезжитъ, повитая синеватой дымкой. И какая чудная степная даль... Да, это настоящая киргизская степь, степь безъ конца-края, степь еще не тронутая дыханіемъ цивилизаціи. Я любилъ по цѣлымъ часамъ лежать въ этой душистой, могучей степной травѣ, точно окропленной яркими красками степныхъ цвѣтовъ, — лежать и мечтать, какъ лежитъ и мечтаетъ настоящій номадъ. Что̀ ни говорите, а въ каждомъ русскомъ человѣкѣ, какъ мнѣ кажется, живетъ именно такой номадъ, а отсюда неопредѣленная тоска по какой-то волѣ, какомъ-то невѣдомомъ просторѣ, шири и, вообще, по чемъ-то необъятномъ. Впрочемъ, я предавался этимъ мечтамъ, такъ сказать, по обязанности, потому что пилъ кумысъ и долженъ былъ извѣстное число часовъ жариться на степномъ солнцѣ. Предаваться абсолютному покою — своего рода искусство, которое усваивается только постепенно. Лежишь въ травѣ цѣлые часы и ни о чемъ опредѣленномъ не думаешь, а такъ, мысли въ головѣ плывутъ, какъ рѣдкія высокія облачка по лѣтнему небу. Напримѣръ, отчего, въ самомъ дѣлѣ, не сдѣлаться настоящимъ степнякомъ, какъ мой хозяинъ по кумысу, киргизъ Чибуртай? Вѣдь онъ счастливъ, и такъ немного нужно для этого счастья... А какъ онъ спитъ спокойно, какой у него здоровый видъ. И ничѣмъ не мучится, какъ не мучится ничѣмъ его родная степь, кромѣ избытка силъ. Собственная издерганность на этомъ степномъ фонѣ выступаетъ съ какой-то особенной рельефностью, — если бы тряпица могла чувствовать, она, вѣроятно, чувствовала бы нѣчто подобное, попавъ на фабрику или въ магазинъ новыхъ матерій, еще не утратившихъ первородной крѣпости, красокъ и блеска. Да, я чувствовалъ себя именно такой тряпицей, когда лежалъ въ степи, представлявшейся мнѣ гигантской зеленой лабораторіей, въ которой еще недавно приготовлялась исторія. Но коренной степнякъ давно сбитъ съ позиціи, и его степь занята другими насельниками. Остался отъ досельныхъ временъ страшный кровавый миражъ... Виноватъ, остался еще кумысъ (по-степному: „кумызъ“), этотъ изумительнѣйшій изъ всѣхъ напитковъ, какіе только были когда-нибудь изобрѣтены человѣчествомъ. Да, единственный напитокъ, въ которомъ точно сконцентрировалась степная зеленая сила. Вымиравшія цивилизаціи оставляли на память счастливымъ преемникамъ непремѣнно какое-нибудь зло, какъ проказа, холера, табакъ, опіумъ, и какъ мы оставимъ преемникамъ наше проклятіе въ

формѣ нервности; а замиренная степь подарила намъ цѣлебнѣйшій напитокъ, которому равнаго и не будетъ. И т. д., и т. д.

Привожу свои мысли въ порядкѣ ихъ полной безпорядочности и тѣхъ свободныхъ комбинацій, которыя въ видѣ особенной роскоши можетъ позволить себѣ отдыхающій человѣкъ. Да, еще одно маленькое замѣчаніе — только въ степи чувствуешь себя центромъ міра... Куда ни взглянешь — во всѣ стороны степь расходится отъ васъ по радіусамъ, какъ въ геометріи. Это совершенно особенное ощущеніе, которое испытывается только на морѣ и, вѣроятно, будетъ испытываться въ воздухѣ, когда наука разрѣшитъ наконецъ вѣчную проблему движенія по воздуху и наши счастливые потомки понесутся птицами по поднебесью. Какъ мнѣ кажется, въ этомъ сознаніи собственной центральности таится причина того, что философская обобщающая мысль зародилась именно въ степи и у островитянъ, какъ естественная реакція человѣческаго духа на господствующее зрительное впечатлѣніе.

Итакъ, я лежалъ на травѣ и, послѣ мыслей о превратныхъ судьбахъ человѣчества, занялся наблюденіемъ обступившаго меня степного ковыля. Какъ лѣсные папоротники, такъ и ковыль положительно имѣетъ въ себѣ что-то мистически-таинственное и поэтически-сказочное, начиная съ того, что онъ совершенно не походитъ на другія степныя растенія и, какъ папоротникъ, придаетъ степи немного грустный колоритъ. Мои наблюденія надъ ковылемъ были неожиданно прерваны заразительнымъ собачьимъ лаемъ. Я поднялся и увидѣлъ въ двухъ шагахъ отъ себя низенькаго старика безъ шапки и въ бѣлой холщевой расейской рубахѣ

— Цыцъ, ты, Поселенка! — окрикнулъ старикъ рвавшуюся ко мнѣ собаку. — Еще какъ разъ напугаешь барина...

Старикъ подошелъ ко мнѣ и проговорилъ съ какой-то особенной простотой, точно мы вчера только разстались:

— Спичку бы мнѣ, баринъ...

Какъ на грѣхъ, у меня именно спичекъ и не было съ собой, потому что, отправляясь на кумысъ, я бросилъ курить.

— Нѣтъ, дѣдушка, у меня спички...

— Ахъ, ты, грѣхъ какой... А мы вонъ тамъ станомъ стали, надо огонечка разложить, а спички-то и нѣтъ. Вотъ, поди жъ ты, какая притча...

По костюму, по говору, а особенно по слову „баринъ“, я сразу опредѣлилъ коренного расейскаго мужика, — барина Сибирь начинаетъ узнавать только съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, а до этого рѣшающаго момента были или купецъ, или его благородіе, какъ два полюса правящаго класса. Ни барина ни лаптей Сибирь не знала.

— Какъ же быть-то? — проговорили мы въ одинъ голосъ.

— Да, видно, надо будетъ дойти, баринъ, вонъ туда, гдѣ шатры стоятъ...

Шагахъ въ ста отъ насъ виднѣлись три коша Чибуртая (кошъ — круглая войлочная палатка), точно какіе-то степные богатыри потеряли свои войлочныя шапки.

— Постой, дѣдушка, пойдемъ вмѣстѣ, а то тебя разорвутъ собаки...

— Меня-то не тронутъ, а вотъ собачку могутъ изувѣчить... Такъ, дорогой пристала. Ну, мы ее и назвали Поселенкой, потому какъ сами поселенцы... Мы, значитъ, рязанскіе будемъ.

— А куда вы ѣдете?

— Куда мы-то? Мы-то, значитъ, на Амуръ пробираемся...

— На Амуръ?

— Видно, такъ, баринъ... А далеко еще осталось?

— Далеконько, дѣдушка! Тысячъ пять верстъ...

— Вѣдь вотъ поди жъ ты! — изумился старикъ. — Третій мѣсяцъ изъ Рязанской губерніи ѣдемъ, а все пять тыщъ...

Пока мы шли, старикъ говорилъ все время, причемъ я узналъ всю біографію его семьи до послѣдняго горя включительно. Дорогой прихворнули двое ребятишекъ у старшей снохи, животами сильно скудались, ну, а потомъ и померли. Реветъ большуха-то, а того не понимаетъ, что отбились отъ своей партіи. Другіе-то впередъ ушли, пожалуй, и не догонишь.

— Славные ребятки были, — жалѣлъ старикъ. — Извѣстно, ребячье дѣло: много ли надо. Точно цыплята свернулись... Конечно, кабы дома, такъ отлежались бы, а тутъ, въ дорогѣ, стало-быть... Сильно реветъ большуха, вотъ какъ убивается. Всѣхъ засмутьянила, хоть назадъ поворачивай... Два сына у меня женатыхъ, ну, у меньшого еще трои ребята, малъ мала меньше.

Мнѣ очень понравился этотъ разговорчивый старикъ. Въ немъ была какая-то особенная дѣтская простота. И лицо такое славное, какое бываетъ только у коренного русскаго пахаря. Ни одного торопливаго движенія, ничего лишняго. Я люблю вотъ именно такія простыя крестьянскія лица, въ которыхъ точно отпечаталась вся наша русская исторія. Онъ покряхтывалъ на ходу, шмыгалъ ногами, обутыми въ расейскіе лапти, и встряхивалъ головой. „Поселенка“ почуяла врага и принялась угрожающе ворчать. Киргизскія собаки-волкодавы бросились къ намъ навстрѣчу громадными прыжками, но узнали меня и ограничились обнюхиваніемъ „Поселенки“. Передъ кошемъ Чибуртая курился огонекъ. Самъ Чибуртай сидѣлъ около на корточкахъ и внимательно слѣдилъ, какъ мой кучеръ Егоръ Иванычъ, пробойный городской мѣщанинъ, промышлявшій около хорошихъ господъ, жарилъ баранину [illegible] на угольяхъ по какому-то мудреному исправничьему рецепту. Въ [illegible] есть и яичница „исправница“.

— Миръ на стану... — проговорилъ мой старикъ.

Чибуртай, высокій, скуластый и узкоглазый киргизъ, одѣтый въ лѣтній бешметъ изъ чернаго ластика, издали очень походилъ на попа. Онъ мелькомъ взглянулъ на старика-поселенца и отвернулся, какъ отвертываются отъ недостойныхъ вниманія предметовъ. Чибуртай былъ богатъ, благодаря какимъ-то мудренымъ комбинаціямъ съ краденымъ золотомъ и крадеными лошадьми, и держалъ себя съ большимъ гоноромъ.

— Огонька бы... — повторилъ старикъ. — Мы, значитъ, тутъ лошадку остановились покормить, а огонька-то и нѣтъ.

— На... — предложилъ ему Егоръ Иванычъ цѣлую коробку сѣрянокъ, зорко оглядывая гостя. — Дальніе будете, старичокъ?

— А мы рязанскіе, значитъ.

Егоръ Иванычъ отличался большой любознательностью и, кромѣ того, по натурѣ былъ фантазеръ и мечтатель. Его городская голова постоянно была набита тысячью самыхъ несбыточныхъ думушекъ, а главное, его вѣчно тянуло въ ту невѣдомую даль, гдѣ протекли сытовыя рѣки съ кисельными берегами. Услыхавъ, что старикъ-рязанецъ переселяется на Амуръ, Егоръ Иванычъ весь встрепенулся.

— А вѣдь ты правильно, дѣдушка... Въ самую точку угадалъ. Падали и до насъ слухи объ этомъ самомъ Амурѣ. Я самъ туда подумывалъ махнуть, да вотъ все какъ-то собраться не могу... Да и то сказать, какіе мы есть люди, т.-е. городскіе: такъ, ни къ чему. Вотъ я въ извозчикахъ ѣздилъ, потомъ соленой рыбой да листовымъ табакомъ торговалъ, гармонію могу почи-

нить или подметку наладить, а все это наплевать... А настоящій крестьянинъ совсѣмъ другое: онъ на своей землѣ сидитъ. Одобряю, дѣдушка... Правильно.

— Ужъ какъ Богъ донесетъ, милъ человѣкъ. Охъ, далеко еще ѣхать-то...

— Ахъ, ты какой, дѣдка... Ну, далеко, это точно, а все-таки куда-нибудь да пріѣдешь и бояться тебѣ нечего, потому какъ нѣтъ на свѣтѣ правильнѣе человѣка, какъ крестьянинъ. Остальное-то все пустяки...

Старикъ топтался на одномъ мѣстѣ и все присматривалъ степную даль, защитивъ отъ солнца глаза ладонью. Онъ покачивалъ головой и что-то шепталъ про себя.

— Ты это что̀, дѣдка, ворожишь-то?

— А вотъ смотрю... дудка вонъ сухая вездѣ по полю, значитъ, мѣсто-то и не пахано и не кошено. Не видывали мы еще такихъ-то мѣстовъ... Неужто такъ травка пропадомъ и пропадаетъ?

— Скотиной только травятъ, дѣдка. Здѣсь казачья земля, ну, такъ казаки гурты жировать пущаютъ. Кому тутъ косить, когда за десятину аренды всего тридцать копеекъ.

— Какъ тридцать? — переспросилъ старикъ, не вѣря собственнымъ ушамъ. — Господи, помилуй...

— А такое, значитъ, положенье... Казачишки лѣнивые, ну, и сдаютъ землю. Любую выбирай... У васъ-то тамъ въ Расеѣ кошку за хвостъ негдѣ повернуть, а мы еще слава Богу.

Этотъ земельный разговоръ заставилъ старика забыть и объ огонькѣ и объ ожидавшей его на стану семьѣ. Онъ весь превратился въ одно вниманіе, какъ охотникъ, почуявшій дорогую и рѣдкую дичь. Чибуртай молчалъ и только изрѣдка взглядывалъ на старика съ какимъ-то скрытымъ озлобленіемъ. Когда къ огоньку подошелъ съ уздой въ рукахъ кривоногій казакъ Бѣльковъ, картина получилась вполнѣ законченная. Чибуртай изображалъ собой замиренную орду, Бѣльковъ — отдыхавшаго завоевателя, Егоръ Иванычъ — посадскаго вольнаго человѣка, а старикъ-поселенецъ — ту силу, которая реализируетъ несмѣтныя богатства сибирскихъ равнинъ, степей, горъ и пустынь. Комбинація выходила самая характерная. Бѣльковъ присѣлъ къ огоньку по-татарски на корточки, закурилъ коротенькую трубочку и равнодушно слушалъ разглагольствовавшаго Егора Иваныча, начавшаго въ концѣ концовъ обличать безпросыпную казачью лѣнь.

— Дай-ка вотъ ему вашу-то землю! — кричалъ онъ, указывая на поселенца. — Да вѣдь тутъ золото лопатой будутъ огребать, а вы чуть сами съ голоду не дохнете. Вонъ у дѣдушки и рубашка домашняго холста, и штаны изъ домашней пестрядины, и лапотки своего домашняго ковырянья — вотъ его и не возьмешь ни съ котораго боку. Ничего не боишься, дѣдка?

— А чего бояться-то?

— Вотъ, вотъ... Всего-то имущества — одинъ крестъ, а онъ всю немшоную Сибирь насквозь пройдетъ, потому какъ есть вполнѣ правильный человѣкъ. Мы-то всѣ ничего не стоимъ супротивъ него...

— Отстань, смола! — равнодушно отвѣчалъ Бѣльковъ, не имѣвшій ни малѣйшаго желанія вступать въ словесное ратоборство.

И Егоръ Иванычъ и Бѣльковъ были типичны по-своему. У перваго лицо было нервное, подвижное, и вся фигура какая-то встрепанная, точно онъ только-что проснулся и еще не успѣлъ прійти въ себя, а Бѣльковъ уже въ достаточной мѣрѣ пропитался степной лѣнью и всему на свѣтѣ предпочиталъ far niente. Ему даже говорить было тяжело. Къ старику-переселенцу онъ отнесся съ скрытымъ пренебреженіемъ привилегированнаго человѣка. Ка-

заки, вообще, считаютъ мужика существомъ низшаго порядка, а тутъ еще какая-то голь расейская. Поселенецъ постоялъ, посмотрѣлъ на степную аристократію, покачалъ головой, окинувъ еще разъ хозяйскимъ глазомъ некошеную степь, и проговорилъ:

— Ужо я пойду... Спасибо за спички-то.

Чибуртай и Бѣльковъ не удостоили его даже кивкомъ головы, а Егоръ Иванычъ поднялся. Онъ не могъ утерпѣть, чтобы не посмотрѣть своими глазами, какъ расейскіе ѣдутъ на Амуръ. Его пожиралъ огонь вѣчнаго любопытства.

— Ну, пойдемъ, дѣдка. И лошадка, поди, расейская?

— Своя лошадка-то, милъ человѣкъ. Куды мы безъ лошадки... Двухъ курочекъ веземъ да пѣтушка. Все какъ-то веселѣе...

— И курочекъ? — умилился Егоръ Иванычъ. — Вотъ-вотъ...

Старикъ и Егоръ Иванычъ скоро скрылись въ живой зеленой волнѣ степной травы. Виднѣлись нѣкоторое время однѣ головы. Егоръ Иванычъ сорвалъ прошлогоднюю сухую дудку и долго что-то объяснялъ старику, повертывая ее у него подъ самымъ носомъ. Сѣдая расейская голова опять покачивалась, и издали казалось, что это качается шапка громаднаго ковыля.

— Голь перекатная, — презрительно замѣтилъ Бѣльковъ. — Туда же, на Амуръ...

II.

Я жилъ въ маленькой казачьей станицѣ, по внѣшнему виду представлявшей собой воплощенное убожество, какого, пожалуй, и въ Россіи не сыщешь. Въ станицѣ была всего одна улица, и та грязная до невозможности, потому что служила для всѣхъ станичныхъ бабъ помойной ямой. Отъ перваго дождя она превращалась въ отвратительное мѣсиво, а въ сухую погоду обдавала васъ ѣдкой пылью. Всяческіе отбросы копились здѣсь въ теченіе цѣлаго столѣтія, и единственными санитарами служили станичныя собаки и свиньи. Лѣса въ степи нѣтъ, и станичныя избенки кое-какъ были слѣплены изъ кривыхъ березовыхъ и осиновыхъ бревенъ, — слово „бревно“, конечно, нужно понимать относительно, и вѣрнѣе назвать эти бревна просто толстыми жердями. Эта городьба была слѣплена кое-какъ, еще хуже проконопачена и для большей теплоты обмазана кое-гдѣ глиной, а то и просто навозомъ. Крыши всѣ, конечно, были соломенныя. Вообще, самая бѣдная стройка, хотя у каждаго казака былъ земельный надѣлъ въ тридцать десятинъ.

Жизнь въ станицѣ, конечно, была скучная до послѣдней степени. Я обыкновенно уходилъ на цѣлые дни въ степь съ ружьемъ стрѣлять степныхъ ястребовъ, — это было единственнымъ развлеченіемъ. Сидѣть у себя дома и смотрѣть на несчастныхъ кумысниковъ, еле бродившихъ по станицѣ, — было еще скучнѣе. Я занималъ заднюю избу у казака Бѣлькова, слывшаго за богача, хотя все его богатство заключалось въ нѣсколькихъ десяткахъ рублей и въ хлѣбѣ. Деньги онъ отдавалъ въ ростъ подъ ужасающіе проценты, а также маклачилъ и хлѣбомъ. До свѣжаго хлѣба было еще далеко, а голодные люди не могутъ торговаться: что хочешь возьми, только выручи. Меня поражало, что вся станица только проѣдалась и буквально ничего не дѣлала. Не было даже своей кузницы, а ѣздили ковать лошадей за пятнадцать верстъ. Самые усердные казаки уходили куда-то на золотые промысла, раскиданные по степи, и возвращались по субботамъ ни съ чѣмъ, голодные и оборванные.

По вечерамъ рѣшительно было некуда дѣваться, и я сидѣлъ на завалинкѣ, любуясь казачьей дѣтворой, которая барахталась въ пыли или въ грязи,

смотря по погодѣ. Станица засыпала рано, какъ только погасалъ лѣтній день, и промежутокъ времени, когда солнце уже закатилось, а ночь еще не наступала, наводилъ какую-то особенную тоску. Спать еще рано, а дѣлать нечего. Бѣльковъ цѣлые дни проводилъ въ томъ, что рѣшительно ничего не дѣлалъ. Онъ обыкновенно ходилъ по двору и ругался, ругался такъ, въ пространство, водворяя какой-то невѣдомый никому порядокъ. Наругавшись всласть, онъ уходилъ куда-нибудь въ холодокъ и спалъ. Въ сумерки онъ, какъ скворецъ, подсаживался къ окну и глазѣлъ на улицу съ терпѣніемъ отбывавшаго этой высидкой какое-то наказаніе. Въ сумерки обыкновенно подходилъ какой-то странный субъектъ и заводилъ съ Бѣльковымъ какіе-то таинственные переговоры. О послѣднемъ я заключилъ изъ того, что при моемъ появленіи эти разговоры прекращались или принимали совершенно неудобопонятную форму.

— Ну, такъ какъ, Бѣльковъ?

— А вотъ этакъ...

— Немного... Значитъ, своего счастья не хочешь?

— А ну его!..

— Да ты подумай, ежовая голова.

Голова Бѣлькова дѣлала отрицательное движеніе, а потомъ слѣдовала безпредметная ругань. Собесѣдникъ, рослый и коренастый мужчина среднихъ лѣтъ, съ окладистой сѣдѣвшей бородой, относился къ этимъ выходкамъ совершенно равнодушно и, сдѣлавъ паузу, начиналъ тянуть тоже о какомъ-то своемъ счастьѣ. Завидѣвъ меня, таинственный незнакомецъ считалъ своимъ долгомъ вѣжливо раскланиваться. По костюму и манерѣ себя держать, онъ не походилъ на станичника, а скорѣе на городского прасола. Сначала я принялъ его за такого же кумысника, какимъ былъ самъ. Впрочемъ, Егоръ Иванычъ, знавшій уже всю подноготную станичной жизни и, кажется, посвященный въ тайну этихъ вечернихъ переговоровъ, разъ уклончиво отвѣтилъ на мой вопросъ:

— Не кумысникъ, а такъ, по своимъ дѣламъ...

— Золото ищетъ?

— Нѣтъ, такъ... Онъ, значитъ, фершалъ будетъ, а только своей фершальской частью не занимается. Такъ, вообче...

На Уралѣ непочатый уголъ людей, которые живутъ „такъ“, „вообще“, „своими дѣлами“, и эта характеристика вполнѣ точная. Край безумно-богатый, и, при извѣстной складкѣ характера, люди переходятъ съ чрезвычайной легкостью отъ одного занятія къ другому, какъ и мой кучеръ Егоръ Иванычъ. Слѣдовательно и „фельдшеръ не у дѣлъ“ имѣлъ право существовать таинственнымъ своимъ дѣломъ. Отъ-нечего-дѣлать меня все-таки разбирало любопытство относительно таинственнаго фельдшера, и я напрасно перебиралъ все, что можно было подвести подъ рубрику „такъ“ и „вообче“, принимая, конечно, во вниманіе всѣ условія степного и станичнаго дѣлового обихода. Въ концѣ концовъ выходило все-таки то, что нечѣмъ здѣсь фельдшеру заниматься, кромѣ золота, которое открыто въ казачьихъ земляхъ Оренбургской губерніи лѣтъ пятьдесятъ назадъ и служило до сихъ поръ, кажется, единственнымъ живымъ дѣломъ. Казаки запускаютъ всякое домашнее хозяйство и шляются по промысламъ, разыскивая это „свое счастье“. Возможность легкой наживы и быстраго обогащенія манитъ всѣхъ и даже поднимаетъ на ноги безпробудную казачью лѣнь.

Роковымъ вопросомъ въ нашемъ станичномъ житьѣ было питаніе. Ни говядины, ни яицъ, ни хлѣба — рѣшительно ничего. Чѣмъ питались сами станичники — составляетъ для меня до сихъ поръ неразрѣшимую загадку.

Вѣроятно, и тутъ тоже все дѣло велось „такъ“, „вообче“. Въ интересахъ питанія мы обыкновенно каждую субботу ѣздили съ Егоромъ Иванычемъ въ сосѣднюю станицу Кочкарь, гдѣ былъ торжокъ, почта и телеграфъ. Эти поѣздки служили въ то же время и развлеченіемъ. Егоръ Иванычъ запасалъ провизіи на всю недѣлю и кстати исполнялъ порученія другихъ кумысниковъ, при чемъ, по привычкѣ бывшаго торговца рыбой и листовымъ табакомъ, малую толику маклачилъ.

Послѣ встрѣчи съ рязанскимъ переселенцемъ наступила наша суббота, и мы отправились въ Кочкарь. На полдорогѣ мы встрѣтили шагавшаго по сторонѣ фельдшера. Онъ шелъ ровнымъ, привычнымъ шагомъ, размахивая длинной березовой палкой, точно акробатъ, который идетъ по канату съ балансомъ.

— А разѣ мы его подсадимъ?—обратился ко мнѣ Егоръ Иванычъ.

— Пусть садится,—согласился я.—Веселѣе ѣхать.

Мы догнали таинственнаго фельдшера и предложили его подвезти. Онъ согласился, но съ условіемъ, что поѣдетъ вмѣстѣ съ Егоромъ Иванычемъ на облучкѣ.

— Погода пріятная и вольный воздухъ,—заговорилъ фельдшеръ, очевидно, желая усиленной вѣжливостью отплатить за нашу любезность.—Притомъ ароматъ съ травъ, такъ сказать, благовоніе вообще.

Потомъ фельдшеръ обернулся и проговорилъ уже другимъ тономъ:

— А въ Кочкарѣ-то, милостивый государь, что̀ дѣлается? Боже мой, Боже мой... Народъ, какъ вода въ котлѣ, кипитъ-съ. Съ золотыхъ промысловъ, конечно, главнымъ образомъ. Тысячъ до трехъ набирается каждую субботу... И что̀ дѣлаютъ! Рабочіе все съ себя наскрозь пропиваютъ, до послѣдней рубашки-съ. Такъ, въ чемъ мать родила. Доходятъ прямо до мрачнаго неистовства и дѣлаются въ отсутствіи ума...

— А все водочка-матушка,—замѣтилъ Егоръ Иванычъ.

Фельдшеръ, по неизвѣстной причинѣ, вздохнулъ и поправилъ съѣхавшую на затылокъ широкополую поповскую шляпу. Нашъ коробокъ поднимался уже на пригорокъ, съ котораго открывалась далекая степная панорама, исчерченная невѣдомыми проселками. Ихъ можно было опредѣлить только по ѣхавшимъ въ Кочкарь крестьянскимъ телѣгамъ, верховымъ и пѣшеходамъ. Всѣ двигались по направленію къ Кочкарю, маленькой казачьей станицѣ, залегшей на берегу степной рѣчонки. Отъ другихъ станицъ Кочкарь отличался только своей бѣлой каменной церковью.

— Здо̀рово народу понапёрло,—говорилъ Егоръ Иванычъ, изъ-подъ руки разглядывая торжокъ: зрѣніе у него было изумительное.

Когда мы уже подъѣзжали къ станицѣ, насъ нагналъ Чибуртай, катившій верхомъ на гнѣдомъ маленькомъ иноходцѣ, который, по выраженію конниковъ, „мелъ землю“. Чибуртай и въ сѣдлѣ сидѣлъ по-своему, свѣсившись какъ-то на одинъ бокъ, точно хищная птица. По субботамъ въ Кочкарѣ проѣзда не было въ буквальномъ смыслѣ, особенно съ нашей стороны. Телѣги и экипажи оставлялись у первыхъ избушекъ. Собственно улица была вся запружена галдѣвшей толпой.

— Да вѣдь это тотъ старикъ... рязанскій-то... — проговорилъ Егоръ Иванычъ, разглядывая телѣги на берегу рѣки.—Недалеко въ три дня уѣхалъ... Вы ступайте на почту, а я къ нему загляну. Все равно, по станицѣ не проѣхать...

Мы съ фельдшеромъ отправились, а Егоръ Иванычъ свернулъ къ рѣкѣ.

— Покорно благодарю, милостивый государь,—проговорилъ онъ, не про-

тягивая руки.—Моя фамилія Куклинъ-съ, Андрей Филатычъ... Въ случаѣ чего, ежели что̀, такъ весьма буду радъ-съ, а Бѣльковъ знаетъ, гдѣ я живу.

— Благодарю васъ, мнѣ ничего не нужно.

— Нѣтъ-съ, я такъ, на всякій случай... До свиданія-съ.

Намъ однако было суждено встрѣтиться еще разъ. Я получилъ почту, побывалъ въ лавкѣ съ галантерейнымъ товаромъ—въ Кочкарѣ устроены настоящіе каменные магазины совсѣмъ на городскую руку—и отправился разыскивать свою подводу. Въ самой давкѣ, недалеко отъ кабака, протискиваясь сквозь толпу, меня окликнулъ Егоръ Иванычъ. Онъ былъ красенъ, какъ ракъ, и я заподозрѣлъ, что онъ не утерпѣлъ и завернулъ въ кабакъ заморить червячка.

— Фершала не видали? — крикнулъ онъ мнѣ черезъ головы. — Нѣтъ? Ахъ, ты, грѣхъ какой... Вотъ какъ его нужно.

— Боленъ кто-нибудь у поселенца?

— Хуже: лошадь захромала... Чистая бѣда. Вотъ тебѣ и Амуръ... Куды это запропастился фершалъ-то? Онъ знаетъ, какъ лошадей лѣчить, потому какъ не человѣческій фершалъ, а скотскій...

Егоръ Иванычъ исчезъ, а я пошелъ своей дорогой. Давка была такая, что я буквально едва выбрался. Свой экипажъ я нашелъ на самомъ берегу рѣки, а около стояла переселенческая телѣга рязанскаго старика. Около телѣги изъ попоны было устроено что-то въ родѣ шатра. Тамъ сидѣли двѣ молодыхъ бабы и валялись ребятишки. Два молодыхъ мужика стояли около телѣги, а старикъ сидѣлъ на землѣ. Около прыгала на трехъ ногахъ пѣгая лошадь,—сейчасъ она составляла главное дѣйствующее лицо разыгрывавшейся молчаливой драмы.

— Здравствуй, дѣдка...

— Ахъ, баринъ, здравствуй...

— Лошадь захромала?

Старикъ только махнулъ рукой. Горе было слишкомъ велико, чтобы выразить его словомъ. Сыновья также молчали, подавленные страшнымъ несчастіемъ. Это было именно страшное несчастіе, которое городской человѣкъ не сразу и пойметъ. Я пошелъ посмотрѣть расейскую лошадь. Это была даже не лошадь въ собственномъ смыслѣ слова, а просто лошаденка. Лохматая, большеголовая, нескладная, но выносливая, какъ по части работы, такъ особенно по части питанія. Именно къ такимъ лошаденкамъ я питаю большую слабость, потому что безъ нея нѣтъ и мужика-пахаря. И безъ пароходовъ и безъ желѣзныхъ дорогъ еще можно обойтись, а вотъ безъ такой лошаденки—конецъ всей русской исторіи. По неизвѣстной причинѣ, я осмотрѣлъ и распухшую у копыта ногу пѣганки.

— Цыгана давѣ приводилъ я...—объяснялъ старикъ.—Взялъ полтину, далъ какого-то снадобья... Говоритъ: обождите недѣльку. Легкое мѣсто сказать: недѣльку... Охъ, горюшко наше, баринъ! Вотъ какое горюшко... А вонъ и вашъ кучеръ. Коновала ведетъ.

Егоръ Иванычъ ужасно торопился, такъ что скотскій фельдшеръ едва за нимъ поспѣвалъ. Мнѣ очень понравилось это безкорыстное усердіе моего кучера. Фельдшеръ подошелъ къ лошади, осмотрѣлъ ногу, пощупалъ опухоль, потомъ осмотрѣлъ зубы и ротъ и рѣшительно заявилъ:

— Никакого толку не будетъ... Недѣли три надо дать отдохнуть, а потомъ само пройдетъ. Это въ ней сока̀ ходятъ, потому какъ она накинулась на сырую степную траву, а это съ непривычки сокъ изъ нея и погнало.

Объясненіе болѣзни было довольно фантастическое, но старикъ-пересе-

лежецъ окончательно упалъ духомъ. Давеча было двѣ недѣли, когда цыганъ смотрѣлъ, а теперь уже цѣлыхъ три...

— Баринъ, явите божецкую милость, — умолялъ онъ упавшимъ голосомъ фельдшера.—Вѣдь зарѣзъ это намъ... Хоть сейчасъ ложись и помирай.

Фельдшеръ посмотрѣлъ на него, подумалъ и рѣшительно заявилъ:

— Нѣтъ, ничего не будетъ... Лучше и не проси. Надо другую покупать.

— Да вѣдь ничего у насъ нѣтъ, баринъ! Какъ есть ничего. Что вотъ только на себѣ. Гдѣ же другую лошадь куплять...

Мы пошли къ телѣгѣ. Фельдшеръ присѣлъ на колесо, закурилъ папиросу и безучастно смотрѣлъ на стоявшаго передъ нимъ старика. Егоръ Иванычъ тоже снялъ свою шапку и чесалъ въ затылкѣ.

— Егоръ Иванычъ, а сколько ты возьмешь придачи на пристяжку?— неожиданно проговорилъ фельдшеръ.

На кумысъ я пріѣхалъ на долгихъ, и лошади принадлежали Егору Иванычу. Неожиданный вопросъ фельдшера его совершенно озадачилъ.

— Вѣдь три недѣли вы проживете на кумысѣ, а черезъ три недѣли лошадь выправится. Доброе дѣло сдѣлаешь...

— А ежели не выправится?

— Я тебѣ говорю: выправится.

Въ самый рѣшительный моментъ фельдшеръ досталъ бумажникъ, отсчиталъ двадцать пять рублей и подалъ ихъ колебавшемуся Егору Иванычу.

— На, получай...

Это великодушіе тронуло Егора Иваныча, и онъ ударилъ по рукамъ. Все произошло такъ быстро, что вся семья не успѣла опомниться. Старикъ хотѣлъ поклониться фельдшеру въ ноги, но тотъ отвелъ его въ сторону и долго что-то шепталъ. Въ тактъ этого шопота старикъ только кивалъ головой.

— Ну, а теперь съ Богомъ,—рѣшительно заявилъ фельдшеръ.—Егоръ Иванычъ, отпрягай гнѣдого...

— А ты вотъ что, дѣдка,—заявлялъ Егоръ Иванычъ.—Какъ пріѣдешь на Амуръ-то, такъ поставь свѣчку Егорію... Пять цѣлковыхъ я тебѣ прожертвовалъ, какъ ни считай.

III.

Мы возвращались въ свою станицу уже на одной лошади, а за нами тяжело прыгала расейская пѣганка. Егоръ Иванычъ оглядывался назадъ, посвистывалъ и крутилъ головой. По всѣмъ признакамъ, онъ раскаивался въ припадкѣ собственнаго великодушія.

— Да, убилъ бобра...—ворчалъ онъ, почесывая затылокъ.—А чтобъ ему, оборотню, пусто было! Вѣдь какъ ловко... а? Точно оглушилъ...

Сначала Егоръ Иванычъ ругался вообще, а потомъ принялся ругать скотскаго фельдшера по преимуществу. Этотъ взрывъ негодованія для меня былъ такъ же непонятенъ, какъ и фельдшерское великодушіе. Двадцать пять рублей для человѣка, который живетъ „такъ“ или „вообче“ деньги очень большія. Я рѣшительно ничего не понималъ.

— Нѣтъ, онъ у меня не отвертится!—думалъ вслухъ Егоръ Иванычъ, очевидно, разсчитывая на реплику съ моей стороны.—Что мнѣ жена-то скажетъ, когда я выворочусь съ кумыса домой и приведу этакого лохматаго чорта? Въ станицѣ засмѣютъ... Да тотъ же Бѣльковъ... тьфу!.. Точно онъ мнѣ песку въ глаза бросилъ... Нѣтъ, братъ, ты погоди!..

— За что, Егоръ Иванычъ, вы ругаете фельдшера? Онъ сдѣлалъ доброе дѣло...

Егоръ Иванычъ оглянулся на меня и захохоталъ.

— Доброе?—переспросилъ онъ.—Это, вы думаете, онъ для расейскаго старичка пожертвовалъ четвертной билетъ? Пожалѣлъ? Какъ бы не такъ... Не таковскій онъ человѣкъ, вотъ что. Первое дѣло, и деньги у него не свои, а второе—о себѣ онъ хлопочетъ, да и меня по пути, дурака, втравилъ. Видѣли, какъ онъ нашептывалъ старичку-то? Вотъ это самое... А деньги ему наплевать: какъ пришли, такъ и уйдутъ. Небось, и самъ знаетъ, что не удержать ихъ, деньги-то, вотъ онъ и плутуетъ: дай, молъ, всучу поселенцу... Ахъ, прокуратъ!..

Дальше Егоръ Иванычъ заговорилъ уже совсѣмъ что-то несуразное: о какомъ-то акцизномъ генералѣ, котораго фельдшеръ обобралъ, потомъ о какомъ-то кладѣ, къ которому хитрый фельдшеръ подбирается самымъ ехиднымъ образомъ, наконецъ о фельдшеровой женѣ, которая выгнала мужа на всѣ четыре стороны.

— И правильно сдѣлала, значитъ, эта самая жена. Этакого человѣка надо какъ огня бояться... Да онъ такое устроитъ... Я такъ думаю, что непремѣнно онъ *такое слово* знаетъ—какъ сказалъ, такъ другой человѣкъ и помутится умомъ. Да вотъ давеча хоть со мной... тьфу! А родную жену слово-то и не беретъ... ха-ха... Она его и съ словомъ въ шею. На, носи—не потеряй... Ахъ, дуракъ, дуракъ,—это то-есть я дуракъ-то, а не фершалъ. Вотъ бить-то,—опять не фершала, а все меня же!..

Этотъ монологъ закончился тѣмъ, что Егоръ Иванычъ принялся ругать ни въ чемъ неповинную расейскую пѣганку, даже погрозилъ ей кулакомъ и пообѣщалъ продать за три цѣлковыхъ Чибуртаю, который ее съѣстъ.

На его счастье Бѣлькова не было дома, когда мы пріѣхали домой, и Егоръ Иванычъ съ такой торопливостью спряталъ въ конюшню несчастную пѣганку, точно укралъ ее. Остальную часть дня онъ ходилъ по двору и ругался, а когда пришелъ домой Бѣльковъ, спрятался самъ на сѣновалѣ самымъ постыднымъ образомъ. Оказалось, что Бѣльковъ уже зналъ все и нѣкоторое время искалъ Егора Иваныча.

— Егоръ Иванычъ... а Егоръ Иванычъ! Гдѣ ты запропастился? Ну-ка, покажи, какого живота вымѣнялъ?.. Егоръ Иванычъ, развѣ не знаешь порядку: надо вспрыски сдѣлать. До узды домѣнялся...

Бѣльковъ удушливо хохоталъ и хлопалъ себя по ляжкамъ

Вымѣненная лошадь явилась для Егора Иваныча истиннымъ наказаніемъ, такъ что мнѣ сдѣлалось даже его жаль. Казаки просто не давали ему прохода и травили его при каждомъ удобномъ случаѣ, такъ что ему приходилось скрываться. Дѣло доходило чуть не до драки.

— Ахъ, Егоръ Иванычъ, Егоръ Иванычъ... хо-хо-хо!—заливался Бѣльковъ.—Ты ей, пѣганкѣ-то, резиновы калоши купи да шарфъ гарусный... Мнѣ больно масть глянется. Пьяный чортъ ночью ее помеломъ рисовалъ...

Егоръ Иванычъ даже похудѣлъ отъ огорченья. Но развеселившіеся казаки этимъ не ограничились и подослали Чибуртая покупать хромую лошадь. Это уже окончательно взбѣсило Егора Иваныча, и онъ бросился на Бѣлькова съ кулаками. Я едва его удержалъ.

Такъ прошелъ конецъ іюня. Таинственный фельдшеръ точно сквозь землю провалился. Мы уходили съ Егоромъ Иванычемъ, захвативъ съ собой турсукъ (кожаный мѣшокъ) съ кумысомъ, на цѣлый день въ степь, главнымъ образомъ, къ тѣмъ степнымъ озеринкамъ, которыя начинались сейчасъ отъ стойбища Чибуртая. Главной приманкой служили дикіе гуси, которые выплывали погулять на чистыя мѣста только по зарямъ. Охота была самая не-

удачная. Гуси сильно сторожились и не желали подпускать на выстрѣлъ. Разъ мы скрадывали ихъ цѣлый часъ, вымокли въ болотѣ, и все кончилось тѣмъ, что я все-таки „промазалъ“ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Дробь нулевого номера брызнула вѣеромъ дальше гусей. Я забылъ мудрое правило стрѣлять на водѣ, выцѣливая подъ птицу. Домой итти мокрыми было неудобно, и мы завернули къ Чибуртаю обсушиться. Степенный киргизъ не вышучивалъ Егора Иваныча, что̀ послѣдній особенно цѣнилъ. Ночью у кошей всегда было хорошо. Горитъ огонекъ, дымъ стелется по травѣ, изъ степи наноситъ какимъ-то горьковатымъ ароматомъ, хочется безъ конца сидѣть у огонька, ничего не дѣлать, ничего не думать, а только слушать и смотрѣть. Надъ головой такое глубокое синее небо, точно оно выложено дорогимъ синимъ бархатомъ и расшито золотомъ. Слышно, какъ въ станицѣ сонно брехаютъ собаки, гдѣ-то испуганно свистнулъ куличокъ, ночная птица козырнула молніей надъ самымъ огнемъ, гдѣ-то немолчно трещитъ кузнечикъ и надоѣдливо скрипитъ неугомонный коростель. Ей-Богу, хорошо...

Чибуртай, какъ вѣжливый степной джентльменъ, уступилъ мнѣ отрубокъ дерева, замѣнявшій стулъ, а самъ присѣлъ къ огню, по-степному, на корточкахъ. Егоръ Иванычъ лежалъ прямо на животѣ и время отъ времени отплевывался. Изъ коша доносилось заунывное пѣніе второй жены Чибуртая, которая только-что подоила кобылицъ и мѣшала свѣжее молоко со старымъ кумысомъ. Она пѣла безконечныя киргизскія былины о старыхъ богатыряхъ, любимѣйшимъ изъ которыхъ былъ послѣдній сибирскій ханъ Кучумъ. Это было даже не пѣніе въ собственномъ смыслѣ, а какой-то плачущій речитативъ, съ повышеніями и пониженіями, напоминавшими мѣрный прибой морской волны. Сколько самой удручающей поэзіи въ одномъ такомъ мотивѣ... Это была живая исторія неисчислимыхъ бѣдъ, разливавшихся по степи пожаромъ. Сколько милліоновъ погибло, а осталась живой одна былина, которая вспоминала былое теплымъ словомъ. Чего-чего ни видѣла вотъ эта степь, среди которой курился нашъ огонекъ, и какъ къ ея простору шла эта пѣсня, напоминавшая наши русскія бабьи причитанья по покойникѣ. А скоро уже съ побѣднымъ гуломъ пронесется первый поѣздъ Сибирской желѣзной дороги, и народная пѣсня, полная святой скорби, замретъ навсегда или, въ лучшемъ случаѣ, сдѣлается достояніемъ какого-нибудь собирателя-этнографа. Къ чему и зачѣмъ эта исторія крови, слезъ и страданій? Неужели она таится въ каждомъ изъ насъ, и только обстоятельства мѣшаютъ ее реализировать?

— Эхъ, лошадь-то какая была!..—вслухъ думалъ Егоръ Иванычъ, начинавшій въ послѣднее время наяву грезить своимъ промѣненнымъ гнѣдкомъ.

— Твой лошадь дрянь,—спокойно отвѣтилъ Чибуртай.—Такой лошадь волку давалъ, и тотъ назадъ тащилъ...

— Такой другой лошади и не сыскать...

— Хуже не найдешь... Я его и ѣсть бы не сталъ.

У Егора Иваныча проявлялись болѣзненныя преувеличенія достоинствъ гнѣдка, и онъ любилъ возвращаться къ этой темѣ, особенно, когда мы бывали у Чибуртая. Киргизъ спорилъ для препровожденія времени.

Этотъ обычный споръ былъ прерванъ сдержаннымъ ворчаньемъ желтаго волкодава, лежавшаго у входа въ кошъ. На него откликнулись моментально другія собаки. Стабуненныя въ одну изгородь кобылицы предупредительно затопали ногами.

— Кто-то идетъ...—замѣтилъ Егоръ Иванычъ.

Чибуртай не шевельнулся, продолжая сидѣть на корточкахъ, какъ истуканъ. Онъ не измѣнилъ себѣ, когда собаки одной стаей ринулись въ темноту.

— Свой...—рѣшилъ Егоръ Иванычъ, прислушиваясь, какъ глухое собачье ворчанье перешло въ ласковый визгъ.

Изъ темноты показалась высокая фигура. Это былъ фельдшеръ Куклинъ. Его неожиданное появленіе произвело впечатлѣніе, такъ что даже Чибуртай заворчалъ:

— У, шайтанъ... Зачѣмъ ночамъ шаталъ, добрые люди пугалъ?

— Миръ на стану,—спокойно проговорилъ Куклинъ, подсаживаясь къ нашему огоньку.—Этакая ночь-то стоитъ... Слышно, какъ трава растетъ.

Онъ раскурилъ папиросу и сосредоточенно принялся смотрѣть въ огонь. Мнѣ показалось, что онъ сильно измѣнился и похудѣлъ.

Егоръ Иванычъ продолжалъ лежать пичкомъ, точно раздавленный. Я понималъ, какъ у него горѣло сердце на скотскаго фельдшера, и ждалъ крупнаго разговора.

— Гдѣ шаталъ?—спрашивалъ гостя Чибуртай.—Нашелъ кладъ?

Этотъ невинный вопросъ заставилъ Егора Иваныча расхохотаться. Онъ закрылъ даже лицо руками и только повторялъ:

— Охъ, прокураты, чтобы вамъ пусто было!.. Кладъ... ха-ха! Не положилъ—не ищи. Вотъ тебѣ и кладъ.

— А ты чему обрадовался? — озлился Куклинъ. — Глупый человѣкъ, и больше ничего. Надо понимать

Эта реплика заставила Егора Иваныча сѣсть. Онъ посмотрѣлъ на ненавистнаго фельдшера злыми глазами, какъ, вѣроятно, смотритъ гремучая змѣя на несчастнаго зайца, котораго готовится проглотить, и заговорилъ безъ всякихъ вступленій.

— Я-то дуракъ, и даже весьма... Ловко ты меня тогда подковалъ [illegible]ью. Да... Ну, и ты тоже около того...

— Около чего?

— Дуракъ—не дуракъ, а сроду такъ... Зайцы у тебя въ башкѣ въ [illegible]рду играютъ. Вѣрно говорю... Кладъ! Ахъ, ты...

Дальше началась ругань, причемъ на сцену явилась и жена фельдшера, и обманутый имъ генералъ, и какія-то темныя художества по службѣ, за каковыя фельдшера гнали съ мѣстъ, и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, Егоръ Иванычъ сорвалъ сердце въ полную мѣру. Чибуртай продолжалъ сидѣть неподвижно попрежнему и сосредоточенно глядѣлъ въ огонь. Я чувствовалъ себя очень неловко, но не вступался въ чужое дѣло. Фельдшеръ сидѣлъ и смотрѣлъ на Егора Иваныча улыбавшимися глазами.

IV.

— Ну, каковъ ты есть человѣкъ?! — выкрикивалъ Егоръ Иванычъ какимъ-то „источнымъ“, бабьимъ голосомъ. — Сколько обманешь, столько и проживешь... А только не на того напалъ. Мнѣ, братъ, мое отдай!.. Не согласенъ, и кончено. Только найдешь кладъ—я изъ тебя живымъ мясомъ выхвачу... Нѣтъ, братъ, шалишь!

Получилось маленькое противорѣчіе: сначала Егоръ Иванычъ хохоталъ надъ кладомъ, а теперь требовалъ своей части, когда этотъ кладъ будетъ найденъ. Какъ я замѣтилъ раньше, Егоръ Иванычъ, хотя и ругалъ фельдшера, но его таинственная дѣятельность была неотразимо-привлекательна для моего вѣрнаго слуги. А вдругъ отыщется этотъ самый кладъ? И помирать не надо.

— Въ самомъ дѣлѣ, какой вы кладъ ищете?—обратился я къ фельдшеру, чтобы прекратить ругань Егора Иваныча.

— Ну-ка, говори?!.—вцѣпился Егоръ Иванычъ.—Все говори...

— И скажу, — спокойно отвѣтилъ фельдшеръ, раскуривая новую папиросу.—Что же мнѣ скрывать? Все скажу... Видите ли, милостивый государь, я, можно сказать, сдѣлался несчастнымъ человѣкомъ черезъ свою собственную супругу. Да-съ... О другихъ жизненныхъ непріятностяхъ я уже не говорю. Враги меня преслѣдовали, можно сказать, отъ самаго перваго дня моего рожденія... А жена ужъ все и докончила. Видите ли, когда я напалъ на мысль о кладѣ, то предложилъ ей, конечно, продать домъ,—домъ-то ея,—ну, она, конечно, по своему женскому малодушію, уперлась. Не понимаетъ, что отъ счастья отказывается. Дѣло самое вѣрное... А чѣмъ же я виноватъ, напримѣръ, ежели у жены душа короткая? Не вышла въ настоящую мѣру— и конецъ. Конечно, я съ своей стороны дѣлалъ ей нѣкоторыя внушенія и держалъ себя вполнѣ сосредоточенно. А она, напримѣръ, къ прокурору, къ жандармскому полковнику, и сейчасъ, напримѣръ, отдѣльный видъ на жительство, и сейчасъ, напримѣръ, меня въ шею. Хорошо-съ... Разсудите сами: жена моя, у жены домъ,—значитъ, и домъ тоже мой. Съ ея стороны было только одно упрямство.

— Какимъ образомъ вамъ пришла въ голову эта мысль о кладѣ?— перебилъ я.

— Какъ — какимъ? Кто же этого не знаетъ, милостивый государь? И даже весьма просто. Сколько угодно этихъ самыхъ кладовъ я знаю по разнымъ мѣстамъ, но только тѣ такъ, не стоятъ хлопотъ. А тутъ вышло дѣло настоящее... Когда Ермакъ завоевывалъ Сибирь, то сибирскій ханъ Кучумъ убѣжалъ въ степь и унесъ съ собой всѣ сокровища. Ермакъ-то и давай гонять его по степи, какъ зайца, ну, Кучуму и стало невмоготу. Да и ослѣпъ онъ къ тому же. Вотъ онъ, т.-е. Кучумъ, и закопалъ свои сокровища въ нѣкоторомъ мѣстѣ, только бы не достались они Ермаку. И, конечно, при этомъ сдѣлалъ зарокъ-съ... Извините, а только я этого не могу вамъ открыть, т.-е. какой зарокъ.

— Нѣтъ, ты говори все! — вступился Егоръ Иванычъ. — Ты не скрывай...

— Да вѣдь ты все равно ничего не поймешь, потому какъ есть человѣкъ необразованный. А вотъ я имъ по порядку буду говорить... Да-съ. Степняки, милостивый государь, конечно, всѣ знаютъ о кладѣ Кучума, но боятся его взять. Опять все дѣло въ зарокѣ... Хорошо-съ. Теперь войдите въ мое положеніе: дѣло у меня вѣрное, только недостаетъ денегъ. А тутъ жена выгнала на улицу, собственная жена. Значитъ, что остается сдѣлать? Добыть денегъ. Но гдѣ же нынче добудешь денегъ даже на самое вѣрное дѣло? Кстати, въ это же время меня и со службы прогнали, опять по жалобѣ на меня жены, и даже хотѣли отдать подъ судъ. Кругомъ враги... А я про себя понимаю, что это есть самая хорошая примѣта, потому что никакой кладъ не дается безъ препятствій и непріятностей. Было даже два покушенія на самую жизнь: разъ чуть не убилъ меня братъ моей жены въ остервенѣніи своей злобы, а въ другой разъ на охотѣ-съ...

— Ну, сейчасъ генерала подковывать? — хихикнулъ Егоръ Иванычъ.

— Вы слышали, что онъ сказалъ?—обратился фельдшеръ ко мнѣ, какъ къ третейскому судьѣ.—Вотъ такое понятіе у нихъ у всѣхъ... А ну-ка, попробуй самъ подковать генерала?.. Понятія не хватитъ. Пустыя слова только умѣете говорить и больше ничего. Да-съ... На чемъ я остановился? Да, какъ жена меня хотѣла подъ судъ отдать. Хорошо. Очутился я, однимъ словомъ, на полной свободѣ. А у самого этотъ самый кладъ гвоздемъ засѣлъ въ башкѣ... Обидно, конечно, что живемъ въ одномъ городѣ, жена въ своемъ

домѣ, а я опредѣлился на квартиру къ знакомому попу. Можетъ, слыхали: отецъ Антоній? Очень умный человѣкъ, но скупъ до звѣрства. О деньгахъ и не заикайся... Конечно, онъ жилъ вдовцомъ и дома даже не обѣдалъ, а больше по купцамъ. Очень его уважали купцы, потому какъ умный человѣкъ. Говорю это къ тому, что черезъ этого самаго отца Антонія я свѣтъ увидалъ. Обращался я къ нѣкоторымъ богатымъ людямъ за вспомоществованіемъ на предметъ клада, но вездѣ получалъ отказъ и обидныя грубости. Даже нажилъ враговъ, которые хотѣли опредѣлить меня въ сумасшедшую больницу. Такъ-съ... И вотъ, напримѣръ, сижу я въ поповскомъ домѣ по цѣлымъ днямъ и, дѣйствительно, начинаю чувствовать, что я въ томъ родѣ, какъ сумасшедшій... Конечно, отъ бѣдности это... Сижу и ропщу, ропщу и завидую. Вѣдь вотъ другіе живутъ-съ и радуются, а я долженъ жить и горевать. Почему? какъ? Почему отца Антонія купцы наперехватъ приглашаютъ въ гости, кормятъ на убой, а я, напримѣръ, голодаю? Или: напротивъ поповскаго дома живетъ акцизный генералъ, т.-е. онъ штатскій генералъ. Ну, живетъ вполнѣ: два лакея, коляска, квартира въ двѣнадцать комнатъ и прочее. И почему-то меня стала разбирать злость вотъ именно на этого самаго генерала. Конечно, опять отъ бѣдности. Раньше-то завидовалъ, а теперь сижу и злюсь. А тутъ еще отецъ Антоній съ квартиры гонитъ и не велитъ мою комнату отапливать... И дошелъ я, можно сказать, до окончательнаго ничтожества, — продолжалъ фельдшеръ, дѣлая отчаянную затяжку.—И все у меня генералъ изъ головы не выходитъ... Вѣдь денегъ у него куры не клюютъ, а вѣдь не дастъ ни гроша, ежели пойти и объявиться напрямикъ. Такъ и такъ, дѣло вѣрное... Въ шею прогонитъ. Хорошо. Видите ли, когда бѣдный человѣкъ думаетъ, у него особенныя мысли бываютъ. Цѣлые дни, бывало, сижу у окна и думаю, что̀ теперь дѣлаетъ генералъ и какія, напримѣръ, у него мысли. Конечно, богатый человѣкъ, сосредоточенный вполнѣ—у него свои и мысли. Съ полгода я этакъ раздумывалъ о генералѣ, а тутъ меня и осѣнило... Сразу искра блеснула. И какъ все это весьма даже просто. А навелъ меня не кто другой, какъ отецъ Антоній. Видите ли, какое дѣло вышло. Сидимъ это мы какъ-то вмѣстѣ утромъ, пьемъ чай, а отецъ Антоній все пожиже да пожиже мнѣ наливаетъ. Выходитъ какъ будто это невзначай... И насчетъ сахару тоже утѣсненіе: „пей, гритъ, съ сахарнымъ пескомъ“. Самъ-то рафинадъ кушаетъ, а мнѣ песочку, отъ котораго такъ мочаломъ и нашибаетъ. Хорошо. Сидимъ. Вдругъ это къ поповскому дому два воза сѣна подъѣзжаютъ... Ахъ, Боже мой, какъ это все просто на свѣтѣ дѣлается! Ну что̀ такое, скажите, пожалуйста, два воза сѣна: пустяки и даже глупость, потому что красная имъ цѣна пять рублей.

Фельдшеръ махнулъ рукой и засмѣялся. Я только тутъ обратилъ вниманіе на его особенность: онъ никогда не улыбался, и смѣхъ выходилъ какой-то деревянный. Егоръ Иванычъ слѣдилъ за нимъ недовѣрчивымъ взглядомъ.

— Можетъ, къ генералу сѣно-то подвезли?—спросилъ онъ.

— Да нѣтъ же: къ попу. Да... Вотъ сейчасъ заходитъ это мужикъ и спрашиваетъ отца Антонія. „Такъ и такъ, два воза сѣна вамъ прислалъ господинъ Горшенинъ“.—„Какъ такъ? почему?“ Подивился-подивился отецъ Антоній, а потомъ велѣлъ сметать сѣно въ сарай. Поѣхалъ къ Горшенину отецъ Антоній, а тотъ ему: „Закупился, гритъ, съ сѣномъ, два воза оказалось лишнихъ— вотъ я вамъ и послалъ, батюшка“. Понимаете, куда дѣло пошло? Охъ, и умница этотъ Горшенинъ. Прямо въ самую точку попалъ... Отецъ Антоній, конечно, радъ и Горшенина похваливаетъ, а того не замѣчаетъ, что у самого

въ башкѣ эти два воза сѣна засѣли. Черезъ нѣкоторое время пріѣзжаетъ этотъ Горшенинъ ужъ къ отцу Антонію и прямо: нужно пять тысячъ на полтора часа. Дивиденту обѣщаетъ цѣлыхъ триста рублей. Это за полтора-то часа. И что же бы вы думали: разступился отецъ Антоній и далъ. А Горшенинъ, конечно, былъ таковъ съ деньгами. Ищи въ полѣ вѣтра... И вышло, что отецъ Антоній за два воза сѣна пять тысячъ заплатилъ, и весьма просто. Купцы ему и сейчасъ проходу не даютъ и все сѣно это поминаютъ. Со злости онъ меня сейчасъ же и сахарнаго песку лишилъ. Ну, хорошо, думаю, наверстывай теперь... И что удивительно, подари Горшенинъ отцу Антонію что угодно на ту же цѣну—ничего бы изъ этого не вышло, а противъ сѣна не могъ человѣкъ устоять. Предметъ огромный, хозяйственный... Да-съ, такъ я тогда и просвѣтлѣлъ.

— Сейчасъ генералъ начнется?—спрашивалъ нетерпѣливо Егоръ Иванычъ.

— Да, генералъ. Видишь ли, въ младости я весьма былъ подверженъ къ рыбной ловлѣ и тогда еще удивлялся, какъ это даже самая большая рыба попадаетъ на крючокъ изъ-за самаго пустого предмета, въ родѣ червяка, мушки и тому подобное. И чѣмъ больше рыба, тѣмъ легче ее обмануть, потому что жадности въ ней больше и надѣется на свою силу. А вѣдь она живетъ, значитъ, имѣетъ свой рыбій смыслъ, и вдругъ: трахъ!.. То же и съ птицей... Чучелу ей покажешь—она и летитъ, милая. А что такое чучело: пустяки и даже совсѣмъ глупость. Или тоже рябчикъ по осени: пикнешь ему въ пищикъ, а онъ такъ прямо на тебя и летитъ гоголемъ. Вся суть именно въ пустякахъ... Набросься съ дрекольемъ—и ничего не поймаешь, а только напугаешь всѣхъ. Вотъ это самое я и сообразилъ, когда пошелъ къ генералу. Нужно сказать, что у меня и полная отчаянность въ то время была, потому какъ безъ денегъ его никакъ невозможно взять. А взять нужно... Моихъ-то собственныхъ капиталовъ оставалось всего восемь копеекъ. Хорошо. Отправился я въ гостиный дворъ, прямо въ москательную лавку, купилъ на пятачокъ краски умбріи и съ ней прямо къ генералу. Даже самъ теперь удивляюсь смѣлости... Хорошо. Швейцаръ, натурально, меня въ шею. Ну, я хожу по тротуару и жду, когда пріѣдетъ генералъ. Ѣдетъ... коляска, пара вороныхъ, кучеръ, какъ хорошій деревянный идолъ... Я тутъ и вцѣпился въ генерала. Старикъ былъ строгій, всѣ его боялись, а тутъ самъ испугался, когда я на него наступилъ. Прямо, лѣзетъ человѣкъ въ отсутствіи ума. Швейцаръ это меня хочетъ опять вытолкать, а я генералу прямо въ носъ свою краску сую и притомъ повторяю самый вздоръ: „Бѣдный человѣкъ, ваше превосходительство... пострадалъ отъ собственной жены... промежду прочимъ, родной зять покушался даже на жизнь... Осчастливьте слово выслушать“. Генералъ смотритъ на меня, нахмурился.—„При чемъ же, гритъ, эта дурацкая краска?“ Я тутъ же ему въ передней все и объяснилъ: „Краска эта итальянская, ваше превосходительство... Одинъ провозъ стоитъ больше трехъ рублей съ пуда. Спросите хоть сами въ гостиномъ дворѣ“. Тутъ ужъ генералъ разсердился и даже затопалъ на меня ногами. „Мнѣ-то какое дѣло, гритъ, до твоей дурацкой краски? Убирайся вонъ, дуракъ“... Я сейчасъ на колѣни. „Ваше превосходительство, совсѣмъ даже она не дурацкая, потому какъ я ее вамъ могу доставить по гривнѣ за пудъ сколько угодно. Открылъ мѣсторожденіе, а человѣкъ бѣдный... Купцы не повѣрятъ бѣдному человѣку. А вѣдь это какое дѣло: умбріи идутъ тысячи пудовъ, и ежели съ каждаго пуда нажить одинъ рубль—и то богатство. Припадаю къ стопамъ вашего высокопревосходительства“... Пожалъ генералъ плечами, а краску все-таки взялъ.

— Значитъ, затравка вполнѣ? — хихикнулъ Егоръ Иванычъ. — Ну и дошлый человѣкъ уродится въ другой разъ...

— Что же дальше,—дальше ужъ все какъ по-писаному. Какъ насыпалъ я этой умбріи генералу въ башку, ну, онъ и вцѣпился. Черезъ три дня самъ за мной присылалъ... Тоже любопытно на гривенникъ рубль получить. Выдалъ даже мнѣ задатку десять рублей. А я на эти деньги купилъ два пуда этой самой краски, поѣхалъ въ лѣсъ верстъ за двадцать, выкопалъ собственноручно яму аршина въ три глубины, а потомъ придѣлалъ боковушку, да туда свою умбрію и забутилъ. Ну, привезъ генерала. „Пожалуйте, ваше высокопревосходительство, въ яму...“ Въ яму не согласился залѣзать, а я ему и давай изъ ямы лопатой выкидывать краску. Цѣлый пудъ накидалъ... Только и всего. Ну, а потомъ ужъ на полномъ довѣріи сдѣлался. Началъ развѣдки дѣлать, паровую машину поставилъ, казарму для рабочихъ—все какъ слѣдуетъ. Генералъ даетъ деньги, а я руководствую. Когда онъ заскучаетъ—я сейчасъ ему цѣлый возъ краски привезу. Нарочно бралъ изъ разныхъ магазиновъ и съ пескомъ мѣшалъ. Ну, въ полтора года такимъ манеромъ тысячъ пятнадцать изъ него выпулъ.

Наступила пауза. Егоръ Иванычъ широко вздохнулъ и проговорилъ съ завистью:

— Любую половину къ себѣ въ карманъ положилъ?

— Ну, это ужъ мое дѣло...

— А молодчина!—неожиданно проговорилъ Егоръ Иванычъ.—Ей-Богу, молодчина... Вѣдь надо же было придумать!.. Ловко...

— И ничего ловкаго, — сказалъ фельдшеръ. — Развѣ я для себя хлопоталъ? Для себя-то ввѣкъ не придумаешь... И потомъ, я эти деньги потомъ отдамъ генералу, и даже съ процентами, только обыщу кладъ. Все равно, какъ въ банкѣ, у меня его деньги лежатъ. Опять ты ничего не понимаешь, Егоръ Иванычъ. Ну, на что мнѣ генеральскія деньги, когда и своихъ будетъ достаточно? Плевать мнѣ на нихъ...

— Дуракъ будешь,—спокойно замѣтилъ Чибуртай.—Большой дуракъ... Тебѣ счастье Богъ давалъ, а ты дуракъ будешь.

Мы прожили на кумысѣ до Ильина дня. Началась уже казачья страда. Степная трава начала сохнуть, и было пора ѣхать домой. Мы выѣхали изъ станицы раннимъ утромъ, чтобы никто не видѣлъ вымѣненную пѣганку. Егоръ Иванычъ все-таки волновался. Онъ успокоился только тогда, когда станица осталась далеко, а нашъ дорожный коробокъ катился по мягкому черноземному проселку, между двумя живыми стѣнами вызрѣвавшей пшеницы.

— А вѣдь мозговитый мужичонка этотъ самый скотскій фельдшеръ,— заговорилъ Егоръ Иванычъ, тряхнувъ головой. — И кладъ безпремѣнно обыщетъ... Вотъ только выправить ему Кучумовъ зарокъ. Да... Помните, какъ онъ четвертной билетъ тогда отвалилъ за лошадь поселенцу? И хитеръ, песъ... Самъ признался потомъ. Помните, какъ онъ нашептывалъ? Вотъ это самое... Далъ онъ старику серебряный рупь-крестовикъ и наказалъ, когда подъѣдутъ они къ Иртышу, бросить его въ рѣку и сказать всего два слова: „Знаю зарокъ!“. Кладъ-то самъ и выйдетъ, потому какъ силой тутъ ничего не возьмешь.

— Старикъ бросилъ бы рубль и такъ...

— А вотъ и нѣтъ. Цыганка прямо ему сказала, то-есть фельдшеру: „на пѣгашкѣ поѣдешь—не доѣдешь, а поѣзжай на гнѣдой“. Въ самую точку,

такъ и сказала... А фельдшеру время дорого, ежели самому на Иртышъ ѣхать, и при этомъ бабы за него будутъ молиться. Тоже наказывалъ...

Егоръ Иванычъ уже не сердился больше на фельдшера, потому что имѣлъ въ виду промѣнять пѣганку „въ казакахъ“ на хорошую лошадь, причемъ, по его расчетамъ, отъ полученной имъ придачи должно было остаться почему-то ровно семь рублей.

Вызрѣвшая степь имѣла какой-то усталый видъ. Преобладали желтые, золотистые тона, точно этотъ аршинный степной черноземъ былъ вызолоченъ живымъ золотомъ. Коробокъ покачивался, колокольчики весело поговаривали подъ дугой, захватывала чисто-дорожная дрема, когда начинаешь видѣть собственныя мысли. Дорогой часто случается, что привяжется какая-нибудь одна фраза или мотивъ и ни за что не выходитъ изъ головы. Такой фразой для меня была: „кладъ Кучума“. Я никакъ не могъ отъ нея отвязаться и, по ассоціаціи идей, думалъ о сумасшедшемъ фельдшерѣ. Мнѣ казалось, что и колокольчики наговариваютъ то же самое: „кладъ Кучума! кладъ Кучума!.. кладъ, кладъ, кладъ!..“ Да вѣдь вся Сибирь—одинъ сплошной кладъ, только стоитъ снять съ нея роковой зарокъ...

1897.

МЕДВѢЖІЙ УГОЛЪ.

Очеркъ.

I.

Раннее лѣтнее утро. Въ воздухѣ чувствуется бодрящая свѣжесть, заставляющая васъ молодѣть. Кругомъ все залито ликующимъ свѣтомъ и зеленѣющей радостью; омытая ночью дождемъ трава кажется покрытой лакомъ, и каждый придорожный кустикъ топорщится, какъ именинникъ. Въ сторонѣ пестрятъ траву безыменные цвѣтики, точно дѣтскіе глазки. А какой воздухъ!.. Онъ опьяняетъ одуряющимъ ароматомъ горнаго шалфея, душицы и другихъ пахучихъ травъ. Въ головѣ еще бродитъ просонье, а тѣло чувствуетъ себя такъ бодро, точно вотъ взялъ да стряхнулъ съ себя лишнихъ десять лѣтъ, городское сидѣнье и застоявшуюся кровь. Поѣздка верхомъ сама по себѣ освѣжаетъ, а тутъ еще развертывающійся горный ландшафтъ, заплетающая ноги крѣпкая и цѣпкая трава, мѣрное покачиванье въ сѣдлѣ. Моя сѣрая лошадка, неизвѣстной породы, выступаетъ такъ бодро и по пути ловко схватываетъ верхушки травы, листочки рябины и жимолости. Положимъ, хода у ней нѣтъ никакого, но я на первыхъ двухъ верстахъ понялъ, что мой конекъ лучше всего идетъ „цыганской торопью", какъ-то мудрено перебирая ногами и взмахивая головой, чтобы выпростать поводья. Наѣздникъ я плохой и вдобавокъ побаиваюсь, какъ бы мой сѣрый не запнулся гдѣ-нибудь въ камняхъ или въ мочежинѣ, прикрытой для неудобства разъѣхавшимися и осклизлыми мостовинами.

— Не отставайте,—говоритъ догоняющій меня старикъ Акинфій. — Мяконькая лошадка-то, такъ вы ее поводкомъ, — она и ускорится.

Акинфій ѣдетъ на старомъ, сѣдлистомъ, лопоухомъ и горбоносомъ киргизѣ, который тычетъ ногами, какъ палками, и старикъ смѣшно начинаетъ встряхивать всѣмъ корпусомъ, когда киргизъ затруситъ своей деревянной рысью. Нашъ поѣздъ вытянулся, благодаря узкой горной тропинкѣ. Впереди мелькаетъ присѣвшая въ сѣдлѣ сгорбленная фигурка нашего „вожа" Ефима; за нимъ, вытянувшись, бодро ѣдетъ на караковомъ бѣгунцѣ охотникъ Левонтичъ, а передо мной, грузно раскачиваясь въ сѣдлѣ, виднѣется широкая спина Павла Степаныча. Мы съ Акинфіемъ составляемъ арьергардъ.

— Такъ дальше и колесной дороги нѣтъ? — спрашиваю я Акинфія.

— А куда намъ на колесахъ-то ѣздить?—отвѣчаетъ старикъ вопросомъ и вздыхаетъ.—Да и ѣздить некому... Развѣ вотъ на покосы кто, али объѣзщики. Некому ѣздить...

— Ну, а въ скиты?

— Кому надо въ скиты, такъ дорогу найдетъ. Настоящая скитская тропа, когда ни конному ни пѣшему дороги нѣтъ.

У меня какое-то органическое отвращеніе къ мѣстамъ, изборожденнымъ во всѣхъ направленіяхъ проѣзжими дорогами, и особенная любовь къ дикимъ, нетронутымъ уголкамъ, въ родѣ того, по которому мы ѣдемъ сейчасъ. Все кругомъ дышитъ еще нетронутой, дѣвственной прелестью, и лютое хищничество вѣнца природы еще не коснулось ни лѣса, ни травы, ни земли. Вотъ она, природа, въ полной своей неприкосновенности, какъ живая картина, только-что вышедшая изъ мастерской великаго художника: ни одной царапины, ни одного пятнышка. Дорогой вообще передумывается много такого, о чемъ въ четырехъ стѣнахъ и не снится, а здѣсь такъ вольно дышится, и мысли роятся, какъ выпущенныя изъ клѣтки птицы. Хорошо!.. И это голубое сѣверное небо, едва тронутое бѣлымъ шелкомъ перистыхъ облаковъ, такъ любовно смотритъ на насъ, точно громадный глазъ.

— Держите поправѣе,—предостерегаетъ меня голосъ Акинфія, и я подтягиваюсь въ сѣдлѣ, чтобы проѣхать молодцомъ сомнительное мѣсто.

Луга и поляны ушли назадъ, а впереди могуче поднимался настоящій лѣсъ. Мѣстность дальше замѣтно повышается. Намъ предстоитъ переправа черезъ горную рѣчку, совсѣмъ потерявшуюся въ сочной густой травѣ, въ вербовой заросли и лопухахъ.

— Какая рѣка?

— А Каменка... Все она же, наша Каменка. Поправѣе лошадку пустите, а потомъ черезъ калужину... Эхъ, неладно, баринъ!

Я самъ чувствую, что неладно, и лошадь тоже. Она застряла всѣми четырьмя ногами и собираетъ свое сбитое тѣло, какъ пружину, чтобы сдѣлать отчаянный прыжокъ. Нужно повторить это движеніе въ сѣдлѣ, чтобы не получилась роковая разность инерціи и несовпадающихъ скоростей. Но проклятое мѣсто осталось уже назади, прежде чѣмъ я могъ что-нибудь сообразить; это общая особенность всѣхъ такихъ опасностей: онѣ такъ же быстро исчезаютъ, какъ и появляются. Сѣрый тоже успокоился и въ награду за свой подвигъ сорвалъ цѣлую вѣтку черемухи. Лошадь въ лѣсу совсѣмъ не то, чѣмъ она является въ городѣ, на улицѣ или у себя въ конюшнѣ: въ ней какъ-то и смысла больше, и есть своя лошадиная грація, потому что именно въ этой обстановкѣ она только и бываетъ вполнѣ лошадью.

Каменку мы взяли вбродъ. Бойкая горная вода такъ и бурлила около лошадиныхъ ногъ, точно сердилась, что нарушаютъ ея спокойствіе.

— Палъ Степанычъ, утки!..—крикнулъ за моей спиной Акинфій.

Вся кавалькада остановилась. Мнѣ не хотѣлось слѣзать съ лошади и вынимать ружье изъ чехла, а поэтому спѣшился Павелъ Степанычъ. Онъ грузно зашагалъ по густой травѣ къ рѣчкѣ, блестѣвшей широкой излучиной. Вотъ и Ефимъ пошелъ за нимъ. Онъ былъ средняго роста и время отъ времени пропадалъ съ головой въ травѣ. Акинфій поднимался въ стременахъ и, разглядывая рѣку, изъ-подъ руки дѣлалъ Ефиму соотвѣтствующіе знаки. Въ излучинѣ медленно выплывали три темныя точки и съ недоумѣніемъ остановились на самой срединѣ. Гулко грянулъ выстрѣлъ, и одна изъ этихъ черныхъ точекъ безсильно осталась на водѣ, а двѣ другихъ „взмыли“ въ сторону.

— Есть!..—успокоенно проговорилъ Акинфій.—Ловко Палъ Степанычъ хлобыстнулъ.

Охотникъ Левонтичъ, рыжій, съ красивыми голубыми глазами, бросился добывать „люле“. Онъ какъ-то необыкновенно быстро остался въ одной розовой ситцевой рубашкѣ и, засучивъ штаны, побрелъ въ рѣку къ убитой уткѣ. Ефимъ стоялъ въ травѣ и смотрѣлъ. Я много слышалъ объ этомъ Ефимѣ и теперь разсматривалъ его съ особеннымъ вниманіемъ. Небольшого роста, ху-

денькій и сутулый, съ впалой грудью и длинными руками, онъ по наружности не представлялъ собою ничего выдающагося, какъ и его самый обыкновенный мужицкій костюмъ—чекмень, валеная шляпа, рубаха изъ домашней пестрядины, мужицкіе сапоги. Но замѣчательно было худое, смуглое и узкое лицо съ бородкой клинышкомъ: оно точно было снято съ какого-нибудь раскольничьяго образа. Особенностью этого иконописнаго лица было то, что оно постоянно улыбалось, кротко и спокойно, точно постоянно свѣтлѣло какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ. Ефимъ славился какъ лучшій медвѣжатникъ, ходившій на звѣря съ глазу на глазъ. Его отецъ Акинфій въ свое время тоже пользовался репутаціей неустрашимаго охотника, но теперь онъ, по добровольному сознанію, уступилъ все сыну Ефиму: и глазъ у Ефима повострѣе, и рука повѣрнѣе, и сердцемъ не упадетъ; однимъ словомъ, булыгинская кровь, и всѣ Булыгины изъ роду въ родъ медвѣжатники. Левонтичъ тоже хорошій охотникъ и съ Булыгиными постоянно за звѣремъ ходитъ, но только то да не то, и до Ефима ему далеко.

— Эвонъ, тутъ въ сторонѣ у Ефима въ Петровки медвѣдь въ капканѣ сопрѣлъ, — объясняетъ мнѣ Акинфій, когда мы въ прежнемъ порядкѣ вытянулись по тропинкѣ.—Ошибочка вышла у Ефима-то: во-время не досмотрѣлъ... Здоровущій звѣрина зацѣпился; ну, извѣстно, въ Петровки жарынь, — онъ и не стерпѣлъ. Тошно ему...

— А ты много убилъ медвѣдей на своемъ вѣку, Акинфій?

— Я-то?.. А ужъ не умѣю этого сказать: несчитанные вѣдь наши-то мужицкіе медвѣди. Это господа считаютъ, потому какъ имъ любопытно: я, молъ, медвѣдя убилъ. А страшнаго въ этомъ звѣрѣ ничего нѣтъ, окромя самаго слова: медвѣдь. Онъ меня боится, медвѣдь-то, а не я его... Конечно, безъ снасти и клопа не убьешь, а все-таки въ которомъ человѣкѣ ежели настоящій духъ... Вонъ Ефимъ по шестнадцатому году перваго-то звѣря залобовалъ... Совсѣмъ еще мальчонкомъ былъ. Идетъ по лѣсу, а медвѣдь и попадись. Сейчасъ Ефимъ пульку спустилъ и положилъ звѣря. Левонтичъ тоже ловко на звѣря ходитъ, только горячъ больно.

— По скольку же вы въ годъ съ Ефимомъ убиваете медвѣдей?

— А какъ Господь приведетъ... Бывало, и десяткомъ считали, а то и одного. Ноньче уменьшились, потому какъ ставимъ звѣря барину, Карлѣ Карлычу... Мы его высмотримъ, обложимъ, приведемъ Карлу Карлыча, а онъ и убьетъ. Извѣстно, охотка... Карла-то Карлычъ за сорокъ считаетъ медвѣдей.

— У него тоже, значитъ, духъ есть?

— Ружья хорошія у него, ну, тоже собачки... Пустое дѣло, ежели разобрать. Говорю, одно названіе: медвѣдь.

Въ этихъ разговорахъ дорога короталась незамѣтно, хотя о главномъ Акинфій не сказалъ ни слова. Ближайшей цѣлью нашей поѣздки было осмотрѣть раскольничій скитъ, куда насъ и велъ Ефимъ, но объ этомъ не говорилось изъ особой мужицкой вѣжливости. Не таковское это дѣло, чтобы зря болтать. Собственно, устроилъ все Павелъ Степанычъ, старый знакомый Акинфія, а я въ этой компаніи являлся чужимъ человѣкомъ, въ лучшемъ случаѣ пріятелемъ Павла Степаныча, что, впрочемъ, само по себѣ являлось достаточной гарантіей. Я люблю всякое отшельничество и съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда наконецъ мы доѣдемъ до цѣли нашей охотничьей экскурсіи. Скиты я и раньше видалъ, но каждый новый скитъ для меня являлся крайне интереснымъ предметомъ наблюденія. Благочестіе быстро падаетъ и пустынножительство исчезаетъ. Старики вымираютъ, а молодые не нарождаются. Да и вся старая вѣра „пошатилась“, вездѣ пестрота, свары и мятежъ.

Булыгины были раскольники искони и относились поэтому къ православному Левонтичу немного свысока. Впрочемъ, Левонтичъ и не думалъ вступать въ препирательства съ такими столпами древляго благочестія, какъ нашъ „вожъ“ Ефимъ, типъ будущаго скитника. Онъ въ тридцать пять лѣтъ оставался дѣвственникомъ и ничего слышать не хотѣлъ о женитьбѣ. Къ женщинамъ будущій подвижникъ относился съ брезгливой снисходительностью, какъ къ предмету по своему существу неприличному. Въ домѣ онъ являлся грозой для снохъ, и самъ старикъ Акинфій побаивался его благочестія.

— Признайся, боишься сына? — допытывался у Акинфія Павелъ Степанычъ. — Строго онъ васъ всѣхъ держитъ?..

— Особенный человѣкъ, Палъ Степанычъ... Крѣпость у него невозможная, а мы что̀ же?.. Мірскіе люди, однимъ словомъ.

Павелъ Степанычъ нѣсколько разъ приставалъ къ Акинфію съ этими разговорами, и старикъ каждый разъ замѣтно конфузился и старался свести разговоръ на какую-нибудь постороннюю тему. Я объяснялъ это простой мужицкой совѣстливостью за нарушенный отцовскій авторитетъ, хотя послѣ оказалось нѣчто иное, и для меня сдѣлалось понятнымъ, почему Павелъ Степанычъ съ добродушной хитростью улыбался себѣ въ бороду.

Если есть вообще милые люди на свѣтѣ, такъ это Павелъ Степанычъ: стоило посмотрѣть на него, чтобы на душѣ сдѣлалось легче. И жизнь казалась проще, и солнце свѣтлѣе, и вообще какъ-то чувствовалось лучше. Это именно счастливые люди, не проявляющіе себя никакими особенными подвигами или выдающимися талантами, но всегда ровные и спокойные, какъ тѣ большія русскія рѣки, которыя красивы своей внутренней силой. Павелъ Степанычъ не былъ красивъ, одѣвался мѣшковато, держалъ себя угловато, но стоило ему взглянуть своими добрыми глазами и улыбнуться, какъ вы невольно подумали бы: „Милый Павелъ Степанычъ“... По происхожденію коренной хохолъ, онъ сохранилъ въ себѣ добродушный юморъ и вообще шутливую складку. Я по-своему понималъ эту жизненную натуру, выработавшуюся мучительнымъ историческимъ процессомъ. Предки Павла Степаныча гайдамачили съ „свячеными пожами“ въ Умани, вырѣзывали Бѣлую-Церковь, руйновали шляхетчину и жидовщину, пока сами не попали въ лапы хитрымъ панамъ подъ Берестечкомъ. Потомъ слѣдовала глухая борьба съ москалемъ, паньщизна и медленное истощеніе яркой народности, едва откликавшейся только поэтической думкой слѣпого бандуриста да своимъ хохлацкимъ говоромъ. Какую же нужно имѣть живучесть, чтобы Павелъ Степанычъ могъ улыбаться и устраивать свои „жарты“? На Уралъ онъ попалъ случайно, зажился здѣсь и сдѣлался „русопётомъ“. Въ минуту раздумья Павелъ Степанычъ пѣлъ свои грустно-веселыя хохлацкія пѣсни, въ которыхъ такъ живьемъ и вставали бѣлыя мазанки, вишневые садочки, пышныя дівчины съ карими очами, соловьиныя пѣсни и эти чудныя украинскія ночи. Всѣ особенности южной натуры Павла Степаныча преимущественно выступали именно теперь, на фонѣ моей родной раскольничьей медвѣжатины. Холоднымъ сѣвернымъ вѣтромъ, глубокими снѣгами и фанатической энергіей вѣяло отъ нашего вожа Ефима, точно и самъ онъ замерзъ на одной какой-то мысли и хранилъ ее, какъ святыню. Этотъ сѣверный человѣкъ не будетъ распѣвать любовныхъ пѣсенъ, не будетъ любоваться „тихими водами и ясными зо̀рями“, но, когда нужно, будетъ горѣть въ огнѣ, гнить по острогамъ, таиться годами по лѣснымъ трущобамъ и все-таки спасетъ свое святая-святыхъ. Бѣдность внѣшнихъ впечатлѣній здѣсь выкупалась полнотой и глубокой содержательностью внутренняго міра, упорнымъ исканіемъ

потерянной правды. Для меня лично Павелъ Степанычъ и вожъ Ефимъ являлись только сторонами одной медали, дополняя и выясняя другъ друга.

— А чего жъ вы задумались, братику? — окликнулъ меня Павелъ Степанычъ, выравнивая свою лошадь съ моей.—Сейчасъ скитъ будетъ...

II.

Я впередъ рисовалъ себѣ картину лѣсного раскольничьяго скита, лица пустынножителей и весь скитскій обиходъ. Простая изба въ лѣсу—и больше ничего. Поставлена она такъ, что въ двухъ шагахъ проѣдешь и не замѣтишь: это общая характерная черта такихъ пустынь. Видѣлъ я и раскольничьи полукафтанья, и подстриженные въ скобу волосы, и честныя брады, и дѣланно-смиренный взглядъ, и раскольничью ласковость, и впередъ переживалъ впечатлѣніе чего-то фальшиваго, неискренняго. Нашъ поѣздъ все еще поднимался въ гору; лѣсъ рѣдѣлъ, впереди брезжила поляна. Очевидно, когда-то здѣсь былъ заводскій курень, отъ котораго оставалось только нѣсколько столѣтнихъ сосенъ-сѣмянниковъ, оставленныхъ всеистребляющей рукой на племя.

— Эге, чурка! — проговорилъ рядомъ со мной ѣхавшій Павелъ Степанычъ.—Это Ефима работа... У него здѣсь пасѣка.

Мы выѣхали на горное плато, въ глубинѣ точно огороженное тяжелой грядой высокихъ горъ. Между ними въ глубокомъ логу пробиралась все та же Дикая Каменка, черезъ которую мы переправлялись уже нѣсколько разъ. Наша остановка около первой чурки — Павелъ Степанычъ былъ пчеловодъ — разъединила поѣздъ. Ефимъ уѣхалъ куда-то въ сторону, и вдали мелькала въ высокой горной травѣ только его голова, точно онъ плылъ по этому зеленому приволью. Старикъ Акинфій и охотникъ Левонтичъ скрылись впереди. Самый скитъ мы увидѣли, только подъѣхавъ къ нему вплоть. Къ тропѣ онъ выходилъ полѣнницей свѣже нарубленныхъ березовыхъ дровъ, такъ что его трудно было разглядѣть. Длинная избушка точно вросла въ землю. Очевидно, она строилась не за-разъ, а по мѣрѣ надобности: сначала была поставлена маленькая избушка въ одну горницу, потомъ къ ней прирубили сѣни, а къ сѣнямъ приставили вторую избушку. Впослѣдствіи эта постройка была обнесена съ сѣвера навѣсомъ и новой стѣнкой; такой же навѣсъ козыремъ шелъ отъ задней избы. Чѣмъ-то такимъ домашнимъ, трудническимъ пахнуло отъ этой постройки, точно видѣлъ ее раньше и каждое бревно было знакомо. Двумя крошечными оконцами скитъ глядѣлъ на югъ, точно добрыми стариковскими глазами. Низенькая дверь вела въ сѣни. Когда мы подъѣхали, насъ встрѣтилъ здоровенный мужикъ, безъ шапки и босой.

— Палъ Степанычъ, родимый мой...

— Лебедкинъ... Ты какъ сюда попалъ?

— А ужъ, видно, такъ... Вожжа подъ хвостъ попала.

Лебедкинъ былъ извѣстный человѣкъ на сто верстъ: онъ и штейгеръ, и лошадиный барышникъ, и все, что̀ хотите. Вѣчно верхомъ, вѣчно озабоченъ, вѣчно что-то ищетъ. Онъ далеко пошелъ бы, если бы не слабость къ водкѣ: пилъ онъ мертвецки, по цѣлымъ мѣсяцамъ. И сейчасъ было замѣтно, что у Лебедкина неладно въ башкѣ, и онъ только встряхивалъ ею, какъ взнузданная „строгая“ лошадь. Его появленіе нарушило первое впечатлѣніе отъ скита. Гдѣ-то, подъ землей, грустнымъ речитативомъ шло церковное чтеніе, причемъ неизвѣстный голосъ отбивалъ необычныя для православнаго уха цезуры. Въ открытое окно задней избушки тянула синяя струйка дыма отъ кацеи и сейчасъ же таяла въ ароматномъ лѣтнемъ воздухѣ. Въ глубинѣ моленной слабо мигали огоньки своедѣльныхъ скитскихъ свѣчъ. Мнѣ вдругъ сдѣлалось со-

вѣстно и за собственное праздное любопытство, и за нарушенный покой пустынножителей, и за ихъ оскорбленное нашимъ появленіемъ молитвенное настроеніе, и точно въ отвѣтъ на эту мысль протяжной колеблющейся нотой въ окно моленной понеслись разбитые, старческіе голоса:

— Аа-а̀-аа̀-а̀а-а̀-а̀-а̀-аааа-а̀-аа̀-минь!

Это было настоящее крюковое пѣніе, такое же монотонное и грустное, какъ сама мать-пустыня.

Спѣшившіеся Левонтичъ и старикъ Акинфій, какъ мнѣ казалось, испытывали такое же чувство смущенія, какъ и я. Акинфій держалъ въ поводьяхъ лошадей и смотрѣлъ куда-то въ сторону, а Левонтичъ съ несвойственной ему торопливостью бросился помогать Павлу Степанычу слѣзать съ сѣдла и по пути шепнулъ:

— Съ утра молятся старички, Палъ Степанычъ.

— Что̀ же, мы ихъ не съѣдимъ... Пусть себѣ молятся на здоровье.

Опять монотонное чтеніе, точно гдѣ-то жужжитъ большая зеленая муха и время отъ времени бьется о стекло головой. Мы всѣ молчали. Сначала глазъ ничего не могъ различить въ полутьмѣ моленной, и только потомъ выступили неясными силуэтами три молившихся фигуры. Всѣ старцы стояли въ рядъ, скрестивъ руки на груди, и въ положенное время, точно по командѣ, откладывали широкіе раскольничьи кресты, кланялись, и опять въ воздухѣ поднималась та же зудящая нота, неотступная и щемящая, точно гдѣ-то быстро падали одна за другой капли воды. Я разсмотрѣлъ стоявшаго ближе къ окну старика. Это былъ средняго роста, плечистый и приземистый мужчина съ лысой головой и благообразной „тѣневой“ бородой, т.-е. расцвѣченной сѣдиной. Широкое лицо, выпуклый лобъ и вся осанка придавали ему внушительный видъ, особенно рядомъ съ слѣдующимъ, тщедушнымъ и сгорбленнымъ старичкомъ, походившимъ на ветхозавѣтнаго дьячка. Онъ весь былъ какой-то сѣрый, начиная со своего полукафтанья и кончая цвѣтомъ лица, волосъ и глазъ,—того особеннаго сѣраго цвѣта, какой вещи пріобрѣтаютъ отъ долгаго лежанія гдѣ-нибудь въ кладовыхъ или въ сундукахъ, куда не достигаетъ ни солнечный свѣтъ ни свѣжій воздухъ. Третій старецъ для меня такъ и остался невидимкой, хотя, очевидно, онъ и „говорилъ канунъ“, выражаясь по-раскольничьи.

— Палъ Степанычъ, родимый мой...

Это былъ опять Лебедкинъ; онъ манилъ изъ-за угла, подмигивалъ и вообще имѣлъ видъ человѣка, отыскавшаго какую-нибудь рѣдкость. Мы пошли къ нему, подъ открылокъ-козырь. Здѣсь на земляной завалинкѣ подъ шубой лежалъ еще скитникъ, глядѣвшій на насъ какимъ-то дѣтски-улыбавшимся взглядомъ. Онъ былъ или очень старъ, или очень боленъ; оказалось первое.

— Отецъ Варсонофій...—какъ-то виновато бормоталъ Лебедкинъ, показывая глазами на безсильно распростертаго старца.—Очень древній старичокъ...

— Какой отецъ... — зашептали безкровныя, побѣлѣвшія губы. — Какой отецъ... Грѣшный рабъ Божій Варсонофій, а отецъ у всѣхъ одинъ.

Это было замѣчательное лицо — выцвѣтшее, просвѣтленное, кроткое... Жизнь въ немъ едва теплилась, какъ тѣ колеблющіеся синіе огоньки, которыми умираетъ живой огонь. Тѣло, высохшее и слабое, оставалось только, какъ готовая въ каждый моментъ распасться бренная оболочка умиротвореннаго и ушедшаго въ себя духа. Эти дѣтскіе глаза, казалось, смотрѣли на насъ съ того свѣта, смотрѣли съ любовной жалостью, какъ смотрятъ иногда на попавшихся въ шалости любимыхъ дѣтей. Съ землею здѣсь давно было все кончено.

— Ну, какъ здоровьемъ-то, дѣдушка? — спрашивалъ старикъ Акинфій, подсаживаясь на завалинку.

— А ничего... Слава Богу. Перемогаюсь помаленьку...

— Вотъ господамъ любопытно посмотрѣть было на скитскую жисть. Ну, вотъ и пріѣхали. Только вы-то не безпокойтесь: превосходные господа.

— Что же, милости просимъ... У насъ добрымъ людямъ отказу нѣтъ.

— А сколько тебѣ лѣтъ, дѣдушка?—спросилъ Павелъ Степанычъ.

— Не считалъ, родимый... Прежде-то считалъ, а тутъ и забылъ. Порядочно-таки пожилъ на бѣломъ свѣтѣ... Да...

Старецъ на мгновеніе задумался, потомъ обвелъ всѣхъ насъ своимъ дѣтскимъ взглядомъ и точно подумалъ вслухъ:

— А вѣдь точно и не живалъ на свѣтѣ... Точно вотъ все собирался куда-то, а тутъ и помирать пора.

— Сорокъ лѣтъ отецъ Варсонофій спасается,—проговорилъ Лебедкинъ.— За наши грѣхи Богу отмаливаетъ...

— Давно въ лѣсу живу, родные... Два раза въ острогъ садили,—думалъ вслухъ скитскій старецъ. — Какъ же, сподобилъ Господь принять утѣсненіе. Въ первый-то разъ полтора года высидѣлъ за безпаспортность, а второй четыре мѣсяца... Сподобилъ Господь... Одинъ я тогда въ лѣсу жилъ... А теперь вотъ слабъ... Плоть изнемогла...

— Не страшно одному-то въ лѣсу жить, дѣдушка?

— На людяхъ, милый, страшнѣе, да вотъ живете...

— А не блазнило тебѣ, когда одинъ въ лѣсу спасался?

— Одинова былъ такой случай: зимой, ночью, стою этакъ на молитвѣ, а *онъ* какъ разскочится да ка-акъ ударитъ прямо въ стѣну...

— Кто *онъ*-то?

— Извѣстно, кто... Не любитъ онъ Божьяго дѣла, потому какъ ему сейчасъ тошно... Ну, какъ онъ ударитъ въ стѣну мнѣ, а я и слова не могу выговорить: стою и трясусь. Потомъ ужъ кое-какъ отошелъ и сотворилъ молитву: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа“...

— Можетъ-быть, это такъ, дѣдушка... Мало ли въ лѣсу притчится иной разъ.

Старецъ посмотрѣлъ на насъ съ сожалѣніемъ и проговорилъ тономъ, не допускавшимъ возраженія:

— А слѣды гдѣ? Я какъ отошелъ, сейчасъ засвѣтилъ фонарикъ и пошелъ осматривать снѣгъ кругомъ избушки: ни-ни... Извѣстно, чья работа, когда и слѣду не оставилъ. Ежели бы худой человѣкъ или звѣрь подошелъ, такъ слѣды бы наслѣдилъ, а тутъ чисто...

— У *него* все чисто выйдетъ, у нечистаго,—сокрушенно подтвердилъ Лебедкинъ и даже покрутилъ своей похмельной головой.

Наше общество составляло оригинальную группу, такъ и просившуюся на полотно. Центръ картины занималъ старецъ Варсонофій; у него въ изголовьяхъ задумчиво сидѣлъ на обрубкѣ дерева Павелъ Степанычъ, контрастировавшій своей могучей фигурой и цвѣтущимъ здоровьемъ; въ ногахъ молча стояли старикъ Акинфій и охотникъ Левонтичъ, а Лебедкинъ постоянно мѣнялъ мѣсто. Подъ навѣсомъ бродили мягкія тѣни, дѣлавшія свѣтлѣвшую даль еще свѣтлѣе. Прибавьте урывками доносившееся крюковое пѣніе, и картина получится полная.

— Ты откуда родомъ будешь, дѣдушка?—допрашивалъ Павелъ Степанычъ.

— А изъ Невьянскаго заводу, родимый... Тридцать лѣтъ въ міру жилъ,

грѣшилъ. У насъ семья сапожники, ну и я тоже по этой части руководствовалъ...

— Жена была?

— Мірской человѣкъ... Была и жена. Померла давно...

— Зачѣмъ же ты въ лѣсъ ушелъ: спасался бы дома. Не все ли равно, гдѣ молиться.

— Дома-то, родимый, и мысли домашнія... Суеты больше, и *ему* это удобнѣе, когда домашними-то мыслями начнетъ ловить человѣка, какъ рыбу неводомъ. И то надо, и другое, и десятое... Ужъ *онъ* знаетъ!..

— Мы вотъ къ вамъ Акинфія привезли,—шутливо прибавилъ Павелъ Степанычъ.—Будетъ ему грѣшить-то, пора и честь знать...

— Это ты правильно, Павелъ Степанычъ,—угнетенно соглашался Акинфій, скромно опуская глаза.—Давно пора, только вотъ слабъ я... недостоинъ... Не всякому это дано, чтобы въ пустынѣ ухраниться отъ міра.

— Трудно...—вздохнулъ старецъ Варсонофій и любовно посмотрѣлъ на Акинфія.—Не всякому дано... Въ допрежнія времена больше крѣпости въ людяхъ было и пустынножителей было больше, а нынче умаленіе во всемъ. Сиротѣютъ боголюбивые народы... Господи, прости и помилуй!

— Мало скитовъ осталось, дѣдушка?

— Умаленіе благодати... Старые-то скиты позорены, а новыхъ не слыхать. Пестрота началась и въ старомъ благочестіи...

Мы оставили старика на его завалинкѣ. Лебедкинъ опять остановилъ насъ.

—Павелъ Степанычъ, вотъ она...—шопотомъ сказалъ онъ, указывая на стѣнку сѣвернаго навѣса.

— Кто она?

— А домовина... Это отецъ Варсонофій своими руками себѣ выдолбилъ, чтобы братію послѣ того не обезпокоить. Божественный старичокъ...

„Домовина“ дѣйствительно стояла у стѣны подъ самымъ солнопекомъ. Это былъ раскольничій гробъ, выдолбленный изъ цѣльнаго дерева,—настоящая древне-русская „колода“, въ какихъ хоронили покойниковъ еще во времена Владимира Красное-Солнышко. Досчатыхъ гробовъ древлее благочестіе не признаётъ. Лебедкинъ съ особеннымъ почтеніемъ обошелъ домовину со всѣхъ сторонъ, пощупалъ ее руками, постукалъ въ дно пальцами и глубокомысленно замѣтилъ:

— Пріятная вещь.

Это неожиданное заключеніе понятно было только для насъ и поэтому не вызвало ни одной улыбки. Къ числу особенностей Лебедкина относилось то, что для него весь міръ распадался на двѣ неравныя половины,—пріятную и вредную: пріятное мѣсто, пріятный ключикъ, пріятный человѣкъ и т. д., и вредныя мѣста, люди и вещи.

Въ двухъ шагахъ отъ скита, въ тѣни молодыхъ березокъ, сочился изъ земли ключъ. Ближе на бугоркѣ разбитъ былъ небольшой огородъ, т.-е. до десятка грядокъ съ разнымъ скитскимъ овощемъ: рѣпа, капуста, морковь, горохъ. Тутъ же пригороженъ погребъ, гдѣ хранились скитскіе запасы.

— Мы опослѣ посмотримъ у нихъ въ скиту,—объяснялъ Акинфій,—а теперь они молятся, старцы... Нехорошо мѣшать Божьему дѣлу. Вонъ и пчела не любитъ, когда ей мѣшаютъ... Охъ, грѣхи наши тяжкіе, Палъ Степанычъ! Посмѣялся ты даве надо мной, а вѣдь я-то и самъ чувствую свою слабость... Тоже стыдно, когда поглядишь на Христовыхъ трудничковъ. Весьма мы все это понимаемъ, Палъ Степанычъ...

III.

Ефимъ уже поджидалъ насъ на пчельникѣ, до котораго отъ скита было не больше двухсотъ шаговъ. Небольшая сказочная избушка на курьихъ ножкахъ совсѣмъ спряталась въ травѣ. Наши стреноженныя лошади разбрелись по роскошному горному пастбищу, бархатнымъ ковромъ спускавшемуся къ Дикой Каменкѣ. Передъ сказочной избушкой весело курился тоже сказочный „огонекъ малешенекъ", а передъ нимъ сидѣлъ вожъ Ефимъ и въ желѣзномъ котелкѣ мастерилъ какое-то походное кушанье. Самоваръ шипѣлъ рядомъ съ нимъ.

— Миръ на стану!—издали крикнулъ Лебедкинъ.

Мы шумно размѣстились около огонька. Ружья были приставлены къ стѣнкѣ избушки, на ближайшей березѣ развѣшена всевозможная охотничья сбруя, на травѣ разостлана моя кавказская бурка. Солнце стояло уже высоко, и мы всѣ разомъ почувствовали, что всѣ голодны и всѣ жаждемъ.

— Ефимушка, пріятный ты человѣкъ,—бормоталъ Лебедкинъ.— Ахъ, уважилъ, родимый мой!..

Ефимъ только взглянулъ на забулдыгу своими улыбающимися глазами и ничего не отвѣтилъ, что̀ замѣтно смутило Лебедкина.

Прелесть этой горной охотничьей стоянки была выше всякаго описанія. Все кругомъ точно улыбалось, выкупая суровую красоту тѣснившагося кругомъ дремучаго лѣса. Только скитскій глазъ могъ облюбовать такую „прекрасную пустыню". Рѣдкія столѣтнія сосны вѣнчали ее, какъ поставленные на стражѣ великаны. На каждой висѣло по чуркѣ съ пчелами, гулъ отъ которыхъ проносился въ воздухѣ тонкой струей, точно проводили по краю тонкаго стекла.

— А меду къ чаю добыть, Палъ Степанычъ?—спросилъ Ефимъ.—Живой рукой достанемъ...

— Что̀ же, дѣло хорошее.

Павелъ Степанычъ, утомленный верховой ѣздой и лѣтнимъ зноемъ, остался у огонька съ Акинфіемъ, слѣдившимъ за варевомъ, а мы съ Ефимомъ отправились добывать медъ къ ближайшей соснѣ. Чурки висѣли низко, такъ что можно было вырѣзать медъ безъ особыхъ приспособленій. Ефимъ въ одной рукѣ несъ дымившуюся головешку, а въ другой берестяной „чуманъ", т.-е. коробку, сдѣланную изъ свѣжей бересты. Мирно дремавшій улей громко загудѣлъ, когда мы подошли.

— Учуяла...— шопотомъ сообщилъ Левонтичъ, завидовавшій умѣнью Ефима взяться за каждое дѣло:—Ефима, небось, не тронетъ, а насъ подъ одинъ пузырь сдѣлаетъ эта пчела. Тоже руку знаетъ...

— У него слово такое есть, у Ефима...— объяснялъ Лебедкинъ тоже шопотомъ, скосивъ глаза на Ефима.—Ты думаешь, онъ спроста? Нѣтъ, братъ, тутъ вездѣ механика.

Ефимъ изъ предосторожности все-таки надѣлъ на лицо волосяную сѣтку и не спѣша принялся за дѣло. Пчелы ужасно взволновались, когда онъ открылъ внутренность улья. Подкуренныя дымомъ, онѣ живымъ узоромъ передвинулись вверхъ сотъ. Лебедкинъ держалъ чуманъ, а Ефимъ опытной рукой вырѣзывалъ одинъ пластъ за другимъ. Это былъ чудный горный медъ, собранный съ пахучихъ горныхъ цвѣтовъ. Вощина была бѣлая, какъ слоновая кость, и медъ съ нея капалъ прозрачной слезой.

— Ай, ой!—крикнулъ Лебедкинъ, ужаленный пчелой въ шею. — Охъ, смерть моя, братцы!..

Левонтичъ присѣлъ въ траву и, закрывъ лицо руками, хихикалъ надъ перепугавшимся Лебедкинымъ, — хохотать громко въ присутствіи Ефима онъ не смѣлъ. Лебедкинъ корчился, дѣлалъ гримасы, но не рѣшался выпустить изъ рукъ чумана съ медомъ, а Ефимъ продолжалъ свое дѣло, не обращая ни на кого вниманія.

— Что̀, братъ, не любишь?..—поддразнивалъ Левонтичъ поблѣднѣвшаго Лебедкина. — Не нравится... Она, братъ, знаетъ, эта самая пчела, кого ей достигнуть.

Мы вернулись на станъ торжественной процессіей. Лебедкинъ увѣрялъ дорогой, что онъ нарочно оставилъ свою грѣшную выю на съѣденіе пчеламъ.

— Ахъ, ты, угаръ! Тоже и скажетъ!..—смѣялся Левонтичъ.

— Мнѣ одна старушка сказала, что весьма это пользительно, ежели пчела сядетъ,—увѣрялъ Лебедкинъ.—Самая недушевредная тварь!..

На открытомъ воздухѣ чай со свѣжимъ медомъ имѣлъ свою прелесть. Павелъ Степановичъ совсѣмъ „размалѣлъ“ и завалился спать. Лебедкинъ нѣкоторое время шарашился около огонька, пока не свалился замертво прямо въ траву, какъ застрѣленный. Ефимъ куда-то ушелъ, Акинфій рубилъ дрова на ночь, а я лежалъ на буркѣ и любовался голубымъ небомъ, яркимъ свѣтомъ и бродившими въ бездонной выси перистыми облачками. Было жарко, но я люблю полежать именно на припекѣ. Кругомъ ни звука. Кузнечики и тѣ притихли,— начнетъ свою трескотню и точно сконфузится. Стреноженныя лошади забрались въ заросли Дикой Каменки, и только изрѣдка доносились удары бо̀талъ, навѣшенныхъ на ихъ шеи. Все зелено кругомъ, все радостно, какъ въ годовой праздникъ, и не хочется ни о чемъ думать. Хорошо, и только... Точно самъ растворяешься въ этой зеленой пустынѣ. Левонтичъ прикурнулъ около меня, но тоже не могъ заснуть и только тяжело вздыхалъ.

Не помню, сколько времени я лежалъ, но, видимо, заснулъ, потому что, когда открылъ глаза, то картина была уже другая. И сонъ здѣсь былъ какой-то легкій, точно облачко нанесло. Около огня въ живописныхъ позахъ размѣстились Ефимъ, Лебедкинъ, Левонтичъ и Акинфій.

— Такъ собачку порѣшилъ?—спрашивалъ Ефимъ, глядя на огонь.

— То-есть даже вотъ одинова не дыхнула,—съ грустью отвѣчалъ Левонтичъ.—А песикъ былъ рѣдкостный: звѣря одинъ останавливалъ. А тутъ барсукъ и подвернись. Ну, Орляшка его уцѣпилъ въ загривокъ и виситъ: онъ вѣдь и медвѣдя такимъ же манеромъ бралъ. Да вѣдь ты помнишь, Ефимъ, какъ на звѣря хаживали съ Орляшкой?

— Какъ не помнить: верхомъ на медвѣдя садилась Орляшка. Никакой въ ней страсти... Другія собаки поровятъ сзади подойти, а Орляшка прямо въ пасть идетъ. Ужъ что̀ говорить: другой такой-то не нажить. Угораздило тебя съ барсукомъ-то, право...

— Да вѣдь я-то что̀ же! — оправдывался Левонтичъ.—Я, значитъ, и съ ружьемъ былъ, а не сталъ стрѣлять: его же, Орляшку, пожалѣлъ. Рвутъ они другъ друга, по землѣ клубкомъ катаются,—ну гдѣ тутъ намѣтишься... Ухватилъ я орясину, замахнулся, ка-акъ ударю барсука въ башку—онъ и не дохнулъ; да по пути и Орляшку зашибъ. Ей-то по носу орясина изгадала, по самому вредному мѣсту...

— Это ты правильно,—подтвердилъ Лебедкинъ.—Нѣтъ этого вреднѣе, ежели человѣка, напримѣръ, ударить въ носъ, между глазъ...

— Да ты о чемъ, путаная голова?—вмѣшался Акинфій.—Кто про попа, кто про попадью, а мы про собаку.

— А ну васъ къ чо̀мору, коли такъ!.. Нашли пріятный разговоръ...

— А ты не слушай... Другая собака-то получше человѣка. Да...

Настало молчаніе. Лебедкинъ чувствовалъ, что онъ попалъ не въ свою тарелку, и только сбоку поглядывалъ на Ефима. Мѣдвѣжатники тоже молчали, но по выраженію ихъ лицъ можно было замѣтить, что воспоминаніе объ убитой Орляшкѣ подняло въ нихъ свои спеціальныя лѣсныя мысли. Левонтичъ даже опустилъ голову, какъ опускаетъ ее человѣкъ подъ тяжестью большого искренняго горя.

— И что̀ бы ты думалъ, братецъ ты мой,—какъ-то залпомъ выговорилъ онъ, вслухъ продолжая незримо текущую общую мысль:—вѣдь эта самая Орляшка блазнилась мнѣ... Иду какъ-то по лѣсу, за рябчишками, а она какъ тявкнетъ... У ней свой лай былъ. Я такъ и сталъ столбомъ, морозъ по кожѣ: оглянуться не смѣю, дрожу... Она этакъ умненько взлаивала, когда на слѣдъ нападала. Очертѣлъ я, прямо сказать, а потомъ такъ мнѣ тошно сдѣлалось, точно вотъ о человѣкѣ вспомнилъ... Такъ и не оглянулся.

— А помнишь, какъ съ Карлой медвѣдя брали подъ Глухаремъ?—заговорилъ Акинфій.—Тогда еще братъ у него наѣхалъ, офицеръ...

— Это, когда медвѣдь въ часахъ ходилъ?—вмѣшался Лебедкинъ и захохоталъ съ пьяной угодливостью.—Въ часахъ и при фуражкѣ... ха-ха!.. Ловко!

— Тогда Орляшка-то, почитай, одна звѣря остановила, а другія собаки сплоховали,—продолжалъ Акинфій.—Къ выскари *) его прижала и на дыбы подняла. Ушелъ бы онъ, ежели бы не Орляшка.

— Я тогда, какъ услыхалъ, что Орляшка грудью пошла, сейчасъ и по[illegible] въ чепыжникъ, — продолжалъ Левонтичъ уже самъ.—Ползу и слышу, [illegible]ъ, медвѣдь, лапами отъ собакъ огребается... Одну зацѣпилъ когтемъ,— [illegible]ла благимъ матомъ. Остальныя подлаиваютъ... Я ползу и слышу, какъ [illegible]ка орудуетъ: такъ варомъ и варитъ. Этакъ выползъ я, можетъ, въ пять саженъ, весь медвѣдь у меня на виду, а стрѣлять нельзя, потому какъ Карла съ братомъ должны убить его. Ну, я взадъ пятки, выползъ къ Карлѣ, маню его, а онъ и руки опустилъ: брательникъ-то помушнѣлъ весь и ружье Ефиму отдалъ; звѣринаго реву по первому разу испугался... Я маню, а Карла ни съ мѣста. Ну, я опять въ чепыжникъ, опять ползу подъ звѣря, и жаль мнѣ до смерти Орляшку: пропадетъ мой песикъ ни за грошъ. А ужъ по лаю-то и слышу, что ему невмоготу одному со звѣремъ управляться, да и медвѣдь разстервенился. Выползъ я, Орляшка увидала меня и даже завизжала: дескать, что̀ же это вы, черти, звѣря не берете? Только вотъ человѣчьимъ языкомъ не скажетъ,—вотъ какая собачка умная. Ну, я опять къ Карлѣ и прямо его за рукавъ и поволокъ къ звѣрю. Стрѣляетъ Карла ловко и порѣшилъ звѣря съ двухъ пуль... Ну, къ мертвому-то и остальныя собаки бросились. Я ее, Орляшку, хочу погладить, а она около меня вертится и все визжитъ, — обидно ей тоже за наше-то малодушіе. Строгая была собачка... Мнѣ даже стыдно стало, какъ она мнѣ въ глаза тогда глядѣла.

— Ну, а братъ Карлы убѣжалъ?—допытывался Лебедкинъ. — Душа-то видно, коротка оказалась...

— И часы и фуражку тогда потерялъ,—уже другимъ тономъ добавилъ Левонтичъ, улыбаясь. — Ну, другіе охотники послѣ и смѣялись, что въ его фуражкѣ и часахъ медвѣдь цѣлый годъ по лѣсу щеголялъ... Извѣстно, господа, имъ все хи-хи. Карла нашъ смѣлѣе, а и на того тоску навелъ.

Общій смѣхъ охотниковъ разбудилъ Павла Степаныча. Онъ сѣлъ, про-

---

*) Выскарь—корни поваленнаго дерева, когда они образуютъ черновый щитъ.

теръ глаза и самъ засмѣялся, невольно поддаваясь общему настроенію, и только потомъ спросилъ:

— Да о чемъ вы тутъ брешете, пранци вашему батьку?

— А мы про медвѣдя, Палъ Степанычъ, который въ часахъ и фуражкѣ по лѣсу цѣлый годъ щеголялъ,—объяснилъ за всѣхъ Лебедкинъ.

— А... Що жъ, було и такъ!

Павелъ Степанычъ опять засмѣялся и упалъ на прежнее мѣсто. Этотъ смѣхъ подзадорилъ медвѣжатниковъ.

— Помнишь, Палъ Степанычъ, какъ медвѣдя изъ берлоги поднимали?—спросилъ Левонтичъ.—Тогда еще чуть ты не наступилъ на него, на медвѣдя... Карлу съ Ефимомъ чуть не подстрѣлили.

— И то близко было дѣло,—подтвердилъ Ефимъ со своей невозмутимой солидностью.—Я, значитъ, стою съ Карлой въ цѣпи. Онъ съ ружьемъ, а я съ палочкой... Ну, разсчиталъ такъ, что, ежели звѣрь изъ берлоги пойдетъ, не миновать ему насъ. Ну, слышимъ — трескъ, собаки взвыли... Валитъ звѣрь прямо на насъ. Я посторонился, чтобы дать ему дорогу, а Карла съ ружьемъ ждетъ. Только вдругъ пыхъ-пыхъ, пули мимо насъ засвистѣли. Это Палъ Степанычъ...

— Да чего жъ я?—чистосердечно удивлялся Павелъ Степанычъ.—Мы съ Левонтичемъ шли... Ну, по снѣгу убродно, я на лыжахъ едва ползу и ружье ему отдалъ. Только поперекъ колода; я черезъ нее, а изъ-подъ нея какъ онъ вылетитъ,—всего меня снѣгомъ засыпалъ. Помню только, что медвѣдь какъ будто летѣлъ въ воздухѣ, а потомъ оглянулся на меня да какъ рявкнулъ... Я схватилъ у Левонтича ружье, вдогонку и стрѣлилъ, а онъ такъ и улепетываетъ.

— Что же, убили звѣря?—спросилъ я.

— Собаки остановили... Ефимъ собакъ направилъ. Ну, я бѣгу на лай, вижу, медвѣдь на заднихъ лапахъ около сосны вертится и отъ собакъ отбивается. Ну, тутъ я его и пристрѣлилъ...

— Страшно было, Павелъ Степанычъ?

— Послѣ-то дѣйствительно страшновато, а тутъ некогда было испугаться. Вдругъ все...

IV.

Когда жаръ свалилъ, мы еще разъ напились чаю, а потомъ я съ Ефимомъ отправились на Дикую Каменку за утками. Онъ шелъ за мной безъ ружья и даже безъ шапки, какъ свой человѣкъ въ лѣсу. Высокая и жесткая горная трава путала ноги, такъ что итти было тяжеленько. Перекосивши лугъ, мы попали прямо въ болото, на какую-то тропинку, неизвѣстно кѣмъ проложенную. Меня всегда удивляютъ такія тропы: кажется, нога человѣческая не бывала, а тутъ вдругъ выпадаетъ тропка, да еще такая чистенькая и утоптанная и точно нарочно для удобства пѣшехода посыпанная прошлогодней хвоей.

— Теперь утка къ солнзакату на кормъ выплываетъ, — объяснялъ Ефимъ, разжевывая осиновый мягкій листикъ.—Въ жаръ она прячется по осокамъ.

— А ты утокъ не стрѣляешь?

— Нѣтъ, когда на варево пришибешь, а такъ чтобы нарочно—не доводится.

Болото шло параллельно рѣкѣ. Пушистый зеленый мохъ выстилалъ почву, какъ дорогой коверъ. Только кой-гдѣ онъ точно горохомъ усыпанъ

былъ недозрѣвшей, еще бѣлой клюквой. Попадались низкіе кустики болотной морошки, княженики, а на бугоркахъ каплями крови алѣла совсѣмъ спѣлая земляника. Забравшіяся въ болота сосны и ели покачнулись въ разныя стороны, точно онѣ завязли въ этой трясинѣ и напрасно старались изъ нея выбраться. Что̀ ихъ безобразило, такъ это бородатый лишайникъ, который въѣдался въ живое дерево, сушилъ сучья и самъ умиралъ тутъ же. Особенно жалкій видъ имѣли болотныя ели, одѣтыя сѣрыми лохмотьями этого лишайника. Какъ-то жутко въ такомъ болотномъ лѣсу; ни одинъ птичій голосъ не оживляетъ его мертваго молчанія,—птица выбираетъ веселыя мѣста и любитъ больше всего ютиться по лѣснымъ опушкамъ. Въ болотѣ до поры до времени прячутся молодые выводки да косачи, когда послѣ весеннихъ шумныхъ раутовъ они начинаютъ терять свое брачное оперенiе.

Рѣка была густо опушена вербой, ольхой и кустами смородины. Повороты она дѣлала изумительные, точно раздавленная змѣя. Здѣсь было уже прохладно, и опускавшееся солнце золотило только верхушки лѣса. Послѣ недавняго зноя, отъ котораго струился воздухъ, какъ бываетъ только въ самыя сильныя жары, итти по берегу Дикой Каменки было одно удовольствiе. Раздвинешь кустъ смородины, и точно обдастъ застоявшимся ароматомъ. Какъ всѣ горныя рѣчонки, Дикая Каменка состояла изъ небольшихъ плесъ, гдѣ вода стояла какъ зеркало, и мелкихъ переборовъ, гдѣ она бѣжала съ тихимъ ропотомъ. Въ одномъ мѣстѣ изъ сухарника (сухой лѣсъ) образовалась цѣлая плотина. Мы высматривали каждое плесо, каждую заводь, не покажутся ли утки.

— Должно-быть, утка,—рѣшилъ Ефимъ, когда мы съ необходимыми предосторожностями высматривали одно изъ такихъ зеркальныхъ плесъ.—Да, вонъ она, легка на поминѣ...

Дѣйствительно, въ глубинѣ плеса отъ зеленой каймы осокъ отдѣлилась черная точка и выплыла на средину. Только охотники понимаютъ то захватывающее волненiе, когда глазъ увидитъ дичь. Это инстинктивное и странное чувство, неяснымъ отголоскомъ унаслѣдованное, вѣроятно, отъ неизмѣримо далекаго прошлаго, когда наши предки существовали исключительно одной охотой. Вся прелесть охоты именно въ немъ, когда весь человѣкъ превращается въ зрѣнiе и въ слухъ; когда же дичь убита—является чувство цивилизованнаго раскаянiя. Мнѣ случалось убивать не много, но каждый трофей сопровождался именно такимъ чувствомъ, какъ было и теперь, когда Ефимъ досталъ изъ воды только-что убитую мной утку.

— Чернышъ, — коротко проговорилъ онъ, взвѣшивая на рукѣ добычу.—Не велика корысть.

Мы присѣли отдохнуть на берегу. Дикая картина развертывалась кругомъ,—сказочный дремучій лѣсъ, сказочная рѣка, сказочное освѣщенiе. Царившая кругомъ молитвенная тишина невольно заставляла мысль уходить въ себя, глубоко внутрь, въ тотъ мiръ, который раскрывается только предъ лицомъ вотъ такой природы. Мой молчаливый спутникъ лежалъ ничкомъ на травѣ и тоже раздумывалъ какую-то свою раскольничью думу. Вѣдь здѣсь для него было все свое, родное...

— Прежде въ Каменкѣ много выдры водилось,—проговорилъ онъ наконецъ.—Нынче-то выбили ее...

— А трудно ее добывать?

— Ничего-таки, порядочно мудрено... Передъ Рождествомъ на нее ходимъ. Одному-то не справиться, такъ берешь товарища. Смышлястый звѣрь... Около полыньи живетъ по зимамъ-то, потому какъ рыбу жретъ и передохнуть ему надо. Выслѣдишь его всѣ ходы и выходы, ну а потомъ и за работу.

Сперва надо двѣ канавы во льду прорубить и частоколомъ загородить, чтобы она не уныриула. Ледъ-то толстый, бьешься по горло въ водѣ цѣльный день.

— Въ декабрѣ?

— Въ декабрѣ... Канавы пройдешь, потомъ надо опустить ледъ съ береговъ, потому какъ рѣка-то мелѣетъ зимой и подо льдомъ воздухъ остается— она имъ дышитъ. Когда обрубишь ледъ съ береговъ, спустишь его на воду, тогда ужъ ей дѣваться-то некуда. Мечется-мечется она въ водѣ, а потомъ въ полынью морду и высунетъ—тутъ ужъ ее товарищъ и покончитъ. Другой разъ цѣльный день въ ледяной водѣ такъ-то проваландаешься.

— И ничего?

— Привычные мы люди... Сперва-то, конечно, какъ будто неловко, точно даже обожжетъ, когда въ воду залѣзешь, а потомъ въ работѣ разомнешься. Ежели бы однѣ ноги промочить, такъ отъ этого голова болитъ, а весь въ водѣ ничего...

— Сколько же ты получишь за такую выдру?

— А рублей пятнадцать даютъ, когда хорошій звѣрь издастся. Тоже и выдра всякая бываетъ.

Разсказы объ охотѣ на выдру я слыхалъ и ранѣе, но не довѣрялъ имъ. Ефиму же можно было вѣрить на-слово: не такой человѣкъ, чтобы соврать. Я съ удивленіемъ разсматривалъ его сухую, подвижническую фигуру и никакъ не могъ себѣ представить, какъ можетъ такой человѣкъ цѣлый зимній день проработать въ ледяной водѣ.

— Живущая тварь эта самая выдра,—продолжалъ Ефимъ.—Мы тогда съ Палъ Степанычемъ порѣшили одну. Ну, видимъ—мертвая, и подвѣсили ее за заднія ноги къ дереву, чтобы кровь стекла изъ нея. Этакъ съ полчаса она висѣла, а потомъ собака и полюбопытствуй: подошла къ выдрѣ и только хотѣла крови лизнуть, а та ее за скулу,—да такъ ухватила, что мы едва ее отняли. Башку ей раскроили, ну, тогда собаку выпустила... Вотъ сколь она живущая, тварина!

Мы опять разговорились объ охотѣ. Ефимъ больше всего любилъ „заганивать звѣря“, т.-е. сохатаго. Такая охота идетъ зимой, на лыжахъ, и требуетъ нечеловѣческой силы. Достаточно сказать, что охотникъ долженъ загнать на ходу такого скорохода, какъ сохатый. Иногда охотникъ бѣжитъ на лыжахъ верстъ семьдесятъ. Какія легкія нужно имѣть для такого спорта?

— Онъ, сохачъ, сперва-то какъ стрѣла идетъ прямо,—разсказывалъ Ефимъ, болтая ногами.—Какъ ножомъ рѣжетъ... Ну, гонишь его десять верстъ, гонишь другія десять, третьи десять... Верхнюю шубу сбросишь, потомъ полушубокъ, потомъ кафтанишко и въ одной рубахѣ бѣжишь, а онъ все прямо чертитъ... Значитъ, чувствуетъ себя въ полной силѣ. А какъ свернулъ въ сторону, сдѣлалъ петлю—тутъ ужъ весь твой. Духъ заперло, значитъ... А ты его все гонишь. Начнетъ онъ бросаться изъ стороны въ сторону, потому чувствуетъ свою неустойку. Ну, подпустилъ на выстрѣлъ, тутъ и конецъ.

— А какое у тебя ружье, Ефимъ?

— Да разное... У родителя-то пистонныя были ружья, а у меня съ казенной частью. Только я берданку не уважаю, здоровьемъ плоха. Какъ пошелъ снѣжокъ, у ней затворъ и не дѣйствуетъ: хоть плачь. Я лѣсую съ Пибоди... Этотъ не обманетъ. Разъ трехъ сохачей изъ Пибоди убилъ за-разъ. Матку гналъ съ двумя быками... Ну, вышли они силой и повернули, такъ я сперва матку положилъ, а потомъ и обоихъ быковъ. Послѣдняго-то саженяхъ на семидесяти свалилъ.

Мы вернулись на станъ уже въ сумерки, когда и Дикая Каменка, и окружавшія ее болота, и лугъ покрылись первымъ туманомъ. На пасѣкѣ весело трещалъ огонь, и около него мелькали фантастическія тѣни. Павла Степаныча не было—онъ ушелъ въ скитъ. Я тоже отправился туда и нашелъ

всѣхъ въ сборѣ. Старикъ Варсонофій лежалъ на своей завалинкѣ подъ шубой, а около него размѣстились другіе скитники: старецъ Порфирій, плечистый лысый мужчина съ большимъ лбомъ, сѣрый старецъ Іона и еще какой-то молодой человѣкъ съ глупымъ лицомъ. Этотъ послѣдній оказался приживальцемъ,—онъ страдалъ падучей и вмѣсто больницы жилъ въ скиту.

Мое появленіе прервало какой-то разговоръ. Павелъ Степанычъ въ одной рубашкѣ сидѣлъ на обрубкѣ дерева и съ улыбкой смотрѣлъ на старца Порфирія.

— Ну, такъ какъ же, Порфирій, въ баню ходить грѣшно?—спрашивалъ онъ, очевидно, продолжая начатый разговоръ.

— Того ради грѣшно, что не подобаетъ свою плоть поблажать,—съ увѣренностью отвѣчалъ старецъ Порфирій.—Вонъ старецъ Варсонофій не бывалъ въ банѣ-то цѣлыхъ тридцать лѣтъ... Да. А ты читалъ о преподобномъ Іоанникіи? Нѣтъ? Ну, такъ преподобный Іоанникій спасался въ пустынѣ и никогда не зрѣлъ голаго человѣческаго тѣла. Не мылся, не смѣнялъ одежи. Только разъ пришлось ему переходить рѣку. Остановился преподобный и смутился: раздѣваться того ради было нужно. Не хотѣлось ему измѣнить обѣту, и старецъ заплакалъ горько... Тогда восхищенъ бысть ангеломъ и перенесенъ на другой берегъ. Другой святой изъ болярскаго роду былъ, роздалъ имѣніе нищимъ и поселился въ пустынѣ. Отъ всего отказался, только не могъ босой ходить, потому какъ отъ младыхъ ногтей возращенъ былъ въ нѣгѣ. Такъ и ходилъ въ сапогахъ. Только и бысть ему нѣкоторое сонное видѣніе: видитъ онъ самого себя, что сидитъ на золотомъ престолѣ, кругомъ сіяніе, а ноги по колѣна въ скверне. Тогда ужъ онъ догадался и бросилъ свои сапоги въ огонь...

Очевидно, Порфирій являлся среди братіи „языкомъ“ и все время поддерживалъ разговоръ, кстати и некстати пересыпая его славянскими словесами. Другіе скромно молчали. Мнѣ опять было какъ-то совѣстно за свое праздное любопытство и за то, что вотъ мы, незваные гости, испортили цѣлый день пустынножителей. Вѣдь мы—люди суеты и принесли эту суету сюда, въ это мѣсто уединенія, покаянія и умиренной мысли. Только добродушное лицо старца Варсонофія нѣсколько гасило это смущеніе: онъ такъ просто и любовно смотрѣлъ на насъ своими дѣтскими глазами.

Оказалось потомъ, что еще одинъ старецъ скрывался отъ насъ, именно келарь Онисимъ. Мы его открыли при осмотрѣ скита, когда вошли въ келарню, т.-е. напросто въ кухню. Это былъ высокій, сгорбленный и черный, какъ жукъ, мужикъ. По своимъ келарскимъ обязанностямъ онъ носилъ передникъ и рукава ситцевой рубахи засучивалъ. Къ намъ отнесся онъ почти недружелюбно и все время отворачивался.

— Онъ тоже съ заводовъ,—объяснялъ конфиденціально старецъ Порфирій.—Торгующій былъ человѣкъ, имѣлъ капиталъ, жену, дѣтей... И всѣ сіи прелести оставилъ ради пустыни.

— Давно онъ въ скиту?

— Да ужъ съ десятокъ лѣтъ будетъ... Только привыкнуть не можетъ: дикованъ.

Мы обошли и осмотрѣли весь скитъ. Первая комната съ улицы образовалась изъ бывшихъ сѣней. Она стояла сейчасъ пустая, кромѣ задней стѣнки, на которой развѣшено было какое-то скитское платье. Маленькая дверь направо вела изъ нея въ моленную. Это была низкая комната, величиной въ четыре квадратныхъ сажени; ее освѣщало единственное крохотное оконце. Передняя стѣна была огорожена длинной полкой, уставленной потемнѣвшими образами стариннаго письма; образовъ въ окладахъ почти не было. Подъ образами висѣла шелковая, потемнѣвшая отъ времени пелена съ раскольни-

чьимъ восьмиконечнымъ крестомъ посрединѣ. Передъ этимъ скитскимъ „иконоставомъ“ стоялъ низенькій аналой съ разогнутой для чтенія книгой. Въ углу была приколочена укладка для книгъ, свѣчей и ладана. На скамейкѣ подлѣ окна лежали заношенные „подрушники“—четырехугольные небольшіе платки на подкладкѣ, которые во время молитвы разстилаются на полу, чтобы опираться на нихъ руками. Нѣсколько кожаныхъ лѣстовокъ висѣло на стѣнѣ—и больше ничего. Обстановка моленной была довольно убогая, а о роскоши здѣсь не могло быть и рѣчи, что̀ мнѣ особенно понравилось. Показывалъ намъ все старецъ Порфирій, повторявшій къ мѣсту и не къ мѣсту свое „того ради“.

Келарня—простая изба съ русской печью, полатями, лавками и разнымъ домашнимъ скарбомъ. Монашескаго здѣсь ничего не было, а запахъ свѣже-испеченнаго хлѣба говорилъ о жизни и ея вульгарныхъ потребностяхъ. Келарь Онисимъ при нашемъ появленіи угрюмо скрылся, но мы опять нашли его, когда осматривали скитскую кладовую, гдѣ стояли лари съ разными запасами, таинственныя кадушки, бадьи и разные сундуки. Въ общемъ скитское богатство было очень не велико, и старецъ Порфирій многозначительно поднималъ густыя брови: оскудѣла благодать, не стало доброхотовъ-дателей...

— Чѣмъ же вы будете жить, если вамъ не подвезутъ хлѣба?—спрашивалъ Павелъ Степанычъ.

— А Богъ-то?—отвѣтилъ вопросомъ все время молчавшій сѣрый старецъ Іона.

V.

Солнце давно закатилось. Заря потухла. Голубое сѣверное небо точно раздалось и ушло вверхъ, въ таинственно мерцающую даль... Внизу было темно. Лѣсъ точно сдѣлался выше и казался гораздо ближе, чѣмъ днемъ. Бѣлымъ молокомъ облился весь лугъ, всѣ болота и вся Дикая Каменка съ ея заводями, осоками, плёсами и переборами. Что-то торжественное стояло въ самомъ воздухѣ... Хороша эта молитвенная тишина нашихъ сѣверныхъ лѣсовъ, эти безмолвно-торжественныя ночи и трудовой покой послѣ кипучаго лѣтняго сѣвернаго дня.

— У старцевъ опять зачалась служба,—сказалъ Левонтичъ, сплевывая на огонь и чуткимъ охотничьимъ ухомъ прислушиваясь къ доносившимся изъ скита неяснымъ звукамъ.—Вишь какъ вытягиваютъ... Теперь ужъ на цѣлую ночь зарядили.

— Когда же они будутъ спать?

Левонтичъ только пожалъ плечами: на то, значитъ, старцы, чтобы молиться цѣлоночно.

Послѣ легкаго охотничьяго ужина мы размѣстились на ночлегъ. Павлу Степанычу, мнѣ и старику Акинфію была отведена изба, а остальные прикурнули на открытомъ воздухѣ, около огонька. Лебедкинъ спалъ уже давно, раскинувшись плашмя на голой землѣ. Ефимъ сидѣлъ у огня съ обычной серьезностью и мастерилъ изъ свѣжей бересты чуманы для меда.

— Вёдро будетъ,—проговорилъ онъ.—Трава росу дала...

Если Ефимъ сказалъ, значитъ, такъ и должно быть. У него на все были свои примѣты, и онъ все зналъ здѣсь, какъ хорошій хозяинъ. Левонтичъ только поддакивалъ ему.

— Ну, пора и нашимъ костямъ на покой,—съ широкимъ вздохомъ проговорилъ Павелъ Степанычъ, укладываясь на свѣжемъ сѣнѣ.—Эхъ, Акинфій, на людяхъ-то грѣха сколько: какъ на черемухѣ цвѣту.

— Ужъ это что̀ говорить, Палъ Степанычъ... Ты это правильно...

Мы улеглись на полу вповалку. Павелъ Степанычъ занялъ центръ, я

лѣвую, а Акинфій правую сторону. Старикъ что-то разнемогся, вздыхалъ, ворочался и кашлялъ старческимъ кашлемъ.

— Что̀, Акинфій, неможется?

— Охъ, и не говори! Съ утра-то расхожусь, такъ будто и ничего, а ротъ какъ спать ложиться—меня и ухватитъ. Передохнуть не могу...

Молчаніе. Дверь „на улицу“ открыта, но и тамъ ни звука. Акинфій опять надрывается кашлемъ и стонетъ. Въ избѣ темно, и только бѣльмомъ смотритъ единственное оконце.

— Акинфій, ты скоро умрешь,—спокойно говоритъ Павелъ Степанычъ въ темнотѣ.

— Самъ знаю, что скоро, — такъ же спокойно отвѣчаетъ Акинфій. — Что̀ же, Палъ Степанычъ, будетъ, пожили въ свою долю...

— Пора тебѣ въ скиты уходить...

— Давно бы пора, да слабъ я... Людей будетъ стыдно, ежели, напримѣрно, уйти въ скитъ, а потомъ опять домой воротишься. Терплѣнья не хватитъ, Палъ Степанычъ.

— А когда грѣхи свои будешь замаливать? Небось, довольно ихъ накопилъ...

— Охъ, и не поминай... Подумать-то страшно, Палъ Степанычъ!.. Къ отвѣту дѣло идетъ, а отвѣчать не умѣю...

— А какъ же Ефимъ? До тридцати пяти лѣтъ дѣвственникомъ прожилъ, а потомъ въ скиты уйдетъ.

— Ужъ онъ уйдетъ... Это ты правильно, Палъ Степанычъ. Безперемѣнно уйдетъ... Особенный онъ человѣкъ: крѣпость въ немъ и умственность до безконечности. А у меня терплѣнья нѣтъ...

Пауза. Темнота и глухая тишь. Привыкшее къ этой ночной тиши ухо едва различаетъ неясные голоса, которые поютъ гдѣ-то точно подъ землей: это опять скитская служба. Акинфій тяжело вздыхаетъ.

— А *та* гдѣ, Феклиста?—неожиданно спрашиваетъ Павелъ Степанычъ, поборая изнемогающій сонъ.

— Гдѣ ей быть-то,—нехотя отвѣчаетъ Акинфій.—Живетъ на заводѣ...

— У меньшака?..

— У его, значитъ...

— А ты къ ней ѣздишь?

— Бываетъ... Охъ-хо-хо!..

— Почему же ты ее къ себѣ въ домъ не возьмешь?..

— Я-то? Причина есть, Палъ Степанычъ... Первое дѣло, низко мнѣ взять ее въ домъ, потому какъ бросовая она была дѣвка, прямо сказать, шляющая по промысламъ. Второе дѣло, совѣстно мнѣ передъ сыновьями да снохами будетъ: всѣ большіе, а я ее въ домъ къ себѣ приведу... Положимъ, моя старуха пятый годъ ужъ померла, а все-таки оно тово... Третье дѣло, Палъ Степанычъ, не нашей она вѣры: православная.

— Ну, все это вздоръ, Акинфій. Какая она была раньше, ты это самъ видѣлъ, а теперь Феклиста воды не замутитъ... Работаетъ на весь домъ, ребятъ тебѣ каждый годъ носитъ—какого же тебѣ чорта надо?

— Говорю: низко...

— А дѣти какъ?

— Какъ дѣти? Робенокъ родится, мы его сейчасъ на воспитаніе и отдадимъ...

— А ребенокъ и умретъ?

— Ежели Богъ вѣку не дастъ... Дѣйствительно, помираютъ всѣ

— Помираютъ? И тебѣ не стыдно, Акинфій?

— Да вѣдь не я ихъ морю...

— Ну, перестань дурака валять: понимаешь самъ, что нехорошо дѣлаешь... Феклиста-то, поди, ревмя реветъ...

— Баба, такъ извѣстно реветъ.

— Видишь ли, Акинфій, это свинство... Ребенокъ самъ защититься не можетъ, а вы его съ Феклистой на вѣрную смерть отдаете. Развѣ это хорошо? За беззащитнаго человѣка отвѣтъ еще больше...

— Ахъ, Палъ Степанычъ, Палъ Степанычъ, разѣ я этого не чувствую... Вотъ даже какъ чувствую!.. А только и мы не спроста это дѣло дѣлаемъ: какъ ребенокъ родится, отдадимъ его въ люди и сейчасъ, напримѣрно, мы съ Феклистой шабашъ, ровно сорокъ денъ чаю не пьемъ... Да. Послѣ каждаго ребенка такъ-то...

— И потомъ опять за старое?.. Ахъ, нехорошо, Акинфій... Хуже того, если бы ты вотъ схватилъ сейчасъ ножъ и принялся меня рѣзать: я большой человѣкъ и буду защищаться, а ребенокъ что̀ подѣлаетъ?

— Это ты правильно... охъ-хо-хо!..

— Ну, а грѣшнымъ дѣломъ помрешь, тогда куда твоя-то Феклиста? Выгонятъ ее сыновья изъ дому, и ступай опять на промыслы. Пріятно это тебѣ будетъ, а?

— Вотъ ужъ это самое напрасно ты, Палъ Степанычъ... Ахъ, какъ напрасно!—заговорилъ Акинфій совершенно другимъ тономъ.—Да... Я тоже, поди, духовную написалъ, по всей формѣ. Будетъ Феклиста благодарить...

— Что̀ же ты отказалъ ей по духовной?

— Я-то?—съ гордостью переспросилъ Акинфій. — Я, Палъ Степанычъ, прямо такъ и написалъ въ духовной, что, молъ, послѣ моей смерти выдать Феклистѣ пятьдесятъ цѣлковыхъ. Вѣрно тебѣ говорю... Будетъ, говорю, Феклиста благодарить!

Павелъ Степанычъ расхохотался во все горло.

— Вотъ такъ одолжилъ!.. Ловко... Она у тебя теперь прожила пять лѣтъ, ты ей ни копейки не платилъ за работу, баба весь домъ воротитъ — это, значитъ, по десяти цѣлковыхъ въ годъ приходится. Не продешевилъ, Акинфій... ха-ха!.. Да еще ты проживешь лѣтъ пять,—значитъ, по пяти цѣлковыхъ въ годъ Феклиста тебѣ обойдется, а ребята даромъ.

Акинфій обидѣлся и замолчалъ. Наступила неловкая пауза. Павелъ Степанычъ хотѣлъ сказать еще что-то по его адресу, но на половинѣ фразы заснулъ.

Опять мертвая тишина, прерываемая только пѣніемъ въ глубинѣ земли. Я полежалъ съ полчаса, напрасно стараясь заснуть, а потомъ вышелъ на воздухъ. Слишкомъ много было впечатлѣній за этотъ день, и они никакъ не укладывались. Огонь передъ пасѣкой уже догоралъ, а около него, скорчившись, спали Лебедкинъ и Левонтичъ. Бодрствовалъ одинъ Ефимъ. Я подошелъ и сѣлъ рядомъ съ нимъ. Онъ не шевельнулся, и я въ свою очередь скоро забылъ о его существованіи. Мнѣ казалось, что я ушелъ куда-то въ глубины русской исторіи, той неписанной присяжными учеными исторіи, которая создалась сама собой, какъ большая рѣка изъ маленькихъ ключей. Борьба за существованіе вершилась здѣсь въ самыхъ примитивныхъ формахъ, съ рогатиной въ одной рукѣ и съ ножомъ въ другой, какъ въ доброе пещерное время. Я чувствовалъ въ самомъ себѣ пещернаго человѣка и понималъ его со всѣмъ обиходомъ его пещерныхъ мыслей, чувствъ и желаній. Но и у пещернаго человѣка были свои нравственныя требованія,—онъ не только добывалъ себѣ пищу, укрывался отъ холода и защищалъ свое гнѣздо, но и задавалъ себѣ мудреные вопросы: какъ? почему? Въ пещерной жизни было слишкомъ много неправды и всякаго зла (до Феклисты включительно), полу-

чался страшный разладъ въ душѣ пещернаго человѣка, и онъ уходилъ спасать свою душу опять-таки въ лѣсъ. О, какъ отлично я понималъ вотъ этихъ пустынножителей, которые сами бы даже и не сумѣли разсказать словами своего душевнаго настроенія. Да, зло слишкомъ велико, оно царюетъ въ каждомъ пещерномъ человѣкѣ, и для спасенія необходимы энергичныя средства: золотой средины здѣсь не могло и быть. Пещерный человѣкъ спасалъ свою омраченную душу съ какимъ-то ожесточеніемъ, какъ раньше ходилъ съ рогатиной на медвѣдя. Сѣверный траурный лѣсъ, мертвая зима съ ея вьюгами и сорокаградусными морозами—все точно создано для такого покаяннаго настроенія. Проникнутая мірскимъ звѣрствомъ душа оттаиваетъ и выливается въ этихъ ноющихъ звукахъ скитническаго пѣнія... Вѣдь правда тамъ, наверху, и умиротворенная душа рвется въ таинственную даль съ кровавыми слезами. Вотъ и Ефимъ идетъ по этой дорогѣ и внесетъ съ собой въ упадающее скитничество свою „крѣпость и умственность до безконечности",—отшельничество у него въ выраженіи глазъ, въ улыбкѣ, въ каждомъ движеніи. Онъ здѣсь, на землѣ, только временный гость и, что̀ особенно важно, самъ сознаётъ это.

— Что̀, Ефимъ, много старцевъ спасается въ горахъ?—спросилъ я, нарушая молчаніе.

— Есть... А прежде больше было. Ослабѣлъ народъ...

— Вѣдь нынче даны большія льготы старообрядцамъ, и должно было бы быть наоборотъ.

— Это для пріемлющихъ священство, а не для насъ. У насъ старики правятъ. Между собою раздѣленіе пошло большое: что̀ ни домъ, то и своя вѣра. Бѣсъ проскочилъ промежду боголюбивыми народами. И старики наши ослабѣли: не стало прежняго гоненія, не стало и крѣпости. Послѣднія времена...

VI.

Утромъ всѣ встали рано: нужно было до жары подняться къ горѣ Глухарь, до которой отъ скита считали верстъ пятнадцать. Въ скиту все еще шла служба, такъ что намъ такъ и не удалось проститься съ гостепріимными старцами. Лебедкинъ проспался и былъ мраченъ. Левонтичъ сѣдлалъ лошадей. Старикъ Акинфій, разбитый безсонной ночью, едва бродилъ по полянѣ, разминая ноги. Какъ хорошо это горное утро, свѣжее, бодрящее, ароматное. Все кругомъ точно умылось ночной росой, капли которой сверкали въ травѣ, какъ алмазныя слезы. Мой сѣрый отдохнулъ и нѣсколько разъ во время засѣдлыванія пробовалъ укусить Левонтича.

— Балуй, ежовая голова!.. — съ дѣланой грубостью кричалъ на него Левонтичъ.

Отдохнувшія лошади вообще позволяютъ себѣ нѣкоторое лошадиное кокетство: притворно прижимаютъ уши, притворно стараются укусить, притворно брыкаются. Я увѣренъ, что наши лошади оставляли роскошное пастбище съ искреннимъ душевнымъ прискорбіемъ,—имъ такъ хорошо было здѣсь, даже несмотря на желѣзныя путы. На пасѣкѣ остались Лебедкинъ и Акинфій, а остальные ѣхали на Глухарь. Лебедкинъ тяжело и сокрушенно вздыхалъ, трясъ головой и вообще обнаруживалъ довольно ясные признаки раскаянія.

— Этакихъ-то подлецовъ удавить мало,—ворчалъ онъ въ пространство.— Какъ я теперь къ женѣ покажусь съ этакой, напримѣръ, образиной?..

— Хорошъ!..—коротко замѣтилъ Павелъ Степанычъ, усаживаясь въ сѣдлѣ.

— Бываютъ хуже да рѣдко, родимый мой... А какъ ты полагаешь, Павелъ Степанычъ, что̀ мнѣ дражайшая супруга должна сказать? „Пошелъ вонъ, подлецъ!"—вотъ и весь разговоръ. Значитъ, ежели она мнѣ правильная

жена... А я ей скажу: „Гони ты меня, Дарья, въ шею!“ Вотъ какой у насъ разговоръ... Кругомъ я себя окружилъ качествами, какъ частоколомъ. Просилъ старцевъ отмаливать, такъ говорятъ: твой грѣхъ, ты и отмаливайся...

— Ну, прощай, Акинфій, — сказалъ Павелъ Степанычъ, забирая поводья.—Спасибо на угощеньи.

— Не обезсудьте, родимые...

Нашъ поѣздъ опять вытянулся по тропѣ къ Дикой Каменкѣ. Впереди, раскачиваясь въ сѣдлѣ, ѣхалъ вожъ Ефимъ, замыкалъ цѣпь Левонтичъ. Покрытый росой лугъ такъ и искрился подъ лучами яркаго утренняго солнца. Мокрая трава цѣпко хватала за ноги и оставляла на сапогѣ свои сѣмена. Лошади шли „съ-ходы“, какъ ѣздятъ въ дальнюю дорогу. Вотъ и лугъ кончился. Отъ нашей ночевки остался назади только легкій дымокъ. Скитъ давно уже скрылся изъ глазъ. Впереди густой лѣсъ, темной ратью залегшій по Каменкѣ. Вотъ и болото, и сквозь сѣтку деревьевъ уже блеститъ рѣчное плёсо. Гдѣ-то прокуковала лѣсная сирота-кукушка и смолкла

Черезъ Каменку переправились мы вбродъ, причемъ лошади усиленно фыркали, прядали ушами и обнаруживали всѣ признаки душевнаго волненія. Черная точка отдѣлилась отъ берега и поплыла вверхъ по рѣкѣ. Мнѣ было лѣнь слѣзать съ сѣдла, и Павелъ Степановичъ бросился въ мокрую траву. Остановка. Утренняя дрожь охватываетъ всѣ члены. Даже бурка не спасаетъ отъ горной свѣжести. Громкій выстрѣлъ раскатился по рѣкѣ эхомъ, точно и лѣсъ и рѣка вскрикнули отъ испуга. Изъ травы показалась голова Павла Степаныча и опять скрылась: утка, видимо, только ранена. Минута томительнаго ожиданія, и новый выстрѣлъ. Левонтичъ бѣжитъ по берегу и машетъ руками. Раненая утка волочитъ крыло по водѣ и быстро скрывается въ осокѣ.

— Теперь шабашъ,—замѣчаетъ Ефимъ, удерживая насторожившихся лошадей въ поводьяхъ.—Подранокъ уйдетъ... Безъ собаки ничего не подѣлаешь: хоть наступи на нее.

Онъ говорилъ объ уткѣ-подранкѣ безъ всякаго сожалѣнія, какъ охотникъ, и мнѣ кажется, что сегодня ночью я видѣлъ другого Ефима. Теперь его захватила грубая зоологическая правда, и даже это удивительное лицо потеряло свой внутренній свѣтъ...

Утка-подранокъ такъ и скрылась, а мы поѣхали дальше. Тропинка начала забирать въ гору и быстро скрылась въ настоящемъ дремучемъ ельникѣ, гдѣ въ самыя большія лѣтнія жары сохраняется обильная влага, а наша тропинка, видимо, никогда не просыхала. Лошади начали вязнуть въ грязи, и приходилось лавировать между деревьями. Камни, валежникъ, грязь по колѣно,—а деревья точно все тѣснѣе и тѣснѣе сдвигаются, загораживая дорогу. Ѣдешь, и вдругъ точно живая рука протягивается и срываетъ шапку съ головы. Слѣдовавшій за мной Левонтичъ каждый разъ поднималъ ее съ земли, свѣшиваясь съ сѣдла, какъ настоящій джигитъ. Въ одномъ мѣстѣ, когда мой сѣрый съ отчаяннымъ усиліемъ рванулся изъ трясины, та же деревянная рука схватилась за мое ружье и потащила съ сѣдла, — я удержался въ сѣдлѣ, но новенькій кожаный погонъ лопнулъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ путь дѣлался труднѣе. Всѣ ѣхали молча, предоставивъ все умѣнью привычныхъ лошадей, а этому горному болоту не было конца-краю. Поѣздъ растянулся; маленькая фигура Ефима мелькала далеко впереди.

— А чтобъ ему пусто было, этому болоту! — ругался Павелъ Степанычъ, хватаясь руками за лошадиную гриву.—И откуда здѣсь болоту взяться.

— Въ раменьѣ завсегда такъ,—объяснялъ Левонтичъ.—Болота нѣтъ, а солнышко не хватаетъ...

— Скоро выберемся изъ лѣсу?

— Версты съ три еще будетъ...

— Три версты?! А чтобъ ему пусто было... Пьяному чорту здѣсь только ѣздить.

И достались намъ эти три версты... Измотавшіяся лошади дымились отъ пота. А вожъ Ефимъ все ѣдетъ впередъ, плавно раскачиваясь въ своемъ высокомъ пастушьемъ сѣдлѣ. Если бы не проклятая грязь, можно было бы полюбоваться дремучимъ лѣсомъ. Ели такъ и несутся въ небо своими стрѣлками-вершинами... Какая строгая сѣверная красота въ этомъ деревѣ! Что-то такое родное и близкое во всемъ пейзажѣ, что̀ трудно поддается опредѣленію. Желтый мохъ расцвѣченъ колеблющимися золотыми пятнами; кой-гдѣ топорщится блѣдно-зеленая травка: а вотъ и безыменные желтые цвѣтики — они напоминаютъ здѣсь заблудившихся въ лѣсу дѣтей... Хорошо въ этомъ дремучемъ лѣсу, если бы не проклятая дорога.

— Кто по ней ѣздитъ?—спрашиваю я Левонтича.

— Да кому ѣздить... Лѣсообъѣздчики ѣздятъ, ну, еще такъ кто, а больше никого. Вотъ къ Петрову дню по ней на могилу отца Павла народъ идетъ...

— И много?

— Близко тысячи будетъ... Со всѣхъ сторонъ народъ бредетъ.

Впереди что-то засвѣтлѣло, и лѣсъ точно разступился. Это рѣчка, и опять она, Дикая Каменка. Ефимъ остановился на самомъ берегу и поджидаетъ насъ.

— Палъ Степанычъ, надо здѣсь уху добывать — кричитъ онъ, поднимаясь въ сѣдлѣ.

— Чѣмъ?—спрашиваетъ Павелъ Степанычъ.

— А ужъ чѣмъ Богъ пошлетъ. Руки-то съ собой...

— Харюзовъ ужо наловимъ,—объясняетъ Левонтичъ.—Должны быть...

— Да чѣмъ ихъ будемъ ловить-то?—повторяю я вопросъ.

— Да ужъ Ефимъ знаетъ... Онъ спроста не скажетъ, не таковскій человѣкъ. Голыми руками возьметъ... Право! Опуститъ палецъ въ воду, харюзъ подбѣжитъ, а онъ его и сцапаетъ. Ого, вонъ и жаркое посвистываетъ...

Левонтичъ весь насторожился, какъ охотничья собака: въ лѣсу раздался слабый свистъ рябчика. Мы спѣшились. Вожъ Ефимъ пошелъ вверхъ по Каменкѣ, которая здѣсь была курамъ по колѣно. Въ одномъ мѣстѣ, ниже отъ дороги, образовался омутокъ саженъ въ десять. Ефимъ остановился и поднялъ руку: харюзъ здѣсь. Началась оригинальная ловля бойкой горной форели, ходившей въ омутѣ однимъ руномъ. Сначала Ефимъ сдѣлалъ на палкѣ петлю изъ конскаго волоса и вытащилъ одного харюза, но это было долго ждать.

— Ну-ка, Левонтичъ, давай азямъ, — скомандовалъ онъ. — Завязывай рукава, вотъ тебѣ и бредень.

Татарскій азямъ сослужилъ службу въ лучшемъ видѣ. Ефимъ и Левонтичъ смочили его и пошли въ забродъ. Первая попытка дала всего нѣсколько рыбокъ, потому что вода была свѣтлая и рыба ускользала вразсыпную. Ефимъ размутилъ воду, и слѣдующіе заброды давали по десятку. Левонтичъ торжествовалъ отъ ловкой выдумки и все посвистывалъ, подманивая рябчиковъ. Черезъ полчаса у насъ было уже тридцать семь штукъ харюзовъ — самая лучшая уха. Харюзъ до того нѣженъ, что не выноситъ никакой перевозки и употребляется только на мѣстѣ ловли. Чтобы перевезти его на разстояніе какихъ-нибудь десяти верстъ, его нужно выпотрошить и переложить свѣжей травой.

Когда рыбная ловля кончилась, ставился военный совѣтъ, гдѣ варить уху—здѣсь на берегу, или на Глухарѣ? Большинство голосовъ было за послѣднее.

— Версты съ четыре будетъ, не больше, — объяснялъ Ефимъ, вглядываясь въ синѣвшую впереди гору.—Тамъ и ключикъ есть.

Мы съ Левонтичемъ отправились за рябчиками и въ какихъ-нибудь четверть часа убили четыре штуки. Горный уральскій рябчикъ стоитъ горной форели—нѣжный, бѣлый, съ спеціальнымъ горькимъ букетомъ.

Живые харюзы переложены были свѣжей травой, завернуты въ мокрый азямъ и въ такомъ видѣ поступили въ дорожныя „пайвы“ *), привязанныя къ сѣдлу Ефима. Теперь намъ предстоялъ подъемъ въ гору. Отъ Каменки съ полверсты шла мелкая заросль, по мѣстному „чепыжникъ“, а за ней опять густой лѣсъ. Я былъ радъ, что проклятая грязь наконецъ осталась далеко позади. И лѣсъ здѣсь казался веселѣе, благодаря соснамъ и березамъ—смѣшанный лѣсъ всегда кажется красивѣе. Но давешняя грязь смѣнилась новымъ неудобствомъ: лошадямъ приходилось иногда лѣпиться по сплошному камню. Того и гляди, что она или ногу сломаетъ, или полетитъ кубаремъ вмѣстѣ съ сѣдокомъ. Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ больше намъ попадалось такихъ камней. Мягкая тропинка составляла лишь отдѣльныя „прогалызины“. Въ одномъ такомъ мѣстѣ вожъ Ефимъ остановился и показалъ глазами на тропу.

— Съ часъ мѣста какъ прошелъ,—объяснилъ онъ.

На мягкомъ грунтѣ рельефно отпечатались широкія медвѣжьи лапы.

— Тоже не любитъ, подлецъ, въ шубѣ-то своей по мокрой травѣ ходить,—объяснилъ Левонтичъ. — Лѣзетъ въ гору по тропѣ... Ужъ только и смышлястый звѣрь!

Медвѣжьи слѣды тянулись на разстояніи цѣлой версты, а потомъ исчезли, потому что начались опять камни. Лошади карабкались по нимъ какъ козы. Попадались такія кручи, что мой сѣрый на нѣсколько мгновеній останавливался въ раздумьѣ: итти или не итти. Но лошадь Ефима шла впередъ ровнымъ шагомъ, какъ хорошая заведенная машина, и сѣрый, вѣроятно, устыдившись собственнаго малодушія, принимался карабкаться по камнямъ съ ожесточенной энергіей.

Гора Глухарь одна изъ высокихъ точекъ средняго Урала, что-то около двухъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ океана. Она затерялась въ глуши, такъ что бываютъ на ней одни охотники. Издали она даже и не кажется высокой, и только подъемъ на нее можетъ служить убѣдительной мѣрой настоящей ея высоты. Какъ большинство уральскихъ горъ, Глухарь заканчивается довольно высокимъ каменнымъ гребнемъ, шиханомъ. Мы сдѣлали привалъ подъ самымъ шиханомъ, гдѣ оказался и медовый ключикъ. Станъ былъ разбитъ въ нѣсколько минутъ, и сейчасъ же затрещалъ веселый огонекъ. Ефимъ принялся за чистку рыбы, Левонтичъ кипятилъ въ походномъ котелкѣ воду. Мы съ Павломъ Степанычемъ отдыхали послѣ труднаго подъема, растянувшись на буркѣ. Утреннее солнце смотрѣло во всѣ глаза, и наливавшійся въ воздухѣ лѣтній зной не чувствовался только потому, что на такой высотѣ всегда дуетъ вѣтеръ.

Уха изъ харюзовъ была уничтожена съ приличной торжественностью, а затѣмъ оставалось залѣзть на самый шиханъ, высившійся саженъ на тридцать. Лѣтъ двадцать тому назадъ я бывалъ на Глухарѣ, и мнѣ захотѣлось провѣрить сохранившееся въ памяти представленіе. Съ Глухаря открывался видъ на зеленую горную пустыню верстъ на сорокъ въ любой конецъ. Взби-

*) Пайвы—дорожныя переметныя сумы, плетеныя изъ бересты.

раться на шиханъ приходилось по кучѣ камней, образовавшихъ такъ называемую розсыпь. Издали эти камни казались не больше тѣхъ, какими мостятъ улицы, а вблизи они превращались въ настоящія глыбы, такъ что приходилось карабкаться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при помощи рукъ. Подъемъ облегчался много тѣмъ, что всѣ камни обросли лишайниками и нога не скользила. Каждая такая розсыпь — результатъ тысячелѣтняго разрушенія гребневыхъ скалъ. Павлу Степанычу, при его массивности, подниматься было особенно трудно, и онъ нѣсколько разъ принимался отдыхать.

Видъ съ вершины шихана открывался такой, что даже духъ захватывало. Налѣво глубоко запала Дикая Каменка, и я едва нашелъ мѣсто, гдѣ стоялъ скитъ, т.-е. нашелъ приблизительно. Кругомъ широкими валами расходились горы: Вострякъ, два Шайтана, Шелковая, Веселыя Горы, Глухарь служили пунктомъ водораздѣла; Дикая Каменка несла свою воду въ камско-волжскій бассейнъ, а спускавшаяся съ другого бока горы рѣка Волчиха принадлежала уже обскому. Замѣчательно было то, что въ полѣ зрѣнія, захватывавшемъ около пятидесяти верстъ, не было ни одного жилого пункта,—это была спеціально-уральская пустыня, охраняемая посессіоннымъ правомъ. Не будь это заколдованная заводская дача, здѣсь красовались бы десятки деревень, селъ и разныхъ лѣсныхъ „половинокъ", какъ на Уралѣ называютъ починки. За двадцать лѣтъ моего отсутствія эта пустыня не измѣнилась ни на волосъ, да, вѣроятно, останется такой и еще на двѣсти лѣтъ. Правда, старые заводскіе курени успѣли зарасти, и я напрасно искалъ ихъ глазами, но на ихъ мѣсто выступали ярко-зелеными заплатами новые.

— А это что̀ тамъ такое, на востокѣ? — спросилъ я, вглядываясь въ вытянувшуюся среди лѣсовъ желтую ниточку верстъ за двадцать отъ насъ.— Пріискъ не пріискъ, а что-то новое...

Павелъ Степанычъ съ трудомъ дышалъ отъ подъема и, сколько ни смотрѣлъ на востокъ, ничего не могъ сказать.

На пріискъ какъ будто не похоже, да и нѣтъ въ той сторонѣ пріисковъ; а впрочемъ, можетъ-быть, и пріискъ. Только очень ужъ правильная желтая ниточка, точно ножомъ отрѣзана... Нѣтъ, какой тамъ пріискъ.

Насъ вывелъ изъ недоумѣнія поднявшійся на шиханъ Ефимъ.

— А желѣзная дорога...—спокойно объяснилъ онъ.—Она вонъ тамъ, по загорамъ прошла.

— Это вѣрно: машина,—подтвердилъ Левонтичъ, вылѣзая изъ-за камня.

Солнце стояло уже почти надъ самой головой, и даже здѣсь, на вершинѣ горы, чувствовался зной. Небо было совершенно чисто, и только съ полуденной стороны, надвигаясь, круглилась темная грозовая тучка. Горная панорама теперь открывалась во всей своей красотѣ и очерчивалась по горизонту туманной дымкой, точно была вставлена въ раму.

— А куда ходятъ на могилку отца Павла?—спросилъ Павелъ Степанычъ.

— Эвонъ Рябиновая гора вытянулась на полдень, такъ сейчасъ за ней,— коротко отвѣтилъ Ефимъ, указывая гору.—Тамъ и могилка...

— Нынче надъ ней крышу поставили,—объяснилъ Левонтичъ.—Прежде-то не дозволяло начальство...

— Отецъ Павелъ у васъ святымъ считается, Ефимъ?

— Угодникъ Божій...

— Откуда же онъ попалъ сюда?

— А неизвѣстно, Палъ Степанычъ... Сказываютъ, что изъ солдатъ. Въ лѣсу проживалъ много лѣтъ... Зиму и лѣто ходилъ босой. Къ живому еще къ нему народъ ходилъ, ежели онъ дозволялъ...

— А какъ же онъ могъ не позволить?

— Да ужъ такъ... Разъ къ нему Зотовъ заводчикъ собрался. Онъ, Зотовъ-то, нашего древляго благочестія былъ и хотѣлъ отца Павла видѣть. Только выѣхалъ онъ не одинъ, а съ гостями, и всѣ пьяные были... Ну, отецъ Павелъ и не допустилъ: три дня плутали вокругъ Рябиновой, а отца Павла такъ и не нашли. Глаза всѣмъ отвелъ... Будущее предсказывалъ, ежели кто съ молитвой да со смиреніемъ приходилъ.

— Что̀ тутъ подъ Петровъ день дѣлается!—разсказывалъ Левонтичъ.— Народищу тысячъ до трехъ собирается. Изъ Москвы пріѣзжаютъ... Каждое согласіе отдѣльно, и у каждаго согласія своя служба. Вездѣ налои, свѣчи, кадятъ, поютъ... А за главной службой кликушки учнутъ выкликать: одна страсть!

— Какъ узнали, что отецъ Павелъ угодникъ? — спросилъ Павелъ Степанычъ.

— Видѣніе было одному человѣку,—коротко объяснилъ Ефимъ.—Бродяги убили отца-то Павла да и сволокли его въ болото... Ну, пропалъ онъ безъ вѣсти, и только. Года съ три этакъ время прошло, а потомъ и было видѣніе. Пошли его искать и нашли въ болотѣ, а потомъ подъ Рябиновой горой и схоронили. Я такъ полагаю,—прибавилъ Ефимъ уже другимъ тономъ,—отнимутъ его у насъ православные... Выстроятъ часовню надъ могилой, и все тутъ. И теперь ужъ много православныхъ ходитъ на могилку-то...

Спускаясь съ Глухаря, я прощался съ медвѣжьимъ угломъ навсегда: больше не приведется быть здѣсь...

1891.

Оглавленіе

VI тома.

	стр.
Весенніе грозы. Романъ	3
Безъ названія. Романъ	185

Встрѣчи.

Правильныя слова. Изъ путевыхъ эскизовъ	370
На большой дорогѣ. Очеркъ	376
На заимкѣ. Разсказъ	392
Кладъ Кучума. Изъ степныхъ встрѣчъ	404
Медвѣжій уголъ. Очеркъ	421

494381

LR
M2655B

Mamin, Dmitry Narkisovich
Полное собраніе сочиненій ... [П.В.Быков].
v.6. [Translit: Polnoe sobranie sochineny ...
~~[P.V.Bukov]]~~

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED